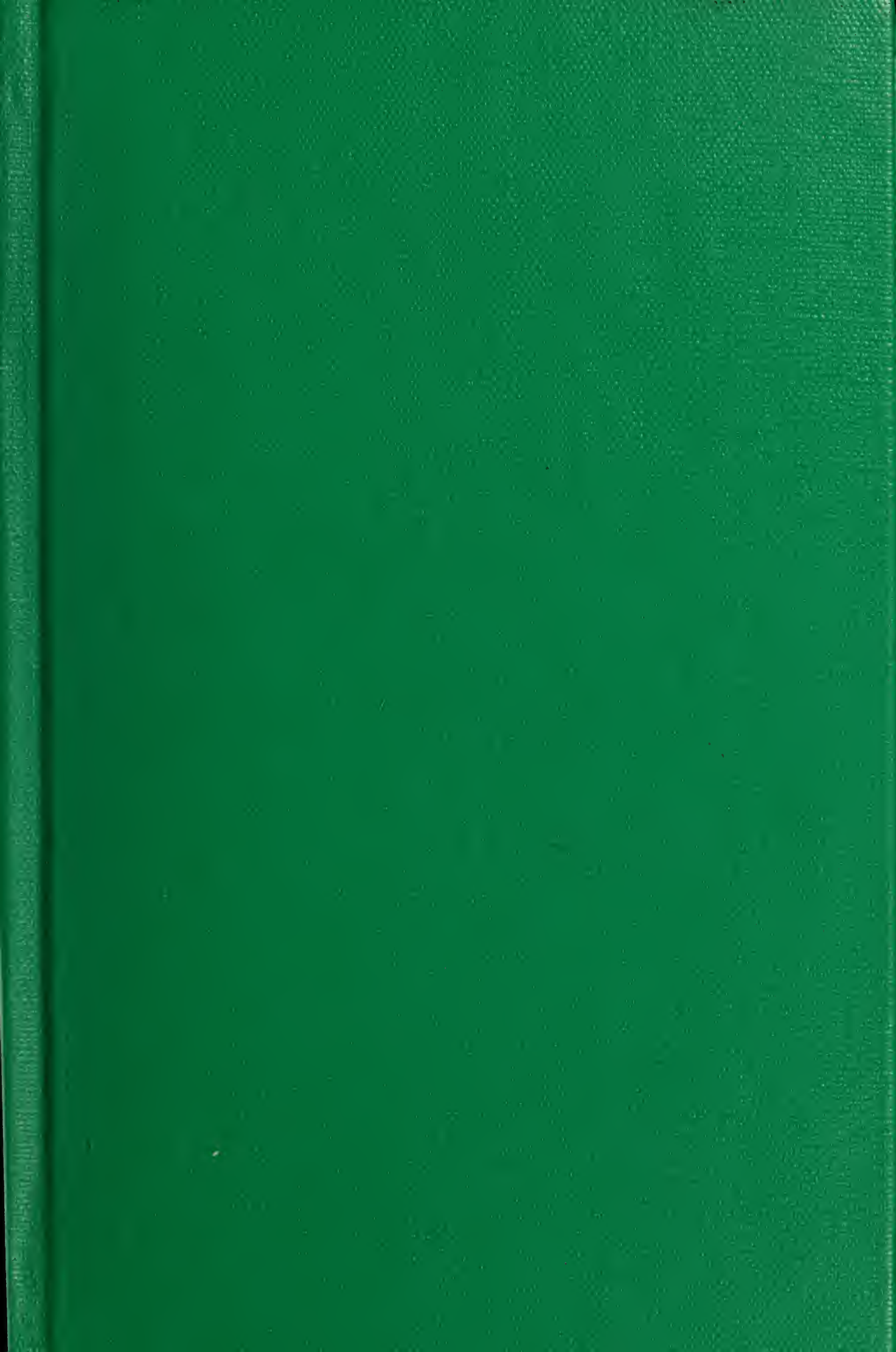

I.B.

The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
Toronto, Ontario

22

Съчинения
на
М. С. Дринова

издава

Българското Книжовно Дружество въ София

подъ редакцията на

Профес. В. Н. Златарски

Томъ I.

Трудове по Българска и Славянска история

София
Държавна Печатница

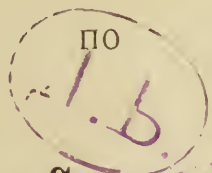
1909

Даръ станишката на моя възраст
приселби пришесть - Бгд М. Дринова

Трудове
на миломо си вѣтъ Крумога в паметъ
на прѣмънаванешоу в III-ти прогнани

М. С. Дринова

жакети част. Машко му
Свищов 1918
1 Юни.

Дриновъ

Българска и Славянска история

г. 8. Дриновъ

Свищов
1918 авг. 25.

ДРИНОВЪ М. С.

А. Д. СВИЩОВЪ

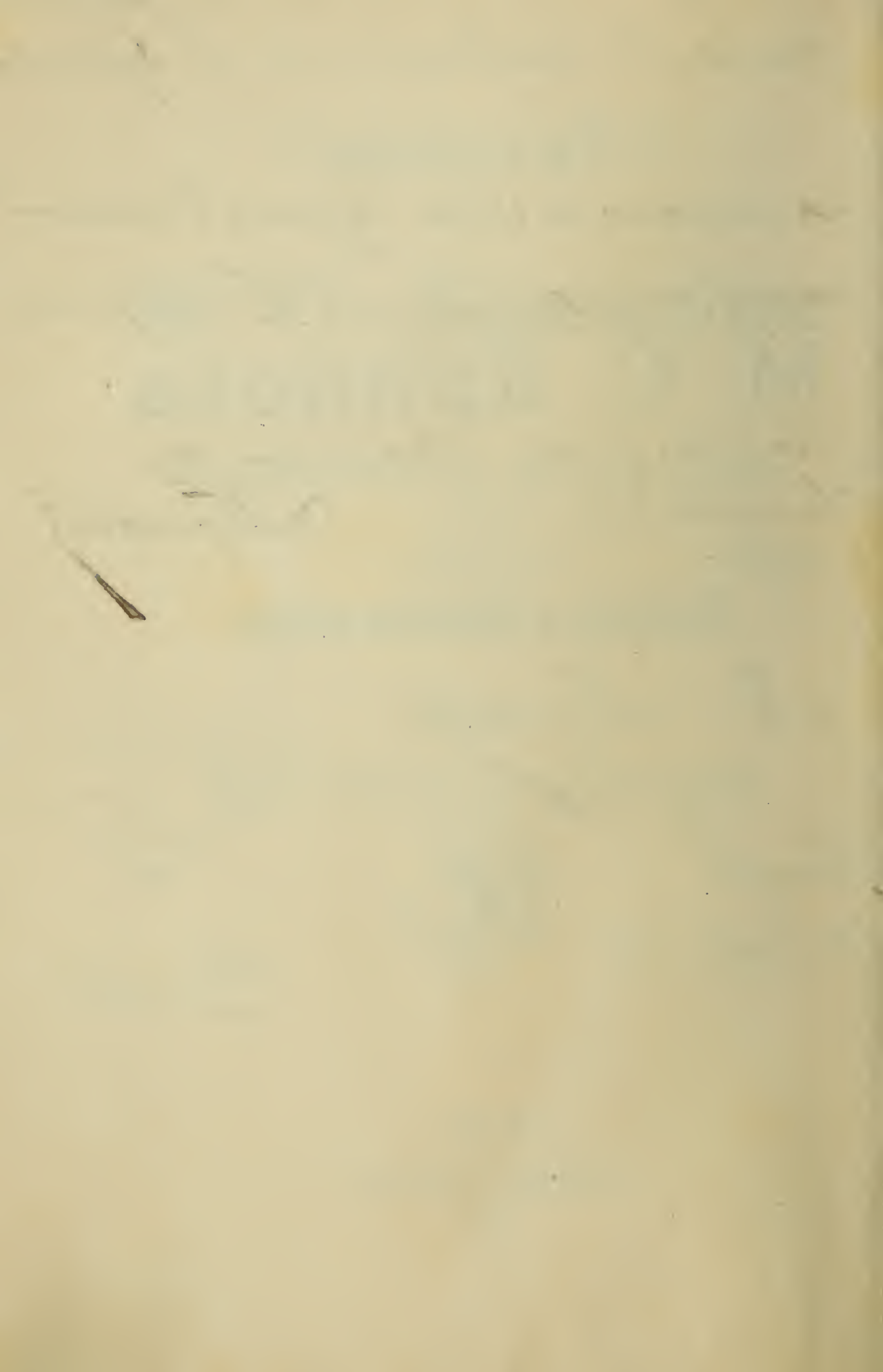
СВИЩОВЪ

Дриновъ

София

Държавна Печатница

1909

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

Handwritten signature or mark

Mr. Lyman

Българското Книжовно Дружество, считайки за свой свещенъ дългъ да почете паметъта на своя основателенъ членъ и пръвъ дългогодишенъ прѣдсѣдатель, покойния професоръ **Маринъ С. Дриновъ**, името и дѣйността на когото сж тѣй тѣсно свързани съ живота и развитието на самото Дружество, въ общото си редовно събрание отъ 13. януарий 1908 г. рѣши да се събератъ и издадатъ въ отдѣлни книги всички трудове на покойния професоръ, като се въодушевяваше при това и отъ мисълта, че съ това прѣдприятие ще окаже не малка услуга на науката, защото едни отъ тия трудове сж вече голѣма библиографична рѣдкостъ, а други сж прѣснати по разни мѣчно достъпни български и чужди списания.

Управителниятъ съвѣтъ на Дружеството, комуто бѣ възложено изпълнението на горното рѣшение, слѣдъ като изслуша мнѣнието на Историко-филологическия клонъ по въпроса, прие слѣдния планъ на изданието, изработенъ и прѣдставенъ отъ клона:

1. Съчиненията на М. С. Дринова да се издадатъ въ три тома съ слѣдното разпрѣдѣление на материала: т. I. ще съдържа трудове и статии по Българска и Славянска история; т. II. ще състои отъ два отдѣла: трудове 1. по Българска църковна история и 2. по езикознание, литературна история, етнография и народни умотворения, и т. III. ще има три отдѣла: 1. Публицистични статии, 2. Критики и рецензии и 3. Споменици. Изказа се желание да се прѣдвиди въ III. томъ, който по обемъ ще бѣде по-малкъ отъ

другитѣ два, и четвърти отдѣлъ, въ който да се помѣстятъ прѣписката и неиздаденитѣ трудове (ако такива се окажатъ) на М. С. Дринова, въ случай че сѣмейството на покойния професоръ се съгласи да ги отстъпи на Дружеството. Къмъ първия томъ да се приложи портретътъ на автора.

2. Въ всѣки томъ и въ всѣки отдѣлъ да се запази хронологическиятъ редъ на трудоветѣ.

3. Понеже покойниятъ професоръ е писалъ своитѣ трудове повечето на български и руски езикъ, то изданието да стане на тия два езика; всички статии, критики и рецензии, обнародвани на другъ езикъ, да се прѣведатъ на български.

4. Изданието да носи стереотипенъ характеръ: нищо да се не измѣнява както въ външния видъ на статиитѣ, тъй и въ езика и правописа, особено въ статиитѣ, писани на български, тъй като въ тѣхъ лесно ще може да се прослѣди, какъ се е измѣнявалъ българскиятъ правописъ у М. Дринова, който не малко влияние е оказалъ върху неговото развитие.

5. Да се състави и приложи показалецъ на собственитѣ имена при всѣки томъ.

Съгласно съ тукъ изложения планъ е направено изданието на настоящия първи томъ. Но при всичкото си желание да се придържа строго о тоя планъ, редакцията се видѣ принудена да направи нѣкои незначителни измѣнения. Така, въ разпрѣдѣлението на материала, който се отнася къмъ първия томъ, намѣри се за по-добрѣ, по чисто външни съображения, да се събератъ дребнитѣ статии въ особенъ отдѣлъ подъ надсловъ «Реферати и дребни статии». — Въ самия текстъ сж допуснати само такива измѣнения, които или прѣдставятъ поправки на очевидни печатни грѣшки и на случайни недогледи, или сж прѣдизвикани отъ

свѣрвяване на нѣкои цитати съ по-нови издания на текстоветѣ, или пъкъ, най-сетнѣ, сж направени за еднообразие въ правописа и въ нѣкои външни форми, и то само за отдѣлни статии. Това послѣдното обаче не е прокарано само въ статията «Началото на Самуиловата държава» (стр. 317—364), първата половина (гл. I и II) на която е написана съ единъ правописъ, а втората (гл. III и IV) — съ другъ. Причината на това разнообразие въ правописа на една и сжща статия може да се обясни двояко: понеже тая статия е била напечатана въ двѣ (двойни) книги на браилското «Периодическо Списание» (IX—X (1875) и XI—XII (1876), които сж отдѣлени една отъ друга съ цѣла една година, то 1. или прѣзъ това врѣме се е породила у самата редакция на «П. С.» мисль да промѣни правописа, или пъкъ 2. редакцията по свои съображения е измѣнила правописа въ първата половина на статията, що е обърнало вниманието на М. Дринова, който при печатането на втората половина не е допусналъ да стане подобно измѣнение. Прѣдъ видъ на тия възможни прѣдположения, които не позволяватъ да се разрѣши въпросътъ положително въ единъ или другъ смисль, и за да се избѣгнатъ нѣкои мжнотии и нежелателни грѣшки, намѣри се за по-удобно да се прѣиздаде статията тѣй, както тя е напечатана въ първото издание.

Освѣнъ това въ края на настоящия томъ I. сж притурени «Допълнения къмъ ст. «Погледъ врѣхъ происхожданъето на блъгарскій народъ и начало-то на блъгарска-та исторія». Тия «допълнения» сж направени отъ ржката на М. С. Дринова въ единъ неговъ собственъ екземпляръ, който се намѣри между книгитѣ на библиотеката му, станала вече достояние на «Народната Библиотека» въ Софѣя, и отъ който

VIII

тѣ се заимствувани и тукъ напечатани съ надлежнитѣ сочки.

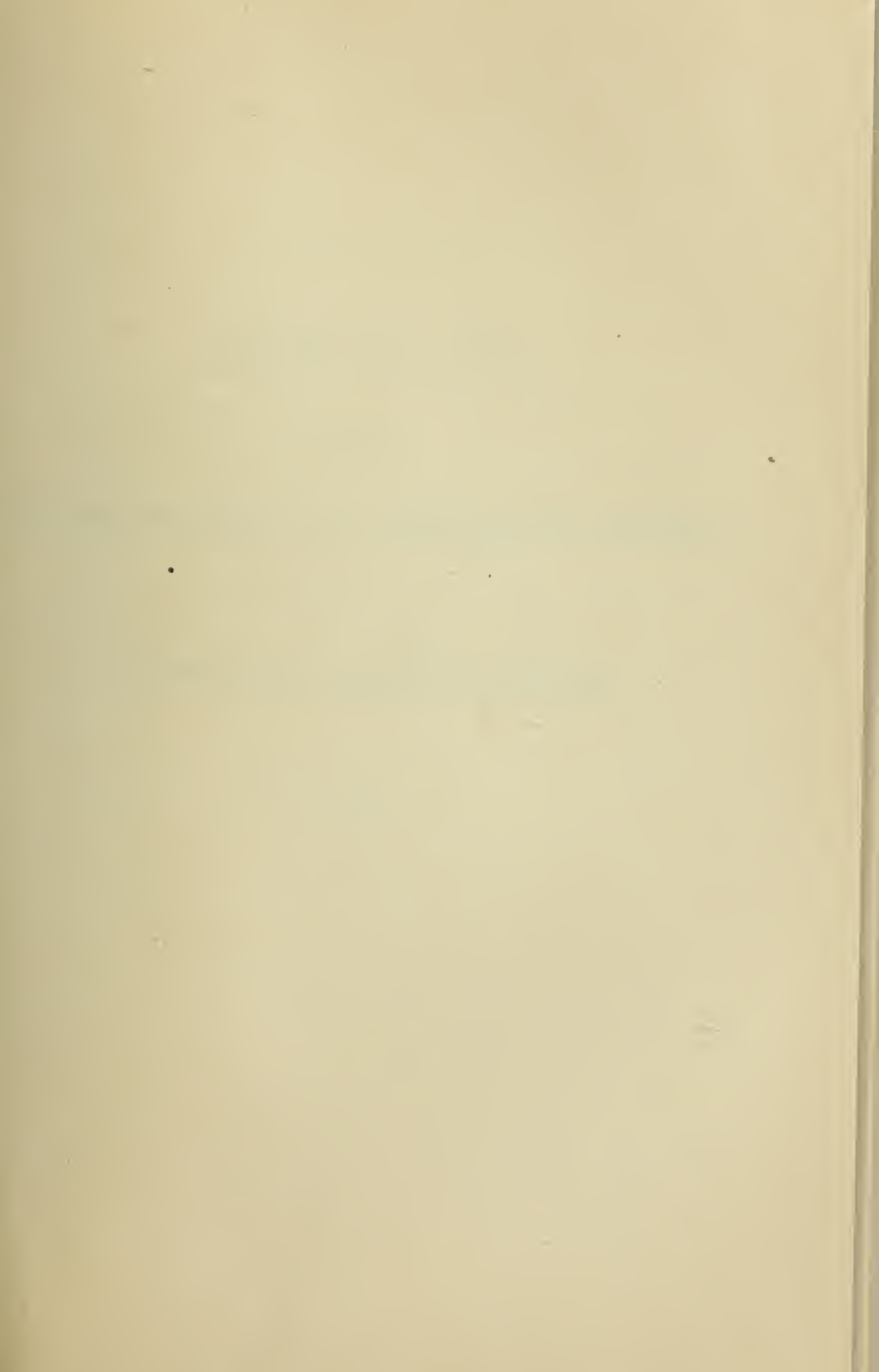
Най-сетнѣ считаме за нужно тукъ да се отбѣлѣжи, че сѣмейството на покойния професоръ имѣ любезността и щедростъта да подари на българския народъ заедно съ библиотеката и всичкитѣ му книжа и прѣписка, което, разбира се, сега значително улеснява изпълнението на изказаното по-горѣ (въ пунктъ I. отъ плана на изданието) желание — да се помѣстятъ въ четвъртия отдѣлъ на III. томъ прѣписката и не издаденитѣ трудове на М. С. Дринова.

Съдържание.

Страница

1. Погледъ върхъ произхожданье-то на блъгарскій народъ и начало-то на блъгарска-та исторія 1— 69
 Къмъ читатели-тѣ, стр. 5. — I. Древни-тѣ жители на Балканскій полуостровъ; тѣхно-то постъпенно омалаяване; опустяването на Балканскій полуостровъ въ 5-тиѣ вѣкъ слѣдъ Р. Хр., стр. 7. — II. Заселването на Балканскій полуостровъ съ нови жители, Славене; Географически прегледъ на тѣхно-то тамъ размѣстванье въ 6-тиѣ и 7-миѣ вѣкъ слѣдъ Р. Хр., стр. 16. — III. Дохождане-то на Аспарухова-та дружина на Балканскій полуостровъ, основаніе-то на Българско-то царство; начало-то на сегашниѣ Български народъ. Погръчване-то на нѣколко Славенски племена; произхожданье-то на сегашни-тѣ гръци, стр. 31.—IV. Още нѣколко доказателства, които потвърдяватъ вышензложено-то мнѣніе за произхождане-то на нашиѣ народъ, стр. 44. — V. Краткъ прегледъ на нѣколко теоріи за произхождане-то на нашиѣ народъ, стр. 57.
2. Нови паметници за исторіята на Българетѣ и на тѣхнитѣ съсѣди 71—112
3. Отецъ Паисій, неговото вѣме, неговата исторія и ученицитѣ му 113—137
4. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами 139—316
 I. Очеркъ древнѣйшей этнографіи полуострова. Были ли тамъ Славяне до Р. Хр.? стр. 143. — II. Время появленія Славянъ, стр. 183. — Славяне и Восточная Римская Имперія съ половины IV до половины VII вѣка, стр. 227. — IV. Славянскія поселенія на полуостровѣ въ половинѣ VII-го вѣка. Выводы и ихъ потвържденіе, стр. 273.
5. Началото на Самуиловата държава 317—364
 Прѣдговоръ, стр. 319. — I. Раздѣленье на Българското царство въ царуването на царъ Петра, стр. 321. — II. Русско-византийската война въ България, стр. 329. — III. Русско-византийската война и нейни-тѣ сѣтнини сѣ закачили токо источни-тѣ български области, стр. 345. — IV. Българо-византийската война отъ 976 г. до 981. Какъ трѣбва да се гледа на тая война? Нѣколко блѣжки за състоянието на западното Българско царство до въцаряването на Самуила, стр. 357.

6. Южные Славяне и Византия въ X вѣкѣ 365—520
 Предисловіе, стр. 367. — I. Болгарія въ первой четверти X вѣка, стр. 371. — II. Взглядъ на древнѣйшую исторію Хорватовъ, Сербовъ и Южно-Далматинскихъ Славянъ; ихъ положеніе въ первой четверти X-го вѣка, стр. 404. — III. Царствованіе Петра Симеоновича. Богомилы. Государственное устройство. Раздѣленіе Болгарскаго царства, стр. 431. — IV. Русско-Византийская война въ Болгаріи. Начало Самуиловой державы, стр. 460. — V. Хорваты, Сербы и Южно-Далматинскіе Славяне въ послѣднихъ трехъ четвертяхъ X-го вѣка, стр. 489.
7. Историческо освѣтленіе върхъ статистиката на народноститѣ въ источната часть на Българското княжество 521—548
8. Още нѣколко бѣлѣжки за Паисия и за неговата история . . . 549—562
9. Имали ли сѣ сърбитѣ нѣкои колонии и нѣкоя трайна власть въ Македония прѣди XIII. вѣкѣ? Какъ сѣ наричали Славянитѣ, които населявали Македония прѣди тая епоха 563—579
10. О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ 581—629
 I. Начало архіепископствованія Димитрія Хоматіана; время написанія его писемъ къ севасту Григорію Камонѣ, севасту Іоанну Плиту, епископу Крои и къ сербскому Великому жупану. Значеніе этихъ писемъ для исторіи Сербіи, Эпира и средней Албаніи, стр. 583. — II. Послѣдніе годы архіепископствованія Димитрія Хоматіана, его письмо къ Мануилу Комнину Дукѣ, синодальное рѣшеніе по дѣлу солунскихъ архонтовъ, трактатъ по наслѣдственному праву. Оправдательное слово Сервійскаго епископа къ патріарху Герману. Новыя данныя для исторіи политическаго и церковнаго разрыва между Никейской имперіей и Эпирско-Солунскимъ государствомъ. Время уничтоженія Латинскаго королевства. Споръ двухъ солунскихъ гражданокъ о виноградникѣ въ „Оградахъ“ и пр., стр. 606.
11. Реферати и дребни статьи 631—644
 I. Новъ пометникъ за Българската история, стр. 633. — II. По въпроса за названіето на Пловдивъ, стр. 639. — III. По що и отъ кога сегашната Българска столица е наречена София, стр. 642.
12. Дополненія къмъ ст. „Погледъ върхъ происхожденіе-то на блъгарскій народъ и начало-то на блъгарска-та исторія“—645—663
 Показалець на собственитѣ имена 665—685

ПОГЛЕДЪ

ВРЪХЪ

ПРОИЗХОЖДЕНИЕ-ТО НА БЛЪГАРСКИЙ НАРОДЪ

И

НАЧАЛО-ТО НА БЛЪГАРСКА-ТА ИСТОРИЯ

Съдръжаніе.

	Стр.
Къмъ читатели-тѣ	5
I. Древни-тѣ жители на Балканскій полуостровъ; тѣхно-то постъпенно омалѣванье; опустѣванье-то на Балканскій полуостровъ въ 5-тій вѣкъ слѣдъ Р. Хр.	7
II. Заселванье-то на Балканскій полуостровъ съ нови жители, Славене; Географически прегледъ на тѣхно-то тамъ размѣстванье въ 6-тій и 7-мій вѣкъ слѣдъ Р. Хр.	16
III. Дохожданье-то на Аспарухова-та дружина на Балканскій полуостровъ, основаніе-то на Българско-то царство; начало-то на сегашній Блъ- гарски народъ. Погръчванье-то на нѣколко Славенски племена; происхожданье-то на сегашни-тѣ гръци. —	31
IV. Още нѣколко доказателства, кои-то потвърдявжтъ вышензложено-то мнѣніе за происхожданье-то на нашій народъ	44
V. Краткъ прегледъ на нѣколко теоріи за происхожданье-то на нашій народъ. —	57

Всяки народъ почита своя-та старина и ревностно ѝ изучва, като едно отъ найъ свещенни-тѣ си народни достоянія. Освѣтъ това любознаніе, което е вродено на всички-тѣ малко или много просвѣтени народи и което заема пръво мѣсто между любознателни-тѣ стрѣмленія на чловѣческій духъ, ние Българе-тѣ сега имаме и други побудителни причини да изучваме и издирваме исторія-та си. — Позволявамъ си да споменѣ само слѣдующи-тѣ двѣ отъ тѣхъ. —

1. Принжденъ да живѣе нѣколко вѣкове въ духовно рабство, наший народъ прѣзъ тѣзи чърни вѣкове не само не можѣ да врьви напредъ по пъть-тъ на просвѣщеніе-то, по той трѣбаше да загуби и това драгоцѣнно наслѣдіе, което му бѣхъ събрали по този пъть негови-тѣ предци. Тази загуба не стигаше: прѣзъ тѣзи тежки вѣкове Българскій народъ трѣбаше още и да забрави, че е ималъ такива предци, и когато въ наший вѣкъ захвана да се вдига отъ-предъ очи-тѣ му гжста-та мъгла на глѣбоко-то невѣжество, той се видѣ като отрѣзанъ отъ свѣтъ-тъ, като нещастна сирота между други-тѣ народи, безъ минѣло, безъ исторія, безъ предци. И едно недостойно чувство трѣбаше слѣдъ това да обнеме душа-та на Българинъ-тъ, чувство, на което име-то е самоуничиженіе, и което твърдѣ пречи на Българско-то самостоятелно народно развиванье. Отъ това недостойно и зловредно за народность-та ни чувство ние лесно щемъ можемъ да се избавимъ чрезъ изучаванье-то на народность-та си въобще, а особно на исторія-та си.

2. Мѣдро-то правителство на просвѣтенній ни сегашенъ царъ не само че скжса всички-тѣ мръжи, които затуляхъ отъ народъ-тъ ни зари-тѣ на просвѣщеніе-то, но още и отечески ни нѣди нѣ-скоро да се отрѣсимъ отъ не-

вѣжество-то и да се просвѣтимъ. — А знайно е, че истинно-то просвѣщеніе само тогава може да бѣде плодотворно за една народностъ, когато то хваща корень и укрѣпява се на народно-го самопознаніе, развиванье-то на което зарадъ нашій народъ не е възможно, до гдѣ исторія-та ни остава во тѣмъ забвеніа.

Съ мисль да спомогнѣ спроти сили-тѣ си за откриванье-то на наше-то минжло, предприемамъ да издамъ нѣколко списанія по Българска-та исторія, която отъ много врѣме е заемала най-прѣдно мѣсто въ мои-тѣ занятія. Рѣшавамъ се на такова предприятие съ надежда, че колко-то слаби и да бѣдѣтъ мои-тѣ трудове, тѣ щѣтъ бѣдѣтъ посрѣщнѣти съ ободрително съчувствие отъ Български-тѣ книголюбци. Като прѣдисловіе прѣдъ тѣзи си трудове издавамъ сега на свѣтъ настоящій „погледъ.“ Предметъ-тъ, за който се тълкува въ него, е единъ отъ прѣви-тѣ въпроси на Българска-та исторія, а е заплетенъ съ много разни тълкуванія. Врѣме-то не ми допусна да го разгледамъ по-подробно, но надамсе и въ това кратко изложение да го съмъ разгледалъ тѣчно и вѣрно. Дързаж да се утѣшавамъ съ такава блага надежда, защото съмъ се пазилъ отъ всяко произволно мѣдруванье и гледалъ съмъ постоянно да се опирамъ на такива основанія, ѣкостъ-та на които съмъ намиралъ да е неоторима. — Да ли пакъ тази ми надежда ще се оправдае, или ще излѣзе лѣжовна, това щѣ чакамъ да ми каже просвѣтенній сѣдъ на читатели-тѣ.

Прага, 13/1. Априліа 1869.

М. Дриновъ.

I.

Древни-тѣ жители на Балканскій полуостровъ; тѣхно-то постъпенно омаляванье; опустяванье-то на Балканскій полуостровъ въ 5-тій вѣкъ слѣдъ Р. Хр.

Балканскій полуостровъ (отъ Дунава и Сава до Тессалія и Архипелагъ-тъ, отъ Адриатическо-то море и до Черно-то) отъ памтивѣка е былъ заселенъ съ тѣй называеми-тѣ Трако-Иллирійци. Херодотъ, кой-то е писалъ своя-та исторія около 450 преди Рождество-то Христово, е пръвѣй, гдѣ-то ни е оставилъ по подробно описаніе за нихъ. „Тракійскій народъ“, казва той, „послѣ Индійци-тѣ, е най-многочисленнѣй между други-тѣ народи. Ако този народъ да го управляваше единъ човѣкъ и една воля, той щеше да бѣде непобѣдимъ и най-могъщественъ. Но това единство го нѣма между Тракійци-тѣ и отъ това зависи тѣхна-та слабостъ. Тѣ сж ся подѣлили на много племена, отъ които всяко си има особно име . . . и живѣе отдѣлено отъ други-тѣ“. . . .¹⁾ Токо-рѣчи исто-то потвърдяватъ за стари-тѣ жители на Балканскій полуостровъ, Старбонъ, Помпоній Мела, Плиній, Птоломей и други още древни Гръко-Римски писатели, които сж живѣли по късно отъ Херодота.²⁾ Тѣ изброяватъ между Трако-Иллирци-тѣ по-вѣче отъ 40 племена, отъ които всяко си има особно име. — Отъ тѣзи многобройни Трако-Иллирски племена само на едно е было рѣчено да си остави име-то въ исторія-та и да играе велика рола въ сѣдби-тѣ на човѣческѣй родъ; — то е Македонско-то. — Въ 4-тій вѣкъ до Р. Хр. глави-тѣ на това племе можихъ да съединятъ по-вѣче-то Трако-Иллирски племена на едно подъ своя-та власть и да съставятъ една голѣма сила. Съ тѣзи сила Филиппъ Македонски можи да подчини на

¹⁾ Херодотъ кн. 5, глава 3.

²⁾ Старбонъ, Помпоній Мела и Плиній сж писали въ 1-вѣй вѣкъ слѣдъ Р. Хр., а Птоломей въ 2-рій.

власть-та си малки-тѣ грѣцки общини, и съ това още по-вѣче да възвеличи Македонско-то царство, което при Филипповій сынѣ Александрѣ Ветикѣ, покори токо-рѣчи всичкій тогава извѣстенѣ свѣтъ.³⁾ — Велика-та тази имперія трѣбваше да се распадне слѣдѣ смъртъ-та на Александра: не само Азіатски-тѣ и Африкански народи, които покори Александрѣ, нѣ и тѣзи, които той завари вѣче покорени отъ отца си Филиппа, сирѣчь Грѣци-тѣ и Трако-Иллирци-тѣ, оттеглихъ ся отъ Македонската власть. При това Трако-Иллирци-тѣ пакъ се повърнахъ къмъ прежній си животъ, раздробени на много малки племена. — Не дълго обаче тѣхъ ги оставихъ да се наслаждавѣтъ съ този дивъ, нѣ милъ за тѣхъ животъ. Явихъ се нови завоеватели, които не само че поробихъ този многочисленѣ народъ за всегда, но, тѣй да кажемъ, и съвсѣмъ го загубихъ отъ лицето на земя-та. Римляне-тѣ, на които бѣ рѣчено да съединжѣтъ на конецъ подъ своя власть всичкій древенѣ миръ, евихъ се и на Балканскій полуостровъ въ начало-то на 2-рій вѣкъ прѣди Р. Хр., а около срѣда-та на този вѣкъ съвсѣмъ си подсебихъ малки-тѣ Грѣцки общини а такожде и омалѣло-то, отслабнѣло, македонско царство. Като се утвърдихъ добрѣ въ тѣзи нови свои владѣнія, Римляне-тѣ захванахъ малко по малко да натискжѣтъ съ свои-тѣ желѣзни легіони свободни-тѣ Трако-Иллирски племена и да ги подсебявжѣтъ и тѣхъ. Около Рождество-то Христово всичкій Балкански полуостровъ бѣше вѣче въ рѣцѣ-тѣ на тѣзи Всемирни завоеватели. — Не лесно се вѣдвори римско-то владичество на Балканскій полуостровъ: Нѣколко години Римски-тѣ легіони трѣбаше постоянно да

³⁾ Сегашни тѣ грѣци обичатъ да присвоявжѣтъ на своитѣ отци тѣзи дѣла на Филиппа и Александра, като проповѣджѣтъ, че Македонци-тѣ сж были грѣцко племе, а слѣдователно Филиппъ и Александрѣ сж грѣцки герои. — Прѣво и прѣво нѣе трѣбва да имъ напомнимъ, че тѣхнѣ-тѣ прѣдци, както е извѣстно, всякога наричахъ македонци-тѣ βάρβαροι, самага Филиппа тѣ иначе не называхъ освѣнъ βάρβαρος. — А варвари стари-тѣ грѣци наричахъ всички-тѣ народи, които не бѣхъ отъ тѣхно-то повлекло (Πᾶς μὴ Ἑλλήν βάρβαρός ἐστι). Други доказательства: Плутархъ въ жизнеописаніе-то на Александра Македонскаго (Alex. LXX) говори, че Александрѣ е предпочиталъ да говори по-вече-то на грѣцкій языкъ, но когато си е разгнѣвалъ, той ся е изразявалъ по македонски. — Самъ Александрѣ е укорявалъ македонецъ-тѣ Филота, сынъ-тѣ на свой-тѣ полководецъ Парменионъ за това, че той е презиралъ свой-тѣ бащинъ языкъ македонскій. — Тогози Филота единъ старъ македонски воинъ е хулилъ, че като былъ родомъ македонецъ не се срамувалъ да се обеснява съ съотечественници-тѣ си съ помощъ-та на толмаче. (Non eruberesceret Macedo natus homines linguae suae per interpretem audire). Curtius VI, 11. въ „Древн. Исторія славянъ“ А. Θ. Гильфердинга — Вѣстникъ Европы 1868, кн. 7. —

воювайтъ съ свободолюбиви-тѣ туземци, които храбро се бориха за свобода-та на своя-та земля, догдѣ най-послѣ не изнемогнахъ предъ несокрушима-та Римска тактика. — Во време-то на тази война, безбройно множество Трако-Иллирци погинахъ или бѣдохъ поробени и заведени въ Италія и по други-тѣ Римски владѣнія. Мнозина пакъ, кои-то не щяхъ да подпаднахъ подъ Римско-то бreme, самоволно оставихъ свое-то отечество и отидохъ да си трѣскажъ жилища на сѣверъ отъ Дунава.⁴⁾ — По тѣзи причини многобройниъ Трако-Иллирски народъ орѣдя, цѣли области на Балканскій полуостровъ опустѣхъ. За да ги населѣтъ, а такожде и да укрѣпѣтъ добръ своя-та власть въ тѣзи нови свои владѣнія, Римляне-тѣ захванахъ да испращѣтъ тамъ колонисти изъ други-тѣ си владѣнія, а такожде и всякакви престѣпници изъ Италія. Въ число-то на послѣдни-тѣ е билъ и знаменитиъ поетъ Овидій, кого-то Императоръ Августъ испрати на изгнаніе въ градъ Томи (сега Кюстенджа). Тукъ той е и написалъ повѣче-то свои печални пѣсни.

Освѣнъ колонисти-тѣ и престѣпници-тѣ, въ Трако-Иллирска-та земя надодохъ да имъ защищавѣтъ много Римски войници, надодохъ чиновници и управители и пр. Съ този начинъ Римскій елементъ на Балканскій полуостровъ се уголѣмяваше отъ день на день, тогава когато туземниъ на противъ по-вѣче и по-вѣче омаляваше. — И тука не е останъ безъ дѣйствиe онзи непроложенъ исторически законъ, който се забелѣзва всгдѣ, гдѣ-то се срѣщнахъ два разни народни елемента отъ разна стѣпенъ въ културенъ изглѣдъ. — Римско-то правителство внесе и на Балканскій полуостровъ такова управление, какво-то имаше и по други-тѣ Римски владѣнія. Той се раздѣли на слѣдующи-тѣ провинціи.⁵⁾

Скитія (Scythia, сегашна Добруджа), въ която главенъ градъ бѣше Томи.

Долна Мизія (Moesia inferior, вѣсточна-та частъ на сегашна Българія отъ Добруджа до рѣка-та Искъръ) главни градове бѣхъ: Марціанополь (Прѣслава) и Никополь подъ самий Балканъ.

⁴⁾ За начинъ-тъ, съ кой-то Римляне-тѣ водворихъ свое-то владичество между Трако-Иллирци-тѣ, говори ся по-подробно въ 5-та-та глава на това списаніе.

⁵⁾ Това дѣленіе се мѣнува малко нѣщо два три пѣти. Имe тукъ го при-вождаме въ този видъ, както се установи при императоръ-тъ Теодосій Велики 395 г. слѣдъ Р. Хр. Виж. Notitia dignitatum и историческиъ атласъ III прунисра.

Дакіа (Dacia, между р. р. Искъръ и Морава) тя се дѣлеше на двѣ половини: една покрай Дунава (Dacia ripensis), а друга-та на Югъ (Dacia mediteranea). Въ прѣва-та главенъ градъ бѣше Ратиарія на Дунавъ-тъ, въ друга-та Сардика (Срѣдецъ, Софія) и Нисса (Нишъ).

Горня Мизія (Moesia superior, между р. р. Морава и Дрина) гл. гр. Виминициумъ (около сегашна Семендрія) и Singidon (Бѣлградъ).

Далмація. Сегашна-та Далмація съ Босна и Херцеговина.

Дарданія (Dardania) съ глав. градъ Scupi (Скопія, Искюпъ).

Превалитана (Praevalis), гл. гр. Скутари, Скадаръ.

Тракія (Thracia), сѣверо-западна-та частъ на сегашна Тракія, съ гл. гр. Филиппополь.

Хемимонтъ (Haemimontus), съ гл. гр. Адрианополь и Debeltus (Бургасъ).

Родона (Rhodope между долно-то течение на р. р. Марица и Кара-Су, покрай Южн. Доспатъ и до Архипелагъ-тъ), гл. гр. Траянополъ.

Европа (Еуропа, околности-тѣ Цареградски).

Македонія (Macedonia prima et secunda).

Епиръ (Epirus nova et vetus).

Тессалія (Thessalia).

Въ рѣцѣ-тѣ на Римляне-тѣ тѣзи страни, които около Рождество-то Христово бѣхъ повѣче-то диви и неизвѣстни още добрѣ, скоро разцвѣтахъ: Въ скоро време тамъ възникнахъ много голѣми градове съ хубави зданія; проведохъ се добри пѣтища като напр. *via Egnatia*,⁶⁾ които улеснихъ водвореніе-то тамъ на Римска-та гражданственностъ. Но тя пагубно дѣйствоваше за народностъ-та на Трако-Иллирци-тѣ. Тѣзи отъ тѣхъ, които се подчинявахъ на тази образованностъ и се научвахъ грѣцки или латински езикъ, главни-тѣ нейни органе, тѣ лесно забравяхъ матерній си езикъ и скоро се сливахъ съ тѣзи пришелци въ земя-та имъ. Забравяхъ свои-тѣ народни имена и се именувахъ вѣче Ромеи, сирѣчь Римляне, име, което трѣбаше да носѣтъ всички-тѣ подданици на Римско-то царство отъ какъвъ-то родъ и племе и да бѣхъ. — Особно

⁶⁾ *Via Egnatia* е съединявала Адриатическо-то море съ Архипелагъ-тъ. Този друмъ (насипъ, шосе, колникъ) е билъ проведенъ отъ Дураццо и Apollonia (н. еп.) до Солуна.

разцвѣтъхъ тѣзи страни отъ кога-то Константинъ Велики пренесе столица-та на Римска-та имперія изъ Римъ въ Константинополь. Отъ тогава Трако-Иллирскій полуостровъ станхъ средоточиѣ на Римска-та дръжава и на Грько-Римска-та образованность.⁷⁾ — —

Но-едвамъ токо се наредихъ и просвѣтихъ тѣзи страни, ето, че ги постигнахъ зла сѣдбина, която разори и запусти по-вѣче-го отъ нихъ и ги потопа въ глѣбокъ тъмнота. — 100-тина годинъ слѣдъ Константина Великаго, отъ къмъ Дунава захванахъ да нападѣтъ на тѣзи страни нови народи, дива хищници, които по-вѣче отъ 100 годинъ постоянно нападахъ на Императорски-тѣ подданици, грабѣхъ имъ имотъ-тъ, растурихъ имъ жилища-та и градове-тѣ, истреблявахъ ги съ огънь и мечъ или пакъ ги заведохъ въ плѣнъ. — Нѣка да се спремъ на по-главни-тѣ отъ тѣзи губители на Въсточна-та половина отъ Римска-та Имперія, която се наричъ още и Византийска.

1. Вестъ-Готы-тѣ. Въ 376 това нѣмецко племе, което живѣше на Сѣв. отъ долній Дунавъ, за да се спасе отъ Азиатски-тѣ Хунны поиска позволеніе отъ Римскій императоръ Валентъ да се пресели въ негови-тѣ владѣнія. Императорътъ ся съгласи на това, като взе отъ тѣхъ дума, че щѣтъ му бѣдѣтъ послушни и щѣтъ приѣмнѣтъ Христіанска-та вѣра. Слѣдъ това съгласіе Готи-тѣ преминахъ Дунава и се размѣстихъ въ провинція-та Долна Мизія. Тамъ скоро Римски-тѣ правители и чиновници ги извадихъ изъ тѣрпѣніе съ свое-то корыстолюбіе и неправди. Не се измина и година отъ тѣхното дохожданье тукъ, тѣ се взбунтовахъ противъ Римски-тѣ власти. Разгонихъ войски-тѣ, които додохъ да ги усмиряватъ, и станахъ независими въ Мизія. Този тѣхенъ успѣхъ ги на-сърчи и тѣ трыгнахъ по нататѣкъ: минахъ презъ Балканъ-тъ и нагрѣнахъ Тракія. Императоръ Валентъ събра най силна войска и отиде да ги усмирява. Той ги срѣщна при Адриа-

⁷⁾ Римляне-тѣ макаръ и да съсипахъ древни-тѣ гръцки республики и превърнахъ въ роби много отъ гръци-тѣ, нъ гръцка-та гражданственность, писменность и искусство тѣ не само не повредихъ, нъ още се и прѣклонихъ прѣдъ тѣхъ. На гръцкій езикъ тѣ дадохъ почти еднакво мѣсто съ свойтъ; въ много случаи му отдавахъ и предпочтеніе.

понощ. Тамъ произлѣзе (9 Ав. 378 г.) страшна битва, битва каквато Римска-та исторія не помнеше още отъ Каниско-то поражение.⁸⁾ 60,000 воини Римски заедно съ императоръ-тъ си останахъ мъртви на бойно-то поле. Въ тази битва Византийска-та имперія като изгуби най-добри-тъ си сили, тя не бѣше въ състояніе да обуздае варвари-тъ. Тѣ ся распръснахъ по всички-тъ области на Балканскій полуостровъ, доходяхъ до Цариградъ и прострѣхъ опустошенія-та си и до най-южни-тъ брѣгове на Гръція. Свети Иеронимъ, който е былъ свидѣтель на тѣзи опустошенія отъ Вестъ-Готи-тъ, разказва, че тѣ като разсинали градове-тъ по тѣзи мѣста и испогубили жители-тъ имъ, тѣй ги опустошили, щото тамъ „орѣдѣли даже звѣрове-тъ, и птици-тъ, и риби-тъ“.⁹⁾ Нѣка тѣзи слова и на половина да сж вѣрни, тѣ се могатъ ни да понятие за работи-тъ на Вестъ-Готи-тъ на Балканскій полуостровъ. — Тѣй тѣзи нечакани гости постѣняхъ въ Восточна-та Римска имперія почти 25 години, а пакъ когато имъ не останъ вѣче тамъ що да опустошавхъ, тѣ въ 402 се вдигнахъ, та отидохъ въ Западна-та Римска имперія. Тамъ тѣ нѣколко години наредъ опустошавахъ Италия и най-послѣ прѣминахъ въ Испанія, гдѣто и основахъ Вест-Готско царство.

2. Хунни-тъ. Не се заминахъ и 50 години, отъ-какъ Вестъ-Готи-тъ оставихъ Балканскій полуостровъ, ето че го нагрѣнахъ нови варвари, още по страшни, още по буйни.

То бѣхъ пакъ хунни-тъ.

Хунни-тъ се появихъ изъ Азія въ Европа въ 2-ра-та половина на 4-тиѣ вѣкъ. Тѣхно-то дохождане прилича на една силна бѹра, която расклати всички-тъ народи въ Европа, и произведе онова велико движеніе, което е извѣстно въ исторія-та подъ име пресѣляваніе на народи-тъ. Предъ сила-та на Хунни-тъ не можеше да устои ни единъ народъ, а или трѣбваше да имъ се покорн, или пакъ да имъ остави земля-та си и да си трѣси жилища негдѣ на друго мѣсто. Тѣй

⁸⁾ Nec ulla annalibus, praeter Cannensem pugnam ita ad internecionem res legitur gesta. Ammien. XXXI. 13. При Канна разби Римляне-тъ Ганнибалъ въ 216. до Р. Хр. 70,000 отъ Римска-та войска погинахъ въ това поражение.—

⁹⁾ Et vastatis urbibus hominibusque interfectis, solitudinem et raritatem bestiarum quoque fieri et volatilium, pisciumque: testis illirycum est, testis Thracia, testis in quo ortis sum solum (Pannonia), ubi praeter coelum et terram et crescentes vepres, et condensa sylvarum cuncta perierunt. У Гиббона History of the decline. — ch. XXV.

Вестъ-Готи-тѣ, за кои-то споменяхме по-горѣ, за да не подпаднѣтъ подъ тѣхна власть, бѣха принѣдени да си трѣсѣтъ жилища въ Римска-та Имперія. Въ скоро време Хунни-тѣ подсебихъ всички Вѣсточна Европа отъ Уралъ до Дунава. — Въ 433 г. надъ тѣхъ се воцари Аттила, отъ кого-то затрепера вселенная. Естествено бѣше, че той немаше да остави въ покой Византійска-та имперія. Въ 441 г. той преминѣ Дунава съ безчисленна войска, която освѣнѣ Хунни-тѣ бѣше набрана и отъ други много Чудски, Славенски и Германски племена, които ся вѣче намирахъ подъ негова власть.¹⁰⁾ Съ такава една сила Аттила разсиа край Дунавски-тѣ крѣпости на Имперія-та, распеля въ три крѣвополитни битви всички-тѣ ѣ сили. Всички-тѣ провинци на Балканскій полуостровъ додохъ въ рѣка-та му. Лѣтописци-тѣ разказвѣтъ, че на всичко-то това пространство само нѣколко градове сѣ останѣли не вредими, а то всички-тѣ други сѣ бѣле разграбени и растурени отъ Хунни-тѣ. Просперъ Тиронъ набройва нѣкои до 70 градове, кои-то сѣ бѣли и до дѣно растурени отъ нихъ; други едишъ съвременникъ на тѣзи происшествія Аммианъ Марцеллинъ казва, че и всички-та Европа (Балканскій полуостровъ¹¹⁾) тѣ превърнѣли въ пустиня. Во време-то на този страшенъ порой, Римски-тѣ подданици, кои-то ся спасявахъ отъ смъртъ, зимахъ се въ плѣнъ и се працахъ въ широки-тѣ предѣли на Хуниска-та дръжава, за да слугуватъ тамъ на Хуннски-тѣ велможи или да заселвѣтъ пусти-тѣ му мѣста. 5 години Аттила опустошава тѣзи страни. Само въ 446 г., императоръ Теодосій II., гдѣ съ уничиженіе, гдѣ съ подкупъ на негови-тѣ прѣвенци, уговори го да заврѣже миръ твърдѣ срамотенъ за имперія-та, и да изведе изъ неѣ свои-тѣ полчища. — Слѣдъ този походъ Аттила, кой-то бѣ си утвърдилъ столица-та негдѣ въ сегашна-та Венгрія, вдигна свои-тѣ пол-

¹⁰⁾ Считаме за нужно да повторимъ, че Хуннски-тѣ полчища, съ които Аттила потрѣси, както Источна-та, тѣй и Западна имперія, тѣзи безчисленни полчища не сѣстояхъ само отъ Хунни, а бѣхъ набрани отъ всякакви малки и голѣми племена, които се удаде на Хунни-тѣ, като додохъ изъ Азія, да покорѣтъ едно слѣдъ друго въ Источна-та половина на Европа. Изъ тѣзи разнородни племена, които сѣ бѣли принѣдени да ходѣтъ на война подъ знаме-то на Аттила, тогав. писатели ясно отличаваѣтъ: Остѣ-Готи, Алани, Гениди, Маркомани, Свеви, Герули, Неври, Гелони и пр. — Apol. Sidon. писмо къ Авиту. Jornandus. De Goth. reb. gestis gl. 50.

¹¹⁾ Pene totam Europam invasis excisisque civitatibus atque castellis conrasit. Am. Marcel.

чища на западна Европа, ходи въ Франція, въ Италія и на всждѣ правѣше плѣнѣ и пожарѣ. —

Въ 453 този страшенъ бичъ Божій умрѣ, а заедно съ негова-та смъртъ се разтури и Велика-та му държава, която, както казва Гиббонъ, се простираше отъ Великій океанъ, чрезъ всички сѣверна Азія и Европа, до Атлантический океанъ. Многочисленни-тѣ народи, кои-то само силна-та ръка Аттилова можеше да дръжи въ повиновение, като се почувствовахъ освободени отъ тази тежка ръка, отрѣсихъ се отъ Хуннско-то иго и се врънахъ пакъ къмъ прежна-та си независимостъ, а пакъ сами-тѣ Хунни, като бѣхъ распеляни на такова едно пространство не можихъ вѣче да се събержтъ пакъ въ единъ народъ. Тѣ трѣбаше или да изгинжтъ въ крѣвави битви съ тѣзи многочисленни народи, или да имъ се подчинжтъ и слѣжтъ съсъ тѣхъ. Тѣй станж гдѣ-то слѣдъ смъртъ-та на Аттила за Хуннитѣ се вѣче нищо не чуе.¹²⁾ —

3. Заедно съ растурияне-то на Хуннско-то царство и съ смъртъ-та на Аттила не се прекъснахъ бѣдствія-та на Византійска-та имперія. Тя трѣбаше да претегли още едно разореніе отъ други единъ Германски народъ, отъ Остъ-Готи-тѣ. — Остъ-Готи-тѣ не можихъ да се спасжтъ отъ Хуннскій порой, като свои-тѣ братѣе, за кои-то споменжхме по-горѣ. Тѣ трѣбаше при животъ-тъ на Аттила да се покоржтъ на Хунни-тѣ и да изпълнявжтъ повелѣнія-та на нхній страшенъ началникъ. Слѣдъ смъртъ-та на Аттила, тѣ като си врънахъ свобода-та, останахъ да живѣжтъ на С. брѣгъ Дунава, отъ гдѣ-то рано или късно трѣбаше да заврѣжтъ сношеніе съ Византійци-тѣ. Тѣзи сношенія испрво бѣхъ любовни, но испслѣ взехъ лошъ край за имперія-та. Отъ 476 год., подъ началство-то на великій си краль Теодорихъ, Остъ-Готи-тѣ се вмъкнахъ въ провинціи-тѣ на имперія-та, начнахъ тамъ да плѣнжтъ и пожаржтъ и безъ това омалѣли-тѣ и разорени ѣ жители и въ продълженіе-то на 20 години свирѣпствовахъ тамъ. Особенно много пострадахъ отъ тѣхъ сегашни-тѣ Тракія и Македонія. — За Остъ-Готи-тѣ се разказва, че тѣ сж рѣзали ржцѣ-тѣ на всички-тѣ селене, кои-то имъ сж падали живи въ ржцѣ-тѣ и съ това сж правили земледѣліе-то невъзможно

¹²⁾ Казваме не се чуе, защо-то макаръ нѣкой и други историкъ и въ 6-тій вѣкъ още употрѣблявахъ това названіе, но по невѣденіе, тѣ называхъ съ това име други народи съвсѣмъ.

(τὸ γεωργὸν ἅπαν ποιήσαντες ἀνάστατον.¹³) Остъ-Готи-тѣ, като не намирахж вѣче изобилна плячка въ тѣзи разорени страни, поискахж отъ Теодориха да ги води въ друга по обилна страна. За да имъ угоди, той ги поведе въ 489 — въ Италія, гдѣ-то тѣ наистина намѣрихж по-вѣче плячка и по-весели жилища; тамъ тѣ се спрѣхж и основахж царство Остъ-Готско. Този краткъ преглѣдъ на Вестъ-Готски-тѣ, Хуннски-тѣ и Остъ-Готски-тѣ вторженія и разоренія на Балканскій полуостровъ, колко-то краткъ той и да е, ные го считаме достаточенъ да покаже, въ какво положеніе сж се намирали тѣзи страни къдѣ-конецъ-тѣ на 5-тій вѣкъ, а особенно до какво положеніе сж достигнали около това време древни-тѣ имъ жители Трако-Иллирци-тѣ. — Многочисленнѣй този народъ, отъ както дойде въ рѣцѣ-тѣ на Римляне-тѣ, твърдѣ много се умали по причини-тѣ, кои-то показахмѣ по-горѣ. А пакъ во време-то на велики-тѣ бѣдствія, кои-то въ теченіе-то на 100 години изливахж на Балканскій полуостровъ Вестъ-Готи-тѣ, Хунни-тѣ и Остъ-Готи-тѣ и съвсѣмъ омаляхж. По свидѣтельства-та на тогавашни-тѣ историци само тѣзи сж могли да се спасжтъ, които сж успѣвали да се скривжтъ въ непристъпни гори и лѣсове, гдѣ-то хищни-тѣ варваре не сж могли да ги найджтъ, та и не сж имали нужда въ това. А мнозина ли сж были тѣй щастливи? Ако това, що се разказва отъ тогавашни-тѣ писатели, и на половина да е вѣрно, то и при това може смѣло да се утвърдѣва; че по-голѣма-та частъ отъ Трако-Иллирійци-тѣ се загуби въ тѣзи тежки времена: или изгина, или быде отведена въ робство. — Това сжщо-то се случи и съ Ромеи-тѣ, сирѣчь съ Римски-тѣ преселенци и поримченни-тѣ Трако-Иллирійци. Тѣ по-вѣчето живѣяхж по градища-та, отъ които, както видѣхмѣ, по-голѣма-та частъ быде разорена до дъно въ време-то на чести-тѣ варварски вторженія. А заедно съ градове-тѣ трѣбаше да изгине и да орѣдѣе и Ромейскій елементъ, противъ който съ особена яростъ и безчеловѣчіе постѣпяхж тѣзи завоеватели, особенно Хунни-тѣ. —

¹³) Quod Thraciae habitatores depraedatos fuisset; quod omnibus, qui currus agebant manus amputasset, quod omne agricolarum genus funditus sustulisset. Stritter I. 94.

II.

Заселванье-то на Балканскій полуостровъ съ нови жители, Славене; географически прегледъ на тѣхно-то тамъ размѣстванье въ 6-тій и 7-мій вѣкъ слѣдъ Р. Хр.

Бѣдствія-та на Балканскій полуостровъ не се прекратихъ и слѣдъ преминаванье-то на Готи-тѣ. Други многочисленни разноплеменни дружини налегнахъ отъ кѣмъ Дунава на Вѣсточна-та Римска имперія и продължавахъ да ѝ разорявхъ. Работа-та дойде до тамъ, щото Константинополско-то правителство се отчая, че ще да може нѣкога да отърве отъ рѣцѣ-тѣ на Сѣверни-тѣ варваре тѣзи свои владѣнія и ги напусна съвършено. То се грижеше само за столица-та си и за нейни-тѣ околности: за да могатъ баремъ тѣ да се спасхъ отъ разореніе. Императоръ Анастасій около 500 г. п. Р. Хр. видѣ се принуденъ да проведе една ѣка стѣна отъ Силиврія на Мраморно-то море до Черно-то.¹⁴⁾ Тази стѣна е отстояла само 40 мили отъ Константинополя, и е била дълга около 60 мили. Слѣдователно ограждавала е само столица-та и една малка частъ отъ околность-та ѝ. Всички-тѣ области, които се намирахъ на Сѣверъ и на Сѣверо-западъ отъ тази стѣна, бѣхъ оставени на произволъ-тъ на варваре-тѣ. — Византійско-то правителство нито се вѣче интересувахе за тѣзи свои провинціи, нито пакъ знаеше, какво се тамъ прави. Това е причина-та, гдѣ-то и тогавашни-тѣ писатели говорхъ за тѣзи страни тѣй тъмно и тѣй неопредѣленно, като за нѣкоя съвсѣмъ неизвѣстна страна. — Императоръ Іустиніанъ, кой-то царува отъ 527—565 г. вѣстанови пакъ власть-та на имперія-та надъ тѣзи земи. Негови-тѣ велики полководци съ голѣми усилія можихъ най-послѣ да расширхъ Византійски-тѣ граници пакъ до Дунава, като отблъснахъ на малко време задъ него варварски-тѣ полчища, и като ги въоружихъ съ единъ искусенъ начинъ, единъ противъ друго. — Но въ какво положеніе найде Іустиніанъ тѣзи области? Обезлюдѣли и опустѣли, не само отъ жители, но и отъ градове. За да ги привдигне пакъ, той се взе да потѣга развалени-тѣ имъ градове и да въздига

¹⁴⁾ An. longum murum condidit a magno mari ad Selybriam usque pertinentem ad Mysorum sive Bulgarorum et scytharum excursiones. — Theoph. Anastas. et Cedrenus y Стр. III. 496. Виж. у Гиббона Hist. of the decline . . . ch XL.

на много мѣста съвършено нови. Прокопій, неговій съвременникъ, разказва, че той въздигналъ на Балканскій полуостровъ до шесть стотини укрѣплені градове съвсѣмъ отъ ново, или пакъ ги възстановилъ. За да напълни съ жители тѣзи нови градове, Іустиніанъ е турялъ въ нихъ войска и старалъ се е да преселва тамъ колонисти отъ по-населени-тѣ области на имперія-та си, но всички-тѣ негови старанія да насели тази страна и да ѝ закрыли отъ нови варварски вторженія останѣха напраздно.¹⁵⁾ — Кѣмъ конецъ-тъ на негово-то царуванье явяватсе многочисленни племена, които още на неговій животъ разсипахъ нови-тѣ Византійски крѣпости и построенія, а при наслѣдници-тѣ му напълнихъ всички-тѣ провинціи на Балканскій полуостровъ.—Тѣзи племена не приличахъ на прежни-тѣ разорители. До тогавашни-тѣ врагове нападахъ на имперія-та по-вече-то за плячка, която като взимахъ, минавахъ по нататѣкъ, или се връщахъ пакъ назадъ. А на тѣзи нови племена не бѣше имъ цѣль-та толкова плячка-та, колко-то опустѣли-тѣ Византійски области, въ които тѣ искахъ да се поселижтъ. — Тѣзи нови племена тогавашни-тѣ Гръцки и Римски писатели добръ сж познавали и ги наричжтъ почти всякога съ нхното общо име Славене (*Σκλαυινοί, Σκλάβοι, Σθλάβοι, Σθλάβοι*).

Къдѣ край-тъ на 5-тій вѣкъ Гръко-Римски-тѣ историци намиратъ земи-тѣ, що сж на сѣверъ отъ долній Дунавъ и на Чърно-то море (сегашни-тѣ: Венгрія, Влашко, Молдавія, Бессарабія и пр.) напълнени съ Славене. Пръви и най-достовѣрни и подробни извѣстія за жилища-та на Славене-тѣ въ тѣзи мѣста ни е оставилъ Іустиніанова съвременникъ Прокопій. Тѣ сж были тогава извѣстни тамъ подъ име Славене и Анти. „Славене-тѣ и Анти-тѣ (*Σκλαυινοί καὶ Ἄνται*), говори Прокопій, сж единъ народъ. Тѣ нѣкога сж носили и едно общо име, защо-то въ старо време ги сж наричали въ обще *Σπόροι*.¹⁶⁾ Тѣ занимажтъ голѣма часть отъ страна-та що-то е оттамъ Дунава.“ Другъ единъ съвременникъ Прокопіевъ, Готскій Историкъ Іор-

¹⁵⁾ Прокопій е написалъ за построенія-та Іустиніанови цѣла книга, раздѣлена на шесть части. Въ четвърта-та часть се исчисляжтъ градове-тѣ, укрѣпленія-та и други нѣкои съзиданія, кои-то Іустиніанъ е въздигналъ само на Балканскій полуостровъ. Прокопій *De Aedificiis Justiniani*.

¹⁶⁾ *Καὶ μὴν καὶ ὄνομα Σκλαβενοῖς τε καὶ Ἄνταις ἐν τὸ ἀνέκαθεν ἦν . . . τὸ γὰρ πλείστον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστοροῦ ὀχθῆς αὐτοὶ νέμονται . . . De bello Goth. 1. 3. 14.*

нандъ, свидѣтелствова за тѣзи Славене, които отъ конецъ-тъ на 5-тиѣ вѣкъ сѣ занимавали вѣче сѣверни-тѣ брѣгове на долній Дунавъ и Чърно-то море слѣдующе-то: Задъ Карпатски-тѣ гори се простирѣтъ на широко жилища-та на „многочисленній народъ на Винди-тѣ, (*Winidorum natio populosa*), „които макаръ и да се дѣлѣтъ на разни племена, отъ „които всяко си има особено име,¹⁷⁾ но издревле още „се наричѣтъ (въобще) Славене и Анти.“ По-надолъ Иорнандъ разказва, какво тѣхни-тѣ жилища се простирѣтъ до Чърно море и до Дунава *usque ad Danubium*. — Тѣзи свидѣтельства сѣ писани почти въ едно време отъ двама разни и по народность-та си и по мѣсто-то на рождение-то си писатели. И при всичко това, тѣ едно друго потвърждавѣтъ въ всичко. Това дава голѣма достовѣрность на тѣзи свидѣтельства. Изъ тѣхъ ные се удостовѣряваме, че въ онова време Славене-тѣ сѣ были извѣстни на Грько-Римски-тѣ писатели подъ име Славене, Анти и Винди (*Σκλαβηνοί*, *Ἄνται*, *Scлавini*, *Antes*, *Winidi* или *Windi*). Подъ тѣзи имена слѣдователно и сегашни-тѣ изслѣдователи трѣба да ги трѣсѣтъ, а да не закачѣтъ Сармати-тѣ, Скити-тѣ, Хунни-тѣ, Авари-тѣ и други още Азіатски варваре. — Иорнандъ и Прокопій добръ сѣ знаѣли както Хунни-тѣ, тѣй и Авари-тѣ, а тѣй исто и други-тѣ тѣхни братіе-Азіати. Но тѣ ясно отличавѣтъ отъ нихъ Славене-тѣ, които твърдѣ отъ близо сѣ познавали. —

Нѣма никакво съмнѣніе, че Хуннска-та бора, коя-то потрѣси всички-тѣ Европейски народи, расклатила е такожде и мирно-то велико Славенско племе въ негови-тѣ древни жилища въ Сѣверо-Источна Европа, гдѣ-то тѣ отъ памети-вѣка още сѣ се намирали. Расклатила ги е и е завлекла една голѣма часть отъ него къмъ брѣгове-тѣ на Чърно море и Дунава. Но тука, като ги безпокоехъ и не имъ давахъ мира много разноплеменни грабителни дружини, тѣ скоро захванахъ да минуватъ на Балканскій полуостровъ и да заселявѣтъ тамъ запустѣли-тѣ страни. — Тѣ минувахъ тамъ или заедно съ Хуннски-тѣ и Готски дружини, или пакъ отивахъ слѣдъ тѣхъ и заселвахъ ся гдѣ-то можѣхъ. — За тѣзи прѣви тѣхни поселенія тога-

¹⁷⁾ Ные си позволихме да преведемъ за поясню това предложеніе малко нѣщо не слово въ слово. Чрезъ това обаче смисълъ-тъ нѣколко не страда . . . (*Winidorum natio populosa consedit: quorum nomina per varias familias et loca mutantur . . .*) Iornandes, *De Gothorum or. et r. g.* cap. 5 и 23.

вашии-тѣ писатели нищо не ни сж оставили; види се за това, зашто-то тѣзи поселенія сж ставали незабелѣжно за Византійци-тѣ, и въ тѣзи времена, кога-то Византійска-та власть въ тѣзи мѣста бѣ съборена отъ Хунни-тѣ, Готи-тѣ и други хищни дружини. Както и да бѣде, ные смѣло можемъ да утвърждаваме, че още въ 5-тиѣ вѣкъ на Балканскій полуостровъ е имало вѣче не малко заселени Славене, отъ които мнозина сж стѣпiali на Императорска служба и достигали сж високи чинове. Въ начало-то на 6-тиѣ вѣкъ срѣщаме отъ тѣхъ велики полководци, министри и знатни чиновници въ Имперія-та. Сега ся вѣче за вѣрно знае, че и императоръ Юстинъ, който отъ простъ селенинъ стигнѣ да стѣпи на престолъ-тъ на Римски-тѣ кѣсари, а тѣй исто и неговий сестринъ сынъ и наслѣдникъ императоръ Іустиніанъ сж были и тѣ отъ Славенски родъ. Жена-та Юстинова ся наричане Лупкиня (Λουπκίνη), сестра му Бѣгленица (Βεγλενίζα), баща-та Іустиніановъ Истокъ, сестра му Бѣгленица. Сами Іустиніанъ дома си ся е наричалъ Управда (Ὀυπράουδα).¹⁸⁾ Ясно е, че всички-тѣ тѣзи имена не сж ни Гръцки, ни Латински, но чисто Славено-Български. — Родомъ е былъ Іустиніановъ-тъ родъ отъ Ведеріана (Ведрия), село въ Дарданската провинція. Това ясно показва, че въ тази провинція около срѣда-та на 5-тиѣ вѣкъ е имало доста Славене, които сж преминѣли тамъ незамѣтно за Византійски-тѣ историци.¹⁹⁾ — Тѣй тихо и незамѣтно сж ся преселвали Славене-тѣ на Балканскій полуостровъ токо до 6-тиѣ вѣкъ. Отъ тогава вѣче историци-тѣ ни показватъ тѣхни-тѣ преселванія стѣсѣмъ другояче. — Не малки дружини и не частни родове вѣче се преселвѣтъ, а цѣли племена и многобройни дружини преминувѣтъ Дунава, за да си трѣсѣтъ тамъ жилища. Византійско-то правителство, кое-то едвамъ токо бѣ поумировило тѣзи страни и бѣ ги попотегнѣло, видѣ си край-дунавски-тѣ укрѣпленія и стражи съсыпани отъ тѣзи нови врагове, кои-то, безъ да искѣтъ позволеніе, идѣхъ да населѣтъ провинціи-тѣ му. За да въспре този новъ народенъ порой,

¹⁸⁾ Тѣзи свидѣтельства ся намирѣтъ въ едно жизнеописаніе на Іустиніана, което е написано отъ неговъ-тъ учитель, Теофилъ. Изъ това жизнеописаніе нѣколко отрывки сж напечатани въ Прокопіова-та Hist. arc. Venet. p. 344—63.

¹⁹⁾ Около 552 г. тамъ вѣче ся поменувѣтъ села съ такива названія: Milareka (Миларѣка), Labitza (Лабница), Debre (Дѣбре), Berzana (Брѣжане), Klesvestita (Клещевица), Vracista (Врачища), Streden (Стрѣденъ) и мн. др. — Прокопій. De Aedificiis Justin. ed. ven.

императоръ-тъ праща на срѣщу тѣхъ голѣма войска, но тя изгинваше подѣ силни-тѣ удари на Славенетѣ. Въ малко време тѣ напълнихъ край-дунавски-тѣ провинціи и къдѣ половина-та на 6-тиѣ вѣкѣ ные ги срѣщаме вѣче на югъ отъ Балкански-тѣ гори. — Въ 548 год. говори ся, че славенски-тѣ полчища (*Slavenorum soriae*) дошли даже до Дураццо (на Адриатическо-то море въ Албанія), съборили въ околности-тѣ му всички крѣпости и свободно, безъ всяки страхъ, ся расхождали по тѣзи страни. Една Римска войска отъ 15.000 души бояла ся не само да ся удари съсъ тѣхъ, но и да имъ излѣзе прѣдъ очи.²⁰⁾ —

Въ 550 г. една малка чета Славенска, отъ 3.000 души, минѣла Дунавъ и безъ да срѣщне нѣкое съпротивление, достигнѣла до Марица. Тукъ ся раздѣлила на двѣ малки дружини, кои-то при всички-та си малочисленность могли, „за чудо голѣмо,“ да разбѣжтъ и распелѣжтъ войска-та, която имъ излѣзе на срѣща. Послѣ, тѣ ся спуснѣли на югъ, и една отъ тѣхъ превзела една твърдѣ важна крѣпость, Топиръ, на Архипелажскій брѣгъ.²¹⁾ Тамъ тѣ изгубили около 15.000 отъ жители-тѣ. — По това, а такожде и по други-тѣ бѣдствія, които направихъ тѣзи двѣ чети, види ся, че Прокопій ся лѣже като казва, че тѣ сж състояли само отъ 3.000 души. Твърдѣ сж любопытни слѣдующи-тѣ забелѣжаванія, които прави Прокопій, като разказва дѣла-та на този Славенски походъ.

1. Славене-тѣ този пѣтъ обсаждавали и превзимали градове и крѣпости, което до тогава не смѣли да правѣтъ (*multa castella obsidione ceperunt, qui antea nec muros oppugnare, neque in campum descendere audebant.*²²⁾

2. По-прѣди Славене-тѣ немилосердно убивали всякого, кой какъ имъ падалъ въ рѣцѣ; този пѣтъ обаче тѣ оставили живи една часть отъ пленници-тѣ си. — (*Slaveni illos, in quos incidebant necare erant soliti illorum parti donare vitam statuit . . .*²³⁾).

Въ 551 г. минѣло презъ Дунавъ-тъ такова множество Славене (*Slavenorum catervae*), какво-то по-прѣди не было видвано. Тѣ минѣли покрай Нишъ и спуснѣли ся къмъ Со-

²⁰⁾ Прокопій. *De bello Goth.* I. III. с. 29. — Стрит. p. 34.

²¹⁾ Прокопій. *B. G. I.* III. с. 38.

²²⁾ Procop. *de Bel. Goth.* I. III., с. 38. — Stritter. II. p. 35.

²³⁾ Тамъ.

лупъ. — Раздѣлени сж были на три голѣми дружини, които сж и дѣйствовали въ три разни страни. Проконій говори за нихъ, че сж ся расхождали свободно отъ единъ-тъ край на полуостровъ-тъ до другій, и остаяли сж тамъ на зимовище, като дома си.²⁴⁾

Въ 559 г. нови Славенски полчища нападнали на имперія-та, и достигнали безъ всяко съпротивленіе до дълга-та анастасіева стѣна. Тамъ като разбили императорска-та войска преминали и въ околности-тѣ на столица-та!²⁵⁾

Въ 578 година, около 100.000 Славене (τὸ Σκλαβηνῶν ἔθνος μέχρ' ἵππου χιλιάδων ἑκατον) нападнали на Тракия и на други-тѣ Византійски области на Балканскій полуостровъ. — Този пжтъ тѣ проникнжли въ Гръція (Еллада) и ѿ опустошили.²⁶⁾ Императоръ Тиберій, като не можилъ да ги обуздае, нито пакъ да имъ излѣзе на срѣща, пратилъ посланници при Авари-тѣ, за да ги моли да отворжтъ война на Славене-тѣ. Императоръ-тъ ся е надалъ, казва лѣтописецъ-тъ, че Славене-тѣ, като бжджтъ записани съ тази война, щжтъ прекъснжтъ свои-тѣ нападанія на имперія-та. Авари-тѣ приели тази императорска молба, защо-то и сами сж желали и готовили сж ся были да воювжтъ съ горди-тѣ си съсѣди, съ Славене-тѣ. Любопитни свидѣтельства ни сж оставили тогавашни-тѣ историци за пръвѣ-та срѣща на тѣзи два народа, отъ които нме ще приведемъ слѣдующе-то.

Авари-тѣ около половина-та на 6-тиѣ вѣкъ минахж въ Европа изъ Азія. На прво време, тѣ ся спрѣхж нѣгдѣ на Сѣверъ отъ Черно море, отгдѣ-то послѣ минахж въ сегашна Венгрія и ся утвърдихж въ западна-та ѿ половина. Историци-тѣ ги описвжтъ като една буйна страшна орда, която е желала

²⁴⁾ у Стрит. II. p. 39. . . Ac si essent in suis finibus, sine ullo hostium metu hibernantes. —

²⁵⁾ Теофанъ и Кедринъ у Стрит. II. p. 42, 43. Теофанъ говори, че тѣзи полчища сж състоели отъ Хунни и Славене (Οὐννοι καὶ Σκλαβῆνοι), а Кедринъ казва: „οἱ Οὐννοι οἱ καὶ Σκλαβῆνοι, т. е. Хунни, кои-то ся паричжтъ и Славене. — То сж были чисти Славене, и тѣзи историци по невѣдѣніе ги смѣсвжтъ съ Хунни-тѣ, които, както казахме, около 100 годинъ пб-прѣди ся распръснахж заедно съ падање-то на Аттилова-та дръжава.

²⁶⁾ Κεραῖζομένης τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ Σκλαβηνῶν καὶ ἀπανταχούσε, ἀλλ' ἐπαλλήλων αὐτῇ ἐπ' ἡρτιμένων τῶν κινδύνων, ὁ Τιβεριος οὐδαμῶς δύναμιν ἀξιόμαχον ἔχων, οὐδὲ πρὸς μίαν τοίραν τῶν ἀντιπαλῶν, μήτις πρὸς πᾶσαν. . . . (Κοгато Еллада ѿ опустошавахж Славене-тѣ . . . Тиберій, като нѣмаше сила и противъ една тѣхна чета (да извади), а камо ли пакъ противъ всички-тѣ . . .). Menander, de legat. p. 110. ed. ven.

да владѣе надъ сѣсѣдни-тѣ народи. Щомъ се утвърдихъ въ тази страна, тѣ пратихъ къмъ Славене-тѣ, които живѣехъ по край долній Дунавъ и въ Источна-та половина на сегашна Венгрія, едно посолство, за да иска отъ тѣхъ да ся покорятъ на Аварскій Ханъ и да му обѣщають данѣкъ. На това, князь-тъ на тѣзи Славене отговорилъ: „Кой е този челоуѣкъ отъ „живуци-тѣ на земя-та, кой-то бы могълъ да покори наша-та „сила и да господарува надъ насъ? Ные сме научени сами „да владаме надъ други-тѣ народи, а не тѣ надъ насъ, и тѣй „щемъ и да си останемъ, до гдѣ ще има на свѣтъ-тъ сабля „и война“. ²⁷⁾ — Аварски-тѣ посланници, казва Византійскій историкъ Менандръ, не могли да премълчатъ при тѣзи горделиви рѣчи на Славене-тѣ, но имъ казали нѣколко презрителни думи, за които тѣ сж заплатили съ животъ-тъ си: Славене-тѣ не могли да удрьжатъ гнѣвъ-тъ си, и убили аварски-тѣ посланници. По тази причина аварскій Ханъ ся рѣшилъ да мести на Славене-тѣ, и съ радость посрѣщналъ посолството на Императоръ-тъ Тиберія, който му предлагаше съюзъ противъ нихъ. — Война-та между Аваре-тѣ и Славене-тѣ ся е начинъла въ 581, и не ся знае какъ ся е свршила. Знае ся само за достовѣрно, че двѣ години послѣ, Славене-тѣ пакъ сж подновили свои-тѣ нападанія или по-добрѣ преселванія прѣзъ Дунавъ на Балканскій полуостровъ. Тѣй въ 583 г. тѣ ся явяють пакъ на югъ отъ Балканъ-тъ, около Адрианополь и по край рѣка-та Ергиня, достигали сж даже до дълга-та Анастасіева Стѣна. ²⁸⁾

Въ 587 г. пакъ ся споменува за тѣхни-тѣ връхлуванія по Тракія

Ные ще прекратимъ тукъ избройваніе-то на многочисленни-тѣ славенски преминуванія въ Имперія-та, нѣма да споменуваме и за това, какъ тя ся е расправлявала съ тѣхъ въ 6-тій вѣкъ; щемъ да ся запремъ само на едно свидѣтелство, кое-то се отnosi къмъ срѣда-та на 7-мій вѣкъ. — Въ 657 г. Императоръ Константинъ II. „предприе походъ въ Славенія „(ἐπεσφάτευσεν κατὰ Σκλαβενίας) и пороби тамъ много варвари,“ казва Лѣтописецъ Теофанъ. ²⁹⁾ А гдѣ е была тази Σκλαβενία

²⁷⁾ Striter. II. p. 46. Quis hominum est, qui solis radiis tepescit, qui nostram potentiam possit sibi subigere et domare. Aliorum enim regionis dominatum acquirere solemus non alii nostrae donec erunt bella et enses.

²⁸⁾ Theophanes, Anast., Theoph. Simocata у Страт. II., стр. 51, 52.

²⁹⁾ У Str. f. II. p. 73.

«Славянска земя)? Константинъ II. за да стигне въ нея, не е ималъ потрѣба да минува Дунавъ-тъ: тя ся е была вѣче пренесла по близо до столица-та му, лежала е задъ Балканъ-тъ и задъ Доспатски-тъ връхове. А простираха ся е твърдѣ на широко: отъ Дунавъ-тъ и до Архипелагъ-тъ.³⁰⁾ — И тъй безъ всякакво съмнѣніе въ срѣда-та на 7-мій вѣкъ древне-Римски-тъ и Византійски провинціи: Малка Скитія, 2-ра Мизія, Дакия, Дарданія, Македонія, Епиръ, а такожде и часть отъ Тракія сж были напълнени съ Славене, престанжли сж да ся наричѣтъ съ древни-тъ си имена, а сж носили едно общо име Славинія (Σκλαβινία). Но и тѣзи провинціи, види ся, не сж могли да вмѣстѣтъ пришелци-тъ, и ные скоро глѣдаме Славене-тъ та минувѣтъ и въ классически-тъ Гръцки области и въ малко време ги сж напълнили и тѣхъ съ свои-тъ жилища. —

Още въ 581 лѣто ные видѣхме Славене-тъ проникнжли даже до свещенни-тъ области на Стара-та Еллада (Гръція), но слѣдъ тази година дълго време нищо не ся чуеше за тѣхни-тъ тамъ дѣла, до гдѣ най послѣ самъ Императоръ Константинъ Багрянородни не обесни, какво ся е чинжло прѣзъ това глухо време тамъ. Той свидѣтелствова, че около 746 година, кога на Императорскій прѣстолъ е сѣдѣлъ Константинъ Копронимъ, всичка Гръція до най-южни-тъ ѝ брѣгове е была ославенена: ἐσθλαβώθη πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος.³¹⁾ — Единъ землеписецъ, кой-то е писалъ нѣколко години слѣдъ Багрянороднаго, ясно потвърждава неговитѣ думи като говори: Π до днешній день всичкій Епиръ и Еллада и Пелопонесъ и Македонія сж населени съ Славене. Καὶ νῦν δὲ πᾶσαν Ἠπειρον καὶ Ἑλλάδα σχεδὸν καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν Σκῦθαὶ Σκλάβοι νέμονται.³²⁾

Слѣдъ тѣзи Гръцки свидѣтельства ные щемъ приведемъ и едно нашенско. —

Въ едно списаніе за Троянска-та война, кое-то е писано за Българскій царъ Симеонъ, т. е. около край-тъ на 9-тій вѣкъ, за Ахилеса ся пише тъй: „Синъ Ахилесъ имынъ воа своа иже нарицахъса тогда Миръмидонесъ нынѣ Болгаре.³³⁾ Знае ся за достовѣрно, че Ахилесови-тъ Мирмидоняне сж были

³⁰⁾ Шафарика Storožitnosti §. 29; Ducange-Glossar. Med gr. II.

³¹⁾ De Themat. II. 6. —

³²⁾ Geograph. vet. scriptores Graeci Minores. Oxon 1763, t. 11, p. 98.

³³⁾ Калайдовичъ, Іоаннъ Екзархъ Болг. стр. 178—188.

жители на Тессалія; ние не допускаме, че тѣ и тѣхний воивода, великій Ахилесъ, сж были Българе или по-добрѣ да кажемъ Славене, и глѣдаме на това уподобяване Славене-тѣ (Българе) съ Мирмидоняне-тѣ, като на една историческа грѣшка отъ царь Симеонова писецъ. Но това е важно-то за насъ, че такава историческа грѣшка е могла да се роди само отъ една причина, отъ това именно, че во време-то на този писецъ (кр. 9-тій в.) земя-та на древни-тѣ Мирмидоняне, (Тесалія) е была заселена съ Славене (Българе). И заселена е была съ тѣхъ тѣй отдавна, що-то Симеоновъ-тъ писецъ не е помнилъ за време-то на това нхно заселване тамъ, а ги е считалъ за прѣвобитни тамошни жители, за потомци на Гомерови-тѣ Мирмидоняне.*) —

Тѣзи свидѣтельства съ несъмнѣнна сила ни увѣрявжтъ, че освѣнь земя-та на Трако-Илирци-тѣ, нови-тѣ пришълци на Балканскій полуостровъ скоро сж проникнжли и въ класически-тѣ земи на Еллинско-то племе и ги сж исполънили и тѣхъ съ свои-тѣ жилища. Казваме исполънили, защо-то свидѣтельства, които токо що приведохме, имжтъ такъвъ смислъ. Ние мыслимъ, че ако читатель-тъ ни е внимателно прочелъ 1-ва-та глава на това списаніе, той нѣма вѣче да пита, какво стана, или кждѣ ся подѣнахж прежни-тѣ жители на тѣзи мѣста. — Ние тамъ рѣказахме вкратцѣ исторія-та на тѣхно-то постъпенно орѣдяване, а такожде и опустяване-то на Балканскій полуостррвъ въ 5-тій вѣкъ. Въ послѣдня-та глава на това списаніе, ние щемъ имаме случай да приведемъ още нѣкои свидѣтельства за този предметъ, а тукъ ще направимъ само слѣдующи-тѣ белѣжки. Свидѣтельства-та на св. Іеронима, Проспера Тирона, Амміана Марцелина и на Малха, които сж были очевидци на Вестъ-Готски-тѣ, Хуннски-тѣ и Остъ-Готски-тѣ бури, свидѣтельства-та на тѣзи очевидци, повтаряме, ако и на половина да ся вземжтъ за вѣрни, все ни увѣрявжтъ, че слѣдъ тѣзи бури Балканскій полуостровъ е заприличалъ на една незаселена страна. Славене-тѣ сж заварили токо малцина отъ древни-тѣ му жители, нъ и тѣ скоро трѣбаше да ся очистжтъ отъ-тамъ, защо-то, както казва Прокшій, Славене-тѣ обыкновенно сж истреблявали всички онѣзи,

*) Има писатели, които приемжтъ тѣзи думи безъ всяка критика, като истиини, и ги привожджтъ за доказателство на своя-та теорія, че древни-тѣ жители на Балканскій полуостровъ сж были Славене. За това щемъ говоримъ въ 5-та глава на това списаніе. —

които имъ сж падали въ ржцѣ.³³⁾ — А пакъ кои можихъ да останжтъ живи, тѣ сж были принждени да ся отдалечжтъ по негостепрімни-тѣ страни на сегашна-та Албанія и Тессалія, или пакъ ся прѣнесохъ въ градове-тѣ на Юго-Источна Тракія, която Славене-тѣ не можихъ да превземжтъ. На днешенъ день въ Албанія и въ Епиръ живѣжтъ около 1,300.000 Арнауते, кои-то ся наричжтъ още Албанци и Шкипетари. То сж останки-тѣ отъ многочисленни-тѣ въ Херодотово време Трако-Иллирійци.³⁴⁾ — А пакъ Власи-тѣ или Куцовласи-тѣ, които живѣжтъ въ горитѣ на Тессалія и самъ-тамъ изъ Българія, сж потомци-тѣ на Римски-тѣ поселенци. — А тѣй называеми-тѣ Гръци, които живѣжтъ самъ-тамъ по градища-та на Европейска Турція и ся наричжтъ Ρωμαῖσι,³⁵⁾ за тѣхъ не може да ся каже, отъ какво именно повлекло сж, нъ и тѣ сж отъ Римско-то или Византійско население на Балканскій полуостровъ. — Слѣдъ това кратко объясненіе, ные ся връщаме пакъ на разсказъ-тъ си. —

Като ся размѣстихъ и утвърдихъ добрѣ въ тѣзи нови за тѣхъ страни, Славене-тѣ, ако и да носехъ едно общо име, не ся съединихъ въ едно политическо тѣло, а ся подѣлихъ на много малки племена, отъ които всяко си имаше особно име и искаше да си живѣе самичко. — Ные не знаемъ имена-та на всички-тѣ тѣзи племена и географическо-то положеніе на всяко едно отъ тѣхъ. Нъ и тѣзи извѣстія, които ни сж съхранили Византійски-тѣ историци за този предметъ, сж доста любопитни. Ные ще ги изложимъ малко по-подробно, зашто-то до сега малко вниманіе ся е обръщало на тѣхъ, а както ще видимъ по долѣ, тука именно, въ разселванъе-то на тѣзи Славенски племена е начало-то на нашій народъ и на негова-та исторія. —

Ето колко, гдѣ и какви Славенски племена още отъ 7-мій вѣкъ ся споменуважтъ у Гръко-Римски-тѣ писатели като постоянни вѣче жители на Балканскій полуостровъ.³⁶⁾ —

³³⁾ Ita Slaveni illos, in quos incidebant, necare erant soliti. Procop. De b. Goth. III. c. 38. —

³⁴⁾ Това е сега вече прието като достовѣрна истина, послѣ ученія трудъ на Hahn-a, Albanesishe Studien. — Lejean, Ethnographie de la Turquie d'Europe.

³⁵⁾ Тѣхъ ги набройватъ до 800.000. Lejean. Ethnographie de la Turquie d'Europe. —

³⁶⁾ По извѣстни-тѣ Гръко-Римски писатели, които ни сж оставили Исторически и Географически извѣстія за тѣзи Славене сж :

а) Между Дунавъ-тъ и Балканъ-тъ, сирѣчь въ древне Римски-тъ провинціи: Малка Скітія, втора Мизія, Дакія (Ripensis и Mediterranea).

1. Сѣверяне въ Добручѣ Σεβέραις.³⁷⁾

2. Седемь Славенски племена, на които имената не ни сж извѣстни. Теофанъ въобще говори за нихъ, че тѣзи septem generationes Sclavinorum сж живѣли ок. 678 г. въ долна или 2-ра Мизія, т. е. покрай Дунава между Добруча-та и р. Тимокъ.³⁸⁾

3. Браничевци. За тѣхъ говори Ейнгардтъ,³⁹⁾ че сж живѣли въ 8-мій вѣкъ въ Dakia-Ripensis, сегашно-то Пожаревацко окръжіе на Сръбско-то княжество. Въ областъ-та на Браничевска-та страна въ средни-тъ вѣкове ся направи градъ Браничево на мѣсто-то, гдѣ-то бѣше Римскій градъ Viminacium. И до сега Сръбскій народъ нарича Пожаревско-то окръжіе Браничево, както ся види изъ пѣсни-тъ на Вука Каражича.⁴⁰⁾

4. Кучеване. И за нихъ свидѣлствова Ейнгардъ. Тѣхни-тъ жилища сж были на Юго-Истокъ отъ Браничевци-тъ, около Кучай-планина.⁴¹⁾

Въ една стара Българска пѣсень, обнародвана въ книгата „Асѣню и пр.“ въ войска-та на Българскій царь Семо ся споменувжтъ и Кучане.

5. Тимочане по край рѣка-та Тимокъ.⁴²⁾ Въ спомежта-та пѣсня срѣщаме и Тучане, което трѣбва да е скратено отъ Тимочане.

6. Мораване, за които свидѣлствова единъ старъ Баварски лѣтописецъ, че сж имали въ областъ-та си около 30 градове. Тѣ сж живѣли нѣкъдѣ около р. Морава.⁴³⁾ Въ

Императоръ Константинъ Багрянородній: De administrando imperio; de themat. —

Теофанъ Chronographia.

Самениата, De excidio Thessalonicensi.

Едно старо Житіе на свети Димитрій Солунскій. —

Ейнгардъ. Vita Caroli Magni, и Annales. По-добры изслѣдованія за тѣхъ сж писали: Tafel, De Thessalonica ejusque agro; Филаретъ епископъ Рижскій: св. Димитрій и Солунскіе Славяне въ Чтеніяхъ Московскаго общества Истор. 1848. N. 6. Шафарикъ-Starožitnosti. —

³⁷⁾ Theophan. у Стрит. III p. 508.

³⁸⁾ Tseoph. Niceph. у Стрит. III. p. 507.

³⁹⁾ Einhard. Annales a. 882.

⁴⁰⁾ Т. II., 161.

⁴¹⁾ Шафарика Starožitnosti §. 30, 3.

⁴²⁾ Einhard. Annales, a. 819.

⁴³⁾ Шафарика Starožitnosti §. 30, 3.

горѣреченна-та стара пѣсня ся споменувать такожде и Моравци въ слѣдующи-тѣ стихове.

„Българи Славяни! Моравци, Кучани и Тучани! „Хубаво ся примѣнете.*)

Б. На Югъ отъ Балканъ-тъ въ провинціи-тѣ: Хемимонтъ, Тракія и Родопъ.

Загорци. На югъ отъ Балканъ-тъ до градъ-тъ Дебелтъ на Чърно-то море. Паметъ отъ тѣхно-то названіе ся е запазила въ названіе-то на Ески-Захара и Ени-Захара. (Стара-Загора и Нова-Загора).

Дреговичи-тѣ сж живѣли по рѣка Драговица, която около Кричимскій мѣнастырь ся съединява съ Карлова, а заедно съ неж се влива въ Марица, по-долѣ отъ Татаръ-Пазарджикъ. Тази областъ тогава, види се, се е называла Драговитія, названіе, което и до сега се е съхранило въ Титулъ-тъ на Филиппополскій митрополитъ, (ἐξάρχος τῆς Θρακίας Δραγουιτίας).—

Мораци (Morra) на источній склонъ на Родопска-та планина (Доспато-дахъ).⁴⁴⁾ Отъ тѣхъ може и рѣка-та Марица да е получила свое-то сегашно названіе. До преселванье-то тамъ на Славене-тѣ тази рѣка се наричаше Хебръ (Hebrus). Георгій Акрополитъ е пръвѣй, който казва, че тя около 1233 г. се е наричала вѣче Марица.⁴⁵⁾ —

в) Въ Македонія и Епиръ, сирѣчь въ провинції-тѣ Дарданія, Македонія, Епиръ.

Сакулати-тѣ се споменувать още въ 7-мѣй вѣкъ, като съсѣдни жители на градъ Солунъ. Въ житіе-то на св. Димитрія се говори, че около 670 г. Сакулати-тѣ заедно съ още нѣкои Славенски племена ходили да обсаждавтъ Солунъ. — За нихъ говори още и лѣтописецъ Камменіата.⁴⁶⁾

*) О Асѣню първому и пр. стр. 69.

⁴⁴⁾ Една часть отъ Македонски-тѣ Българе, именно тѣзи, които заселявтъ 100-тина села между Стресь и Неврокопъ по край западній склонъ на Доспатъ и сега се наричтъ Марвацѣ. Виж. Григоровича Путешеств. по Европейской Турціи и Верковича Описаніе быта Македонскихъ Болгаръ. Моск. Унив. Извѣстіе 1868. N. 3. Дали въ тѣхно-то названіе не се е запазило названіе-то на Мараци-тѣ (Μαῖρρα)?

⁴⁵⁾ ad fluvium, qui Maritza a multis vocatur. . . . у Стр. III. 728.

Шафарикъ, а слѣдъ него и други още мислятъ, че Марица е съкратено отъ Моравица. Мораци сироти тѣхно мнѣніе трѣбва да е такожде съкратено отъ Моравци.

⁴⁶⁾ Vita s. Demetrii гл. 158. 185. Tafel, de Thes. p. 52, 59. У Стрит. II. p. 94. —

Дреговичи. Въ житіе-то на св. Димитрія и тѣ се споменуваѣтъ, като съюзници на Сакулати-тѣ. — По разказъ-тъ на единъ Византійски историкъ и тѣ сж живѣли около Солунъ.⁴⁷⁾

Бързаци (Βερζῆται). Тѣ такожде сж ходили съ Сакулати-тѣ и Дреговичи-тѣ да обсаждаваѣтъ Солунъ около 670 г. Около 799 ные срѣщаме Бързаци-тѣ въ Атика. Не се знае добрѣ, гдѣ именно сж были тѣхни-тѣ жилища. — Ные предполагаме, че тѣ сж живѣли негдѣ на Югъ отъ Охридско-то езеро, между Охрида и Битола, гдѣ-то и сега Българе-тѣ се наричаѣтъ Бърсяци или Бързаци.⁴⁸⁾

Смолени. На граница-та между Тракія и Македонія край рѣка-та Мста.

Струмяне около рѣка-та Струмица, която сега се нарича и Кара-Су.⁴⁹⁾

Ренхини, (Ρουχίνοι или Ρεντίνοι) съсѣди на Струменци-тѣ по рѣка Вардаръ (Axius).⁵⁰⁾ Тафелъ доказва, че тѣ трѣба да сж живѣли на Истокъ отъ Солунъ, между езеро-то Бешикъ и Стримонскій заливъ.⁵¹⁾ —

Войнички. Споменуваѣтсе въ житіе-то на св. Димитрія около 670 г.⁵²⁾ Тѣ трѣба да сж живѣли около градъ-тъ Радовище въ Македонія.⁵³⁾

Велесичи (Βελεγεζῆται и Βελεζήται) се споменуваѣтъ такожде въ житіе-то на св. Димитрія заедно съ Драговичи-тѣ, Сакулати-тѣ, Войнички-тѣ и Бързаци-тѣ.⁵⁴⁾ Жилища-та на Велесичи-тѣ сж были въ Южна Тессалія, гдѣ-то и до сенова се е завардила паметъ зарадъ тѣкъ въ име-то на градъ-тъ Велестино. Види се, че и градъ Велесъ въ Македонія отъ нихъ е получилъ име-то си. —

Загорци въ Тессалія и Епиръ. —

г) Въ Еллада (Ливадія), и Целопонесъ.

За Славене-тѣ, които се поселихъ въ Еллада и Целопонесъ, ные имаме твърдѣ малко подробни Исторически свидѣтельства. Нѣма съмнѣніе, че ако още въ 6-тій вѣкъ тѣ сж

⁴⁷⁾ Sammeniat. у Стр. II. 95. —

⁴⁸⁾ Виж. J. Григоровича стр. 196. и Верковича Унив. Изв. 1868. N. 3.

⁴⁹⁾ Vita s. Dem. с. 158.

⁵⁰⁾ Ibidem. Гильфердингъ мысли, че истинно-то имъ име трѣба да е было Рждаис. В. Письма II. стр. 4.

⁵¹⁾ Thessalonі р. 59.

⁵²⁾ V. S. D. гл. 158.

⁵³⁾ Шафарика Starožitnosti §. 30, 4.

⁵⁴⁾ Vita S. D. с. 158.

врьхлели въ Грьція (Graecia a Slaveniis vastata est) и ако въ 8-мій отъ тѣхъ ἐσθλαυόθη πᾶσα ἡ χώρα (Пелопонесъ), ако най послѣ тѣ и въ 10-тій вѣкъ сж населявали πᾶσαν Ἑλλάδα σχεδὸν καὶ Πελοπόννησον, нѣма съмнѣніе, казваме, че тѣ и тамъ сж были многобройни. — По-ясни свидѣтельства обаче ные имаме само за слѣдующи-тѣ отъ тѣхъ:

1. Милци (Μιληγγοί). За тѣхъ се разсказва, че около 830 г. сж се вдигали противъ Византійска-та власть, която е трѣбвало около 30 годинъ да воюва съ тѣхъ за да ги умири.

2. Езерци (Ἐζερίται) сж были въ сѣюзъ съ Милци-тѣ⁵⁵⁾ — Тѣзи двѣ плдмена сж живѣли въ Лакедемонія и Еллада и сж населявали всичка-та гора Пентадактиль (Тайгетъ). Константинъ Багрянородній говори за тѣхъ, че тѣ най-храбро отъ всички-тѣ Славене въ Пелопонесъ сж защищавали своя-та свобода противъ Византія и останѣли сж свободни и тогава, когато тѣхни-тѣ братія и съсѣди сж были вѣче покорени отъ Византія. Отъ това свидѣтельство ясно се види, че освѣнъ тѣхъ въ Пелопонесъ, а также и въ други-тѣ Грьцки области сж се заселили още много Славенски племена; нъ отъ нихъ ные знаемъ имена-та само на двѣ още, които сж: Маніаци, които сж населявали Южній склонъ на гора Тайгетъ.

3. Велесичи сж живѣли и въ Беотія, а тѣй исто и въ Атика. Въ 799 г. нихній начальникъ Окомиръ Ἀχαμήροз се е распоредаль въ Атина, и искалъ е отъ-тамъ да постави на Византійци-тѣ Императоръ по своя-та воля.⁵⁶⁾ —

Ето колко Славенски племена сж се намирали още отъ 6-тій, 7-мій вѣкъ на Балканскій или Трако-Иллирски полу-островъ. — Трѣба да кажемъ при туй, че ные изброихме само тѣзи, за които имаме вѣрни извѣстія и които тогавашни-тѣ историци заедно съ племенни-тѣ имъ названія наричѣтъ и съ общо-то на всички-тѣ име — Славене. А кой може да рѣче, че тамъ не е имало и други още Славенски племена, за които Византійски-тѣ писатели не сж имали случай да споменѣтъ? Ные обаче не твърдѣ жалимъ за това, и тѣзи, за които навѣрно знаемъ и които преброихме сж достаточни да покажѣтъ, че по онѣзи времена на Балканскій полуостровъ не сж вѣче живѣли древни-тѣ му жители, и че той е вѣче

⁵⁵⁾ Конст. Багрянородн. у Stritter II. p. 94.

⁵⁶⁾ Theoph. Zonar. у Стрит. II. p. 84.

былъ напълненъ съ нови племена, които сж говорили единъ языкъ и заедно съ племенни-тѣ си имена сж носили и едно общо названіе Славене (*Σκλαβηνοί, Σθλάβοι, Σλάβοι*). —

Казахме, че всички-тѣ тѣзи племена сж се размѣстили по Балканскій полуостровъ въ 6-тій вѣкъ и въ прѣва-та половина на 7-мій, но никакъ не по-късно. Отъ срѣда-та на 7-мій вѣкъ не намираме вѣче никакви свидѣтельства за нови Славенски дружини да сж минували тамъ отъ къмъ Дунава. Та и да сж искали да минуватъ, то не е было вѣче възможно, защото, както ще видимъ по-надолѣ, този пѣть се затвори около срѣда-та на 7-мій вѣкъ. — Поради това, макаръ за нѣкои отъ горѣизброенни-тѣ племена и да се споменува прѣвъ пѣть само въ 8-мій вѣкъ, то отъ това не трѣбва да се мисли, че тѣ токо тогава сж и мигли. Тѣ ако и да се споменуватъ прѣвъ пѣть тѣй късно, но споменуватъ се, като отдавнашни жители въ тѣзи си жилища. А че тѣ не сж имали щастіе да имъ се внесе име-то по-рано въ исторія-та, това никакъ не е чудно. „Славене-тѣ не сж имали тогава свои историци „или лѣтописци, а пакъ Византійци-тѣ не сж знаели, що се „е врьшило въ онова време по Балканскій полуостровъ. Нимъ „тогава отъ него принадлежала е само Тракія (южна-та) и още „нѣколко точки по Морски-тѣ му брѣгове“. ⁵⁷⁾

Това нѣщо е ясно, и не иска други доказателства, нѣ ные си позволяваме да приведемъ поне едно. —

За Милци-тѣ и Езерци-тѣ, които, както видѣхме, сж се были заселили въ Лакедемонія, покрай гора-та Тайгетъ, за нихъ прѣвъ пѣть се споменува въ начало-то на 9-тій вѣкъ. Но че тѣ не тогава прѣвъ пѣть сж се поевили тамъ, за това нѣма съмнѣніе. Едно официално Византійско свидѣтельство потвърждава, че 218 год. прѣди царуванье-то на Императора Никифора всичкій Пелопонесъ (Мореа) е былъ заселенъ съ Славене (. . . ἐπὶ διακοσίαις δέκα ὀκτὼ χρόνοις ὅλοις κατασχόντων τὴν Πελοπόννησον). ⁵⁸⁾ А като вземемъ во вниманіе, че Императоръ Никифоръ е царувалъ отъ 802 до 811, то излази, че още отъ конецъ-тъ на 6-тій вѣкъ Милци-тѣ, Езерци-тѣ, а такожде и други още Славенски племена, имена-та на които не ни сж се съхранили, были сж водворени въ Пелопонесъ. —

⁵⁷⁾ Geschichte der Halbinsel Morea, Fallmerayer, p. 211.

⁵⁸⁾ Leunclavius, Jus Graeco-Romanum p. 278. Ed. Francf. Fallmerayer-Gesch. der Halbinsel Mor. t. I p. 183.

III.

Дожаждане-то на Аспарухова-та дружина на Балканскій полуостровъ, основаніе-то на Българско-то царство; начало-то на сегашній Български народъ. Погръчванье-то на нѣколко славенски племена; происхождение-то на сегашни-тѣ Гръци.—

Ные нѣмаме подробни извѣстія на взаимни-тѣ отношенія между многобройни-тѣ славенски племена на Балканскій полуостровъ въ 6-тій и 7-мій вѣкъ. Нъ и по тѣзи кратки и распръснати свидѣтелства, които ни сж оставили Византійски-тѣ историци и за този предметъ, ные можемъ доста добръ да си прѣдставимъ, какъвъ характеръ сж имали тѣзи отношенія. За достовѣрно се знае, че тѣзи Славене, отъ-както съ общи сили отнехъ отъ Византійска-та Имперія земи-тѣ, въ които се заселихъ, не можихъ да съставятъ едно политическо тѣло или поне единъ политически съюзъ: всяко племе е искало да си живѣе особено, подъ свое-то племенно име. — Ако да бѣше се случило, да ги описва Херодотъ, ные не се съмнѣваме, че той щеше да ги опише съ такива думи, съ какви-то, вѣдѣхме, той описва прежни-тѣ жители на Балканскій полуостровъ, Трако-Илирци-тѣ. — И за Славене-тѣ той щеше да каже: „народъ многочисленъ, но не могъщественъ, защото се „е подѣлилъ на много племена, отъ които всяко иска да бѣде „само по себе.“ — При това стрѣмленіе на тѣзи многобройни племена, нѣма съмнѣніе, че тѣ още сж и враждовали по между си: или за преднина, или за по-добри-тѣ области или пакъ по други причини. Ные не щемъ ся излъгъ, ако кажемъ и за тѣхъ сжщо-то, което пръвій Славенски лѣтописецъ казва за взаимни-тѣ отношенія между Славенски-тѣ племена въ сегашна Россія. Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ.... И почаша сами въ собѣ володѣти; и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.¹⁾

Такива взаимни отношенія се установихъ и между Южни-тѣ Славенски племена, отъ-както тѣ ся разселихъ по Балканскій полуостровъ. Това разглобено, тѣй да рѣчемъ, тѣхно положеніе

¹⁾ Лѣтопись Нестора г. 6370. —

давало е на Византия възможност да се пооправи отъ бѣдствен-
но-то положеніе, въ което жь докарахъ тѣзи племена, кога-то
тѣ съ общи сили, рѣководими отъ една обща цѣль, ударихъ
на нежъ. Тя намѣри сега сгоденъ случай да начене война съ
разъединени-тѣ вѣче и не сговорни по между си тѣзи племена,
случай който ѝ даваше възможност лесно да ги подсеби едно
по едно всички-тѣ. Но ето, че около половина-та на 7-мій вѣкъ
явява се отъ кѣмъ Дунава нова дружина, която оцети благи-тѣ
надежди на Византийското правителство. На тази нова дружина
е было рѣчено да турпъ край на племенній животъ между сла-
вене-тѣ на Балканскій полуостровъ и да ги съедини по-вечето
въ едно ѣко политическо тѣло, което да може да спасе, заедно
съ независимостъ-та, и народностъ-та на Славене-тѣ. Казваме
и народностъ-та, защо-то е извѣстно, че подвластни-тѣ на
Византия народи лесно губѣхъ народносъ-та си и ставахъ
безъродни Ромеи. Тази дружина, на която бѣ отсѣдено да
запази многобройни-тѣ Славенски племена отъ Византийска-та
власть и пагубна за народността имъ политика, и да създаде
отъ тѣхъ една силна славенска дръжава на Балканскій полу-
островъ, тази дружина, както ще покажемъ, не бѣ многобройна,
но бѣше воинственна, защо-то освѣнъ война-та, други занятія
не познаваше. Освѣнъ това, тя не бѣ отъ Славенскій родъ,
а бѣше отъ едно съвсѣмъ друго порекло, и съставяше частъ на
едно Чудско, или финско племе, называемо Блъгаре.²⁾
Въ 1-ва-та половина на 7-мій вѣкъ това племе съставяше
една доста голѣма орда, която се скиташе между рѣки-тѣ
Донъ и Волга. Около 660 година, кога-то умрѣ неина
силенъ начальникъ Кубратъ, тя се раздѣли между негови-тѣ
петъ сынове на петъ малки орди, отъ които само двѣ останахъ
да се скитѣтъ на бащино-то си мѣсто.³⁾ Други-тѣ три се

²⁾ Тунманнъ и Енгель сж доказвали, че тѣзи Блъгаре сж отъ Татарско
порекло, Райчъ и Венелинъ сж ги приѣмали за Славене, въ наши дни се
появи една нова теорія за нихъ, която ги искарева Монголи. Особно много е
распространено сега едно мнѣніе, което ги искарева за една смѣсъ отъ Татар-
ско-то и Чудско-то племе и ги нарича Финно-Татаре. — Ние приѣмаме Шафари-
ково-то мнѣніе, че тѣ сж были отъ Чудско или Финско порекло. При това бързае
да забелѣжимъ, че насъ твърдѣ малко ни занимава порекло-то на тѣзи Блъгаре,
защо-то този въпросъ си нѣма мѣсто-то въ исторія-та на нашій народъ, който
не е тѣхънъ потомокъ и нѣма нищо общо съ тѣхъ, освѣнъ само име-то, което
той случайно приѣ отъ тѣхъ.

³⁾ Тѣ испослѣ се премѣстихъ малко нѣщо по-на сѣверъ и тамо между
р. р. Волга и Кама основахъ едно царство, което трая до 13-тій вѣкъ. Русски-тѣ
князове въ 10-тій и 11-тій вѣкъ често сж имали война съ това царство, и по-

пръснахъ да си тръснѣтъ жилища въ други нѣкои мѣста. Една отъ тѣхъ премина въ Паннонія (въ сегашн. Венгрія), друга пакъ влѣзе въ Италія и се посели тамъ въ Беневентска-та областъ, а пакъ третия-та се спусна къмъ устие-то на Дунава, гдѣ-то се и зацрѣ само нѣколко време. Неина началникъ, 3-тій сынъ кубратовъ, Аспарухъ, като се запозна тукъ съ работи-тѣ на Балканскій полуостровъ, намѣри за сгодно да преведе своя-та орда тамъ. Въ 679 г. той е преминѣлъ съ своя-та орда на югъ отъ Дунава, гдѣто въ скоро време е покорилъ сѣверяне-тѣ и други-тѣ седемъ Славенски племена, кои-то бѣхъ се поселили между Балканъ-тъ, Дунава и Чърно-то море. Като съедини подъ властъ-та си тѣзи осемъ племена, Аспарухова-та орда, или по-добрѣ да кажемъ дружина, чрезъ това положи начало за обединяванье-то на Славенски-тѣ племена по всичкій Балканскій полуостровъ въ едно политическо тѣло. Ные нѣма да разказваме подробно исторія-та на това обединение, ще забелѣжимъ само, че то трѣгна успѣшно, тъй щото по-голяма-та частъ отъ тѣзи племена въ 8-мій вѣкъ се управлявахъ вѣче отъ единъ човѣкъ, отъ една воля и съставяхъ единъ могъщественъ народъ, една силна дръжава. Тазн дръжава пріе името на завоевателна-та Аспарухова орда, която положи пръвій камикъ въ нейно-то основаніе, нарѣче се Българско царство. Отъ тогава племенни-тѣ названія на тѣзи Славенски племена, изъ които възникна тазн дръжава, захванахъ да исчезнѣтъ. Тѣ всички-тѣ като граждане вѣче на една дръжава, като части на едно политическо тѣло, захванахъ да забравнѣтъ свои-тѣ племенни особности, слѣхъ се въ единъ народъ, който получи име-то на дръжава-та, въ която се извърши тѣхно-то тѣсно съединение и се нарѣче Български народъ, Българе. — А пакъ сами-тѣ Българе, т. е. онази малка орда или дружина, която внесе между раздробени-тѣ Славенски племена политическо-то единство, въ скоро време се затри между многобройни-тѣ Славенски племена, поглѣнахъ се въ този съединенъ на едно елементъ, безъ да оставнѣтъ въ него нѣкаква слѣда отъ своя-та инородна народность.

ради това Русски-тѣ лѣтописци ни сж оставали доста подробни извѣстія за него. То трая, както казахме, до 13-тій вѣкъ, догдѣ най-послѣ Батмевитѣ татари не го разсипахъ, които поглѣнахъ народностьта му въ своя-та народность. Една доста голѣма частъ отъ камски-тѣ Българе се поглѣна пакъ отъ Русската народность, тъй щото и тѣ се загубихъ до единъ. —

Тъй се образова наший народъ. Макарь и да пріе име-то си отъ една малка Чудска орда, той ни най-малко не воде родъ-тъ си отъ неж, а е потомокъ на онѣзи многобройни Славене, които въ 6-тій и 7-мій вѣкъ напълнихъ Балканскій полуостровъ. И това нѣщо не е единчѣкъ случай въ исторія-та: тя ни представя много подобни примѣри, отъ които нѣка ни бжде позволено да припомнимъ единъ-два. —

Всеки знае, че сегашни-тѣ Французи сж потомци на древни-тѣ Галло-Римляне. Тѣ нѣмхтъ нищо общо съ Нѣмско-то племе и съставляхтъ една нація съвсѣмъ противоположна нему. Но при всичко това, тѣхно-то сегашно названіе: Французи, Франки или Френци, а такожде и названіе-то на тѣхна-та земя Франція, тѣзи названія сж взети отъ име-то на една Нѣмска дружина — Франки (Francs, Frank). — Въ половина-та на 5-тій вѣкъ слѣдъ Р. Хр. тази нѣмска дружина премина презъ Рейнъ, покори Галло-Римски-тѣ жители и създаде отъ тѣхъ едно царство, комуто даде свое-то названіе, като го нарече Франкско царство. Това названіе послѣ премина и на покоренни-тѣ отъ тази Франкская дружина Галло-Римляне, а такожде и на земя-та имъ, които и до сега се гордѣтъ съ него, безъ да престанхтъ чрезъ това да се считхтъ, като една съвършено особна отъ Нѣмци-тѣ нація, даже противоположна нимъ. —

Още по-ясенъ примѣръ ние намираме въ Русска-та исторія. —

Въ 9-тій вѣкъ слѣдъ Р. Христ. въ сегашна-та Европейска Россія живѣхъ нѣколко Славенски племена, отъ които по извѣстни-тѣ сж: Поляне, Древляне, Сѣверяне, Дреговичи, Словѣни (Новгородци), Полочане, Кривичи (Смоляне), Бужане, Велыняне, Дулѣбы, Угличи, Тиверцы и пр. Тѣ сж живѣли тамъ раздѣлно едно отъ друго, или както свидѣтелствова преподобній Несторъ особѣ. Всяко си е имало княженіе свое, и поради това быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша на ся. Въ половината на 9-тій вѣкъ отъ къмъ Балтійско-то море дойде въ земя-та на тѣзи Славенски племена една малка дружина подъ предводителство-то на Рюрика и покори испрво двѣ отъ тѣхъ: Новгородци-тѣ и Кривичи-тѣ (Смолене-тѣ), отъ които създаде едно малко княжество. Наслѣдници-тѣ Рюрикови присѣдинихъ къмъ това княжество и други-тѣ тамошни Славенски племена.

и ги слѣхъ въ едно тѣло, което състави единъ голѣмъ народъ. — Рюрикъ и негова-та дружина не бѣхъ Славене, а принадлежехъ на едно Варяжско (Скандинавско) племе, което се наричаше Русь. Това свое племенно название тѣ оставихъ на ново-създаденна-та си отъ Славенски племена държава, която по тази причина се нарѣче Русско Государство; съ това название и съединени-тѣ вѣче въ едно политическо тѣло, въ единъ народъ, Источни Славенски племена трѣбаше да замѣнятъ прежни-тѣ си племенни названия, и да се наричатъ вѣче съ едно общо име Руси, Русскіе. Съ име, повтаряме, което до тогава носеше едно Скандинавско племе, на което принадлежеше Рюрикъ и негова-та дружина. —

Изъ тѣзи примѣри ние видимъ, че и съ нынѣшни-тѣ Французи и Руси се случи сѣщо-то, което видѣхме да стане и съ нашия народъ. И на три-тѣ тѣзи народа бѣ отсѣдено да взематъ народно име отъ съвсѣмъ противоположни тѣмъ племена, т. е. на Галло-Римляне-тѣ отъ Нѣмски-тѣ Франки, на Источни-тѣ Славене отъ Скандинавски-тѣ Руси, а пакъ на Балкански-тѣ Славене отъ Чудски-тѣ Българе. — Но чрезъ това никакъ не сж измѣни народность-та на тѣзи три народа: дружини-тѣ, които ги обединихъ бѣхъ малобройни и скоро трѣбваше да потънатъ тѣй, щото освѣнь име-то имъ почти нищо не се съхрани отъ тѣхъ. — Старій Галло-Римлянинъ захвана да се наричъ Франкъ, Фрацузъ, безъ да се преврѣне въ Нѣмецъ; Источній Славенинъ захвана да се наричъ Русъ, Русинъ, като си стана чистъ Славенинъ. Тѣй исто и Балканскій Славенинъ пріеи во народно име Българинъ, безъ да стане чрезъ това, ни най-малко, Финнъ или Чухонецъ, или пакъ както се иска на нѣкои Татаринъ. — И въ три-тѣ тѣзи народности пришелческій, завоевателнй народенъ елементъ трѣбаше въ кѣсо време да исчезне, да се погълне въ завоеваній безслѣдно. —

Въ наше време никой нѣма да се наемне да доказва, че Французи-тѣ сж Нѣмци на това основаніе, че тѣ носѣтъ име-то на Нѣмски-тѣ Франки. Никой не бы се наелъ да доказва, че днешній Русскій народъ е Скандинавско племе, защо-то носи име-то на Скандинавски-тѣ Руси. Такова едно доказване было бы безумно и смѣшно. — Тѣй исто трѣбаше да бжде, ако нѣкой се вземеше да искарва по сѣща-та логика,

днешни-тѣ Българе за Финско или Чудско племе. — При всичко това намирали сж се много изслѣдователи, които сж сждили тѣй за наший народъ, та и до днешенъ день се изказвѣтъ подобни сжжденія!⁴⁾ —

Слѣдъ тѣзи обесненія, които ные почетохме за нужно да приведемъ тукъ, нѣка да се врънемъ пакъ къмъ разказъ-тъ си. Ные видѣхме, какъ се образова Българско-то царство на Балканскій полуостровъ и какъ се заложи основаніе-то на Българскій народъ. Нѣкои отъ Славенски-тѣ племена, именно тѣзи, които живѣхъ въ Южна Македонія, въ Тессалія, Епиръ, въ Елада (Ливадія) и Пелопонесъ не можихъ да влѣзѣтъ веднага въ съставъ-тъ на това царство и трѣбаше да се подчинѣтъ малко или много на Византійска-та Имперія, която за да може да ги унази подъ властъ-та си, старала се е малко по малко да ги приучава къмъ свои-тѣ порядки и да умегчи тѣхна-та лютость съ кротко-то Христіанско ученіе. И тѣй, кога-то Славене-тѣ, които се съединихъ и съставихъ едно царство по име Българско, когато тѣзи Славене дръжехъ още вѣра-та на свои-тѣ отцы, кѣснѣхъ въ езычество-то: тѣхни-тѣ братіе подъ властъ-та на Византія преминувахъ малко по малко въ Христова-та вѣра, ставахъ Христене. — Като граждани на Византійска-та Имперія, тѣзи Славене сж се ползовали съ еднакви правдини заедно съ други-тѣ Византійски подданици: стѣпяли сж въ Византійска служба, военна, гражданска и даже църковна. Тѣй на примѣръ въ 766 г. на 16 Ноемврія, на Патріаршескій престолъ въ Константинополь се вѣскачи единъ отъ тѣзи Славене именемъ Никита (Νικήτας ὁ ἀπὸ Σθλάβων.⁵⁾) — Императоръ Василій Македонскій, родоначалникъ-тъ на Македонска-та династія, която около двѣ-стѣ години сѣда на Византійскій престолъ, и той излѣзе отъ тѣзи Славене. Единъ Арабски писатель, Хамза Испаханскій, който е былъ съвременникъ на Императора Василія, право говори за него, че е былъ родомъ Славенинъ.⁶⁾ Сжщо-то свидѣтельство-

⁴⁾ Ные щемъ имаме случай да запознаемъ читатели-тѣ съ нѣкое и друго отъ тѣзи сжжденія; то ще бѣде въ послѣдня-та глава на това снисаніе.

⁵⁾ Theoph. p. 370. За този патріархъ ἀπὸ Σθλάβων споменуваѣтъ още Кедринъ, Гликъ, Зонарь, Патріархъ Никифоръ и Анастасій. — Тѣ всички-тѣ въ единъ гласъ укоряватъ Патріархъ-тъ Никита за това, че връвялъ по воля-та на Иконоборецъ-тъ Константинъ Копронимъ, и сами былъ Иконоборецъ. —

⁶⁾ In notis Reiskii ad Const. Porphy. — Ceremoniae Aulae Byzant. p. 142. Krug, Byzant. Chron. p. 167.

вжтъ и Византійски-тѣ писатели, като говоржтъ за него, че се е родилъ въ околности-тѣ на Адрианополь (*in agro Adrianopolitano, Adrianopolitanus patria*,⁷⁾ слѣдователно не въ Македонія. А наричжтъ го Македонски за това, защото по народность-та си той не е былъ нито Гръкъ, нито Ромей, но Македонецъ (*fuit Basilius genere Macedo, Adrianopolitanus patria*). Подъ име Македонци тѣзи писатели сж разумѣвали Славено-Българе-тѣ, които въ онова време сж населявали вѣче, както видѣхме, всички Македонія. Ные знаемъ едно свидѣтелство, кое-то показва, че и въ по-подирни-тѣ вѣкове Българе-тѣ сж были извѣстни между Гръко-Римляне-тѣ подъ име Македонци. — Въ Ватиканска-та библиотека (въ Римъ) съхранява се една прекрасна Българска ржкопись, писана въ 1348 год. во време-то на Българскій царь Іоаниъ Александръ. Тази ржкопись съдръжа въ себе лѣтопись-тъ на Византійскій лѣтописецъ Манасія преведенъ на Славено-Българскій езикъ, види се, по желаніе-то на сжщаго Царя Іоанна Александра. — Тя е украсена съ много изображения на много лица и происшествія, взети отъ священна-та, отъ Римска-та, Византійска-та, а такожде и Българска-та исторія. — Въ само-то ѝ начало на 1-во-то листо, е изобразенъ Іоаниъ Александръ въ Императорска-та си корона, надъ него стои ангелъ, който се спуща отъ небо-то и носи въ ржка вѣнецъ за Іоанна Александра Надъ това изображение е написано: **Іоаниъ Александръ въ ХА БА вѣрен црь и самодръжецъ въсьм Българомъ и гръкомъ.**

Нѣкой си Латински писецъ, не се знае кога, написалъ е отдолъ подъ това изображение: *Iohannes Alexander Macedo, ad cuius petitionem iste liber fuit translatus de Graeco in Slavonico*, т. е. Іоаниъ Александръ Македонецъ, по желаніе-то на кого-то тази книга се преведе отъ Гръцки на Славенски.⁸⁾ Ные не можемъ тѣчно да опредѣлимъ, въ кой вѣкъ именно е приписана тази Латинска надпись, по това не е и

⁷⁾ *Georgii monachi vitae recent Imperat. p. 396; Symeonis Logoth. annales p. 326.*

⁸⁾ Вземаме тѣзи подробности отъ *Kalendar. Ecclesiae Universae Assemanii* Римъ, 1755. t. V p. 203. и слѣд. Обръщаме вниманіе-то на наши-тѣ съотечественици на този безцѣнъ за наша-та старина паметникъ. Отъ Български-тѣ царье въ него сж изобразени: Крумъ, Борисъ I, Симеонъ, Борисъ II, Самуилъ, Гавриилъ Романъ, Іоаниъ Владиславъ, домочадіе-то на Іоанна Александра: царица-та му и три-тѣ му сина и пр. Изобразени сж такожде нѣколко событія отъ Бл. Исторія, като Кръщеніе-то на Българе-тѣ, нѣколко войны съ Византія и пр.

твърдѣ важно за насъ. Главно-то е това, че този, който жъ е писалъ, называлъ е Българе-тѣ Македонци, а царь-тъ имъ Македонецъ. Това не оставя никакво съмнѣніе, че и Византійски-тѣ писатели, които наричжтъ Императора Василия Македонецъ (Macedo или genere Macedo) съ това потвърждавжтъ свидѣтелство-то на Испаханскій писатель Хамза, че този Императоръ е былъ отъ Славенска рода, или по-добрѣ да кажемъ отъ Българска. Единъ нашъ писатель отъ 14-тій вѣкъ такожде потвърждава това, като говори, че Василий е былъ **ѿ села Бѣлипра** близъ Одрина града.⁹⁾ — На млади години Василий отиде да трѣси щастіе въ Константинополь, гдѣто и сполуча да найде служителско мѣсто при императорскій дворъ. Тамъ съ свои-тѣ способности, а особено съ своя-та необыкновенна тѣлесна сила той обрѣна на себе вниманіе-то на Императора Михаила III, който го възлюби, захвана да го възвышава, а най послѣ го направи и Кѣсаръ т. е. второ лице слѣдъ себе си въ Имперія-та. Като се намѣри тѣй високо поставенъ, Василий поиска да стане и Императоръ; уби благодѣтель-тъ си и самъ сѣдна на мѣсто-то му, на Императорскій тронъ. — Въ Византійска-та исторія се срѣщжтъ още много знатни лица отъ тѣзи Славене, които додохж подъ Византійска-та власть. — А пакъ по-долни чиновове, като на пр. чиновници, служители, прости офицери и воини, отъ тѣхъ е имало безбройно много: цѣли легіони сж были набирани отъ тѣхъ. —

Това бѣ само голѣмо зло, че всички тѣзи на Византійска служба Славене, като сж се научвали по Гръцки, лесно сж забравяли свой-тъ майчинъ езикъ, а за едно съ него и народность-та си, превърщали сж се въ Гръци или Ромеи. Живъ примѣръ на това сж Императори-тѣ Юстиніанъ (Управда) и Василий Македонски. Првій се е родилъ, както казахме, въ село Ведрено, отъ родители Истокъ и Бѣгленица; вторій такожде е былъ отъ едно Славено-Българско село Бѣлипра и исто отъ Славено-Българска рода. Нъ исторія-та не знае, ни за единъ-тъ, ни за другій да си сж помнили родъ-тъ. — За погрѣчвање-то на подчиненни-тѣ Византіи Славене много е по-

⁹⁾ О персв. лѣт. Ман. Черткова, стр. 23. Чертковъ по поводъ на това свидѣтелство привожда пѣколко доказателства, които ясно потвърждавжтъ, че както Бѣлипра, тѣй и всичка-та околность на Адрианополь и тогава сж были заселени съ Славене (Българе).

магало и това, гдѣ-то тѣ, като ставахъ Христене, бѣхъ при-
нѣдени да слушжтъ Слово-то Божіе на Грьцкій езикъ, зашто-то
Славенско-то писмо и Славенски-тѣ книги още не бѣхъ
се поевили. Тѣзи, които не сж разбирали Грьцкій езикъ, не
сж могли да разбиржтъ Христово-то ученіе, зашто-то тоуж-
днимъ жзыкѣмъ Слово слышаще, мѣдна звона гласъ
слышите.¹⁰⁾ А пакъ кои-то, за да можтѣ да разбиржтъ
слово-то Божіе, сж се научвала Грьцки, тѣ такожде лесно сж
забравяли езикъ-тѣ си и народность-та си, сир. погръчвали
сж се. — Това зло за Славенска-та народность не се пре-
кѣсна и тогава, когато се покрѣстихъ свободни-тѣ Славене
въ Блъгарско-то царство, а заедно съ това поевихъ се Сла-
венски-тѣ писмена, и Слово-то Божіе быде преведено на Сла-
вено-блъгарски езикъ. Отъ това велико дѣло на свети-тѣ
Солунски братіе и учителіе Словенскому роду, отъ тѣхно-то
велико дѣло, повтаряме, се воспользовахъ само тѣзи Славене,
които влѣзохъ рано или късно въ съставъ-тѣ на Блъгарско-то
царство и сѣдинихъ се въ единъ народъ, народъ силенъ,
отъ кого-то Византія треперяше и не смѣше да му налага
свои-тѣ обычаи, нито пакъ да му прети да слуша Слово-то
Божіе и да се просвѣщава на свой-тѣ си езикъ. — Тѣзи тѣй
честити и укрѣпени противъ пагубно-то Византійско вліяніе
Славенски племена бѣхъ слѣдующи-тѣ: Сѣверяне-тѣ, Седемъ-тѣ
племена между Дунава и Чърно море, на които имена-та ни
сж останали неизвѣстни, Браничевци-тѣ, Кучеване-тѣ, Тимо-
чане-тѣ, Мораване-тѣ, Загорци-тѣ въ Сѣверна Тракія, Тра-
кійски-тѣ Драговичи, Маради-тѣ (Мървади?), Сакулати-тѣ,
Македонски-тѣ Драговичи, Бързаци-тѣ, Смолене-тѣ, Струмяне-тѣ,
Ренхини-тѣ (Реждане), Воиничи-тѣ, Веселичи-тѣ и още
нѣкои, които не ни сж извѣстни. — Тѣзи племена съставяхъ
Блъгарско-то царство и Блъгарскій народъ, кога-то царъ Бо-
рисъ се покрѣсти въ 861 год.¹¹⁾ Тѣ само и быдохъ честити

¹⁰⁾ Тѣзи думи привоздаме отъ Слово-то на блажепній нашъ учитель,
св. Кирилъ. Това слово се срѣща въ много ръкописни Евангелія, като преди-
словіе. —

¹¹⁾ Че тѣй далеко се е прѣстирало Блъгарско-то царство при Бориса,
това ни го потвърждавжтъ сами-тѣ Византійски писатели. — Симеонъ Логотетъ
свидѣтелствова, че Императоръ Михаилъ III. отсѣпилъ Борису всички сѣверни
Тракія до Дебелтъ, сирѣчь до сегашній Ело-Вургасъ. Тази страна се е наричала
тогава Загоріе (ἀπὸ τῆς Σιδηρῆς . . . , ἄχρι τῆς Δεβέλτου ἣτις οὕτω καλεῖται Ζα-
γορία); сжщо-то свидѣлств. Зонарь, Келринъ и др. — у Стриттера t. 111. р.
372 и сл. — А пакъ, че всички Македонія е была принадлежала тогава на Блъ-

да се просвѣщаважтъ съ Христово-то учение на свой-тъ езикъ. — А пакъ други-тѣ тѣхни братіе, които се населихъ въ старо-Гръцки-тѣ области и ги ославенихъ, тѣ останахъ откъснати отъ Българско-то царство, и бѣхъ принждени самички да се боржтъ съ пагубна-та за народность-та имъ Византійска власть. Твърдѣ е занимателна тази тѣхна борба, та нѣка ни дозволжтъ читатели-тѣ да кажемъ и за нежъ нѣколко думи. —

По всичко се види, че тази борба е била твърдѣ упорна и продължавала се е нѣколко вѣкове. — Макарь и да сж были оставени сами на себе си и не сж имали никаква подпора отъ страна-та на свой-тѣ силни братіе, называеми вѣче Българе, Славене-тѣ въ гръцки-тѣ области могли сж малко-ли много нѣколко вѣкове да отблъсважтъ отъ себе Византійското бreme и да съхраняважтъ свой-тъ народенъ элементъ.

Ные ще покажемъ само по-главни-тѣ явления отъ тази дълговременна и упорна борба. —

Още въ 657 г. Императоръ Константъ II. е ходилъ съ войска да покорява Славенія (*ἐπεστράτευσεν κατὰ Σκλαβινίας*), и разказва се, че ималъ добъръ успѣхъ, но какъвъ именно, не се знае.¹²⁾ —

Въ 686 Императоръ Іустиніанъ II. былъ е принжденъ да излѣзе и той на война въ Славенія и говори се, че той можилъ да достигне даже до Солунъ, гдѣ-то взелъ въ плѣнъ много Славене, които извелъ отъ тамъ (*a patria educens*) и ги преселилъ въ Азія.¹³⁾

И тѣй, и два-та тѣзи императора, види се, не сж можали да влѣзжтъ твърдѣ далече въ Славенска-та земля. Но въ 8-мій вѣкъ тѣхни-тѣ наслѣдници отишли сж вѣче и по на вжтрѣ. Въ 783 г. Императрица Ирина се рѣшила да употреби всички-тѣ си сили, за да покорн Южна-та Славенія, тази сирѣчь,

гарско-то царство, това освѣнъ други свидѣтельства се потвърждава още и отъ слѣдующи-тѣ. Въ единъ старъ Гръцки паметникъ, въ който се исчисляважтъ Български-тѣ архіепископи, за св. Климента се говори, Борисъ го поставилъ да бжде духовенъ началникъ надъ третия-та часть отъ Българско-то царство. А тази часть се простирала отъ Каниина (въ с. Албанія) и Iericho (сег. Орха) до Солунъ, т. е. обѣмала е цѣла Македонія. *Κλήμης, γενόμενος ἐπίσκοπος Τιβεριουπόλεως ἤτοι Βελίκας, ὅστερον δὲ ἐπιτραπεῖς παρὰ Βορίσου βασιλέως Βουλγαρίας ἐφορᾷ καὶ τὸ τρίτον μέρος τῆς βουλγαρικῆς βασιλείας, ἤγουν ἀπὸ Θεσσαλονίκης ἄχρις Ιεριχῶ καὶ Καννίνου. . . .* У Дю-Канжа Famil. Byzant. p. 174.

Сжщо-то се потвърждава и въ житіе-то на св. Климентъ.

¹²⁾ Theoph. ed. Venet. p. 223.

¹³⁾ . . . Et excursionibus subinde Thessalonicam usque habitis, immensum sclavorum numerum . . . У Стрит. 11. p. 75.

кой-то не бѣше влѣзла въ съставъ-тъ на могъществено-то вѣче Българско царство; а то бѣхъ области-тѣ: Тессалія, Еллада и Пелопонесъ. Ето що разказва лѣтописецъ Теофанъ за това предприятие на Императорица Ирина.

„Тя прати Ставраки . . . съ голѣма сила противъ Славенски-тѣ племена. Той, като нападна на Тессалія и на Еллада, покори всички-тѣ, които живѣхъ тамъ, и ги накара да плащѣтъ данѣкъ на Имперія-та. Отъ тамъ той нападна и на Пелопонесъ, отъ гдѣто докара много плѣнници и голѣма плячка“. ¹⁴⁾

Слѣдователно, во време-то на тази война Византія можѣ да покори само Тессалійски-тѣ и Елладски (Тивадски) Славене. И макаръ Ставраки и да влazi въ Пелопонесъ, нѣ трѣбаше да излѣзе скоро отъ тамъ само съ нѣколко робе и съ голѣма плячка, която му е испаднало да награби. Отъ начало-то на 9-тиѣ вѣкъ Византіѣци-тѣ пакъ возобновихъ война-та си противъ Пелопонесски-тѣ Славене. Въ 807 г. императоръ Никифоръ съ помощъ-та на св. Андрея, както разказва лѣтописецъ-тъ, ¹⁵⁾ покориѣ Сѣверна-та частъ на Пелопонесъ, и отъ тогава захваща пакъ да се водворява Византійска-та власт и надъ тази отдавна пославенена земя.

Въ една Гръцка грамота ся говори, че въ продълженіе-то на 218 години до тогава, ни единъ Гръкъ не можѣлъ да живѣе безопасно въ Пелопонесъ. ¹⁶⁾

Около 842 год. во време-то на Императора Михаила III. пратена была въ Еллада и Пелопонесъ нова войска подъ началство-то на полководецъ-тъ Теоктистъ, за когото се разказва, че освѣнъ гдѣто умирилъ възстанѣли-тѣ Славене въ Тессалія и Еллада, но още покориѣ и тѣзи Пелопонезски племена, кои-то до тогава ни веднѣжъ не сѣ были покорявани. ¹⁷⁾ — Само Езерци-тѣ и Милци-тѣ сѣ се храбро съпротивлявали още нѣколко време, но въ начало-то на 10-тиѣ вѣкъ, най-послѣ, сѣ принѣдени да се предадѣтъ и тѣ.

¹⁴⁾ Αποστέλλει Σταυράκιον, . . . μετὰ δυνάμεως πολλῆς κατὰ τῶν Σκλαβίνων ἔθνων . . . Καὶ κατελθὼν ἐπὶ Θεσσαλίαν καὶ Ἑλλάδα ὑπέταξε πάντας, καὶ ὑποφόρους ἐποίησεν τῇ βασιλείᾳ, εἰσῆλθε δὲ καὶ ἐν Πελοποννήσῳ καὶ πολλήν . . . Teoph. ed. Venet. p. 306.

¹⁵⁾ Constant. Porphy. У Стрит. 11. стр. 85.

¹⁶⁾ Falmer. Gesch. der Halb. Morea t. I, p. 221.

¹⁷⁾ Et omnes quidem slavos reliquos que thematis Peloponnesi nondum subjectus vicit. Const. Porphy. У Стр. 11, p. 94.

Разказва се, че тѣ, кога-то сж были подчинени на Имперія-та, поискали да имъ се не налага твърдѣ голѣмъ данѣкъ, на кое-то императоръ-тъ ся и съгласилъ. Той ся боѣше, разказва Константинъ Багрянородни, да не бы тѣ да ся съединятъ съ други-тѣ Славене и да отцѣпятъ пакъ Пелопонесъ отъ имперія-та.¹⁸⁾

Тѣй се свръши тази борба, която се продължава три вѣка. Елладски-тѣ и Пелопонески Славене, отрѣзани отъ свои-тѣ съединени въ едно силно царство братіе, изнемощѣхъ отъ дълговременна-та война и се покорихъ Византіи. — Това не ще рѣче, че тѣ испогинахъ, или пакъ че се изселихъ отъ тѣзи мѣста. Ные имаме едно свидѣтелство, писано около 50 годинъ слѣдъ тѣхно-то подчиненіе, което говори: *Καὶ νῦν δὲ πᾶσαν Ἠπειρον καὶ Ἑλλάδα σχεδὸν καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν Σκύθαι Σθλάβροι νέμονται.*¹⁹⁾ — Нѣма съмнѣніе, че тѣ си сж остави тамъ цѣлокупни, но вѣче несвободни, и подъ пълно-то вліяніе на горѣспоменати-тѣ пагубни за народность-та имъ дѣйствія. — Славене-тѣ въ Българско-то царство бѣхъ вѣче приели Христово-то ученіе, и заедно съ него бѣхъ се сдобили съ своя писменность, съ книги писани на нихній езикъ. Но тѣзи тѣхни братіе, като бѣхъ отрѣзани отъ нихъ и подчинени Византіи, не можихъ да се възползоватъ отъ това велико дѣло на свети-тѣ Славенски учители, което още можеше да заѣчи тѣхна-та народность и да ѝ предуварди отъ пагубно-то Византійско вліяніе. Като останахъ лишени отъ Славенска-та писменность, тѣ трѣбаше да приѣмнатъ Гръцка-та. Трѣбаше, думаме, зашто-то като граждане на Византійска-та имперія и като Христене, тѣ не можехъ дълго време да останатъ безъ всяка писменность. А пакъ чрезъ приѣмване-то на Гръцка-та писменность и на Гръцкій езикъ начена се тѣхно-то погрѣчване. Какъ е отивало това тѣхно погрѣчване, лесно сирѣчь или упорно, за това неможе на вѣрно да се каже нищо, зашто-то отъ 11-тій вѣкъ за тѣхъ не срѣщаме почти никакви извѣстія.²⁰⁾ Въ 14-тій и 15-тій вѣкъ

¹⁸⁾ Strit. 11, p. 99.

¹⁹⁾ Strabonis continuator; живѣлъ е около край-тъ на 10-тій вѣкъ. —

²⁰⁾ Само въ 13-тій вѣкъ, когато владѣнія-та на Византійска-та Имперія минахъ за нѣколко време въ рацѣ-тѣ на кръстоносци-тѣ отъ 4-тій кръстоносенъ походъ, само тогава се споменува пакъ малко нѣщо за тѣхъ. Споменува се на пр., че въ 1263 Милленги-тѣ, заедно съ още нѣкои племена, вдигнали сж противъ Вилгелма Вилгардуена, владѣтель-тъ на Пелопонесъ, нъ скоро были усмирени отъ Французски-тѣ рыцари. Fallm. Gesch. der Halbinsel Mor. 11, 47 и слѣд.

въ сегашно-то Гръцко кралство се водворихъ нови племена, Албански, които особно много сж се разселили въ стара-та Атика, околности-тѣ на Атини.²¹⁾ Подъ вліяніе-то на сжщи-тѣ причини и тѣ скоро сж наченали тамъ да се погръчвѣтъ, но както се знае и до сега не сж се погръчили всички-тѣ. И до днешенъ день въ Атина и въ околности-тѣ ѝ се срѣщѣтъ чисти Албанци, между които има мнозина, които знаѣтъ само свой-тѣ езикъ, Албанскій.²²⁾ —

И тѣй, погръчени-тѣ отъ Византійци-тѣ Славене и Албаници—това сж предци-тѣ на сегашни-тѣ Гръци въ Гръцко-то кралство и въ Тессалія. — Това нѣщо се доказва не само отъ Исторія-та, нѣ се потвърдѣва такожде и отъ Географически-тѣ названія въ тѣзи страни.²³⁾ — Пó-голѣма-та часть отъ нѣхъ сж Славено-Български и Албански. Но както Исторически-тѣ, тѣй Географически-тѣ свидѣтельства сж были оставени дълго време безъ вниманіе. Токо преди 40 г. ученій Нѣмецъ Фалмерайеръ е спомнилъ за тѣхъ, събралъ ги е и тщательно разглѣдалъ. Той доказва отъ тѣхъ, че нови-тѣ Гръци не сж нито чисти, нито пакъ смѣсени потомци на стари-тѣ Еллини, а сж сынове на погръченни-тѣ Славене и Албанци. На мѣсто-то на древни-тѣ Еллини, сега живѣе народъ отъ Славенско-то и Албанско порекло.²⁴⁾ Стари-тѣ Еллини, потвърждава той въ едно пó-ново свое списаніе, които живѣехъ между Македонска-та гора Олимпъ и нѣи-Южни-тѣ части на Пелопоннесъ, тѣзи Еллини слѣдъ време пó-вѣче-то сж исчезнали. А остатъкъ-тѣ отъ тѣхъ се е смѣсилъ, поглѣнхлъ отъ Славене и други инородци; тѣй щото сегашни-тѣ жители на тази страна не сж чисти потомци на старо-то ѝ населеніе.²⁵⁾ —

Открытіе-то на Фалмерайера, като че уплаши нови-тѣ Гръци, които се мыслѣхъ, че сж чисти потомци на Мара-

²¹⁾ Fallm. Gesch. der Halbinsel Mor.

²²⁾ Fallm. Die Entstehung der heutigen Griechen. 50.

²³⁾ Гильфердинга. Письма объ Истории Сербовъ и Болгаръ, ч. II. Приложение.

²⁴⁾ Fallm. Die Entstehung der heutigen Griechen. Stuttgart und Tübingen 1835, p. 52.

²⁵⁾ Die einst zwischen dem macedonischen Olympe und der Südspitze des Peloponneses einsässigen . . . Hellenen wurden in nachweisbarer Zeit auf gewaltsamen Wegen dem grösseren Theile nach vernichtet, die Reste aber mit eingewanderten . . . Slaven und andern Fremdlingen in einer Weise vermischt, gekreuzt und versetzt, dass die gegenwärtigen Bewohner jener Distrikte, wenn sie jetzt auch Griechisch reden, doch nicht mehr als echte Nachkommenschaft der alten Bevölkerung zu betrachten sind. — Fragmente aus dem Orient. t. 11, p. 380.

тонски-тѣ и Саламински побѣдители и че въ тѣхни-тѣ жили
тече още кръвь-та на Перикловци и Аристотелевци. То не се
поправи и на тѣй называеми-тѣ въ Европа Филеллини. —
Противъ ученій профессоръ отвсждѣ се сыпнахъ опроверженія
и критики: едни безъ всяки доказателства казвахъ, че това
не може да бѣде, не е възможно, не е тѣй, други до-
казвахъ, че той злѣ тълкува историческитѣ свидѣтелства;
третии пакъ доказвахъ, че Географически-тѣ названія: Камен-
ецъ, Глоговъ, Варшава, Березовъ, Левечовъ, Струцъ,
Буковина и много други, съ които е преиспълнена карта-та
на сегашно-то Гръцко кралство, всички-тѣ тѣзи названія
не были Славенски, нѣ чисто Старо-Гръцки. — Такива кри-
тики, разумѣва се, не можихъ да оборжтъ необорими-тѣ дока-
зателства на Фалмерайера. — Безпристрастна-та наука при-
познава негово-то основателно мнѣніе и отъ день на день го
подтвърдява съ нови основанія. Наконецъ и побѣстни-тѣ
Филеллини трѣбаше да отдадѣтъ правдина на основателнѣй
трудъ и на голѣми-тѣ способности (to the great ability) Фал-
мерайерови. — Шотландецъ-тъ Финлей, за който не може да
се каже, че нѣма пристрастіе къмъ Гръци-тѣ, съзнава се, че
противници-тѣ Фалмерайерови сѣ останѣли побѣдени.²⁶⁾ —

IV.

**Още нѣколко доказателства, кои-то подтвърдявѣтъ выше-
изложено-то мнѣніе за происхожданье-то на нашій народъ.**

Ные казахме, че Аспарухова-та орда или дружина е была
твърдѣ малобройна. При многобройнѣй Славенски елементъ,
който тя завари на Балканскѣй полуостровъ, тя е была нищо;
оттова тя скоро исчезна въ този елементъ, безъ да остави въ
него нѣкаква слѣда отъ своя-та народность. Тукъ ные щемъ
си позволимъ да приведемъ поне нѣколко отъ доказателства-та,
на кои-то основаваме това си мнѣніе. —

Аспарухови-тѣ Българе сѣ една пета часть отъ Уралски-
тѣ Българе. — Лѣтописци-тѣ разказвѣтъ, че слѣдъ смърть-та

²⁶⁾ The ablest opponent of Fallmerayer is Zinkeisen, but his *Geschichte Griechenlands* is far from a triumphant refutation. (Най-способнѣй отъ противници-
тѣ Ф-ови е Цинкайзенъ, но и негова-та Исторія на Гръція (въ която той опро-
въргава Фал. —) не можи да представи нѣкое побѣдоносно опроверженіе. G.
Finlay, *The History of Graece*, p. 2.

на Кубрата, който е ималъ събраши подъ власть-та си всички-тѣ тѣзи Българе, тѣ сж раздѣлили на петъ части между петъ-тѣ сынове кубратови. Най старій отъ нихъ Батбай останжлъ съ своя-та часть на истокъ отъ р. Донъ, 2-рій сж размѣстилъ на западъ отъ Донъ, 4-тій преминжлъ въ Паннонія, 5-тій Алцежъ, стигнжлъ въ Италія, и тамъ размѣстилъ своя-та орда въ околности-тѣ на Беневентъ (въ Неаполитанско-то кралевство).¹⁾ А пакъ 3-тій, Аспарухъ, като преминжлъ рѣки-тѣ Днѣпръ и Днѣстръ (*Danapri et Danastri fluminibus praeternavigatis*) достигнжлъ до Дунава, гдѣ-то намѣрилъ мѣсто сгодно за поселванье, защо-то было непристъпно за врагове, и расположился тамъ съ своя-та орда. Това мѣсто се е наричало Онглонъ (*Oglum, Onglum* "Ογγλος, "Ογκλος).²⁾ — Това мѣсто спроти описаніе-то на Патріархъ-тъ Никифора и на Теофана, нѣма съмнѣніе, че е тази малка земица, що се заключава между р.р. Прутъ, Дунавъ и Черно море: тѣзи природни граници го сж правили безопасно и не достъпно за врагове (*accessu difficilem et hostibus inexpugnabilem*). Освѣнь опредѣленіе-то на Никифора и Теофана, че това мѣсто е было именно тамъ, това го показва и названіе-то му онглос (ὄγκλος), то е Славенско-то жгълъ (Русски уголь), което стари-тѣ Славене сж произносили онгълъ.³⁾ Такова име сж дали Славене-тѣ на тази земица, защо-то тя, като е отградена, како казахме, съ р.р. Прутъ, Дунавъ и Черно море, изглежда като жгълъ или, да кажемъ по старо-български, като онгълъ. — Това име е носила тази земица още дълго време. Лѣтописецъ Несторъ разказва, че между Славено-Русски-тѣ племена имало е едно, което се е наричало Угличи (жгличи), и което првоначално е живѣяло на Югъ-Западъ отъ р. Днѣстръ,

¹⁾ Warnefrid, lib. 5, c. 11.

²⁾ *Fluminibus trajectis ad Danubium consedit, ubi locum idoneum ad habitandum occupavit, quem sua lingua Oglum ὄγκλον appellant.* — Тѣй Никифоръ. Също-то свидѣтельствува и Теофанъ: *Fratrum deinde istorum tertius, Asparuch vocatus, Danapri et Danastri fluminibus praeternavigatis, et ad Onclum omnem jam profectus, . . . tutum et inexpugnabilem* (Третій Аспарухъ, като преминжлъ рѣки-тѣ Днѣпръ и Днѣстръ и достигнжлъ друга рѣка, по име Онглос, безопасно и не пристъпно . . .). Теофанъ само по невѣдѣніе казва, че Онглосъ се не наричало мѣсто-то, гдѣ-то се запрялъ Аспарухъ, но рѣка-та, която текла край него, т. е. Прутъ. — *Theoph. Nicephorus* у Стр. II. р. 504, 505. —

³⁾ Буква-та ж стари-тѣ Българе сж произносили като он, ом и ап, ам; и до сега една часть отъ Македонски-тѣ Българе Бандовци, а такожде и Седмиградски-тѣ Българе казвжтъ бандамъ, банда, вмѣсто бждж. — Верковича, Описание быта Македонскихъ Болгаръ. Григоровича, Путешеств. по Европейской Турціи. Миклошича, *Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen.* —

около Дунава. Нѣма съмнѣніе, че тѣхни-тѣ жилища сж се намирали въ Онгълъ-тъ, или жгълъ-тъ, отъ когото-то сж и получили име-то си: отъ жгълъ (по Русски уголъ) — угличи.⁴⁾ — Слѣдъ време, кога-то пакъ въ тази страна се поселихъ ногайски-тѣ Татари, (въ 1560 г.) тя се нарѣче по тѣхний езикъ буджакъ,⁵⁾ което такожде значи жгълъ (онгълъ). Повтаряме: нѣма никакво съмнѣніе, че именно тази земя разумѣвхъ както патриархъ Никифоръ, тѣй и Теофанъ, кога говорхъ, че Аспарухъ, като минхъ съ своя-та орда прѣзъ рѣки-тѣ Днѣпръ и Днѣстръ достигхъ до Онгълъ и се поселилъ тамъ.

Въ такава една малка земица е можилъ Аспарухъ да се помѣсти съ своя-та орда и можилъ е да преживѣе тамъ повече отъ 10 години, преди да мине на Югъ отъ Дунава. — Това достаточнo свидѣтелствова, до колко многобройна трѣбва да е била Аспарухова-та орда, или както ж нарекохме дружина, кога-то е могла да се смѣсти въ такова едно кѣтче или жгълче. —

Ные имаме и друго едно доказателство, което още по-добрѣ ни дава понятіе за число-то на Аспарухова-та орда. По-горѣ видѣхъ, че единъ отъ Аспарухови-тѣ братѣ, Алцекъ, завелъ своя-та орда въ Италія. Тамъ той, като се срѣщхъ съ силни-тѣ Лонгобарди и почувствувалсе не въ състояніе да се бори съ тѣхъ, примолилсе на нихний кралъ Гримоалдъ XII. да му даде нѣкое мѣсто въ кралство-то си, за да се посели тамъ съ своя-та орда. Лонгобардскій кралъ благосклонно приелъ тази молба, въ надежда че Алцекова-та орда ще му бѣде полезна, и заповѣдалъ да ѝ сж даде мѣсто за поселванье въ Беневентска-та областъ, въ Южна Италія. „И тѣй, свърша „Неаполитанскій историкъ Джіаноне, отъ когото ные зимае „този разказъ, и тѣй въ 667 г. въ наша-та земя е введенъ „новъ народъ Блъгаре, племе, което много вѣкове живя въ това „мѣсто, което сега наричае Малиска областъ (contado di Molise)“⁶⁾ Молиска-та областъ съдръжа въ себе три селца Сепино, Бояно и Изернія (Sepino, Bojano, Isernia). По величина-та на тази

⁴⁾ Лѣтопись Нестора, а Угличи и Тиверцы сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. . . .

⁵⁾ Това названіе и до днешень-день носи Южна-та часть на Бессарабія, която състои изъ Бендерско-то, Аккерманско-то и Измаилско окръжія. Тамъ живѣхъ сега около 30.000 Ногайски татаря. Геогр. Павловскаго, т. II., стр. 174.

⁶⁾ Storia del regno di Napoli t. I. p. 308.

область може добръ да се състави понятие за числото на Алцекова-та орда: тя никакъ не ще да е била по-многочисленна отъ 40—50 хилѣди души. — А пакъ като пѣма никаква причина да мислимъ, че Аспарухова-та е била по-голѣма, (лѣтописци-тѣ свидѣтелствуватъ, че петъ-тѣ сынове Кубратови равно си сж раздѣлили бащино-то сѣстоляніе, та ако пѣкому и да сж е паднала по-голѣма часть, то може на пай-старій, който си и остана на Истокъ отъ Донъ), то слѣдва, че и Аспарухова-та орда не е била по-многобройна отъ Алцековата; по-многобройна и не можила да се смѣсти на такова пространство, какво-то занимава жгълъ-тѣ (Онгълъ-тѣ). Слѣдъ това ние мислимъ, че имаме право да кажемъ за тѣзи историци, что произвождятъ отъ Аспарухова-та орда нашій народъ, който сега се брои отъ 5 до 6 милліона, а въ старо време е былъ още по-многочисленъ,⁷⁾ имаме право, мислимъ, да назовемъ такива историци ако не по-вѣче, а то поне кѣсогледни.

Да преминемъ сега къмъ друго едно доказателство. —

Пò-горѣ ние казахме, че въ сегашна-та Българска народность Финскій или Уралскій завоевателенъ элементъ се относи къмъ Славенскій тѣй, както Нѣмско-Франскій къмъ Галло-Римскій въ сегашна-та Френска нація, или Варяго-Русскій къмъ Славенскій въ сегашна Россія. — Сега обаче се виждаме принждени да поумалимъ това сравненіе и да кажемъ, че това отношеніе е по-слабо въ България отъ колко-то въ Франция и Россія. Освѣнь токо що приведени-тѣ съображенія, къмъ това ни принждѣвжтъ слѣдующи-тѣ факти. —

Въ Франция языкъ-тѣ на Нѣмски-тѣ Франки се е говорилъ даже до Карла Великаго и по-късно още, т. е. около 400 години послѣ преминаване-то имъ въ Галло-Римска-та земя. Освѣнь това извѣстно е, че въ сегашній Френски языкъ сж се съхранили много Нѣмски слова, които сж влѣзли въ него отъ завоеватели-тѣ Франки. Ученіи изслѣдователи на Романски-тѣ языци, Дицъ утвърждава, че въ пинѣшній Френски языкъ се набройвжтъ до 450 такива коренни думи, безъ да счита при това собственни-тѣ Френски имена, отъ които една голѣма часть сж Нѣмски.⁸⁾ Въ Французската граматика,

⁷⁾ Тѣй, ние имаме здрави основанія да мислимъ, че нашій народъ въ старо време, т. е. до гдѣ е траяло царство-то му, былъ е по-многоброенъ. Тѣзи основанія ние ще искажемъ въ слѣдующа-та глава. —

⁸⁾ Grammatik der romanischen Sprache 1856. Bonn, t. 1. p. 65.

особенно въ словопроизведеніе-то, такожде сж се съхранили много Нѣмски закони, които воджтъ начало-то си отъ Франко-Нѣмско-то вліяніе. — Въ Рускій езикъ макаръ и не тѣй много, нѣ пакъ се срѣщжтъ нѣколко думи и доста много собственни имена, които сж остали отъ завоевателни-тѣ Варяго-Руси. Нѣма съмнѣніе, че езикъ-тъ на Аспарухова-та орда е траялъ нѣколко време на Балканскій полуостровъ. Освѣнъ собственни-тѣ имена на прѣви-тѣ Български царѣ или князове, въ това ни увѣрявжтъ още и други свидѣтельства, отъ които щемъ приведемъ слѣдующето. Въ едно гръцко житіе на св. Димитрій Солунски, писано въ 8-мій вѣкъ, 100-тина години слѣдъ дохожданъето на Аспаруха, говори се за одного отъ негови-тѣ наслѣдници, че като турялъ въ редъ управленіе-то си, трѣсилъ между свои-тѣ съвѣтници нѣкого, „който бы знаилъ добръ езици-тѣ: Ромейскій, Славенскій, и Българскій“.⁹⁾ Отъ това се види, че Българскій езикъ, който въ това свидѣтельство се противополога на Славенскій, не е былъ другъ, освѣнъ езикъ-тъ на Аспарухова-та орда, който слѣдователно е сщществовалъ още въ 8-мій вѣкъ, кога-то е писано това житіе. —

Но този езикъ скоро се е загубилъ: завоеватели-тѣ сж взели езикъ-тъ на многобройни-тѣ съединени подъ тѣхна власть Славене, взели го сж безъ да оставжтъ въ него никаква слѣда отъ свое-то Чудско нарѣчіе. Въ нашій сегашенъ езикъ и до сега не е издирено нѣкое слово, за което може да се каже, че се е зачувало отъ езикъ-тъ на Аспаруха. Всички-тѣ чужди думи, що ги има сега въ езикъ-тъ ни, вземени сж отъ Гръцкій, отъ Турскій, може бы още отъ Албанскій, Влашкій и т. п. А за нѣкоя Чудска дума не се знае. Сжщо-то може да се каже и за строй-тъ на нашій езикъ, т. е. за негови-тѣ Грамматически закони. Та и не само сега, нѣ още въ 9-тій и 10-тій вѣкъ, кога-то сж были преведени по-вѣчето църковни книги и сж написани много списанія на старо-Българскій езикъ, види се, да не е вѣче сщществовалъ въ Славено-Български-тѣ земи Българо-Чудскій езикъ; въ противенъ случай не бѣше възможно да се невмѣкне въ тѣзи преводи и списанія поне каква-годѣ слѣда отъ него.¹⁰⁾ —

⁹⁾ τὴν καὶ ἡμᾶς ἐπιστάμενον γλώσσαν καὶ τὴν Ῥωμαίων, Σκλάβων καὶ Βουλγάρων. У Шаф. Starož. §. 29, N. 62. —

¹⁰⁾ Шафарикъ приема като отъ Чудски корень слѣдующитѣ Славено-Български думи: кумиръ, калище, влѣхвъ, припратъ, сополъ, млѣнія, чюдъ, Исполинъ. Но той никакъ не мысли, че тѣ сж остали отъ езикъ-тъ

Това щеше да бѣде за чуденъе, ако да нѣмахме понятие за Аспарухова-та орда, до колко голѣма е била тя, и ако да незнаехме, че такава сѣщо орда Чудско-Българска потѣна тѣй безслѣдно и въ Италианска-та народност. ¹¹⁾

Това безслѣдно исчезване на Аспарухова-та дружина се доказва и отъ наша-та митологія, т. е. отъ тѣзи езически повѣрїя, които и до сега сѣ се съхранили тукъ-тамъ у нашия народъ. Нѣма съмнѣніе, че Аспарухова-та дружина е донела на Балканскій полуостровъ свои особенна вѣра, която е обща на всички-тѣ Чудски племена, и която е съвсѣмъ отлична отъ Славенска-та митологія. Ако да бѣше тази орда твърдѣ многобройна и да бѣше оставила нѣкакъвъ элементъ отъ своя-та народностъ въ нашия народъ, то безъ всяко съмнѣніе този Чудски элементъ щеше да се отрази и на наши-тѣ езически преданїя. Ные ще се запремъ само на нѣколко отъ тѣзи преданїя, на нѣколко само, по на такива, които сѣ основа-та на наша-та езическа старина, и за които се е съхранила най-добра паметъ въ народъ-тѣ ни. —

У. нашия народъ има много приказници за Наржчници или, както се наричѣтъ още по нѣкои мѣста, Урисници, които сѣ три на брой. Приказва се за тѣхъ, че кога се роди дѣте, тѣ дохождѣтъ и наржчвѣтъ „колко и како ќе живѣятъ родено-то, и що ќе наржчатъ третѣя-та, „това ќе быдитъ“. ¹²⁾

Освѣнъ приказници-тѣ, за тѣхъ се говори още и въ народни-тѣ пѣсни. ¹³⁾

на Аспарухова-та орда, и доказва, че тѣ сѣ влѣзли въ нашия езикъ твърдѣ по-прѣди, т. е. въ онова време, когато наши-тѣ предци Славене-тѣ сѣ живѣли още въ Сѣверо-Источна Европа и сѣ имали за свои сѣверни съсѣди Чудски-тѣ племена. Другояче не може и да бѣде, защото ако бѣхъ влѣзли отъ Аспарухови-тѣ Българе, тогава тѣ нѣмаше да се срѣщѣтъ въ езикъ-та на други-тѣ Славене, а ные ги намираме почти всички-тѣ въ Русскій езикъ. Окончаніе то чїя или джїя въ дума-та бирджїя Шафарикъ такожде счита за Чудско окончаніе, останало сѣщо отъ онѣзи времена; не можемъ да кажемъ, до колко негово то мнѣніе за горѣрѣчени-тѣ слова е вѣрно, но колко-то за окончаніето джїя или чїя, той се е излѣгалъ. Това окончаніе, до колко-то знаемъ, не се срѣща въ старо-Българскій езикъ, а въ новій то е внесено отъ Турскій езикъ и се употребява по-вѣче-то въ Турски-тѣ рѣчи; на пр. халваджїя, конакчїя, вергиджїя, бозаджїя и пр. Шафарика *Starožitnosti* § 30, 7.

¹¹⁾ *Storia del regno di Napoli* t. I. p. 310. Въ Италианскій езикъ има много чужди елементи: Гръци, Нѣмски, даже Арабски и Персидски, но отъ езикъ-тѣ на Алпекова-та орда сир. отъ Българо-Чудскій никаква слѣда не е останѣла. *Diez, Grammatik der romanischen Sprachen.* t. I. Italienisch.

¹²⁾ Български народни пѣсни събрани отъ Мил. стр. 525.

¹³⁾ Тамъ стр. 17.

.
 Си постигна млада Момирица;
 Не ми бѣше десето момиче
 Туку бѣше едно мжжко дѣте

.
 Ми заспала млада Момирица.
 Си дойдо'е до три наржчници.

.
 Първа велитъ, ай да го земиме
 Втора велитъ да го не земаме,
 Дури да се дѣте сторитъ,
 Дете сторитъ до седумъ години;
 Трекя велитъ нека раститъ дете,
 Да се сторитъ юнакъ за жененъе

.
 Наржча'е и си побегна'е.

Такива жени, които опредѣлявхтъ сѣдба-та на чловѣка при само-то му раждане, се срѣщхтъ такожде въ народни-тѣ преданія на Сръби-тѣ, Словинци-тѣ, Чеси-тѣ, Руси-тѣ, и описвхтъ се и въ тѣхни-тѣ преданія почти тѣй, както въ наши-тѣ. Съ тази само разлика, че у насъ се наричхтъ Наржчници и Урисници, у Сръби-тѣ Родјенице, у Словинци-тѣ Ројенице, у Руси-тѣ Рожаници, у Чеси-тѣ sudičke (сѣдички).

Още по-вѣче преданія сѣ се зачували у насъ за Само-Вили-тѣ и Само-Диви-тѣ. Ные ще приведемъ само три-четири мѣста отъ народни-тѣ ни пѣсни за тѣхъ.

Въ една пѣсня записана въ Струга говори се, че нѣкой-си Иванъ Поповъ трѣгналъ на Великденъ на оранъе. На пѣть-тъ му се срѣщнала една самовила, препречила му пѣтища-та и го уговарвала да не ходи въ такъвъ день на оранъ, Иоаннъ ѝ отговорилъ:

Бѣгай бѣгай Самовило!
 Дан'ти слезамъ отъ моя-ва
 Отъ моя-ва бѣрза коня,
 Дан'те фатамъ за твоя-та
 За твоя-та Руса коса

Самовила-та се разлютила и хвърлила се да му пие очи-тѣ,
но Иванъ е хваналъ за длъга-та ѝ коса, врзалъ ѝ за конь-тѣ
си, и ѝ докаралъ у дома, женилсе за неѣ, и за да не бы
да побѣгне,

Тѣ заключи десно крило
Десно крило въ шаренъ ковчегъ . .

Тѣй тя живѣла у него три години, и родила му мѣжко
дѣте. Най-послѣ тя съ една хитрость се искубнала и „из-
летала изъ баджа-та.“ ¹⁴⁾

Въ друга една пѣсня (отъ Прилепъ) се пѣе:

Оро ми играле триста Самовили
На върхъ на планина, на рамна рудина
Оро ми играле, Мефтера немале.
Мефтера дочуле дури градъ Битола
.
„Свири, Димо, свири, ако намъ надсвиришъ.
Ке ти ѝ да'име Гюргя самодвила . . .
.

Третя една се начена тѣй:

Сѣнце-то ми е на заходъ
Самовила е задъ гора
Мирче войвода предъ неа
Бѣрза ѣ коня водеше
Цѣрвенъ ѣ байракъ носеше.
Мирче войвода говоритъ:
Самовило ле, майко ле!
.

Нѣка ни бѣде позволено да приведемъ нѣколко стихове
още изъ една поне отъ многочисленни-тѣ наши Самодивски
и Самовилски пѣсни:

¹⁴⁾ Б. нар. пѣси. Милад. стр. 1.

Заградила Самовила
 Заградила вито кале
 Ни на небе, ни на земя,
 Загради го въ теменъ облакъ

.....
 Не стигнаха Самодиви
 Седемдесе дребни дѣца,
 Да покрѣе вито кале.
 Хабаръ прати Самодива
 „Хабаръ прати во Прасково:
 Да ми даджтъ Прасковчене
 Край Дунава гѣсти села
 Да оберж дребни дѣца
 Да покрѣж вито кале“
 Не давале Самодиви

.....
 Ъдоса ся Самодива
 Па излѣзе на планина
 Три дни валя, три дни духа,
 Пскубала вити ехли
 Вити ехли и борове

(отъ Панагюрище).

Покойни-тѣ Миладиновци тѣй опредѣлявжтъ тѣзи митически сѣщества въ ниши-тѣ пѣсни и приказки. Самовили-тѣ „(Самодиви) живѣжтъ на планини, любѣтъ много да играетъ „'оро. Тіе се чинѣтъ посестрими со големи-те юнаци, и на „нужда-та имъ помагватъ, и ги спасаваеъ отъ смъртъ; а въ „обще за люгіе-то сетъ лоши. Тіе любѣтъ да ослепватъ чо- „века. ¹⁵⁾ —

Въ такива тѣчно чрѣти се представлява Вила-та и въ Сръбски-тѣ преданія, отъ които такожде си позволяваме да приведемъ двѣ три. ¹⁶⁾

¹⁵⁾ Сега въ наши-тѣ народни преданія Самовили и Самодиви се представляжтъ като еднакви сѣщества, нѣ въ старо време тѣ сж были съвършенно отлични едни отъ други.

¹⁶⁾ Вука Караѣѣѣа Срп. нар. пјесме е. т. I. Arhiv za pov. Jugosl. кн. I. стр. 87—104.

1. Градъ градила бјела вила
 Ни на небу, ни на земљи
 Нег' на грани од облака
 На граду су троја врата
 Једна врата од скерлета

2. Вила лети по вр'у планине
 Милошъ цјева вила му одпјева,
 Виђе вила, живъ е Бог убио!
 Да је бће Милошъ падијевати
 Узе стрјеле у рожана лука
 Залете ее друму на каменје
 Запе лука и двје бјеле стреле
 И устрјли Милоша Јунака.

3. Не пји злато од овуд водице,
 Овд' је вила чедо окупала,
 Да је мужко не би ни жалила
 Већ је женско, не било јој живо

4. Ал се чувай замути језеро
 На нјем' спава брадарица Вила

 Зло јунаку кој је пробуди
 И кој јој замути језеро
 Јер узима тежку брадарину
 Од јунака обе очи чрне

За Самодиви или Диви у Срѣби-тѣ се намиржтѣ по-малко
 преданія нежели у насъ; тѣй, въ Сборникѣ-тѣ на Срѣбски-тѣ
 пѣсни отъ Вука Караджича ние намираме само една пѣсня
 за нихъ, подъ заглавіе: Јованъ и Дивски старјешина. —

За това пакъ у Сръби-тѣ се срѣщатъ по-много преданія за Вещерици-тѣ, които у тѣхъ се наричатъ вѣщице.

Устани брате Радоје
Вѣщице су те испиле

Диви, Вили, Вѣщици макаръ и да се не срѣщатъ вѣче въ съвременни-тѣ народни Русски пѣсни и сказки, нѣма обаче никакво съмнѣніе, че въ стари-тѣ имъ сж се намирали доста много. —

Въ една стара Русска пѣсенъ отъ 16-тій вѣкъ¹⁷⁾ въ двѣ мѣста се упоминава Дивъ като зловѣще сжщество.

„Дивъ кличетъ връху древа
„Велитъ послушати „землѣ незнаемѣ“
„Уже тресну нужда на волю; уже връже ся
дивъ на землю“

Едно духовно Русско поученіе отъ 14-тій вѣкъ укорява Руски-тѣ христене за двоевѣріе; двовѣрни живущи и вѣрѣють въ перуна, и въ хорса, и въ Мокошь, и в Сима, і ве регла і въ Ыилы. То все мнѣтъ богинями, покладываютъ имъ требы и корови имъ ломѣтъ. —

По надолѣ въ сжще-то слово срѣщаме:

Того ради не подобаеѣтъ крестьяномъ игръ вѣсовскихъ играти еже естъ пласанье, гуденье, пѣсни вѣсовскыя еже молѣтъ шгневѣ і Ыиламъ і Мокоши і Симѣ, и рѣглѣ, і Перѣнѣ, і Родѣ, і Рожаницѣ и Колосѣ скотѣю Богѣ. ¹⁸⁾ —

Изъ това свидѣтелство се види, че Руси-тѣ сж почитали Вили-тѣ и имали сж и тѣ пѣсни за тѣхъ, които Христолюбецъ-тѣ называ въ слово-то си пѣсни бѣсовскыя. Тѣзи пѣсни заедно съ име-то на вили-тѣ подъ вліяніе на Христіанско-то благочестіе слѣдъ време сж съвсѣмъ исчезнали изъ паметъта на Рускій народъ. Подъ вліяніе на Христіанска-та вѣра и у насъ сж исчезнали съвсѣмъ много езически преданія и имена-та на много езически богове, а пакъ тѣзи,

¹⁷⁾ Слово о пѣлку Игоревѣ изд. Тихонравова стр. 3 и 7.

¹⁸⁾ Слово нѣкоего Христолюбца, намира се въ нѣколко сборници, отъ които два сж писани още въ 14-тій вѣкъ (Паис. и злат. Чепи), а единъ въ 16-тій (Рум. м.). — Христом. Буслаева стр. 519—525.

които сж се съхранили, станжли сж въ представленіе-то народно зли Духове. Тѣй само се обеснява това, гдѣ-то сега Само-Диви-тѣ (Диви-тѣ), Само-Вили-тѣ, (Вили-тѣ), Наржници-тѣ (Родјенице, Ројенице, Родъ и Рожаница Судици), Вѣщерици-тѣ (Вјещици) въ наши-тѣ, Сръбски-тѣ, Чешски-тѣ, и Руски-тѣ преданія се представлявжтъ зли, ненавистни сжщества. Сравнителна-та митологія доказва, че тѣ нѣкога сж были добри божества, свѣтли духове, а сж станжли въ народно-то представленіе зли само подъ вліяніе на Христово-то ученіе.¹⁹⁾ И колко по-силно е было това вліяніе въ нѣкоя отъ тѣзи страни, толкова по-вѣче и по-вѣче сж се потъмнявали въ неж свѣтли-тѣ нѣкога образи на езически-тѣ ꙗ божества. —

Но между езически-тѣ божества има и такива, които сж имали по-щастлива сждбина и сж могли да съхранжтъ свой-тъ свѣтълъ образъ и при Христіанска-та вѣра; това е могло да стане, зашто-то народно-то представленіе, съзнателно или нѣ, приплело ги е къмъ нѣкои Христенски свѣтци, подъ име-то на които Славенски-тѣ народи и до сега почитжтъ нѣкои отъ свои-тѣ езически богове. Отъ горѣ-поменжти-тѣ въ слово-то на Русскій Христолюбець богове, токо Перунъ и Волосъ или Власъ сж имали това щастіе. За Перуна се знае, че е былъ богъ на грѣмъ-тъ и на плодородіе-то, а пакъ Волоса горѣрѣченно-то свидѣтелство нарича скотъя бога т. е. богъ на добытъкъ-тъ, покровитель на скотоводци-тѣ. Сега Русскій народъ, макаръ и да не помни вѣче имена-та на тѣзи си езически богове, но ги почита още и до днешенъ день въ лице-то на два Христіански светѣи, а именно: Перуна въ лице-то на св. Илія, кой-то въ много мѣста на Россія се почита като покровитель на земледѣліе-то, податель на плодородіе-то; а пакъ Волоса въ лице-то на св. Власія, кой-то особено се почита отъ скотоводци-тѣ, като покровитель на добытъкъ-тъ. — Достозабелѣжително е, че и у насъ, а такожде и у Сръби-тѣ е стангла тази метаморфоза т. е. превръщанье-то на Перуна въ св. Илія, а пакъ на Волоса въ св. Власія. Сега както Руси-тѣ, тѣй Българе-тѣ и Сръби-тѣ приписвжтъ

¹⁹⁾ Това исто-то се е случило въ митологія-та! на всички-тѣ Христенски народи. — У стари-тѣ Гръци, напимѣръ, Διων е означавало божество, най-свѣтлѣй духъ, а слѣдъ приѣмваніе-то Христіанската вѣра Διων означава вѣче злъ духъ, дѣмонъ, дяволъ. — Тѣй исто Аполонъ, Паллада (Минерва) и други-тѣ Олимпійски богове и богини въ Сръдпи-тѣ вѣкове сж се считали черни духове, дяволе. —

на св. Илія тази служба, която нѣкога е ималъ езыческій богъ Перунъ, а пакъ на св. Власія служба-та на Волоса или Власа, скотъя бога. Тѣй напр., нашій народъ вѣрва, че свети Илія производи грѣмъ-тъ, распорежда се съ дѣждъ-тъ, и дава плодородіе-то; ²⁰⁾ у сръбскій народъ сѣществува сѣщо-то миѣніе за св. Илія, кой-то въ Сръбски-тѣ пѣсни се называ Громовитъ Илія, на пр.

Проговара свети Панталија
Удри громомъ громовитъ Илія.²¹⁾

За свѣти Власія е добрѣ познато съ каква почетъ се празнува той отъ наши-тѣ овчере, говедаре и въобще отъ сѣки домовладыка, който има добытъкъ ²²⁾

И тѣй, въ представленіе-то, което нашій народъ има за св. Илія и за св. Власія скрива се старо-езыческо представленіе: а именно, въ лице-то на св. Илія и св. Власія нашій народъ безсѣзнателно и до сега почита главни-тѣ си езычески богове, Перуна и Власа, почитаніе-то на които е было общо за всички-тѣ Славене. Освѣнь това, въ измѣняванъе-то на това почитанъе подъ вліяніе на Христіанство-то и у Българскій народъ се е случило сѣщо-то, което и у Русскій, а такожде и у Сръбскій. —

Ные ще прекратимъ тукъ този прегледъ на наши-тѣ езычески преданія. Ные попрегледахме само нѣкое и друго отъ тѣзи, които сѣ по-ясни и прегледахме ги повърхностно. И що видѣхме? Тѣ всички-тѣ до шушка, приличжтъ на Сръбски-тѣ, Русски-тѣ, Чешски-тѣ, а ако да имаме време, щехме да докажемъ, че приличжтъ такожде на преданія-та и на други-тѣ Славенски народи. Излиза слѣдователно, че тѣзи наши езычески преданія сѣ отъ чистѣ Славенски корень, а Чудски или фински елементъ въ нихъ нѣма никакъвъ. До колко-то ные знаемъ и други-тѣ ни езычески преданія, ные вѣрваме, че и въ нихъ нѣма да се найджтъ никакви фински чръти.²³⁾

²⁰⁾ Памятники народного быта Болгаръ. вѣж. Илинденъ стр. 246. — Български нар. пѣсни бр. Мил. стр. 525.

²¹⁾ Ср. нар. п. Вука Караѣѣа

²²⁾ Пам. нар. быта Болгаръ, стр. 185.

²³⁾ Прѣди нѣколко мѣсеца въ Французскій журналъ *Revue de deux mondes* бѣше напечатанъ единъ членъ: *La nationalité Bulgare d'après les chants populaires*. (1868 Juil. 1. 2). Между друго въ този членъ се доказва, че у нашій на-

Това щемъ рѣчемъ и за наши-тѣ езычески обряди, за стари-тѣ ни обычае и народни отличія. Ако и да се срѣщне въ нихъ нѣщо не отъ Славенски корень, сир. заѣто отъ чужденци, то тѣзи чужденци щѣтъ излѣзѣтъ или Гръци, или Турци, или пакъ Албанци, но никакъ не Финни. — Това е още едно доказателство за безслѣдно-то исчезновение на Чудскій элементъ въ наший народъ, съ други думи да рѣчемъ, доказателство, че Аспарухова-та Българо-Чудска орда е била твърдѣ малобройна щото да съхрани нѣщо отъ народниѣ си елементи въ Славенско-то море, въ което тя се влея. Стига ѝ и това гдѣ-то си остави поне име-то! —

V.

Краткъ прегледъ на нѣколко теории за происхождание-то на наший народъ. —

Мнѣніе-то, което ные изложихме за происхождание-то на наший народъ, това мнѣніе се основава на най-вѣрни доказателства, на такива факти, които говорятъ сами за себе и не искатъ тълкуванье. Ные се задоволехме само да съберемъ тѣзи факти на едно, а счетохме съвсѣмъ не нужно да ги

родъ има много чрѣти Финно-Монголски . . (des traces multipliées des opinions qui dominaient parmi les anciens Finno-mongols), които особенно се забелѣжвали въ пѣсни-тѣ му и въ митологія-та му. — За да оцѣни чловѣкъ народни-тѣ пѣсни и вѣрованія на нѣкой народъ, за това нѣщо се иска отъ него да знае тѣзи пѣсни и вѣрованія добрѣ, та освѣтъ това да бѣде вѣждъ и въ сравнителна-та митологія и въ народна-та поезія въ обще. — А авторъ-тъ на рѣчениѣ членъ, кому-то липсва и едно то и друго-то, като се е изелъ не за своя работа, открыва въ наши-тѣ пѣсни много такива народни чрѣти, каквито тамъ и на сѣнъ не е имало. А пакъ тѣзи, които тамъ наистина ги има, той ги тѣй искривява, какво-то да излѣзѣтъ не Славенски, а пакъ какви си, които той нарича то Фински, то Монголски. Между много-то други нови зарадъ насъ работи, ные се научаваме отъ този членъ още и това, че наший народъ не е още забравилъ, че неговин-тѣ предци сѣ были отъ Финско порекло (ils (Българи-тѣ) n'ont pas complètement oublié que leurs ancêtres appartenaient à la famille finnoise). — Читатели-тѣ могатъ се сѣти, какво заключеніе изважда този авторъ отъ такива-то изслѣдванія. Но забелѣжително е това, гдѣ-то той има смѣлость да препорѣча такива едни заключенія на учениѣ свѣтъ, а ceux qui se occupent de l'histoire littéraire, а такожде и aux hommes politiques. — Причина-та на тази недобросѣвестность е Българското възраждане въ Тракія и Македонія. На този изслѣдователъ, който твърдѣ обща Гръци-тѣ (les Hellènes), не му се е поревнижло Българско-то свѣстяване въ люлка-та на Славенство-то отъ Балканскій полуостровъ, въ Македонія сирѣчь, както се види отъ слѣдующи-тѣ му думи: on ne trouverait pas moins étrange la prétention de transformer la Macedoine de Philippe, d'Aristote et d'Alexandre en province d'un état finno-slave. (!) —

La Nationalité Bulgare par M-me Dora d'Istria. Revue des deux mondes. 15. Juil. 1868.

тълкуваме и обесняваме твърдѣ много: тѣ сж тѣй ясни, щото всеки може лесно да разбере, какво заключеніе слѣдва отъ тѣхъ. Но по нещастіе до сега твърдѣ малко сж обръщали вниманіе на тѣзи факти: по-вѣче-то писатели за происхожденіе-то на нашій народъ или съвсѣмъ не сж марили за нихъ, или пакъ ако и да сж се спирали на нѣкои и други, давали сж голѣма воля на свое-то мудрованіе и тълкували ги сж, кому какъ е скимнѣло. — Отъ това и сж се породили много криви ученія, за происхожденіе-то на нашій народъ, ученія, които и до сега преобладаватъ както у чужденци-тѣ, тѣй и между наши-тѣ образовани съотечественници. —

Ные намираме за нужно да разглѣдаме вкратцѣ по-главни-тѣ отъ тѣзи ученія. Казваме въ кратцѣ, защо-то не пишемъ нѣкое обширно изслѣдованіе, та освѣнь това и не се иска твърдѣ много говореніе, за да се докаже безосновность-та на тѣзи криви ученія. —

Тѣ всички-тѣ, колко разнородни и да сж, могатъ да се раздѣлѣтъ на два реда. Кѣмъ единъ-тъ ные относимъ тѣзи, които считѣтъ нашій народъ за потомъкъ на древни-тѣ Трако-Иллирци, а кѣмъ вторій тѣзи, които мислѣтъ, че предци-тѣ на сегашній Български народъ сж Аспарухъ съ своя-та орда. Прѣви-тѣ ные ще назовемъ съ едно общо име: Тракійска Теорія, а на втори-тѣ такожде щемъ дадемъ едно общо име: Волжска Теорія. Прѣва-та ще разглѣдаме въобще, а при разглѣжданье-то на втора-та ще бждемъ принждени да влѣземъ и въ нѣкои частни расправи, защо-то ученія-та, които отнесохме кѣмъ нежъ, макръ и да се опирѣтъ на едно основаніе, но въ свои-тѣ заключенія съвсѣмъ се отдалечавѣтъ едно отъ друго. —

Тракійска-та теорія.

Всички-тѣ доказателства на тѣзи писатели, които доказвѣтъ, че нашій народъ води начало-то си отъ древни-тѣ жители на Балканскій полуостровъ, отъ Трако-Иллирци-тѣ, всички-тѣ тѣзи доказателства, думаме, имѣтъ двѣ главни основанія ¹⁾.

1. Между названія-та на Трако-Иллирски-тѣ племена се срѣщѣтъ и слѣдующи-тѣ: Коралли, (Κοράλλοι, Coralli),

¹⁾ По главни-тѣ писатели отъ тази теорія сж: Лелевель.

Чертковъ. О древнихъ Тракійцахъ; О переводѣ Лѣтоп. Манасіи. — Кѣмъ тѣхъ ные относимъ и наши-тѣ писатели:

Д-ръ Беронъ, Origine de l'unique couple humaine. —

Раковски, Показалець; О Асию прѣвому . . . ; Българска старина. —

Трибалли (Triballi Τριβάλλοι), Бесси (Βέσσι, Bessi) Кровизи (Κροβύζοι Crobyzi). Писатели-тѣ, които ние относиме къмъ тази теорія, искаватъ, че тѣзи названія сж Славенски; тѣй:

Коралли = Горалы = Гораны = Горци = Загорцы

Трибалли = Дрехвалы = Древляне.

Бесси = Бѣсы.

Кровизи = Кривичи. —

Отъ тѣзи названія само за послѣдне-то може да се каже, че прилича на Славенско и напомнува названіе-то на Славено-Русско-то племе Кривичи, за които Русски-тѣ лѣтописци казватъ, че сж живѣли около источници-тѣ на р. р. Волга, Днѣпръ и Западна Двина. Това подобіе може да се обесни, като една случайность, какви-то се срѣщатъ не малко въ етнографія-та ²⁾. Та и да се докаже, че Кровизи-тѣ сж были Славене, то тѣхно-то присѣтствіе между древни-тѣ Трако-Иллирци може да се обесни твърдѣ просто, а именно, че тѣ още прѣди Херодота сж се отдѣлили отъ свои-тѣ братѣе и сж се преселили въ земя-та на Трако-Иллирци-тѣ, като колонисти. И такова едно обесненіе не ще бѣде безосновно, като вспомнимъ, че още отъ памти-вѣка жилища-та на Славене-тѣ сж се простирали даже до лѣвій брѣгъ на долній Дунавъ, отъ гдѣто токо въ 4-тій вѣкъ до Р. Христово ги оттласнахъ Келтитѣ, като ги накарахъ да се дрыпнатъ задъ Карпатски-тѣ гори. — Това исто-то може да се каже и за Коралли-тѣ, Трибалли-тѣ и Бесси-тѣ, ако да се докажеше, че и тѣ сж Славенски племена, което обаче не е възможно.

Ето до колко е слабо прѣво-то основаніе на Тракійската теорія. Отъ петъ-шестъ названія, и то твърдѣ сомнителни, не може да се извади заключеніе, че великій Трако-Иллирски народъ, който се е дѣлилъ на по-вѣче отъ 40 племена, не е възможно, повтаряме, отъ такова едно слабо и съмнително основаніе да се заключава, че Трако-Иллирци-тѣ сж Славене. Напротивъ, има много и твърдѣ здрави основанія, които ясно показватъ, че тѣ не сж были Славене. Сега се за достовѣрно знае, че днешній Албанскій языкъ е былъ языкъ-тъ на древни-тѣ Иллирци, ³⁾ които сж были едноплеменни съ Тракійци-тѣ. А никой не може да каже, че Албанскій языкъ е нѣкое Славенско нарѣчіе. Макаръ языкъ-тъ на Тракійци-тѣ и да е ис-

²⁾ Шафарика Starožitnosti, § 20.

³⁾ Albanesische Studien, Hahn.

чезишлъ, по отъ него сж останѣли нѣколко думи, които ни най-малко не приличатъ на Славенски. —

2. Второ-то основаніе на Трако-Иллирска-та теорія не е нѣ-здраво отъ прѣво-то. То се съдрѣжа въ слѣдующе-то питанье: Ако да се допусне, че сегашни-тѣ Българе, които населяватъ земя-та на древни-тѣ Трако-Иллирци, не сж тѣхнии потомци, то какъ се дѣла великій Трако-Иллирски народъ? —

Ные отговорихме на този въпросъ още въ прѣва-та глава на това списаніе. Считаме нелишне да повторимъ тукъ свой-тъ отговоръ съ нѣкои подробности.

а) За достовѣрно се знае, че още въ 4-тій вѣкъ до Р. Христово Трако-Иллирскій народъ се значително умали; това стана во време-то на завладѣваніе-то отъ Македонци-тѣ. Една доста голѣма часть отъ Трако-Иллирци-тѣ трѣбваше да погине въ борба-та съ завоевателни-тѣ си братіе, Македонци-тѣ, а послѣ и въ далечни-тѣ походи на Александра Великаго, подъ знамена-та на кого-то, като подвластни нему, тѣ трѣбваше да врѣватъ даже до Африкански-тѣ пустыни и до р. Гифазисъ въ Индія. — Освѣнь това много Трако-Иллирци, които не щяхъ да се подчинятъ на Македонско-то иго, предпочетохъ да оставятъ своя-та стара земя и да се преселятъ на Сѣверъ отъ Дунава. Тѣй едно твърдѣ многобройно племе Гети или Даки, които во време-то на Геродота сж живѣли между Балканъ-тъ, Чърно море и Дунавъ, въ 4-тій вѣкъ се срѣщатъ вѣче на Сѣверъ отъ Дунава, въ сегашни-тѣ Влашко, Седмиградія и пр. ⁴⁾ —

б) Друго едно умаленіе на Тракійци-тѣ се случи въ време-то, кога-то тѣхъ ги покорихъ Римляне-тѣ. — Кой не знае съ какъвъ начинъ тѣзи всемірни завоеватели въдворявахъ своя-та власть между чужди-тѣ народи? — Въ сегашна Сѣверна Франція (Галлія), слѣдъ покоряванъето ѝ отъ Юлія Цезаря отъ предни-тѣ ѝ жители (Галли-тѣ), които сж были около три милліона, остана само единъ милліонъ, други-тѣ два или погинахъ въ война-та си съ този Римски полководецъ, или пакъ быдохъ превърнати въ робе и преселени по други-тѣ провинціи на Римска-та дръжава. — Ные нѣмаме толкова тѣчни извѣстія и за водвореніе-то на Римска-та власть надъ всичкій Балканскій полуостровъ, нъ и тѣзи малко свидѣ-

⁴⁾ Шафарикъ Starožitnosti §. 20, 3. —

телства, които сж дошли до насъ не оставятъ никакво съмнѣніе, че и тукъ е происходило сжщо-то, което и въ Галлія. — Римскій консулъ Павелъ Емилий въ единъ день предаде 70 Македонски градове на разграбванье и съвършенно запустяване. Таково исто количество градове този консулъ разори и въ Епиръ, отъ гдѣ-то на единъ пѣтъ той испрати въ Римъ 150.000 робе. По това можемъ да се сѣщаме, какъ сж постигнали побѣдоносни-тѣ Римляне и въ други-тѣ области на Балканскій полуостровъ. — Отъ твореніята на Римски-тѣ поети и историци ные ясно видиме, че около Р. Христово както Римъ и цѣла Италія, тѣй и други-тѣ Римски владѣнія сж были препснѣлени съ Тракійски, Мизійски, Дакійски робе (Daci, Moesi, Thracae). Въ 75 г. до Р. Хр. въ Южна Италія се възбунтовахъ нѣкои до 50.000 робе, които съ голѣми усилія Римъ трѣбаше да усмири. Извѣстно е, че както началникъ-тъ на тѣзи бунтовници, Спартакъ, тѣй и по-вѣче-то отъ тѣхъ бѣхъ Тракійци. —

Освѣнъ избиванье-то и поробванье-то, Римляне-тѣ сж смалили Трако-Иллирци-тѣ още и съ други единъ начинъ, а именно чрѣзъ преселваніе въ далечни провинціи. Тѣй тѣ преселихъ едно цѣло Трако-Иллирско племе, Пеони-тѣ (Pacones), въ една провинція, която се намиране на сѣверъ отъ р. Сава и Дунава ⁵⁾. Отъ име-то на това племе се даде названіе на тази провинція, която се и назва Пеонія или Панонія, (въ западна-та половина на сегашна Венгрія). —

Нѣка припомнимъ още за поримчванье-то на много Трако-Иллирци, за което ные имаме случай да говоримъ по-обширно.

в) Третье умалыванье на Трако-Иллирци-тѣ стана въ 5-тій вѣкъ отъ Вестъ-Готски-тѣ, Хуннски-тѣ и Остъ-Готски-тѣ опустошенія на Балканскій полуостровъ. Ные приведохме нѣколко свидѣтельства отъ 5-тій вѣкъ, които даватъ твърдѣ добро понятіе за слѣдствія-та на тѣзи опустошенія и не считаме нужно да притуримъ къмъ тѣзи свидѣтельства още нѣкое и друго, макаръ и да ги има много. — Славене-тѣ такожде изгубихъ не малко Трако-Иллирци или чрезъ избиванье, както свидѣтелствова Прокопій, или пакъ чрѣзъ поробяване и ославяване. Като съобразимъ всички-тѣ тѣзи нещастія и разоренія на Тракійскій народъ, ные намираме неумѣстенъ въпросъ-тъ: Кадѣ се подѣнахъ древни-тѣ Трако-

⁵⁾ Mannerta, Germania, p. 501—505, 554.

Иллирци? По-скоро е за чуденъе, какъ сж могли да се запазятъ отъ нихъ повече отъ единъ милліонъ, които и до днешенъ день живѣятъ на Балканскій полуостровъ подъ име Албанци. —

Волжска-та Теорія.

Къмъ тази теорія ные относимъ всички мнѣнія и ученія, които искаравятъ днешни-тѣ Блъгаре да сж потомци на Аспарухова-та орда, която преди да се спусне къмъ долній Дунавъ живѣла е заедно съ други-тѣ си братъе нѣгдѣ около Волга. Тѣзи ученія на гледъ сж твърдѣ противоположни едно на друго, но главно-то имъ основаніе на всички-тѣ е едно. Както казахме, тѣ всички-тѣ считатъ Аспаруха и негова-та орда за предци на сегашній Блъгарски народъ. Нѣка прѣво разгледаме това общо тѣмъ основаніе и да видимъ, до колко то си има мѣсто-то. —

Просимъ читатели-тѣ да обрѣнатъ вниманіе на слѣдующи-тѣ статистически бѣлежки. — Преди 40 години, а именно въ 1826 лѣто, знаменитій Шафарикъ е считалъ нашій народъ на брой до 600.000 души. ⁶⁾ Ако още въ нашій вѣкъ единъ такъвъ славистъ е знаелъ тѣй малко за Блъгаре-тѣ, то всеки може да си състави понятіе, до колко се е знаело за тѣхъ въ минжлій и въ по-прѣдни-тѣ вѣкове. Само отъ 40—50 години на самъ нашій народъ е захванжлъ да стаж малко по-малко по-извѣстенъ. Преди 40 години, приснопамятній Юрій Венелинъ обевѣ на свѣтъ-тъ, ⁷⁾ че Блъгаре-тѣ сж главній народъ на Балканскій полуостровъ. — Въ 1842 г. Шафарикъ въ едно по-ново свое списаніе ги счита вѣче около три милліона. ⁸⁾ Въ 1848 Ами Буе набройва вѣче до четири милліона и половина Блъгаре. ⁹⁾ А отъ тогава, колко-то повече ставатъ тѣ извѣстни, толкова повече имъ се уголѣмява и брой-тъ, тѣй щото на днешенъ день нашій народъ го тъкматъ да има около шесть милліона. Ные нѣма да говоримъ за причини-тѣ, по които нашій народъ въ 17-тій, 18-тій и до начало-то на нашій вѣкъ се е считалъ тѣй малоброенъ, а щемъ кажемъ само, че до 15-тій вѣкъ това е било съвсѣмъ другоаче. До тогава той е былъ добрѣ познатъ не само на свои-тѣ съсѣди, но такожде и между далечни-тѣ народи. Въ 13-тій вѣкъ единъ

⁶⁾ Geschichte der slavischen Sprache 1825, стр. 26.

⁷⁾ Древніе и нынѣшніе Болгаре.

⁸⁾ Slovansky Narodopis.

⁹⁾ La Turquie d'Europe. —

писатель называ Българско-то царство *regnum magnæ victoriæ Bulgarorum*;¹⁰⁾ други единъ отъ 14-тѣй вѣкъ казва за Българска-та земля, че тя по многолюдство-то си е надминувала много други страни (*illa Bulgaria populosa . . .*)¹¹⁾. Нѣма никакво съмнѣние, че до 15-тѣй вѣкъ нашій народъ е былъ такожде и много по многоброенъ нежели е сега.¹²⁾ Нѣка да оставимъ на страна тѣзи Славено-Българе, които се погръчихъ и съставихъ главнѣй элементъ на сегашна-та ново-гръцка народностъ; нѣма да говоримъ и за тази частъ отъ Българскѣй народъ, която въ нашій вѣкъ се поглъна отъ Сръбско-то племе:¹³⁾ щемъ се постараемъ да докажемъ само това, че и въ тѣзи области, въ които се е запазила Българска-та народностъ, че и въ нихъ въ 14-тѣй вѣкъ тя е была по-гъста, нежели е сега. Въ 1365 г. Венгерскѣй кралъ Людовикъ Великѣй напада съ голѣма войска на Българско-то царство и отне отъ него Видинска-та областъ, която и дръжа подъ власть-та си три-четыри години. Като ревностенъ католикъ Людовикъ Великѣй

¹⁰⁾ Epist. patriar. Germ. ad cardinales отъ 1252 г.

¹¹⁾ Litteræ magistri generalis fratrum minorum отъ 1368 г.

¹²⁾ Венелинъ въ едно свое списание (Древнѣе и нынѣшнѣе Болгаре) говори: „Если бы сей народъ не понесъ значительныхъ потеръ, если бы сей народъ во всѣхъ странахъ, имъ обитаемыхъ, до нынѣ оставался господствующимъ, то за вѣрное можно предположить, что нынѣ могъ бы быть столь массивнымъ, столь же колоссальнымъ, какъ и Россѣяне“. — Русскѣй народъ сега се счита до 55,000,000; нѣе ако говоримъ, че нашій народъ е былъ много по-многочисленъ отъ колко-то е сега, съ това не искаме да потвърдимъ, че той наистина бы можилъ да достигне такъвъ брой, какъвъ-то е мыслилъ Венелинъ. Венелинъ е извадилъ таково заключение отъ едно невѣрно основаніе. —

¹³⁾ Нѣе нѣмахме случай въ това наше списаніе да споменемъ нѣщо за Сръби-тѣ, но зашто-то тѣхна-та исторія е твърдѣ тѣсно свързана съ Българска-та, то нѣка ни бѣде позволено да направимъ тукъ поне една кратка бѣлежка за нихъ. — Сръби-тѣ додохъ на Балканскѣй полуостровъ, изъ сегашна Галиція, въ 1-ва-та половина на 7-мѣй вѣкъ, во време-то на Византѣйски императоръ Ираклія. Съ негово позволеніе тѣ се заселихъ въ страна-та, гдѣто живѣхъ и сега. Трѣба да кажемъ, обаче, че тѣхни-тѣ жилища не се простирахъ тѣй далече на Истокъ, както сега, а достигахъ само до рѣки-тѣ Колубара и Ибаръ, които текътъ прѣзъ сръбда-та на сегашно-то Сръбско княжество. На истокъ отъ тѣзи рѣки се простирахъ жилища-та на Български-тѣ Славене, Моравене-тѣ, Браничеви-тѣ, Кучеване-тѣ, Тимочане-тѣ и т. п. Рѣки-тѣ Колубара и Ибаръ сж были, по-много-то време, и граници-тѣ между Българско-то царство и Сръбско-то. — Само отъ конецъ-тъ на 13-тѣй вѣкъ Сръбски-тѣ краловете малко по малко распространихъ власть-та си до Тимокъ, като покорилахъ живуци-тѣ тамъ Българе, които трѣбваше да останътъ подъ Сръбска-та власть до разтурване-то на Сръбско-то царство. Чрезъ това, обаче, тѣзи Българе не се посръбихъ, както не се посръбихъ и Българе-тѣ въ Македонія, които при Стефана Душана такожде додохъ подъ власть-та на Сръби-тѣ и оставахъ подъ нея около 50 години. — Българе-тѣ между Колубара, Ибаръ и Тимокъ, въ Источна-та половина на сегашно-то Сръбско княжество, се посръбихъ по-вѣче-то въ нашій вѣкъ, отъ-както влѣзохъ въ съставъ-тъ на сегашно-то Сръбско княжество. — Виж. Constant. Porph. de Adm. imperio с. 29, 30 у П е я ч е в и ч а Historia Serbiæ. Шафарика Starož. §. 32, 1. Г и л ь ф е р д и н г а Письма объ ист. Серб. и Болгаръ I. стр. 16

се рѣши силѣмъ да покатолича Българе-тѣ въ покоренна-та отъ него Видинска областъ. По негово повелѣніе додохъ тамъ нѣколко Францискански попове, които съ помощь-та на Венгерски-тѣ воици, въ 50-тъ дни покатоличихъ повече отъ 200.000 Българе (*infra 50 dies ultra ducenta hominum milium baptizarunt*).¹⁴⁾ Документъ-тъ, отъ кого-то ные заемаме тѣзи подробности, свидѣтелствова, че по повелѣніе-то на Людовика имена-та на всички-тѣ тѣзи покатоличени Българе сж были записани едно по едно, (*ne forte de numero scrupulus oriat*). Отъ този истій документъ ся научваме, че тѣзи двѣсти хилѣди покатоличени Българе не сж были и третия-та часть отъ цѣло-то населеніе на Видинска-та областъ (*illias tamen regionis pondum tertiam partem converterunt*). И тѣй, отъ това достовѣрно свидѣтелство ные се научаваме, че въ 14-тій вѣкъ въ Видинска-та областъ сж живѣли отъ 600 до 700.000 жители, които сж были чисти Българе, защо-то на онова време османли-тѣ още не бѣхъ се заселили въ тѣзи областъ, нито пакъ Евреи-тѣ или други-тѣ инородци, които сега има да живѣятъ въ Видинска-та областъ. А сега колко Българе има да живѣятъ въ тази областъ? Тѣчно не се знае, но никакъ не повече отъ 500.000 души.¹⁵⁾ — Това ще рѣче, че въ Видинска-та областъ прѣди 500 год. Българе-тѣ сж были много по-многочисленни, отъ колко-то сж сега. Това сжщо-то може да се каже и за други-тѣ Български области. —

Слѣдъ тѣзи бѣлежки за число-то на нашій народъ сега и въ време-то на негово-то историческо бытіе, ные щемъ помолимъ читатели-тѣ да си наумятъ това, което казахме за брой-тъ на Аспарухова-та орда. — Възможно ли да се каже, че нашій народъ е можилъ да произлѣзе отъ такава една малка орда, която най-много нѣка да е състояла и отъ 100.000 души? Ето гдѣ е главно-то заблужденіе на тѣзи писатели, които приѣматъ Аспарухови-тѣ другаре за предци на днешни-тѣ Българе. Тѣ не сж обръщали и не обръщатъ вниманіе на тази невъзможность: едни, защо-то не сж могли да си съставатъ ясно понятіе за брой-тъ на Аспарухова-та орда, а такожде и за брой-тъ на днешній Български народъ,

¹⁴⁾ Заемаме тѣзи подробности отъ едно писмо на тогавашній начальникъ на Францисканскій орденъ. — Пеячев. *Historia Serbiæ* p. 310 sque. Исторія-та на това събитіе ные изложихме по подробно въ „Историческій преглѣдъ на „Българска-та църква“.

¹⁵⁾ Виж. Липранди — Болгарія въ чтен. общества Истории и древностей Рос. 1868 кн. 1.

други пакъ, защо-то не сж имали ясно понятие за тѣзи Славенски племена, които съ жилища-та си бѣхж напълнили Балканскій полуостровъ още прѣди да се появи тамъ Аспарухъ. Както и да е, тѣзи писатели, като потъвжтъ още отъ начало-то на свои-тѣ изслѣдованія въ такова едно заблужденіе, старажтъ ся да исплуватъ отъ него, кой какъ може, кому какъ е скимнжло. Отъ това тѣ сж и искарали на свѣтъ твърдѣ различни мнѣнія за порекло-то на Българскій народъ, мнѣнія, които при всички-та имъ видима противоположность сж неволни послѣдствія на една-та и тази грѣшка, на едно-то и това заблужденіе.

Спроти разнородни-тѣ заключенія, къмъ които сж дошли разнитѣ привръзници на Волжска-та Теорія, тя може да се подраздѣли на три частни ученія;

- а) Тунманно-Енгелево-то
- б) Раичо-Венелиново-то
- в) Чудско-то или Финско-то. —

Като показаме главна-та грѣшка, която е обща на тѣзи частни ученія, позволяваме си да кажемъ вкратцѣ и за заключенія-та на всяко едно отъ нихъ. —

а) Тунманно-Енгелово-то ученіе.

Въ 1774 г. Тунманнъ е издалъ едно историческо изслѣдованіе за народи-тѣ, които нѣкога сж живѣли или сж се скитали въ Источна Европа.¹⁶⁾ Въ това изслѣдованіе се доказва, че Волжски-тѣ Българе сж были отъ Татарско порекло. Около 20 години послѣ, въ 1796 г. поевн се една Българска исторія, написана отъ Енгеля, въ която още по-подробно се развива това мнѣніе и подробно се разглѣжда происхожденіе-то на днешни-тѣ Българе.¹⁷⁾ — По мнѣніе-то на Енгеля Аспарухъ съ своя-та орда се е скиталъ нѣколко време между р. р. Днѣпръ и Днѣстръ; послѣ се е вдигнжлъ отъ тамъ и е минжлъ на Балканскій полуостровъ, гдѣто като е отнелъ отъ Византійска-та Имперія Долня-та Мизія и Малка Скитія, основалъ е тамъ Българско царство. Въ това царство се е и размѣстила Аспарухова-та орда, отъ която води начало-то си сегашній Български народъ, който слѣдователно е такожде отъ Татарско порекло. — Енгель е знаилъ, че езикъ-тъ на сегашни-тѣ Българе по приличва малко нѣщо на Славенски езикъ, но това ни малко

¹⁶⁾ Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker.

¹⁷⁾ Geschichte von Bulgarien. —

не го е бръкало. Това го той обеснява да се е случило отъ дѣйствиѣ-то на времето, отъ климатъ-тъ, отъ вліяніе-то на много различни обстоятелства, а такожде и отъ смѣсване-то на Аспарухова-та орда съ Славене-тѣ. Тѣй, Енгель не отрича това смѣсване, но го разбира твърдѣ самопроизвольно, и искаква, че и слѣдъ това смѣсване Татарскій елементъ е осталь все по-силенъ у сегашній Български народъ. —

Ные нѣма подробно да разглѣждаме всички-тѣ несъобразности на това овехтѣло ученіе, а ще покажемъ само на една или на двѣ исторически грѣшки, на които то се основава? — Енгель не е знаилъ, че Аспарухова-та орда, прѣди да мине на Балканскій полуостровъ, е живѣла нѣколко време въ Бессарабскій кѣтъ, т. е. въ жгълъ-тъ ("Ουκλον). Той ж прекарва въ Долня Мизія право изъ това обширно пространство, което се заключава между рѣки-тѣ Днѣпръ и Днѣстръ. Това пространство той мысли, че разбирѣтъ Лѣтописци-тѣ Теофанъ и Никифоръ, като говорѣтъ, че Аспарухъ, прѣди да мине на Балканскій полуостровъ, запрялсе е на нѣколко време въ "Ογγλον или край "Ουκλον. И на що основава Енгель такова едно криво тълкуванье на Теофаново-то и Никифорово свидѣтелство? — Смѣшно е да се каже. На това, че между рѣки-тѣ Днѣпръ и Днѣстръ има да тече една малка вадига, която сега се нарича Ингула. Нѣка да допуснемъ, че Византійски-тѣ лѣтописци сж знаели тѣй добрѣ географія-та на мало-извѣстна-та тогава Источна Европа, щото се знаеле даже, че тамъ има единъ долъ или по-добрѣ една вадига Ингула, но ако Теофанъ и Никифоръ да разбирахж подъ име-то "Ογγλος тази вадига, тогава тѣ нѣмаше да казвѣтъ, че Аспарухъ, за да достигне до този Онглъ (жгълъ), длѣженъ е былъ да минува прѣзъ рѣки-тѣ Днѣпръ и Днѣстръ и да слази до Дунава. (Asparuch Danapri et Danastri fluminibus praeternavigatis ad Onclum..... казва Теофанъ, а Никифоръ още по-ясно: Asparuch fluminibus trajectis ad Danabium consedit, ubi locum idoneum ad habitandum occupavit, quem sua lingua Onglum appellant). Това тълкуванье Енгелово може да даде добро понятіе, какъ този Историкъ се е обръщаль съ историческитѣ свидѣтелства. Нѣка да кажемъ още, че той е ималь твърдѣ мѣтно понятіе за многобройни-тѣ Славенски племена, които Аспарухова-та орда завари на Балканскій полуостровъ. При това нѣка да си

наумимъ още, че той е писалъ своя-та Българска исторія въ конецъ-тъ на минжлій вѣкъ, когато нашій народъ сж считали да е былъ не по-вѣче отъ половинъ милліонъ на брой. Като вземемъ на видъ всичко това, то не ще бжде чудно, че Енгель е искаралъ днешни-тѣ Българе за пославенени потомци на Аспарухова-та орда, или, както казва той, за пославенени татаре. —

б) Райчо-Венелиново-то учение.

Това учение по свои-тѣ заключенія е съвсѣмъ противоположно на Тунманно-Енгелево-то. То е сжществувало твърдѣ отдавна;¹⁸⁾ но защо-то само Райчъ и Венелинъ го сж разработили критически, то ние рѣшихме да го назовемъ съ нихно-то име.¹⁹⁾ Съ особенна ревностъ е разработвалъ това учение Венелинъ. Кой отъ наши-тѣ образовани съотечественници не знае, съ каква сила този приснопаметенъ за народъ-тъ ни мжжъ, съ каква ревностъ той се е борилъ съ искарано-то отъ Енгеля заключение, че сегашни-тѣ Българе сж пославенени татаре? При всичко това, обаче и Венелинъ, безъ да забѣлежи, стоялъ е на сжщо-то основаніе, на което се е дръжалъ и неговъ-тъ противникъ: и той, като и Енгель, е считалъ Аспаруха и негова-та дружина за предци на нынѣшни-тѣ Българе, не е можилъ да обърне вниманіе нито на брой-тъ на Аспарухова-та орда, нито пакъ на заселванье-то на Балканскій полуостровъ съ много Славенски племена, които още прѣди Аспаруха сж были размѣстени тамъ. Поради това негово-то учение, колко противоположно и да се чини на Енгелово-то, има корень-тъ си въ сжщо-то заблужденіе. То се различава отъ Енгелово-то само по начинъ-тъ на свои-тѣ изслѣдованія. Енгель захваща отъ Волжски-тѣ Българе и като ги искарва отъ татарско повлекло, спуща се къмъ сегашни-тѣ и заключава, че и тѣ, като чисти потомци на онѣзи, трѣбва да бждѣтъ отъ сжщо-то повлекло, сирѣчь отъ татарско. Венелинъ пакъ отива на опаки: той захваща отъ сегашни-тѣ Българе, и като гледа, че тѣ сж чисти Славене, въсходи къмъ Волжски-тѣ,

¹⁸⁾ Още въ 17-тій вѣкъ Мавро-Урбини, Рагузскій аббатъ е написалъ на Италіански езикъ Исторія за Славенски-тѣ народи, въ която се исказва такова учение за происхождение-то на Българскій народъ.

¹⁹⁾ Райча, Исторія разныхъ Славенскихъ народовъ наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ; Віенна 1734 г.

Венелина, Древніе и нынѣшніе Болгаре. 1829 г.

като къмъ праотци-тѣ на сегашни-тѣ, и искарева ги чисти Славене и тѣхъ. За да не се распространяваме твърдѣ много, ние ще кажемъ, че и Венелиново-то заключеніе е толкова не вѣрно, колко-то и Енгелово-то, защо тѣ и двѣ-тѣ се опирхтъ на сжщо-то не вѣрно основаніе. Не Волжски-тѣ Блѣгаре, не Аспарухова-та дружина сж предци-тѣ на нашій народъ, а тѣзи Славенски племена, на които Венелинъ не е счелъ нужно да обрѣне добръ вниманіе. Колко-то за повлекло-то на Волжски-тѣ Блѣгаре, а слѣдователно и на Аспарухова-та орда, за него съвременна-та серіозна критика е доказала на твърдѣ здрави основанія, че Волжски-тѣ Блѣгаре, макаръ и да не сж были чисти татаре, както ги е мислилъ Енгель, но не сж и отъ Славенско порекло, както е искалъ да докаже Венелинъ. —

в) Чудско-то или Финско ученіе.

Най нова-та историческа критика доказа, че Волжски-тѣ Блѣгаре не сж были нито Славене, нито пакъ чисти татаре, но че тѣ сж были едно племе отъ нѣкога великій чудски или Финскій народъ. На това мнѣніе е былъ и Шафарикъ. Този великъ славистъ е пръвій, който е вѣрно опредѣлилъ отношеніе-то на Волжски-тѣ или, както ги той называ, уралски-тѣ Блѣгаре къмъ сегашниій Блѣгарски народъ. „Аспарухова-та „дружина, казва той, не тѣй голѣма на брой, но храбра и „искусна во военни-тѣ дѣла, нападнала е въ земя-та на миро- „любиви-тѣ Славене и достигнжала е върховна власть надъ „тѣхъ. Но като се засели между нихъ, тя въ скоро време „трѣбаше да вземе нихна-та рѣчь, нрави и обычаи и съвсѣмъ „да си измѣни Урало-Чудска-та народность на Славенска. За „това пакъ Славене-тѣ трѣбаше да приемхтъ отъ тѣзи свои „завоеватели име-то, което носхтъ и до днесъ, т. е. Блѣгаре.²⁰⁾ Повѣче-то съвременни учени приемхтъ, както и Шафарикъ, че Волжски-тѣ Блѣгаре сж были едно Чудско или Финско племе, но твърдѣ малцина отъ нихъ имхтъ такова вѣрно мнѣніе за отношеніето на тѣзи Чудски Блѣгаре къмъ народность-та на днешни-тѣ. — Сега, токо Славенски-тѣ писатели разбирхтъ това отношеніе тѣй, както го е изложилъ Шафарикъ,²¹⁾ а за

²⁰⁾ Starožitn. §. 39, 4.

²¹⁾ Отъ тѣзи Славенски учени мжже ние ще назовемъ тука: Гильфердинга, Письма объ Исторіи Сербовъ и Болгаръ; Палаузова, Юго-Востокъ Европы; — Iv. Rank, Bulharsko Dějiny въ Slovník naučný.

не Славенски-тѣ учени тази очевидна истина и до сега остава не вразумителна. И до сега въ Французска-та и нѣмска литература се свѣжватъ отъ време до време списанія за нашия народъ, въ които се повтаря заблужденіе-то на Енгеля, съ тази само разлика, че Енгель е считалъ сегашни-тѣ Българе за пославенени татаре, а нѣкъ тѣзи нови списанія ги искарватъ пославенени финни. И като считатъ сегашний Български народъ за потомокъ на Волжски-тѣ или Чудски Българе, автори-тѣ на тѣзи списанія даватъ си голѣмъ трудъ да говорятъ за много тъмни въпроси, които ни малко не се отнасятъ до наша-та исторія. Тѣй на примѣръ: тѣ макаръ и да пишатъ кратки прегледи²²⁾ на Българска-та исторія, считатъ за нужно да наченватъ още отъ прѣди Р. Христово, т. е. отъ една Българска дружина, която минжала, около 120 год. до Р. Хр., въ Армения. Послѣ тѣ се спиратъ подробно на Волжска-та България, която Византійци-тѣ наричатъ то Голѣма, то Чърна България; по-нататѣкъ тѣ разказватъ за отношенія-та на Волжски-тѣ Българе къмъ Византія въ 5-ти и 6-ти вѣкъ, и за отношенія-та имъ къмъ Авари-тѣ въ 6-ти и 7-ми. — Въ тѣзи разкази отъ исторія-та на Волжски-тѣ Българе тѣ мислятъ, че разказватъ исторія-та на сегашни-тѣ. А за Славенски-тѣ племена, които въ 6-ти и 7-ми вѣкъ се расселихъ по Балканскій полуостровъ, които сж предци-тѣ на днешни-тѣ Българе, отъ исторія-та на които и трѣбва да се начене исторія-та на нашия народъ, за нихъ тѣзи писатели почти нищо не говорятъ, та че и ясно понятіе нѣматъ за нихъ.²³⁾ —

²²⁾ Отъ тѣхъ ние тука ще назовемъ само по-нови-тѣ, а именно: Kanitz *Bulgarische Fragmente*, въ *Oest. Revue* 1864, 6 и 7. Lejean, *Etnographie de la Turquie d'Europe. Dora d'Istria, La nationalité Bulgare* въ *Revue des deux mondes* 1863 г. Juillet 2 livr.

²³⁾ Намъ ни е жалко, като сме принѣдени да отнесемъ и Г-на Каница къмъ тѣзи писатели. Негова-та статія, *Bulgarische Fragmente*, свидѣтелствова, че той има твърдѣ основателни етнографически и географически познанія за нашия народъ, а такожде че той добръ познава и негово-то съвременно положеніе. Отъ нея ние гледаме, че той има доста добри исторически познанія и за разселваніе-то на Славенски-тѣ племена по Балканскій полуостровъ. И при всичко това той пакъ не е можилъ съвсѣмъ да се освободи отъ заблужденіе-то, въ кое-то се намирятъ западно-Европейци-тѣ за произхождане-то на нашия народъ. „Българе-тѣ“, говори и той, сж причислѣтъ къмъ велико-то Славенско племе, но тѣ сж отъ Финско повлекло и сж се пославенили въ Европа. *Die Bulgaren, B'geri, serbisch Bugari, russisch Bolgare, werden der grossen slavischen Familie zugezählt. Sie sind aber von Ugrischen Abstammung (Uralische Finnen) und werden erst in Europa slavisiert.* —

НОВИ ПАМЕТНИЦИ

ЗА

ИСТОРИЯТА НА БЪЛГАРЕТЪ И НА ТЪХНИТЪ СЪСЪДИ.

(Изъ „Периодическо списание на Българското Книжовно Дружество“, Браила, 1870, година I, книжка I, стр. 36—60, II, стр. 52—68).

REPORT OF THE

COMMISSIONERS OF THE LAND OFFICE

FOR THE YEAR 1887

Нови паметници за историята на Българетѣ и на тѣхнитѣ съсѣди.

Писмо I.

Бързамъ да ви зарадвамъ съ извѣстие за намѣрванъето на нѣколко нови паметници за историята на Българетѣ и на тѣхнитѣ съсѣди, които паметници озаряватъ много тъмни до сега събития отъ минълий животъ на тѣзи народи, а въ Българската история отварятъ и нѣколко съвсѣмъ нови страници. Тѣзи, тѣй да речемъ, драгоцѣнности се намѣрихъ въ Неаполь, между ръкописитѣ на Музейската библиотека, Бранкачанската и Голѣмий Архивъ.

Музейската библиотека (la bibliotheca del museo nazionale) съдържа въ себе, освѣнъ 200,000 печатни книги, до 4000 ръкописни томове, между които има нѣколко на гръцки езикъ, нѣколко на арабски, на турски, на испански, по пò-вечето сѧ на латински и италиенски.

Бранкачанската (la bibliotheca Brancassiana), която е основана въ минълий вѣкъ (1763 г.) отъ единъ кардиналъ Бранкачия, има и тя, освѣнъ голѣмото си множество печатни книги, твърдѣ богата сбирка отъ ръкописи, които сѧ около 1000 томове. — Но тѣзи, сами по себе богати, ръкописни сбирки на музейската и бранкачанска библиотека не сѧ ништо при съкровищата, които се съхраняватъ въ Голѣмий Неаполитански Архивъ (il grande archivio), съ който не ште бѣде излишно да ви запозная пò-отблизо.

Голѣмий Архивъ е основанъ преди 40 години. Изпърво е билъ помѣстенъ въ Капуанский Шатò (castel Capuano), но скоро това мѣсто му е станъло тѣсно и незгодно, и въ 1845 г. той е пренесенъ въ изпразненний сега мѣнастиръ Свв. Северинъ и Соссио. Въ това голѣмо сградие се помѣстятъ сега богатитѣ сбирки на Голѣмий Архивъ, съ които сбирки сѧ преиспѣлнени сичкитѣ стаи и зали на този знаменитъ нѣкога мѣнастиръ. Тукъ сѧ събрани сичкитѣ уцѣлѣли

писма, актове и всѣкакви други документи, които сѣ излазѣли отъ канцеларията на неаполитанското правителство, или сѣ били писани отъ различни правители и чиновници. Тѣзи до-документи идѣтъ оште отъ 12-й вѣкъ и до наше време, т. е. до съединението на неаполитанското кралство съ другитѣ части на Италия въ едно политическо тѣло. Освѣнъ тѣзи документи, тукъ сѣ пренесени и всѣкакви други ръкописи, които по-преди сѣ били разпрѣснѣти по разни страни въ южна Италия, или пъкъ сѣ се съхранявали по мѣнастиритѣ. По количеството на своитѣ ръкописи, по голѣмата важностъ на много отъ нѣхъ, а такожде и по широкото си и сгодно размѣстване, Неаполитанский Архивъ праведно се почита за единъ отъ най-знаменититѣ на свѣтътъ.

Най-важната сбирка на този архивъ (*il tesoro di tutto l'archivio Napolitano*), въ която се намиратъ драгоцѣнни паметници за историята, токо речи, на цѣла Европа, сѣ ръкописитѣ, които се намиратъ въ тѣй нареченната му дипломатическа зала. Въ нея се съхраняватъ:

а) 449 томове, въ които сѣ подвързани около 50.000 оригинални документи, по-вечето грамоти, контракти и т. п. Най-старий отъ тѣзи документи е писанъ въ 703 или 748 г. слѣдъ Р. Хр. Има между тѣхъ нѣколко на арабски езикъ, отъ времето, когато Аравитенетѣ господарувахъ на островъ Сицилия. Има около 150 и на гръцки езикъ, писани между 1054—1450 г. Знаино е, че южна Италия е била нѣкога заселена по-вечето съ Гърци, отъ това се е и наричала *magna Graecia*. Реченитѣ 150 документи, както и много оште други, показватъ, че гръцкий елементъ е билъ доста голѣмъ въ тази страна дори до 15-тий вѣкъ, па е съвсѣмъ погинѣлъ, поиталиенилъ се е. —

б) Единъ регистръ отъ Фридриха II, който съдържа въ себе копии отъ различни писма и други документи, които сѣ излазѣли отъ канцеларията на този знаменитъ кралъ и императоръ за година време, именно за 1240 г. Регистритѣ за другитѣ години на неговото царуване, за жалость голѣма, не сѣ уцѣлѣли.

в) 523 голѣми томове, напълнени съ твърдѣ драгоцѣнни документи отъ времето на Анжуйската династия (тази династия царува въ Неаполъ отъ 1266—1442 г.). По съдържанието си, тѣзи драгоцѣнни документи, между които се намиратъ твърдѣ много за историята на Балканский полуостровъ,

дѣлятъ се на три дѣла: Анжуйски регистри (registri Andegavenses), арки (наречени тѣй, защото по-преди сѧ се съхранявали въ ковчези = arche) и фашиколи (fascicoli = везеници).

Анжуйскитѣ регистри сѧ 378 томове. Въ тѣхъ се намиратъ копии отъ писма и актове, които сѧ излазѣли отъ правителственната канцелария. Има нѣколко исторически свидѣтелства, че въ 16-й вѣкъ тѣзи регистри сѧ били 448 томове, — около 70 томове, слѣд., сѧ загинѣли, та, за оште по-голѣма жалость, и въ тѣзи, които сѧ се учували, много листе сѧ откъснѣти, или пъкъ сѧ повредени тѣй, щото нѣма никаква възможность да се прочетѣтъ.

Арkitѣ сѧ 48 томове. Въ тѣхъ се съдържатъ оригинални писма отъ Анжуйскитѣ крале, съ които тѣ даватъ различни заповѣди и отговори на областнитѣ си правители или други нѣкои чиновници. Освѣнъ тѣзи документи въ Арkitѣ се срѣшtatъ и грамоти, а такожде и договори между частни лица.

Фашиколитѣ сѧ 97 томове. Въ тѣхъ пъкъ сѧ подвързани отговорни писма отъ областнитѣ правители и други чиновници, въ които писма тѣ извѣстятъ правителството за повѣреннитѣ нимъ дѣла, порѣчки и проч.

Отъ другитѣ богатства на дипломатическата зала за историята на Балканский полуостровъ сѧ доста важни оште и документитѣ отъ Арагонската династия, която е царувала въ Неаполь отъ 1442 до 1500 г. Тѣзи документи сѧ подвързани въ 15 томове, които се наричатъ Regie lettere.

До преди 13 години, токо речи, никой незнаеше, че между богатий исторически материялъ, който се съхранява въ дипломатическата зала на Голѣмий Неаполитанский Архивъ, намиратъ се драгоцѣнни паметници за историята на Южнитѣ Словѣни и на Балканский полуостровъ изобшто. Извѣстний Хърватски ученъ, г. Кукулевичъ-Сакцинский, е първий, който е обърналъ внимание на този богатъ изворъ. Въ 1857 г. той е пътувалъ по Италия, за да издирва тамъ паметници за хърватската история по-вечето, дохождалъ е и въ Неаполь, дѣто се е бавилъ около 3 недѣли. Въ това време той е преровилъ на-бързѣ и нѣколко томове отъ Анжуйскитѣ регистри, въ които е забѣлѣжилъ до 30 паметници за историята на Хърватетѣ Сърбетѣ, и единъ за Българската История¹⁾. Двѣ години послѣ,

¹⁾ Izvjestje o putovanju kroz Dalmaciju u Napuli i u Rim, въ Arkiv za povjest. Jugosl. IV.

въ 1859 г., други единъ Хърватски ученъ, Д-ръ Фр. Рачки, е посветилъ мѣсецъ време на прегледване Анжуйскитѣ регистри, можилъ е да прегледа токо 30 томове отъ тѣхъ, отъ които е сполучилъ да препише и извлече доста важни паметници, пò-вечето за историята на Хърватия, Далмация и Венгрия.¹⁾

Сега, отъ минълий мѣсецъ Юний, за подробно преглеждане всичкитѣ 378 томове на Анжуйскитѣ регистри бѣше се заузель познатий въ учената словѣнска писменность г. В. В. Макушевъ, който трудъ той свърши токо преди двѣ недѣли. По назначението на Петербургский университетъ, г. Макушевъ двѣ години вече пътува по Италия, за да събира необнародвани паметници за историята на словѣнскитѣ народи изобщо и особно за историята на Балканский полуостровъ. Съ тази цѣль той е преровилъ архивитѣ въ Венеция, Миланъ, Туринъ, Генуа и Флоренция, дѣто е сполучилъ да набере голѣмо количество твърдѣ драгоцѣнни паметници. Шестъ мѣсеци време, всѣки день по 4 и 5 часа, той е употрѣбилъ да прегледа листо по листо всичкитѣ Анжуйски регистри. Този новъ и тежъкъ неговъ трудъ е вѣнчанъ съ твърдѣ утѣшителенъ успѣхъ, който състои въ откриванъето на 800 съвсѣмъ нови паметници за историята на Албания, Сърбия, България, Триединното Кралство, Венгрия и проч. Подробно извѣстие за тази богата сбирка ште бѣде напечатано въ „Запискитѣ на Петербургската Академия“. Въ настоящето си писмо азъ ште ви запозная само съ тѣзи паметници отъ нея, които се отнасятъ до Българската история и които г. Макушевъ отстъпя на „Българското Книжовно Дружество“ за да ги обнародва.

И тѣй, слѣдъ трудътъ на г. Макушева, може да се каже, че пò-вечето любопитни за насъ паметници въ Анжуйскитѣ регистри сѣ вече отбрани, и мени останѣ слѣдъ това да прегледамъ другитѣ документи въ дипломатическата зала на Голѣмий Архивъ, а такожде и ръкописитѣ, които се намиратъ въ Музейската и Бранкачанска библиотека. Азъ наченъхъ отъ ръкописитѣ на Музейската библиотека, които, до колкото зная, ни единъ словѣнски пътникъ не е прегледвалъ до сега. Г. Кукулевичъ въ 1857 г. е искалъ да ги прегледа, но не сѣ му позволили. Сега никакви препятствия нѣма, и мени отведнѣжъ

¹⁾ Arkiv za p. Jugosl. VII. Izvadci iz kralj. arkiva u Napulju.

ми дадохъ позволение не само да ги прегледамъ, но и да препишѣ отъ тѣхъ слѣднитѣ пометници и извлѣчения:

1. Оригинално писмо отъ Охридскій патриархъ Гавриилъ I до Макария Митрополита Монембазийскаго (Μονεμβασίας).¹⁾ Макарь и да не е означено въ него, дѣ и кога е писано, но отъ съдържанието му се види, че е писано въ Римъ около 1572. Монембазийскій митрополитъ Макарий по това време е игралъ доста голѣма политическа рола, и може да се мисли, че сношенията на патриархътъ Гавриилъ I съ него сѣ имали политически характеръ. Патриаршескій подписъ въ това писмо е писанъ съ зелено мастило и твърдѣ малко се отличава отъ подписътъ на други единъ Охридски патриархъ, Гавриилъ II, отъ когото преди двѣ години ми се случи да наидѣ едно писмо до графъ Словата (отъ 1655 г.).²⁾

2. Отговоръ отъ Донъ-Жуана Австрийскаго на поменѣтиятъ митрополитъ Макарий, отъ 1572 г. Донъ-Жуанъ, началникътъ на съюзнитѣ сили, които тогава бѣхѣ се съединили противъ Турцитѣ, дава надѣжда Макарию, че скоро ще пристигне съ голѣма флота за да избави Християнитѣ ἀπὸ τῆν δουλίαν καὶ ζυγόν.³⁾

3. Наставление, дадено Тодору Малиссенскому да иде на Балканскій полуостровъ за да обяви на Християнитѣ (che bramano liberarsi), че Донъ-Жуанъ имъ иде на помощъ съ голѣма сила, та да го чакатъ и да се готвѣтъ.

4. Описание на Турция (Nuevo tratado de Turquía), писано отъ единъ испански свещенникъ, Октавий Сапиненция, който е билъ вземепъ въ плѣнъ отъ Турцитѣ и е живѣлъ въ Костантиноплъ около 5 години. Съчинено е това описание въ 1672 г. Между многото любопитни извѣстия за вътрешното състояние на турската държава въ онова време, Октавий съобщава доста любопитни бѣлѣжки и за Фанариотитѣ.

5. Описание на Турция, писано въ 1572 г. отъ Марка Антонио Барбаро (Relatione del Cl. Marcant. Bar-

¹⁾ Монембазия е областъ въ Морей.

²⁾ Тѣзи подписи сѣ доста важни въ палеографически изгледъ; азъ ги имамъ снети и двата. Въ Музейската библиотека се намиратъ нѣколко писма отъ нѣкои Костантинополски патриарси, отъ 16 вѣкъ. Азъ и отъ тѣхъ спехъ единъ подписъ за сравнение съ реченитѣ два.

³⁾ Кратко извлечение отъ това важно писмо е помѣстилъ Бюмонъ въ своитѣ Nouvel. recherches t. II, което, ако не се лъжѣ, той е извлѣклъ изъ други единъ списъкъ отъ Палермскій архивъ.

баго). Барбаро е пътувалъ по нѣкои страни на Балканскій полуостровъ и е живѣлъ 7 години въ Константинополь, като байлъ¹⁾ на Венецианската республика. Драгоцѣнно е това описание; въ него майсторски сѣ изобразени: величието и силата на турската империя въ онова време, вътрешний нейнъ организъмъ, нейнитѣ отношения къмъ европейскитѣ държави, а такожде състоенieto на подданицитѣ ѝ. Особно любопитни сѣ извѣстията, които Барбаро дава за отношенията на Турцитѣ къмъ Полша и Русия. Между друго, той разказва, че Турцитѣ, които въ онова време господарувахъ и въ южна Русия, искали сѣ тогава да съединятъ съ каналъ рѣкитѣ Донъ и Волга, каквото тѣхната флота да може да отива изъ Черното морѣ въ Каспийското, и отъ тамъ да бие Персиянетѣ, които сѣ били най-страшнитѣ врагове на турската държава. Този планъ обаче е билъ разваленъ отъ московскій царь.²⁾

6. Описание на Австрийскитѣ земи въ 1747 г. отъ Венецианскій посланникъ, Лоренцо Контарини. Въ това описание се намѣрва доста подробно и твърдѣ любопитно описание политическото и обществено състояние на Чеситѣ въ единъ отъ най-важнитѣ моменти въ тѣхната история, и азъ намѣрихъ за добро да го препиша.

7. Подробно статистическо описание на Венгрия въ 1781 г. Отъ него извлѣкохъ нѣколко любопитни бѣлѣжки за словѣнскитѣ племена, които живѣятъ въ тази земя. Това описание показва, че въ 1781 г. въ сичкитѣ области на Венгерското кралство е имало 8,242 села и 502 града, сичко 8,744 заселени мѣста. Отъ тѣхъ 3,623 сѣ били заселени съ Маджаре, 663 съ Нѣмци, 2,623 съсъ Словаци, 152 съсъ Сърбе, 396 съ Хървате, 742 съ Русини, 28 съсъ Полѣци, 671 съ Власи. —

¹⁾ „Байлъ“ сѣ се наричали чиновницитѣ, които сѣ били главни управители въ колониятѣ Венециански.

²⁾ По италиенскитѣ архиви и библиотеки се намѣрватъ твърдѣ много ръкописни описания на турската държава, писани въ 15, 16 и 17 вв., по-вечето отъ Венециански посланници. Тѣзи описания (*Relazioni*), може да се важе, сѣ най-главний изворъ за историята на Балканскій полуостровъ презъ тѣзи вѣкове. Отъ много изъ тѣхъ сѣ снети копии за въ нѣкои отъ германскитѣ библиотеки, отъ които копии извѣстний Историкъ Ранке е извлѣкълъ най-главний материалъ за своята превосходна книга: *Die Osmanen und die spanische Monarchie*. Една малка частъ отъ тѣзи описания е вече издадена въ Флорентинскій Сборникъ: *Relazioni degli ambasciatori Veneti*. Този сборникъ състои отъ 15 т. т., отъ които 3 сѣ напълнени съ *Relazioni degli stati Ottomani*.

Освѣнѣ тѣзи паметници, между ръкописитѣ на Музейската библиотека забѣлѣжихъ опште и слѣднитѣ, които времето не ми допуснѣ да прегледамъ добрѣ и да извлѣкѣ нѣшто и отъ тѣхъ:

Sanctorii Vita Selimi Imperatoris Turcorum (IX, D, 38). Della dinastia Ottomana (X, F, 48). Veniero, Descrizione dell'Impero Turcico (X, F, 49). Relatione del Sig. Zuane Contarini, Proveditor di Corfu 1578 (X, F, 54). Relationi di Polonia, Moscovia etc. (X, G, 12). Ruggiero, Relazione del Regno di Polonia, Lituania et Prussia (X, G, 15). De la politique des Rois de Pologne (XIV, E, 6). Breve relazioni dela vittoria ottenuta contro i Turchi 7 Oct. 1571 e cogioni che missero i Veneziani alla pace col Turco nel 1527 (I, D. 43). — Въ каталогътъ на турскитѣ ръкописи забѣлѣжихъ съчинението на Лезифа: Жизнеописанието на турскитѣ поети.

Въ самата библиотека азъ преписахъ единъ търговски трактатъ, завързанъ въ 1387 г. 27 Май, между българский князь Иванко, синъ на Добрича (Dobordcze), и Генуезската республика. Този паметникъ е издаденъ опште въ 1812 г. въ Notices des manuscrits de la bibliothèque Royal de Paris t. XI, но заштото тази книга сега се срѣшта твърдѣ рѣдко, а по насъ и съвсѣмъ я нѣма, то азъ намѣрихъ за добро да препишѣ изъ нея този важенъ за нашата история паметникъ, за да се препечата въ нѣкой отъ Сборницитѣ на „Българското Книжовно Дружество“.

Надъ разгледванъето ръкописитѣ въ Музейската библиотека и на преписване горѣреченнитѣ паметници, азъ употрѣбихъ около мѣсецъ време. Слѣдъ това се заузехъ да прегледамъ нѣкои отъ паметницитѣ, които е набралъ г. Макушевъ, комуто оставамъ душевно признателенъ за готовността, съ която той ми ги предложи, и да преписвамъ тѣзи отъ тѣхъ, които се отнасятъ до българската история. Тѣ сѣ:

Търговски договоръ на Иоанна Александра съ Венеция (Sacramento e patto dell'Imperatore Alessandro del Zagoga), завързанъ около 1347 г.

Писмо отъ Иоанна Александра до Венецианский Дожъ Андрей Дондоло, писано отъ 4 Октомвр. 1352 г. въ Никополь. Въ него се съдържа отговоръ на едно Дондолово писмо, което е донесълъ Иоанну Александру особенъ Венециански посланикъ, Марино Фалиеро. Подъ

това писмо се намира и подписът на Иоанна Александра, но твърдѣ невѣренъ, защото г. Макушевъ го е преписалъ не отъ оригиналтъ, който сега вече не се намира, а отъ копия. Мени ми е извѣстно отъ една история на Венеция, писана въ минълий вѣкъ (Marin, *Storia civile e politica del commercio de Veneziani* t. IV. p. 176), че този оригиналъ го е имало тогава въ Венецианский Архивъ. Авторътъ на тази история го е видвалъ и говори, че царскій подписъ въ него е билъ писанъ съ червено мастило, както знаемъ, че сѣ се подписвали българскитѣ царѣ. —

Тѣзи два паметника г. Макушевъ е намѣрилъ въ библиотеката на Св. Марко въ Венеция. (Cod. Trivis).

Въ Венецианский Архивъ е имало нѣкога още такива документи — за сношенията на тази республика и съ други български царѣ. Г. Любичъ, членъ на Загребската Академия, е намѣрилъ тамъ едно извѣстие за сношенията на Венеция съ българскій царъ Святославъ (Vacelaus imperator Bulgarie) и съ българскій деспотъ Михаилъ, Видинскій владѣтелъ (Michael despoti Bulgarie, dominus de Vigdino),¹⁾ но за жалость, види се, че тѣзи документи сѣ погинули, когато нито г. Любичъ, нито пъкъ г. Макушевъ не сѣ можили да наидѣтъ тамъ още нѣшто. —

Рѣчь, казана отъ Павла Георгича на Трансилванскій войвода, въ 1595 год., Януария 10 (Discorso fatto dal S. Pavlo Georgić, gentilhuomo Ragugeo al Serenissimo Principe di Transilvania). Намира се въ Амврозиянската библиотека въ Миланъ (R, 94). Този паметникъ пушта доста ярка историческа свѣтлина на едно съвсѣмъ тъмно време въ нашата история. Павелъ Георгичъ въ конецътъ на 16-й вѣкъ е пътувалъ доста много време по българската земя, живѣлъ е между Българетѣ и позналъ имъ е добръ характерътъ, положението, настроението на духътъ и проч. — Трансилванскій войвода е ималъ тогава война съ Турцитѣ, за която война той, въ 1595 г. е билъ приготвилъ голѣма войска, която е стояла въ Влашко и Молдавия. Павелъ Георгичъ въ тази дълга рѣчь подробно му описва българската земя, характерътъ на българскій народъ, неговото положение и желание. . . .

¹⁾ Monumenta spectantia Historiam Slavorum meridionalium, Загребъ 1869 г., Vol. I, p. 193. —

„Българетѣ, казва Георгичъ, сѧ народѣ съ достоинство, и иматъ благородна душа (*sono fieri e d'animo nobile*). Не търпятъ никакви оскърбения на честа си, и отмѣстятъ такива оскърбения съсъ смъртъ (*con vandetta della morte delli insultori*) . . . Кѣто по-надолу говори за отношенията на Българетѣ съсъ християнскитѣ народи, както и съсъ Турцитѣ, казва, че Българетѣ не сѧ били приетели съ Гърцитѣ, а спрямо другитѣ християнски народи били добри и искренни. Тѣхнитѣ владѣтели — Турцитѣ обаче, не се обнасѣли съ тѣхъ (съсъ Българетѣ) както заслужвали, „макаръ и съ тѣхна помощъ да покориха сичко, което владѣятъ въ Европа“, прибавя съшитий говорникъ (ораторъ).

Съ една дума, този паметникъ показва, че въ 16-тиятъ вѣкъ, въ това време сирѣчь, отъ което ние до сега ништо незнаехме за нашиятъ народъ и го мислехме съвсѣмъ удушень, че той и тогава е билъ опште живъ и бодъръ. —

Въ Флорентинскій Архивъ има доста много необнародвани документи за войната, която горѣреченный Трансилвански войвода е ималъ съ Турцитѣ. Тѣзи документи, ако и да не се найде въ тѣхъ опште нѣкое извѣстие отъ онова време за Българетѣ, сѣ пакъ штътъ сѧ важни за разяснение на нѣкои мѣста въ рѣчта на Павла Георгича. Поради това азъ се рѣшихъ да взема копия и отъ тѣхъ. Тази копия е вече готова, заема около 300 страници, и тѣзи дни очаквамъ да ми я изпратятъ. —

Въ Анжуйскитѣ регистри г. Макушевъ е намѣрилъ: два документа за дохожданъето на български посланници (*des messagiers de l'empereor des Aragoas* = Загора) при неаполитанскій кралъ Карлъ I Анжуйски въ 1280—1 г.

Двѣ писма отъ неаполитанскій кралъ Роберта (отъ 1337 и 1338 г.), съ които той дава заповѣдь на Апулийскитѣ си портулани (началници на пристаништата) да изпратятъ по едно количество зехере (жито) за българската царица Анна. Въ едното той пише да изпратятъ право за въ България (*ad partes Bulgarie*), а въ другото имъ заповѣда да изпратятъ въ Рагуза, дѣто царица Анна била дошла да поживѣе нѣколко време (*ubi habet aliquo tempore cum sua familia commorari*).

Петъ писма отъ неаполитанската кралица Йоанна (писани въ 1345 и 1346 г.) до съшититѣ портулани. И тѣ съ-

държатъ заповѣдь за изпращаніе жито до съштата българска царица Анна.

Единъ ученъ Неаполитанецъ, Дел-Джудиче, е предприелъ да издаде по-важнитѣ документи отъ регистритѣ на Карлъ I и II, които сѣ писани, слѣд., между 1265 и 1309 г. Въ 1-й томъ на този прекрасенъ сборникъ, който е напечатанъ въ 1863 г., г. Дел-Джудиче е помѣстилъ четири други документи за българската история, които той е намѣрилъ въ тѣзи регистри. Три отъ тѣзи документи говорѣтъ за изпращанье и посрѣщанье български посланници въ Неаполъ (*pro nunciis magnifici principis Imperatoris Bulgariorum*), а въ единъ, освѣнъ това, споменува се и за изпращанье на неаполитански посланници въ България (*cum geracium de Nicotera et Johannem dictum Yspanum, пише Карлъ I на Барскій Юстициарій, una cum nunciis magnifici principis imperatoris Bulgariorum pro quibusdam nostris negociis ad ipsius imperatoris presentiam destinemus etc.*). —

Тѣзи четири документи сѣ писани между 1271 и 1278 г. Цѣлта на честитѣ сношения между българското царство и Неаполъ въ това време е билъ съюзъ противъ Михаила Палеолога, съ когото Карлъ I се е готвилъ да воюва. За приготвянията къмъ тази война, която обаче не е станъла, има въ Карловитѣ регистри доста много любопитни документи, които г. Дел-Джудиче е събралъ и ште ги издаде въ 2-рата часть на сборникътъ си.¹⁾

Анжуйскитѣ регистри, освѣнъ дѣто съдържатъ въ себе голѣма маса документи (около 200.000), но оште сѣ и твърдѣ мѣчни за четенье: писмото имъ е старовремско и твърдѣ заплетено, — въ сѣка, токо речи, дума се срѣщатъ скратявания, а спомагателни средства за прегледванъето имъ нѣма никакви. Трѣба человекъ да ги прочита листо по листо сичекитѣ, ако иска да извлѣче отъ тѣхъ сичко, штото му трѣбва. Нѣма съмнѣние, че и слѣдъ трудътъ на г. Макушева, въ тѣхъ пакъ сѣ остали оште нѣкои любопитни за насъ паметници, но да се издирѣтъ и тѣ, искатъ се години. Азъ пресмѣтнѣхъ, че съ по-голѣма полза штѣ употрѣбѣа малкото си време, което могѣ да отдѣля за работенье въ Дипломатическата зала (около

¹⁾ Отъ този важенъ сборникъ, който ште сѣстои отъ 2 т. т., до сега сѣ напечатани 1-виѣ томъ и 1-вата часть отъ 2-рий; другата часть, която ште бѣде послѣдия, ште да се появи на свѣтъ идущата есенъ.

три мѣсеци), ако прегледамъ други нѣкои отъ нейнитѣ съкровишта, които до сега ни единъ словѣнски пътникъ не е прегледвалъ, и наченъхъ отъ Аркитѣ.

Аркитѣ, както имахъ случай да забѣлѣжѣ, състоятъ отъ 48 томове, въ които сѣ подвързани по-вечето оригинални писма отъ Анжуйскитѣ кралеове до областнитѣ правители или до други нѣкои чиновници. Отъ тѣзи документи има нѣколко издадени, съ изживението на Архивътъ, подъ заглавие: *Syllabus membranorum ad Regiae siclae archivum pertinentium ab a. 1266—1309*. Помѣстени сѣ, слѣд., въ този сборникъ по-важнитѣ арки, писани въ продължение на 40 години, отъ времето на Карла I и Карла II. Между тѣзи издадени арки има нѣколко, които се допиратъ и до историята на Южнитѣ Словѣне, и отъ които три четири Др. Рачки е пренечаталъ въ своитѣ *izvadci iz kralj. arkiva u Napulju*. —

Надъ прегледванъето сичкитѣ 48 т. т, на аркитѣ азъ употрѣбихъ около мѣсецъ време, и можихъ да наидѣ и препишѣ токо до 20 документи, малко или много любопитни за насъ. Тѣ сѣ:

Едно писмо отъ кралъ Роберта до Апулийскитѣ портулани, писано въ 1337 г., Ноемврий 1. Робертъ дава заповѣдь на реченнитѣ портулане да пропуснатъ, безъ сѣко препятствие, посланникътъ на българската царица Анна (*nuncium principisse domine Anne Imperatricis Bulgarorum consobrine nostre carissime*), който се вършѣ въ България (*ad partes Bulgarie*) и изкарва съ себе-си едно количество жито. —

Четири писма, въ които се говори за сношения между Неаполь и Славония.

Едно писмо (отъ 1301 г.) за сношения на Карла II съ хърватскій банъ Павелъ (*Paulo bano Croatorum*).

Едно писмо отъ Робертовътъ синъ Карла, въ което се говори за единъ Добровничанинъ.

Три писма, които се допиратъ до историята на Византия. Въ едно отъ тѣхъ (отъ 1291 г.) се говори за дохожданъето на посланници отъ гръцкый Императоръ (*de nunciis Imperatoris graecorum*) въ Неаполь, отъ дѣто тѣ сѣ ушѣтили за едно съ нѣколко неаполитански посланници *ad partes remotas pro commissis eis servitiis*.

Седемъ писма за историята на Албания, отъ които три сѣ особно важни.

Нѣколко свидѣтельства за трима чиновници у неаполитанский краль Роберта, които сѣ били родомъ Българе. Г. Макушевъ е намѣрилъ и въ регистритѣ нѣколко такива свидѣтельства, въ които се споменуватъ до 20 Българе на служба у неаполитанскитѣ кралоуе въ 15 вѣкъ. Забѣлжително е, че, токоречи, за сичкитѣ тѣзи Българе се говори, че сѣ заемали високи дѣлжности въ неаполитанското кралство. Отъ това може да се мисли, че на срѣдни и долни дѣлжности е имало много по-вече, и че въ неаполитанското кралство, въ 13-й и 14-й вѣкъ имало е да живѣятъ много Българе. По едно свидѣтельство, найдено въ регистритѣ, въ началото на 14 вѣкъ въ Неаполь, една улица е носила име: Българска улица, *vicus qui vocatur Bulgarus*. — Сичко това показва, че въ 14, 13 и въ по-преднитѣ вѣкове, въ столицата на неаполитанското кралство, а такожде и по много отъ областитѣ му, имало е да живѣятъ много Българе, които сѣ се преселвале изъ България. Това преселвание е ставало твърдѣ лесно: Балканский полуостровъ е отдѣленъ отъ Апеннинский токо чрезъ едно тѣсно море, Адриатическото. А отъ историята си ние знаемъ, че българский элементъ въ 10, 11, 12 и 13 вѣкъ е билъ твърдѣ гъстъ по источний брѣгъ на Адриатическото море. Най-главното пристаниште на този брѣгъ, градътъ Дурацо (Драчъ), по едно време — въ 12-тий и 13-тий вѣкъ, е принадлежалъ на българското царство. Не е било мѣчно за тамошнитѣ Българе да преплуватъ Адриатическото море, което нашитѣ пѣсни добръ помнѣтъ и го възпѣватъ подъ име Синьо море, и което тѣ добръ отличаватъ отъ Черното и Бѣлото, да преплуватъ, казвамъ, това тѣсно море и да се преселватъ въ южна Италия, дѣто сѣ ги приемали гостоприемно.

Въ Дипломатическата зала, отъ нѣколко мѣсеци насамъ, работи единъ Италиенски Капитанъ, Анджело Анжелучи, който отъ много време се занимава съ историята на оръжията въ Италия. Преди нѣколко време, кѣто прероввалъ регистритѣ за да изважда отъ тѣхъ документи по свойтъ предмѣтъ, той срѣшнѣлъ тамъ единъ документъ български, на който и обѣрнѣ моето внимание. Този документъ, който не се намира въ сбирката на г. Макушева, е писанъ въ 1338 г., Януарий 12, отъ краль Роберта. Въ него се говори за Лудовика, синъ на български царь (*Ludovico filio incliti Imperatoris Bulgarie nepote nostro carissimo*), който по това време билъ дошелъ въ

Неаполъ и останъль да живѣе у Роберта. На същото листо азъ забѣлѣжихъ още два документа за сънтий Лудовикъ, а на слѣдующето — три други за дохаждане въ Неаполъ на посланикъ отъ византийскій императоръ (*incliti Imperatoris Constantinopolitani*). Името на този посланикъ е Драганъ (*Dragagnosso*).

Отъ преди една недѣля, слѣдъ прегледванъето на Аркитъ, азъ се заузехъ да прегледамъ Арагонскитѣ паметници (*lettere regie*), слѣдъ които, ако ми позволи времето, ще се върна къмъ Анжуйскитѣ Фашиколи. Ще ли да се найде и въ тѣхъ нѣшто любопитно за насъ, — за това щѣ ви извѣстѣ въ слѣдующето си писмо.

Неаполъ

1870, Фебруарий 1.

М. Дриновъ.

Писмо II.

Арагонската династия господарува въ Неаполъ около 50 години, отъ 1442 до 1500. Това кратко време е твърдѣ важно въ историята на Балканскій полуостровъ: презъ това време Мохаметъ II довърши и послѣдний остатъкъ отъ византийската империя, кѣто превзе столицата ѝ и я направи столица на своята широка държава; презъ това време щастливий този завоеватель покори Морея, покори Босна и разсиа малкото, но страшно за власта на Османлиитѣ въ Европа Скандербегово господарство. А знайно е, че въ това господарство, освѣнъ по-големата частъ на Гегитѣ (сѣвернитѣ Албанци), намирахъ се и доста много Българе, жителитѣ на горний Дебъръ (*Dibra sipre*), за които единъ съвременникъ Скандербеговъ говори, че сѣ били страшни войници (*ferox in armis gens*) и съставляли сѣ главната стража на Скандербега. — Неаполитанскитѣ владѣтели, въ онова време, не сѣ могли да останътъ равнодушни къмъ великитѣ тѣзи събития, които сѣ ставали не тѣй далече отъ тѣхната земя. Първий арагонски кралъ въ Неаполъ, Алфонсо I (1442—1458), а такоже и послѣдникътъ му Фердинандъ (1458—1492) сѣ се памирали въ тѣзи сношения съ Скандербега и му сѣ помагали въ неговата страшна и велика борба, за която услуга благодарний

Скандербегъ доходи въ 1459 г. съ доста голѣма дружина въ южна Италия на помощъ Фердинанду, противъ когото бѣхъ се повдигнали мнозина отъ подданицитѣ му. Во времето на Фердинанда, голѣмо множество жители отъ Балканский полуостровъ, Албанци, Словѣне и Гърци, които не штѣхъ да останѣтъ подъ турска власть, избѣгахъ въ южна Италия, дѣто намѣрихъ добро убѣжиште.¹⁾ Въ 1480 г. една доста силна турска флота се показва изненадѣйно на италиенский брѣгъ и въ скоро време превзе крайморский Фердинандовъ градъ Отранто, който и останъ въ власта на Турцитѣ до 1482 г., сирѣчь, до смърта на Мохамета II. За Фердинандовѣтъ наслѣдникъ, Алфонсо II, се разказва, че завързалъ мирни сношения съ Баязета II, отъ когото се е надалъ да добие помощъ противъ френский краль, Карла VIII. — Сичко това ми даваше добра надѣжда, че между документитѣ отъ Арагонската династия штъ да найдъ доста много любопитни за насъ паметници. Съ голѣма жалость, обаче, узнахъ, че по-вечето отъ тѣзи документи сѣ загинѣли, и токо една твърдѣ малка часть е уцѣлѣла, — сичко около 13 томове, отъ които 9 съдържатъ оригинални кральски писма (*autografi aragonesi*), а въ другитѣ, што е уцѣлѣло отъ регистритѣ на кральската канцелария. Настоятелството на Архивътъ е предприело да издаде регистритѣ въ единъ сборникъ (*Codice aragonese*), отъ който вече сѣ обнародвани два тома, и мени ми останъ да прегледамъ токо кральовскитѣ писма (автографитѣ), между които забѣлѣжихъ и преписахъ слѣднитѣ:

1. Писмо отъ краль Фердинанда до портуланътъ (началникътъ на портоветѣ — *mastro Portulano*), писано на 7 Ноемвр. 1466 г. Фердинандъ дава заповѣдь на реченний портуланъ да заплати 20 дукати²⁾ пътни разноски на Ивана Каталана, който отъ много време се е намиралъ на служба въ Скандербеговата столица Кройя, и е билъ длъженъ да се завърне въ неаполитанското кралство (*Joan Catalano vicecastellano de Croya e stato da gran tempo per nostro servitio, al presente volimo se conduca da qua cum sua famiglia ali nostri servitii etc*).

¹⁾ Мнозина отъ тѣхъ и до сега сѣ си учували езикътъ и варолноста. На сегашно време, въ южна Италия и Сицилия, има да живѣятъ до 50,000 Албанци и до 4,000 Словѣне, които населяватъ двѣ села въ Молисската областъ. Брѣятъ на уцѣлѣлитѣ Гърци не ми е извѣстенъ.

²⁾ Неаполитанский дукатъ се е дѣлилъ на 10 карлини, а единъ карлинъ е струвалъ, на сегашни пари, 42½ сантими, слѣдователно 20 дукати сѣ стрували около 85 франки.

2. Писмо отъ съштий кралъ до съштий чиновникъ отъ 8 Марта 1467 г. Въ него се съдържа строга заповѣдь за редовно изплащанье мѣсечната плата на Петра Каррарскаго и на 18 души негови другари, които такожде сѧ се намирали на служба въ Кройя (*volimo et expresse comandamo che senza aspetar altra nostra constulta pagate integramente a lo nobile et amato nostro Petro de Carraro Castellano de Croya tutto lo soldo suo et delli deciotto compagni che tenemo in ipso castello etc*).

3. Фердинандъ извѣстѣва портуланътъ отъ 5 Августъ 1474 г., че. по желанието на Папата, той дозволилъ да се искарътъ отъ владѣнията му 150 кола жито за въ Скутари (*per defensione et soccorso de Scutari*), и му дава заповѣдь да пропусне тази храна спроти назначението ѣ (*franco et senza alcuno pagamento*). —

4. Фердинандъ дава заповѣдь отъ 25 Апр. 1469 г. на митникътъ си (Dohanero), да заплати беззабавно нѣколко пари на Ивана Кастриота, Скандербеговътъ синъ, които пари този митникъ удържалъ у себе, но тѣ принадлежѣли на Скандербегъ (*havite retinuti certi denari, tanto de lo anno passato come de lo anno presente pertinenti allo dicto Illustrissimo Scanderbech suo padre per cause de certe pecore et bestie fidate in li herbagii et territorii de la bolia de Sancto Angelo et de Sancto Janne terre del dicto Scanderbech*).

5. Фердинандъ извѣстѣва портуланътъ си отъ 6 Октомв. 1467 г., че има потрѣба отъ единъ ковачъ, който да знае да кове по албанскій начинъ (*lo quale sappia ferrare al modo albanisco*) и му нарѣча да найде единъ такъвъ ковачъ между Албанцитѣ, „които сѧ преминѣли и сѣки день преминуватъ въ нашето кралство“ (*quali so passati et passano omni di in questo nostro regno*), и да му го изпрати. Въ съшното време Фердинандъ дава заповѣдь портулану да пропусне нѣкого-си Ферранда, който е билъ пратенъ въ Албания да купи тамъ желѣзо и гвоздѣ (*ferri o chiovi. . . che ne le possa portare perche li havemo ordinato compere*).

6. Фердинандъ пише до портуланътъ отъ 10 Ноемвр. 1492 г. „Ние се извѣстихме, че въ нѣкои области отъ нашето кралство се събиратъ скришомъ забранени оръжия, съ цѣлъ да се праштатъ въ земята на невѣрнитѣ, които сѧ противници на Кръстътъ и на Християнската вѣра“ (въ турската земя

сирѣчь). . . — „Това нѣшто, пише Фердинандъ, не само е противно на свештеннитѣ и граждански закони, но оште дава възможност на невѣрнитѣ да се въоружаватъ, както сѣ въоружени християнитѣ, и съ този начинъ да могатъ да нападатъ, притѣсняватъ и опустошаватъ християнскитѣ народи и земитѣ имъ“ (*ma ancora ad dicti infideli se dona modo et causa de armarenose in lo modo che armano chistiani, et cossi con dicte arme possere venire in opposito, indeprimere, et de bellare christiani, et li lochi de quilli. . .*). За да се прекрати това злоупотрѣбление, Фердинандъ обнародвалъ въ Неаполъ строги мѣрки противъ него, отъ които и препрашта една копия до портулантъ, заедно съ това писмо, съ заповѣдъ да ги обнародва и той *per tutte le parte et lochi necessarii de la jurisdictione vostra*, и да ги полара въ дѣйствиe противъ тѣзи, които за напредъ се хванѣтъ въ това злоупотрѣбление.

7. Кралъ Фердинандъ дава заповѣдъ отъ 27 Юлия 1497 г. да се дадѣтъ пѣтни разноски Алфонсу отъ Авенцо *Alfonso cavallaro da Avenzo*), който билъ пратенъ по нѣкакви кралски работи въ Унгария (*quale per ordine nostro ha da andare in Hungaria*).

8. Двѣ подробни смѣтки на разносцитѣ за посрѣщанье и изпращанье турскій посланикъ Екхи-бей Уреки (*Exhibei Urechi*), който въ 1497 г. е дохождалъ въ Неаполъ.

9. Отъ 25 Юния 1455 г. Алфонсо дава единъ записъ на Рагузскій представителъ, Бенедиктъ Котруличъ (*Benedicto de Cotruglio*), съ който се обвързва да му заплати 2,400 дукати за смѣтката на една сума отъ 17,976 дукати, които Алфонсо билъ длъженъ на рагузската республика (*en satisfaccio e la compliment de paga de aquells 17.976 ducats que nos erem segnats donar a la civitat de Ragusa*).

10. Отъ 2 Септемв. на същата 1455 г. Алфонсо пише до министрътъ на финанцитѣ (*consiliario et thesaurario generali*) и му дава заповѣдъ да заплати Бенедикту Котруличу реченното количество отъ 2,400 дукати. Отъ това писмо става ясно, че Алфонсо е билъ длъженъ да плати на рагузската община количеството 17,976 дукати за нѣкои рагузски търговци (*pro aliquibus dampniis datis per subditos et vassallos nostros diversis subditis et vassallis magnifici comunitatis Ragusii*).

11. Фердинандъ пише до портулантъ отъ 12 Април. 1472 г. да дозволи на рагузскій гражданинъ Георги Стефа-

новъ (Georgio de Stefano de Ragusa) за да изкара, изъ който и да е портъ на Адриатическото море, единъ товаръ жито. —

Слѣдъ прегледванието Арагонскитѣ автографи, пристѣпихъ да прегледамъ Анжуйскитѣ Фашиколи, въ които, нѣма съмнѣние, че трѣбва да се намиратъ доста много любопитни за историята на Балканскій полуостровъ паметници, но оште отъ първий день се увѣрихъ, че не ште ми бѣде възможно да извършâ тази работа. Както ви извѣстихъ, въ първото си писмо, Анжуйскитѣ Фашиколи сâ 97 томове, писмото имъ се чете твърдѣ мъчно, и азъ пресмѣтихъ, че, за да ги прегледамъ както трѣба, трѣба да употребâ надъ тѣхъ най-малко два мѣсеца време, което, обаче, съвсѣмъ не бѣше ми възможно. Поради това, азъ се видѣхъ принуденъ да се отрека отъ това си намѣрение, простихъ се съ любезното настоятелство на Голѣмий Архивъ и побързахъ да поработя въ Бранкачанската библиотика.

Въ Бранкачанската библиотика изпърво срѣшнѣхъ голѣмо препятствие отъ страна на библиотекаритѣ: казаха ми, че за да прегледамъ ръкописитѣ, трѣба да зема дозволение отъ министерството, и други таква мъчни за извършване формалности ми показаха, каквито въ други мѣста не ми се случва да срѣштамъ. Токо слѣдъ дълго и голѣмо настоение и уговорване, сполучихъ най-послѣ да уговоря главний библиотекаръ и префектъ, г. Беатриче, да ми даде нужното дозволение. Тогава само можихъ да си разясня, отъ што били тѣзи препятствия: намѣрихъ, че ръкописитѣ имъ сâ натрупани въ една стая безъ никакъвъ редъ, — каталогътъ имъ не струва за ништо, зашото, освѣнъ дѣто не е пълень, но не е възможно да се найде по него нѣкоя ръкопись. Трѣбаше да прегледамъ и прероввамъ една по една сичкитѣ ръкописи, за което употребихъ много време. Трудътъ ми, обаче, не останâ всуе, зашото сполучихъ съ този начинъ да найдâ слѣднитѣ твърдѣ важни ръкописи:

1. За Константинополската патриаршия, наставление за папскитѣ представители при католическитѣ държави (*instructione alli nuntii del la sede apostolica in materia del Patriarcato di Constantinopoli*). Въ това наставление, писано около 1630 г., папското правителство извѣстява своитѣ представители при католическитѣ държави за първитѣ дѣйствия на католическата пропаганда на Истокъ.

Освѣнъ голѣмата си важностъ за историята на пропагандата, това наставление съдържа нѣколко твърдѣ любопитни извѣстия за вселенската патриаршия. „На сегашно време, говори се въ това наставление, за константинополскій патриаршески престолъ се каратъ три патриарха: 1-вй е Кирилъ Лукари, кандиотъ, който въ послѣднѣо време е низложенъ и пратенъ въ заточение на островъ Родосъ . . . 2-й е бившій Вереѣскій епископъ, който за сега заема реченний престолъ. 3-й е Атанасий, бившій Митрополитъ Солунскій.“ Кирилъ Лукари, кѣто заразенъ отъ Калвиновата ересь, се старае чрезъ помошта на Холандскій посланникъ да заеме пакъ патриаршескій престолъ. Бившій Вереѣскій афоресалъ Лукари, като еретикъ, и далъ дума да се съедини съ римската черква и да се подчини на Папата, ако той, чрезъ помошта на католическитѣ държави, му помогне да се удържи на патриаршескій престолъ. А пъкъ Атанасий побързалъ да дойде въ Италия, присъединилъ се къмъ римската черква, подчинилъ се на Папата, врекълъ се да му бъде послушенъ въ сичко, само да му помогнѣтъ да стане вселенски патриархъ (*per essere agiutato à ricuperar il seggio, Patriarcale*). Въ тѣзи важни обстоятелства пропагандата рѣшила да гледа съ най-голѣмо старание (*di far ogni possibile diligenza*), да не би Кирилъ Лукари да сполучи да сѣдне пакъ на патриаршескій столъ, заштото, въ такъвъ случай, той съ помошта на преданнитѣ нему епископи и митрополити, особено съ помошта на Търновскій митрополитъ, когото готви за свой наслѣдникъ (*per mezzo del metropolita di Ternova suo discipulo, che procura di farlo successore*) лесно ще може да зарази съ Калвиновата ересь сичката Источна черква. Колкото до другитѣ двама съперници, които продали православната вѣра на Папата, та чрезъ това да могѣтъ да постигнѣтъ своитѣ честолюбиви и користни стремления, за тѣхъ пропагандата рѣшила да се помага и на двамата, та да остане единъ отъ тѣхъ на вселенскій прѣстолъ, и за послѣ да се гледа *che il succedino altri soggetti Cattolici*, заштото тогава само ще има надѣжда, че сичкитѣ православни епископи и архиепископи щѣтъ се присоединятъ къмъ римската черква. — Слѣдъ тѣзи извѣстия напското правителство порѣча на нунциитѣ си да разтолкуватъ на католическитѣ правителства, колко ще бъде добръ и за тѣхъ, когато православната турска рая се покатоличи и да ги побудѣтъ за да сѣдѣйствуватъ било съ

пари, било съ влиянието си, което иматъ въ Константинополъ, за да не би Кирилъ Лукари пакъ да се върне на патриаршески престолъ, но да се задържи на него единъ отъ другитѣ два съперници. Препоръчва се въ това дѣло голѣмо благоразумие и тайна спрямъ турското правителство (*raccomandara il segreto in questo negotio, per che non venisse à notitia de Turchi*). —

Дозволихъ си да направя такъвъ подробенъ изводъ отъ този документъ, защото съмъ увѣренъ, че за сега той ще бъде особно любопитенъ.

2. За правдинитѣ на Призренскій епископъ (*De jurisdictione Priseriensis*). Въ този пометникъ се излагатъ и доказватъ правдинитѣ на католически Призренскій епископъ, отъ епархията на когото Охридскій архиепископъ неправедно си билъ присвоилъ градоветѣ: Приштина, Ягнево, Монтеново и пр. Доста е любопитенъ този пометникъ за състоенieto на черквата въ сѣверозападна България, сѣверна Албания и южна Сърбия около срѣдата на 17 вѣкъ. —

3. Извѣстието за Маркианополската католическа епархия, писано въ 1654 г. Градътъ Маркианополъ, говори се въ това извѣстие, по словѣнски се нарича Преслава (*ciò è città gloriosissima*), а по турски Ески-Стамболъ (*ciò è Costantinopoli antica*). Отъ Маркианополския архиепископъ, освѣнъ Маркианополската епархия, зависѣли сѣ оште Добруджа (*la provincia de Tomis*) и Молдавия. Маркианополскій архиепископъ, Марко Бандинъ, умрѣлъ въ 1650 г., и слѣдъ неговата смъртъ мѣстото му оставало праздно около 5 години, додѣ нѣкой-си Българинъ, на име Петъръ Парчевичъ, не се обърнулъ къмъ пропагандата съ молба, да направятъ него Маркианополски архиепископъ, която молба е била изпълнена. Петъръ Парчевичъ е билъ родомъ изъ Кипровецъ (*della diocesi di Soffia*), роденъ отъ родители католици (*per la nazione Bulgara*), училъ се въ Илирското Лавританско училиште, около 12 години е билъ пански мисонеръ въ Молдавия, дѣто е можалъ да заслужи разположението на молдавскій господаръ. Отъ това извѣстие се види, че Маркианополскій архиепископъ не е билъ отъ *in partibus infidelium*, но е ималъ голѣмо-малко стадо. —

Тѣзи три пометници се намиратъ въ една ръкопись, която съдържа оште нѣколко статии, сѣ отъ архивътъ на пропаган-

дата; поради това тя носи заглавие: *Miscelanea Sacrae Congregationis de propaganda fide*. Между другитѣ ѝ статии намиратъ се нѣколко любопитни за Арменската черква, а такожде двѣ-три за Русинската, отъ които азъ преписахъ единъ.

4. Донесение отъ Венецианскій посланикъ Якова Соранцо, за Турция (*Relazione del Cl-mo Giacomo Soranzo ritornato ambasciatore da Sultan Amurat et commissario delli confini di Dalmazia, fatta in Senato alli 8 di Novembre 1576 г.*). Между многото любопитни извѣстия, въ това донесение се срѣщатъ и слѣдната важна бѣлѣжка. „По двѣ причини, казва Соранцо, Султанъ Амуратъ се бои отъ Московецътъ: 1, защото Московецътъ има страшна конница отъ 400,000 души, които сѣ храбри, безстрашни, послушни, добръ обрѣжени и искусни въ военното дѣло . . . , 2, защото сичкитѣ жители на България, Босна, Сърбия, Морея и Гърция, като едновѣрни съ Московецътъ, твърдѣ му сѣ предадени, и всекога сѣ готови да се вдигнатъ и освободятъ отъ турското бreme и да се подчинятъ нему (*i popoli della Bulgaria, Servia, Bosnia, Morea e Grecia . . . saranno sempre prontissimi a prender l'armi in mano e sollevarsi per liberarsi della servitie turchescha e sottoporsi al dominio di quello*).

5. Историческо изложение за походътъ на Донъ-Жуана противъ Турцитѣ, писано въ 1572 г. отъ графъ Бикари (*Relazione diario del Turco del conte Biccari*). Подробно е разказана историята на съюзътъ между нѣкои отъ Западно-европейскитѣ държави противъ Турция въ 1571 г., такожде и на войната, която предводителътъ на съюзнитѣ сили, Донъ-Жуанъ, наченѣ тогава съ Турцитѣ. Отъ разказътъ на графа Бикари, който е знаелъ добръ стоворътъ и намѣренieto на съюзницитѣ, види се, че тѣ не сѣ гледали съ добро око и на Рагузската республика, и имали сѣ на умъ да я накажатъ, защото Рагужанетѣ не само не сѣ шѣли да земѣтъ участие въ този съюзъ, но оште сѣ и помагали скритомъ на Турцитѣ, които имъ сѣ били дали голѣми правдини въ своитѣ владѣния. — Друго важно за насъ извѣстие въ това списание е, че Донъ-Жуанъ е мислилъ да побуни Гърцитѣ и Албанцитѣ (*si portavano molte armi per dar le a Greci da quali si sperava sollevatione*).¹⁾ По-надолѣ, като споменува за Албанцитѣ, Бикари

¹⁾ Подъ име „Гърци“ по-вечето Италиенски писатели по онова време, както и по-послѣ, сѣ разумѣвали токо речи сичкитѣ православни жители въ Европейска

казва: да questi se ne sperava sollevatione contra Turchi. Въ първото си писмо азъ ви извѣстихъ, че за този предмѣтъ въ Националната библиотека намѣрихъ три четири документи.

6. Избройванье военнитѣ сили, които Германскій императоръ и Турцитѣ сѣ държали по Унгарскитѣ граници въ 1582 г. (Numero dei presidii, soldati et spese, che fa l'imperatore nei confini d'Ungaria, scrittura data ali stati dell' Imperio nella Dieta di Augusta l'anno 1582, nella quale si vede anco il numero di quelle sce fa il Turco, difendendo nei medessimi confini). По този паметникъ може твърдѣ вѣрно да се опредѣли, до дѣ се е простирала власта на Турцитѣ около 1582 г. въ Хърватско, Славония и Унгария.

7. Географическо и статистическо описание на Сърбия и Албания, написано отъ католическій свештеникъ Стефана Гаспари въ 1672 (Relazioni da me prete Stefano Gaspari visitatore apostolico). На Стефана Гаспари е била дадена заповѣдь отъ Римъ да обходи Сърбия и Албания и да се научи тамъ за състоянието на тамошнитѣ католици. Съ тази цѣль той въ 1671 и 1672 г. е обинелъ Сърбия и албанскитѣ епарии: Пулатската, Скутарската, Сапатската, Алесската, Драчската и Антиварската. На сѣка една отъ тѣзи страни той е написалъ особно описание, въ които излага доста подробно границитѣ, градоветѣ и селата имъ, и бѣлѣжки, дѣ колко католици живѣятъ, какви имъ сѣ черквитѣ, какво имъ е черковното управление и проч. Твърдѣ често той прави бѣлѣжки и за общественото и икономическо състояние на тамошнитѣ жители, които бѣлѣжки правятъ разказътъ му особено любопитенъ. Между друго, той съобщава твърдѣ любопитни извѣстия за потурчванието на сѣвернитѣ Албанци, отъ които по-вечето сѣ се изтурчили именно по онова време. По-вечето сѣ се турчили, за да се избавятъ отъ тежки даноци и отъ други притѣснения, но не малко е помагало на това и недостойнството на католическитѣ имъ свештеници, които не само не били въ състояние да поддържатъ вѣрата у своето стадо, но оште стѣснѣмъ я убили чрезъ своятъ мръсенъ животъ. Мнозина отъ тѣзи свештеници, за малка нѣкоя полза, сѣ ставали Турци и чрезъ своятъ примѣръ сѣ увеличали и паството си. Забѣлѣжително е, че сѣ се турчили токо мъжѣтѣ, женскій полъ

Турция. Тѣй напр. Линда говори, че Гърция се е простирала до Далмация; Доминикъ Тривизски казва за Самоковъ, че е luogo della Grecia и прочее.

си е държѣлъ отеческата вѣра. Гаспари показва много села, въ които мъжѣтъ се изтурчили, а женитѣ си останѣли християнки. Въ Драчската епархия имало е много тѣй наречени тайни Християне (*Christiani Occulti*), които нѣявѣ сѣ изповѣдали мохаметанската вѣра, а скришомъ сѣ ходили въ черква да се молятъ, изповѣдатъ и причащяватъ (*quando non sono visti dalli Turchi vanno in chiesa à sentir messa, confessarsi e comunicarsi*). — Гаспари говори въ тѣзи си описания и за нѣкои Български области, напр. за Искюпската, Кратовската и пр., които сѣ принадлежали на Сърбската епархия (*nel dominio Spirituale*).

8. Извѣстие за Албания, Сърбия, Босна, Славония и за състоението на религията въ тѣзи земи (*Relazione d'Albania, Serbia, Bosnia e Schiavonia e dello statto della religione in quelle parti*). Не е забѣлѣжено, кога и отъ кого е писано това извѣстие, но отъ съдържанието му се види да е писано отъ нѣкой католически свещеникъ около срѣдата на 17-й вѣкъ. Освѣнъ многото любопитни географически и статистически бѣлѣжки за горѣреченнитѣ земи, а такожде и за сѣверозападнитѣ български области, въ това извѣстие се намиратъ и нѣколко твърдѣ важни подробности за състоението на черквата по тѣзи мѣста. Особно важни сѣ подробноститѣ му за Ипекската патриаршия, за областа ѝ, до дѣ се е простирала, за черковнитѣ и гражданскитѣ правдини на Ипекскитѣ патриарси, за отношенията имъ къмъ вселенскій патриархъ, такожде и къмъ турското правителство и проч. Има и доста подробно описание на прекрасната патриаршеска черква.

9. Причинитѣ, по които католицизмътъ се изгубилъ въ чехската земя (*Cause per li quali la Religione s'è andata annihilanda in queste parti di Boemie*), писано въ 16-й вѣкъ. Неизвѣстниятъ съчинителъ на тази записка (види се да е нѣкое духовно лице, католикъ) излага доста подробно причинитѣ, които улеснили разпространението на Хусовото учение, на Пикардската и други оште ереси между Чеситѣ. Цѣльта му е да обърне вниманието на римската курия върхъ тѣзи причини, каквото да може да се пайде способъ за отстранението имъ и за изкореняванъето на ереситѣ. Той набройва до 16 такива причини, при излаганъето на които влазя въ нѣкои подробности, твърдѣ любопитни.

Това сѧ по̀-любопитнитѣ за насѣ паметници, които намѣрихѣ между ръкописитѣ на Бранкачанската библиотика. Нѣкои отъ тѣхѣ, а именно: 1, 2, 3, 7, 8, и 9 преписахѣ цѣли, отъ другитѣ три направихѣ само извлѣчения.

Между печатнитѣ книги въ съштата библиотика намѣрихѣ една италиенска поема за крѣштението на България (*Bulgheria convertita*), печатана въ Римѣ въ 1637 г. Съчинителтъ ѿ е Francesco Bracciolini dell'Api. — Тя състои отъ 20 пѣсни, отъ които сѣка една обема отъ 100 до 130 октави (осмостиишия).

Копиитѣ отъ Флорентинскитѣ ръкописи, за които ви споменѣхѣ въ първото си писмо, ми стигнѣхѧ. Тѣ заематъ около 300 голѣми страници и съдържатъ много документи, сѣ за войната на трансилванскій князь Сигизмунда Батори съ Мохамета III. Въ тази война, както е извѣстно, земали сѧ участие Власитѣ, Молдованетѣ, Полѣцитѣ, Германскій императоръ, Папата и други нѣкои отъ Италиенскитѣ владѣтели. Дѣйствиата и поведението на сѣки единъ отъ тѣзи участници сѧ изложени въ тѣзи документи съ най-голѣма подробностъ и ясностъ. Нѣкои отъ по̀-главнитѣ дѣйци въ това дѣло сѧ гледали не само да не допуснѣтъ Турцитѣ въ Трансильвания, но и съвсѣмъ да ги изгонятъ изъ Европа. Съ тази цѣль тѣ сѧ обѣрнѣли особно внимание на Българетѣ (*à sollevare i Bulgari*), съ помощта на които сѧ се надали, че християнската войска лесно би могла да достигне до Костантинополъ (*far stragge de nemici sino Constantinopoli*). За Българетѣ се говори въ нѣколко мѣста, че сѧ били съвсѣмъ готови и чакали сѧ само да премине християнската войска въ България (. . . . *et non aspettar altro, che vedere i nostri stendardi. . . . li popoli di Bulgaria attendeano con desiderio di poter nuocere à Turchi*). За побунванѣето на Българетѣ зель се билъ Дубровничанинтъ Павелъ Георгичъ, за когото имахѣ случай да ви поговоря въ първото си писмо. Въ тѣзи документи се срѣнитатъ нѣколко любопитни извѣстия за него, намира се и едно негово писмо до Тосканскій Великъ Герцогъ, въ което той, между друго, подробно излага своята дѣятелностъ между Българетѣ и разказва за съзаклѣтието, което станѣло тогава въ Търново, и по̀-главнитѣ дѣятели на което намирали сѧ се въ сношение съ Трансильванскій князь. Въ съштото писмо Георгичъ излага и причинитѣ, които развалили това съзаклѣтие.

Г. Макушевъ, за славнитѣ трудове на когото сте вече извѣстни, прѣзъ тѣзи дни намѣри между ръкописитѣ на Националната библиотека запискитѣ на Костантина Музаки (*Breve memoria de li descendenti de nostra casa Musachi*), които сѣ писани въ 1510 г. Въ тѣхъ се намиратъ помѣстени историята и родословието на Музакитѣ, написани отъ Костантиновѣтъ отецъ Иванъ Музаки (*Historia e genealogia della casa Musachia scritta da Giovanni Musachio Despoto dell' Epiro*). Иванъ Музаки, единъ отъ владѣтелитѣ на южна Албания, отъ както Турцитѣ му превзели земята, бѣгалъ съ сичката си фамилия въ южна Италия, дѣто неаполитанскій кралъ Фердинандъ го приелъ милостиво. Тамъ той си съставилъ реченната история и родословие на своятъ родъ, които сѣ драгоцѣнни за историята на Албания и Епиръ въ 14-й и 15-й вв. Въ тѣхъ се намиратъ доста много свидѣтелства за историята на Сърбия и особно на западна България въ онова време. Между друго, говори се за кралятъ Вукашинъ и за Марко Кралевичъ, които сѣ се намирали въ тѣсни, то приятелски, то неприятелски отношения къмъ Музакитѣ, и за които Иванъ Музаки е слушалъ най-вѣрни свѣдѣния отъ отца си и дѣда си, които сѣ били тѣхни съвременници. Както Вукашина, тѣй и Марка той нарича Български царъе (*il Re Vucasino ch'ere Re de Bulgaria e dominava quasi insino ad Adrianopoli. . . . — Marco Re di Bulgaria*).¹⁾

¹⁾ Единъ преписъ отъ този важенъ паметникъ се намира у извѣстний Кенигсберски профессоръ, Карла Хопфъ. Преди двѣ години г. Макушевъ е ималъ случай да прегледа този преписъ, отъ който на-бърже е извлѣкълъ нѣколко мѣста, които сѣ напечатани въ „Радътъ на Загребската Академия“, 1868 г. кн. V

Неаполь.

1870, Априлъ 6.

М. Дриновъ.

Писмо III.

Минълата година, въ броятъ си отъ 11 януария, „Дунавска Зора“ бѣше напечатала едно твърдѣ любопитно извѣстие. Нѣкой-си Български пътникъ извѣстяваше, че се срѣшнълъ по Дунавътъ съ единъ православенъ Хърватинъ на име Мавро-Урбини, родомъ отъ Пезаро, който зарадвалъ нашия пътникъ съ новостъ, че у него, у Мавро-Урбини сирѣчь, се намирала Българска пергаменна рѣкопись, която съдържаха въ себе историята на Българския царъ Самуила. Въ това извѣстие бѣше оште притурено, че Мавро-Урбини драговошно предлага тази рѣкопись да я прѣгледватъ и правятъ изводи изъ нея онѣзи, които додѣтъ съ такава цѣль при него въ Пезаро. Думитѣ: православенъ Хърватинъ, Мавро-Урбини, отъ Пезаро — давахъ голѣмо съмнѣние за точноста на тази новостъ, но отъ друга страна това съмнѣние го разсѣйвахъ нѣкои подробности, съ които тя бѣше изложена и които ѝ давахъ документаленъ видъ. Поради това, една отъ първитѣ ми грижи, когато идѣхъ въ Италия бѣше — да издира Мавро-Урбини и да се възползувамъ отъ любезното му предложение. Съ тази цѣль азъ нарочно додохъ тѣзи дни въ Пезаро, дѣто става вече два дни какъ питамъ и разпитвамъ за владѣтелятъ на драгоцѣното българско съкровище, но все! И, уви, мога вече на вѣрно да ви кажа, че въ Пезаро нито Хърватинъ на име Мавро-Урбини или Мавро Орбини, нито пъкъ други нѣкой гражданинъ съ такова име не се намѣрва. Пезаро е малъкъ градецъ, — жителитѣ му са всичко около 10.000 души и токо речи всичкитѣ се знаятъ и познаватъ по между си, както е редомъ по такива малки градовци. Разпитвахъ по гостинници, по магазини, по кафенета, у много хора по улицитѣ; питахъ у чиновницитѣ и служителитѣ на поштата, трашихъ въ градския Магистратъ, гдѣто са записани имената на всичкитѣ граждани. Въ цѣлий градъ се намѣри токо единъ Орбини, та и той безкниженъ берберинъ. Дойде ми на умъ, да не би въ извѣстието на нашия пътникъ името Мавро-Урбини да е побъркано и поставено на мѣсто друго нѣкое име, съ други думи, — да не би нѣкой Пезарски гражданинъ съ друго нѣкое име да има Самуиловата рѣкопись. Но скоро трѣбаше да се отрека и отъ тази надѣжда. Двама Пезарски жители, Директорътъ на гимназията г. Ванцолини и графътъ

Доменико Бонамини, ме увѣрихъ, че ни у одного отъ съгражданитѣ имъ не се намира никаква българска ръкопись и че ако да се намираше такова нѣшто въ градътъ имъ, тѣ щѣхъ да знаятъ безъ друго. Трѣба да ви кажъ, че господство имъ сѣ страстни любители на всѣкакви стари ръкописи, иматъ свои частни ръкописни събрания и знаятъ почти всѣка ръкопись, што се намира въ Пезаро и околноститѣ му. Ето зашто слѣдъ тѣхното увѣрение азъ трѣбаше да загубя всичката си надѣжда. Работата види се да е ето каква. Рагузский абатъ Мавро Урбини, който живѣлъ оште въ 17-тиѣ вѣкъ, печаталъ е своята добръ позната у насъ история на Словѣнскитѣ народи въ Пезаро. Въ тази история, както е извѣстно, говори се и за Българский царь Самуила. Трѣба за този Мавро Урбини и за неговата история да е приказвалъ нѣкой чужденецъ на нашиѣ пътници, който или не е дочулъ добръ, или е злѣ разбралъ и съчинилъ е реченното извѣстие за ръкописната Българска Самуилова история въ Пезаро.

Както ви споменъхъ, Г. Ванцолини и графътъ Бонамини иматъ свои частни сборки отъ ръкописи. Тѣ бидохъ толкова любезни, штото ми ги предложихъ да ги прѣгледамъ, кѣто ми пожелахъ при това, дано найдъ въ тѣхъ нѣшто любопитно, което да възнагради всуеѣтний ми трудъ за мнимата българска ръкопись.

Въ сборката на Г. Ванцолини намѣрихъ една любопитна история за прѣвземанъето на Константинополь отъ Мухамеда II (*De Constantinopolis expugnatione*), която до колкото зная, — не е обнародвана. Намѣрихъ и нѣколко извѣстия отъ нѣкои Венециански посланници за Турция, между които и Соранцовото извѣстие отъ 1581 г. (*Relazione e Diario del viaggio di Iacopo Soranzo ambasciatore nel 1581*). Между многото твърдѣ любопитни свѣдѣния, които излага Соранцо за Турската държава въ онова време, намира се и слѣдующето: Въ царуванъето на Султанъ Мурадъ III (1574—1595) първъ визиръ е билъ Синанъ Паша, родомъ Албанецъ (*di nazione Albanese*); втори — Чаушъ Паша, родомъ Хърватинъ (*di nazione Croato*); трети — Месиръ Паша, родомъ Бошнякъ (*di natura Bossinense*), четвърти — Мехметъ Паша, родомъ Българинъ (*di nazione Bulgaro*). За послѣдний Соранцо казва, че е билъ роденъ отъ проста рода, пѣгдѣ между Софія и Новибазаръ (*nato vilmente tra Sofia e Novi-*

basar). Въ Костантинополъ го довели като робъ, — тамъ нѣколко време той билъ простъ берберинъ, но съдбата му помогнѣла да стане берберинъ на Султанътъ (*barbiere de S. M.*), който го обикнѣлъ и направилъ го Еничеръ Ага (*Aga di Giannizari*), та че го оженилъ за сестра си, а послѣ го въздигнѣлъ до визиръ. — Привождамъ тѣзи подробности отъ прѣписътъ отъ Г. Ванцолини, защото тѣ не се намѣрватъ въ напечатаното извѣстие Соранцово (то е напечатано въ Флорентинский сборникъ — *Relazione degli ambasciatori Veneti*), та освѣнъ това въ послѣднѣото на мѣсто Нови-базаръ (*Novi-basar*), напечатано е *Nuovo Balaro*.

Г. Ванцолини, който се занимава специално съ историята на Пезаро, ми каза, че въ старитѣ имъ градски книги се споменува твърдѣ често за търговски сношения между Пезаро и Далматинскитѣ Словѣне. Отъ него азъ опште се научихъ, че около една миля на сѣверъ отъ Пезаро се намѣрва единъ морски носъ, който се нарича Словѣнски носъ, *punta degli Schiavi*. —

Сбирката на графътъ Бонамини състои отъ ръкописи, които иматъ важностъ токо за Италианската История. —

Въ Пезаро се намѣрва публична библиотека, която отъ името на учредителятъ ѝ, графъ Аннибалъ Оливиери се нарича Оливериянска. Тя съдържа до 20.000 печатани книги и до 1.000 ръкописи. Благодарение на особната любезностъ на библиотекарятъ — Отца Рафаели, азъ можихъ да прѣгледамъ каталогътъ на ръкописитѣ, макаръ и да се случиха празнични дни, и забѣлжихъ слѣдующитѣ много или малко любопитни за насъ. —

№ 47, *Relazione di Benedetto Rhamberti del viaggio fatto da esso da Venezia a Constantinopoli, insieme con il magnifico Daniele dei Lodovici, mandato dalla republica per un incontro sequito tra l'armate Veneta e la Turchesca. Partirono de Venezia nel 1530.*

№ 113, *Relazione delle cose del Turco con Soffi nel 1553.* — *Relazione di Marino Cavalli, ritornato ambasciatore dal gran Turco.* — *Trattato e Conclusione di lega nel 1571.*

№ 117, *Relazione di Sasomeno dell' armata Turchescha.*

№ 118, *Diploma del gran Signore, che dichiara Tekeli principe d' Ungheria 1682.* — *Letteri di Osman Comandante di Aleppo a Massimigliano duca di Baviera, generale dell' Im-*

peratore. — Responsio Maximiliani ad Emmanuelem Osman pascia Aleppinum. — Ambasciata del gran Signore per dar parte all'Imperatore della sua esaltazione al Trono. — Relation de Ligourne touchant l'ambassadeur des Moscovits.

№ 167, Vratislao Re di Boemia del Sig. Gerolamo Vespa tragedia in 5 atti in Prosa.

Пезаро.

1870, Мая 4.

М. Дриновъ.

Писмо IV.

Отъ Пезаро азъ додохъ въ Римъ, по-вечето за познатата ви българска ръкопись, която съдържа българский прѣводъ на Манасиевата лѣтопись и се намира въ Ватиканската библиотека. Византийский лѣтописецъ Манассий е живѣлъ въ 12-ий вѣкъ и написалъ е своята лѣтопись во времето на императорътъ Мануилъ Комнинъ. Тази лѣтопись е писана въ стихове и иде отъ създаването на свѣтътъ до царуването на Никифора Вотанията, сирѣчь до 1078 год. Манасий е събиралъ своитѣ лѣтописни сказания отъ други по-стари византийски лѣтописци, които ни сѣ добрѣ познати, тъй штото неговата лѣтопись не съдържа нѣкакъвъ особенъ исторически материалъ. Като поетическо творение тя е много долна: прѣизпълнена е съ многосложни думи и съ високи изричания, въ които обаче има малко поезия, и Лессингъ привожда изъ нея нѣколко стихове въ Лаоконътъ си за примѣръ на лоша описателна поезия. — При всичко това Българский преводъ на Манасиевата лѣтопись, който е направенъ въ 14-ий вѣкъ, е твърдѣ важенъ за насъ. —

1. Българский прѣводчачъ е измѣнявалъ и прѣправялъ нѣкои мѣста отъ оригиналтъ, въ много мѣста той е допълнилъ прѣводътъ си съ свои лѣтописни бѣлѣжки, които по-вечето се отнасятъ до Българската история. Тѣзи бѣлѣжки като писани отъ българинъ въ такова време, когато българетѣ сѣ имале опште свой политически животъ и старобългарската писменность е била опште въ цвѣтуште състояние, сѣ драгоцѣнни за нашата история.

2. За сега ни сѧ познати токо два прѣписа отъ Българскій прѣводъ на Манасиевата лѣтопись, — единъ е Ватиканскій, а другій се намира въ Синодалната библиотека въ Москва. И двата сѧ отъ 14-й вѣкъ, и за оште по-голѣма честитина — и двата сѧ писани на-скоро слѣдъ появляванъето на прѣводътъ, който е билъ направенъ по желанието на ученолюбивий Български царь — Иоаннъ Александръ, въ царуванъето на когото сѧ написани и реченнитѣ прѣписи. По тѣзи прѣписи ние можемъ най-добрѣ да се опознаемъ съ състоянието на Българскій езикъ въ срѣдата на 14-й вѣкъ, т. е. не много време прѣди паданъето на Българското царство. Въ този изгледъ сѧ любопитни не само граматическитѣ форми и правописанието на тѣзи прѣписи, но и думитѣ и изреченията, които българскій прѣводвачъ е искусно събиралъ за да изрази по български гърчкото велеречие Манасиево.

3. Ватиканскій прѣписъ е украсенъ съ много изображения (миниатюри), които сѧ до 70 на брой и които прѣдставятъ лица и произшествия отъ Свещенната, Гърчката, Римската, Византийската, Българската и Руската История. Освѣнъ дѣто сѧ важни за историята на Българското и Византийско живописание, тѣзи изображения сѧ оште драгоцѣнни за изучаванъе Българската и Византийска старина, особно за опознаване облеклото, въоружението, домашний битъ на Българетѣ въ 14-й вѣкъ, когато сѧ писани тѣзи изображения; заштото нѣма съмнѣние, че писецътъ имъ малко или много е запечатлѣлъ въ тѣхъ съвременната и родственна нему дѣйствителность. Освѣнъ това, въ изображенията, които се отнасятъ до Българската история, намиратъ се образитѣ на Крума, Бориса-Михаила и жената му, Симеона, Самуила, Иоанна Александра съ жената и синовеѣ му: Михаила, Иоанна Шишмана, Иоанна Асѣня. — Нѣма съмнѣние, че въ тѣзи образи малко или много вѣрно сѧ съхранени чъртитѣ на тѣзи Български вѣнденосци, отъ които послѣднитѣ писецътъ е познавалъ, като тѣхенъ съвременникъ, а първитѣ трѣба да е изобразилъ спроти нѣкои стари тѣхни изображения.

Ватиканскій прѣписъ е описванъ отъ нѣколко учени, а именно, отъ Ассемани, който пръвъ е обърналъ на него внимание, отъ Бобровски, Шевирева, Палацки и Чертова. Шевиревъ е напечаталъ и кратки изводи отъ него за опознаване съ езикътъ и правописанието му. Палацкій е

Български

извлѣкълъ притуренитѣ отъ Българский прѣводвачъ лѣтописни бѣлѣжки и ги е напечаталъ (съ латински букви обаче). Чертковъ е писалъ и подробни бѣлѣжки за езикътъ и правописа- нието му, кѣто ги е сравнявалъ съ езикътъ и правописа- нието на прѣписътъ, што се намѣрва въ Московската сино- дална библиотека. Други единъ ученъ Славистъ, покойний Биларски, е посвѣтилъ особно списание на тѣзи два прѣписа, списание, което се почита за едно отъ най-добритѣ списания на словѣнската наука. — И тѣй, колкото до първитѣ двѣ важни страни на Ватиканский прѣписъ може да се каже, че тѣ сѣ вече извадени на свѣтъ, но третата, сирѣчь изобра- женията му, — и до днешенъ день остава съвсѣмъ непозната. Покойний Чертковъ е ималъ намѣрение да извади на свѣтъ и тази не по-малко важна страна, но преждевременната му смъртъ му е позволила да издаде токо 4—5 отъ изображенията, што се отнасятъ по-вече до Руската история, и то безъ боитѣ, които сѣ отъ голѣма важность въ този видъ паметници. Не иска тълкуванье, че при този дълбокъ мракъ, който лежи на нашата мила старина, и при нѣманьето други нѣкакви памет- ници, които биха можале да разсѣятъ колко-годѣ този мракъ,¹⁾ не иска тълкуванье, повтарямъ, че изважданьето на свѣтъ изображенията отъ Ватиканский Манассия не малко ште за- радва любителитѣ на нашата старина. Ето зашто азъ намѣ- рихъ за небезплодно да обърна внимание на тѣзи изображения и да взема копиин понѣ отъ по-характеристичнитѣ. —

За да се занимава чловѣкъ съ ръкописитѣ на Ватикан- ската библиотека и да прави изъ тѣхъ изводи или да снема копии, за това той е длъженъ да земе особно дозволение отъ правителственний секретаръ на Папата, Кардиналъ Анто- нелли. Тази формалность ме много плашѣше, заштото мнозина

¹⁾ Нѣма съмнѣние, че между старитѣ ни книги е имало доста много съ подобни изображения. Въ библиотеката на Робертъ Кърцънъ (Rob. Curzon at Parham in the county of Sussex) се намиратъ нѣколко стари Български ръко- писи, отъ които двѣ сѣ украсени съ образитѣ на нѣкои Български царѣ отъ Асеновцитѣ. И. И. Срезневский, комуто има да благодаря за това извѣстие, ми е казвалъ, че въ Русия се намѣрватъ подобни ръкописи. Изображенията на Български царѣ, царедворци и царски роднини сѣ се намирале по стѣнитѣ на стари църкви и мѣнастири, дѣто сѣ ги изображавале като ктитори. Тѣй, въ една стара църквица Св. Никола въ село Бояно (около София) Г. Берковичъ е забѣлѣжилъ образитѣ на Български Севастократоръ и Севастократорица. Рагуский историкъ Лукари разказва, че е видвалъ (въ 16 в.) образътъ на Йоанна Александра въ мѣнастирятъ Св. Богородица (nella giurisdittione de Stanimaca la qual Chiesa fu accresciuta et beneficata di molti cutrate d'Alessandro).

бѣха ми я прѣдставяли като твърдѣ мѣчна: едни ми казаха, че за да се получи такова дозволение трѣба да се чака 10—15 дни, други пъкъ, че по нѣкога то и съвсѣмъ не се дава. Ето зашто азъ се почетохъ за особено честитъ, когато опште на другий день слѣдъ подаванъето просба на Кардиналъ Антонелли се извѣстихъ, че ми се дало нужното дозволение. За тази добра сполука има да благодарѣ по-вечето на Термолский епископъ, монсиньоръ Луиджи Ветта, родомъ отъ Италиенскитѣ словѣне, който има добрината да препорѣчи просбата ми на Кардиналтѣ. Въ библиотиката, дѣто се унѣтихъ, штомъ получихъ нужното дозволение, ме посрѣшна нова радостъ, съ която надамъ се да възрадвамъ и васъ. Служителятъ, комуто любезний библиотекаръ монсиньоръ Мартинучи, порѣча да ми найде нужната рѣкописъ, слѣдъ малко се завърна съ извѣстие, че тя не се намира на мѣстото си. Захванъха да разпитватъ и узнаха, че съ нея се занимава единъ отъ професоритѣ на Римскій университетъ — Отецъ Джiovани Боллигъ, съ когото азъ прибѣрзахъ да се запозная. Отецъ Боллигъ, родомъ нѣмецъ, прѣдава въ Римскій университетъ Източнитѣ езици, отъ които се слави да има дълбоки познания. У него има голѣмо събрание отъ рѣкописи на различни източни езици, които той е събиралъ по Ориентътъ и по Италиенскитѣ библиотики, и които мисли да обнародва. Старо-словѣнскій езикъ той, види се, познава такожде добрѣ: въ библиотиката му азъ намѣрихъ Востокова, Миклошича, Шлейхера и другитѣ корифеи на словѣнската филологическа наука. На сегашно време той се занимава съ прѣписване Ватиканската Манасиева рѣкописъ, съ намѣрение да я издаде заедно съ Гърчкий оригиналъ, който му е познатъ по единъ прѣписъ по-старъ и слѣдов., — по-правилень отъ прѣписътъ, който е напечаталъ Беккеръ въ Боннското събрание на Византийскитѣ историци. При това той опште мисли да притури и Латински прѣводъ по-точенъ отъ Беке-ровътъ. Трудъ голѣмъ и тежъкъ, но дълбокитѣ познания и трудолюбието на Отца Боллига даватъ надѣжда, че този трудъ ще бѣде важно приобрѣтение за Словѣнската наука. —

Отецъ Боллигъ биде толкова любезень, штото прекрати занятията си въ Манасиевата рѣкописъ, която ми отстъпи, догдѣ я разгледамъ и извлѣка штото ми е потрѣбно. Благодарение на тази голѣма любезность, азъ можихъ отведиъжъ

да се зема за разгледването ѝ. — Тя заема единъ особенъ томъ добръ подвързанъ, който на дължъ е около половинъ аршинъ, а на ширъ — около 3 рупа. Листъето му сѣ на брой 215, всичкитѣ кожани и всичкитѣ изписани, освѣнъ една страница (на листо 127), която е оставена бѣла. 20 отъ тѣзи листе, а именно отъ 42 до 63 л. л. сѣ заузети съ една особна повѣсть, която не се намира въ гръчкий оригиналъ на Манасиевата лѣтопись, нито пъкъ въ Московский прѣписъ отъ българский ѝ прѣводъ, и отъ това се види, че е притурена отъ прѣписвачътъ на Ватиканский прѣписъ. Писмото на тази повѣсть, както и на самата лѣтопись е едро, право (уставъ), твърдѣ чисто и хубаво. Изображенията ѝ сѣ писани съ бои и сѣ размѣстени всѣко, гдѣто се говори или споменува за прѣдмѣтътъ му въ текстътъ, освѣнъ нѣкое и друго, които сѣ помѣстени безъ да иматъ нѣкое отношение къмъ текстътъ. Тѣ по-вечето сѣ се зачувале добръ, но има нѣкои, и при това отъ по-важнитѣ за насъ, които отъ времето сѣ замърчкани до толкова, штото е мъчно да имъ се хванѣтъ и по-главнитѣ чърти. Надъ изображенията се намѣрватъ надписи, писани съ червено мастило, които вкратцѣ излагатъ съдържанието на това, което е изображено. Съ червено мастило сѣ писани и лѣтописнитѣ бѣлѣжки, които е притурилъ Българский прѣводвачъ, и които сѣ вмѣстени въ текстътъ. Отъ странитѣ на листъето, т. е. по полетата, се намиратъ самъ-тамъ различни бѣлѣжки, отъ които по-главнитѣ сѣ:

На листо 3, отъ другата страна, въ текстътъ се говори за сътворението на небеснитѣ свѣтила, и отъ страна се намѣрва слѣдната бѣлѣжка: а се великыя звѣзды лѣна ермие афродит сѣнце аръ дна кронъ. При всяка една се намѣрва астрономический ѝ знакъ.

На листо 174: Симеон црѣ Българом запали Ипигиж.

На листо 136, отъ другата страна, въ текстътъ се говори за Костантина Гноениметнааго, а отъ страната изяснение: сирѣчь Копронима.

На л. 144. Въ текстътъ се споменува Кикносъ дѣховный, а отъ страната: птици естъ има Кикносъ.

На л. 202, отъ другата страна, въ текстътъ се споменува за градъ Кохліа, а отъ страната бѣлѣжка: Кохліа глаголетъ гръцкни синавицъ.

Всичкитѣ тѣзи изяснения и бѣлѣжки сѧ писани съ особно писмо, което не оставя съмнѣние, че тѣ сѧ приписвани послѣ отъ нѣкои читатели. — На листо 152 отдолѣ на края сѧ приписани съ по-ново писмо имената на Ружински и Ряболински, и край тѣхъ поставено лѣто 7118 (1608), отъ което се види, че въ това лѣто ръкописътъ е билъ тѣхънъ.

Езикътъ въ прѣводътъ на Манассиевата лѣтопись е високъ и тържественъ, както ште видите по-долѣ, гдѣто штѧ имамъ случай да ви приведа нѣколко рѣдове. Особно сѧ любопитни многосложнитѣ думи, които прѣводвачътъ е подбиралъ и съставялъ за да изрази, както казахъ, велеречието Манассиево. Съвсѣмъ противоположенъ е езикътъ на повѣста, за която ви споменѣхъ по-горѣ, че е вставена отъ прѣписвачътъ на ватиканскій прѣписъ и която носи слѣднѣото заглавие:

Повѣсти о извѣствованныхъ вещехъ еже о кралехъ прича. и о рожденихъ и прѣбыванихъ. Тя е вставена слѣдъ разказътъ на Манассия за Троянската война.

Езикътъ на тази повѣсть е простъ, лекъ и напомнува рѣчта на народнитѣ ни приказници. Ето за примѣръ нѣколко редове отъ началото ѧ.

Бѣше въ прѣвое врѣмѣ единъ кралъ, иже сѧ зовѣше именемъ пришедъ кралъ. и бѣше зѣло богатъ, и поиде въ нѣкои днѣ ловъ ловити, понеже драго моу бѣше ловити. и доиде на морскихъ отоцы. и обрѣте единъ ѿ отокъ лѣпъ, и красенъ великъ, оу коего ѿтока ѿ единъ старны течаше великое море. а ѿ друугыхъ страны течаше рѣка, коа сѧ именоваше Кашантоуша рѣка, а ѿ третия страны течаше того отока море, кое сѧ зовѣше Пелешино море, а ѿ четвертыхъ страны того отока стоаше лѣгъ, еже сѧ зовѣше Оудомалѣгъ, а ѿ патыа страны того отока стоаше Жиндол, на коемъ растѣхъ цвѣти многоразличнии. И видѣ то пришедъ кралъ яко добро есть и нача зиздати градъ. и съзизда градъ до старости своеа и нарече имѧ градоу томоу своимъ именемъ да моу е имѧ Прижѧ градъ. потомъ приндешъ кралъ остарѣ и роди сѧа своего, именемъ Оилоуша кралѣ и поржчи емоу зиздати градъ, а самъ почи ѿ смрѣти своеа. и кон кралъ Оилоуша сътвори сыльное дѣло вѣще приизда ѿца своего по смрѣти его, и цю пакы съзизда Оилоуша кралъ. то именова своимъ именемъ да моу вждетъ имѧ Илионъ градъ и пр.

Освѣнъ тѣзи кратки бѣлѣжки азъ прѣписахъ, оште и лѣтописнитѣ притурки отъ Българскій прѣводвачъ. Тѣ сѣ, както споменѣхъ по-горѣ, вече издадени отъ Палацки, който обаче ги е напечаталъ съ латинскитѣ букви, и поради това, разумѣва се, не е можилъ да съхрани всичкитѣ тънкости на правописанието. Отъ по-характеристичнитѣ изображения забѣлѣжихъ токо десетъ, които ми се видѣха особно важни, и беззабавно ги дадохъ на единъ живописецъ, когото ми препорѣчиха за най-добъръ по тази часть, да ги снее. Тѣ сѣ слѣдуюштитѣ:

1. (На 2-рото листо). Смърта или тѣлото на Иоанна Асѣна, синѣтъ на Иоанна Александра. Усопшии лежи на одъръ, около който стоятъ отецътъ му, майка му, нѣколко царедворци или родственници царски, патриархътъ съ оште нѣкои духовни лица. Надъ тѣхъ сѣ изобразени небеснитѣ врата отворени, изъ които излази ангелъ да приеме душата на Усопшии. Надъ това изображение се намѣрва слѣдний надписъ:

Дшѣ праведныхъ въ ржцѣ гни.

Нѣснаа врата и силы нѣсныа ѿврѣзошъ прижти дшѣ. носимѣа аггѣомъ Іѡана Іѣсѣнѣ црѣ сѣа великаго Іѡа Ілѣѣандра црѣ.

Отъ другата страна на същото листо се намѣрва друго изображение, въ което е прѣдставенъ Иванъ Асѣнъ въ небесното царство. Надъ това изображение се намѣрва надписътъ:

Свѣт невечернии идеже вѣка хс на крстѣ развонникоу рече. днес съ мноѣ бѣдешн въ раи. въ сем бѡ и раи прижтѣ Бѣа и мѣти Хѣа Іѡана Іѣсѣнѣ црѣ. сѣа великаго Іѡана Ілѣѣандра црѣ. и прѣдаст еѡ Іѡраамѣ прѣѡѡѡу веселитисѣ посрѣдѣ раи.

2. (На 91 листо отъ другата страна). Пророкъ Давидъ и Иоаннъ Александръ. Послѣдний стои отъ лѣва страна и е прѣдставенъ въ пълно царско одѣяние. Надъ него стои ангелъ, който му възлага на главата корона. — Прѣдъ това изображение се намира въ текстътъ слѣдуюштето мѣсто, което Българскій прѣводвачъ е прѣправилъ малко нѣшто отъ Гръчкый оригиналъ:

И сѣа оубо приключишѣ сѣа старомоу римоу. нашъ же новын црѣиград донѣтъ и раститѣ. крѣпитсѣа и омлаждаетсѣа. бѣди же емоу и до конца расти. Сѣи црѣю всѣкми црѣствѣжи сицеѡаго приешоу свѣтла и свѣтоносца црѣ. великаго вѣкѣ

и изроднаго повѣдоносца. корѣнѣ сѣща Іωана прѣизѣрнаго црѣк Българомъ Исѣнѣ Ялѣѣандра глѣ прѣкроткаго и мило-
стиваго и минхолоубикаго ниціимѣ корѣмителѣ, и великаго
црѣк Българомѣ. егоже дрѣжавѣ сѣнца бесчислѣнна да ис-
чѣтатѣ.¹⁾

Тази похвала Иоану Александру е дала поводъ за рече-
ното изображение.

3. (На 145 листо). Плѣнението на Императорѣтъ Ники-
форѣ. Крумѣ е изобразенѣ отѣ лѣва страна, обиколѣнѣ отѣ
нѣколко обрѣжени войници, отѣдѣсно нѣколко души водѣтъ при
него плѣненниятѣ императорѣ съ вѣрзани рѣцѣ. Надписѣтъ
говори:

Крѣмѣ кнѣзѣ схвати Никифора црѣк и ѡсѣче главѣ его.

4. (На същото листо отѣ другата страна). Пируванѣето
на Крума. Изобразѣна е трапѣза въ една стая украсѣна съ
завѣси, около трапѣзата сѣдѣтъ нѣколко болѣре, на челото имѣ
тѣржѣствующитѣ Крумѣ, комуто единѣ служитѣль подава вино
въ обкованата Никифорова глава. Отѣ страна стоятѣ нѣколко
служитѣли, които приносятъ ястия. Надѣ това изображение е
надписано:

Крѣмѣ кнѣзѣ окова главѣ никифора црѣк и напиватѣ
здравицѣ Българомѣ.

5. (На 147 листо). Рат Крума кнѣза

6. (На листо 163, отѣ другата страна). Крѣчение Българомѣ.
На срѣдата стои купѣль, въ която се намира единѣ възрастѣнѣ
момѣкъ, когото кѣрштава свѣщенникѣ. Отѣ лѣва страна стоятѣ
нѣколко хора, които, види се, чакатѣ редѣтъ си за въ купѣ-
лятѣ, отѣ дѣсно, подѣ една стрѣха стои Борисѣ съ царицата
си, а може би и съ сѣстра си.

7. (На 172 листо, отѣ другата страна). Пируванѣето
на Симеона въ палатѣтъ на Костантина Багрѣно-
родни. Изобразѣна е дѣлга трапѣза съ много ястия, около
нея сѣдѣтъ много царѣдворци. На челото сѣди Симеонѣ между

¹⁾ Въ грѣчкий оригиналѣ това мѣсто е написано тѣй:

Καὶ ταῦτα μὲν συμβέβηκαὶ τῇ πρεσβυτέρᾳ Ῥώμῃ
Ἡ δ' ἡμετέρα τέθληεν, αὖξει, κρατεῖ, νεάζει
Καὶ μέχρι τέλους αὖξοιτο, καὶ βασιλεῦ παντάναξ,
Τοιοῦτον σχοῦσα τηλαυγῇ φωσφόρον βασιλέα
Μέγιστον αὖσονάνακτα, μυριονικηφόρον,
Κορμηνιάδην Μανουήλ, πορφύρας χρυσοῦν ῥόδον
Ὅσπερ τὸ κράτος ἡλίαι μετρήσαιεν μυρία. —

императорътъ и патриархътъ. Надъ това изображение се на-мѣрва слѣдующата бѣлѣжка:

При семъ Константинѣ цѣри Симеон цѣркъ бѣлгарьскыи въниде по мироу въ цѣриградъ и бѣвися ѿ патриарха и овѣдова съ нимъ. изъшедже отъ тѣхъ начатъ плѣновати. и брани бывши побѣди заѣ грѣкы, по дваши. —

8. (На 175 листо). Смърта на Симеона. зде ѿмрѣтъ Симеон цѣркъ бѣлгаромъ. — Симеонъ лежи на одъръ, постланъ съ нѣкакви чървени постели и окръженъ отъ нѣколко царедворци.

9. (На 183 листо). Касиліе цѣркъ прѣхътъ Плискѣ. Изобразена е бѣлгарската крѣпость Плиска, на която се развѣва чървенъ прѣпорецъ. Единъ бѣлгарски конникъ влязъ въ вратата ѿ и въ същото време пушта стрѣла въ Императорътъ Василия, който съ войската си се стрѣми да влѣзе въ крѣпостъ.

10. (На същото листо, отъ другата страна). Смърта на Самуила. — Самуилъ лежи мъртавъ на одъръ. Отъ къмъ главата му стои обрѣженъ тѣлохранителъ въ твърдѣ характерично облѣкло. Прѣдъ одърътъ стоятъ нѣколко ослѣпени отъ Василия Бѣлгарски плѣнници. Надписътъ на това изображение е; и видѣвъ Самуилъ цѣркъ ослѣпеныхъ ѿ іада ѿмрѣтъ. —

Други по-важни за насъ изображения са:

1. На първото листо, отъ другата страна. Иоаннъ Александръ е изобразенъ между Иисусъ-Христа и лѣтописецътъ Манасия. Надъ него стои ангелъ и възлага на главата му корона. Прѣдъ това изображение е надписано: іоанъ александръ въ Христа Бога вѣренъ цѣркъ и самодрѣжецъ всѣмъ бѣлгаромъ и грѣкомъ.¹⁾

2. На 146 листо. Друга една война на Крума.

3. „ 166 „ Кръштението на Руситѣ.

4. „ 168 „ Команска войска.

5. „ 174 „ Война на Симеона.

6. „ 178 „ Война на Руситѣ съ Бѣлгаретѣ.

7. „ „ „ Руситѣ влязатъ въ Дръстръ (Доростоль).

8. „ 183 „ Цимисхий воюва съ Бѣлгаретѣ, взима въ плѣнъ Бориса и завладѣва Прѣславъ.

¹⁾ Отдолѣ подъ това изображение е подписано съ новолатинско писмо: Iohannes Alexander Macedo ad cuius petitionem iste liber fuit translatus de Græco in Slavonico. На същата страница има и друга латинска бѣлѣжка, въ която тази бѣлгарска ръкопись се нарича Цвѣтето на всичкитѣ лѣтописи: iste liber appellatur flos omnium Cronicarum.

9. На 183 листо. Война на Самуила съ Императорътъ Василия.

10. На 205 листо, което е и послѣднѣо, изобразенъ е пакъ Иоаннъ Александръ съ синоветъ си: Иоаннъ Асѣнъ, когото закрилява ангелъ, Михаилъ и Иоаннъ Страшимиръ.

Отъ тѣзи 10 изображения 1-вото е издадено отъ Ан-жинкура въ притуреннитѣ при неговата история за искусствата таблици, отъ гдѣто го е прѣпечаталъ приснопаметний Априловъ въ Денницата си. 3-то, 6 и 7-то сѧ издадени отъ Черткова въ книгата му о войнѣ Святослава въ Болгаріи. (Крѣщение роусомъ, рѣскыи плѣнъ еже на вѣлгары, плѣнъ рѣскы, иджтъ въ дрѣстрѣ).

Отъ другитѣ библиотеки въ Римъ азъ имахъ време да поработѧ токо въ Казанатската (Casanatense), която се намира въ Доминиканскій мѣнастирь S. Maria sopra Minerva и се управлява отъ монаситѣ на този мѣнастирь, които я държѣтъ въ много добъръ редъ. Въ нея има до 6,000 рѣкописи. Тамъ азъ се занимавахъ съ една рѣкописъ, за която знаѣхъ отъ извѣстието на г. Кукулевича. Въ нея се съдържатъ различни бѣлѣжки за състоянието на Христиенетѣ въ Босна, Сърбия и Бѣлгария, писано отъ Рагузскій посланникъ Матей Гондуличъ въ 1674 г. (Diverse notizie dello stato della Christianità ne regni di Bosna, di Servia e di Bulgaria, raccolte da me Matheo Gondola in occasione della mia ambasciaria alla Porta per Ecc. Republica di Ragusci). Азъ извлѣкѣхъ изъ нея всичкитѣ по-важни бѣлѣжки, отъ които ви провождамъ нѣкоя и друга.

„Христенетѣ въ тѣзи страни (въ Босна, Сърбия и Бѣлгария), говори Гондуличъ, сѧ уобште отъ грѣчкій обрядъ и служатъ въ църквитѣ си по словѣнски езикъ, на който отъ много време сѧ прѣведени свештеннитѣ книги. Управляватъ се отъ патриарси и мртрополити, къмъ които иматъ голѣмъ почитъ. Тѣзи людѣ сѧ твѣрдѣ привѣрзани къмъ своята вѣра, съ която се хвалятъ, че сѧ я съхраниле чиста отъ всякакви новизни (intatta da qualunque novità). Въ отличие отъ Католицитѣ съ гордостъ наричатъ себе си старовѣрници (Staroviernizi).“ Слѣдъ тѣзи кратки бѣлѣжки за православнитѣ Христене, Гондуличъ минува къмъ католическитѣ жители на тѣзи страни и говори за тѣхъ по-подробно. Католицитѣ, казва той, сѧ твѣрдѣ малко и прѣснѣти по разни мѣста. Най-много ги

има въ Босна; въ Херцеговина има токо въ Маковка, Трешинье и Мостаръ. Въ България и Сърбия тѣ сѣ разпелѣни по слѣднитѣ мѣста:

1. Въ Кипровецъ, който се намира на сѣверъ отъ София (dalla parte Tramontana) живѣятъ до 4.000 жители, все католици. Това село е принадлежало на майката на Султанътъ (alla regina madre, pro tempore), която обаче не вземала доходътъ си отъ него, а го покланявала на селенетѣ, които чрезъ това живѣятъ добрѣ и сѣ свободни отъ сѣкакви даноци и други притѣснения. Во времето, кога е пътувалъ Гондуличъ, Софійскій католическій архиепископъ е живѣлъ въ Кипровецъ.

2. Въ Никополь е имало доста католици, които сѣ населявале и въ околноститѣ му 14 села (castelli). Тѣ сичкитѣ били по-прѣди отъ павликенската ересь, и токо прѣди малко време ги е обърнѣлъ въ католичество нѣкой-си епископъ Филипъ Станиславъ. Гондуличъ разказва, че този епископъ за нѣкакво-си непослушание (ebbe contravenuto agli ordini di Roma) билъ изпърво изгоненъ отъ епархията си и лишенъ отъ епископскій санъ, но чрезъ ходатайството на пропагандата го простиле, и тогава той извършилъ този подвигъ. За наслѣдникътъ му Гондуличъ се бои, че на-да ли ще може да удържи новопросвѣтенното латинско стадо, зашото се показале много препятствия. И тѣй, тази кратка бѣлѣжка ни показва твърдѣ вѣрно, че павликенскитѣ села между Никополь и Свиштовъ сѣ се покатоличиле въ срѣдата на 17-й вѣкъ, нѣшто, което ние не знаехме до сега, и за което нѣкои исторически писатели прѣдполагаха да е станъло оште въ 13-й вѣкъ.

3. Въ Каличево (Calusevo), което е състояло отъ три колиби (tre casali) и намирало се около три часа отъ Пловдивъ. Отъ тази бѣлѣжка се види, че во времето на Гондулича токо една малка частъ отъ Пловдивскитѣ павликене сѣ били католици. Каличевскитѣ павликене-католици не сѣ имале нито църква, нито свештеникъ, и по нѣкога е дохождалъ Рагузскій свештеникъ въ Пловдивъ да имъ служи (sopra altari portatili).

4. Въ Янево (Ianevo), което се намирало на югъ отъ София (dalla parte australe), живѣли сѣ по-вечето православни но имало и доста Католици. —

Всичкитѣ тѣзи католици сѣ турски подданици (raja Turcsa) и сѣ обременени съ тежко бreme, което едвамъ могатъ да носятъ. Най-тежко имъ е това, че имъ зематъ дѣцата за

да ги турчѣтъ и отхранватъ въ царскитѣ сарае, отгдѣто послѣ нѣкои оставятъ да слугуватъ при дворѣтъ, а други записватъ въ Еничарската войска. Тѣзи зимания дѣцата на раята ставатъ токо речи всяка година.

Освѣнѣ тѣзи католици въ България и Сърбия имало е да живѣятъ и други католици, но не рая, не подданици турски: тѣ били Венециянци, Генуезци, а най-много Рагужане. Рагужанетѣ, казва Гондуличъ, догдѣ тѣзи земи се управлявахъ отъ свои владѣтели, въртѣхъ голѣма търговия въ различни мѣста по тая цвѣтушта и богата тогава страна (*esercitavano in gran frequenza i loro traffichi in diverse piazze di quell'allhora florido e divitoso paese*), бѣхъ се заселили тамъ като колонисти и ползовахъ се съ голѣми правдини. Тѣзи рагузски колонии въ България и Сърбия, които сѣ съществувале оште и до времето, когато Гондуличъ е писалъ своитѣ бѣлѣжки, сѣ се намѣрвале въ Бѣлградъ, Русе (*Russii, Rusciuk*), Силистрия, Баба, Провато, Адриянополъ, Филипполъ, София, Прокопѣе и Новибазаръ. — Въ всичкитѣ речени градове Рагужанетѣ сѣ имале по една църква и по единъ свѣштенникъ, които сѣ можале во всяко време да извършватъ богослужението си явно и тържественно, което е било забранено на раята. Тѣй на примѣръ, Гондуличъ казва, че въ негово време, когато Султанскій дворъ живѣлъ въ Едрене, не е било позволено да се служи по другитѣ Христиенски църкви въ този градъ, а въ Рагузската се е служило и твърдѣ тържественно. Освѣнѣ горѣреченнитѣ градове имало е Рагужане и по други оште нѣкои мѣста, гдѣто обаче тѣ не сѣ имале ни църкви, ни свѣштенници, та сѣ ходиле да имъ черкуватъ (*sopra altari portatili*) свѣштенникитѣ отъ реченнитѣ градове. Тѣй свѣштенникътъ отъ Баба е ходилъ да служи въ Исакче (*Iasaku*), Исмаилъ, Тулча, Бендеръ, Килия, дѣто е имало да живѣятъ много Рагужане. По тѣзи мѣста, казва Гондуличъ, католицитѣ имале похваленъ обичай (*un ledevole usanza*) да пазятъ добръ свѣштенникътъ си, и кога намирале, че той падне въ нѣкое нечестие, отведнѣжъ го мѣнувале. Безъ тази строгость свѣштенникитѣ имъ сѣ лесно развалѣле и по-вечето чрезъ нечестиви дѣла съ Туркинитѣ (*e massimamente dalla pratica dishonesta con donne di Turchi*). — Свѣштенникътъ отъ Провадия е ходилъ въ Варна, Шуменъ, Пазарджикъ и по други оште мѣста, гдѣто такожде имало

Рагужане. — Уобште Рагужанетѣ сѧ се ползувале, както по тѣзи мѣста, тѣй и по цѣлото Турско царство, съ голѣми граждански и търговски правдини. Турцитѣ не сѧ имѣ земалѣ нито данокъ, нито мито (гюмрукъ). И Рагужский гражданинъ можалъ да ходи на всѣдѣ свободно, купувалъ и продавалъ е безъ да плашта нѣкакъвъ гюмрукъ, освѣнъ въ градоветѣ — Костантинополъ, Адриянополъ и Бруса (le città regie), гдѣто е билъ длѣженъ да плашта по 2 на 100. — Зарадъ тѣзи правдини мнозина отъ католическата рая сѧ ставале Рагужски подданици, за да могътъ да се ползватъ отъ тѣзи правдини. И мнозина отъ православната рая сѧ ставале католици, за да могътъ да станътъ Рагужски подданици (Per la qual cagione passano molti del rito greco al latino . . .). —

Прѣгледахъ и каталогътъ на ръкописитѣ въ Казанатската библиотека, въ който забѣлѣжихъ слѣднитѣ, които не сѧ забѣлѣжени отъ г. Кукулевича.

1. De origine vitae Eremiticae in Ungaria, de modo vivendi Monachorum et de illorum in Ungaria regno propagatione XX. I. 15.

2. Ragione dell' impero Ottomano XVII, 56. —

3. Relazione di Constantinopoli e del gran Turco E, III, 13.

4. Relazione del Turco XX, I, 31.

5. Commandamento del gran Signore al Bascia d'Asia dopo dichiarata la guerra a Pietro I—X, VI, 35.

6. Formola delle patenti, che dà il gran Signore ai vescovi Cattolici X, IV, 18.

7. Relazione dell'Ambasciator Imperiale al Moscovita XX, I, 31.

8. Constantinopolitanus patriarchatus. — Archiepiscopales eidem subjectae ecclesiae G. VI. 7. (Cod. Græc).

9. Indiculus Patriarcharum G. III. 10. (Cod. Græc).

10. Διδύμου κατὰ μανιχαίων G. V. 14. —

11. Photii epistolæ duæ: ad Nicolaum et ad Michaellem Boritzen.

Писмото Фотиево до Бориса полюбопитствовахъ да видя и изпърво ми се показа, че е нѣкое ново, неизвѣстно до сега писмо, заштото съгледахъ, че то не се начева тѣй, както извѣстното. Радоста ми обаче мина слѣдъ като го попрѣгледахъ. Увѣрихъ се, че то съдържа токо послѣдната половина на извѣстното. А все е чудно, зашто тази половина е направена на особно писмо! —

Римъ.

1870, Маия 12.

М. Дриновъ.

ОТЕЦЪ ПАИСИЙ

НЕГОВОТО ВРЕМЕ, НЕГОВАТА ИСТОРИЯ И УЧЕНИЦИТЪ МУ.

(Изъ „Периодическо списание на Българското Книжовно
Дружество“, Браила, 1871, год. I, кн. 4, стр. 3—26.)

Отецъ Паисий

неговото време, неговата история и ученицитѣ му.

I.

Първата половина на минжлий вѣкъ, може да се каже, е най чърно време въ животътъ на нашия народъ. Колко тежко и да е било материалното състояние на Българетѣ въ 15, 16 и 17 вв., колкото тѣ и да сж били утиснжти и погазени, тѣ все оште не сж си били изгубили народната свѣсь, не сж забравяли, че и тѣ сж единъ отъ народитѣ на свѣтътъ, че сж народъ съ минжло, съ история. Паметъ за това историческо минжло живѣла е оште между Българетѣ и била е ангелъ-хранителъ на българската народностъ при толковато пагубни за сжштествованието ѝ условия. Ние имаме доста описания състоянието на народътъ ни въ 15, 16 и 17 вв. Истина е, че когато четешъ въ тѣзи описания страданията на Българетѣ, сърцето ти се кжса отъ жалость, — но при всичко това, всё пакъ намѣрвашъ нѣкакво успокоение: често, подъ тѣзи физически страдания, мѣркатъ се доста утѣшителни бѣлѣзи, такива бѣлѣзи, които показватъ, че въ тѣзи страдалци тлѣе оште народното чувство, че въ тѣхъ не е умрѣла всѣка надѣжда. Такива бѣлѣзи сж честитѣ много или малко енергически опитвания на Българетѣ въ онѣзи усилни времена да положжтъ конецъ на злочестинитѣ си, да привдигнжтъ пакъ народноста си. — Съвсѣмъ друго зрѣлиште прѣдставлява българский свѣтъ отъ началото на 18-ий вѣкъ: ни една утѣшителна чърта, на която би можилъ да си отпочине уморенний отъ тежки теглила погледъ, никакъвъ бѣлѣгъ отъ духовенъ животъ, въ ншто не се явява народната свѣсь. Не му е времето, нито пакъ мѣстото да излагаме тукъ подробно причинитѣ, които докарахж народътъ ни до такова загубено състоя-

ние въ 18-ий вѣкъ. Штемъ да забелѣжимъ токо на кжсо, че твърдѣ грѣшжтъ онѣзи, които отъ този фактъ заключаватъ за ништожеството на българский народенъ характеръ, за българската ужъ неспособностъ къмъ дългъ исторически животъ. Ние имаме сега въ рѣцѣтъ си доста много доказателства, че на този фактъ прѣдшествовала дълга и упорна борба отъ страна на Българетѣ, които токо слѣдъ съвършено съсипване всичкитѣ си физически сили сж се покорили на своята много злочеста сѣдбина: фанариотитѣ като черни гарване сж се спуснажи на умаломоштений юнакъ и му сж съвсѣмъ извадили душата. Тѣй, наший народъ е билъ мъртавъ отъ началото на 18-ий вѣкъ: Българетѣ не сж вече съществovali като народъ, а сж съставяли единъ купъ отъ людѣ утиснжти, подавени, разнебитени. Самата дума народъ, по старобългарски **языкъ**, била е загубена тогава и е била замѣстена съ думата хора, която е заета отъ гърцкый езикъ **χώρα, χωρίτης**, и означава кърски жители, хоріати, обречени на всякакъвъ видъ тежки трудове и теглила. Токо такива и наистина сж останжли Българетѣ въ онова време. Ако нѣкой и да е сполучвалъ да се попривдигне до пѣ-човѣшки граждански животъ, то той вече не е билъ Българинъ, ставалъ е Гъркъ, защото на Българинъ не приличало да живѣе граждански животъ, това било дадено токо на Гърцитѣ. Българинъ е трѣбвало да бжде токо хорятинъ, роденъ токо за тежкъ трудъ или за кърска работа. Съществовала е наистина оште Българската патриаршия въ Охрида, която ако да штеше, можеше да бжде малко или много добъръ стражъ на българската народностъ, но работата е, че и това българско достояние въ 18-тий в. било е токо по името си българско. Та освѣнъ това, охридскитѣ иерарси гледали сж явно, че и противъ тѣхъ се ухиштрява силното Константинопольско Фанариотско, та поради това били сж заузети токо съ своята лична сѣдба. Малко сж имали време да мислжтъ за Българетѣ, съ името на които сж се титулосвали, а съ потѣтъ прѣхранвали.

Токо далече отъ свѣтътъ, въ оградитѣ на нѣкои мѣнастире увардила се е да не погине паметъ за българската старина и представление за българский народъ.

Около срѣдата на 18-тий в., когато за въскръшение българский народъ могло е да се каже: *lasciate ogni speranza* (оставѣте се отъ всяка надѣжда), надъ българската земля, като

жиждителното слово надъ първоначалний хаосъ, се е раздалъ гласъ отъ Хилендарский мѣнастирь: разнебитенитѣ и разглобени Българе отъ този гласъ сж начнѣли да се сглобяватъ пакъ въ единъ народъ. Този гласъ е гласътъ на Хилендарский перомонахъ и проигуменъ Паисий, въ лицето на когото ние имаме единъ отъ примѣритѣ, които показватъ, што може да направи единъ човѣкъ за цѣлъ народъ. Въ 1762 г. слѣдъ дълговременъ трудъ Отецъ Паисий е пуснѣлъ между Българетѣ една света за тѣхъ книга подъ насловъ: Историа Славеноболгарская о народахъ, и о царѣхъ и святыхъ болгарскихъ и о всехъ дѣянїя болгарскихъ, собрано и наредено Паисиемъ іеромонахомъ бывшаго въ святѣи гори Аѳонскїя отъ епархїи Самоковския въ лѣто 1762 (1762) на ползу роду болгарскому.

Тази книга е обнародвана по старовремски обичай въ рѣкописъ, заштото книгопечатанието тогава не е оште сжществувало за Българетѣ. Този начинъ обнародвание, обаче, не е затруднилъ разпространението на тази книга, по оште послужилъ ѝ е, както штемъ да видимъ, на добро: въ рѣкописно списание можало е да се напише много нѣшто, което въ печатана книга не би хванѣло мѣсто.

Първо печатно извѣстие за списанието на Отца Паисия биде обнародвано въ книгата на Раковски: о Асѣню първому и проч. Покойний Раковски намѣрилъ единъ прѣписъ отъ това списание въ Одесса у Г. Мурзакевича, комуто той билъ останѣлъ отъ приснопаметний Априловъ. Раковски привожда нѣколко кратки изводи въ речената си книга отъ това рѣкописно списание, изводи, които възбуждахъ голѣмо любопитство за по-подробно запознаванъе съ трудътъ на о. Паисия. Ето зашто прѣзъ минѣлий мѣсецъ Септемврия, когато ми испаднѣ случай да се помажъ нѣколко дни въ Одесса, постарахъ се да видѣ прѣписътъ, отъ който се е ползвалъ Раковски, но не можихъ да сполучѣ: научихъ се само, че този прѣписъ се памира за сега у Г. Курпса, който по това време не се намираше въ Одесса. Тази ми несполука обаче скоро биде възнаградена съ нечакано откриванъе. Нашии просвѣтенъ съотечественникъ, Н. С. Топковичъ, ми каза, че у него се памиралъ други единъ прѣписъ отъ сжштото Паисиево списание, прѣписъ, който той получилъ и съхранява като най-драго-

цѣнно наслѣдие отъ отца си, приснопамятний дѣдо Тошковичъ. Негова милость съ най-задължителна любезность незабавно ми съобшти това си наслѣдие, за да се ползвамъ отъ него. — Тошковичевий прѣписъ заузима 53 голѣми листа и спроти писмото си види се да не е много старъ и да е прѣписанъ отъ други нѣкой по-старъ прѣписъ. Азъ бихъ рекълъ, че е прѣписанъ отъ Априловский, ако да не бѣше слѣдното препятствие за такова едно заключение: за Априловский се знае, че е донесенъ въ Одесса отъ Жеравна¹⁾, а за Тошковский се научихъ, че билъ донесенъ отъ Света гора.

Освѣтъ тази сполука въ Одесса, азъ сполучихъ да наидж оште единъ прѣписъ отъ Паисиевото списание и да го наидж въ Москва, гдѣто се най-ненадѣяхъ. Този пъкъ прѣписъ е наиденъ между Венелиновитѣ ржкописи и сега се намира въ библиотеката на Московский музей. Въ него се намиратъ бѣлѣжки писани своеречно отъ Априлова, отъ които се види, че Априловъ е заржчалъ да се прѣпише този прѣписъ для доставленія въ Москву Болгарскому исторіографу. Но забѣлѣжително е, че Априловъ е направилъ тази копия за Венелина не отъ Жеравенский си прѣписъ, а отъ други единъ, който му билъ испратенъ отъ Дряново²⁾. Той забѣлѣжва Венелину, че и другий му прѣписъ (Жеравенский) е такъвъ като този, който му испрашта; отличава се само съ това, че е писанъ съ словѣнски букви, изобилува съ по-вече словѣнски думи и самъ-тамъ е малко по-пъленъ.

Въ Москва намѣрихъ у О. М. Бодянского и единъ особенъ, не цѣлъ прѣписъ, въ който се съдържатъ токо двѣ глави отъ списанието на отца Паисия.

¹⁾ Виж. „о Асѣню първому . . .“ стр. 118, б. 34. Раковски тамъ говори: „Тая ржкопись е найдена въ Жерунж въ 1838 у некого си Димитра бывшаго учителя тамо. Г-нъ Анастасъ Дукияди, родомъ Сливненецъ, въ него врѣмя отъ любовородности подбуденъ ходилъ е нарочно да издири нѣшто си отъ наши драгоцѣнны старины. Освѣтъ неж ржкопись онъ е наишалъ и други нѣколко листове на кожъ писаны отъ чърковны книги . . . а сичко това е извършилъ па свои разноски и придалъ ги покойному В. Априлову во Одесж. Нъ тии сички збирки сж разпилили послѣ смърти его. Таѣа же ржкопись ся находитъ днѣсь у Г-на Николая Мурзакевича, какъто и много други. — Г. М. жъ зѣлъ да жъ прочѣте и си жъ освоилъ“.

²⁾ Това е явно отъ слѣдний записъ, който такожде е прѣписанъ въ Венелиновата копия: „Сей царственникъ исписа ся отъ мене и съ прилежание мое, понеже обрѣтохъ го азъ на Дряновский монастырь свети архангеловъ, и тако съ Божию помощію преписахъ го азъ и ученикъ мой Цано отъ Дреновскій царственникъ за воспоминаване и прочее 1837 г. Януария. — Името на учительтъ Степанъ поплъ Зотовъ.“ —

Тѣзи дни отъ извѣстието на Г. Кръстовича въ брой 11 на Читалището, се извѣстихме оште за единъ прѣписъ, който се намира въ Котелъ и е писанъ въ 1765 лѣто. Изводътъ, който Г. Кръстовичъ обнародва въ речений брой на Читалището, не съдържа въ себе си ништо по-вече сравнително съ другитѣ горепоменжти прѣписи.

Познати ми сж оште три други ръкописи, въ които та-кожде се намѣрва списанието на о. Паисия, но прѣправено и допълнено. Единъ отъ тѣхъ се намира у Г. Найдена Герова въ Пловдивъ, а другитѣ два сж въ Петербургъ у Г. Гилфердинга, който ги е намѣрилъ прѣди 2—3 години въ Македония. За тѣзи прѣправяния и допълнения Паисиевѣтъ трудъ ние подробно штемъ да поговоримъ въ конецътъ на настоящий си членъ.

Книгата на о. Паисия въ Тошковичевий прѣписъ заузима 53 листе и е раздѣлена на слѣднитѣ членове.

Отъ л. 1 до 3 е помѣстено разсуждение за ползата отъ историческитѣ списания.

Отъ л. 4 до 6 Предисловие къ хотящимъ читати и послушати написанная въ историю сию.

Отъ л. 6 до 37 Собрание историческое о народахъ и о царѣхъ болгарскихъ. Въ този членъ, който заузима 31 листо, изложена е подъ редъ българската история до разтурянъето на българското царство.

Отъ л. 38 до 40 Зде потребно совокупити заедно имена краломъ и царемъ болгарскимъ, колко ся обретають и кой по кого е царствовалъ.

Отъ л. 40 до 43 Собрание во кратце, колико били знаменити крали и цари болгарски.

Отъ л. 43 до 46 О учителяхъ словенскихъ.

Отъ л. 46 до 53 Ту собрахомъ во кратце имена святыхъ болгарскихъ, колико просияли отъ болгарски языкъ въ послѣднаа времена.

На л. 53 Послѣсловие.

Толкова членове и тѣй исто распоредени се намѣрватъ и въ Априловский Жеравненски прѣписъ, въ Дряновский липсва токо 1-ий членъ.

Отъ заглавието на Паисиевото списание ние се научаваме, че то е писано въ 1762 г. и че творецътъ му е родомъ отъ Самоковския епархии. По-вече нѣшто за себе си о. Паисий

ни е оставилъ въ послѣсловието си, което ние привождаме цѣло отъ слово до слово¹⁾).

„Азъ Паисия иеромонахъ и проигуменъ хилендарски со-
„вокупихъ и написахъ, отъ руски речи прости обратихъ на
„болгарски прости речи и словенски. По мало снадеше ме
„ревность и жалость по рода своего Болгарскаго, зашто не
„имеятъ история заедно совокупена за преславная деяния ис-
„первая времена рода нашего и святыхъ и цари. Тако и ука-
„рашу насъ многажди Сербие и Греци, зашто немееме своя
„история; азъ зрехъ по многихъ книгахъ и историяхъ ради
„Болгари много известие написано. Того ради восприяхъ трудъ
„много за две лѣта собирати по мало отъ много истории, и
„у немска земля по-вече за то намерение ходихъ. Тамо обре-
„тохъ история Маврубирова за Сербие и Болгари въ кратце
„за цари, а за святи никако не писалъ, латининъ билъ, не
„исповѣдуетъ святыхъ болгарски и сербски, кои просияли по-
„слѣди, отъ како ся отдѣлили Латини отъ Греци. Но и за
„сербски святи зле пишатъ и покриваетъ, а за болгарски ни-
„како не поменуеъ. Тако азъ презрехъ свое главоболе, яко
„за много време страдахъ, тако и утробою болехъ велми, и то
„отъ желаніе много, што имeahъ, презрехъ, и отъ многовре-
„мянна погребенная и забвенная едва совокупихъ, заедно речи
„и слова написахъ. Неучихсе ни граматика, ни политика ни-
„како, но простимъ болгаромъ просто и написахъ. Не бистъ
„мне тщаниемъ за речи по граматика слагати и слова наме-
„штати, но совокупити заедно сию историцу, и совокупихъ сию
„въ Хилендаръ монастырь, при игумена Лавреития брата моего

¹⁾ Правописанието во всичкитѣ прѣписи, които видвахъ не отива все еднакво, поради това не намирамъ потребно да го назъ, особено въ тѣзи думи, които въ разни мѣста сж писани разнo. За да иматъ обаче читателитѣ примѣръ отъ правописанието поне на по-старитѣ прѣписи, памирамъ за добро да приведа безъ никакво измѣнение нѣколко редове отъ разсуждението на о. Паисия за ползата отъ историческитѣ книги. Тѣзи редове взимахъ отъ една копия на това разсуждение, която Априловъ е направилъ своеручно и съ голѣма точностъ отъ Жеравенский си прѣписъ и я е испратилъ Венелину заедно съ копията на Дряновский си прѣписъ.

Вѣденіе прѣжде бывшихъ въ мірѣ сѣмъ вѣщей и дѣланій, живущимъ на землі не токмо полезно, но и зелоу потребно естъ любуемудри читателю. Міре навѣкнеши си чѣстѣ прочитати въбогатѣишиа разумомъ и не будещи вѣсма ненскѣснѣ, и младимъ дѣтемъ и препрѣтнимъ человекомъ безвѣтѣктенъ егда по случаяю вопроситъ та ѡ прѣжде бывшихъ въ мірѣ церковнаа дѣланіа и цркіа исторіки.

Бързамъ да повторъ, че тѣзи редове привождамъ токо за примѣръ на правописанието, но не и на езикътъ, който въ това разсуждение прилича токо речи совѣмъ на църковний. Езикътъ на самата история е много по-народенъ, както штътъ видятъ читателитѣ отъ изводитѣ, които штемъ привождаме.

„единороднаго и старейшаго мене. Бѣ ему тогда лѣта пять-десять, а мене четиридесять. — Въ то време даяше Хилендаръ данъ туркомъ три хиляди гроша и задолжился бѣше „двадесять и седамъ хиляди гроша, и бѣ много смущение и „несогласие братско, за то немогахъ стерпети къ тому въ Хилендаръ, и изидохъ, и приидохъ въ Изуграфъ, и ту еще много „обретохъ извѣстие и писма ради Болгари. и присовокупихъ, „и скончихъ реченая въ сию историйцу на ползу роду нашему „болгарскому во славу и похвалу Господу нашему Иисусу „Христу, ему же подобаеъ всякая слава, честь и поклонение „со безначалнимъ его отцемъ и пресвятимъ его духомъ нинѣ и „присно и во вѣки вѣкомъ Аминь“.

Ние нѣма да тълкуваме тѣзи думи: въ тѣхъ всичко е ясно, по-ясно отъ всѣко наше тълкувание. Въ списанието на отца Паисия се срѣщатъ оште нѣколко редове, които съдържатъ оште нѣшто за него, — привождаме ги и тѣхъ: „азъ „вси монастири святогорския истражихъ, где имѣтъ Болгарски стари книги и царски привелегии, тако по Болгария, гдѣ „ся обрѣтають по много мѣста стари книги Болгарски, повише „необрѣтеса за цари Болгарски писано. Некоимъ святымъ жития „имеетъ пространно, но во кратце написахъ zde, колико совокушити ихъ вси вкупе въ сию историцу краткую, да знаютъ „вси Болгари“. — Отъ извѣстieto, което Г. Кръстовичъ напечатъ въ 11-тий брой на Читалището, научаваме се, че и слѣдъ написването на историята си о. Паисий пакъ е пѣтувалъ по България, доходилъ е и въ Котелъ, около 1765 год. Той носилъ съ себе и историята си, която е раздавалъ да се прѣписва.

Това сж всичкитѣ извѣстия, които имаме за сега за отца Паисия. Казвамъ за сега, защото не губж надѣжда, че щѣтъ се издиратъ слѣдъ време и по-подробни извѣстия за него, ако не писменни, а то поне по изустно предание увардени въ Самоковъ или на Св. Гора.

II.

Списанието на отца Паисия отъ научна страна нѣма твърдѣ голѣма цѣна; но ние и нѣмаме никакво право да искаме отъ него строга историческа критика. До негово време българската история не е била токо речи ни почекитѣ, — паметниците ѝ сж били оште разсѣяни по безчисленно мно-

жество книги, все на чужди езици. Имало е нѣкое и друго кратко изложение на българската история (Дюканжъ, Ассемани), но тѣзи изложения сж били на латински езикъ и били сж недостъпни за единъ светогорски инокъ въ минжлий вѣкъ. Токо едно такова изложение е могло да бжде достъпно на отца Паисия, защото е било прѣведено на руский езикъ; ние разумѣваме книгата на рагузский аббатъ Мавроорбина, която първъ лѣтъ се появи въ 1601 г. въ Пезаро на италенски езикъ, а въ 1722 г. е прѣведена на руски подъ таквъ надсловъ: „Книга історіографіа початія имене, славы и разширенія народа славянскаго“. Отецъ Паисій е издирилъ тази книга, която е събрана и изложена безъ никаква критика, и тя му е била най-главний источникъ. Други западенъ источникъ, види се, му е билъ Бароний, който такожде е билъ прѣведенъ на руский езикъ въ 1716 г.: Дѣянія Церковная и Гражданская отъ рождества Господа нашего Іисуса Христа изъ лѣтописаній Кесаря Баронія собранная и пр. Ние мислимъ, че о. Паисій е ималъ въ ржцѣтъ си и тази книга, защото въ списанието му намираме, че той цитува нѣколко страници отъ нея. Но и Барониевитѣ извѣстия за Българетѣ освѣтъ дѣто сж изложени не критически, но оште сж и распиляни по всичката му пространна книга. — Гръцкитѣ источници, съ които се е ползвалъ о. Паисій, сж по-вечето легенди и отечники (патерикони), които сж прѣиспѣлнени съ всѣкакви басни и чудеса. — Колкото до българскитѣ источници, той казва за тѣхъ въ прѣдисловието си: „Болгаретѣ са имали и истории царски и кондики архиерейски . . . и жития и правила святимъ бѣлгарскимъ много, „не било въ оно время штампн Словѣнски, а человекци отъ „небрежения не претолковали, но на мало ся мѣста такива книги обрѣтали . . .“ Тукъ авторътъ, като казва, че при паданъето на българското царство, съсипали сж се много черкви, мѣнастири, царски и архиерейски дворове, продължава за изгубванието на историческитѣ български паметници така: „и въ „то врѣмя погубили ся они истории царски, и на много свя- „тии жития и правила и нинѣ нѣма они книги лѣтописни што „ся били пространно написани ради всего народа и царие „болгарскихъ. Азъ много книги и прѣмногo прочетохъ и възис- „кахъ за много врѣмя прилежно, и не могахъ никадъ обрѣсти „рукописни и печатни, но мало и рѣдко и въ кратцѣ обрѣ-

тается“. — Отъ това се види, че при всичкото си старание да наиде за историята си български източници, о. Паисий не е ималъ добра сполука, но все пакъ е намѣрилъ нѣшто. Много би било полезно да се разгледа добръ цѣлата му история и да се отбере изъ нея всичко, што е вземено отъ български източници, отъ които нѣкои може сега и да не съществуватъ вече. — Токо въ този изгледъ Паисиевата история има наученъ интересъ. — Но ние вече рекохме, че произведението на о. Паисия и не трѣбва да се оцѣнява като научно произведение. То има друга цѣна, друго значение, принело е друга пò-дѣйствителна полза народу ни, — отъ тази страна трѣбва и да се разглежда и оцѣнява.

Значението на това списание най-добръ се обяснява отъ побуждението, което е накарало о. Паисия да поемне този трудъ, отъ цѣлта, която го е ръководила, отъ умѣнъето, съ което той постига цѣлта си; на тѣзи три страни ние и обръштаме внимание. Първитѣ двѣ ние намираме доста ясно изложени въ слѣднитѣ думи на о. Паисия: „Укораху насъ „многажды Сербие и Гречи зашто немееме своя история . . . „Того ради восприяхъ трудъ . . .“ На друго мѣсто той казва: „Азъ видѣхъ отъ много Болгари зашто идутъ по чюжди языкъ „и обичай и на свой языкъ хулятъ, за то zde написахъ, и они „отцеруготели кои не любятъ свой родъ и языкъ, написахъ „да знаеть . . .“ Най-послѣ той свършъ трудътъ си съ слѣднитѣ думи: „Скончахъ реченая въ сію историцу на пользу роду „нашему Болгарскому“.

Загубеното и потлачено състояние на българската народност, недостойнитѣ и горчиви присмивания и хули, които сж слупали Българетѣ отъ страна на съсѣдитѣ си, ревностъ и жалость по рода своего болгарскаго — това сж побужденията на отца Паисия. — Съживѣване повѣнхлитѣ народни чувства у Българетѣ, съ други думи, съживѣване българската народностъ — това му е цѣлта. Нѣка разгледаме сега, какъ отива той къмъ тази си цѣль. Той доста подробно излага славното минжло на българский народъ и чрѣзъ това изложение се старае да вдхне нравственна сила въ съвременнитѣ му Българе, да ги извади отъ това самоуничижение, до което ги е докарало изгубването изъ помежду имъ народната свѣсь. При това той често се обръшта къмъ онѣзи Българе, „кои „ся обрангають на чужда политика и не радеть за языкъ

„болгарски, но ся учатъ читати и говорити по гръчески и „срамеетъ да ся наречетъ Болгари“. Съ разни наставления, съ доказателства, а по нѣкога и съ строго укоряване той се старае да свѣсти тѣзи загубени Българе, или както ги нарича той — отцѣругатели. „О неразумне и юроде“! казва той въ прѣдисловието си на тѣзи отцѣругатели, „поради что ся „срамишъ да ся наречешъ Болгаринъ, и не четишъ по свой „языкъ, и не думашъ. Или не са имали Болгари царство и „господарство“ и пр. „Но отъ что ся ти, неразумне, срамишъ „отъ свой родъ и влачишъ ся на чужди языкъ? Но са рече: „Греци са по-мудри и по-политични, а Болгари са прости и „глупави и не имѣють речи политични, за то рече, лучше е „пристати по Греци. Но виждь, неразумне, отъ Греци има „много народи по-мудри и славни, да ли си оставля некой „Грекъ свой языкъ и учение и родъ, какъто ти, безумне, што „оставляшъ и неимашъ никой прибытокъ въ гръцка мудрость „и политика. Ти Болгарине не прѣлштай ся, знай свой родъ „и языкъ и учи ся по своему языку; боле естъ болгарска простота и незлобие“ и пр. . . . Отъ друга страна той често се спира надъ българскитѣ присмиваче и обличава тѣхнитѣ бърштолечения, фактически доказва всичката неумѣстность на тѣхнитѣ присмивки, които сж имали такова влияние на проститѣ Българе, штото ги сж докарвали до положение да се отричатъ отъ народността си. — Между присмивачетѣ и хулителитѣ български първо мѣсто заематъ, разумѣва се, Гърцитѣ, — нѣка да видимъ, какъ се относи о. Паисій къмъ нихъ. Гърцитѣ спроти него сж токо прѣхитри спекулянти, хитарци, гордѣливи, тѣ сж по-мудри и по-политични. Това имъ е всичкото прѣимущество прѣдъ Българетѣ. Освѣнъ гдѣто нѣматъ никакви добродѣтели ни семейни ни граждански, но оште „и отнимають „отъ прости и похиштають неправедно, и више грѣхъ и не „полза отъ нихна политика приемлютъ“. — Въ това нравственнно паданье на Гърцитѣ нѣма ништо за похвала, „боле „есть болгарска простота и незлобие“, казва отецъ Паисій, който се чуди на заблуденитѣ си съотечественници, зашто ги иматъ на почестъ и чудатъ имъ се и влекжтъ се по нихенъ езикъ и обичай. — Но говорило се е тогава: „Болгари са „прости и глупави и не имеютъ речи политични . . . и не „имають отъ нихъ много търговци и книжници и хитрии и „славни на земли . . . , но са повѣке отъ нихъ прости ораче

„и копаче и овчаре и прости занаятлии“. Тази недостойна клевета Паисий опровергава съ такива думи: „Или не са имали „Болгари царство и господарство, за толико царствovali и били „чудни по вся земля, и много пути отъ силни Римляне и отъ „мудри Гречи данъ въземали, и давали имъ царюве и кралюве „свои царски дъштери въ съпружество, и да би имѣли миръ и „любовъ съ цари български, и отъ всего славенскаго народа най-„славни били Болгари, първо са они патриарха имѣли, първо „они ся кръстили, наиболѣ земля они освоили, тако отъ своего „народа словѣнскаго они силни и чесни били. и първи святни „словѣнскии отъ Болгарски родъ и языкъ просияли, како по „реду вся въ сию историю написахъ, и зато имѣють Болгари „отъ много истории свидѣтелство“. Цѣлата история Паисиева като че ли е фактическо опровержение на този укоръ. Ако Българетѣ, иска да каже той, наистина да пѣматъ отъ нихъ много търговци, и книжници, и хитрии, и славни на земли по това време, ако наистина тѣ сж останжли токо ораче, копаче и прости занаятлии, въ това не е виновна тѣхната природна глупость, както сж казвали Гърцитѣ; въ такова положение ги сж докарали самитѣ тѣзи Гърци, и то не съ особни нѣкакви доблести, но чрѣзъ низкото си лукавство, съ което сж могли да привлечтъ на своя страна политическата сила, та съ тази сила съсипали всичкитѣ български учрѣждения „и „обращають все на гречески языкъ. Тая вина Болгаромъ отъ „греческа духовная власть происходитъ и много насилие не-„праведно отъ гречески владии терпѣтъ во сия времена. — „Но Болгари“, смиренно забелѣжва отецъ Паисий, „почитають „ихъ за архиереи и сугубо плаштають имъ должное, за то „по нихна простота и незлобие восприимуть отъ Бога мзду „свою, тако и они архиереи што съ насилие, а не съ архирейско правило творатъ болгаромъ велика обида и насилие, „и они по свое дѣло и безсовѣстие восприимуть мзду свою отъ „Бога по реченому: яко ти воздаси комуждо по дѣломъ его“. На тази благочестива бѣлѣжка ние не штемъ да направимъ злѣ, ако кажемъ: Покой ся съ миромъ, отче Паисие, твоитѣ пророчески думи се сбждватъ вече!

Между хулителитѣ и присмивачетѣ български, о. Паисий назива Сърбитѣ и Руситѣ, Сербие, Руси и Москали. Въ копецътъ на 17-тий в. множество Сърби се изселихъ изъ Турската земя въ Австрия, гдѣто имъ дадохъ да се поселѣтъ въ

Срѣмъ, Банатъ и Бачка. Тамъ при по-добро политическо положение тѣ започенѣхъ да си завѣждатъ училишта, въ които обаче, во времето Паисиево, науката не е отивала по-горе отъ Псалтирътъ. Тѣзи сѣ Сърбитѣ, които сѣ се присмивали на Българетѣ. Тѣхнитѣ хули Паисий обличава твърдѣ въшито. Той първо имъ припомнува историята, която сравнява съ българската и отъ това сравнение извожда, че когато Българетѣ въ просвѣщеніето и въ гражданскій животъ сѣ стоели на високъ степенъ, имали сѣ патриархи и цари и по своему языку читати почели, Сърбитѣ не сѣ били оште ни покрѣстени. При това той напомнува на сѣрбскитѣ ругатели Болгаромъ, да не забравятъ, че нихнитѣ братия, „кои су на Турци даници горе „су прости, нишетни отъ Болгари“. Расправата си съ сѣрбскитѣ и руски хулители, Паисий свърша съ тѣзи думи: „по „они Руси и Сербие да благодаратъ Бога де ги е покрѣль „отъ поправление . . . и отъ греческая власть архирейская. Што „Болгари страдаютъ да су они то мало искусили, то би весма „болгаромъ благодарили зашто въ толико страдание и насилие „держатъ свою вѣру непременно“.

Езикътъ на о. Паисия е смѣсенъ съ църковнословѣнски думи и изречения. Тѣзи архаизми обаче сѣ такива, штото ни най-малко не затруднѣватъ и най-простий читателъ. Азъ вѣрвамъ, че дори и безкнижний Българинъ би разбралъ по-лесно този езикъ, нежели нашия сегашенъ, ужъ народенъ, писменъ езикъ. И това достоинство на Паисиевото списание не малко му е спомогнало да се разпръсне скоро по цѣль български свѣтъ, и да стане най-драга книга за българетѣ. Въ Априловскій прѣписъ се намиратъ петъ записи, писани въ разни времена и въ разни мѣста отъ петина различни читатели, а именно: отъ единъ Хилендарски иеромонахъ, отъ двама иереи отъ Жерувна и Котелъ, отъ единъ учителъ отъ Рухчукъ и отъ единъ, види се, инокъ у Сливенъ. — Всичкитѣ исказватъ голѣмото си задоволение отъ тази книга и казватъ: „и вие по- „трудитися братия, та я прочитете да ви буди на ползу, болгаромъ похвала, а на пакость грекомъ“ и пр. Такива записи се намѣрватъ и по другитѣ познати намъ прѣписи. Това показва, какво дълбоко впечатление е произвеждало това списание на българскитѣ читатели. — Отъ извѣстието на Г. Кръстовича за Котленскій прѣписъ се научаваме, че той слѣдъ като билъ прѣписанъ въ 1765 лѣто отъ Стойка иерея, по-

ставенъ е билъ за вѣчно храненіе у храма святихъ апостолъ Петра и Павла. Отъ това извѣстие може да се мисли, съ какво благоговѣніе, съ каква святостъ сж гледали Българетѣ на тази книга.

Историята на отца Паисія, освѣнъ гдѣто е писана и прѣписвана много пѣти по всичкитѣ български мѣста, но оште е била и допълнявана и прѣправяна. Намирали сж се такива Българе, които като сж се прониквали съ народообразователний духъ на о. Паисія, опитвали сж се и сами да се потруджтъ като него „на ползу роду болгарскому“. Тѣ сж прѣправяли тази история, допълнявали сж ѣ съ нови исторически фактове и прѣдания, или пакъ сж притуряли въ неѣ нова полемика съ враговетѣ и хулителиѣ български, а такожде и нови възбужденія болгарскому народу. Мени сж познати за сега до четири такива прѣработвания Паисиевѣтъ трудъ, съставителиѣ на които безъ всекакво записване могатъ да се нарежтъ ученици на отца Паисія.

III.

Прѣзъ минжлата година профессоръ Ламанскій напечата единъ членъ подъ заглавие: Болгарская Словесность 18-го вѣка¹⁾. Въ този членъ той разглежда единъ български ржкописъ, който се намира въ Пловдивъ у Г. Найдена Герова и отъ който той получилъ единъ прѣписъ. Ржкописѣтъ на Г. Герова билъ написанъ въ 1831 г., но въ него се съдържа „лѣтописъ болгарская“, която спроти Г. Ламанскаго била съставена въ 18-тий в. Ето и оглавлението на този ржкописъ: О прѣдисловіи. О родословіи Мавроовирѣ. О прародителѣхъ славяно-болгарскихъ. О Илирикѣ. О Троянѣ царѣ. О Констандинѣ и ликинии. О Яскѣ 1. О Крунѣ и о Никифорѣ. О Іоаннѣ Владиміръ. О Іоаннѣ патріарсѣ Терновскомѣ. О Яскѣ второмѣ. О сыновѣхъ Александровѣхъ. О Георгіи Ярванасѣ. О милости Божіи и о преславномѣ чюдеси свѣтителѣи и великаго чюдотворца отца Николаѣ, бѣвшемѣ на Тѣловскомѣ полѣ подѣ Маглишимѣ. О учителѣхъ Болгарскихъ. О свѣтѣхъ. О второмѣ разореніи Болгаріи. О написаніи именѣ краля и царей. Слѣдъ това иджтъ: Раздѣленіе Болгарской земли. Кратка исторія заради Болгарскій родъ. Возбужденіе болгарскому на-

¹⁾ Въ Журналъ Министерства Нар. Пр. 1869, Сентябрь.

роду къ добродѣтели.—Отъ това оглавление, а такожде и отъ изводитѣ, които Г. Ламански привожда въ членътъ си, ние ни най-малко не се затрудняваме да кажемъ, че тъй наречената отъ него Българска Лѣтопись, за съставянето на която той се пушта въ разни гадания, много или малко правдоподобни, не е нищо друго освѣнъ историята на отца Паисия, но прѣправена и допълнена отъ други нѣкой бѣлгарски историкъ. Мислимъ, че не ще да е излишно, ако приведемъ нѣколко редове отъ рѣкописътъ на Г. Герова, сравнително съ съответствующитѣ тѣмъ мѣста въ Априловскій (Жеравенскі) прѣписъ отъ Паисиевата история.

Отъ Априловъ прѣписъ :

Изъ излиха поревновахъ по рода и по отечество болгарское, и многое трудъ сотворихъ собирати отъ различни книги и исторіи, дондеже собрахъ и совокүпихъ дѣяніа рода болгарскаго въ книжицѣ сию, ради ваша полза и похвала вамъ написахъ, кои любятъ свои родъ и языкъ, препишете исторіицѣ сию, платите нека и вамъ препишатъ кои умеютъ писати и имените ю да са не погуби. Я кои не любятъ за свой родъ Болгарски знати, но са обрацають на чужда политика и не радеть за языкъ Болгарски, но са учатъ читати и говорити по грѣчѣски и срамеетса да са наречатъ Болгари. О неразумне и юроде и пр.

Отъ Геровъ рѣкописъ :

Изъ излиха поревновахъ по рода и отечество болгарское, много трудъ положихъ собирати отъ различныхъ книгъ и исторіи, дондеже собрахъ и совокүпихъ дѣяніа рода Болгарскаго, ради вашей ползы и похвалы написахъ вамъ, кои любите и знати за свой родъ и языкъ, препишете исторіицѣ сию да са умножи. Я нѣкои не любятъ свой языкъ, но оше хулятъ, безумный доракъ, и срамеетса да са наречатъ Болгары. О неразумне и юроде и пр.

Ако да отиваше все тъй разницата между тѣзи два паметници, не трѣбваше никакво доказанье, че и въ Г. Геровътъ рѣкописъ се съдържа единъ прѣписъ отъ историята на отца Паисия. Но въ нѣкои мѣста се намира разлика твърдѣ

голѣма. Ние видѣхме, че въ Априловский прѣписъ отецъ Паисій въ конецътъ на прѣдисловието си говори: отъ того Мавро-бира и отъ многія други исторіи собрахъ и позра-пространихъ и совокупихъ сію исторіицу... Въ Геровий прѣписъ е казано тѣй: я собирахъ отъ Мавро-бира латинскаго, и отъ Іоанна Зонаря, отъ Буфіера французскаго, отъ Теофана Грека, отъ святаго Евѣмїя Терновскаго, отъ святаго Димитрія ростовскаго и отъ другихъ вся заедно совокупихъ, любо-мудрій читателю, да помнишь. Тази разница ясно ни показва, че въ Геровий рѣкописъ се съдържа Паисиевата исторія допълнена отъ нѣкой други писателъ, който като е притурилъ въ нея нѣколко нови извѣстия, што е почърпнѣлъ отъ реченитѣ писатели, и като ѣ е попрѣправилъ въ нѣкое и друго мѣсто, мислилъ е, че има право да счита това списание за свое. Ето зашто, види се, той не привожда и Паисиевото послѣсловие. Любопитно е да се разгледа добрѣ, што именно е притурилъ този новъ прѣправачъ, особно е любопитно да се отбере това, което той е почърпнѣлъ отъ патриархътъ Евтимій. Като нѣмаме обаче въ рѣцѣтъ си Геровътъ рѣкописъ и сме принѣдени да сѣдимъ за него по краткитѣ изводи на Г. Ламанскаго, ние за сега не можемъ се взе за тази работа. — Изводитѣ на Г. Ламанскаго ни даватъ възможность да услѣдимъ до негдѣ токо измѣненїята, които съставителятъ ѣ си е позволявалъ да прави въ изложението на отца Паисїя.

Отецъ Паисій, като говори за Кирилла и Меѳодїя, между друго разказва, че тѣхъ ги уговорили бѣлгарската царица и други Бѣлгаре „да идѣтъ да учатъ Болгари и прочи Словяни „вѣру христїанскую и нарекли ихъ апостоли болгарскїе. Пос-„тился святы Кирилъ 40 дни и извадилъ 40 слова и сложилъ „писмо на словенски языкъ“. Геровий прѣправачъ притуря тѣй: „И призвалъ царь Михаилъ болгарскїй Кирилла и рече ему, „да изведетъ писанїе на болгарскїй языкъ. Онъ же рече: како „могу азъ совершити дѣло сіе, другїи философи двѣстѣ години „трудишася и не успѣша. По сыхъ постился святы Кирилъ „до 40 дней“ и пр. Послѣднѣто извѣстїе е доста важно; отъ гдѣ го е взелъ прѣправачътъ, любопитно е да се издири. — Читателитѣ ни знаѣтъ, какъ отговаря отецъ Паисій на тѣзи Сърбе, които сѣ се присмивали на Бѣлгаретѣ. Прѣправачътъ

пропушта нѣкои отъ израженията му и намѣсто нихъ при-
тура слѣдното: „Лѣтопись латинскій Маврообиръ, Буюефиръ
„лѣтопись французскій оба тако глаголютъ: Сербы непотреб-
„нѣйшій паче всѣхъ родовъ славенскихъ, зацо яко хулятъ на
„законъ Божій“. Друго едно любопитно измѣнение срѣщаме въ
това мѣсто, гдѣто се разказва за растуриянето на Търнов-
ската патриаршия. Читателитѣ помнѣтъ съ какъвъ благоче-
стивъ тонъ отецъ Паисій свърша печалний си разказъ. Прѣ-
правачътъ е пропуснѣлъ тѣзи смиренни думи и намѣсто тѣхъ,
восклицава кратко: Треклятая завистъ греческая! Послѣ
докажу! Това му восклицание показва, че у него негодую-
штето народно чувство е заглушавало християнското смирение
на отца Паисія. Оште по-ясно излази на явѣ неговото него-
дование тамъ, гдѣто той, спроти обѣштанието си, доказва тре-
клятая завистъ греческая. То е единъ особенъ членъ, който не
се намира въ Паисиевата история, и който е съчинилъ той подъ
слѣдното заглавие: О времени втораго разорения Бол-
гаріи, каковымъ образомъ бысть. — Този членъ е особно
любопитенъ и по тонътъ си, и по това, че излага едно лю-
бопитно прѣдание. — Ето зашто ние си позволяваме да го
приведемъ съ малки нѣкои съкращения.

„Патриархъ нѣкто цариградскій, аду наследникъ, диа-
„волу другъ, вторый Іуда, новый Яріа, ошолъ при царя
„Селима на поклоненіе и сказалъ ему: царю многолѣтний,
„есть твои подданицы Болгарскіи родъ, соровы человекъ,
„въ бранѣхъ неповѣдиміи, и аще не смиришь ихъ до конца,
„то паки возстанутъ на тебе и возмутъ землю свою отъ
„тебе, но да разоришь начальныя мѣста ихъ и градоначаль-
„никовъ ихъ, и тогда будишь миренъ отъ брани . . . Тогда
„султанъ съ великою яростию возрѣвъ на него и вопроси его:
„да гдѣ есть начальное мѣсто ихъ? Рече же патриархъ Се-
„лиму: имъ есть столный градъ Терново, въ Оракинъ Андріанъ-
„градъ. Тогда воста съ великимъ гнѣвомъ на Болгарію въ
„лѣто христово 1522. Селимъ самъ разори Оракию отъ Ан-
„дріанъ-градъ до Сръдецъ града, а единъ Каймаканъ мурза
„Татарскій со съ 46 тысящами войска татарска по край Ду-
„напа и стара планина вса рassiпаша отъ Чернаго моря до
„Бидинъ, а въ Македонію посла своего визира со съ 33 ты-
„сящю войска, начъ отъ Драма даже до Босна, все потур-
„чилъ, Доспатъ планина тогда истурчилъ, Еспину, Крушникъ,

„Кочени вси тогда истурчили . . . Тогда и терновската патриаршіа огнемъ сожигоша и патриарха мечемъ заклаша . . .“.

Слѣдъ разсказътъ за втородо разсипване бългaрското царство слѣдва разсужденіе върхъ гръцката ненависть къмъ Българетѣ. „Греци“, четемъ тамъ, „скрити хотятъ негли своего „ходатая, болгарскаго благодѣтеля, діаволу друга, втораго Іуду, „новаго Арія; погибель бѣ колика множества христіанскаго „рода потурченнаго, тако лгутъ, глаголюще, брешуще пишуть, „аки бы сіи народы хараца ради потурчилися; Доспатская „нина, Еспину, Крупникъ, Кочени, Ерцеговины, Арбанасы, „санцы. Но нѣсть тако“.

Слѣдъ този членъ слѣдва други единъ, който такожде е съставенъ отъ прѣправачътъ, зашото не се намира въ списанието на отца Паисія. Този членъ съдържа въ себе изброяването бългaрскитѣ градове и е любопитенъ отъ много страни, — привождаме го цѣль.

„Болгарская земля на четьры части са раздѣлява. Первая часть Мисинія или (Мизія?), и колко градове има у Болгаріи: Белиградчикъ, Неготинъ, Фетисла, Берковица, Кутловица, Видинъ, Враца, Уряово, Лома, Ловичъ, Никополь, Севліуово, Плевенъ, Свѣщовъ, Столній градъ Терново, Руссы, Арбанасъ, Родостоль, Селитра, Ряово, Разградъ, Мачинъ, Джумая, Шуменъ, Козла, Кесаково, Пазаржикъ, Преслава, Баба, Тулча, Каварна, Варна, Козложа. Тыя градове вси въ задгори, между стара планина и Дуная отъ Черно море до „Ветисла ѿѣ (33) градовы болгарскы“.

„Часть вторая, у Оракіи колко градовы има болгарскы: Созово, Бабайскы, Сара, Нона, Адрианъ, Бургасъ, Айло, Месеврія, Айтосъ, Палчикъ, Мало-Терново, Карнбатъ, Жеравна, Узунжово, Аскюю, Чирпанъ, Захра, то е Велта, Загора; Янболъ, Сливенъ, Котелъ, Казанлакъ, Карлово, Етрополы, Филибе, Стена, Пазарджикъ, Самоковъ, Ихтиманъ, Златица, Пещера, Софія, Радоміръ, Дупница, Жумая, Кюстендилъ, Баня, Брезникъ, Транъ, Пиротъ, Враня, Лесковицъ, Нишъ, Круша. Тыя са гродовы вси у Оракіи между стара планена и Трача „планена отъ Черно море и отъ Адрианову до Нишъ ѿѣ (43) „градовы болгарскы“.

„Часть третья, Макидонія, колико градовы има болгарскы: Новай, Козястѣна, Скеча, Гюмюрджина, Смилянъ, Захна, М. Просѣчена, Драма, Филонустъ, Неврокопъ, Меомія, Баня, Ме-

„леникъ, Сера, Димирисаръ, Жумая, Дохрянъ, Петричъ, Радовишъ, Війница, Срумница, Шипъ, Когани, Паланка, Кратово, Коматово, Тиквишъ, Велясь, Оелерисъ, Скопъ, Балжа, Водинъ, Новградъ, Негошъ, Катраница, Вардаръ, Трищина. Тія са градовы вси у Македонія между планина Деспота и между Греція ѿ (37) градовы болгарскы“.

„Часть четвертая, колико градовы има болгарскы у Дарданіи: Охритъ, старая столица Болгаромъ, Бытола, Прилипъ, Новиназаръ, Діаково, Елбасанъ, Призрянъ, Тетово, Калканда, Шкодра, Рѣка, Дебра, Ужеца, Горна рѣка, Долна Дебра, Скендеръ, Крушовица, Корабъ, Ново село, Блясово, Беръ, ѿ (31) градовы. Тіи са градовы вси въ Дарданію, крайна Венеціаномъ. То е западная страна болгаромъ, Оракія восточная страна болгаромъ, Македонія южная страна болгаромъ, Загоріе сѣверна страна болгаромъ. Конецъ“.

Този членъ е особно важенъ чрѣзъ това, гдѣто показва до колко е било дълбоко народното съзнание на съчинителятъ; отъ него ние ясно гледаме, че той си е прѣдставлялъ народътъ ни въ всичката му цѣлокупность. — Слѣдъ този членъ въ Геровтъ ржкописъ иджтъ други два кратки члена, които Г. Ламански привожда цѣли, тѣ сж: Кратка исторія заради болгарскія родъ и Возбужденіе болгарскому народу къ добродѣтели. Тѣзи два члена, както се види по езикътъ имъ и по съдержанието имъ, сж съчинени отъ друго нѣкое лице, което, види се, е живѣло нѣколко време по-послѣ отъ прѣправачътъ Паисиевъ. Ето до колко можемъ за сега да запознаемъ читателитѣ съ Геровий прѣправачъ, или, по-добрѣ да кажемъ, ученикъ Паисиевъ, на който името, по злошастію, не се знае. Кога е извършилъ той трудътъ си? И това не се знае за вѣрно; можемъ да кажемъ само, че не по-късно отъ 1797 г. Ето на какво основание: въ послѣдната му статья, както видѣхме, той говори, че отъ къмъ западъ българската земля е достигнала до Венецианскитѣ владѣнія. Тіи са градовы вси въ Дарданію, крайна Венеція номъ. Отъ това се види, че той е писалъ, когато Далмация се е намирала въ власта на Венеция, а знае се, че послѣдната загуби тѣзи си владѣнія, та и сама паднж въ 1797 година. По всичко се види, че около конецътъ на минжлий вѣкъ е живѣлъ и писалъ нашій прѣправачъ. — Освѣнъ двѣтъ статии: о времени втораго разоренія Болгаріи и За-

българскитѣ градове, които той цѣли е притурилъ къмъ трудѣтъ на отца Паисия, другитѣ му притурки, до колко може да се сѣди отъ изводитѣ на Г. Ламанскаго, не сѣ тѣй много; сѣштото може да се каже и за измѣненіята, а такожде и за съкращенията му. — Но ние знаемъ друго едно прѣработване Паисиевата история, което заслужва опште по-голѣмо внимание. За жалость обаче ние за сега можемъ да кажемъ за него токо твърдѣ на кратко. —

Г. Гилфердингъ прѣди двѣ-три години е пжтувалъ по Македония, отгдѣто е изнелъ до два товара ржкописи. Между тѣхъ се намиратъ и два български лѣтописи, както ги нарича той. Отъ единѣтъ, който билъ писанъ въ конецѣтъ на минжлий вѣкъ, той обнародва единъ кратъкъ изводъ, въ който се съдържатъ нѣколко свидѣтелства за кърштението на Българетѣ и за ссв. Кирилла и Методия¹⁾. Г. Ламанскій, който е видвалъ този лѣтописъ, нарича го „спискомъ той же болгарской лѣтописи“, т. е. единъ прѣписъ отъ сѣштото списание, което се намѣрва въ Геровий ржкописъ. Че тѣй нареченний лѣтописъ на Г. Гилфердинга има тѣсно отношение къмъ Геровий, то е явно отъ тонѣтъ му, отъ времето, когато е писанъ (конецѣтъ на 18-тии вѣкъ), и особно отъ това, че въ напечатанныи отъ Г. Гилфердинга, макаръ и кратъкъ, изводъ ние срѣшваме такива думи и изричания, каквито цѣлокупно се намѣрватъ и въ Геровий ржкописъ. Тѣй, като говори за изнамѣрванието на словенскитѣ писмена, Гилфердинговѣтъ лѣтописъ между друго говори: „И призва его (Кирилла) Михаилъ Кесаръ и совѣтова его да поидетъ въ Болгарію и да „изведетъ по болгарскому языку писаніе. Онъ же рече ему: „како могу азъ извести писание на болгарскаго языка? другіи „философе, бившіи прежде мене трудишася 200 годъ и ничто успѣша“. Читателитѣ помнѣтъ, че сѣштитѣ изречения, токо речи отъ слово до слово, ние намѣрихме и въ Геровий ржкописъ. — Но че отношението на тѣзи два ржкописа е до толкова близко, както утвърждава Г. Ламански, като ги нарича два разни прѣписа „одной и тойже лѣтописи“, съ това нѣшто ние не можемъ да се съгласимъ: освѣнъ гореприведенитѣ редове, всичката друга часть на Гилфердинговѣтъ изводъ не се посрѣшта съ Геровий ржкописъ. Това ни дава пълно

¹⁾ Въ Голось 1869 Марта 10. Прѣпечатанъ е и въ Oslavení tisícileté památky sv. Cyrilla, v Praze 1869, — Виж. и Исторически прѣгледъ на Б. църква 184.

право да мислимъ, че този Гилфердинговъ лѣтописъ е друго едно прѣработване отъ Паисиевата история. Колкото малко и да ни е познатъ трудътъ на този други ученикъ Паисиевъ (както споменяхме по-горе, ние до сега знаемъ токо единъ твърдѣ краткъ изводъ отъ него), всё пакъ може да се мисли, че той отъ много страни трѣбва да е по-високъ отъ трудътъ на първий. Ясно е, че той е ималъ въ рѣцѣ си доста много исторически извори, отъ които не се е ползвалъ токо тѣй, безъ всяка критика. — Тѣй на примѣръ: Отецъ Паисий введенъ въ заблуждение отъ Мавроурбини, говори, че Методий кръстилъ Българскій царь „Мортагонъ или Михаилъ, а не Богорисъ, како Бароний пишетъ“. Сжштото повтаря и съставителятъ на Геровий рѣкописъ, но Гилфердинговий исправя тази грѣшка и казва, че Методий кръстилъ Бориса, който при кръштеніето си получилъ име Михаилъ. — Въобщите отъ изложението на послѣдний се види, че той е ималъ въ рѣцѣтъ си или български жития на Кирилла и Методия, или пакъ нѣкое старосказание за кръштеніето на Българетѣ, и по тѣзи народни паметници можилъ е да изложи този прѣдмѣтъ по-пълно и по-правилно, нежели Паисий и първий му ученикъ, съставителятъ на Геровий лѣтописъ. Послѣдний, види се, отъ твърдѣ распалено родолюбие по нѣкога и произволно е прѣиначавалъ имена и фактове. — Обилието отъ извори и добросовѣстното отъ тѣхъ ползование на Гилфердинговий лѣтописецъ се види и отъ слѣдуюшето. За Кирилла и Методия, той разказва, че били дѣца на дарданскій воевода Леона, който билъ „отъ Грековъ“ отраснали при башта си въ „Дардания или Вардария“, която „есть земля болгарская недалеко Солунѣ“, и чрѣзъ това могли да научатъ българскій езикъ, „пребывающе всегда съ болгарами, знаху языка болгарскаго“. Но слѣдъ това той привождатъ и друго едно мнѣние за родътъ на свв. Кирилъ и Методий: „святій Евѣиміи патріархъ Терновскій именно рода „болгарскаго быти глаголетъ. Глаголитъ сиче: Благословенъ „Богъ, хотяй всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истинный пріити, и яко не остави насъ до конца въ тмѣ невѣдѣнія, но посѣти насъ и воздвиже отъ рода нашего таковаго „учителя, иже просвѣти языкъ нашъ, во еже ходити намъ въ „свѣтѣ заповѣдей божіихъ“. — Други примѣръ: Като излага озвѣстний си разказъ за покрѣстваньето на Бориса, той привождатъ и друго едно мнѣние за този прѣдмѣтъ: „Глаголетъ

„Евѡимій патриархъ Терновскій: по возвращеніи отъ Арменіи „(гдѣто Борисъ ходилъ ужъ да се бие противъ Сарадиновъ и „отметника Оомы) Борисъ царь Болгарскій прія святое крещеніе: самъ Михаилъ кесарь (на когото Борисъ ужъ ходилъ „на помошть) воспреемникъ ему бысть, и даде ему имя Михаилъ, именемъ своимъ, и 53 тысящъ войска его крестися, тамо суци и Кириллъ философъ“. Види се, слѣдователно, че Гилфердинговий лѣтописецъ освѣнъ другитѣ си извори, за покръптанъето на Българетѣ, ималъ е оште едно свидѣтелство отъ патриархътъ Евтимия, което свидѣтелство, макаръ той и да не приема за истинно, но все го счита доста важно и го привожда. Ние почитаме свидѣтелството на Евтимия, ако и не совсѣмъ вѣрно, но въ литературно-историческо отношение твърдѣ важно и позволяваме си да се позапремъ на него. — Въ ржкописътъ на Гилфердинга, гдѣто се привожда това извѣстие, отъ страната срету думитѣ: глаголетъ Ев. патр. Терп. е написано: Лѣтописъ Терновскій. Не се знае, да ли тѣй се е наричало списанието на Евтимия, отъ гдѣто е вземено това извѣстие, или Лѣтописъ Терновскій е съставенъ отъ друго нѣкое лице, което е почърпнжло и внело въ лѣтописътъ си това извѣстие отъ нѣкое списание Евтимиево. Може пакъ Лѣтописъ Терновскій да е притурено въ Гилфердинговий ржкописъ испослѣ, отъ нѣкой четецъ, като неправилно пояснение (глосса) за патриархъ Евтимий. — Както и да е, това извѣстие свидѣтелствова за едно намъ сега неизвѣстно списание отъ патриархъ Евтимий, заштото въ извѣстнитѣ ни негови списания такова извѣстие не се намира. — И това не е единчко показание за загубенъ трудъ на славний ни патриархъ. Неговътъ братовчедъ, Григорій Цамвлакъ, ни казва, че той се занимавалъ съ исправлението на църковнитѣ книги; Константинъ Костенский казва, че той написалъ нѣкакво списание, като грамматика. Гдѣ сж сега тѣзи драгоцѣнни трудове? Да ли сж загинжли безвозвратно, или сегашното българско поколение ште да ги издири? — Върштамъ се къмъ прѣкъснжтиятъ разказъ и повтарямъ, че по обилието на народнитѣ паметници, които е ималъ въ ржцѣтъ си съставителятъ на Гилфердинговий лѣтописъ, неговътъ трудъ е особно любопитенъ и обнародванъето му, слѣдователно, ште открие нѣкои нови фактове и предания за нашата история. — Отъ статията на Г. Ламанскаго ние се научаваме, че у Г. Гилфердинга освѣнъ

този паметникъ намиралъ се и другъ единъ такъвъ, който Г. Ламански нарича такожде „списокъ тойже болгарской лѣтописи“. Да ли наистина е списокъ, и да ли и въ него не се заключава нѣкое особно прѣправяне на Паисиевата история? Г. Ламански въ сжштата си статия пише, че прѣдалъ своята копия отъ Геровътъ ржкописъ Г-ну Гилфердингу „для „сличенія съ двумя имѣющимися у него списками той же болгарской лѣтописи“. Това ни дава да се надѣваме, че Г. Гилфердингъ скоро ще да ни зарадва съ обнародване изслѣдваніята си върхъ този прѣдмѣтъ, между които ние се надѣваме да найдемъ отговоръ и на тѣзи въпроси.

Освѣнъ тѣзи прѣправаче и допълняче на Паисиевата история нѣма съмнѣние, че е имало и други, по-нови, които сж работили въ по-новитѣ времена. Къмъ тѣхъ ние относимъ и извѣстний Царственникъ, който е издаденъ въ Будинъ въ лѣто 1844 г. отъ Христати Павловича. За жалость, ние нѣмаме сега при себе тази книга за да докажемъ това фактически, но до колкото помнимъ съдържанието на този царственникъ, мислимъ, че не се лъжемъ, ако кажемъ, че той е внукъ или правнукъ на благословенний трудъ на отца Паисия.

Нѣка да кажемъ оште, че освѣнъ тѣзи пространни списания, отецъ Паисиевий трудъ е далъ поводъ да се явхтъ въ новобългарската ржкописна писменность и други, по-малки трудове: нѣкои четци въодушевени отъ неговата история или отъ трудоветѣ на неговитѣ ученици вземали сж се за перо и сж съчинявали или съкратени български истории или малки нѣкои исторически списания все съ такава родолюбива цѣль, или пакъ разни възбуждения българскому народу. Такива сж на пр. онѣзи двѣ статии, които се намиратъ въ конецътъ на Геровътъ ржкописъ.

Всичко това показва, какво голѣмо значение е ималъ отецъ Паисий въ духовний животъ на народътъ ни. Благословенното негово слово не е остало мъртво: то скоро се е разнесло по българскитѣ сърдца, „овихъ согрѣвая животворною теплотою, овихъ побуждая и повдигая на проповѣдь народнаго пакибытія“. Това благодатно слово е извадило цѣло поколение ученици, които сж продължавали начатото отъ учителя дѣло, и подобно нему чрѣзъ въскръшение българската старина сж се старали да извадатъ народътъ си отъ самоуничижението, до което го сж докарали враготивъ му, а заедно съ това да го

приведхъ въ съзнание и възродхъ къмъ повъ исторически животъ. Средството, за което сж се уловили тѣзи благовѣстници е било вѣрно, а словото имъ е имало магическа сила на читателитѣ. „И вие потрудѣтесѧ, братиѧ, та почитети исторію сію да ви бѣди на ползѹ, Болгаромѣ похвала и на пакостъ Грекомѣ . . . както видѣхме, петина четци на Априловѣтъ рѣкописъ сж повторили тѣзи прости но многозначушти думи. Въ тѣхъ сж се изляли сърдца дълбоко расклатени отъ едно совсѣмъ ново за тѣхъ и необикновено четиво. — На Геровѣтъ рѣкописъ такожде се срѣштатъ нѣколко записи отъ четци. Единъ отъ нихъ казва: Лѣтописъ Болгарскіи заради болгарскитѣ народи, който чите, съ внимание да чите, да познай, какво са имали Болгарите царство.

Ние сме обикнжле да броемъ възражданъето на народътъ си отъ началото на наший вѣкъ и туряме на чело Априлова съ Неофита, Венелина и пр. Да, голѣми сж заслугитѣ на тѣзи благодѣтели народу ни. Но да ли ште да е по-право да отнесемъ възражданъето си на 60—70 години по-рано и да туримъ на чело отца Паисия?

1871 г., Мартъ 10.

ЗАСЕЛЕНІЕ

БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА СЛАВЯНАМИ.

(Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, 1872, кн. 4-я).

Оглавленіе.

	Стр.
I. Очеркъ древнѣйшей этнографіи полуострова. Были ли тамъ Славяне до Рождества Христова?	143
II. Время появленія Славянъ	183
III. Славяне и Восточная Римская Имперія съ половины IV до половины VII вѣка	227
IV. Славянскія поселенія на полуостровѣ въ половинѣ VII-го вѣка. Выводы и ихъ подтвержденіе	275

Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами.

Глава I.

Очеркъ древнѣйшей этнографіи полуострова. Были ли тамъ Славяни до Р. Хр.?

На юговосточномъ полуостровѣ Европы, въ странѣ, простирающейся на сѣверъ отъ Греческаго Королевства, Архипелага и Мраморнаго моря до рѣкъ Савы и нижняго Дуная, въ настоящее время обитаетъ около 9-ти милліоновъ Славянъ, составляющихъ въ совокупности болѣе двухъ третей всего народонаселенія этой страны. Восточную и среднюю части ея занимаетъ Болгарское племя, насчитывающее не менѣе пяти милліоновъ душ¹⁾; сѣверозападный же уголъ, заключающійся между Адриатическимъ моремъ и р. Савой, вмѣщаетъ въ себѣ большую часть Сербо-Хорватскаго племени, общее число котораго доходитъ до шести милліоновъ²⁾. Эта, довольно обширная и одаренная самою разнообразной природой, страна долгое время оставалась чуждой исторической жизни древняго міра, не смотря на свое ближайшее сосѣдство съ нимъ. Древняя

¹⁾ Сколько ни будь точныхъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ Болгаръ не имѣется еще. Шафарикъ, въ „Geschichte d. sl. Spr. und Lit. Ofen, 1825“, считалъ ихъ всего около 600,000 душъ; въ „Славянскомъ же Народописаніи“ онъ исправилъ это явно ошибочное число, повысивъ его до 3,587,000. Ами Буе (La Turquie d'Europe, 1840) насчитывалъ до 4,500,000 Болгаръ; это же число показывали Кипр. Роберъ, Баронъ Реденъ и пр. Въ „Чешскомъ научномъ Словникѣ“ число Болгаръ показано въ 6—7 милліоновъ. Болгарскіе депутаты, въ прошеніи къ Султану (въ 1856), выставляли цифру 7½ милліоновъ. Въ настоящее время, послѣ возрожденія Болгарской народности, завершившагося восстановленіемъ независимости Болгарской Церкви, можно надѣяться вскорѣ получить точнѣйшее число этого племени. Мы не думаемъ, что число это достигнетъ 7½ милліоновъ, но имѣемъ основаніе утверждать, что оно не будетъ и ниже пяти милліоновъ.

²⁾ По вычисленію Шафарика, общее число всѣхъ Сербовъ и Хорватовъ доходитъ до 6,095,000: Чернигъ насчитываетъ ихъ 5,412,511; Ягичъ указываетъ на число 5,762,241, какъ на самое достовѣрное. См. „Jihoslované. V Praze, 1864, 25“, и Ягича: „Histor. književnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga. Zagreb, 1867“, стр. 9—18.

Греція, своими сѣверными границами соприкасавшаяся съ нею, не замедлила основать по берегамъ ея, на Черномъ, Мраморномъ, Егейскомъ и Адріатическомъ моряхъ, многочисленныя поселенія, и окружить ее такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ своею гражданственностію. Но проходили вѣка, а гражданственность продолжала находить пріютъ только по берегамъ, не проникая внутрь этой земли. Долгое время она оставалась варварскою, малоизвѣстною страной, пока наконецъ пытливый отецъ исторіи не заглянулъ и въ нее и не сообщилъ довольно обстоятельныхъ, какъ увидимъ, свѣдѣній объ ея жителяхъ. Вскорѣ за нимъ эти свѣдѣнія были значительно пополнены Фукидидомъ, проводившимъ большую часть своего 24-хъ лѣтняго изгнанія во Фракіи. Отъ проникательнаго взгляда глубокомысленнѣйшаго историка Греціи не ускользнуло приближавшееся историческое значеніе этихъ варваровъ: онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на происходившихъ тогда движеніяхъ въ средѣ ихъ, отмѣчаетъ выдвинувшіяся въ этихъ движеніяхъ племена, указываетъ на могущество каждаго изъ нихъ, равно какъ и на взаимныя ихъ отношенія. Мастерскія топографическія замѣчанія, которыми онъ сопровождаетъ свой рассказъ объ этихъ племенахъ, отличаются поразительною точностью, что служитъ твердымъ ручательствомъ за достовѣрность его историческихъ и народописныхъ свѣдѣній о нихъ. Послѣ Фукидида, въ особенности съ того времени, какъ эти варвары, въ лицѣ Македонянъ, берутъ въ свои руки судьбы не только Греціи, но и всего почти историческаго міра, рѣдкій изъ историковъ и географовъ Греціи и Рима не сообщаетъ какихъ-либо извѣстій о нихъ. Сличая и сводя въ одно всѣ эти извѣстія, мы должны признать, что съ незапамятныхъ временъ въ занимающей насъ странѣ обитали многочисленные колѣна, составляющія три племенные группы: Фракійскую, Илирійскую и Македоно-Эпиротскую. На долю Фракійцевъ приходилась самая бѣольшая часть этой страны: они занимали бѣольшую половину ея, заключающуюся между Дунаемъ, Чернымъ, Мраморнымъ и Егейскимъ морями. На западъ ихъ отдѣляли отъ Илировъ, приблизительно, рѣка Дрина³⁾ и Болгарская Морава⁴⁾,

³⁾ Ptolem. II, 17.

⁴⁾ Западныя притоки этой рѣки шли, по Геродоту, изъ земли Илировъ. Herod. IV, 49.

хребетъ Карадага (Κερκίνη), Курбетская планина (Σκόριον)⁵⁾ и верхнее теченіе Струмы (Στρυμών). Въ нижнемъ теченіи этой рѣки они заходили далеко за правый берегъ ея, занимая почти всю приморскую, низменную, Македонію и часть Θεσσαλίας⁶⁾. Съ незапамятныхъ временъ Θρακίηцы занимали и часть Малой Азіи, на востокъ отъ Дарданель (Геллеспонта) и Мраморнаго моря до р. Кизиль-Ирмака (Галиса)⁷⁾. По словомъ Геродота, послѣ Индійцевъ Θρακίηцы самый многочисленный народъ⁸⁾. „Если бы этотъ народъ, замѣчаетъ онъ, управлялся волею одного, если бы онъ былъ воодушевленъ единомысліемъ, онъ былъ бы непобѣдимымъ и, по моему мнѣнію, самымъ могущественнымъ народомъ“. Но такого единства не было между Θρακίηцами, и достиженіе его казалось Геродоту не мыслимымъ. Они дробились на множество небольшихъ, враждебно расположенныхъ другъ къ другу, колѣнъ, изъ коихъ нашего особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія:

Геты, мужественнѣйшіе и правдивѣйшіе изъ Θρακίηцевъ⁹⁾. Во времена Геродота и Θουкидида они жили на сѣверъ отъ Балканскаго хребта, между Чернымъ моремъ и р. Янтрою (Ἰαντρος, Jantrus). На сѣверѣ жилища ихъ достигали до Дуная, за которымъ начинались уже жилища Скиѳовъ¹⁰⁾. Только въ четвертомъ вѣкѣ до Р. Хр. часть Гетовъ выселилась на сѣверъ отъ Дуная и основала тамъ обширное государство, занимавшее восточную часть нынѣшней Румыніи и побережье Чернаго моря до Днѣстра¹¹⁾.

Кровызы или Кробызы (Κρόβυζοι, Crobuzi), на западъ отъ Гетовъ, по теченію рѣкъ Вида и Осма (Ἀρτάνης, Νόης)¹²⁾,

⁵⁾ Θουκιδίδης называетъ эту гору μεθόριον Σιντῶν καὶ Παϊόνων (II, 98), изъ которыхъ первые принадлежали къ Θρακίηцамъ, послѣдніе же къ Πιριїіцамъ.

⁶⁾ Ἐχουσι Μακεδονίαν μὲν Θράκης καὶ τινὰ μέρος τῆς Θεσσαλίας. Strab. VII. Срав. Θουκιδ. II, 99.

⁷⁾ Тамъ помѣщались Θρακίηскія колѣна: Мизы, Фриги или Бриги, Лиды или Меоны, Мигдоны, Кары, Веврики, Медо-Венны, Виенны и Θивы. Strab. VI с. 3, 2.

⁸⁾ Θρηάκων δὲ ἔθνος μέγιστόν ἐστι μετὰ γὰρ Ἰνδοὺς πάντων ἀνθρώπων. Herod. V, 3.

⁹⁾ Οἱ Γέται... Θρηάκων ἐόντες ἀνδρεσιότατοι καὶ δικαιοτάτοι. Herod. IV, 93.

¹⁰⁾ Herod. IV, 49, 99; Thucid. II. 96; IV, 101.

¹¹⁾ Что только часть Гетовъ выселилась на лѣвый берегъ Дуная, а не все это колѣно, какъ думали и продолжаютъ думать многіе, это поставлено внѣ всякаго сомнѣнія изслѣдованіями Мюллengoфа. См. въ „Allgemeine Encyclopedie von Ersch und Gruber“, т. 64, S. 448—464.

¹²⁾ Herod. IV, 49.

У позднѣйшихъ писателей они упоминаются ближе къ Черному морю¹³⁾.

Трибаллы (Τριβάλλοι, Triballi), между р. Искромъ (Ὀσκιος, Oescus) и Дриною, слѣдовательно, въ нынѣшнемъ Княжествѣ Сербскомъ и въ западной части Болгаріи¹⁴⁾.

Между Кровызами и Трибаллами помѣщалось нѣсколько маленькихъ колѣнъ, изъ коихъ заслуживаютъ упоминанія: Мизы (Μύζοι, Mysi). Незначительное это колѣно, жившее по теченію р. Джибры или Цибрицы (Κιάμβρος, Cibrus), въ послѣдствіи получило громкую извѣстность: названіе его дано было Римлянами обширной области, заключавшей въ себѣ всю сѣверную половину Θракіѣйской земли.

Сатры (Σάτροι). По обоимъ склонамъ верхняго Родопа (Доспато-дагъ) жили, по Геродоту, Сатры¹⁵⁾. Θукидидъ, хорошій знатокъ этого края, не упоминаетъ о Сатрахъ, но на мѣстѣ ихъ онъ знаетъ Діевъ (Δίει), которыхъ прозываетъ меченосцами (μαχαροφόροι)¹⁶⁾. По мнѣнію Гана, названіе Сатры было, по всему вѣроятію, домашнимъ прозвищемъ этого колѣна, прозвищемъ, которое Θукидидъ передаетъ Греческимъ словомъ μαχαροφόροι и которое Геродотъ, по незнанію Θракіѣйскаго языка, ошибочно принялъ за настоящее ихъ названіе. Какъ бы то ни было, Сатры Геродота и Діи Θукидида суть названія одного и того же колѣна¹⁷⁾.

Виссы или Бессы (Βησσί, Bessi). Между Сатрами Геродотъ отличаетъ Бессовъ — прорицателей при святилищѣ Вакха¹⁸⁾ (Σαδάζιος), стоявшемъ на высочайшей изъ горъ Сатровъ (Zilmissos, нынѣшній Гѣзь-Тепе).¹⁹⁾ Бессами, по всему вѣроятію,

¹³⁾ Strab. VII, с. 5, 13; Ptolem. III, 10.

¹⁴⁾ Herod. IV, 49; Thuc. II, 96; IV, 101; Strab. VII, с. 5, 13.

¹⁵⁾ Herod. VII, 111.

¹⁶⁾ Thuc. II, 96.

¹⁷⁾ Ганъ основываетъ это предположеніе на томъ, что въ Албанскомъ языкѣ родственномъ, какъ увидимъ, Древне-Θракіѣйскому, слово сатър означаетъ ножъ, мечъ. Слово это существуетъ и въ Турецкомъ языкѣ въ такомъ же значеніи, но весьма вѣроятно, Турки познакомились съ нимъ уже на Балканскомъ полуостровѣ. См. „Albanes. Studien.“ I, 242. Предположеніе Гана намъ кажется правдоподобнѣе, чѣмъ мнѣніе Гильфердинга, что имя Сатры означало у Діевъ сословіе воиновъ, соотвѣтственно Древне-Индійскому кшатра-м. См. „Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ“, въ „Вѣстн. Европы“, 1868 г., Іюль, стр. 268.

¹⁸⁾ Βησσοὶ δὲ τῶν Σατρῶν εἰσὶ οἱ προφητεύοντες τοῦ ἱεροῦ. Herod. III, 111.

¹⁹⁾ Геродотъ замѣчаетъ, что τὸ μαντήιον τοῦτο ἔστι μὲν ἐπὶ τῶν οὐρέων τῶν ὀφηλοτάτων (VII, 111). Въ описаніи Татаръ-Пазарджійской области, изданномъ недавно Болгарскимъ писателемъ Захаріевымъ (Вѣна, 1870), читаемъ (стр. 7): „Найвысочій връхъ на (Родопската) планина ся намира въ Пазарджиската областъ, отъ Турцы-гы парѣченъ Гиозъ-тепе Тамо има великолѣпны развалины отъ мраморны зградя, посланы съ мозаикъ“.

называлось сословіе жрецовъ у этого колѣна, но въ послѣдствіи это сословное названіе вытѣснило собою племенное названіе Сатровъ или Діевъ, которые у позднѣйшихъ писателей извѣстны постоянно подъ именемъ Бессовъ. Отъ Бессовъ получилъ свое названіе, появившійся позднѣе въ ихъ странѣ, городъ Бессапара (недалеко отъ села Бѣлева въ Татарь-Пазарджійской области)²⁰).

Одризы, самое значительное изъ колѣнъ Θρακίϊσκη, жившихъ на югъ отъ Балканскаго хребта, занимали большую часть области р. Марицы (Ἐβρος, Hebrus). Главный городъ ихъ назывался Ускудамой (Uscudama) и лежалъ недалеко отъ нынѣшняго Адриянополя²¹).

Сапани или Синти (Σαπαῖοι, Σίντοι), по верхнему теченію Струмы (Стримона) и на восточномъ склонѣ Карадага (Καρκίνη), откуда часть ихъ въ древнѣйшія времена переселилась на берегъ Геллеспонта, около устья р. Месты (Νέστος)²²).

Изъ прочихъ Θρακίϊσκη колѣнъ, обитавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ, заслуживаютъ вниманія: Кораллы (Κοράλλοι), жившіе на востокъ отъ Діевъ или Бессовъ; Неропы (Neropes), по верхнему теченію Вардара (Ῥαξιῶς), въ окрестностяхъ Кратова, Скопѣи и Штина²³; Киконы (Κίχονες, Cicones), страну которыхъ Овидій называетъ родиной Орфея²⁴), по нижнему теченію Марицы, и Долонки (Δόλογχοι) на Θρακίϊσκη Херсонесѣ. На западъ отъ р. Струмы, въ приморской части Македоніи, обитали также Θρακίϊσκη колѣна: Базалты, Ботіеи и Піеры. Послѣдніе, у которыхъ Греки заимствовали служеніе Музамъ, достигали своими жилищами до Олимпа²⁵).

Къ западу отъ Θρακίϊσκη, въ сѣверозападномъ углу, заключающемся между р. Савою и Адриатическимъ моремъ, помѣщались колѣна Илирійскія, простираясь на югъ до предѣловъ Македоно-Эпиротовъ. Ганъ, тщательно провѣрившій свидѣтельства древнихъ объ южной границѣ Илировъ, прини-

²⁰) Захаріева, „Описаніе на Татарь-Пазардж. кааза,“ 25, 56.

²¹) Eutrop. VI, 8; Ammian. Marcel. XIV, 11.

²²) Mannert: „Geographie der Griech. und Römer, VII. Landshut, 1812“, S. 40—41, и Шафарика: „Výklad pomístných jmen u Bulgarův.“ См. „Sebr. Spisy,“ III, 74—75.

²³) См. обстоятельное изслѣдованіе Шафарика о Неропахъ въ его „Славянскихъ Древностяхъ“, перев. О. М. Бодянского. I, кн. II, стр. 318—320.

²⁴) Metamorph. X, 2, 3.

²⁵) Περία γάρ καὶ Ὀλύμπου.... τὸ παλαιὸν ἦν Θράκεια χωρία καὶ ὄρη. Strab. ed. Didot. 331.

маеть за таковую р. Шкумбъ (древн. Genusus, Genesis), считающуюся въ настоящее время границей между обѣими половинами Албанскаго народа²⁶⁾. По побережью Адриатическаго моря съ сѣвера на югъ обитали:

Истры (Ἰστριοί), на Истрійскомъ полуостровѣ, съ главнымъ городомъ Тергестъ, нынѣ Триестъ; Яподы (Ἰάποδες), въ нынѣшнемъ Хорватскомъ приморьѣ; Либурны, между рѣками Зерманой (Tedanius) и Кръкомъ (Titius, у Страбона Κορκόρας); Далматы (Δαλμάται), между Кръкомъ и Неретвою; Илиры въ собственномъ смыслѣ, между Неретвою и Шкумбомъ, въ нынѣшней сѣверной Албаніи или краѣ Геговъ. На востокъ отъ этихъ прибрежныхъ Илировъ простирались жилища Илировъ средоземныхъ, изъ колѣнъ которыхъ замѣчательнѣйшія были: Ауторіаты, самое многочисленное, по Старбону, и самое мужественное колѣно Илировъ²⁷⁾, на сѣверъ отъ горы Шара (Scardus) и Карадага: знаменитое Косово поле и его окрестности находились въ ихъ странѣ. Дарданы (Δάρδανοι), восточные сосѣды Ауторіатовъ, въ области р. Болгарской Моравы²⁸⁾, и Пеоны, по верховьямъ рѣкъ Вардара (Ἀξιούς) и Струмы. Въ Пеоніи находились города: Билазора (Βυλαζῶρα, Bylazora), около нынѣшняго Велеса²⁹⁾, и Доберъ (Δόβηρος)³⁰⁾.

Въ Эпирѣ и горной Македоніи, по верховьямъ Бистрицы (Ἀλιάκμων), Карашмака (Λυδίης, Λουδίας), Дѣвола (Эригона) и въ окрестностяхъ озеръ: Охридскаго, Преспенскаго и Костурскаго, обитали Македоно-Эпироты; изъ колѣнъ ихъ намъ слѣдуетъ назвать: Долоповъ, сидѣвшихъ въ юго-восточной части Эпира, на востокъ отъ р. Ахелоя (Аспропотамо)³¹⁾, и Линкестовъ (Λυγκηστοί), на юго-западъ отъ Пеоновъ, по верховью Дѣвола и въ окрестностяхъ Охридскаго озера (Λυχνιδία λίμνη). Линкесты, какъ и прочіе жители горной Македоніи, по свидѣтельству Страбона, не отличались отъ Эпи-

²⁶⁾ „Albanes. Stud.“ I, 217; сл. и „Reise von Belgrad nach Salonik. Wien.“ 1868, S. 244.

²⁷⁾ Αὐτοριᾶται μὲν οὖν τὸ μέγιστον καὶ ἄριστον τῶν Ἰλλυριῶν ἔθνος ὑπῆρξεν. Strab. VI. с. 5, 12.

²⁸⁾ См. статью Гана: „Strabo über die Sitze der Illyrier“, въ „Reise von B. nach Salon“. S. 235—245.

²⁹⁾ Впервые городъ этотъ упоминается у Поливіа подъ 216 г. V, с. 20.

³⁰⁾ Впервые у Фукидида II, 98. По мнѣнію Пуквиля, онъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Палеохори, II, р. 370.

³¹⁾ Въ средніе вѣка Долонія называлась Верхнею Влахию, Ἀνώβλαχα. См. у Рёслера: „Romän. Stud.“ S. 105.

ротовъ ни одеждой, ни обычаями, ни языкомъ, что давало поводъ нѣкоторымъ и Эпиръ называть Македоніею³²⁾.

Около Р. Хр. Римляне застали на Балканскомъ полуостровѣ Кельтское племя Скордисковъ, Нѣмецкое Бастарновъ, а также и нѣкоторыя другія племена, относимыя древними писателями къ Скиѣамъ и Сарматамъ. Но какъ Скордиски и Бастарны, такъ и Скиѣы съ Сарматами, начали проникать сюда въ очень позднее время, съ конца IV, или съ начала III в., до Р. Хр. Переселеніе ихъ совершилось на глазахъ достовѣрной исторіи, которая, до времени Александра Великаго, кромѣ колѣнъ, принадлежавшихъ къ выше означеннымъ тремъ племеннымъ цѣлымъ, не знаетъ никакихъ другихъ этнографическихъ стихій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ эту же позднѣйшую пору совершилось и смѣшеніе Илирійскихъ Янодовъ, которые казались Старбону помѣсью Илировъ съ Кельтами³³⁾. Тогда же произошло, замѣченное этимъ же писателемъ, смѣшеніе нѣкоторыхъ Θρακίϊйскихъ колѣнъ съ Кельтскими и Скиѣскими переселенцами³⁴⁾.

Есть писатели, которые утверждаютъ, что уже съ древнѣйшихъ временъ на Балканскомъ полуостровѣ, подлѣ колѣнъ, принадлежавшихъ къ названнымъ тремъ разрядамъ (Θρακίϊскому, Илирійскому и Македоно-Эпиротскому), обитали и другія племена, принадлежавшія къ другимъ народностямъ. Но такое утвержденіе основывается на данныхъ, прочность которыхъ рушится отъ малѣйшаго прикосновенія къ нимъ критики. Шафарикъ также былъ сторонникомъ этого мнѣнія, въ пользу котораго главнымъ образомъ склонили его, какъ выражается онъ, „свидѣтельства древнихъ, увѣряющихъ, что въ тѣхъ краяхъ обитали люди, говорившіе разными языками“³⁵⁾. При этомъ онъ дѣлаетъ ссылку на единственное свидѣтельство такого рода, а именно: на „Житіе Св. Θεοδοσία Παλαιστίνσкаго“, въ которомъ „объ языкѣ Бессовъ говорится, какъ о самостоятельномъ и отличномъ отъ языка прочихъ Θρακίϊйцевъ“³⁶⁾. Но не слѣ-

³²⁾ Ἐνιοὶ δὲ καὶ σύμπασαν τὴν μέχρι κερκύρας Μακεδονίαν προσαγορεύουσιν αἰτιολογοῦντες ἅμα ὅτι καὶ κουρᾷ καὶ διαλέκτῳ καὶ γλαυῶδι καὶ ἄλλοις τοιοῦτοις χρῶνται παραπληρώως. Starb. VII, с. 7, 9.

³³⁾ . . . μέχρι τῶν Ἰαπόδων, ἐλτικῶς τε ἅμα καὶ Ἰλλυρικῶς ἔθνους. Starbo, VII, с. 5, 2.

³⁴⁾ Τὰ Θράκια καὶ εἰ τίνα τούτοις ἀναμείχεται Σκυθικὰ ἢ Κελτικὰ. VII, с. 5, 1.

³⁵⁾ „Славянскія Древности“, перев. О. М. Бодянского, I. кн. I, стр. 422.

³⁶⁾ Тамъ же.

довало упускать изъ виду, что Св. Θεодосій подвизался въ V-мъ в. нашего лѣтосчисленія, а Житіе его писано еще позднѣе³⁷⁾, и по тому свидѣтельства этого, далеко не древняго, памятника, никакъ не могутъ служить основаніемъ для выводовъ о составѣ древнѣйшей этнографической формаціи этого края, которая, какъ увидимъ, въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія должна была уступить свое мѣсто другой, Романской формаціи. И не подлежитъ сомнѣнію, что свидѣтельство „Житія Св. Θεодосія“ указываетъ только на то, что и Бессы были изъ числа тѣхъ немногихъ Θρακίйцевъ, которые долѣе другихъ своихъ соплеменниковъ не поддавались тѣснившему ихъ отовсюду ороманенію; что и въ V-мъ вѣкѣ еще они сохраняли свой языкъ, который, естественно, составителю „Житія“ казался особеннымъ отъ Латинскаго языка, во время его господствовавшего во Θρακίи.

Съ особеннымъ усиленіемъ старался доказать разноплеменность древнѣйшаго населенія Θρακίи Г. Куно въ новѣйшемъ своемъ изслѣдованіи о Скиѣахъ. Онъ подбираетъ цѣлый рядъ „прямыхъ и косвенныхъ свидѣтельствъ древнихъ“, которымъ и удостовѣряется, что населеніе Θρακίи было не однородно; что тамъ, съ древнѣйшихъ временъ, подлѣ другихъ племенъ, обитали и Скиѣы³⁸⁾. Чтобы дать понятіе о свойствѣ этихъ свидѣтельствъ, равно какъ и объ обращеніи съ ними Куно, мы остановимся на слѣдующихъ двухъ, считаемыхъ имъ, самыми важными:

Во первыхъ, Страбонъ, указывая на то, что Гомеръ называетъ Гиппомолговъ, Галлактофаговъ и Абіевъ сосѣдями Мизовъ, предполагаетъ, что подъ этими племенами поэтъ разумѣлъ Скиѣовъ и Сарматовъ (οἱ ἀράξιοι Σκύθαι καὶ Σαρμάται), которые, во время Страбона, въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр., жили на правомъ берегу Дуная, въ Мизіи, между тамошними Θρακίйцами³⁹⁾. Это предположеніе Страбона Куно считаетъ достаточнымъ основаніемъ для утвержденія, что еще во времена Гомера Скиѣы и Сарматы обитали разсѣянно между Θρακίй-

³⁷⁾ См. въ „Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1871. IV, 36.

³⁸⁾ Johan G. Cuno: „Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde;“ 1 Th. Die Skythen. Berlin, 1871, V. 274, 336.

³⁹⁾ Τοὺς Ἱππομόλῳους καὶ Γαλακτοφάγους καὶ ἀβίους συνῆψεν αὐτοῖς (τοῖς μισοῖς), οἵπερ εἰσὶν οἱ ἀράξιοι Σκύθαι καὶ Σαρμάται. καὶ νῦν ἀναμείκται ταῦτα τὰ ἔθνη τοῖς Θραξί. Strab. VII, c. 3—2.

цами⁴⁰⁾. Излишнимъ считая доказывать несостоятельность такого ученаго приема, замѣтимъ лишь, что не только во времена Гомера, но и въ гораздо позднѣйшія времена, на занимающемъ насъ полуостровѣ никакихъ Скиѳовъ и Сарматовъ не было и не могло быть. Какъ мы имѣли уже случай сказать, они стали проникать на правый берегъ нижняго Дуная не прежде второй половины IV столѣтія до Р. Хр. Геродотъ, лучший знатокъ Скиѳовъ, и Фукидидъ, столь близко знакомый съ современнымъ ему населеніемъ полуострова, довольно опредѣленно указываютъ на то, что во времена ихъ Скиѳскій міръ простирался на югъ только до Дуная⁴¹⁾.

Не менѣе бездоказательно и другое свидѣтельство, приводимое Куно въ подтвержденіе глубокой древности Скиѳскихъ поселеній на Балканскомъ полуостровѣ. Оно заключается въ слѣдующемъ: Арріанъ называетъ города Одессосъ, Месемврію и Анхіалъ, изъ коихъ первый лежалъ на сѣверѣ, послѣдніе же на югъ отъ Балканскаго хребта, Греческими городами въ Скиѳіи⁴²⁾. Но, указывая на это свидѣтельство, Куно упускаетъ изъ виду, что Арріанъ писалъ въ 2-мъ вѣкѣ по Р. Хр., когда имя Скиѳовъ употреблялось Греками уже въ нарицательномъ значеніи, какъ общее названіе для всѣхъ Сѣверныхъ варваровъ вообще⁴³⁾, въ томъ числѣ и для ближайшихъ къ нимъ Трако-Илирійцевъ. Имъ упущено изъ виду и то, что во 2-мъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія племенной составъ населенія Тракіи былъ далеко не тотъ самый, какимъ былъ въ ту отдаленную старину, къ которой онъ возводитъ начало Скиѳскихъ поселеній въ ней.

Таковы главнѣйшія историческія свидѣтельства, въ которыхъ Куно ищетъ подтвержденія своему мнѣнію, что Скиѳы, въ которыхъ онъ не сомнѣвается видѣть Лето-Славянъ, съ

⁴⁰⁾ „Endlich wohnen noch in Europa Skythen und Sarmaten sporadisch unter den Thrakern, wo sie schon bei Homer unter den Namen Hippomolgen, Galaktogen und Abier erscheinen.“ Ibid. S. 114. При этомъ Куно дѣлаетъ ссылку на выше приведенное нами мѣсто изъ Страбона, которое называетъ „wichtige Stelle“. S. 232.

⁴¹⁾ Herod. IV, 49, 99. Thucyd. II, 96. За точность свидѣній Геродота объ этомъ предметѣ говорить, между прочимъ, то, что отъ вниманія его не ушли и столь извѣстные комары, густыми кучами водящіеся на лѣвомъ берегу нижняго Дуная. *ὡς δὲ λέγουσι θρήϊκες, μέλισσαι κατέχουσι τὰ πέτρην τοῦ Ἰστρου, καὶ ὑπὸ τούτων οὐκ εἶναι διελθεῖν τὸ πρῶτον.* V, 10.

⁴²⁾ Arriani Periplus Ponti Euxini, въ „Geogr. graeci minores, ed Didot.“ I, 400.

⁴³⁾ Куно не только здѣсь, но и вообще, упускаетъ изъ виду эту общеизвѣстную истину. См. разборъ его книги въ „Litterarisches Centralblatt“, 1871, 41.

незапамятныхъ временъ составляли одну изъ главныхъ стихій населенія Балканскаго полуострова. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, какъ свидѣтельство, на которомъ основывался Шафарикъ, такъ и свидѣтельства, собранныя съ такою заботливостію Куномъ, ни сколько не подтверждая вывода о разноплеменности населенія занимающей насъ страны, еще болѣе утверждаютъ насъ въ положеніи, что древнѣйшее ея населеніе состояло исключительно изъ колѣнъ означенныхъ выше трехъ племенныхъ группъ, а именно: Оракійской, Илирійской и Македоно-Эпиротской.

До насъ дошли весьма немногія извѣстія о жизни и бытѣ этихъ трехъ племенъ. По этимъ извѣстіямъ не возможно составить себѣ сколько ни будь полнаго представленія объ ихъ народности. Кромѣ недостаточности въ количественномъ отношеніи, извѣстія эти не представляютъ какихъ ни будь особенныхъ чертъ, которыя не встрѣчались бы и у многихъ другихъ племенъ, очень отдаленныхъ другъ отъ друга, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнологическомъ, отношеніяхъ⁴⁴⁾. При такой особенности этихъ извѣстій оказывается невозможною всякая попытка на основаніи ихъ дѣлать какія ни есть этнологическія сближенія и выводы⁴⁵⁾. Древніе писатели тщательно, хотя и не всегда удачно, отличающіе другъ отъ друга эти три племена, не сообщили намъ своихъ основаній, которыми они руководились при этомъ отличіи, не оставили почти никакихъ опредѣленныхъ данныхъ изъ языка этихъ племенъ. Нѣсколько мѣстныхъ названій (рѣкъ, горъ и другихъ мѣстностей), нѣсколько личныхъ именъ, вмѣстѣ съ названіями колѣнъ, десятка два другихъ словъ, сохраненныхъ лексикографомъ Исихіемъ⁴⁶⁾, вотъ и весь язычный запасъ, завѣщанный намъ древностію, для опредѣленія языка Оракійцевъ, Илировъ и Македоно-Эпиротовъ. Матеріаль, нужно прибавить, весьма неопредѣленный, туго поддающійся разложенію на составляющія его части (анализу) и дающій охотникамъ до этимологической игры обильную пищу для самыхъ разнообразныхъ выводовъ.

⁴⁴⁾ Сл. Тайлора: „Доисторическій бытъ человѣчества“, гл. X.

⁴⁵⁾ Тѣмъ не менѣе, однако, охотники до подобныхъ попытокъ и до сихъ поръ не переводятся. Еще недавно Рёслеръ доказывалъ, на основаніи этихъ извѣстій, что Оракійцы „zeigen mit Scythen und Sarmaten denselben Rassentypus“. *Romän. Stud. Wien*, 1871, S. 52—62.

⁴⁶⁾ Hesychios, ed. M. Schmidt, II. 257; Thunmann: „Untersuchungen über die Geschichte der oestlich europ. Voelker“, S. 240—50.

Съ этимъ матеріаломъ однимъ мы навсегда бы остались въ неизвѣстности относительно занимающаго насъ здѣсь вопроса, уясненіе котораго такъ важно для Славянскихъ древностей. Къ счастью, однако, въ новѣйшее время наука обогатилась новыми данными для рѣшенія этого вопроса, данными болѣе точными, болѣе опредѣленными: мы разумѣемъ итоги ближайшаго ознакомленія съ языками Шкипетаровъ (Албанцевъ) и Румуновъ.

Языкъ Шкипетаровъ дѣлится на два нарѣчія: сѣверное или нарѣчіе Геговъ, и южное или нарѣчіе Тосковъ. Эти два нарѣчія на столько различны между собою, что сѣверный Албанецъ, Гегъ, безъ большихъ усилій не можетъ понимать южнаго, Тоска, и на оборотъ. Границею между ними служить рѣка Шкумбъ, отдѣлявшая, какъ было уже замѣчено, въ древности Илировъ отъ Македоно-Эпиротовъ⁴⁷⁾. Въ настоящее время, благодаря изслѣдованіямъ добросовѣстнаго и крайне осторожнаго въ своихъ выводахъ Гана, посвятившаго всю жизнь свою всестороннему изученію этихъ двухъ, взаимно непріязненныхъ и различныхъ по языку и вѣрѣ, половинъ Албанскаго народа, не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что Гегы, живущіе на сѣверъ отъ р. Шкумба — потомки древнихъ Илировъ, Тоски же — потомки Македоно-Эпиротовъ. Гегы и Тоски въ настоящее время занимаютъ западную горную окраину Балканскаго полуострова, заключенную между Скадарскимъ озеромъ, Адриатическимъ моремъ, Пиндомъ и заливомъ Артскимъ. Только въ этой горной неприступной странѣ могли сохраниться Илирійцы и Македоно-Эпироты⁴⁸⁾. На востокъ и на сѣверъ отъ нея они, какъ увидимъ, должны были уступить свои жилища новымъ народамъ. Такимъ образомъ мы можемъ теперь съ достовѣрностію утверждать, что Илиры и Македоно-Эпироты были родственными племенами, вѣтвями одного и того же народа, языкъ котораго и понынѣ живетъ въ устахъ Шкипетаровъ. Въ какомъ же отношеніи стояла къ этой народности народность Оракійцевъ? Довольно опредѣленные данныя для рѣшенія этого вопроса сохранились намъ въ языкѣ Румунскомъ. Извѣстно, что нынѣшніе Румуны если не исключительно, то, по крайней

⁴⁷⁾ Hahn, „Albanes. Stud.“ I, 217; „Reise von Belgr. nach Salon. 214. Макушева: „Историческій розысканія о Славянахъ въ Албаніи. Варшава, 1871“, стр. 1.

⁴⁸⁾ Zeuss, „Die Deutschen und die Nachbarstämme“. München. 1837, S. 257—258.

мѣръ, въ значительной степени суть потомки древнихъ Оракійцевъ, подвергшихся ороманенію подъ владычествомъ Рима. Въ языкѣ ихъ естественно должна была сохраниться стихія первоначальнаго ихъ языка, какъ она сохранилась, на примѣръ, въ языкѣ ороманенныхъ Галловъ, т. е. Французовъ⁴⁹⁾. Еще Тунманъ, перепечатывая изъ „Протопиріи“⁵⁰⁾ Москопольскаго Протопопа Каваліоты сравнительный Албано-Румунскій словарь, состоящій изъ 1070 словъ, замѣтилъ, что въ Румунскомъ словарѣ, за исключеніемъ Латинской стихіи, занимающей въ ней ровно половину, за исключеніемъ и словъ, вошедшихъ изъ языковъ: Греческаго, Готскаго, Славянскаго и Турецкаго, оставалась еще стихія, $3\frac{1}{16}$, въ которой онъ подмѣтилъ большое сходство съ Албанскимъ языкомъ⁵¹⁾. Новѣйшія изслѣдованія въ области Румунскаго языка не только увеличили число данныхъ этого рода, но открыли и въ самомъ устроѣ его поразительныя сходства съ Албанскимъ языкомъ. Мы ограничимся здѣсь приведеніемъ болѣе знаменательныхъ.

Изъ звуковаго согласія между этими двумя языками слѣдуетъ замѣтить:

1. Наклонность ихъ къ темнымъ звукамъ, соотвѣтствующимъ Англійскимъ *i*, *u* въ словахъ birth, bird, but, ugly и т. п. Эти звуки сильно распространены въ языкѣ Румуновъ, которые, до изгнанія Кириллицы, изображали ихъ буквами ъ и ѡ, нынѣ же они изображаютъ ихъ такимъ образомъ: *e*, *u*. Въ первый изъ этихъ звуковъ, по замѣчанію Дица, можетъ переходить всякая гласная и передъ каждой согласной: *ѣст* (iste), *сѣнѣтат* (sanitas), *пѣкат* (peccatum), *кѣтрѣ* (contra), *рѣтѣнд* (rotundus)⁵²⁾ и пр. Во второй же, по изслѣдованіямъ Мусафія, переходятъ гласныя *a*, *e*, *i*, *o*, *ѡ* передъ *n* и *m*⁵³⁾: *кѣне* (canis), *пѣне* (panem), *мѣне* (mane), *кѣмѣ* (campus), *гѣнѣ* (confluo), *лѣнгѣ* (longe), *пѣмѣне* (pulmonem) *сѣнт* (sunt), *мѣнтѣ* (minor), *стрѣнгѣ* (stringo), *вѣнтѣ* (ventus). Этими звукамъ съотвѣтствуетъ въ Албанскомъ языкѣ звукъ *ε* = *ѣ*, въ которомъ онъ

⁴⁹⁾ „Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1856“. I, 117.

⁵⁰⁾ Эта книжка, составленная съ цѣлю ознакомленія Грековъ съ Албанскимъ и Румунскимъ языками, а отчасти и съ Болгарскимъ, издана въ Венеціи въ 1770 году.

⁵¹⁾ Тунманъ, „Untersuchungen über die Geschichte der oestlich.-eur. Voelker“, S. 399.

⁵²⁾ Дицъ, „Gram. d. rom. Sp.“, S. 336.

⁵³⁾ Mussafia, „Zur rumänischen Vocalisation“, въ „Sitzungsber. der phil.-hist. Clas. d. k. Akad. der Wiss. Wien, 1868, März“. 140—145.

также имѣеть весьма сильное развитіе⁵⁴): **перънд** (Богъ), **аръм** (оружіе), **шпърес** (надежда), **анъмик** (непріятель) и др.

2. Растяженіе гласныхъ, иначе сказать обиліе двугласныхъ, также составляетъ весьма отличительное свойство Румунскаго языка. Гласныя: **е**, **і**, **а**, когда гласная слѣдующаго за ними слога есть **е** или **ъ** (**е**, **е'**) растягиваются въ двугласную **еа**⁵⁵): **кѣле** (pellis), **пеаръ** (pirum), **вѣде** (videt), **крездъ** (бразда), **неагръ** (nigrum), **стеангъ** (stange). Буква **о** и **ѳ** растягиваются въ **оа** и **аѳ**: **оаръ** (hora), **коажъ** (кожа), **ѳоартѣ** (fortis), **даѳ** (do), **стаѳ** (sto), **поартъ** (porta), **ѳлоаръ** (flore), **доармиъ** (dormio)⁵⁶. Въ Албанскомъ звукословіи мы также находимъ и это свойство: **таѳлареа** (тарелка); **каѳлемъ** (кашляю), подлѣ существительнаго **колъа** (кашель), **кѳарръ** и **корр** (жну), **вѳал-и**, Гег. **вѳа** (буйволъ)⁵⁷.

3. Носовой звукъ свойственъ какъ Албанскому, такъ и Румунскому языкамъ: въ первомъ онъ является преимущественно въ началѣ словъ, но встрѣчается перѣдко и въ серединѣ ихъ⁵⁸): **мбрѳагъ** (мѣситъ), **мплъот** (наполняю), **ндрѣки** (выпрямляю, rectum reddo), **омкоръ** (Болг. оборъ, хлѣвъ). Въ Румунскомъ: **ендрѣнтъ** (dirigo), **емпърат** (imperator), **пътрѳнде** (pertrudere) и пр.⁵⁹

Изъ сходствъ форменныхъ мы укажемъ пока на слѣдующія два:

Обоимъ сравниваемымъ языкамъ присущъ членъ, способъ употребленія котораго одинаковъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ: оба приставляютъ его къ концу именъ⁶⁰). Въ Албан. (для муж. р. и, для женск. **е**); **кир-и** (итал. il figlio), **коиза-е** (la figlia). Въ Рум. (**ле**, **л** для муж., **а**, **оа**, для женск.): **татъа** (il padre), **динти-ле** (il dente), **ѳлоареа** (il fior), **стеа-оа** (la stella).

⁵⁴) Alban. Stud. II. 3--9.

⁵⁵) Musafia ibid. 121—131.

⁵⁶) Дицъ, „Gram. d. rom. Spr.“ I, 341—342.

⁵⁷) См. въ Словарѣ Гана.

⁵⁸) Albanes. Stud. II, 5.

⁵⁹) Миклошича: „Die Slawischen Elemente im Ruminischen“, S. 7. См. у Дица I, S. 344. Носовой звукъ встрѣчается еще во многихъ Румунскихъ словахъ, заимствованныхъ изъ Славянскаго языка; см. Миклошича: „Lautlehre“, S. 45. Мы исключаемъ подобныя слова изъ нашихъ примѣровъ, такъ какъ носовые звуки въ нихъ, безъ сомнѣнія, Славянскаго происхожденія.

⁶⁰) Alban. Stud. S. 27—48; Дицъ, „Gram. der rom. Spr.“ II, 49—50. Итальянскій албанологъ, Д. Камарда, предполагаетъ „essere l'articolo di fondo latino nel rumeno, di fondo Greco nell'Albanese“. См. „Appendice al saggio di Gram. comparata sulla lingua Albanese. Prato, 1866“, p. LIII. Но такое предположеніе не выдерживаетъ никакой критики.

Для описанія будущаго времени Румунскій языкъ пользуется глаголомъ, означающимъ хотѣть (*velle*), а не имѣть (*habere*), какъ прочія Романскія нарѣчія. То же самое мы находимъ и въ Герскомъ нарѣчій Албанскаго языка⁶¹⁾.

Относительно сходства въ словарѣ этихъ языковъ замѣчено, что всѣ не Латинскія и не Славянскія слова въ Румунскомъ, которыя нельзя объяснить другимъ какимъ либо позднѣйшимъ наслоеніемъ, имѣютъ большое сходство съ Албанскими словами. Миклошичъ приводитъ около 50 такихъ словъ, которыя большею частію употребляются даже въ одинаковомъ значеніи и въ обоихъ сравниваемыхъ языкахъ⁶²⁾, но этими 50-ю словами далеко еще не исчерпано все словарное сходство между ними.

При этихъ данныхъ, весьма убѣдительно свидѣтельствующихъ о ближайшемъ сходствѣ Эракійцевъ съ ихъ западными сосѣдями—Илирами и Македоно-Эпиротами, получаютъ нѣкоторую доказательную силу еще и слѣдующія данныя, завѣщанныя намъ древностію. Въ землѣ Эракійцевъ, какъ мы видѣли, находились города Ускадама и Бессапара. Первая часть очевидно сложнаго слова — Ускадама повторяется и въ названіи города Илирійскихъ Пенестовъ - Ускана⁶³⁾. Названія городовъ съ окончаніемъ на пара встрѣчаются и въ землѣ Илировъ: Дардупара въ Дарданіи, Муципара и пр.

Многіе изъ древнихъ писателей смѣшиваютъ колѣна Илирійскія съ Эракійскими, и на оборотъ. Такъ Илирійскихъ Дардановъ Діонъ Кассій относитъ къ Мизійскому племени, слѣдовательно, къ Эракійцамъ, Стефанъ же Византійскій называетъ города Дардановъ Нишъ и Скопіе Эракійскими городами. Тотъ же Стефанъ, на оборотъ, Эракійскихъ Трибаловъ считаетъ Илирами. Неоновъ и Фриговъ нѣкоторые называютъ Илирами, иные Эракійцами; Истры, самое западное племя Илирское, причисляются Скимномъ Хіоскимъ къ Эракійцамъ. Скилаксъ и Аппіанъ называютъ Эпиротское племя Антиталовъ Илирскимъ племенемъ, и такъ далѣе. Это смѣшеніе не слѣдуетъ объяснять только невѣдѣніемъ писателей, какъ полагаетъ

⁶¹⁾ Миклошича, „Die Slaw. Elem. im Rum.“, S. 6.

⁶²⁾ Тамъ же 8—10.

⁶³⁾ Пенесты жили по теченію р. Дрина. Городъ Ускана находился на мѣстѣ нынѣшняго Воскополя.

Ганъ⁶⁴⁾; къ нему, по замѣчанію Цейса, могло служить поводомъ и ближайшее сродство этихъ двухъ племенныхъ группъ⁶⁵⁾. Это сродство засвидѣтельствовано нѣсколько и непосредственными историческими указаніями. Стефанъ Византійскій сохранилъ намъ извѣстіе, почерпнутое имъ у Ѡаворина и Эратосѣена, что Илирійскіе Ардіеи и Ауторіаты нѣкогда обитали во Ѡракіи, откуда въ послѣдствіи выселились на западъ⁶⁶⁾. Укажемъ еще и на общій, какъ Ѡракійцамъ, такъ и Илирамъ, обычай татуированія, обычай, отмѣченный Страбономъ, какъ отличительная черта и тѣхъ и другихъ⁶⁷⁾. Всѣ эти свидѣтельства, дополняя собою язычныя данныя, почерпнутыя изъ Румунскаго и Албанскаго языковъ, сообщаютъ значительную поддержку выводу, что языкъ Ѡракійцевъ былъ родственнымъ языкамъ Илировъ и Македоно-Эпировъ. Эти три племенные группы, съ незапамятныхъ временъ занимавшія Балканскій полуостровъ, были связаны самымъ близкимъ племеннымъ сродствомъ, были разными вѣтвями одного и того же народа, языкъ котораго и по нынѣ продолжаетъ жить въ языкѣ Шкипетаровъ.

Многочисленный нѣкогда народъ Ѡракійцевъ, а отчасти и единоплеменные съ ними Илиры и Македоно-Эпироты, раздѣлили участь исчезнувшихъ народностей. Къ этой участи они пришли частію путемъ постепеннаго вымиранія, частію же черезъ сліяніе съ иноплеменниками. Самый бѣглый очеркъ исторіи ихъ судебъ не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Главнымъ дѣятелемъ въ разложеніи народности этихъ племенъ является прежде всего ихъ общественный бытъ, въ силу котораго они дробились на множество маленькихъ колѣнъ, непріязненно расположенныхъ другъ къ другу. И такъ крѣпка была, видно, ихъ мѣстная рознь, такъ сильно она поддерживала взаимную вражду между ними, что еще Геродотъ положительно увѣряетъ о невозможности соединенія ихъ во имя общаго блага⁶⁸⁾. Служа источникомъ непрерывныхъ усобицъ, въ которыхъ эти колѣна взаимно истребляли другъ друга, этотъ раз-

⁶⁴⁾ Alban. Stud. I, 219.

⁶⁵⁾ Die Deutschen etc. S. 250.

⁶⁶⁾ См. „Бѣлевскаго, „Rzut oka na dotychczasową pierwotną polską Historią“. 71.

⁶⁷⁾ *ἐκ πόδες . . . κατὰ στήθεσιν δ' ὁμοίως τοῖς ἄλλοις Ἰλλυριοῖς καὶ Ὀραξί.* Strab. VII, c. 5—4.

⁶⁸⁾ . . . τοῦτο ἄπορόν σφι καὶ ἀμήχανον μὴ κατεῖργένηται. Herod. V, 3.

розненный бытъ не далъ утвердиться между ними прочному государственному порядку, который бы обезпечилъ имъ само-бытное историческое развитіе. Послѣ Персидскихъ войнъ обнаружилось стремленіе къ созданію такого государственнаго строя; начинателями этого стремленія одновременно почти являются Θракійскіе Одризы и жители горной Македоніи. Князь Одризовъ, Тересъ (Τήρης), успѣлъ соединить подъ своею властью большую часть Θракійскихъ колѣнъ и оставилъ своему сыну, Ситалку (Σιτάλκης), значительное государство, которое могло выставить въ 431 году противъ Македонскаго Царя Пердики, полтораста тысячъ войска⁶⁹⁾. При преемникѣ Ситалка, Сейѳѣ (Σεΐβης), оно достигло высшей степени могущества и прости-ралось съ юга на сѣверъ отъ Абдеры до Дуная, съ востока же на западъ отъ береговъ Босфора до Стримона⁷⁰⁾. Но вскорѣ по смерти Сейѳа эта могущественная держава рушится съ такою же быстротою, съ какою была воздвигнута. Только что вошедшія въ составъ ея колѣна снова возвращаются къ прежнему разрозненному общественному быту. Нѣсколько счастливѣе оказалась попытка Македоніи. Послѣ долгихъ усилій ей удалось соединить почти всѣхъ Θрако-Илировъ въ одно государственное цѣлое. Но и это объединеніе, достигнутое путемъ большихъ кровопролитій, оказалось призрачнымъ. Громкія побѣды Александра Великаго въ Азійи и Афрікѣ, стоившія Θрако-Илирамъ многихъ жертвъ⁷¹⁾, ничего не сдѣлали для скрѣпленія внутреннихъ узъ этого политическаго тѣла, и оно рушится со смертію Александра. Насильственное призрачное объединеніе только еще болѣе раздуло въ средѣ этихъ племенъ духъ самоистребленія. На первомъ планѣ борьба за возвращеніе къ старымъ порядкамъ, война, сопровождаемая всѣми ужасами мщенія Македоніи, нарушительницѣ этихъ порядковъ. До какого ожесточенія доходила эта война, можно судить изъ мимоходомъ сдѣланнаго Поливіемъ указанія на произведенную ею Илирій-

⁶⁹⁾ Thucid. II, 95. Curtius, „Griechische Geschichte. Berlin“, 1867, t. III, S. 392—393.

⁷⁰⁾ Thucid. II, 97.

⁷¹⁾ Извѣстно, что ядро войска, покорившаго Александру югозападную Азію и Египетъ, состояло изъ Македонянъ, Одризовъ, Трибаловъ, Пеоновъ и другихъ Θракійцевъ и Илировъ. Diodor. XVII, с. 17. Почти весь этотъ цвѣтъ населенія Балканскаго полуострова не возвращался болѣе на родину. Припомнимъ, что и во время Діадоховъ страна эта лашилась не одной тысячи своихъ храбрыхъ сыновъ, которыми собственно и держались соперники.

скую пустыню⁷²⁾. Въ то время, какъ ближайшія къ Македоніи колѣна продолжаютъ вести съ нею борьбу на жизнь и смерть, частию для возвращенія себѣ свободы, частию уже изъ мести, или изъ желанія поживиться ея богатствами, болѣе отдаленныя, раньше вышедшія изъ подъ ея опеки, колѣна вступаютъ въ неменѣе гибельныя усобицы изъ-за старыхъ счетовъ, запутанныхъ ихъ насильственнымъ объединеніемъ. Одризы, составившіе особое государство подъ управленіемъ Лизимаха, ведутъ отчаянную борьбу съ Гетами, ни за что не хотѣвшими остаться подъ властью Лизимаха⁷³⁾. Трибаламъ въ этихъ усобицахъ удается распространить далеко свою власть на востокъ по Дунаю; съ ними вступаютъ въ борьбу храбрѣйшіе изъ Илировъ, Ауторіяты, и уничтожаютъ ихъ мощь, но и они, въ свою очередь, въ скоромъ времени, были раздавлены Кельтами—Скордисками⁷⁴⁾. Въ этѣхъ нескончаемыхъ усобицахъ сильно изнемогло и порѣдѣло населеніе Балканскаго полуострова. Припомнимъ и то, что населеніе это не отличалось прочною осѣдлостію; не смотря на свое ближайшее сосѣдство съ высоко образованнымъ народомъ, эти племена туго повдигались по пути гражданственности: Геродотъ засталъ еще у нихъ самый первобытный видъ осѣдлости. Драгоцѣнное по своимъ подробностямъ извѣстіе его о свайныхъ озерныхъ жилищахъ относится къ Θρακίϊцамъ, обитавшимъ у подошвы Пангея (нын. Парнари), на озерѣ Πραζιάς (нын. Такино), т. е., въ самой южной части Θρακίϊи, не далеко отъ цвѣтущаго Греческаго поселенія, Амфиποля⁷⁵⁾. Что было въ сѣверной части, болѣе отдаленной отъ образованнаго міра, объ этомъ не трудно составить себѣ понятіе изъ того обстоятельства, что Римляне не застали тамъ никакихъ городовъ, въ смыслѣ торговыхъ или промышленныхъ средоточій⁷⁶⁾. Благодаря этой непрочной осѣдлости, Θρακο-Илирійцы, въ случаѣ нужды, легко разставались съ своими жилищами, для отысканія себѣ новыхъ, и часто внѣ предѣловъ Балканскаго полуострова. Такъ, въ послѣдней чет-

⁷²⁾ διὰ τῆς ἐρήμου καλουμένης Ἰλλυρίδος, ἣν οὐ πολλῶ χρόνῳις ἀνώτερον ἀνάστατον ἐποίησαν Μακεδόνας, διὰ τὸ δυσέρχους ποιῆσαι τοῖς Δαρδανεῦσι τὰς εἰς τὴν Ἰλλυρίδα εἰσβολὰς. Polyb. XXVIII c. 8.

⁷³⁾ См. Мюлленгофа: „Geten“, въ „Allg. Encykl. von Ersch und Gruber“ t. 64, S. 454—599.

⁷⁴⁾ Strab. VII, c. 5, 12.

⁷⁵⁾ Herod. V, 16.

⁷⁶⁾ Маннертъ, „Geographie der Gr. und Römer“, VII, 74.

верти IV-го в. до Р. Хр. значительная часть Гетовъ, тѣснимыхъ, вѣроятно, возрастающимъ могуществомъ Македоніи, выселилась на лѣвый берегъ Дуная, гдѣ безъ особенныхъ усилій отвоевала себѣ обширныя и привольныя жилища, благодаря потрясенію въ той странѣ могущества Скиѳовъ походомъ Филиппа Македонскаго противъ стараго Скиѳскаго Царя, Атея (въ 399 г.)⁷⁷⁾. Часть Трибаловъ, потѣсненныхъ Александромъ Великимъ, удаляется, съ женами и дѣтьми, на близъ лежащіе острова Дуная, а позднѣе и все это племя, если вѣрить свидѣтельству Д. Кассія, тѣснимое Ауторіятами, выселилось изъ своей прародины на сѣверъ отъ Дуная и Савы⁷⁸⁾. Съ такою же легкостію двинулись туда же и Ауторіяты, уходя отъ тяжкаго ига Скордисковъ, подчинившихъ себѣ ихъ землю. Такимъ образомъ, кромѣ вымиранія отъ непрерывныхъ усобицъ, населеніе полуострова рѣдѣло еще отъ выселеній. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что выселенія эти никогда не принимали такого огромнаго размѣра, какъ обыкновенно думаютъ многіе, безъ всякаго основанія утверждающіе, что на сѣверъ, за Дунай, выселились тогда чуть ли не всѣ Тракійцы, а именно: все племя Гетовъ, да еще и Мизы, Кробизы, Коралы, Бессы, Одризы и проч.: имѣющіяся объ этомъ историческія свидѣтельства говорятъ только о выше помянутыхъ выселеніяхъ. Что касается остальной части Гетовъ, Мизовъ, Кробизовъ, Бесовъ, Одризовъ и проч., то достовѣрная исторія знаетъ ихъ въ ихъ прежнихъ жилищахъ до самаго покоренія ихъ Римлянами, подъ властію которыхъ не мыслимы уже такія огромныя выселенія Тракіи-Илировъ за Дунай.

Съ начала III-го в. до нашего лѣтосчисленія начинаются вторженія Кельтовъ, во время Александра Македонскаго придвинувшихся къ сѣверному берегу Адриатическаго моря⁷⁹⁾. Отряды ихъ проходятъ вдоль и поперекъ весь полуостровъ: одни, подъ начальствомъ Камбаула и Кератрія, побѣдоносно проходятъ землю Тракійцевъ, другіе, подъ предводительствомъ Болгія, нападаютъ на Илировъ. Бренъ Акихорій, раздавивъ Пеоновъ, вторгается въ Македонію, на голову поражаетъ ее войска и самаго Царя ея, Птолемея Керавна, оставляетъ на полѣ битвы, въ 279 г. Ограбивъ Македонію, Акихорій втор-

⁷⁷⁾ Мюлленгофъ, тамъ же, S. 452.

⁷⁸⁾ Dio Cass. II, 23.

⁷⁹⁾ Arrian. „De expedit. Alexandri“, I, c. 1.

гается въ Грецію, но Греки, хотя и съ большимъ урономъ для себя, остановили его при Дельфахъ, въ 279 г., и заставили отступить. Въ этомъ же самомъ году другой Кельтскій отрядъ, изъ 20,000 человекъ, подъ предводительствомъ Леонарія и Луторія, безпрепятственно проходитъ весь Балканскій полуостровъ, чтобы переправиться въ Малую Азію. Древнія повѣствованія объ этихъ происшествіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ изображаютъ Кельтовъ, какъ людей великихъ тѣломъ, гордыхъ умомъ, не знавшихъ никакого страха, кромѣ боязни, чтобы не обвалилось надъ ними небо, какъ людей непомѣрной силы, жестокости и лютости⁸⁰). Новые изслѣдователи принимаютъ на вѣру эти рассказы древнихъ о необыкновенныхъ качествахъ Кельтовъ, и ищутъ въ нихъ объясненія неимовѣрныхъ успѣховъ отрядовъ ихъ на Балканскомъ полуостровѣ⁸¹). Намъ кажется, что тайна этихъ успѣховъ заключается скорѣе въ крайнемъ изнеможеніи старожилевъ полуострова. На фонѣ этого изнеможенія обрисовалась такими необыкновенными чертами фигура Кельта, на самомъ дѣлѣ далеко не столь величественная, какою представлялась она Маннерту, Суровецкому, Шафаріку и другимъ, приписывающимъ Кельтамъ столь важное значеніе въ Славянскихъ древностяхъ. Смогла же до крайности истощенная Греція поры Діадоховъ остановить столь страшный для Θракійцевъ, Илировъ и Македонянъ отрядъ Акихорія! Принужденные очистить Грецію, дружинники Акихорія отправились во Θракію, гдѣ, на южномъ склонѣ Балканскаго хребта, основали государство съ столицею Тыле, просуществовавшее тамъ цѣлое почти столѣтіе⁸²). Гораздо важнѣе другое государство, основанное на полуостровѣ Кельтами-Скордисками и простиравшееся отъ сѣвернаго склона Шара (Scardus) до р. Дравы. Скордиски на долго тутъ сдѣлались злымъ геніемъ для сѣверо-западныхъ Θракійцевъ и Илировъ. По свидѣтельству разборчиваго въ своихъ источникахъ Страбона, „они такъ долго ихъ опустошали, пока земля ихъ не обезлюдѣла и не поросла густыми непроходимыми лѣсами на разстояніи нѣсколькихъ дней пути“⁸³). Могущественное нѣкогда въ этой странѣ ко-

⁸⁰) Онъ же тамъ же, с. 4.

⁸¹) Шафарика. „Starožitn.“ въ „Sebr. sp.“, I, 277; 425; въ Русскомъ перев. О. М. Бодянскаго I. кн. 2. стр. 176 и т. д.; Георгіевскаго, „Галлы въ эпоху Каія Юлія Цезаря“, стр. 357.

⁸²) Мюлленгофа, „Geten“, S 456.

⁸³) Strabo VII, с. 5, 13.

лѣно Ауторіатовъ было частію истреблено ими, частію же принуждено покинуть свои древнія жилища и переселиться въ отдаленную страну, въ Гетскую пустыню⁸⁴). Десареты и Гибріяны, жившіе на западъ отъ Шаръ планины, по теченію обонхъ притоковъ Дрина, а также и другія незначительныя колѣна, по свидѣтельству Страбона, были совершенно разорены Скордисками.

Въ то время какъ Илиры изнемогали подъ тяжкимъ гнетомъ Скордисковъ, Оракійцы дѣлаются добычей другихъ ино-племенниковъ: Бастарновъ, Скиѳовъ, Сарматовъ и Даковъ. Съ начала II-го вѣка до Р. Хр., когда Нѣмецкое племя Бастарновъ⁸⁵) появляется на нижнемъ Дунаѣ, между устьемъ его и Карпатами, о Гетахъ, основавшихъ тамъ довольно значительное государство, исчезаетъ всякая память изъ исторіи, и весьма близокъ къ истинѣ домысль Мюлленгофа⁸⁶), что они были смяты этимъ форпостомъ Нѣмецкихъ племенъ, которымъ суждено было долгое время играть весьма значительную роль на нижнемъ Дунаѣ. Около 175 г. мы находимъ Бастарновъ на Югѣ отъ Дуная въ кровавыхъ схваткахъ съ Оракійцами, занимавшими проходы Балканскаго хребта, черезъ которые они пытаются проложить себѣ путь далѣе на югъ. Попытка эта имъ не удалась, тѣмъ не менѣе, однако, они водворились въ странѣ, лежащей между Балканами и Дунаемъ, гдѣ ихъ застали уже Римляне. Римляне застали тутъ еще Скиѳовъ и Сарматовъ, которые безпрепятственно переправлялись съ лѣваго берега Дуная сюда, гдѣ находили привольную страну для своихъ кочевьевъ⁸⁷). Около половины I-го в. до Р. Хр., основатель могущественнаго государства Даковъ, знаменитый Биревиста или Бурвиста, какъ его называетъ Йорнандъ (с. 11), покорилъ себѣ и значительную часть Оракіи, страшно опустошилъ Илирію и отваживался вторгаться въ Македонію, тогда уже Римскую область. Такимъ образомъ, еще за долго до завоеванія полуострова Римлянами, число древнѣйшихъ обитателей его очень

⁸⁴) Appian., „De rebus Illyricis,“ с. IV. Гетскою тустыней называлась страна, лежаща между устьемъ Дуная и Днѣстромъ. Strab VII, с. 3, 14.

⁸⁵) Шафарикъ причисляетъ и Бастарновъ къ Кельтамъ (см. „Sebr. spisy“ I, 432); въ Русскомъ перев. I, кн. 2, стр. 195 и слѣд.; но ихъ Нѣмецкое происхожденіе поставлено, кажется, Цейсомъ внѣ всякаго сомнѣнія. См. „Die Deutschen,“ u. s. w. 127.

⁸⁶) Geten, S. 456.

⁸⁷) Strab. VII, с. 3, 2.

умалилось. Порѣдѣвшее населеніе ихъ земли манило къ себѣ новыхъ жителей съ сѣвера, которые, какъ мы видѣли, и переселяются туда полчищами. Но эти переселенцы, сообщивъ населенію полуострова народописную пестроту, не возвратили ему той плотности, которая приводила Геродота въ изумленіе.

Завоеваніе Балканскаго полуострова Римлянами началось за 200 слишкомъ лѣтъ до Р. Хр., съ объявленія войны Тевтѣ, правительницѣ собственной Илиріи, и кончилось около половины перваго столѣтія нашего лѣтосчисленія⁸⁸). Около 250 лѣтъ понадобилось Риму для окончательнаго водворенія своей власти въ этой сосѣдней странѣ, въ которой, спѣшимъ припомнить, Римскіе легіоны должны были бороться не только съ Илирами, Македоно-Эпиротами и Фракійцами, но также и съ водворившимися тамъ недавно свѣжими племенами: Скордисками, Бастарнами, Скиѳами и Сарматами, а въ первомъ вѣкѣ и съ Даками, противъ которыхъ Цезарь, передъ самою смертію своею (44 г.), готовилъ стотысячное войско. Лѣтописи этой долговременной войны представляютъ намъ примѣры рѣдкаго мужества со стороны подвергшихся нападенію. Сопровиженіе Далматинцевъ было такой упругости, что въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ Далмація дѣлается практическою военною школою для Римскаго юношества, и всякій разъ, когда Римляне не были заняты войною въ другихъ странахъ, они посылали свои войска въ Далмацію, для войны съ тамошними горцами⁸⁹). Окончательное подчиненіе Паноновъ потребовало такого многочисленнаго войска, какого, по словамъ Веллея Патеркула, участвовавшего въ этомъ походѣ, кромѣ междуусобной войны, Римляне никогда и нигдѣ не употребляли⁹⁰). По свидѣтельству Светонія, для нея употреблено 15 легіоновъ и столько же вспомогательнаго войска⁹¹). Противъ этой грамадной силы Паноны держались въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 6 по 9 послѣ Р. Х. Особенно упорно сопротивлялась крѣпость Ардубы: доведенные до отчаянія, жители ея подожгли свои жилища и предпочли игу добровольную смерть въ пламени, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Припомнимъ и трогательный разсказъ Тацита

⁸⁸) Мизія обращена въ Римскую область при Тиберіи, Фракія же только при Клавдіи.

⁸⁹) Маннертъ, „Geogr. der. Gr. und. R.“ VII.

⁹⁰) Vell. Paterc. II. c. 110.

⁹¹) In Tiberio c. 16.

о послѣднемъ дѣлѣ долговременной войны съ Θρακίіцами, т. е. о покореніи Одризовъ въ 26 г. по Р. Х. Отчаявшись въ защитѣ своей свободы, „всѣ (изъ Одризовъ) слабые лѣтами и поломъ, всѣ, кому жизнь была дороже славы, отдались въ руки непріятелю. Но молодые люди, раздѣлившись, на двѣ части, съ Тарсою и Турезисомъ во главѣ хотѣли умереть за свободу. Тарса предпочиталъ скорый конецъ, который бы разомъ рѣшилъ и надежды и опасенія, и подалъ примѣръ, пронзивъ себѣ грудь, за нимъ и другіе. Турезисъ же съ своимъ отрядомъ сталъ дожидаться ночи.“ Въ эту ночь они всѣ почти пали, но и Римлянамъ дорого стоила смерть этихъ отчаянныхъ богатырей ⁹²⁾.

Какъ сильно сопротивлялись изъ новыхъ поселенцевъ полуострова Скордиски, покоренные только въ 35 г. до Р. Х. Октавіяномъ, на это указываетъ то, что Римскіе историки прозвали ихъ лютѣйшими изъ всѣхъ обитателей этого края ⁹³⁾.

Мы указываемъ на свойство отпора, даннаго жителями Балканскаго полуострова противъ Римскаго владычества, не только съ цѣлю ознакомленія съ тѣмъ, какихъ жертвъ стоила имъ эта отчаянная защита, но мы имѣли въ виду и другую цѣль, а именно: уясненіе причинъ, опредѣлившихъ свойство самаго владычества Рима въ этомъ краѣ. Извѣстно, что Римляне, въ видахъ обезпеченія за собою такихъ завоеваній, которыя выказали имъ особенное сопротивленіе, истребляли, или уводили въ неволю, всю мужественную и лучшую часть населенія ихъ и давали пощаду только тѣмъ, которые могли обрабатывать землю, но были не въ состояніи владѣть оружіемъ ⁹⁴⁾. Понятно, что, по отношенію къ Балканскому полуострову, эта жестокость, возведенная Римомъ въ политическое основоположеніе, должна была получить самое полное примѣненіе. Павелъ Эмилій, по завоеваніи Македоніи, въ одинъ день разрушилъ въ Эпирѣ 70 городовъ, изъ жителей которыхъ 150,000 человекъ увелъ въ неволю ⁹⁵⁾. Паноны, по убіеніи и порабощеніи тѣхъ изъ нихъ, которые способны были носить оружіе, были

⁹²⁾ Лѣтопись Корнелія Тацита, пер. Кронеберга I, 228.

⁹³⁾ *Saeuissimi omnium Thracum.* Florus III, 4.

⁹⁴⁾ Всего лучше изображаетъ этотъ приемъ Римской политики Д. Кассій въ разсказѣ о покореніи Ретійцевъ въ 12 г. до Р. Х. *τό τε κράτιστον καὶ τὸ πλείστον τῆς ἡλικίας αὐτῶν ἐξήγαγον, καταλιπόντες τοσοῦτους δοῦλοι τὴν μὲν χώραν οἰκεῖν ἱκανοί, νεοχρῶσαι δὲ τι ἀδύνατοι ἦσαν.* Срав. и у Страбона (IV, с. 6, 7) о продажѣ съ молотка всѣхъ Саласцевъ.

⁹⁵⁾ Liv. XLV, 34; Plutar. in Aem. Paul. 270.

переселены на сѣверъ отъ Савы, въ страну, получившую отъ нихъ свое названіе ⁹⁶⁾. Другое особенно свободолюбивое Илирское колѣно, Ардеи, выселено было Римлянами съ берега Адриатическаго моря, которое беспокоило своими морскими разбоями, во внутреннюю землю, гдѣ эти моряки принуждены были заниматься земледѣліемъ. Имъ отведена, по словамъ Страбона, „земля каменистая, бесплодная, неспособная къ воздѣлыванію, по этому они тамъ перемерли и почти что исчезли“ ⁹⁷⁾. Этотъ, въ высшей степени добросовѣстный, писатель, современникъ окончательному подчиненію Римлянамъ занимающаго насъ полуострова, оставилъ намъ очень вѣрную картину западной части его, близко ему знакомой. Разсказавъ объ исчезновеніи цѣлаго племени Ардеевъ, онъ прибавляетъ: „Такая же участь постигла и другіе тамошніе народы, такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые въ прежнія времена были очень могущественны, нынѣ совершенно унижены и исчезли.“ Такъ исчезли изъ Галловъ Бои и Скордиски, изъ Илировъ Ауторіаты, Ардеи и Дарданы, изъ Оракійцевъ же Трибалы. Всѣ эти племена сн чала воевали другъ съ другомъ, потомъ же были завоеваны Македонянами и Римлянами ⁹⁸⁾.

„Въ прежнія времена,“ говоритъ Страбонъ въ другомъ мѣстѣ, „весь Эпиръ и Илирія, хотя они и каменисты и изрѣзаны горами, однако были очень населены; нынѣ же большая часть этихъ земель пустыня, да и въ обитаемыхъ частяхъ ихъ попадаются только деревушки да развалины“ ⁹⁹⁾. Далѣе: „На Пиндѣ жили Талары и Ээики, къ которымъ, по словамъ поэта, были прогнаны Периѡмъ Кентавры: говорятъ, они нынѣ исчезли“ ¹⁰⁰⁾.

Есть основанія думать, что восточная половина полуострова, земля Оракійцевъ, представляла болѣе безотрадную картину разрушенія, но о ней мы напрасно бы стали искать вакихъ ни будъ свѣдѣній у тогдашнихъ писателей ¹⁰¹⁾.

⁹⁶⁾ Маннертъ, „Germania,“ S. 501—505.

⁹⁷⁾ Strabo VII, c. 5, 7.

⁹⁸⁾ Онъ же, тамъ же. См. и Appian. „De rebus Illyric.“ c. 3, 4.

⁹⁹⁾ Strab. VII, c. 7, 9.

¹⁰⁰⁾ Онъ же, X, c. 5, 12.

¹⁰¹⁾ A dark veil, замѣчаетъ Финлей, covers the history of the native proprietors of the soil in the countries between the Aegean sea and the Danube for many centuries. Histor. of the Byzant. and greek empire II, p. 279.

„Политика, считавшая уменьшеніе жителей вновь приобрѣтаемыхъ странъ необходимымъ условіемъ обезпеченія ихъ покорности, не могла не придумать дѣятельныхъ мѣръ для предотвращенія новаго ихъ возрастанія въ числѣ и въ благосостояніи“ ¹⁰²⁾, замѣчаетъ Финлей, подкрѣпля свое замѣчаніе многими данными изъ исторіи владычества Римлянъ въ Греціи. Древніе не сохранили намъ въ такой же подробности исторіи ихъ владычества и въ занимающей насъ странѣ, но и по тѣмъ отрывочнымъ извѣстіямъ, которыя дошли до насъ, можно себѣ представить до нѣкоторой степени положеніе дѣла. Ежегодно молодые подростки населенія отнимаемы были у страны и посылаемы въ отдаленные концы Имперіи. По смыслу одного извѣстія, находящагося въ Ватиканскихъ отрывкахъ изъ Географіи Страбона, Римляне, въ случаѣ нужды, могли набрать во Фракіи, хотя и чрезмѣрно разоренной, до 15,000 коннаго и 200,000 пѣшаго войска ¹⁰³⁾. Въ замѣнъ этихъ свѣжихъ силъ, будущей надежды населенія, посылаемы были сюда на поселеніе ветераны, вольноотпущенники и всякаго рода преступники, которые, вмѣстѣ съ легіонами, постоянно разставленными въ сѣверной части полуострова, да съ многочисленными чиновниками всякаго рода, образовали новую народную стихію, стихію господствующую, которая съ удивительною скоростію поглотила въ себѣ, путемъ всосанія въ себя всего, чего не успѣли покончить прочіе дѣятели разложенія древняго населенія этой страны. Ходъ ороманенія тутъ пошелъ такъ быстро, что Финлей, для уясненія себѣ его успѣха, предполагаетъ въ языкѣ Фракійцевъ особенную способность сплоченія съ Латинскимъ языкомъ ¹⁰⁴⁾. Еще во времена Плинія города Филиппополь, Дебельтъ, Флавіополь, Априъ и др., были населены Римлянами ¹⁰⁵⁾. Въ IV в. по Р. Х. въ городѣ Ремесіянѣ, лежавшемъ между Софіею и Нишемъ (н. Пиротъ), святительствовавъ на епископской кафедрѣ Св. Никита, прославившійся евангельскою проповѣдью между Фракійцами, къ которымъ и

¹⁰²⁾ „Griechenland unter den Römern.“ Leipzig, 1861, S. 46.

¹⁰³⁾ Δύναται δὲ (ἡ Θράκη) στέλλειν, καὶ περ οὖσα περίσσως ἐκπεπονημένη, μίρους καὶ πεντακισχιλίους ἱππέας, πεζῶν δὲ καὶ εἴκοσι μυριάδας. Strab. ed. Didot, 228. Это извѣстіе не будетъ казаться преувеличеннымъ, если припомнить, что было время, когда число регулярнаго войска (the regular force) Римской Имперіи достигало до 645,000. Гиббонъ, History of the decline and fall of the R. empire“. Leipsick, 1821, VII, p. 245.

¹⁰⁴⁾ History of the Byz. II, 280.

¹⁰⁵⁾ Тунманъ, „Untersuchungen“, 331.

самъ принадлежалъ по своему происхожденію. Отъ него мы имѣемъ нѣсколько сочиненій на Латинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что возбуждалъ удивленіе и въ самомъ Римѣ¹⁰⁶). Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Епископы города Маркіянополя (вѣроятно, позднѣйшій Прѣславъ) употребляли Латинскій языкъ въ письменныхъ сношеніяхъ своихъ съ Византійскими Императорами и Халкидонскимъ Соборомъ¹⁰⁷). Греческій писатель, Прискъ, проѣхавшій, въ V в., поперекъ всего Балканскаго полуострова, удостовѣряетъ, что на всемъ пространствѣ, заключающемся между морями Адриатическимъ, Эгейскимъ и Чернымъ, Латинскій языкъ былъ обыкновеннымъ органомъ сообщенія между разными племенами, и не только въ политическихъ сношеніяхъ, но и въ дѣлахъ частныхъ¹⁰⁸). Припомнимъ еще и множество надгробныхъ и другихъ надписей на Латинскомъ языкѣ, встрѣчающихся во всѣхъ частяхъ Балканскаго полуострова¹⁰⁹).

Мы остановились слишкомъ долго на древнѣйшемъ населеніи Балканскаго полуострова, но насъ побуждало къ этому не одно простое желаніе предпослать нашимъ розысканіямъ о разселеніи Славянъ въ этой странѣ нѣсколько болѣе обстоятельныхъ замѣтокъ о древнѣйшихъ ея обитателяхъ и ихъ исторической участи, нами руководила тутъ, главнымъ образомъ, другая цѣль, заключающаяся въ томъ, чтобы, уясненіемъ нѣкоторыхъ заброшенныхъ вопросовъ по древнѣйшей народописи и исторіи полуострова, вѣрнѣе выйти на встрѣчу извѣстному мнѣнію, по которому „Славяне искони обитали въ этой странѣ“. Послѣ сказаннаго нами о племенномъ составѣ древнѣйшихъ обитателей полуострова, о народности ихъ, объ ихъ исторической участи, объ народописной смѣнѣ, происшедшей

¹⁰⁶) Филарета, „Святые Южныхъ Славянъ“, стр. 103.

¹⁰⁷) Гильфердинга, „Собраніе сочиненій“, I, стр. 179.

¹⁰⁸) „Excerpta e Prisci historia“, ed. Bonn. p. 190; Финлей, „History of the Byz. empire“, 280—281.

¹⁰⁹) Французскій, путешественникъ, А. Дюмонъ, въ письмѣ изъ Адрианополя (отъ 1 Ноября, 1868 г.), пишетъ, будто въ разныхъ частяхъ Фракіи нашли только шесть Латинскихъ надписей, тогда какъ Греческихъ найдено множество. На этомъ основаніи онъ заключаетъ, что во II в. по Р. Хр. во Фракіи господствовала Греческая гражданственность. См. „Roman. Stud.“ Рёслера, 135. Мы въ правѣ усомниться въ полнотѣ свѣдѣній ученаго путешественника о числѣ извѣстныхъ Латинскихъ надписей во Фракіи; позволяемъ себѣ усомниться также и въ томъ, будто всѣ извѣстныя Дюмону Греческія надписи во Фракіи принадлежатъ II вѣку, а не позднѣйшимъ временамъ, когда во Фракіи, дѣйствительно, Греческій языкъ возобладалъ надъ Латинскимъ.

въ этой странѣ около начала нашего лѣтосчисленія, намъ кажется излишнимъ останавливаться на подробномъ разборѣ этого мнѣнія: но, въ виду того, что въ послѣднее время это мнѣніе стало повторяться все чаще и чаще, мы считаемъ не лишнимъ подвергнуть разбору главнѣйшія его основанія¹¹⁰). Сторонники этого мнѣнія, сходясь въ главномъ своемъ выводѣ, а именно, что Славяне были старожилами на полуостровѣ, нѣсколько расходятся въ частностяхъ: одни (Бутковъ, Савельевъ-Ротиславичъ, Чертковъ) считаютъ Славянами только часть древнѣйшихъ обитателей этой страны, другіе же (Лелевель, Бѣлевскій) все древнѣйшее населеніе ея признаютъ Славянскимъ; наконецъ третьи, считая это населеніе разноплеменнымъ, принимаютъ, что Славяне издавна обитали тамъ въ перемежку съ прочими разнородными племенами (Шафарикъ, Куно). Но главныя основанія, на которыя эти изслѣдователи опираются, у всѣхъ болѣе, или менѣе, одинаковы. Самое главное доказательство ихъ заключается въ нѣсколькихъ мѣстныхъ и племенныхъ названіяхъ, сообщаемыхъ древнѣйшей народописью и землеописаніемъ этой страны, названіяхъ, указывающихъ собою на Славянское происхожденіе и образованіе. Такихъ словъ насчитываютъ множество, не обращая вниманія на то, что многія изъ нихъ упоминаются впервые писателями V и VI вѣка нашего лѣтосчисленія; когда на полуостровѣ были уже другія этнографическія стихіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что названія: Βαδζάνια, Βάνες, Βάβας, Βέρζανα, Κάβερτζα, Κλεσρέσιτα, Δούλεβιν, Λάβουτζα, Μελίχιζα, Μιλλάρεκα, Σκαπλίζω, Στρέδηγ,

¹¹⁰) Довольно подробный списокъ приверженцевъ этого мнѣнія, начиная съ Длугоша (1415—1480) и до Каталича (1750—1825), представленъ Шафарикомъ въ „Ueber die Abkunft der Slawen“. Ofen, 1828, 2—5. Списокъ этотъ въ настоящее время можно продолжить внесеніемъ въ него слѣдующихъ новѣйшихъ писателей: Данковскаго, „Homerus slavicus dialectis cognata lingua scripsit. Vindob. 1821—1831“; Лелевели, „Dzieje Staroz'yt. W. Wilnie, 1818; Dzieje Polski, послѣд. изд. 1859; Polska wiekow srednich. Poznan, 1846—7, 1851—6; Histoire de Pologne. Paris, 1844“; Сенковскаго, „Библіотека для Чтенія“, 1838 т. XXVII, отд. 3; Буткова, „Оборона лѣтописи Русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ“. Сиб. 1840; Савельева-Ротиславича, „Славянскій сборникъ“, Сиб. 1845; Черткова, „Очеркъ древней исторіи Протословенъ“. Москва 1851; Бѣлевскаго, Wstęp krytyczny do Dziejow Polski: We Lwowie, 1850; Rzut oka na dotychczasową piervotną polską historyą. Warszawa, 1853; Prospetto cronologico della storia della Dalmazia con riguardo alle provincie slave contermini. Zara, 1863; Филарета, Архiep. Черниговскаго, „Святые Южныхъ Славянъ“. Черниговъ, 1865; Архим. Леонида, „О Бессахъ Славянахъ“, въ „Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1871, кн. IV; I. Куно, „Forschungen im Gebiete der Alten Völkerkunde.“ t. I. Die Skythen. Berlin, 1871. Изъ Болгарскихъ и Сербскихъ писателей этого мнѣнія придерживались: Д-ръ Беронъ, Раковскій, Захаріевъ, Хаджитъ, Верковичъ и др.

Στρούας, Βέτζα, Βρατζίστα и т. п.¹¹¹), не подлежит сомнѣнію, говоримъ, что подобныя слова Славянскаго происхожденія. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ они упоминаются впервые у Прокопія, писателя VI в. нашего лѣтосчисленія, и что по этому нельзя, безъ нарушенія законовъ критики, на основаніи сихъ столь позднихъ данныхъ судить о составѣ древнѣйшаго этнографическаго образованія полуострова, разложеніе котораго началось, какъ мы видѣли, за четыре и болѣе вѣковъ до Прокопія. Вотъ по чему мы и ограничимся здѣсь приведеніемъ изъ длиннаго списка сихъ названій только тѣхъ, которыя, по своей древности, дѣйствительно принадлежатъ Орако-Илирійскому міру.

Племенные названія: Кровызы (Κρόβυζοι, Stobuzi) всѣми приверженцами разбираемой теоріи сближаются съ Русскими Кривичами, обитавшими, какъ извѣстно, по верховьямъ Волги, Западной Двины и Днѣпра; Мизы (Μυζί, Myzi), по Лелевелю — Мазіи, Мазовы, по Черткову — Мужи; Кораллы (Κόραλλοι)=Гораллы; Долонки (Δόλογκοι)=Доленцы; Пелагоны (Πελάγονοι)=Поляне; Трибаллы (Τριβάλλοι) у Лелевели являются Древлянами, у Шафарика же Србали, Сербы; Бессы (Βήσσοι, Bessi) производятся отъ Славянскаго слова бѣсъ и сближаются съ Карпатскими Біесами (Βιέσσοι) Птолемея, которые, по всему вѣроятію, были Славянскимъ племенемъ; Одризы сближаются Чертковымъ съ Оботридами (Бодричами), Бѣлевскій же послѣднихъ производитъ отъ Ауторіатовъ; Линкесты (Λυγκήστοι), по мнѣнію Бѣлевскаго — предки Ляхитовъ, Ленхитовъ.

Названія рѣкъ: Стримонъ (Στρώμων), нынѣ Струма, сближается съ названіемъ притока Принети, Струменье, и съ Польскимъ словомъ strumień=ручей, потокъ; Нестось (Νέστος), нынѣ Места, сближается съ Русскою рѣкой Мстою, впадающею въ озеро Ильмень; Баргусъ (Bargus) производятъ отъ слова брѣгъ, Сирмусъ (Syrmus) отъ сыръ, сырой.

Названія городовъ: Доберъ (Δοβηρός) сближаютъ съ названіемъ Дебрьской области и съ городомъ Дебромъ, производя отъ Древне-Болг. дѣбрь; Былазора (Βυλάζωρα, Bylazora) = Бѣлазoria; Ускудама (Uscudama) = Узкодомъ; Девельтъ (Δεῦλτος) сближаютъ съ Польскимъ городомъ Działow.

¹¹¹) Шафарика, „Ueber die Abkunft der Slaven. Ofen, 1826“, S. 138—150; Савельева-Ростиславича, „Славянскій сборникъ“ 258.

Но строго говоря, большая часть этихъ названій только съ большими натяжками приурочиваются къ Славянскому языку; помощію такихъ натяжекъ ихъ можно произвести изъ какого угодно языка. Что же касается до совпаденія нынѣшнихъ несомнѣнно Славянскихъ названій: Струма, Места, Дебрь, съ древними — Стримонъ, Нестось, Доберь, то совпаденіе это весьма естественно объясняется простымъ осмысленіемъ Славянами этихъ послѣднихъ, непоятныхъ для нихъ, названій, осмысленіемъ, примѣры котораго весьма перѣдки въ Славянскомъ землеописаніи и народописи. Такъ на примѣръ, Сардика, названіе города, лежавшаго въ землѣ Сардовъ и отъ нихъ, вѣроятно, получившаго свое имя, у Славянъ явился въ видѣ Срѣдецъ, яко бы Середецъ; Плотинополь въ Тракіи, несомнѣнно городъ Плотина, у Болгаръ преобразился въ Плодинъ градъ, Плоденъ, Пловдивъ.¹¹²⁾ Древній городъ Ульпіяна точно также преобразился въ Липлянъ, Пелагонія въ Пологъ и т. д. Такимъ образомъ, исключивъ изъ выше приведенныхъ древнихъ названій тѣ, которыя съ большими натяжками приурочиваются къ Славянскому языку, а также и тѣ, которыхъ совпаденіе съ нынѣшними Славянскими названіями тѣхъ же мѣстностей объясняется такимъ осмысленіемъ, мы получимъ только слѣдующія три: Кровызы, Бесы, Былазора. которыя собственно и заслуживаютъ вниманія.

Относительно Кробызовъ или Кровызовъ, кромѣ внѣшняго созвучія названія ихъ съ названіемъ Русскихъ Кривичей, нѣтъ какихъ другихъ данныхъ, подтверждающихъ сродство ихъ съ послѣдними. Какъ было замѣчено уже, Кровызы, со временъ Геродота и до самаго покоренія ихъ Римлянами, не покидали Мизіи. Предположеніе, что они, въ теченіе этого времени, выселились на сѣверъ отъ Дуная, не оправдывается ни однимъ показаніемъ древнихъ. Прибавимъ къ этому, что, по весьма вѣроятному объясненію С. Микуцкаго, Русскіе Кривичи получили свое названіе по свойству мѣстности, ими занятой, отъ Литовскаго слова *kirba*, топь, трясины,¹¹³⁾ и мы поймемъ всю

¹¹²⁾ Плотинополь былъ одинъ изъ пяти городовъ области Гемимонта. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Дезретхене, другіе же помѣщаютъ его въ окрестностяхъ Димотики. См. Smith, „Dictionary of gr. and rom.“ Болгаре перенесли осмысленное ими имя этого исчезнуваемаго города на Филиппополь, который у нихъ извѣстенъ подъ именемъ Плодинъ градъ, Пловдивъ.

¹¹³⁾ Въ „Извѣстіяхъ II Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ“, листъ 7-й.

безосновность сближенія ихъ съ Оракійскими Кробызами. Еще нагляднѣе мы можемъ доказать несостоятельность доводовъ разбираемой теоріи о Славянствѣ Бесовъ. Кромѣ того, что названіе этого Оракійскаго колѣна весьма легко производится отъ Славянскаго слова бѣсъ; кромѣ того, что это названіе повторяется и въ названіи Карпатскихъ Біесовъ, приверженцы разбираемаго мнѣнія подобрали въ пользу Славянства Бесовъ и другія, по ихъ мнѣнію, весьма убѣдительныя доказательства. Шафарикъ указываетъ на свидѣтельство житія Θεодосія Палестинскаго, что Бесы говорили особеннымъ языкомъ¹¹⁴), Куно приводитъ свидѣтельство Іорнанда, что Дунай на языкѣ Бесовъ назывался Ister, а это слово, по мнѣнію нѣкоторыхъ, чисто Славянское. Онъ же, кромѣ того, указываетъ и на то, что въ странѣ Бессовъ протекали рѣки Bargas и Syrmus, названія которыхъ, по его мнѣнію, суть также Славянскія (брѣгъ и сырѣ, сырой)¹¹⁵). И до такой степени утвердилось убѣжденіе въ Славянскомъ происхожденіи Бесовъ, что нѣкоторые, считая уже это несомнѣннымъ, пошли еще далѣе. Такъ, Филаретъ Архіепископъ Черниговскій, указывая на Евангельскую проповѣдь Св. Никиты Ремесіянскаго между Бесами, заключаетъ изъ этого, что еще въ IV в. нѣкоторые Славянскія племена исповѣдывали уже Христіанскую вѣру¹¹⁶). Архимандритъ Леонидъ недавно еще, на основаніи свидѣтельства Житія Θεодосія Палестинскаго, что Бесы отправляли богослуженіе на своемъ языкѣ, утверждалъ, что еще въ V в. Славянскій языкъ былъ уже письменнымъ языкомъ и т. д.¹¹⁷). А между тѣмъ намъ извѣстно, что въ странѣ, которую занимали нѣкогда Бесы, сохранилось указаніе, положительнымъ образомъ противопологающее народность ихъ Славянской народности, и такимъ образомъ обращающее въ пустыя мечты всѣ эти ученые выводы. У подошвы верхняго Родопа, недалеко отъ селенія Бѣлева, находится урочище, называемо сосѣдними Болгарами старо градище (старое городище). Весьма вѣроятно, что на этомъ же самомъ мѣстѣ находился главный городъ Бесовъ, Бесанара. Какъ бы то ни было, но между тамоншими Болгарами ходитъ преданіе, что въ названной мѣстности жили нѣкогда люди,

¹¹⁴) См. выше.

¹¹⁵) „Die Skythen“ 232.

¹¹⁶) „Святые Южныхъ Славянъ“. стр. 103—109.

¹¹⁷) „Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1871, кн. IV, стр. 36.

именуемые Беша-фара т. е., Бесье племя (слово фара, по всему вѣроятію, Древне-Нѣмецкое *fağa* (*gone, Geschlecht*), существуетъ какъ въ Болгарскомъ, такъ и въ Албанскомъ и Румынскомъ языкахъ въ значеніи племени)¹¹⁸). Въ этомъ Славянскомъ преданіи безъ всякаго сомнѣнія мы имѣемъ весьма краснорѣчивый доводъ противъ Славянскаго происхожденія Бесовъ, и въ тоже самое время хорошее предостереженіе тѣмъ, кто слишкомъ увлекается внѣшнимъ созвучіемъ словъ¹¹⁹).

Послѣ всего сказаннаго въ распоряженіи разбираемой теоріи остается только одно названіе „Былазора.“ По словамъ Поливія, у котораго впервые встрѣчается это названіе, городъ Былазора лежалъ на сѣверной границѣ Македоніи, у самаго входа въ эту страну со стороны Дарданіи; отъ этого-то Македонскій Царь Филиппъ V, желая обезопасить свои владѣнія отъ вторженія Дардановъ, употребилъ всѣ старанія, чтобы занять этотъ городъ¹²⁰). Былазора дѣйствительно звучитъ по Славянски и помимо Славянскаго языка не поддается инымъ объясненіямъ. Но что значитъ это одно слово, въ виду хотя бы только и до сихъ поръ указанныхъ нами данныхъ, которыя прямо свидѣтельствуютъ противъ Славянскаго происхожденія древнихъ обитателей полуострова?

Другое основаніе приверженцевъ разбираемой теоріи заключается въ свидѣтельствѣ Польскихъ лѣтописцевъ и Нестора о расселеніи Славянъ съ Юга, съ Придунайскихъ странъ, на Сѣверъ. На объясненіе этихъ свидѣтельствъ, въ смыслѣ благопріятномъ для разбираемой теоріи, въ послѣднее время посвятилъ много труда и потратилъ большую ученость извѣстный Польскій писатель, Августъ Бѣлѣвскій¹²¹). Извѣстно, что въ 1-й книгѣ лѣтописи Краковскаго Епископа, Викентія Кадлубка (1160—1223), находятся рассказы о столкновеніяхъ древнихъ Поляковъ и Ляхитовъ съ Даками, Галлами (Кельтами),

¹¹⁸) Захаріева, „Описаніе на Тат.-Паз. кааза.“ Віена, 1870, стр. 56.

¹¹⁹) Ганъ сближаетъ названіе Бесовъ съ Албанскимъ словомъ *bes* м-а, означающимъ вѣру, вѣрность, Греч. *πίστις*. „*Alban. Stud.*“ I, 213. Сближеніе это тѣмъ основательнѣе, что названіе вѣрный, вѣрующій, весьма легко могло употребляться и въ смыслѣ благочестиваго, въ слѣдствіе чего оно очень идетъ служителямъ Вахха, которымъ собственно и принадлежало это имя, прежде чѣмъ оно стало означать все племя Сатровъ или Діевъ.

¹²⁰) Polyb. V, с. 20.

¹²¹) Этому вопросу посвящена вторая часть его сочиненія: „*Wstęp krytyczny do dziejów Polski*“, изданная въ сокращеніи особенной книжкой подъ заглавіемъ: „*Rzut oka na dotychczasową, pierwotną polską historią*.“ Варшава, 1853.

Александръ мѣ Македонскимъ, Римлянами и пр. Эти же самые рассказы съ нѣкоторыми передѣлками повторяются и у Дзѣржвы (Dzierzwa), другого Польскаго лѣтописца, жившаго въ XIII в. Долгое время историческая критика добивалась кагого ни будь историческаго смысла въ этихъ рассказахъ, которые Шлецерь обозвалъ „чистыми нелѣпостями“ (wahren Unsinn)¹²²⁾, и приходили къ разнымъ заключеніямъ. Осолінскій видѣлъ въ нихъ воспоминаніе о войнѣ Западныхъ Славянъ съ Франками, Ава-рами и пр.¹²³⁾. Лелевель отличалъ въ этихъ рассказахъ три цикла: Сѣверный, Поморскій, въ которомъ, по его мнѣнію, сохранились преданія о столкновеніи Поморянъ съ Датчанами; Южный, который повѣствуетъ о столкновеніи Панонскихъ Сла-вянъ съ Франками и Ава-рами, и наконецъ Ляшскій или Польскій передающій намъ древнѣйшія народныя преданія Ляховъ¹²⁴⁾. Шейноха искалъ въ занимающихъ насъ рассказахъ подтвержденія своей теоріи о Скандинавскомъ происхожденіи Лехитовъ¹²⁵⁾. По изслѣдованіямъ же Бѣлѣвскаго оказывается, что подъ Лехитами и Поляками, о которыхъ идетъ рѣчь въ этихъ рассказахъ, слѣдуетъ разумѣть Орако-Илировъ вообще, въ особенности же Линкестовъ и Ауторіатовъ, Славянское происхожденіе кото-рыхъ онъ считаетъ доказаннымъ на основаніи выше помяну-тыхъ язычныхъ данныхъ. По мнѣнію Г. Бѣлѣвскаго, рассказы эти, въ которыхъ онъ видитъ историческое указаніе на то от-даленное время, когда предки Поляковъ, вмѣстѣ съ другими Славянскими племенами, обитали на Балканскомъ полуостровѣ подъ именемъ Линкестовъ и Ауторіатовъ, не выдуманы Кад-лубкомъ, ни Дзѣржвой, котораго онъ называетъ Міоршей и Мерсва (Mierswa) и переноситъ изъ XIII-го в. въ XI-й, но почерпнуты послѣднимъ изъ какой-то древнѣйшей лѣтописи су-ществовавшей будто въ Польшѣ въ началѣ XI в. и носившей заглавіе „Description Lechiticorum annalium.“ Она заключала въ себѣ исторію Илирскихъ племенъ вообще, въ особенности Линкестовъ (Λυγχιῆσται), переселившихся позднѣе въ Дакію, а оттуда и далѣе на сѣверъ, къ берегамъ Вислы. Въ этой лѣто-

¹²²⁾ Nestor II, 217. Сравни. Шафарика, „Слав. Древности,“ II, кн. 2, стр. 116—135.

¹²³⁾ Vincent Kadlubek, ein historisch-kritischer Beitrag zur slavischer Li-тератур. Warschau, 1822“.

¹²⁴⁾ Mateusch herbu Cholewa. Сравни. и „Polska wiekow średnih.“ I, Poznań, 1840, стр. 8.

¹²⁵⁾ Lechicki początek Polski, 1858.

писи старые Славяне записали то, что узнали отъ просвѣщенныхъ народовъ о своемъ происхожденіи, или что слышали отъ своихъ предковъ объ этомъ же предметѣ ¹²⁶). Будучи составлена на основаніи народныхъ преданій и по не дошедшимъ до насъ сочиненіямъ древнихъ, она обстоятельно и связно излагала древнѣйшую исторію Поляковъ, но Дзѣржава (Міорша), пользуясь ею для своей книги, позволялъ себѣ разныя передѣлки: что рассказывалось въ ней о древнѣйшихъ временахъ и о древнѣйшей родинѣ Поляковъ, онъ приурочивалъ къ позднѣйшимъ временамъ и къ позднѣйшимъ жилищамъ этого народа. Объяснивъ такимъ образомъ происхожденіе тѣхъ несообразностей, которыя мы находимъ въ названныхъ рассказахъ Дзѣржавы (Міорши) и Кадлубка, нашъ изслѣдователь отваживается на весьма смѣлое дѣло, а именно: онъ пытается очистить эти сказанія отъ передѣлокъ Міорши и возстановить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они находились въ предполагаемой имъ лѣтописи Лехитовъ. Плодомъ такой попытки является у него систематическое начертаніе древнѣйшей исторіи Поляковъ, которое можно представить въ слѣдующихъ словахъ ¹²⁷): Предки Поляковъ обитали съ незапамятныхъ временъ на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ были извѣстны подъ именемъ Ленхитовъ (Λευχίται). Выгнанные оттуда въ III-мъ в. Кельтами (Скордисками и Боями), они выселились за Дунай, къ своимъ соплеменникамъ, Гетамъ, въ союзъ съ которыми образуютъ тамъ грозную для Римлянъ Дакійскую Монархію. Основатель ея, Биревиста, есть не кто иной, какъ упоминаемый въ Польскихъ лѣтописяхъ Лешко II-й. По завоеваніи Дакии Траяномъ, жители ея, которые состояли все изъ переселенцевъ съ Балканскаго полуострова, удаляются на сѣверъ и даютъ начало Славянскимъ племенамъ: Ляхитамъ (отъ Линкестовъ), Оботри-тамъ (отъ Ауторіятовъ), Мазовшанамъ (отъ Мизовъ), Кривичамъ (отъ Кровизовъ) и пр. ¹²⁸). Это изслѣдованіе Бѣлѣвскаго, другими своими трудами заслужившаго себѣ въ ученой Польской Словесности весьма почтенную извѣстность, вызвало противъ себя весьма оживленную критику, которая разбила всѣ его основанія или, лучше сказать, обнаружила всю безоснова-

¹²⁶) „Rzut oka“ a t. d., str. 11.

¹²⁷) Тамъ же, стр. 69 и слѣд.

¹²⁸) Тамъ же, стр. 86.

тельность его¹²⁹). Данныя, на которыхъ изслѣдователь относитъ Дзѣржаву къ XI в., считая его предшественникомъ Кадлубка, оказываются несостоятельными; предположеніе, что источникомъ занимающихъ насъ здѣсь разказовъ Кадлубка были не дошедшія до насъ сочиненія древнихъ и народныя преданія, опровергнуто самымъ положительнымъ образомъ Гутшмидтомъ и Цейсбергомъ, открывшими, что разказы эти заимствованы большею частію у извѣстныхъ Латинскихъ писателей. Самыя занимательныя для насъ мѣста въ этихъ разказахъ заимствованы цѣликомъ, иногда и дословно, у Юстина и Юлія Валерія¹³⁰), измѣнены только имена личныя и имена нѣкоторыхъ народовъ подмѣнены Поляками и Ляхитами. Прибавимъ къ этому еще и то, что Македонское племя Линкестовъ, мнимые предки Ленхитовъ или Ляхитовъ, которые собственно послужили исходной точкой для Бѣлевскаго въ его изслѣдованіяхъ, прибавимъ, что эти Линкесты никогда не покидали своихъ жилищъ въ верхней Македоніи, въ окрестностяхъ Охридскаго озера, чтобы переселяться въ Дакію, а оттуда на берега Вислы. Правда, переселились Ауторіаты на сѣверъ, но они, во первыхъ, не имѣютъ ничего общаго съ Линкестами. Жилища ихъ на Балканскомъ полуостровѣ отдѣлялись отъ жилищъ послѣднихъ горами: Скардомъ (Шаръ планиной), Керкиной (Карадагомъ), Скоміономъ (Курбетской планиной) и областями, которыя занимали Пеоны и собственные Илиры. Далѣе, имѣющіяся свидѣтельства о переселеніи Ауторіатовъ говорятъ, что они выселились въ Гетскую пустыню, простиравшуюся по берегу Чернаго моря, между устьями Дуная и Днѣстра, и по этому нѣтъ никакого основанія отождествлять ихъ съ Антарами, жившими во времена Юлія Цесаря по Тисѣ, на западной границѣ Дакіи. Вспомнимъ и сказанное нами выше, что достоверная исторія не только не подтверждаетъ выселенія Мизовъ, Бесовъ, Кровизовъ и пр., отъ которыхъ Бѣлевскій производитъ Кривичей, Мазовшанъ, Карпатскихъ Біесовъ и пр., но прямо

¹²⁹) Бартошевичъ, „O pomyslach p. Aug. Bielowskiego.“ Варшава, 1852; Брандовскій, „O pomyslach lechickich p. Aug. Bielowskiego, и пр. Краковъ 1868; Гутшмидтъ, „Ueber die Fragmente des Pompejus Trogus und die Glaubwürdigkeit ihrer Gewartsmänner,“ въ „Jahrb. für Clas. Phil, von A. Fleckeisen, 2 Supplem. Bd. Leipzig., 1856—7; Цейсбергъ, „Vincentius Kadlubek und seins Chronik Polens. Wien, 1869“.

¹³⁰) „Julii Valerii res gestae Alexandri Macedonis, translatae ex Aesopo Graeco.“ См. у Цейсберга. S. 136.

свидѣтельствуеть противъ этого выселенія; прибавимъ къ этому и ни на чемъ не основанное убѣжденіе Бѣлѣвскаго, что нѣкоторыя собственныя имена, упоминаемыя въ извѣстныхъ разсказахъ Дзѣржвы и Кадлубка, суть частію исковерканныя, переименованныя Дзѣржвою. Орако-Илирійскія имена, частію двойныя названія нѣкоторыхъ Оракійскихъ и Илирійскихъ героевъ (Такъ, на пр., *Vandalus Vandaliothae*, по его мнѣнію, надобно читать *Adrius Apriothae*, *Graccus* (Кракъ) есть упоминаемый Цицерономъ Илирійскій разбойникъ *Bardulus*; *Leszko II* есть не кто другой, какъ знаменитый основатель Дакійской Монархіи, Биривистъ; Семовитъ, *Semovit* тождественъ съ Децебаломъ). Прибавимъ и эти, ни на чемъ не основанныя, поправки и отождествленія, и мы поймемъ всю несостоятельность попытки приурочить Орако-Илировъ къ предкамъ Славянъ на основаніи сказаній Польскихъ лѣтописцевъ, до того темныхъ и неопредѣленныхъ, что на основаніи ихъ можно приходить къ самымъ противоположнымъ другъ другу выводамъ, какъ было уже сказано выше.

Гораздо опредѣленнѣе сказанія первой Русской лѣтописи, въ которыхъ Бѣлѣвскій совсѣмъ некстати видитъ не болѣе, какъ слабый отголосокъ Польскихъ сказаній. Исчисляя страны, доставшіяся въ удѣлъ колѣну Яфета, Русскій лѣтописецъ упоминаетъ Славянъ, Славянскую землю, между Илирикомъ и Лухитією, подъ которою слѣдуетъ разумѣть страну извѣстныхъ уже намъ Линкестовъ. Вотъ его слова: „Афетови же яся (досталась) полунощная страна и западная: Мидия, Олъванія, Армения.... Ипириноя (Эпиръ), Илурикъ Словене, Лухитія, Анъдриакія“ и пр.¹³¹⁾. Слово „Словене“ вставлено лѣтописцемъ, какъ приложеніе къ слову Илурикъ. Далѣе: „Отъ сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ Словенскъ отъ племени же Афетова нарѣцаемѣи Норци, иже суть Словенѣ“¹³²⁾. По весьма основательному соображенію Добровскаго и Шафарика, вмѣсто Норци тутъ слѣдуетъ читать Илурци¹³³⁾. Непосрѣдственно за только что приведеннымъ мѣстомъ лѣтопись продолжаетъ: „По многѣхъ же временѣхъ сѣлѣ суть Словени по Дунаеви, где есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьская. Отъ тѣхъ Словенъ разидошася по земли и прозвашася имени своими, где сѣдше

¹³¹⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. Археогр. Коммисіи, стр. 2.

¹³³⁾ „Ueber die Abk. d. Slawen,“ S. 154.

на которомъ мѣстѣ“. Но особенно любопытны для насъ слѣдующія слова, которыми лѣтописецъ заканчиваетъ свой разсказъ о первоучителяхъ Славянскихъ, свѣдѣнія свои о которыхъ онъ заимствовалъ изъ, такъ называемыхъ, Панионскихъ Житій¹³⁴⁾, писанныхъ, по весьма обстоятельнымъ изисканіямъ О. М. Бодянского, Болгариномъ Климентомъ¹³⁵⁾. Назвавъ Меѳодія „на-стольникомъ“ (намѣстникомъ) Андрониковымъ“, онъ при-совокупляетъ: „тѣмъ же Словѣнску языку есть учитель Андроникъ апостоль: Моравы бо (разночтеніе по другому списку: „и в. Моравы“) доходилъ и апостоль Павелъ и училъ ту; ту бо е Илурикъ, его же доходилъ апостоль Павелъ, ту бо бѣша Словѣни пѣрвѣе. Тѣмъ же Словѣнску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есме Русь: тѣмже и намъ Руси учитель есть Павелъ апостоль, понеже училъ есть языкъ Словѣнскъ, и поставилъ есть епископа и намѣстника по себѣ Андроника Словѣнску языку“¹³⁶⁾. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что лѣтописецъ причисляетъ къ прародинѣ Славянъ и большую часть Балканскаго полуострова: Илурикъ и Болгарскую землю вообще.

Приверженцы разбираемой теоріи не затрудняются видѣть въ этихъ сказаніяхъ Русской лѣтописи отголоски народнаго преданія, свидѣтельство самихъ Славянъ о первоначальномъ мѣстѣ своего жительства. Но классическія названія: Илирикъ, Илирійцы, встрѣчающіяся въ этихъ сказаніяхъ, обращеніе Славянъ въ Христіанскую вѣру Апостоломъ Павломъ, все это отличаетъ въ нихъ другого рода источники, источники книжные. Эти черты роднятъ сказанія Русской лѣтописи съ другими, подобнаго же рода сказаніями, ходившими на Югѣ задолго до составленія первой Русской лѣтописи. Въ одной Болгарской повѣсти о Троянской войнѣ, писанной для Болгарскаго Царя Симеона (ум. въ 927 г.), читаемъ объ Ахилесѣ: „Сій Ахилеусъ, имый воя своя, иже нарицаху ся тогда Муръмидонесъ, нынѣ Болгаре“¹³⁷⁾. Въ этомъ отождествленіи Ѳессалійскихъ Мирмидонянъ съ Болгарами сказывается взглядъ, что Славяне были старожилами не только Илирика, но и Ѳессаліи, взглядъ еще

¹³⁴⁾ „О времени происхожденія Славянскихъ писемъ.“ Москва, 1855 стр. 40—45.

¹³⁵⁾ Сухомлинова, „О древней Русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ.“ 73.

¹³⁶⁾ Лѣт. по Ипат. списку, стр. 16.

¹³⁷⁾ Калайдовичъ, „Іоаннъ Екзархъ Болгарскій“, стр. 178—188.

за двѣсти лѣтъ до Нестора существовавшій между Болгарами. Папа Іоаннъ X (914—929), въ посланіи своемъ къ Томиславу Хорватскому и Михаилу Захлумскому высказываетъ убѣжденіе, что Славяне, населяющіе Хорватію и Далматію, обращены въ Христіанскую вѣру Апостолами, и по этому они считаются между первыми насажденіями Церкви¹³⁸). Въ связи съ этими сказаніями стоитъ и ходящее издавна между Хорватами сказаніе, приписывающее изобрѣтеніе Славянской Глаголической азбуки Далматинцу Св. Іерониму (329—420), который по этому сказанію былъ родомъ Славянинъ¹³⁹). Сказаніе это впервые записано въ посланіи Папы Иннокентія IV къ Епископу Сеньскому отъ 1248 г.¹⁴⁰), но записано въ такомъ видѣ, который позволяетъ думать, что оно было въ ходу задолго до этого времени. Такого же рода и слѣдующія сказанія, находящіяся въ Сербскомъ Паралипоменѣ Зонары, писанномъ въ 1208 г. „Траіянъ воинствова на Даки, сирѣчь, на Срьбле, и побѣди Среблѣ...“ „Максиміянъ остави Ликинія въ Болыгарѣхъ съпротивитисе языкомъ, озлобляющимъ Андріанополь, и яже окрестъ его“¹⁴¹). Такимъ образомъ задолго, за двѣсти лѣтъ еще до составленія первой Русской лѣтописи, между южными Славянами ходили сказанія о томъ, что предки ихъ были старожилами на Балканскомъ полуостровѣ. То обстоятельство, что подробнѣйшее сказаніе Нестора объ этомъ помѣщено имъ непосредственно послѣ его повѣствованія о первоучителяхъ Славянскихъ, свѣдѣнія свои о которыхъ, какъ было сказано, онъ почерпнулъ изъ сочиненія Болгарина, Св. Климента, обстоятельство это, говоримъ, нѣсколько освѣщаетъ намъ и историко-литературную связь между его сказаніемъ и тѣми, которыя задолго до него ходили между Болгарами и Сербо-

¹³⁸) „Quis enim ambigit Sclavinorum regna in primitiis apostolorum et universalis ecclesiae esse commemorata, cum a cunabulis escam (cibum) praedicationis Apostolicae ecclesiae perceperunt cum lacte carnis (fidei), sicut Saxones novo tempore a nostro antecessore piae memoriae Gregorio papa.“ Farlati, *Illyr. Sacr.*, t. III, p. 95.

¹³⁹) Рачки, „Pismo Slovjensko.“ Загребъ, 1861, стр. 45—40.

¹⁴⁰) „Episcopo Sceniensi . . . Porrecta nobis tua petitio continebat, quod in Sclavonia est littera specialis. quam illius terre clerici se habere a beato Ieronimo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis.“ Тейнеръ, „*Vetera monum. Slavor. meridion.*“, p. 78. Эрбена „*Regesta*“, p. 558.

¹⁴¹) По изданію О. М. Бодянскаго, въ „Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ“, кн. 1, стр. 68, 84.

Хорватами¹⁴²⁾. Но мы не будемъ останавливаться на историко-литературной связи всѣхъ этихъ сказаній; ибо пошли ли они изъ одного источника, или возникли каждое отдѣльно, независимо отъ другихъ, это не такъ важно по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Существенной важности для насъ то, что всѣ эти сказанія отличаются книжнымъ пошибомъ, носятъ на себѣ всѣ признаки домысла Средневѣковой учености. Не слишкомъ взыскательная, относительно своихъ основаній, она въ данномъ случаѣ очень легко могла разсматривать Славянъ на полуостровѣ, переселенія которыхъ не помнила и не знала, какъ старожиловъ этой страны. Здѣсь кстати припомнить замѣчаніе О. М. Бодянского на выше приведенныя мѣста изъ Сербскаго Паралипомена Зонары: „Эти Славянскія названія землямъ и народамъ не Славянскаго происхожденія, или имена народовъ иноплеменныхъ, новѣйшихъ, въ такое время, когда ихъ не было еще, переводчикъ, или даже переписчикъ, употребляютъ по тому же самому образцу, по какому Греческіе, Римскіе и Средневѣковые писатели употребляли древнія о новыхъ. Примѣръ взять и примѣненъ къ дѣлу на оборотъ“¹⁴³⁾. При этомъ мы не отрицаемъ, что въ сказаніи древней лѣтописи находится и народная стихія. Имя Дуная, завѣтной рѣки Русской пѣсни, равно какъ и имя Волоховъ, издревле народное у Славянъ, эти народныя имена, встрѣчающіяся въ лѣтописномъ сказаніи, очень явственно обличаютъ въ немъ черты народнаго преданія¹⁴⁴⁾. О значеніи этой народной стихіи въ сказаніи будетъ рѣчь еще впереди: здѣсь достаточно замѣтить, что нѣтъ никаго основанія распространять это значеніе и на земли, лежащія на правомъ берегу нижняго Дуная.

Считаемъ нужнымъ посвятить нѣсколько особыхъ словъ разбору мнѣнія Шафарика о Праславянахъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ своемъ сочиненіи о происхожденіи Славянъ, перечисливъ всѣ почти народописныя названія, за которыми

¹⁴²⁾ Мы слышали, что покойный Князь М. А. Оболенскій напечаталъ уже свое изслѣдованіе о первомъ Русскомъ лѣтописцѣ, каковымъ онъ считаетъ Болгарина Григорія, но намъ не удалось и до сихъ поръ видѣть это любопытное изслѣдованіе (его нѣтъ еще въ продажѣ), чтобы познакомиться съ нимъ поближе. Вотъ по чему мы не можемъ воспользоваться этимъ мнѣніемъ. Если оно окажется справедливымъ, то связь между занимающимъ насъ здѣсь Русскимъ сказаніемъ и Южнославянскими сказаніями объяснилась бы сама собою.

¹⁴³⁾ „Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1847, I, стр. VI.

¹⁴⁴⁾ Срезневскаго, „Чтенія о древнихъ Русскихъ лѣтонисяхъ“, въ Прилож. къ II т. „Записокъ Академіи Наукъ“, № 4, стр. 21.

разобранная нами теорія признаетъ Славянское происхождение, и въ числѣ которыхъ находятся и такія, которыя встрѣчаются еще у Гомера, Шафарикъ заключаетъ, что Славяне искони (von jeher) обитали на полуостровѣ¹⁴⁵⁾. Тутъ онъ является сторонникомъ разобранной теоріи, такъ что сказанное нами противъ нея вообще, въ частности имѣетъ силу и противъ заключенія Шафарика. Въ „Древностяхъ“ же своихъ онъ значительно сѣззилъ это заключеніе, связавъ первое появленіе Славянъ въ этомъ краѣ съ вторженіемъ Кельтовъ въ нынѣшнюю Угрію въ IV в. до Р. Хр. „Очень правдоподобно, замѣчаетъ онъ, что, по изгнаніи древнихъ Славянъ изъ нынѣшней Угрии Кельтами, нѣкоторыя вѣтви ихъ, удалившись въ глубину Θракіи и Илиріи, долго, въ тамошнихъ неприступныхъ горахъ, сохраняли свою народность“¹⁴⁶⁾. Но, видоизмѣнивъ такимъ образомъ свое прежнее мнѣніе объ этомъ предметѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни сколько не измѣнилъ своего взгляда на нѣкоторыя данныя, изъ которыхъ было выведено это мнѣніе. Онъ даже приводитъ эти данныя въ подтвержденіе новаго своего заключенія. Въ слѣдствіе этого между новымъ его мнѣніемъ и доказательствами, которыми онъ пытается подтвердить это мнѣніе, является очевидный разладъ. Непосредственно за только что приведеннымъ мѣстомъ изъ его „Древностей“, въ которомъ говорится, что въ слѣдствіе Кельтскихъ движеній IV в. до Р. Хр. Праславяне впервые появились во Θракіи и Илиріи, мы читаемъ: „это подтверждаютъ во первыхъ свидѣтельства древнихъ, увѣряющихъ, что въ тѣхъ краяхъ обитали люди, говорившіе разными языками¹⁴⁷⁾, потомъ названія нѣкоторыхъ народовъ, какъ-то: Кровизовъ, Кораловъ, Трибаловъ, Бесовъ и друг., которыя, кажется, находятся въ родствѣ съ именами извѣстныхъ Славянскихъ народовъ на Сѣверѣ: Кривичей, Гораловъ, Сербовъ, Бесовъ, и иныхъ“¹⁴⁸⁾. Шафарикъ тутъ совершенно

¹⁴⁵⁾ „Nehmen wir nun alles dieses zusammen, so werden wir wofern unser Ohr und Gemüth für Vernunftgründe nicht ganz verschlossen ist, in der Überzeugung bestärkt werden, dass die Äste grossen slowenischen Volksstämme in der grauesten Urzeit.... tief herab an das adriatische Meer reichten, und dass es die Kelto-Gallen eigentlich sind, welche diese südlichen von jeher mit thrakischen und epirotischen Völkeru vermischten slawenischen Stämme übertilgten, zum Theil flutheten, überwandten, unterdrückten und zum Theil vertilgten, zum Theil verdrängten.“ Ub. die. Abk. d. Slawen, 183.

¹⁴⁶⁾ „Слав. Древности“, I. кн. I, 422.

¹⁴⁷⁾ Здѣсь дѣлается ссылка на единственное и далеко не древнее, какъ мы видѣли, свидѣтельство Житія Св. Θεодосія, жившаго въ V в. по Р. Хр.

¹⁴⁸⁾ „Славян. Древности“, I кн. 1, 422.

упустилъ изъ виду, что Кровизы, Коралы, Трибалы и Бесы еще во времена Геродота, т. е. еще за сто лѣтъ и болѣе до вторженія Кельтовъ въ Угрію, обитали уже на Балканскомъ полуостровѣ¹⁴⁹⁾. Немного ниже, не въ исправленіе, однако, даннаго промаха, онъ говоритъ: „Сходство народныхъ именъ не всегда можетъ быть достаточнымъ доказательствомъ взаимнаго сродства между собою отдаленныхъ народовъ, по тому что оно можетъ быть случайно, или же только кажущееся“¹⁵⁰⁾. Въ другомъ мѣстѣ, касаясь опять Кровизовъ, онъ положительно утверждаетъ, что они Фракійскій народъ, что между ними и Славянскими Кривичами не было никакого племеннаго сродства¹⁵¹⁾. Все это достаточно свидѣтельствуеетъ, что у Шафарика не было твердо установленнаго взгляда относительно мнимыхъ Праславянъ во Фракіи и Илиріи. Мнѣнія его объ этомъ предметѣ опирались на шаткія основанія, въ слѣдствіе чего они такъ сбивчивы сами по себѣ и противорѣчивы другъ другу.

Выводимое изъ такихъ шаткихъ основаній мнѣніе о глубокой древности Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ противорѣчитъ всѣмъ даннымъ, которыя даетъ древнѣйшая этнографія и исторія этой страны. Мнѣніе это не находитъ себѣ никакого подтвержденія и въ позднѣйшей исторіи, которая хотя и безъ достаточной полноты, но все таки довольно ясно отмѣтила намъ на своихъ страницахъ время появленія Славянъ на полуостровѣ. Наконецъ это мнѣніе опровергается окончательно данными изъ языка, въ которомъ мы обладаемъ однимъ изъ достовѣрнѣйшихъ средствъ для проникновенія въ тотъ періодъ древности, откуда не дошло къ намъ уже никакихъ историческихъ извѣстій. Въ языкѣ Южныхъ Славянъ мы находимъ множество данныхъ, въ которыхъ ихъ народность очень крупными чертами выразилась, какъ совершенно противоположная народности древнѣйшаго населенія, отъ котораго досталась имъ занимаемая ими земля. О нѣкоторыхъ изъ этихъ данныхъ у насъ будетъ еще рѣчь впереди. Здѣсь же достаточно указать только на слѣдующія. Названія нѣкоторыхъ Фрако-Илирійскихъ колѣнъ и до сихъ поръ живутъ въ устахъ Болгаръ и Сербовъ, какъ однозначачія для обозначенія людей

¹⁴⁹⁾ Этотъ явный промахъ повторилъ и Рачки въ „Nacrt jugosl. pov.“ См. „Arkiv za pov. jugosl.“, IV, S. 238.

¹⁵⁰⁾ „Слав. Древн.“, тамъ же, стр. 428.

¹⁵¹⁾ Тамъ же, I, кн. 2, стр. 322.

загнанныхъ, людей низшей породы; таковы названія: Сапаевъ, Долоповъ, Бесовъ, Нороповъ. Имя Нороповъ въ Законникѣ Душана употребляется въ видѣ Неропхъ, Неропси, и означаетъ мужика, подданнаго (*rusticus, subditus*)¹⁵²). Шопами у Болгаръ называются собственно жители верхней Струмы, окрестностей городовъ Радомира и Кюстендила, той самой страны, въ которой, по Фукидиду, жили настоящіе Сапаи или Синты¹⁵³). Далѣе, названіе Шопа употребляется какъ прозваніе, для обозначенія человѣка грубаго, дикаго, забитаго вообще. Точно въ такомъ же смыслѣ употребляется и названіе Долоповъ (Дулупъ)¹⁵⁴). Объ имени Бесовъ, сохранившемся въ словѣ „Беша-фара“, т. е. Бесѣ племя, которому Родопскіе Славяне противопоставляютъ свою народность, было уже сказано выше.

¹⁵²) „Славян.. Древн.“, I, кн. 2, стр. 320.

¹⁵³) Vŭklad pomistn. jmen u Bulh.“ 75.

¹⁵⁴) Объ этомъ сообщилъ мнѣ извѣстный Болгарскій писатель, Шишко-Михайловскій, который высказалъ при этомъ мнѣніе, что въ бранномъ Болгарскомъ словѣ „Дулупъ“ скрывается имя „Дулѣбовъ“, съ чѣмъ я не могу согласиться. Нѣтъ причины думать, что имя Дулѣбовъ могло получить у родственныхъ имъ Болгарскихъ Славянъ такое значеніе. Кромѣ того, слово „Дулѣбъ“ въ Новоболгарскомъ языкѣ звучало бы „Дулепъ“ или „Дуляпъ“, но никакъ не „Дулупъ“; нѣтъ примѣра, чтобы въ этомъ языкѣ ѣ перешло въ у, тогда какъ съ гласной о это случается весьма часто.

Глава II.

Время появленія Славянъ.

Сказанное въ предыдущей главѣ не оставляетъ, какъ намъ кажется, никакого сомнѣнія въ томъ, что Славяне не исконные жители Балканскаго полуострова, а пришельцы, пришельцы очень поздніе, если мы не находимъ ихъ слѣдовъ въ этой странѣ до самаго покоренія ея Римомъ. Начало ихъ переселенія составляетъ вопросъ общей занимательности въ древностяхъ Славянскихъ, такъ какъ съ нимъ соединено первое столкновеніе Славянъ съ историческимъ міромъ, первое появленіе ихъ на исторической почвѣ. Не смотря, однако, на всю важность этого вопроса, въ наукѣ существуютъ весьма неопредѣленныя сами по себѣ и другъ другу противорѣчивыя рѣшенія его. Суровецкій высказалъ мнѣніе, что только п слѣ паденія Гунновъ Славяне приблизились къ Нижнему Дунаю, слѣдовательно, ихъ переходъ на правый берегъ этой рѣки могъ начаться не раньше послѣдней четверти V-го в.¹⁾ Это мнѣніе нашло себѣ ревностнаго поборника въ Шафарикѣ, который пытался подыскать нѣсколько новыхъ данныхъ для подтвержденія и полнѣйшаго развитія его. Византіецъ Прискъ, писавшій во 2-й половинѣ V в., рассказываетъ, что, по распаденіи царства Гунновъ, изъ-за Волги и съ Урала устремились на Западъ новые народы: Сарагуры, Уроги, Оногуры, Сабиры, и заняли страну, простирающуюся на сѣверъ отъ Азовскаго и Чернаго морей²⁾. По мнѣнію Шафарика этотъ приливъ новыхъ Азіятовъ заставилъ Славянъ покинуть свою древнюю родину и искать себѣ новыхъ жилищъ. Они двинулись сперва въ Дакію, откуда, около начала VI в., стали проникать и далѣе на югъ и западъ³⁾. Другіе твердятъ, что Гуннами Славяне увлечены

¹⁾ „Изслѣдованіе начала народовъ Славянскихъ“, въ „Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ“ 1846, I, 3, стр. 10.

²⁾ Prisc. ed. Bonn p. 158.

³⁾ „Славян. древности“ II, кн. 1, стр. 8, 11, 21.

были къ Дунаю, откуда они мало помалу переселялись въ Мизію и Дарданію, а потомъ и въ Македонію⁴). Есть и такіе, которые, выдавая Гунновъ за нашихъ предковъ, ищутъ отвѣта на занимающій насъ вопросъ во вторженіяхъ Атиллы въ Восточную Имперію (442—447) и въ переселеніяхъ нѣсколькихъ Гуннскихъ ватагъ въ ея предѣлы⁵). Всѣ означенныя мнѣнія основываются на однихъ соображеніяхъ, не имѣющихъ въ основѣ своей какихъ ни будь болѣе, или менѣе, опредѣленныхъ данныхъ. Единственное историческое указаніе, на которое ссылаются приверженцы перваго и втораго изъ этихъ мнѣній, есть слѣдующая приписка Болгарскаго переводчика Манассіиной лѣтописи: *при анастаси цари (491—518) начашиа блгаре поимати земаи сна*, т. е., Балканскій полуостровъ⁶). Но что въ этой припискѣ нѣтъ ни тѣни народнаго преданія, какъ полагаютъ⁷), мы можемъ доказать это самымъ положительнымъ образомъ. Въ Сербскомъ Паралипоменѣ Зонары, писанномъ болѣе, чѣмъ за столѣтіе до Болгарскаго перевода Манассіиной лѣтописи, мы читаемъ: „Въ царство его (Анастасія Дикора); изшедше Блгаре, плѣнише Фракію и Иллирико, еже не бысть прѣвѣе никогда же“⁸). Связь между названной припиской и этимъ мѣстомъ очевидна, а послѣднее дословно мы находимъ въ подлинникѣ Зонары⁹). Всѣ эти соображенія, имѣющія цѣлію приурочить начало заселенія Балканскаго полуострова Славянами къ концу V, или началу VI вѣка, опровергаются цѣлымъ рядомъ довольно явственныхъ признаковъ присутствія

⁴) Рачки, „Nacrt jugosl. povjestn. do IX stol.“, въ „Arkiv za pov. jugosl.“ IV, 241.

⁵) Мнѣніе это съ особенною ревностію отстаивалъ Венелинъ въ своихъ „Историко-критическихъ изысканіяхъ“, Москва, 1829 г. Положенія его развивалъ и пытался подтвердить новыми соображеніями Савельевъ-Ростиславичъ, въ „Славянскомъ Сборникѣ“, Сиб. 1849. Въ послѣднее время это заброшенное мнѣніе снова появилось въ повѣйшемъ сочиненіи Болгарскаго ученаго Г. Крестовича: „Исторія Българска подъ име Унповъ“, Цариградъ, 1871 г. Въ нашемъ разборѣ этой книги мы указали отчасти на заблужденія Гуннской теоріи. См. „Періодич. списаніе на Б. книжново Дружество“, кн. V.

⁶) По Ватиканскому списку, л. 102, по Синодал. 78.

⁷) Шафарикъ, „Výklad pomístnych jmen Bulhar“, въ „Serb. sp.“ III, 76; Рачки, „Nacrt jugoslav. pov“, 241; Чертковъ, „О переводѣ Манас. лѣтописи“, Москва, 1842, стр. 39—45.

⁸) Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1847, I, 92.

⁹) Κατὰ τοὺτους τοὺς χρόνους ἱστορεῖται καὶ τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος τὸ Ἰλλυρικὸν καὶ τὴν Θράκην καταδραμεῖν, μήπω πρὶν γινωσκόμενον. Zonar. ed. Paris. II p. 55. Зонара, по всему вѣроятію, заимствовалъ это извѣстіе у Θεοφана, у котораго читаемъ подъ 599 г.: Τοῦτω τῷ ἔτει καὶ οἱ καλούμενοι Βούλγαροι τῇ Ἰλλυρικῇ καὶ Θράκῃ ἐπιτρέχουσι πρὶν γινωσθῆναι αὐτούς. Theoph. ed. Bonn., p. 222.

Славянъ въ этой странѣ за долго до этого времени. Шафарикъ, которому были небезызвѣстны эти признаки, которому даже Славянская наука обязана открытіемъ этихъ древнѣйшихъ слѣдовъ Славянства, не обратилъ должнаго вниманія на ближайшее опредѣленіе ихъ относительной древности. Въ одномъ и томъ же сочиненіи (въ Слав. Древ.) онъ высказываетъ два, совершенно противоположные и исключающіе другъ друга, взгляда на этотъ предметъ: въ одномъ мѣстѣ онъ относитъ эти слѣды къ концу V вѣка нашего лѣтосчисленія, ища въ нихъ подтвержденія своему мнѣнію, что около этого времени начались Славянскія поселенія на полуостровѣ ¹⁰⁾; въ другомъ же мѣстѣ онъ признаетъ за ними глубочайшую древность, видитъ въ нихъ слѣды мнимыхъ Праславянъ, которые будто за долго еще до начала нашего лѣтосчисленія обитали на полуостровѣ и въ неприступныхъ горахъ его сохраняли свою народность до самаго наплыва туда новыхъ Славянскихъ переселенцевъ въ концѣ V вѣка. Мы уже имѣли случай указать на несостоятельность мнѣнія о Праславянахъ вообще, при чемъ, кажется, довольно обстоятельно разоблачили и несъобразность мнѣнія Шафарика объ этомъ предметѣ. Здѣсь же достаточно сказать, что эти признаки, въ доказательной силѣ которыхъ Шафарикъ не сомнѣвался, будучи, какъ вскорѣ увидимъ, гораздо древнѣе конца V в., явно говорятъ противъ несостоятельности и другого, разбираемаго здѣсь, его мнѣнія. Покойный Гильфердингъ, въ своихъ „Письмахъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ,“ высказалъ мнѣніе, что Гуннское нашествіе дало только толчекъ Славянамъ. Онъ предполагаетъ, что „уже Вестъ-Готы, уходя передъ Гуннами съ береговъ Днѣпра за Дунай, около 375 г., увлекли съ собою туда и нѣкоторыхъ Славянъ. Потомъ Атилла, посылая безпрестанно свои войска въ Мизію и другія области Византійской Имперіи, открывалъ туда дорогу Славянамъ“ ¹²⁾. Но и этотъ изслѣдователь не привелъ, да, на сколько намъ извѣстно, и не могъ бы привести хоть сколько ни будь правдоподобныхъ доказательствъ въ пользу такого предположенія. Свидѣтельство Багрянороднаго, что Славяне въ 449 г. заняли страну между Дунаемъ и Адриатическимъ моремъ, это свидѣтельство, на ко-

¹⁰⁾ „Слав. Древн.“ II, кн. I, 259.

¹¹⁾ Тамъ же I, кн. I, 422.

¹²⁾ „Собраніе сочиненій“ I, 6.

торое онъ тутъ ссылается¹³⁾, не имѣеть въ себѣ, какъ это весьма основательно доказалъ Рачки, ни тѣни исторической правды¹⁴⁾; еще менѣе оправдывается такое предположеніе ссылкой на сказанія Діоклейскаго Пресвитера, сочинителя Хорватской лѣтописи, и Архидіакона Ѳомы, которые говорятъ, что Готы привели Славянъ съ Сѣвера въ Далматію и Илирикъ, и часто даже отождествляютъ Готовъ съ Славянами¹⁵⁾. Сказанія эти, не говоря уже о томъ, что они далеко не народныя¹⁶⁾, указываютъ на Ость-Готовъ, на ихъ передвиженія по распаденіи уже Гуннской Державы. Таковы данныя, на которыхъ основываясь Гильфердингъ утверждаетъ: „Не сомнѣненъ тотъ фактъ, что вторженія Готовъ въ страны Балканскаго полуострова потянули туда и Славянъ“. Какъ ни безосновно, скажемъ болѣе, какъ ни ошибочно и мнѣніе, высказанное Гильфердингомъ, оно, какъ увидимъ, болѣе другихъ приблизилось къ истинѣ, отодвинувъ начало занимающаго насъ Славянскаго движенія на цѣлое столѣтіе раньше того времени, къ которому приурочивали его Шафарики и другіе.

Этотъ краткій обзоръ, если не ошибаемся, достаточно облачаетъ несостоятельность перечисленныхъ мнѣній. При всей видимой взаимной противоположности ихъ, нельзя не замѣтить между ними и одной общей черты: расходясь въ пониманіи ближайшихъ причинъ, вызвавшихъ Славянское движеніе на югъ, представители всѣхъ этихъ мнѣній не сомнѣваются въ томъ, что названныя причины скрываются въ предѣлахъ времени, такъ называемаго, великаго переселенія народовъ. И мы едва ли не будемъ въ правѣ, сказавъ, что они приступаютъ къ изслѣдованію вопроса съ предвзятою мыслію, что онъ находится въ тѣсной связи съ событіями этого времени. Только такъ, по крайней мѣрѣ, можно себѣ объяснить ихъ осторожность, доходящую до боязни, не отрѣшиться отъ этой поры,

¹³⁾ Тамъ же.

¹⁴⁾ Рачки, „Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku pov.“, въ „Književn.“ god. 1, sv. 1, стр. 65; „Nacrt jugoslav. pov. 253.

¹⁵⁾ Гильфердингъ, „Сбр. соч.“ I, 6.

¹⁶⁾ По весьма основательнымъ изслѣдованіямъ Рачкаго, какъ Діоклеецъ, такъ и Хорватская Хроника, почерпали эти сказанія изъ одного и того же письменнаго источника, который Діоклеецъ называетъ „libellum Gothorum“, Ѳома же повторяетъ, въ сокращеномъ видѣ, ихъ пересказы, такъ что нѣтъ никакого основанія видѣть въ этихъ сказаніяхъ народныя преданія Далматинскихъ Славянъ, какъ полагалъ Гильфердингъ. См. Рачкаго „Ocjena starjih izvora“, 217, 224, 373.

не переходить за предѣлы, назначенные для нея, не заглядывать въ событія предшествовавшаго ей времени, хотя бы даже нѣкоторые признаки ясно возводили къ этимъ раннимъ событіямъ. Въ этомъ, по нашему крайнему разумѣнію, предвзятомъ стремленіи приурочить, во чтобы то ни стало, занимающее насъ событіе ко времени великаго переселенія народовъ и заключается, какъ увидимъ сейчасъ же, главная ошибка всѣхъ перечисленныхъ мнѣній.

Признаки присутствія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ начинаются съ половины IV в., слѣдовательно, они предваряютъ не только упомянутыя движенія Гунновъ, за которыми Суровецкій, Шафарикъ, Рачки и другіе ведутъ на полуостровъ первыхъ Славянскихъ переселенцевъ, но и вторженіе Вестъ-Готовъ, которые, по мнѣнію Гильфердинга, потянули туда и Славянъ¹⁷⁾.

Въ Іерусалимскомъ Дорожникѣ (*Itinerarium*), составленномъ, по всему вѣроятію, около половины IV в., встрѣчаются города или мѣстечки: *Beodizum*, *Beodizo*, во Фракіи, и *Berozica* или *Berozicha*, въ Родопѣ. Если припомнимъ фонетическое свойство нарѣчія Родопскихъ Болгаръ и Западныхъ Словинцевъ, свойство растягивать гласную о въ оа и ео¹⁸⁾, то мы едва ли будемъ далеки отъ истины, предположивъ въ названіи *Beodizum* Славянское слово водица (у Западн. Словинцевъ воада, у Родопск. Болг. веодица). Славянскій характеръ втораго изъ этихъ названій, *Berozica* или *Berozicha*, не требуетъ доказательствъ. Въ другомъ Римскомъ Дорожникѣ, приписываемомъ Антонину Пію, но дошедшемъ до насъ въ редакціи отъ половины IV в.¹⁹⁾, упоминаются слѣдующія мѣстныя названія, очевидно Славянскаго происхожденія: *Bricize* и *Brendice* (*Priendice*), такъ называетъ Дорожникъ Антонина Берицу Іерусалимскаго Дорожника; *Milolitus* не далеко отъ перваго, нынѣ Милолитъ; *Cosintus* на р. *Cossinites* (Елиджекарасу); *Ostudizus*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, нынѣ Кулели; *Zernae*, на Цевтинг. Таб. *Zirinae*, у Стеф. Визант. *Ζερνίνα* нынѣ Черна на рѣкѣ Марицѣ; *Burtudizus*, у Прок. Βουρτοῦδυζι, у Географа

¹⁷⁾ Forbiger, „Handbuch der alten Geographie.“ Leipzig, 1842, S. 468; „Itiner. Antonini et Hierosolymitani, ed. Parthey et Pinder.“ Berolini, 1858, въ предисловіи; Parthey et Pinder, S. 270, 288.

¹⁸⁾ Чолакова, „Български народенъ сборникъ“. Болградъ, 1872, стр. 114, 155, 156; Миклошича, „Lautlehre“, S. 228.

¹⁹⁾ См. у Форбигера I, 446, и предисловіе къ изданію Партея и Пиндера.

Равенскаго Burtizon, на Peut. Tab. Durtizus, по всему вѣроятію, нынѣ Баба Ески. Не смотря, однако, на столь явственный Славянскій характеръ всѣхъ этихъ названій, мы бы все таки и не остановились на нихъ, если бы они стояли одиноко, особнякомъ, если би Славянское ихъ происхожденіе не поддерживалось другими данными. Но за этими названіями идетъ цѣлый рядъ несомнѣнно Славянскихъ названій: мы разумѣемъ названія многихъ городовъ и укрѣпленій, которыя, въ началѣ царствованія Юстиніана, въ 527 году, лежали въ развалинахъ и были починены этимъ Императоромъ. Таковы въ Дарданіи Лабуца (Λάβουτζα), Миларѣка (Μιλλάρεκα) Берзана (Βερζάνα), Клесвестита или Клещевица (Κλεσθέσιτιτα), Гриво (Γρίβι); въ Мизіи: Баданье (Βαδζιάνια) и пр. и пр.²⁰). При Юстиніанѣ на Балканскомъ полуостровѣ было еще много городовъ и укрѣпленій, носившихъ подобныя, несомнѣнно Славянскія названія²¹); но мы должны ограничиться здѣсь только указаніемъ на выше поименованныя, такъ какъ о нихъ только Прокопій свидѣтельствуетъ, что царствованіе Юстиніана застало ихъ очень ветхими, развалившимися. Не подлежитъ сомнѣнію, что и названія ихъ были также стары, какъ и они, а это даетъ намъ полное право возводить ихъ начало къ тому времени, отъ котораго донеслись къ намъ родственныя съ ними названія: Веодица, Берозица, Черна, Остудица и пр.

Личныя имена Славянскаго происхожденія появляются въ Византійской Имперіи и, при томъ въ высшихъ слояхъ ея населенія, еще съ начала V-го вѣка. Въ 469 г. начальники Имперскихъ войскъ, стоявшихъ во Фракіи, назывались Анагастомъ (Ἀναγαστος) и Острымъ (Ὀστρουῖ)²²). Въ этомъ году они имѣли на Дунаѣ стычку съ сыномъ Атилы Дингизикомъ. Анагастъ, безъ сомнѣнія Славянское имя: по своему образованію и окончанію оно совершенно сходно съ именами извѣстныхъ Славянскихъ вождей: Андрагаста, Ардегаста, Пирегаста, Калегаста и пр. Діоклейскій Пресвитеръ свидѣтельствуетъ, что одна изъ жупъ Далматинскихъ Славянъ называлась zurania Onagoste²³) (нынѣ Никшичъ въ Герцеговинѣ, на Черногорской границѣ).

²⁰) Прокопій, „De aedificiis.“

²¹) Подробное перечисленіе всѣхъ этихъ названій, вмѣстѣ съ соображеніями, относительно ихъ производства и значенія, см. въ „Ueber die Abkunft der Slaven“ Шафарика, стр. 160—180.

²²) Prisc., „Excerpt. de legat.“ с. 21.

²³) У Лучича, „De regno Dalmatiae“, 1666, р. 293.

Славянинъ Анагастъ или Онегостъ не былъ варваромъ, перешедшимъ изъ какой ни будь варварской страны на службу Имперіи: онъ былъ гражданиномъ ея, принадлежалъ ей по своему происхожденію, и оберегалъ ее, какъ свою родину. Исторія сохранила намъ и имя его отца, который также былъ полководцемъ Византіи и начальствовалъ надъ войсками ея, сражавшимися съ Атилой при Маркианополѣ въ 447 г. Его называютъ то Арнегискломъ, то Аргилискомъ, Аргискломъ, Арагискломъ, именемъ, слѣдовательно, не Греческимъ и не Латинскимъ²⁴). Затрудняясь въ передачѣ этого варварскаго имени, писатели не дѣлаютъ ни какого намека на то, чтобы полководецъ, посившій его, былъ варваромъ. Напротивъ, они какъ бы съ гордостію указываютъ на него и на его сына, Анагаста²⁵). И мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что и онъ, подобно своему сыну, былъ гражданиномъ Имперіи по рожденію, которое надобно относить къ IV в. За этими двумя именами идетъ цѣлый рядъ другихъ именъ, въ Славянствѣ которыхъ едва ли можетъ быть какое сомнѣніе. Мы разумѣемъ прежде всего имена, которыя носили члены двухъ семействъ, жившихъ въ Дарданіи, въ с. Ведрянѣ (Βεδραῖνα) и давшихъ имперіи двухъ Императоровъ: Юстина и Юстиніана. Родная сестра Юстина называлась Бегленицей (Βιγλενίτζα), жена же его Лупкиней (Λουλπικίνη). Юстиніанъ въ своемъ семейномъ кругу назывался Управдой (Οὐπράουδα), отца же его звали Истокомъ²⁶). Укажемъ еще и на нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ полководцевъ Юстиніана: Хильбудъ (Χιλβούδιος), назначенный, въ 531 г., начальникомъ Θракійскихъ войскъ, охранявшихъ Дунай отъ варваровъ, былъ, по всей вѣроятности, Славянинъ. По свидѣтельству Прокопія, это имя было въ употребленіи между Славянами Восточной или Антской вѣтви²⁷). Природными Славянами были и вожди: Доброгостъ, Всегордъ и Сварунъ, отличившіеся въ войнѣ Юстиніана съ Персами и Мизиміанами въ 555 г. Послѣдняго изъ нихъ, Сваруна, лѣтописецъ Агаѳій прямо называетъ Славянскимъ мужемъ. О Доброгостѣ же онъ

²⁴) Ком. Марцеллинъ называетъ его Arnegisclus, Теофалъ Ἀργήλισκον, Ἀργίσκλον и Ἀραγίσκλον.

²⁵) Иоаннъ Биклярскій упоминаетъ подъ 572 г. о какомъ-то Анагастѣ Патриціѣ (Anagastus Patricius). Boncall. Vetust. Chr. II, 387.

²⁶) См. у Шафарикъ „Слав. Древн.“ II, кн. I, 258.

²⁷) „De bello Goth.“ III, 14.

свидѣтельствуешь, что происходилъ изъ племени Антовъ²⁸). Наконецъ и великій полководецъ Юстиніана, славный Велизарій, былъ, безъ всякаго сомнѣнія, Славянскаго происхожденія. Велизарій родился около 490 г. недалеко отъ того мѣста, гдѣ была воздвигнута Юстиніаномъ крѣпость Скоплица (Σκαπλίζω), происходилъ, слѣдовательно, изъ той же Дарданіи откуда вышли семейства Юстина и Юстиніана. Всѣ эти Славяне дѣйствовали въ первой половинѣ VI в., но по рожденію своему они принадлежатъ V-му в. Старшій изъ нихъ, Юстинъ, дядя Юстиніана по Бегленицѣ, родился еще въ 450 г.; но что Славянский родъ, произведшій его, жилъ за долго до этого времени въ Дарданскомъ селѣ, Ведрянѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Будь этотъ родъ пришедшимъ туда недавно изъ какой ни есть варварской страны, этимъ обстоятельствомъ не преминулъ бы воспользоваться составитель „Анекдотовъ,“ тщательно выставлющій намъ до мелочей все, что только могло бы содѣйствовать униженію рода Юстиніана и его дяди, Юстина. Такъ, на примѣръ, онъ не преминулъ указать, что жена Юстина, Лупкиня, была раба варварка²⁹). Объ Юстинѣ же онъ не нашелъ ничего сказать другого, какъ только то, что онъ, въ царствованіе Императора Льва I-го, пришелъ молодымъ земледѣльцемъ пѣшкомъ изъ Ведряны въ Константинополь, и при томъ пришелъ туда съ одной сумой только, въ которой, кромѣ черстваго хлѣба, взятаго изъ дому на дорогу, ничего больше не было, и что происходилъ отъ бѣдныхъ Илирійскихъ поселянъ (Ἰλλυριοὶ γένος)³⁰). Въ послѣднемъ выраженіи мы имѣемъ и положительное указаніе, что составитель „Анекдотовъ“ смотрѣлъ на предковъ Юстина и Бегленицы, какъ на старожиловъ Дарданіи. А какъ важно тутъ его указаніе, это доказывать было бы излишне. Достаточно припомнить, что этотъ писатель, былъ ли онъ дѣйствительно Прокопій, какъ обыкновенно думаютъ, или кто другой, писалъ свой пасквиль въ царствованіе Юстиніана, зналъ близко его домашнюю и частную

²⁸) Σουαρούνας τις ὄνομα Σκλάβος ἀνὴρ.—Δαβραγέζας, Ἄντης ἀνὴρ, ταξίαρχος. Agath. ed. Bonn., p. 136.

²⁹) Γυναίκι δὲ ὄνομα Λουπικίην ἑυνόκει. Αὕτη δὲ δοῦλη τε καὶ βάρβαρος οὖσα τοῦ πρόθεν αὐτὴν ἐωνημένου πολλακὴ γέγονε. Anecdota c. VI.

³⁰) Λέοντος ἐν Βυζαντίῳ τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχοντος νεανίαи τρεῖς, Ἰλλυριοὶ γένος, Σίμαρχος τε καὶ Διτύβιστος, καὶ Ἰουστίνος ὁ ἐκ Βεδεριανῆς.... περὶ βαδίζοντες εἰς Βυζάντιον ἦσαν, σισύρας ἐπὶ τῶν ὤμων αὐτοὶ φέροντες, ἐν αἷς δὲ ἄλλο οὐδὲν ὅτι μὴ διπύρους ἄρτους οἰκοθεν ἐμβεβλημένοι, ἀφίκοντο. Anecdota c. VI. Σισύρας тутъ означаетъ мѣшокъ, сума, а не тулупъ, какъ перевелъ Гильфердингъ.

жизнь, знавалъ хорошо и Юстина. Вотъ на какомъ основаніи мы осмѣливаемся утверждать, что Славянскіе роды въ Дарданіи, произведшіе на свѣтъ, въ 484 г., Юстиніана, и еще въ 450 Юстина, обитали, по крайней мѣрѣ, съ половины IV в. въ Дарданіи³¹⁾, если современникъ Юстина и Юстиніана смотрѣлъ на нихъ, какъ на Илирійскіе крестьянскіе роды, какъ на старожиловъ Дарданіи.

Такъ далеко восходятъ явственные признаки присутствія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, признаки, сохранившіеся въ мѣстныхъ названіяхъ и именахъ личныхъ: они выводятъ насъ за нижній предѣлъ времени великаго переселенія народовъ. Идя по слѣдамъ этихъ признаковъ, мы естественно, должны отрѣшиться отъ этой поры, должны вознестись ко временамъ предшествовавшимъ ей и въ нихъ производить поиски.

Мы это сдѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что тамъ намъ представляется нетронутая почва, по многимъ признакамъ подающая благія надежды на вознагражденіе нашихъ трудовъ. Отношенія варварскаго міра на нижнемъ Дунаѣ къ Римской Имперіи въ пору, предшествовавшую великому переселенію народовъ, а именно во II-мъ, III-мъ и въ первой половинѣ IV-го в., племенной составъ этого міра, взаимныя отношенія народописныхъ стихій, составлявшихъ его, вотъ на чемъ мы должны сосредоточить свои изслѣдованія.

Въ 105 г. Римлянамъ наконецъ удалось завоевать столь опасное для ихъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ Дакійское Государство и пріобрѣсти новую область, простиравшуюся съ запада на востокъ отъ Тисы почти до Днѣстра, и съ юга на сѣверъ, отъ нижняго Дуная до сѣвернаго хребта Карпатскихъ горъ. Съ пріобрѣтеніемъ этой области Балканскій полуостровъ былъ прикрытъ отъ вторженій враговъ. Это обстоятельство доставило ему внѣшній миръ, который ни разу не былъ нарушаемъ при первыхъ двухъ преемникахъ Траяна. Время Адріяна и Антонина Пія считается лучшимъ временемъ владычества Римлянъ въ этой странѣ: появилось въ ней много новыхъ городовъ, проложены новыя дороги, закипѣла дѣятельная жизнь. Но счастливая эта пора, обусловливавшаяся главнымъ образомъ внѣшнимъ миромъ, кончилась со смертію Антонина

³¹⁾ Утвержденіе Шафарика, что родъ Юстиніана только въ концѣ V в. поселился въ Дарданіи, противорѣчитъ истинѣ.

Ція, послѣдовавшая въ 161 г. Съ самаго начала царствованія Марка Аврелія (161—180) начинаются грозныя нападенія варваровъ на Имперію, и при томъ одновременно на всѣхъ почти границахъ ея: на Рейнѣ, Дунаѣ и Евфратѣ. Всего опаснѣе были варвары, дѣйствовавшіе на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ. Не довольствуясь уже громленіемъ Дакии, они проникаютъ и на Балканскій полуостровъ, простираютъ свои набѣги даже до Греціи³²). Движенія этихъ варваровъ занимали цѣлую жизнь благороднѣйшаго и умнѣйшаго изъ Римскихъ Императоровъ. Война, которую онъ велъ съ ними, эта знаменитая война, съ которой обыкновенно начинаютъ исторію паденія Римской Имперіи, называется обыкновенно, по имени одного Нѣмецкаго племени, Маркоманской войной, но, кромѣ Маркомановъ и родственниковъ съ ними Квадовъ, Вандаловъ и т. п., въ этой войнѣ принимали участіе еще Буры и Астинги, Нѣмецкое происхожденіе которыхъ весьма сомнительно. Были тутъ еще и такія племена, о которыхъ положительно извѣстно, что они не принадлежали къ Нѣмецкому племени; таковы, на примѣръ: Языги, Даки, Костобоки, Аланы, Роксоланы и пр. Эти послѣнія племена своимъ удалствомъ, упорствомъ, жестокостію превосходили самихъ Маркомановъ. Такъ Костобоки прошли поперекъ весь Балканскій полуостровъ и проникли въ Греческую область Фокиду, гдѣ, по свидѣтельству Павзанія, осаждали гор. Элатею³³). О роли, какую играли Языги въ этой войнѣ, можно судить уже по тому, что они продолжали воевать и тогда, когда Маркоманы, Квады и прочія Нѣмецкія племена, помирились съ Императоромъ и положили оружіе. Они одни долго еще противостояли всѣмъ силамъ Имперіи, и хотя и принуждены были наконецъ тоже заключить миръ, но заключили его на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ, чѣмъ Квады и Маркоманы³⁴). Императоръ согласился удовлетворить всѣ ихъ требованія, чтобы только умиротворить ихъ. По словамъ Діона Кассія, онъ очень жалѣлъ, что не удастся ему совсѣмъ истребить этотъ народъ, который внушалъ ему важныя опа-

³²) Pausan. IX, 34.

³³) Τὸ δὲ Κостоβόκων τῶν λησιτῶν τὸ κατ' ἐμὲ τὴν Ἑλλάδα ἐπιδραμόν ἀφίκετο καὶ ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα. Pausan. IX 34. Принимая въ соображеніе, что Павзаній писалъ около конца II-го в., мы смѣло можемъ связать это вторженіе Костобокъ въ Елладу съ движеніемъ Придунайскихъ варваровъ во время Марка Аврелія.

³⁴) Dio Cass. I. 71, с. 16, 18.

сенія и по заключеніи съ нимъ мира³⁵). Читая у Діона Кассія, современника этой войны и единственнаго источника для исторіи ея, какую значительную роль играли въ ней не Нѣмецкіе народы, нельзя не удивляться односторонности тѣхъ Нѣмецкихъ историковъ, которые, называя эту войну Нѣмецкою войною (*der Deutsche Krieg*)³⁶), присвоиваютъ всю, такъ сказать, славу ея однимъ Нѣмецкимъ племенамъ. Костобоками, Языгами и вообще не Нѣмецкими племенами они пренебрегаютъ совсѣмъ, или раздаютъ имъ какія-то безсмысленныя роли, дѣлая изъ нихъ, если позволено такъ выразиться, прихвостней, такъ называемаго, Маркоманскаго союза.

Не смотря на необыкновенную дѣятельность, которую Маркъ Аврелій выказалъ на Дунаѣ, на храбрость и самоотверженность его воиновъ, своими подвигами напомнившихъ лучшія времена военной славы древняго Рима, напоръ варваровъ не былъ отбитъ: имъ уступили значительную часть владѣній Имперіи на лѣвомъ берегу Дуная³⁷); многимъ отведены были земли для поселенія и на правомъ берегу этой рѣки: въ Панноніи, Мизіи и даже въ сѣверной Италіи³⁸). Со смертію Марка Аврелія открывается новый періодъ въ Римской исторіи, періодъ своеволія войска, обнимающій весь почти III-тій вѣкъ, ознаменованный непрерывными вторженіями варваровъ въ области Балканскаго полуострова. Изъ Нѣмецкихъ племенъ тутъ первостепенная роль принадлежитъ Готамъ, впервые появившимся на Дунаѣ въ правленіе Каракаллы, ок. 215 г. Ихъ вторженія, продолжавшіяся до страшнаго избіенія ихъ Клавдіемъ при Нишѣ, въ 269 г.³⁹) и послѣдовавшаго, въ слѣдъ за этимъ, примиренія ихъ съ Авреліаномъ, въ 271 г., слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы останавливаться на нихъ. Мы должны остановиться на другихъ народахъ, отъ которыхъ Балканскій полуостровъ въ это печальное для Имперіи время терпѣлъ не менѣе, чѣмъ отъ Готовъ. Въ царствованіе Максима и Бальбины, 237—238, впервые упоминается о вторженіи народа Карповъ въ Мизію⁴⁰); о расправѣ съ ними Римлянъ

³⁵) Dio Cass. I, 71, с. 16.

³⁶) Веберъ, „Allgemeine Weltgeschichte“, IV, 292.

³⁷) D. Cas. I. 71, с. 11, 15.

³⁸) Ibid. с. 11.

³⁹) По словамъ современниковъ, около 50,000 Готовъ погибло въ этомъ побоищѣ, еще большее число ихъ взято въ плѣнъ. См. у Гиббона II, 9—10.

⁴⁰) „Sub his (Maximo et Balbino) pugnatum a Carpis contra Moesos.“ Capitol. in Maximo et Balb. с. 16.

при этомъ намъ ничего не извѣстно. Только немного времени спустя мы узнаемъ, что они, завидуя Готамъ, получавшимъ тогда отъ Рима ежегодную дань, обратились къ Правителю Мизіи, Туллію Менофилу (238—240) съ требованіемъ и себѣ такой же дани, подкрѣпляя свое требованіе простымъ указаніемъ на свое удалство, которымъ, по ихъ собственнымъ словамъ, они превосходили Готовъ⁴¹⁾. Когда же это требованіе ихъ было оставлено безъ удовлетворенія, они не замедлили возобновить свои вторженія въ Мизію, которую долгое время продолжали опустошать, какъ видно изъ разсказа Зосимы о походѣ противъ нихъ Императора Филиппа въ 244 г.⁴²⁾

Въ царствованіе Галла (251—253) мы знакомимся съ двумя новыми Придунайскими народами. а именно: Боранами и Уругундами (Βορανοὶ Οὐρουγοῦνδοι), которые своею отвагою затмили Готовъ⁴³⁾. Пользуясь крайнимъ замѣшательствомъ и беззащитностію Имперіи, они, вмѣстѣ съ извѣстными уже Карпами и Готами, безнаказанно грабили ея области на полуостровѣ, проникая и на южный склонъ Балканскаго хребта. Изъ повѣствованія Зосимы мы узнаемъ, что ими въ это время былъ взятъ и городъ Филиппополь, изъ жителей котораго многіе Евпатриды были захвачены въ плѣнъ и уведены въ неволю. Галлъ обѣщалъ этимъ варварамъ ежегодную дань, согласился уступить имъ и всѣхъ захваченныхъ ими въ плѣнъ Евпатридовъ⁴⁴⁾, но этой уступчивостію онъ только обнаружилъ передъ ними безсиліе Имперіи и побудилъ ихъ къ новымъ нападеніямъ на ея города. При Валеріанѣ и, соправителѣ его, Галліенѣ (253—260) эти же самые Бораны, Готы, Карпы и Уругунды не оставили, по выраженію Зосимы⁴⁵⁾, ни одного мѣста въ Илиріи и Италіи (разумѣй верхнюю Италію, съ прилежащими къ ней областями) цѣлымъ отъ опустошеній. Втор-

⁴¹⁾ Καὶ τότε ἡμῖν τοσαῦτα ἡμεῖς γὰρ κρείττονες ἐκείων (Готовъ) ἐσμέν. Petri Patricii Historia, in excerpt. de legatt., ed. Venet., p. 18.

⁴²⁾ Αὐτὸς ἐπὶ Κάρπους ἐστράτευε ἤδη τὰ περὶ τὸν Ἰστρον ληϊσάμενους. Zosim. I, 20.

⁴³⁾ Зосимъ и Григорій Неокесарійскій, которымъ мы обязаны своими свѣдѣніями о вторженіяхъ Борановъ въ области Имперіи, смотрятъ на нихъ, какъ на лютѣйшихъ изъ враговъ Римлянъ. См. Цейса, „Die Deutschen und die Nachbarst.“ S. 694, 695.

⁴⁴⁾ Καὶ τοὺς αἰχμαλώτους, οἱ μάλιστα τῶν εὐπατριδῶν ἦσαν ἐνέδιδου κατ' ἐξουσίαν ἀπαγαγεῖν, ὧν οἱ πλείους ἐκ τῆς ἐν Θράκῃ Φιλιππουπόλεως ἀλούσης ἔτυχον εἰλημένοι. Zosim. I, c. 21.

⁴⁵⁾ Βορανοὶ δὲ καὶ Γότθοι καὶ Κάρποι καὶ Οὐρουγοῦνδοι, γένη δὲ ταῦτα περὶ τὸν Ἰστρον αἰκοῦντα, μέρος οὐδὲν τῆς Ἰταλίας ἢ τῆς Ἰλλυρίδος καταλιπόντες ἀδύνατον διατέλουν. Zosim. I, 31.

женія ихъ въ это время простерлись до береговъ Архипелага, какъ видно изъ разсказа Зосимы объ осадѣ Солуны въ 253 г.⁴⁶⁾. Въ 271 г. Императоръ Авреліанъ заключилъ съ Готами миръ, по условіямъ котораго Дакія Траяна уступлена этимъ варварамъ. Многіе изъ Нѣмецкихъ историковъ слишкомъ поспѣшно заключаютъ изъ этого, что всѣ земли, входившія въ составъ Траяновой Дакіи, перешли тогда во власть Готовъ⁴⁷⁾, а нѣкоторые ни сколько не затрудняются утверждать, что Готы тогда основали тутъ обширное Царство, которое простиралось отъ Тисы въ Угріи до Дона и Чернаго моря. Но такое пониманіе дѣла, отъ котораго еще Нибуръ предостерегалъ своихъ близорукихъ соотечественниковъ⁴⁸⁾, опровергается само собою при малѣйшемъ вниманіи къ положенію дѣлъ въ Дакіи въ предшествовавшее этой уступкѣ время. Мы видѣли, что уже во время, такъ называемой, Маркоманской войны значительная часть этой области отошла къ варварамъ, и преимущественно къ варварамъ не Нѣмецкаго происхожденія, т. е. къ Сарматамъ. А послѣдовавшія за этой войной вторженія Готовъ, Карповъ, Борановъ, Уругундовъ и пр. въ области, лежавшія на правомъ берегу нижняго Дуная, куда эти варвары проникли все черезъ Дакію, ясно свидѣтельствуютъ о совершенномъ паденіи въ ней господства Римлянъ. Секстъ Руфъ и прямо указываетъ на то, что задолго до Авреліана вся эта область не принадлежала болѣе Риму⁴⁹⁾. Какимъ же образомъ Валеріанъ могъ дарить Готамъ столь обширную страну, которая на дѣлѣ ему не принадлежала? Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ уступилъ Готамъ только притязанія, только мнимое право Рима на эту страну, а смогли ли они, вооружившись этимъ правомъ, осуществить его, т. е. могли ли подчинить себѣ варваровъ, успѣвшихъ устроиться въ ней, это другой вопросъ, которому имѣющіяся отъ того времени историческія свидѣтельства, какъ увидимъ, показываютъ, что и по умиротвореніи Готовъ, Карпы, Бораны, Уругунды и другія племена, извѣстныя писателямъ подъ именемъ Сарматовъ, долго еще продолжаютъ свои вторженія на Балканскій полуостровъ, куда, какъ было

⁴⁶⁾ Zosim. I, 29.

⁴⁷⁾ Веберъ, „Allgem. Weltg.“ IV, 428, 483.

⁴⁸⁾ Vortäge über die römische Geschichte“, III, 284.

⁴⁹⁾ „Dacia Galieno imperatore amissa est et per Aurelium translatis exinde Romanis duae Daciae in regionibus Moesiae et Dardaniae factae sunt.“ См. Рёслера „Roman. Stud.“ 67.

замѣчено уже, они проникали все изъ Дакии. А это было бы немислимо, если допустить, что подружившіеся съ Римлянами Готы дѣйствительно воцарились во всей этой странѣ и покорили себѣ всѣ племена, обитавшія между Тисой и Дономъ. Въ 273 г., слѣдовательно, два года спустя по заключеніи мира съ Готами, Карпы уже разоряли Римскія владѣнія, и Императоръ Валеріанъ долженъ былъ идти отражать ихъ⁵⁰). Пробъ, царствовавшій отъ 276 по 282 г., употребилъ не мало усилій для обузданія грабежей Сарматскихъ племенъ, которыя все еще оставались при своемъ страшномъ могуществѣ⁵¹). Преемникъ его, Каръ, долженъ былъ выступить противъ нихъ самъ съ большимъ войскомъ. Не далеко отъ нижняго Дуная онъ встрѣтился съ огромными ихъ полчищами и успѣлъ нанести имъ страшное пораженіе: 16,000 варваровъ остались на полѣ битвы, число взятыхъ въ плѣнъ доходило до 200,000⁵²). Всѣ они были размѣщены главнымъ образомъ по областямъ Балканскаго полуострова, надѣлены землею и всѣмъ необходимымъ для обработыванія ея⁵³). Не смотря на понесенное пораженіе, варвары эти вскорѣ возобновили свои набѣги, какъ видно изъ того, что въ первую половину своего царствованія, отъ 284 по 292 г. Императоръ Діоклитіанъ долженъ былъ постоянно воевать съ ними. Только новое устройство, данное Имперіи этимъ Императоромъ въ 292 г., положило предѣлъ вторженіямъ непримиримыхъ враговъ. По этому устройству Балканскій полуостровъ получилъ особенное, какъ гражданское, такъ и военное, управленіе, средоточіе котораго находилось въ городѣ Сирміумѣ на Дунаѣ. Этимъ дана была возможность слѣдить за всѣми движеніями варваровъ и во время предупреждать всякія попытки ихъ къ новымъ вторженіямъ. Соправитель Діоклитіана, Галерій, которому ввѣрено было управленіе этой части Имперіи, могъ предпринять теперь и наступательную войну противъ Задунайскихъ варваровъ. Намъ извѣстно, что онъ предпринималъ нѣсколько удачныхъ походовъ противъ нихъ, забиралъ ихъ въ плѣнъ цѣлыми толпами и переводилъ на поселеніе въ

⁵⁰) „Pacato Oriente in Europam Aurelianus rediit victor, atque illic Carporum copias afflixit.“ Vopisc. in Aureliano c. 30.

⁵¹) Гиббонъ II, 64.

⁵²) Тамъ же, р. 79.

⁵³) Такое обращеніе съ военноплѣнными варварами вошло въ обыкновеніе со времени Императора Проба (276—282), который первый прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ для заселенія опустошенныхъ областей. Гиббонъ ч. II, р. 70.

опустошенныя области Имперіи⁵⁴). По словамъ Аврелія Виктора, все племя Карповъ было переведено тогда на Римскую почву, преимущественно въ нижнюю Мизію⁵⁵). Не довольствуясь этими мѣрами для возстановленія безопасности со стороны Придунайскихъ варваровъ, правительство Діоклитіяна искусственными мѣрами натравляло ихъ другъ на друга, доставляя такимъ образомъ своимъ подданнымъ отрадное зрѣлище того, какъ эти страшные враги погибали въ своей собственной крови⁵⁶). Отъ панегирика Мамертина, прославившаго эту политику Діоклитіяна, мы узнаемъ, между прочимъ, что, благодаря дѣйствию ея, и Готы вступили около 290 г. въ страшную войну съ Бургундіями, которые нашли поддержку въ Аланахъ⁵⁷). Здѣсь мы должны замѣтить, что эти Бургундіи не суть извѣстныя Нѣмецкіе Бургунды, какъ обыкновенно думали и думаютъ многіе изслѣдователи. Тотъ же Мамертинъ знаетъ и Бургундовъ, которыхъ онъ называетъ Бургундионами (Burgundiones). Они, по свидѣтельству его занимали тогда Алеманскія поля, прилежавшія къ Рейну, тогда какъ Бургундіи, о которыхъ идетъ рѣчь, обитали гдѣ-то на сѣверъ отъ нижняго Дуная, гдѣ помѣщались тогда и Готы, вступившіе, по наущенію Діоклитіяна, съ ними въ ожесточенную войну. Что въ этихъ Бургундіяхъ Мамертина мы имѣемъ Уругундовъ Зосимы, не имѣющихъ ничего общаго съ Нѣмецкими Бургундами, мы вскорѣ будемъ имѣть случай убѣдиться и изъ другихъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, благодаря преобразованіямъ Діоклитіяна и строгой бдительности его соправителя, Галерія, которому ввѣрено было охраненіе сѣверной границы полуострова, страна эта отдохнула отъ вторженій въ нее варваровъ, вторженій, почти непрерывно продолжавшихся въ теченіе всего III-го вѣка. Послѣдовавшія за отреченіемъ Діоклитіяна (въ 305 г.) усобицы между правителями Имперіи побудили варваровъ къ новымъ вторженіямъ въ Мизію и Θракію. Есть извѣстіе, что ихъ хищническіе набѣги въ это время достигали даже Адрия-

⁵⁴) „Carpis et Bastarnis subactis, Sarmatis victis, quarum nationum ingentes captivorum copias in Romanis finibus locaverunt.“ Eutrop. IX, 15.

⁵⁵) „Carporum et Bastarnarum gentes in Romanum solum translatae sunt.“ Chron. Euseb. in „Roncalli Vetust. lat. scr.“ I, p. 456. Aurel. Vict. de Caesar. c. 9. Амміанъ Марц. упоминаетъ о городѣ Carpi въ Мизіи; Прокопій знаетъ городъ Καρπουδαίων во Θρακίи.

⁵⁶) „Ruunt omnes in sanguinem suam populi, quibus non contigit esse Romanis, obstinataeque feritatis poenas nunc sponte persolvunt.“ См. у Гиббона v. II, 109.

⁵⁷) Цейсъ, „Die Deutschen“, 695.

нополя⁵⁸⁾, но, къ счастію для Имперіи, усобицы ея правителей кончились торжествомъ Константина Великаго, который отбросилъ варваровъ за Дунай, внушивъ имъ уваженіе къ Римскому оружію. Не задолго до своей смерти, послѣдовавшей въ 337 г., Константинъ былъ вовлеченъ въ войну съ этими варварами⁵⁹⁾, во время которой онъ пустилъ въ Имперію 300,000 Сарматовъ, Языговъ (въ 334 г.), которымъ отведены были земли для поселенія во Фракіи, Малой Скиѣи (Добручѣ), Македоніи и Италіи⁶⁰⁾.

Мы довели нашъ историческій очеркъ отношеній варварскаго Придунайскаго міра къ Имперіи до половины почти IV в. Только два, или три, десятилѣтія отдѣляютъ насъ здѣсь отъ прихода В-стѣ-Готовъ на Балканскій полуостровъ въ царствованіе Валента, т. е., отъ того событія, которое обыкновенно ставятъ во главу великаго переселенія народовъ. Сообразуясь съ задачей настоящей главы нашего изслѣдованія, мы должны прервать здѣсь свой историческій разсказъ, чтобы войти въ изслѣдованія о народности Языговъ, Костобоковъ, Карповъ, Борановъ и Уругундовъ, т. е., о народности тѣхъ, не Нѣмецкихъ племенъ, которыя не менѣе Маркомановъ, Готовъ и другихъ Нѣмцевъ громили и разоряли Придунайскія области Имперіи въ теченіи болѣе одного столѣтія, селились въ нихъ добровольно и насильно были переселяемы. Начнемъ съ Уругундовъ.

Уругунды, какъ и, дѣйствовавшіе за одно съ ними, Карпы и Бораны, по словамъ Зосимы, обитали гдѣ-то за Дунаемъ (на лѣвомъ берегу нижняго Дуная)⁶¹⁾; ихъ знаетъ тамъ, какъ мы замѣтили уже, и современникъ ихъ вторженіямъ въ Имперію, Мамертинъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это тотъ самый народъ, который Птолемей называетъ Оругундіонами

⁵⁸⁾ Въ Древне-Сербскомъ переводѣ Паралипомена Зопары читаемъ. „Максиміанъ же приобщи и Ликиніа на царство, и остави его въ Българѣхъ (во Фракіи) съпротивитисе езыкомъ, озлобляющимъ Андрианополь и яже окрестъ его.“ *Ітени* въ *Общ. Ист. и Др.* 1847, I, 84.

⁵⁹⁾ Гиббонъ III, 103—107.

⁶⁰⁾ „*Servi Sarmatorum adversus omnes dominos rebellarunt: quos pulsos Constantinus libenter accipit et amplius trecenta mallia hominum mixtae aetatis et sexus per Thraciam, Scythiam, Macedoniam Italiamque divisit.*“ *Anonymus Valesii* у Цейса, 692. Срав. Евсевія, „*De vita Const.*“ IV, 6.

⁶¹⁾ *Γένη δὲ ταῦτα περὶ τὸν Ἰστρον οἰκούντα.* *Zosim.* I, с. 31.

и помѣщаетъ на сѣверовосточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ⁶²). Весьма близокъ къ истинѣ домыслъ Цейса, что и Урги Страбона, равно какъ Уроги Приска, посылавшіе, около 465 г., посольство въ Константинополь, суть тотъ же самый народъ⁶³). По мнѣнію Цейса, въ названіи, которое даетъ этому народу Старбонъ и къ которому болѣе приближается названіе его у Приска, мы имѣемъ, можетъ быть, и болѣе правильную форму, которую Нѣмцы преобразили, придавши ей Нѣмецкое окончаніе, въ Вургундъ, Уругундъ⁶⁴). Изъ позднѣйшихъ писателей Уругундовъ знаютъ: Агаѳій (во 2-й половинѣ VI в.) и Павелъ Діаконъ (ум. въ 799 г.); первый называетъ ихъ Буругундами (Βουρούγονδοι), причисляя къ племенамъ, обитавшимъ надъ сѣверо-западнымъ берегомъ Чернаго моря⁶⁵); второй говоритъ только о землѣ, ими занимаемой, называя ее Вургунтаибомъ (Wurgunthaib), который, какъ увидимъ, находился надъ сѣвернымъ склономъ Карпатскихъ горъ⁶⁶).

Такимъ образомъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ выше поименованныхъ писателей, начиная съ Страбона и до Павла Діакона, Уругунды обитали въ Прикарпатскихъ странахъ. Мы уже имѣли случай указать на ошибочность мнѣнія, тождествляющаго этотъ исконный Прикарпатскій народъ съ Нѣмецкими Бургундами. Кромѣ приведеннаго уже нами свидѣтельства Мамертина, это мнѣніе опровергается еще и свидѣтельствами Птолемея, Агаѳія и Павла Діакона, которые, зная и Нѣмецкихъ Бургундовъ, не только не смѣшиваютъ ихъ съ занимающимъ насъ здѣсь народомъ, но еще и говорятъ о нихъ какъ о совершенно особенномъ народѣ: Птолемей называетъ ихъ Бугунтами (Βουγουντοι), Агаѳій Бургузіонами. При столь убѣдительныхъ данныхъ нельзя не согласиться съ заключеніемъ Цейса, что занимающій насъ народъ Уругундовъ

⁶²) Φρουγουνδιῶνες, εἴτα Αὐαρηνοὶ παρὰ τὴν κεφαλὴν τοῦ Οὐιστύλα ποταμοῦ. Ptol. III, с. 5. Еще Цейсъ замѣтилъ, что тутъ буква φ „ist entweder falsch... oder verschrieben für ο.“

⁶³) „Die Deutsch.“ 695.

⁶⁴) Еще Тунманнъ отождествлялъ Уроговъ Приска съ Буругундами Агаѳія и видѣлъ въ этихъ двухъ названіяхъ одно и то же слово, являющееся у Агаѳія усложненнымъ приставкою у н д. Въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ указываетъ на Оногуровъ Приска, которыхъ позднѣйшіе писатели: Никифоръ, Теофанъ и Багрянородный, называютъ Оногундурами. „Untersuchungen,“ 32.

⁶⁵) Οἷτοι δὲ ἅπαντες κοινῇ μὲν Σκύθαι καὶ Οἰννοὶ ἐπωνομάζοντο: ἰδίᾳ δὲ κατὰ γένη, τὸ μὲν τι αὐτῶν Κοτρίγουροι, τὸ δὲ Οὐτίγουροι, ἄλλοι δὲ Ολτίζουροι, καὶ ἄλλοι Βουρούγονδοι. Agathias I. V, с. 11.

⁶⁶) „De gest. Longob.“ I. I, с. 13.

не имѣлъ ничего общаго съ Нѣмецкими Бургундами, не принадлежалъ даже къ Нѣмецкой семьѣ⁶⁷⁾. Цейсъ отнесъ ихъ къ Сарматамъ, но едва ли нужно указывать, что названіе Сарматовъ, какъ и названіе Скиоовъ, есть слишкомъ общій и неопредѣленный этнографическій терминъ, который древніе придавали самымъ разнороднымъ племенамъ, обитавшимъ, или появившимся, въ великой восточной равнинѣ Европы. Вотъ по чему причисленіе Уругундовъ къ Сарматамъ не даетъ намъ еще никакого понятія объ ихъ народности, и мы, для уясненія себѣ этого вопроса, должны отискивать другія данныя. Прежде всего мы должны остановиться на извѣстіи Павла Діакона о положеніи земли этого народа, которую онъ называетъ Вургунтаибомъ. Изъ сказанія его видно, что Вургунтаибъ непосредственно граничилъ съ странами, именуемыми Антаибомъ и Бантаибомъ (Anthaiß, Banthaiß)⁶⁸⁾ (лежавшими на югъ отъ Голанды, т. е. Голяди)⁶⁹⁾, и находился на югъ отъ нихъ, а именно по верхнему теченію Вислы, т. е., по сѣверному склону Карпатскихъ горъ⁷⁰⁾. Прежде нежели выведемъ свои заключенія изъ этого указанія Павла Діакона, мы почитаемъ необходимымъ указать на одно весьма ошибочное мнѣніе о Вургунтаибѣ и его жителяхъ; мы разумѣемъ мнѣніе, впервые высказанное Тунманомъ и занесенное Шафарикомъ въ „Славянскія Древности“. По этому мнѣнію Вургунтаибъ получилъ свое названіе отъ Буругундовъ Агаѳія, которые будто только въ V в. по Р. Хр. пришли въ эту страну изъ-за Волги и Приуральскаго края и принадлежали къ Угорскому племени, какъ выражается Тунманъ, или, по словамъ Шафарика, къ Чудскому. А подъ Буругундами Агаѳія, какъ Тунманъ, такъ и Шафарикъ, ни сколько не затруднялись разумѣть Болгаръ⁷¹⁾, народность и время прихода въ Европу которыхъ такимъ образомъ опредѣлялись сами собою. Но эти изслѣдователи упустили

⁶⁷⁾ „Die Deutschen“, 695.

⁶⁸⁾ „Egressi itaque Langobardi de Mauringa, applicuerunt in Gollanda, ubi aliquando tempore commorati dicuntur: post haec Anthaiß, Banthaiß pari modo et Wurgunthaiß per annos aliquot possedissee, quae nos arbitrari possumus esse vocabula pagorum seu quorumcunque locorum.“ I. L., c. 13.

⁶⁹⁾ Соловьева, „Исторія Россіи“ I, стр. 81 и прим. 129.

⁷⁰⁾ Уваровъ, „De Bulgar. utror. origine“, p. 17.

⁷¹⁾ „Aber wer waren diese fast eben so unbekannten Burugunder? Bulgaren waren sie, Geschlechtsgenossen der Kutriguren, und also vom Ugrischen Stamme.“ Тунманъ, „Untersuchungen“, 33. Это объясненіе, замѣчаетъ Шафарикъ, заноситъ его въ свои „Древности“, такъ умно и такъ согласно съ самымъ дѣломъ, что съ нимъ никакъ нельзя не согласиться. „Слав. Дрен.“ I, кн. 1, 219.

тутъ изъ виду, что Агаѳіевы Буругунды совсѣмъ не новые пришельцы въ Прикарпатскія страны, а тотъ же самый народъ, который Зосима называетъ Уругундами, Мамертинъ—Бургундіями, и который еще во время Птолемея обиталъ въ странѣ, называемой Павломъ Діакономъ Wurgunthaib. Этотъ явный недосмотръ ихъ тѣмъ непростительнѣе, что дѣло шло у нихъ не только о народности жителей Вургунтаиба, но еще и о рѣшеніи вопроса о происхожденіи Болгаръ и о времени прихода ихъ въ Европу, вопроса, надъ которымъ немало потрудились какъ Тунманъ, такъ и Шафарикъ. При столь очевидномъ тождествѣ Буругундовъ Агаѳія съ занимающими насъ здѣсь Уругундами, если согласиться съ Тунманомъ и Шафарикомъ, что первые суть Болгаре, то ученіе о приходѣ Болгаръ въ Прикарпатскія страны изъ-за Волги въ V в. лишается своей существенной основы; ибо достовѣрная исторія еще съ II-го в., со времени Птолемея, знаетъ Уругундовъ или Буругундовъ въ Прикарпатскихъ странахъ. Вмѣстѣ съ этимъ само собою рушится и ученіе объ Угорской или, какъ выражается Шафарикъ, Чудской народности Болгаръ?⁷²⁾

Отправляясь отъ несомнѣннаго, какъ намъ кажется, положенія, что Вургунтаибъ Павла Діакона есть не что иное, какъ земля занимающихъ насъ Уругундовъ, тожество которыхъ съ Буругундами Агаѳія не подлежитъ ни какому сомнѣнію, мы надѣемся уяснить себѣ съ большею вѣроятностію народность этого племени. Прежде всего мы должны указать на свидѣтельство Павла Діакона, что Вургунтаибъ непосредственно граничилъ съ Антаибомъ или Бантаибомъ, былъ какъ бы южнымъ продолженіемъ этой области, подъ которою, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ разумѣть землю Антовъ, или Вендовъ, т. е., область, населенную Славянами. Уже одно это обстоятельство приближаетъ жителей Вургунтаиба, Уругундовъ, къ Славянскимъ племенамъ. Далѣе, свидѣтельство Павла удостовѣряетъ насъ, что еще въ V в. по Р. Хр. это племя обитало въ той же самой странѣ, гдѣ, какъ было уже сказано, его знаютъ Мамертинъ, Птолемей и даже Страбонъ; другими словами, мы

⁷²⁾ Исходя изъ этого положенія о тождествѣ Болгаръ съ Буругундами Агаѳія, и Уваровъ, съ своемъ изслѣдованіи (*De bulgarorum utroque origine et sedibus antiquis*), весьма послѣдовательно пришелъ къ заключенію, что Болгаре издревле дѣлились на Восточныхъ и Западныхъ, изъ коихъ послѣдніе ископѣ вѣковъ обитали въ Прикарпатскихъ странахъ, никогда не бывали на Волгѣ, гдѣ помѣщались Восточные Болгаре, и были Славянскаго происхожденія.

удостоверяемся, что это не Нѣмецкое племя еще въ V вѣкѣ оставалось на сѣверномъ склонѣ Карпатскихъ горъ, гдѣ его зналъ еще Птолемей, писавшій во II-мъ в. по Р. Хр. А въ тѣ времена какія другія племена, кромѣ Славянскихъ, могли раздѣлять съ Нѣмцами обладаніе сѣверо-западнымъ склономъ Карпатскихъ горъ? Немаловажное значеніе для насъ имѣетъ и то обстоятельство, что Уругунды являются въ этихъ свидѣтельствахъ прочно осѣвшимъ племенемъ, въ теченіе болѣе четырехъ столѣтій не мѣнявшимъ мѣста своего жительства. А изъ всѣхъ обитателей восточной Европы только Славяне тогда отличались такою прочною осѣдлостію, только они, по выраженію Тацита, строили себѣ, подобно Германцамъ, постоянныя жилища, тогда какъ сосѣди и сожители ихъ, собственные Сарматы и Финны, вели бродячую жизнь, перекочевывали съ мѣста на мѣсто⁷³). Прибавимъ къ этому и то, что Уругунды выступаютъ на историческое поприще вмѣстѣ съ Карпами и Боранами и долгое время дѣйствуютъ за одно съ этими несомнѣнно Славянскими племенами. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ Славянское происхожденіе Уругундовъ дѣлается болѣе чѣмъ вѣроятнымъ.

Борановъ, союзниковъ Уругундовъ и отважнѣйшихъ изъ варваровъ, безпокоившихъ Имперію со стороны нижняго Дуная въ теченіе III-го вѣка, Шафарики также уступаетъ Нѣмцамъ. И ихъ, какъ и Уругундовъ, онъ относитъ къ тѣмъ мнимымъ „Нѣмецкимъ полчищамъ“, которыя, по его словамъ, около половины III-го вѣка въ неслыханномъ множествѣ устремились къ Черному морю и нижнему Дунаю⁷⁴). Въ этихъ выраженіяхъ великаго Славяниста ясно сказывается заблужденіе, распространенное ультра-Нѣмецкой исторической школой, которая во всѣхъ, опасныхъ для Римской Имперіи, сѣверныхъ варварахъ видѣла однихъ только Нѣмцевъ⁷⁵). Трезвый отъ этого

⁷³) „Hi (Venedi) tamen inter Germanos potius referuntur, quia et domos figunt et scuta gestant et pedum usu ac pernecitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plastro equoque viventibus. Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non Penates: victui herba, vestitui pelles, cubile humus“. Tacit. „De German. morib“ c. 46.

⁷⁴) „Въ это время, замѣчаетъ онъ, а частью и нѣсколько прежде, неслыханное множество Нѣмецкихъ народовъ, Буровъ или Борановъ, Буругундовъ..., прельщенныхъ разсказами о подвигахъ Готовъ и надеждой на богатую добычу... двинулись одни на Эвксинское Поморье, а другіе въ пылѣшнюю верхнюю Угрію, соединились съ Готами и, съ удвоенными силами, начали нападать со всѣхъ сторонъ на ослабѣвшую Римскую Имперію.“ Слав. Древн. I, кн. 2, стр. 247.

⁷⁵) „Die Deutschen,“ 624.

предубѣжденія, основательнѣйшій изслѣдователь Древне-Нѣмецкой этнографіи, Цейсъ вычеркнулъ и Борановъ изъ списка Нѣмецкихъ племенъ и, не безъ основанія видя въ нихъ родичей Уругундовъ, отнесъ ихъ къ Сарматамъ, къ которымъ, какъ было замѣчено уже, онъ относилъ и послѣднихъ, т. е., Уругундовъ⁷⁵). Мы говорили уже, что по свидѣтельству Зосимы Бораны жили на сѣверъ отъ нижняго Дуная, гдѣ этотъ писатель помѣщаетъ и ихъ саюзниковъ, Уругундовъ. Птолемей, помѣщающій послѣднихъ по верхнему теченію Вислы, говоритъ, что подлѣ нихъ сидѣли Буланы (*Βούλανες*)⁷⁶). Изъ этого обстоятельства Цейсъ весьма основательно, какъ намъ кажется, заключаетъ, что подъ Буланами Птолемея слѣдуетъ разумѣть занимающихъ насъ Борановъ. А что Буланы были Славянами, и что въ названіи ихъ мы имѣемъ не что иное, какъ Готское произношеніе Славянскаго слова Поляне, это поставлено внѣ всякаго сомнѣнія изслѣдованіями Шафарика. Достаточно указать только на слѣдующій изъ его доводовъ: „Познанскіе Поляне, о которыхъ говорятъ Дитмаръ, Адамъ Бременскій и проч. (*Poleni, Polani, Pulani*), въ Древне-Нѣмецкихъ глоссахъ отъ IX по XII в. называются Боланами (*Bolanen, Bolani, Bolanin*)“⁷⁷). Въ одномъ только мы не можемъ согласиться здѣсь съ Шафарикомъ, въ томъ именно, будто Булановъ Птолемея должно отождествлять непременно съ этими Познанскими Полянами. По смыслу словъ Птолемея, Буланы жили южнѣ Познани, ближе къ Карпатскимъ горамъ. А отъ чего же, если были Поляне на Днѣпрѣ и въ Познани, если и теперь они существуютъ между Болгарами (Поляне, Поленци въ Дебрѣ, Полянинъ въ южной Македоніи)⁷⁸), между Словинцами и Хорватами (Полянцы на р. Мурѣ, Полянцы на Дравѣ)⁷⁹), отъ чего же, говоримъ, не допустить, что могли быть Поляне также и на равнинахъ, окаймляющихъ Карпатскій хребетъ⁸⁰)?

⁷⁶) Εἴτα Βούλανες, ὅφ' οὗς Φρουρουδιῶνες. Ptol. III, с. 5.

⁷⁷) „Слав. Древн.“ I, кн. I, 341.

⁷⁸) Верковича „Описаніе быта Македонскихъ Болгаръ,“ въ „Извѣстіяхъ Москов. Университета“, 1868, № 3.

⁷⁹) „Juhoslov.“ 17, 27.

⁸⁰) Оно такъ и есть: Земля Львовская слыветъ издавна у Галичанъ „Опільемъ.“ О. Б. — Шафарикъ отождествляетъ съ Боранами Буровъ, которые, какъ мы видѣли уже, принимали участіе въ войнѣ Языговъ съ М. Авреліемъ. „Слав. Древн.“ I, кн. II, 208. Если это справедливо, то и въ Бурахъ мы въ правѣ видѣть Славянъ.

О Карпахъ не безъ основанія заключалъ Цейсъ, что это тотъ самый народъ, который Птолемей помѣщаетъ между сѣверозападнымъ берегомъ Чернаго моря и Карпатскими горами, называя его Арпіями (Ἀρπίοι) и Карпіянами (Καρπιανοί)⁸¹). По мнѣнію Катанчича, они обитали въ нынѣшней Молдавіи, по рѣкѣ Быстрицѣ, лѣвому притоку Серета, Шафарикъ же отводитъ имъ Восточную Галицію⁸²). Онъ не безъ основанія видѣлъ въ названіи ихъ испорченное Греко-Латинскимъ произношеніемъ имя Хрватовъ (Хорватовъ), обитателей Хрбовъ (Хребтовъ) или, по Греко-Латинскому произношенію, Карпатовъ⁸³). Излишне было бы приводить всѣ доводы Шафарика, или отыскивать новыя данныя, для подтвержденія Славянской народности Карповъ: въ ихъ Славянскомъ происхожденіи въ настоящее время не сомнѣваются болѣе почти всѣ Славянскіе ученые, а также и нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ. Въ ученой Нѣмецкой литературѣ, однако, преобладаетъ мнѣніе, причисляющее это племя къ Θρακίицамъ. Мнѣніе это, впервые высказанное, на сколько намъ извѣстно, Цейсомъ, опирается исключительно на то, что въ одномъ мѣстѣ у Зосимы имя Карповъ встрѣчается въ сложеніи съ именемъ Даковъ, Карподаки (Καρποδάκαι)⁸⁴). Цейсъ заключилъ изъ этого, что Карпы были одно изъ племенъ Даковъ, которыхъ онъ, въ свою очередь, отождествляетъ съ Θρακίискими Гетами. Вотъ на какомъ основаніи и какимъ путемъ Карпы произведены въ Θρακίицевъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Зосима упоминаетъ о Карподакахъ по поводу вторженія ихъ въ Имперію вмѣстѣ съ Гуннами и Скирами въ царствованіе Θεодосіа, т. е., спустя болѣе столѣтія послѣ раздробленія племени Карповъ, изъ коихъ, какъ было замѣчено, значительная часть была переселена въ Мизию и Паннонію. Всего вѣроятнѣе, что Зосима названіемъ Карподаковъ хотѣлъ отличить оставшихся въ Дакии Карповъ, которые только и могли вторгаться въ Имперію, отъ тѣхъ, которые уже обитали въ Мизии и Панноніи. Можетъ быть также, что этимъ сложнымъ названіемъ онъ хотѣлъ указать и на смѣшеніе этихъ, оставшихся въ Дакии, Карповъ

⁸¹) „Die Deutsch.“ 698.

⁸²) „Слав. Древн.“ I, кн. I, 354. Недавно I. Куно высказалъ мнѣніе, что Карпы жили въ западной части Дакии. „Die Skythen,“ 355.

⁸³) Куно по чему-то не понравилось такое производство названія Карповъ: онъ производитъ его отъ „крѣпъ, крѣпкій.“ Тамъ же 355.

⁸⁴) „Die Deutsch.“ 699.

съ другими народностями, смѣшеніе, которое весьма естественно предполагать при незначительномъ остаткѣ Карповъ въ Дакіи и при тѣхъ народныхъ передвиженіяхъ, которыя произведены были въ этой странѣ вторженіемъ въ нее Гунновъ. Какъ бы то ни было, но изъ этого названія всего менѣе слѣдуетъ, что Карпы были Дакійское племя. Но если даже и согласиться съ этимъ, то все же Оракійское происхожденіе Карповъ остается еще далеко не доказаннымъ; ибо новѣйшая наука совсѣмъ отвергаетъ тождество Даковъ съ Гетами⁸⁵⁾, а этимъ самымъ и вѣра въ Оракійское происхожденіе ихъ сильно поколеблена. Такъ неосновательно и такъ невѣрно мнѣніе, оспаривающее Оракійское происхожденіе Карповъ противъ мнѣнія, что они были Славянами: не нужно доказывать, что при такомъ соперникѣ это послѣднее мнѣніе получаетъ несомнѣнную силу. Также неосновательно Цейсъ⁸⁶⁾, а за нимъ и многіе другіе⁸⁷⁾, относили къ Оракійцамъ и Костобокъ, которые, какъ было замѣчено уже, около конца II-го в. вторгались на Балканскій полуостровъ, гдѣ набѣги ихъ достигали даже Греціи. Птолемей называетъ ихъ Кистобокъ (*Κιστοβοχοί*), отводя имъ жилища по сосѣдству съ Уругундами, и мы едва ли не будемъ болѣе въ правѣ, если причислимъ и ихъ къ Славянамъ⁸⁸⁾.

Обращаясь теперь къ опредѣленію народности Языговъ, мы должны прежде всего замѣтить, что древніе отличаютъ два народа этого наименованія, а именно: Восточныхъ и Западныхъ Языговъ. Первые обитали, по Птолемию, на сѣверъ отъ Азовскаго моря, по Страбону—на Бугѣ (*Ύπανς*), Овидій же знаетъ ихъ на Черномъ морѣ, недалеко отъ устьевъ Дуная. Западные Языги помѣщались въ нынѣшней Угріи, между Дунаемъ, Тисой и Карпатскими горами⁸⁹⁾. Насъ должны занимать только эти послѣдніе; ибо о нихъ шла рѣчь въ нашемъ историческомъ обзорѣ отношеній Придунайскаго варварскаго міра къ Имперіи. Не возможно опредѣлить, имѣли ли эти два одноименные, но отдѣленные другъ отъ друга цѣлою Дакіею, народа какую ни будь связь между собою. Шафарикъ и другіе, считающіе Западныхъ Языговъ выходцами съ востока, съ Черно-

⁸⁵⁾ Мюлленгофъ, „Die Geten“, въ „Allg. Encyklop. von Ersch und Gruber“, t. 83.

⁸⁶⁾ „Die Deutsch.“ 696.

⁸⁷⁾ Рёслеръ, „Romän. Studien.“

⁸⁸⁾ Шафарикъ, „Слав. Древн. I, кн. 1, 346; Куно, „Die Skyth.“ 330.

⁸⁹⁾ Ptolem. III, c. 7.

морья, не могутъ представить въ пользу этого предположенія никакихъ убѣдительныхъ данныхъ; ибо эпитетъ *μετανασταί*, который придаетъ имъ Птолемей, далеко не оправдываетъ такого предположенія. Еще менѣе оправдывается оно свидѣтельствомъ Плинія, что Языги повыгнали Даковъ изъ равнинъ и заставили ихъ удалиться въ горы за Тису⁹⁰). Вотъ по чему намъ кажется справедливымъ сомнѣніе Іоанна Куно, чтобы эти Языги были поселеніемъ Черноморскихъ Языговъ⁹¹). Первые наши извѣстія о западныхъ Языгахъ восходятъ къ половинѣ перваго столѣтія нашего лѣтосчисленія. По свидѣтельству Тацита⁹²), Квадъ Ванній, около 50 года по Р. Христовѣ, съ помощію наемныхъ Языговъ, старался упрочить свою власть въ Свевской области, лежавшей между рѣками Моравою и Вагомъ, въ округѣ Пресбургскомъ⁹³). Въ 70 г. Намѣстникъ Панноніи, Корнелій Фускъ, приглашалъ Языговъ на помощь Веспасіану, во время войны его съ Вителліемъ⁹⁴). Свидѣтельства эти не оставляютъ никакого сомнѣнія, что занимающіе насъ Языги еще около половины перваго столѣтія обитали уже на лѣвомъ берегу средняго Дуная къ Тисѣ, т. е., занимали уже ту же самую страну, гдѣ ихъ находимъ во II, III и IV вѣкѣ, когда, какъ было уже замѣчено, около 300,000 душъ изъ нихъ выселились на Балканскій полуостровъ. Это было выселеніе только одной части Языговъ, другая же часть осталась въ своихъ прежнихъ жилищахъ, гдѣ упоминается еще и въ V вѣкѣ⁹⁵). Такимъ образомъ мы имѣемъ достовѣрнѣйшія извѣстія, что Языги, въ теченіе слишкомъ 4-хъ столѣтій, постоянно оставались въ равнинѣ, простирающейся между Дунаемъ и Тисой. Въ этой странѣ мы встрѣчаемъ въ это время слѣдующія мѣстныя названія, несомнѣнно Славянскаго происхожденія и образованія. Патисъ (Pathissus), такъ называетъ Плиній рѣку Тису или скорѣе прилежащую къ ней страну.

⁹⁰) Плиній замѣчаетъ только: „Campos et plana Jazyges Sarmatae, montes vero et saltus pulsati ab his Daci ad Pathissum amnem.... tenent.“ Но когда происходило это и откуда явились Языги, объ этомъ онъ не говоритъ ни слова.

⁹¹) „Die Skythen“, 333.

⁹²) „Ipsi Vannio manus propria pedites, eques a Sarmatis Jazygibus erat.“ Annal. Tacit. XII, 29.

⁹³) Палацкій, „Dějiny nar. Českého.“ Praha, 1862, I, 61, 62.

⁹⁴) . . . „principes Sarmatorum Jazygum, penes quos civitatis regimen, in commilitium asciti. Plebem quoque et vim equitum, qua sola valent, offerebant.“ Tacit. Historia III, 5.

⁹⁵) Іорнандъ, „Goth.“ с. 55.

По весьма вѣроятному объясненію Шафарика, это — Славянское Потисье, составленное этимологически по аналогіи съ извѣстными словами: Порѣчье, Поморье, Полѣсье и пр.⁹⁶). Пистра (Pistra у Амм. Марц.), по всему вѣроятію Славянское Быстра, какимъ именемъ называются и теперь нѣсколько селъ въ Нижней Угріи. Берсовія (Bersovia на Пейтинг. Табл. и у геогр. Равенск.), по Шафарiku, нынѣшняя деревня Берзава или Брзава на рѣчкѣ того же названія въ Банатѣ. Пессіумъ (Πεσσιον у Птолемея) нынѣшній Пештъ. Недалеко отъ рѣки Тисы, въ концѣ прошлаго вѣка найдена древняя Греческая надпись, въ которой два раза повторяется слово ζοαπαν, явственно обличающее въ себѣ Славянское Жупанъ⁹⁷). Основываясь на этихъ, а также и на нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, многіе изслѣдователи, каковы: Маннертъ, Катанчичъ, Нибуръ, Перцъ, Я. Гриммъ, Каульфусъ, Куно, Шембера, не сомнѣваются, что эти Сарматы-Языги были Славянское племя⁹⁸). Шафарикъ въ своемъ сочиненіи: „о происхожденіи Славянъ“ былъ тоже такого мнѣнія, въ „Древностяхъ“ же онъ нѣсколько измѣнилъ этотъ свой взглядъ. Отправляясь отъ свидѣтельства нѣкоторыхъ древнихъ писателей, отличающихъ между Языгами два сословія: свободныхъ и рабовъ (Sarmatae liberi, Sarmatae servi), онъ пришелъ къ заключенію, что тутъ обитали два разноплеменные народа, изъ коихъ одинъ искони населялъ эту страну, другой же, пришедши туда позднѣе, покорилъ себѣ туземцевъ, господствовалъ надъ ними⁹⁹). По мнѣнію Шафарика, только подчиненные (Sarmatae servi) были Славянскаго происхожденія, другіе же, свободные, господствующіе (Sarmatae liberi), принадлежали дѣйствительно къ собственнымъ Сарматамъ, были Мидійское племя. Не отрицая нѣкоторой важности за свидѣтельствами древнихъ, подавшими поводъ Шафарiku усомниться въ единоплеменности этихъ двухъ сословій, мы, при невозможности подвергнуть эти свидѣтельства обстоятельному повѣрочному разбору, не можемъ согласиться, чтобы свободные Языги, въ теченіе слишкомъ трехъ сотъ лѣтъ господствовавшіе между Тисой и Дунаемъ, были Мидійцы, и скорѣе согласимся съ

⁹⁶) „Ueber die Abk. d. Slawen,“ 172. Птоломей упоминаетъ о городѣ Παρτισκον, на Тисѣ; тамъ же и Ам. Марцеллинъ называетъ г. Partiscus. По всему вѣроятію, и въ этихъ названіяхъ слѣдуетъ видѣть Patissus=Потисье.

⁹⁷) „Слав. Древн.“ I, кн. 2, 121.

⁹⁸) Шембера, „Západní Slované v Pravěku.“ Ve Vidni, 1868, str. 190.

⁹⁹) „Слав. Древн.“ I, кн. 1, 415.

Я. Гриммомъ, Каульфусомъ, Куно, Шемберой, отстаивавшими противъ этого мнѣнія Славянскую народность свободныхъ Сарматовъ¹⁰⁰⁾.

Племена, отмѣченныя нами въ этомъ обзорѣ, какъ Славянскія, обитали, какъ на сѣверъ отъ нижняго Дуная, по восточному и сѣверному склону Карпатскихъ горъ, такъ и по среднему теченію этой рѣки, въ нынѣшней Угріи. Тутъ жили Языги, земля которыхъ граничила съ восточной стороны Тисою, съ западной же среднимъ Дунаемъ. Но что Славяне, кромѣ этой области, населяли еще задолго до Р. Хр. и сосѣднія съ ней страны, на эти имѣются весьма убѣдительныя данныя, тщательно собранныя и изслѣдованныя Шафарикомъ¹⁰¹⁾. Но не сомнѣваясь въ исконной древности Славянъ въ этихъ краяхъ, въ земляхъ Придунайскихъ, Шафарикъ усиливался доказывать, что они были вытѣснены оттуда въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Кельтами за Карпатскія горы, откуда 800 лѣтъ спустя, а именно, около начала VI-го вѣка по Р. Хр., снова возвратились въ свою прародину. По нашему крайнему разумѣнію, мнѣніе это совершенно ошибочно: оно основывается на преувеличенномъ представленіи о могуществѣ и численности Кельтскихъ полчищъ, вторгнувшихся въ IV-мъ вѣкѣ въ Придунайскіе края, и опирается на невѣрное примѣненіе извѣстнаго свидѣтельства первой Русской лѣтописи объ изгнаніи Славянъ изъ Придунайскихъ странъ Волохами, въ которыхъ Шафарикъ ни сколько не затруднялся видѣть Кельтовъ. Мы уже касались нѣсколько этого вторженія Кельтовъ, и изъ ихъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ имѣли случай убѣдиться, что мощь ихъ въ сущности далеко не соотвѣтствовала тѣмъ громкимъ выраженіямъ, которыми изображали ее древніе повѣствователи и которыя Шафарикомъ понимались въ буквальный смыслъ. Здѣсь же намъ представляется случай самымъ дѣломъ опровергнуть ни на чемъ не основанное убѣжденіе Шафарика, что Кельты наводнили будто всю Среднедунайскую низменность, распространились и на востокъ отъ нея даже до устья Днѣстра¹⁰²⁾.

¹⁰⁰⁾ Kaulfuss, „Die Slawen in den ältesten Zeiten bis Samo.“ Berlin, 1842, S. 25, 26; Grimm, „Geschichte der Deutsch. Sprache.“ Leipz. S. 120.

¹⁰¹⁾ Данныя эти заключаются въ мѣстныхъ названіяхъ сихъ странъ. „Свидѣтельство ихъ, замѣчаетъ Шафарикъ, такъ неопровержимо, что даже и тотъ, кто неохотно въ историческихъ изслѣдованіяхъ прислушивается къ филологическимъ доводамъ, долженъ почувствовать силу и важность его, и волею, неволею, обратить на него вниманіе. Слав. Древн.“ I, кн. 1, 407.

¹⁰²⁾ „Слав. Древн.“ I, кн. 1, 441, 442.

Въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. жившіе на лѣвомъ берегу нижняго Дуная племена, въ виду опасности, угрожавшей имъ со стороны приближавшагося къ нимъ владычества Римлянъ, вступаютъ въ тѣсный союзъ между собою, создаютъ обширное государство, основателемъ котораго считается знаменитый Дакіецъ Бурвиста или Биривиста¹⁰³). Бурвиста распространяетъ далеко предѣлы этой новой державы, до самаго Днѣстра на востокъ, а на западъ до Тисы, и на всемъ этомъ пространствѣ онъ нигдѣ не наталкивается на Кельтовъ. Только на западномъ берегу Тисы, тамъ, гдѣ нѣсколько позднѣе встрѣчаемъ Языговъ, это новое государство встрѣтилось съ Кельтами, изъ чего ясно, что только до этой черты простиралось тогда владычество Кельтовъ. Владѣнія самой восточной вѣтви ихъ, Боевъ, простирались только до Тисы¹⁰⁴): на западъ отъ Боевъ простирались владѣнія Таврисковъ, упиравшихся въ Норійскіе Альпы, на югъ отъ нихъ, отъ рѣки Дравы и до Скадрскихъ Албанскихъ горъ, господствовали Скордиски. Вотъ и всѣ государства, основанныя Кельтами въ этой странѣ. Могущество ихъ оставалось въ полномъ цвѣтѣ, и ни что не даетъ повода предполагать, что господство ихъ простиралось до этого времени и за Тисою. Для отраженія наступательнаго перехода Бурвисты за Тису всѣ Кельты: и Бои, и Тавриски и Скордиски, вступаютъ въ тѣсный союзъ, къ которому, волею или неволею, должны были пристать и нѣкоторые Илирійскія племена. Вся сила Кельтовъ ополчилась противъ Бурвисты, но, не смотря на это, онъ нанесъ имъ страшное пораженіе и подчинилъ себѣ значительную часть земли, надъ которой они господствовали. Бои послѣ этого пораженія были принуждены оставить эту страну и потѣсниться на западъ, къ Альпійскимъ горамъ. Изъ этого мы удостовѣряемся, что Кельты никогда и не проникали на востокъ отъ Тисы, въ нынѣшнюю восточную Угрію и въ страну, прилежащую къ лѣвому берегу нижняго Дуная, а, слѣдовательно, и не могли выгонять оттуда никого. Западную часть Угріи они дѣйствительно наводнили и господствовали въ ней довольно долгое время, откуда только они и могли выгонять Славянъ; но едва

¹⁰³) Strab. VIII, c. 3, 11.

¹⁰⁴) Предположеніе, что Бастарны и Певкины, упомянутые на нижнемъ Дунаѣ, принадлежали къ Кельтскому племени, основано на весьма шаткихъ основаніяхъ. Это предположеніе, по нашему мнѣнію, и совершенно устранено изслѣдованіями Пейса, приведшаго гораздо болѣе убѣдительные доводы въ пользу Нѣмецкой народности этихъ племенъ. „Die Deutsch“. 127—130.

ли такое изгнаніе могло имѣть мѣсто; ибо, допустивъ его, мы этимъ лишаемъ себя возможности объяснить себѣ столь раннее присутствіе Славянъ между Дунаемъ и Тисой, т. е., въ странѣ, гдѣ господствовали Бои. Сейчасъ, по удаленіи Боевъ, тамъ мы находимъ Славянъ, о которыхъ говорится какъ о старожилахъ этой страны¹⁰⁵).

Такимъ образомъ мнѣніе объ изгнаніи Славянъ Кельтами съ Дуная оказывается совершенно невѣрнымъ въ своемъ основаніи. Помянутое же свидѣтельство Нестора, которымъ Шафарикъ думалъ подтвердить это мнѣніе, какъ увидимъ вскорѣ, сюда не относится.

Что Славяне дѣйствительно не были изгоняемы изъ этихъ странъ въ IV вѣкѣ до Р. Хр., чтобы снова возвращаться въ нихъ въ концѣ V, или началѣ VI, вѣка по Р. Хр., какъ утверждалъ Шафарикъ, это, кромѣ присутствія Славянъ на среднемъ Дунаѣ около начала нашего лѣтосчисленія, доказываютъ еще и слѣдующія данныя. Прискъ, посѣтившій въ 448 г. восточную Угрію, въ качествѣ члена посольства Θεодосія II къ Атиллѣ, замѣчаетъ, что туземцы этой страны говорили особеннымъ языкомъ, стличавшимся отъ языка Гунновъ, Готовъ и Авсонійцевъ (Римлянъ)¹⁰⁶). Къ счастью, до насъ дошли и два, три слова отъ этого языка. Тотъ же Прискъ говоритъ, что въ селеніяхъ, черезъ которыя случалось имъ проѣзжать, имъ доставляли сѣбѣстные припасы: „вмѣсто пшеничнаго хлѣба просо (κέγχρος), вмѣсто вина другой напитокъ, называемый жителями медомъ (μέδος)¹⁰⁷). Изъ Юрнандова описанія похоронъ Атиилы, происходившихъ въ окрестностяхъ нынѣшняго Токая,

¹⁰⁵) Мы разумѣемъ Языговъ въ Потисѣ вообще. Въ Славянскомъ происхожденіи Языговъ служебныхъ, какъ было замѣчено уже, не сомнѣвался и Шафарикъ.

¹⁰⁶) Εὐνκλυδες ὄντες (οἱ Σκύθαι) πρὸς τῇ σφετέρᾳ βαρβάρῳ γλώσσῃ ζήλοισιν ἢ τὴν Οὐννων ἢ τὴν Γότθων, ἢ καὶ τὴν Αὐσονίων, ὅσοις αὐτῶν πρὸς Ῥωμαίους ἐπιμιξαί. Excerpt. e Prisci Historia, ed. Bonn., p. 190.

¹⁰⁷) Ἀντὶ μὲν αἴτου κέγχρος, ἀντὶ δὲ αἶνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος. Prisc. p. 183. Былъ въ употребленіи въ этой странѣ и другой напитокъ, который Прискъ называетъ κάμος. Ἐχορίζοντο δὲ καὶ οἱ ἐπόμενοι ἡμῖν ὑπηρεταὶ κέγχρον καὶ τὸ ἐκ κριθῶν χορηγούμενον πόμα κάμον οἱ βάρβαροι καλοῦσιν αὐτό. Ibid. Нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ и Гильфердингъ, видятъ въ этомъ словѣ Славянское „квась“, что намъ кажется натяжкой. Напитокъ этотъ, по свидѣтельству Приска, употребляли слуги, которые были даны посламъ въ проводники, и по всему вѣроятію были изъ Гунновъ. Отсюда является возможность предполагать, что камось былъ Гунскій напитокъ, вѣроятно кумысъ. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что Императоръ Маврикій называетъ просо (κέγχρος, milum) растеніемъ, преимущественно разводимымъ Славянами. Тоже самое утверждаетъ и Ибнъ-Даста. См. у Хвольсона стр. 30.

мы узнаемъ, что онѣ завершены были большимъ пиршествомъ на могилѣ, называемомъ у туземцовъ стравой (strava)¹⁰⁸). Это слово тоже чисто Славянское: оно и до сихъ поръ употребляется у Поляковъ, Чеховъ, Словаковъ, Малоруссовъ и Великоруссовъ въ значеніи пищи, ѣды, изживенія¹⁰⁹).

Такимъ образомъ „медъ и страва,“ единственные слова, дошедшія до насъ изъ Дакинъ отъ половины V-го вѣка, не представляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что языкъ, который употреблялся въ этой странѣ, и который Прискъ, въ отличіе отъ Гуннскаго, Готскаго и Латинскаго языковъ, называетъ Скиѳскимъ языкомъ, былъ Славянскимъ. Шафарикъ, знавшій обо всѣхъ этихъ Славянскихъ признакахъ въ Дакинъ, оговариваетъ свое утвержденіе объ изгнаніи Славянъ отсюда Кельтами слѣдующими словами: „Впрочемъ, какъ обыкновенно случается въ такихъ переселеніяхъ, нѣкоторыя части ихъ, (Славянъ), оставшись въ южныхъ оконечностяхъ Карпатъ, въ окрестностяхъ Вага, Гропа, Ипла, Шаявы, Гернада, Торысы, Ондавы и верховьяхъ Тисы, и оградясь безчисленными горами отъ нападеній свирѣпыхъ неприятелей, провождали, въ этихъ Аркадскихъ долинахъ, жизнь пастырскую и земледѣльческую мирно и покойно до самаго прибытія прочихъ братій съ сѣвера“¹¹⁰). Но такая оговорка, помощію которой Шафарикъ пытается объяснить существованіе явственныхъ признаковъ присутствія Славянъ въ этой странѣ и послѣ предполагаемаго ихъ изгнанія отсюда Кельтами, такая оговорка, говоримъ, допускающая остатки Славянъ въ горныхъ странахъ, теряетъ всякое значеніе, если припомнить, что всѣ признаки, подавшіе поводъ къ ней, появляются на равнинахъ. На равнинѣ обитали Языги, Славянство которыхъ признаетъ и самъ Шафарикъ; жители равнинъ почитвали Приска „медомъ“¹¹¹); на равнинѣ же справлялась и „страва“ по Аттилѣ. Припомнимъ и то, что, по смыслу свидѣтельства Приска, языкъ, который онъ называетъ Скиѳскимъ, былъ языкомъ кореннаго населенія этой страны, языкомъ множества, и мы поймемъ всю несостоятельность оговорки Шафарика.

¹⁰⁸) „Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi ingenti comessatione concelebrant. Jorn. c. 49.

¹⁰⁹) Котляревскаго, „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, стр. 36.

¹¹⁰) „Слав. Древн.“ I, кн. 1, 413.

¹¹¹) Prisc., ed. Bonn. 183.

Наше положеніе о непрерывномъ пребываніи Славянъ въ этой странѣ и послѣ предполагаемаго Кельтскаго нашествія на нее вплоть до временъ Атиллы встрѣчаетъ, по видимому, важное противорѣчіе въ двухъ весьма крупныхъ эпизодахъ изъ исторіи Подкарпатскаго края: мы разумѣемъ владычество Дакійцевъ и смѣнившее его, со временъ Императора Траяна, господство Римлянъ. Мы останавливаемся надъ устраненіемъ этого кажущагося противорѣчія тѣмъ охотнѣе, что тутъ представляется намъ случай указать нѣкоторыя новыя данныя въ пользу нашего мнѣнія. Дакійское государство, во время послѣдней борьбы его съ Римлянами, простиралось отъ Днѣстра до Тисы и отъ нижняго Дуная до сѣвернаго хребта Карпатскихъ горъ. Въ этой обширной странѣ, полагаютъ, обитали тогда Даки, которыхъ обыкновенно отождествляютъ съ Гетами, и такимъ образомъ относятъ къ Оракійскому племени, которому мы отказываемъ въ Славянскомъ происхожденіи. Прежде всего мы должны указать на то, что такой взглядъ на населеніе Дакии и на народность Дакійцевъ основывается на предпологаемомъ выселеніи всего племени Гетовъ съ праваго берега нижняго Дуная на лѣвый, чего на дѣлѣ не было. По весьма основательному и всестороннему изслѣдованію этого вопроса Мюлленгофомъ не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію, что только часть Гетовъ выселилась на сѣверъ отъ нижняго Дуная. А немыслимо, чтобы частичка одной изъ многочисленныхъ частицъ, на которыя, какъ мы видѣли, дробилось Оракійское племя, немыслимо, говоримъ, чтобы горсть людей могла населить собою всю Дакію и основать тамъ столь могущественное государство, которое еще при основателѣ его, Бурвистѣ, могло выставить противъ Римлянъ 200,000 чело-вѣкъ¹¹²⁾. Также неосновательно и отождествленіе Даковъ съ Гетами. Послѣдніе, какъ и слѣдовало ожидать, по свидѣтельству Страбона, обитали по берегу Чернаго моря, отъ устьевъ Дуная до Днѣстра, гдѣ находилась въ послѣдствіи Гетская пустыня, Даки же жили ближе къ Германіи и къ верховьямъ Дуная¹¹³⁾. Немыслимое дѣло, чтобы Геты, хотя бы даже и допустить, что

¹¹²⁾ Strabo. VII, с. 3, 11. Извѣстно, что передъ смертію свсею Ю. Цезарь замышлялъ походъ противъ Даковъ съ стотысячнымъ войскомъ. Рёслера, „Romän. Stud.“ 30.

¹¹³⁾ Γέτας μὲν τοὺς πρὸς τὸν Πόντον κεκλιμένους καὶ πρὸς τὴν ἑω, Δάκους δὲ τοὺς εἰς τὰναντία πρὸς Γερμανίαν καὶ τὰς τοῦ Ἰστροῦ πηγὰς. Strab. VII, с. 3, 12.

тутъ было все колѣно Гетовъ, могли распространиться такъ далеко, отъ Чернаго моря до истоковъ Дуная. Діонъ Кассій, жившій нѣкоторое время на границѣ почти Дакіи въ качествѣ Правителя Панноніи, говоря о Дакахъ, замѣчаетъ: „Я ихъ называю Даками, какъ они сами себя называютъ и какъ ихъ зовутъ Римляне, не смотря на то, что нѣкоторые изъ Грековъ, справедливо, или нѣтъ, называютъ ихъ Гетами“¹¹⁴). Мы имѣемъ и положительныя указанія на то, что въ этой обширной странѣ, гдѣ возникло Дакійское государство, просуществовавшее около полутора столѣтій, жилъ не одинъ народъ; укажемъ прежде всего на Анкирскую надпись, которая говоритъ о Дакійскихъ народахъ (*Dacorum gentes, τὰ Δακῶν ἔθνη*)¹¹⁵). По свидѣтельству Діона Кассія Императоръ Траянъ имѣлъ дѣло въ Дакіи съ разными племенами, изъ коихъ, какъ самое могущественное, онъ отмѣчаетъ Буровъ, отъ которыхъ, по всему вѣроятію, получилъ свое названіе городъ Бурридава (*Βουρρίδαυα*), нынѣ *Rothen Thurm*¹¹⁶). Разноплеменность населенія Дакіи подтверждается и барельефами Траяновой колонны, представляющими это населеніе въ разнородныхъ одѣяніяхъ и въ разнородномъ вооруженіи. Послѣднее невольно заставило описателей колонны предположить, что въ войскѣ Децебалла, кромѣ Даковъ, находились еще люди другого племени, которыхъ Чьяконе называетъ Сарматами¹¹⁷). Мы хотимъ сказать, что существованіе въ занимающей насъ странѣ обширнаго государства, основаннаго Дакійцами около начала нашего лѣтосчисленія ни сколько не исключаетъ возможности совмѣстнаго сожителства съ ними въ этой странѣ другихъ племенъ. Мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что во все время существованія этого государства тамошніе Славяне, въ качествѣ ли союзниковъ Дакійцевъ, или въ качествѣ ихъ подданныхъ, оставались въ прежнихъ своихъ жилищахъ. Да и сами Даки, которыхъ тождество съ Гетами новѣйшая наука отвергаетъ, и Θρακίϊское происхожденіе коихъ болѣе чѣмъ сомнительно, да и сами Даки, говоримъ, едва ли

¹¹⁴) Dio Cass. I. 67, с. 6.

¹¹⁵) „*Tabulae Ancyrae*“ см. у Катанчича.

¹¹⁶) Στρατεύσαντι δὲ τῷ Τραϊανῷ κατὰ τῶν Δακῶν καὶ ταῖς Τάπαις, ἐνθα ἐστραπείδευον οἱ βάρβαροι, πλησιάζαντι μύκης μέγας προέσχεκμισθη, γράμμαι λατίνοις λέγων, ὅτι ἄλλοι τὲ τῶν συμμάχων καὶ Βούρροι παραινῶσι Τραϊανῷ ὁπίσω ἀπέναι καὶ εἰρηνῆσαι. D. Cass. I. 63, с. 8.

¹¹⁷) Bartoli, „*Colonna Traiana*“. См. снимки въ Приложеніи къ Очерку древн. истор. Протословенъ Черткова.

не были Славянами¹¹⁸). Мы не намѣрены останавливаться тутъ на этомъ вопросѣ, не можемъ, однако, не высказать надежды, что если бы наши ученые приступили къ изслѣдованію вопроса о народности Даковъ, освободившись предварительно отъ вѣры въ тождество ихъ съ Гетами, то едва ли этотъ вопросъ не былъ бы рѣшенъ въ нашу пользу. Они бы могли выставить въ пользу Славянской народности Даковъ несравненно болѣе законныхъ основаній¹¹⁹), чѣмъ основанія, на которыхъ Я. Grimmъ высказалъ мнѣніе, что они были Нѣмцы, мнѣніе, которое, не смотря на многократное разоублаченіе его ошибочности, все еще находитъ себѣ поклонниковъ въ ученой Нѣмецкой литературѣ¹²⁰).

Другое противорѣчіе, которое, по видимому, можетъ встрѣтить наше положеніе о непрерывной родовой (генетической) преемственности между Славянами, которыхъ мы находимъ въ Дакии въ V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, и тѣми, которые обитали тамъ еще до Р. Хр., заключается, какъ было замѣчено уже, въ господствѣ Римлянъ въ этой странѣ, заступившемъ, въ началѣ II вѣка, собою мѣсто господства Дакійцевъ. Предполагаютъ, что во время господства Римлянъ древнее населеніе Дакии какого бы племени оно ни было, подверглось ороманенію, подобно тому, какъ это случилось и съ населеніемъ Галліи, Испаніи и пр. Такое предположеніе подтверждаютъ указаніемъ на семимилліонный Румунскій народъ, который и по нынѣ обитаетъ въ древней Дакии и который обыкновенно

¹¹⁸) Въ такомъ случаѣ замѣчаніе Сербскаго переводчика Пиралипомена Зонары, что Траянъ воевалъ съ Сербами, что Дековалъ былъ „начальникъ Срѣпскыи“, оказалось бы вѣрнымъ.

¹¹⁹) То обстоятельство, на примѣръ, что до возникновенія Дакійскаго государства въ этой странѣ обитали Славяне, которые продолжаютъ жить тамъ и по распаденіи этого государства, когда о Дакахъ не находимъ болѣе никакихъ упоминаній. Всѣ инородцы, которыхъ въ позднѣйшее время встрѣчаемъ тамъ, между Славянами, были позднѣйшіе переселенцы, которыхъ народность, равно какъ и время прихода, болѣе, или менѣе, извѣстны. Припомнимъ и то, что у Западныхъ Славянъ между колѣнами Чешской вѣтви были и Даціане (Daciane). О нихъ упоминается въ грамотѣ Генриха IV, отъ 29 Апрѣля, 1086 г., при исчисленіи границъ Пражской Епархіи: „Occidentem versus . . . Lucsane, Daciane . . . Ad Aquilonem . . . Psouane, Crouati et altera Chrouati Zlasane, Trebouane, Boborane etc.“ Erben, „Regesta“, p. 73.

¹²⁰) Противъ этого мнѣнія Гримма возражали Кассель, Зибель, Вайтцъ и Мюлленгофъ. Весьма основательное опроверженіе этой теоріи на Русскомъ языкѣ представилъ недавно покойный Гильфердингъ въ своей статьѣ: „Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ“. Нельзя не пожалѣть, однако, что онъ принялъ свидѣтельство Страбона о тождествѣ Даковъ съ Гетами за несомнѣнно вѣрное и не счелъ нужнымъ останавливаться на провѣркѣ его.

считаютъ потомкомъ ороманеннаго населенія древней Дакіи. Такимъ образомъ порывается защищаемая нами преемственность. Но этотъ взглядъ, къ сожалѣнію, очень распространенный, не выдерживаетъ ни малѣйшей повѣрки. Прежде всего слѣдуетъ поставить на видъ, что между господствомъ Рима въ этой странѣ и господствомъ его въ Галліи, Испаніи и проч., нѣтъ ничего общаго. Тутъ оно было очень кратковременно и никогда не отличалось такою прочностью. Правда, по пріобрѣтеніи Дакіи, Траянъ озаботился наполнить ее Римскимъ населеніемъ, которое переселяли сюда со всѣхъ концовъ Имперіи¹²¹⁾, озаботился и защитой ея отъ вторженій, облежавшихъ ее отовсюду, варваровъ, чему доказательствомъ служить знаменитый Траяновъ валъ; но уже при преемникѣ его, Адріанѣ, начинаются въ ней возстанія, къ которымъ присоединились еще вторженія сосѣднихъ варваровъ. Мостъ Траяна на Дунай облегчалъ варварамъ набѣги и на Южно-Дунайскія области; по этому Адріанъ приказалъ разрушить его. Положеніе дѣлъ въ Дакіи убѣдило его въ невозможности удержать за Римомъ эту новопріобрѣтенную область. По свидѣтельству современника, онъ задумывалъ отказаться отъ нея, и если не сдѣлалъ этого, то единственно изъ состраданія къ несчастной участи, которая неминуемо должна была постигнуть поселившихся въ ней Римскихъ гражданъ¹²²⁾. Со времени Адріанова наслѣдника, Антонина Пія, также донеслись до насъ вѣсти о возстаніяхъ въ Дакіи. А какъ быстро стало падать въ ней господство Рима со времени Марка Аврелія, это мы уже имѣли случай наблюдать въ очеркѣ вторженій варваровъ на Балканскій полуостровъ въ концѣ II-го вѣка¹²³⁾. Мы вынесли изъ этого очерка довольно вѣрное убѣжденіе, что Дакія еще въ первой половинѣ III вѣка перестала принадлежать Римлянамъ, господство которыхъ, продолжавшись въ ней не болѣе одного столѣтія, не могло произвести тутъ такихъ послѣдствій для ея населенія, какія мы находимъ въ Галліи и въ Испаніи. Въ 271 г., какъ уже было замѣчено, Авреліанъ вывелъ изъ Дакіи, уже за долго до него потерянной для Рима, Римскихъ поселенцевъ, которыхъ пере-

¹²¹⁾ „Trajanus, victa Dacia, ex toto orbe Romano infinitas eo copias hominum transtulera ad agros et orbes colendos.“ Eutrop. VIII, 6.

¹²²⁾ D. Cass. I. 68, с. 13.

¹²³⁾ Во время Марка Аврелія Дакію опустошали: пѣкто Торбъ, владѣтель какого-то сосѣдняго народа; Астинги и, выселившіеся при Траянѣ изъ своей родины, Даки. D. Cass. I. 71, с. с. 11, 12, 13.

селишь на правый берег Дуная, въ Мизию¹²⁴). Это событіе, въ справедливости котораго мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, доказываетъ, что Римскіе поселенцы не могли отуземиться въ Дакіи, пребывали тамъ особнякомъ между враждебнымъ имъ населеніемъ, которое держало ихъ въ постоянномъ страхѣ. При столь кратковременномъ и непрочномъ господствѣ Римлянъ въ Дакіи, немислимо ороманеніе ея древняго населенія, и мнѣніе о происхожденіи Румуновъ отъ ороманенныхъ Дакійцевъ есть пустая мечта, ни на чемъ не основанное соображеніе. Нѣтъ основанія производить ихъ и отъ Римскихъ поселенцевъ въ Дакіи, такъ какъ они вскорѣ принуждены были выбраться изъ этой страны. Всего вѣроятнѣе производить ихъ отъ ороманенныхъ Оракійцевъ Балканскаго полуострова, переселившихся сюда въ позднѣйшую пору. Можно не соглашаться съ мнѣніемъ Миклошича, что переселеніе это имѣло мѣсто въ V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія¹²⁵); еще менѣе можно согласиться и съ Рёслеромъ, что Румуны появились въ Дакіи только въ XIII вѣкѣ¹²⁶), но несомнѣнно то, что они народъ пришлый въ эту страну¹²⁷) и не возникнувшій въ ней. При такомъ, смѣемъ сказать, правильномъ взглядѣ на господство Римское въ Дакіи, оно нисколько не можетъ протворѣчить защищаемому нами мнѣнію о пребываніи Славянъ въ этой странѣ и во время господства въ ней Римлянъ. Мало того, въ немъ мы находимъ и новое подтвержденіе нашему мнѣнію. Въ народныхъ преданіяхъ нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, и именно тѣхъ, которыхъ предки обитали въ Дакіи и по близости къ ней, мы находимъ очень явственные намеки на то, что нѣкоторыя Славянскія вѣтви находились болѣе, или менѣе, продолжительное время подъ властію Римлянъ, имѣли столк-

¹²⁴) „Daciam a Traiano constitutam sublato exercitu et provincialibus reliquit, desperans eam posse retineri, abductosque ex ea populos in Moesia conlocavit.“ Flav. Vopisc. in „Aurel.“ 39. — „Dacia Gallieno Imperatore amissa est et per Aurelianum translatis exinde Romanis“ etc. См. Рёслера, „Rom. Stud.“ 67.

¹²⁵) „Die slavisch. Elem. im Rumun.“ 4.

¹²⁶) „Romän. Stud.“ 65 sqq.

¹²⁷) Тѣмъ, которые бы стали утверждать, что немислимо выселеніе съ Балканскаго полуострова шестимилліоннаго народа, мы напомнимъ не упускать изъ виду, что Румуны достигли этого почтеннаго числа уже въ новой своей родинѣ, втянувъ въ себя ея прежнее населеніе, состоявшее преимущественно изъ Славянъ. Укажемъ и на слѣдующее замѣчаніе Г. Коринка о Румунахъ: „Rumuni jsou v národním ohledě nad miru houževnati a kromě toho slynou neobyčejnou plodností. Jich počet rozmnožuje se v úhledě, ba stalo se porekladem, že jedna Rumunca dovede porumunštit celou Maďarskou a hlavně Slovanskou vesnici.“ — См. „Matice lidu,“ 1867, № 1, стр. 16.

новенія съ ними, столкновенія, имѣвшія мѣсто именно въ этой странѣ и въ пору покоренія ея Траяномъ. Прежде всего мы укажемъ на столь важный въ языческомъ мѣсяцесловѣ Славянъ праздникъ, называемый Колядой, одинаково распространенный между Болгарами, Сербо-Хорватами и Словинцами, Русскими и Поляками. Предположеніе, что въ реченіи „коляда“ скрывается „коло, колесо“ (символь солнца), равно какъ и сближеніе этого реченія съ Славянскимъ словомъ „клада, колода“, намъ кажется совершенно излишней натяжкой, ибо есть возможность съ осязательною точностію добратъ до истиннаго происхожденія этого реченія. Буква я въ Русскомъ названіи праздника коляды, по свойству Русскаго звукословія, заступаетъ мѣсто ѡ, что подтверждается названіемъ этого праздника у прочихъ Славянъ: у Болгаръ коледа и коленде (пѣсни Милад.), у Сербовъ коледа и коленда (Микали), у Поляковъ *kolęda* (Линде), въ памятникахъ Древне-Славянской письменности *коладда* и *каландда*; сравн. и Румунское *ко-линдъ*. Можно смѣло утверждать, что слово это произошло отъ Латинскаго *calendae*, въ чемъ, кромѣ очевиднаго этимологическаго сходства этихъ словъ, удостовѣряетъ и слѣдующее историческое указаніе. Шестой Вселенскій Соборъ (691 г.) строго запретилъ христіанамъ отправлять языческіе праздники Латинскаго происхожденія, а именно: Вота, Брумалія и *сице глаголемына колады*¹²⁸⁾ (*τὰς οὕτω λεγόμενας καλάνδας*). Въ толкованіи на 62 постановленіе Собора, заключающее въ себѣ этотъ запретъ, читаемъ: *каланди соутъ пръвѣи въ коемъждо мѣци днѣе, въ нихъ же ѡбъчани бѣ юлиномъ творитѣ жертвы*¹²⁹⁾. Въ особенной чести изъ всѣхъ календъ были Генварьскія, противъ которыхъ былъ поставленъ особенный запретъ: *аще кто въ ѡ днь еноуарѣа на коладоу идеть, такоже пръвѣе поганинъ творѣахоу и пр.*¹³⁰⁾. И нѣтъ сомнѣнія, что наша коляда, коленда, получила свое названіе отъ этихъ самыхъ Генварьскихъ календъ, съ празднованіемъ которыхъ совпадали Славянскій языческій праздникъ, замѣнившій, на основаніи этого совпаденія, свое древнее народное названіе названіемъ Латинскимъ. Замѣна эта предполагаетъ прямое столкновеніе Славянъ съ

¹²⁸⁾ Буслаева, „Историч. христоматія Церковно-Славян. и Русск. яз.“ стр. 382 (изъ Кормчей книги по списку 1282 г.).

¹²⁹⁾ Тамъ же, 383.

¹³⁰⁾ См. въ Словарѣ Миклошича подъ словомъ: *коладда*.

Древне-Римскимъ міромъ, непосредственное знакомство съ нимъ. Положимъ, что для Южныхъ Славянъ знакомство это могло имѣть мѣсто уже на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ они дѣйствительно застали довольно значительную Римскую стихію. Но если въ этой странѣ Римскія календы впервые проникли въ Славянскій языкъ, то какъ объяснить существованіе ихъ въ языкѣ Прикарпатскихъ и Сѣверо-Восточныхъ Славянъ? Не возможно допустить, чтобы Христіанскіе проповѣдники занесли къ нимъ этотъ терминъ языческаго календаря. Мы полагаемъ, что занимающее насъ реченіе могло быть заимствовано Славянами только въ Дакіи и ея окрестностяхъ, и именно въ то время, когда нѣкоторыя изъ тамошнихъ Славянскихъ племенъ приведены были во временную зависимость отъ Римлянъ Траяномъ.

Имя Императора Траяна играетъ весьма видную роль въ народныхъ преданіяхъ Славянъ: Русскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ. Въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“, извѣстномъ по рукописи XII вѣка, Траянъ причисленъ къ сонму Славянскихъ боговъ: Хорса, Велеса и Перуна: то сѣтънѣ и члѣкъчъ окамената оутрина трогана хърса, велеса, пероуна, на въѣ вбратиша¹³¹⁾. Въ „Откровеніи Святыхъ Апостолъ“, изданномъ по рукописи XVI вѣка, читаемъ: мнѣше когы многы: пероуна и хорса дымъ и трогана, и инѣи мнози¹³²⁾. Правописаніе послѣдняго памятника обнаруживаетъ въ немъ Болгарское происхожденіе; такого же происхожденія и первый изъ этихъ памятниковъ, не смотря на чисто Русское его правописание: въ этомъ увѣряетъ обиліе въ немъ словъ и оборотовъ, свойственныхъ исключительно Болгарскому нарѣчію (таково, на примѣръ, въ приведенномъ нами мѣстѣ слово сѣтънѣ). Въ одной Болгарской пѣснѣ¹³³⁾ воспѣвается Царь Траянъ, владѣтель несмѣтныхъ сокровищъ золота и серебра: въ царствѣ его находятся семьдесятъ водоемовъ, въ коихъ течетъ жженое золото и чистое серебро. Пѣсня сталкиваетъ этого „проклетца царя“ Траяна съ Св. Георгіемъ, но не съ мученикомъ Геор-

¹³¹⁾ Тихонравова, „Памятники отреченной литературы.“ Москва, 1863, 2, стр. 23. Сравни. и Срезневскаго, „Древніе памятники Русскаго языка и письма“. Спб. 1863, стр. 205.

¹³²⁾ См. „Лѣтописи Русской литературы и древностей“, кн. 5-я, въ отдѣлѣ матеріаловъ, стр. 5. Приведенное нами мѣсто изъ этого памятника обнародовано впервые Востоковымъ въ его „Словарѣ Церк.-Сл. языка“, т. 2, 232.

¹³³⁾ „Български народни пѣсни, собр. отъ брат. Миладиновци“, стр. 38—41.

гѣмъ, пострадавшимъ отъ Діоклитіана, а съ тѣмъ покровителемъ Болгарскихъ орачей и пастуховъ (свети Герги), который, по другому Болгарскому преданію¹³⁴⁾, звуками своего мѣднаго рога сзываетъ всѣхъ звѣрей и, подобно Егорію Храброму, запираетъ всю эту живую „дивину“, чтобы она не могла причинять вреда людямъ, ни ихъ стадамъ. Сербская сказка также знаетъ Царя Траяна, котораго она изображаетъ съ козыми ушами. Онъ боится солнца; ибо оно можетъ его растопить, а по тому выѣзжаетъ только по почамъ¹³⁵⁾. Профессоръ Буслаевъ, разобравъ народныя сказанія Болгаръ и Сербовъ о Царѣ Траянѣ, замѣчаетъ, что Царь этотъ „есть существо миѣическое, изъ той породы стихійныхъ существъ, къ которой относятся вилы, русалки, Нѣмецкіе альфы или эльфы, свѣтлые духи и подземные карлики, хранители золота и серебра, духи мрака, не терпящіе лучей свѣта“¹³⁶⁾. Слова уважаемаго Профессора увѣряютъ насъ, что характеризуемыи имъ такимъ образомъ преданія донеслись къ намъ отъ весьма глубокой древности, когда народное творчество Славянъ, не смущаемое давленіемъ на него Христіанскихъ воззрѣній, било еще свѣжею миѣическою струею. И едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ этихъ преданіяхъ мы имѣемъ обломки миѣовъ о томъ же самомъ Троянѣ, котораго выше приведенныя письменныя свидѣтельства причисляютъ къ Славянскимъ божествамъ. Мы не можемъ, однако, согласиться съ миѣніемъ, что этотъ Траянъ есть исключительно миѣическо существо, олицетвореніе какихъ ни будь стихій¹³⁷⁾, представитель какихъ ни будь отвлеченныхъ понятій. Что въ миѣическомъ образѣ его скрывается историческая личность, имѣвшая большое значеніе въ судьбахъ Славянъ, и именно личность Императора Траяна, на это мы находимъ очень явственныя указанія въ занимающихъ насъ преданіяхъ. Какъ было уже замѣчено, въ „Хожденіи Богородицы“ Траянъ отнесенъ къ члвчкъ окамената оутрина; въ Болгарской пѣснѣ, равно какъ и въ сказкѣ Сербской, онъ

¹³⁴⁾ Чолакова, „Български народенъ Сборникъ.“ Болградъ, 1872, стр. 115.

¹³⁵⁾ См. въ „Словарѣ Сербскаго языка“, Караджича, подъ словомъ „Троянъ.“

¹³⁶⁾ Буслаева, „Историч. Очерки“ I, 385.

¹³⁷⁾ Такой взглядъ на Трояна былъ высказанъ недавно Г. Квашининымъ-Самаринымъ въ его „Очеркѣ Славянской миѣологии.“ „Имя Троянъ, читасмъ въ этой статьѣ, „первоначально значило то же, что Триглавъ, и приписывалось верховному Богу, владикѣ трехъ стихій: воздуха, воды и земли.“ Бесѣда, 1872, кн. IV, стр. 242.

названъ Царемъ; Царемъ называетъ его и „Откровеніе Святыхъ Апостолъ“, прибавляя при этомъ, что **Троянь** **баше цркъ въ Римѣ**. Историческую основу выше помянутыхъ преданій о Троянѣ всего яснѣе обнаруживаетъ намъ „Слово о плѣку Игоревѣ“, которое также знаетъ имя Траяна, и въ четырехъ мѣстахъ упоминаетъ о немъ¹³⁸). Вотъ эти мѣста:

1. О Бояне, соловію стараго времени, абы ты сіа плѣку ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая орломъ подь облака, свивая, славію, оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню, чресъ поля на горы¹³⁹).

2. Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Олговы, Олга Святославлича¹⁴⁰).

3. Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню¹⁴¹).

4....Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седьмомъ вѣцѣ Трояни¹⁴²).

Въ 1, 2 и 4-мъ изъ этихъ мѣстъ Профессоръ Тихонравовъ, вмѣсто „Трояни“, читаетъ „Бояни“, оставляя такимъ образомъ „Трояни“ только въ одномъ мѣстѣ „Слова“, именно, въ приведенномъ у насъ подь № 3. Позволяемъ себѣ не согласиться съ доводами уважаемаго Профессора въ пользу этой замѣны¹⁴³). При довольно явственномъ отличіи начертанія словъ „Трояни“ и „Бояни“, трудно допустить, что первые издатели, такъ тщательно работавшіе надъ изученіемъ текста этого памятника, могли бы смѣшать ихъ и прочесть „Трояни“ вмѣсто „Бояни“, тѣмъ болѣе, что и съ тѣмъ и съ другимъ изъ этихъ именъ имъ приходилось встрѣчаться въ „Словѣ“ по нѣскольку разъ. Карамзинъ, по словамъ Тимковскаго, сличавшій первое изданіе „Слова“ съ подлинникомъ и обратившій при этомъ особенное вниманіе на провѣрку занимающихъ насъ мѣстъ, какъ свидѣлствуетъ предложенная имъ въ одномъ

¹³⁸) Сродство Трояна „Слова о плѣку Игоревѣ“ съ Трояномъ Южно-Славянскихъ сказаній достаточно выяснено Г. Буслаевымъ въ его „Истор. Очеркахъ“, I, 385, 390. — Давно высказанное и недавно повторенное Профессоромъ Веселовскимъ мнѣніе, что выраженія Слова: „вѣчи Трояни, трола Трояня“ и пр. указываютъ на мионическую Трою и Троянцевъ, не выдерживаетъ никакой повѣрки.

¹³⁹) Изд. Пушк., стр. 6. Сл. 2-е изд. Тихонравова стр. 2.

¹⁴⁰) Пушк. 14, Тихонр. 4.

¹⁴¹) II. 19, Т. 5.

¹⁴²) II. 35, Т. 10.

¹⁴³) См. его 2-е изд. „Слова“ стр. 27, 23, 34, 43.

изъ нихъ поправка (сѣчи Трояни, вмѣсто вѣчи Трояни), на-
 шель, что слово „Трояни“ прочтено издателями вѣрно ¹⁴⁴⁾.
 За общепринятое чтеніе „Трояни“, вмѣсто предлагаемаго
 Г. Тихонравовымъ „Бояни“ стоитъ и Екатерининскій списокъ
 „Слова“, въ которомъ только въ одномъ изъ приведенныхъ
 выше мѣстъ, вмѣсто „Трояни“, читается „Зояни“ ¹⁴⁵⁾. Но и
 эта явная описка переписчика говоритъ противъ замѣны Трояна
 Бояномъ. Въ почеркахъ XVI вѣка, которому, по весьма осно-
 вательнымъ соображеніямъ Г. Тихонравова, принадлежалъ ори-
 гиналъ этого списка, буквы *Тр*, особенно въ началѣ собствен-
 ныхъ именъ, не рѣдко изображаются вязью, дающею знакъ,
 который неопытный глазъ весьма легко можетъ принять за
 букву *З*, тогда какъ начертаніе *Б*, какого бы характера оно
 ни было, всегда рѣзко отличается отъ начертанія *З*.

По нашему крайнему разумѣнію, отъ замѣны Трояна
 Бояномъ немного выигрываетъ и уясненіе занимающихъ насъ
 мѣстъ, въ видахъ котораго замѣна эта предлагается. Только
 для одного изъ нихъ, именно, для предложенія „рища въ
 тропу Трояню“, помощію этой замѣны придумано Г. Тихо-
 нравовымъ весьма удовлетворительное на видъ и весьма остро-
 умное объясненіе; но за то въ двухъ остальныхъ мѣстахъ:
 „вѣчи Бояни“ и „на седьмомъ вѣцѣ Бояни“, поправка
 его, нарушая логическую послѣдовательность изложенія „Слова“,
 возбуждаетъ недоумѣнія, оставленные безъ достаточнаго уяс-
 ненія ¹⁴⁶⁾. Предложенное имъ для выраженія „рища въ тропу
 Трояню“, объясненіе, какъ мы уже замѣтили, заслуживаетъ
 полного вниманія. При всемъ томъ, въ виду того, что оно
 постигнуто значительною, но недостаточно доказанною, по-
 правкою текста, мы не можемъ признать его точнымъ, тѣмъ
 болѣе, что смыслъ какъ этого выраженія, такъ и прочихъ
 мѣстъ „Слова“, въ которыхъ встрѣчается имя Трояна, по
 нашему крайнему разумѣнію, достаточно ясенъ и помимо вся-
 кихъ поправокъ этихъ мѣстъ.

Намъ кажется, что толкователи „Слова“ вообще дѣлали
 ошибку, принимая реченіе „тропа“ въ современномъ Русскомъ
 его значеніи, именно, въ значеніи „дороги, пути.“ Реченіе
 это существуетъ во всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчіяхъ въ

¹⁴⁴⁾ Тамъ же, въ предисловіи, стр. IV.

¹⁴⁵⁾ Тамъ же, стр. 10, прим. 6.

¹⁴⁶⁾ См. ниже, примѣч. 148.

формѣ или совершенно тождественной съ Русской (въ Польск. и Чешскомъ), или же съ удержаніемъ въ корнѣ первоначальной гласной *и* (въ Болгарскомъ и Сербскомъ). Словинцы употребляютъ и обѣ этѣ формы, произнося въ нѣкоторыхъ областяхъ „*tror, troplja*“, въ иныхъ „*trar, trarplja*“. По значенію своему реченіе это видоизмѣняется по разнымъ Славянскимъ землямъ, не удаляясь, однако, до совершеннаго отрѣшенія отъ первоначальнаго представленія, въ немъ скрывающагося. Польское „*tror*“, Чешское *tror*, Словинское *tror, troplja* и *trar, trarplja* означаютъ слѣдъ (*stopa w ziemi wyrazona*)¹⁴⁷; Далматинское *trar* — ровъ (*solum, alte fossum*), *trapiti* — копать, рыть землю (*lavorare un terreno a fondo*)¹⁴⁸; Боснійское *trar* — копанье, *trapiti* — копать (*sarculare*)¹⁴⁹; Караджичъ *трап, трапа* переводитъ *fovea adservandis rapis* (ровъ, канава), Болгарское *трапъ* — яма, ровъ вообще, въ особенности ровъ, вырытый съ военною цѣлію (*tranchée*)¹⁵⁰. Нельзя не замѣтить, что во всѣхъ этихъ словахъ, равно какъ и въ русскомъ *тропа*, скрывается одно и то же представленіе, а именно, представленіе углубленія въ землѣ, глубины, представленіе, всего яснѣе выступающее въ Сербскомъ и Болгарскомъ нарѣчіяхъ, сохранившихъ, вмѣстѣ съ древнѣйшею формою этого реченія, и первоначальное его значеніе ямы, рва. Мы полагаемъ, что въ семъ послѣднемъ, древнѣйшемъ, значеніи, именно, въ значеніи рва, употреблено это слово и хорошо знакомымъ съ „старыми словесы“ пѣвцомъ Игоря, и что подъ его „тропою Трояней“ разумѣется ровъ, вырытый вдоль знаменитаго Троянова вала и вмѣстѣ съ нимъ тянувшійся на протяженіи ста и болѣе верстъ¹⁵¹). Принимая во вниманіе, что „тропа Трояня“ упомянута въ „Словѣ“ подлѣ словъ: „чресь поля, на горы“, словъ изображающихъ ширину и высоту Бояновыхъ замысленій, весьма естественно предположить и въ ней такое метафорическое значеніе въ этомъ мѣстѣ, именно, антитезу горѣ, изображеніе глубины этихъ же замысленій. Предположеніе это тѣмъ возможнѣе, что Трояновъ ровъ, надъ которымъ возвышался хорошо укрѣпленный валъ,

¹⁴⁷) См. „Польскій Словарь“, Линде.

¹⁴⁸) Ardelio della Bella, „Dizionario Italiano-Lat-Ilirico.“

¹⁴⁹) Микали, „Blago jezika Slovinskoga.“

¹⁵⁰) Богорова, „Българо-Френски рѣчникъ.“

¹⁵¹) См. Рёслера, *Römānische Stud.* 46.

весьма легко могъ у Славянъ, населявшихъ нынѣшнюю Южную Россію, страну ровную, совершенно гладкую почти прослѣть за непроходимый оврагъ, а со временемъ быть обобщеннымъ до значенія недоступной, недосыгаемой, глубины вообще. Что въ „Трояновой тропѣ“ „Слова“ скрывается указаніе на знаменитый ровъ Римскаго Императора, это подтверждается еще и упоминаніемъ этого памятника о „землѣ Трояней“, подъ которою, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣется земля, лежавшая за этимъ ровомъ и обращенная Императоромъ Трояпомъ въ Римскую область, т. е., *Dacia Trajana*. „Слово“ помнитъ и время, когда страну эту постигла такая участь; это время отмѣчено въ немъ словами „вѣчи Трояни“, которые оно относитъ къ древнѣйшему періоду исторіи Славянъ¹⁵²⁾ и отъ которыхъ ведетъ свое лѣтосчисленіе.

Были, стало быть, „вѣчи Трояни“, очень памятные для Славянъ вѣка; были, слѣдовательно, и Троянъ, имѣвшій великое влияніе на судьбы Славянъ. Этого-то грознаго для нашихъ предковъ Римскаго Императора Сербская пѣсня представляетъ съ козыми ушами; его клянеть Болгарская пѣсня; онъ-то и попалъ въ число боговъ Юго-Восточныхъ Славянъ, не какъ хорошій, надобно полагать, богъ, а по всему вѣроятію, какъ олицетвореніе общественнаго и политическаго зла.

Наконецъ мы должны указать еще и на свидѣтельство первой Русской лѣтописи о Волохахъ: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словены Дунайскыя, и сѣдшимъ в нихъ и насилующимъ имъ“¹⁵³⁾. Разбирая, въ концѣ первой главы настоящаго изслѣдованія, свидѣтельство лѣтописи о Придунайской прародинѣ Славянъ, мы замѣтили, что, кромѣ выдѣленной тамъ нами книжной стихіи этого сказанія, въ немъ есть и стихія народная. Мы считаемъ такой стихіей именно эту часть сказанія, т. е. на-

¹⁵²⁾ Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, сѣли плъци Олговы“. Движеніе рѣчи пѣвца идетъ въ восходящемъ порядкѣ времени: „вѣчи Трояни“ предшествовали „лѣтамъ Ярославимъ“, предшествовавшимъ, въ свою очередь, „плъкамъ Олговымъ“. Если читать съ Г. Тихонравовымъ „вѣчи Бояни“ вмѣсто „вѣчи Трояни“, то естественная послѣдовательность изложенія этого мѣста будетъ сильно смущена, такъ какъ Ярославъ былъ старше Бояна. Чтеніе Г. Тихонравова въ этомъ мѣстѣ порождаетъ и другія недоумѣнія. Къ чему было пѣвцу Игоря дѣлать изъ времени, протекшаго отъ Ярослава до Олега, особенную пору, когда онъ хорошо зналъ, что это непродолжительное время на чѣмъ особенно не отличалось, было только переходнымъ временемъ отъ лѣтъ Ярослава къ плъкамъ Олега? Кромѣ того, что за пріемъ вдругъ называть цѣлую пору времени именемъ пѣвца, а не какого либо владѣтеля, какъ это видимъ въ названіи остальныхъ двухъ поръ?

¹⁵³⁾ По Ипатскому списку стр. 3.

шествіе Волоховъ на Славянъ, жившихъ на Дунаѣ. Влахами, Валахами, Влохами, Волохами, древніе Славяне называли Римлянъ¹⁵⁴). Болгаринъ Св. Климентъ въ Житіи Меѳодія пишетъ: соутъ въ ны въшли оучители мнози крѣстиани изъ влахъ, и изъ грѣкъ, и изъ нѣмьць¹⁵⁵). Въ первой Русской лѣтописи Италія называется землею „Волошьскою“. У Западныхъ и Южныхъ Славянъ и теперь Итальянцы слывуть Влахами: у Чеховъ Wlach, у Поляковъ Wloch. Жители Славянскихъ селеній въ южной Италіи (Аквививы и Сантофеличе) на вопросъ нашъ: „Какъ обращаются съ ними Италіанцы, отвѣчали: „Власи су добра челедь¹⁵⁶). Вотъ сколько данныхъ, что подъ „Волохами“ Нестора разумѣются Римляне. Шафарикъ, утверждая, что подъ ними слѣдуетъ разумѣть Кельтовъ, не приводитъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ такое мнѣніе. Ибо предположеніе, что Славяне называли первоначально Влахами Кельтовъ, требуетъ еще доказательствъ, которыхъ нѣтъ на лицо. Ссылкою на „Старый Влахъ“, какъ называется у Сербовъ край между Ибарой и Дриной, а также и на „Великую Влахию“ (Majorem Wlachiam), какъ названа въ посланіи Григорія XI, отъ 1373 г., Босна, этой ссылкой, говоримъ, ни сколько не подтверждается такое предположеніе. По мнѣнію Шафарика, „Стрый Влахъ“ и „Великая Влахи́я“ названы такъ Славянами отъ Кельтскихъ Скордисковъ, владѣвшихъ, какъ извѣстно, этими краями до Р. Хр. Но намъ не извѣстно, застали ли тамъ Славяне еще Скордисковъ, тогда какъ исторически извѣстно, что они застали тутъ Романское населеніе, которое и покорили себѣ. Имя Влаховъ, какъ они называли людей этого населенія, стало употребляться въ слѣдствіе этого у нихъ для обозначенія подчиненнаго, низшаго, сословія. Какъ въ этомъ послѣднемъ, такъ и въ первомъ значеніи, т. е., какъ имя людей Романскаго происхожденія, слово Влахъ и до сихъ поръ живетъ въ краяхъ, населенныхъ Сербами. И весьма естественно отъ него производить названія „Стараго, Влаха“ и „Великой Влахи́и“, находящихся въ этихъ краяхъ.

Примѣненіе сказанія Русской лѣтописи о нашествіи Волоховъ на Славянъ Придунайскихъ къ Римлянамъ доказывается

¹⁵⁴) См. Срезневскаго, „Чтенія о древней Русской лѣтописи“, стр. 21.

¹⁵⁵) По изданію О. М. Бодянскаго, въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1865 г., кн. I, Отд. 3, стр. 5 Списокъ харатейный XII-го вѣка.

¹⁵⁶) См. Статью Макушева, „О Славянахъ Молизскаго Графства“, стр. 7, 8.

еще тѣмъ, что, по смыслу этого сказанія, нашествіе Волоховъ, какъ бы послужило причиною разселенія Славянъ отсюда на Сѣверъ и Востокъ. Это послѣднее обстоятельство находитъ себѣ полное подтвержденіе въ извѣстіяхъ древнихъ о выселеніи нѣкоторыхъ изъ жителей Дакіи, по завоеваніи ея Трояномъ, за Карпатскія горы. Нѣтъ никакого повода, однако, предполагать, что и все Славянское населеніе покинуло тогда свою Придунайскую прародину и большими толпами двинулось на Сѣверъ по Вислѣ и Одрѣ и на Востокъ по Днѣстру, Днѣпру и пр. По извѣстіямъ древнихъ выселилась только незначительная часть, большинство же покорилось злой судьбѣ, подпало господству Рима, чтобы, черезъ нѣсколько времени, уничтожить его. Многіе изъ удалившихся тогда снова стали возвращаться¹⁵⁷⁾. И такъ мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что Славяне составляли главное ядро варварскаго міра на нижнемъ Дунаѣ въ занимающую насъ пору: имъ принадлежить немалая, если даже и не большая, доля участія въ разореніяхъ, которыя испытали Римскія владѣнія на Балканскомъ полуостровѣ въ теченіе всего III вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что во время сихъ вторженій нѣкоторые изъ нихъ оставались въ этихъ опустошенныхъ краяхъ, гдѣ представлялась имъ возможность устроиться лучше, чѣмъ въ ихъ прежнихъ жилищахъ. Само Римское правительство, въ видахъ заселенія своихъ пустошей, увеличенія своихъ подданныхъ, наконецъ въ видахъ обезсиленія опасныхъ для него варваровъ, охотно дозволяло желающимъ изъ нихъ селиться въ земляхъ Имперіи, и даже заманивало ихъ къ тому искусственными мѣрами. Мы не будемъ далеки отъ истины, предположивъ, что между многочисленными варварами, переселившимися въ концѣ втораго вѣка, по окончаніи, такъ называемой, Маркоманской войны, въ Мизию, было и много Славянъ. Немало ихъ появилось тамъ и въ царствованіе Проба и Кара, которые, какъ было сказано, сотнями тысячъ переселяли этихъ варваровъ въ опустошенные края Имперіи. Во времена Діоклитіана, кромѣ огромнаго количества другихъ варваровъ, все племя Карповъ, по словамъ Аврелія Виктора, перешло на правый берегъ Дуная. При Константинѣ около 300,000 Языговъ размѣщены въ Мизіи, Тракіи и Македоніи, а Карпы и Языги, по всему вѣроятію, были Славянскія племена.

¹⁵⁷⁾ Dio Cass. 1. 72, 73.

Такъ вотъ къ какому времени, по нашему разумѣнію, должно относить начало Славянскихъ поселеній на полуостровѣ. Выведенное изъ разсмотрѣнія народописнаго состава варварскаго Придунайскаго міра въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія, равно какъ изъ отношеній этого міра къ Имперіи въ это время, наше заключеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе и со стороны признаковъ присутствія Славянъ на полуостровѣ, восходящихъ, какъ было показано, ко времени, предшествовавшему великому переселенію народовъ. Подтверждая нашъ выводъ, эти признаки въ то же время находятъ себѣ въ немъ самое удовлетворительное и естественное объясненіе.

Глава III.

Славяне и Восточная Имперія съ половины IV до половины VII в.

Преобразованіями Діоклитіяна и Константина, возстановленіемъ пограничныхъ укрѣпленій на Дунаѣ и бдительнаго надзора за происходившими въ прилежавшемъ къ этой границѣ Имперіи варварскомъ мірѣ движеніями, Балканскій полуостровъ былъ выведенъ изъ того хаоса, въ который повергли его непрерывныя вторженія варваровъ въ теченіи всего III вѣка. Стараніями этихъ Императоровъ занимающія насъ области были вызваны къ новой жизни. Синекдемъ Гіероклеса, писанный, быть можетъ, въ началѣ VI вѣка, но по источникамъ древнѣйшимъ, насчитываетъ въ нихъ около 150 городовъ, большая часть которыхъ возникла, или, по крайней мѣрѣ, была восстановлена именно въ эту пору¹⁾. Сельское населеніе достигло также значительной плотности, благодаря, главнымъ образомъ, переселенію сюда огромнаго числа варваровъ, которыхъ искусно приучали къ занятію земледѣльствомъ²⁾. Греческій писатель IV вѣка, Евнапій, съ удивленіемъ указываетъ на цвѣтущее состояніе Фракіи, Македоніи и Фессаліи: на ихъ неописанныя богатства, многочисленность и на дѣятельную жизнь, кипѣвшую въ нихъ³⁾. Вообще, какъ внѣшнимъ блескомъ, такъ и внутреннимъ благоденствіемъ, Придунайскія области, оставили далеко за собою даже Прирейнскія области сдѣлались предметомъ зависти и удивленія для другихъ частей Имперіи. Недолго, однако, продолжалось это относительное благоденствіе. Во второй

¹⁾ „Prolegomena in Hieroclis Synecdemum“, p. 621, въ Vesselingii: „Itineraria Romanorum vetera“. Amstel. 1735, 4. Срав. Фельмераппера, „Geschichte der Halbinsel Morea“, I, 266.

²⁾ См. у Гиббона II, p. 112.

³⁾ Ἡ μὲν γὰρ Θράκη πᾶσα καὶ ἡ συνεχὴς αὐτῇ χώρα Μακεδονία καὶ Θεσσαλία ποικίλῃ τῆς ἐστὶ καὶ οὕτω πολυύμνητος ὥστε οὐδὲ εἰς κατὰ ταῦτα ἀναγράφειν ὁ λόγος ἔνν. Τοσαύτην δὲ οὖσαν αὐτὴν καὶ οὕτω πολυάνθρωπον εὐδαίμονά τε ἄμα καὶ εὐανδρον. Eunap. in „Excerpt. de legat.“, ed. Venet. 14. ed. Bonn. 51.

половинѣ IV вѣка варвары возобновляютъ свои вторженія въ предѣлы Имперіи, направляя ихъ главнымъ образомъ на эти владѣнія ея, маневры ихъ своимъ блескомъ и благосостояніемъ. Послѣднему обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что во время, такъ называемаго, великаго переселенія народовъ ни одна часть Римской Имперіи не была такъ глубоко потрясена, какъ Балканскій полуостровъ⁴⁾.

Въ 376 г. Весть-Готы, тѣснимые Гуннами, находятъ убѣжище у Императора Валента, позволившаго имъ поселиться въ Мизіи. Едва они успѣли перейти въ эту страну, какъ принялись грабить и опустошать сосѣднія съ нею области, Тракію и Македонію. Для обузданія этихъ вѣроломныхъ варваровъ, Валентъ принужденъ былъ выступить противъ нихъ со всѣми своими военными силами, но подъ Адриянополемъ (9 Августа, 378 года) потерпѣлъ страшное пораженіе, какого, по словамъ Ам. Марцеллина, Римляне не помнили со временъ битвы при Каннахъ⁵⁾. Большая половина Императорскаго войска покрыла своими трупами поле битвы; погибъ тутъ и самъ Валентъ, вмѣстѣ со всѣми начальниками многочисленной Римской рати. Побѣдители сдѣлались полными хозяевами на всемъ полуостровѣ, отъ Юлійскихъ Альпъ до самаго Константинополя. Ихъ буйства въ этой странѣ слишкомъ извѣстны, чтобы останавливаться на описаніи ихъ; укажемъ только на свидѣтельства двухъ современниковъ, изображающихъ послѣдствія этихъ буйствъ. Тотъ же самый Евнапій, который удивлялся, какъ было замѣчено, цвѣтущему состоянію полуострова до появленія здѣсь Весть-Готовъ, послѣ вторженій ихъ пишетъ: „Только кое-какіе города, и то весьма немногіе, уцѣлѣли и держатся, благодаря своимъ неприступнымъ стѣнамъ и укрѣпленіямъ. Все же остальное эта война уничтожила, сдѣлала необитаемымъ“⁶⁾. По словамъ другого современника, Св. Иеронима, Весть-Готы, разрушеніемъ городовъ и избіеніемъ ихъ жителей, превратили цвѣтущія не за долго предъ тѣмъ области въ совершенную пустыню⁷⁾.

⁴⁾ Финлей, „Griechenland unter den Römern.“ 154, 233.

⁵⁾ „Nec ulla annalibus, praeter Cannensem pugnam, ita ad internecionem res legitur gesta“. Ам. Марс. XXX, 13.

⁶⁾ Ἡ δὲ χώρα καὶ τὸ πλεῖστον ἐπανάλωται καὶ ἐστὶν ἀοίκητον καὶ ἄβατον διὰ τὸ πόλεμον. Excerpta de legation. Ibid.

⁷⁾ „Et vastatis urbibus hominibusque interfectis, solitudinem et raritatem bestiarum quoque fieri et volatilium: testis Illyricum est, testis Thracia, testis, in quo ortus sum, solum (Pannonia), ubi, praeter coelum et terram et crescentes vepres et condensa silvarum, cuncta perierunt“. См. у Гиббона, IV, 348.

Въ 402 г. Вестъ-Готы выселились въ Италію, по опустошенная ими страна не успѣла оправиться, какъ подверглась новому разоренію, лишившему ее, по словамъ Проспера Тирона, семидесяти городовъ⁸⁾. Эти новые враги были Гунны, въ теченіе пяти лѣтъ (442—447)⁹⁾ разорявшіе Восточную имперію и покинувшіе ее лишь тогда, когда Императоръ Θεодосій согласился выдать имъ единовременно 6,000 фунтовъ золота и обязался имъ ежегодною данью въ 2000 фунтовъ.

Въ какое положеніе повергли области Балканскаго полуострова помянутые два прогрома, это всего яснѣе доказываютъ слѣдующія происшествія. По распаденіи Гуннской державы цѣлыя племена, выпешдшія изъ-подъ власти Гунновъ, переходятъ на правый берегъ Дуная и преспокойно размѣщаются въ прилежащихъ къ нему областяхъ Имперіи. Сарматы, вмѣстѣ съ Цемадрами и съ частію Гунновъ размѣстились, по словамъ Іорнанда, въ Илиріи, въ окрестностяхъ города Мартена;¹⁰⁾ Скиры, Сатагары и прочіе Аланы занимаютъ Малую Скиѳію и Нижнюю Мизію; Остъ-Готы, помѣстившіеся сначала въ Панноніи, перешли скорѣ (въ 474 г.) на югъ отъ Савы и заставили Императора Зинона уступить имъ земли въ Дарданіи, Мизіи и Македоніи. Кромѣ этихъ племенъ, и значительныя толпы Гунновъ напали убѣжище на полуостровѣ. Младшій сынъ Атилы, Эрнакъ, занявъ, съ своимъ отрядомъ, верхнюю часть Малой Скиѳіи (Добручи),¹¹⁾ остальную большую часть которой, какъ было замѣчено, заняли Скиры, Сатагары и пр. Емнедзаръ и Узиндуръ поселились въ прибрежной Дакии; Уто и Искальмъ, долго блуждая, переходя съ мѣста на мѣсто, наконецъ также переселились въ Имперію¹²⁾.

Почти всѣмъ этимъ непрошенымъ гостямъ Правительство принуждено было платить дань, за что они обязывались служить ему вѣрно противъ враговъ, какъ внѣшнихъ, такъ и

⁸⁾ „Nova iterum orienti consurgit ruina, qua septuaginta non minus civitates Chunnorum deprædatione vastatae“. Roncalli, „Vetustiora latinor. script., Chronica“, I, 754.

⁹⁾ Еще въ 408 г. Повелитель Гунновъ, Улдъ (Οὐλδης, Uldes), вторглся въ Мизію и проникъ даже во Фракію, но это вторженіе не было особенно гибельно для этихъ областей.

¹⁰⁾ Jornand. c. 50. Городъ Мартенъ (castrum Martena) ищутъ въ Панноніи, но, какъ замѣтилъ еще Шафарикъ, едва ли онъ не лежалъ на югъ отъ Дуная и Савы. По всему вѣроятію это — *Καστράμαρτις* (Castrum Martis), который Созоменъ (IX, 5) называетъ πόλις τῆς Μυσίας.

¹¹⁾ „In extremo minoris Scythiae sedes delegit.“ Jorn. 50.

¹²⁾ „Passim proruentes tunc se in Romaniam dederunt“. Jorn. c. 50.

внутреннихъ. Но при малѣйшемъ замедленіи, или несправности въ уплатѣ этой дани, которая была единственнымъ средствомъ къ существованію для многихъ изъ нихъ, при малѣйшей неловкости въ обращеніи съ ними правительственныхъ лицъ, непрошенные союзники брались за оружіе и распространяли гибель и опустошеніе до самой столицы. Очень замѣчательное въ этомъ отношеніи поведеніе обоихъ Теодориковъ (Триарія и Великаго) слишкомъ извѣстно, чтобы останавливаться на немъ. Отмѣтимъ только одинъ изъ поступковъ этихъ варваровъ. По свидѣтельству Малха, они отрубали руки у беззащитныхъ поселянъ, чтобы дѣлать ихъ неспособными къ воздѣлыванію полей. И это, какъ видно, было въ большемъ ходу между Остѣ-Готами; ибо, по словамъ Малха, черезъ это земледѣліе во Фракіи было совсѣмъ пріостановлено¹³⁾.

Въ 489 г. Остѣ-Готы оставили, наконецъ, Балканскій полуостровъ и двинулись, подъ предводительствомъ Теодорика Великаго, въ Италію, чтобы завоевать ее и основать тамъ Остѣ-Готское Королевство.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Придунайскіе Славяне не могли оставаться спокойными зрителями этихъ бурныхъ движеній, происходившихъ среди нихъ и вокругъ нихъ въ теченіе цѣлаго столѣтія; нѣтъ сомнѣнія, что и они принимали участіе въ означенныхъ переселеніяхъ на Балканскій полуостровъ, но, за неимѣніемъ болѣе, или менѣе, ясныхъ данныхъ, не возможно съ точностію опредѣлить степень ихъ участія въ этомъ дѣлѣ. Вотъ по чему, боясь впасть въ ошибочныя предположенія и гаданія, мы не будемъ останавливаться слишкомъ долго на этомъ вопросѣ. Отмѣтимъ только, какъ бы мимоходомъ, нѣсколько происшествій этого темнаго въ исторіи Славянъ времени, въ которыхъ, съ нѣкоторою вѣроятностію, можно предполагать большее, или меньшее, участіе Славянства.

Въ то время, когда надъ Гуннами царствовалъ Руа, дядя Атиллы, многіе изъ Придунайскихъ его подданныхъ, тяготясь его владычествомъ, переходили на правый берегъ Дуная, гдѣ встрѣчали радушный пріемъ со стороны Римскихъ властей, отводившихъ имъ земли для поселенія въ Мизіи и Фракіи. Судя по рассказамъ Приска, эти переселенцы были изъ племенъ: Амилзуровъ, Итимаровъ, Тоносурсовъ и Боис-

¹³⁾ Τὸ γεωργικὸν ἔργον ποιῶντες ἀνίστατον. Malch in „Excerpt. de legat.“ p. 95.

ковъ, обитавшихъ на лѣвомъ берегу нижняго Дуная и заводившихъ переговоры съ Римскимъ Правительствомъ для заключенія союза противъ ненавистныхъ имъ Гунновъ¹⁴⁾. Эти, очевидно, не Гунскія и не Нѣмецкія, племена, очень можетъ быть, были Славянскія. Названіе послѣдняго изъ нихъ, Боисковъ (Βοῖσκοι), совершенно почти тождественно съ названіемъ Славянскихъ Бойковъ, какъ назывались, по Константину Багрянородному, Прикарпатскіе предки Сербовъ (Βοῖκοι) и какъ и по нынѣ называются Русскіе, живущіе въ восточной Галиціи¹⁵⁾.

Изъ племенъ, перешедшихъ на полуостровъ, по распаденіи Гуннскаго Царства, народность Сатагаровъ, Скировъ, Цемандровъ, Сарматовъ и Алановъ, остается пока загадкой, вопросомъ въ наукѣ; но едва ли вопросъ этотъ не будетъ рѣшенъ въ пользу Славянскаго происхожденія, если не всѣхъ этихъ племенъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ. Скировъ Шафарикъ признавалъ за Скандинавское племя, родственное Геруламъ¹⁶⁾; но болѣе глубокій знатокъ Древне-Нѣмецкой пародописи, Цейсъ, не признаетъ ихъ Нѣмцами, а относитъ къ Скиѣскимъ и Сарматскимъ племенамъ, подъ которыми, какъ мы имѣли уже случай убѣдиться, разумѣлись часто Славянскія племена¹⁷⁾. Сатагаровъ или Сатаговъ еще Маннертъ признавалъ Славянами, въ чемъ соглашался съ нимъ и Шафарикъ¹⁸⁾. Въ пользу Славянскаго происхожденія этихъ, а также и нѣкоторыхъ изъ другихъ племенъ, переселившихся въ это время на правый берегъ нижняго Дуная, говоритъ и то обстоятельство, что племена эти не приняли участія въ передвиженіи Остѣ-Готовъ отсюда на западъ, въ Италію, а остались въ занятыхъ ими областяхъ Восточной Имперіи, то есть, въ Малой Скиѣи (Добручѣ), Мизіи и Θракіи, гдѣ мы около этого времени застаемъ довольно густое Славянское населеніе¹⁹⁾.

¹⁴⁾ Ῥοῦα βασιλεύοντος Οὐννων, Ἀμιλζούροις, καὶ Ἰτιμάροις καὶ Τονωσοῦροι καὶ Βοῖσκοις καὶ ἑτέροις ἔθνεσι προσεικοῦσι τὸν Ἰστρον, καὶ εἰς τὴν ὁμαχμίαν καταφυγγάνουσιν, ἐς μάχην ἐλθεῖν προηρημένους ἐκπέμπει Ἡολαν. Prisc., ed. Bonn., p. 166. Иорнандъ также знаетъ эти племена, которыя называетъ: „Alpilzuros, Alcidzuros, Itimaros, Tuncarsos et Boiscos.“ С. 24.

¹⁵⁾ Шафарика, „Слав. Народ.“ перев. О. М. Бодянского, стр. 24.

¹⁶⁾ „Славянск. Древности“, I, кн. 2, 259.

¹⁷⁾ „Die Deutschen“ etc., S. 703.

¹⁸⁾ Маннертъ „Germanien“, 583.

¹⁹⁾ Не только эти племена, но даже и многіе изъ Готовъ, не отправились съ Теодорихомъ, а остались на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ, какъ увидимъ, и въ IX-мъ вѣкѣ еще сохраняли свой языкъ и народность.

Два года спустя по выселеніи Остъ-Готовъ въ Италію, а именно, въ 493 г., мы узнаемъ, что во Оракіи свирѣпствуютъ варвары, отъ меча корорыхъ въ этомъ году погибаетъ главноначальствующій Оракійскими войсками, Юліанъ, вступившій съ ними въ битву въ ночную пору²⁰). Комисъ Марцеллинъ называетъ этихъ варваровъ Скиоами или Гетами. По словамъ его, эти же самые варвары, Геты, (Getae), въ 517 г. страшно опустошали уже южныя области полуострова: Македонію, Оссалию, древній Эпиръ и сѣверную Грецію до Термопилъ²¹). Императоръ Анастасій послалъ имъ 1,000 фунтовъ золота, для выкупа плѣнныхъ; но выкупъ этотъ показался варварамъ недостаточнымъ: они отпустили на волю только часть плѣнныхъ, другую же, большую часть ихъ, предали жестокой смерти, въ виду Императорскаго Префекта²²).

Въ одно время съ Гетами на полуостровѣ свирѣпствовали и Болгаре. По свидѣтельству все этого же современнаго лѣтописца, Аристъ, начальникъ Илирійскихъ войскъ, предпринялъ походъ, въ 499 год., противъ Болгаръ, разорявшихъ тогда Оракію. При рѣкѣ Цуртъ онъ сразился съ ними, но потерпѣлъ сильное пораженіе, потерялъ до 4,000 человекъ, въ числѣ которыхъ находились: Комисъ Никостратъ, Иннокентій и Аквиліанъ, составлявшіе гордость Илирійскаго войска²³). Въ 502 г. Болгаре снова опустошили Оракію, которую, по словамъ Марцеллина, никто болѣе не защищалъ²⁴). Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ Болгаръ воюющими на Балканскомъ полуостровѣ. Но еще за нѣсколько лѣтъ до этого времени они дѣлаются извѣстными на нижнемъ Дунаѣ. По свидѣтельству Іоанна Антиохійскаго, еще въ 482 г. Императоръ Зинонъ приглашалъ ихъ на помощь противъ Готовъ²⁵). О столкновеніи

²⁰) „Julianus, magister militiae, nocturno praelio pugnans, Scythico (Getico) ferro in Thracia confusus, interiit.“ Roncalli, „Vetustiora latin. script. chron.“ II, p. 303. Хроника К. Марцеллина, писанная въ 534 г., есть единственный и довольно полный памятникъ для исторіи царствованій Зинона (474—491) и Анастасія (491—518). См. у Гиббона, VII, p. 6.

²¹) „Duae tunc Macedoniae Tessaliaque vastata est et usque Thermopylas veteremque Epirum Getae equites depraedati sunt.“ Roncal. 2, 315.

²²) Тамъ же.

²³) Тамъ же, стр. 305.

²⁴) „Consuetudine gens Bulgarorum saepe Thraciam, nullo Romanorum milite resistente, iterum devastavit.“ Ibid., p. 306.

²⁵) Мюллера, „Fragmenta Histor. Graec.“ edit. Didot. IV, p. 619. Замѣтимъ мимоходомъ, что одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ съ приговоромъ замѣчаетъ, что этимъ поступкомъ Зинона „war es entschieden, dass die Halbinsel nicht germanisch, sondern slavisch wurde.“ Рёслеръ, „Römische Stud.“ 231.

ихъ съ Готами, около этого времени говорить Министръ и другъ Теодорика Великаго Кассіодоръ. Перечисляя, въ своей краткой лѣтописи, важнѣйшія дѣла и подвигъ Теодорика, Кассіодоръ замѣчаетъ, что и Болгаре были обузданы, благодаря храбрости его²⁶⁾. Тицинскій Епископъ Еннодій, въ своемъ панегирикѣ Теодорику, упоминаетъ о двухъ побѣдахъ, одержанныхъ имъ надъ Болгарами, которые дотолѣ считались непобѣдимыми, не знавшими никакого сопротивленія²⁷⁾. Одною изъ этихъ побѣдъ, по словамъ Еннодія, Теодорикъ украсилъ свою цвѣтущую молодость; другую же панегирикъ относитъ къ преклоннымъ лѣтамъ Остъ-Готскаго Короля, по причинѣ которыхъ онъ не могъ лично присутствовать при сраженіи своихъ воиновъ. Свидѣтельство Еннодія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что первая война Остъ-Готовъ съ Болгарами происходила до перехода первыхъ въ Италію²⁸⁾ и имѣла мѣсто гдѣ-то на нижнемъ Дунаѣ; это, по всему вѣроятію, та самая война, которую, по словамъ Іоанна Ефесскаго, Болгаре начали по приглашенію Императора Зинона. О второй же изъ упоминаемыхъ Еннодіемъ стычекъ между этими двумя народами, относимой имъ къ преклоннымъ лѣтамъ Теодорика, говорятъ и сохранившіеся до насъ два памятника изъ Канцеляріи наслѣдника Теодорикова, Аталариха²⁹⁾. Она происходила на среднемъ Дунаѣ, не далеко отъ города Сирмія, лежавшаго на восточной границѣ Остъ-Готскаго Королевства. Такимъ образомъ, еще за десять и болѣе лѣтъ до перваго исторически извѣстнаго столкновенія Болгаръ съ Восточною Имперіею, этотъ народъ уже встрѣчается намъ на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ. Но кто были вторгавшіеся въ одно время съ Болгарами Геты, тотъ грозный народъ, который, въ 493 г., убилъ главноначальствующаго Оракійскими войсками Имперіи, а въ 517 г. распространилъ свои опустошенія даже до Оермопиль? Тунманъ, Енгель, Шафарикъ и многіе другіе безъ всякихъ доказательствъ считаютъ ихъ Болгарами³⁰⁾. Въ новѣйшее время Карлъ Гонфъ, повторяя это же мнѣніе, оправдываетъ его примѣчаніемъ, что

²⁶⁾ „Chronicon Cetheo,“ in „Maxima Biblioth. Patrum,“ t. XI, p. 1368.

²⁷⁾ „Haec est natio, cujus ante fuit omne, quod voluit.... Quum ante dimissionem tuam non contigit agnovisse resistentem“ etc. Ennodii opera, ed. Sirmond. Paris, 1611, I, 962.

²⁸⁾ См. „Histor. Miscel.“ у Муратори, „Rer Italic. script.“ I, p. 1, pag. 100.

²⁹⁾ Cassiodori, „Variar. epp.“ X, XXI.

³⁰⁾ Тунманъ, „Untersuchun.“ 50; Шафарикъ, „Славя. Древн.“ II, кн. 1, 262; Рёслеръ, „Rom. Stud.“ 234.

Зонара, говоря о варварских буйствах на полуостровѣ въ 518 г., вмѣсто Гетовъ Марцеллина, называетъ Болгарь³¹⁾. Странный историко-критическій приѣмъ объяснять свидѣтельство современника, очевидца, сказаніями позднѣйшихъ писателей, компиляторовъ! Марцеллинъ употребляетъ названія Геты и Болгаре безразлично: у него это два отдѣльные племена, какъ видно изъ слѣдующаго его свидѣтельства, которое выше помянутые изслѣдователи упускаютъ изъ вида. Подъ 529 годомъ нашъ лѣтописецъ пишетъ, что Римскій военоначальникъ „Мундо, отразивъ Гетовъ, разорявшихъ Илирикъ, поспѣшилъ во Θракію, гдѣ посчастливилось ему разбить и грабившихъ ее Болгарь“³²⁾. Припомнимъ при этомъ, что Марцеллинъ жилъ тогда въ Константинополѣ, былъ, слѣдовательно, не только современникомъ этихъ событій, но даже и очевидцемъ ихъ. Предоставляя себѣ право поговорить о Болгарахъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ, мы остановимся здѣсь на Гетахъ. Можно положительно утверждать, что подъ Гетами Марцеллина разумѣются Славяне. Въ этомъ удостовѣряетъ прежде всего свидѣтельство Теофилакта Симокаты, жившаго въ одномъ вѣкѣ съ Марцеллиномъ и называющаго весьма часто Славянъ Гетами³³⁾. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже и прямо утверждаетъ, что названіе Геты есть древнѣйшее имя Славянъ³⁴⁾. Прибавимъ еще, что этому писателю безызвѣстны и Болгаре³⁵⁾. Свидѣтельство Теофилакта, современника почти Марцеллина, безспорно имѣетъ несравненно больше вѣса въ вопросѣ о народности занимающихъ насъ Гетовъ, чѣмъ сказаніе Зонары, который, какъ и прочіе позднѣйшіе выписчики, весьма часто роднитъ и отождествляетъ другъ съ другомъ самые разноплеменные народы. Относительно Гетовъ Марцеллина Зонара могъ впасть въ подобную ошибку и смѣшать ихъ съ Болгарами тѣмъ легче, что въ его время, въ XII вѣкѣ, большая часть Нижнедунайскихъ Славянъ и въ

³¹⁾ „Geschichte Griechenland,“ въ „Allgem. Enckyl. d. W. und. K.,“ Эрша и Грубера 85 стр. 79.

³²⁾ „Ind. VIII, Lampedio et Oreste coss. Mundo Illyricianae utriusque militiae dux, dudum Getis Illyricum discursantibus primus omnium Romanorum ducum incubuit eosque haud paucis ipsorum interemptis fugavit. His autem deinde coss. idem dux, audaciae suae secundus, in Thraciam quoque advolans, praedantes eam Bulgaros feliciore pugna cecidit, quingentis eorum in proelio trucidatis.“ Roncal. „Vet. lat. script. chron. 11, 320.

³³⁾ L. III, c. 4; l. VI, c. 6; l. VII, c. 2.

³⁴⁾ Τοῖς ἑταῖς τοῦτο γὰρ τοῖς βαρβάραις (τοῖς Σκλαβήνοις) τὸ πρεσβύτερον ὄνομα. L. VII, c. 2.

³⁵⁾ L. VI, c. 4.

самомъ дѣлѣ уже называлась по имени Болгарь. Зная это, нельзя не удивляться выше помянутымъ изслѣдователямъ, которые въ данномъ случаѣ отдавая, по чему-то, предпочтеніе сказаніямъ Зонары, и принимая при этомъ имя Болгарь въ значеніи орды Уральскихъ Кочевниковъ, приписываютъ этой ордѣ всѣ бѣдствія, обрушившіяся на Европейскія владѣнія Восточной Имперіи въ царствованіе Анастасія (491—518).

Не подлежитъ сомнѣнію, что Марцеллинъ называетъ варваровъ, со такою яростію пропеснившихся въ его время до самыхъ Оермопиль, Гетами на томъ основаніи, что они выходили сюда изъ Гетіи, гдѣ находились, слѣдовательно, ихъ прежнія жилища. А что большинство населенія древней Гетіи издавна составляли Славяне, на это, надѣмся, мы привели уже достаточно убѣдительныхъ доводовъ. Здѣсь представляется намъ случай привести еще нѣсколько данныхъ, какъ для полнѣйшаго подтвержденія этого положенія, такъ и для доказательства, что и въ занимающую насъ пору оно остается во всей силѣ. Современникъ Марцеллина Прокопій, которому мы обязаны первыми яснѣйшими извѣстіями о Славянахъ, говоритъ, что они занимаютъ большую часть страны, лежащей по ту сторону (на сѣверъ) Дуная³⁶). Онъ называетъ при этомъ двѣ вѣтви этого племени: Восточную — Антовъ и Западную — Славянъ въ собственномъ смыслѣ³⁷). Границею между ними служило, приблизительно, верхнее и среднее теченіе Днѣстра. Въ нижнемъ теченіи этой рѣки жилища Антовъ, какъ увидимъ вскорѣ, заходили и за правый берегъ ея³⁸). Какъ далеко на западъ простирались жилища Славянъ въ собственномъ смыслѣ, Прокопій не опредѣляетъ, но у него мы находимъ косвенныя указанія, проливающія довольно яркій свѣтъ и на этотъ предметъ. Мы разумѣемъ его извѣстіе о трехъ вторженіяхъ Славянъ въ западную часть Балканскаго полуострова, куда они проникали изъ западныхъ частей древней Дакіи. Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ Прокопія, Славяне занимали своими раскиданными жилищами всю древнюю Дакію или Гетію. То же самое подтверждаетъ и Маврикій, замѣчая, что рѣки Славянъ вливаются въ Дунай³⁹),

³⁶) Τὸ γὰρ πλεῖστον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστροῦ ὄχθης αὐτὰ νέμονται. Bel. Goth. c. 14.

³⁷) См. Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 33 и слѣд.

³⁸) См. ниже примѣч. 58.

³⁹) Τῶν γὰρ ποταμῶν αὐτῶν ἐπιμυγνυμένων τῇ Δανουβίῳ. . . . Strategicon I. XI, c. 5.

а также Менандръ и Теофилактъ Симоката, какъ увидимъ ниже⁴⁰⁾).

Лѣтописцы не говорятъ, чтобы Византія принимала какія ни будь мѣры для обузданія Гетовъ Марцеллина (Славянъ), наводнившихъ ея области на Балканскомъ полуостровѣ: страна эта была какъ бы совершенно предоставлена на ихъ произволъ. Это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что въ 512 г. Императоръ Анастасій воздвигъ знаменитую стѣну отъ Силиврии на Мраморномъ морѣ до Деркона на Черномъ. Этой стѣною, простиравшеюся въ длину на 280 стадій, обезпечена была болѣе, или менѣе, безопасность столицы и ея окрестностей, но области, находящіяся за этой оградой, которую Евагрій называетъ „знаменіемъ безсилія⁴¹⁾“, памятникомъ трусости“, предоставлены были на волю судьбы: о защитѣ ихъ не было болѣе и рѣчи во все остальное время царствованія Анастасія. Какъ было замѣчено уже, еще за годъ до смерти этого Императора, Славяне, не встрѣчая никакого сопротивленія, опустошали Македонію, Эпиръ, Фессалію и проникали до Термопилъ. Также благопріятно было для нихъ и царствованіе Юстина, продолжавшееся съ 518—527. Мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что во время этихъ двухъ царствованій, обнимающихъ собою періодъ времени въ 35 лѣтъ, на полуостровѣ водворилось множество Славянъ.

Въ 527 г. Византійскій престолъ занялъ Юстиніанъ, принявшій Имперію, по выраженію Прокопія, въ страшномъ разгромѣ (πλημελῶς κινουμένην)⁴²⁾. Онъ дѣятельно принялся за восстановление потрясенной ея власти на Балканскомъ полуостровѣ. Еще въ первый годъ его царствованія полководецъ Германъ нанесъ сильное пораженіе одному отряду Антовъ, только что перешедшему Дунай: только немногіе изъ враговъ, составлявшихъ этотъ отрядъ, успѣли спастись отъ гибели и возвратились назадъ⁴³⁾. Эта блистательная побѣда навела большой страхъ на занимавшее лѣвый берегъ Дуная Славянство, потерявшее было, при предшественникахъ Юстиніана, всякое

⁴⁰⁾ Въ виду этихъ свидѣтельствъ мы позволяемъ себѣ согласиться съ тѣми, которые ищутъ „Novietunensis“ и „Iacus Mursianus“, до которыхъ, по словамъ Юрианда, простирались жилища Славянъ на западъ, на среднемъ Дунаѣ, около впаденія въ него Савы и Дравы.

⁴¹⁾ См. у Гопфа „Gesch. Griechenl.“ 97.

⁴²⁾ „De aedific.“ ed. Venet. p. 396.

⁴³⁾ Прокопій, „De bello Goth.“ III, 40.

уваженіе къ Римскому оружію. Чтобы совсѣмъ загородить тамошнимъ Славянамъ дорогу въ предѣлы Имперіи, Юстиніанъ немедленно приступилъ къ укрѣпленій, около 80, частию выстроенныхъ вновь, частию возстановленных⁴⁴⁾. Защита укрѣпленной такимъ образомъ сѣверной границы ввѣрена была, въ 531 г., отличнѣйшему полководцу, Хвилибуду, который, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, былъ родомъ Антъ. Современны съ этими мѣрами, имѣвшими въ виду Славянъ, обитавшихъ внѣ предѣловъ Имперіи, на сѣверъ отъ нижняго Дуная, принимались не менѣе дѣятельныя мѣры противъ внутреннихъ Славянъ, сидѣвшихъ уже въ областяхъ Имперіи, но не признававшихъ надъ собою ея власти. Обузданіе ихъ было поручено, въ 529 г., полководцу Мундо, который хотя и имѣлъ нѣсколько удачныхъ стычекъ съ этими неугомонными врагами⁴⁵⁾, но оказался не въ силахъ привести всѣхъ ихъ къ покорности. Многіе изъ нихъ, владѣя выгодными въ стратегическомъ отношеніи мѣстностями, сумѣли отразить сдѣланное на нихъ нападеніе и, сохранивъ свою полную независимость, остались открытыми врагами въ сердцѣ Имперіи, готовыми ежеминутно къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ нея. На существованіе такого независимаго и безпкойнаго населенія въ занимающихъ насъ областяхъ указываетъ то, что Юстиніанъ, кромѣ укрѣпленій, воздвигнутыхъ на Дунаѣ, воздвигъ еще около 600 другихъ укрѣпленій во внутреннихъ областяхъ Дакии, Эпирѣ, Ѳессаліи и Македоніи. Ѳракіійскій Херсонесъ и полуостровъ Паллена были ограждены каждый особеннымъ рядомъ укрѣпленій. Возстановлены укрѣпленія, защищавшія Ѳермоны и Коринѣскій перешеекъ. Что вызвало возведеніе столь многихъ укрѣпленій во внутреннихъ и южныхъ областяхъ Балканскаго полуострова? На это прямо намъ указываетъ Прокопій, и указываетъ именно въ томъ сочиненіи, которое онъ написалъ, чтобы прославить Юстиніана, какъ возстановителя власти Имперіи въ этихъ областяхъ, въ слѣдствіе чего онъ тщательно умалчиваетъ обо всемъ, что бы могло противорѣчить этой цѣли⁴⁶⁾. Повѣствуя объ укрѣпленіи Филиппополя и Платинополя, онъ обронилъ словечко, что

⁴⁴⁾ Гиббонъ, VII, р. 113.

⁴⁵⁾ См. выше прим. 32.

⁴⁶⁾ Во время составленія этого сочиненія Прокопій находился подъ страхомъ ἀπολωλέναι θανάτῳ οἰκτίστῳ, за внесеніе въ свой трудъ какого ни будь неблаговиднаго показанія. См. Isambert, „Anecdota Procopii.“ Paris, 1856, I, въ Introduction.

укрѣпленія эти были воздвигнуты противъ варваровъ, которые, въ большомъ множествѣ, занимали окрестности этихъ городов⁴⁷⁾. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о возстановленіи крѣпости Адины, лежавшей въ Мизіи, не далеко отъ крѣпости Палматы, онъ уже и прямо указываетъ, что въ окрестностяхъ ея укрывались „варвары Славяне,“ не давашіе прохода никому⁴⁸⁾, и что именно это обстоятельство побудило Императора къ укрѣпленію Адины. Славянами же, по всему вѣроятію, были и тѣ варвары, противъ которыхъ было воздвигнуто укрѣпленіе у устья р. Рехія⁴⁹⁾, для защиты плодоноснѣйшей долины этой самой южной рѣчки Македоніи⁵⁰⁾.

Но всѣ эти мѣры, предпринятыя Византіею для умиротворенія и обузданія внутреннихъ враговъ, а также для защиты сѣверныхъ областей отъ вторженія въ нихъ новыхъ варваровъ, не были проведены до конца и оказались тщетными. Вниманіе Юстиніана было отвлечено отъ этой страны къ другимъ концамъ Имперіи, къ другимъ цѣлямъ. Начинается рядъ долговременныхъ войнъ съ Персами на Востокѣ, съ Вандалами въ Африкѣ, съ Остѣ-Готами въ Италіи, войнъ, наполнявшихъ все долговременное царствованіе Юстиніана, поглощавшихъ всѣ средства Имперіи. Полуостровъ былъ оставленъ безъ надлежащей защиты; многочисленныя укрѣпленія его, брошенныя безъ достаточной стражи, не привели къ цѣли. Прокопій, прославившій Юстиніана за эти укрѣпленія въ заказномъ своемъ сочиненіи о „Постройкахъ“, въ „Анекдотахъ“ прямо называетъ эти постройки, ради которыхъ Юстиніанъ не щадилъ ни имущества своихъ подданныхъ, ни ихъ жизни, „безумными постройками“⁵¹⁾. Въ 534 г. Хвилибудъ, которому ввѣрена была защита сѣверной границы, переправился черезъ Дунай для нападенія на Славянъ, жившихъ на лѣвомъ берегу его. Но они его встрѣтили съ большою силою, перебили его воиновъ,

⁴⁷⁾ Φιλιππουπόλεως τε καὶ Πλατινιπόλεως τὰ τε ἐνδέοντα καὶ καταπεπονηκότα σπουδῇ τῇ πάσῃ ψκοδομήσατο ἐπεὶ αὐτὰς ἐπιμαχώτατας ξυνέβαινεν εἶναι, καίπερ ἔθνεσι γειτονούσας βαρβάρων πολλοῖς. Aedif. IV, c. 11, ed. Bonn., p. 304.

⁴⁸⁾ Καὶ Πάλματις μεῖζον τε κατεστήσατο καὶ διαφερόντως εὐρύτερον, καίπερ οὐ παρὰ τὴν ἀκτὴν τοῦ ποταμοῦ (Ἰστρου) ὄν. Οὗ δὲ ἄγχιστα καὶ φρούριον ἄδινα καινουργήσας ἐδείματο, ἐπεὶ διηγεκὲς διαλανθάνοντες Σκλαβηνοὶ βάρβαροι ἐνταῦτα καὶ ἐνεδρεύοντες κέρκυρμένως αἰεὶ τοὺς τῆδε ἰόντας ἄβατα ἐποιοῦν τὰ ἐκείνη χωρία. De Aedif. l. IV, c. 7, ed. Bonn., p. 293.

⁴⁹⁾ Рѣчка Рехій (Ῥήχιος) вытекаетъ изъ озера Болбе и впадаетъ въ Стримонскій заливъ. Ср. Финлей, „The History of Greece. p. 10.

⁵⁰⁾ „De aedific.“ IV, 3, 4.

⁵¹⁾ ἀνοήτοις οἰκοδομίαις. Anecd., c. XI.

и умертвили его самого⁵²⁾. Съ тѣхъ поръ Придунайскія области снова были открыты внѣшнимъ варварамъ: „Гуннамъ, Славянамъ и Антамъ,“ какъ выражается Прокопій. По словамъ его, они ежегодно опустошали Илирикъ и всю Θракію, Грецію, Херсонесъ, всѣ страны, что простираются отъ Іоническаго моря и до самыхъ стѣнъ столицы⁵³⁾. Всякое вторженіе ихъ, говоритъ Прокопій, стоило Имперіи около 200,000 гражданъ, которые были или избиваемы, или уводимы въ плѣнъ. Къ разореніямъ этихъ внѣшнихъ враговъ слѣдуетъ присоединить еще и буйства внутреннихъ варваровъ, и намъ не будетъ болѣе казаться преувеличеніемъ слѣдующее мѣсто въ „Анекдотахъ“: „Въ это время (въ царствованіе Юстиніана) никакая мѣстность, никакая гора, ни пещера, ни одинъ уголокъ Римской земли не остался невредимымъ (ἀδύωτον). Многимъ странамъ случилось быть опустошаемыми и по пяти разъ“⁵⁴⁾. Въ запискахъ о Готской войнѣ Прокопій описываетъ нѣкоторыя изъ этихъ столь частыхъ буйствъ Славянъ на полуостровѣ: остановиться на этомъ описаніи мы считаемъ тѣмъ необходимѣе, что въ немъ мы находимъ въ высшей степени любопытныя подробности.

Вскорѣ, по умерщвленіи Хвилибуда, около 533 г., Анты сдѣлали нападеніе на Θракію, многихъ изъ жителей ея ограбили, многихъ же увели въ неволю⁵⁵⁾.

Въ 546 г. отрядъ, составленный изъ Геруловъ, обитавшихъ въ предѣлахъ Имперіи на правахъ союзниковъ, былъ отправленъ изъ Θракіи въ Италію для подкрѣпленія дѣйствующихъ тамъ военныхъ силъ Имперіи. По дорогѣ Герулы нечаянно наткнулись на огромную толпу Славянъ, только что переправившихся черезъ Дунай и уже успѣвшихъ захватить въ плѣнъ многихъ Римскихъ гражданъ изъ прилежащихъ къ Дунаю странъ. Геруламъ посчастливилось отбить у врага всѣхъ плѣнныхъ и заставить его обратно перейти рѣку⁵⁶⁾. Около этого времени Юстиніанъ заводилъ переговоры съ Антами, уступая имъ права Имперіи на опустошенный городъ Туррисъ, лежащій на лѣвомъ берегу Дуная (вѣроятно Турна у устья Алуты), съ тѣмъ, чтобы они заключили союзъ съ Имперією и

⁵²⁾ Bell. Goth l. III, c. 14.

⁵³⁾ Anecd. c. XVIII.

⁵⁴⁾ Тамъ же XI.

⁵⁵⁾ B. Goth. III, c. 13.

⁵⁶⁾ B. G. III, c. 13. Strit. II, p. 33.

взялись бы защищать ее отъ другихъ враговъ. Переговоры эти не привели къ желанному концу, но изъ нихъ мы узнаемъ, что жилища Антовъ простирались гораздо западнѣ Днѣстра, захватывали часть нижняго Дуная⁵⁷⁾.

Въ 548 г. толпы Славянъ вторгнулись въ Илирію и безпрепятственно проникли до Эпидамна, нынѣ Драча, на Адриатическомъ морѣ. Они побрали тамъ и укрѣпленія, которыя до толѣ казались неприступными, и навели такой страхъ на Римлянъ, что пятнадцатитысячное войско, защищавшее эту страну, не смѣло даже подходить къ нимъ на близкое разстояніе⁵⁸⁾.

Въ 551 г. новый отрядъ Славянъ, состоявшій, по словамъ Прокопія, только изъ 3000 человекъ, перешелъ Дунай, и „не смотря на свою немногочисленность, разбилъ, однако, и обратилъ въ бѣгство войска въ Илиріи и Тракіи“. Подробности, сообщаемыя лѣтописцемъ о буйствахъ этихъ 3,000 Славянъ, особенно любопытны: мы коснемся ихъ нѣсколько ниже.

Въ слѣдующемъ году огромныя полчища Славянъ, какихъ прежде не было видано, переправившись черезъ Дунай выше Ниша, устремились на югъ, съ намѣреніемъ взять Солунь, какъ объясняли нѣкоторые изъ нихъ, попавшіеся въ плѣнъ. Но узнавши, что въ Сардикѣ находилось сильное войско, собиравшееся двинуться въ Италію, Славяне повернули на западъ, въ Илирію, гдѣ къ нимъ присоединились и другія толпы. Раздѣлясь на три отряда, „эти варвары нанесли страшный вредъ всей Евронѣ (Балканскому полуострову): они не только грабили ее, но и зимовали въ ней безъ всякаго страха, какъ будто въ собственной своей землѣ“. Одинъ изъ этихъ отрядовъ одержалъ побѣду надъ совокупными силами Имперіи, отбилъ главное Римское знамя и чуть не захватилъ въ плѣнъ самихъ военачальниковъ. Побѣдители двинулись впередъ къ столицѣ, но потерпѣвъ неудачу въ одной стычкѣ при длинной стѣнѣ, возвратились домой съ огромной добычей. Отрядъ, который остался въ Илиріи, долго еще опустошалъ эту страну безнаказанно и наконецъ отступилъ преспокойно. Императорское войско, отправленное противъ нихъ, не смѣло встрѣтиться съ ними и только издали шло по ихъ слѣдамъ. Нельзя было Римлянамъ и на переправѣ черезъ Дунай причинить имъ какую ни будь

⁵⁷⁾ В. G. III, с. 14. Strit. II, 22—30. Сравни. выше примѣч. 38.

⁵⁸⁾ В. G. III, с. 29. Strit. II, 34.

помѣху; ибо Гепиды, жившіе тамъ, охотно перевозили ихъ на своихъ корабляхъ, получая за это съ cadaго по золотому⁵⁹⁾.

Тутъ уже оставляютъ насъ извѣстія Прокопія. Обо всѣхъ нечисленныхъ имъ буйствахъ Славянъ въ предѣлахъ Имперіи онъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о Готской войнѣ. Необходимо указывать, что Прокопій касался Славянскаго движенія на столько, на сколько оно имѣло какое ни будь прямое, или косвенное, отношеніе къ главному предмету названнаго сочиненія. Это обстоятельство даетъ намъ право предполагать, что кромѣ выше упомянутыхъ буйствъ въ царствованіе Юстиніана, совершены были Славянами и многія другія, не имѣвшія соотношенія съ Готской войною, въ слѣдствіе чего описаніе ихъ не нашло себѣ мѣста въ запискахъ Прокопія. Предположеніе это находитъ сильную поддержку въ приведенномъ выше показаніи „Анекдотовъ“, что въ продолжительное царствованіе Юстиніана не проходило года безъ того, чтобы Славяне не свирѣпствовали въ областяхъ Имперіи.

По словамъ Прокопія, Славяне вторгались въ Имперію все изъ-за Дуная: тамъ они имѣли свои постоянныя жилища, къ которымъ и возвращались по утоленіи своей жажды добычи и крови на счетъ Римскихъ гражданъ. Если вѣрить показанію этого лѣтописца, то во всѣхъ описанныхъ имъ буйствахъ Славянъ слѣдуетъ видѣть только хищническіе набѣги, только временныя нападенія Придунайскаго Славянства на Имперію. Мы имѣемъ, однако, основаніе усомниться въ справедливости упомянутого показанія. Состоя при Велизаріи, въ качествѣ его совѣтника, и находясь безотлучно при немъ въ теченіе двадцати почти лѣтъ, начиная съ 527 г., Прокопій жилъ постоянно вдали отъ тѣхъ областей, на которыя простиралось давленіе Славянъ. Онъ не могъ знать непосредственно Славянскаго міра и его отношеній къ Имперіи; не могъ имѣть объ этихъ отношеніяхъ и правительственныхъ свѣдѣній; ибо Славянскія дѣла вѣдались не въ Канцеляріи Велизарія, побѣдителя Персовъ, Вандаловъ и Готовъ. О Славянскихъ дѣлахъ Прокопій могъ знать только по слухамъ, доносившимся до отдаленнаго стана Велизарія, слухамъ, къ которымъ, какъ извѣстно, онъ относился не критически и съ непонятнымъ легковѣріемъ⁶⁰⁾. Что

⁵⁹⁾ В. G. III, с. 40. Strit. II, 37—40.

⁶⁰⁾ Felix Dahn, „Procopius von Cäsarea“. Berlin, 1865, S. 69—86.

дѣйствительно молва была главнымъ источникомъ его свѣдѣній о занимающихъ насъ отношеніяхъ, и какъ не критически относился онъ къ этому, столь мало надежному, источнику, это не трудно замѣтить при самомъ бѣгломъ чтеніи его повѣствованія о нихъ. О трехтысячномъ Славянскомъ отрядѣ, вторгавшемся, какъ было замѣчано уже, къ 551 г., онъ передаетъ слѣдующія подробности: перейдя Дунай, этотъ незначительный отрядъ устремился на югъ и безпрепятственно достигъ Марицы, гдѣ раздѣлился на двѣ толпы: одну составили 1800 человѣкъ, другую же 1200. Эти малочисленные толпы, кинувшись одна на югъ, другая на западъ, разсѣяли всѣ Римскія войска, стоявшія во Ѳракіи и Илирикѣ, и произвели страшныя опустошенія въ этихъ странахъ: они сажали на колъ Римскихъ гражданъ, жгли и истребляли все, попадавшееся имъ на глаза. Толпа, состоявшая изъ 1800 человѣкъ, достигаетъ берега Архипелага, беретъ тамъ важную крѣпость Топирисъ. изъ жителей которой предаетъ мучительной смерти 15,000 человѣкъ мужескаго пола, женщинъ же и дѣтей сберегаетъ для рабства. Другая же толпа, состоявшая изъ 1200 Славянъ, совершаетъ не менѣе ужасныя дѣла въ Илирикѣ. Усѣявъ всю Илирію и Ѳракію непогребенными трупами, толпы эти преспокойно отступаютъ за Дунай съ огромнымъ числомъ плѣнныхъ⁶¹⁾. Эта сказка имѣетъ большое историческое значеніе для характеристики взгляда населенія Имперіи на Славянъ, но Прокопій не сообщаетъ ее съ этой цѣлью: онъ принимаетъ содержаніе ея за сущую правду, и излагаетъ ее тономъ человѣка, вполне увѣреннаго въ дѣйствительности рассказываемыхъ имъ происшествій. Доискавшись такимъ образомъ до настоящаго источника сказаній Прокопія о буйствахъ Славянъ на полуостровѣ, мы въ правѣ усомниться въ показаніи его, что всѣ эти буйства совершались Задунайскими Славянами, единственно съ цѣлію добычи, получивъ которую, хищники снова возвращались за Дунай. Въ сочиненіи „О постройкахъ“, писанномъ въ 558 г. въ Константиноплѣ и по источникамъ правительственнымъ, мы встрѣчаемъ данныя, хотя, къ сожалѣнію, и весьма немногія, которыя нѣсколько уясняютъ намъ истинное свойство Славянскаго движенія на полуостровѣ. Данныя эти, на которыя было указано нами выше, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что опасный для Имперіи

⁶¹⁾ В. G. III, 38. Stritt. II. 36—37.

врагъ обиталъ не только за Дунаемъ, но и въ самихъ предѣлахъ ея: въ Мизіи, около крѣпости Адины, во Фракіи, въ окрестностяхъ Филиппополя и Плотинополя, въ Македоніи, недалеко отъ долины р. Рехи и т. д. А если это такъ, то ничто не мѣшаетъ думать, что эти, водворившіеся уже въ Имперіи, Славяне, которые, въ самомъ началѣ царствованія Юстиніана, не смотря на сильныя мѣры, предпринятыя тогда этимъ Императоромъ для обузданія ихъ, были враждебно настроены противъ Императорской власти, — ничто не мѣшаетъ думать, повторяемъ, что этотъ безпокойный врагъ не воспользовался бы ослабленіемъ защиты сосѣднихъ областей для нападенія на нихъ. Этими внутренними Славянами, по всему вѣроятію, совершаемы были всѣ тѣ разбѣги полуострова, которыя, по словамъ Прокція, повторялись ежегодно. Если и присоединялись къ нимъ новые Славянскіе пришельцы изъ-за Дуная, то они весьма легко могли водвориться здѣсь, подлѣ своихъ единокровцевъ; да и не было особенной надобности возвращаться имъ снова за Дунай.

Историки послѣднихъ лѣтъ царствованія Юстиніана повѣствуютъ о страшномъ нашествіи варваровъ изъ-за Дуная, наводнившихъ Балканскій полуостровъ. Въ 558 г. великая сила этихъ варваровъ высыпала во Фракію, гдѣ раздѣлилась на три отряда: одинъ двинулся чрезъ Македонію въ Элладу и проникъ до Термопилъ, другой угрожалъ укрѣпленіямъ, защищавшимъ Херсонесъ, третій, подъ предводительствомъ Забергана, направился къ столицѣ, которую спасъ отъ явной опасности старый Велизарій, принявшій въ это опасное мгновеніе главное начальство надъ войскомъ. Агаѳій называетъ этихъ враговъ Гуннами, Котригурами⁶²⁾. Африканскій Епископъ, Викторъ Тунпуненскій, проживавшій около этого времени въ Константинополѣ, называетъ ихъ Болгарами⁶³⁾. Теофанъ говоритъ, что полчища эти состояли изъ Гунновъ и Славянъ⁶⁴⁾. Кедринъ толкуетъ, что все это были Славяне, которыхъ онъ отождествляетъ съ Гуннами⁶⁵⁾. Мы не будемъ останавливаться на разборѣ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ, такъ какъ это завлекло бы

⁶²⁾ Agath. V, 11, ed. Bonn, p. 209 sqq.

⁶³⁾ „Bulgares Thraciam invadunt et usque ad Sucas Constantinopolim veniunt“. Roncal. „Vet. lat. Chron“. II, 377.

⁶⁴⁾ Strit. II, p. 42.

⁶⁵⁾ Οὐννοι οὐ καὶ Σολαβίνοι. Ibid.

насъ за предѣлы нашей задачи; замѣтимъ только, что и въ этихъ вторженіяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, Славянство играло значительную роль.

Все сказанное доселѣ объ отношеніяхъ Славянъ къ Имперіи въ продолжительное царствованіе Юстиніана приводитъ къ заключенію, что, обузданные въ самомъ началѣ этого царствованія дѣятельными мѣрами Юстиніана, Славяне какъ будто пріутихли, пріостановили безнаказанное расхищеніе достоянія Имперіи, но вскорѣ они нашли возможность уничтожить всѣ воздвигнутыя противъ нихъ преграды и съ новою силою возобновить движеніе, измѣнившее составъ населенія Балканскаго полуострова.

Къ концу царствованія Юстиніана въ Средне-Дунайскую низменность протѣснился новый народъ, Авары, основавшій тамъ довольно значительное государство. Объ Аварахъ впервые упоминаетъ Прискъ между 461—465 г.: въ это время они обитали гдѣ-то между Каспійскимъ и Азовскимъ морями⁶⁵). Сто лѣтъ спустя, а именно въ 558 г., они посылали пословъ въ Константинополь къ Императору Юстиніану съ предложеніемъ ему своихъ услугъ противъ племенъ, обитавшихъ по сѣверному берегу Чернаго моря и тревожившихъ владѣнія Имперіи своими частыми набѣгами. Послы ихъ были приняты въ Константиноплѣ съ честію и отпущены съ богатыми дарами. Авары двинулись тогда на западъ, воевали съ Сабирами, Утургурами, Кутургурами и особенно долго съ Антами⁶⁷). Къ этому времени, вѣроятно, относятся и, занесенныя въ первую Русскую лѣтопись, преданія о мученіяхъ, которыя терпѣли отъ Обровъ Дулѣбы, жившіе между Бугомъ и Стыремъ⁶⁸). Въ 565 г., въ годъ смерти Юстиніана, мы находимъ уже главный станъ Аваровъ въ средней Европѣ, по мнѣнію Палацкаго, въ Чехіи и сосѣднихъ съ нею странахъ⁶⁹), откуда они посылали въ этомъ году новыхъ пословъ въ Константинополь за подарками. Чтобы выманить болѣе щедрые дары, Аварскіе послы на пріемѣ, данномъ имъ Юстиномъ II, въ напыщенныхъ выраженіяхъ расписывали могущество своего народа, указывали на выгоды, которыя Имперія могла бы извлечь для себя отъ

⁶⁵) Prisc. ed Bonn. 158.

⁶⁷) Menand. ed Bonn., 284.

⁶⁸) Соловьева, „Истор. Россіи“ I, 85; Шафарика, „Слав. Древ.“ II, кн. I, 94.

⁶⁹) Dějiny národu českého. I, č. I, 1862, str. 92.

союза съ ихъ могущественнымъ Хакапомъ и пр. Выслушавъ ихъ надменную рѣчь, новый Императоръ объявилъ имъ торжественно, что имѣеть основательныя причины быть совершенно противнаго мнѣнія объ Авахъ, что союзъ ихъ ему ненуженъ, а непріязнь не страшна. Онъ съ безчестіемъ отпустилъ заносчивыхъ хвастуновъ, сказавъ, что если они желаютъ воспользоваться его благотворительностію, то должны выпрашивать ее какъ милостыню⁷⁰). Отвѣтъ Юстина, по видимому, устранилъ Аваровъ: не помышляя о мести за оскорбленіе, нанесенное имъ въ лицѣ ихъ пословъ, они нѣсколько времени тревожили своими набѣгами владѣнія Франковъ (Тюрингію)⁷¹), пока не были принуждены послѣдними промыслять себѣ добычу въ другихъ странахъ. Въ 567 г. они воюють уже съ Гепидами, въ качествѣ союзниковъ Лонгобардовъ, а по выселеніи послѣднихъ въ Италію, въ 568 г., заняли Паннонію и основались въ ней на долго. Отсюда они начали тревожить владѣнія Византіи хищническими набѣгами, неоднократно повторившимися въ теченіе 50 лѣтъ. Упомянувъ о Славянахъ и ихъ столкновеніяхъ съ Имперіею, со времени утвержденія Аваровъ въ Панноніи, нѣкоторые изъ Византійскихъ писателей говорятъ, что они сдѣлались данниками Аварскаго Хакапа, и чуть ли не во всѣхъ враждебныхъ Имперіи Славянскихъ движеніяхъ видятъ персть Аварскаго повелителя. Не рѣдко они даже, отождествляя Славянъ съ Аварами, относятъ къ послѣднимъ нѣкоторыя дѣла, совершенныя первыми. Сказанія этихъ Византійцевъ и невѣрно понятыя извѣстія о войнахъ, которыя Авары вели съ племенами, обитавшими по сѣверному берегу Чернаго моря, объ ихъ буйствахъ въ Чехіи и вторженіяхъ въ Тюрингію, породили очень неправильный и при томъ слишкомъ распространенный взглядъ на Аварское государство. Обыкновенно думаютъ, что государство это заключало въ своихъ предѣлахъ всю обширную страну, простирающуюся отъ Волги до Лабы, отъ Савы и нижняго Дуная чуть ли не до Балтійскаго моря. Занимающіе насъ Славяне, по мнѣнію приверженцевъ этого взгляда, раздѣляемому до извѣстной степени и нѣкоторыми изъ Славистовъ⁷²), тоже подпали подъ власть Аваровъ и долгое

⁷⁰) Menand. ed. Bonn, 289—300.

⁷¹) Палацкаго, Dĕjiny, I, џ. I, 92.

⁷²) Гиббонъ VIII, p. 110, 176, 181; Финлей „Griechenland unter den Römern“, 235; Максъ Бюдигеръ, „Oesterreichische Geschichte“, Th. I. Leipzig. 1858, S.

время находились подъ ихъ гнетомъ. Мы уже замѣтили, что этотъ взглядъ держится на весьма шаткихъ и невѣрныхъ основаніяхъ: вникая въ сущность войны Аваровъ съ Сабирами, Утургурами, Антами вообще и въ частности съ Дулѣбами, нельзя не замѣтить, что войну эту Авары вели съ цѣлю проложить себѣ чрезъ земли названныхъ племенъ дорогу изъ Прикаспійскаго края на западъ, въ среднюю Европу, но ни какъ не съ тѣмъ, чтобы подчинить ихъ себѣ. Всѣ эти племена и послѣ войны съ Аварами являются независимыми и, какъ такіе, продолжаютъ по прежнему тревожить владѣнія Имперіи. Да и не такъ бы отвѣтилъ Юстинъ II Аварскимъ посланью, въ 565 г., и не такъ бы отнесся къ этому, столь оскорбительному для себя отвѣту, Хаканъ Аварскій, если бы въ распоряженіи его находилось такое множество племенъ. Что касается буйствъ Аваровъ въ Чехіи, равно, какъ и вторженія ихъ въ сѣверо-восточную окраину Австразіи, то буйства и вторженія эти слишкомъ явственно обличаютъ въ себѣ временные набѣги, чтобы изъ нихъ дѣлать какіе ни будь выводы о распространеніи власти этого народа на сѣверъ. Историки, заключающіе изъ этихъ вторженій, что государство Аваровъ простиралось до Тюрингіи, впадаютъ въ такую же ошибку, какъ если бы кто ни будь, на основаніи позднѣйшихъ буйствъ Аваровъ въ окрестностяхъ Константинополя, вывелъ заключеніе, что власть ихъ простиралась такъ далеко на югъ. Нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы Авары когда ни будь владѣли въ Полабій, или, по крайней мѣрѣ, вторгались бы въ эту страну, и мнѣніе, что предѣлы ихъ господства простирались до Балтійскаго моря, включая въ себѣ Польшу и Пруссію, ни на чемъ не основано. Мнѣніе это впервые, кажется, было выведено Гиббономъ⁷³⁾ изъ весьма подозрительнаго и весьма неяснаго показанія Славянскихъ гусляровъ, выдававшихъ себя передъ Императоромъ Маврикіемъ за пословъ народа, обитающаго на отдаленнѣйшемъ концѣ какого-то западнаго океана, народа, который Авары старались вооружить противъ Имперіи, не смотря на то, что жилища его отстояли отъ послѣдней на разстояніи пятнадцатимѣсячнаго пути. Таково единственное осно-

61—78; К. Гопфъ, „Geschichte Griechenlands“, 90; Карамзинъ, „Истор. Гусуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, I, стр. 14; Чертковъ, „Протословене“. 60, 61; Палацкий, Dĕjiny I, str. 13 и проч.

⁷³⁾ „History of the decl. and fall“. VIII, 181.

ваніе этого мнѣнія, которое, не смотря на всю его несостоятельность, продолжаетъ существовать и по нынѣ. Еще несостоятельнѣе другое изъ основаній разбираемаго взгляда на могущество Аваровъ: мы разумѣемъ указаніе нѣкоторыхъ Византійцевъ на зависимость Славянъ вообще отъ Хаkana. Подобное указаніе встрѣчается главнымъ образомъ у позднѣйшихъ писчиковъ: Никифора, Теофана, Кедрина, Зонары и другихъ, мало надежныхъ свидѣтелей въ дѣлахъ, касающихся взаимныхъ отношеній варваровъ вообще, въ особенности же въ давно минувшихъ дѣлахъ подобнаго рода. Изъ писателей, жившихъ въ цѣвствующій періодъ Аварскаго государства, только у двухъ находятся подобнаго рода указанія, а именно: у Теофилакта Симокаты и Георгія Писиды. Повѣствуя о буйствахъ Славянъ на полуостровѣ въ 583 г., Теофилактъ замѣчаетъ, что ихъ подослали, напустили на Имперію Авары⁷⁴). Надобно замѣтить, однако, что, при неоднократномъ упоминаніи о Славянахъ и Авахъ, только въ этомъ случаѣ Теофилактъ представляетъ первыхъ дѣйствующими по указанію, или подѣ влияніемъ, послѣднихъ: во всѣхъ же прочихъ случаяхъ они, какъ увидимъ нѣсколько ниже, являются у него пародомъ совершенно самостоятельнымъ. Да и въ первомъ случаѣ едва ли показаніе Теофилакта (если даже признать его вѣрнымъ) имѣетъ такой смыслъ, какой придаютъ ему приверженцы могущества Аваровъ; изъ того, что Авары побудили Славянъ къ нападенію на Имперію, далеко еще не слѣдуетъ, что послѣдніе были Аварскими данниками непременно. Что касается поэтическихъ сказаній Георгія Писиды, то о нихъ еще будетъ рѣчь впереди. Здѣсь же замѣтимъ только, что сказанія эти всего менѣе даютъ право заключать о подчиненности всего, занимающаго насъ, Славянства Аварамъ. Это, столь шаткое въ своихъ основахъ, заключеніе опровергается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ несравненно болѣе разительныхъ и вѣскихъ. По словамъ Менандра, современника занятія Аварами Панноніи, Хаkanъ, утвердившись въ этой странѣ, отправилъ къ Князю Славянъ, Добриту⁷⁵), и къ старѣйшинамъ этого народа пословъ съ требова-

⁷⁴) Вотъ слова Теофилакта: Καὶ πάλιν Ῥωμαῖοις τὸ τῶν Ἀβάρων ἐπιτίθεται φόλον, ἀλλ' οὐκ ἀναφανδόν, βασιουργικώτερον δὲ πῶς καὶ δολερώτερον. τὸ γὰρ τῶν Σκλαβηνῶν ἔθνος ἐπαφίησι, καὶ πλείστα τῆς Ῥωμαίων γῆς ἀποκείρεται. Theophyl. I, 6. 7.

⁷⁵) Въ Бонскомъ изданіи Менандра Δαυρίτας, Δαυρέντιος, въ Парижскомъ же, очевидно ошибочно, Λαυρίτας, Λαυρέντιος.

ніемъ покорности и дани, но Славяне отвѣтили: „Кто изъ людей, согрѣваемыхъ лучами солнца, можетъ подчинить себѣ нашу силу? Мы привыкли покорять себѣ другихъ и властвовать надъ ними, а не поддаваться имъ: при этомъ и останемся, пока на свѣтѣ будутъ существовать война и мечъ“⁷⁶). Послы Аварскіе презрительно отнеслись къ этимъ рѣчамъ, за что и поплатились жизнію тутъ же. Поступокъ Славянъ сильно раздражилъ Баяна, но онъ не рѣшился начать войну съ ними, и долгое время тайлъ свой гнѣвъ. Славяне, о которыхъ идетъ рѣчь въ приведенномъ разсказѣ, обитали на лѣвомъ берегу Дуная, въ древней Дакіи. Владычество Аваровъ, слѣдовательно, не простиралось тогда на эту страну, которую, какъ вскорѣ увидимъ, они и въ послѣдствіи никогда не могли покорить; не покорялись имъ и тѣ Славяне, которые, какъ намъ извѣстно, уже обитали на полуостровѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе, по свидѣтельствамъ современныхъ писателей: Менандра, Іоанна Биклярскаго, Іоанна Ефесскаго, Исидора Гиспальскаго, Папы Григорія Великаго и пр., на которыя будетъ указано нами вскорѣ, съ самаго основанія Аварскаго государства и до начала его упадка, дѣйствуютъ какъ вполне самостоятельные люди относительно Имперіи, не рѣдко воюютъ и съ Аварами, съ которыми иногда заключали миръ и вступали въ союзъ. О подчиненіи ихъ Аварскому Хакану нѣтъ никакого намека у этихъ писателей, которые, какъ современники, могли лучше знать и вѣрнѣе судить объ отношеніяхъ между Аварами и Славянами, чѣмъ упомянутые выше лѣтописцы, на сказаніяхъ которыхъ опирается разбираемый взглядъ на эти отношенія. Принимая во вниманіе все сказанное о движеніи Аваровъ и ихъ отношеніяхъ къ Дакійскимъ и обитавшимъ на полуостровѣ Славянамъ, мы полагаемъ, что владычество ихъ ограничивалось только предѣлами Панноніи. Въ этой странѣ они застали кое-какія Славянскія поселенія, которыя дѣйствительно и покорили себѣ. На это указываетъ свидѣтельство Теофилакта, что въ 579 и 592 г. г. Славяне Паннонскіе, по приказанію Хакана должны были строить мосты и судна на Дунаѣ и Савѣ, для готовившихся въ тѣ времена вторженій Аваровъ въ Имперію⁷⁷). Это-то обстоятельство, по всему вѣроятію, послужило поводомъ къ составленію басни о данничествѣ всѣхъ Славянъ Аварскому Хакану. Изъ

⁷⁶) Menand., ed. Bonu. 406.

⁷⁷) Theoph. Simocat. I. VI, c. 1, 3—4.

сказаннаго явствуетъ, что утверждеііе Аваровъ въ Придунайскомъ краю не могло произвести какого ни будь существеннаго переворота въ движеніяхъ занимающаго насъ Славянства. Авары только временно могли отвлекать нѣкоторыя части его отъ Имперіи, вовлекая ихъ въ войну съ собою, но этимъ они вызвали только кратковременныя и незначительныя отклоненія въ помянутыхъ движеніяхъ, общій ходъ которыхъ отъ этого не былъ задержанъ и не измѣнилъ своего направленія. Въ дальнѣйшей исторіи этихъ движеній, къ которымъ мы возвращаемся, намъ встрѣтится не одно данное, подтверждающее нашу мысль.

Первое вторженіе Аваровъ въ Имперію, по свидѣтельству Іоанна Биклярскаго, относится къ десятому году царствованія Юстина, т. е., 575 г. Современнo мы узнаемъ отъ того же писателя, что и Славяне свирѣпствовали во Фракіи, гдѣ разграбили много Римскихъ городовъ и привели ихъ въ совершенное запустѣніе⁷⁸⁾. Въ 578 г., когда Авары находились уже въ союзѣ съ Имперіею, около 100,000 Славянъ, по словамъ Менандра, пронеслись чрезъ Фракію и, разграбивъ еѣ, кинулись на сосѣднія съ нею области, перенесли свои опустошенія и въ Элладу⁷⁹⁾. Объ этомъ движеніи Славянъ упоминаетъ и другой современникъ, Іоаннъ Биклярскій⁸⁰⁾, но самыя любопытныя подробности о немъ сообщаетъ третій современникъ, церковный историкъ, Іоаннъ Ефесскій⁸¹⁾. „На третій годъ по смерти Императора Юстиніана и царствованія Тиверія Побѣдоноснаго, пишетъ онъ, выступилъ проклятый народъ Славянъ и производилъ набѣги на всю Элладу, мѣстности Солуня и всю Фракію. Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошали, жгли, грабили страну и овладѣли ею; они поселились въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала. Это продолжалось четыре года, пока Императоръ былъ занятъ войною противъ Персовъ и посылалъ

⁷⁸⁾ „Anno X Justini Imp. 565 - 578)..... Sclanini (Sclavini) in Thracia multas urbes Romanorum pervadunt, quas depopulatas vacuas reliquere. Abares litora maris captiose obsident et navibus litora Thraciae navigantibus satis infesti sunt“. Roncal II, 388.

⁷⁹⁾ Ed. Bonn. 327.

⁸⁰⁾ „Anno V Tiberii (съ объявленія его соправителемъ въ 574 г.) Sclavinarum gens Hyricum et Thracias vastant“. Roncal. III, 390.

⁸¹⁾ Это любопытнѣйшій источникъ, остававшійся доселѣ неизвѣстнымъ для Славистовъ, писанъ во 2-й половинѣ VI-го вѣка на Сирійскомъ языкѣ, съ котораго переведенъ по Нѣмецки Шёнфельдеромъ: „Johannes von Ephesus Kirchengeschichte“. München 1862. Заключающіеся въ немъ извѣстія о Славянахъ недавно обнародованы и на Русскомъ языкѣ Г. Хвольсономъ, въ „Извѣстіяхъ о Хазарахъ и пр. Ибииъ-Дасты“. Сиб., 1869, стр. 137.

всѣ свои войска на Востокъ⁸²⁾. По разсказу Менандра, Тибериі, не будучи въ состояніи противопоставить врагамъ какое либо сопротивленіе обратился съ просьбою о помощи къ Аварамъ, которые, пылая местию къ Славянамъ, по причинѣ извѣстнаго уже намъ избіенія ихъ пословъ, охотно приняли просьбу Тиверіа⁸³⁾. Ихъ повелитель, Баянъ, съ большою силою прошелъ вдоль по южному берегу Дуная до Малой Скиѣи (Добручи), гдѣ, перейдя на лѣвый берегъ Дуная, опустошилъ нѣсколько селеній Славянскихъ, отъ которыхъ получилъ богатую добычу и освободилъ множество плѣнныхъ изъ Римскихъ гражданъ. Этимъ только онъ и удовольствовался. Что это былъ только набѣгъ Аваровъ въ землю Мизійскихъ Славянъ, временно только коснувшійся нѣкоторыхъ областей ихъ, и что этимъ набѣгомъ Славяне не только не были покорены Аварами, но не были даже и отвлечены отъ своихъ буйствъ въ Имперіи, это ясно показываютъ намъ послѣдующія событія. Іоаннъ Ефескій, писавшій въ 584 г., слѣдовательно, два, или три, года спустя послѣ означеннаго похода Баяна на Славянъ, пишетъ: „и до нынѣшняго дня Славяне живутъ, сидятъ и покоятся въ Римскихъ областяхъ, безъ заботы и страха, грабя ихъ и разоряя огнемъ и мечемъ. Они разбогатѣли, пріобрѣли золото, серебро, табуны коней и множество оружія, которымъ научились владѣть лучше, чѣмъ Римляне⁸⁴⁾“. Извѣстіе Іоанна подтверждается свидѣтельствомъ другого современника. Подъ 583 г. Теофилактъ Симоката пишетъ, что Славяне, вторгнувшись въ Имперію, заняли обширную часть ея и проникли до длинной стѣны. Полководцу Маврикія, Коментіолу, посчастливилось напасть на нихъ въ располхъ при р. Эргинѣ, и нанести имъ значительное пораженіе, послѣ чего онъ успѣшно сражался съ нимъ и около Адриянополя (воздемъ Славянъ тутъ былъ Радогость), при Эсинѣ, и очистилъ отъ нихъ Астику (Ἀστική), т. е., прилежащую къ Черному морю область, на югъ отъ Балканскаго хребта. Теофилактъ говоритъ, что эти Славянскія полчища были подговорены Аварами⁸⁵⁾; но несостоятельность этого домысла изобличается свидѣтельствомъ, болѣе

⁸²⁾ У Хвольсона, стр. 137; у Шёнфельдера 255.

⁸³⁾ Κεραῖζομένης τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ Σκλαβηνῶν καὶ ἀπαντοχόσε ἀλλεπαλλήλων αὐτῇ ἐπηρτημένων τῶν κινδύνων, ὁ Τιβερίος οὐδαμῶς δύναμιν ἀξιόμαχον ἔχων οὐδε πρὸς μίαν μοῖραν τῶν ἀντιπάλων... πρεσβεύεται ὡς Βαϊανὸν etc. Menand., ed. Bonn. 404.

⁸⁴⁾ У Шёнфельдера 255, у Хвольсона 137.

⁸⁵⁾ L. I, c. 6, 7; Stritt. II, p. 51—53.

свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ, современника, Менаандра, отъ котораго мы узнаемъ, что во время, занимающаго насъ здѣсь, столкновенія Славянъ съ Имперіей, отношенія ихъ къ Аварамъ были самыя непріязненныя. Около этого времени, по словамъ Менаандра, Баянъ замышлялъ новый походъ противъ Дакійскихъ Славянъ, для чего и отправлялъ посла въ Константинополь къ Императору, прося у него дозволенія провести свои войска противъ нихъ прежней дорогой, черезъ Иллирію и Мизию. На возвратномъ своемъ пути посоль этотъ былъ окруженъ и убитъ Славянами, гдѣ-то въ Иллиріи⁸⁶).

Въ 588 г. Симоката говоритъ о новомъ опустошеніи, которое постигло Тирацію со стороны Славянъ⁸⁷).

Церковный историкъ, Евагріи, рассказываетъ, что въ 589 г., когда всѣ военныя силы Имперіи были заняты на Востокѣ, въ Азіи, Авары вторгнулись въ Европейскія ея области, два раза подступали къ длинной стѣнѣ, завоевали и подчинили своей власти Сингидонъ, Анхіялъ, Элладу всю, и многіе города и крѣпости, истребляя огнемъ и мечомъ все, попадавшееся на встрѣчу имъ⁸⁸). Въ одномъ правительственномъ Византійскомъ документѣ отъ XI вѣка⁸⁹) сообщается извѣстіе, почерпнутое изъ другого, не дошедшаго до насъ, такого же документа отъ IX вѣка, что Авары въ 589 г. покорили Пелопонисъ, которымъ владѣли въ теченіи 218 лѣтъ, т. е., до 807 г., когда были уничтожены помощію Св. Апостола Андрея, покровителя Пелопонискаго города Патръ. Во все это время, говорится въ этомъ документѣ, ни одинъ Римлянинъ, т. е. Византійскій подданный, не смѣлъ и ногой ступить въ эту страну⁹⁰). Намъ извѣстно, что въ 807 в. подъ Патрами были уничтожены, заступничествомъ Апостола Андрея, Славяне, которые за долго до этого господствовали въ Пелопонисѣ⁹¹), такъ что, безъ всякаго сомнѣнія, можно полагать, что подъ Авами въ этомъ

⁸⁶) Stritt. II, p. 50.

⁸⁷) Этотъ лѣтописецъ (I. III, с. 4) называетъ тутъ Славянъ Гетами: Τὸ... Γετικὸν ταῦτόν δ' εἰπεῖν οἱ τῶν Σκαβηγῶν ἀγέλαι.

⁸⁸) Евагріи „*Histor. eccles.*“ VI, 10.

⁸⁹) Грамота Патріарха Николая отъ 1081 г., составленная по записямъ Патрской Митрополіи. См. Фальмерайера, „*Geschichte der Halbinsel Morea*“, I, 183

⁹⁰) Ἐπὶ διακοσίαις δεκαοκτὼ χρόναις ἔλοις κατασχόντων τὸν Πελοπόννησον καὶ τῆς Ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς ἀποταγμένων, ὡς μηδὲ πόδα βαλεῖν ἔλωις δύνασθαι ἐν αὐτῇ Ῥωμαίων ἀνδρῶν. Leunclavii, „*Jus Graeco-Romanum*“, I, 278.

⁹¹) К. Багрянородный, „*De administr. imper.*“, с. 49. Ср. Гильфердинга, „*Собрание сочиненій*“, I, 188.

документъ, равно какъ и у Евагрія, разумѣются Славяне. Это подтверждаетъ Туринская Греческая рукопись, которая, въ разсказѣ объ этомъ происшествіи, употребляетъ названіе Славянъ и Аваръ безразлично⁹²). Фальмерайеръ, первый обратившій вниманіе на эти свидѣтельства, вывелъ изъ нихъ заключеніе, что въ 589 г. Славяне заняли Пелопонисъ, истребивъ все Греческое его населеніе. Противъ этого заключенія, которое Фальмерайеръ пытался подтвердить и многими другими данными, были выставлены, нѣкоторыми изъ его критиковъ, въ особенности Карломъ Гопфомъ, сильные доводы; но всѣ эти доводы говорятъ только противъ совершеннаго занятія Славянами Пелопониса и противъ истребленія Эллинскаго племени⁹³). Они безсильны противъ самаго вторженія, равно какъ и противъ заключенія, что вторженіе это сопровождалось заселеніемъ Славянами нѣкоторыхъ уголковъ Греціи.

Византійскіе лѣтописцы объясняютъ это безнаказанное расхищеніе Славянами Европейскихъ областей Имперіи продолжительною войною, которую послѣдняя тогда должна была вести съ Персами и ради которой всѣ военныя силы ея были посылаемы на востокъ, что отчасти и справедливо. Въ 590 г. эта долговременная война, благодаря возникшимъ въ Персіи внутреннимъ смутамъ, кончилась очень выгоднымъ для Имперіи миромъ. Императоръ Маврикій обратилъ тогда все свое вниманіе на враговъ, хозяйничавшихъ на полуостровѣ. Онъ легко умиротворилъ Аваровъ, обязавшись платить имъ ежегодную дань, но съ Славянами, которые въ своихъ нападеніяхъ не руководствовались одною только жаждой добычи, не такъ легко было управиться: Маврикій принужденъ былъ вести съ ними продолжительную и трудную войну, исходъ которой былъ гибеленъ для него. Полагая, что Славянскія буйства на полуостровѣ совершаются и поддерживаются, главнымъ образомъ, Дакійскими Славянами, которые, владѣя переправой черезъ Дунай, безпрепятственно переходили въ области Имперіи, Маврикій обратилъ всю свою дѣятельность на утвержденіе своей власти по берегамъ Дуная, какъ южному, такъ и сѣверному, Дакійскому; восстановленіемъ этой древней границы и бдительной охраной ея, онъ надѣялся нанести смертельный ударъ, столь

⁹²) Possini, „Catalog. cod. Taurin.“, Cod. 336.

⁹³) Гопфъ, „Fallmerayers Slawische Hypothese“, въ „Geschichte Griechenlands“, 100—99.

гибельному для Византіи, движенію Славянъ⁹⁴). Въ 593 г. всѣ войска Имперіи, подъ предводительствомъ самаго опытнаго полководца, Приска, двинулись къ Дунаю; еще въ этомъ же самомъ году, переправившись на сѣверный берегъ его, Прискъ нанесъ сильное пораженіе стоявшему тутъ Славянскому отряду, которымъ предводительствовалъ Радогость, правитель одной изъ прибрежныхъ Славянскихъ областей, которую побѣдители страшно опустошили, испепеливъ ея селенія, нивы и лѣса. Услуги какого-то перебѣжчика Гепида, измѣнившаго Славянамъ, облегчили Приску вторженіе и въ другую Славянскую область, правитель которой, Мужикъ (Μουσίκιος)⁹⁵, вмѣстѣ со многими изъ его старѣйшинъ, были взяты въ плѣнъ⁹⁶). Обрадованный этимъ успѣхомъ, Маврикій, мечтавшій о возрожденіи Древне-Римскаго воинственнаго духа въ своихъ легіонахъ, и вѣрившій въ возможность этого возрожденія съ такою же твердостью, съ какою вѣрилъ и въ возможность возстановленія древней границы Имперіи на нижнемъ Дунаѣ, далъ приказаніе Приску остаться на зимнія жилища въ Дакіи, среди варваровъ, видя въ томъ лучшее средство къ осуществленію своей мечты. Приказаніе его возбудило сильный ропотъ въ средѣ войска, которое, указывая на разныя неудобства и лишенія, равно какъ на невозможность продолжать войну съ столь многочисленнымъ врагомъ⁹⁷), требовало немедленнаго возвращенія на правый берегъ Дуная. Прискъ успѣлъ укротить на время ропотъ, но вскорѣ и самъ убѣдился въ невозможности продолжать свое пребываніе въ непріятельской странѣ и отступилъ въ 594 г. Въ этомъ же самомъ году Славянскіе отряды снова стали переходить Дунай и продолжать свои опустошенія на южномъ берегу его. На одинъ такой отрядъ, возвращавшійся съ богатой добычей, награбленной изъ городовъ: Залданы, Акиса и Скупа (Скопії?), наткнулся, въ 596 г., около Маркіянополя, братъ Маврикія Петръ, получившій главное начальство надъ

⁹⁴) Ἐφασκε γὰρ ὁ αὐτοκράτωρ τοῦ Πρίσκου, οὐκ ἂν ἡρεμοίη τὸ βάρβαρον, εἰ μὴ τὸν Ἰστρὸν ἐς τὰ μάλιστα τὸ Ῥωμαίων περιφρουρήσοιτο. Theophyl. VI, 6.

⁹⁵) Въ Вѣнскомъ спискѣ—Μουσούκιος = Мжжикъ, Мужикъ, имя, встречающееся нрѣдко въ Древне-Славянскомъ именословѣ. См. Котляревскаго, „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, стр. 45.—Да и теперь у Верхне-лужичанъ есть писатель Мужикъ (Mužik.) О. Б.

⁹⁶) Theophyl. VI, 7—9.

⁹⁷) Ἐφασκον γὰρ φύγη ὑπεῖναι δυσυπομένητα, τὰ τε βαρβάρων πλήθη ἀκαταγώνιστα. Theophyl. VI, 10.

войскомъ, вмѣсто отставленнаго Приска⁹⁸⁾. Въ слѣдующемъ же году, 596 г., мы узнаемъ, что Славяне угрожали своимъ нападеніемъ Царьграду⁹⁹⁾. Все это намъ показываетъ, что походъ Приска въ землю Славянъ на лѣвый берегъ Дуная, ни сколько не достигъ предположенной цѣли. Въ 597 г. новый полководецъ, Петръ, тоже переправлялся черезъ Дунай, около впаденія въ него рѣки Осмы, при чемъ онъ потерялъ 1000 человекъ, убитыхъ Славянскимъ Воеводой, Пирогостой, защищавшимъ переправу. Хотя Римлянамъ и удалось, наконецъ, убивши Пирогосту, разсѣять Славянскую стражу и высадиться на лѣвый берегъ Дуная, но вскорѣ они принуждены были возвратиться назадъ, не причинивъ врагу существеннаго вреда¹⁰⁰⁾. Около этого времени Авары, нарушивъ миръ, вторгнулись въ Имперію. Въ 598 г. они кинулись на Далматію, гдѣ разорили около 40 городовъ (сторожевыхъ башенъ), въ томъ числѣ и городъ Балеи, нынѣшній Бѣлай. Прискъ, которому было снова ввѣрено главное начальство надъ войскомъ, утвердившись въ Сингидонѣ, отправилъ противъ нихъ Подстратига Гудуина (Γουδοῦιν), которому удалось напасть на враговъ изъ засады и нанести имъ значительное пораженіе, заставившее Хакана отступить за Саву, въ Срѣмъ, гдѣ находилась его столица¹⁰¹⁾. На слѣдующій годъ, собравшись съ новыми силами, Авары вторгнулись въ Мизію и Θракію, но открывшаяся между ними моровая язва, поразившая, между прочимъ, дѣтей самага Хакана, заставила ихъ заключить миръ въ 600 г. Между условіями этого мира мы находимъ одну, особенно любопытную для насъ, статью: границей между Аварскимъ Царствомъ и Имперіей назначенъ Дунай, который Римлянамъ позволялось переступать въ одномъ только случаѣ, а именно: въ случаѣ войны съ Славянами¹⁰²⁾.

Не смотря на двукратную попытку обуздать Дакийскихъ Славянъ и утвердить власть Имперіи на лѣвомъ берегу Дуная, Маврикій все не отказывался отъ приведенія въ исполненіе этой мысли. Какъ только опасность, грозившая со стороны Аваровъ, минувала, онъ сталъ торопить своего брата, котораго

⁹⁸⁾ Theophyl. VII, 2. По мнѣнію Шафарика, Залдана и Акисъ лежали на Дунаѣ: первый между устьями Лома и Янтры, второй выше впаденія Тимока въ Дунай. „Слав. Древн.“ II, кн. 2, стр. 251.

⁹⁹⁾ См. ниже примѣч. 106.

¹⁰⁰⁾ Simoc. VII, 2—5.

¹⁰¹⁾ Simoc. VII, 12; Рачкаго, Осцена“ 67.

¹⁰²⁾ Simocat. VII, 15.

снова облекъ званіемъ Главноначальствующаго, къ походу за Дунай. Петръ отправилъ туда съ сильнымъ отрядомъ Гудуина, прославившагося въ послѣдней войнѣ съ Аварами. Гудуинъ, вторгнулся въ землю Славянъ, и успѣлъ произвести въ ней значительныя опустошенія. Но, съ наступленіемъ осени, не могши принудить свое войско зимовать въ непріятельской странѣ¹⁰³), возвратился за Дунай и остановился близъ города Секуриска и Осмы. Маврикій, не справляясь съ дѣйствительностію, требовалъ, во чтобы то ни стало, зимовки въ странѣ Славянъ. Дѣло дошло до открытаго бунта; солдаты бросили свое мѣсто на Дунаѣ и съ Центуріономъ Фокою во главѣ двинулись къ столицѣ, которая перешла на сторону взбунтовавшихся. Фока провозглашенъ Императоромъ, Маврикій же и его сыновья были казнены. Такъ кончилъ жизнь этотъ человѣчнѣйшій, честнѣйшій мужъ, но правитель въ высшей степени недалководный, ученый, но не практическій стратигъ. Онъ сдѣлался жертвой своихъ стремленій, зародившихся въ немъ отъ изученія теоріи военнаго искусства и исторіи его у древнихъ Римлянъ, а не внушенныхъ ему дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, дѣйствительными нуждами Имперіи. Намъ непонятны затѣи Маврикія на Дунаѣ, его упорное стремленіе, во что бы то ни было, распространить свою власть на прилегающую къ этой рѣкѣ часть Дакии. Правда, онъ бы этимъ прекратилъ вторженіе тамошнихъ Славянъ на полуостровъ, но не того, кажется, требовало положеніе вещей. Бурныя Славянскія вторженія, начавшіяся, какъ мы видѣли, еще за полтора столѣтія до Маврикія и въ теченіе всего этого времени безостановочно и безпрепятственно разливавшіяся по всему полуострову, успѣли уже оставить во всѣхъ частяхъ его значительныя Славянскія поселенія, которыя были далеки еще отъ признанія власти Византіи надъ собою и находились въ состояніи сильнаго броженія. Отъ этихъ-то Славянъ и происходила главнымъ образомъ опасность для Имперіи. Мы уже имѣли случай наблюдать броженіе этой безпокойной стихіи, внѣдрившейся въ предѣлахъ Имперіи, и ближайшія послѣдствія этого броженія для власти послѣдней. Это было сдѣлано нами при обзорѣ движеній Славянства въ царствованіе Юстиніана. Стихія эта,

¹⁰³) Διὰ δὲ τὴν λαίαν αὐτῆν, διὰ τε τὴν τῆς ἑπποῦ ταπεινωσιν, ἔτι γέμην καὶ διὰ τὸ πλῆθος βαρβάρων. Simocat. VIII, 6.

постоянно усиливаясь прибытіемъ новыхъ силъ изъ-за Дуная, ко времени царствованія Маврікія достигла уже огромныхъ размѣровъ, какъ показываютъ слѣдующія происшествія, относящіяся къ этому царствованію.

Въ 581 г. посоль Аварскій, возвращаясь изъ Константинополя къ своему повелителю въ Паннонію, былъ убитъ на дорогѣ гдѣ-то между Филиппополемъ и Софіею¹⁰⁴). По разсказу Менандра, происшествіе это случилось послѣ отступленія, вторгавшихся передъ этимъ, Задунайскихъ Славянъ, судя по чему можно смѣло утверждать, что убійство было дѣломъ, обитавшихъ уже въ этихъ краяхъ, Славянъ. Въ 592 г., во время перваго перехода Византійскаго войска на лѣвый берегъ Дуная, полководецъ Прискъ, захвативъ въ плѣнъ нѣсколькихъ Дакійскихъ Славянъ, отправилъ ихъ, вмѣстѣ съ награбленной добычей, къ Императору, подъ прикрытіемъ трехсотъ воиновъ, начальство надъ которыми ввѣрено было Татимиру (Славянину, находившемуся на службѣ Имперіи). На шестой день выхода по пути съ берега Дуная въ Константинополь, на Татимира неожиданно напали Славяне, отъ которыхъ онъ съ трудомъ отбился. Происшествіе это, имѣвшее мѣсто гдѣ-то около Балканскихъ горъ, ясно показываетъ, что и тутъ находились Славяне¹⁰⁵). Въ 597 г., когда братъ Маврікія, Петръ, дѣлалъ приготовленія на Дунаѣ къ новому вторженію въ землю Дакійскихъ Славянъ, онъ былъ извѣщенъ Маврікіемъ о приближеніи огромныхъ Славянскихъ полчищъ къ столицѣ¹⁰⁶). Ясно, что эти полчища не шли изъ-за Дуная; ибо въ такомъ случаѣ они бы не остались незамѣченными Петромъ, стоявшимъ тогда на этой границѣ Имперіи. Около этого времени происходили и первыя двѣ осады Солуня Славянами, переданныя намъ въ Солунскомъ сказаніи о Св. Димитріи. Первая изъ этихъ осадъ, по весьма обстоятельнымъ изслѣдованіямъ Филарета, Архіепископа Черниговскаго, происходила прежде 597 года. 26-го Октября Солуняне праздновали день Св. Димитрія, своего покровителя, съ великимъ торжествомъ, не ожидая никакой опасности для себя откуда ни будь. Но вдругъ, на слѣдующій же день

¹⁰⁴) Strit. II, 50.

¹⁰⁵) Simoc. VI, 8.

¹⁰⁶) Μαυρίκιος ἐπιστολὴν τῇ αὐτῷδέλφῳ ἐξέπεμπεν, ἐνδημῆσαι τῇ Θράκῃ. ἡκκηκόσι γάρ. . . . τῶν Σκλαβηνῶν τὰ πλήθη εἰς Βυζάντιον τὰς ὁρμὰς ἐπεφέρειν. Simocat. VII, 2.

они увидали подъ стѣнами своего города около 5,000 Славянъ, „людей отборныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ.“ Они выступили противъ нихъ, но вскорѣ принуждены были воротиться назадъ; „ибо, поясняетъ лѣтописецъ, на сторонѣ непріятельской стоялъ избранный цвѣтъ всего Славянскаго народа“¹⁰⁷). Вторая осада, происходившая вскорѣ послѣ первой, еще любопытнѣе по своимъ подробностямъ, описаннымъ очевидцемъ. Въ этотъ разъ Славяне подступили къ городу въ огромномъ числѣ, и явились также неожиданно для Солунянъ, какъ и въ предшествующую осаду: они увидали многочисленнаго врага подъ своими стѣнами черезъ день по полученіи слуха о немъ. На другой же день Славяне „приготовили осадныя машины и желѣзные бараны, огромныя каменнометныя орудія и, такъ называемыя, черепахи, покрывъ ихъ сухими кожами; потомъ, перемѣнивъ намѣреніе, чтобы тѣ не повреждены были горячею смолою, употребили кожи не давно убитыхъ быковъ и верблюдовъ, прикрѣпя ихъ къ машинѣ гвоздями. Распорядясь такимъ образомъ вблизи стѣны, съ третьяго дня стали бросать каменя; стрѣлки ихъ метали стрѣлы подобно земнымъ облакамъ, такъ что нельзя было стоявшимъ на стѣнѣ безъ опасности показаться за стѣну и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Придвинувъ черепахи къ наружной стѣнѣ, сильно потрясали они основанія ея рожнами и серпами. Каменнометательныя орудія были четверугольныя, послѣ широкихъ основаній, оканчивавшіяся узкими верхами; на сихъ послѣднихъ были утверждены весьма толстые цилиндры, по концамъ вооруженные желѣзомъ, и деревья, утвержденныя гвоздями, вмѣщавшія въ себѣ метательныя машины, на подобіе брусевъ дома; машины, поднимавыя снизу, выбрасывали непрерывный дождь камней огромныхъ. Для того, чтобы находившіеся въ нихъ воины не терпѣли вреда отъ бросавшихъ со стѣны стрѣлъ, три стороны сихъ четверугольных машинъ покрыты были досками“¹⁰⁸). Мы видимъ изъ этого описанія, что Славянами употреблено было въ дѣло противъ Солуня все, чѣмъ дѣйствовало тогдашнее военное искусство. Внезапное появленіе этихъ Славянъ подъ Солунемъ, равно какъ и качество ихъ осадныхъ орудій, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это не были не-

¹⁰⁷) „Св. Великомученикъ Димитрій и Солунскіе Славяне,“ въ „Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Ист. и Древн. Росс.“ 1848, № 6, стр. 10—11.

¹⁰⁸) Тамъ же стр. 15.

стройныя толпы, появлявшіяся изъ-за Дуная, что, напротивъ, Солуняне имѣли дѣло и въ обѣихъ этихъ осадахъ съ врагами, жившими недалеко отъ нихъ. То были тѣ Славяне, которые, по выраженію Іоанна Ефесскаго, писавшаго за 10 лѣтъ, приблизительно, до этихъ осадъ, „жили, сидѣли и покоились въ Римскихъ областяхъ безъ всякой заботы и страха, и умѣли владѣть оружіемъ лучше, чѣмъ Римляне.“

Въ 601 году, когда братъ Маврикія, Петръ, готовился къ войнѣ съ Аварами, а Подстратигъ его, Гудуинъ, воевалъ съ Славянами въ Дакіи, Аварскій Хаканъ отправлялъ своего Воеводу, Апсиха, противъ Антовъ, о которыхъ было дознано имъ, что вступили въ союзъ съ Римлянами противъ него¹⁰⁹). Предположеніе Камбеза, что тутъ надо разумѣть Антовъ, жившихъ на берегу Азовскаго моря¹¹⁰), болѣе чѣмъ несообразно: не говоря уже о невозможности предположить какіе ни будь поводы къ столкновеніямъ Аваровъ съ столь отдаленнымъ мѣстоисно отъ нихъ народомъ, не мыслимо, чтобы Хаканъ рѣшился отправлять отрядъ своего войска изъ Панноніи къ Азовскому морю, для достиженія котораго отрядъ этотъ долженъ былъ пробиться чрезъ многія, враждебно расположенныя къ Аварамъ, страны. Не возможно предполагать также, чтобы упоминаемые здѣсь Анты были непосредственными сосѣдями Аваровъ; ибо такими были собственные Славяне, съ которыми воевали тогда Византійцы, находившіеся въ открытой войнѣ, современно, и съ Аварами. Жилища этихъ Антовъ, союзниковъ Римлянъ, какъ справедливо замѣтилъ еще Цейсъ¹¹¹), не нужно искать нигдѣ болѣе, какъ на правомъ берегу Дуная, на Балканскомъ полуостровѣ. Это подтверждается и нѣкоторыми обстоятельствами первой войны Аваровъ съ Славянами, предпринятой ими по приглашенію Императора Тиверія. Мы видѣли, что въ этой войнѣ Авары должны были переходить на правый берегъ Савы въ Илирію, а оттуда совершать походъ черезъ всю Мизію. Весьма справедливо замѣчаетъ по этому поводу Гильфердингъ „ясное доказательство, что Мизія была тогда Славянской землею; ибо иначе такой походъ не имѣлъ бы цѣли“¹¹²).

¹⁰⁹) Simocat. VIII, с. 5; Theoph. ed. Paris, p. 238. Какъ у того, такъ и у другого, вмѣсто имени Антовъ, τῶν Ἀντῶν, написано ошибочно: τῶν Ἀρτῶν, τῶν γαυτῶν.

¹¹⁰) Strit. II, 69.

¹¹¹) „Die Deutschen“ 606.

¹¹²) „Собран. соч.“ I, стр. 11.

Всѣ эти данныя съ достаточной ясностью убѣждаютъ насъ, что въ царствованіе Маврикія на полуостровѣ существовала уже весьма многочисленная Славянская стихія, не вполне еще установившаяся на мѣстѣ, не осѣвшая. Если часть ея и входила въ сдѣлки съ Имперіей, заключала даже союзъ съ нею противъ ея враговъ, какъ мы видѣли въ, только что означенномъ, примѣрѣ Антоу, то оставалась еще большая часть находившаяся въ открытой враждѣ съ Греко-Римскимъ міромъ и угрожавшая гибелью отдаленнѣйшимъ и крѣпчайшимъ пріютамъ его, Солуню и Константинополю, и это въ то самое время, когда Маврикій направлялъ всѣ силы Имперіи на Дунай и упорно стремился къ утвержденію своей власти на сѣверномъ берегу этой рѣки. Данныя эти не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что затѣя Маврикія противъ Дакійскихъ Славянъ, обитавшихъ внѣ предѣловъ Имперіи, не была послѣдствіемъ обузданія Славянъ, внѣдрившихся уже въ самомъ сердцѣ ея, какъ бы слѣдовало ожидать, и какъ бы могло показаться при болѣе поверхностномъ взглядѣ на его затѣю. Затѣя эта, какъ мы видѣли, кончилась полнѣйшей неудачей: приливъ новыхъ Славянъ на полуостровъ не былъ остановленъ, дѣло это оказалось выше силъ Маврикія; а ради этого безплоднаго дѣла, на которое онъ долженъ былъ употребить всѣ свои средства, имъ не было предпринято никакихъ мѣръ для обузданія водворившихся уже на полуостровѣ Славянъ, такъ что всѣ шумныя хлопоты этого Императора о спасеніи Имперіи отъ этихъ враговъ, хлопоты, стоившія послѣдней столь многихъ жертвъ, не имѣли никакого успѣха.

Не менѣе благоприятно для Славянскаго дѣла было и восьмилѣтнее правленіе Фоки (602—610)¹¹³⁾. Не говоря уже о кровопролитныхъ смутахъ въ самой столицѣ, о страшной моровой язвѣ и другихъ естественныхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся тогда на Византію, противъ нея ополчился съ грозною силой Персидскій Царь, Хозрой, объявившій себя мстителемъ за низложеніе и казнь своего благодѣтеля и друга, Маврикія. Месопотамія, Сирія, Палестина, Финикія, Каппадокія, Галатія и Пафлагонія, были страшно разорены этимъ врагомъ, который если не покорилъ себѣ всѣхъ владѣній Имперіи въ Азіи, даже

¹¹³⁾ Мастерскую характеристику этого безразсуднаго тирана и его губительнаго для Византіи правленія см. у Драпейрона: „L'empereur Heraclius et l'empire Byz. au VII-e siècle.“ Paris, 1869, p. 32—39.

и самаго Константинополя, то благодаря только тому обстоятельству, что современно онъ долженъ былъ воевать еще и съ Армянами и Турками, въ слѣдствіе чего не могъ сосредоточить всѣхъ своихъ силъ и направить ихъ къ этой цѣли¹¹⁴⁾. Всѣ войска Имперіи, во время этой продолжительной и грозной войны, должны были стоять въ Азіи, Европа была оставлена безъ всякой защиты на произволъ сѣверныхъ варваровъ. Полуостровъ снова очутился въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ то, въ какомъ онъ находился во время Анастасія.

Императоръ Ираклій, начавшій царствовать по смерти Фоки, въ 610 г., засталъ Имперію на краю гибели: „Европейскія владѣнія ея, замѣчаетъ Теофанъ, были опустошены варварами, Азія же совсѣмъ была разорена Персами“¹¹⁵⁾. Самому Константинополю угрожала важная опасность, такъ что Ираклій, не желая связывать съ его сомнительною уже участію судьбу своего дома и Имперіи, рѣшился перенести столицу въ Африку, въ Карфагенъ. Онъ успѣлъ сдѣлать всѣ приготовленія къ этому, и готовъ уже былъ со всѣмъ своимъ семействомъ и приближенными къ выѣзду, какъ распространившаяся объ этомъ молва подняла на ноги всѣхъ жителей Новаго Рима, которые, съ Патріярхомъ Сергіемъ во главѣ, останови въ его, заставили поклясться, что будетъ защищать городъ до послѣдняго издыханія¹¹⁶⁾.

Въ первыя 12 лѣтъ своего правленія Ираклій не былъ въ состояніи предпринять какія либо мѣры противъ враговъ: только по истеченіи этого времени, собравшись нѣсколько съ силами онъ открылъ противъ Персовъ рядъ удачныхъ походовъ, стяжавшихъ ему славу великаго полководца. Немедленно по окончаніи этой войны онъ былъ принужденъ вступить въ неравную борьбу съ Аравитянами, противъ которыхъ тщетно оборонялъ Сирію и Египетъ. Первая была уступлена имъ совсѣмъ, во второмъ Ираклій оставилъ своимъ наслѣдникамъ только крѣпость Александрію, да и то слабо защищенную противъ, осаждавшихъ ее, поклонниковъ Пророка. Такимъ образомъ дѣла Востока исключительно поглощали все вниманіе Ираклія въ теченіе 19 лѣтъ, до самой его смерти, случившейся въ 641 г. Ни время, ни средства, не позволяли ему обратить

¹¹⁴⁾ Фиплей, „Griechenland unter d. Röm.“ p. 293.

¹¹⁵⁾ Ἡράκλειος δὲ βασιλεὺς βασιλεύσας εὖρε παραλελυμένα τὰ τῆς πολιτείας Ῥωμαίων πράγματα. τὴν τε γὰρ Εὐρώπην οἱ βάρβαρα ἐρήμωσαν, καὶ τὴν Ἀσίαν οἱ Πέρσαι πᾶσαν κατέστρεψαν. Theoph. ed. Paris, p. 251, ed. Bonn. 462.

¹¹⁶⁾ Drapeyron, „L'emp. Heracl.“ p. 111.

вниманіе и на области Балканскаго полуострова, которыя и въ это долговременное царствованіе представляются совершенно оставленными на произволъ враговъ, благодаря этому успѣвшихъ уже окончательно водворить въ нихъ свою власть. Что эти счастливые враги Имперіи, которыхъ Теофанъ называетъ просто варварами, были Славяне, это, кромѣ извѣстныхъ уже намъ отношеній Славянства къ Византіи при ближайшихъ предшественникахъ Ираклія, Маврикіи и Фокѣ, подтверждаетъ еще и свидѣтельство современника, Исидора Сивильскаго или Испальскаго. Въ самомъ началѣ царствованія Ираклія, пишетъ этотъ лѣтописецъ, на 5-мъ году этого царствованія, Славяне отняли у Римлянъ Грецію, Персы же Сирію, Египетъ и многія другія области¹¹⁷). Большинство изслѣдователей, однако, упуская изъ виду это свидѣтельство современника, совершенно произвольно видятъ въ варварахъ выше приведеннаго свидѣтельства Теофана Аваровъ. Драпейронъ, въ своей, недавно вышедшей, монографіи объ Императорѣ Иракліи, счелъ даже нужнымъ сдѣлать поправку въ текстъ этого свидѣтельства, замѣнивъ въ немъ слово „варвары“ словомъ „Авары“¹¹⁸). Увѣренность этихъ изслѣдователей, что Аварамъ принадлежало господство на полуостровѣ въ царствованіе Ираклія, основывается на невѣрно понятыхъ извѣстіяхъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ о двухъ столкновеніяхъ Аваровъ съ Византійцами при Иракліи. Мы разумѣемъ попытку Аваровъ взять въ плѣнъ Ираклія въ окрестностяхъ Гераклеи, куда онъ отправлялся для свиданія съ вѣроломнымъ Хаканомъ, и осаду Константинополя въ 626 г., осаду, въ которой, по словамъ Византійцевъ, принимали участіе и Славяне, въ качествѣ данниковъ Хакана. Если Авары заходили такъ далеко, разсуждаютъ упомянутые изслѣдователи, если они отваживались на осаду самой столицы, и повелѣвали Славянами, то нѣтъ сомнѣнія, что они господствовали на полуостровѣ. Неосновательность этого заключенія обнаружится сама собою, если нѣсколько внимательнѣе вникнемъ въ подробности передаваемыхъ лѣтописцами объ этихъ двухъ, единственныхъ,

¹¹⁷) „Heraclius dehinc quintum agit imperium annum. Cujus initio Selavi Graeciam Romanis tulerunt, Persae Syriam et Aegyptum plurimasque provincias.“ Roncal. II, 460. Объ Исидорѣ Севильскомъ или Испальскомъ и его лѣтописи см. Баттенбаха, „Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter“. Berlin, 1866, S. 62—64.

¹¹⁸) Вотъ какъ переводить онъ это мѣсто, приведенное нами выше въ прим. 115: „En montant sur le trône, il (Heracl.) trouvait la domination romaine ébranlée. Les Avars (въ подлинникѣ *οἱ βάρβαροι*) avait fait de l'Europe un désert; les Perses“ etc. „L'Emp. Heracl.“ 99.

нужно замѣтить, случаяхъ столкновенія Аваровъ съ Византіянами при Иракліи. Главнымъ источникомъ для исторіи этихъ происшествій служить современный писатель, Георгій Писиды, котораго можно назвать пѣвцомъ Ираклія¹¹⁹). По разсказу его, Гераклеиское дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Приготовляясь къ войнѣ съ Персами, Ираклій, въ видахъ совершеннаго обезпеченія себя со стороны Аваровъ, рѣшился послать къ Хакану ихъ, въ Паннонію, пословъ, для утвержденія дружественныхъ отношеній къ нему. Въ отвѣтъ на это посольство, Хаканъ вызвался ѣхать къ Императору, для личныхъ переговоровъ съ нимъ по этому дѣлу, назначивъ мѣстомъ свиданія городъ Гераклею. Обрадованный этою любезностію Хакана, Ираклій отправился съ великою пышностію къ мѣсту, назначенному для свиданія, какъ только былъ извѣщенъ о приближеніи Аварскаго повелителя. Этотъ послѣдній, подъ видомъ такой предупредительности, тайлъ коварные замыслы захватить въ плѣнъ довѣрившагося ему Императора, вмѣстѣ со всѣми сопровождавшими его. Для этой цѣли онъ привелъ съ собою изъ-за Савы значительные отряды, которые удалось ему, незамѣтно для Византіяцевъ, размѣстить по вершинамъ и лѣсамъ, прилегавшимъ къ дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать Императоръ. Не подозрѣвая никакого коварства, Ираклій тронулся изъ Силимвріи пышнымъ и торжественнымъ поѣздомъ, желая этимъ поразить варвара и внушить ему глубокое уваженіе къ достоинству Римскаго Императора. Но вдругъ это спокойное и величественное шествіе было смущено появленіемъ угрожающихъ Аварскихъ шаекъ, отъ которыхъ, однако, Императоръ успѣлъ спастись бѣгствомъ. Потерпѣвъ такую неудачу въ своихъ коварныхъ замыслахъ, Хаканъ далъ приказаніе своимъ отрядамъ ринуться къ столицѣ. Они произвели страшное опустошеніе въ ея окрестностяхъ и, нагрузивъ себя богатою добычею, преспокойно отступили за Саву, въ свои владѣнія. Мы видимъ изъ подробностей этого дѣла, что Авары явились изъ Панноніи, весьма непродолжительное время оставались на полуостровѣ и снова отступили на лѣвый берегъ Савы. То же самое было и во время осады Константинополя. Предпріятіе это было задумано Хаканомъ въ Панноніи, гдѣ имъ были сдѣланы всѣ приготовленія къ нему: оттуда онъ привелъ свои полчища къ Византіи и, потерпѣвъ неудачу подъ стѣнами ея,

¹¹⁹) „Bellum Avaricum,“ ed. Bonn, p. 47 seq.

возвратился во свояси. Отсюда явствуетъ, что появленіе Аваровъ на берегу Мраморнаго моря и подъ стѣнами Константинополя имѣло видъ временнаго вторженія ихъ въ эти края, не было послѣдствіемъ прочнаго утвержденія ихъ власти въ сѣверныхъ и среднихъ частяхъ полуострова. Обратимся теперь къ разсказамъ лѣтописцевъ о вынужденномъ участіи Славянъ въ осадѣ Константинополя, разсказамъ, служащимъ однимъ изъ основаній извѣстнаго уже намъ мнѣнія о подчиненномъ отношеніи всего занимающаго насъ Славянства Аварамъ. Что Славяне дѣйствительно участвовали въ этой осадѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кромѣ многихъ изъ позднѣйшихъ Византійскихъ лѣтописцевъ¹²⁰⁾, участіе это засвидѣтельствовано и современниками Ираклія: поэтомъ Георгіемъ Писидой¹²¹⁾, и составителемъ 2-й части Пасхальной Хроники¹²²⁾. На разсказѣ этихъ двухъ лѣтописцевъ, какъ первыхъ источниковъ, мы собственно и должны остановиться. По словамъ ихъ, въ осадѣ участвовало множество Славянъ, которые особенно отличались, какъ искусные моряки: изъ нихъ исключительно состоялъ отрядъ, который на многочисленныхъ корабляхъ, одnodеревкахъ, долженъ былъ брать городъ со стороны моря. Византійскій флотъ, однако, успѣлъ окружить эту Славянскую флотилію и совершенно ее уничтожить. Только немногіе изъ потерпѣвшихъ пораженіе моряковъ спаслись вплавь, но когда они прибыли въ станъ Хакана, онъ предалъ ихъ казни. Остальная Славянская рать, дѣйствовавшая вмѣстѣ съ Аварамъ съ суши, при видѣ этого жестокаго поступка Хакана съ ихъ единоплеменниками, бросила его станъ и направилась къ своимъ домамъ, что, къ великой радости осажденныхъ, заставило Хакана снять осаду и удалиться. Если свѣдѣнія Писиды и неизвѣстнаго составителя Пасхальной Хроники о подчиненномъ отношеніи, участвовавшихъ въ осадѣ, Славянъ къ Аварамъ вѣрны, то и тогда свидѣтельства ихъ объ этомъ предметѣ не могли бы служить подтвержденіемъ для вывода о подчиненности всего, занимающаго насъ, Славянства Аварамъ, вывода, опирающагося, какъ мы видѣли, на весьма шаткихъ основаніяхъ и опровергаемаго цѣлымъ рядомъ разительныхъ данныхъ, на которыя было указано нами выше. Свидѣтельства эти, въ данномъ случаѣ, доказывали бы только, что тутъ уча-

¹²⁰⁾ Theoph., ed. Bonn. I, 485; Cedren. I, 727; G. Hamart. 567.

¹²¹⁾ „Bell. Avaric.“ 59 seq.

¹²²⁾ „Chron. Paschale,“ ed. Bonn. I, 715.

ствовали одни Паннонскіе Славяне, которые, какъ мы видѣли, дѣйствительно подпали подѣ власть Аваровъ. Есть, однако, основанія усомниться въ точности этихъ свидѣтельствъ.

Около начала VII вѣка мы узнаемъ изъ самаго достовѣрнаго источника, что Далматія и сѣверо-восточная часть Италіи находились подѣ страхомъ вторженія Славянъ: въ то время, какъ одни полчища ихъ отваживались нападать даже на укрѣпленные приморскіе города Далматіи, другіе пытались чрезъ Истрію ворваться въ Италію. Объ этихъ движеніяхъ ихъ говоритъ посланіе Папы Григорія Великаго къ Архіепископу Солинскому, отъ 600 г. „Славянскій народъ, пишетъ Папа, сильно меня огорчаетъ и смущаетъ: огорчаюсь, ибо соболѣзную Вамъ, смущаюсь же, ибо они (Славяне), чрезъ Истрію, начали уже проникать и въ Италію“¹²³). Славяне эти, безъ всякаго сомнѣнія, выходили изъ Панноніи, или изъ Норика. Обитателями этихъ странъ были и тѣ Славяне, которые упоминаются въ слѣдующихъ происшествіяхъ. По свидѣтельству Павла Діакона, около 595 г., Славяне дѣлали набѣги на владѣнія Баварскаго герцога Тасилона, который, отражая ихъ, два раза проникалъ въ ихъ земли съ своимъ войскомъ¹²⁴). Въ 609 г. сынъ Тасилона, Гарибальдъ II, предпринялъ походъ въ землю Славянъ, но около пограничнаго города Агунта (нынѣ Иннхенъ, на р. Дравѣ), потерпѣлъ отъ нихъ сильное пораженіе, которое заставило его обратиться въ бѣгство¹²⁵). Славяне вторгнулись тогда въ область Пустерталь, которую долгое время продолжали опустошать¹²⁶). Въ 613 г., по свидѣтельству того же лѣтописца, Славянскія дружины разоряли Истрію¹²⁷). Во всѣхъ этихъ происшествіяхъ Паннонскіе и Норическіе Славяне являются совершенно самостоятельными воителями, что даетъ намъ полное право заключить о существо-

¹²³) „Et quidem de Sclavorum gente, quae vobis valde imminet, affligor vehementer et conturbor. Affligor in his, quoniam in vobis patior; conturbor, quia per Istriae aditum jam Italiam intrare coeperunt.“ Mansi, „Concilior. coll.“ t. X, p. 117; Farlati, „Illyr. Sacr.“ II, p. 287.

¹²⁴, Paul. Diacon., l. IV, 7, 11.

¹²⁵) P. D. IV, 41.

¹²⁶) Область Пустерталь у средневѣковыхъ писателей называлась „Pustrissa“ (Быстрица). Область эта лежитъ въ долинѣ Дравы и простирается на западъ до Мюльбаха, лежащаго выше Бриксена. Хотя Павелъ Діаконъ и говоритъ, что Баварцы, собравшись съ силами, заставили Славянъ очистить эту страну, но не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ были основаны тогда значительныя Славянскія поселенія, остатки которыхъ существуютъ и по нынѣ. I. Thaller, „Geschichte Tirols.“ Innsbruck, 1854, 36.

¹²⁷) P. D. IV, 38, 42.

ваніи въ этихъ краяхъ довольно многочисленнаго свободнаго Славянскаго населенія. Для объясненія этого явленія возможны только два предположенія: или населеніе это никогда не было подчинено Аварамъ, власть которыхъ, въ такомъ случаѣ, никогда не простиралась на Норикъ и на всю Паннонію, или же, если бы послѣднее предположеніе оказалось невѣрнымъ, господство новыхъ Азіятскихъ пришельцевъ было уже сильно поколеблено въ этихъ странахъ, ко времени упомянутыхъ движеній Паннонскихъ и Норическихъ Славянъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, случаѣ Авары не были бы въ состояніи привести подъ стѣны Константинополя оттуда этихъ искусныхъ Славянскихъ воиновъ, множество которыхъ приводило въ изумленіе Писиду и Составителя Пасхальной Хроники. Кромѣ того, въ самомъ разсказѣ послѣднихъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя черты, опровергающія ихъ сужденія объ отношеніи этихъ воиновъ къ Хакану. Славянскіе отряды, по словамъ ихъ, во время осады дѣйствовали отдѣльно отъ Аваровъ, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ: — обстоятельство немыслимое, если участіе Славянъ въ этомъ дѣлѣ было дѣйствительно вынужденное. Далѣе, по разсказу этихъ лѣтописцевъ, Славяне, обиженные Хаканомъ, немедленно выдаютъ осаду и возвращаются въ свои жилища. Эготъ поступокъ ихъ едва ли былъ бы возможенъ, если бы надъ ними, дѣйствительно, висѣла Аварская гроза, если бы жилища ихъ находились въ Панноніи, въ средоточіи Аварскаго Государства. Всего вѣроятнѣе, что Славяне эти были изъ тѣхъ, которые сидѣли уже на полуостровѣ, и именно въ приморскихъ частяхъ его; ибо иначе необъяснимо то, что они владѣли кораблями и были искусны на морѣ. Не безъ значенія въ этомъ отношеніи и то, что въ числѣ убитыхъ Славянъ, въ морскомъ сраженіи подъ Константинополемъ, были также и женщины — Славянки.

Мы остановились надъ уясненіемъ этихъ вопросовъ, дабы показать, что и тридцатилѣтнее правленіе Ираклія было также благопріятно, какъ для упроченія существовавшихъ уже Славянскихъ поселеній на полуостровѣ, такъ и для прилива туда новыхъ Славянскихъ переселенцевъ изъ-за Дуная и Савы. Намъ положительно извѣстно, что въ это именно царствованіе была наполнена и завоевана Славянами вся Далматія, въ обширномъ смыслѣ, т. е., весь сѣверо-западный уголъ полуострова, заключающійся между берегомъ Адриатическаго моря, рѣкой

Савой и чертой, проведенной отъ берега этой рѣки, выше Бѣлграда, до Драча. Мы уже замѣтили, что нѣкоторыя Славянскія вторженія при Юстиніанѣ, а именно: вторженія 548, 550, 551 и 552 годовъ, коснулись и этой страны; замѣтили также, что въ царствованіе Маврікія Славяне угрожали уже приморскимъ городамъ ея. И не подлежитъ сомнѣнію, что еще во второй половинѣ VI в., если даже и не раньше, въ Далматіи уже существовали Славянскія поселенія, но ихъ было тогда еще немного; ибо до самаго конца VI в. въ ней продолжала еще существовать Римская гражданственность, Византійскій государственный нарядъ, правильная церковная Іерархія и проч.¹²⁸). Къ концу царствованія Ираклія ничего этого не находимъ болѣе въ Далматіи: вся она, за исключеніемъ приморскихъ городовъ: Дубровника, Сплѣта, Трогира, Задра и острововъ: Крка, Раба и Осара, къ этому времени является уже въ рукахъ варваровъ—Славянъ. Въ 641 г., годъ смерти Ираклія, Папа Іоаннъ VI посылалъ въ Далматію Аббата Мартына, для выкупа у Славянъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ и для перенесенія оскверняемыхъ Славянскимъ нечестіемъ мощей Святыхъ оттуда въ Римъ¹²⁹). Но когда именно и какимъ образомъ произошло это совершенное занятіе Далматіи Славянами, объ этомъ современники ничего не говорятъ, изъ позднѣйшихъ же Византійцевъ одинъ только Константинъ Багрянородный, писавшій около трехъ сотъ и болѣе лѣтъ по смерти Ираклія, передаетъ намъ подробный, но полный несообразностей рассказъ объ этомъ предметѣ. Такъ какъ рассказу его изслѣдователи занимающаго насъ здѣсь вопроса обыкновенно придаютъ важное историческое значеніе¹³⁰), то мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

По словамъ Константина, занятіе Далматіи Славянами, Сербо-Хорватами, было устроено самимъ Иракліемъ. Еще около половины V вѣка Авары покорили будто эту страну, водворились и господствовали въ ней до времени Ираклія, который,

¹²⁸) Рачкаго: „Ocjena starijih izvora,“ str. 65—67.

¹²⁹) „Hic (Ioannes IV) temporibus suis misit per omnem Dalmatiam, seu Istriam, multas pecunias per sanctissimum et fidelissimum Martinum Abbatem, propter redemptionem captivorum, qui depraedati erant a gentibus.... Reliquias (multorum Martyrorum) de Dalmatia et Istria adduci praesceperat et recondidit eas in Ecclesia“ (построенной въ Римѣ во имя этихъ мучениковъ). Anastas. „De vitis Roman. pontif.“ Ap. Muratori, R. It. ss. III, 137.

¹³⁰) Не говоря уже о другихъ, мы укажемъ на болѣе основательныхъ: Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. I, 392—396, кн. 2, 1—4, и Гильфердинга, „Собраніе сочиненій.“ I, 16.

жалѣя о потерѣ столь великой области, но не имѣя достаточно силъ для одолѣнія такого могущественнаго врага, вошелъ въ сношенія съ Хорватами, обитавшими тогда на сѣверѣ, въ Бѣлой или Великой Хорватіи, предлагая уступить имъ Далматію, съ условіемъ, по изгнаніи изъ нея Аваровъ, оставаться подъ его властію. На призывъ Императора откликнулась часть Хорватовъ, которые, подъ предводительствомъ пяти братьевъ Клука, Ловела, Косенца, Мухла, Хорвата и двухъ сестеръ: Туги и Буги, двинулись въ Далматію и, перебивъ Аваровъ, стали владѣть съ тѣхъ поръ этою землею¹³¹⁾. За Хорватами двинулась и часть ихъ сосѣдей и соплеменниковъ, Сербовъ, подъ предводительствомъ одного Князя. Перешедши Дунай, они просили у Императора земель для поселенія. Ираклій отвелъ имъ часть Солунской области (ἐν τῇ θέρματι Θεσσαλονίκης), которая, замѣчаетъ Константинъ, отъ этого называется и до сихъ поръ „Сербією“ (τὰ Σέρβλια). Но вскорѣ Сербамъ не понравились ихъ новыя жилища, и они рѣшились вернуться домой. Уже переступили они за Дунай, какъ ихъ взяло раздумье, и они вторично снеслись съ Иракліемъ черезъ Императорскаго Намѣстника въ Бѣлградѣ, прося у него другихъ жилищъ. Императоръ отдалъ имъ тогда край, лежавшій на юго-востокъ отъ страны, занятой уже Хорватами¹³²⁾. Какъ Хорваты, такъ и Сербы, должны были признавать надъ собою верховную власть Ираклія и его ближайшихъ преемниковъ, и только при Императорѣ Михаилѣ II (820—829) они сложили съ себя эту зависимость¹³³⁾. Такъ рассказываетъ Багрянородный о занятіи сѣверозападной части полуострова Славянами, другими словами, такъ повѣствуетъ онъ о приходѣ туда Хорватовъ и Сербовъ. Обращаясь къ повѣрочной оцѣнкѣ этого разсказа, мы прежде всего должны замѣтить, что Авары не могли покорить въ половинѣ V в. Далматію; ибо о нихъ въ это время и помину не было еще въ исторіи: народъ этотъ впервые появляется въ исторіи во второй половинѣ этого вѣка, да и то гдѣ-то между Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Только въ царствованіе Маврикія, а именно, въ 598 г. Авары впервые вторгнулись въ Далматію и страшно ее опустошили, но, какъ было уже замѣчено, вскорѣ они должны были ее покинуть и воз-

¹³¹⁾ „De admin. imper.“, с. 30.

¹³²⁾ „Adm. imp.“ с. 32.

¹³³⁾ Ibid. с. 29.

вратиться въ Паннонію ¹³⁴⁾. Послѣ этого Аварскаго набѣга достовѣрная исторія говоритъ только о Славянскихъ движеніяхъ въ Далматіи: она ничего не знаетъ о новыхъ вторженіяхъ сюда Аваровъ въ 635 г., какъ предполагалъ Пеляевичъ ¹³⁵⁾, или въ 638 г., какъ думалъ Шафарикъ ¹³⁶⁾. Да и не возможно допустить, чтобы Авары могли тогда овладѣть столь обширною страной. Ихъ могущество еще съ 600 года стало падать ¹³⁷⁾ и вскорѣ, послѣ неудачной осады ими Константинополя, въ 626 г., было совсѣмъ ниспровержено Славянами, основавшими, подъ управленіемъ Сама, обширное Государство. Еще въ 623 г. выступилъ этотъ загадочный воевода противъ Аваровъ, и въ нѣсколькихъ удачныхъ сраженіяхъ совершенно сокрушилъ ихъ мощь ¹³⁸⁾. Въ 627 г. онъ былъ избранъ въ Короли Славянами, коими правилъ цѣлыя 35 лѣтъ. Это могущественное Славянское Государство, срѣдоточіе котораго находилось въ Чехіи, простиралось на югъ до Штирійскихъ Альпъ; въ составъ его, около 630 г., входили, или, по крайней мѣрѣ, состояли въ союзѣ съ нимъ, и Хорутанскіе Славяне.

Такимъ образомъ водвореніе Аваровъ въ Далматіи, событіе, по словамъ Багрянороднаго, заставившее будто Ираклія обратиться къ Хорватамъ съ извѣстнымъ предложеніемъ, другими словами, самая завязка разбираемой повѣсти, оказывается исторически несостоятельною. Еще болѣе несостоятельнымъ представляется рассказъ Константина о союзѣ Хорватовъ и Сербовъ съ Иракліемъ. Все, что мы знаемъ изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источниковъ о поведеніи Славянъ въ Далматіи за это время, представляетъ ихъ, какъ сокрушителей власти Имперіи въ этой странѣ. Какъ было замѣчено уже, въ 600 г. они приводили въ трепетъ Далматинское духовенство: у нихъ Папа Іоаннъ IV, въ 641 г., выкупалъ плѣнныхъ, и въ то же самое время убиралъ отъ нечестія ихъ Святыя мощи, находившіяся въ Далматіи и Истріи, и переносилъ ихъ въ Римъ. Прибавимъ къ этому еще и движеніе Сербскаго племени изъ Бѣлой Сербіи (Восточной Галиціи) въ Солунскую область и обратно, новое возвращеніе ихъ на полуостровъ и занятіе обширной полосы, простирающейся отъ нижняго теченія Савы

¹³⁴⁾ См. выше.

¹³⁵⁾ „*Histor. Serbiae*,“ р. 15, 19.

¹³⁶⁾ „Слав. Древ.“ II, кн. I, 396—399.

¹³⁷⁾ Рачкаго, „*Ocjena*,“ 70.

¹³⁸⁾ Палацкаго, „*Dějiny národu Česk.*“ I, č. I, 1862, str. 94—99.

до Адриатическаго моря, прибавимъ, говорю, и эти непонятныя и невозможныя передвиженія цѣлаго племени, и несостоятельность Константинова разсказа, какъ историческаго источника, обнаружится во всей ея наготѣ. Вникая въ содержаніе этого разсказа, нельзя не замѣтить, что онъ не передаетъ намъ какихъ ни будь историческихъ данныхъ, а содержитъ въ себѣ личныя соображенія разсказчика или, лучше сказать, теорію, придуманную имъ для уясненія вопроса о занятіи Далматин Сербохорватами. Мы находимъ въ этомъ разсказѣ два указанія, очень любопытныя для обозначенія какъ основаній, такъ и логическихъ приемовъ этой теоріи. По Константину, Сербы, Срблѣ, Србалѣ, получили имя свое отъ Латинскаго слова *servi*, „по тому, объясняетъ онъ, что находились подъ властію Римскаго Императора“; съ названіемъ Србалѣ онъ сближаетъ презрительное прозвище „цървуланъ“¹³⁹⁾ (*Τζερβουλανός*, лапотникъ), которое Византійцы тогда давали людямъ низкаго происхожденія, носившимъ, по бѣдности, „цървулы“ (*σέρβουλα*, родъ лаптей)¹⁴⁰⁾. Такими доказательствами Константинъ подтверждаетъ зависимость Сербовъ отъ Византіи, или, лучше сказать, изъ такихъ основаній заключаетъ онъ о подчиненіи Сербовъ, а, слѣдовательно, и Хорватовъ Ираклію. Въ слѣдствіе подобнаго рода домысловъ, безъ всякаго сомнѣнія, появилось и очевидно баснословное сказаніе Константина объ извѣстныхъ передвиженіяхъ Сербскаго племени. Нужно замѣтить, что въ южной Македоніи, на р. Быстрицѣ или по Турецки Инджекарасу (древн. Галиакмонъ) находится городокъ „Сервія“, Сербница (Тур. Сельфидже), въ Сербскомъ переводѣ Зонары „Сръбчище“. Въ средніе вѣка существовала тутъ и особенная Епархія этого наименованія (ἡ Ἐπισκόπη τῶν Σερβιτῶν), входившая, въ X в., въ составъ Болгарской Охридской Архіепископіи¹⁴¹⁾. Епархія или, лучше сказать, округъ этотъ назывался этимъ именемъ еще и во времена Константина, а это было

¹³⁹⁾ Σέρβλιοι τῇ τῶν Ῥωμαίων διαλέκτῳ δοῦλοι προσαγορεύονται, ἔθεν καὶ σέρβουλα ἡ κοινὴ συνήθεια τὰ δουλικῶς φῆσιν ὑποδήματα καὶ τζερβουλιανούς τοὺς τὰ εὐτελεῖ καὶ πενιχρά ὑποδήματα φοροῦντας. Adm. impr. с. 32.

¹⁴⁰⁾ Слово „царвуль, цървуль“, какъ и производное отъ него „царвулянь“ (лапотникъ), и по нынѣ существуетъ въ Болгарскомъ языкѣ. Въ немъ, по всему вѣроятію, мы имѣемъ орумуненную форму Древне-Славянскаго слова чръкви (calceus, sandalium), отъ котораго произошли: Серб. „цревля“, Малорос. „черевики“, Болгарск. „чевли.“

¹⁴¹⁾ См. 3-ю грамоту Василя Болгаробойца Болгарскому Архіепископу, у Голубинскаго, въ соч.: „Краткій очеркъ Православныхъ Церквей Болгарской, Сербской“ и пр., стр. 263.

достаточно для такого археолога и филолога, какимъ является Константинъ въ приведенномъ выше случаѣ, чтобы вывести изъ него цѣлую сказку о передвиженіи Сербскаго племени, съ дозволенія Ираклія, изъ Галиціи къ Солуню, а оттуда уже въ страну, простирающуюся между Савой и Адриатическимъ моремъ. Что такого длиннаго пути не возможно было совершить цѣлому племени въ столь короткій срокъ; что не слѣдовало Ираклію уступать имъ столь обширную страну въ Иллирикѣ, когда они легко могли помѣститься въ небольшомъ округѣ Солунской области; что они ни сколько не нуждались въ позволеніи Ираклія для перехода на южный берегъ Дуная и Савы; что, наконецъ, всѣ эти соображенія уничтожаются свидѣтельствами современниковъ, всего этого Багрянородный не принималъ въ расчетъ. Повторяемъ: сказаніе Константина о занятіи Славянами Далматіи въ обширномъ смыслѣ, сказаніе, долгое время вводившее въ заблужденіе изслѣдователей, видѣвшихъ въ немъ главный источникъ для разъясненія этого вопроса, есть не что иное, какъ плохая и въ высшей степени безосновная теорія и, какъ таковая, не имѣетъ ни какого историческаго значенія¹⁴²⁾. Вотъ по чему, по нашему мнѣнію, сказаніе это слѣдуетъ исключить изъ числа источниковъ исторіи разбираемаго вопроса и довольствоваться пока приведенными уже нами извѣстіями современниковъ. Основываясь на этихъ извѣстіяхъ, мы должны признать, что и Далматія, въ обширномъ смыслѣ, какъ и прочія области Балканскаго полуострова, постепенно были занимаемы Славянами; что еще задолго до Ираклія тамъ были уже болѣе, или менѣе, значительныя Славянскія поселенія, которыя въ царствованіе этого Императора увеличились приливомъ новыхъ переселенцевъ съ сѣвера, приходомъ двухъ воинственныхъ Славянскихъ дружинъ подъ именемъ Сербовъ и Хорватовъ, которые, ниспровергнувъ и послѣдніе остатки Римской власти въ этой странѣ, основали въ ней два Государства, въ составъ которыхъ, мало по малу, должно было войти все тамошнее Славянство и сплотиться въ двѣ народныя единицы, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Сербовъ и Хорватовъ. Такой взглядъ на занятіе сѣверо-западнаго угла полуострова Славянами находитъ себѣ полное подтвержденіе въ языкѣ тамошнихъ Славянъ, извѣстномъ подъ именемъ Сербо-Хорватскаго нарѣчія. Въ области этого нарѣчія мы встрѣ-

¹⁴²⁾ Сравни. Рачкаго, „Ocjena“ etc. 45—49.

чаемъ нѣсколько говоровъ или подрѣчій, въ большей, или меньшей, мѣрѣ, удаляющихся отъ общаго облика, отличающаго это нарѣчіе въ ряду прочихъ Славянскихъ нарѣчій. Такъ въ Хорватіи, въ округахъ Вараждинскомъ, Крижевацкомъ, большей половиной Загребскаго, отчасти въ Саладскомъ и Шомодскомъ, равно какъ въ полкахъ Крижевацкомъ и Свято-Юрскомъ¹⁴³), господствуетъ, такъ называемая, „Кайкавщина“, которая болѣе похожа на Словинскій языкъ, чѣмъ на Сербо-Хорватскій¹⁴⁴). По объясненію Ягича, она произошла отъ смѣшенія Хорватовъ, во время прихода ихъ въ эту страну, съ прочими Славянскими обитателями ея, которыхъ они уже застали въ ней. Въ хорватскомъ Приморьи, въ приморской части прежней Военной Границы (въ окрестностяхъ Сены), равно какъ и на прилегающихъ островахъ, преобладаетъ другое подрѣчіе, извѣстное подъ именемъ Чакавщины, которая многими своими особенностями приближается къ Словинскому нарѣчію и къ нѣкоторымъ говорамъ Болгарскаго¹⁴⁵). Въ Далматіи, а именно: въ Дубровникѣ, Сплѣтѣ, Трогирѣ, Задрѣ, на островѣ Хварѣ и пр., въ прежнее время была въ употребленіи другая Чакавщина, на которой знаменитые Далматинскіе поэты XV и XVI в. писали свои произведенія. Эта южная Чакавщина представляла менѣе особенностей относительно Штокавщины, которою была вытѣснена совершенно въ XVII и XVIII в. Въ настоящее время кое-какіе остатки ея сохранились только въ Дубровникѣ и предметяхъ его Пиле и Плоче, въ Гружѣ (Gravosa) и въ Цавтатѣ (Ragusa vecchia¹⁴⁶). Нѣкоторые изъ особенностей Чакавщины, кромѣ выше названныхъ мѣстностей, встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ краяхъ области Сербо-Хорватскаго языка. Таково, на примѣръ, замѣченное Г. Майковымъ въ Боснійскихъ и Хлумскихъ грамотахъ смягченіе *d* въ *j*, названное имъ Хорутанизмомъ въ древней Сербской письменности (516)¹⁴⁷). Этотъ Хорутанизмъ, по словамъ Юкича, и до сихъ поръ не исчезъ въ Босніи¹⁴⁸). Мнѣніе, высказанное Г. Ягичемъ, что Чакав-

¹⁴³) Ягича, „Iz prošlosti Hrvatskoga jezika“, въ „Književn.“ 334, 335: „Histor. književnosti“, 8.

¹⁴⁴) Миклошичъ (Lautlehre VII) относитъ эту Кайкавщину къ Словинскому нарѣчію.

¹⁴⁵) Отличительныя черты этой Чакавщины съ достаточною полнотою изложены Рачкимъ; см. „Arkiv za povjestnicu jigosl“. Кукулевича, IV, 254. Сравненіе ея съ Кайкавщиной и Штокавщиной см. въ „Jihoslované“, 79—85.

¹⁴⁶) Сообщено Профес. Богишичемъ.

¹⁴⁷) „Исторія Сербск. языка“. Москва, 1856, стр. 516.

¹⁴⁸) „Književn“. 343.

щина представляет въ себѣ древнѣйшій видъ Сербо-Хорватскаго нарѣчія, новѣйшее развитіе котораго мы имѣемъ въ Штокавинцѣ, другими словами, что эти два нарѣчія представляютъ намъ двѣ разныя поры въ развитіи одного и того же языка—Чакавица древнѣйшую, Штокавица же новѣйшую¹⁴⁹⁾, это мнѣніе, по нашему разумѣнію, не смотря на всѣ усилія ученаго поборника его, остается далеко еще недоказаннымъ, и мы находимъ болѣе близкимъ къ истинѣ взглядъ Рачкаго на этотъ предметъ: по словамъ его, въ Чакавинцѣ мы имѣемъ особенное нарѣчіе, которымъ говорили Славянскіе поселенцы, обитавшіе въ этомъ краю еще до прихода туда Сербовъ и Хорватовъ¹⁵⁰⁾. Кромѣ Кайкавицны и Чакавицны, мы находимъ въ области Сербо-Хорватскаго языка и другія еще подрѣчія. Укажемъ здѣсь на Ресавское, въ восточной половинѣ Княжества Сербскаго, между Моравой и Тимокомъ¹⁵¹⁾, своими особенностями прямо указывающее на тѣснѣйшее сродство съ нарѣчіемъ Болгарскихъ Славянъ, сродство, подтверждаемое и достовѣрною исторіею¹⁵²⁾. Упомянемъ еще и объ языкѣ Черногорцевъ, который не смягчаетъ губныхъ вставкою л, на пр. **зобѣимъ** вмѣсто Сербскаго **зоблемъ** Сл. Болг. **зоблж**, **зоблимъ**¹⁵³⁾. Кромѣ того, у Черногорцевъ **ѣ** въ серединѣ словъ не переходитъ въ л, что составляетъ одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ Сербскаго языка, на пр., **опѣнѣкъ**, вмѣсто **опанак**¹⁵⁴⁾; сл. Болгарск. **опѣнѣкъ**, **опѣнци**. Всѣ эти особенности, испещряющія область Сербо-Хорватскаго языка, какъ чуждыя послѣднему и необъяснимыя историческимъ развитіемъ его, служатъ весьма сильнымъ подтвержденіемъ мнѣнію, что Сербо-Хорваты застали въ занимаемой ими странѣ значительныя поселенія Славянъ, по своему нарѣчію болѣе близкихъ къ Словинцамъ и къ нѣкоторымъ Славянскимъ вѣтвямъ, вошедшимъ въ составъ Болгарскаго народа.

¹⁴⁹⁾ Тамъ же, 341.

¹⁵⁰⁾ „Arkiv za povjestn“. IV. 254.

¹⁵¹⁾ Шафарика, „Славянское народописаніе“, певев. О. М. Бодянского, стр. 59.

¹⁵²⁾ Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 352.

¹⁵³⁾ Jihoslované, 72.

¹⁵⁴⁾ Тамъ же, 70.

Глава IV.

Славянскія поселенія на полуостровѣ въ половинѣ VII-го вѣка. Выводы и ихъ подтвержденіе.

Около половины VII-го вѣка, Балканскій полуостровъ былъ уже переполненъ Славянскими поселеніями. Какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ, частяхъ его Славянская стихія является господствующею стихіею, а въ нѣкоторыхъ областяхъ мы находимъ и исключительно Славянское населеніе. Заботы Папы Іоанна IV (640—642) спасти отъ Славянскаго нечестія, находившіяся въ Далматин, мощи Святыхъ, перенесеніемъ ихъ въ Римъ, равно какъ и нѣкоторыя другія данныя, приведенныя нами въ предыдущей главѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Далматія въ обширномъ смыслѣ, т. е., весь сѣверо-западный уголъ полуострова, была уже совершенно въ рукахъ Славянъ. По свидѣтельству Павла Діакона, еще въ 641 году, Славяне на многихъ корабляхъ пристали къ восточному берегу южной Италіи и, высадившись у города Сипонта, пустились опустошать Апулію. Айонъ, Воевода Беневентскій, вывелъ противъ нихъ свое войско, но въ первой же стычкѣ съ врагомъ онъ погибъ¹⁾. Гордые одержанною побѣдою, Славяне долгое время продолжали грабить эту страну, пока преемникъ Айона, Радоальдъ, выступивъ противъ нихъ съ великою силою, не заставилъ ихъ воротиться назадъ²⁾. Въ царство-

¹⁾ L. IV, с. 46. Нужно замѣтить, что у Павла Діакона не сказано, въ какомъ именно году случилось это происшествіе; многіе изслѣдователи, въ томъ числѣ и Шафарикъ, относятъ его къ 662 г., но ошибочно, такъ какъ изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источниковъ извѣстно, что Айонъ началъ править Беневентскимъ Воеводствомъ въ 641 г., и управлялъ имъ не болѣе года. *Gianone, „Istoria del regno di Napoli“, I, 272.*

²⁾ Лѣтописцы не говорятъ, кто были эти Славяне, гдѣ находились ихъ жилища. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей одни приписываютъ этотъ набѣгъ на южную Италію Хорутанскимъ Славянамъ, другіе же считаютъ его дѣломъ Хорватовъ и Неречанъ. См. у Шафарика, „Слав. Древн.“ II кн. 2, стр. 62. По нашему мнѣнію, естественнѣе всего предположить, что тутъ дѣйствовали Эпирскіе и Греческіе Славяне, суда которыхъ, какъ увидимъ ниже, около этого времени часто сновали по водамъ Ионическаго моря.

ваніе Константина Погоната (668—685) острова и берега Егейскаго и Ионическаго морей, даже часть Малоазіятскаго берега, подвергались страшнымъ опустошеніямъ со стороны Славянъ, отваживавшихся пускаться въ морскую даль, къ удивленію Грековъ, на легкихъ судахъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева³⁾. Въ 675 г., въ то время, какъ Константинополь выдерживалъ четвертую осаду со стороны Арабовъ, многочисленный Славянский флотъ окружилъ съ моря Солунь, который иныя Славянскія полчища тогда же осадили съ сухаго пути. Славяне были тутъ и съ семействами своими и съ домашнею собственностію, намѣреваясь, по взятіи города, остановиться въ немъ⁴⁾. Немного времени спустя, мы снова находимъ Славянскихъ пиратовъ на водахъ Архипелага и Мраморнаго моря: этотъ разъ они грабили корабли, плывшіе съ хлѣбомъ въ Константинополь, и опустошали Пароскую и Проконезскую области (побережье Мраморнаго моря), доходили до самой Константинопольской пристани⁵⁾. Тутъ на водахъ Архипелага и на Малоазіятскомъ берегу, они сдѣлались извѣстными Арабамъ, въ это время уже угрожавшимъ Европейскимъ владѣніямъ Имперіи. Одинъ изъ первыхъ Арабскихъ писателей, Аль-Ахталъ, жившій во 2-й половинѣ VII вѣка въ Дамаскѣ, при дворѣ Оммаядовъ, говоритъ о Славянахъ, какъ о народѣ, хорошо уже извѣстномъ его читателямъ⁶⁾. Излишне было бы доказывать, что эти отважные моряки имѣли свои постоянныя жилища на берегахъ Егейскаго, Ионическаго и Адриатическаго морей, по

³⁾ Τὸ τῶν Σκλαβίνων.... ἔθνος, πλῆθος ἄπειρος.... πρῶτως ἐφευρόντων ἐξ ἑνὸς ξύλου γλύπτας νῆας κατασκευάσαι κατὰ θάλασσαν ὀπισσάμενους, καὶ πᾶσαν τὴν Θερταλίαν καὶ τὰς περὶ αὐτὴν νήσους καὶ τῆς Ἑλλάδος, ἔτι μὲν καὶ τὰς Κυκλάδας νήσους καὶ τὴν Ἀχαΐαν πᾶσαν, τὴν τε Ἠπειρον καὶ τὸ πλεῖστον τοῦ Ἰλλυρικοῦ καὶ μέρος τῆς Ἀσίας ἐκπορθῆσαι. . . . „Vita S. Demetrii“, in „Act. Sanct. Octobr. IV“, 162. Выдолбленные изъ одного дерева суда этихъ Славянъ весьма напоминаютъ Козацкіе дубы, од подеревки, поднимавшіе, по словамъ Боилана, отъ 50 до 70 человѣкъ. См. у Черткова, „Описаніе войны Святослава“, стр. 169.

⁴⁾ Филарета, „Святый Великомуч. Димитрій и Солунскіе Славяне“, въ „Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1848, VI, 19—31.

⁵⁾ Онъ же, тамъ же, стр. 33.

⁶⁾ Въ своемъ „Диванѣ“, говоря о какихъ-то иноплеменникахъ, Аль-Ахталъ замѣчаетъ: „Какъ бы подлинно видишь въ нихъ топлу Славянъ красныхъ“, (или рижихъ, русыхъ). Гаркави, „Сказанія Мусульманскихъ писателей о Славянахъ“, стр. 1—6. Объясненіе Г. Гаркави, что Аль-Ахталъ зналъ о Славянахъ по тому пятитысячному отряду ихъ, который, въ 664 гсду, перебѣжалъ отъ Византійцевъ къ Аравитянамъ, въ Сиріи, или по Славянскимъ плѣнникамъ, переселеннымъ въ 687 г. Юстиніаномъ Ринотметомъ въ Малую Азію, объясненіе это, говоримъ, слишкомъ односторонне. Сл. Ламанскаго, „О Славянахъ въ Малой Азіи“ и пр. стр. 15 и слѣд., 122 и слѣд.

водамъ которыхъ, сновали ихъ многочисленные корабли. Замѣтимъ только, что ихъ смѣлыя морскія предпріятія заставляютъ предполагать въ нихъ значительную долю опытности въ мореплаваніи, заставляютъ видѣть въ нихъ людей, вполне освоившихся съ морскою стихіею, а это, въ свою очередь, ведетъ къ заключенію, что за долго до времени совершенія Славянами упомянутыхъ, морскихъ предпріятій, т. е., за долго до половинѣ VII вѣка, они занимали уже побережія Эпира, Македоніи и Греціи. Слѣдующія данныя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и во внутреннихъ частяхъ этихъ странъ господствовало Славянство.

Въ 678 г. многочисленные Славянскія полчища двинулись осаждать Солунь. По словамъ Солунскаго Сказанія о Св. Димитріи, они говорили: „Не слѣдуетъ быть тому, чтобы тогда, какъ опустошены всѣ города и области, одинъ сей городъ оставался цѣль и принималъ въ себѣ бѣглецовъ съ Дуная, изъ Панноніи, Дакіи, Дарданіи и другихъ областей и городовъ“⁷⁾. Эти слова, вложенныя въ уста Славянъ, осаждавшихъ въ 678 г. Солунь, Солунскимъ Грекомъ, современникомъ и очевидцемъ этой осады, показываютъ, что всѣ области Балканскаго полуострова, до самыхъ воротъ Солуня, были уже въ рукахъ Славянъ. По разсказу того же самаго лѣтописца, во время этой осады Славянское войско доставало себѣ, какъ съѣстные, такъ и другіе, припасы у Драговичей, о которыхъ мы тутъ узнаемъ, что еще тогда обитали на поляхъ Солуня и воздѣлывали ихъ. Въ 685 г., когда Солунь выдерживалъ новую осаду со стороны Славянскихъ племенъ: Стримонцевъ, Рунхиновъ и Сагудатовъ, жители его, доведенные до крайности этою осадю, пытались достать себѣ съѣстные припасы, морскимъ путемъ, у находившихся тогда съ ними въ мирѣ Славянъ, Белезитовъ, жившихъ въ Ѳессаліи, въ окрестностяхъ Ѳивъ и Димитріяды. Мы уже имѣли случай привести въ предыдущей главѣ правительственное Византійское свидѣтельство, по смыслу котораго еще съ половины VI-го вѣка Славяне господствовали въ Пелопонисѣ,

⁷⁾ „Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс“. 1848, VI, 20, 24. Сказаніе говорить, что эти Славяне находились въ союзѣ съ Аварскимъ Хаканомъ, который также будто участвовалъ въ осадѣ Солуня; но зная, что Аварское государство еще за долго до времени этой осады было разгромлено, мы въ правѣ думать, что составитель „Сказанія“ прицѣпалъ въ этомъ чисто Славянскомъ дѣлѣ и Аваровъ, по старой привычкѣ Византійскихъ писателей, заставлявшихъ Славянъ дѣйствовать по приказанію Аваровъ, или, по крайней мѣрѣ, съ помощію ихъ.

такъ что до пораженія ихъ подъ Патрами, въ 807 г., ни одинъ Ромей (Византійскій подданный), въ продолженіе 218 лѣтъ, не могъ безопасно ступить на этой землѣ⁸⁾. Сократитель Страбона, писавшій около конца X-го вѣка, свидѣтельствуесть, что въ его время весь Эпиръ, Македонію, Елладу и Целопонисъ занимали Славяне, которыхъ расселеніе по этимъ краямъ онъ относитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ⁹⁾. Выше приведенныя данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ославяненіе этихъ странъ совершилось еще до половины VII-го вѣка. Сказаніе Константина Багрянороднаго, что Еллада и Целопонисъ ославянились только въ царствованіе Константина Копронома (741—775), и что это событіе было вызвано, или подготовлено, моровою язвою, прошедшей въ 746 г. по этимъ странамъ¹⁰⁾, едва ли заслуживаетъ такого значенія, какое обыкновенно придаютъ ему¹¹⁾: мы уже имѣли случай убѣдиться, что Багрянородный весьма не точенъ въ своихъ лѣточислительныхъ показаніяхъ и даетъ большіе промахи въ своихъ попыткахъ къ прагматической связи историческихъ явленій. Что касается остальныхъ частей полуострова, т. е., Мизіи и Θρακίи, то о плотности Славянскихъ поселеній въ нихъ около VII-го вѣка можно судить по слѣдующимъ свидѣтельствамъ: по словамъ Θεοφάνη, въ 678 г. въ нижней Мизіи находились семь Славянскихъ племенъ, издавна уже обитавшихъ въ ней. Объ этихъ семи Славянскихъ племенахъ говорится и въ Географіи Моисея Хоренскаго (ум. 489), составленной во второй половинѣ V-го вѣка. „Θρακία, читаемъ тамъ, состоитъ изъ пяти небольшихъ краевъ и одного великаго, въ коемъ находится семь Славянскихъ народовъ. Въ жилища ихъ вступили Готы“¹²⁾. Земли, прилежащія къ Балканскому хребту, равно какъ и тѣ, которыя простираются на западъ отъ Родопскихъ горъ, около половины VII-го вѣка носили уже названіе Славеніи,

⁸⁾ Мы разумѣемъ извѣстное посланіе Патріярха Николая II къ Императору Алексѣю Комнину. См. выше гл. III.

⁹⁾ Καὶ νῦν δὲ πᾶσαν Ἠπειρόν, καὶ Ἑλλάδα σχεδὸν καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν Σκῦθαι Σκλάβοι νέμονται. Müller, „Geographi Graeci min.“ ed. Didot, II, 574.

¹⁰⁾ Ἐσθλαβῶθη δὲ πᾶσα ἡ χώρα, καὶ γέγονε βάρβαρος, ὅτε ὁ λοιμικὸς θάνατος πᾶσαν ἐβόσκετο τὴν οἰκουμένην. De Them., ed. Paris., p 25.

¹¹⁾ Копитаръ, „Glagol. Clozian“, pag. XXI; Гопфъ, „Griech. Geschichte“, 105; Миклошичъ, „Die Slavische Elemente im Neugriechischen“, 3; Гильфердингъ, „Собрание сочиненій“, I.

¹²⁾ Къ этому свидѣтельству мы еще вернемся.

„Славянской Земли“¹³⁾. Въ эту „Славенію“, начинающуюся недалеко отъ воротъ Константинополя, ходилъ походомъ Императоръ Константинъ II, занявшій престолъ Имперіи въ годъ смерти Ираклія¹⁴⁾. Противъ нея же предпринималъ походъ и второй преемникъ Константина, Юстиніанъ Безносый (Ринотметъ), которому лѣтописецъ ставитъ въ особенную услугу то, что онъ могъ проникнуть далеко въ глубь „Славеніи“, даже до Солуня¹⁵⁾.

Начиная съ половины VII-го вѣка, мы не слышимъ болѣе о новыхъ Славянскихъ вторженіяхъ изъ-за Дуная и Савы на полуостровъ: всѣ послѣдующія извѣстія касаются только или отношеній Византіи къ, придвинувшемуся уже къ стѣнамъ ея, Славянскому міру, или же передаютъ намъ событія изъ внутренней жизни этого міра, прочно установившагося уже въ Европейскихъ областяхъ Имперіи. Полуостровъ, какъ мы замѣтили уже, является около этого времени какъ бы переполненнымъ Славянскими поселеніями, неудобнымъ къ принятію и другихъ еще Славянскихъ поселенцевъ. Вотъ почему мы должны остановиться здѣсь, принявши это время за послѣдній предѣлъ занимающаго насъ заселенія полуострова Славянами, начало котораго, позволяемъ себѣ надѣяться, идя по очень явственнымъ слѣдамъ, мы могли возвести къ концу II-го вѣка нашего лѣтосчисленія. Такимъ образомъ, въ продолженіе четырехъ вѣковъ, Славяне, то отдѣльными семьями, то военными отрядами и цѣлыми племенами, переходили въ эту страну и водворялись въ ней, пока народность ихъ, постепенно нарастая и увеличиваясь постояннымъ приливомъ новыхъ родственныхъ силъ извнѣ, не достигла той густоты, того преобладающаго положенія, въ которомъ находимъ ее около половины VII-го вѣка. Исслѣдователи, отводившіе совершенію этой народописной смѣны на Балканскомъ полуостровѣ, періодъ времени въ 50, или даже и 100, лѣтъ¹⁶⁾, смѣемъ сказать, впадали въ явную ошибку, частію въ слѣдствіе упущенія изъ вида нѣкоторыхъ немало-важныхъ данныхъ, касающихся этого вопроса, частію въ слѣдствіе того, что слишкомъ поспѣшно, безъ должнаго обслѣдованія и находившихся подъ руками ихъ данныхъ, переходили къ выводамъ и заключеніямъ. Научная несостоятельность этихъ

¹³⁾ См. Шафарика, „Слав. Древн.“ II. кн. I. стр. 253, 264 и 326—330.

¹⁴⁾ Theophan., ed. Paris., 288.

¹⁵⁾ Theoph., ed. Paris., 303, 304.

¹⁶⁾ Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 2, 255.

выводовъ обнаруживается во всей своей наготѣ даже и тогда, когда мы, оставляя безъ вниманія шаткость основаній, на которыя эти выводы опираются, станемъ повѣрять ихъ по другимъ даннымъ, которыхъ они касаются, прямо, или косвенно. 50, или даже и 100, лѣтъ слишкомъ непродолжительный срокъ для подобнаго измѣненія народописнаго образованія полуострова и по тому уже, что принятіе этого срока необходимо ведетъ къ заключенію, что страна эта, которая еще въ IV в. своимъ плотнымъ населеніемъ, своими многочисленными городами, и цвѣтущей въ нихъ Греко-Римской гражданственностію, оставляла далеко позади себя прочія части Римской Имперіи, мгновенно, такъ сказать, лишилась своего прежняго населенія, на смѣну котораго сразу, однимъ движеніемъ, явились милліоны Славянъ. Противорѣча многимъ даннымъ, приведеннымъ въ разныхъ частяхъ нашего изслѣдованія, это заключеніе опровергается и нѣкоторыми другими данными, на которыхъ мы останавливаемся тѣмъ охотнѣе, что въ нихъ, быть можетъ, намъ удастся открыть и новое подтвержденіе нашему выводу. Мы намѣрены коснуться вопроса объ иноплеменныхъ стихіяхъ, съ которыми сталкивалась Славянская народность въ сихъ краяхъ, во время своего размѣщенія въ нихъ. Спѣшимъ замѣтить, что достаточное уясненіе этого, заброшеннаго доселѣ, вопроса пролило бы довольно яркій свѣтъ на весь ходъ занятія полуострова Славянами, но такое уясненіе, которое, при недостаточности историческихъ свидѣтельствъ, должно быть основано главнымъ образомъ на данныхъ, почерпнутыхъ изъ языка и народнаго быта южныхъ Славянъ, въ настоящее время, при крайне недостаточной предварительной работѣ по собранію этихъ данныхъ, не мыслимо еще.

Говоря о завоеваніи полуострова Римлянами и о послѣдовавшемъ въ слѣдъ за тѣмъ, ороманеніи древнихъ обитателей этого края, мы уже имѣли случай указать на то, что значительные остатки Тирако-Илировъ пережили всѣ бѣдствія, сопровождавшія это завоеваніе и долѣе другихъ своихъ единоплеменниковъ оберегали свою народность отъ сліянія съ Римскою народностію. Такими являются прежде всего Илирійцы обитавшіе въ западной Македоніи и горной Илиріи. Судя по нѣкоторымъ намекамъ древнихъ¹⁷⁾, Римляне никогда и не могли

¹⁷⁾ См. у Д. Камарра, „Appendice al saggio di grammaticologia comparata sulla lingua Albanese“. Prato, 1886 pag. XXXVIII.

совладѣть съ большинствомъ этихъ горцевъ, успѣвшихъ отстоять свою дикую независимость противъ всемірныхъ завоевателей, благодаря географическимъ особенностямъ своей земли, окруженной со всѣхъ сторонъ и изрѣзанной во всѣ направленія неприступными горами и оврагами. Благодаря все тому же обстоятельству, они пережили и всѣ послѣдующія невзгоды, кончившіяся новымъ измѣненіемъ племеннаго состава населенія прочихъ областей Балканскаго полуострова, установленіемъ въ нихъ новаго, третьяго по порядку, народописнаго устройства, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ Славянской стихіи. Они не поддались и этимъ иноплеменникамъ, налегшимъ на нихъ съ сѣверо-востока; хотя и впустили въ свою народность значительное Славянское вліяніе¹⁸⁾, но сумѣли спасти ея основную стихію, которая и до сихъ поръ лежитъ въ основѣ Албанской народности, насчитывающей до 1,600,000 душъ¹⁹⁾. Кромѣ этихъ, существующихъ и по нынѣ, представителей древнѣйшаго населенія полуострова, Славяне застали тутъ и другіе довольно значительные остатки отъ этого же населенія, которые давно уже перестали существовать. Таковы были: Бесы, по сѣверной части Родопскихъ горъ; Сапаци, въ окрестностяхъ Карадага (Керкины); Неропы, въ богатыхъ желѣзомъ и мѣдью горахъ, окружающихъ Кратово, Скопле, Новобрдо и Долопы, въ юго-восточной части Эпира. Только объ этихъ колѣнахъ мы нашли достовѣрныя извѣстія, сохраненныя намъ въ языкѣ Южныхъ Славянъ, но по всему вѣроятію, были тутъ остатки и нѣкоторыхъ другихъ еще Трако-Илирійскихъ колѣнъ, память о которыхъ или не сохранилась, или же намъ не удалось еще пасть на ея слѣды. Славяне начали съ того, что подчинили себѣ эти слабые остатки древнѣйшаго населенія полуострова, на что ясно указываютъ извѣстныя уже намъ названія нѣкоторыхъ Трако-Илирійскихъ колѣнъ, названія, вошедшія въ языкъ Болгаръ и Сербовъ съ означеніемъ „раба, подчиненнаго“. Мало по малу, остатки эти и совершенно растворились въ Славянской народности, оказавъ на нее болѣе, или менѣе, значительное воздѣйствіе, слѣды котораго даютъ себя чувствовать, какъ въ граматическомъ строѣ языка Южныхъ Славянъ, такъ и въ словарѣ его.

¹⁸⁾ См. вступительную лекцію профессора Макушева, „О Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка.“ Варшава, 1871; Его же, „Историческія розысканія о Славянахъ въ Албаніи“. Варшава, 1871, стр. 116 и слѣд.

¹⁹⁾ Ганъ, *Alban. Studien*“. 17.

Еще многочисленнѣе были, встрѣченные тутъ Славянами, представители втораго или Романскаго народнописнаго устроа, составившагося, какъ было уже сказано, изъ Римскихъ переселенцевъ и ороманенныхъ инородцевъ, преимущественно Θракійскаго происхожденія. Сами они называли себя „Ромеями“ или „Романами“ (Romani), Славянамъ же были извѣстны подъ именемъ „Влаховъ“. По одному, очень достовѣрному, свидѣтельству, Византійскія войска, защищавшія въ 579 г. Θракію противъ Аваровъ, состояли преимущественно изъ Романовъ или, по крайней мѣрѣ, говорили Романскимъ языкомъ²⁰⁾, а войска эти доставляли Имперіи подвластное ей населеніе Балканскаго полуострова. Это показываетъ, что Романское населеніе этого края, не смотря на вѣковое его истребленіе варварами, еще около конца VI-го вѣка, было довольно многочисленно. Весьма убѣдительныя язычныя данныя удостовѣряютъ насъ, что это, господствовавшее нѣкогда на полуостровѣ, населеніе испытало совершенный переворотъ въ своемъ быту: данныя эти показываютъ, что „Ромеи“ или „Влахи“, если они не имѣли счастья жить въ уцѣлѣвшихъ отъ разоренія городахъ, принуждены были промѣнять свои тучныя земли въ равнинахъ на непріютныя, но представлявшія болѣе безопасности, горныя страны, гдѣ, разучившись землепашеству, отдались исключительно пастушеской жизни. Отъ того-то ихъ народное имя у Славянъ давно сдѣлалось подобнозначащимъ безпріютнаго бродяги.²¹⁾ Такими дѣйствительно, представляютъ намъ Влаховъ многія очень древнія историческія свидѣтельства, давшія нѣкоторымъ изслѣдователямъ поводъ къ этимологически несостоятельному производству слова „Влахъ“, отъ Славянскаго глагола влѣкж²²⁾. Мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что эти остатки Романскаго народнописнаго устроа сначала весьма сильно испещряли смѣнившій ее Славянскій устрой. Θессалія у писателей XI и XII-го вв. является Влашскою землею по преимуществу; она называлась „Великою Влахіею“. Въ Этоліи и Акарнаніи нахо-

²⁰⁾ Theophyl., ed Bonn., p. 52: Лѣтописецъ этотъ приводитъ тутъ образчикъ языка этихъ войскъ, а именно выраженіе: *Ῥετὸρνα, φράτρε* (retorna, fratre). Сравни. Theophan., ed. Bonn 397.

²¹⁾ См. въ Словарѣ Даничича подъ словомъ „Влахъ“. Въ такомъ же точно значеніи существуетъ это названіе и въ языкѣ новыхъ Грековъ, къ которымъ оно перешло, безъ всякаго сомнѣнія, отъ Славянъ. В. Schmidt, „Das Volksleben der Neugriechen“. Leipzig, 1871, S. 15.

²²⁾ Тунманъ: „Untersuchungen“, 345—348.

дилась „Малая Влахія“, въ Эпирѣ—„Верхняя Влахія“²³). По свидѣтельству одной грамоты Императора Василия II, отъ 1020 г., Влашскія поселенія были разсѣяны по всей Болгаріи²⁴). Въ Нижней Мизіи, по Балканскому хребту, находилась „Бѣлая Влахія“ (la Blanche Blakie)²⁵). Влахи обитали еще въ Македоніи, во Фракіи (на Родопскихъ горахъ), на Черномъ морѣ, въ окрестностяхъ Бургаса, на югъ отъ Визы къ Константинополю²⁶). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они были покорены Славянами и обращены ими въ крѣпостныхъ, на что также указываетъ ихъ названіе, означающее въ грамотахъ Сербскихъ и Болгарскихъ Царей людей, которыхъ эти Цари дарили церквамъ, монастырямъ и своимъ властелемъ вмѣстѣ съ помѣстьями. Но часть Влаховъ, занимавшихъ горныя страны, долго удерживала свою независимость и была страшна своимъ соседямъ. Испанскій Еврей, Веніаминъ Тудельскій, въ началѣ XII в. проѣзжавшій чрезъ Грецію и Фессалію, такъ описываетъ Влаховъ, обитавшихъ въ горахъ Олимпа, Оссы и Оффрикса: „Подобные козамъ быстрою, они сходятъ съ горъ въ Греческія области, (которыя заселены были тогда Славянами преимущественно), грабятъ и уносятъ добычу. Никто не можетъ проникнуть къ нимъ съ военною силою, и никакой Государь не былъ въ состояніи укротить ихъ“²⁷). Такихъ свободныхъ и грозныхъ Влаховъ мы находимъ въ X-мъ вѣкѣ и въ горахъ Македоніи, между Преспенскимъ и Кастурскимъ озерами. Отъ руки ихъ погибъ братъ знаменитаго Болгарскаго Царя, Самуила, Давыдъ²⁸), котораго Болгарская Церковь причислила къ лику Святыхъ. Въ настоящее время на всемъ Балканскомъ полуостровѣ живетъ не болѣе 500,000 Влаховъ, преимущественно въ Эпирѣ, Фессаліи и Македоніи, гдѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Англійскій путешественникъ, Ликъ, насчитывалъ около 500 Влашскихъ селеній; далѣе, въ Сербскомъ Княжествѣ, гдѣ, по новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, число ихъ доходитъ до 127,326²⁹), и въ Албаніи, въ окрестностяхъ городовъ: Кавая, Тиранна, Берата, Москополя и Лубискоса³⁰). Въ соб-

²³) См. у Рёслера, „*Röm. Studien*“. 107.

²⁴) Τὰν ἀνὰ πῶσαν Βουλγαρίαν Βλαχῶν, Голубинскаго, „Исторія Православныхъ Церквей, и пр. Москва, 1872.

²⁵) Вильгардуена „*De la conquête de Constantinople*“.

²⁶) Pachimer., „*Histor. Andron.*“, I. I, с. 38.

²⁷) Гильфердинга, „*Собрание сочиненій*“. I. 181.

²⁸) Cedrin., ed. Bonn. II, 435.

²⁹) Rad jugoslav. akademije. 1870, XI, 249.

³⁰) Albanesische Stud“. I, 133.

ственной Болгаріи или въ странѣ, заключающейся между Дунаемъ и Балканами, мы встрѣчаемъ Влашское населеніе только въ Добручѣ, около 33,000, по среднему теченію Вида, Искра и Скитула³¹⁾ около 40,000, и въ Видинской Епархіи около 1,000 вѣнчилъ (тяглы)³²⁾. Во Фракіи они встрѣчаются только въ весьма ничтожномъ числѣ, а именно: около 50 домовъ въ Татаръ-Пазарджикѣ и 50 въ Пещерѣ³³⁾. Такъ низко снизошло число Влашкаго населенія на полуостровѣ, главнымъ образомъ въ слѣдствіе выселенія его на лѣвый берегъ Дуная; но можно также предполагать, что значительная часть его исчезла путемъ сліянія съ, поработившей его, Славянскою стихіею. Воздѣйствіе, оказанное Влахами на Славянскую народность, очень могущественно, какъ видно изъ значительнаго количества Латинскихъ словъ въ языкѣ Болгаръ и Сербовъ. Укажемъ, для примѣра, на нѣкоторыя изъ этихъ словъ: Болгарск. и Сербск. муле, Латин. *mulus* (*mula*); Б. С. пуле, Латин. *pullus* (*asini*); Б. С. пиле, Латин. *pullus* (*gallinae*); Болг. церъ (видъ дуба), Лат. *cerrus*, Б. пепонъ, Лат. *perо* (*peronis*); Б. бакълъ, Лат. *rosulum*; Б. хурка, фурка, Лат. *furca*; Б. турта, Лат. *torta*; Б. фурня, Лат. *fornix*; Б. и С. клисура, *clausura*; Б. егрекъ (хлѣвъ, овчарня), ср. Лат. *grex* (стадо); Б. турло (стадо, толпа), Румунск. *târла*, отъ Латинскаго *turma*; Бол. кашкавалъ (у Ларинскихъ Славянъ сирь до коне), Лат. *caseus caballinus* и пр. Укажемъ еще и, на весьма часто употребительные въ Болгарскомъ языкѣ, глаголы: вирѣ (вирѣе и зеленѣе), отъ Лат. *viret*; патиж, отъ *patior*; пелиж (пелѣсвамъ, пелѣсанъ), отъ *pello*; каптисвамъ, отъ *capio* и пр. Сюда же относятся и Латинскія слова, вошедшія въ Славянскій переводъ Священнаго Писанія и, слѣдовательно, за долго до времени этого перевода получившія право гражданства въ языкѣ Южныхъ Славянъ; църкы, отъ Лат. *circus*; цѣсарь, отъ Лат. *caesar*, а не отъ

³¹⁾ Брадаша, „Die Slaven in der Türkei“ въ „Mittheilungen,“ Петермана, 1869, XII, 448.

³²⁾ Свѣдѣнія о нихъ доставлены намъ изъ Видинской Консисторіи. Считаемо нужнымъ замѣтить, что большая часть Влаховъ, обитающихъ въ Придунайской части Болгаріи (въ Добручѣ, по Вида, Искру, Скитулу, и въ Видинской Епархіи), равно какъ и въ Сербскомъ Княжествѣ, выселились сюда изъ Румуніи (Молдо-Валахія), большею частію въ нашѣмъ вѣкѣ.

³³⁾ Зихаріевъ, „Описаніе на Татаръ-Пазардж. кааза“ стр. 19 и 27. Показаніе извѣстнаго Румунскаго патріота, Болинтенеано, что въ настоящее время во Фракіи обитаетъ около 200,000 Влаховъ, и что число представителей этого племени на Балканскомъ полуостровѣ доходитъ до 1,200,000 есть явная нелѣпость. См. у Рёслера, „Rom. Stud.“ S. 100.

Греческой формы этого имени (*καίσαρ*); *оцѣтъ*, отъ Лат. *ase-tum*; *крѣтъ*, отъ Лат. *styx*; *рака* (*κιβωτός*), отъ Лат. *ag-sa*; *олтарь*, отъ Лат. *altare* (Греческ. *θυσιαστήριον*) и пр.³⁴⁾

Кромѣ Романовъ, говорившихъ Латинскимъ языкомъ, Славяне встрѣтили на полуостровѣ и значительное число Грековъ, называвшихся также Романами, Ромеями (*Ῥωμαῖοι*). Въ настоящее время число ихъ доходитъ тутъ, за исключеніемъ Греческаго Королевства, до 800,000 душъ,³⁵⁾ большая половина которыхъ обитаетъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ, по берегу Мраморнаго и Егейскаго морей и въ Тессаліи. Во внутреннихъ областяхъ полуострова только въ Адриано-польской Епархіи встрѣчается довольно значительное Греческое населеніе, которое все таки ничтожно въ сравненіи съ Болгарскимъ населеніемъ этой Епархіи: изъ 271 села ея только 29 греческихъ, остальные же 242, за исключеніемъ весьма немногихъ, населенныхъ Турками, принадлежатъ Болгарамъ. Во всей Филиппопольской Епархіи, насчитывающей около 360 селеній, только три (Кукленъ, Водена, часть Станимуки) населены Греками. Въ Епархіяхъ же южной Македоніи, которую до недавняго времени считали Греческой страной, по новѣйшимъ и весьма точнымъ изслѣдованіямъ, оказывается, что Греческаго населенія тамъ почти что совсѣмъ нѣтъ; ибо въ десяти тамошнихъ Епархіяхъ: Битольской, Охридской, Воденской, Могленской, Кастурской, Дебрской, Струмицкой, Полянской, Мельницкой и Драмской, насчитано только около 30 Греческихъ селеній,³⁶⁾ а именно: въ Кастурской 16 и въ Драмской (въ округѣ Зихны) около 10. Мы полагаемъ, что, во время занятія Славянами полуострова, Греческое населеніе тамъ было довольно многочисленно; въ противномъ случаѣ, трудно объяснить себѣ могущественное вліяніе, оказанное Греческимъ языкомъ на нарѣчіе Южныхъ Славянъ, которое восприняло не только значительное количество Греческихъ словъ, но усвоило себѣ и нѣкоторые приемы Греческаго словообразованія. Въ подтвержденіе послѣдняго мы приведемъ хотя одинъ примѣръ.

³⁴⁾ О. М. Бодипскаго, „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“. М. 1855. стр. 229 и слѣд.

³⁵⁾ Lejean, „Ethnographie de la Turquie d' Europe“. Gotha, 1861.

³⁶⁾ „Читалище“ 1871, кн. 6. стр. 268, 269. Даже въ Солунской Епархіи Болгарское населеніе составляетъ грамадное большинство, судя по высказанному тамошними Болгарами желанію присоединить и эту Епархію къ Болгарской Екзархіи, на основаніи § 10 извѣстнаго Султанскаго фирмана.

Почти всѣ Греческіи глаголы въ Болгарскомъ языкѣ являются съ основою слабаго аориста, т. е., съ характеромъ *с*: *калескамъ*, отъ *καλέω*, *ἐκάλεσα*; *кердоскамъ*, отъ *κερδαίνω*, *ἐκέρδησα*; *фтаскамъ*, отъ *φθάνω*, *ἔφθασα* и пр. и пр. По этому образцу Болгарскій языкъ образуетъ и всѣ глаголы, изъ иностранныхъ, даже и не Греческихъ, корней: *каптискамъ*, отъ Лат. *саріо*; *кондискамъ* отъ Турецкаго *конакъ* (ночлегъ), *кръстоскамъ*, отъ Лат. *сгих* и т. д. и т. д.

Мы уже говорили что еще въ концѣ II-го вѣка на Балканскій полуостровъ переселилось нѣсколько Нѣмцевъ изъ племени Квадовъ. Въ III вѣкѣ туда была переселена большая часть Бастарновъ, въ IV число Нѣмецкихъ поселенцевъ тутъ еще болѣе увеличилось водвореніемъ многочисленныхъ Готовъ, Геруловъ и пр. Изъ свидѣтельства Юрнанда, писавшаго въ 551 г., мы узнаемъ, что въ это время, въ половинѣ IV вѣка, на сѣверномъ склонѣ Балканскаго хребта, въ странѣ Никополитанской, существовали еще многочисленные Готскія поселенія, водворившіяся тамъ уже въ IV вѣкѣ³⁷⁾. Валафрамъ Страбонъ, Нѣмецкій писатель IX вѣка, свидѣтельствуешь, что и въ его время они сохраняли свой языкъ, на которомъ совершалось богослуженіе не только у нихъ, но и у нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ними Скиѣскихъ племенъ, подъ которыми, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ разумѣть Славянъ³⁸⁾. О Герулахъ, перешедшихъ на югъ отъ Савы, въ царствованіе Анастасія, мы имѣемъ достовѣрнѣйшія извѣстія, что обитали тамъ и во время Юстиніана. Всѣ эти довольно значительныя Нѣмецкія поселенія, частію предварившія Славянское движеніе на югъ, частію сопровождавшія его, съ теченіемъ времени исчезли, поглощены были Сербскими и преимущественно Болгарскими Славянами³⁹⁾. Естественнo предполагать, что и эта иноплеменная

³⁷⁾ „Gothi, que dicuntur minores, populus immensus, cum suo ipsoque primite Vulfila, qui eos dicitur et litteris instituisse, hodieque sunt in Moesiae regione, incolentes Nicopolitanum“. Jornand. c. 51. Подъ Никономъ тутъ, по всему вѣроянiю, слѣдуетъ разумѣть упоминаемый еще Птоломеемъ *Νικόπολις περί Αἰών*. О положеніи его см. соображенія Професора Бруна, въ его примѣчаніяхъ къ Путешествію Шильтбергера“, стр. 3.

³⁸⁾ Gothi.... in Graecorum provinciis commorantes nostrum, i. e., theodiscum sermonem, habuerunt..... Et fidelium fratrum relatione didicimus apud quasdam Scytharum gentes, maxime Tomitanos eadem locutione divina haecenus recitari officia.“ Walafr. Strabo, „De rebus eccles.“ 7. Въ „Biblioth. Patrum“, t. XV, p. 184.

³⁹⁾ Свѣдѣнія Тунмана (Untersuchungen 333), что Готскій языкъ въ 1774 г. еще былъ слышенъ въ окрестностяхъ Силистріи, едва ли справедливы.

стихія, съ которою тутъ имѣли столкновеніе Славяне, должна была оказать нѣкоторое вліяніе на ихъ языкъ. Этому вліянію обязаны своимъ происхожденіемъ всѣ Нѣмецкія слова, вошедшія въ Славянскій переводъ Священнаго Писанія, каковы, на примѣръ: олтарь (если не принимать, что перешло къ Славянамъ прямо изъ Латинск. altare), Древне-Нѣм. altari; постъ, Нѣм. faste, Гот. fastan; крамола, Древн.-Бавар. carmulum; сѣбота, Древн.-Нѣм. sambas tag; воукаръ (книга) и воукы (буква), Гот. boka (имѣетъ значеніе и книги, и буквы); оусерагъ, Гот. ausô (ухо) и rings (кольцо); мѣзда, Гот. mizdo (въ свою очередь заимствованное изъ Греч. (μίσθος)⁴⁰); рѣназъ, Нѣм. rhening, и пр. Копитаръ, Миклошичъ и другіе, находя необъяснимымъ существованіе этихъ словъ въ языкѣ Болгарскихъ Славянъ, видятъ въ нихъ одно изъ доказательствъ противъ мнѣнія о переводѣ Священнаго Писанія на этотъ языкъ⁴¹). Но они упускаютъ изъ виду приведенныя выше историческія свѣдѣтельства о столкновеніи Болгарскихъ Славянъ съ довольно значительною Нѣмецкою стихіею. Кромѣ того, имъ осталось неизвѣстнымъ, что и по нынѣ въ Болгарскомъ нарѣчій употребляется много Нѣмецкихъ словъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ этому столкновенію. На примѣръ: друсамъ (succusso, quasso), раздрусанъ (conquassatus), Гот. drus (ruina). (Шафарикъ производилъ Гот. drus отъ слова трѣсъ (terrae motus), но нужно замѣтить, что въ Болгарскомъ языкѣ подлѣ друсамъ употребляется и трѣсѣ, такъ что если даже и принять производство Шафарика, то и тогда не исключается возможность заимствованія Болгар. друсамъ отъ Гот. drus). Болгар. сетѣ (serius), сетнина (consecutio), Гот. seithu, seiths (serum, sero); Болг. сакамъ (cupio, quaero), Гот. sokjan; Болг. и Серб. махала (regio urbis), Гот. mahal (forum, concio);

⁴⁰) Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы производить Славянск. мѣзда отъ Греч. μίσθος чрезъ посредство Готскаго языка, едва ли не основательнѣе считать его общимъ Индо-Европейскимъ языкамъ словомъ. Сравн. Древне Бактр. mīzda (возмездіе), Персидск. mīzd, mīzd. Шерцль, „Сравнительная грамматика Славянскихъ языковъ“. Харьковъ, 1871, стр. 197, 212.

⁴¹) Указывая на эти слова, Копитаръ спрашиваетъ: „Unde enim tuo Bulgaro-Serbo, Macedoni talia, sive materia, sive sono germanicissima?“ См. „Glagol. Clozian.“ IX. Сравн. Миклошича, „Ученіе о звукахъ Древне-Славянскаго языка“, перев. Д. Лавренка. Кіевъ, 1865, стр. III; также „Die slavisch. Elemente im Magyarischen,“ Wien, 1871, S. 3. О Копитаровомъ мнѣніи сличите сказанное О. М. Бодянскимъ, въ его сочиненіи „О времени происхожденія Славянскихъ письменъ“ М. 1855, стр. 213—247. А что о Копитарѣ сказано, то идетъ и къ Миклошичу и другимъ, имъ подобнымъ, вполне и безотговорочно.

Болг. хубавъ, сл. Нѣм. hübsch; Болг. фара, Лонгоб. fara (gens); Болг. варда, Серб. вардати (стеречь), Гот. vardia (стражъ), и пр. и пр.

Было замѣчено уже, что, по распаденіи Гуннской Державы значительныя толпы Гунновъ, подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ изъ сыновей Аттилы, искали убѣжища на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ и водворились: Ернакъ, съ своимъ отрядомъ, въ Малой Скиѣи, Емнедзаръ и Узиндуръ въ прибрежной Дакии, Уто и Искальмъ гдѣ-то еще южнѣе. По всему вѣроятію и Авары оставили кое-какія поселенія на полуостровѣ: Багрянородный свидѣтельствуешь, что еще въ X в. въ Далматіи между тамошними Славянами находились остатки Аваровъ, отличавшихся отъ Харватовъ своимъ языкомъ и правами⁴²⁾. Такимъ образомъ съ VI и VII вв. население Балканскаго полуострова, кромѣ исчисленныхъ племенъ Индо-Европейской семьи, заключало въ себѣ и представителей Уральскаго колѣнія, отъ языка которыхъ, естественно предполагать, также перешли къ Славянамъ нѣкоторыя слова. Это обстоятельство, какъ намъ кажется, упущено изъ виду Шафарикомъ, который, находя въ языкѣ Южныхъ Славянъ нѣсколько Чудскихъ словъ, приводитъ ихъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, что Славяне эти выселились на полуостровъ изъ сѣверо-восточныхъ странъ, сопредѣльныхъ съ Чудскимъ міромъ⁴³⁾. Еще опрометчивѣе поступаетъ въ этомъ случаѣ Рёслеръ, который, на основаніи нѣсколькихъ яко бы Чудскихъ словъ, встрѣчающихся въ Румунскомъ языкѣ и объясняемыхъ имъ нарѣчіемъ Юраковъ и Остяковъ, приходитъ къ заключенію, что Болгаре, отъ которыхъ будто бы Румуны только и могли заимствовать эти слова, были Самоѣдское племя или, по крайней мѣрѣ, родичи Самоѣдовъ⁴⁴⁾. Но прежде, чѣмъ дѣлать такой выводъ, на основаніи этихъ словъ, требуется доказать, что они дѣйствительно заимствованы Румунами отъ Болгаръ, а не унаслѣдованы ими отъ названныхъ Чудскихъ поселеній на нижнемъ Дунаѣ.

Этотъ обзоръ разноплеменныхъ стихій, съ которыми Славяне, во время своего расселенія по областямъ Балканскаго полуострова, сталкивались тутъ, очень убѣдительно доказываетъ,

⁴²⁾ Καὶ εἰς τὴν ἀκρὴν ἐν Χρῶατις ἐκ τοῦς τῶν Ἀβάρων καὶ γυνώσκονται Ἀβάρεις ὄντες. „De Administr. imper“. 30.

⁴³⁾ „Слав. Древн.“ II, кн. 1, стр. 389; Рачки. „Nacrt jugoslav. pov“. 259.

⁴⁴⁾ „Romän. Stud“. 253 – 259.

что они вездѣ находили довольно густое населеніе, состоявшее или изъ древнѣйшихъ обитателей этого края, Орако-Илировъ и Романовъ, или изъ новыхъ переселенцевъ Германскаго и Чудскаго происхожденія, перселенцевъ, оспаривавшихъ у Славянъ наслѣдіе упадающей Имперіи. Среди этого разноплеменнаго люда Славяне должны были приписывать себѣ жилища. Естественнo предположить, что, независимо отъ счетовъ, которые они должны были сводить съ военными силами Имперіи, имъ приходилось на каждомъ шагѣ считаться и съ этимъ разноплеменнымъ населеніемъ, которому не недоставало ни въ средствахъ защиты, ни въ мужествѣ. При такомъ ходѣ водворенія Славянъ на полуостровѣ требовалось весьма продолжительное время для того, чтобы Славянская стихія достигла тутъ тѣхъ громаднѣхъ размѣровъ, того преобладающаго положенія, въ какомъ она является около половины VII вѣка. Періодъ времени въ 50, или во 100, лѣтъ слишкомъ короткій срокъ для такого дѣла. Изъ приведенныхъ въ нашемъ обзорѣ данныхъ особенно замѣчательно для насъ то обстоятельство, что Славяне застали тутъ и значительные остатки Древне-Оракійскаго населенія, застали ихъ именно въ такихъ странахъ, на которыя, какъ было уже замѣчено, Римское владычество обрушилось всею тяжестью своего давленія и въ которыхъ, въ слѣдствіе этого, ороманеніе пошло съ особеннымъ успѣхомъ. Если дѣло его (ороманенія) ко времени появленія Славянъ въ этихъ краяхъ было сдѣлано на половину только, то это объясняется единственно слишкомъ раннимъ проникновеніемъ послѣднихъ сюда. Тутъ мы имѣемъ новое подтвержденіе нашему выводу, что начало заселенія полуострова Славянами переходитъ далеко за предѣлы VI-го и даже V-го вѣка, заходитъ въ глубь III-го, или къ концу II-го.

Мы уже коснулись мнѣнія Шафарика о первобытныхъ жилищахъ, занимающихъ насъ, Славянъ. По словамъ его, за исключеніемъ Сербо-Хорватовъ, вышедшихъ изъ Надтатранскаго края, все остальное Славянство, поселившееся въ Мизіи, Оракіи, Македоніи, Албаніи, Тессаліи, Елладѣ и Пелопонисѣ, вышло изъ сѣверо-восточныхъ земель Древне-Русскихъ Славянъ, лежащихъ на озерѣ Ильменѣ, рѣкахъ Двинѣ, Днѣстрѣ, Окѣ и т. д.⁴⁵⁾. Совершенно противоположный взглядъ на этотъ

⁴⁵⁾ „Слав. Древн.“ II, кн. I, 387.

предметъ былъ высказанъ Конитаромъ. По его мнѣнію, все обширное пространство, простирающееся отъ Аквилей и источниковъ Дравы и Муры до Чернаго моря на востокъ и до Солуны на югъ, было занято однимъ Славянскимъ племенемъ, которое приходомъ Сербо-Хорватовъ въ VII в. было разорвано на двѣ части, изъ которыхъ въ послѣдствіи возникли два отдѣльныхъ племени: Словинское и Болгарское⁴⁶). Какъ то, такъ и другое, изъ названныхъ мнѣній существуютъ и понынѣ, раздѣляя взглядъ ученыхъ на занимающій насъ здѣсь вопросъ на два противоположныхъ стана. Уже это одно достаточно колеблетъ прочность сихъ мнѣній, несостоятельность которыхъ, намъ кажется, не трудно усмотрѣть. Укажемъ прежде всего на, изложенныя въ предыдущей главѣ, историческія свидѣтельства, довольно явственно говорящія, что Славянскіе переселенцы прибывали сюда не только съ сѣверо-востока, изъ нынѣшней Румуніи и Россіи, но и съ сѣверо-запада, изъ-за Савы и средняго Дуная, изъ странъ, доставшихся въ удѣлъ Паннонскимъ Славянамъ, предкамъ Словинцевъ. Изъ этой послѣдней страны, по словамъ Прокопія, выходили Славянскія дружины, разорявшія въ 529, 546, 548 и 552 годахъ области Имперіи. Оттуда вышли и тѣ Славянскія полчища, которыя въ 600 г., по свидѣтельству Папы Григорія, наводили ужасъ на всю Далматію. Но самое блистательное опроверженіе этихъ мнѣній мы находимъ въ языкѣ Южныхъ Славянъ, представляющемъ удивительную пестроту и разнообразіе звуковыхъ особенностей. Мы уже имѣли случай указать на такія особенности въ области Сербо-Хорватскаго нарѣчія. Болгарское нарѣчіе въ этомъ отношеніи еще любопытнѣе. Тутъ разнообразіе это такъ разительно, что самое поверхностное наблюденіе легко можетъ открыть въ немъ точки соприкосновенія съ отличительными чертами самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга Славянскихъ нарѣчій.

Звукъ *а* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перезвукующивается въ *ѣ*, какъ въ нарѣчіяхъ Западной отрасли: *чекамъ*, *ѣсли*, *ѣнице*, *слаземъ*, *ѣневденъ*⁴⁷). Сравни Чешск. *čekati*, *jesle*, *Jene* и пр.

Неударяемое *о* переходитъ: а) въ *ѣ*: *котѣри*, *небѣ* (ср. Чешск. *který*, *nebe*); б) въ *ѣ*, какъ у Нижнекраинскихъ Словинцевъ: *вѣда*, *гѣламѣ*, *млогѣ*⁴⁸), и пр.

⁴⁶) „Glagolita Cloz.“ Prolegomena, p. XXX; Миклошича, „Slavische Biblioth.“ I, 60.

⁴⁷) Такъ называется у Болгаръ день Ивана Купала.

⁴⁸) „Періодическ. списаніе на Болгар. кн. дружество.“ Браила, кн. 2, стр. 106.

Ѣ звучитъ: а) какъ **ѐ**: **хлѣв**, **вѣра**; б) какъ въ Польскомъ, **па**: **хлѣбѣ**, **вѣра**; в) переходитъ въ **и**, какъ въ Малорусск., Сербскомъ (въ Далматин и Славонин) и отчасти въ Чешскомъ: **тисте**, **гниздо**.

Ж звучитъ: а) какъ Англійское **и** въ словахъ: **ugly**, **but**; б) какъ **ам**, **ан**; **бандам**, **банда**; в) какъ въ Словинскомъ **о**: **вода**, **рока**, **мока**, **коща**⁴⁹⁾; г) какъ въ Сербскомъ, Русскомъ и Чешскомъ **ѡ**: **рѡка**, **междѡ**, **нѡжда**, **понѡда**.

Л переходитъ: а) въ **ѐ**, какъ въ Сербо-Хорватскомъ, Словинскомъ и Чешскомъ: **лѣтъ**, **времѣ**; б) въ **па**, какъ въ Русскомъ: **пѣтъ**, **са**; в) въ **а**, какъ въ Словацкомъ: **ла**, **та**, **са**; г) смѣшивается съ глухимъ произношеніемъ **ж-са**: **мж**, **тж**, **сж**⁵⁰⁾.

Ъ произносится: а) какъ Англійское **і** въ словахъ: **bird**, **birth**; б) какъ въ Сербскомъ **а**: **сѣбирам**, **ватѣкъ** (**утокъ**), **вак**, **сас**, **санѣкам** и пр.⁵¹⁾; в) какъ въ Русскомъ **о**: **полн**, **наполнювам**, **Болгарин**, **Горци**, **солзѣ**⁵²⁾ (въ послѣднихъ двухъ словахъ **ѣ** = **о** заступаетъ мѣсто **ѣ**, съ которымъ онъ весьма часто смѣшивается); г) переходитъ, подобно **о**, въ **ѐ**: **четемѣ**, **несемѣ**, **знаемѣ**, **сме** (сравн. Чешск. **neseme**, **zname**, **jsme**); д) смѣшивается съ глухимъ произношеніемъ **ж-са**.

Губныя смягчаются съ помощію **л**, какъ въ нарѣчіяхъ Восточной вѣтви, и безъ онаго, какъ въ Западныхъ нарѣчіяхъ. Послѣдній способъ смягченія губныхъ, безъ **л**, едва ли не пользуется и большимъ распространеніемъ между Болгарами:

Зубная **д** смягчается: а) въ **жд**: **рожден**, **дохождах**; б) непосредственно, какъ въ Словацкомъ: **родѣн**, **доходѣх**; в) въ **зд**, въ Шуменскомъ округѣ: **чѡзди**.

т смягчается: а) въ **шт**: **штѣж** (**хѡштѣж**); б) въ **ч**, какъ въ Русскомъ и Словинскомъ: **чѣ** (**хочетѣ**)⁵³⁾; в) въ **к**, какъ въ Сербскомъ: **кю**, **киѣш**⁵⁴⁾.

И это разнообразіе встрѣчается не только въ современномъ Болгарскомъ языкѣ, чтобъ можно было считать его произведеніемъ историческаго развитія этого языка; напротивъ,

⁴⁹⁾ Верковича, „Описаніе быта Македонскихъ Болгаръ;“ Миклошича, „Die Sprache der Bulgaren im Siebenbürgen.“

⁵⁰⁾ Чолакова, „Български народн. сборникъ,“ стр. 106, 109.

⁵¹⁾ Періодич. списаніе,“ кн. 2, стр. 23.

⁵²⁾ Сравн. Дювернуа, „Система основныхъ элементовъ и формъ Славян. нар.“ стр. 55.

⁵³⁾ Захаріева, „Опис. на Т.-Паз.“ 56; Верковича, „Пѣсни Мак. Болг. 306.

⁵⁴⁾ Чолакова, „Българ. народ. сборн.“ 98.

⁵⁵⁾ Захаріева, „Описан. на Тат.-Пазардж.“ стр. 54.

оно восходитъ къ глубокой древности и очень явственно сказывается еще въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ чисто Болгарскаго происхожденія, каковы: „Хилендарскіе листы,“ Григоровича, „Охридскій Апостолъ,“ „Македонскій листокъ“ (XI вѣка), „Болоньская псалтырь“ (XII вѣка), „Паремейникъ,“ Григоровича и пр. и пр. Г. Срезневскій, указывая на разнообразныя звуковыя особенности какъ этихъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, однородныхъ съ ними, памятниковъ, особенности, называемыя имъ „отклоненіями отъ чистаго Славянскаго языка,“ весьма основательно видитъ въ нихъ указанія на нѣсколько различныхъ нарѣчій⁵⁵⁾. Существованіе этихъ „указаній“ и въ нынѣшнемъ Болгарскомъ языкѣ устраняетъ всякій поводъ къ попыткамъ объяснить появленіе ихъ въ названныхъ памятникахъ книжнымъ вліяніемъ другихъ Славянскихъ нарѣчій на Древне-Болгарскую письменность⁵⁶⁾. Всего естественнѣе предполагать, что они были заносимы въ эту письменность разными писцами и писателями Болгарскими, сознательно, или безсознательно, испещрявшими письменный языкъ особенностями разныхъ мѣстныхъ говоровъ. Эти столь разительныя язычныя данныя, въ связи съ упомянутыми историческими свидѣтельствами, съ достаточною силою показываютъ, что Славяне, переселившіеся на Балканскій полуостровъ, вопреки мнѣніямъ Шафарика и Копитара (изъ коихъ первый считалъ ихъ родичами Русскихъ Славянъ, второй же выдавалъ ихъ за братьевъ Словинцамъ), принадлежали къ разнымъ Славянскимъ племенамъ, какъ Восточной, такъ и Западной, вѣтви. Другими словами, въ занимающемъ насъ ославяненіи полуострова принимали участіе разныя Славянскія племена, въ разныя времена высланныя, въ области распадавшейся Имперіи, излишки своего населенія.

Начавшись уже въ то время, когда Имперія была еще довольно могущественна, съ конца II-го столѣтія, водвореніе Славянъ въ предѣлахъ ея сначала шло до нѣкоторой степени тихо и мирно. Съ согласія Правительства, иногда даже по его настоянію, переходили сюда Славянскіе переселенцы и занимали отводимыя имъ для жилищъ земли. Тутъ они постепенно привыкали къ дѣйствующимъ въ Имперіи порядкамъ, стано-

⁵⁵⁾ „Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма.“ Спб. 1868, 149—167.

⁵⁶⁾ Будиловича, „Изслѣдованіе языка Древне-Славян. перевода XIII Слово Григорія Богослова.“ Спб., 1871, стр. 23 и 143.

вились гражданами ея, служили ей, какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ, поприщѣ, давали ей Императоровъ, Юстина Юстиніана, и отличныхъ полководцевъ: Анегискловъ, Оногостовъ, Доброгостовъ, Всегордовъ, Сваруновъ, Велизаріевъ, Татирировъ и проч. Но по мѣрѣ изнеможенія Имперіи, и водвореніе Славянъ въ областяхъ ея измѣнялось, пока не приняло наконецъ завоевательную окраску. Временемъ этого перелома въ ходѣ дѣла слѣдуетъ считать послѣднюю четверть V-го вѣка. Съ этой поры начинаются бурныя вторженія воинственныхъ Славянскихъ дружинъ, истреблявшихъ власть Имперіи на полуостровѣ и завосывавшихъ себѣ привольныя жилища въ ея областяхъ. Этотъ способъ заселенія Балканскаго полуострова Славянами проходитъ и черезъ весь VI вѣкъ. Шафарикъ, ошибочно отнесшій начало этого дѣла къ концу V вѣка, невѣрно судилъ и объ его ходѣ, который, по словамъ его, отличался тихимъ и мирнымъ свойствомъ⁵⁷⁾. Это мнѣніе не подтверждается никакими данными и основано на одностороннемъ взглядѣ на свойство Славянъ, которые, какъ народъ земледѣльческій по преимуществу, будто должны были держать себя какъ можно дальше отъ военного шума. Противъ этого взгляда говорятъ всѣ имѣющіяся свидѣтельства объ отношеніяхъ Славянъ къ Имперіи и ихъ поведеніи въ областяхъ ея за все это время. Припомнимъ хотя бы вопль Марцелина по поводу Славянскихъ войнъ, въ концѣ V вѣка, разсказъ Прокопія о поведеніи Славянъ въ областяхъ, куда они проникали, и объ ужасѣ, который полчища ихъ наводили на Имперскія войска, свидѣтельства Іоанна Ефесскаго и Солунскаго историка о военномъ искусствѣ и необыкновенной удали Славянъ, водворившихся уже въ областяхъ Имперіи. Укажемъ и на трепетъ, объявшій приморскіе города Далматіи при приближеніи къ нимъ Славянской грозы, на опасность, которая постоянно грозила мореплавателямъ на водахъ Адріатическаго, Іоническаго, Егейскаго и Мраморнаго морей съ стороны Славянъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Всѣ эти свидѣтельства о воинственной удали Славянъ, перешедшихъ на полуостровъ, находятъ себѣ полнѣйшее подтвержденіе въ языкѣ ихъ, въ которомъ, какъ было уже замѣчено, племенные названія древнѣйшихъ обитателей этого края

⁵⁷⁾ „Слав. Древн.“ II, кн. 2, 255.

получили значеніе „подданнаго, раба.“ Занимая области Имперіи съ оружіемъ въ рукахъ, эти позднѣйшіе Славянскіе переселенцы не имѣли никакой надобности подчиняться власти ея, подобно Славянамъ, переселившимся до половины V вѣка. Они устраивались въ завоеванныхъ ими областяхъ на всей своей волѣ, по обычаю своей старины. Такимъ образомъ около половины VII вѣка Славяне, обитавшіе уже на полуостровѣ, въ политическомъ отношеніи дѣлились на двѣ части: одни находились подъ властію Византіи и раздѣляли участь ея подданныхъ, другіе же, большинство, пользовались полною независимостью⁵⁸). Последніе, въ силу сохранившагося неприкосновеннымъ у нихъ роднаго обычая, подѣлились на множество отдѣльныхъ колѣнъ, соединенныхъ не столько общимъ происхожденіемъ, сколько общимъ сожительствомъ. Въ этомъ удостовѣряетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что большая часть извѣстныхъ намъ здѣшнихъ Славянскихъ колѣнъ называлась, какъ увидимъ ниже, по мѣсту своего жительства, а не по имени какого ни будь родоначальника. Во главѣ колѣнъ стояли Князья, Жупаны и Воеводы. Греческое сказаніе о чудесахъ Святаго Димитрія называетъ Князя (ῥήγας) Ренхиновъ, Первунда⁵⁹); въ Болгарскомъ Житіи этого Святаго, извѣстномъ намъ по рукописи прошлаго столѣтія, говорится о Славянскомъ Кнезѣ⁶⁰), осаждавшемъ Солунь. По свидѣтельству Патріарха Никифора, въ 768 г. Императоръ Константинъ выкупалъ у Славянскихъ Князей (τοὺς Σκλαβηγῶν ἄρχοντας) Христіанъ плѣнниковъ, захваченныхъ Славянскими четами на островахъ: Имбросѣ, Тенедосѣ и Самоѳракіи⁶¹). Въ 799 году Аѳиняне, желая помочь Принцамъ Исаврскаго дома, сосланнымъ въ ихъ городъ Ириною, похитившею у нихъ Византійскій престолъ, обратились къ Акамиру, Князю Славянскаго племени Велзитовъ, обитавшихъ въ Θεσσαλίи, побуждая его принять участіе въ судьбѣ сосланныхъ и возвести одного изъ нихъ на Императорскій престолъ⁶²). Припомнимъ еще и свидѣтельство Багрянороднаго о Князьяхъ и Жупанахъ (ἄρχοντες καὶ ζούπανοι),

⁵⁸) Οὐχ ἑτέρω ἡδέως πείθεσθαι ἠθέλον, ἀλλὰ τρόπον τινὰ ἑαυτοῖς. κρείττον γάρ ἡγοῦντο ἀπὸ τοῦ ἄρχοντος τῆς αὐτῶν φυλῆς φθειρεσθαι ἢ τῆς Ῥωμαϊκῆς δουλεύειν καὶ ὑποκλίνεσθαι νόμοις. Левъ Мудрый, у Шафарика, XIII прилож. къ „Славян. Древн.“

⁵⁹) „Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1848, VI, 31.

⁶⁰) Периодич. списаніе кн. 2.

⁶¹) Stritt. II, 82.

⁶²) Тамъ же, 83.

которые стояли во главѣ Славянскихъ колѣнъ, обитавшихъ въ сѣверо-западномъ углу полуострова⁶³).

За недостаткомъ историческихъ данныхъ, нѣтъ возможности съ точностію опредѣлить взаимныя отношенія сихъ колѣнъ; можемъ, однако, съ достовѣрностію утверждать, что они, то были дружны между собою и соединялись для общихъ предпріятій, какъ показываетъ союзъ Дреговичей, Сагудатовъ, Белегзитовъ, Веунитовъ, Березитовъ и другихъ, противъ Солуны въ 676 г.⁶⁴), то ссорились, воевали другъ съ другомъ, при чемъ не брезгали союзомъ съ Византійцами противъ своей собратіи. Въ 685—687 г. Стримонцы, Рунхины и Сагудаты, держали въ осадѣ Солунь, Белегзиты же были въ дружбѣ съ Солунянами и доставляли имъ сѣстные припасы⁶⁵). Какъ мы замѣтили уже, въ 687 г. Юстиніанъ Ринотметъ предпринималъ походъ въ землю Славянъ, въ которой успѣлъ проникнуть даже до Солуны. Лѣтописецъ рассказываетъ, что во время этого похода многіе Славяне добровольно переходили на сторону Императора, что они дѣлали едва ли изъ страха передъ военными силами Византіи; намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ предположеніе, что ими руководила тутъ вражда къ тѣмъ соплеменникамъ, противъ которыхъ силы эти были направлены. Судя по этимъ указаніямъ и по наведенію съ взаимными отношеніями прочихъ Славянскихъ племенъ, жившихъ при подобномъ же строѣ общественнаго быта, можно съ нѣкоторою вѣроятностію утверждать, что взаимные раздоры между отдѣльными Славянскими волостями на полуостровѣ были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. На этихъ-то раздорахъ Византія строила свои планы о постепенномъ подчиненіи себѣ всѣхъ, водворившихся въ древнихъ областяхъ ея, новыхъ обитателей. Быть можетъ, она бы и успѣла привести въ исполненіе эти планы, къ осуществленію которыхъ еще въ 657 году небезуспѣшно, какъ кажется, приступилъ Константинъ II, если бы Славяне слишкомъ долго оставались при своемъ волостномъ управленіи. По счастію, однако, они заблаговременно были выведены изъ узкихъ рамокъ этого общественнаго быта, представлявшаго слабое обезпеченіе для ихъ самостоятельнаго историческаго развитія. По разсказу Византійцевъ, весьма, впро-

⁶³) Тамъ же, 89.

⁶⁴) „Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1848, VI, 19, 24.

⁶⁵) Тамъ же, стр. 31, 32, 35.

чемъ, баснословному, замѣтимъ, въ 678 г. на полуостровъ, большая часть котораго называлась уже „Славеніею,“ приходитъ изъ-за Дуная воинственная дружина, носившая названіе Болгарь. Предводитель ея, Аспарухъ, немедленно положилъ въ Мизіи основаніе Государству, соединивъ подъ свою власть, обитавшія тамъ, семь Славянскихъ племенъ. Предѣлы этого Государства быстро раздвигаются на югъ и на западъ, такъ что въ IX вѣкѣ оно простиралось уже отъ устья Дуная до воротъ Солуня, включая въ своихъ предѣлахъ большую часть Славянскихъ колѣнъ на полуостровѣ. Объединившись въ одно политическое цѣлое, колѣна эти, мало помалу, забываютъ свою племенную рознь, сливаются въ одинъ народъ. Свои прежнія частныя названія всѣ они промѣняли на одно общее названіе, названіе ихъ объединителей, „Болгарь.“ Современнo съ Болгарами Аспаруха, на полуостровѣ, а именно въ сѣверо-западномъ углу его, дѣйствуютъ въ этомъ же смыслѣ, двѣ другія дружины: Хорваты и Сербы, образовавшіе, изъ соединенія тамошнихъ Славянъ, два отдѣльные Государства, Хорватское и Сербское. Движеніями въ пользу этого переворота въ общественномъ бытѣ занимающихъ насъ Славянъ открывается новая пора въ исторіи ихъ. Событія этой поры, какъ слѣдовавшія за окончательнымъ размѣщеніемъ Славянъ на полуостровѣ, лежатъ уже внѣ предѣловъ задачи нашего изслѣдованія. Если мы позволили себѣ указать на существенное свойство ихъ, то это мы сдѣлали въ видахъ освѣщенія слѣдующаго землеписнаго обзора Славянскихъ колѣнъ, обитавшихъ на полуостровѣ около половины VII в. и вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ трехъ выше означенныхъ Государствъ, созданіе которыхъ началось около этого времени.

Мы начинаемъ съ обзора колѣнъ, размѣстившихся въ сѣверной половинѣ полуострова, той именно, которая простирается на сѣверъ отъ хребтовъ: Балканскаго, Витуши, Курбетской планины, Карадага и Шара.

Сѣверцы или Сѣверяне (Σεβέραις). По свидѣтельству Теофана, они обитали въ Малой Скиѣи (нынѣ Добручѣ), гдѣ, въ 678 г., были покорены дружиною Аспаруха, принудившею ихъ переселиться на югъ, къ Балканскому хребту, въ край, лежавшій къ востоку отъ Береговскаго ущелія (Beregaborum Clausura)⁶⁶). Подъ Берегавой Шафарикъ не безъ основанія

⁶⁶) Stritter., II, 74.

разумѣлъ какой ни будь горный проходъ въ самой восточной части Гема, вдоль Черноморскаго берега⁶⁷⁾. По мнѣнію Тунмана, этихъ-то Сѣверянъ слѣдуетъ разумѣть подъ Савріями (Sauriah), которые, по свидѣтельству Саидъ-ибнъ-Батрика, помогали, въ 622 г., Императору Ираклію противъ Персовъ⁶⁸⁾. Утвержденіе Шафарика, что подъ Сѣверами Теофана и, тождественными съ нимъ, Савріями Саидъ-ибнъ-Батрика, разумѣются Сабиры (Σαβίροι), народъ Уральскаго племени, по нашему разумѣнію, не выдерживаетъ никакой повѣрки. Историческими данными не возможно доказать переходъ этого Уральского народа, или, по крайней мѣрѣ, одной части его, изъ Прикавказскаго края, гдѣ онъ дѣлается извѣстнымъ въ теченіи VI в., въ Придунайскія страны. Догадка же, что въ Сербскомъ словѣ „Себрь“, означающемъ подданнаго, подчиненнаго (plebeius, rusticus), мы имѣемъ имя Сабировъ, поработенныхъ Болгарами, догадка эта, говоримъ, болѣе чѣмъ безосновна. Если происхожденіе этого слова было дѣйствительно таково, то оно должно бы было находиться прежде всего въ языкѣ Болгаръ, отъ которыхъ только и могли заимствовать его Сербы. А между тѣмъ намъ положительно извѣстно, что его нѣтъ въ языкѣ первыхъ, тогда какъ между Сербами оно было въ большомъ ходу въ средніе вѣка. да и до сихъ поръ продолжаетъ жить въ устахъ Далматинскихъ Сербовъ и Хорватовъ⁶⁹⁾.

Семь славянскихъ племенъ въ Нижней Мизіи. По свидѣтельству Теофана въ 678 г. въ Нижней Мизіи обитали семь Славянскихъ племенъ, которыя также, какъ и Сѣверяне, были покорены дружиною Аспаруха⁷⁰⁾. Къ сожалѣнію, имена этихъ семи племенъ остались неизвѣстными. Нельзя съ точностію опредѣлить и время расселенія ихъ въ этой странѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Теофанъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о нихъ изъ какого ни будь древнѣйшаго источника, не дошедшаго до насъ. Какъ было замѣчено уже, о семи Славянскихъ племенахъ въ Мизіи говорится и въ Землеописаніи Моисея Хоренскаго⁷¹⁾, умершаго въ 493 г. Землеописаніе Хоренскаго, которое, въ сущности, есть передѣлка не дошедшей

⁶⁷⁾ „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 265.

⁶⁸⁾ Тунманъ, „Untersuchungen.“ 108.

⁶⁹⁾ См. въ Словарѣ Миклошича подъ словомъ „Себрь.“

⁷⁰⁾ Stritter. II, 74.

⁷¹⁾ См. XIV-ое приложеніе къ „Славян. Древностямъ“, Шафарика.

до насъ Географіи извѣстнаго математика Паппа Александрійскаго, современника Θεодосія Великаго, потерпѣла значительныя искаженія со стороны позднѣйшихъ Армянскихъ переписчиковъ, позволявшихъ себѣ дѣлать въ ней разнаго рода вставки и прибавленія⁷²⁾. И трудно рѣшить, принадлежитъ ли свидѣтельство ея о Славянахъ перу самаго Моисея, или же оно есть позднѣйшая вставка какого ни будь переписчика. Шафарикъ принимаетъ послѣднее мнѣніе, утверждая, что вставка эта сдѣлана въ X вѣкѣ, около 900—950 г. Но въ X в. Мизійскіе Славяне не дѣлились уже на колѣна, а составляли одно цѣлое и назывались именемъ Болгаръ, именемъ, хорошо уже извѣстнымъ и Армянамъ, какъ и Византійцамъ. Достаточно припомнить, что еще въ 823 году Болгаре ходили на помощь Михаилу II противъ соперника его, Θомы, войско котораго состояло преимущественно изъ Армянъ; что Михаилъ-Борисъ, въ письмѣ своемъ къ Папѣ Николаю I, отъ 866 г., упоминаетъ объ Армянскихъ проповѣдникахъ въ Болгаріи; что, по свидѣтельству Петра Сиккулы, въ 866 г. Армяне отправляли проповѣдниковъ въ Болгарію⁷³⁾. При этихъ данныхъ трудно допустить, чтобы какой ни будь Армянскій писатель X вѣка сталъ пополнять Землеописаніе Хоренскаго извѣстіемъ, что въ Великой Θракіи (Мизіи) живетъ семь Славянскихъ племенъ. Если извѣстіе это считать позднѣйшею вставкою, то, безъ сомнѣнія, она гораздо древнѣе X-го вѣка. Намъ кажется, что мнѣніе, приписывающее это извѣстіе самому Хоренскому, не противорѣчило бы истинѣ: мы видѣли, что во второй половинѣ V-го вѣка, когда Хоренскій составлялъ свое Землеописаніе, на Балканскомъ полуостровѣ было уже много Славянскихъ поселеній.

Тимочане (Тімосіані). Лѣтописецъ Эйнгардъ повѣствуетъ, что въ 818 г., во время знаменитой борьбы Великаго Жупана Посавской Хорватіи, Людевита, съ Франками, Тимочане, отпавши отъ союза съ Болгарами, посылали къ Императору Людовику Благочестивому посоловъ съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство⁷⁴⁾. Исполненію этого плана помѣшалъ Люде-

⁷²⁾ Langlois, „Collection des Historiens anciens et modernes de l'Arménie.“ Paris, 1869, II, p. 48.

⁷³⁾ Рачкаго, „Bogomili i patarenii,“ въ „Rad jugoslav. akad.“ кн. VII, 98, 99.

⁷⁴⁾ „Legati Abotridorum ac Bornae, ducis Guduscanorum, et Timocianorum, qui nuper a Bulgarnm societate desciverant et ad nostros fines se contulerant.“ Einhard. „Annal.“ а. 818. Въ этомъ свидѣтельствѣ слово „Timocianorum“ есть опредѣлительное къ legati, а не къ ducis, какъ полагалъ Шафарикъ, пришедшій, такимъ образомъ, къ невѣрному заключенію, что Борна, Великій Жупанъ Далматинскихъ Хорватовъ, владѣлъ и Тимочанами.

вить, подговоривъ, вѣроятно, Тимочанъ перейти на его сторону⁷⁵). Изъ этого разсказа видно, что Тимочане жили гдѣ-то въ пограничныхъ краяхъ между Болгарскимъ Царствомъ, Посавской Хорватіей и Имперіей Франковъ, по всему вѣроятію, по теченію рѣки Тимока, древн. *Timachus*, отъ которой и получили свое названіе. Можетъ быть, и городъ Видинъ, Древне-Болгар. Бѣдинъ, лежалъ въ ихъ странѣ. Замѣчательно, что, по свидѣтельству Плинія, Тракійское колѣно, обитавшее въ древнѣйшія времена въ области этой рѣки, называлось, по имени ея, *Timachi*⁷⁶).

Мораване, въ Нижней или Болгарской Моравѣ: такъ назывался довольно обширный край, обнимающій область рѣки Моравы, состоящей изъ двухъ соименныхъ рѣкъ, Болгарской и Сербской Моравы. На западъ этотъ край простирается до Ибра, притока Сербской Моравы, и до Колубары, впадающей въ Саву. По свидѣтельству Баварскаго землеписца (IX-го), въ этой Нижней Моравѣ находились около 30 городовъ⁷⁷), изъ которыхъ болѣе извѣстные были: Нишъ, съ его округомъ Нишавой; Бѣлградъ, столица нынѣшняго Сербскаго Княжества⁷⁸); Звечанъ (*Σφρευζάνιον*), развалины котораго и до сихъ поръ существуютъ близъ нынѣшняго городка Митровицы на рѣкѣ Ибрѣ⁷⁹); Лицлянъ (*Λιπαίνιον*), по свидѣтельству Анны Комнины, лежавшій къ югу отъ Звечана, на разстояніи 12-ти Греческихъ стадій, нынѣ мѣстечко Липянь на Ситницѣ, не далеко отъ Вучитрна⁸⁰). Этихъ-то Мораванъ, по всему вѣроятію, а не жителей Верхней или Чешской Моравы, какъ полагаетъ Г. Гаркави, слѣдуетъ разумѣть подъ, упоминаемымъ у Аль-Масуда (X-го вѣка), Славянскимъ племенемъ Морава. Въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія то, что Аль-Масудъ ставитъ это племя между Сербами и Хорватами. Указавъ на „племя,

⁷⁵) Поль 819 г. Эйгардъ пишетъ: (*Liudowitus*) „*Timocianorum populum, qui dimissa Bulgarorum societate. ad imperatorem venire ac ditioni ejus se permittere gestiebat, ne hoc efficeret, intercept.*“ См. у Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. I, стр. 344.

⁷⁶) Форбигеръ, „*Handbuch der alten Geographie.*“ III, 1090.

⁷⁷) „*Est populus, quem vocant Marchanos, ipsi habent civitates XXX.*“ См. XIX прилож. къ „Слав. Древн.“ Шафарика.

⁷⁸) Что Бѣлградъ первоначально не принадлежалъ Сербамъ, на это имѣется множество историческихъ, весьма убѣдительныхъ, свидѣтельствъ. См. у Голубинскаго, „Исторія Православн. Церквей,“ и пр., стр. 214, 215.

⁷⁹) См. въ „Запискахъ Географическ. Общества.“ XIII, стр. 295.

⁸⁰) Голубинскаго, „Краткій очеркъ исторіи Православныхъ Церквей,“ стр. 71; Шафарика, „Слав. Древности,“ II, кн. I, 428, прим. 3.

называемое Сарбинъ," онъ прибавляетъ: „за тѣмъ идетъ племя, именуемое Морава, за тѣмъ племя, называемое Хорваты“⁸¹⁾. Далѣе онъ повторяетъ, что Морава живетъ на берегахъ рѣки Балавы, гдѣ „обитали Болгаре, когда они приняли Христіанскую Вѣру.“ А подѣ Балавой, которая, по замѣчанію Аль-Масуда, течетъ въ Понтъ (Черное море) и имѣетъ три мили въ ширину, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣется Дунай. Въ IX-мъ вѣкѣ эта Нижняя Морава имѣла уже своего особеннаго Архіепископа, или Митрополита, который участвовалъ на Соборѣ, составленномъ Фотіемъ въ 879 (Ἀρχιεπίσκοπος Μοραβίων). Шафарикъ помѣщалъ въ этой Моравіи и упоминаемыя у Эйнгарда два Славянскія племена, пославшія, вмѣстѣ съ Тимочанами, пословъ къ Людовику Благочестивому, въ 818 г., а именно: Оботридовъ или Преденецентовъ (Abotridi, qui vulgo Praedenecenti vocantur) и Гудускановъ (Guduskanos). Подѣ первыми онъ разумѣлъ Браничевцевъ и отводилъ имъ въ жилище Браничевскій край, лежавшій по теченію рѣки Млавы, у устья которой находился городъ Браничево, подѣ Гудусканами же—Кучанъ, которыхъ помѣщалъ на востокъ отъ первыхъ, въ области Кучево. Такъ назывался небольшой край около погорья Кучая. Не говоря уже о слишкомъ явной этимологической натяжкѣ, съ которою Преденцы производятся въ Браничевцевъ, а Гудусканы въ Кучанъ, это мнѣніе опровергается прямыми историческими свидѣтельствами. Тотъ же Эйнгардъ замѣчаетъ, что Преденеценты обитали „въ прилегавшей къ Дунаю Дакіи“⁸²⁾. А что подѣ Дакіею онъ разумѣетъ сѣверную Дакію, это, между прочимъ, доказывается изъ другого мѣста его лѣтописи, гдѣ Преденеценты названы непосредственными сосѣдями Сѣверныхъ Мораванъ⁸³⁾. Что касается Гудусканъ, то замѣчаніе Эйнгарда, что вождемъ ихъ былъ Борна, Великій Жупанъ Далматской Хорватіи, предупреждаетъ всякую попытку къ сближенію ихъ названія съ названіемъ „Кучай Планины," и на этомъ основаніи отыскивать ихъ жилища въ странѣ, лежащей къ востоку отъ рѣки

⁸¹⁾ Гаркави, „Сказанія Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ," стр. 136.

⁸²⁾ „Et contermini Bulgaris Daciam Danubio adjacentem incolunt.“ Einhard. an. 824.

⁸³⁾ „Orientalium Sclavorum, id est, Abotridorum, Soraborum, Wiltzorum, Boheimorum, Marvanorum, Praedenecentorum et in Pannonia residentium Avarum legationes.“ An. 822. Сравни. Бюдингера, „Oester. Geschichte," 178.

Млавы, на которую власть Борны никогда не простиралась, да и не могла простираться. Всего вѣроятнѣе, что подъ Гудусканами Эйнгарда разумѣются жители Гуцки (Гутζηκᾱ), Хорватской жупы въ Далматіи, нынѣшнее Гацко поле, съ рѣками Гацкой и Гаштицей, соединяющимися близъ города Оточца.

Сербы. На западъ отъ Мораванъ помѣстились Сербы⁸⁴), отличавшіеся особенно воинственнымъ духомъ. „Это Славянское племя, говоритъ Аль-Масудъ, грозно своимъ противникамъ по причинамъ, упоминаніе коихъ было бы пространно, и по отсутствію у нихъ закона, которому они бы повиновались“⁸⁵). На западъ, по свидѣтельству Багрянороднаго, Сербія простиралась до Динарскихъ планинъ, за которыми лежали Неретва, Захлумье и Дукля, и до р. Дрины, отдѣлявшей ее отъ Босны. На сѣверъ она плотно примыкала къ Савѣ. Что касается южныхъ границъ ея, то о нихъ мы не имѣемъ такихъ же обстоятельныхъ извѣстій. Но, принимая въ соображеніе слова Багрянороднаго и Анны Комнины, называющихъ Расу, нынѣшній Нови-Пазаръ, и Звечанъ, пограничными городами Сербіи⁸⁶, можно, съ нѣкоторою достовѣрностію, утверждать, что граница эта шла по западному берегу р. Ибра до города Митровицы, далѣе по Мокрой горѣ и по р. Лиму, до впаденія его въ Дрину⁸⁷). Таковы были, приблизительно, границы Сербской области, въ которой водворилась первоначально храбрая дружина Сербовъ, которой суждено было подчинить себѣ постепенно всѣ сосѣднія Славянскія племена, соединить ихъ подъ своей властью въ одно политическое тѣло, въ одинъ народъ, получившій отъ нея свое имя. Въ выше означенныхъ предѣлахъ первоначальной Сербской области нужно искать упоминаемые Багрянороднымъ Сербскіе города⁸⁸): Дестиниконъ (Δεστινίκον), Чернабуча (Τζερναβουτχεῦ) Мегюречь (Με-

⁸⁴) Мнѣніе Г. Рачкаго („Odlomci iz državnoga prava Hrvatsk.“ 19), что Сербы еще изначала простирались на востокъ до р. Млавы, весьма ошибочно. Извѣстно, что вся область этой рѣчки составляла часть земли Мораванъ, простиравшихся далеко на западъ черезъ область рѣки Моравы. Въ опредѣленіи первоначальной восточной границы Сербскаго племени болѣе другихъ изслѣдователей приблизился къ истинѣ Гильфердингъ, по мнѣнію котораго граница эта шла по р. Ибру и Колубарѣ. См. „Собраніе сочиненій“, I, стр. 18.

⁸⁵) Гаркави, „Сказанія Мусульман.“ 136.

⁸⁶) Stritt. II, 155, 170.

⁸⁷) Сравни. Шафарика, Слав. Древн.“ II, кн. 1, 426, и Майкова, „Исторія Сербскаго языка“, 202.

⁸⁸) „De administr. imper., c. 32.

γυρέτους), Дресненъ (Δρεσνέηκ), Лешникъ (Λεσνήκ) и Солина (Σαληές)⁸⁹). Послѣдній, впрочемъ, по весьма основательному изслѣдованію Шафарика, всего вѣроятнѣе, есть нынѣшній Солина (по Турецки Тузла), лежащій на западъ отъ Дрины, въ восточномъ краю Босніи, который, должно быть, во времена Багрянороднаго принадлежалъ уже Сербамъ.

Къ западу отъ Сербовъ помѣщались нѣсколько Славянскихъ колѣнъ, съ теченіемъ времени вошедшихъ въ составъ Сербскаго племени, но первоначально не принадлежавшихъ къ нему, какъ обыкновенно думали и продолжаютъ думать многіе изслѣдователи, утверждающіе, что эти колѣна издревле были вѣтвями Сербскаго племени. Колѣна эти были:

Босняки. Они занимали область Босну (Χωρίον Βόσωνα), лежащую по теченію рѣки того же имени, и простирались къ западу до горъ, служащихъ водораздѣломъ между этой рѣкой и Врѣбасомъ. Багрянородный называетъ въ Босніи два города⁹⁰): Катера и Десникъ: Катера (Κάτερα), нынѣ Которско, а прежде Которица, на рѣкѣ Боснѣ; Десникъ же (Δεσνήκ), по мнѣнію Шафарика, нынѣ Дешанъ или Тешанъ.

Захлумыне (Заχλούμωι), къ юго-западу отъ Босны, до окрестности Дубровника. На сѣверо-западъ жилища ихъ простирались до р. Неретвы. Въ области Захлумянъ (которую Константинъ называетъ ἡ ἀρχοντία τῶν Заχλούμων)⁹¹) находились города: Стагнонъ (Σταγνόν) нын. Стонъ; Мокрискиъ (Μοκρισκήκ); Иосли (Ιοσλή), нынѣ Осле, слобода, на востокъ отъ Стона, въ Герцеговинѣ; Галумайникъ (Γαλούμαήνηκ); Добрискиъ (Δοβρισκήκ), нынѣ Добаръ, близъ ключа Вукостака, на юго-востокъ отъ Любиня. Кромѣ этихъ городовъ, по словамъ Константана, тутъ находились еще два: Бона и Хлумъ (τὸ Βόνα καὶ τὸ Χλούμ), стоявшіе на горѣ (Χλούμων, Сер. Хумъ, Холмъ), отъ которой вся эта страна называлась Захлуміемъ. Но какую изъ тамошнихъ горъ разумѣетъ Константинъ, намъ не извѣстно; равнымъ образомъ не извѣстно, гдѣ слѣдуетъ искать г. г. Бона и Хлумъ. По словамъ безыменнаго Дуклянца, Захлумье, которое онъ называетъ Подгорьемъ, дѣлилось, около конца X-го вѣка, на 10 жупъ.

⁸⁹) О положеніи этихъ городовъ см. у Шафарика, тамъ же, стр. 429—431.

⁹⁰) „De administr. imper.“ с. 32.

⁹¹) Тамъ же, с. 33.

Травуняне и Конавляне (Τραβουνιάται, Καναλίται) сидѣли на югѣ отъ Захлумянъ, простираясь отъ Дубровника до Котора (Λεκάτεραν), въ Поморьѣ; на востокѣ область ихъ касалась собственной Сербіи, на югѣ—Дукли. Въ этой области находились города: Тервунія (Τερβουνία) нынѣшн. Требине; Рисена (Ρίσηνα), Рисанъ, въ Которскомъ заливѣ, Ὀρμος, Λουκάβε, Ζετλήβη (Зета?).⁹²⁾

Дукляне (Διοκλητιανοί) занимали область Діоклеи (ἡ Διοκλήας Χώρα), простиравшейся по побережью, на югѣ отъ Котора, черезъ Баръ (Ἀντίβαριν), Олеунъ или Улцинъ (Ἐλκύνιον, Итал. Dulcigno), Лѣшъ (Ἐλισσόν), къ Драчу (Δυρράχιον, Итал. Durazzo). Нагорная же страна этой области, по Константину, упиралась въ Сербію. Въ Діоклеи, Дуклѣ, были города: Дукля (τὸ Δόκλα), при впаденіи Зеты въ Морачу, нын. Подгорица; Градете (Γραδέται), нын. Градаты, выше Скадра; Новградъ (Νουγράδε); Лонто (Λόντο), нын. Линда, на сѣверо-востокѣ отъ Скадра⁹³⁾.

Неречане или Погане (Ἀρεντανοί, Παγανοί), между Неретвой и Цетиной (Ζεντίνα)⁹⁴⁾. Въ странѣ ихъ находились три жуны: Расточа (Ραστώτζα), Мокръ (Μοκρόν) и Даленъ (Δαλὲν), изъ коихъ первыя двѣ находились на морѣ, послѣняя же отстояла далеко отъ моря. Расточа лежала въ окрестностяхъ озера Растока, къ югу отъ Вергорца. Отъ этого озера она и получила свое названіе. Жуна Мокръ находилась на сѣверѣ отъ Расточи, въ окрестностяхъ города Макарска, нѣкогда Мокро. Наконецъ жуна Даленъ есть знаменитая равнина Дѣлменъ, Дѣлмно, по нынѣшнему произношенію Думно, Дувно, древняя область Dalminium съ городомъ того же имени; отъ нея получили названіе свое Даматія и народъ Далматы. Нереченамъ принадлежали и острова: Корчула, Млитъ, Брачъ и Хваръ или Лесина⁹⁵⁾.

Хорваты. На сѣверѣ отъ Неречанъ простирались жилища Далматинскихъ Хорватовъ, границы которыхъ Шафарикъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „На востокѣ рѣка Върбасъ и Погорье, идущее отъ вершинъ ея по самое Имотское озеро къ устью Цетины; на западѣ Далматскіе города

⁹²⁾ Тамъ же, с. 34.

⁹³⁾ Тамъ же, с. 35.

⁹⁴⁾ Тамъ же, с. 30.

⁹⁵⁾ См. у Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, стр. 338—440.

Сплить, Трогиръ, Задаръ и Адриатическое море; на сѣверѣ черта, проведенная отъ Сеня (Сень) черезъ Слуинъ, ко впадению Упы въ Саву, а далѣе рѣка Сава⁹⁶). Надъ этой послѣдней чертой простирались жилища Паннонскихъ Хорватовъ, поселившихся между Савой, Дравой и въ окрестностяхъ Кулпы (нынѣ Кушы).

Какъ было замѣчено уже, Босняковъ, Захлумянъ, Травунянъ съ Конавлянами, Дуклянъ и Неречанъ, обыкновенно считаютъ вѣтвями Сербскаго племени, издревле принадлежавшими къ нему. Миѣніе это основывается, главнымъ образомъ, на сказаніи Константина Багрянороднаго, что съ дозволенія Императора Ираклія, Сербы поселились въ Сербіи, Поганіи (Неретвѣ), Тервуніи и Конавлѣ⁹⁷). Въ поясненіе этого показанія, или скорѣе какъ выводъ изъ него, Константинъ, въ другомъ мѣстѣ, утверждаетъ, что Захлумяне, Травуняне и Неречане, суть тѣ же Сербы, происшедшіе отъ Сербовъ⁹⁸). Мы уже имѣли случай указать на несостоятельность нѣкоторыхъ подробностей этого сказанія, а именно: на историческую невѣрность обладанія этихъ странъ Аварами, на мнимый договоръ Сербовъ съ Иракліемъ и пр. Прибавимъ къ этому, что въ этомъ же самомъ сочиненіи Багрянородный, какъ бы опровергая самого себя, ризматриваетъ помянутыя колѣна, какъ совершенно самостоятельныя, отдѣльныя отъ Сербовъ. Въ 30-й главѣ, послѣ повѣствованія о расселеніи Хорватовъ въ принадлежащей имъ странѣ, онъ переходитъ къ исчисленію другихъ Славянскихъ племенъ, обитавшихъ на югъ отъ Хорватовъ. Онъ называетъ тутъ: Дуклянъ, Травунянъ, Захлумянъ, Поганъ или Неречанъ, съ обозначеніемъ границъ каждаго изъ нихъ. О Сербіи, которою заканчиваетъ этотъ краткій перечень, онъ замѣчаетъ только, что она лежитъ на челѣ прочихъ четырехъ областей, примыкая на сѣверъ къ Хорватіи, а на югъ къ Болгаріи.

Вообще, вникая въ смыслъ сказанія Константина объ этихъ Славянскихъ областяхъ, нельзя не замѣтить, что онъ знакомитъ насъ съ ихъ положеніемъ и взаимными ихъ отношеніями на столько, на сколько то и другое было ему извѣстно изъ современной ему дѣйствительности. Что же касается отношеній ихъ въ древнѣйшія времена, то извѣстія

⁹⁶) Тамъ же, кн. 2, стр. 31.

⁹⁷) „De administr. imper.“ с. 32.

⁹⁸) Ibid. с. с. 33, 34, 35, 36.

его объ этомъ предметѣ не имѣютъ въ основѣ своей какихъ ни будь положительныхъ данныхъ и явственно обличаютъ въ себѣ домыслъ и соображенія, опирающіеся на весьма шаткія основанія и двигающіеся по тѣмъ же своеобразнымъ логическимъ приѣмамъ, образчики которыхъ мы уже имѣли случай представить читателю. Вотъ по чему мы не можемъ не отдать полной справедливости слѣдующимъ словамъ Рачкаго, въ которыхъ, по нашему разумѣнію, весьма удачно схвачана причина, породившая, несообразное съ истиною, сказаніе Константина, что край между Цетиной и Бояной былъ заселенъ Сербами. „Узнавши, замѣчаетъ Рачкій, что южная часть Далматіи, нѣкогда, или въ его время, находилась подъ верховною властію Сербскихъ Великихъ Жупановъ, онъ (Константинъ) заключилъ изъ этого, что населеніе этого края было Сербскаго происхожденія“⁹⁹). Но, поправляя ошибку изслѣдователей, безъ всякой критики принимавшихъ свидѣтельство Константина, что занимающія насъ области были первоначально заселены Сербами, Рачкій впадаетъ въ другую ошибку, усиливаясь доказать, что Славянское населеніе сихъ областей есть „кость отъ костей Хорватскаго народа“¹⁰⁰). Мы не находимъ между доказательствами его ни одного, хоть сколько ни будь подтверждающаго такое положеніе, которое, такимъ образомъ, остается чистою натяжкой. Намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ предположеніе, что Неречане, Захлумыне, Тервуняне, Дукляне, равно какъ и Босняки, не были ни Сербами, ни Хорватами; что они обитали уже въ Далматіи задолго до прихода туда этихъ двухъ Славянскихъ дружинъ, которыя, подчинивъ ихъ своей власти, дали имъ свои племенные названія. Кромѣ указанныхъ нами, въ концѣ предыдущей главы историческихъ свидѣтельствъ и данныхъ изъ области Сербо-Хорватскаго языка, въ пользу этого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что многіе средне-вѣковые письменные памятники не смѣшиваютъ жителей занимающихъ насъ областей ни съ Сербами, ни съ Хорватами, называя ихъ, въ отличіе отъ нихъ, „Славянами, Далматинцами“, или же ихъ частными племенными названіями¹⁰¹).

⁹⁹) „Odlomci iz državnoга prava Hrvatskoga.“ U Beču. 1861, str. 13.

¹⁰⁰) Тамъ же, 14—19.

¹⁰¹) Сплѣтская грамота X-го вѣка, у Кукулевича, „Monumenta“. I, 8—11. Сравните Богишича, „Pisani zakoni na Slavensk. jugu“. Zagreb, 1872, str. 127, 128. Іоаннъ Венеціанскій, у Пертца, „Monum. Germaniae, Scriptor.“ IX, 23. Папа Іоаннъ X, въ посланіи къ Томиславу Королю Хорватовъ и Михаилу, Князю Захлумынъ, у Фарлати III, 95, и пр.

Возвращаясь къ географическому обзору Славянскихъ поселеній въ прочихъ частяхъ полуострова, мы, къ сожалѣнію, должны пройти молчаніемъ довольно обширный край, включавшій въ себѣ всю древнюю Пеонію, горную Македонію и южную половину Дарданіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ разсматриваемую нами пору эта страна принадлежала Славянамъ; это подтверждаютъ многочисленныя мѣстныя названія, яственно Славянскаго происхожденія, встрѣчающіяся намъ въ этой странѣ еще съ VI в. по Р. Х. Тамъ обитали семейства, давшія Имперіи, въ VI вѣкѣ двухъ Императоровъ: Юстина и Юстиніана. Въ IX в., когда свѣточъ исторіи снова озарилъ эту страну, мы находимъ въ ней исключительно Славянское населеніе. Тутъ находилась область Брѣгальница, съ которой Святой Кирилль, по свидѣтельству одного изъ его Житій, началъ свою Евангельскую проповѣдь между Славянами¹⁰²⁾; тамъ же находилась и Кутмицивица, ознаменованная просвѣтительною дѣятельностію Святаго Климента¹⁰³⁾. Въ X в. уже существовали тамъ знаменитыя Славянскія Епископства: Моравиздское съ городами: Моравиздомъ, Козякомъ, Славищемъ, Злетовой, Луковицей, Піяницей, Молешовой; и Вельбуждское съ Вельбуждемъ, Сутѣскомъ, Теремиромъ, Разлогой и пр.¹⁰⁴⁾ Надъ всѣми этими чисто Славянскими областями, въ разсматриваемую пору, висѣлъ непроницаемый историческій мракъ, весьма понятный при истребленіи въ нихъ древней Греко-Римской гражданственности и при отдаленности ихъ отъ прибрежій, на которыхъ еще свѣтился кой-гдѣ лучъ этой гражданственности. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о тамошнихъ Славянахъ, не знаемъ даже ихъ племенныхъ, или мѣстныхъ, названій. За то о братьяхъ ихъ, размѣстившихся въ Македоніи, особенно въ южной, въ Ѳессаліи и отчасти въ Эпирѣ, мы имѣемъ весьма обстоятельныя извѣстія, благодаря близости и отношеніямъ ихъ къ, сохранившимся въ этихъ краяхъ, остаткамъ Византійской власти.

¹⁰²⁾ „Празднованіе тысячелѣтней памяти Святаго Кирилла“. Прага, 1869 стр. 32.

¹⁰³⁾ Шафарика, „Развѣтъ Славянской письменности“, въ „Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древн. Росс.“, 1848, кн. III, Отд. 3, стр. 45, 46; Гильфедринга, „Собраніе сочиненій“, I. стр. 83.

¹⁰⁴⁾ Грамота Василя II отъ 1019 г., у Голубинскаго, „Краткій очеркъ Исторіи Правосл. Церквей“, 259. Изъ этой грамоты видно, что городъ Моравиздъ лежалъ гдѣ-то въ области р. Брѣгальницы, а не въ странѣ Мораванъ, какъ думалъ Шафарикъ, отождествляя этотъ древній городъ съ нынѣшнимъ Гѣль-Ханомъ, находящимся близъ истоковъ Бишчъ-Моравы.

Въ Житіи Святаго Димитрія Солунскаго мы находимъ драгоценныя извѣстія объ этихъ Славянскихъ поселенцахъ, распавшихся около половины VII в. на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ Житіе называетъ: Драговичей, Сагудатовъ, Белегезитовъ, Веунитовъ, Берзитовъ, Ринхиновъ, Стримонцевъ, прибавляя, что кромѣ этихъ, тамъ обитали еще и другія Славянскія племена¹⁰⁵). Последнее замѣчаніе подтверждается другими источниками, изъ которыхъ мы узнаемъ названіе еще одного Славянскаго племени, а именно: Смолянъ. Житіе повѣствуетъ о неоднократной осадѣ Солуня со стороны этихъ Славянъ, подробно описываетъ ихъ осадныя работы и орудія, изъ чего видно, что еще въ VII вѣкѣ эти сосѣди и враги Солуня обладали всеми тайными осаднаго искусства. Оно говоритъ о существованіи у нихъ многочисленныхъ судовъ, на которыхъ они пускались въ даль, въ открытое море; о занятіи ихъ землепашествомъ, произведеніями котораго они вели торговлю съ Солунемъ; о мирныхъ договорахъ между послѣднимъ и Князьями Славянскими, равно какъ и о пріѣздѣ послѣднихъ, по дѣламъ ли политическимъ, или частнымъ, въ Солунь, и пребываніи ихъ въ немъ. Все это не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что около половины VII вѣка здѣшніе Славяне отличались прочною осѣдlostію, что, въ свою очередь ведетъ къ заключенію, что еще задолго до этого времени совершилось ихъ расселеніе въ этомъ краю. Утвержденіе, что племена эти потѣснились въ сѣи края изъ Мизіи слѣдствіе вторженія туда Аспаруховой дружины въ 678 г., которой они не хотѣли покориться¹⁰⁶), не имѣетъ подѣ собою прочныхъ основъ и окончательно опровергается указанными извѣстіями объ этихъ Славянахъ. Обозримъ жилища cadaго изъ упомянутыхъ племенъ, на сколько это позволяютъ намъ имѣющіяся о нихъ историческія свидѣтельства.

Бързаци или Бърсяцы. Житіе Святаго Димитрія повѣствуетъ, что Славянское племя Берзиты (*Βερζῆται*) принимало участіе въ осадѣ Солуня, предпринятой Македонскими Славянами въ 676 г. По разсказу Теофана, въ 774 г. Болгарскій Государь Церигъ, собирався послать въ Берзитію (*Βερ-*

¹⁰⁵) Филарета, Архіепископа Черниговскаго, „Святой Великомученикъ Димитрій и Солунскіе Славяне“, въ „Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ“, 1848, кн. VI, стр. 19, 31, 32.

¹⁰⁶) Гильфердинга, „Собраніе сочиненій“, I, 24.

ζητία) двѣнадцать тысячъ войска, съ боярами, чтобы захватить тамъ народъ и переселить его въ Болгарію¹⁰⁷). Шафарикъ ошибочно примѣняетъ къ этимъ Берзитамъ свидѣтельство Теофана объ обращеніи Аѳинянъ къ Акамиру, Князю Белзитовъ (τῆς Βελζιτίας ἄρχων), съ просьбой возвратить престолъ Принцамъ Исаврскаго Дома, отнятый у нихъ Ириною, сославшею ихъ въ Аѳины¹⁰⁸). Подъ Белзитами Теофана разумѣется особенное Славянское племя, обитавшее, какъ увидимъ, въ Тессалии и отдѣленное большимъ пространствомъ отъ Берзитовъ. Мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній о мѣстопробываніи послѣднихъ; изъ выше приведенныхъ свидѣтельствъ о нихъ слѣдуетъ только то, что они обитали въ Македоніи. Между колѣнами или родами, на которые распадается нынѣ Болгарское населеніе верхней Македоніи, мы находимъ колѣно, именуемое Бързацы, занимающіе, по словамъ Верковича, округи: Прилѣпа, Велеса, Битоли и Тыквеша¹⁰⁹). И по всему вѣроятію, подъ Берзитами выше помянутыхъ Греческихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ разумѣть этихъ Бързаковъ.

Струменци. Къ Востоку отъ Бързаковъ или Берзитовъ, по р. Струмицѣ, впадающей въ Струму, равно какъ въ одной части области послѣдней, обитали Стримонци¹¹⁰). По свидѣтельству Солунскаго сказанія, они, въ союзѣ съ Ринхинами и Сагудатами, въ теченіе двухъ лѣтъ (685—687) опустошили окрестности Солуня, который во все это время держали въ осадѣ. Въ 689 г. Стримонцы, вмѣстѣ съ Сагудатами, грабили на водахъ Геллеспонта корабли, плывшіе въ Константинополь съ хлѣбомъ, проникали въ Мраморное море, доходили и до самаго Константинопольскаго порта¹¹¹). Багрянородный рассказываетъ, будто Императоръ Юстиніанъ Ринотметъ водворилъ въ Струмицкой области Славянъ, размѣстивъ ихъ по горамъ и горнымъ ущеліямъ ея¹¹²). Мы не на-

¹⁰⁷) Strit, II, 591.

¹⁰⁸) Слав. Древ.“ II, кн. 2, 319, 365.

¹⁰⁹) „Описаніе быта Македонскихъ Болгаръ,“ въ „Извѣстіяхъ Московск. Университета“, 1868, № 3. Профессоръ Григоровичъ называетъ ихъ Борсяки, Бърсяци, замѣчая, что они обитаютъ между Охридой и Битодемъ. „Путеш. по Европ. Турціи“, стр. 195.

¹¹⁰) Шафарикъ, „Výklad pomístn. jmen Bulharskich.“ въ „Sobr. Spis“. III, 76. Помянутая грамота Василія II отъ 1019 упоминаетъ объ Епископствѣ Струмицкомъ, въ которомъ, кромѣ города Струмицы, находились еще два города: Радювичъ (Ράδοβιστον), и по нынѣ существующій, я Конча (Κονέτζην). См. у Голубинскаго, „Краткій очеркъ исторіи Правосл. Церквей“, стр. 62, 259.

¹¹¹) У Филарета, Архіепископа Черниговскаго, стр. 35.

¹¹²) Stritt. II. p.

ходимъ подтвержденія этому извѣстію у древнѣйшихъ лѣтописцевъ. Теофанъ говоритъ о походѣ этого Императора, въ 687 г. противъ Славянъ, обитавшихъ въ окрестностяхъ Солуны, и о плѣненіи имъ многихъ изъ нихъ, но о проникновеніи его въ глубь Македоніи, гдѣ находилась область Стримонцевъ, и о какихъ бы то ни было распоряженіяхъ его въ ней, онъ не упоминаетъ ничего. Солунское Сказаніе, которое также упоминаетъ объ этомъ походѣ Юстиніана Ринотмета, замѣчаетъ только, что при приближеніи Императорскаго войска, Стримонци заняли всѣ ущелія, ведшія въ ихъ землю, и пригласили на помощь разныхъ Славянскихъ Князей¹¹³). Если бы Императоръ одолѣлъ ихъ и проникъ въ ихъ землю, то названное Солунское Сказаніе не преминуло бы упомянуть и объ этомъ. Наконецъ непонятно, по чему Византійскій Императоръ сталъ бы размѣщать по столь важнымъ въ стратигическомъ отношеніи, горамъ и горнымъ проходамъ заклѣтыхъ враговъ Имперіи. Прибавимъ ко всему этому и то, что еще задолго до упомянутого похода Струмицкая область была обитаема уже Славянами, Струминцами, и мы поймемъ всю несостоятельность выше упомянутого сказанія Багрянороднаго. Всего вѣрнѣе, что и въ этомъ сказаніи мы имѣемъ неудачный домысль, на которые такъ щедръ вѣнценосный лѣтописецъ.

Смоляне. Никита Хоніатъ упоминаетъ, подъ 1199 г., объ области Смолянъ (τὸ θῆμα τῶν Σμολένων), замѣчая, что она весьма недоступна и имѣетъ много городовъ и крѣпостей¹¹⁴). Подъ 1200 г. онъ вторично называетъ Смолянъ, повѣствуя о возмущеніи Правителя ихъ, Спиридонака¹¹⁵). Въ спискѣ Епископскихъ кафедръ, составленномъ Лекъеномъ, на основаніи доствѣрнѣйшихъ источниковъ, мы находимъ и Епископство Смолянское, которое зависѣло отъ Митрополита Филиппъ Македонскихъ¹¹⁶). По всему вѣроятію, область Смолянъ лежала по нижнему теченію рѣки Мести (Нестось), включая въ себя и нынѣшнюю Драмскую Епархію, которая, за исключеніемъ 10 Греческихъ селеній, и теперь еще заселена Славянами¹¹⁷). Въ этой-то Смолянской области жилъ, около конца XI вѣка, пу-

¹¹³) Πασαν τὴν βαρβάρων διαφόρων ῥηγῶν βοήθειαν, Vita S. Demetrii, с. 190.

¹¹⁴) Strit. III, 702.

¹¹⁵) Ibid. 705.

¹¹⁶) „Oriens Chist.“ vol. p. 1.

¹¹⁷) „Читалище“, 1871, № 6, стр. 269.

стынникъ Филиппъ, составитель Діонтри, а не въ Русскомъ Смоленскѣ, какъ ошибочно думалъ Калайдовичъ¹¹⁸).

Ринхины Ρυγχίνοι). На юго-западъ отъ Смолянъ, по берегу Орфанскаго залива, обитали Ринхины, часто упоминаемые въ Житіи Святаго Димитрія и славившіеся своимъ мореплаваніемъ, еще около половины VII вѣка. Существуютъ разныя мнѣнія о значеніи ихъ имени. Тафель указываетъ, на городъ Рентину, лежавшій на берегу соименнаго ему залива, у Святой Горы, и составлявшій средоточіе особенной Епархіи¹¹⁹; Гильфердингъ полагаетъ, что имя ихъ звучало по Славянски Раждане, отъ Древне-Болгарск. радъ¹²⁰); Шафарикъ указываетъ на Русское слово ручей, которое въ Древне-Болгарскомъ выговаривается ржчій, откуда будто произошло Ржченны или Речаны, какъ, по мнѣнію Шафарика, звучало Славянское названіе Ринхиновъ¹²¹). Въ области Ринхиновъ протекаетъ рѣка, идущая изъ озера Болбе въ Стримонскій заливъ, именовавшаяся Рихіемъ (Ρήχιος). Это та самая рѣка, у устья которой, какъ было замѣчено уже¹²²), Юстиніанъ воздвигъ укрѣпленія для защиты плодоносной равнины, орошаемой этой рѣкою. Всего вѣроятнѣе, что отъ этой-то рѣки Ринхини получили свое названіе, подобно тому, какъ Стримонци отъ Струмици (Στρυμών), Тимочане отъ Тимока (Timachus), Неречане отъ Неретвы и пр. Въ настоящее время весьма незначительная часть области Ринхиновъ занята Славянами, въ большей же части ея живутъ Греки, но географическія названія ея не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что нѣкогда преобладало тутъ Славянское населеніе. Главный городъ восточной области полуострова Халкидики носитъ названіе Низворо (отъ слова изворъ=ключъ, а не отъ извара=Schlaske, какъ полагалъ Фальмерайеръ). Въ этой области находятся: Холомонъ (Холмъ), Равана, и Раваникія (Равна, Равнище), Ларегово и пр. Изъ грамоты Импе-

¹¹⁸) Исправляя эту ошибку Калайдовича, Горскій и Новоструевъ („Описание рукописей Синодал. Библіотеки“) впадаютъ въ новую ошибку, утверждая, что Славянскій переводъ Діонтры сдѣланъ въ Россіи. Противъ такого заключенія явственно говоритъ изобиліе Болгаризмовъ въ Русскихъ спискахъ Діонтры. Года два тому назадъ намъ удалось видѣть въ Болгаріи, у Русскаго Вицеконсула въ Филиппополѣ, Г. Герова, Болгарскій списокъ этой книги. Сличеніе его съ Русскими списками насъ убѣдило, что Діонтра принесена въ Росію изъ Болгаріи.

¹¹⁹) „Thessallonica“ 68.

¹²⁰) „Собрание сочиненій“, I, 25.

¹²¹) Výslad pomístn. jmen Bulh.“ 77.

¹²²) См. выше, въ гл. III.

ратора Романа II, отъ 960 г., мы узнаемъ, что въ городѣ Іеросѣ, лежащемъ на самомъ перешейкѣ Аѳонскаго полуострова, жили Славяне Болгаре¹²³). Изъ этого города былъ и извѣстный Попъ Георгій, Глаголическая подпись котораго на памятникѣ отъ 982 г., до сихъ поръ остается древнѣйшимъ памятникомъ Глаголицы¹²⁴). Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что еще въ XVI столѣтіи на полуостровѣ Халкидикѣ былъ въ употребленіи Славянскій языкъ¹²⁵). Халкидскій Грекъ, Аѳанасій Стагирскій, допуская существованіе въ Халкидикѣ Славянскихъ поселеній, замѣчаетъ, что Славяне эти огречились главнымъ образомъ по настоянію Греческой Церкви¹²⁶).

Сагудаты. Они встрѣчаются намъ въ окрестностяхъ Солуня еще въ 676 г., когда, вмѣстѣ съ прочими Славянами, осаждали этотъ городъ. Каменіята, писавшій въ 905 г., говорить слѣдующее о жилищахъ Сагудатовъ: „На западъ (отъ Солуня) идетъ равнина, пока достигаетъ другихъ холмовъ, гдѣ лежитъ городъ, называемый Верреею По срѣдинѣ этой равнины разбросаны селенія, изъ которыхъ нѣкоторыя, гранича съ городомъ, остаются на договорѣ съ нимъ и носятъ на себѣ имена какихъ-то Драговичей и Сагудатовъ“¹²⁷). Изъ этого описанія видно, что жилища Сагудатовъ были разсѣяны по Солунскому полю и доходили почти до стѣнъ Солуня. Въ 904 г. они, вмѣстѣ съ прочими Славянами, помогали Солунянамъ защищать свой городъ противъ Сарацынъ¹²⁸). Весьма правдоподобенъ домыслъ Шафарика, что, упоминаемая Константиномъ Багрянороднымъ, Славянская область Субделитія есть одно и то же съ Сугудатіей. Но мы не находимъ возможнымъ признать такимъ же другой домыслъ его, по которому Семиградскіе Секлы (Saculi, Seculi Угорскихъ лѣтописцевъ) суть омадьярившіеся потомки Славянскихъ Сагудатовъ, или вѣтвь ихъ. Г. Хвольсонъ дѣлаетъ предположеніе, впрочемъ, на весьма шаткихъ основаніяхъ, что Секлы тождественны съ Эсегелями, которые, по свидѣтельству Ибнъ-

¹²³) „Slawische Bibliothek“, I, 148.

¹²⁴) Тамъ же, 149; Шафарика „Památky Hlaholského písemnictví. V Praze, 1853“, str. VII; Журн. Чар. Просв. 1847, VII стр. 41, 56.

¹²⁵) См. Фальмерайса, „Fragmente aus dem Oriente“, II, 159—172.

¹²⁶) Ἀναγκασμένοι μάλιστα ὑπὸ τῆς Ἐκκλησίας καὶ τῶν ἐκεῖ ἐθνῶν. Ἠπειροτικά. Ἐν Βένῳ, 1819.

¹²⁷) Stritt. II, 94, 95.

¹²⁸) Каменіята у Стрит. II, 94—98.

Дасты, составляли одинъ изъ отдѣловъ, на которые дѣлились Болгаре¹²⁹⁾.

Драговичи или Другувичи. По свидѣтельству Солунскаго Сказанія, въ 778 г. Драговичи должны были доставлять содержаніе на все Славянское войско, осаждавшее тогда Солунь. Въ этомъ Сказаніи они названы сосѣднимъ Солуню племенемъ, что подтверждается и выше приведеннымъ свидѣтельствомъ Каменіяты. Между Епископствами, входившими въ составъ Солунской Епархіи, древніе списки Епископскихъ каѳедръ называютъ и Драговицкое Епископство (ἡ Δραγουβιτίων), поставляя его между Веррейскимъ и Сербскимъ¹³⁰⁾. Сосѣднею Верреи названа Драговитія и въ договорѣ Крестоносцевъ о раздѣлѣ Византійской Имперіи въ 1204 г.¹³¹⁾. Эти указанія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Драговичи занимали западную половину Солунскаго поля, восточная часть котораго, слѣдовательно, принадлежала ихъ непосредственнымъ сосѣдямъ, Сагудатамъ. Названіе Драговичей встрѣчалось и у Русскихъ Славянъ (Дреговичи между Припетыю и Двиною) и въ Германіи, судя по названію селенія Dragaviz, Drogavizi, но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что эти соименныя племена, раздѣленные другъ отъ друга столь великимъ пространствомъ, были вѣтвями одного, раздробившагося и разсѣявшагося, племени, какъ утверждаетъ Шафарикъ, производящій на этомъ основаніи Солунскихъ Драговичей отъ Русскихъ Дреговичей. Въ древней исторіи Славянъ, во время процвѣтанія у нихъ племеннаго быта, мы находимъ много соименныхъ племенъ очень отдаленныхъ другъ отъ друга географически. Такъ, на пр., Бодричи Сѣверные, въ Мекленбургѣ, и Бодричи Южные, въ нынѣшней нижней Угріи; Смольняне Полабскіе, въ Княжествѣ Лауенбургскомъ, Смоляне Македонскіе и Смоленское Княжество въ Россіи; Древляне Русскіе и Древляне въ бывшемъ Ганноверскомъ Королевствѣ; Милчане Полабскіе, въ Верхнихъ Лужицахъ, Милчане Молдавскіе и Милчане Пелопонискіе; Моравцы въ нынѣшней Моравіи, и Моравцы по Болгарской Моравѣ; Сербы въ Сербіи и Лужицкіе Сербы въ Лужицахъ; Хор-

¹²⁹⁾ „Ибнъ-Даста,“ стр. 22, 95, 98.

¹³⁰⁾ Le Quien, „Oriens Christ“. II, p. 94.

¹³¹⁾ Provincia Berrhoe cum cartularatis tam de Dragabitia, quam de Sclavitzia“. Тафель, „Symbolarum criticarum geographiam Byzantinam spectantium, р. II. pag. 55.

ваты въ Хорватіи и два Хорватскія колѣна въ Чехіи и т. д. Но изслѣдователь впалъ бы въ большую ошибку, если бы, на основаніи сходства названій этихъ племенъ, сталъ дѣлать заключенія о ближайшемъ сродствѣ ихъ. Извѣстно, на примѣръ, что Южные Сербы составляютъ совершенно особенное племя отъ Сербовъ Лужицкихъ, не принадлежащихъ даже къ одной съ ними Славянской вѣтви. То же самое можно сказать и объ Южныхъ Моравцахъ относительно Сѣверныхъ. Сходство названій этихъ племенъ, стало быть, есть случайное, обусловливаемое общимъ происхожденіемъ, единствомъ языка и свойственнымъ всѣмъ племенамъ обычаемъ называться по мѣсту жительства, свойствамъ мѣстности, „гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ“, по имени родоначальниковъ и вождей. Названіе Солунскихъ Драговичей, по всему вѣроятію, произошло отъ имени родоначальника, или, что, по нашему мнѣнію, еще вѣроятнѣе, какого ни будь вождя. Имя Драго, Драганъ, Драгуль (послѣднее есть Драго съ Румунскимъ членомъ), весьма распространено у Болгаръ и Сербовъ. У Полабскихъ Славянъ, именно у Лютичей, былъ Князь по имени Драговитъ¹³²), извѣстный изъ войны Полабскаго Славянства съ Карломъ Великимъ. Таково происхожденіе названія Солунскихъ Драговичей, тогда какъ Русскіе Дреговичи, по всему вѣроятію, получили свое имя, какъ было уже замѣчено, отъ Западно-Русскаго слова дрегва, дрягва, по Литовски *kirba* (топь, трясина)¹³³).

Драговичи Θρακίικіе. Кромѣ Солунскихъ Драговичей, на Балканскомъ полуостровѣ были и другіе Драговичи въ сѣверо-западномъ углу Θρακίи, образуемомъ отъ соединенія Родопскаго хребта съ отрогами Балканскихъ горъ. Память о нихъ живетъ и до сихъ поръ въ титулѣ Филиппопольскихъ Митрополитовъ (Екзархъ Θρακίи Драговитѣйскіа), который былъ въ употребленіи еще во время Кодина¹³⁴). Въ этой мѣстности находится нынѣ рѣчка Драговица, (Δραγοβίτης), соединяющаяся, близъ двухъ Кричимскихъ монастырей, съ рѣкою Карловой, впадающей въ Марицу, ниже Татаръ-Пазарджика¹³⁵). Были ли эти Θρακίικіе Драговичи въ какомъ ни будь сродствѣ съ Со-

¹³²) Einh. Annal. apud Pertz I, „Annal. Lauriss.“ 6, „Annal Fuld.“ 16. Это имя звучитъ „Dragawit, Dragowit, Draoscio, Tragovit, Tranvit.“

¹³³) См. выше, стр. 29.

¹³⁴) ‘Ο δὲ Φιλιππουπόλεως Δαμιανός, γράφας ἡμῖν ἔγραψεν ἑαυτὸν ὑπερτιμον καὶ ἑξάρχον πάσης Εὐρώπης καὶ Δραγοβιντίας. Codin. p. 407.

¹³⁵) Шафарикъ, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 363.

лунскими Драговичами, трудно опредѣлить. Равнымъ образомъ нельзя сказать, эту ли, Θρακίϊскую, или Южную, Македонскую, Драговитію Рейнаръ Сакони называетъ колыбелью Богомилской ереси¹³⁶).

Мы не находимъ никакихъ извѣстій, о другихъ какихъ либо Славянскихъ колѣнахъ въ собственной Θρακίϊ, хотя и имѣемъ всѣ данныя утверждать, что и этотъ край до стѣнъ почти Константинополя, около половины VII вѣка, былъ переполненъ Славянскими поселеніями. По свидѣтельству Прокопія, еще въ первой половинѣ VI вѣка, въ окрестностяхъ Платинополя обитали уже варвары, противъ которыхъ Юстиніанъ на-шелъ нужнымъ укрѣпить этотъ городъ. Слѣдующія данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ этими варварами разумѣются Славяне. Римскіе Дорожники IV в. упоминаютъ во Θρακίϊ города: Водица (Voedizum), Черна (Zernae), Остудица (Ostudizus) и пр., названія которыхъ, какъ было замѣчено уже, обличаютъ въ себѣ Славянское происхождение. Еще въ VIII вѣкѣ вся сѣверная Θρακίϊ называлась „Загорьемъ“ и уже первые Болгарскіе Государи, владѣтели Мизійскихъ Славянъ, какъ извѣстно, изъясняли на нее свои притязанія. Изъ этихъ Θρακίϊскихъ Славянъ происходилъ и Императоръ Василій Македонянинъ, Славянское происхождение котораго засвидѣтельствовано Византійцемъ Генезіемъ, современникомъ его¹³⁷), и нѣсколькими Арабскими писателями¹³⁸). Его прозвали „Македоняниномъ“, не по тому, что родился въ Македоніи, какъ обыкновенно думаютъ, что, между прочими, полагалъ и Шафарикъ, производившій его отъ Македонскихъ Славянъ¹³⁹). По словамъ Манассіиной лѣтописи, Василій происходилъ изъ незначительнаго селенія, лежавшаго близъ Адрианополя¹⁴⁰). То же самое подтверждаетъ и Георгій монахъ,

¹³⁶) Рачкаго, „Bogomili i Patareni“, въ „Rad Jugoslav. Akad.“ 104 и слѣд.

¹³⁷) Повѣствуя объ единоборствѣ Василія съ Болгарскимъ великаномъ, Генезій замѣчаетъ, что онъ поборолъ этого великана ловкимъ движеніемъ, именуемымъ на родномъ языкѣ Василія „подрѣзомъ“ *ταχίστη κινήματι καὶ τῇ κατὰ πόδρεζαν προσπλοκῇ*, ὡς ὁ ἐυχώριος λόγος. Genes. ed. Bonn. 110.

¹³⁸) Аль-Масуди, Ель-Масинъ и Аль-Исфгани. Послѣдній, писавшій въ 961 г., говоритъ: „за тѣмъ (послѣ Императора Михаила, сына Теофилова) царство перешло изъ этого дома (Константина Великаго) въ руки Славянъ. Первый же, принявшій царство, былъ Басиль Славянинъ.“ Гаркави, 134, 211 и 212. Сравн. и прим. Рейскѣ къ книгѣ Константина Багрянороднаго: „De Ceremon. Aulae Byzantinae“, ed. Bonn. 451.

¹³⁹) „Слав. Древн.“ II, кн. 2, 254.

¹⁴⁰) Κώμης μὲν οὖν ἐξώρητο λυπρᾶς, προσχειτονοῦσης. . . . „Constant. Manassis, Compend. Chronicum“, ed. Bonn., pag. 221, v. 5192. Славянскій перевод-

говоря, что онъ родился въ окрестностяхъ Адриянополя, а также и Симеонъ Логоетъ, называющій его Адриянополитанцемъ¹⁴¹). Название „Македонянина,“ слѣдовательно, дано этому Императору не по мѣсту рожденія, а по тому, что родители его были Македоняне, какъ позднѣйшіе Византійцы нерѣдко именуютъ Славянъ¹⁴²). Славяне, размѣстившіеся по Оракии, будучи отдѣлены отъ прочихъ своихъ братьевъ хребтами Балканскихъ и Родопскихъ горъ и, не находя, въ географическомъ положеніи этого края, никакихъ опоръ противъ Византіи, очень рано должны были подчиниться ея власти и ея гражданственности, подъ вліяніемъ которой они и очень рано должны были измѣнить своему общественному быту. Отъ того-то, по всему вѣроятію, мы и не находимъ у Византійцевъ о нихъ, объ ихъ общественномъ троѣ, такихъ извѣстій, какія имѣются о прочихъ ихъ братьяхъ, расселившихся на сѣверъ и на западъ отъ нихъ. На раннее подчиненіе Оракійскихъ Славянъ Римско-Византійской гражданственности указываетъ и то, что ихъ Надбалканскіе братья прозываютъ ихъ „Романцами“ (Романцы). При этомъ мы должны замѣтить, однако, что Византійское вліяніе тутъ не было такъ сильно, чтобы совершенно подавить народное чувство сихъ Славянъ: если значительная часть ихъ, поддавшись этому вліянію, держала съ Византіею, то оставалась еще большая часть, которая постоянно тяготѣла къ Болгарскому Царству. Отъ того-то эта страна была яблокомъ вѣчнаго раздора между Болгарскимъ Государствомъ и Византіею. Послѣдняя, уступая тяготѣнію здѣшняго населенія къ Болгарскому Царству и, не находя другихъ средствъ къ устраненію этого тяготѣнія, въ XII в., пыталась создать изъ сихъ Славянъ особенное подручное ей Княжество¹⁴³). Мы уже говорили, что въ настоящее время Фи-

чикъ ошибочно, по всему вѣроятію, принялъ прилагательное *λεπρᾶς* (*tenuis, vilis*) за собственное имя, и перевелъ этотъ стихъ слѣдующимъ образомъ: *отъ села оубо бѣ липра, близъ сѣчаго. . . .* Чертковъ еще болѣе увеличилъ ошибку переводчика: онъ соединилъ, при чтеніи этого мѣста, слово *Липра* съ стоящимъ передъ нимъ глаголомъ *бѣ*, и образовалъ, такимъ образомъ, Славянское на видъ слово *Бѣлипра*, которое, по его мнѣнію, вставлено переводчикомъ знавшимъ будто истинное названіе роднаго села Императора Василия. „О переводѣ лѣтописи Манассіи,“ стр. 23.

¹⁴¹ См. у Черткова, тамъ же.

¹⁴² Въ одной Латинской записи, находящейся въ Ватиканскомъ спискѣ Болгарскаго перевода Манассіиной лѣтописи, Болгарскій Царь Іоаннъ Александръ названъ Македонцемъ: „*Iohannes Alexander Macedo, ad cuius petitionem iste liber fuit translatus de Graeco in Slavonico.*“

¹⁴³ Stritt. III, p. 694. Сравни. „Исторически прегледъ на Българ. Църква.“ Вiena, 1869, стр. 67.

липпопольская Епархія занята исключительно Болгарами и что въ Адрианопольской они составляютъ громадное большинство. Болгарское населеніе занимаетъ и всю область рѣки Марицы, до самаго ея устья. Въ окрестностяхъ Царьграда, между городами Визой и Чорлой, „Благотворительное Болгарское Дружество“ открыло до 150 забытыхъ селъ, изъ коихъ нѣкоторые находятся около самыхъ стѣнъ столицы¹⁴⁴). Все это доказываетъ, что Славянская стихія весьма мало пострадала во Θраκίи.

Обозрѣнныя доселѣ Славянскія поселенія живутъ и по нынѣ, составляя Болгарскую и Сербско-Хорватскую народности. Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о тѣхъ Славянскихъ поселеніяхъ, которыя не существуютъ болѣе, будучи поглощены частію Албанской народностью, частію Греческимъ племенемъ.

Ваюниты (Βαυονήται). Они упоминаются, какъ было уже замѣчено, въ числѣ Славянъ, осаждавшихъ, въ 676 г., Солунь. Въ договорѣ Генриха Дондола съ Крестоносцами, отъ 1204 г. упомянута и область „Вагенетія“ (Vagenetia, Vagenetia), между Яниной и Главиниціей¹⁴⁵). Анна Комнина, повѣствуя о войнѣ Роберта Гюискара съ Византійцами (1081—1085), рассказываетъ, что сынъ Роберта, Боемундъ, пройдя черезъ Вагенетию (διὰ τῆς Βαγενετίας) завоевалъ Янину (1082 г.) Но самыя ясныя данныя, для опредѣленія землеписнаго положенія этой области, предлагаетъ грамота Деспота Эпирскаго, Симеона Палеолога, брата Стефана Душана, отъ 1361 г. Въ ней исчисляются мѣстечка и села, лежавшія въ области Вагенетіи (ἐν τῇ θέρματι τῆς Βαγενετίας), изъ коихъ видно, что край Ваюнитовъ лежалъ въ прибрежіи южнаго Эпира, къ сѣверу отъ залива Арты¹⁴⁶). На существованіе значительныхъ Славянскихъ поселеній и въ прочихъ частяхъ Эпира указываетъ списокъ селеній этой страны, составленный Аравантиномъ¹⁴⁷). Не смотря на то, что, съ исчезновеніемъ Славянской народности въ Эпирѣ, исчезли и многія Славянскія названія, будучи замѣнены названіями Турецкими и Греческими, все таки и до

¹⁴⁴) Сообщено членами этого Дружества, изъ коихъ одинъ, Г. Паничковъ, готовитъ къ печати описаніе этихъ Болгарскихъ селеній.

¹⁴⁵) Тафель, „Symbolar. criticar.“ II, 55.

¹⁴⁶) Аравантино, Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου, II, 313.

¹⁴⁷) Тамъ же, въ приложеніи ко 2-му тому. См. Извлеченія изъ этого списка у Гильфердинга, „Собраніе сочиненій“, I, 283—291, и Макушева, „Историческія розысканія о Славянахъ въ Албаніи“, стр. 153 и слѣд.

сихъ поръ, по исчисленію Г. Макушева, на 1539 селеній приходится 717 съ Славянскими названіями. Замѣтимъ еще, что въ XI вѣкѣ Эпиръ у Итальянцевъ слылъ „Болгарскою Землею.“ Готффридъ Малатерра, описавшій, по порученію Рожера Сицилійскаго, походъ Роберта Гюискара въ Византійскую Имперію, называетъ жителей Эпира „Болгарами“ и городъ Арту „Болгарскимъ городомъ“¹⁴⁸). Въ XI вѣкѣ въ церковномъ отношеніи Эпиръ зависѣлъ отъ Болгарскаго Архіепископа, за которымъ былъ оставленъ и по присоединеніи Болгарскаго Царства къ Византіи Василиемъ Болгаробойцемъ. Грамоты послѣдняго называютъ здѣсь Епархіи: Черницкую, Химерскую, Адрианопольскую, Козильскую, Янинскую и Главеницкую¹⁴⁹), изъ коихъ первая и послѣдняя носятъ несомнѣнно Славянскія названія. Когда перестала звучать Славянская рѣчь въ Эпирѣ, и дѣйствительно ли она изсякла совершенно, утверждать не беремся.

Велегезиты (Βελεγεζίται). По свидѣтельству Житія Св. Димитрія, они жили въ окрестностяхъ Θεσσαλίѣскихъ Θивъ и Димитріяды. Какъ было уже замѣчено, и они участвовали въ осадѣ Солуня, 676 г., но во время другой осады, принятой нѣсколько позднѣе Стримонцами, Ринхинами и Сагудатами, они жили въ мирѣ съ осажденнымъ городомъ, обращавшимся къ нимъ въ это время за съѣстными припасами. Въ договорѣ Алексѣя III съ Венеціанцами, отъ 1199 г., упоминается область Велегезитіа (provinc. Belegezitiae, Belecbatuie)¹⁵⁰). Равнымъ образомъ мы находимъ упоминанія объ этой области и въ договорѣ о раздѣлѣ Имперіи, 1204 г. (prov. Belegezitiae)¹⁵¹). Въ первомъ изъ этихъ договоровъ область эта упоминается подлѣ Влахиі (prov. Blachiae) и Димитріяды (Episcopsis Demetriadis). Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Велегезиты обитали въ Θεσσαλίи, занимая юго-восточный уголъ ея, т. е., побережье залива Воло. Память о нихъ сохранилась и доселѣ въ названіи города Велестино, который находится нынѣ въ этой странѣ. Велегизитовъ, безъ всякаго сомнѣнія, а не Берзитовъ, какъ полагалъ Шафарикъ, слѣдуетъ разумѣть подъ Бельзитами Θεοφана, съ которыми Аѳиняне вели переговоры

¹⁴⁸) См. у Макушева, тамъ же, стр. 3.

¹⁴⁹) Голубинскаго, „Краткій очеркъ исторіи Правосл. Церкви“, стр. 73, 74, 259, 261.

¹⁵⁰) Тафель, „Symbol. critic.“ I, 27.

¹⁵¹) Ibidem II, 55.

въ 799 г. Кромѣ Велегизитовъ въ Ѳессаліи обитали и другія Славянскія колѣна. На это указываетъ обиліе мѣстныхъ Славянскихъ названій, встрѣчающихся по всѣмъ частямъ этой области. Какъ было замѣчено уже, Болгарскій писатель IX вѣка увѣряетъ, что Ѳессалійскіе Мирмидоняне Ахиллеса были Болгаре¹⁵²). Какъ ни ошибочно это заключеніе, но оно указываетъ намъ, что въ IX вѣкѣ Славянское населеніе преобладало въ Ѳессаліи: только это обстоятельство могло дать названному писателю поводъ къ отождествленію древнихъ Мирмидонянъ съ Болгарами. Въ землѣ этихъ Ѳессалійскихъ Славянъ, вѣроятно, находилось княжение словѣньско, которымъ правилъ Меѳодій, до удаленія своего въ Ялимѣъ¹⁵³).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ занимающую насъ пору Славянство составляло большинство населенія и остальныхъ частей Греціи: Ливадіи и Морей. До насъ дошли, однако, названія только двухъ здѣшнихъ Славянскихъ колѣнъ, а именно: Миленцевъ и Езерцевъ (Μιληγγοί, Ἐζερίται)¹⁵⁴): они обитали недалеко отъ древней Спарты, по восточному и западному склонамъ Тайгета (Пентадактила). Не извѣстно, слѣдуетъ ли производить отъ Славянъ Галазовъ (Γαλάζοι), жившихъ на сѣверномъ склонѣ Эты, около Новыхъ Патръ; также Маніотовъ (Μανιάται), предковъ Майнотовъ, обитающихъ на южномъ склонѣ Тайгета, и Чеконовъ (Τζεκονοί) или Цаконовъ (Zachonie)¹⁵⁵), между Навплией и Монеμβасіей.

¹⁵²) См. выше, стр. 36.

¹⁵³) Житіе Меѳодія, въ изданіи О. М. Бодянского по списку XII в., въ „Чтеніяхъ въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Росс.“ 1865, кн. 1, отд. III, стр. 4.

¹⁵⁴) Подробности о нихъ см. у Шафарика, „Слав. Древн.“ II, кн. 1, 377—379.

¹⁵⁵) Въ пользу Славянскаго происхожденія Цаконовъ, между прочимъ, говорятъ и слѣдующія данныя: Монеμβасійскій край, по свидѣтельству Житія Св. Вилибальда, еще въ VIII в. назывался „Славянскою Землею, Slavonica terra.“ См. „Acta Sanctorum“ (ed. Venet. 1747) ad 8 Julii, pag. 504. Въ одномъ договорѣ Венеціи съ владѣтелемъ Цаконіи, Цаси, отъ 1293 г., послѣдняя названа тоже „Славянскою Землею:“ „ad partes Zachonie sive Sclavonie de Morea.“ Гопфъ, „Griech. Gesch.“ 342.

НАЧАЛОТО

НА

САМУИЛОВАТА ДЪРЖАВА.

(Изъ „Периодическо списание на Българското Книжовно
Дружество“, Браила, год. I, кн. IX—X (1875), стр. 41—71,
XI—XII (1876), стр. 104—124).

Царуването на Самуила е една отъ най-важнитѣ и най-любопитни епохи въ историческия животъ на народътъ ни. Историята на това царуване е разгледана доста подробно отъ двама словѣнски историци — отъ покойния Гилфердингъ¹⁾ и отъ Докторъ Рачки²⁾, — но както тѣзи, тъй и другитѣ изслѣдователи, кои сж писали за сжщитъ прѣдметъ, твърдѣ неясно и сметено, та че оште и криво излагатъ началото на Самуиловата държава. Правото и истинното разяснение на този любопитенъ въпросъ е главната задача на настоящитъ ни трудъ, въ който ние трѣбваше да закачимъ и нѣколко други, такожде любопитни и такожде не ясно и криво тълкувани до сега събития отъ Българската история. Такива именно сж: нѣкои вътрешни събития, които сж станжли въ царуването на царъ Петъръ, руско-византийската война въ България, сѣтнинитѣ на тази война за политическия животъ на тогавашнитѣ Българи и пр. До колко вѣрно ние сме разяснили, както тѣзи второстепенни въ нашия трудъ въпроси, така и главната негова задача, това оставяме да каже просвѣтенний сждъ на читателитѣ.

Харковъ 1874. Мартъ.

М. Дриновъ.

¹⁾ Въ неговата „История Сербовъ и Болгаръ“, издадена втори пѣтъ въ 1868. глед. „Собраніе сочиненій“, I.

²⁾ Въ „Rad jugoslavenske akademije“ Кн. XXIV, год. 1873. Този новъ, прѣкрасенъ и любопитенъ за насъ трудъ на прочутия южнословѣнски историкъ Българското Кн. Дружество мисли да прѣведе и обнародва въ една отъ слѣд. книжки на „Пер. Списание“.

I.

Раздѣленіе на Българското царство въ царуванъето на царь Петра.

На 27 Маия въ 927 година умрѣ великий Симеонъ, като остави на сина си Петръ голѣма и яка държава, която е заемала смалтъ-ие всичкий Балкански полуостровъ. Отъ къмъ сѣверъ тая държава се е простирала по всичкий долни Дунавъ и по край долна Сава до това мѣсто, гдѣто въ неѣ се втича Дрина. На истокъ тя е заемала черноморский брѣгъ отъ устието на Дунавъ до Бургасъ¹⁾: най-важнитѣ по този брѣгъ крайморски градове и пристаништа — Бургасъ (Дебелтъ), Анхиалъ, Месемврия и Варна намирали сѣ се въ предѣлитѣ на тази държава. На югъ границата ѣ е била една дълга линия, теглена отъ Бургасъ прѣзъ срѣдна Марица, между Едрене и Пловдивъ²⁾, до Родопскитѣ или Доспатски върхове; оттамъ тя се е спуштала на долѣ и е отивала покрай Серест и Солунъ до гората Олимпъ, въ сѣверна Тесалия, отгдѣто се е повърштала право на западъ и е достигала до устието на рѣка Калама, което устие се намѣрва на Ионийский брѣгъ, срѣшто островъ Корфу³⁾. На западъ границата на Симеоновата държава е вървѣла по брѣгътъ на Адриатическо море отъ устието на рѣка Калама до устието на Неретва, която тече прѣзъ сегашна Херцеговина; оттамъ повърштала се е къмъ рѣка Дрина и е отивала покрай неѣ до втичанъето ѣ въ Сава. — Тукъ се иска да направимъ нѣколко разяснения за тая западна граница на Българското царство. Че тя е отивала

¹⁾ Голубинскій: „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей: Болгарской, Сербск. и Рум. стр. 7.

²⁾ Между Едрене и Пловдивъ прокарва тази линия Рачки. Глед. Rad. jugoslav. akad. kn. XXII, 83. — Г. Голубински, който казва, че тя е вървѣла надъ Пловдивъ, покрай Пазарджикъ и Чепина (стр. 7), явно се лъже. Ние имаме доста вѣрни извѣстия, че тогава и Пловдивската област се е намирала въ предѣлитѣ на Българското царство.

³⁾ Голубинскій, стр. 7--8:

тъй, както ѝ опрѣдѣлихме, това го доказватъ слѣднитѣ исторически извѣстия и показания.

1. Знае се, че Симеонъ двѣ-три години прѣди смъртта си воева съ Сърбитѣ и покори си земята имъ, която се е простирала на западъ до рѣка Дрина⁴⁾.

2. На юго-западъ отъ Сърбитѣ къмъ Адриатическо море, тамъ гдѣто сега се намира Херцеговина и Черногория, въ онова време живѣхъ три словѣнски плѣмена: Захлумыне, Травуныне и Дукляне⁵⁾. Тѣ тогава бѣхъ съединени въ едно княжество подъ властта на Захлумский князь Михаилъ Вишевичъ⁶⁾, за когото се знае, че се е намиралъ подъ върховната власть на Симеона⁷⁾. Това, тъй да речемъ, васално Българско княжество простирало се е покрай брѣгътъ на Адриатическо море между устията на рѣкитѣ Неретва и Дринъ. Трѣбва да забелѣжимъ, обаче, че тукъ на самия брѣгъ нѣколко градове, като: Рагуза (Дубровникъ), Катаро (Которъ), Антибаръ (Баръ), Дулциниумъ (Олгунъ), се намиравъхъ подъ върховната власть на Византийский императоръ.

3. Че и тая частъ на Адриатическия брѣгъ, която се простира между устието на Дринъ и на Калама се е намирала тогава подъ властта на Българский царь, това е доказано доста добрѣ отъ Г. Голубинскаго⁸⁾, който тукъ се е ползувалъ отъ най-вѣрни документи, именно отъ грамотитѣ на императоръ Василий II⁹⁾. Но и тука е имало нѣколко градове, които сж оставали подъ властта на Византия. Такъвъ е билъ градъ Драчъ (Дураццо), който Симеонъ искаше да покори¹⁰⁾, когато бѣ намислилъ да покори и Солунъ и Цариградъ, но не можи да сполучи. Тѣзи крайморски градове сж били добрѣ укрѣпени на и Византия, която е имала добра флота, могла е добрѣ да ги брани, та поради това Симеонъ не е можилъ да ги покори, но той все пакъ можи да заемне нѣколко сгодни за пристаништа мѣста на Адриатическия брѣгъ, прѣзъ които е отворилъ

⁴⁾ Константиъ Багрянород. De administr. imp. с. 32. Гилфердингъ: „Собраніе сочиненій“ I, 109.

⁵⁾ Глед. нашето съчинение: „Заселение Балканскаго полуострова Славянами“ стр. 158—9.

⁶⁾ Рачки: Odlomci iz drzavnoga prava hrvatskago 15.

⁷⁾ Глед. Венецианск. хроника на Иоанна, у Перца: Monumenta Germaniae, script. IX, 23.

⁸⁾ „Краткій очеркъ“ и пр. стр. 8.

⁹⁾ Глед. „Периодич. Списание на Б. Кн. Др.“ кн. 7—8 стр. 14—25.

¹⁰⁾ Това го знаемъ отъ едно писмо на Патриархъ Николай Мистикъ до Симеона; Epist. IX въ Specilegium Romanum A. Maii, 191—200.

на държавата си Адриатическото море. За това нѣшто свидѣлствува сблъсването му съ Венецианцитѣ, които тогава бѣхж вече захванали да си утвърждаватъ властта по това море¹¹⁾. Прѣзъ тѣзи пристаништа той е правилъ и политическитѣ си сношения съ Арабскій Халифатъ въ сѣверна Африка¹²⁾.

Толчово бѣше царството, което Петъръ наслѣдова отъ славний си отецъ. „Когато умрѣ неукротимий Симеонъ, който станж причина да се пролѣе много християнска кървь, властта му прие Петъръ, неговътъ синъ. Той не наслѣдова славата, свойствата и челоуѣконенавистта на отца си, а бѣше далече отъ всичко това¹³⁾. Така се исказва единъ гърцки писателъ за Петра, и думитѣ му до нѣйде сж прави. Мекъ, кроткъ и миролюбивъ по характерътъ си, Петъръ не обичалъ войната, — богобоязливъ и твърдѣ наклоненъ къмъ духовно-аскетически животъ, той малко се е заемалъ съ работитѣ на царството си, които е оставялъ да вършжтъ други за него. Самъ той е прѣкарвалъ времето си повечето въ душеспасителни дѣла, обичалъ е да бесѣдова съ иноци и Иерарси, и за голѣмъ подвигъ е ималъ да посѣпштава пустинножители, както ни показва житието на св. Иоаннъ Рилски¹⁴⁾. Отъ това политическитѣ му дѣла всѣкога сж се намирали въ ржцѣ на болѣре, които го сж окружавали и между които, по злополучие, не сж се намирали такива, които да сж цѣнили интереситѣ на царството повече отъ своитѣ лични интереси, и да ги сж бранили достойно. На първо време при младий царъ много се възвиси уйка му Сурсулулъ, който, за да се удържи, види се, на своето високо мѣсто, търсилъ е да найде вънкашна опора и мислилъ е, че ште да може да ѣ найде у Византия; поради това той со-всѣмъ измѣни Симеоновата политика спрямъ неж. Три-четири години прѣди смъртта си Симеонъ завърза миръ съ Византийцитѣ, но този миръ не бѣше искренъ отъ негова страна; той прѣкрати войната, за да се приготви по-добрѣ, та скоро пакъ да ѣ начне съ оште по-голѣма сила, съ по-голѣма надежда за постиганье цѣлта си: а тази цѣль бѣше — прѣвзе-

¹¹⁾ Romanin, Storia documentata di Venezia I, 222.

¹²⁾ Кедрняъ у Стриттера II, 593. Глед. у Гилфердинга, „Собр. соч.“ I, 105.

¹³⁾ Vita S. Lucae Junior. p. 981. — У Стрит. III, 609. — Глед. и Левъ Дияконъ, переводъ Попова 48.

¹⁴⁾ Глед. Неофита: „Служба и житіе Іоанна Рыльского“ Бѣлградъ 1836. „Гласник српског уч. друштва“, кн. XXII стр. 265. Глед. и Службата на Петра въ „Извѣстія II отдѣленія академій наукъ“ I, стр. 18.

манъето и на другитѣ византийски владѣния по Балканский полуостровъ, прѣвземанъето и на самата византийска столица, на самий градъ Константиновъ. Това гонѣше Симеонъ и не искаше да има дълговѣченъ миръ съ Византия. Той по тази причина и не пристаѣ да ожени синъ си за византийска принцеса, както му прѣдлагахъ правителитѣ на империята¹⁵⁾. Такова сродняване съ Византийский дворъ е бъркало на неговата политика. Но кжсогледий политикъ и егоистичний болѣринъ Сурсувулъ побърза не само да завърже здравъ миръ между Българското царство и Византия, но оште и сродни правителственитѣ имъ домове. По негово настояване Петъръ се ожени за хубавица Мария, унуката на императоръ Романъ Лакапенъ, дъщерята на синътъ и съправителятъ му Христофоръ¹⁶⁾. До колко е била обрадована Византия отъ такова измѣняване политиката на Българското царство спрямъ немъ, това се види отъ готовността, съ която тя побърза да испълни всичкитѣ искания на Петровото правителство.

1. Тя се съгласи да останѣтъ границитѣ на Българското царство такива исто, каквито бѣ ги докаралъ да станѣтъ Симеонъ.

2. Пристаѣ да титулува българский царъ съ царски титулъ ($\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$) и да го има и почита за най-първъ отъ другитѣ европейски господаре, дори и отъ западний императоръ¹⁷⁾.

3. Припозна независимостта на Българската патриаршия, която бѣ учрѣдена отъ Симеона¹⁸⁾.

4. Обвърза се да плашта всѣка година единъ уреченъ данокъ.

На Петъръ и на неговитѣ съвѣтници това примиряване и сближаване съ Византия се е видѣло много стодно за Българското царство и много полезно за тѣхнитѣ лични интереси, та поради това тѣ ревностно сѣ гледале да поддържаватъ дружественнитѣ отношения, които съ този начинъ се завързахъ между Прѣславский и Константинопольский дворъ и които сѣ помогнѣли та по-вече и по-вече да се завѣждатъ Византийски обичаи при Българский дворъ. — Но Българский народъ друго-яче е гледалъ на тая политика. Тогавашното Българско поколѣние, което бѣ пораснѣло въ бурно воинственно време, бѣше на-

¹⁵⁾ Глед. XVI писмо на Николая Мистика Specilegium Romanum A. Maii p. 221.

¹⁶⁾ Гилфердингъ, „Собраніе сочин.“ I. 114.

¹⁷⁾ Гилфердингъ, I, 116, 117, 169.

¹⁸⁾ Глед. „Историч. Прѣгледъ на Българск. църква“ 27—31.

викижло да се слави съ побѣдитѣ си надъ Византийцитѣ и да гледа на империята имъ като на една сѣнка, — това Българско поколѣние не е могло да гледа съ добро око тая ѡпака политика на късогледитѣ съвѣтници Петрови. Отъ тукъ се породѣ между Българитѣ ненавистъ къмъ слабѣй наследникъ Симеонъ и къмъ неговото правителство, ненавистъ, която приготви мѣсто за внѣтрешни възстания и бунѣ. Оште въ 928 год., сирѣчь въ самото начало на Петровото царуванѣе, се побунихъ нѣколко знатни болѣре, които се бѣхъ възвисили въ царуванѣто на Симеона; и тѣ искаха да съборжтъ Петра и да поставжтъ на негово мѣсто братъ му Иоанъ, който, види се, е давалъ надѣжда, че ште да продължава политиката на отца си. Но тѣхното съзаклетѣе у-време биде открито: изловихъ ги и жестоко ги наказахъ, а пакъ Иоана бихъ и намѣрихъ за добро да го отдалечжтъ отъ България. Испратихъ го въ Константинополъ, като го прѣдадохъ въ ржцѣ на тамошний императоръ¹⁹⁾. — Слѣдъ малко време, обаче, вдигна се нова буна. Една Българска областъ, не се знае за вѣрно коя, но види се, да е нѣкоя отъ западнитѣ, повдигна се и се отрече да припознава Петра за Български царъ, а провъзгласи за такъвъ другѣй братъ Петровъ, Михаилъ, който, за да не би да бѣрка на Петра, бѣше покалугеренъ въ единъ мѣнастирь. Михаилъ побърза да хвърли калугерството и дойде при възстанжлитѣ, та имъ се тури на чело. Тази буна е била доста голѣма: побуненитѣ сж имали въ властта си и крѣпости. На-скоро, обаче, Михаилъ умрѣ, а четитѣ, които бѣхъ се набрали около него, трѣбваше да се оставжтъ отъ работата си. А за да влѣзжтъ въ ржцѣ на Петровото правителство, тѣ минахъ къмъ югозападний край на Българското царство, отъ гдѣто се прѣхвърлихъ въ Византийскитѣ владѣния. Нѣколко време тѣ върлувахъ тамъ и послѣ се поселихъ въ Епиръ, въ Никополитанската областъ, около Артекий заливъ²⁰⁾.

Съ тѣзи двѣ възстания не се е свършила работата: ненавистта къмъ Петровото правителство по-вече и по-вече се е укоренявала въ народътъ. Българското духовенство, косто бѣше проникнало съ Византийски духъ въ това размирно време, ревностно се стараеше да поддържа ненавистното правителство съ свойтъ духовенъ авторитетъ, като проповѣдаше че „цари и ко-

¹⁹⁾ Гел. у Стриттера III, 614. Ср. E. Murlt, „Chronographie byzantine“ 506.

²⁰⁾ Stritter III, 615.

ларѣ Богомъ сѣтъ ѡчиненъ“. Но чрѣзъ това си намѣсване въ свѣтскитѣ работи, то навлече и върхъ себе ненавистта на народътъ, който по това още повече захванѣ да колебае преданността си къмъ църквата и вѣрата, на която това духовенство служѣше. По България се прѣснѣ една религиозна секта съ страшенъ политически характеръ. Разумѣваме богумилската ересь, която се е появила именно въ това време и подъ тогавашнитѣ вътрешни отношения. Политически идеалъ, който сѣ гонили да стигнатъ тѣзи еретици, види се отъ слѣднитѣ думи на единъ тѣхънъ противникъ: „ѡчатъ же свои си не повинуватисѣ властелемъ своимъ хѣлаше богатъма, царь ненавидѣтъ, рѣгаютсѣ старѣйшинами, ѡкорѣютъ колѣрѣ, мръзѣтъ Богъ мнѣтъ работающаѣ царю и всакомѣ рабѣ не велѣтъ работати господинѣ своимъ²¹⁾“. Правовѣрнитѣ попове и всичкитѣ църковни санове тѣ, спроти думитѣ на Пресвитеръ Козма, наричали слѣпи фарисеи и много ги хулили. — Тѣзи еретици, на които политически и общественъ идеалъ е билъ такъвъ, намирали сѣ въ народътъ голѣмо съчувствие. „Мнози пойдѣтъ въ слѣдъ нечистоты ихъ“, казва противникътъ имъ Козма. Това силно броденѣ между Българитѣ е давало обилна жѣтва за смѣти и бунѣ, които сѣ захванѣли да взематъ по-вече страшенъ видъ за Петровото правителство. —

Въ времето на тѣзи размирици въ Българското царство, отъ него твърдѣ лесно се отделихъ Сърбитѣ, на и Захлумското княжество прѣстанѣ да припознава върховната властъ на Българскитѣ царь. Отметването на Сърбитѣ е станѣло около 932 год.²²⁾, а Захлумянетѣ и оште по-напредъ сѣ прѣстанѣли да припознаватъ властта на Българскитѣ царь. Тая загуба не бѣше, обаче, тѣй пагубна за крѣпостта на Петровата властъ. Тя бѣше една вънкашна загуба и не твърдѣ голѣма; Захлумското княжество, както рекохѣ по-горѣ, само отъ вънка припознаваше върховната властъ на Българскитѣ царь, извънѣтрѣто бѣше свободно. А пакъ Сърбитѣ бѣхъ тогава едно малобройно племе, което заемаше токо западната половина на сегашното Сърбско княжество и Новопазарското окръжие²³⁾. Тѣй штото, и слѣдъ загубването на тѣзи области, предѣлитѣ на

²¹⁾ Осокинъ: „Исторія Альбигойцевъ и ихъ времена“ 161. „Исторически прѣгледъ на Б. Църква“ 50—51.

²²⁾ К. Барянород. De administr. imper. с. 32.

²³⁾ Заселеніе Балк. полуострова Славянами, 157—158.

Петровото царство не се стѣснихъ за твърдѣ много: на западъ тѣ достигахъ до Колубара, гдѣто загърштахъ Бѣлградъ, сегашната столица на Сърбското княжество, и до Ибаръ, отгдѣто отивахъ чакъ до устието на рѣка Дринъ. — За Петровата властъ, за цѣлостта на царството бѣше по-странно другото движение, което ставаше между самитѣ Българи и което най-послѣ произведе една голѣма буна. При всичко че тая буна е повлияла слѣдъ себе си, както штемъ да видимъ, голѣми и твърдѣ важни сѣтнини, тя е едно най-тъмно и най-оскъдно отъ историческа свѣтлина събитие въ нашата история. Ние намираме за нежъ токо една мѣтна народна споменъ, токо едни кратки и твърдѣ неясни народни извѣстия. А Византийскитѣ историци не ни сж оставили за нежъ и такива кратки извѣстия, каквито намѣрваме у тѣхъ за първитѣ двѣ буни. Тая буна, види се, не е закачила ни най-малко Византия, както жъ закачихъ първитѣ двѣ, и се е свършила само въ предѣлитѣ на Българската земя, била е съвсѣмъ вътрешна Българска работа. А за вътрешни измѣнявания въ България, ако тѣ сж ставали безъ да закачатъ Империята, Византийскитѣ историци не обичатъ да говорятъ, нито пакъ сж любонитствovali да се научатъ за тѣхъ. Тѣзи историци, обаче, споменуватъ за нѣкои отъ сѣтнинитѣ на това голѣмо вътрешно събитие, които (сѣтнини) тѣй или иначе сж докачали интереситѣ на отечеството имъ. Като сравнимъ тѣзи Византийски свидѣтелства съ реченитѣ нашенски извѣстия, ние съ помоштта на историческата критика можемъ да извлечемъ оттукъ такова разяснение на работата.

Въ главата на речената голѣма буна намиралъ се е единъ знаменитъ български кметъ, за когото Кедринъ казва, че билъ ималъ голѣма властъ и сила въ България. Нито този, нито пакъ другъ нѣкой византийскій писателъ не ни казватъ името на речения кметъ, по отъ нѣкои наши народни извѣстия, за които штемъ да споменемъ по-доле, знае се, че той се е именувалъ Шинманъ. Ималъ е Шинманъ четири сина: Давидъ, Мойсей, Ааронъ и Самуилъ, които Кедринъ нарича кметовичи²⁴⁾, и които знайтъ и именуватъ и нашенскитѣ извѣстия. Спроти свидѣтелството на едно отъ тѣзи нашенски извѣстия, Шинмановътъ родъ билъ живѣлъ изъ-първо въ Търново. — Шин-

²⁴⁾ Ἐνὸς τῶν παρὰ Βουλγάροις μέγα δυναθέντων κόμητος ὄντες παῖδες καὶ διὰ τοῦτο κομητόπουλοι κατονομαζόμενοι. Cedren. ed. Rom. II, 431, 346.

мановата буна е станжала оште прѣзъ животътъ на царь Петъръ, и до колко може да се мисли отъ едно тъмно свидѣтелство на Кедрина²⁵⁾, около 963 година, цѣлта на побуненитѣ е била да съборжтъ Петра отъ царскій прѣстолъ и да поставжтъ на него новъ царь, който би далъ друга посока на българскій политически животъ. — Какъ е вървѣла тази буна, за това ништо не се знае, знае се само за вѣрно, че цѣлта на бунтовниците не е постигната на пълно, а само, тъй да речемъ, на половина. Петра тѣ не сж могли да съборжтъ отъ прѣстолътъ; та оште се види, че работата имъ е срѣшнала голѣми и силни прѣчки около столицата му, сирѣчь въ Прѣславската областъ; а тъй исто и по всичкиа источна България, гдѣто се види, да е имало доста голѣма войска, която не е штѣла да мине на страна на бунтовниците и храбро е бранила отъ тѣхъ властта на царьтъ си. Това е накарало бунтовниците да загържтъ западна България, въ която може да се мисли, че е владала по-голѣма ненавистъ къмъ Петровото правителство. Тукъ буната е тргнала напредъ: може би, че побуненитѣ не сж намѣрили тукъ такива силни военни прѣчки, каквото е имало въ источна България, па оште и въ самий географически характеръ на западна България тѣ сж намѣрили силна подпора на работата си. Както и да е било, нѣма съмнѣние, че во времето на тази буна, западна България се е отметнала отъ царь Петъръ, съставила е ново, особно царство, като си е избрала и новъ царь, който е билъ Шишманъ. Че Шишманъ, който бѣ на челото на тая буна, е достигналъ да стане царь и е билъ припознаванъ за такъвъ въ България, това го знаемъ отъ двѣ различни извѣстия. Въ единъ старъ паметникъ, който е найденъ въ Зографскій манастиръ, избройватъ се Българскитѣ царье. Между нихъ намѣрваме и Шишмана, който се поменува тамъ прѣдъ синоветѣ си: Давидъ и Самуилъ²⁶⁾.

Една латинска грамота, писана оште въ 994 год. нарича тогова Шишмана²⁷⁾ благочестивъ, христорлюбивъ и праведенъ царь (императоръ). А до колко е важно свидѣтелството

²⁵⁾ Кедринъ II. 346; Стритгеръ III, 616; Чертковъ „Описаніе войны великаго Кнзя Святосл.“ 33 —

²⁶⁾ Този споменикъ е найденъ отъ нашия съотечественникъ К. Петковичъ. Глос. Гилфердинга, Собр. сочиненій I, 270, бѣл. 2.

²⁷⁾ . . . probum dominum christicolam justum Sismanum Imperatorem.

на тази грамота, доста е да забелѣжимъ, че тя е писана отъ единъ Българинъ Пинций (Pincius — Пенчо?), който въ нея, по край друго, казва, че Шишманъ му е билъ чича, или стрико²⁸⁾.

Че Шишманъ²⁹⁾ е станѣлъ Български царь и е царувалъ оште при животътъ на прѣжний български царь Петъръ и въ едно време съ него, този въпросъ ние намираме за добръ да не разясняваме тукъ, а да го оставимъ за по-надоле, гдѣто ще да ни испадне по-сгодно мѣсто за това разяснение. Тамъ ние штемъ да се опитае да покажемъ поне до нейде, кои области сж останѣли вѣрни и подвластни Петру и кои се отдѣлихъ отъ него и влѣзохъ въ съставътъ на другото Българско господарство, надъ което се вѣцари Шишманъ. Тукъ ще да забелѣжимъ само, че за да не мѣшае тѣзи двѣ Български царства, ние за напрѣдъ въ изложението си штемъ да наричаме Петровото — Источно, а Шишмановото — Западно.

И така, при неразумното и слабо правление на Петра, Българската земя, която наслѣдова той отъ Симеона цѣла, яка и силна, разцѣпи се на двѣ половини, на двѣ господарства, които, освѣнъ че не сж били сами по себе твърдѣ силни, но сж били оште неприятелски настроени едно срѣшнѣ друго, и чрезъ това оште повече сж се обезсилвали.

II.

Руско-Византийската война въ България.

Догдѣ ставахъ описаннитѣ въ първата глава бунѣ и безредици въ България, империята намѣри сгодно време да из-

²⁸⁾ Тая грамота е нашѣлъ Фарлатъ въ архивътъ на Сплитската митрополия и ѣ е издалъ въ *Mon. sacr.* II, 11. Глед. и Гилфердингъ, I, 200. Отъ нея ние се научаваме, че Шишмановътъ родъ билъ отъ Търново.

²⁹⁾ Гилфердингъ мисли, че Шишманъ е ималъ и друго име Мокръ. Глед. „Собр. сочин.“ I, 199. — Такова мнѣние той изважда отъ слѣднитѣ думи на Анна Комнена: „Знаменитий градъ Велика Прѣслава лежи край Дунавъ. Едно време този градъ имаше не варварско име, но еллинско и се наричаше Мегалополь. Но откакто българский царъ Мокръ и неговитѣ потомци, особено Самуилъ, послѣдний отъ българската династия, като Иудейский Садекия, захванъ да напада на западнитѣ владѣния на империята, този градъ . . . захванъ да се нарича Велика Прѣслава“. Анна Комнена, прѣв. руски, I, стр. 325, 6. — Пис не можемъ да допуснемъ, че отъ тѣзи думи може да се извади такова мнѣние. Не се иска твърдѣ голѣмо внимание, за да се види, че тукъ Анна подъ името Мокръ разумѣва нѣкого отъ родоначалницитѣ на прежитѣ Български владѣтели, а не Самуиловътъ отецъ. — Карлъ Хофъ не се съмнѣва, че подъ Мокръ тукъ се разумѣва Крумъ, но и това не е за вѣрване. К. Hoff: *Geschichte Griechenlands*, 124.

лѣкува ранитѣ, които бѣше и направилъ Симеонъ. Малко по-малко тя сглоби разнебитенитѣ си сили и, ослонена на мирѣтъ си съ Петра, обърнѣ ги сръшито источнитѣ си врагове, Арабетѣ, които си бѣхж подсебили по-вечето отъ источнитѣ и владѣния. Явихж се нѣколко достойни пѣлководци, които наченхж славно да воюватъ съ тѣзи върли и страшни врагове. Единъ отъ тѣзи пѣлководци, Никифоръ Фока, въ 962 год. сполучи да отнеме отъ тѣхъ островъ Критъ, който тѣ бѣхж си подсвоили оште преди 100 години и прѣзъ всичко това време държахж въ властта си. Оттамъ тѣ лесно нападахж на гръцкитѣ острове по архипелагѣтъ и на крайбрѣжнитѣ градове и имъ чинехж голѣми щети¹⁾. Съ този подвигъ Никифоръ до толкова се прослави, щото, слѣдъ смъртта на императора Романа II, той биде провозгласенъ и припознатъ за Византийски императоръ на 16 Августъ въ 963 год. Като императоръ, Никифоръ нѣколко пѣти ходи да воюва съ Арабетъ въ Азия, и всѣки пѣтъ ималъ голѣмъ успѣхъ. Кедринъ казва, че той сполучилъ да прѣвземе отъ тѣхъ до сто градове въ Киликия, Сирия, Финикия, и накаралъ Дамаский и Триполский емире да плаштатъ данѣкъ на империята²⁾.

Упоенъ отъ своята военна слава, Никифоръ Фока намисли да скжса срамотний за империята миръ съ България, разнебитеното вътрешно състояние на която давало му е добри надежди, че ште да може и тукъ, на Балканский полуостровъ, да привдигне властта на империята си, както ѣж привдигнѣ и по други мѣста. — Лѣтописцитѣ Кедринъ и Зонара разказватъ, че Никифоръ написалъ на царь Петъръ едно писмо, въ което го молилъ да пази Дунавъ отъ Маджаритѣ и да имъ не допушта да минуватъ прѣзъ тази рѣка, за да плѣчкосватъ византийскитѣ владѣния. Петъръ не въсприелъ да изпълни молбата на императорѣтъ, който поради това ужъ развалилъ мирѣтъ си съ него³⁾. — Други единъ Византийски историкъ, който е билъ съвременникъ на тѣзи събития, излага работата друго-яче. Въ 966 год., когато Никифоръ празнувалъ въ столицата си една славна побѣда надъ Арабетъ, чрѣзъ която той имъ прѣвзе крѣпость Тарсъ⁴⁾, при него дошли посланници отъ царь

¹⁾ G. Finlay, „History of the byzantine empire“ 1856. I, 374—378.

²⁾ Cedren. ed. Bonn. II, 364. — Gfrörer, „Byzantinische Geschichten“ II, 502.

³⁾ Глед. у Стригтера III, 617.

⁴⁾ Прѣвземанието на Тарсъ е станжло въ 965 год. Глед. Murali, „Chronogr. Byz.“ 542, — Finlay, „History of the Byz. emp.“, 392. Ето. зашто Гилфердингъ и

Петъръ, за да приберѣтъ уреченний годишенъ данѣкъ. Като ги видѣлъ и се научилъ, зашто дошли, той извикалъ: „тежко си на Роментѣ, ако тѣ и сега, от-както наддѣлѣхъ всички си врагове, трѣбва, като робе, да плащатъ данѣкъ на единъ бѣденъ и мърсенъ скитски народъ!“ Той заповѣдалъ да биѣтъ Българскитѣ посланици и съ голѣмо безчестие ги испратилъ съ праздни рѣцѣ назадъ при царѣтъ имъ⁵⁾. — Кое отъ тѣзи двѣ, на гледъ противорѣчиви извѣстия е по-завѣрване? Нѣкои историци приематъ и едното и другото: тѣ мислятъ, че Никифоръ за това се отрекълъ да плаща уреченний данѣкъ, заштото Петъръ не штѣлъ да изпълни реченната му просьба⁶⁾. Намъ ни се види, че това тълкуване и свързване на горѣизложенитѣ извѣстия е вѣрно и право. Но каквото и да е, пѣма никакво съмнѣние че чрѣзъ развалата на дългий си миръ съ Петра Византия направи една много несправедна работа, за която Петъръ рано или късно трѣбваше да отмъсти. Никифоръ прѣдвиждаше това и грижѣше се, какъ да позалише Българскій царъ, заштото силитѣ на империята по онова време му трѣбвахъ, за да продължава войната си съ могаметанетѣ въ Азия и въ Сицилия. Той намисли да употреби за тази работа Руситѣ и побърза да испрати въ Киевъ Калокира, синѣтъ на Херсонскій правитель, като му даде 1,500 литри злато (100,000 руски жълтици), та съ тѣхъ да подкупи рускій князь Светослава и да го повдигне противъ Петра. Светославъ бѣше храбъръ и воинственъ князь: съ своята храбра и отбрана дружина, той бѣше доистигалъ дори до Кавказкитѣ планини и бѣше се прославилъ съ много побѣди надъ различни племена⁷⁾. Нему не е била непозната и Българската земя, на която и башта му Игорь бѣше нападалъ и за която въ Киевъ тогава се е приказвало, че е много хубава и богата земя. Той на радо сърдце прие прѣдложението на Византийскій императоръ и оште прѣзъ Августъ на 967 г. спусна се по рѣка Днѣпъръ и по Черно Море къмъ устието на Дунавъ, гдѣто се наченваше Българската земя. Дружината му е имала не по-вече отъ 10,000 душѣ. Това допаданье на Руситѣ бѣше тѣй изне-

други пѣкои историци се лъжатъ, като отнасятъ дохождането Българск. посланици въ Константинополъ въ 967 год. — Глед. Собр. Соч. I, 140.

⁵⁾ Leo Diacon. ed. Bonn. 61, 62; руск. прѣводъ отъ Д. Попова, С. Петербургъ 1820, стр. 38.

⁶⁾ Чертковъ, „Описаніе войны велик. кн. Святосл. стр. 20; Финлей I, 395.

⁷⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи I, 150.

надѣйно за Петра, гдѣто той се научи за тѣхъ, когато тѣ бѣхъ си вече вкарали кораблитѣ въ Дунавъ и изглеждахъ сгоднo мѣсто да излѣзатъ на брѣгътъ. На бързѣ Петъръ събра 30,000 войска и ѝ испрати да посрѣштне нечаканитѣ врагове, но тя биде разбита и принѣдена да се затвори въ градътъ Доростолъ (Силистра).⁸⁾ Светославъ лесно можа да прѣвземе нѣколко крайдунавски градове, между които бѣше и Прѣславецъ, или малка Прѣслава. Този градецъ, види се, намиралъ се е на мѣстото на сегашний Русе (Русчукъ), който, спроти мнѣнието на нѣкои изслѣдователи, отъ Светославовитѣ Руси трѣбва да е получилъ сегашното си име⁹⁾. Тукъ, въ Прѣславецъ Светославъ се утвърди и събираше данѣкъ отъ околнитѣ Български градове и села. — Нѣкои историци се стараѣтъ да докажѣтъ, че Руситѣ тогава покорили всичката Българска земя, таче и нѣколко Византийски градове си подсвоили¹⁰⁾. Но това доказванье е съвсѣмъ лѣжовно и си нѣма никакво основание. То се основава на слѣднитѣ думи на руский лѣтописецъ Несторъ: „наддѣлѣ Светославъ на Българетѣ, взе имъ 80 градове покрай Дунавъ, сѣднѣ тамъ да кнезува въ Прѣславецъ, като вземаше данѣкъ и отъ Гърцитѣ“. Първо и първо ние штемъ да кажемъ, че на това свидѣтелство не трѣбва яко много да се дава вѣра, заштото то не се потвърждава отъ Византийскитѣ историци, отъ които руский лѣтописецъ е заелъ по-многого си извѣстия за руско-византийската война. Види се, че той или самъ е измислилъ реченото свидѣтелство, или пакъ го е взелъ отъ рускитѣ народни прѣдания, въ които, както и во всѣки народни прѣдания, историческата истина е изопачена. Но, ако и истинно да е това свидѣтелство, то и тогава отъ него не може да се изваде такова заключение, за което ни е тукъ рѣчта. Въ него руский лѣтописецъ забелѣзва, че 80-тѣ Български градове, които билъ покорилъ Светославъ, сѣж се намирали покрай Дунавъ; оттукъ ясно се види, че той подъ тѣзи градове не разбира всичката Българска земя, а токо Дунавский брѣгъ, гдѣто не е чудно, че е имало толкова много градове. Подъ градове тукъ се разбиратъ различни крѣпости или кули, въздигнати за варденье Дунавската граница на Българското царство. То сѣж били такива исто сградия,

⁸⁾ Левъ Диаконъ, рус. прѣв. Попова стр. 43; ed. Bon. 78.

⁹⁾ Чертковъ, „Описаніе войны“ и пр. 189; Гилфердингъ. „Собр. соч.“ I. 142.

¹⁰⁾ Чертковъ, стр. 213; Соловьевъ I, 151.

каквито на времето бѣше въздигнжлъ тукъ, по Дунавский брѣгъ, Императоръ Юстинианъ. Любопитно е, че спроти свидѣтелството на Прокония, тѣзи Юстинианови градове били до 80 на брой¹¹⁾. Може би, че това свидѣтелство Прокониево нѣкакъ-си е дошло до руский лѣтописецъ, и той изъ него е взелъ своитѣ 80 градове „по Дунаевн“.

Но каквото и да е, нѣма ни пай-малко съмнѣние, че този пътъ Руситѣ сж върхлѣли токо покрай Дунава и не сж влазили въ вѣтрѣшнитѣ Български области¹²⁾. Петровата столица, велика Прѣслава, и окръжието ѝ, което се намира не много далече отъ Дунава, останахъ този пътъ не покѣтнжти отъ руский плѣнъ. Тукъ Петъръ дѣятелно е работилъ да изгони Руситѣ и отъ край-дунавскитѣ си владѣния.

Ние не знаемъ добръ съ какво намѣрение Никифоръ повдигнж и доведе въ България Светослава, — не знаемъ, да ли чрѣзъ това той е искалъ, както рекохме по-горѣ, само да залише Петра, каквото той да не може да му мѣсти за вѣроломството, или е оште и мислилъ съ този начинъ да разсипе Петровото царство и да си го покори. Но както и да е, сега когато Руситѣ по негово приканване бѣхж вече влѣзли въ Българската земя, отъ него се очакваше да имъ даде рѣка, да се обноси съ тѣхъ като съ свои съюзници и помоштници. Но намѣсто това ние гледаме, че той се оттегля отъ тѣхъ и иска да завърже миръ и съюзъ съ Петра. Това изненадѣйно мѣнуване на Никифоровата политика се обяснява тѣй. Воинскитѣ подвизи на този императоръ, колкото и да бѣхж славни за империята, изисквахж голѣми жѣртви, които много бѣхж дотегнжли на византийскитѣ граждани¹³⁾. У тѣхъ се породил голѣмо недоволство, голѣма ненавистъ противъ Никифора. Въ самата столица противъ него взехж да се явяватъ бунни, които до толкова го наплашихж, гдѣто той захванж да се страхува за животътъ си. — Отъ страхъ да не го убийжтъ въ жилиштето му, той, спроти думитѣ на Левъ Диаконъ, въздигнжлъ единъ голѣмъ и якъ зидъ около дворецътъ си¹⁴⁾. Кѣмъ тѣзи

¹¹⁾ Глед. „Заселение Балканскаго полуострова Славянами“ стр. 95.

¹²⁾ Гилфердингъ („Собр. соч.“ I, 144) доказва, че тѣ тогава влазили и тамъ, но доказването му е безосновно. Свидѣтелството на Кедрина и на Манасината лѣтопись, които той тукъ привождатъ, говорятъ съвсѣмъ за друго нападение на Руситѣ, както штемъ да видимъ по-долу.

¹³⁾ Глед. Gfrörer, Byzant. Geschichten, II, 504 и слѣд.

¹⁴⁾ Левъ Диаконъ, прѣв. Попова 40.

страхове притури се опште единъ. Дойде извѣстие, че Калокиръ, който бѣше испратенъ при Светослава, за да го повдигне сръшито Българетѣ, изневѣрилъ се на императорътъ си и намислилъ съ помоштта на Руситѣ да стане Византийски императоръ. За това нѣшито той се вече билъ и споразумѣлъ съ Светослава, който на радо сърдце му обрекълъ своята помошть¹⁵⁾. Левъ Дияконъ и право казва, че изневѣрванъето на Калокира и неговътъ сговоръ съ Светослава накарали Никифора да измѣни политиката си къмъ Българетѣ и да завърже съ тѣхъ миръ и сюзъ. За да достигне това нѣшито, той испратилъ при царъ Петра посланници, за да го прѣдumatъ да стане пакъ приятель на империята. Заедно съ това Никифоръ чрѣзъ съшититѣ посланници молилъ Българский царь да испрати въ Цариградъ дѣвици отъ свойтъ родъ да се оженхтъ за тѣхъ императорскитѣ синове¹⁶⁾, та чрѣзъ този браченъ сюзъ да се оздравхтъ и учвърстхтъ приятелскитѣ връзки между Българетѣ и Византийцитѣ¹⁷⁾. Петъръ, който тогава се намиралъ въ много стѣснено положение и не знаеше, какъ да се отрве отъ Руситѣ, трѣбвалъ да забрави вѣроломната постѣпка на Никифора: на радо сърдце прие неговитѣ прѣдложения и побърза да испрати въ Византия дѣвицитѣ, които той му искаше. — Между Петра и Никифора биде завързанъ тогава миръ и сюзъ, на който цѣлта е била изгонване Руситѣ отъ край-дунавскитѣ мѣста¹⁸⁾. Както единътъ, така и другий сж се готвили да захванхтъ сюзна война съ тѣхъ. До тази война, обаче, не дойде редъ, заштото около това време Светославъ отъ само себе остави заетитѣ отъ него Български области и се завърна въ Киевъ, отгдѣто биде повиканъ, за да отбрани столицата си отъ печенѣзитѣ. — Така се свърши първото Светославоо нападанъе на Българската земя. То, както видѣхме, е закачило токó край-дунавскитѣ Български области, които сж се намирали въ предѣлитѣ на Петровото, или источно Българско царство. Западното, види се, само отдалече е гледало опасността, която виснеше надъ главата на Петра.

¹⁵⁾ Левъ Дияконъ, прѣв. Попова, 41, 49. Кедринъ у Стритера III, 618.

¹⁶⁾ Синоветѣ на Императора Романа II — Василий и Константинъ. Leo Diacon. ed. Bonn. 79.

¹⁷⁾ Левъ Дияконъ, прѣв. Попова, 49; ed. Bonn. 79. — Ср. и Кедрина ed. Bonn. II, 366.

¹⁸⁾ id. ibid.

Подновенното прѣди малко време приятелство между Петра и Никифора е останало трайно и слѣдъ завърштанъето на Руситѣ въ Киевъ, което е станало прѣзъ прелѣтта на 968 год.¹⁹⁾. — Лиутпрандъ, Кремонский епископъ, който прѣзъ лѣтото на 968 год. е дохождалъ въ Цариградъ, като посланикъ отъ западний императоръ Отгонъ велики²⁰⁾, разказва, че по онова време, именно на 28 Юния пристигналъ тамъ посланикъ и отъ царъ Петра и билъ приетъ съ по-голѣма почеть, нежели Оттоновий посланикъ²¹⁾. — Отъ Кедрина се научаваме, че и Петровитѣ синове, Борисъ и Романъ, по онова време живѣли въ Константинополь²²⁾, гдѣто сж оставали до самата смъртъ на отца си, която се е случила прѣзъ есента на 968 год.²³⁾.

Много е любопитно свидѣтелството на Кедрина, въ което се говори за смъртта на Петра и за произлѣзлитѣ слѣдъ нежъ събития. Въ това свидѣтелство се намиратъ нѣколко, макаръ и кратки, но твърдѣ важни показания за главната задача на настоящий ни трудъ, показания, отъ които ние вече се възползувахме въ прѣднията глава. Тукъ намираме за най-сгодно пакъ да се повърнемъ къмъ тѣхъ, за да ги развѣштаемъ по-добрѣ²⁴⁾. — Спроти това свидѣтелство, Петъръ ужъ умрѣлъ оште въ 963 год., синоветѣ му Борисъ и Романъ не се намирали тогава при него, заштото били въ Византийската столица. Отъ тѣхното отсъствие по-

¹⁹⁾ Гилфердингъ мисли, че завърштанъето на Светослава станало по-късно, есента. „Собр. Соч.“ I, 146. Но това мисленъе е съвсѣмъ безосновно.

²⁰⁾ Wattenbach, „Deutschlands Geschichtsquellen“, 1866, 265.

²¹⁾ Liutprandi legatio ad Niceph. Phocam, ed. Bonn, 1828, p. 350.

²²⁾ Cedren. ed. Bonn. II, 346.

²³⁾ Петъръ е умрѣлъ отъ една болѣсть, ἐπιληψίας πάθος, която го хванала, когато Руситѣ нападнхъ на неговитѣ владѣния и раснеляхъ му войската. Leo Diac. ed. Bonn, 78.

²⁴⁾ Поради важноста на това свидѣтелство намираме за добро да го приведемъ цѣло. Πέτρος δὲ ὁ τῶν Βουλγάρων βασιλεὺς τὴν εἰρήνην τάχα ἀνανεούμενος ἀπεθανούσης τῆς αὐτοῦ γυναίκος, σπονδὰς πρὸς τοὺς βασιλεῖς ἔθετο, ἐμήρους δούς καὶ τοὺς ἀκείλους δύο υἱοὺς Βορίσην καὶ Ρωμανόν. καὶ μετὰ μικρὸν ἀπεβίω. οἱ δὲ υἱοὶ αὐτοῦ ἐν Βουλγαρίᾳ ἐπέμψθησαν μετὰ ταῦτα ἐφ' ᾧ τῆς πατρὸς ἀντισχέσθαι βασιλείας, καὶ τοὺς κομητοποῦλους ἀπείξουσι τῆς πρόσω φορᾶς. Δαβὶδ γάρ καὶ Μωϋσῆς καὶ Ἀαρὼν καὶ Σαρουήλ, ἐνός ὄντες παῖδες τῶν μέγα δυναθέντων ἐν Βουλγαρίᾳ κομητῶν, πρὸς ἀποστασίαν ἀπαῖδον καὶ τὰ Βουλγάρων ἀνέσειον. Καὶ ταῦτα μὲν συνηνέχθη ὧδε. Cedren. ed. Bonn. II, 346. Глед у Стриттера III, 616. Българский прѣводачъ на Манасиината лѣтопись бѣлѣжи: „При семь Романи цри (959—963) Петръ црь българский умрѣт. сынове же его Борысъ и Романъ талника сжита въ приградѣ, отпущена быста въ своя си“. Ватиканск. прѣписъ л. 175. Нѣма съмнѣние, че това хронологически невѣрно извѣстие за Петровата смъртъ Българский писателъ е взелъ или отъ Кедрина, или отъ други нѣкой Византиецъ.

бързали да се възползватъ Давидъ, Мойсей, Ааронъ и Самуилъ, „синове на единъ много силенъ въ България кметъ“, та захванжли да възбуждаватъ срѣшнотоѣхъ Българетѣ и старали се да имъ отнемжтъ баштиний прѣстолъ. Като се научилъ за това, Византийскій императоръ побързалъ да испрати въ България Бориса и Романа, за да отблъснжтъ противниците си. Отъ такива кратки, неясни и неопредѣлени думи състои това свидѣтелство, което досегашнитѣ историци криво тълкуватъ: тѣ изваждатъ оттука, че Шишманъ съ синоветѣ си Давидъ, Мойсей, Ааронъ и Самуилъ, токо слѣдъ смъртта на Петра, се е билъ побунилъ и е достигнжлъ да стане царь²⁵⁾. Това тълкуванье ние намираме не само криво, но и съвсѣмъ произволно. — Кедринъ само забелѣзва, че Шишманъ ималъ голѣма власть въ България, но ништо не споменува такова, отъ което би могло да се извади, че той е дѣйствовалъ въ събитията, които станжли слѣдъ смъртта на Петра. — Главни дѣйци въ тѣзи събития се явяватъ неговитѣ синове: тѣ, а не башта имъ, искали да се възползватъ отъ отсъствието на Бориса и Романа, за да имъ отнематъ наслѣдието. Отъ това може да се извади, че Шишманъ тогава не е вече билъ живъ и че неговата власть е минала въ ржцѣ на синоветѣ му, които се явяватъ вече като съвсѣмъ самостоятелни дѣйци, които се старажтъ да усилятъ своята собствена власть. Явно е, че Шишмановата буна е била съвсѣмъ друга и е станжла по-прѣди, оште при животътъ на царь Петъръ, тогава, слѣдователно, е станжло и неговото въцаряванье. Това наше тълкуванье на Кедриновото свидѣтелство намира подпора и въ слѣдуюшкето съображение. Както штемъ да видимъ по-долу, най-младий синъ Шишмановъ Самуилъ около 976 година е сѣдѣлъ на царски прѣстолъ, а ние знаемъ, прѣди него на този прѣстолъ сж сѣдѣли и сж царували единъ по единъ башта му Шишманъ и по-старий му братъ Давидъ. Ако допуснемъ, че Шишманъ се е билъ воцарилъ токо въ 968 г., то за неговото царуванье и за царуваньето на Давида остава твърдѣ малко време, 7—8 годинъ. — Спроти нашето мнѣние, грѣшката на досегашнитѣ историци е, че тѣ тукъ двѣ движения, станжли въ разни времена, мѣшжтъ въ едно,

²⁵⁾ Гилфердингъ, „Собраніе сочин.“ I, 145.

именно буната, чрѣзъ която Шишманъ откъснѣ отъ Петровата властъ нѣколко Български области и направи отъ тѣхъ особно царство, тѣзи историци бъркатъ съ една расправа, която сѣ имали наслѣдниците на Шишмана съ наслѣдниците Петрови. Кедринъ такожде е убъркалъ и заплелъ на едно тѣзи двѣ събития. Въ това ни увѣрява едно показание, което намираме въ свидѣтелството му и което особно се хвърга въ очи. Тукъ той казва, че Петровата смъртъ, която накарала Шишмановитѣ синове да се повдигнатъ срѣшъто Бориса и Романа, станѣли въ 963 година. А пакъ на друго мѣсто той говори, че Петъръ билъ живъ оште въ 967 год.²⁶⁾ Такова важно противорѣчие може да се обясни чрѣзъ това, че Кедринъ е смѣсилъ буната на Шишмана противъ Петра съ дѣйствиата на Шишмановитѣ синове противъ Петровитѣ наслѣдници. Ако обяснението ни е вѣрно, то може да се каже, че Шишмановата буна е станѣла въ 963 год., когато въ Византия е царувалъ императоръ Романъ II, прѣдпиественникъ на Никифоръ Фока. Но както и да е, нѣма съмнѣние, че Шишманъ е царувалъ оште при животътъ на Петра и е умрѣлъ, види се, прѣди него, като е прѣдалъ прѣстолътъ си на по-старий си синъ Давидъ. Давидъ, въ царуванъето на когото се е случила смъртта на Петра, възползувалъ се е отъ отсъствието на наслѣдниците му и съ помошъта на братъето си е нападналъ на источното Българско царство съ мисль да тури и него подъ своя властъ, та пакъ да се съедини политически раскъсанната на двѣ части Българска земя, да се съедини подъ властъта на новата Шишманова династия. Ето какъ трѣбва да се разбира движението, което, спроти думитѣ на Кедрина, направили въ България слѣдъ смъртта на Петра Шишмановитѣ синове. Кедринъ не казва, какъ се е свършило това движение, но ние знаемъ за вѣрно, че въ 969 год. на Петровий прѣстолъ въ Прѣслава е сѣдѣлъ вече Борисъ, отъ което се види, че Давидъ и братъето му не сѣ могли да си постигнатъ цѣлта на пълно. Може да се мисли обаче, че тѣ все пакъ сѣ могли да откъснатъ нѣкоя и друга отъ Петровитѣ области и да ги присѣдинятъ къмъ своитѣ владѣния, така шото владѣнията на старата Българска династия или на источното Българско царство тогава оште по-вече сѣ намалѣли.

²⁶⁾ Тамъ, гдѣто разказва, че Никифоръ Фока писалъ Петру писмо. Глед. по-горѣ.

Не се изминѣ и една година, отъ както Светославъ се завърнѣ въ Киевъ, ето че той допаднѣ пакъ въ България, и допаднѣ съ цѣль да господарува въ тая земя, хубостта и богатствата на която много му сѣ се поревнѣли²⁷⁾. „Не штѣ“, казалъ той на майка си Олга, когато тя го прѣдумвала да си остане въ Русия и да не ходи да търси и да прѣвзема чужда земя, „не штѣ го Кieва, а искамъ да живѣѣ въ Прѣславецъ на Дунавъ: тамо ми е срѣдѣ на земята, тамо докарватъ всѣкаква стока: изъ Гърция злато, ткани работи, вино и различни плодове, изъ Чехия и Унгария сребро и конѣ, изъ Русия кожи, воскъ, медъ и робе“²⁸⁾. Прѣзъ лѣтото на 969 год. Светославъ излѣзе на Дунавскій брѣгъ и пуснѣ се да прѣвзема Прѣславецъ. Но младий Български царь Борисъ извади срѣшто него голѣма сила, която се удари съ войската му и злѣ ѣ смете. Светослава взело отчаяние и той въ срѣдѣ битвата казалъ на дружината си: „уже намъ здѣ пасти, потянемъ мужьски братѣя и дружино!“ Това одушевило Руситѣ; тѣ отчаянно начнѣли да се биѣтъ, чрѣзъ което поправили работата си: распелѣли Българската войска и прѣвзели Прѣславецъ. Слѣдъ това Светославъ се ударялъ оште нѣколко пѣти съ Борисовата войска и все ѣ надвивалъ. За малко време той прѣвзелъ всички, токо-речи, Борисови области между Дунавъ и Балканскитѣ гори, прѣвзелъ столицата велика Прѣслава, гдѣто поробилъ Бориса. — Въ по-голѣмитѣ тамошни градове, като въ Силистра, Плисковъ, Диния²⁹⁾, велика и малка Прѣслава, той оставилъ войводи да поддържатъ отъ-тамъ руската власть въ заетитѣ области, а самъ съ дружината си, прѣзъ пролѣтта на 970 год. минѣлъ прѣзъ Балкантъ, въ Тракийскитѣ области на Българското царство.

Тукъ той прѣвзелъ Пловдивъ, отъ жителитѣ на който спроти думитѣ на Лева Дияконъ до 20,000 душѣ набилъ на

²⁷⁾ Че Руситѣ сѣ се върштали отъ България въ Киевъ, отъ гдѣто на слѣдующата година пакъ дошли въ България, за това говорятъ: Византийцитѣ, Кедринъ и Зонара (у Стритера III, 618 и 988), Българскій прѣводвачъ на Манастиината лѣтопись, и особно подробно рускій лѣтописецъ Несторъ. Левъ Дияконъ излага работата другояче: отъ неговътъ разсказъ излиза, че Светославъ, откакто дошълъ тукъ въ 967 г., не се вече вършталъ назадъ ни еднѣжъ, до 971 г.

²⁸⁾ Лѣтопись Нестора подъ 6477 лѣто.

²⁹⁾ Градъ Плисковъ споменува и Анна Комнина (ed. Bonn I, 334), като казва, че той се е намиралъ на сѣверъ отъ рѣка Бицина (у Констант. Багрянород. Дицина, сегашний Камчикъ или нѣкой отъ потоцитѣ, отъ които той се наченва по пѣтътъ къмъ Силистра. Диния се е намирала на сѣверъ отъ Плисковъ.

колѣ, чрѣзъ което наплашилъ и съсѣднитѣ области и ги накаралъ да му се покорятъ безъ съпротивяване³⁰⁾. Това свидѣтелство, макаръ и да е прѣувеличено, показва ни съ какъвъ начинъ Светославъ е покорѣвалъ и държѣлъ подъ властта си Българскитѣ области. Чрѣзъ покоряването на Пловдивската областъ Светославъ е простѣжлъ властта си до границата на Византийската империя.

Императоръ Никифоръ, който, както видѣхме, завърза миръ и съюзъ съ Петра и съ наслѣдникътъ му Бориса, не можѣ да помогне на този послѣдний, когато Руситѣ нападнѣхъ на него и му прѣвземахъ владѣнията. Случи се, че въ това именно време, когато Руситѣ втори пѣтъ дойдохъ въ България, Никифоръ бѣ захванѣлъ нова война съ Арабетѣ въ Азия, война, която бѣше заузела всичкитѣ му сили, всичкото му внимание³¹⁾. А пакъ щомъ се свърши тази война, Никифоръ биде убитъ въ дворецътъ си отъ Иоанна Цимисхия на 10 Декемврия въ 969, който незабавно биде провъзгласенъ за Византийски Императоръ. На първо време новий императоръ трѣбваше да се грижи, какъ да се закрѣпи на прѣстолътъ и нѣмаше време, кога да мисли и да се мѣша въ работитѣ, които ставахъ въ съюзното Византии Българско царство. И токо въ 970 год., когато Руситѣ бѣхъ достигнали до границата на империята и вече закачихъ ближнитѣ до неѣ нейни градове, Цимисхий взе най-силни мѣрки, за да прѣдотвърне опасността, която идѣше отъ тѣзи врагове. Испърво той се опита да ги отдалечи съ добро отъ владѣнията си: съ дарове и съ благи рѣчи той се надаше да прѣдума Светослава да се върне въ Къевъ, а заетитѣ отъ него Български области да отстъпи нему. — Но Светославъ, който бѣше се възгордилъ съ свѣйтъ успѣхъ и съ своята сила, прѣдложилъ такива условия, каквито Цимисхий не можѣше да приемне³²⁾. Работа стигна до явна война между тѣхъ. Светославъ повика при себе много Печенѣзи и Маджаре, повдигна много Българе, които едно отъ страхъ, друго по добра воля додохъ подъ неговитѣ прѣпорци, и съ голѣма сила нагърна владѣнията на Империята. Съ тази сила той, безъ да срѣшнѣ нѣкаква силна прѣчка, достигна до Едрене. Тукъ го посрѣшнѣ испратенната про-

³⁰⁾ Leo Diakon. ed. Bonn, 105; руский прѣв. Попова 65.

³¹⁾ Finlay, History of the Byz. emp. I, 393, 4.

³²⁾ Левъ Дяк., прѣв. рус. 65, 66; ed. Bonn. 105, 106.

тивъ него Византийска войска и се удари съ него. Византийскитѣ историци Левъ Дияконъ и Кедринъ казуватъ, че въ тази битва Светославъ билъ побѣденъ, а пакъ руската лѣтопись го искарва побѣдителъ. Новитѣ историци не мислятъ еднакво за тази битва³³). Нѣкои доказватъ, че трѣбва тукъ да се вѣрва на руский лѣтописецъ, а други пакъ вѣрватъ на Византийцитѣ, на които разказътъ и намъ се види да е по-завѣрване, макаръ и твърдѣ много да прѣувеличава храбростта на византийската войска. Но, ако Светославъ и да е билъ разбитъ при Едрене и принжденъ да се оттегли назадъ въ България, той все пакъ е останалъ страшенъ и опасенъ за империята, на която неговитѣ многобройни и буйни чети не прѣставали да нападатъ, и съ това докарвали голѣми штети на Ромеитѣ. Левъ Дияконъ разказва, че особно много трѣпли отъ тѣхнитѣ изненадѣйни хищнически нападания Тракийскитѣ области³⁴). Ето зашто Цимисхий бѣше принжденъ да продължава войната и се рѣши да не ѝ свърша, догдѣ съ-всѣмъ не прѣмахне Руситѣ не само изъ предѣлитѣ на империята, но и изъ сжсѣднитѣ неи български области, гдѣто тѣ вече господарувахъ. При това него е блазнила надежда да тури подъ своя рѣка тѣзи области, ако сполучи да събори въ тѣхъ руската власть³⁵). Прѣзъ пролѣтта на 971 Цимисхий приготви една флота отъ триста огненосни кораби и ѝ испрати прѣзъ Черно море въ Дунавъ. Слѣдъ това той вдигна всичкитѣ си сухопѣтни сили и ги поведе прѣзъ Едрене на право къмъ Балканскитѣ гори, — миналъ и прѣзъ тамошнитѣ клисури и достигналъ на велики четвъртъкъ до околноститѣ на велика Прѣслава, безъ да срѣшнѣ нѣкаква прѣчка. Спроти думитѣ на лѣтописецътъ³⁶), Руситѣ не мислили, че Византийската войска може да излѣзе въ походъ прѣзъ такива свештени за християнитѣ дни (прѣзъ страстната недѣля), и за това ужъ не вардили границата си отъ къмъ Византия и клисуритѣ по Балканътъ. Но намъ ни се види, че тукъ Цимисхий е излъгалъ враговетѣ си³⁷). Види се, че той трѣбва да се е прѣ-

³³) Глед. въ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1873, Декабрь, статията на г. Бѣлова.

³⁴) Левъ Дияк., р. пр., 78; ed. Bonn, 126. — Той нарича тѣзи области Македонски (. . . τῶν τῶν Μακεδόνων . . .), но че подъ това име тукъ трѣбва да се разумѣватъ Тракийски области, това ние ясно штемъ да докажемъ въ слѣдната глава.

³⁵) Глед. у Гилфердинга, I, 149.

³⁶) Левъ Дияконъ, рус. пр. 81; ed. Bonn. 131.

³⁷) Сравн. Черткова: „Описание войны Святосла.“ 51.

сторилъ, че иска да има миръ съ тѣхъ, прашталъ е посланници, обричалъ имъ е дарове. Съ този начинъ той ги е залъгвалъ, отводилъ имъ е очитѣ, догдѣ да измине съ войската си опаснитѣ клисури. Въ Прѣслава тогава се е намиралъ единъ отъ отъ най-първитѣ Светославови войводи на име Сфенкелъ (Свѣ-недѣ?), който е ималъ, види се, при себе доста многобройна войска, набрана отъ Руси, Печенѣзи, а такожде и отъ Българе³⁸). Сфенкелъ останалъ като вдървенъ отъ това изненадѣйно появяване на Цимисхия прѣдъ Прѣслава. На бързѣ той вооружилъ войската си и му излѣзълъ на срѣшта, но като не можилъ да устои противъ многобройнитѣ Византийски сили, побѣгнѣлъ та се затворилъ въ градътъ, който Цимисхий незабавно обсадилъ. Любопитно е описанието на тая обсада, което ни е оставилъ Левъ Дияконъ, заштото отъ това описание ние се научаваме, какъ е била укрѣпена древната Българска столица³⁹). Градътъ билъ обиколень отъ единъ якъ зидъ и толкова широкъ, штото на него могли да се смѣстятъ цѣли редове войска и оттамъ да отблъсватъ пристѣпътъ на враговетѣ. Освѣнъ този вѣнкашенъ зидъ, вжтрѣ въ градътъ имало други единъ, който обикалялъ царский дворецъ, — то е била вжтрѣшна крѣпость (крѣмль). Съ помощта на многобройната си войска и на многобройнитѣ си орждия за обсада, Цимисхий лесно можилъ да влѣзе въ градътъ, който сж бранили не доста много воини⁴⁰). Но кога той пристѣпилъ и до вжтрешната крѣпость, гдѣто се намирали до 7,000 воини⁴¹), всичкитѣ му опитвания да влѣзе и въ неж били отблъсвани съ голѣми за него штети. Като видѣлъ, че нѣма други начинъ за да си постигне цѣлта, той заповѣдалъ на войската си да обиколи

³⁸) Че тукъ е имало и Българе, това бѣлѣжи Левъ Дияконъ, като описва битвата на Сфенкеля съ Цимисхия. Той казва, че въ тази битва отъ страха на Сфенкеловата войска паднали и много Мизийци (Българе). *Πλείστον . . . καὶ Μισσῶν κατὰ ταύτην πεσόντων τὴν μάχην. οἳ γε συνεπήμυνον Σκύθαις, Ῥωμαίοις δυσμεναίνοντες, ὡς γεγονόσιν αἰτίαις τῆς ὡς αὐτοὺς γεγενημένης ἀφίξεως τῶν Σκυθῶν.* Ed. Bonn. 137.

³⁹) Глед. рус. пр. 83—85; ed. Bonn, 135—138.

⁴⁰) Левъ Дияконъ разказва, че Византийската войска съ сила влѣзла въ Прѣслава и по улицитѣ колила, трепала, грабилъ. Другойче е представено това нѣшто въ една отъ Ватиканскитѣ миниатюри, отъ която ние имаме една копия: въ неж е изобразено, че Прѣславци сами отварятъ Цимисхию градътъ си и доброволно му го прѣдаватъ.

⁴¹) Тѣй ги избройва Левъ Дияконъ. Кедринъ казва, че били до 8000. Трѣбва да се мисли, че слѣдъ влизанъето на Цимисхия въ градътъ, Сфенкеловата войска, която се е намирала тамъ, бѣгала е та се е скрила все тукъ, въ вжтрѣшната крѣпость.

околовѣрствъ тази крѣпостъ и отъ вси странѣ да хвърга огънь на царскій дворецъ и на другитѣ здания, които се намирали въ нея. Отъ това тамъ се вдигналъ голѣмъ пожаръ, който накаралъ Сѣнкеля да изведе войската си вѣнка и да стѣпи въ отчаяна битва. Въ тази битва погинули ужъ всичкитѣ воини на Сѣнкеля, който токо съ твърдѣ малцина се спасѣлъ и бѣгалъ въ Силистра, гдѣто тогава се намиралъ Светославъ. Въ Прѣслава Цимисхий намѣрилъ младий Български царь Борисъ, когото тамъ държали Руситѣ въ плѣнъ заедно съ жена му и двѣ малолѣтни дѣца; приелъ го съ голѣма честь, отнесѣлъ се къмъ него като къмъ царь и му казалъ, че дошѣлъ само да отмѣсти на Светослава за обидитѣ и штетитѣ, които той направилъ на Българскій народъ. Като си поотпочинжалъ въ Прѣслава, Цимисхий слѣдъ Великденъ търгнѣлъ къмъ Силистра⁴²⁾ противъ Светослава, който все оште не губилъ надежда, че ште да излѣзе на глава съ Византийската войска. Българскитѣ области и градове, които отъ страхъ се покорявали на Руситѣ, сега като видѣли, че работата имъ отива злѣ, отговаряли се отъ тѣхъ и се прѣдавали Цимисхию, който имъ казвалъ, че дошѣлъ да ги избави отъ руското буйство, и никакъ не мисли да ги остави подъ своя власть⁴³⁾. Така попѣтътъ си къмъ Силистра той заелъ Плисковъ, Диния и много други градове, които доброволно му се прѣдали⁴⁴⁾. Цимисхий кротко се обхождалъ съ Българското население и не допущалъ на войската си да му прави штети. Единъ неговъ роднина, Иоанъ Куркуа, позволилъ си да обере нѣколко Български церкви и да си присвои свещеннитѣ имъ одежди и съсуди. Той испослѣ биде убитъ отъ Руситѣ, и Византийскій лѣтописецъ забелѣжава, че съ това Господъ го наказва за неговото светотатство⁴⁵⁾. — И по околноститѣ на Силистра Българетѣ били намислили доброволно да се прѣдадѣтъ Цимисхию, когато той се приближи. За да прѣдвари тая опасностъ, Светославъ заповѣдалъ да докаратъ при него по-знатнитѣ и по-заможни

⁴²⁾ Левъ Дияконъ, рус. пр. 84, 85; ed. Bonn. 136.

⁴³⁾ Кедринъ у Стриттера III, 620.

⁴⁴⁾ Левъ Дияконъ, р. пр. 86; ed. Bonn. 138. 139. Слѣдъ нѣколко врѣме, спроти думитѣ на Кедрина (Стриттеръ III, 1,000) Цимисхию се прѣдала и Констанция, сегашна Кюстендже. — Гилфердингъ, I, 152.

⁴⁵⁾ Leo Diakon. ed. Bonn, 148.

тамошни Българе, отъ които на триста отсѣкълъ главитѣ, а много други турнѣлъ въ окови и ги затворилъ въ темници⁴⁶⁾.

На 23 Априлия Цимисхий се приближилъ до Силистра, гдѣто Светославъ го дочакалъ съ една добръ приготвена многобройна войска, която не е обаче имала до 60,000 душъ, както казва Левъ Дияконъ. Слѣдъ една упориста, дълга и крѣвопролитна битва, руский князь биде принѣденъ да се оттегли и затвори въ градътъ, който императорътъ незабавно обсади. Цѣли три мѣсеци трая тая обсада, която Византийцитѣ карахъ и отъ сухо и отъ Дунава съ огненосната си флота, и во времето на която Руситѣ показахъ чудна храбростъ и упоритостъ. Нѣколко пѣти излазихъ изъ градътъ и съ ненадѣйното си нападанье правѣхъ голѣми штети на Византийцитѣ. Най-послѣ, като не добиваше отъ никѣдѣ никаква помощъ, и гледаше, че силитѣ и срѣдствата му съвсѣмъ се истъпватъ, Светославъ взе да моли за миръ; около конецътъ на Юлия Цимисхий на радо сърдце приелъ молбата му, по което се види, че и нему е вече била дотегнѣла тази обсада⁴⁷⁾. Миръ биде завързанъ съ тѣзи условия: Руситѣ да отстъпѣтъ Силистра и всичкитѣ плѣнници, да се очистѣтъ отъ Българската земя и върнѣтъ дома си, а пакъ императорътъ да ги пусне да си идѣтъ по Дунавъ съ кораблитѣ, безъ да напада на тѣхъ огненосната флота, и да имъ даде всичко, што имъ е трѣбовало за по пѣтъ⁴⁸⁾. — Така се свърши руско-византийската война въ България.

Рекохме по-горѣ, че Цимисхий, догдѣ продължаваше войната си съ Руситѣ въ Българскитѣ области, увѣрявалъ е Българетѣ, че нѣма на умъ да ги туря подъ своя власть, а само гледа да прѣмахне отъ земята имъ опасний за империята му врагъ. Сѣтнинитѣ обаче показахъ, че това му увѣряване не било искрено. Слѣдъ свършването на войната, той обявилъ заетитѣ отъ него Български области Византийски владѣния, поставилъ имъ Византийски управители, оставилъ и войска за да ги държи въ покорностъ⁴⁹⁾. Велика Прѣслава прѣименовалъ, по своето име, Иоанополь, а Силистра — Теодоруполь, по

⁴⁶⁾ Левъ Дияконъ, р. пр. 86; ед. Bonn, 139. Кедринъ казва, че Светославъ турнѣлъ въ окови до 20,000 Българе. Стрит. III, 620.

⁴⁷⁾ Ние не се запираме на тѣзи събития, зашто то тѣ доста добръ сѣ разгледани и подробно изложени у Гилфердинга, I, 152—154, у Бѣлова въ Ж. М. Н. Пр. 1873, Декабрь, стр. 181—192 и у други.

⁴⁸⁾ Левъ Дияконъ, р. прѣв., 96.

⁴⁹⁾ Кедринъ у Стриттера III, 621.

името на св. Теодоръ Стратилатъ, който ужъ помагалъ на Византийцитѣ, когато тѣ обсаждахъ този градъ⁵⁰⁾. — Има едно гръчко свидѣтелство⁵¹⁾, което показва, че Цимисхий унищожилъ и старий български патриаршески прѣстолъ, който, спроти това свидѣтелство, а такожде и спроти грамотата на Императоръ Василий II, тогава се е намиралъ въ Силистра⁵²⁾. Какъ трѣбва да се разбира това нѣшто, ние сме говорили въ „Историч. прѣгледъ на Българската църква“ и пакъ штемъ да поговоримъ въ слѣдующата глава на настоящий си трудъ.

Слѣдъ извършването на тѣзи работи, Цимисхий търгналъ назадъ къмъ столицата си, като взелъ съ себе и Бориса. Жителитѣ на Византия излѣзли да посрѣшнатъ побѣдоносний си императоръ съ голѣмо тържество. Приготвили му злато-обкована колесница запряната съ бѣли конѣ, та на неѣ да влѣзе въ столицата си. Но той не възприелъ да сѣдне въ тая колесница, а поставилъ въ неѣ една икона на св. Богородица, която билъ взелъ изъ България, а прѣдъ неѣ положилъ български царски багреници и корони. Като влѣзълъ въ градътъ, той най-напрѣдъ отишълъ въ св. София, на която принесълъ въ даръ най-драгоцѣнната българска корона. Слѣдъ това той влѣзълъ въ дворецътъ си, гдѣто заповѣдалъ на Бориса да сваля отъ себе царскитѣ си бѣлѣзи, които били: шапка съ пурпуръ обточена (*τίαρα περιπόρφυρος*) и обшита съ злато и маргаритъ, багреница и червени обушта⁵³⁾. — Така станало развѣнчаваньето на Бориса, на когото царството минѣ въ рѣцѣ на Цимисхия. По-младий синъ Петровъ Романъ тогава такожде е билъ доведенъ въ Византия и тамъ, спроти свидѣтелството на Кедрина, е билъ скопенъ⁵⁴⁾. Заедно съ тѣхъ доведено е било и Борисовото семейство, което, както видѣхме по-горѣ, е състояло отъ жена му и отъ двѣ дѣчица, които, види се, сѣ били момичета⁵⁵⁾.

⁵⁰⁾ Левъ Дияконъ, р. пр., 86, 98.

⁵¹⁾ Глед. „Истор. Прѣгледъ на Българск. църква“, 30, 34.

⁵²⁾ Глед. „Период. Списание на Б. кн. друж. кн. 7 и 8, стр. 21.

⁵³⁾ Leo Diacon. ed. Bonn, 158. Българскій прѣводачъ на Манасиината лѣтописъ така описва развѣнчаваньето на Бориса: съи црь цимисхъи прѣжтъ прѣславъ. и въземъ вѣса црьскы вѣлѣгы, и самого Бориса отвѣдъ въ црѣградъ съвѣлѣче его тамо съ црьскыхъ . . . Ватик. прѣп. л. 182.

⁵⁴⁾ Cedren. ed. Bonn, II, 435; Стриттеръ III, 622.

⁵⁵⁾ Ако е истина, че Анна, за която се ожени въ 989 година руский князь, равноапостолний Владимиръ, не е сестра на Византийскитѣ императори Василий и Костандинъ, а е Българска царска дъщеря, то трѣбва да се приема,

III.

**Руско-византийската война и нейнитѣ сѣтнини сж за-
качили токо источнитѣ български области.**

„Войната, която Никифоръ Фока повдигна срѣщу Българетѣ въ 967 год., свърши се въ 971 г. при храбрий му наслѣдникъ Иоана Цимисхий съ пълно покоряване на България, която биде обрнжта въ областъ на Византийската империя“. Така описва г. Рачки сѣтнинитѣ на тая война,¹⁾ така разбиратъ тие сѣтнини уобщо и всичкитѣ историци²⁾. „Лишенъ отъ старото си правителство, българскій народъ останжлъ като втрапенъ, не знаялъ за що да се хване, като че му изсжхнахле ржцѣтѣ: и Цимисхий можелъ безъ голѣмъ трудъ, така да речемъ, да го хване и да го увърже“. Така си обяснява Гилфердингъ³⁾ подвигътъ на Цимисхия, който покорилъ ужъ всичката българска земя. Всичката българска земя! Но българската земя бѣше тогава много широка: както вече видѣхме по-горѣ, тя се е простирала отъ устьето на Дунава до устьето на Калама, срѣщу островъ Корфу⁴⁾. Спроти думитѣ на арабскій писателъ Аль-Масуди, който е живѣлъ въ първата половина на 10-тиятъ вѣкъ и е пжтувалъ по византийската империя, та е билъ доста добръ познатъ и съ нейнитѣ съсѣди, владѣнията на българското царство сж имале тогава 20 дни пжтъ на ширъ и 30 дни на дължъ⁵⁾. Истото потвърдява и Вилхелмъ Тирскій, който се присмива на гърцитѣ, като показва, че тѣ, заслѣпени отъ високомѣрие, и не виджтъ, че отъ Балканскій полуостровъ имъ останжло твърдѣ малко нѣщо, а токо-речи всичко минжло въ ржцѣ на българетѣ, на които

че тя е била дъщеря на Бориса, а не на Петра, както доказва П. Лавровскій (объ Якимовской лѣтописи 77—79). Петръ, който умрѣ въ 968 г. и на стари години не е можилъ да има такава дъщеря, която съ младостта и хубостта си да е прѣлѣстила Владимира. Въ 968 година такива млади моми сж били токо неговитѣ внуци, дъштеритѣ на Бориса, които тогава сж имали 17—20 годишенъ възрастъ.

¹⁾ Bad. jugoslav. akad. kn. XXIV, 89, 90.

²⁾ Доста е да покажемъ токо на по-новитѣ: Гфререръ, Byzantinische Geschichten. 1874, II, 541. Паппаригопуло: 'Ιστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους. 1871, VI, 216, 217.

³⁾ Собрание сочинений. I, 155.

⁴⁾ Глед. по-горѣ, стр. 321.

⁵⁾ Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей и пр. 126 и 127.

земята имала 30 дни на дължъ и по-вече отъ 10 на ширь⁶⁾. Като си наумилъ това голѣмо пространство на българската земя, като си наумилъ, че тя всичката бѣше политически свободна прѣди началото на руско-византийската война, то излази чудно, какъ можѣ Цимисхий въ единъ походъ да покори такава широка земя. — Стига да метнемъ единъ общъ погледъ върхъ тоя походъ и върхъ вървежътъ на руско-византийската война уобщо, за да се увѣримъ, че сѣтнинитѣ на тая война не сж такива, каквито ни ги описватъ рѣченитѣ историци. Руситѣ допадатъ откамъ Дунавъ и първо заематъ тамошнитѣ Русчунка и Силистренска области. Оттамъ тѣ се спускатъ на югъ, камъ старата българска столица Прѣслава, която такожде прѣвзиматъ, заедно съ околноститѣ ѝ. Слѣдъ това тѣ минуватъ прѣзъ Балканътъ и отведнѣжъ нагърщатъ Пловдивската областъ, а слѣдъ покоряването ѝ на нежъ простиратъ властта си до византийската граница, която е вървѣла между Пловдивъ и Едрене. Незабавно тѣ прѣкратятъ тая граница и се опѣтватъ право камъ Константинополъ съ намѣрение да прѣвземѣтъ и него. По пъхтътъ отъ Пловдивъ до Едрене тѣ не намиратъ никаква прѣчка. Но тука, около Едрене ги прѣсрѣща византийската войска, удря се съ тѣхъ и ги накарва да се теглѣтъ назадъ въ заетитѣ отъ тѣхъ български области покрай Балканътъ. Нѣкои историци доказватъ, че слѣдъ тая несполука Руситѣ минжле въ западна България, та покорили и нежъ⁷⁾. Такова заключение тѣ изваждатъ изъ едно свидѣтелство на Левъ Дияконъ, на което ние трѣбва да се запремъ, защото най-много на него се основаватъ оние, що доказватъ, че руско-византийската война е закачила всичката българска земя. Левъ Дияконъ разказва, че и слѣдъ несполуката си при Едрене руситѣ не прѣставале да плѣчкосватъ византийскитѣ владѣния: спроти неговитѣ думи, тѣ въ това време особно злѣ разорявале и опустошавале „областта

⁶⁾ Намираме за добро да помѣстимъ нѣколко подробности отъ това любопитно извѣстие на Вилхелма Тирскаго, на което до сега малко сж обръщале внимание. — *Bulgarorum gens . . . a Danubio usque ad urbem, et iterum ab eodem flumine ad mare Adriaticum, universas occupaverat regiones: ita ut confusis provinciarum nominibus et terminis, totus iste tractus, qui in longitudine habere dicitur iter dierum triginta, in latitudine vero decem, vel amplius, Bulgaria dicatur: miseris græcis ignorantibus, quod hoc ipsum nomen eorum protestetur ignominiam.* — Bongars, „*Gesta Dei per Francos*“, p. 653.

⁷⁾ Чертковъ, 57; Гилфердингъ I, 149; Палпаригопуло IV, 201.

на Македонцитѣ⁸⁾. А думитѣ — Македония и Македонци, историцитѣ, за които ни е рѣчта, разумѣватъ така, както на сегашно време се употрѣбаватъ тие думи, та по това и заключаватъ, че руситѣ биле дохождали и въ западна България. Но въ сръднитѣ вѣкове подѣ думата Македония сж разбираше друго нѣщо, — друго нѣщо разбира подѣ тая дума и Левъ Дияконъ. Единъ византийски географъ, Ермагоръ, който е писалъ около крайтъ на 7-мий вѣкъ, нарича Родосто (Текиръ-дагъ) и Филиппополь (Пловдивъ) македонски градове. Георги монахъ, който е живѣлъ въ 10-тии вѣкъ, казва, че Едрене се намира въ Македония. Константинъ Багренородни подѣ име Македония⁹⁾ разбира византийскитѣ владѣния въ сегашна Тракия, а пакъ ония византийски владѣния, що сж се намираше въ сегашна Македония, той дѣли на двѣ области, отъ които една нарича Солунска, а друга Стримонска¹⁰⁾. Никита Хониатъ разказва, че императоръ Алексий Комненъ наричалъ зетъ си Бриения македонецъ, защото билъ родомъ отъ Едрене (Орестияда), — „най-хубавий градъ на Македония“¹¹⁾. Иоанъ Кинамъ казва, че Вероя (Желѣзникъ) се намира въ Македония¹²⁾. Тия свидѣтельства съ неоторима сила доказватъ, че у византийскитѣ писатели подѣ име Македония се разбиратъ византийскитѣ владѣния въ Тракия, и че главния градъ на тая византийска Македония е билъ Едрене¹³⁾. Така е разбиралъ името Македония и Левъ Дияконъ: като споменува за раззоренията, които руситѣ правили въ Македония, тоя лѣтописецъ разказва тутакси, че Цимисхий взелъ енергически мѣрки противъ тия раззорения: заповѣдалъ да се прати храна и оръжие въ Едрене, на тамошната византийска войска¹⁴⁾. Та и оттука се види, че рускитѣ раззорения, за които ни е рѣчта,

⁸⁾ . . . τὰ μέγιστα Ῥωμαίους εἶονοντο, αἰφνιδίους ἐπεξέλασεις ποιούμενοι, καὶ τὴν τῶν Μακεδόνων ληϊζόμενοι καὶ δηρὸνδες ἀφειδῶς. Ed. Bonn. p. 126. Сравни п. р. 111.

⁹⁾ Tafel. Constantinus Porphyrogenitus. Tubing. 1846, p. XV, XVII. Сравни и „Погледъ върху происхождането на Българскій народъ“, 48.

¹⁰⁾ Rambaud, L'empire grec au dixième siècle, p. 190, 191, 224.

¹¹⁾ Никита Хониатъ, руски прѣводъ, I, 7.

¹²⁾ Иоанъ Кинамъ, руски пр. 6, 7. — Венецианскій Дожъ Андрей Дондоло въ своята хроника нарича Македония и крайдунавска България. Muratori, Rerum Ital. script. XII, 183.

¹³⁾ Rambaud, p. 224. Единъ италиалецъ, Киаромани, който е пътувалъ въ 1659 год. по Турция, нарича Филиппополь metropoli della Macedonia. Глед. Макушева: Историч. пам. южныхъ Славянъ.

¹⁴⁾ Leo Diac. Ed. Bonn. 126, 127. Сравни 111, 103, 104. Глед. Гфререра: Byz. Geschichten, II, 632.

сж биле въ сегашна Тракия, около Едренската област, а не въ сегашна Македония, или западна България.

Итака, да се върнемъ пакъ камъ общий си погледъ. Руситѣ, подиръ несполуката, що сръшнѣххъ около Едрене, оттеглихъ се назадъ, види се, въ Пловдивската област. Нападателното имъ движение, което се захванѣ отъ Дунавъ, именно отъ Русчукъ и Силистра, и вървѣ право на югъ, токо речи по една права линия, свърши се при Едрене. Сега се захваща нападателното движение на Цимисхия и върви и то по сѣщпѣй пѣтъ, само отъ югъ на сѣверъ. Цимисхий се вдига отъ Едрене и отива право камъ Балканътъ (а не търси руситѣ въ западна България), минува прѣзъ него и достига въ Прѣслава, отдѣто бърза камъ Силистра. Тука той свършва войната си съ руситѣ, утвърдява властта си въ отнетитѣ отъ тѣхъ български области и незабавно се връща въ столицата си по сѣщпѣй пѣтъ. Отъ това става ясно, че руско-византийската война е закачила токо Силистренската, Русчушката, Прѣславската, Пловдивската, Едренската и съсѣднитѣ тѣмъ области: токо тие области покоревахъ руситѣ, токо тѣхъ сега и Цимисхий прѣвзе и тури подъ византийска власть. Таче и испослѣ ние гледаме, че той токо тѣхъ се грижи да укрѣпи и удържи подъ властта си. Левъ Дияконъ разказва, че Цимисхий оставилъ въ Силистра добра стража (*φυλακὴν ἀξιόμαχον*)¹⁵⁾, а отъ Кедрина се научаваме, че той оставилъ такава стража и въ други нѣкои крайдунавски градове и кули¹⁶⁾. Скоро слѣдъ връщаньето си въ Константинополь той прѣселилъ изъ Армения въ Пловдивската област много павликене, които биле прочути по храбростта си. Цимисхий обрекълъ на тие еретици да не имъ кѣтне вѣрата, но за това тѣ се обвързале да вардѣтъ Пловдивската област и околнитѣ гори отъ неприятеле на империята¹⁷⁾.

Тие области които бидохъ закачени отъ руско-византийската война, които Цимисхий покори и, както видѣхме, погрижи се да укрѣпи, тѣ сж токо една часть отъ българската земя, — това сж оние области, що останѣххъ вѣрни на царь Петра, когато другитѣ сж отменѣххъ отъ него и съставиха особно политическо тѣло подъ управлението на Шишмана и на не-

¹⁵⁾ Ed. Bonn p. 153.

¹⁶⁾ У Стриттера, II, 621.

¹⁷⁾ За тие прѣселени отъ Цимисхия Павликене споменуватъ Зонара и Анна Комнена. Сравни Гилфердингъ, Собрание сочиненій, I, 22⁷.

говѣтъ родѣ. Съ други думи да речемъ, токо източното българско царство, въ което царуваше старата българска династия, биде покорено испърво отъ руситѣ, а послѣ отъ византийтѣ, а западното въ това време е останжло непокореното, както отъ руский плѣнъ, така и отъ Цимисхевий походъ: тамъ българетѣ упазихж тогава политическата си независимостъ.

При това обяснение на руско-византийската война не е вече чуденъ успѣхътъ на Цимисхия: както руситѣ, така и той е ималъ работа токо съ една часть отъ българската земя, токо съ източната нейна половина. Но тая истина досега е остаяла непозната на историцитѣ; тѣ не сж забѣлѣжавале политическото раздѣланье на Симеоновата държава, раздѣланье, косто е станжло при Симеоновий наслѣдникъ Петра, нѣколко годинъ прѣди началото на руско-византийската война, и вѣрватъ, че и во време на тая война България е съставяла едно цѣло политическо тѣло: това е причината, дѣто досега така криво, неясно и сметено сж излагале историята на руско-византийската война. Че тая война не е закачила западнитѣ български области, това може да се подтвърди съ още нѣколко доказателства.

Въ прѣднията глава ние споменжхме, че Цимисхий, като унищожилъ политическата независимостъ на заетитѣ отъ него български области, поискалъ да имъ унищожи и църковната независимостъ. Затова той низложилъ тогавашний български патриархъ, на когото сѣдалището се намирало въ Силистра¹⁸⁾. Но въ сжщото време ние гледаме, че се явява български патриархъ въ София, който слѣдъ малко време се прѣселва оттамъ въ Водена, Мъгленъ, Прѣспа, дѣто е сѣдѣлъ околó 980-та год., и най-послѣ въ Охрида. За тоя странствууюци по западна България патриаршески прѣстолъ ние се научаваме отъ една грамота на императоръ Василий Болгароктонъ¹⁹⁾. Въ тая гра-

¹⁸⁾ Това го знаемъ отъ едно грѣчко свидѣтелство, косто, споменува за тогавашний български патриархъ Дамианъ (Δαμιανὸς ἐν Δοροστόλῳ), притуря, че той непослѣ καθ' ἑρέθῃ παρὰ Ἰωάννου τοῦ Τζιμισχίου. Глед. „Историч. прѣгледъ на Българската църква“, стран. 30, 34.

¹⁹⁾ Ето що се говори въ тая грамота: Ἐπὶ Πέτρῳ βασιλεύσαντος ἐν Βουλγαρίᾳ αὕτη μὲν τῷ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς ἀξιώματι ἐλαμπρύνετο. μετὰ δὲ τοῦτο ἀπὸ τόπου εἰς τόπον μεταβαίνοντων τῶν ἀρχιεπισκόπων, τοῦ μὲν εἰς Τριάδιτζαν, τοῦ ἐν τοῖς Βοδηναῖς καὶ ἐν τοῖς Μογλαῖνοις, εἰθ' οὕτω ἐν τῇ Ἀχρίδῃ τὸν νῦν εὐρομεν, ἀρχιεπίσκοπον. Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей: Болгарской и прч. Москва 1871 год. стр. 260.—Срав. и Перподич. Спис. кн. VII—VIII, стр. 21.

мота и право се казва, че въ София патриаршески прѣстолъ билъ прѣнесенъ изъ Силистра. Та отъ това се види, че силистренскій патриархъ, когото Цимисхий насилно низложи, побѣгнѣлъ е въ западна България и тамъ си е издигнѣлъ ново сѣдалище, което испърво е било поставено въ София. Може би пакъ и друго-яче да е станѣла тая работа, ако би силистренскій патриархъ да не е можѣлъ да избѣгне изъ рѣцѣтъ на Цимисхия. Въ такѣвъ случай трѣбва да се прѣдположи, че българскитѣ митрополите, като сж се научиле за насилственното унищожение на българската патриаршия въ Силистра, па не сж щѣле да се подчинѣтъ на константинополскій патриархъ, съборниѣ си сж поставиле новъ патриархъ, като наслѣдникъ на незаконно-низложенъ отъ Цимисхия. Но така или инѣкъ се е прѣнесълъ въ онова време българскій патриаршески прѣстолъ изъ источна България въ западна, — то не е дотолкова важно за цѣлта на нашето издирване; важно е само, че можѣ да стане това прѣнасанье. А то е могло да стане само и само по това, че Цимисхиевитѣ заповѣди и распореждания не сж имале никаква сила въ западна България, която, слѣдователно, не е подпадала подъ властта му.

Друго едно доказателство, което показва, че западна България е увардила тогава политическата си независимостъ, ние намираме у нѣкои тогавашни нѣмски лѣтописци. Въ 973 год. прѣзъ месецъ Мартъ, германскій императоръ Оттонъ I дошѣлъ въ Кведлинбургъ, дѣто празнувалъ Великденъ и се маялъ нѣколко време. Тукъ доходили при него посланници отъ различни народи, доходили такожде и български посланници (*legati Bulgarorum*)²⁰). Отдѣ щѣхъ да додѣтъ тѣзи български посланници, въ 973 год., ако Цимисхий да бѣше покорилъ въ 971 год. всичката българска земя? Това извѣстие само тогава може да се обясни, когато допуснемъ, че, освѣнъ покоренитѣ отъ Цимисхия български области, имало е и други, които сж останѣле независими: тѣ сж съставляле особено политическо тѣло, което въ 973 година е пращало посланници при императоръ Оттона.

Слѣдъ това ние щемъ да се опитае да опрѣдѣлимъ поотблизо, какви именно области загрѣщаше по онова време западното българско царство и какви му бѣхъ границитѣ. Отъ само себе се разбира, че това опрѣдѣление ще ни помогне

²⁰) Глед. *Annales hildesheimenses*. Pertz, *Monumenta German. script.* III, 62, 65.

да си обяснимъ границитѣ и на оная българска земя, която подпаднѣхъ подъ властта на Цимисхия. Колкото за откамъ южна и западна стърна западното българско царство се е простирало до тамъ, додѣто се простираше българската земя при Симеона и при Петра. Както щемъ да видимъ въ слѣдующата глава, западното българско царство захванѣхъ въ 976 год. война съ Византия и ѣхъ захванѣхъ откамъ южната си граница. Войската му прѣминѣ тогава тая граница и нападнѣхъ на близкитѣ византийски крѣпости; а такива крѣпости, както показва историята на тая война, сѣ били тогава Сересъ и Лариса въ Тѣсалия. Сѣщитѣ крѣпости се намирахъ покрай границата още и въ началото на Петровото царуване, още прѣди раздѣлянето на неговото царство: покрай тѣхъ е минавала южната граница на старото, още не раздѣлено българско царство, която ние опрѣдѣлихме въ I-та глава на това наше издирване²¹). Оттука се види, че западното българско царство откамъ южна стърна е зауземало всичкитѣ области, които още въ времето на Симеона бѣхъ вече български области, и че Цимисхий отъ тѣхъ не е прѣвзималъ нищо. Ако откамъ тая стърна западното българско царство е могло да уварди прѣжната българска граница. то отъ само себе се разбира, че то не е загубило нищо и откамъ западна стърна, дѣто границата му е вървѣла по брѣгътъ на Адриатическо море, отъ устьето на Калама до устьето на Дринъ. Колкото за источната му граница, то тя може да се опрѣдѣли по тия свидѣтелства и съображения. — Рекохме по-горѣ, че въ 971 год., когато Цимисхий прѣвзѣ Силистра, българский патриархъ побѣгна оттамъ и си прѣнесе столицата въ София, дѣто тя се е находила пѣколко време. Това нѣщо ясно ни показва, че София не се е намирала въ покореното отъ Цимисхия источно българско царство, но че тя е била въ прѣдѣлитѣ на западното. Това се потвърждава още и отъ слѣдующето. Въ 981 год., както щемъ да видимъ по-долѣ, Василий Болгароктопъ захванѣхъ война съ Самуила, който тогава вече сѣдѣше на бащиний си прѣстолъ въ западна България. Василий поведе войската си прѣзъ Едрене и Пловдивъ, отгдѣто се вдигнѣхъ, та отиде да обсажда София, обсажда ѣхъ около 20 дена, но не можѣ нищо да ѣ направи и биде принуденъ да се тегли на-

²¹) Глед. по-горѣ стр. 321.

задъ въ Пловдивъ. Това извѣстие, освѣнъ дѣто потвърждава, че София се е намирала въ прѣдѣлитѣ на западното българско царство, показва ни още, че тоя неговъ градъ се е намиралъ близо до источната му граница. Види се, слѣдователно, че тая граница, която е вървѣла по върховетѣ на Доспатъ, минувала е по-нататъкъ право камъ Етрополский Балканъ, като е заглърщала ихтиманско и софийско поле. Пò-мжчно е за опрѣдѣляване, кждѣ е отивала тая граница оттука, сирѣчь отъ Етрополский Балканъ на сѣверъ. Ние не се съмнѣваме, че старитѣ български край-дунавски градове, Бѣлградъ и Видинъ, не сж биле покорени отъ Цимисхия. Това бѣха много яки и важни по положението си градове. За Бѣлградъ се знае, че още во времето на Михаилъ-Борисъ е билъ πόλις τῶν περὶ Ἰστρον ἐπισκοπότης²²⁾. А че и Видинъ е билъ тогава единъ отъ най-якитѣ и най-важни български градове, въ това не може да има никакво съмнѣние. Въ 1002 г. византийцитѣ цѣли осемъ мѣсеци трѣбваше да обсаждатъ тоя градъ²³⁾, та. ако византийцитѣ да бѣхж тогава покориле и тѣхъ, то безъ друго ние щѣхме да намѣримъ у лѣтописцитѣ каква-годѣ споменъ за такива широки и важни завоевания. Нека си припомнимъ, че колкото сухи и да сж тие лѣтописци, тѣ не пропусчатъ да споменуватъ за пò-важнитѣ Цимисхиеви завоевания; споменуватъ ни Диния, Плискова и други нѣкои малки градовци между Прѣслава и Силистра²⁴⁾, а за Бѣлградъ, Видинъ, София, сжщо и за други нѣкои важни градове ние не намираме у тѣхъ никаква споменъ. Тия съображения ни даватъ пълно право да мислимъ, че и Бѣлградъ, а такожде и Видинската областъ сж се намирале въ западното българско царство, което Цимисхий остави непожтното. Като си наумимъ всичко това, ние мислимъ, че нѣма много да се излъжемъ, ако кажемъ, че источната граница на това западно българско царство е отивала отъ Етрополский Балканъ право нагорѣ, покрай рѣката Искъръ чакъ до Дунава.

И така, линия, теглена отъ устьето на Искъръ до Етрополский Балканъ, а оттамъ по Срѣдна гора, сирѣчь по върховетѣ, що отдѣлатъ Пазарджиско поле отъ Ихтиманско, и по върхътъ на Родопската планина, до кждѣ Ахж-Челеби, — това

²²⁾ Глед. Vita S. Climent., с. 21.

²³⁾ Глед. у Стриттера, II, 630.

²⁴⁾ Глед. по-горѣ, стр. 342.

е источната граница на западното българско царство: всичкитѣ области, що се намирахъ на западъ отъ тая линия, не припознавахъ вече властта на царь Петра, когато Византия повдигнѣ срѣщу него руситѣ, а съставяхъ особено царство, което не биде закачено отъ руско-византийската война и което удържа независимостта си.

Противъ изложеното наше разяснение на сѣтнинитѣ отъ руско-византийската война въ България може да бѣде противупоставено²⁵⁾ токо едно историческо извѣстие, което ние трѣбва да разгледаме по-подробно. — Това извѣстие се намира въ познатата история на Дуклянскій пресвитеръ²⁶⁾, която е писана не по-рано отъ половината на 12-тиятъ вѣкъ²⁷⁾ и наречена история на Словѣнското кралство (*regnum Slavorum*). „Умрѣлъ, разказва се въ тая история, българскій царь Петъръ, който е сѣдѣлъ въ градъ Велика Прѣслава, а гърчкскій царь съ всичкитѣ си сили влѣзълъ въ България, та си ѝ покорилъ. Слѣдъ това той се завърнѣлъ въ столицата си, като оставилъ въ България войска, на която началницитѣ отишли та прѣвзеле всичката Рашска (Новопазарска) областъ. Рашскій жупанъ побѣгнѣлъ тогава съ синоветѣ си и дѣщеря си и дошълъ въ Травуния при тамошнскій кралъ Прелимиръ, който го приелъ добръ и оженилъ се за дѣщеря му Прѣхвала. Послѣ, когато гърчкскій царь умрѣлъ, Прелимиръ съ тестътъ си пратиле въ Раса, та казале на приятелѣтѣ си да трепѣтъ гърцитѣ и всичкитѣ гърци биле истрепени въ единъ день. Тогава Прелимиръ дошълъ въ Раса, наредилъ ѝ, поставилъ тестътъ си да ѝ бѣде пакъ главенъ жупанъ, но да припознава неговата (Прелимирова) върховна властъ“²⁸⁾.

Подъ името Раса, Рашска областъ, разбира се тогавашното сѣрбско жупанство, което е заемало сегашната Новопазарска областъ. Та ако бѣде истина, че Цимисхиевата войска изъ България е доходила въ Раса и ѝ покорила, то трѣбва да се допусне, че византийцитѣ тогава сѣ прѣвзеле и западна България, или поне тие нейни области, прѣзъ които е трѣб-

²⁵⁾ Гилфердингъ, I, 177; Рачки, Rad XXIV, 84.

²⁶⁾ *Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum*, напечатано първъ пѣтъ въ книгата на Лучича: *De regno Dalmatiae et Croatiae*, 1660 год. и втори пѣтъ у Schwandtneri, *scriptores rerum Hungaricarum* 1746—48, t. III, p. II. Има и сѣрбскскій прѣводъ, напечатанъ въ Сербскій Лѣтописъ, кн. 88, у Будиму 1853 год.

²⁷⁾ Рачки, *Ocjena starijih izvora*. Въ *Književnik* 1864, 203—4.

²⁸⁾ Гилфердингъ, I, 171, 172.

вало да минатъ за да достигнатъ до Нови-пазаръ. Има историци, които приематъ горѣизложенний разказъ на Дуклянскій пресвитеръ за истиненъ; но това сж такива историци, които внасятъ въ историтѣ си всичко, що имъ доде до рѣцѣ, безъ да го излагатъ по-първо на потрѣбната историческа критика. По-здравомисленни историци, макаръ и да привождатъ такожде тоя разказъ (Гилфердингъ, Рачки), но го привождатъ съ голѣмо или малко прѣдпазване, — а пакъ ние сме на мисль, че той нѣма никаква историческа цѣна. Подробеноститѣ, що се излагатъ въ него, не само не се потвърждаватъ отъ никоя друга стѣрна, но още и противурѣчатъ на всичкитѣ извѣстия, които имаме отъ онова време за тогавашното положение на тие страни. Тука не е имало Словѣнско кралство, въ което да е кралувалъ Травунскій владѣтель Прелимиръ, подъ властта на когото, спроти думитѣ на Дуклянскій пресвитеръ, тогава, около 970 година, се била намирала не само Травуния, но още и Дуклянската земя (Зета), Захлумия и още нѣкои съседни области. Ние наздраво знаемъ, че около 950 год., когато Константинъ Багренородни е писалъ своето съчинение за управленнето на византийската империя, Травуния, Дуклея, Захлумия и собствена Сърбия сж съставяле особни княжества, независими едно отъ друго (освѣнъ Травуния, която, види се, да се е намирала нѣколко време подъ върховна власть на сърбскій жупанъ); тѣ тогава не само не сж биле неприятеле на Византия, но още сж се и намирале подъ нейна върховна власть: византийското покровителство имъ е било потрѣбно и полезно, защото чрезъ него тѣ сж се надале да увардѣтъ независимостта си отъ силнитѣ съседни тѣмъ словѣнски държави — българската и хърватската. Въ такова положение сж се намирале около половината на 10-тии вѣкъ реченитѣ земи, които Дуклянскій пресвитеръ ни прѣдставя като едно силно кралство, таче още и неприятелски ужъ расположено камъ Византия. Тие земи сжщо тѣй распокжсани и слаби ние намираме и около крайтъ на това столѣтие, около 990 год., когато българскій царь Самуилъ нападна на тѣхъ и въ единъ походъ завлада едно по едно всичкитѣ²⁹⁾. Оттука вече може да сжди човѣкъ, до колко е за вѣрване разказътъ на Дуклянскій пресвитеръ. Но, за да видѣтъ читателитѣ по-

²⁹⁾ Глед. Гилфердингъ, I, 213—221; Рачки, Rad, XXIV, 115—116.

добъръ, до колко е неразбранъ тоя историкъ, ние щемъ кажемъ още нѣколко думи за него. Спроти неговътъ разказъ, отъ Прелимира, който ужъ царувалъ въ тие страни около 976 год. и до 900-та, когато тѣ бѣхъ покорени отъ Самуила, сирѣчъ въ 15 — 20 годинъ време, тука царувале единъ по други петъ краля, които се раждаде единъ отъ други³⁰⁾. Излази, че въ онова време човѣкъ въ 3 — 4 годинъ можѣлъ е отъ дѣте да стане мжжъ, да се ожени, да роди дѣца, да ги отгледа и да имъ прѣдаде наслѣдството си, а самъ да умре или да си почива на стари години. Съ такива безумни и безсмисленни чудеса е прѣпълнена историята на Дуклянскій пресвитеръ, горѣрѣченний разказъ на когото противурѣчи малко нѣщо³¹⁾ на миѣнието, що искаме да потвърдимъ въ настоящий си трудъ. Не е вече нужно, мислимъ да се запираме повече на тоя разказъ и да доказваме неговата безоснователность. Щемъ да се опитае обаче да разяснимъ, какъ е можѣлъ да се яви тоя разказъ за Прелимира и за покоряванъето на Раса отъ гърцитѣ.

Първо и първо трѣбва да кажемъ, че Дуклянецътъ, макаръ и да описва историята на своето отечество — Дукля (Зета) и на съседнитѣ ѣ словѣнски земи въ Далмация, които той си прѣдства като едно силно Словѣнско кралство (regnum Slavorum), но той вноси въ тая история и такива лица и събития, които принадлежатъ на други словѣнски племена. Така наприм., прочутий моравски князь Светопѣлкъ, спроти Дуклянецътъ, кралувалъ въ Далмация. Между далматийскитѣ словѣне дѣйствувалъ ужъ и Светопѣлковий съвременникъ и учитель — св. Кирилъ (Константинъ философъ)³²⁾. Това нѣщо ни дава право да мислимъ, че ако Прелимиръ е историческо, а не измисленно лице, то той такожде трѣбва да е вземътъ отъ българтѣ, и ето по коя причина. Дуклянецътъ разказва, че Прелимиръ воювалъ съ гърцитѣ; а знае се, че отъ южнитѣ словѣне въ онова време токо българтѣ сж имале такава война. Това наше прѣдположение намира поддържка и отъ друга

³⁰⁾ Глед. родословието имъ въ историята на Дуклянскій пресвитеръ глав. XXIV, XXV.

³¹⁾ Казваме малко нѣщо, защото, ако наистина Раса е била покорена отъ гърчката войска, то може да се мисли, че Цимисхий билъ покорилъ токо една частъ отъ западна България, прѣзъ която войската му е трѣбвало да мине, за да достигне до Раса, но не и всичка западна България.

³²⁾ Гледай глава IX, X.

стърна. Въ единъ ръкописенъ български синодикъ, въ който се споменуватъ наредъ българскитѣ царѣ, слѣдъ царъ Петра и прѣдъ неговий синъ Бориса, срѣща се име Плѣнмиръ³³⁾. Не може да се каже, че това име е прѣкоръ или прозвище на Петра; а пакъ отъ друга стърна се знае, че той не е ималъ нито братъ, нито синъ, който да е носилъ такова име, или да е царувалъ подиръ него въ България. По всичко се види, че това име е на нѣкой български юнакъ, който се е прославилъ въ тогавашнитѣ войни между българетѣ и византийцитѣ, та поради това за него сж биле съставени народни пѣсни, и въ тие пѣсни слѣдъ време народътъ е привдигналъ тоя юнакъ до царъ. Оттука, сирѣчь изъ народнитѣ пѣсни, името на тоя юнакъ, види се, е прѣнесено въ поменикътъ на българскитѣ царѣ, дѣто сж го и смѣстиле между съвременницитѣ му Петра и Бориса. Нека си припомнимъ сега, че тогава е имало твърдѣ тѣсни сношения между българетѣ и далматийскитѣ словѣне, които, както е познато, бидохж присъединени къмъ българското царство во времето на царъ Самуила; нека си напомнимъ тие тѣсни сношения, и ние лесно можемъ да си обяснимъ, какъ е могло името на тоя юнакъ да достигне до Далмация и да влѣзе въ историята на Дуклянскій пресвитеръ, който, види се, по-голѣмата частъ отъ многобройнитѣ си кралеѣе е взелъ отъ народнитѣ пѣсни. Отъ само себе се разбира, че той, като е смѣствалъ тоя юнакъ въ измисленната отъ него генеалогия на рѣченнитѣ кралеѣе, нѣщо отъ неговитѣ работи е изхвърлилъ, а нѣщо е притурилъ отъ себе си. Тѣй е станжло това, дѣто българскій юнакъ Плѣнмиръ въ рѣченната история е направенъ на Словѣнски кралъ, а отъ юнашкитѣ му подвизи противъ гърцитѣ Дуклянецътъ е съставилъ цѣла война, която ужъ имало неговото Словѣнско кралство съ византийцитѣ. Съ една рѣчь да кажемъ, и съ Плѣнмира е станжло сжщото, което гледаме да е станжло и съ моравскій князь Светопълка, отъ когото Дуклянецътъ е оставилъ токо отношенията му камъ Кирилъ и Методий, за дѣятелността на които той такожде е намѣрилъ мѣсто въ историята на своето Словѣнско кралство.

³³⁾ Борисъ прѣкомъ црѣ българскомъ нареченномъ въ стѣм крѣпѣніи Мѣханахъ . . . Симеонъ сѣдъ его и Петръ црѣ стѣомъ видѣхъ его, Плѣнмиръ, Борисъ, Романъ, Самонаъ, Радомиръ, Гаврилаъ, Владимиръ, древніимъ българскіимъ црѣмъ . . . і вѣчнаа памѣтъ.— Намира се въ единъ ръкописенъ сборникъ (XVI в.), който прѣди три години ми подари въ Панагюрище г. Цвѣтко Х. Томевъ.

Противъ горѣизложеното прѣдположение намъ могатъ да противупоставятъ разликата, която се забѣлѣжава между имената Плѣнимиръ и Прелимиръ, обаче такова возражение ние не намираме за силно. Г-нъ Рачки твърдѣ основателно забѣлѣжава, че въ печатнитѣ издания на Дуклянскій лѣтописъ собственитѣ имена сж твърдѣ покварени³⁴⁾, та не е чудно, че и името Плѣнимиръ е такожде искривено. Гилфердингъ е билъ напълно увѣренъ въ това нѣщо, и намѣрилъ е за добро да оправи тая погрѣшка. Въ историята си намѣсто Прелимиръ той пише Предимиръ³⁵⁾. Обаче ние не можемъ да приемемъ неговото исправяне и мислимъ, че най-правилното исправяне на това име е Плѣнимиръ, даже и тогава, ако би дуклянскій Прелимиръ и да не е тождественъ съ нашия Плѣнимиръ.

IV.

Българо-византийската война отъ 976 год. до 981. Какъ трѣбва да се гледа на тая война? Нѣколко бѣлѣжки за състоянието на западното българско царство до воцаряванъето на Самуила.

Сега вече ние можемъ и по-отблизко да разяснимъ историята на западното българско царство, което, както доказахме, не биде закачено нито отъ руситѣ, нито пакъ отъ византийцитѣ. Въ това разяснение читателитѣ ни щѣтъ да пайдѣтъ нови доказателства, които още повече щѣтъ да ги увѣрѣтъ въ нашата мисль.

Нѣкои византийски историци разказватъ, че щомъ Цимисхий умрѣлъ въ 976 год., българетѣ вдигнале глава и захванѣле да нападѣтъ на византийцитѣ¹⁾. Това станѣло въ 976 година, а въ 980-та, сирѣчь слѣдъ 4 години, ние гледаме, че голѣма българска война държи вече въ властта си и такива области, които до тогава никога не сж сѣ намирали подъ българска власть, — Епиръ, Тесалия, Еллада и оттамъ трѣси случай да се спусне въ Морей. На чело у тая войска тогава (въ 980 г.) се намиралъ Самуилъ. „Той, казва лѣтописецъ Кедринъ, съ своитѣ нападения раззори всичката за-

³⁴⁾ Književnik, 1834 г. стр. 200.

³⁵⁾ Собрание сочиненій, I, 172—173.

¹⁾ Кедринъ, Бониско изд. II, 434.

падна земя (всичкитѣ византийски владѣния на Балканский полуостровъ), не само Тракия, Македония и околноститѣ на Солунъ, но такожде Тесалия, Гърция и Пелопонисъ²⁾. За върлуванията на Самуила по Еллада въ 980 г. ние имаме и друго едно любопитно свидѣтелство, което се намира въ житието на св. Никона, който по това време се намиралъ въ Спарта. Отъ това житие ние се научаваме, че Пелопониският стратигъ (византийски воевода) билъ тогава Василий Апокавъ. Той, като чулъ, че българетѣ приближаватъ до Коринтский провлакъ, отишълъ да имъ прѣпрѣчи пътъ. Но едно отъ страхъ, друго пакъ отъ болѣстъ, що го хванѣла, той се смаялъ и не знаелъ какво да чини. Поради това повикалъ изъ Спарта св. Никона да доде и да го утѣши. Св. Никонъ незабавно дошълъ въ Коринтъ и не само излѣкувалъ Апокава отъ болѣстта му, но го още и освободилъ отъ страхътъ и ужасътъ, като му донелъ радостна вѣстъ, че българетѣ взеле други пътъ, оттеглиле се на сѣверъ³⁾. Това е станѣло въ началото на 981 година.

Тукъ трѣбва да напомнимъ на читателитѣ си, че прѣди да иде така далечъ на югъ, чакъ до Коринтъ, българската войска е трѣбвало да вземе по-първо много византийски крѣпости. И наистина, лѣтописецътъ говори, че тѣ взеле и си подсебиле много крѣпости, между които по-главната била Лариса, главният градъ на Тесалия⁴⁾. Оттамъ Самуилъ взелъ мощитѣ на св. Ахила и ги прѣнесълъ въ Прѣспа, дѣто му била столицата. — Въ друго едно мѣсто тѣ споменуватъ още една яка крѣпость, която българетѣ се опитвале да прѣвзематъ, именно Сересъ. Лариса и Сересъ, — това бѣха двѣ яки византийски твърдини, които още при Симеона и при Петра се намирахъ близо до българската граница и вардѣха византийскитѣ владѣния отъ българетѣ. Между тие двѣ крѣпости сж се намирале още нѣколко такива яки крѣпости покрай границата, именно Веррея, Сервия и други. Твърдѣ здраво разсуждава почтенният новогръчки историкъ Паппаригонуло, че Самуилъ въ началото на 981 год. побързалъ да остави Пелопонисъ, защото се научилъ, че императоръ Василий се готви да нападне съ голѣма войска на държавата му откамъ сѣверозападна Тракия⁵⁾. И наистина,

²⁾ Ibidem 434; у Стриттера II, 622.

³⁾ Migne, Patrologiae cursus compl. CXIII; Гилфердингъ I, 204.

⁴⁾ Кедрийъ, II, 436.

⁵⁾ Паппаригонуло, IV, 234.

ние видимъ, че Василий вдига голѣма войска прѣзъ Филибе, минува съ нея Късъ-дербентскитѣ и Канулу-дербентскитѣ тѣснини въ Ихтиманското поле и достига до София, която незабавно и обсажда. Но тая българска крѣпостъ била до толкова твърда, дѣто византийцитѣ не могли да ѝ направятъ нищо, макаръ и да ѝ обсаждаваха съ всичкитѣ си обсадни оръдия по-вече отъ дваесетъ дена. Василий падналъ въ отчаяние и гледалъ само, какъ да се върне здравъ и читавъ назадъ прѣзъ опаснитѣ тѣснини. Но при Кануджи-дербентъ българската войска нападнѣла на византийцитѣ, избила мнозина и плѣнила всичкии императорски шатъръ. Всичкитѣ конници били избити, спасле се само пѣшациѣ, които съ голѣма мъка и трудъ достигнѣле до Филибе. Въ това време и Самуилъ се намиралъ около София и командовалъ войската си⁶⁾.

Ето какви работи сѣ вършатъ въ западна България въ 980-та и 981 год., сирѣчь 4—5 години слѣдъ смъртта на Цимисхия. Тие работи искатъ разяснение, на което ние щемъ да се запремъ.

Историцитѣ, които вѣрватъ, че Цимисхий покорилъ всичката българска земя, доказватъ, че въ 976 год., слѣдъ смъртта на Цимисхия, покоренитѣ българи вдигнѣле глава и взеле да се освобождаватъ. Съ други думи, тие гледатъ на тая война, като на единъ бунтъ отъ стърна на българетѣ, бунтъ, който тѣ направили да се освободятъ отъ него, ще имъ наложилъ Цимисхий. Спроти това доказване излази, че въ 3—4 години българетѣ не само освободили всичката западна българска земя, по могли още въ това кратко време и да ѝ укрѣпятъ съ такива крѣпости, каквато гледаме въ 981 год. София, успѣле да възстановятъ политическии и гражданскии си редъ, да наредятъ добра войска, успѣле чакъ да прѣминатъ старата южна граница на българското царство, прѣвзели пограничнитѣ византийски крѣпости, такива яки твърдини, каквито били Веррея, Лариса, распространили границата си далече на югъ, чакъ до Еллада, дохождале даже и до Целопоинсъ. Всичкото това тѣ могли да извършатъ въ 3—4 години. Не иска и доказване, че извършването на толкова много тежки дѣла въ 3—4 години отъ едни бунтовници е нѣщо такова, което нѣма примѣръ въ историята, нѣщо, което прилича на чудеса, на

⁶⁾ Подробно описание на тоя походъ гледай у Гилфердинга I, 207 и у Рачки, Rad, 210—212.

басни. Оние историци, които гледатъ на тая война, като на бунтъ, и сами забѣлѣжватъ, че работата имъ не е читава, та се и стараѣтъ да си ъж обяснѣтъ съ различни прѣдположения. Рачки показва на гражданската война, що избухнѣ въ византийската империя послѣ смъртта на Цемисхия и около петъ годинѣ бушева въ Азия, отъ 976 год. до 980-та, па говори: „въ тие петъ годинѣ не само византийското правителство, но и общественното мнѣние, до толкова е било залисано съ работитѣ, що ставахъ въ Азия, дѣто нито първото не е могло да вземе дѣятелни мѣрки за да удѣши българското възстание, нито пакъ второто е вѣрно забѣлѣжило неговото развитие“⁷⁾. — „Само съ тоя начинѣ, сирѣчъ, ако вземемъ во внимание това, дѣто империята е била прѣхвърлила всичката си войска въ Азия, ние можемъ да си обяснимъ голѣмий успѣхъ на българското възстание.“ Но ние вече видѣхме, че по това време е имало гарнизоне въ Коринтъ, Лариса, Сересъ, а като ги е имало въ тие стари византийски крѣпости, то още по-вече трѣбва да ги е имало по българскитѣ области, които сѣ биле покорени отъ византийцитѣ. Това го е изисквалъ и здравий разумъ и политиката на Византия. И наистина, ние видимъ, че въ Силистра, за която се знае, че навѣрно биде покорена отъ Цимисхия, е имало толкова силенъ гарнизонъ, дѣто Самуилъ не е можѣлъ да прѣвземе тоя градъ⁸⁾. Такожде той не е можѣлъ да прѣвземе, види се, и Варна, Месемврия, Анхиялъ, тие важни крѣпости и пристанища въ източното българско царство. Това сѣ такива фактове, които показватъ, че Византия не е прѣхвърлила въ Азия всичката си войска и че въ Европа тя е оставила гарнизонетѣ, които е държала тамъ по крѣпоститѣ си и които трѣбва да сѣ биле особно силни въ новопокоренитѣ отъ неѣ български области. Пита се, ако наистина и западното българско царство да бѣше покорено и снабдено съ византийски гарнизоне, то какъ можѣхъ българетѣ толкова лесно да истребѣтъ тѣзи гарнизоне? На това питанѣ Гилфердингъ отговаря така: „Види се, че тѣзи гарнизоне — едно сѣ биле исклани, или пакъ сѣ избѣгале, едно пакъ сѣ се прѣдале на българетѣ, които сѣ ги приеле въ своята войска“⁹⁾. Но това види се тука си нѣма

⁷⁾ Rad, XXIV, 92.

⁸⁾ Глед. у Стриттера II, 639; Гилфердингъ, I, 195, 198.

⁹⁾ Собрание сочинений, I, 197.

мѣстото: да сж исклани толкова-си гарнизоне въ България, или пакъ да сж се изневѣрили на царството си, това макаръ какъ-годѣ бихж забѣлѣжиле византийскитѣ писатели, а ние не намираме у нихъ никаква споменъ за такова нѣщо.

Нашето мнѣние не оставя мѣсто за такива чудни прѣдположения и чрезъ това добива още по-голѣма сила. — Работата е била такава. Западна България не е била покорявана отъ Цимисхия. Тя е съставяла особно политическо тѣло и не е вече имала никакви политически вѣзки съ източното българско царство, което Цимисхий покори. Границитѣ ѝ на югъ сж се простирале до тамъ, до дѣто сж се простирале и при Симеона, именно до кждѣ Сересъ, Лариса.

До смъртта на Цимисхия това българско царство види се да е живѣло мирно съ Византия, едно защото се е страхувало отъ нейното усилване, друго защото е било заузето съ внжтрѣшнитѣ си работи. И така когато Цимисхий умрѣ и въ византийската Империя избухнж гражданска война, то е побързало да се възползува отъ тая сгодна за него случка и е захванжло да разпространява властта си и по съсѣднитѣ византийски области. Правителетѣ на това българско царство види се да сж имале доста голѣма войска, па сж срѣщале съчувствие и въ единоплеменното население на съсѣднитѣ области. Тие обстоятелства отъ една стърна, а отъ друга гражданската война на византийцитѣ сж причината, дѣто въ 3—4 години тѣ сж могле да освободжтъ по-голѣмата частъ на покоренитѣ отъ Цимисхия български области, та освѣнтъ това могле сж още и да прѣвземжтъ отъ Византия нѣколко други области, които по-прѣди никога не сж дохождали подъ българска власть.

Ето какъ, спроти нашето мнѣние, трѣбва да се гледа на българо-византийската война, която е била захванжта въ 976 год. То не е било бунтъ на нѣкакви покорени отъ Цимисхия области, а е било война, която останжлата независима западна половина на България е захванжла съ византийцитѣ съ цѣль да освободи отъ властта имъ покоренитѣ отъ Цимисхия български земи, или просто съ цѣль да разшири прѣдѣлитѣ си. Така наистина се и прѣдства това движение у византийскитѣ лѣтописци, когато човѣкъ вникне съ по-голѣмо внимание въ тѣхнитѣ разказе.

Слѣдъ това намъ ни остана да кажемъ нѣщо и отъ исторіята на това западно българско царство, отъ основанието му до времето, когато то отвори рѣчената война съ Византия въ 976 година.

Както вече видѣхме въ I-та глава на настоящий си трудъ, то биде основано още при животътъ на царъ Петра, во времето на голѣмата буна, която, види се, да е станжала прѣзъ пролѣтта или прѣзъ лѣтото на 963 година¹⁰⁾. На чело у тая буна се е намиралъ кметъ Шишманъ, който е билъ провъзгласенъ за правителъ на областитѣ, що се оттеглихъ отъ властта на Петра. Като правителъ нихънъ, той е приелъ и царски титулъ, както показватъ приведенитѣ въ I-та глава исторически паметници — грамотата на Пенчо и Светогорский паметникъ. До кога е царувалъ Шишманъ, това не се знае за вѣрно. Ние приведохме по-горѣ едно свидѣтелство на Кедрина, въ което се говори, че слѣдъ смъртта на царъ Петра противъ неговитѣ синове се повдигнале синоветѣ на Шишмана и искале да имъ отнематъ бащиний прѣстолъ¹¹⁾. По това свидѣтелство може да се мисли, че Шишманъ не е вече царувалъ прѣзъ есента на 968 год., когато се случи Петровата смъртъ и че въ западното българско царство сж вече буравиле неговитѣ синове: Давидъ, Мойсей, Ааронъ и Самуилъ. Отъ свидѣтелството на Кедрина се научаваме такожде, че правителетѣ на западното българско царство не сж гледале равнодушно на источната българска земя и сж очаквале сгоденъ случай да туржтъ и нежъ подъ своята власть. Това е причина на прѣдприятието, което тѣ сж захванжле слѣдъ смъртта на Петра. Но прѣдприятието имъ тоя пжтъ не се удаде, защото, както видѣхме, Петровитѣ синове съ помощта на Византия удържѣхъ бащиний си прѣстолъ, на когото се въскачи по-старий отъ тѣхъ, Борисъ.

Отъ четеритѣ синове Шишманови на баща си е наследовалъ Давидъ. Че Давидъ е царувалъ, това го знаемъ отъ нѣколко нашенски свидѣтелства. Едно отъ тѣхъ ние вече приведохме по-горѣ¹²⁾: то е зографскій поменикъ на българскитѣ царѣ, въ който послѣ Шишмана се поменува Давидъ. Както

¹⁰⁾ Глед. по-горѣ стр. 327—328. Именно между 15 Марта и Септемврия, когато византийскій прѣстолъ заемахъ малолѣтнитѣ синове на Романа II, Василий и Константинъ.

¹¹⁾ Глед. по-горѣ, стр. 335—336.

¹²⁾ Глед. по-горѣ, стр. 328.

е познато, Давида нашата църква почита като светецъ; въ много български черкови намъ се е случвало да видваме из-ображението му съ надписъ: Святѣй царь български Давидъ. Има и едно печатано изображение на стѣй Давидъ црь болгарскѣй, което е издадено въ минжлий вѣкъ въ Песнѣ въ една словѣнска книга. Едно листо отъ тая книга, на което се намира образътъ на Давида, ние сме видвале у Г. Жинзифова. Въ ржката си Давидъ държи единъ свитѣкъ, на когото е написано: всако црство само к себѣ раздѣлаааааа записѣетѣ. Въ българската ржкописна писменность се намира и житието на св. царь български Давидъ. Намъ не ни се е случвало да видимъ това житие, но че то се намира, това го доказва извѣстний каталогъ на българскитѣ светци, който е съставенъ отъ приснопаветний иеромонахъ Пансий¹³). Той е видвалъ и челъ житието на Давида, отъ което е и извадилъ бѣлѣжикѣ си за тоя български светецъ. Къто що казва той за него: Стѣй црь Дѣдъ оставилъ царство колю братѣ своимѣ Самуилѣ, отишелъ въ монастырь и воспрѣимъ монашески чинъ и поживѣлъ стѣ и богободно, въ мало время преставилъ кѣ Бгѣ и бѣли моци его печленни из Бодени, и въ Охридъ принесени¹⁴). Давида знаятъ и нѣкои византийски писатели; но Кедринъ казва само, че той билъ убитъ отъ нѣкакви-си власи по пжтѣтъ между Прѣсна и Костуръ¹⁵). Това Кедриново извѣстие за смъртта на Давида не се посрѣща съ нашенскитѣ извѣстия за тоя прѣдметъ. Спроти Кедрина той билъ убитъ, а спроти нашенскитѣ извѣстия той умрѣлъ отъ естествена смъртъ. На кое отъ тия двѣ извѣстия трѣбва по-вече да се вѣрва? това нѣщо ние не можемъ да рѣшимъ, позволяваме си само да мислимъ, че нашенското извѣстие трѣбва да е по-вѣрно.

Спроти нашенското извѣстие, слѣдъ Давида захващялъ да царува Самуилъ. Но Самуилъ бѣше пай-малкий синъ на Шишмана; отъ него е имало два по-стари брата, именно Мойсей и Ааронъ, които, види се, не сж царувале¹⁶); а отъ що е станало това?

¹³) Глед. по-горѣ, стр. 119.

¹⁴) По прѣписътъ, който се намира у О. М. Бодянского. Глед. по-горѣ, стр. 118.

¹⁵) Ed. Bonn. II, 435.

¹⁶) Има едно латинско извѣстие (Ademar.), което нарича Аарона царь: regibus Bulgarorum Samuele et Aaron . . . astucia greca interfectis . . . Но въ това извѣстие подъ името Ааронъ се разумѣва синътъ Аароновъ Иоанн-Владиславъ, който по незнаенъ е убѣрканъ съ отца си. Pertz, Monum. Germ. III, 131.

За Мойсея ние намираме у Кедрина едно кратко извѣстие, което дава твърдѣ удовлетворителенъ отговоръ на тоя въпросъ. Отъ това извѣстие ние се научаваме, че Мойсей билъ убитъ подъ стѣнитѣ на градъ Сересъ, когато българетѣ обсаждали тоя градъ¹⁷⁾. Оттука може да се мисли, че смъртта на Мойсея, както и обсадата на градъ Сересъ, сж станжле още во времето на Давидовото царуване. Слѣдователно, когато Давидъ е оставилъ царский прѣстолъ, Мойсей не е вече билъ живъ, и е имало само два претендента на тоя прѣстолъ: Ааронъ и Самуилъ. Кедринъ разказва, че Самуилъ убилъ Аарона и всичкий неговъ родъ, освѣня сина му Иоанъ-Владислава¹⁸⁾.

Като вземемъ на видъ изложенитѣ извѣстия, ние имаме право да направимъ слѣдующото заключение за западното българско царство до началото на Самуиловото царуване. Слѣдъ Шишмана, основателтъ, така да речемъ, на това българско царство, тамъ е царувалъ Давидъ, при когото е погинжлъ по-старий отъ останжлетѣ му братъ, Мойсей; а слѣдъ Давида воцарилъ се е Самуилъ, който е приелъ царский прѣстолъ или по завѣщание отъ Давида, или пакъ чрѣзъ злодѣйство, жертва на което е станжлъ по-старий му братъ Ааронъ. По-подробни и по-вѣщи извѣстия за историята на това западно българско царство отъ основанието му и до началото на Самуиловото царуване ние не можемъ да прѣдставимъ,—за сега поне ние нѣмаме никакви други по-пълни извѣстия за тоя въпросъ. Мислимъ, обаче, че това, което можѣхме да кажемъ до сега, е доста да увѣри читателитѣ, че Самуиловата държава не е нѣкое отъ-ново създадено царство, а води началото си отъ това западно българско царство.

¹⁷⁾ Кедринъ, II, 435.

¹⁸⁾ Кедринъ, II, 435.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

и

ВИЗАНТІЯ ВЪ X ВѢКѢ.

(Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1875, книга 3-я).

Предисловіе.

Изученіе нѣкоторыхъ памятниковъ, ускользнувшихъ отъ вниманія доселѣшнихъ изслѣдователей, изученіе, соединенное съ тщательнымъ, смѣю сказать, пересмотромъ общеизвѣстныхъ источниковъ, представило мнѣ въ новомъ свѣтѣ многія явленія Южно-Славянской исторіи X-го вѣка, дало возможность уяснить себѣ и нѣкоторые изъ остающихся въ ней до сихъ поръ темными пункты, какихъ, какъ извѣстно, не мало. Развитие возникшихъ отсюда взглядовъ составляетъ главное содержаніе предлагаемаго сочиненія, въ которомъ обращено особенное вниманіе на взаимныя отношенія отдѣльныхъ Южно-Славянскихъ племенъ и на отношенія ихъ къ Византіи. Запимавшіе меня тутъ вопросы весьма часто вызывали на пересмотръ и перерѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ позднѣйшаго времени, обѣщая вознаградить этотъ трудъ новыми данными въ пользу высказанныхъ здѣсь взглядовъ. Но боясь слишкомъ большихъ отступленій, я предпочелъ держаться строго въ предѣлахъ X-го вѣка, отдѣлавшись отъ искушавшихъ вызововъ обѣщаніемъ отвѣтить на нихъ особеннымъ изслѣдованіемъ. Дорожа такимъ образомъ связностію изложенія, я, быть можетъ, этимъ повредилъ полнотѣ его. Сочту, впрочемъ, трудъ свой вполнѣ вознагражденнымъ, если, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ предлагаемыхъ и вполнѣ развитыхъ, по моему крайнему разумѣнію, взглядовъ найдутъ благосклонный пріемъ со стороны читателей.

28 Ноября, 1875.

Прага.

М. Дриновъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Глава I. Болгарія въ первой четверти X вѣка	371
Глава II. Взглядъ на древнѣйшую исторію Хорватовъ, Сербовъ и Южно-Далматинскихъ Славянъ; ихъ положеніе въ первой четверти X-го вѣка	404
Глава III. Царствованіе Петра Симеоновича. Богомилы. Государственное устройство. Раздѣленіе Болгарскаго Царства	431
Глава IV. Русско-Византійская война въ Болгаріи. Начало Самуиловой Державы	460
Глава V. Хорваты, Сербы и Южно-Далматинскіе Славяне въ послѣднихъ трехъ четвертяхъ X-го вѣка	489

Южные Славяне и Византия въ X вѣкѣ.

Глава I.

Болгарія въ первой четверти X вѣка.

Въ первой четверти X вѣка Болгарія переживала одну изъ самыхъ блистательныхъ эпохъ своей исторической жизни. Къ этому именно времени относится правленіе Симеона, величайшаго изъ Государей перваго Болгарскаго Царства. Время Симеона было уже предметомъ многихъ изслѣдованій, даже одной монографіи¹⁾. Не смотря, однако, на это, какъ личность и стремленія Симеона, такъ и политическая роль, которую при немъ играла Болгарія, остаются все еще недостаточно выясненными. Виновата тутъ прежде всего скудость историческихъ источниковъ; но справедливость требуетъ замѣтить, что и эти скудные источники не исчерпаны вполне. Такъ, между ними первое мѣсто, по своей важности, должны занимать письма Константинопольскаго Патріарха Николая Мистика, знавшаго лично Симеона и принимавшаго весьма дѣятельное участіе въ сношеніяхъ Византийскаго Правительства съ нимъ²⁾. Существуетъ около тридцати писемъ этого Патріарха, посвященныхъ исключительно Болгарскимъ дѣламъ и писанныхъ преимущественно на имя Симеона; въ этихъ письмахъ заключается богатый матеріалъ, бросающій довольно яркій свѣтъ на тогдашнія отношенія Болгаріи къ Византіи, а также и къ другимъ ея сосѣдямъ. Но, къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ остается и до сихъ поръ нетронутымъ почти всѣми Славянскими учеными. Онъ остался совершенно неизвѣстнымъ даже Шафаріку; не зналъ о немъ и Палаузовъ, сочинитель выше упомянутой мо-

¹⁾ Палаузова: „Вѣкъ Болгарскаго Царя Симеона“. Спб. 1852 г.

²⁾ Письма Николая Мистика въ первый разъ обнародовалъ А. Майо въ „Specilegium Romanum.“ Romae 1844, X; во второй разъ они перепечатаны въ обширномъ собраніи Миля: „Patrologiae Cursus completus“, t. CXI.

нографіи о царствованіи Симеона. На сколько намъ извѣстно, изъ Славистовъ первый обратилъ вниманіе на этотъ источникъ Профессоръ В. И. Григоровичъ въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи объ отношеніяхъ Константинопольской Церкви къ окрестнымъ народамъ, къ которому (изслѣдованію) онъ приложилъ четыре изъ помянутыхъ тридцати посланій Патріярха Николая, съ Русскимъ переводомъ³⁾.

Задача помянутаго изслѣдованія — культурно-историческаго свойства; по этому сочинитель его не обратилъ, конечно, вниманія на заключающіяся въ письмахъ Патріярха Николая данныя политическаго свойства. Этого рода данными, встрѣчающимися въ перепечатанныхъ Г. Григоровичемъ четырехъ письмахъ, воспользовался Гильфердингъ въ новомъ изданіи своей исторіи Сербовъ и Болгаръ⁴⁾, но, разработавъ ихъ внѣ связи съ богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ остальныхъ двадцати шести письмахъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ и явно ошибочныхъ выводовъ изъ него.

Внимательное изученіе всѣхъ, относящихся къ нашей задачѣ, писемъ Патріярха Николая въ связи съ другими источниками привело насъ къ нѣкоторымъ новымъ выводамъ относительно той политической роли, которую Болгарія играла на юго-востоцѣ Европы въ царствованіе Симеона. Роль эта весьма видная, такъ какъ политическое движеніе Болгаръ въ это время захватывало на своемъ пути не только весь Южно-Славянскій міръ, но и оказывало весьма могущественное давленіе и на жизнь сосѣднихъ иноплеменныхъ народовъ и, прежде всего, конечно, на Византію. Въ отношеніяхъ Симеона къ послѣдней всего яснѣе обозначается настоящій характеръ этого политическаго давленія; по этому мы и остановимся на нихъ подробнѣе, тѣмъ болѣе, что и наши источники главнымъ образомъ касаются собственно этихъ отношеній.

Послѣ крещенія Бориса, въ 863 году, между Болгарскимъ Государствомъ и Имперіею установился очень крѣпкій миръ,

³⁾ Какъ выражались отношенія Константинопольской Церкви къ окрестнымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X столѣтія“. Одесса, 1866. Кое-какія извлеченія изъ писемъ Патріярха Николая сдѣланы еще въ двухъ другихъ сочиненіяхъ, которыми мы будемъ пользоваться: 1) въ статьѣ: „О Патріярхѣ Николаѣ Мистикѣ“, помѣщенной въ „Твореніяхъ Св. Отцовъ“, изд. Москов. Дух. Акад. 1861 г. кн. 2-я, стр. 163—265, и 2) Hergenröther, „Photius Patriarch von Constantinopel.“ Regensburg, 1867, III.

⁴⁾ См. „Собраніе сочиненій Гильфердинга“. Спб., 1868, т. I.

продолжавшійся до самого конца правленія этого Болгарскаго Государя, приблизительно до 888 года. Эти дружественныя отношенія были очень выгодны для обѣихъ странъ. Благодаря имъ, умный и дѣятельный Императоръ, Василій Македонянинъ (867—886) могъ приняться за возстановленіе потрясенной, при его слабыхъ предшественникахъ, власти Имперіи на отдаленныхъ окраинахъ ея. Тогда были обузданы Павликіяне, которые, распространивъ свою власть до Никомидіи, Никеи и Ефеса, помышляли о совершенномъ низпроверженіи власти Византійцевъ въ Азіи⁵⁾. Въ это именно время Василій успѣлъ не только положить предѣлъ посягательствамъ Каролинговъ на Восточную Римскую Имперію, но и отнять у нихъ нѣкоторыя изъ захваченныхъ уже ими древнихъ ея владѣній въ Далматіи и южной Италіи. Тогда же были обузданы и Сарацины, коимъ Василій успѣлъ внушить нѣкоторое уваженіе къ Византійскому оружію⁶⁾. Василій очень дорожилъ миромъ съ Болгарами, благодаря коему онъ могъ предпринять и совершить помянутые подвиги. Въ теченіе двадцатилѣтняго своего правленія онъ ни разу не далъ повода къ неудовольствію Болгарскому Государю, который и съ своей стороны свято хранилъ этотъ миръ, столь нужный ему для внутренняго упроченія своей обновленной Христіанствомъ Державы. Патріархъ Николай считаетъ это время самымъ лучшимъ временемъ въ исторіи взаимныхъ отношеній сосѣднихъ Государствъ и справедливо, какъ кажется, восторгаясь воспоминаніемъ объ этомъ времени, пламенно желаетъ его возвращенія. „Послѣ того (пишетъ онъ Симеону), какъ Богъ благоволилъ и васъ просвѣтитъ свѣтомъ познанія своего и, разрушивъ средостѣніе вражды, призвалъ васъ къ свѣту славы своей и соединилъ съ Греками, какъ вѣрою, такъ и любовію, съ этой поры вражда упразднилась, прѣкратилось движеніе оружія и мѣсто не согласія заступила любовь. Что же нынѣ? Врагъ Божій снова покушается разрушить единеніе . . . 7)“. „Праведно (пишетъ онъ въ другомъ писмѣ къ Симеону), дабы ты былъ наслѣдникомъ не только Державы твоего отца (Бориса), но также наслѣдникомъ миролюбивой души и прочаго Христіанскаго его настроенія. Онъ, съ помощію Божіею, . . . завязалъ узелъ любви къ Римлянамъ; ты же, елико

⁵⁾ Паппаригонуло „Ιστορία Ἑλληνικῶν ἔθνων“ 1871, IV, 73.

⁶⁾ См. 75-е письмо Николая Мистика.

⁷⁾ Письмо 8-е, у Мина стр. 61, 64.

возможно, долженъ скрѣпить его, но не разсѣкать; онъ, по внушенію свыше, отвратилъ отъ Христіянъ смертоносное оружіе, а ты, чтя отца, долженъ отбросить это оружіе⁸⁾.

Но этотъ благодѣтельный миръ былъ нарушенъ, какъ только Императора Василия смѣнилъ, непохожій на него, Левъ Философъ, а въ Болгаріи миролюбивому Борису наслѣдовалъ Симеонъ.

Симеонъ, какъ извѣстно, провелъ свою молодость въ Византіи, гдѣ и получилъ образованіе. Онъ учился, по всей вѣроятности, въ знаменитой тогда Магнаурской школѣ, изъ которой вышелъ и Константинъ Философъ; такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать изъ свидѣтельства Ліутпранда о томъ, что Симеонъ отлично изучилъ Логику и Риторику⁹⁾, которыя составляли главные предметы Тривіума, преподававшагося въ этой школѣ. Своимъ прилежаніемъ и любовію къ наукамъ, по свидѣтельству того же Ліутпранда, Симеонъ удивлялъ самихъ Константинопольскихъ Грековъ. Любовь къ наукамъ и литературнымъ занятіямъ онъ сохранилъ до конца своей жизни. Кромѣ извѣстныхъ Славянскихъ свидѣтельствъ, называющихъ Симеона новымъ Птолемеемъ, говорящихъ, что онъ „изслѣдовалъ всѣ книги Священнаго Писанія, характеръ, обичаи и мудрость всѣхъ учителей, что онъ исполнилъ книгами своя палаты¹⁰⁾, эта страсть его къ чтенію засвидѣтельствована и Патріархомъ Николаемъ Мистикомъ. „Знаю (пишетъ онъ въ 923 г. къ Симеону, когда послѣднему было уже за пятьдесятъ лѣтъ), знаю, что ежедневно наполяешь свою прекрасную душу живою водою ученія; знаю, что и ты любознательно перечитываешь книги древнихъ“¹¹⁾.

Вообще своею начитанностію и образованностію Симеонъ ни сколько не уступалъ современнымъ ему Византійскимъ Императорамъ, Льву Философу и, его сыну, Константину Багрянородному, лучшимъ представителямъ Византійской образованности X вѣка¹²⁾. Но, равняясь имъ въ этомъ отношеніи, онъ ни сколько не былъ похождъ на нихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. По словамъ Патріарха Николая, знавшаго Симеона

⁸⁾ Письмо 25-е, у Григоровича, стр. 72.

⁹⁾ „Antapodosis“, у Перца, III, 309.

¹⁰⁾ См. Калайдовича: „Іоаннъ Экзархъ Болгарскій“, стр. 100, 102.

¹¹⁾ Письма 23 и 26, у Григоровича, тамъ же, стр. 60, 88.

¹²⁾ Рамбо, *L'empire grec au dixième siècle*. Paris 1870, p. 62.

лично, не по слухамъ¹³⁾, онъ отличался, „несравненнымъ благородствомъ души, здравымъ разсудкомъ, по уму не имѣлъ себѣ равнаго¹⁴⁾, ненавидѣлъ зла, отвращался отъ несправедливости¹⁵⁾, былъ украшенъ всѣми добродѣтелями“¹⁶⁾. Въ частной своей жизни онъ хранилъ замѣчательную простоту, отличался „трезвостію, не позволяялъ себѣ никакихъ излишествъ“; вообще жизнь его по словомъ Патріярха Николая, „мало отличалась отъ жизни отшельниковъ“¹⁷⁾. Этотъ простой, суровый образъ жизни не былъ, однако, послѣдствіемъ какихъ ни будь аскетическихъ воззрѣній, а обуславливался напряженною умственною и правительственною дѣятельностію, дѣятельностію, которая, по словамъ Патріярха, снискала Симеону всеобщее удивленіе¹⁸⁾, а Болгарскій народъ довела до вершины славы“¹⁹⁾.

Симеонъ вступилъ на престолъ нѣсколько раньше 888 года; въ этомъ году, по крайней мѣрѣ, онъ занималъ оный, по единогласному свидѣтельству какъ Византійскихъ историковъ, такъ и нѣкоторыхъ Западныхъ лѣтописцевъ²⁰⁾. Ему было тогда около 25 лѣтъ. Еще въ самомъ началѣ его правленія миръ съ Византіею былъ нарушенъ. Византія сама дала поводъ къ нарушенію дружественныхъ отношеній: новіи Императоръ, Левъ Философъ, снискавшій себѣ печальную извѣстность тѣмъ, что всѣ поступки его находились въ разладѣ съ проповѣдуемыми имъ же основами²¹⁾, имѣлъ и другой недостатокъ, отъ коего не мало пострадали при немъ существенныя выгоды Имперіи:

¹³⁾ Письмо 17-е, у Мнѣя, стр. 172.

¹⁴⁾ Письмо 16-е, тамъ же, стр. 104.

¹⁵⁾ Письмо 14-е, тамъ же, стр. 101.

¹⁶⁾ Письмо 22-е, стр. 184.

¹⁷⁾ Тамъ же.

¹⁸⁾ Письмо 19-е, стр. 184.

¹⁹⁾ Письмо 14-е, стр. 101.

²⁰⁾ Исключеніе составляетъ только одна Фульдская лѣтопись, по свидѣтельству которой въ 892 въ Болгаріи царствовалъ еще Владимиръ, старшій братъ и предшественникъ Симеона. Нужно имѣть въ виду, однако, что эта лѣтопись очень путаетъ лѣтосчисленіе упоминаемыхъ ею событій изъ Болгарской исторіи. Такъ, на примѣръ, походъ Симеона противъ Мадьяръ она относитъ къ 896 году, между тѣмъ какъ онъ происходилъ ни какъ не позже 892 г. Кстати замѣтимъ, что Патріярхъ Николай считаетъ Симеона непосредственнымъ преемникомъ Бориса. См. письмо 25-е. О царствованіи Владимира онъ не упоминаетъ, вѣроятно, по тому, что оно продолжалось только четыре года и ни чѣмъ особенно не озаменовано. См. Голубинскаго, „Краткій очеркъ Исторіи Православныхъ Церквей“, 253—4.

²¹⁾ Рамбо, тамъ же, 5.

онъ легко подчинялся вліянію людей, которыхъ приближалъ къ нему случай, большею частію по сердечнымъ дѣламъ. Въ первые годы его правленія достигъ очень сильнаго вліянія при Дворѣ Стилійнъ Зауча, отецъ Зои, любовницы Льва, сдѣлавшейся въ послѣдствіи второю женою его, человѣкъ низкаго происхожденія и проникнутый большимъ корыстолюбіемъ. Самымъ приближеннымъ человѣкомъ къ этому временщику, былъ его слуга, евнухъ Мусикъ. Два ловкіе Грека изъ Аттики, Ставракій и Козма, столкнувшись съ этимъ вліятельнымъ евнухомъ, успѣли взять на откупъ пошлину съ Болгарской торговли, составлявшей весьма важную статью государственныхъ доходовъ Византіи, такъ какъ торговля Болгарская была очень обширна. „Ту вся благая сходятся: отъ Грекъъ золото, паволоки, вина, овощи, разноличныя; изъ Чехъ же, изъ Угоръ, серебро и комони; изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь“. Такъ говорилъ Великій Князь Святославъ про Болгарію, и говорилъ около 968 года, когда она уже находилась въ упадкѣ. Въ царствованіе же Симеона Болгарія по словамъ одного новѣйшаго историка, была складочнымъ мѣстомъ торговли между Западомъ Европы, Сѣверомъ и Византіей. Сырья произведенія Германіи, Моравіи, Россіи и Придунайскихъ странъ Болгарами обмѣнивались на мануфактурныя произведенія Имперіи и на товары Азіи и Африки²²⁾. Въ слѣдствіе этого для Болгарской торговли въ Византійской столицѣ находился очень обширный рынокъ. Взявши на откупъ пошлину съ Болгарскаго рынка, помянутые откупщики, чрезъ посредство того же евнуха, добились того, что рынокъ этотъ билъ перенесенъ изъ столицы въ Солунь. Здѣсь, вдали отъ правительственнаго надзора, они очень прижимали купцовъ, вымогая отъ нихъ большія пошлины. Представленія Симеона, благодаря продѣлкамъ вліятельнаго покровителя откупщиковъ, оставлены безъ вниманія. Это принудило Болгарскаго государя искать удовлетворенія съ помощію оружія²³⁾. Война, начавшаяся по такому необыкновенному для того времени поводу, имѣла великое значеніе въ судьбахъ всего Юго-Западнаго Славянства: она впервые втиснула въ международныя отношенія Европейскихъ народовъ Мадьярскую орду,

²²⁾ Рамбо, тамъ же, 328.

²³⁾ См. Палаузова, тамъ же 40; у Гильфердинга I, 86. Обстоятельнѣе изложенъ поводъ къ этой войнѣ у Греческаго историка Паппаригопуло, тамъ же, IV, 87.

которой суждено было вскорѣ расколоть Юго-Западное Славянство на двѣ половины, врѣзавшись клиномъ въ самое его сердце.

Мадьярская орда около 885 года притѣснилась изъ Приволжскихъ странъ въ нынѣшнюю Молдавію, въ страну, прилегающую къ устью Дуная и сѣверо-западному берегу Чернаго моря. Страну эту они называли Ателькузу (Междурѣчье). Къ этимъ-то новымъ хищникамъ поспѣшилъ обратиться Императоръ Левъ, когда война его съ Симеономъ пошла очень невыгодно для Византійцевъ, и когда высланные противъ Болгаръ войска были разбиты и разсѣяны гдѣ-то въ Адринопольской области²⁴) (Македоніи). Съ помощію даровъ, Леву не трудно было подвинуть Мадьяръ ко вторженію въ предѣлы Болгарскаго Царства. Византійскій флотъ перевезъ ихъ чрезъ Дунай и высадилъ на южный берегъ его, откуда они пустились опустошать Болгарскую землю. Застигнутый въ распахъ новыми врагами, Симеонъ выступилъ наскоро противъ нихъ, но потерпѣлъ пораженіе въ трехъ стычкахъ съ ними и былъ принужденъ запереться въ Доростольской крѣпости (нынѣ Силистра). Мадьяры, страшно ограбивъ страну, возвратились въ свой Ателькузъ, обремененные добычей и множествомъ плѣнныхъ, коихъ они за хорошую цѣну сбыли Византіи.

Симеонъ, однако, скоро оправился отъ этого погрома: собравшись съ силами и заручившись союзомъ съ Печенѣгами²⁵), кочевавшими по сосѣдству съ Мадьярской ордой, онъ вторгнулся въ Ателькузъ, лѣтомъ 892 года, и страшно разорилъ его²⁶). По словамъ Византійцевъ, онъ передумалъ тогда всѣхъ Мадьяръ, что, конечно, преувеличено. Во всякомъ случаѣ пораженіе было слишкомъ велико. „Кто возможетъ (воскликаетъ одинъ Западный лѣтописецъ) исчислить потерю язычниковъ, когда на сторонѣ Болгаръ одержавшихъ побѣду, оказалось павшими до 20,000 всадниковъ²⁷)“.

²⁴) О томъ, что Левъ подвинулъ Мадьяръ къ вторженію въ Болгарію, говорятъ Георгій Монахъ, Левъ Грамматикъ, Симеонъ Логоветъ, Конст. Багрянородный, Кедрийъ, Зонара. См. у Стриттера II, 576—578. Самъ же Императоръ Левъ въ своей „Тактикѣ“ замѣчаетъ, что „Мадьяры были ему посланы свыше, что ихъ вооружилъ Божественный Промыслъ для спасенія Имперіи“.

²⁵) „De administrando imperio,“ ed. Bon. 172, 173.

²⁶) Мадьярскій историкъ Шабоа, написавшій отдѣльное изслѣдованіе о Болгарско-Мадьярской войнѣ, ошибочно относитъ ее къ 888 г. См. Кукулевича: „Arkiv za pov. jugosl“. IX, 36—51.

²⁷) Annales Fuldens., Pertz, Monumenta Germ. I, 415. Гильфердингъ I, 88, примѣч. 1.

Разсчитавшись такимъ образомъ съ союзниками Византіи, Симеонъ снова обратился къ послѣдней, нанесъ ея войскамъ при Болгарофигѣ (гдѣ-то между Адрианополемъ и Константинополемъ) новое пораженіе, заставившее Императора просить мира, который и былъ заключенъ на весьма выгодныхъ для Болгаръ условіяхъ. Византія должна была выдать плѣнныхъ, какъ взятыхъ ея войсками, такъ и купленныхъ ею у Мадыаръ. Изъ писемъ Николая Мистика мы узнаемъ, что, по заключенному тогда договору, Византія обязалась платить Болгарамъ ежегодную дань. Дань эту она должна была посылать въ Месемврию съ нарочитымъ, который и передавалъ оную назначеннымъ для приема ея Болгарскимъ чиновникамъ²⁸).

Этимъ миромъ, заключеннымъ въ 893 году, Симеонъ, по видимому, очень дорожилъ; по крайней мѣрѣ онъ не подавалъ никакого повода къ нарушенію его: миръ былъ нуженъ Болгаринъ, какъ для поправленія несчастій послѣдней войны, такъ и для дальнѣйшей расправы съ дикой Мадыарской ордой. Дѣло въ томъ, что, послѣ разоренія, которое Симеонъ причинилъ въ Ателькузѣ Мадыарамъ, эти послѣдніе рѣшились искать себѣ новыхъ жилищъ: они отправились въ Закарпатскія страны, съ которыми уже имѣли случай познакомиться во время вторженія ихъ въ Моравію²⁹), когда они ходили, какъ извѣстно, по приглашенію Арнульфа. Земли эти манили ихъ и своими природными богатствами, и тѣмъ, что, при тогдашней слабости Моравіи, которая, по смерти Святополка, 894 года, начала быстро распадаться, казались имъ легкою добычею. Пользуясь усобицами сыновей Святополка, Мадыары легко заняли Моравскія владѣнія, прилегавшія къ Карпатскимъ горамъ³⁰). Отсюда они не замедлили начать подчиненіе себѣ окрестныхъ странъ, въ томъ числѣ и Дакійскихъ владѣній Болгарскаго Царства. Мы имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія объ этихъ владѣніяхъ Болгаръ. Намъ достовѣрно извѣстно лишь то, что они занимали довольно большое пространство, стал-

²⁸) Письмо 6-е, у Миня, 57. См. и у Стриттера II, 580.

²⁹) Вторженіе Угровъ въ Моравію происходило лѣтомъ 892 г. Палацкій (*Dějiny národu Českého*) 1848, I, 171—173; Szalay, *Geschichte Ungarns*. Pesth, 1866, I, 10. Къ этому именно времени относится и разореніе Ателькуза Симеономъ, который, по словамъ Багрянороднаго, вторгнулся въ него, когда Угры были заняты какимъ-то походомъ. *De adm. imp.* 173.

³⁰) См. Елагинъ: „Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы.“ Въ „Русской Бесѣдѣ“ 1858, I, 138.

живались непосредственно съ южной границей Моравской Державы. По сказаніямъ древняго Мадьярскаго историка³¹⁾, во время появленія Мадьярь, Болгарскія владѣнія въ Дакіи дѣлились на четыре Княжества: 1) Княжество Салана, простиравшееся между Дунаемъ, Тисой и Вагомъ, съ столицей Саланъ-Камень; 2) Княжество Менуморута, лежавшее между лѣвымъ берегомъ Тисы и правымъ берегомъ ея притока Мароша; 3) Княжество Трансильванское или Седмиградское, находившееся подъ властію Гелоя; 4) Княжество Глада, лежавшее на лѣвомъ берегу Тисы между притокомъ ея Марошемъ и Орловой, т. е., въ нынѣшнемъ Темешскомъ Банатѣ. Всѣ эти земли въ скоромъ времени были покорены Мадьярами. По словамъ лѣтописца, Симеонъ посылалъ сюда войска для защиты своихъ владѣній, но войска эти не могли оказать дѣльнаго сопротивленія врагу, изъ чего явствуется, что они были немногочисленны; другими словами, что Симеонъ не дѣлалъ особенныхъ усилій для удержанія въ своей власти своихъ Дакійскихъ владѣній. Трудно понять поведеніе Симеона въ этомъ дѣлѣ; его можно объяснить только слѣдующимъ предположеніемъ: занимающія насъ здѣсь Дакійскія области, какъ видно и изъ разсказа лѣтописца, находились въ подручныхъ отношеніяхъ къ Симеону, не были непосредственными его владѣніями, въ слѣдствіе этого онъ и не очень дорожилъ ими, и не рѣшился тратить свои силы на защиту такихъ отдаленныхъ, да еще и полузависимыхъ отъ него, странъ.

По всему видно, что Симеонъ рѣшился воспользоваться заключеннымъ съ Византіей миромъ для внутренняго развитія и упроченія своей, и безъ того обширной, державы, занимавшей большую часть Балканскаго полуострова. Во время этого мира, продолжавшагося около 20 лѣтъ, главное вниманіе его было сосредоточено на пересадкѣ плодовъ Византійской образованности въ Болгарію. Это-то время по справедливости считаютъ за эпоху развитія Славянской письменности. Но эта внутренняя мирная дѣятельность Симеона была прервана новою обидою съ стороны Византіи.

11-го Мая, 912 года, скончался Императоръ Левъ Мудрый, оставивъ престолъ семилѣтнему Константину VII, извѣстному подъ именемъ Багрянороднаго. За малолѣтствомъ его Имперіей

³¹⁾ Елагинъ, тамъ же, 143—148; Гильфердингъ, I, 92—95; Салай, I, 15, 16, 18.

управлялъ его дядя, Александръ, человѣкъ, по выраженію лѣтописцевъ, безразсудный, пьяница.

Византійскіе историки рассказываютъ, что Симеонъ тотчасъ же отправилъ къ новому Правителю пословъ для утвержденія заключеннаго съ покойнымъ Императоромъ договора, но Александръ, подъ пьяную руку, съ безчестіемъ отослалъ назадъ пословъ, наругавшись надъ самимъ ихъ Государемъ. Это заставило Симеона ухватиться за оружіе. Виновникъ нарушенія мирныхъ отношеній вскорѣ умеръ, правленіе его продолжалось всего 14 мѣсяцевъ. Назначены были новые опекуны, во главѣ которыхъ находился Вселенскій Патріархъ, извѣстный своими политическими способностями, своей несокрушимой мощью, Николай Мистикъ³²⁾.

Новое Правительство порѣшило, какъ увидимъ, загладить безразсудный поступокъ Александра и предотвратить войну, но уже было поздно. Симеонъ въ этотъ разъ принимался за оружіе не только съ тѣмъ, чтобы отомстить за нанесенную обиду, но е съ другими, болѣе широкими, цѣлями. Два раза при немъ Византія нарушила мирные договоры: можно было ожидать, что она нарушитъ ихъ и въ третій, и въ четвертый, разъ, что, при первомъ замѣшательствѣ въ Болгаріи, она не преминетъ посягнуть и на ея политическую самостоятельность; по этому Симеонъ сталъ стремиться къ достиженію прочнаго обезпеченія своего Государства отъ подобныхъ замысловъ Византіи. Обстоятельства очень благопріятствовали такому стремленію: въ правленіе Льва Мудраго и Александра внѣшнія дѣла Имперіи пришли въ весьма плохое состояніе. Четвертый бракъ Льва, надѣлавшій столько шуму, раздѣлилъ духовенство и общество на двѣ стороны, съ остервенѣніемъ преслѣдовавшихъ одна другую и раздиравшихъ внутреннюю крѣпость Государства³³⁾.

³²⁾ Гергенпрѣтеръ, тамъ же, III, 70.

³³⁾ Эти стороны назывались Николаитами и Евеймистами, по имени Патріарховъ: Николая, ополчившагося противъ четвертаго брака, и Евеймія, благословившаго этотъ бракъ. См. Паппаригопуло IV, 362. До чего доходило озлобленіе ихъ показываютъ слѣдующія указанія: въ 907 противники Николая, занимавшаго тогда Патріаршій престолъ, коварнымъ образомъ захватили его и сослали въ тяжкое заточеніе, гдѣ онъ, по собственнымъ его словамъ, долженъ былъ ежедневно бороться со смертію (письмо 32-е). Подобная же участь постигла и его приверженцевъ. Но за то, когда, въ 912 г., Николай былъ возвращенъ на свою кафедру, его приверженцы, въ засѣданіи Синода, накинулись на противника его, Евеймія и, по выраженію лѣтописцевъ, „выщипали ему честную бороду“ (Левъ Грамматикъ). Съ 914, когда Зоя достигла власти въ Государствѣ, приверженцы Евеймія снова подняли голову, подвергали разнымъ оскорбленіямъ какъ Николая

Въ довершеніе зла, на престолѣ сидѣлъ осмилѣтній мальчикъ, котораго многіе не признавали законнымъ Императоромъ, такъ какъ онъ родился отъ четвертой жены Льва Философа, да еще и до брака.

Еще до начала военныхъ дѣйствій въ Византіи распространился зловѣщій слухъ о намѣреніи Симеона занять Византійскій престолъ. Слухъ этотъ произвелъ сильный переполохъ въ столицѣ. Патріархъ Николай, въ качествѣ главнаго Правителя, немедленно шлетъ письмо къ Симеону; въ этомъ письмѣ, писанномъ, по словамъ Патріарха, не чернилами, а слезами, мы, между прочимъ, читаемъ: „Что это, сынъ мой? Какой лукавый демонъ позавидовалъ твоей славѣ, чтобы наслѣдовать имя тиранна? Сколько лучше именоваться Княземъ по милости Божіей, чѣмъ тиранномъ!“ Далѣе онъ упрекаетъ его за то, что задумалъ похитить себѣ чуждое Царство, не принадлежащее его роду³⁴⁾. Въ слѣдъ за тѣмъ Патріархъ шлетъ и другое письмо, съ извѣщеніемъ о готовности Византійскаго Правительства утвердить клятвенный договоръ съ Болгарами: высылать къ Симеону прежнюю дань въ городъ Дебельтъ³⁵⁾. При этомъ Патріархъ предупреждаетъ, что всякія другія требованія со стороны Болгаръ не обойдутся безъ кровопролитія, которое онъ старается предотвратить просьбами, увѣщаніями, въ случаѣ же упорства, угрозою отлученія отъ Церкви. Но Симеонъ не только не внялъ предложеніямъ, просьбамъ и увѣщаніямъ Патріарха, но и даже, по поводу сдѣланнаго послѣднимъ предостереженія относительно предстоящаго кровопролитія, послалъ довольно грубый, чтобъ не сказать насмѣшливый, отвѣтъ. „Безъ кровопролитія (писалъ онъ между прочимъ) нельзя получить больше. Значитъ съ пролитіемъ крови можно достигнутьжелаемаго?“³⁶⁾ По словамъ Византійскихъ лѣтописцевъ, въ Августѣ 913 года, слѣдовательно, около трехъ мѣсяцевъ спустя по смерти Александра, Симеонъ подошелъ съ огромнымъ войскомъ къ Константинополю, возвелъ отъ Влахернъ до Золотыхъ Воротъ, окопы, и сталъ готовиться къ осадѣ. Но вдругъ переимѣнилъ намѣреніе, вступилъ въ переговоры,

такъ и преданныхъ ему Епископовъ. Раздоры по мѣстамъ доходили до того, что влирики наносили другъ другу удары. См. „Творенія Св. Отцовъ,“ и пр., тамъ же, стр. 181, 186, 205 и 207.

³⁴⁾ Письмо 5-е, у Миня, 45; „Творенія Св. Отцовъ,“ тамъ же, 198.

³⁵⁾ Письмо 6-е, у Миня, 57.

³⁶⁾ Письмо 6-е, у Миня, 57.

которые окончились тѣмъ, что грозный врагъ, не начавъ даже осады, оставилъ Византію въ покоѣ, возвратился во свояси. Лѣтописцы эти слѣдующимъ образомъ объясняютъ неожиданную для нихъ переменѣ въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Симеона: „Онъ мечталъ, говорятъ они, безъ труда овладѣть городомъ, но, увидавъ крѣпость стѣнъ, множество воиновъ, каменометныхъ и стрѣлометныхъ орудій, коими могли защищаться осажденные, онъ отказался отъ своей надежды и просилъ мира“³⁷). Этимъ объясненіемъ вполне довольствуются новѣйшіе историки, не смотря на явную его несообразность³⁸), будто Симеонъ, выросшій въ Византіи, только теперь и могъ познакомиться съ ея стѣнами и средствами защиты. Письма Николая Мистика открываютъ намъ дѣйствительную причину отступленія Болгаръ и пріостановки ихъ враждебныхъ дѣйствій. Изъ этихъ писемъ мы узнаемъ, что началомъ неожиданныхъ переговоровъ послужило письмо Симеона къ юному Императору, письмо, содержащее какія-то предложенія, которыя съ большою готовностію были приняты Византійскимъ Правительствомъ, заранѣе запуганнымъ ходившими слухами о томъ, что Симеонъ домогается насильственного занятія Императорскаго престола. Патріархъ Николай, стоявшій тогда во главѣ этого Правительства, какъ главный опекунъ, поспѣшилъ излить свою радость предъ Симеономъ, по случаю его письма, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Когда мы узнали изъ твоего письма къ Христолюбивому Императору о твоихъ предложеніяхъ (τὰ διοικηθέντα), сердце наше облегчилось отъ тяжелой подавлявшей его, скорби“³⁹). Получивъ благопріятный отвѣтъ на это письмо, Симеонъ оправилъ своего Магистра Θεοδωρα для переговоровъ, послѣ которыхъ Правители, съ Патріархомъ Николаемъ во главѣ, взявъ съ собою Императора, вышли къ Влахернскимъ Воротамъ: тутъ они встрѣтили двухъ сыновей Симеона, и съ торжествомъ отвели ихъ во дворецъ, гдѣ они и отобѣдали съ Императоромъ. За тѣмъ Патріархъ Николай отправился къ Симеону, который принялъ его, по словамъ лѣтописцевъ, съ почтеніемъ, преклонивъ предъ нимъ голову⁴⁰). При этомъ свиданіи Симеонъ обѣщалъ Патріарху „совершенный миръ

³⁷) Theoph. Cont. ed. Bonn. 385. Дословно почти повторяютъ это объясненіе и другіе лѣтописцы X вѣка.

³⁸) Палаузовъ, тамъ же, 45; Гильфердингъ, I, 99.

³⁹) Письмо 7-е, у Миня, 60.

⁴⁰) Продолжатель Θεοφана, Болнск. изд. 385.

и искреннюю дружбу; увѣрялъ, что уничтожатся всѣ споры, всѣ поводы къ соблазну и утвердятся, при помощи Божіей, между Греками и Болгарами миръ подлинно прочный, какого доселѣ не бывало и какого не знали прежнія поколѣнія⁴¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что такая переменѣна въ отношеніяхъ Симеона къ Византійскому Правительству, равно какъ и произнесенныя имъ слова о предстоящемъ необыкновенномъ мирѣ, обусловливались принятіемъ Византією предложеній, изложенныхъ въ помянутомъ письмѣ его къ Императору. Въ чемъ заключались эти предложенія? Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ къ Симеону, писанномъ въ 920 году, т. е., чрезъ семь лѣтъ послѣ занимающаго насъ здѣсь свиданія, Патріархъ Николай припоминаетъ послѣднему, что онъ нѣкогда высказывалъ желаніе породниться съ Императоромъ⁴²⁾. О такомъ желаніи Симеона свидѣтельствуетъ и Арабскій писатель Эльмасинъ⁴³⁾. Это желаніе, какъ увидимъ ниже, высказано было Симеономъ именно теперь, во время занимающихъ насъ его переговоровъ съ Византійскимъ Правительствомъ, и мы не сомнѣваемся, что оно-то и составляло суть выше упомянутыхъ его предложеній. Дѣло шло, безъ сомнѣнія, о бракѣ юнаго Императора съ одной изъ дочерей Симеона, такъ какъ у Императора не было ни сестеръ, ни братьевъ, и онъ былъ единственнымъ представителемъ Императорскаго Дома. Надобно думать, что не подѣ Константинополемъ впервые пришла Симеону мысль объ этомъ бракѣ, что она родилась въ немъ гораздо прежде. Но, зная взглядъ Византіи на это дѣло, онъ не рассчитывалъ на успѣхъ своего предложенія, если бы онъ обратился съ нимъ издали и обыкновеннымъ путемъ. Онъ хорошо, по видимому, зналъ, что только дѣльной угрозой можно было бы дать желанный ходъ этому предложенію. Расчетъ этотъ оказался вѣрнымъ: Византійцы, которые, при другихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, нашли бы возможность отклонить это предложеніе, теперь, въ виду огромной рати, стоявшей подѣ стѣнами столицы, и запуганные распространившеюся молвою объ опасныхъ замыслахъ Симеона, съ готовностію приняли это предложеніе, которое такъ легко освободило ихъ отъ испытываемаго ими чувства

⁴¹⁾ Письмо 8-е, у Миня, 65.

⁴²⁾ Письмо 16-е, у Миня, 112.

⁴³⁾ См. у Рамбо, тамъ же, 338.

ужаса. При такомъ объясненіи дѣла весьма понятна теперь радость объявшаѣ Патріарха Николаѣ послѣ чтенія неожиданно явившагося для всѣхъ письма; понятны нѣжности, оказанныя въ Императорскомъ Дворцѣ дѣтямъ Симеона: понятны и произнесенныя Симеономъ сильныя слова о предстоящемъ небываломъ мирѣ между Византіей и Болгаріей. Нѣтъ сомнѣнія, что предложеніе было принято, что заключены были пока и предварительныя условія, послѣ которыхъ Симеонъ возвратился назадъ. Какъ онъ, такъ и его сыновья, были почтены безчисленными и огромными, по словамъ лѣтописцевъ, подарками. Время совершенія брака, по видимому, было отложено на нѣкоторое время, быть можетъ, въ виду малолѣтства Императора, или же для приготовленія невѣсты къ брачному вѣнцу. Таковъ смыслъ перваго похода Симеона противъ Византіи: это, такъ сказать, ловкая демонстрація, сдѣланная въ видахъ принужденія Византійскаго Правительства склониться на бракъ юнаго Императора съ одною изъ дочерей Симеона. Что Симеонъ въ этотъ разъ не думалъ дѣйствительно о насильномъ занятіи Византійскаго престола, это доказываетъ быстрота, съ какою онъ подошелъ къ Константинополю, быстрота, при которой онъ не имѣлъ времени приготовиться къ такому предпріятію. Мы вскорѣ увидимъ, что когда Симеонъ дѣйствительно задумалъ силою занять Византійскій престолъ, онъ пошелъ къ осуществленію этой цѣли совсѣмъ иначе, именно такъ, какъ этого требовала громадность этого замысла.

Итакъ въ началѣ войны Симеонъ домогался только брачныхъ узъ съ Византійскимъ Дворомъ, но такихъ узъ, которыя ему открывали широкій путь къ достиженію вліянія на внутреннія дѣла Имперіи. Этимъ путемъ онъ надѣялся обезпечить своему Государству со стороны Византіи миръ прочный, какого не знали прежнія поколѣнія. Демонстрація удалась; Симеонъ возвратился въ свою столицу съ розовыми надеждами вскорѣ увидѣть свою дочь Византійскою Августою, а себя Василеопаторомъ. Надежды эти оказались, однако, преждевременными.

Вскорѣ по отступленіи Симеона изъ подъ Константинополя, въ Византійскомъ Правительствѣ произошла важная перемѣна. Мать Императора, Зоя, удаленная отъ Двора еще Александромъ, въ 912 году, снова возвращена во дворецъ и заняла главное мѣсто въ Правительствѣ. Первымъ дѣломъ ея

было удаленіе отъ дѣлъ прежнихъ Правителей: главному изъ нихъ, Патріарху Николаю, она съ гнѣвомъ объявила, чтобы онъ заботился только о своей церкви⁴⁴). Удаленныхъ правителей Зоя замѣстила своими любимцами и вообще дала иное направление политикѣ Государства. Прежде всего она нарушила только что заключенный договоръ о бракѣ. Возможно, что этотъ-то договоръ, на который такъ легко согласился Патріархъ Николай и его сотоварищи, и былъ причиною ихъ паденія и торжества сторонниковъ Зою.

Эльмасинъ, говоря о желаніи Симеона породниться съ Византійскимъ Императорскимъ Домомъ, прямо указываетъ, что это желаніе было отвергнуто Зою и ея Правительствомъ⁴⁵). Николай Мистикъ, въ томъ же самомъ письмѣ, въ которомъ идетъ рѣчь объ этомъ же желаніи Симеона, замѣчаетъ, что „оно не было уважено тѣми, отъ которыхъ зависѣло его исполненіе,“ разумѣя при этомъ Зою и ея любимцевъ⁴⁶). Этотъ неожиданный оборотъ дѣла, разрушившій надежды Симеона на достиженіе вліянія на внутреннія дѣла Византійской Имперіи мирнымъ путемъ, „страшно (по выраженію Патріарха Николая) оскорбившій его душу“⁴⁷), заставилъ его начать уже настоящую войну съ Византіей.

Такова дѣйствительная причина новой войны, которую Симеонъ предпринялъ черезъ годъ послѣ отступленія своего изъ подъ Константинополя, и для объясненія которой изслѣдователи придумывали разныя неосновательныя догадки⁴⁸). Для этой войны дѣлались Симеономъ большія приготовленія. Стратеги Македонскій и Фракійскій каждый день доносили Византійскому Правительству и письменно и чрезъ своихъ апокрисаріевъ, что Болгаре питаютъ намѣреніе совершенно разграбить и разорить Византійскія владѣнія на полуостровѣ. Херсонскій Стратегъ, Вагасъ, не переставалъ увѣдомлять, что Болгаре всячески стараются поднять Печенѣговъ и другихъ Сѣверныхъ варваровъ противъ Грековъ; сверхъ того, до 16 человекъ Печенѣговъ приходили съ вѣстями, что изъ Болгаріи

⁴⁴) Продолж. Теофапа, Бонпское изд. 386.

⁴⁵) Рамбо, тамъ же, 338.

⁴⁶) Письмо 16-ое, у Миня, 112.

⁴⁷) Письмо 11-е, у Миня, 85; см. и письмо 24-е у Григоровича, стр. 68.

⁴⁸) Палаузовъ, тамъ же 46; Гильфердингъ, I, 99.

нѣсколько разъ обращались къ нимъ съ прошеніемъ быть въ союзѣ⁴⁹⁾.

Новая, продолжительная война открылась осенью 914 года. Болгаре не спѣшили теперь къ Константинополю, какъ за годъ до этого, а принялись покорить себѣ области Имперіи на полуостровѣ. Самыми важными между этими областями были три темы: Македонская, въ нынѣшней Средней Ѳракіи, съ главнымъ городомъ Адріанополемъ, Ѳессалонійская, которая обнимала побережье Архипелага, и Диррахійская на Адріатическомъ морѣ съ главнымъ городомъ Драчемъ (Дураццо)⁵⁰⁾. На покореніе этихъ областей было обращено прежде всего вниманіе. Еще въ самомъ началѣ войны, въ Сентябрь 914 года, Симеонъ со всѣми своими силами вторгнулся въ Македонскую тему, и быстро овладѣлъ ею, занялъ и главный городъ ея, Адріанополь⁵¹⁾. За тѣмъ, раздѣливъ свои войска на двѣ части, онъ двинулъ ихъ—одну на юго-западъ, къ Архипелагу, другую прямо къ Адріатическому морю, помогаясь покоренію Драча и Солуня, двухъ главныхъ оплотовъ Византійской власти на полуостровѣ⁵²⁾.

Византія поспѣшила заключить миръ съ Сарацинами и перевела всѣ свои войска изъ Азіи въ Европу; позаботилась о поднятіи противъ Болгаръ Печенѣговъ, на что даны были полномочія Херсонскому Стратегу Вагасу⁵³⁾. Въ то же самое время она пыталась вооружить противъ Болгаръ Сербовъ, подвинуть и Мадьяръ ко вторженію въ Болгарію⁵⁴⁾.

Соединивъ всѣ свои силы въ Констанѳинополѣ, Византія двинула ихъ въ Восточную Болгарію, въ страну, прилегающую, къ Черному морю и южнымъ отрогамъ Балканскихъ горъ, надѣясь этимъ вторженіемъ принудить Болгаръ къ отступленію изъ предѣловъ Византіи и, если возможно, къ прекращенію войны. Во главѣ этого отборнаго войска стояли лучшіе Византійскіе полководцы того времени; были тутъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, Стратеги всѣхъ темъ Византійской Им-

⁴⁹⁾ Письмо 9-е у Миня, 59. См. „Творенія Св. Отц.“, тамъ же, 218-220.

⁵⁰⁾ См. у Рамбо, тамъ же 190—191.

⁵¹⁾ Продолж. Ѳеофана 387, см. и у Стриттера II, 584. Лѣтописцы увѣряютъ, что Симеонъ, вскорѣ по завоеваніи этого города, возвратилъ его Византіи за большой выкупъ, присланный Зоєю.

⁵²⁾ Письмо 11-е, у Миня, 59.

⁵³⁾ Продолж. Ѳеофана, Бониск. изд. 389—390.

⁵⁴⁾ De adm. imp. p. 158.

періи⁵⁵). Левъ Фока, „превосходившій всѣхъ вождей, какъ храбростію, такъ и числомъ одержанныхъ имъ дотолѣ побѣдъ“, былъ назначенъ главноначальствующимъ сухопутными силами⁵⁶). Морскія же силы, двинувшіяся къ устью Дуная, находились подъ начальствомъ Романа Лакапина, котораго мы вскорѣ увидимъ на Византійскомъ престолѣ.

На рѣкѣ Ахелю, недалеко отъ Месемвріи, сухопутныя силы Имперіи встрѣтились съ Симеономъ и вступили съ нимъ въ битву, 20 Августа, 917 года, но потерпѣли такое пораженіе, какого, по словамъ лѣтописцевъ, не было отъ вѣка⁵⁷). Симеонъ тутъ лично начальствовалъ надъ своимъ войскомъ и принималъ очень горячее участіе въ сраженіи, какъ видно изъ того, что онъ тутъ лишился своего коня, который былъ убитъ подъ нимъ⁵⁸). Ахелойское пораженіе, стоившее Имперіи лучшей части ея войска, долгое время хранилось въ памяти Византійцевъ. Левъ Діаконъ, писавшій около 70 лѣтъ спустя и посѣщавшій поля, на которыхъ происходило это побоище, замѣчаетъ: „И теперь еще можно видѣть около Анхіяла груды костей, постыдно перерѣзаннаго тогда Римскаго войска“⁵⁹).

Патріархъ Николай послѣ Ахелойскаго побоища снова обращается съ письмомъ къ Симеону, въ которомъ между прочимъ, пишетъ: „Обнимая выю твою, молю: пусть кончатся этимъ бѣдствія; подумаемъ, кто мы; вспомнимъ, что мы наслѣдники Христа, и хотя раздѣлены происхожденіемъ, но повѣрѣ составляемъ одно тѣло, имѣемъ одну главу Христа и есмы члены между собою...“ Въмѣстѣ съ этимъ писаніемъ, онъ послалъ Симеону Евангеліе, „не въ даръ, какъ самъ онъ писалъ, но посредника, который бы могъ приблизить увѣщанія его къ сердцу Симеона“. Въ этомъ же письмѣ Патріархъ старается извинить Византійскихъ Правителей за послѣднее ихъ рѣшеніе вторгнуться въ Болгарію: „они, де, и не думали дѣлать такого вторженія, какое дѣлаютъ непріатели, не имѣли въ виду производить кровопролитія, и по неволѣ прибѣгли къ такой мѣрѣ, чтобы показать Болгарамъ только видъ войны и понугать ихъ“⁶⁰). Оправданіе это показалось Симеону болѣе

⁵⁵) Продолж. Теофана, 389.

⁵⁶) Левъ Діаконъ, Болгск. изд. 123.

⁵⁷) Продолж. Теофана 389.

⁵⁸) Левъ Діаконъ 124.

⁵⁹) Николая Мистика Письмо 31, у Миня, 189.

⁶⁰) Письмо 10-е; „Творенія Св. Отца,“ тамъ же, 219-- 220.

чѣмъ простодушнымъ. Прочитавъ его, онѣ грубо отвѣтилъ Патриарху; „Ты поглупѣлъ“⁶¹⁾ Нѣкоторые историки утверждаютъ, что послѣ Ахелойской битвы Симеонъ не предпринималъ, въ теченіи трехъ, четырехъ, лѣтъ никакихъ войнъ противъ Византіи⁶²⁾. Но такое утвержденіе противорѣчитъ имѣющимъ у насъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ. Лѣтописцы прямо указываютъ на то, что, возгордившись одержанной побѣдой, Болгаре своими нападеніями скоро стали подходить къ стѣнамъ столицы,⁶³⁾ такъ что Главноначальствующій, Левъ Фока, снова принужденъ былъ выступить противъ нихъ. Но и здѣсь, недалеко отъ Константинополя, у Катасиртъ, онъ потерпѣлъ новое пораженіе, и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ⁶⁴⁾.

Ахелойское и Катасиртское пораженіе имѣли важныя послѣдствія для тогдашняго Византійскаго Правительства. Приписывая эти несчастія неспособности Правителей, народъ сильно вознегодовалъ противъ нихъ, а это приготвило новый Государственный переворотъ.

Въ 919 году власть въ Имперіи переходитъ въ руки Романа Лакапина. Бѣдный уроженецъ Армянской темы, Романъ еще въ молодости обратилъ на себя своею храбростію вниманіе Императора Льва Мудраго, который открылъ ему путь къ высшимъ почестямъ. Во время Ахелойской битвы онъ, какъ было уже замѣчено, занимаетъ должность главнаго Адмирала (Друнгарія). Вскорѣ послѣ Катасиртской битвы, педагогъ юнаго Императора, Теодоръ, питавшій сильную ненависть къ любимцамъ Зои, стоявшимъ во главѣ Правленія, успѣлъ уговорить своего питомца отнять у нихъ власть и вручить бразды правленія Роману, который и былъ введенъ во дворецъ, 25 Марта, 919 года. Первымъ дѣломъ его было удаленіе матери Правительницы не только отъ дѣлъ правленія, но и отъ дворца: она была отправлена въ монастырь.

⁶¹⁾ Письмо 10-е, у Миня, 81.

⁶²⁾ Палаузовъ (стр. 47) утверждаетъ, что до 921 г. Симеонъ не предпринималъ ничего. Гильфердингъ продолжаетъ этотъ перерывъ съ 918 по 923; „Собрап. сочин.“ I, 103—104.

⁶³⁾ Продолж. Теофана 390.

⁶⁴⁾ Паппаригопуло (IV, 95) утверждаетъ, что Левъ Фока успѣлъ отразить Симеона. Онъ, по видимому, основывается на показаніи позднѣйшихъ Византійцевъ, Кедрина и Зонары. Всѣ лѣтописцы X вѣка: Продолж. Теофана, Левъ Грамматикъ, Георгій Монахъ и Симеонъ Логоветъ, свидѣствуютъ, что Левъ Фока потерпѣлъ пораженіе. См. у Стриттера II. 589.

Романъ быстро достигъ безграничнаго вліянія на Императора. Черезъ мѣсяць послѣ вступленія его во дворець, именно 29 Апрѣля, Константинъ женился на его дочери и объявилъ его Василиенаторомъ. Въ Сентябрѣ, того же года, онъ провозглашенъ Кесаремъ, а черезъ 3 мѣсяца провозглашенъ и Соправителемъ, съ титуломъ втораго Императора. Не довольствуясь этимъ, Романъ въ скоромъ времени занялъ первое Императорское мѣсто, оттѣснивъ законнаго Императора на второй планъ. Кромѣ того, чтобъ упрочить Византійскій престолъ за своимъ домомъ, онъ, еще въ Маѣ, 922 год., назначилъ Императорскую корону своему старшему сыну, Христофору. Въ 923 г., когда умерла его жена, онъ сдѣлалъ Августой жену Христофора. Въ 924 году далъ Императорскія короны и остальнымъ своимъ сыновьямъ, Стефану и Константину, и даже внуку своему, Роману, сыну Христофора⁶⁵).

Со времени этого Государственного переворота дѣйствія Симеона принимаютъ еще болѣе рѣшительный характеръ. Какъ только Правительство Зои было низпровергнуто, Николай Мистикъ, получившій снова нѣкоторое вліяніе при Дворѣ,⁶⁶) шлетъ къ Симеону письмо, въ которомъ, указывая на совершившуюся перемѣну въ Правительствѣ, пишетъ: „Не доброе дѣло начали прежніе Правители: они напередъ огорчили твою душу своими движеніями (дѣйствіями) противъ тебя,⁶⁷) но уже и наказаны; помысли, что пострадали предпріявшіе оскорбить тебя, и угаси гнѣвъ твой“. Въ то же самое време онъ пишетъ и Болгарскому Архіепископу, котораго умоляетъ подкрѣпить его ходатайство предъ Симеономъ, умилоствовать, умолить его, чтобы онъ склонился къ миру⁶⁸). Тогда же онъ писалъ и первому вельможѣ Симеона, котораго также просилъ содѣйствовать заключенію мира. „Богъ (читаемъ мы въ этомъ письмѣ), по праведнымъ судьбамъ, низложилъ виновниковъ этой войны, воздавъ имъ должное“⁶⁹). Но Симеонъ теперь менѣе чѣмъ когда либо прежде былъ расположенъ вступать въ переговоры о мирѣ. До сихъ поръ онъ могъ еще рассчитывать на какой ни будь выгодный

⁶⁵) Рамбо, тамъ же, 18—19.

⁶⁶) Гергенрёттеръ, тамъ же, III, 659.

⁶⁷) Δι' ὧν κατὰ σοῦ προέβην ἡ γαμ.

Въ этихъ словахъ, по нашему мнѣнію, заключается намекъ на нарушеніе брачнаго договора Правительствомъ Зои. Письмо 11-е, у Миня 85; „Творенія Св. Отц.“ тамъ же, 225.

⁶⁸) Письмо 12-ое.

⁶⁹) Письмо 13-е; „Творенія Св. Отц.“ тамъ же, 226.

для своихъ видовъ исходъ такихъ переговоровъ, могъ надѣяться получить пока нѣкоторое вліяніе на внутреннія дѣла Имперіи, путемъ ли возобновленія дѣла о бракѣ молодого Императора съ его дочерью, или посредствомъ какой либо другой сдѣлки. Но теперь, когда Константинъ Багрянородный уже женился на дочери Лакапина и когда правленіе перешло въ руки послѣдняго, для такой надежды не было болѣе мѣста: всѣ окольные пути, такъ сказать, которыми Симеонъ до сихъ поръ могъ надѣяться достигнуть своей цѣли, были уже заперты для него; оставалась только одна прямая дорога, на которую онъ и не замедлилъ выйти. Онъ теперь прямо заявилъ о своемъ намѣреніи занять Византійскій престолъ, и соглашался на прекращеніе войны подъ единственнымъ условіемъ признанія себя Императоромъ со стороны народа и властей Византійскихъ⁷⁰). Къ этому-то времени, по всей вѣроятности, относится принятіе имъ титула „Царя Болгаръ и Римлянъ“. Къ осуществленію этой цѣли онъ продолжалъ идти медленнымъ, но вѣрнымъ, путемъ: покореніемъ всѣхъ остальныхъ владѣній Византіи на Балканскомъ полуостровѣ, старался проложить себѣ вѣрный путь къ занятію столицы. Часть войска его дѣйствовала въ Тракіи. Осенью 919 года, когда Романъ былъ еще Кесаремъ (съ Сентября по 17 Декабря) мы узнаемъ, что Болгарское войско находилось уже на берегу Дарданельскаго пролива, откуда пыталось занять городъ Лампсакъ (нынѣ Чардакъ), лежащій на противоположномъ, Азіятскомъ, берегу пролива, у самого входа въ Мраморное море. Занятіе Лампсака отдавало въ руки Симеона Дарданельскій проливъ, иначе сказать, ворота Константинополя. Узнавши объ этомъ намѣреніи Болгаръ, Патриархъ Николай поспѣшилъ донести объ этомъ Роману Лакапину, при чемъ, указывая на стратегическое значеніе этого города, просилъ принять самыя дѣятельныя мѣры къ защитѣ его: „Если начинаніе ихъ (Болгаръ) удастся (пишетъ онъ между прочимъ), и они займутъ позицію на той сторонѣ (на Азіятскомъ берегу), въ окрестностяхъ Лампсака, тогда уже будетъ трудно поправить дѣло“⁷¹).

⁷⁰) Письма 15-ое и 19-ое, Миня, 128. Срав. и слѣдующія слова Льва Діакона: „Симеонъ движимый Скиескимъ безуміемъ, требовалъ, чтобы Римляне признали его Императоромъ“. Боннск. изд. 117. См. у Голубинскаго, тамъ же, стр. 213.

⁷¹) Письмо 95-ое, у Миня, 301.

Другая часть Болгарскаго войска, около этого времени, проникла далеко на юго-западъ, въ классическія области: Оессалію, Фокиду, Беотию и Аттику, „лишая (по словамъ современнаго писателя) жителей этихъ странъ: однихъ жизни, другихъ свободы, и дѣлая ихъ подданными“⁷²⁾. Отъ этого же писателя мы узнаемъ, что нѣкоторые изъ жителей Еллады были принуждены Болгарскимъ нашествіемъ искать спасенія въ Пелопоннисѣ, другіе же спасались бѣгствомъ на Евбею и прочія близлежащія острова, куда также проникли Болгарскіе отряды. Съ этимъ появленіемъ Болгаръ въ Среднюю Грецію стоитъ, безъ сомнѣнія, въ связи, начавшееся въ 920 году, движеніе въ средѣ подвластныхъ Византіи Пелопоннискіхъ Славянъ⁷³⁾.

Едва ли можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что быстрое возвышеніе Лакапина и его дома, необыкновенныя похищенія, совершенныя имъ въ столь короткое время безъ того, чтобы вызвать сколько ни будь сильное противодѣйствіе съ чьей либо стороны, что все это, повторяемъ, могло совершиться только подъ вліяніемъ того ужаса, въ который повергли Византійцевъ успѣхи Болгарскаго оружія въ древнихъ областяхъ Имперіи. Подъ вліяніемъ этого ужаса во внутреннихъ дѣлахъ Имперіи совершилось еще одно величайшей важности событіе. Мы разумѣмъ знаменитый Соборъ, примирившій обѣ враждующія церковныя стороны, раздравшія внутреннее могущество Государства⁷⁴⁾. Какъ только единеніе было восстановлено, въ Іюлѣ 920, или 921, г., Патріархъ поспѣшилъ донести объ этомъ Симеону, съ цѣлію, конечно, дабы тотъ не рассчитывалъ болѣе на выгодный для его видовъ расколъ въ Византійскомъ Государствѣ⁷⁵⁾.

Новый Императоръ думалъ успокоить своего грознаго соперника слѣдующимъ средствомъ. По порученію его Патріархъ Николай обратился къ Симеону съ слѣдующимъ любопытнымъ предложеніемъ: „Вступи въ родство съ Романомъ, или выдавъ

⁷²⁾ Житіе Св. Луки, у Миня СХІ, 450.

⁷³⁾ Паппаригопуло IV, 105, 106.

⁷⁴⁾ Патріархъ, самъ того, быть можетъ не подозрѣвая, прямо высказалъ, что соединеніе произошло подъ вліяніемъ ужаса Болгарской войны. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ Симеону: „Ты знаешь, сколько труда положилъ Императоръ Левъ, потомъ слѣдующіе за нимъ Правители Государства, для устраненія дѣлъ церковныхъ: но не видѣли конца своимъ заботамъ, по тому что, какъ видно, пѣ было на то воли Божіей. Когда же сей (Романъ) вступилъ въ управленіе дѣлами Государства, то многолѣтніе соблазны, волненія и смуты церковныя пресѣклись и вмѣсто того Церковь увидѣла миръ и тишину. Письмо 16-ое, у Миня 112; „Творенія Св. Отц.,“ тамъ же, 242.

⁷⁵⁾ Письмо 14-ое, у Миня, 97—105.

свою дочь за его сына, или взявъ его дочь въ невѣсту себѣ. Это и тебѣ доставить славу и твоему народу. Прежде ты домогался быть въ родственномъ союзѣ съ Императоромъ, но твоей просьбы тогда не уважили: теперь ты можешь украситься такимъ родствомъ⁷⁶⁾. Но Симеонъ, желая породниться съ Константиномъ Багрянороднымъ, имѣлъ виды, которые безвозвратно уже были разстроены женитьбой Константина и которые нельзя было поправить родствомъ съ похитителемъ Лакапиномъ. Эти безвозвратно разстроившіеся планы онъ замѣнилъ уже другими планами, которые родство съ Лакапиномъ могло только разстроить, что, безъ сомнѣнія, и имѣлъ въ виду Лакапинъ, предлагая ему родственный союзъ съ своимъ домомъ. Симеонъ съ презрѣніемъ отнесся къ этому предложенію⁷⁷⁾.

Пытались взять его другимъ средствомъ: „Чего ты ни пожелаешь отъ Грековъ (писалъ Патріархъ), даи ли, или другого чего, лишь бы твое желаніе было удобоисполнимо и нечрезмѣрно тяжко. Объяви! Я употреблю все ходатайство предъ державною властію, чтобы требованіе ваше было исполнено“⁷⁸⁾. Въ отвѣтъ на это Симеонъ заявилъ, что не требуетъ невозможнаго, не требуетъ, „чтобы Патріархъ воскресилъ убитыхъ его Болгаръ“, но предлагаетъ условіе, которое можно выполнить, именно: чтобы Императоръ, который недавно возведенъ на престолъ, „оставилъ его“, чтобы народъ и власти Греческія признали Царемъ его. „Того хочетъ Богъ“, писалъ Симеонъ⁷⁹⁾, слагая съ себе вину въ продолжающейся враждѣ съ Имперіей.

Нѣсколько разъ Патріархъ просилъ Симеона назначить ему свиданіе, въ надеждѣ, посредствомъ личныхъ объясненій съ нимъ, склонить его къ миру⁸⁰⁾, но просьба его оставляема была безъ вниманія. Въ 921 году онъ снова повторилъ эту просьбу: „Если нужно (пишетъ онъ) я самъ явлюсь къ тебѣ, когда ты

⁷⁶⁾ Письмо 16-ое, у Миня, 112.

⁷⁷⁾ Какъ показывается и начало слѣдующаго 17-го письма, у Миня, 113.

⁷⁸⁾ Письмо 17-ое, у Миня, 113—121.

⁷⁹⁾ Письмо 18-ое и 19-ое, у Миня 121—128. 18-ое письмо было отправлено въ Болгарію, но не застало тамъ Симеона, который въ это время находился въ походѣ; въ слѣдствіе этого Патріархъ Николай былъ принужденъ написать новое къ нему письмо, 19-ое, которое, по содержанію своему, во многомъ сходно съ недоставленнымъ письмомъ.

⁸⁰⁾ Письма 15 и 15-ое, у Миня, 97.

будешь въ Иракліи или Силимврѣ, для совѣщанія о мирѣ⁸¹⁾. На это послѣднее предложеніе Симеонъ не давалъ отрицательнаго отвѣта, но, по поводу его, послалъ такой отвѣтъ, въ виду котораго Патріархъ не рѣшался отправиться къ нему, ни сколько не считывая на какой ни будь пріятный исходъ отъ этого свиданія. Симеонъ говорилъ въ своемъ отвѣтѣ, что приметъ Патріарха не съ большимъ уваженіемъ какъ и всякаго другого посланнаго, не обнадеживалъ никакимъ обѣщаніемъ успѣха, и при томъ не безъ насмѣшки замѣчалъ, что, „и Апостолы принимали путешествіе не навѣрное. Не зная, будетъ ли успѣхъ, они выходили на проповѣдь и трудились, въ надеждѣ высшаго мздовоздаянія“⁸²⁾. Послѣднее правоученіе показалось Патріарху слишкомъ обиднымъ. „Какой сынъ (возразилъ онъ) сказать бы своему отцу: „Приди ко мнѣ, что бы я поглумился надъ твоими словами, приди, чтобы всѣ видѣли, какъ ты, не достигнувъ ничего, потрудился даромъ!“⁸³⁾ По поводу этого восклицанія, кажется, Симеонъ замѣтилъ Патріарху, чтобы онъ не называлъ себя его отцомъ, и не позволялъ себѣ такой вольности въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ, на что Патріархъ жалуется въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ⁸⁴⁾.

Изъ послѣднихъ писемъ мы узнаемъ, что Симеонъ, войска котораго находились въ 919 г. на берегу Дарданельскаго пролива, въ 921 году приближался уже къ Иракліи и Силимврѣ, находящимся въ какихъ ни будь 50 верстахъ отъ Константинополя. Въ этомъ и слѣдующемъ 922 году мы уже видимъ сильныя отряды Болгаръ и въ окрестностяхъ столицы. Лѣтописцы рассказываютъ, что Болгаре угрожали загородному Дворцу у Источниковъ. Тщетно Императоръ Романъ высылалъ противъ нихъ войско, составленное преимущественно изъ Императорскихъ тѣлохранителей. Войско это было разбито и обращено въ бѣгство: многіе погибли отъ меча, многіе взяты въ плѣнъ, нѣкоторые, чтобы не попасть въ руки врага, бросились въ море.

⁸¹⁾ Письмо 19-ое. Письмо это писано въ 921 г., какъ показываютъ слѣдующія его слова: „Умились надъ стenanіями моего сердца, которыя четвертый годъ (послѣ Ахелойскаго сраженія), день и ночь, пли, лучше сказать, каждый часъ не перестаютъ терзать меня. Если пужно, я самъ явлюсь,“ и проч. См. „Творенія Св. Отцовъ“, тамъ же, 244, 245.

⁸²⁾ Письмо 20-ое; „Творенія Св. Отц.,“ тамъ же, 248.

⁸³⁾ См. у Мипя, стр. 129. Сравни. Гергенрѣтера III, 698.

⁸⁴⁾ См. у Григоровича, письмо 24-ое.

Послѣ этого побѣдители безпрепятственно сожгли загородные дворцы и выжгли Золотой Рогъ⁸⁵). Вскорѣ за тѣмъ они сожгли и дворецъ Св. Θεодоры, истребивъ новый Византійскій отрядъ, высланный противъ нихъ изъ столицы⁸⁶). Въ тылу этихъ передовыхъ отрядовъ оставалось во власти Византійцевъ только одна важная крѣпость Адриянополь, осадю которой въ это время дѣятельно занимались другіе отряды. Крѣпость принуждена наконецъ голодомъ сдаться въ 923 г. Въ теченіе осени и зимы этого года Патріархъ отправилъ къ Симеону еще пять писемъ⁸⁷), исполненныхъ самыхъ трогательныхъ и краснорѣчивыхъ увѣщаній, чтобы онъ смирилъ свой духъ и отказался бы отъ своихъ замысловъ. Къ увѣщаніямъ Патріархъ въ одномъ письмѣ присовокупилъ и слѣдующую угрозу: „Вотъ Царскимъ стараніемъ на вашу власть и вашъ родъ могущественное, сколько сообразить могу, нашествіе если не нарядилось, то наряжается, —нашествіе Руси, и съ ними Печенѣговъ, еще же и Аланъ и Западныхъ Турокъ, которые всѣ единомысленно согласились пойти на тебя войною“⁸⁸). Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы.... непрестанно вызывать эти и еще другіе Скиѣскіе племена до тѣхъ поръ, пока они не истребятъ весь родъ Болгарскій⁸⁹). Но Симеонъ не испугался этой угрозы, и имѣлъ право не пугаться ея; ибо до Аланъ, жившихъ на Кавказѣ, было далеко; Западные Турки помнили еще, чего стоило имъ прежде вмѣшательство въ Греко-Болгарскія дѣла, да и, кромѣ того, у нихъ было и безъ того много дѣла на новой ихъ родинѣ и въ Западной Европѣ. Что же касается Печенѣговъ, то Симеонъ, въ случаѣ нужды, былъ въ состояніи предложить имъ большее жалованье, чѣмъ могла заплатить имъ Византія съ своею крайне истощенною тогда казною⁹⁰). И, не смотря на эту

⁸⁵) Продолж. Θεοφана 401—2. Разсказъ помѣщенъ передъ разсказомъ о смерти жены Лакапина случившейся 20-го Февраля, 922 г. См. Гергепрётера III, 694.

⁸⁶) Въ это время, 922, писаны 21-ое и 22-ое письма Патріарха Николая къ Симеону. Въ первомъ говорится о томъ, что Симеонъ просилъ о присылкѣ пословъ, коихъ Правительство побоялось отправить, такъ какъ и посланные прежде не были еще отпущены обратно. Изъ 22-го же мы узнаемъ, что къ Симеону отправлялся нѣкій Архіепископъ для переговоровъ, которые ни къ чему не повели. См. у Мияя, 137—147; 148—149.

⁸⁷) Письма 23, 24, 25, 26 и 27-ое первыя четыре переведены Г. Григоровичемъ.

⁸⁸) См. у Григоровича, 54.

⁸⁹) Тамъ же, стр. 58.

⁹⁰) Казна была такъ плоха, что еще въ правленія Николая и Зои Государство, для покрытія своихъ расходовъ, прибѣгало къ сборамъ съ церквей.

угрозу, на увѣщанія, онъ упорно шелъ къ своей цѣли, говоря, что послѣ подвиговъ праотцовъ и отцовъ онъ пользуется ихъ трудами⁹¹⁾. Снова ему предлагали дать „золота ли хочетъ, или серебра, или земли, приходящійся участокъ, другихъ ли вещей приношеніе, которыя Болгарамъ пріятны, Римлянамъ же сносны“, прося только объ одномъ, чтобы онъ отказался отъ своего притязанія⁹²⁾. Но онъ былъ непреклоненъ; съ Императорами продолжалъ обходиться очень презрительно: посылалъ имъ оскорбительные отвѣты⁹³⁾, иль и вовсе оставлялъ ихъ безъ отвѣтовъ; сносился непосредственно съ Сенатомъ⁹⁴⁾, настойчиво требовалъ⁹⁵⁾ торжественнаго вѣзда въ столицу и уступки ему всѣхъ владѣній Имперіи въ Европѣ. „Возгордяся духомъ, по случаю многихъ одержанныхъ побѣдъ надъ Римлянами, говорить Кедринъ, Симеонъ уже мысленно держалъ въ своей власти Римскую Имперію“⁹⁶⁾. Къ нанесенію послѣдняго удара, — къ взятію столицы, онъ, какъ мы видѣли, шелъ хотя и медленнымъ, но вѣрнымъ, путемъ, старался заранѣе обезпечить себѣ успѣхъ этого дѣла. У Кедрина находимъ извѣстіе, что онъ посылалъ посольство къ Арабскому Халифу Сѣверной Африки, Фатлуму, сильному на морѣ, съ предложеніемъ союза для осады Константинополя, на слѣдующихъ условіяхъ: Арабскій флотъ долженъ былъ вести осаду со стороны моря, Болгары же съ сухого пути; по взятіи города добыча дѣлится поровну между Арабами и Болгарами; Константинополь остается за послѣдними⁹⁷⁾. О сношеніи Болгаръ съ Африканскими Арабами въ это время говоритъ и Арабскій писатель, Альмасуди (920 — 950); отъ него мы узнаемъ, что Мусульманамъ, отправившимся въ походъ на Византію со стороны Средиземнаго моря, Болгаре предложили свои услуги и объявили, что Царь ихъ находится вблизи⁹⁸⁾. Около этого времени въ Византійской столицѣ происходило событіе величайшей важности: возстановля-

Патріархъ Николай неоднократно писалъ окружныя посланія къ Епископамъ, въ которыхъ, указывая на варварское пашествіе Болгаръ, требовалъ сколько возможно большей доставки золота изъ церквей и монастырей. См. письма 58-ое, 92-е и 94-е; „Твор. Св. Отц.“ 207.

⁹¹⁾ Письмо 25-е, у Григоровича 76, 78.

⁹²⁾ Письмо 25-е, у Григоровича 78.

⁹³⁾ Тамъ же, стр. 80.

⁹⁴⁾ Письмо 28-ое.

⁹⁵⁾ Письмо 27-ое, у Миня, 176.

⁹⁶⁾ Кедринъ II, 396.

⁹⁷⁾ Кедринъ II, 356; у Стриттера II, 598; Гильфердингъ, I, 105.

⁹⁸⁾ Гаркави: „Сказанія Мусульманскихъ писателей о Славянахъ“ 145, 146.

лось общеніе между Константинопольскою и Римскою Церковію. Общеніе это было прервано еще въ началѣ 912 года, когда Николай Мистикъ вторично возшелъ на Патріаршій престолъ, съ коего былъ низложенъ и отправленъ въ заточеніе въ 908 году за дерзновенное осужденіе 4-го брака Императора Льва⁹⁹⁾. Какъ только возвратился на кафедру, Николай поспѣшилъ отправить свое знаменитое письмо къ Папѣ Анастасію III (911—913), преемнику Сергія III (906—911), освятившаго 4-й бракъ Императора и утвердившаго низложеніе и ссылку непреклоннаго Патріарха¹⁰⁰⁾. Въ этомъ письмѣ Патріархъ Николай въ рѣзкихъ выраженіяхъ громилъ нечестіе Римскихъ Первосвященниковъ, благодаря коему онъ долженъ былъ пройти черезъ большое униженіе и извѣдать бѣдствія тяжкаго заточенія. „Вы не уважили честь Церкви, достоинство Вѣры, неприкосновенность священныхъ правилъ, древнее преданіе. На какомъ основаніи угодно было Римлянамъ насъ обвинить, изгнать изъ паствы и подвергнуть наказанію за то, что мы осудили четвертый бракъ? Гдѣ нашелъ ты такой бракъ, откуда вводишь его въ святой народъ Христіанскій?“

Николай просить Римскую Церковь исправить свои ошибочныя распоряженія, сдѣланныя по видамъ челоѣкоугодія, и требуетъ предать „отлученію остающихся еще въ живыхъ виновниковъ соблазна.“ Относительно умершаго уже Папы Сергія III, Патріархъ Николай замѣчаетъ, что онъ „воздастъ слово первому и великому Архіерею.“ Патріархъ не получилъ отвѣта на это письмо, разрывъ былъ готовъ, имя Папы вычеркнуто изъ Диптиховъ Константинопольской Церкви¹⁰¹⁾. Этотъ разрывъ, совершившійся въ 912 году, по почину Патріарха Николая, былъ устраненъ, по его же почину, въ 923 году. Онъ началъ хлопотать о возстановленіи общенія еще въ 920 году¹⁰²⁾, и послѣ неоднократныхъ обращеній его и Императора къ Папѣ, наконецъ, въ 923 году, прибыли изъ Рима въ Константинополь Папскіе Легаты, Теофилактъ и Каръ, которые положили конецъ разрыву, возстановили прежнее общеніе. Это было достигнуто не безъ важныхъ уступокъ со стороны Патріарха Николая въ спорномъ

⁹⁹⁾ Паппаригопуло, V, 360.

¹⁰⁰⁾ Письмо 32-ое; „Творенія Св. Отц.“ 187—192.

¹⁰¹⁾ Пихлеръ „Geschichte der kirchlichen Trennung“ I, 207—9; Гергенрёттеръ II, 662.

¹⁰²⁾ Письмо 53-е; „Творенія Св. Отц.“ тамъ же, 238.

дѣлѣ. Приглашая Легатовъ для возстановленія общенія, онъ уже заранѣе отказывался отъ безусловнаго осужденія 4-го брака, просилъ, чтобы такой бракъ былъ объявленъ допущеннымъ только по Царскому требованію, а не по правиламъ Церкви, не требовалъ болѣе „ни осужденія, ни порицанія тѣхъ,“ которые участвовали въ его изложеніи и заточеніи. Упомянувъ о покойномъ Папѣ Сергіи, Николай теперь прибавляетъ: „его же да причислитъ Господь къ лику блаженныхъ Архіереевъ!“ Принявъ во вниманіе эту уступчивость Патріарха, равно какъ и то обстоятельство, что хлопоты его о сближеніи съ Римомъ начались съ 920 года, когда война Болгарская приняла особенно опасный оборотъ для Византіи, мы не ошиблись, приписавъ вліянію этой войны и совершившееся въ 923 году возстановленіе единенія между Константинопольскою и Римскою Церковью¹⁰³). Къ такому заключенію ведетъ и слѣдующее обстоятельство.

Легаты Теофилактъ и Каръ, возстановившіе единеніе между Римомъ и Константинополемъ, привезли съ собою весьма любопытное, по своему содержанію, письмо Папы къ Симеону. Имъ было поручено, по окончаніи дѣла въ Константинополѣ, отправиться прямо къ Симеону, чтобы лично передать ему письмо и порученія Папы. Патріархъ, однако, отговорилъ Легатовъ отъ этой поѣздки, указавъ на то, что Симеонъ имѣлъ обыкновеніе задерживать у себя Византійскихъ Апокрисіаріевъ, и что тая же участь можетъ постигнуть и Римскихъ Легатовъ“. По этому онъ взялъ на себя доставленіе Папскаго посланія, которое и поспѣшили отправить къ Симеону, коему, по этому случаю, написалъ и отъ себя письмо:

„Пишемъ тебѣ (начинаетъ Патріархъ свое письмо), отчасти по собственному желанію, отчасти по побужденію Святѣйшаго Папы, брата нашего и сослуживца. Этотъ послѣдній, въ слѣдствіе распространившейся по всей земли и повсюду молвы о гибельной войнѣ между Греками и Болгарами, хотя и не видѣлъ собственными глазами это столь великое бѣдствіе, но

¹⁰³) Патріархъ Николай, въ одномъ изъ своихъ писемъ (75-мъ), жалуется, что многіе приписывали бѣдствія продолжительной войны (Болгарской) церковному расколу, за который выжили его (Патріарха). Защищая себя противъ этого обвиненія, Николай, между прочимъ, говоритъ, что и самъ желаетъ мира и единенія церковнаго, но такого, который бы соблюлъ честь Церкви. „Творенія Св. Отц.,“ тамъ же, 229. Въ послѣдствіи, однако, какъ мы видѣли, онъ сдѣлался уступчивѣе.

уже при одной вѣсти о немъ, глубоко сокрушаясь сердцемъ, прислалъ святыхъ и богоугодныхъ мужей, Епископовъ Теофилакта и Кара, съ письмомъ къ тебѣ, главная цѣль котораго заключается въ прекращеніи ненависти между Болгарами и Римлянами.“ За тѣмъ Патріархъ извѣщаетъ, что Папа письменно просилъ его препроводить Легатовъ въ Болгарію, чтобы они тамъ склонили Симеона къ миру, если не увѣщаніями, то отлученіемъ отъ Церкви, на что, въ случаѣ упорства со стороны Симеона, имъ дано было полномочіе. Указывая за тѣмъ на означенныя выше причины, которыя заставили его удержать Легатовъ отъ поѣздки въ Болгарію и взять на себя пересылку привезеннаго ими Папскаго письма, Николай продолжаетъ: „Какъ мы узнали, ты очень чествуешь Святыхъ и Верховныхъ Апостоловъ; а если по истинѣ ихъ чествуешь, то ты не станешь безчестить сидящаго на ихъ престолѣ . . . Не позволяй себѣ презирать пишущаго къ тебѣ нынѣ, Римскаго Архіерея, какъ презираешь насъ: почти его увѣщанія, дабы, въ противномъ случаѣ, Верховные Апостолы, сочтя его безчестіе своимъ, не воззрѣли на тебя гнѣвно; ибо я не думаю, чтобы ты могъ устоять противъ ихъ гнѣва.“ Далѣе Патріархъ извѣдомляетъ, что, съ прибытіемъ Легатовъ въ Константинополь, церковное общеніе между Римомъ и Константинополемъ уже возстановлено, и они теперь стали „единой мысли и единаго сердца.“ Письмо это Николай заканчиваетъ настоятельной просьбой о томъ, чтобы Симеонъ позволилъ ему свидѣться съ нимъ¹⁰⁴).

Письмо это открываетъ непосредственную причину, заставившую Византію искать сближенія съ Папой: сближеніе это нужно было, прежде всего, по дѣлу съ непреклоннымъ Симеономъ, напоръ котораго надѣялись остановить при посредствѣ Папы. Мы вскорѣ увидимъ, что примиреніе съ Римомъ не обошлось только выше упомянутыми нравственными уступками стороны Патріарха Николая, стоило Византіи и другихъ, вещественныхъ, жертвъ. Тамъ же намъ представится болѣе удобный случай для уясненій и основаній, по которымъ Византія могла возлагать такія большія надежды на заступничество Папы предъ Симеономъ. Посмотримъ теперь, какъ отнесся Симеонъ къ этому заступничеству.

¹⁰⁴) Письмо 28-ое, у Миня 175—182.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ отправленія къ нему Папскаго письма, вмѣстѣ съ объяснительною, такъ сказать, запискою Патріярха, этотъ послѣдній былъ вынужденъ отправить въ Болгарію новое письмо, наполненное самыми сильными просьбами о мирѣ. Изъ этого письма мы узнаемъ, между прочимъ, что Симеону было тогда уже подѣ шестьдесятъ лѣтъ; указывая на эти преклонныя лѣта, Патріярхъ совѣтуетъ ему прекратить кровопролитіе и подумать о приготовленіи себя къ будущей жизни¹⁰⁵). Уже это одно служитъ разительнымъ доказательствомъ того, что Папское письмо и угрозы ни сколько не измѣнили намѣренія Симеона, ни сколько не улучшили бѣдственной участи Византіи. Но, прибѣгая къ заступничеству Папы, Византія не рассчитывала только на нравственное вліяніе, которое онъ могъ имѣть на Симеона: съ помощію Папы она успѣла создать весьма опасное для Симеона политическое затрудненіе, которое должно было заставить его, если не прекратить совершенно войны съ Византійцами, то, по крайней мѣрѣ, ослабить эту войну, отсрочить на нѣкоторое время осаду столицы, къ которой онъ уже готовился приступить. Въ чемъ заключалось это затрудненіе, мы увидимъ далѣе, но сперва изложимъ дальнѣйшій ходъ отношеній Симеона къ Византіи.

Въ Сентябрѣ 924 г. Симеонъ прибылъ къ Константинополю со всѣмъ своимъ войскомъ и расположилъ свою главную ставку у Влахернскихъ воротъ (теперь Балать), въ сѣверо-западномъ углу города¹⁰⁶). Немедленно онъ потребовалъ къ себѣ Патріярха Николая и нѣкоторыхъ изъ Византійскихъ вельможъ, которые и не замедлили явиться. Переговоривъ съ ними, онъ отослалъ ихъ назадъ и потребовалъ свиданія съ самимъ Императоромъ, Романомъ Лакапиномъ. Романъ очень обрадовался, видя въ этомъ поступкѣ Симеона желаніе помириться съ нимъ. На берегу, у Космедіи (вѣроятно у Влахернъ, въ Пристані) Императоръ велѣлъ выстроить въ морѣ крѣпкую площадку (дебаркадеръ), къ которой бы могла причалить Императорская тріера. На этой площадкѣ должно было происходить свиданіе. Но въ то время, какъ Императоръ началъ уже дѣлать приготовленія къ свиданію, Симеонъ послалъ съжечь храмъ Св. Богородицы у Источниковъ, „изъ чего сдѣлалось явнымъ, что онъ не желаетъ мира (говоритъ лѣтописецъ), но только тщетной

¹⁰⁵) Письмо 29-ое, у Миня, 181—185.

¹⁰⁶) Продолж. Теофана, 405, 406; у Стриттера II, 594, 595.

надеждой обманываетъ Императора.“ Тѣмъ не менѣе, однако, этотъ послѣдній не перемѣнилъ своего рѣшенія свидѣться съ непримиримымъ врагомъ. Въ назначенный для свиданія день онъ, по словамъ лѣтописца, отправился съ Патріярхомъ Николаемъ въ святыню Влахернскую, и тамъ, съ поднятыми вверхъ руками, колѣнопреклоненный, орошая священный полъ слезами, молилъ всепѣтую и пречистую Богоматерь, да смягчитъ Она непреклонное и жестокое сердце высокоумнаго Семеона и да внушитъ ему желаніе мира! За тѣмъ, доставши изъ священнаго кивота пречестный омофоръ Св. Богородицы, Императоръ опоясался имъ, какъ твердою броней, и утвердившись вѣрою, вышелъ изъ храма, и, въ сопровожденіи оруженосцевъ, отправился на мѣсто свиданія. Тутъ Симеонъ заставилъ его дожидать себя цѣлыхъ четыре дня; только на пятый день, послѣ прибытія Императора, прибылъ и Симеонъ, 9-го Сентября. Онъ явился въ сопровожденіи огромнаго войска, „построеннаго въ ряды, изъ коихъ одни имѣли золотые щиты и копья, другіе серебряные, иные были украшены всякаго рода оружіемъ, всѣ же были закованы въ желѣзные брони.“ Когда Семеонъ выступилъ впереди ихъ, они привѣтствовали его на Римскомъ языкѣ, какъ Императора. Приблизившись къ площадкѣ, Болгаре тщательно осмотрѣли ее, чтобы не было засады, или обмана. и только послѣ этого осмотра Симеонъ соскочилъ съ коня, взшелъ на площадку и приблизился къ Императору. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, по сказанію Византійцевъ, Императоръ обратился къ Симеону съ рѣчью, которая будто сильно тронула Семеона, заставила его устыдиться своихъ дѣлъ. Смиранный видъ Императора произвелъ будто на него сильное впечатлѣніе. такъ что послѣ свиданія онъ съ удивленіемъ отзывался предъ своими вельможами объ его величіи, крѣпости духа и храбрости. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ вѣрятъ этимъ рассказамъ Византійскихъ историковъ и, какъ бы въ поясненіе ихъ, указываютъ на то, что на этомъ свиданіи предъ Болгарами предстала вся нравственная сила Византіи, предъ которой они безотчетно должны были преклониться. Эта нравственная сила будто подѣйствовала такъ внушительно на Семеона, что онъ, сознавши всю свою духовную нищету, свое безсиліе предъ ней, отказался отъ своихъ властолюбивыхъ замысловъ относительно Византіи, пристыженный возвратился во свояси, пре-

кративъ продолжительную войну¹⁰⁷). Но такое объясненіе дѣла крайне ошибочно и произвольно. Во время этого свиданія Симеонъ, въ присутствіи Императора, упрекалъ Патріарха Николая во враждебномъ расположеніи къ себѣ, и когда тотъ сталъ отрицать это и по чему-то заговорилъ о своихъ молитвахъ, Симеонъ оборвалъ его слѣдующими словами: „Твоими молитвами убитъ мой конь,“ намекая, конечно, на Ахелойское сраженіе, въ которомъ Византійцы, напутствованные молитвами Патріарха, убили его коня¹⁰⁸). Если бъ дѣйствительно это свиданіе произвело такое сильное дѣйствіе на Симеона, то прямымъ послѣдствіемъ этого было бы заключеніе мира, или, по меньшей мѣрѣ, прекращеніе войны, а между тѣмъ мы не видимъ ни того, ни другого, хотя многіе изъ новѣйшихъ историковъ и убѣждены въ противномъ¹⁰⁹). Византійскіе лѣтописцы, на которыхъ эти историки ссылаются, не говорятъ о томъ, чтобы свиданіе это кончилось заключеніемъ мира. Одни изъ нихъ прямо утверждаютъ, что Государи разошлись, не кончивши дѣла о мирѣ. Другіе же, хотя и упоминаютъ о томъ, что Симеонъ выказалъ готовность помириться, но въ своемъ рассказѣ объ окончаніи свиданія прямо даютъ замѣтить, что свиданіе кончилось очень печально для возлагаемыхъ на оное надеждъ Византійскаго Правительства¹¹⁰). По словамъ лѣтописцевъ, надъ разговаривавшими Государями показались два орла, которые, подлетѣвъ другъ къ другу, быстро разстались и полетѣли въ разныя стороны — одинъ къ Византійской столицѣ, другой къ Θракіи. Это, по словамъ Льва Грамматика, людьми свѣдущими было сочтено за дурное предзнаменованіе, предвѣщавшее, что Государи разойдутся, не заключивъ мира. Что дѣйствительно тѣмъ и кончилось свиданіе, на это очень явно указываютъ два письма Патріарха Николая къ Симеону, писанныя уже послѣ свиданія: въ обоихъ Патріархъ настоятельно проситъ о скорѣйшемъ заключеніи мира¹¹¹).

Мы имѣемъ положительныя указанія на то, что, и послѣ этого свиданія, война продолжалась, хотя и не съ такимъ ожесточеніемъ, какъ прежде.

¹⁰⁷) Рамбо, тамъ же, 335, 336.

¹⁰⁸) Письмо 31-ое, у Миня 189.

¹⁰⁹) Шафарикъ, тамъ же т. II, кн. I, стр. 308; Палаузовъ 50; Гильфердингъ, тамъ же I, 107.

¹¹⁰) Стриттеръ, II, 596.

¹¹¹) Письма 30 и 31-ое у Миня 187—189.

Въ 926 году, т. е., годъ или два спустя послѣ свиданія, на Солунь дѣлали нападеніе, жившіе недалеко отъ него, Славяне¹¹²⁾; а такъ какъ эти Славяне входили въ составъ Болгарскаго Государства, то и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что нападеніе ихъ на Солунь происходило съ участіемъ Симеона. Что война дѣйствительно свирѣпствовала, какъ въ окрестностяхъ Солуны, такъ и далѣе, въ древнихъ Греческихъ областяхъ, на это указываетъ и свидѣтельство одного современника, отъ коего узнаемъ, что, бѣжавшіе на острова отъ нашествія Болгаръ, Греки, остались тамъ до самой смерти Симеона и возвратились на материкъ только въ правленіе его миролюбиваго сына¹¹³⁾. Мы далѣе увидимъ, что, черезъ годъ по смерти Симеона (въ 927 году), его сынъ и преемникъ, Петръ, заключилъ миръ съ Византіею при чемъ получили свободу множество Византійцевъ, находившихся до до тѣхъ поръ въ плѣну у Болгаръ¹¹⁴⁾. Весьма характеристична въ этомъ отношеніи подробность, которою Византійцы сопровождаютъ свой рассказъ о смерти Симеона. 27 Мая, 927 года, какой-то астрономъ, встрѣтивъ Императора Романа, сказалъ ему: „Государь! Статуя, стоящая на площади надъ Ксиролофомъ, есть образъ Симеона: если отрубить ей голову, то Симеонъ тотчасъ же умретъ“. Романъ немедленно приказалъ ночью отрубить голову статуѣ, и дѣйствительно въ ту же ночь скончался Симеонъ въ Болгаріи. Рассказываютъ даже, что Романъ наводилъ объ этомъ очень точныя справки, которыя вполне подтвердили это чудесное происшествіе¹¹⁵⁾.

Всѣ эти указанія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что свиданіе не только не повело къ миру, но и не прекратило войны.

Симеонъ остался при прежнихъ своихъ видахъ, но былъ принужденъ нѣкоторыми обстоятельствами отложить осуществленіе ихъ на нѣкоторое время. Что это за обстоятельства? Для объясненія ихъ указываютъ на неблагопріятный исходъ его сношеній съ Арабами: дѣло въ томъ, что Халифъ охотно согласился на предложеніе Симеона, и отправилъ къ нему, съ

¹¹²⁾ Ліутпрандъ „Antapodosis“ III, 24.

¹¹³⁾ См. житіе Св. Луки, у Миная, CXI, 453.

¹¹⁴⁾ „De admin. imperio“ 86, 87.

¹¹⁵⁾ Стриттеръ, II, 610.

возвращавшимся Послами его, нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ. Но Калабрійцы, всегдашніе враги Африканскихъ Арабовъ, перехватили Халифовыхъ Пословъ вмѣстѣ съ Болгарскими, и отослали ихъ въ Константинополь. Императоръ Романъ засадилъ Болгаръ подѣ стражу, а Сарацынскихъ вельможъ, осыпавъ золотомъ, тотчасъ отправилъ назадъ въ Африку, и богатствомъ даровъ перемѣнилъ расположеніе Халифа¹¹⁶⁾. Не отрицая нѣкотораго участія и этого обстоятельства въ дѣлѣ, мы не сомнѣваемся, однако, что самое рѣшительное вліяніе на отступленіе Симеона отъ Византійской столицы, на ослабленіе его непосредственныхъ дѣйствій противъ Византіи оказало совсѣмъ другое обстоятельство.

Около времени, когда Симеонъ находился уже недалеко отъ Византійской столицы, туда привезены были головы и оружіе Болгарскихъ вождей, которые были отправлены имъ въ Сербію для наказанія ея Правителя, находившагося въ зависимости отъ Болгаръ, но около этого времени измѣнившаго имъ и перешедшаго на сторону Грековъ¹¹⁷⁾. Современнo съ этимъ Симеонъ узналъ и объ отпаденіи отъ союза съ нимъ Захлумлянъ, а также о сближеніи съ Византіею Хорватовъ. Обстоятельства эти должны были убѣдить Симеона, что опасность, угрожающая съ этой стороны, была важнѣе, чѣмъ онъ могъ предполагать. Эта-то опасность и принудила его отсрочить осуществленіе своихъ видовъ на Византійскую столицу. Кончатъ войну съ Византіею онъ могъ тѣмъ менѣе, что въ созданіи названной опасности принимала дѣятельное участіе и она. Опасность эта была создана главнымъ образомъ совокупными дѣйствіями Византіи и Рима, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

¹¹⁶⁾ Кедринъ II, 356. См. у Гильфердинга, тамъ же I, 105.

¹¹⁷⁾ „De admin. imperio“ 157, 158.

Глава II.

Взглядъ на древнѣйшую исторію Хорватовъ, Сербовъ и Южно-Далматинскихъ Славянъ, ихъ положеніе въ первой четверти X-го вѣка.

Предшественники Симеона распространили свою власть къ сѣверо-западу до горъ, отдѣляющихъ область соединенной Моравы отъ области Колубары и до вершинъ, служащихъ водораздѣломъ между притоками Ибара и лѣвыми притоками Болгарской Моравы. Съ долины Ибара, приблизительно съ окрестностей города Митровицы, граница Болгарскаго Царства шла по прямой почти чертѣ къ устью Дрина на Адриатическомъ морѣ. За этой чертой, за Ибаромъ и Колубарой, до самаго Адриатическаго моря къ западу, до Хорутанскихъ горъ къ сѣверо-западу и до рѣки Дравы къ сѣверо-востоку, обитали нѣсколько Славянскихъ племенъ, коимъ суждено было сплотиться въ два отдѣльныхъ Южно-Славянскихъ народа — Сербскій и Хорватскій.

Въ наукѣ господствовало, господствуетъ и нынѣ, мнѣніе, что эти два народа переселились сюда вполнѣ уже сплотившимися, готовыми¹⁾. Мнѣніе это основывается на сказаніяхъ Багрянороднаго, сказаніяхъ, заключающихъ въ себѣ личные домыслы этого писателя, невѣрно принимаемые за историческія свидѣтельства²⁾. Мы уже имѣли случай выяснить дѣйствительный характеръ этихъ сказаній въ другомъ нашемъ сочиненіи и указать на основанія, по которымъ мы позволяемъ себѣ исключить ихъ изъ числа историческихъ источниковъ³⁾.

¹⁾ Достаточно указать на повѣйшія и болѣе распространенныя изслѣдованія Шафарика: „Славянскія Древности“, перев. О. М. Бодянского, т. II, кн. I, 392; кн. II, 2, 3; Гильфердинга: „Собраніе сочин.“ I, 159, 160, 161; Рачкаго: „Odlomci iz dr. prava Chrvatsk.“ 1859, 54; Рамбо: L'empire grec.“ Paris 1870, 455.

²⁾ Сказанія эти находятся въ „De administrando imperio“, с. 30. 32.

³⁾ „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“. Москва, 1873, стр. 124—130.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ настоящаго изслѣдованія намъ представится не одинъ случай подтвердить этотъ взглядъ, какъ на эти, такъ и на нѣкоторыя другія сказанія Константина, касающіяся древнѣйшей исторіи этихъ Славянъ; здѣсь же не лишнимъ считаемъ замѣтить, что отъ ошибочнаго пониманія этихъ сказаній прежними историками, главнымъ образомъ произошла та путаница, которую замѣчаемъ въ существующихъ изложеніяхъ начальной исторіи Сербовъ и Хорватовъ или, лучше сказать, тѣхъ Славянъ, которые водворились на означеномъ выше пространствѣ. Вопреки сказаніямъ Константина, мы не сомнѣваемся, что и эта страна, подобно другимъ частямъ Балканскаго полуострова, заселена была Славянами не разомъ, а исподволь, не въ одинъ годъ, а въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Заселеніе ея завершилось только около половины VII вѣка⁴⁾. Мы не имѣемъ никакихъ почти извѣстій о положеніи этихъ Славянъ въ седьмомъ и восьмомъ столѣтіяхъ, но, судя по аналогіи съ Славянами, водворившимися въ другихъ частяхъ Римской Имперіи, можно смѣло утверждать, что и они дробились на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, находившихся то въ дружественныхъ, то въ враждебныхъ, отношеніяхъ другъ къ другу. Такое заключеніе оправдывается и дошедшими до насъ извѣстіями объ ихъ положеніи въ IX и X столѣтіяхъ.

Не дошли до насъ достовѣрныя извѣстія и о политическихъ отношеніяхъ этихъ Славянъ къ сосѣднимъ Государствамъ въ VII и VIII вѣкахъ. Константинъ Багрянородный, невѣрно представляющій исторію переселенія этихъ Славянъ въ Далматію, увѣряетъ, что, при самомъ водвореніи ихъ здѣсь, еще при Императорѣ Иракліи, они подчинились Византіи, подъ властію которой будто находились въ теченіе VII и VIII вѣковъ, и освободились отъ этой зависимости только въ 20-хъ годахъ IX вѣка⁵⁾, воспользовавшись слабостію тогдашняго Императора, Михаила II-го (820—829). Но и это увѣреніе Константина, безъ сомнѣнія, есть такой же личный домысль, какъ и рассказъ его о переселеніи этихъ Славянъ. Въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія то, что изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источниковъ намъ положительно извѣстно, что еще около начала IX вѣка Сѣверо-Западная половина этихъ Сла-

⁴⁾ Тамъ же, 123, 124.

⁵⁾ „De admin. imp.“ ed. Bonn. 128.

вянъ была покорона Карломъ Великимъ⁶⁾. Что они и до этого времени не принадлежали Византіи, это доказываетъ Ахенскій миръ Карла съ Византійцами 803 и 810 г. По этому миру Карлъ отказался отъ занятыхъ имъ Византійскихъ владѣній на Адріатическомъ берегу⁷⁾, именно: отъ Венеціи и Романскихъ городовъ Далматіи: Задра, Трогира, Сплѣта, Дубровника, съ близлежащими островами: Керкомъ, Рабомъ и Осоромъ. Славянскія же племена остались подъ властію Франковъ, относительно коихъ Византія не изъявляла никакихъ притязаній. Франкамъ подчинились собственно, во 1-хъ, племена, обитавшія между Савой, Дравой и Дунаемъ; во 2-хъ, часть Далматинскихъ Славянъ, занимавшихъ сѣверную Далматію до рѣки Цетины. Со времени подчиненія этихъ Славянъ Франкамъ исторія ихъ дѣлается болѣе извѣстной. И тутъ, какъ и въ другихъ Славянскихъ странахъ, покоренныхъ Франками, эти послѣдніе довольствовались только признаніемъ своей верховной власти, не трогали внутреннихъ отношеній своихъ новыхъ подданныхъ, оставляли неприкосновеннымъ ихъ исконный общественный бытъ⁸⁾. Но этотъ, слишкомъ разрозненный, битъ, при столкновеніи съ политическимъ бытомъ могущественной Франкской Монархіи, начиналъ разлагаться самъ собою въ слѣдствіе внутренней своей несостоятельности, которую названное столкновение обнаруживало во всей ея наготѣ. И среди этихъ Славянъ сейчасъ, послѣ подчиненія ихъ Франкамъ, появилось стремленіе къ политическому объединенію мелкихъ племенъ, такое же точно стремленіе, какое, при тѣхъ же обстоятельствахъ и въ это же самое время, началось и въ Моравіи. Стремленіе это прежде всего обнаруживается въ Посавской Панноніи. Одинъ изъ здѣшнихъ Князей, Людевитъ, сидѣвшій въ Сисекѣ⁹⁾, успѣлъ объединить подъ своей властью большую часть сосѣднихъ Князей и создать довольно могущественное Государство. Вскорѣ, почувствовавъ себя довольно крѣпкимъ и опираясь на помощь могущественнаго Болгарскаго Государства¹⁰⁾, въ 819 г. поднялъ знамя освобожденія отъ иноплеменнаго ига. Попытка его не удалась, не смотря на то, что она заранѣе была расчи-

⁶⁾ Эйнгардъ, у Перца I, 451.

⁷⁾ Филей, *History of the Byzantin empire*, 1856, I, 118—120.

⁸⁾ Успенскій: „Первыя Славянскія Державы“ и пр. 26, 34.

⁹⁾ Эйнгардъ, у Перца I, 210.

¹⁰⁾ О томъ, что возстаніе Людевита опиралось на содѣйствіе Болгаръ, см. любопытныя соображенія Гфререра, „Byzantinische Gesch.“ II, 59.

тана на успѣхъ, какъ показываетъ знаменитая война, которую, въ теченіе трехъ лѣтъ, онъ велъ со всѣми силами Франкской Имперіи¹¹⁾. Отчаявшись въ успѣхѣ своего начинанія, онъ, въ 822 г., искалъ спасенія у сосѣднихъ Славянъ, сначала у Сербовъ, а потомъ у жителей южной Далматіи, на которыхъ, слѣдовательно, власть Франковъ не простиралась. Посавскіе Славяне остались подъ властію Франковъ¹²⁾, за исключеніемъ небольшой части ихъ, присоединенной, въ 827 г., къ Болгарскому Царству¹³⁾. Тѣмъ не менѣе эта попытка имѣла весьма важныя послѣдствія для другой части подчиненныхъ Франкамъ Славянъ, именно Далматинскихъ.

Одинъ изъ здѣшнихъ Князей, Правитель Гудускановъ, по имени Борна, не только не принялъ участія въ движеніи, начатомъ Сисецкимъ Княземъ, но и оказалъ дѣятельную помощь Франкамъ противъ него. Этимъ, конечно, онъ заслужилъ благоволеніе своихъ господъ, которые, въ благодарность за это, назначили его Правителемъ всѣхъ своихъ Далматинскихъ владѣній, подчинивъ, разумѣется, ему тамошнихъ мелкихъ Князей¹⁴⁾. Здѣсь, по нашему мнѣнію, находится основаніе Хорватскаго Государства и объединеніе Славянъ Сѣверной Далматіи въ одно этнографическое цѣлое.

Багрянородный рассказываетъ¹⁵⁾, что Хорваты вскорѣ освободились отъ Франковъ; но это утвержденіе его блистательнымъ образомъ опровергается грамотою Терпимира, изъ коей мы узнаемъ, что Каролинги пользовались верховною властію въ Хорватіи еще въ 852 г.¹⁶⁾ Изъ другого, также достовѣрнаго, источника мы узнаемъ, что власть ихъ продолжалась тутъ еще и въ 871 году¹⁷⁾.

¹¹⁾ См. описаніе этой войны у Эйнгарда, Перцъ, 1, 205—208.

¹²⁾ Около 836 г. мы встрѣчаемъ въ этомъ краѣ Славянскаго Князя Ратимира, между 883 и 896 Брячислава: оба они являются данниками Каролинговъ. См. Конитара: „Glagolita Cloz“. LXXIV, и Фульдскую лѣтопись подъ 884 и 892 г.

¹³⁾ Эйнгардъ, у Перца I. 216.

¹⁴⁾ Это видно изъ разсказа Эйнгарда, который въ 818 году, т. е., до начала возстанія Людевита, называетъ Борну „Dux Guduscanorum“, въ 819, въ началѣ этого возстанія, называетъ его уже „Dux Dalmatiae“, а въ 821 „Dux Dalmatiae et Liburniae“. См. у Перца I, 205, 206, и 208. Срав. Гфререра, тамъ же, II, 56.

¹⁵⁾ „De admin. imp.“ 144, 145.

¹⁶⁾ Время составленія этой грамоты означено временемъ царствованія Лотаря, что ясно указываетъ на то, что Терпимиръ былъ его подручникомъ: „regnante in Italia piissimo Lothareo, Francorum rege“. Farlati, „Illyricum sacrum“, III, 51.

¹⁷⁾ См. письмо Императора Людовика II къ Василію Македонянину отъ 871 г., у Перца III, 525.

Иѣтъ сомнѣнія, что преемники Борны, по отношенію къ Франкамъ, слѣдовали его политикѣ¹⁸⁾. Не давая имъ никакого повода къ неудовольствіямъ, всячески стараясь заручиться ихъ полнымъ довѣріемъ, они работали надъ внутреннимъ упроченіемъ своей власти. Въ выше упомянутой грамотѣ Терпимира Государству, созданное Хорватами въ Далматіи, около 852 г., представляется довольно могущественнымъ: по крайней мѣрѣ оно названо въ этомъ документѣ Королевствомъ (*Regnum Croatorum*)¹⁹⁾. Рачкій силится доказать, на основаніи одного выраженія грамоты Терпимира, что Хорватское Государство тогда еще обнимало въ своихъ предѣлахъ и Посавскую Паннонію и простиралось до Дравы и Дуная²⁰⁾, но доказательства его совершенно неосновательны²¹⁾. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Государство Терпимира обнимало уже всю сѣверную Далматію, отъ р. Цетины до Савы.

Въ то время, какъ, подъ вліяніемъ Каролингской власти, Славянскія племена Сѣверной Далматіи и Посавской Панноніи политически объединялись и крѣпли, ихъ ближайшіе родичи и сосѣди, которыхъ не коснулось владычество Франковъ, продолжали кочевать въ своемъ разрозненномъ племенномъ бытѣ: они дробились на шесть самостоятельныхъ племенъ²²⁾: горную страну, простирающуюся къ западу отъ долинъ Колубары и Ибара до рѣки Дрины, занимали Сербы. Къ сѣверо-западу отъ нихъ, въ пространствѣ, заключающемся между рѣками Дриною и Вербасомъ, сидѣли Босняки. Къ югу отъ Босняковъ и къ юго-западу отъ Сербовъ, въ нынѣшней Герцеговинѣ, Черногоріи и части Сѣверной Албаніи, помѣщались еще четыре отдѣльныхъ племени: Неретване, жившіе между рѣками Неретвой и Цетиной, коимъ принадлежали и четыре изъ сосѣднихъ острововъ: Корчула, Млѣтъ, Брачь и Лесина или Гварь; Захлумляне къ югу отъ рѣки Неретвы до окрестностей Ду-

¹⁸⁾ Есть извѣстіе, что второй преемникъ Борны, Моиславъ, заключилъ мирный договоръ съ Венеціею (Перцъ VII, 17) около 829, или 836, что, обыкновенно, принимается за доказательство полной политической самостоятельности Хорватіи въ это время. Но не слѣдуетъ забывать, что верховная власть Франковъ не могла служить помѣхою заключенію этого договора.

¹⁹⁾ Фарлати, тамъ же.

²⁰⁾ „*Odlomci*“ 18, 19.

²¹⁾ Восточная часть Посавской Панноніи принадлежала тогда Болгарамъ, подчинившихъ ее себѣ въ 827 г., западная же составляла особенное Княжество. См. Шафарика, тамъ же, кн. II, стр. 16, примѣч. 33.

²²⁾ Шафарикъ, „Славянскія Древности“, перев. О. М. Бодянского, т. II, кн. I, 425, 454.

бровника; Травуныне между Дубровникомъ и Которомъ, и Дукляне къ югу отъ Которскаго залива до устья рѣки Дрина.

Каждое изъ этихъ племенъ жило особо, ревниво охраняя свою племенную самостоятельность. Мнѣніе, что они въ это время составляли общій союзъ, подъ властію Великаго Жупана Сербскаго²³⁾, не выдерживаетъ повѣрки: оно основано частію на домыслахъ Багрянороднаго, частію на неосновательныхъ соображеніяхъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей. Все, что мы знаемъ объ этихъ племенахъ изъ другихъ источниковъ, болѣе достовѣрныхъ, чѣмъ сказанія Багрянороднаго, противорѣчитъ такому утвержденію. Такъ Эйнгардъ рассказываетъ, что знаменитый Людевитъ Посавскій, отчаявшись въ успѣхѣхъ своего предпріятія противъ Франковъ, покинувъ свою родину, искалъ убѣжища у Сербовъ (ad Sorabos), на которыхъ, слѣдовательно, владычество Франковъ не простиралось. Тутъ онъ умертвилъ какого-то Жупана и, чувствуя, въ слѣдствіе этого, свое пребываніе между Сербами небезопаснымъ, перешелъ къ другому Далматинскому племени, во главѣ коего стоялъ Людемысль²⁴⁾. Племя это, безъ сомнѣнія, было одно изъ четырехъ Южно-Далматскихъ Славянскихъ племенъ; оно не зависѣло отъ Сербовъ; въ противномъ случаѣ Людевитъ, спасаясь отъ мести послѣднихъ, не рѣшился бы отправиться къ нему. Независимость Неретванъ слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы доказывать и ее²⁵⁾.

Такимъ образомъ Славяне, долженствовавшіе лечь въ основу двухъ Южно-Славянскихъ народностей, Хорватской и Сербской, въ первой половинѣ IX вѣка представляются въ слѣдующемъ видѣ: одна часть, сѣверо-западная, находится подъ властію Каролинговъ Нѣмецкой и Итальянской линіи: чужеземное иго дало ей почувствовать невыгоды исконнаго племеннаго быта, и она стремится къ переходу къ болѣе прочному политическому устройству. Другая часть, наслаждаясь полной самостоятельностью, защищаемою географическимъ положеніемъ ея, продолжаетъ коснѣть въ своемъ племенномъ быту, не помышляя еще разставаться съ нимъ.

Въ такомъ положеніи находились эти страны до того времени, когда на Византійскій престолъ вступилъ Императоръ Василій Македонянинъ. Весьма важный переворотъ произошелъ въ царствованіе его въ этихъ странахъ.

²³⁾ Гильфердингъ, тамъ же, I, 159.

²⁴⁾ Эйнгардъ, у Перца I, 209, 210.

²⁵⁾ Шафарика: „Славянскія Древности“, т. II, кн. I 441—444.

Хорваты, оставшіеся дотолѣ подѣ верховною властію Каролинговъ, въ это время мѣняютъ эту власть на власть Византіи. И прочія, дотолѣ самостоятельныя, племена переходятъ также подѣ верховную власть Византіи. Если вѣрить внуку Василия, Багрянородному, то это дѣло произошло по желанію самихъ этихъ Славянъ, и произошло очень просто. „Убѣдившись, говоритъ онъ, въ кротости, справедливости и храбрости Императора, и предпочитая хорошую зависимость гибельному и бурному самовластью, они постарались снова покориться Римлянамъ (Византіи), отправили пословъ къ Василию съ просьбой принять ихъ подѣ свою власть и крестить тѣхъ, которые не били еще крещены“²⁶). Это случилось, по разсказу Багрянороднаго, около времени знаменитой осады города Бара (868—872). Такъ понималъ это дѣло и Шафарикъ²⁷), а за нимъ Гильфердингъ²⁸), Голубинскій и другіе.

Но что дѣло происходило не совсѣмъ такъ мирно и дружелюбно, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія другіе, болѣе достовѣрные, источники. Существуютъ письмо Императора Людовика II къ Василию²⁹), писанное въ 871 году, два, три, мѣсяца спустя послѣ взятія города Бара у Сарацынъ³⁰). Письмо это наполнено разными жалобами Западнаго Императора на враждебныя дѣйствія противъ его Императора Василия. Изъ этого письма мы узнаемъ, между прочимъ, что Византійскій флотъ въ 870 году страшно разорилъ землю Неретванъ, подѣ предлогомъ наказанія ихъ за ограбленіе Папскихъ Легатовъ, возвращавшихся съ Константинопольскаго Собора. Въ это время Византійцы дѣлали нападеніе и на сосѣднихъ Неретванамъ Славянъ, находившихся въ зависимости отъ Людовика. Нападеніе это было тѣмъ вѣроломнѣе, что происходило въ то время, когда главная сила этихъ подвластныхъ Людовику Славянъ находилась у Бара, помогая своему Верховному Повелителю осаждать этотъ городъ³¹). Мы не сомнѣваемся, что подѣ этими Славянами, которыхъ Людовикъ называетъ „*Slaveni nostri*,”

²⁶) „De administr. imp.“ с. 29, р. 129. Срав. и Продолж. Теофана, 288, 291.

²⁷) „Славянскія Древности“ т. II, кн. I, стр. 414, 441; кн. II, 17.

²⁸) „Собраніе соч.,” I, 59, 60.

²⁹) Перцъ III, 525, 526.

³⁰) Городъ этотъ былъ взятъ въ Февралѣ 871 г., а не въ 868 г., какъ думали Шафарикъ, Гильфердингъ и другіе.

³¹) Перцъ 525, 526.

въ отличіе отъ Неретванъ, называемыхъ имъ просто „Славянами или Пиратами,“ разумѣются Далматинскіе Хорваты, которые только и могли признавать надъ собою власть Каролинговъ. Это обращеніе Василя съ Далматинскими Славянами показываетъ, что дѣло подчиненія ихъ Византіи не происходило такъ дружелюбно, какъ увѣряетъ насъ Багрянородный. Нѣтъ сомнѣнія, что подчиненіе Далматинскихъ Славянъ вообще было слѣдствіемъ крѣпкихъ мѣръ, принятыхъ Императоромъ Василемъ для усиленія политическаго значенія Византійской Имперіи. Въ частности же подчиненіе Хорватовъ есть одинъ эпизодъ удачной борьбы Василя противъ слишкомъ усилившихся, при слабыхъ предшественникахъ его, Каролинговъ³²⁾. Еще около 870 года, какъ кажется, онъ подчинилъ себѣ Далматинскіе города и острова, успѣвшіе передъ этимъ получить полную политическую самостоятельность. Подчиненіе ихъ, по видимому, совершилось очень легко: не будучи въ состояніи справиться съ Сарацынами, около этого времени часто нападавшими на нихъ, они, какъ кажется, дѣйствительно добровольно отдались подъ покровительство Византіи, признавъ надъ собою ея верховную власть³³⁾. Около этого времени сдѣлана была попытка и на Далматинскихъ Славянъ, изъ коихъ часть, не принадлежавшая Франкамъ, быть можетъ, тогда же была принуждена признать надъ собою верховную власть Византіи. Что касается Хорватовъ, находившихся подъ властію Людовика, то хотя и они были потревожены тогда Византійскимъ флотомъ, однако къ насильственному подчиненію ихъ не были приняты какія ни будь рѣшительныя мѣры. Это было бы слишкомъ явнымъ посягательствомъ на верховныя права Императора Людовика, слишкомъ дерзкимъ вызовомъ на войну, которой Василій избѣгалъ. Но то, чего онъ не могъ сдѣлать тогда путемъ насилія, вскорѣ доставило ему ловкое вмѣшательство во внутреннія дѣла Хорватіи, вмѣшательство, для котораго представились весьма выгодныя обстоятельства, послѣдовавшія по смерти Императора Людовика (875 года). Въ Италіи, какъ извѣстно, начались большія неурядицы, которыми Василій отлично воспользовался для подчиненія себѣ Апуліи и Калабріи, изъ коихъ образована была новая Византійская тема съ главнымъ горо-

³²⁾ Гиббонъ, „History of the decline and fall.“ London. 1830, p. 1033. Финлей, тамъ же I, 296, 297.

³³⁾ Рамбо, тамъ же, 472.

домъ Баромъ. Около этого времени, по словамъ Венеціанской лѣтописи, на Хорватскій престолъ, съ помощію Византіи, возшелъ нѣкто Сдеславъ, выгнавшій сыновей недавно умершаго Жупана Домагоя. Не подлежитъ сомнѣнію, что Сдеславъ подчинилъ Хорватію верховной власти Византіи, конечно, въ благодарность за оказанную ему услугу. Была еще приманка какъ для Хорватовъ, такъ и для другихъ Далматинскихъ Славянъ къ признанію верховной власти Византіи: по словамъ Багрянороднаго, Василій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Далматинскіе города его платили имъ тѣ деньги, которыя они обязаны были вносить Византійскому Стратигу. Въ силу этого распоряженія городъ Сплѣтъ, самый большой изъ этихъ Византійскихъ городовъ, платилъ Хорватскому Правителю 200 золотыхъ монетъ, Задаръ 110, Трогиръ, Осоръ, Рабъ и Велья по 100. Дубровникъ же (Рагуза) обязался платить Правителямъ Захлумскому и Травунскому по 36 монетъ³⁴⁾.

По всему видно, что зависимость отъ Византіи была незначительна: она, какъ показываетъ приведенное извѣстіе, не только не обязывала здѣшнихъ Славянъ какими ни будь тяжелыми повинностями, но, въ этомъ отношеніи, доставляла имъ даже нѣкоторыя матеріальныя выгоды. Византія, значить, довольствовалась только именнымъ или, такъ сказать, почетнымъ господствомъ въ этихъ странахъ. Ея новыя отношенія къ нимъ устраняли всякія враждебныя затѣи со стороны ихъ, а для нея и это обстоятельство имѣло свое значеніе.

При такомъ положеніи дѣлъ само собою разумѣется, что Славяне эти, хотя и считались Византійскими подданными, но въ сущности оставались вполнѣ политически самостоятельными. Впрочемъ, и эта слабая зависимость не была продолжительна: особенно мало стѣснялась ею могущественная Хорватія, изъ Правителей которой нѣкоторые не признавали ея. Тутъ все зависѣло отъ личнаго характера и расчетовъ Правителей, какъ свидѣлствуетъ ихъ поведеніе относительно церковныхъ дѣлъ, въ то время очень щекотливыхъ. Извѣстно, что во второй половинѣ IX вѣка и въ первой четверти X между Византійской и Римской Церквями часто повторялись разрывы, во время которыхъ всѣ Византійскіе подданные держали сторону Византійской Церкви, и если какія ни будь изъ нихъ находились

³⁴⁾ „De adm. imp.“ 147. Гильфердингъ, тамъ же I, 60.

въ округѣ Римскаго Первосвященника, то отторгались отъ него и присоединялись къ Византійскому церковному округу³⁵).

Политическое подчиненіе Хорватовъ и прочихъ Далматинскихъ Славянъ Константинополю совпало съ церковнымъ разрывомъ, послѣдовавшимъ послѣ Собора 870 года. Въ слѣдствіе этого какъ Хорваты, такъ и прочіе здѣшніе Славяне, вмѣстѣ съ Далматинскими городами, въ которыхъ находились Епископскія каѳедры, должны были перейти къ Византійской Церкви³⁶); но въ Хорватіи эти новыя церковныя отношенія продолжались только до 879 года, до котораго здѣсь правилъ Сдеславъ, признавшій надъ собою верховную власть Византіи. Въ 879 году онъ былъ убитъ нѣконмъ Бранимиромъ, занявшимъ Великокняжескій престолъ³⁷). Не смотря на то, что разрывъ между Византіей и Римомъ все еще продолжался, Бранимиръ отложился отъ Восточной Церкви и присоединился къ Риму³⁸). Города не могли послѣдовать его примѣру, и такъ какъ въ нихъ пребывали Епископы, завѣдывавшіе дотолѣ Хорватской паствой, то Бранимиръ, при помощи Рима, основалъ новое Епископство для своей Державы: такъ возникло знаменитое народное Хорватское Епископство, Книнское. Изъ этого мы очень убѣдительно удостоверяемся, что Бранимиръ не признавалъ ея и преемникъ Бранимира, Мутимиръ, по крайней мѣрѣ въ дошедшей до насъ отъ него грамотѣ, 892 года, мы не находимъ упоминанія о Византійскомъ Императорѣ, что едва ли было бы возможно, если бы Мутимиръ считался его подручникомъ³⁹). Изъ помянутой грамоты Мутимира мы убѣждаемся, что въ его время Хорватія занимала совершенно независимое политическое положеніе. Дворъ Мутимира былъ окруженъ почти Королевскимъ блескомъ⁴⁰).

Въ такомъ положеніи представляется Хорватія около конца IX вѣка. Въ первой четверти X вѣка она еще болѣе

³⁵) Пихлеръ, *Geschichte der kirchlichen Trennung*, 1864, I, 172. Гером. Арсенія: „Судьба Православной Греко-Италійской Церкви,“ въ „Русской Бесѣдѣ,“ 1859, кн. VI, 71 72.

³⁶) П. А. Лавровскій утверждаетъ, что „политическое господство Византіи не вызывало въ прежніе вѣка перемѣны Патріархата.“ Но въ примѣненіи къ IX-му вѣку утверженіе это неточно.

³⁷) См. о Бранимирѣ изслѣд. Рачкаго въ „*Rad. jugosl. Ak.*“ XXV.

³⁸) См. письмо Папы Іоанна VIII къ Бранимиру, къ духовенству и народу Хорватскому (отъ 7-го Іюня) и къ Θεодосію (отъ 4-го Іюня 879 г.) у Фарлати, III, 75, 81.

³⁹) Фарлати III, 82.

⁴⁰) Гфререръ, тамъ же, II, 161.

возвысилась, достигла такого могущества, какимъ никогда не пользовалась дотолѣ.

Въ 914 году упоминается уже на Хорватскомъ престолѣ Томиславъ⁴¹⁾, котораго мы находимъ тамъ и въ 924 г.⁴²⁾. Надобно полагать, что онъ еще до 914 года началъ править, но былъ ли непосредственнымъ преемникомъ Мутимира, это положительно не извѣстно⁴³⁾.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что въ это именно время Хорватія подчинила себѣ Славянское Княжество въ Посавской Панноніи, находившееся дотолѣ подъ верховною властію Нѣмецкихъ Каролинговъ. По крайней мѣрѣ около 928 года столица этого Княжества, городъ Сисекъ, лежащій при впаденіи Купы въ Саву, находился уже въ предѣлахъ Хорватскаго Государства⁴⁴⁾. Присоединеніе этой области произошло не раньше конца IX вѣка, такъ какъ еще въ 890 году мы находимъ въ ней особеннаго Правителя, находившагося подъ верховной властію предпослѣдняго изъ Нѣмецкихъ Каролинговъ, Арнульфа⁴⁵⁾. Намъ не извѣстно, какимъ способомъ Хорваты присоединили къ своему Государству эту, довольно обширную, страну: дѣло это до нѣкоторой степени можетъ быть уяснено слѣдующими историческими обстоятельствами. Владычество Нѣмцевъ въ сосѣдней Панноніи и Хорутаніи было сильно поколеблено еще въ 900 г., во время перваго вторженія Мадырь въ эти страны⁴⁶⁾; въ Августѣ же 907 года, въ знаменитой битвѣ подъ Пресбургомъ, уничтожившей лучшую часть Нѣмецкаго войска, господство Нѣмцевъ въ этихъ краяхъ было окончательно низпровергнуто⁴⁷⁾. Около этого времени, вѣроятно, и Посавская Паннонія высвободилась сама собой изъ подъ власти Нѣмцевъ. Оставшись совершенно самостоятельной отъ напора Мадырь, она, по всей вѣроятности, успѣшила отдаться

⁴¹⁾ Это извѣстно изъ Каталога Слѣтскихъ Архіепископовъ, составленнаго Архидіакономъ Томою: „Ioannes archiepiscopus fuit anno domini nongentesimo quarto decimo, tempore Tamislavi Ducis.“ *Historia Salonit. Schwandtneri „Scriptores rerum Hungar.“* III, 548.

⁴²⁾ Во время перваго Слѣтскаго Собора, на которомъ присутствовалъ и Томиславъ.

⁴³⁾ Шафарикъ, Гфререръ и другіе помѣщаютъ между Мутимира и Томислава еще три царствованія, но какъ увидимъ ниже, въ 5-ой главѣ, не основательно.

⁴⁴⁾ Фарлати III, 104. Сравни. Гфререра, тамъ же II, 135—138, 186.

⁴⁵⁾ См. выше, примѣч. 21.

⁴⁶⁾ См. статью Елагина въ „Русской Бесѣдѣ“ 1858 г. I, 149.

⁴⁷⁾ Тамъ же.

подъ власть могущественной Хорватіи⁴⁸). Съ присоединеніемъ Посавскаго Княжества, Хорватское Княжество распространило свою границу до рѣки Дравы: всѣ Славянскія племена, которыя занимали Далматинское побережье къ сѣверу отъ Цетины и большую часть Посавской Панноніи, составляли уже одно политическое цѣлое, сплотились въ одинъ народъ, получившій названіе Хорватовъ. Присоединеніе Посавскихъ Славянъ есть, такъ сказать, послѣднее дѣло образованія Хорватской народности; дѣло это происходитъ гдѣ-то на грани IX и X столѣтій⁴⁹).

Въ это время Хорватія подчинила себѣ и Босну, по крайней мѣрѣ ея большую, западную, половину. Около 924 года Хорваты съ этой стороны непосредственно граничили уже съ Сербамъ⁵⁰). Мы вскорѣ увидимъ, что Хорватія тогда достигла нѣкотораго политическаго вліянія посреди Южно-Далматскихъ племенъ. Къ этому-то времени, по нашему мнѣнію, относится свидѣтельство Багрянороднаго о томъ, что Хорватское Государство могло выставить 60,000 коннаго войска, 100 тысячъ пѣшаго, 80 большихъ кораблей, въ каждомъ по 40 моряковъ, и 100 меньшаго размѣра кораблей, въ 20 и 10 человекъ⁵¹).

Въ продолженіе всего царствованія Томислава Хорватія въ церковномъ отношеніи подчинялась Риму, который нѣкоторое время тогда находился въ разрывѣ съ Византіею. Это доказываетъ полную политическую самостоятельность Томислава относительно Византіи⁵²). Полная политическая самостоятельность и дѣйствительное могущество дали Томиславу поводъ принять титулъ Короля⁵³). Мы вскорѣ увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ совершилась эта важная перемѣна въ званіи Хорватскаго Государя; теперь же, показавъ въ общихъ чертахъ по-

⁴⁸) Дуклянскій Пресвитеръ (гл. XIV) упоминаетъ о войнѣ Томислава съ Мадырами. Если упоминаніе это имѣетъ какую ни будь историческую основу, то надобно полагать, что война эта происходила изъ-за Посавской Панноніи.

⁴⁹) Съ этого-то времени Посавская Паннонія стала называться Хорватскою страной. Утвержденіе Константина Багрянороднаго, что она издавна, еще съ VII-го вѣка, была такою, слѣдуетъ отнести къ его домысламъ.

⁵⁰) „Rad jugosl. ak.“ XVII, 95.

⁵¹) „De admin. imperio“ 151.

⁵²) Первая половина царствованія Томислава относится ко времени разрыва между Константинополемъ и Римомъ, разрыва, начавшагося въ 912 год. и продолжавшагося до 923-го года.

⁵³) Объ этомъ свидѣлствуютъ Дѣлія перваго Силѣтскаго Собора и одно письмо Папы Іоанна X къ Томиславу. Фарлати, III, 92, 93, 96. См. основательное изслѣдованіе Рачкаго въ „Rad jugosl. ak.“ XVII.

литическое положеніе, достигнутое Хорватами въ первой четверти X вѣка, мы должны заняться положеніемъ тѣхъ Славянскихъ племенъ, которыя помѣщались между двумя Южно-Славянскими Государствами, Болгарскимъ и Хорватскимъ, и съ первоначальной исторіей которыхъ уже нѣсколько ознакомились.

Мы оставили ихъ въ то время, когда они, безъ всякаго ущерба для своей внутренней самостоятельности, подчинялись верховной власти Византійскаго Императора, Василия Македонянина, на равнѣ съ Хорватами. Подобно симъ послѣднимъ, и они не желали оставаться подъ властію Византіи и стремились къ полной самостоятельности. Но, будучи слишкомъ мелкими, непривичными къ дружной дѣятельности въ защиту общихъ интересовъ, они не могли такъ легко достигнуть этой цѣли: если нѣкоторымъ и удавалось разорвать всѣ связи съ Византіею, они по неволѣ должны были подчиняться другому, еще болѣе опасному для ихъ политической самостоятельности, вліянію Болгарскому. Въ первой четверти X вѣка мы дѣйствительно находимъ здѣсь весьма любопытную борьбу двухъ политическихъ вліяній — Болгарскаго и Византійскаго. Борьба эта отразилась и въ Византійской письменности того времени съ тѣмъ же оттѣнкомъ пристрастія, съ какимъ обыкновенно отражаются такого рода политическіе споры въ письменности заинтересованныхъ сторонъ. Сербскій Правитель (читаемъ въ извѣстномъ сочиненіи Багрянороднаго, понимающаго подъ Сербами и всѣхъ Южно-Далматинскихъ Славянъ), съ самаго начала находился подъ верховной властью Римскаго Императора, никогда не повиновался Болгарскому Правителю⁵⁴). Это утвержденіе вѣнценосца-писателя, конечно, не выдерживаетъ никакой исторической критики, но оно имѣетъ весьма важное литературное значеніе: изъ него мы узнаемъ, что въ указанной борьбѣ Византія дѣйствовала во имя какихъ-то историческихъ правъ, тогда какъ Болгаре опирали свои притязанія на свое политическое значеніе. Перевѣсъ сначала былъ на сторонѣ Болгаръ: Симеонъ успѣлъ утвердить свое политическое вліяніе среди этихъ племенъ, между которыми въ то время особеннымъ значеніемъ пользовались Сербы и Захлумляне. Мы уже указали, въ общихъ чертахъ, на географическое положеніе страны, занятой Сербскимъ племенемъ: это по преимуществу — горная

⁵⁴) „De administr. imp.“ 159.

страна, окруженная съ юго-востока цѣпью хребтовъ, именно: Лепенацемъ, Конаоникомъ, планиной Мокрой и Дормиторомъ⁵⁵⁾. Въ этой странѣ берутъ свое начало всѣ почти важнѣйшія рѣки, орошающія сѣверо-западную часть Балканскаго полуострова: Дрина, Сербская Морава, Ибаръ, Морача и другія. Благодаря этому выгодному географическому положенію, Сербы успѣшно отстаивали свою независимость противъ завоевательныхъ стремленій предшественниковъ Симеона (Пресіяма и Бориса, но для борьбы съ Симеономъ они оказались слишкомъ слабыми. Около начала X вѣка въ Сербіи правилъ Петръ Гойничовичъ, утвердившійся на Великожупанскомъ престолѣ рядомъ кровавыхъ расправъ съ нѣсколькими своими родственниками и соперниками. Расправы эти кончились около 907 года; послѣ этого года Петръ правилъ еще около двадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ страна наслаждалась внутреннимъ миромъ. Багрянородный утверждаетъ, что во все это время Петръ оставался преданнымъ подручникомъ Византійскаго Императора. Нужно замѣтить, однако, что, по увѣренію этого писателя, какъ мы уже видѣли, всѣ предшественники Петра, еще со времени Императора Ираклія, были будто преданными слугами Византіи; то же самое онъ утверждаетъ и о всѣхъ Далматинскихъ Славянахъ съ Хорватами включительно⁵⁶⁾: всѣ они, по словамъ Багрянороднаго, съ самаго начала своего переселенія и до его времени, всегда находились подъ властію Византіи. Въ одномъ мѣстѣ онъ увѣряетъ даже, что и Болгаре, съ самаго начала и до Бориса, находились въ зависимости отъ Византіи⁵⁷⁾. Стоитъ только припомнить эти странныя утвержденія Багрянороднаго, чтобы не принимать на вѣру и упомянутое его утвержденіе относительно Петра. Дѣлая это утвержденіе, онъ тутъ же замѣчаетъ, что въ то же самое время Петръ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ и къ Симеону⁵⁸⁾. Этимъ замѣчаніемъ онъ незамѣтнымъ для себя образомъ выдаетъ несостоятельность своего утвержденія о подчиненности Петра Ви-

⁵⁵⁾ Городъ Липеній, находившійся на южномъ склонѣ Лепенаца еще въ XII-мъ вѣкѣ, считался пограничнымъ Болгарскимъ городомъ со стороны Сербіи. Анна Комнина, кн. IX, гл. 4. Конаоникъ и Мокра гора огибають Расскую (Новопазарскую) область, которая, по свидѣтельству Багрянороднаго, считалась самой крайнею Сербскою областію со стороны Болгаріи. „De administr. imp.“ 155.

⁵⁶⁾ „De administr. imperio“, 149, 159.

⁵⁷⁾ Тамъ же 153 154.

⁵⁸⁾ Тамъ же 156.

зантіи, такъ какъ подчиненность его Византіи и дружба съ Симеономъ — вещи не совмѣстимыя. Мы не сомнѣваемся, что во все это время Петръ находился въ зависимости отъ Симеона, доказательствомъ чему служить событіе, на которое будетъ указано нѣсколько ниже. Пользуясь внутреннимъ спокойствіемъ и покровительствомъ, Петръ, по видимому, сталъ помышлять о подчиненіи себѣ сосѣднихъ Славянскихъ племенъ⁵⁹⁾. Но его стремленіе на этомъ пути встрѣтилось съ подобнымъ же стремленіемъ Захлумскаго Правителя, Михаила Вишевича, который оказался болѣе счастливымъ соперникомъ. Какъ было замѣчено, Захлумье находилось къ юго-западу отъ Босны: своимъ географическимъ протяженіемъ оно превосходило области всѣхъ прочихъ тамошнихъ племенъ — Неретванъ, Травунянъ и Дуклянъ. Захлумье начиналось у города Дубровника и простиралось къ сѣверо-западу, по берегу моря, до рѣки Неретвы, на востокъ достигало хребта, служащаго водораздѣломъ между Неретвою и Дриною, гдѣ соприкасалось съ Сербіею⁶⁰⁾. Захлумляне до самого начала X вѣка оставались какъ бы въ тѣни, и о нихъ ничего не слышно; но съ этого времени они быстро возвышаются и занимаютъ первое мѣсто среди Южно-Далматинскихъ племенъ. Возвышеніемъ своимъ Захлумляне обязаны тогдашнему Правителю, Михаилу Вишевичу, который, по всему видно, соединялъ въ себѣ качества хорошаго воина съ замѣчательными дипломатическими способностями. Багрячородный рассказываетъ, что родъ Михаила переселился сюда изъ Закарпатскихъ Привислянскихъ странъ⁶¹⁾. Но это извѣстіе есть домысль, находящійся въ связи съ его домыслами о происхожденіи всѣхъ Далматинскихъ Славянъ и ихъ переселеніи сюда.

Михаиль сначала не признавалъ надъ собою власти Византіи, противъ которой явно обнаруживалъ даже враждебныя дѣйствія. Дѣйствуя такъ по отношенію къ Византіи, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сблизиться съ Болгарскимъ Царемъ, снискать его расположеніе. Расположеніе это было выгодно Михаилу въ двумъ отношеніяхъ: во 1-хъ, оно разстраивало, опасныя для его владѣній, властолюбивыя замыслы Сербовъ; во 2-хъ, давало опору подобнымъ же замысламъ его самого.

⁵⁹⁾ Багрячородный положительно утверждаетъ, что въ правленіе Петра Неретване зависѣли отъ Сербовъ. Тамъ же, 156.

⁶⁰⁾ Шафарикъ, тамъ же, т. II, кн. I, 434.

⁶¹⁾ Тамъ же, 160.

Ловкими дипломатическими приемами Михаилъ достигъ своей цѣли: во время войны Симеона съ Византіей, онъ держалъ его сторону, оказавъ ему нѣкоторыя услуги. Около 912 года, по сказанію Венеціанскихъ лѣтописцевъ, Михаилъ схватилъ сына Венеціанскаго Дожа, возвращавшагося изъ Константинополя, и отправилъ его въ Болгарію къ Симеону⁶²⁾, который, видно, имѣлъ кое-какіе счеты съ Венеціанцами⁶³⁾. Около 916 года Михаилъ оказалъ и другую услугу Симеону. Византійскій Стратигъ Диррахійской области, Рабдохъ, по порученію Императора Романа Лакапина, ѣздилъ къ Петру Сербскому, чтобы, посредствомъ даровъ, склонить его, заручившись помощію Мадьяръ, встрогнуться въ Болгарію⁶⁴⁾. Провѣдавъ объ этихъ тайныхъ сношеніяхъ, Михаилъ поспѣшилъ донести Симеону, который не замедлилъ низложить Петра съ Великожупанскаго престола и поставить на его мѣсто Павла Брановича, содержавагося дотолѣ въ Болгаріи⁶⁵⁾. Это событіе не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Петръ, котораго Симеонъ низложилъ за тайныя сношенія съ Византіей и замѣнилъ другимъ лицомъ, былъ его подручникомъ; другими словами, что Сербія при Петрѣ еще находилась въ подручнической зависимости отъ Симеона. Вмѣстѣ съ этимъ событіе это указываетъ на нѣкоторую зависимость отъ Симеона и Захлумскаго Князя, который въ это время, кромѣ Захлумья, владѣлъ и двумя соседними Славянскими областями — Травуніей и Дуклянскою землей⁶⁶⁾.

Такимъ образомъ Сербы и Южно-Далматинскіе Славяне, подчинившіеся, около 870 года, верховной власти Византіи, въ началѣ X вѣка очутились подъ верховною властью Болгаръ.

Византія, однако, не мирилась съ новымъ положеніемъ дѣлъ въ этимъ странахъ, и дѣятельно хлопотала объ измѣненіи его въ свою пользу. Доказательствомъ тому служить слѣдующее обстоятельство. Вскорѣ послѣ возведенія на Сербскій престолъ Павла Брановича, Византія снарядила въ Сербію его

⁶²⁾ Іоаннъ Венеціанскій, у Перца VII, 23.

⁶³⁾ Romanin, „Storia documentata di Venezia“, I, 222.

⁶⁴⁾ Багрянородный, тамъ же, 156.

⁶⁵⁾ Подробное описаніе низложенія Петра и возведенія на его мѣсто Павла Брановича см. Гильфердинга, тамъ же I, 104. Въ этомъ описаніи, однако, ошибочно говорится, что Павелъ былъ слѣпъ и ослѣпленъ Петромъ: у Багрянороднаго это сказано не о Павлѣ, а объ его отцѣ, Бранѣ. См. у Стриттера II, 157, примѣч.

⁶⁶⁾ См. у Рачкаго: „Odlomci“ 15.

двоюроднаго брата, Захарія, чтобы тотъ, съ ея помощію, постарался низложить преданнаго Болгарамъ Павла, и занять его мѣсто. Павелъ успѣлъ, однако, захватить въ плѣнъ этого соперника, и отослалъ его въ Болгарію⁶⁷⁾.

Такъ неудачно для Византіи шла эта политическая борьба до 20-хъ годовъ X вѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣлами Имперіи началъ управлять Романъ Лакапинъ, борьба уже принимаетъ благопріятный для нея оборотъ.

Павелъ Брановичъ, который Симеономъ поставленъ былъ на Сербскій престолъ, около 917 года, и успѣлъ уже доказать ему свою преданность, послѣ 920 года начинаетъ сближаться съ Византійцами и обнаруживать враждебное настроеніе противъ Болгаръ. Замѣтивъ это, Симеонъ посигѣшилъ низложить и его, и поставить на его мѣсто Захарія, но и онъ, какъ только утвердился на престолѣ, сблизился съ Византійцами и отдался подъ ихъ покровительство. Около этого времени Византія успѣла приблизить къ себѣ и Хорватовъ, что достигнуто было ею уступкой Хорватскому Правителю своихъ правъ на Далматинскіе города и острова; по крайней мѣрѣ послѣ 920-го года Томиславъ, находившійся дотолѣ, какъ намъ извѣстно, въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Византіи, является уже съ званіемъ Проконсула Византійской Далматіи⁶⁸⁾. Званіе это указываетъ намъ и на способъ, коимъ Византія привлекла къ себѣ Томислава. Какъ Правитель Византійской Далматіи, независимый Хорватскій Государь призналъ себя подручникомъ Имперіи, интересы которой не могли быть чуждыми для него⁶⁹⁾. На сторону Византіи около этого времени переходитъ и Захлумскій Правитель, Михаилъ Вышевичъ, который дотолѣ, какъ мы уже видѣли, былъ открытымъ ея врагомъ, находясь если не въ подручныхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Симеону. Переходъ его къ Византіи и доказывается какъ тѣмъ, что она надѣлила его достоинствомъ Консула и Патриція⁷⁰⁾, такъ и тѣмъ, что около этого времени онъ начинаетъ дѣйствовать за одно съ явными уже врагами Болгаръ,

⁶⁷⁾ Багрянородный, тамъ же, 157.

⁶⁸⁾ Какъ видно изъ слѣдующей замѣтки въ Дѣяніяхъ перваго Сплѣтскаго Собора 924-го года: „*Consulatu peragente in provincia Croatorum Dalmatiaeque finibus Tomislao rege*“. Farlati III, 92.

⁶⁹⁾ Сравни. и Багрянороднаго, „*De administr. imp.*“ 150.

⁷⁰⁾ Багрянородный, тамъ же 160.

Хорватами⁷¹⁾. Мы ниже увидимъ, какимъ образомъ было уничтожено политическое преобладаніе Болгаръ въ этихъ странахъ, и какимъ образомъ установилось въ нихъ враждебныя къ Симеону отношенія; здѣсь же замѣтимъ вообще, что своимъ происхожденіемъ эти новыя отношенія обязаны на столько непомѣрному усиленію Болгаръ, начавшихъ вѣшать этимъ Славянамъ сильное опасеніе за свою самостоятельность⁷²⁾, на столько и мудрой политикѣ дѣятельнаго Императора, Романа. Привлеченіемъ къ себѣ этихъ племенъ онъ успѣлъ создать на отдаленной сѣверо-западной границѣ Болгарскаго Государства, важныя затрудненія для Симеона, затрудненія, долженствовавшія отвлечь его главное вниманіе отъ Византійской столицы. Расчетъ Романа оказался вѣрнымъ. Враждебное движеніе противъ Болгаръ обнаружилось прежде всего въ Сербіи: измѣна и переходъ на сторону Византійцевъ недавно поставленнаго Симеономъ на престолъ ея Захарія случились около 923-го года. Симеонъ поспѣшилъ отправить отрядъ войска для наказанія измѣнниваго ему подручника, но этотъ послѣдній успѣлъ разбить и уничтожить отрядъ и отправилъ головы и оружіе Болгарскихъ вождей Императору Роману⁷³⁾, которому они были доставлены, какъ уже было замѣчено, въ то время, когда Симеонъ уже приближался къ столицѣ. Что эти враждебныя дѣйствія Сербовъ противъ Болгаръ находили поддержку со стороны Хорватовъ и Захлумлянъ, около этого времени тѣсно сблизившихся съ Византією, и что эти именно обстоятельства главнымъ образомъ заставили Симеона отложить осаду Византійской столицы, въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія дальнѣйшая его дѣятельность.

Немедленно послѣ свиданія съ Лакапиномъ, не кончивъ войны съ нимъ, онъ возвращается въ Болгарію и отправляетъ довольно многочисленное, какъ видно, войско въ Сербію подѣ

⁷¹⁾ Предположеніе Гильфердинга (I, 109), что Михаилъ оставался союзникомъ Болгаръ и во время войны Симеона съ Хорватами, лишено всякаго основанія.

⁷²⁾ О властелюбивыхъ замыслахъ Болгаръ относительно Сербовъ и Южно-Далматинскихъ Славянъ было уже сказано выше. См. примѣч. 54. Что такіе же замыслы они питали и относительно Хорватовъ, это явствуется изъ разсказа Багрянороднаго, который въ двухъ мѣстахъ съ особеннымъ удареніемъ замѣчаетъ, что Хорваты никогда не подчинялись Болгарамъ; другими словами, что послѣдніе не имѣютъ никакихъ историческихъ правъ на землю Хорватовъ. „De administr. imp.“ 148, 149.

⁷³⁾ Багрянородный, тамъ же 157.

видомъ наказанія вѣроломнаго подручника и возведенія на его мѣсто одного изъ потомковъ Властимира, рожденнаго и воспитаннаго въ Болгаріи, Чеслава Клонимировича. При извѣстіи о приближеніи Болгаръ Захарій убѣждалъ къ Хорватамъ. Болгарскіе вожди, на границѣ Сербіи, объявили Сербскимъ Жупанамъ, чтобы они пришли принять изъ рукъ ихъ новаго своего Государя, Чеслава, и дали клятву, что не сдѣлаютъ имъ зла. Жупаны собрались, Болгаре схватили ихъ и сковали. „Вступили они въ Сербію (говоритъ Константинъ Багрянородный), и стали забирать народъ Сербскій отъ мала до велика и отводить въ Болгарію; иные, однако, спаслись бѣгствомъ и ушли къ Хорватамъ, и стала Сербская земля опустѣлою“⁷⁴). Послѣ этой рѣшительной расправы съ Сербами, Симеонъ немедленно пошелъ далѣе, объявилъ войну Хорватамъ. О войнѣ его съ Хорватами говорятъ, и то лишь вскользь, только двое изъ лѣтописцевъ X вѣка, именно: неизвѣстный Продолжатель Теофана и Багрянородный; они, какъ видно, пользовались различными источниками. По Теофану Симеонъ самъ ходилъ на Хорватовъ, которые его разбили и почти все его войско истребили⁷⁵); по Константину же не онъ, а его Воевода, Алагоботуръ, вторгнулся въ Хорватію, гдѣ былъ истребленъ весь его отрядъ⁷⁶). Свидѣтельство Константина о томъ, что Симеонъ не принималъ личнаго участія въ этой войнѣ, болѣе близко къ истинѣ. У Продолжателя Теофана рассказъ объ этой войнѣ соединенъ непосредственно съ его рассказомъ о смерти Симеона, случившейся 15 индикта, 27 Мая. Подъ этимъ же самымъ индиктомъ, даже подъ этимъ же числомъ, онъ упоминаетъ о войнѣ съ Хорватами. Нѣкоторые историки на этомъ основаніи и утверждаютъ, что пораженіе Болгаръ въ Хорватіи дѣйствительно происходило 27 Мая, 927 года⁷⁷). Если понимать такъ буквально рассказъ лѣтописца, то мы должны прійти къ чудовищнымъ несообразностямъ, должны принять, что въ одинъ и тотъ же день Симеонъ задумалъ походъ, вторгнулся въ Хорватію, далъ сраженіе, былъ разбитъ, успѣлъ возвратиться домой, чтобы къ вечеру того же дня тамъ умереть. Не подлежитъ сомнѣнію, что лѣтописецъ этотъ остановился на 27 Мая, 15

⁷⁴) „De administr. imp.“ 158.

⁷⁵) Продолж. Теофана, 411, 412.

⁷⁶) „De adm. imp.“ 158.

⁷⁷) Любичъ, „Ogledalo“ I, 107; Рачкій, „Rad jugosl. akad.“ XVII 127.

индикта, собственно по случаю смерти Симеона, случившейся въ этотъ день; но прежде чѣмъ разсказать о ней, онъ нашелъ умѣстнымъ сообщить потомству объ одной неудачѣ Симеона, испытанной имъ во время, протекавшее между свиданіемъ его съ Лакапиномъ и его смертію. Съ своей точки зрѣнія лѣтописецъ, можетъ быть, и правъ; ибо со времени свиданія онъ въ своемъ повѣствованіи не упоминалъ больше о Симеонѣ до самой его кончины. Гораздо опредѣленнѣе выражается о времени этой войны Багрянородный; разсказавъ объ опустошеніи Сербіи, онъ замѣчаетъ; „Около этого же времени Болгаре вторгнулись, подъ начальствомъ Алагоботура, въ Хорватію, но тамъ всѣ были перебиты Хорватами“⁷⁸⁾. Изъ этихъ словъ Багрянороднаго видно, что война съ Хорватами происходила около 925 года, была однимъ эпизодомъ войны, начатой Симеономъ на сѣверо-западной границѣ его Государства въ 924 году. Показаніе Константина подтверждается и съ другой стороны, именно исторіею происходившаго въ это время церковнаго движенія въ Хорватіи и въ Далматіи вообще, на которомъ мы должны остановиться теперь подробнѣе.

Толчкомъ для этого движенія послужило слѣдующее обстоятельство: Далматинскіе города, издавна подчинившіеся церковной власти Рима и во время Василя Македонскаго перешедшіе во власть Константинопольскаго Патріарха, теперь, около 923 года, ознаменованнаго извѣстнымъ уже намъ устраненіемъ церковнаго раздора между Римомъ и Византіей, снова возвратились въ лоно Римской Церкви⁷⁹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что переходъ этихъ Византійскихъ городовъ подъ церковную власть Рима была одной изъ вещественныхъ уступокъ, сдѣланной Византіей для достиженія, столь нужнаго ей тогда, примиренія съ Папой. Въ время пребыванія этихъ городовъ подъ властію Константинопольской Церкви, какъ было уже замѣчено выше, ихъ Епископы лишились своей Славянской паствы, которая, отложившись отъ нихъ, учредила для себя, съ согласія Рима, свое особенное народное Епископство. Это отторженіе Славянъ было весьма чувствительнымъ ударомъ для

⁷⁸⁾ Багрянородный, тамъ же, 187.

⁷⁹⁾ Что они передъ этимъ находились и въ церковной зависимости отъ Византіи, въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія письмо Папы Іоанна Хъ Архіепископу Солинскому (Силѣтскому). Фарлати III, 93. Срави. Гфререра, тамъ же, II, 173.

Далматинскихъ Епископовъ, которые увидали свое господство стѣсненнымъ исключительно въ стѣнахъ городовъ.

Перешедши теперь къ Риму, Епископы эти, само собой разумѣется, пожелали возвратить себѣ прежнія права на Славянскую паству, которыми они пользовались въ прежнее время. Папа взялся удовлетворить законное ихъ желаніе; но для этого онъ долженъ былъ уничтожить распоряженіе своего предшественника, Іоана VIII, учредившаго для Хорватовъ особое Епископство, которое было поставлено въ непосредственную зависимость отъ Рима. Осуществленіе этого плана встрѣчало препятствіе съ двухъ сторонъ: во 1-хъ, лишеніе Хорватскаго Епископства пріобрѣтенной имъ самостоятельности, было посягательствомъ на права Хорватскаго Государства; во 2-хъ, подчиненіе этого Епископства Далматинскому духовенству, зависѣвшему въ политическомъ отношеніи отъ Византіи, было неудобнымъ и по тому, что Хорватское Государство было тогда совершенно самостоятельнымъ относительно Византіи. Препятствія эти казались очень сложными, но такъ какъ въ устраненіи ихъ были одинаково заинтересованы и Римъ, и Византія, то дѣло было улажено. Первое препятствіе было устранено тѣмъ, что, въ замѣнъ нарушаемыхъ правъ Хорватіи, Правитель ея, Томиславъ, получилъ отъ Папы Королевскій титулъ, на который онъ не задумался протѣнать церковную полусамостоятельность своего Государства⁸⁰). Что же касается второго препятствія, то оно было устранено тѣмъ, что Византія уступила Томиславу свои права на Далматинскіе города, которыми онъ управлялъ въ качествѣ Византійскаго Проконсула⁸¹). Какъ Правитель этой Византійской темы, Хорватскій Король считался подручникомъ Византіи; по крайней мѣрѣ такъ смотрѣли на него въ Константинополѣ.

Вмѣстѣ съ Хорватіей въ это же самое время подчинена Далматинскому Епископату и большая часть Южно-Далматин-

⁸⁰) При такихъ обстоятельствахъ, по нашему мнѣнію, Хорватскій Правитель получилъ Королевскій титулъ. Г. Рачкій объясняетъ это дѣло иначе: по его мнѣнію, Томиславъ, для полученія Королевскаго титула, долженъ былъ разорвать всякія связи съ Византіею и вполне прилѣниться къ Папѣ; другими словами, Папа далъ Томиславу Королевскій титулъ, такъ сказать, на зло Византіи (Rad. XVII). Но почтенный историкъ упустилъ изъ виду, что дѣло происходило во время примиренія Византіи съ Римомъ; вмѣ упущено изъ виду также и то, что до этого времени Томиславъ не находился ни въ какой зависимости отъ Византіи, ни церковной, ни политической, такъ что разрывать было нечего.

⁸¹) См. выше примѣч. 79.

скихъ Славянъ, входившихъ въ составъ Государства, созданнаго Михаиломъ Вишевичемъ⁸²). Не подлежитъ сомнѣнію, что Михаилъ склоненъ былъ къ этому совокупнымъ дѣйствіями Византіи и Рима, посулившихъ ему какія ни будь выгоды, хотя намъ и трудно теперь объяснить, въ чемъ онѣ заключались. Мы уже замѣтили, что Михаилъ получилъ титулъ Византійскаго Проконсула и Патриція⁸³), съ которымъ титуломъ, какъ видно, соединялись и кое-какія матеріальныя выгоды. Титулъ этотъ, мы не сомнѣваемся, онъ получилъ именно въ это время; ибо прежде, какъ намъ уже извѣстно, былъ онъ явнымъ врагомъ Византіи и преданнымъ другому Болгарскому Царю. Какъ бы то ни было, но около 924 года мы видимъ Михаила дѣйствующимъ за одно съ Хорватскимъ Королемъ, Томиславомъ, находившимся уже въ открытой войнѣ съ Болгарами⁸⁴). По всей вѣроятности, онъ принималъ дѣятельное участіе въ этой войнѣ въ качествѣ союзника Хорватовъ⁸⁵).

Вотъ какимъ образомъ устранины были, совокупными дѣйствіями Византіи и Рима, препятствія къ установленію этихъ новыхъ церковныхъ и политическихъ отношеній въ средѣ Далматинскаго Славянства. Въ церковномъ отношеніи Славянство это должно было тѣснѣе примкнуть къ Риму, въ политическомъ же отношеніи оно сблизилось съ Византіей. Возможность этого раздвоенія въ его жизни объясняется послѣдовавшимъ въ 923 году примиреніемъ между Римомъ и Византіей. Припомнимъ, что примиреніе это было вызвано торжествомъ Болгаръ надъ Византейі, желаніемъ послѣдней выпутаться изъ бѣды содѣйствіемъ Римскаго Папы⁸⁶), припомнимъ это, и мы поймемъ, что все участіе Византіи въ установленіи изложенныхъ отношеній среди Далматинскихъ Славянъ было направлено исключительно къ ослабленію Болгаръ.

Подготовленные этими обстоятельствами новыя церковныя отношенія въ Далматіи были утверждены извѣстными двумя

⁸²) Въ церковномъ отношеніи эти Славяне были подѣлены тогда между тремя Епископами: Которскимъ, Рагузскимъ (Дубровницкимъ) и Стопскимъ. О подчиненіи всѣхъ трехъ Епископовъ Сплѣтской Митрополіи прямо говорится въ Дѣяніяхъ Сплѣтскихъ Соборовъ. Фарлати III, 106. Сравни. Голубинскаго, тамъ же, 551.

⁸³) Багрянородный, De „administrando imp.“ 160.

⁸⁴) Во время перваго Сплѣтскаго Собора.

⁸⁵) Весьма правдоподобенъ домысль Якова Колета, что во время войны Симеона съ Хорватами Болгаре вторгались и въ Дуклянскую землю, и что, слѣдовательно, Симеонъ воевалъ тогда и съ Южно-Далматинскими Славянами. „Illyricum sacrum.“ VIII, 33—41.

⁸⁶) См. выше, въ концѣ 1-ой главы.

Сплѣтскими Соборами, изъ коихъ первый происходилъ въ 924⁸⁷⁾, второй же два года спустя, т. е., въ 926, или въ 927, году⁸⁸⁾. На первомъ Соборѣ, составленномъ двумя Римскими Легатами, присутствовали всѣ Далматинскіе Епископы, Книнскій Епископъ Григорій, Король Томиславъ и Князь Михаилъ Вышевичъ, вмѣстѣ со многими Жупанами⁸⁹⁾. На этомъ Соборѣ сдѣлано было 15 постановленій, въ высшей степени важныхъ для тогдашней внутренней исторіи Далматіи вообще⁹⁰⁾. Но главная цѣль этихъ постановленій была направлена къ приведенію церковныхъ дѣлъ въ такое положеніе, въ какомъ они находились до измѣненія ихъ во время Василия Македонянина. Въ слѣдствіе этого вся Хорватія, равно и владѣнія Михаила Захлумскаго, должны были подчиниться Архіепископу Сплѣтскому и его помощникамъ. Книнское Епископство было пощажено, но Епархія его сильно урѣзана, и Епископъ подчиненъ непосредственной власти Сплѣтскаго Архіепископа. Кромѣ того воспрещено было, распространившееся среди Хорватовъ, Славянское Богослуженіе⁹¹⁾.

Какъ Томиславъ, такъ и Михаилъ Вышевичъ, не воспротивились ни однимъ словомъ этимъ постановленіямъ, что объясняется заранѣе выманеннымъ у нихъ согласіемъ на это. Только Книнскій Епископъ заявилъ протестъ⁹²⁾ противъ ограниченія своихъ правъ, опирая его на весьма уважительное основаніе, именно на распоряженія Папы Іоанна VIII-го. Въ виду этого протеста Іоаннъ X не утвердилъ касающихся Книнскаго Епископства постановленій Собора, и для окончательнаго разсмотрѣнія ихъ потребовалъ къ себѣ Книнскаго Епископа и Сплѣтскаго Архіепископа, Іоанна⁹³⁾. Ѣздили ли они въ Римъ, или нѣтъ, не извѣстно; мы знаемъ только то, что спорныя статьи оставались открытыми еще около двухъ лѣтъ. Изъ одного источника мы узнаемъ, что, чрезъ два года послѣ перваго Собора, изъ Рима отправлены были двое Папскихъ уполномоченныхъ: Епископъ Мадельбергъ и Герцогъ Іоаннъ Кумскій⁹⁴⁾,

⁸⁷⁾ Относительно времени созванія 1-го Сплѣтскаго Собора мнѣнія ученыхъ расходятся: одни принимаютъ 924 г., другіе 925-тый. Мы стоимъ за первый, 924-тый годъ. См. Богишича: „*Pisani zakoni na slov. jugu*“. 127.

⁸⁸⁾ Фарлати, тамъ же, III, 103.

⁸⁹⁾ Фарлати, тамъ же, III, 92.

⁹⁰⁾ Фарлати, тамъ же, III, 96—97.

⁹¹⁾ Постановленіе 10-ое, 11-ое и 12-ое.

⁹²⁾ Фарлати, тамъ же, III, 101.

⁹³⁾ Онъ же и тамъ же.

⁹⁴⁾ Онъ же, III, 103. Сравни. Гфререра II, 186.

съ порученіями частію для Далматіи, частію для Болгаріи. Они отправились прямо въ Болгарію, гдѣ имъ было поручено хлопотать о заключеніи мира между Болгарами и Хорватами. Удачно исполнивъ это порученіе⁹⁵⁾, они возвратились въ Далматію, и тутъ Мадельбергъ сейчасъ пригласилъ на новый Соборъ въ Сплѣтѣ Архіепископа Іоанна, Епископа Григорія, Формина, а такъ же Государя Хорватскаго, вмѣстѣ съ его Жупанами. Мадельбергъ дѣйствовалъ тутъ очень смѣло и рѣшительно. Книнское Епископство было совсѣмъ уничтожено, вся Хорватія подчинена Солинской Митрополіи. Папа Іоаннъ не дожилъ до этого торжества: постановленія этого второго Собора были утверждены уже его преемникомъ, Львомъ⁹⁶⁾. Отмѣченныя подробности изъ исторіи Сплѣтскихъ Соборовъ, подтверждая высказанный нами взглядъ на характеръ церковнаго движенія въ Далматіи того времени, вмѣстѣ съ этимъ сами находятъ въ этомъ взглядѣ самое удовлетворительное объясненіе. Въ частности же онѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что война Болгаръ съ Хорватами, съ которыми, видно, дѣйствовали за одно и Захлумляне, происходила около 925-го года, и дѣйствительно была продолженіемъ войны съ Сербамъ; это одинъ эпизодъ войны, предпринятой Симеономъ для предотвращенія опасности, созданной на сѣверо-западной границѣ его Государства сближеніемъ тамошняго Славянства съ Византіей и составленіемъ враждебнаго Болгарамъ союза. Далѣе, изъ этихъ подробностей мы узнаемъ, что, вопреки сказаніямъ Византійскихъ историковъ, отпоръ, данный Болгарамъ Хорватами, не былъ такъ рѣшителенъ. Хотя Хорваты, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ успѣли отразить первое нападеніе на нихъ Болгарскаго войска, однако эта неудача ни сколько не утѣшила Симеона, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ возможность надѣяться поправить ее болѣе сильнымъ нападеніемъ⁹⁷⁾. Это и весьма понятно; ибо, какъ ни была могущественна тогда Хорватія, но могущество ея, хотя бы и усиленное союзомъ съ Михаиломъ Вышевичемъ, все таки стояло несравненно ниже непомѣрнаго могущества Симеона. Не подлежитъ сомнѣнію, что опасеніе, очень сильное опасеніе, заставило Хорватовъ при-

⁹⁵⁾ „Peracto negotio pacis inter Bulgaros et Croatos“.

⁹⁶⁾ Фарлати, тамъ же, III, 106. Левъ сидѣлъ на Папскомъ престолѣ съ 928 г. до Февраля 929-го, всего семь мѣсяцевъ и пять дней.

⁹⁷⁾ Сравн. Гфререра, тамъ же, II, 191.

бѣгнуть къ заступничеству Рима противъ Болгарь⁹⁸). Римъ не отказалъ въ этомъ заступничествѣ. Миръ, заключенный съ помощію его, избавлялъ, по видимому, Хорватовъ отъ большой опасности, былъ большимъ благодѣяніемъ для нихъ. Только этимъ можно объяснить крутое и крайне безцеремонное обращеніе Мадельберга въ Хорватіи послѣ того, какъ онъ возвратился туда изъ Болгаріи съ вѣстію о заключеніи мира. Онъ, какъ мы видѣли, не только рѣшилъ въ ущербъ Хорватамъ спорныя статьи, оставшіяся открытыми послѣ Собора 925 года, но и пошелъ далѣе, уничтожилъ самое существованіе народнаго Книнскаго Епископства.

Что касается стоворчивости, которую въ этотъ разъ Папское ходатайство встрѣтило со стороны Болгарь и которая помогла Легатамъ удачно кончить данное имъ порученіе, то она объясняется очень легко. По весьма основательнымъ соображеніямъ Гильфердинга, Легаты прибыли въ Болгарскую столицу около времени смерти Симеона, находились тамъ при воцареніи его преемника⁹⁹). Имъ пришлось, слѣдовательно, имѣть дѣло уже съ новымъ Правительствомъ. Въ такомъ случаѣ Папскимъ Легатамъ нетрудно было склонить къ миру это новое Правительство, къ характеристикѣ коего мы вскорѣ перейдемъ. Особенную важность имѣетъ обращеніе Хорватовъ къ Папскому заступничеству противъ Болгарь. Припомнимъ, что и Византія, доведенная до крайности военной удачей Болгарь, тоже прибѣгала къ заступничеству Папы, для снисканія коего, какъ уже было замѣчено, она сдѣлала Риму весьма существенныя уступки, какъ нравственныя, такъ и вещественныя. Не возможно объяснить это заискиваніе Византіи и Хорватовъ передъ Папою какимъ ни будь политическимъ значеніемъ, или могуществомъ послѣдняго¹⁰⁰), такъ какъ значеніе это тогда было ничтожно: Папство переживало тогда самую темную, самую печальную, пору своей исторіи; Папской тіарой распоряжались, озпаменовавшіяся распутствомъ, Римлянки, сестры Θεодора и Мароція. Іоаннъ X, заступничества котораго искали Визан-

⁹⁸) Дѣло это особенно обстоятельно разъяснено Гфререгомъ (тамъ же II, 191, 192). Но рядомъ съ этимъ дѣльнымъ объясненіемъ, этотъ ученый высказываетъ весьма неосновательное мнѣніе о причинѣ Болгаро-Хорватской войны: по его мнѣнію выходитъ, что Симеонъ началъ эту войну по порученію Византіи.

⁹⁹) Собран. сочин. I, 114.

¹⁰⁰) „Рачкій, „Rad jugosl. ak.“ XVII, 86.

тія и Хорваты, былъ возведенъ на Папскій престолъ Теодрою, съ которой онъ жилъ въ отертой связи, а низложенъ и брошенъ въ темницу по просямъ Мароціи, очистившей тѣмъ Папскій престолъ для своего любимца, Льва VI. Занесиваніе Византин и Хорватовъ передъ такимъ ничтожнымъ, но политическому значенію, Папой могло основываться только на какомъ ни будь нравственномъ вліяніи Римскаго престола на Болгарскаго Царя: на это-то вліяніе только и могли рассчитывать враги Симеона. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, служить новымъ подтвержденіемъ того, что появившееся, во время разрыва Симеона съ Византійцами, Болгарское Патріяршество было учреждено съ разрѣшенія и благословенія Римскаго Папы, на что имѣются и другія, хотя и смутныя, свидѣтельства¹⁰¹⁾. Профессоръ Голубинскій, не признавая никакой исторической важности за этими свидѣтельствами, отрицаетъ всякое сношеніе Симеона съ Римомъ по дѣлу учрежденія Болгарскаго Патріяршества, и считаетъ это дѣло исключительнымъ дѣломъ Болгарскаго высшаго духовенства. Въ подтвержденіемъ этого взгляда Г. Голубинскій указываетъ на отсутствіе документовъ Папскаго Архива, подтверждающихъ обращеніе Симеона къ Риму. „Если бы обращался къ Папѣ (замѣчаетъ онъ) хотя одинъ который ни будь изъ Государей Болгарскихъ, то документы объ этомъ непременно сохранились бы въ Папскомъ Архивѣ, по тому что подобные документы Папы берегли весьма тщательно. Но подобныхъ документовъ не было и слѣда“¹⁰²⁾. Почтенному Профессору, видно, осталось не извѣстной общеизвѣстная утрата Папскихъ Архивовъ того времени¹⁰³⁾. Съ своей стороны мы не сомнѣваемся въ существованіи церковныхъ связей между Болгаріею и Римомъ во время Симеона, находя ихъ при этомъ очень естественными. Стоитъ только припомнить, что и современная Симеону Византія не разъ обращалась къ Папѣ, какъ къ старѣйшему Патріярху, за разрѣшеніемъ разнаго рода затрудненій по дѣламъ церковнымъ, въ числѣ коихъ мы находимъ и два случая, подобныхъ учрежденію Болгарскаго Патріяршества. Это именно избраніе на Патріяршескій престолъ Константинопольскій Император-

¹⁰¹⁾ См. „*Illyricum sacrum*“. VIII, 194; Ассемани III, 154; V, 171, 173, 174; Пихлеръ I, 198.

¹⁰²⁾ „Краткій очеркъ исторіи Правосл. Церквей“ 278.

¹⁰³⁾ Гергенрёттеръ II, 657.

скихъ сыновей, Стефана, брата Льва Философа, въ 886 г., и Теофилакта, сына Романа Лакапина, въ 931. Нѣтъ ничего удивительнаго, если и Симеонъ, имѣвшій передъ глазами такого рода примѣры сношеній Византій съ Римомъ, задумавъ учредить самостоятельное Патріаршество для Болгаріи, обратился къ Риму.

Г л а в а III.

Царствованіе Петра Симеоновича. Богомилы. Государственное устройство. Раздѣленіе Болгарскаго Царства.

27-го Мая, 927 года, Симеонъ умеръ. Онъ былъ женатъ два раза: отъ первой жены у него былъ одинъ сынъ, Михаилъ, отъ другой же трое: Петръ, Іоаннъ и Боянъ¹⁾. Симеонъ по чему-то не благоволилъ къ старшему сыну и не желалъ имѣть его своимъ преемникомъ; по этому, еще при жизни своей, онъ послалъ его въ монастырь и постригъ въ монахи, назначивъ приеемникомъ второго сына, Петра. Не смотря на то, что Петру было тогда уже за 20 лѣтъ²⁾, Симеонъ счелъ нужнымъ назначить ему въ опекуны или, лучше сказать, въ соправители его дядю по матери, Георгія Сурсовула³⁾.

Петръ, по словамъ современнаго ему Греческаго писателя⁴⁾, по душевнымъ свойствамъ представлялъ совершенную противоположность своему отцу: „даже кровь совсѣмъ иная текла въ его жилахъ“, замѣчаетъ этотъ писатель. Отличаясь необыкновенною кротостію, мягкостію и нѣкоторою робостію ума, онъ чуждался военнаго шума, не могъ смотрѣть равнодушно на кровопролитія, не могъ переносить бѣдствія войны. По свидѣтельству другого современника, Льва Діакона, онъ умеръ отъ сильнаго горя, по случаю пораженія, нанесеннаго дружиной Святослава его войскамъ⁵⁾. Слишкомъ монашескій, благочестивый и склонный къ духовно-аскетической жизни,

¹⁾ Боянъ, по словамъ Ліутпранда, занимался магіею, въ которой „былъ усовершенствованъ до того, что могъ изъ человѣка обращаться въ волка и въ любого звѣря. „Antapodosis“ у Перца III, 309. Вѣроятно, въ народной молвѣ Боянъ слылъ оборотнемъ, что, по видимому, послужило источникомъ для замѣтки Ліутпранда.

²⁾ Судя по тому, что еще за 15-ть лѣтъ до смерти Симеона, именно въ 913-мъ году, Петръ, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ, Михаиломъ, гостилъ въ Константинополѣ у юнаго (восьмилѣтняго) Императора, Константина Багрянороднаго.

³⁾ Продолж. Θεοφανα, Болнск. изд. 412.

⁴⁾ Составителя Житія Св. Луки. См. у Миная, тамъ же, CXI, 441—480.

⁵⁾ Болнск. изд. 78.

онъ хотѣлъ быть подальше отъ мірскихъ суетъ: предоставивъ дѣла правленія своимъ приближеннымъ, самъ проводилъ время въ душеспасительныхъ дѣлахъ, въ бесѣдахъ съ иноками, великимъ подвигомъ считалъ посѣщеніе пустынножителей, какъ свидѣтельствуемъ Житіе знаменитаго, современнаго ему, пустытника, Іоанна Рыльского⁶⁾.

Какъ извѣстно, Болгарская Церковь причислила Петра къ лику Святыхъ и чествуетъ его подъ именемъ „преподобнаго отца“⁷⁾. Обстоятельство это заставляетъ предполагать, что Петръ предъ смертію постригся въ монахи. Симеонъ не могъ не замѣтить, что, по своему нравственному складу, наслѣдникъ его подавалъ плохія надежды на продолженіе рѣшительной его политики, на осуществленіе его смѣлыхъ замысловъ. Это-то, по видимому, и заставило его назначить ему опекуна или, лучше сказать, соправителя, не смотря на то, что, по своимъ лѣтамъ, Петръ не нуждался въ немъ.

Соправитель, Георгій Сурсовуль, былъ, по видимому, человѣкъ очень дѣятельный и способный; уже одно то, что выборъ Симеона палъ на него, не оставляетъ сомнѣнія въ этомъ. Пользуясь нравственными качествами молодого Царя, Георгій вскорѣ совершенно овладѣлъ имъ, сдѣлался полноправнымъ Правителемъ Государства. Сначала онъ думалъ быть продолжателемъ политики Симеона, какъ доказываютъ первыя отпущенія его къ Византіи.

Лѣтописцы рассказываютъ, что какъ только Петръ утвердился на престолѣ, Болгаре рѣшили продолжать войну съ Имперіей, и вторгнулись въ Адрианопольскую область (Македонію),

⁶⁾ Неофитъ, „Служба и житіе Іоанна Рыльского“. Вѣлградъ, 1836; Гласникъ Српскогъ ученогъ Друштва“, кн. XXII, 265.

⁷⁾ Въ Синаксарѣ Библіотеки Министерства (въ Вѣлградѣ). См. Ламанскаго: „О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ“ и пр., стр. 120.—См. также служебную Миніею Зографскаго Аѳонскаго монастыря на цѣлый годъ въ 12 долю мелкаго полууставнаго письма XIII—XIV стол. переписчика Драгана. Въ ней помѣщенъ Синаксаръ или Мѣсяцесловъ со Службами нѣкоторымъ Святымъ, каковы Службы: Кириллу, Меодію, Іоанну Рыльскому и Петру, Царю Болгарскому, подъ 30 Генваря: „Память Св. отца нашего Петра инокаго, бывшаго царѣмъ Болгарамъ“. Изъ десяти пѣсней ему первыя 7 вырваны уже какинъ-то хищникомъ письменности, уцѣлѣли же лишь 8 и 9, изъ коихъ копецъ послѣдней весьма замѣчателенъ: „Оуже останька (царства твоего послѣ погромовъ Русскаго и Греческаго, Святославомъ и Цимисхіемъ) си не прѣзри въ вѣльпахъ и боурѣ прѣбелѣцѣ грѣшаемый, честный отче нашъ Петре, Царю святей, отъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ сыротивныхъ скоро избавляя“. См. „Славяно-Сербскія книгохранилища на Аѳонской Горѣ“, статья Архимандрита Леониды въ 1-й книгѣ „Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1875 г., Отд. V, стр. 64. О. В.

но вдругъ Сурсовуль отправилъ къ Императору, Роману Лакаину, письмо съ предложеніемъ мира и тѣснаго союза⁸⁾. Что за причина этой внезапной измѣны завѣтнымъ стремленіямъ Симеона? Лѣтописцы объясняютъ ее частію посѣтившими Болгарію великими бѣдствіями — саранчею и голодомъ, частію угрозами со стороны другихъ сосѣднихъ народовъ. Подъ другими народами лѣтописцы тутъ разумѣютъ Хорватовъ, Западныхъ Турокъ (Мадьяръ) и Печенѣговъ. Кедринъ присоединяетъ къ нимъ еще и Сербовъ⁹⁾. Но, на основаніи нѣкоторыхъ достовѣрныхъ данныхъ, мы можемъ положительно утверждать, что эти народы не могли тогда внушать Болгарамъ какое ни будь важное опасеніе. Съ Хорватами, какъ мы видѣли, только что заключенъ былъ миръ, и они слишкомъ были заняты своими домашними дѣлами, чтобы отважиться на новую войну съ Болгарами. Мадьяры были увлечены своими наѣздами на Западную Европу: „Какое-то непреодолимое стремленіе (замѣчаетъ ихъ историкъ) влекло нашихъ предковъ на Западъ“¹⁰⁾. Они отказывались пока отъ вмѣшательства въ дѣла Юго-Восточной Европы: какъ намъ извѣстно, Византія пыталась, около 916-го года, подвигнуть ихъ къ новому вторженію въ Болгарію, но тщетно. О Сербяхъ нечего и говорить, такъ какъ они находились подъ властію Болгаръ: земли ихъ была страшно опустошена и обезлюдена разселеніемъ лучшей части ея жителей по разнымъ областямъ обширнаго Болгарскаго Царства. Остаются только Печенѣги, но они, какъ показываютъ ихъ отношенія къ Симеону, скорѣе ладили съ Болгарами и были ихъ союзниками. Что касается саранчи и голода, то едва ли эти бѣдствія могли такъ рѣшительно повліять на перемѣну политики Болгарскаго Правительства по такому важному вопросу, который Симеонъ сдѣлалъ жизненнымъ своимъ вопросомъ.

Перемѣна эта, слѣдовательно, была вызвана совершенно другими обстоятельствами, на что указываетъ и самый ходъ и исходъ переговоровъ съ Византіей, начатыхъ такъ внезапно новыми Правителями.

По словамъ лѣтописцевъ, Петръ и Сурсовуль составили и отправили къ Императору выше помянутое письмо, съ предложеніемъ мира и союза тайно: доставленіе его было пору-

⁸⁾ Продолж. Θεοφана, 412; Георгій Монахъ, Левъ Грамматикъ 316.

⁹⁾ Кедринъ II, 303.

¹⁰⁾ Szalay, „Geschichte Ungarns.“ Pesth, 1866, I, 31.

чено нѣкому монаху, Калокиру, родомъ Армянину. Какъ только явился монахъ этотъ въ Константинополь, Императоръ Романъ немедленно отправляетъ на легкомъ кораблѣ Пословъ въ Месемврию, Болгарскую пристань, чтобы они переговорили съ ожидавшими ихъ тамъ довѣренными лицами Петра и Сурсовула. Исполнивъ свое порученіе, Византійскіе Послы возвратились въ Константинополь уже сухимъ путемъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ повѣренныхъ Болгарскихъ Правителей. Всѣ эти переговоры, имѣвшіе цѣлю предварительное соглашеніе относительно главнѣйшихъ статей задуманнаго мирнаго договора, велись тайно. Когда все уже было подготовлено, въ Константинополь прибыло наконецъ торжественное Посольство, состоявшее изъ восьми лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ самъ Сурсовуль. Увидавъ дочь Императора Христофора, Марію, они были восхищены ею и тотчасъ же написали Петру, чтобы и онъ ѣхалъ въ Константинополь. Императоръ Романъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу на триремѣ, и встрѣтилъ его у Влахерны. Вмѣстѣ съ мирнымъ договоромъ подписанъ былъ и брачный союзъ Петра съ Маріей, 8-го Октября, 927-го года. Немедленно было совершено и бракосочетаніе въ знаменитой церкви у Источниковъ, которую три года передъ тѣмъ Болгаре жгли по приказанію Симеона¹¹⁾. Великолѣпный брачный обрядъ и пиршества были ознаменованы однимъ чрезвычайно важнымъ для рода Лакапиновъ событіемъ: во время этихъ пиршествъ третій Императоръ, Христофоръ, былъ провозглашенъ вторымъ Императоромъ, занявъ мѣсто законнаго Императора, Константина Багрянороднаго, отодвинутаго теперь уже на третій планъ. Это сдѣлалось, по словамъ лѣтописцевъ, по настойчивымъ требованіямъ Болгаръ. Брачный союзъ долженъ былъ упрочить заключенный мирный договоръ, въ знакъ чего Марія была названа Ириной (отъ Греческаго слова εἰρήνη, миръ)¹²⁾.

Лѣтописцы подробно описывая какъ пріѣздъ Петра въ Константинополь, такъ и торжества, сопровождавшія его бракосочетаніе, по своему обыкновенію, не останавливаются на сути дѣла, на условіяхъ мира, для котораго бракосочетаніе было только завершеніемъ. Нѣкоторыя статьи, однако, этого мирнаго дого-

¹¹⁾ Бракосочетаніе совершено Патріархомъ Стефаномъ, умершимъ 15-го Іюля, 928 г. Гергенпрёгеръ, тамъ же, III, 704. Это обстоятельство не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что миръ былъ заключенъ именно въ 927 г.

¹²⁾ Ліутпранда: „Antapodosis“ III, 36, у Перца, тамъ же III, 311.

вора дѣлаются извѣстными изъ другихъ источниковъ, по которымъ мы и постараемся уяснить ихъ. Во 1-хъ, Византія согласилась признать Царскій титулъ за Петромъ. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія историческія указанія. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Константинъ Багрянородный прямо указываетъ на то, что Византійское Правительство съ недавняго времени (ἀρτίως), называетъ Болгарскаго Государя Царемъ (βασιλεύς), а что до этого времени называли его только Архонтомъ¹³). Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что перемѣна эта произошла именно во время заключенія означеннаго мирнаго договора¹⁴). Говоря о бракосочетаніи Маріи съ Петромъ, лѣтописцы называютъ послѣдняго царственнымъ мужемъ-супругомъ (βασιλιανδρί). Лиутпрандъ, Посолъ Нѣмецкаго Императора, Оттона I, въ 968 году, былъ очень возмущенъ тѣмъ, что при Византійскомъ Дворѣ ему предпочитали, явившагося туда въ это же время, Болгарскаго Посла. И когда Лиутпрандъ вздумалъ протестовать противъ этого, то ему объяснили, что при бракосочетаніи Болгарскаго Царя Петра съ Маріей Византія письменно обязалась считать Болгарскаго Государя выше всѣхъ Европейскихъ Государей, даже выше Нѣмецкаго Императора¹⁵).

Царскій титулъ, какъ мы уже видѣли, былъ принятъ еще Симеономъ, но Симеонъ съ этимъ титуломъ соединялъ притязанія на Византійскую Корону, отъ коихъ Петръ отказался и требовалъ этого титула просто, какъ почетнаго наименованія. Вотъ по чему Византія, которая ни за что не соглашалась признать за Симеономъ этого титула, охотно дала оный Петру. Во всякомъ случаѣ это было большою уступкой съ ея стороны, уступкой, въ которой она въ то же время упорно отказывала могущественному Королю Нѣмецкому¹⁶).

Во 2-хъ. Признана была независимость Болгарской Патріархіи¹⁷), учрежденной тоже, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, еще при Симеонѣ. Патріархій престолъ находился

¹³) „De ceremoniis“, ed. Bonn., 690.

¹⁴) Рамбо (тамъ же, 342—343) доказываетъ, что Царскій титулъ уступленъ Петру позднѣе, именно послѣ 945-го года, по соображенію, коими онъ старается подтвердить это мнѣніе, не выдерживаютъ повѣрки.

¹⁵) Лиутпранда: „Legatio“, у Перца III, 351.

¹⁶) См. у Гильфердига, тамъ же, I, 116, 117.

¹⁷) См. „Исторически прѣгледъ на Бѣлг. Църква“, стр. 27—31; у Голубинскаго, тамъ же, 33; у Пихлера, I, 198.

тогда въ Прѣславѣ¹⁸⁾, но подѣ конецъ царствованія Петра онъ, по чему-то, былъ перенесенъ въ Доростоль¹⁹⁾.

Въ 3-хъ. Византія обязалась платить ежегодно опредѣленную дань Болгарамъ²⁰⁾.

Въ 4-хъ. Опредѣлена была граница Болгарскаго Царства со стороны владѣній Византійской Имперіи. Нѣсколько ниже мы будемъ имѣть случай подробнѣе познакомиться съ предѣлами Болгарскаго Царства въ началѣ царствованія Петра, при чемъ убѣдимся, что, по разсматриваемому договору, Византія сдѣлала и весьма существенныя земельныя уступки, отказавшись отъ нѣкоторыхъ, отнятыхъ у нея еще Симеономъ, областей.

По понятіямъ Византіи было большою уступкой и то, что она согласилась выдать Императорскую дочь за Болгарскаго Царя: Византійскій этикетъ строго запрещалъ заключеніе брачныхъ союзовъ между членами Императорскаго рода и владѣтельными родами другихъ Государствъ. Еще въ 968 году она не соглашалась выдавать Царевну за сына и преемника Императора Оттона I, отвѣтивъ Ліутпранду, пріѣхавшему съ этимъ предложеніемъ, что это неслыханное дѣло²¹⁾. Этотъ исконный этикетъ былъ нарушенъ по отношенію къ Болгарскому Царю, и нарушенъ безъ всякихъ запинательствъ. Багрянородный въ послѣдствіи порицалъ своего соправителя Лакапина за такое нарушеніе завѣтнаго этикета, но тутъ же, въ оправданіе его, между прочимъ, замѣчаетъ, что Романъ былъ вынужденъ сдѣлать это для блага Имперіи. Этимъ бракомъ, замѣчаетъ онъ, возвращена свобода множеству Византійскихъ гражданъ, томившихся въ плѣну у Болгаръ²²⁾.

Всѣ эти уступки и готовность, съ какою Византія согласилась на нихъ, блистательнымъ образомъ доказываютъ, что не внѣшняя какая ни будь неволя, не физическія бѣдствія, заставили новыхъ Правителей измѣнить такъ скоро завѣтнымъ стремленіямъ Великаго Симеона. Если бы Болгарія дѣйствительно находилась въ такомъ бѣдственномъ состояніи, если бы ей дѣйствительно угрожала какая ни будь важная внѣшняя

¹⁸⁾ По свидѣтельству извѣстнаго Синодика Царя Бориса. См. „Временникъ Импер. Общества Истор. и Древн. Росс.“, кн. 21, стр. 14.

¹⁹⁾ Кромѣ Дюканжева Каталога Болгарскихъ Архіепископовъ, это подтверждаетъ и одна изъ грамотъ Императора Василя Болгаробойцы. Голубинскій, тамъ же, стр. 261.

²⁰⁾ Левъ Діаконъ, Бониск. изд., стр. 61, 62.

²¹⁾ Ліутпранда: „Legatio“ III, 351.

²²⁾ „De administr. imp.“, ed. Bonn. 88.

опасность, то Византія не только бы не рѣшилась на такія уступки, но и не пременула бы извлечь для себя какую ни есть пользу изъ такого затруднительнаго положенія своей соперницы. Мы не сомнѣваемся, что сближеніе новыхъ Болгарскихъ Правителей съ Византіею было вызвано другими причинами, на что указываетъ, между прочимъ, и самый способъ первоначальнаго веденія переговоровъ съ Византіею: они, какъ было уже замѣчено, начались и нѣкоторое время велись тайно.

Какъ временщикъ, Георгій Сурсовуль возбудилъ противъ себя значительную часть Бояръ, которые имѣли и другія причины быть недовольными новымъ Правительствомъ. Стоитъ только припомнить, что у Петра былъ старшій братъ, Михаилъ, которой происходилъ отъ первой жены Симеона, и который былъ лишенъ наслѣдства и невольнo постриженъ въ монахи. Само собою разумѣется, что это распоряженіе Симеона не нравилось нѣкоторымъ Боярамъ, родственникамъ обоюденнаго Михаила, и если они при жизни его грознаго отца таили свое неудовольствіе, то оно тѣмъ сильнѣе всплыло теперь наружу. Важное положеніе, которое занялъ Бояринъ Сурсовуль при Петрѣ, еще болѣе разжигало неудовольствіе родственниковъ и приверженцевъ Михаила, коихъ, видно, было немало. Мы не сомнѣваемся, что ими-то, вскорѣ по смерти Симеона, была составлена довольно сильная партія, домогавшаяся низверженія новыхъ Правителей, и что эта именно домашняя опасность была причиной сближенія послѣднихъ съ Византіею.

Сурсовуль хлопоталъ не только о примиреніи съ Византіею, но и о тѣсномъ сближеніи, о союзѣ съ ней. Это показываетъ, что онъ рѣшился заключить миръ, не только для того, чтобы развязать себѣ руки для борьбы съ внутренними врагами, но и для того, чтобы имѣть внѣшнюю опору противъ этихъ враговъ, которые, какъ видно, были немалочисленны и опасны. Къ чести его нужно сказать, однако, что онъ, будучи припущенъ измѣнить политикѣ Симеона, не пожертвовалъ, все же ни чѣмъ, что бы могло уронить пріобрѣтенное Симеономъ внѣшнее значеніе Государства, какъ показываютъ условія заключеннаго имъ мира съ Византіею.

Со времени заключенія мира и брачнаго союза между Прѣславой и Константинополемъ завязались частыя дружественныя, даже нѣжныя, отношенія. Царица Болгарская часто ѣздила въ Константинополь навѣщать своихъ, которые, и съ

своей стороны, не оставались у нея въ долгу относительно посѣщеній²³⁾.

Вмѣстѣ съ этими личными любезностями между Црѣславой и Византіею шли и другія любезности чисто политическаго свойства. По большимъ праздникамъ, по случаю какихъ ни будь особенныхъ торжествъ, въ Византію пріѣзжали Болгарскіе Послы для привѣтствованія Императоровъ и для участія въ этихъ церемоніяхъ²⁴⁾. Ихъ принимали съ большимъ почетомъ, оказывая имъ предпочтеніе передъ Послами всѣхъ другихъ Европейскихъ Государей²⁵⁾.

Отношенія эти, установившіяся при Романѣ Лакапинѣ, существовали и по смерти его (944 г.), при единодержавіи Константина Багрянороднаго (944—959), а также и въ правленіе сына послѣдняго Императора, Романа II (959—963). Есть извѣстіе, что немедленно по вступленіи на престолъ, въ 959 году, Императоръ Романъ отправилъ письмо Болгарскому Царю Петру, для утвержденія существовавшихъ при его отцѣ дружественныхъ отношеній, на что со стороны Петра послѣдовалъ самый дружественный отвѣтъ²⁶⁾. Считая для себя выгодными эти дружественныя отношенія, и усердно заботясь объ упроченіи ихъ, Правительство Петра оказывало Византіи разныя услуги. Такъ, во время враждебныхъ предпріятій Русскаго Князя Игоря противъ нея, оно заранѣе предупреждало ее объ угрожавшей опасности. По свидѣтельству Русской лѣтописи, въ 941 году Болгаре послали Императору вѣсть, что „идутъ Русь“, въ десяти тысячахъ судовъ²⁷⁾, въ 944 году они опять послали вѣсть, „идутъ Русь, и наняли себѣ Печенѣговъ“²⁸⁾. По извѣстіямъ Арабскихъ писателей, въ Византійскихъ войскахъ воевавшихъ въ 947 и 954 годахъ съ Арабами находились весьма значительныя вспомогательныя Болгарскіе отряды²⁹⁾. Спрашивается, на сколько такое тѣсное сближеніе съ Византіею оказалось полезнымъ для Болгарскихъ Правителей? Вскорѣ по заключеніи мира противъ Петра и Сурсовула начались открытыя возстанія, по случаю которыхъ они обращались за

²³⁾ Продолж. Ософана, Бонск. изд. стр. 422.

²⁴⁾ Рамбо, тамъ же, 343—345.

²⁵⁾ Лиутпрандъ, „Legatio“, у Перца III, 351.

²⁶⁾ См. у Стриттера II, 616.

²⁷⁾ „Полное собраніе Русскихъ лѣтописей“, 18.

²⁸⁾ Тамъ же 19.

²⁹⁾ Рамбо, тамъ же, 390.

совѣтомъ и содѣйствіемъ къ Императору Роману. Мы будемъ имѣть случай подробѣе говорить объ этихъ дѣлахъ. Здѣсь же замѣтимъ только, что Византія не скупилась на совѣты и не отказывала въ своемъ содѣйствіи. Но и совѣты и содѣйствія ея были явно направлены къ увеличенію затруднительнаго положенія Правительства Петра. Блистательнымъ подтвержденіемъ нашихъ словъ служить отпаденіе Сербовъ, какъ увидимъ, не только совершенное содѣйствіемъ Лакапина, но и подготовленное его же политикой. Такъ поступала Византія вскорѣ послѣ заключенія мира, когда во главѣ правленія стоялъ еще Романъ, дѣдъ Болгарской Царицы; что было при Константиѣ Багрянородномъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Багрянородный, который оставилъ намъ описаніе торжественныхъ манифестацій, коими онъ правительственно заявлялъ о своей дружбѣ къ друзьямъ Болгарамъ, указывая на то, что эти друзья отняли большую часть Тракійской темы, называетъ ихъ „богомерзскимъ народомъ“³⁰⁾. Въ другомъ мѣстѣ Багрянородный преподаетъ своему сыну и преемнику наставленія, какимъ образомъ онъ можетъ вредить Болгарамъ³¹⁾.

Итакъ, подъ шумокъ торжественныхъ заявленій своей дружбы къ Правительству Петра, Византія, пользуясь тѣмъ, что эти заявленія открывали ей всѣ Государственныя тайны этого Правительства, дѣятельно работала надъ разложеніемъ могущества Болгарскаго Царства, надѣясь такимъ образомъ возвратить себѣ со временемъ сдѣланныя этому Царству уступки. При этомъ она и тутъ вела свое дѣло такъ, что оно, въ сущности гибельное для Правительства Петра, долго казалось послѣднему дружеской услугой. Только подъ конецъ своей жизни, какъ увидимъ далѣе, Петръ разкусилъ мнимую союзницу, но уже было поздно.

При такомъ характерѣ Византійской политики, само собою разумѣется, что Сурсовулъ обманулся въ своихъ расчетахъ на выгодныя для него послѣдствія примиренія съ Византією: Византія и не думала давать ожидаемой опоры, а между тѣмъ Болгарскіе Правители своимъ сближеніемъ съ нею еще болѣе усилили угрожающую имъ опасность, распространивъ неудовольствіе противъ себя и въ народной толпѣ, въ средѣ которой обращалось весьма нелестное представленіе о Грекахъ: „Они

³⁰⁾ „De thematibus“, 45.

³¹⁾ „De administr. imp.“, 71.

непостоянны въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, хвастливы, высокомерны, лжесвидѣтели, златолюбивы, судятъ по мздѣ.“ Такъ изображено это представленіе въ одномъ письменномъ произведеніи изъ круга Древне-Болгарской отреченной письменности, составлявшей достояніе народа³²⁾. Особенно нелестнаго мнѣнія о Византійцахъ было тогдашнее Болгарское поколѣніе, выросшее въ бурное время продолжительныхъ войнъ Симеона съ ними, наученное своимъ великимъ Царемъ не вѣрить ихъ словамъ, даже если бы они выходили изъ устъ Вселенскаго Патріярха, наученное имъ же смотрѣть на ихъ Имперію, какъ на призракъ. Само собою разумѣется, что это поколѣніе не могло равнодушно смотрѣть на дружественныя отношенія своихъ Правителей къ Византіи, на нововведенія въ управленіи общественной жизни, явившіяся необходимымъ послѣдствіемъ сближенія Прѣславскаго Двора съ Византійскимъ. Многихъ, конечно, возмущало и введеніе Византійскихъ нравовъ и обичаевъ въ придворную жизнь, введеніе, которое было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вступленія Византійской Принцессы въ Болгарскій дворецъ. Подстрекательство со стороны враждебнаго Петру и по другимъ причинамъ Боярства еще сильнѣе раздувало неудовольствіе народа, дѣлая его грознымъ.

На защиту находившагося въ опасности Правительства выступила, съ своимъ духовнымъ значеніемъ, Церковь, по значеніе это оказалось безсильнымъ, какъ въ слѣдствіе общественнаго положенія, такъ и въ слѣдствіе нравственнаго состоянія тогдашней Болгарской Іерархіи. Духовенство имѣло основаніе сочувственно относиться къ сближенію съ Византіею и къ послѣдствіямъ этого сближенія, которыя для него оказались весьма выгодными. Въ царствованіе Петра Болгарская церковная Іерархія окончательно сложилась по образцу Византійской Іерархіи и заняла весьма видное общественное положеніе въ Государствѣ. Подъ властью Болгарскаго Патріярха находилось около 40 Епископскихъ кафедръ, а именно³³⁾: Прѣславская, Доростольская (Дристрская), Проватская, Дебелтская или Загорская, Брегалницкая, Охридская, Касторійская, Главиницкая, Могленская, Битольская, Струмицкая, Моровизд-

³²⁾ „Слово о Сивилѣ“, списано мною съ рукописнаго сборника (XV-го вѣка), хранящагося въ училищной библіотекѣ въ Панагюрищѣ (въ сѣвер. Θракіи).

³³⁾ См. Голубинскаго, „Краткій очеркъ исторіи Православныхъ Церквей“ и пр. стр. 46—78.

ская, Вельбуждская, Тріяницкая, Нишская, Враницкая, Бѣлградская, Трамская, Скопійская, Приштинская, Липенійская, Сервійская, Бдинская (Виддинская), Орейская, Черинцкая, Химерская, Адриінопольская, Бутротская, Козильская, Янинская, Петрская, Стажская, Геррійская, Моравская, Дебрьская, Малешовская, Гревенская, Дѣвольская и Расская. Какъ Патріархъ, такъ и Епископы, окружены были обстановкой, которая, по своей пышности, не уступала обстановкѣ Византійскаго высшаго духовенства. При Великой Церкви въ Константинополѣ состояло около 40 клириковъ, разныхъ духовныхъ чиновъ, составлявшихъ штатъ³⁴⁾ Вселенскаго Патріарха. Столько же клириковъ мы находимъ и при особѣ Болгарскаго Патріарха³⁵⁾. У нѣкоторыхъ изъ подвластныхъ ему Епископовъ, какъ, на примѣръ, у Костурскаго, былъ такой же точно многочисленный штатъ клириковъ, у другихъ было ихъ немного меньше: у самаго незначительнаго, Струмицкаго Епископа, число ихъ было не менѣе двадцати. Епископы и ихъ клирики не были исключительно церковнослужителями въ обширномъ смыслѣ этого слова, но отправляли и нѣкоторыя чисто гражданскія обязанности. Такъ извѣстно, въ Византійской Имперіи весьма значительная часть судебныхъ дѣлъ подчинена была вѣдѣнію Епископовъ, дѣлившихъ отправленіе этой обязанности со своими клириками³⁶⁾. Такой же порядокъ былъ введенъ и въ Болгарскомъ Царствѣ, гдѣ судъ Епископовъ былъ, кажется, еще обширнѣе.

Высшее духовенство принимало дѣятельное участіе и въ дѣлахъ управленія, являясь всегда поборникомъ интересовъ династіи. Въ 866 году Борисъ съ содѣйствіемъ семи клириковъ усмирилъ вспыхнувшій противъ него мятежъ³⁷⁾. Въ 1015 году Архіепископъ Давыдъ принималъ участіе въ козняхъ, къ которымъ прибѣгалъ тогдашній Царь Іоаннъ-Владиславъ, для изведенія своего подручника, Владимира³⁸⁾. Въ 1018 году этотъ

³⁴⁾ Zhishman, „Die Synoden und die Episcopal-Ämter in der Morgenländischen Kirche.“ Wien, 1867, 55, 98.

³⁵⁾ Это извѣстно по грамотамъ, даннымъ Василиемъ Българобойцей около 1019-го года тогдашнему Болгарскому Архіепископу. Этими грамотами Василій подтверждаетъ права, которыми пользовались Болгарскій Архіепископъ (Патріархъ) и подвластные ему Епископы въ царствованіе Петра и Самуила. Голубинскій, тамъ же, стр. 259—263. Сравни. и „Періодич. списаніе на Българското Княжевно Дружество“, кн. 7 и 8.

³⁶⁾ Цишманъ, тамъ же. 89—91.

³⁷⁾ См. у Петра I, 473, 474.

³⁸⁾ Кедрицъ, Воинск. изд. II, 463; Гильфердингъ, тамъ же, I, 261.

самый Архіепископъ, отъ имени вдовы Іоанна-Владислава, ведетъ переговоры съ Императоромъ Васи́ліемъ Болгаробойцей о сдачѣ Болгарской столицы³⁹⁾. Въ смутное время царствованія Петра Симеоновича высшее духовенство усердно поддерживало расшатавшійся престолъ послѣдняго, проповѣдуя народу, что „Цари и Бояре Богомъ суть поставлены.“

Побуждаемые благочестивымъ усердіемъ и руководимые политическимъ расчетомъ, Государи Болгарскіе надѣляли духовенство обширными правами и обогащали щедрыми подарками; особенно мало скупился на этотъ счетъ Петръ, какъ въ слѣдствіе своей необыкновенной набожности, такъ и въ виду особеннаго усердія, съ какимъ духовенство выступило на защиту принятой имъ политики и на поддержку, обуреваемой внутренними врагами его, власти. Кромѣ сборовъ отъ разныхъ требъ и судопроизводства, за высшимъ духовенствомъ утверждены были и опредѣленные доходы, которые должны были платить какъ Болгаре, такъ и прочіе народы, обитавшіе въ предѣлахъ Болгарскаго Царства, именно: Влахи и Вардарскіе Турки⁴⁰⁾. Кромѣ того свѣтская власть дарила Архіепископу и Епископамъ париковъ⁴¹⁾. При Петрѣ и Самуилѣ у Архіепископа было около 40 париковъ. У нѣкоторыхъ Епископовъ было по столько же, именно: у Тріядицкаго, у Нишскаго, Бѣлградскаго, Скопійскаго, Воденскаго, Петрскаго.

Богатство высшаго духовенства, его завидная матеріальная обстановка, развили въ немъ страсть къ роскоши, въ которой оно очень рано начало соперничать съ Византійскимъ духовенствомъ. Пресвитеръ Козьма обличаетъ клириковъ за то, что они „не живутъ по Писанію, узаконяють свои нравы, коими хотять прославиться на землѣ, щеголяютъ бо-

³⁹⁾ Кедринъ, тамъ же, 467.

⁴⁰⁾ См. въ концѣ второй грамоты Императора Васи́лія, у Голубинскаго, тамъ же, стр. 263.

⁴¹⁾ Подъ париками Г. Голубинскій (тамъ же 259) разумѣетъ свѣтскихъ Архіерейскихъ чиновниковъ. Мнѣніе это ошибочно: Дюканъ, въ своемъ Греческомъ Словарѣ, на основаніи разныхъ Греческихъ историческихъ свидѣтельствъ, утверждаетъ, что это были „*ascolae ascriptitii, qui simul cum praedis vaenibant*“. При этомъ Дюканъ указываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ положеніе париковъ немпогимъ отличалось отъ положенія рабовъ. Въ такомъ же значеніи употребляется слово парикъ, паричество и въ нѣкоторыхъ Южно-Славянскихъ памятникахъ. См. въ Словаряхъ Миклошича и Даничича. Въ одной грамотѣ Болгарскаго Царя Іоанна-Александра (1346 г.) говорится, что „Орѣховскій монастырь“ владѣлъ людьми, которые дѣлились на три разряда: зевгелиа, нарици и отроци“. См. Григоровича: „Путешествіе по Европ. Турціи“, стр. 39, 40.

гатою одеждою, величаются „яздѣнцами по нихъ“ (сопровождающими ихъ⁴²). О пищахъ же и веселіи и таковыхъ нельзя глаголати, много бо и различна ядъ на трапезахъ ихъ обрѣтается, яко же и у богатыхъ, живущихъ въ міру, многа же молва и нестройна рѣчь, и любви не по закону; оже бо и отъ свара перестанутъ, то же на пьянство обращаются, смиряющиеся и любяще о винѣ, а не Бозѣ⁴³). Любовь къ роскоши, къ пышности, невоздержная жизнь, развили въ клирикахъ корыстолюбіе, жажду къ накопленію богатствъ, для утоленія коей они позволяли себѣ разнаго рода злоупотребленія: „творили неправедливый судъ⁴⁴), грабили⁴⁵), обижали беззащитныхъ. Насилья же, бывающая ими немощнымъ, кто не повѣсть?“ восклицаетъ Козьма.

Задавшись такими житейскими цѣлями, какъ Епископы, такъ и клирики, стали пренебрегать пастырскими своими обязанностями, къ которымъ выказывало такое рвеніе современное Симеону и Борису высшее Болгарское духовенство⁴⁶). При такомъ состояніи тогдашнихъ клириковъ, не удивительно, что значеніе ихъ оказалось безсильнымъ остановить распространившееся въ народѣ неудовольствіе противъ Правительства Петра. Мало того, своимъ вмѣшательствомъ въ пользу этого Правительства духовенство только усилило раздраженіе, которое не замедлило распространиться на него.

Нѣтъ сомнѣнія, что испорченность духовенства, достигшая при Петрѣ крайнихъ предѣловъ, дала сильный толчокъ ереси Богомиловъ, возникшей въ это время въ Болгаріи. Духовенство содѣйствовало развитію ея тремя путями: во 1-хъ, нерадѣніемъ о духовномъ просвѣщеніи своей паствы; во 2-хъ, своимъ соблазнительнымъ образомъ жизни, и въ 3-хъ, защитою непамятныхъ народу Византійскихъ порядковъ. Еретики встрѣчали большое сочувствіе въ средѣ народа. Въ имѣющемся у насъ рукописномъ Синодикѣ⁴⁷) находится статья, въ которой главныя положенія ученія Богомиловъ предаются анаемѣ. Положенія составлены на основаніи извѣстнаго „Папоплія“ Еввои-

⁴²) „Православный Собѣсѣдникъ“ 1864, II 311—313.

⁴³) Тамъ же.

⁴⁴) Тамъ же.

⁴⁵) Тамъ же, I, 85.

⁴⁶) Козьма съ умиленіемъ воспоминаетъ объ этихъ первыхъ дѣятеляхъ по духовному просвѣщенію Болгарскаго народа. Тамъ же, II, 425.

⁴⁷) Въ сборникѣ XVI вѣка.

мія Зигадена. Между этими положеніями, однако, встрѣчается одно, котораго нѣтъ у Зигадена и которое, безъ сомнѣнія, вставлено Болгарскими составителями статьи, которые, какъ видно, положенію этому придавали особенное значеніе; ибо пмъ-то начинаютъ рядъ осуждаемыхъ ими Богомильскихъ заблужденій: *Иже ѿвнѣа мѣа кѣ днѣ на рождѣство ѱанна крстѣлкѣ творацнхъ вѣшвенїа, и плодовѣ вѣченїа ѿ елнкаа вѣ тѣ ноцѣ скврѣнаа творѣтѣ таинства ѿ елнинистѣкѣ слѣжѣкѣ пѣбнаа. анаѳема*⁴⁸⁾.

Дѣло, безъ сомнѣнія, идетъ объ Иванѣ Купалѣ, который и до сихъ поръ остается однимъ изъ самыхъ распространенныхъ народныхъ праздниковъ въ Болгаріи⁴⁹⁾. Составители выше помянутой статьи ошибочно, слѣдовательно, сочли Купальскіе обряды исключительною принадлежностію Богомиловъ. Но тѣмъ не менѣе ошибка эта важна для общей характеристики Богомильской ереси. Смѣшеніе чисто народнаго вѣрованія съ вѣрованіями еретиковъ могло произойти единственно въ слѣдствіе распространенности секты среди народа. Какъ бы то ни было, по указанное обстоятельство обозначаетъ Богомильскую ересь, какъ нѣчто народное⁵⁰⁾, придаетъ ей народную окраску.

Въ дошедшихъ до насъ обличительныхъ статьяхъ противъ Богомиловъ, эти послѣдніе представляются кикими-то аскетами, съ презрѣніемъ относившимися ко всему земному. Въ одной изъ такихъ статей, изданной недавно Профессоромъ Ягичемъ, читаемъ:

„Горько бо есть Богомильское ученіе, братіе! Меса велеть не ѣсти, вина не пити, жены не поимати . . . глаголюще, ѣко вино и жена отъ діавола еста“⁵¹⁾.

Пресвитеръ Козьма говоритъ, что Богомилы „діавола творца нарицають и строителя земныхъ веществъ, и того повелѣвша человѣкомъ жены поимати и мяса ясти, и вино пити, и просто вся похуливша наша, сами ся небесніи жителіе творять и же-

⁴⁸⁾ См. „Временникъ“ 1855 г. кн. 21, стр. 6, примѣч. 8, гдѣ приведено это свидѣтельство по другому списку Синодика, принадлежавшему Палаузову. Къ сожалѣнію, однако, тамъ не показано, какое мѣсто занимаетъ оно въ спискѣ Палаузова.

⁴⁹⁾ Каравеловъ, „Памятники народнаго быта Болгаръ“, I, 234; Чолаковъ, „Народный сборникъ“, стр. 39—40; „Читалище“ 1874, № 19, стр. 542—545.

⁵⁰⁾ Это доказываютъ и нѣкоторые письменные памятники, Богомильское происхожденіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, какова, на примѣръ, знаменитая Іоаннова книга. См. Рачкаго: „Rad jugosl. ak.“ X, 241—245; Пынина; „Обзоръ Славянскихъ литературъ“, стр. 66—69; Веселовскаго, „О Соломонѣ и Киговрастѣ“, стр. 146, 151—153.

⁵¹⁾ „Starine“ VI, 19-.

нящаяся человѣки и живущая въ миру мамонины слуги зовутъ, сами же всего того гнушающеса⁵²⁾.

Но врядъ ли слѣдуетъ такъ буквально понимать эти и имъ подобныя свидѣтельства обличителей и, вѣря имъ на слово, представлять себѣ Богомиловъ какими-то отшельниками или „монашескимъ Христіанскимъ орденомъ съ нехристіанскимъ догматическимъ ученіемъ“⁵³⁾. Припомнимъ, что, по словамъ обличителей, безбрачіе проповѣдывали и Павликіяне, даже презирали его. Но тѣмъ не менѣе по свидѣтельству достовѣрной исторіи, у нихъ существовала семейная жизнь, были жены, дѣти, еретики плодились и размножались, не только путемъ совращеній въ свою ересь, но и путемъ естественнаго народженія. О томъ, что они преслѣдовали и свои политическія цѣли, вели упорныя войны съ Византійскою Имперіею, на которую своею храбростію наводили большой трепетъ, нечего и говорить.

Мы не сомнѣваемся, что и Болгарскіе Манихеи или Богомилы не были такими отшельниками, какими они представляются въ писаніяхъ обличителей. Прежде всего это доказываютъ нѣкоторыя весьма любопытныя противорѣчія, которыя попадаются въ этихъ писаніяхъ.

Тотъ же самый Козьма, который увѣряетъ, что Богомилы отвращались отъ женщинъ, считая ихъ отъ діавола, въ другомъ мѣстѣ, опровергая самого себя, говоритъ, что женщины пользовались въ средѣ Богомиловъ очень почетнымъ положеніемъ, которое возбуждаетъ сильное негодованіе въ этомъ поборникѣ Православія и даетъ ему поводъ къ слѣдующей любопытной филиппикѣ: „Еретики же сами въ себѣ исповѣдь творять и рѣшаютъ; не же точію мужи того творять, но и жены, еже ругу достойно есть. Женѣ бо, рече Апостоль (Павель), не велю учить, ни владѣти мужемъ, но въ млччаніи быти; и паки: жена молчанью да учится съ всѣмъ говѣніемъ“⁵⁴⁾.

Что это не былъ монашескій орденъ съ строго аскетическимъ характеромъ, на это указываетъ слѣдующее свидѣтельство Козьмы: „Учатъ же своя си не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыя, царь ненавидятъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ Боляры, мръзъки Богу мнятъ работающая Царю, и всякому рабу не велятъ работати господину своему“⁵⁵⁾. Въ

⁵²⁾ „Православный Собесѣдникъ“, 1864, II, 101, Сравни. и стр. 107.

⁵³⁾ Голубинскій, тамъ же, 162.

⁵⁴⁾ Правосл. Собесѣдн. тамъ же, II, 207, 208.

⁵⁵⁾ Тамъ же, стр. 202.

связи съ этимъ находится и сильная ненависть ихъ къ Православной Іерархіи. По свидѣтельству Козьмы, они называли духовенство и „всѣ церковные саны вообще слѣпыми Фарисеями“ и сильно лаяли на нихъ за ихъ лѣность, корыстолюбіе и невоздержную роскошную жизнь. Весьма любопытенъ, по своей простосердечности, способъ, которымъ Козьма защищаетъ Православное духовенство отъ этихъ нападокъ со стороны Богомиловъ: „Аще бо и въ лѣности живутъ православѣрніи попове, яко же то вы глаголете, осуждающе я (отвѣчаетъ онъ Богомиламъ), но Божество не хулятъ, яко же вы⁵⁶⁾. Аще бо и грѣшенъ есть жрецъ, нѣсть еретикъ“⁵⁷⁾. Послѣднія свидѣтельства Козьмы, не оставляющія никакого сомнѣнія, что у Богомиловъ были и свои политическіе и общественные идеалы, представляютъ ихъ весьма опасными для существовавшаго порядка вещей еретиками; кромѣ того свидѣтельства эти прямо указываютъ на соціальныя нововведенія и на испорченность духовенства, какъ на главныя причины быстрого распространенія секты. Не даромъ свѣтская и церковная власти такъ вооружались противъ нихъ, не даромъ ихъ преслѣдовали съ особенною суровостію. Въ позднѣйшее время, какъ извѣстно, ихъ жгли, что Православная церковь весьма рѣдко позволяла себѣ относительно другихъ еретиковъ. Въ Болгаріи, видно, ихъ сильно преслѣдовали въ X вѣкѣ. Тяжкія страданія вызывали даже жалость къ нимъ со стороны нѣкоторыхъ Православныхъ, конхъ Козьма старается предохранить отъ этого чувства. „Мнози бо не вѣдять, что есть ересь ихъ, и мнятъ я за правду страждуща и хотяща нѣчто въспріяти благо отъ Бога за вузы и темница. Но да слышатъ и о томъ Павла глаголюща: „Аще и постраждеть кто, не вѣнчается, аще незаконно постраждеть“. Како бо хотятъ кому быти мила, аще и тьмами страдаютъ, діавола творца нарицающе челоукомъ и всей твари Божіи“⁵⁸⁾?

Но, не смотря на страданія, преслѣдованія, ересь пускала глубокіе корни, еретики упорно шли къ своей цѣли. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ тогда еще они успѣли основать нѣсколько совершенно независимыхъ и въ политическомъ отношеніи общинъ, которыя пережили даже паденіе Болгарскаго Царства, отстаивъ свою независимость про-

⁵⁶⁾ Тамъ же, стр. 83.

⁵⁷⁾ Тамъ же, 87.

⁵⁸⁾ Тамъ же, II. 96, 97.

тивъ Грековъ при Василиѣ Болгаробойцѣ. Въ XI и XII вѣкахъ мы находимъ въ сѣверной Оракии такую религіозно-политическую общину, о которой Анна Комнина сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія⁵⁹⁾. Такую же Богомильскую общину мы находимъ еще въ царствованіе Никифора Вотаніята (1077—1087) и въ горахъ, окружающихъ Месемврію. Представитель ея, по имени Добромиръ, заводилъ сношенія съ Печенѣгами и Половцами, наущая ихъ противъ Константинопольской власти⁶⁰⁾. Подобныя общины существовали и въ Македоніи, гдѣ на нихъ случайно наткнулись Крестоносцы перваго похода, и взяли одну изъ ихъ крѣпостей⁶¹⁾.

Общины эти, случайно попадающіяся намъ въ XI вѣкѣ, уже послѣ паденія Болгарскаго Царства, по всей вѣроятности были основаны еще во время его существованія, еще въ X вѣкѣ; онѣ пережили погромъ, постигшій его. Само собою разумѣется, что онѣ возникли не безъ усилій со стороны Богомиловъ, что блистательнымъ образомъ опровергаетъ мнѣніе объ ихъ аскетизмѣ и представляетъ ихъ, напротивъ, людьми чуткими къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, и при томъ дѣятельно хлопотавшими объ осуществленіи своего соціально-политическаго идеала. Хотимъ сказать, что ересь эта не была безъ вліянія на внутреннюю жизнь Болгарскаго Царства въ занимающую насъ пору, напротивъ того, была главнымъ дѣятелемъ происходившихъ тогда событій, явилась противодѣйствіемъ сильно утверждавшемуся Византизму съ его роскошнымъ клиромъ, съ его придворными кознями, съ его Государственнымъ всемогуществомъ и общественными порядками.

Но не всѣ реакціонеры, конечно, становились Богомилами, не всѣ раздѣляли ихъ соціально-политическій идеалъ. Было много и такихъ, которые шли менѣе радикальнымъ путемъ: не измѣняя господствующей Вѣрѣ, чуждые стремленій къ полному Государственному перестрою, они стремились только къ отстраненію нововведеній, сдѣланныхъ при Петрѣ, какъ по тому, что этими нововведеніями урѣзывались ихъ льготы, такъ и по тому, быть можетъ, что эти нововведенія внушали имъ опасенія за цѣлость и прочность Государства: противники этого

⁵⁹⁾ Анна Комнина, въ Русск. перев. стр. 258, 259, 310.

⁶⁰⁾ По свидѣтельству Атталіота и Скилицы. См. статью Васильевскаго: „Византія и Печенѣги“, въ Ж. М. Н. Пр. 1872, Ноябрь, стр. 153.

⁶¹⁾ „Rad. jugosl. akad.“ VII, 118.

свойства стремились къ смѣнѣ установившагося при Петрѣ. Правительства и къ отмѣнѣ принятой имъ политики. Они состояли преимущественно изъ высшаго разряда народа. Для уясненія характера этого противодѣйствія (оппозиціи), равно какъ и его дѣйствій, намъ нужно ближе ознакомиться съ земельнымъ распространеніемъ Державы Петра и Государственнымъ устройствомъ ея.

Болгарское Царство во время заключенія мира съ Византіею имѣло слѣдующія границы: на югѣ его отдѣляла отъ Византійскихъ владѣній длинная ломанная черта⁶²⁾: она начиналась приблизительно южнѣе Бургаса на Черномъ морѣ, проходила между Адриянополемъ и Филиппополемъ⁶³⁾ чрезъ всю Тѳракію до Родопскихъ или Доспатскихъ горъ; далѣе сворачивала на югъ и по вершинамъ этихъ горъ спускалась къ окрестностямъ города Сереса, откуда направлялась къ юго-западу, проходя недалеко отъ Солуны и спускаясь къ горѣ Олимпу въ сѣверной Тессаліи. Съ этого мѣста линія эта направлялась прямо къ западу до устья рѣки Каламы, впадающей въ Іонійское море, противъ острова Корфу. Западная граница шла по Адриатическому берегу, отъ устья рѣки Каламы до устья соединеннаго Дрина, но часть берега, вмѣстѣ съ приморскимъ городомъ Драчемъ, оставалась во власти Византіи и составляла ея Диррахійскую тему.

Къ сѣверо-западу, въ началѣ царствованія Петра, когда область Сербскаго племени входила еще въ составъ Болгарскаго Царства, граница послѣдняго шла по теченію рѣки Дрины до самаго впаденія ея въ Саву. Къ востоку она шла по берегу Чернаго моря, начиная съ Бургаса и до устья Дуная. Всѣ важнѣйшіе города и пристани на Черномъ морѣ: Бургасъ (Дебельтъ), Анхіалъ, Месемврія и Варна (Одисось) принадлежали Болгарамъ. На сѣверѣ граница ихъ Государства тянулась по всему нижнему Дунаю, отъ самаго устья его и до впаденія въ него рѣки Савы при нынѣшнемъ Бѣлградѣ, далѣе она поднималась вверхъ по Дунаю же до устья Дравы, откуда спускалась на югъ, по прямой почти чертѣ, къ устьямъ Дрины на Савѣ, огибая такимъ образомъ нынѣшній Срѣмъ или

⁶²⁾ Голубинскій, тамъ же, 7, 8.

⁶³⁾ Что черта эта проходила южнѣе Филиппополя, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія свидѣтельство Льва Діакона о томъ, что въ 969 году Филиппополь входитъ въ составъ Болгарскаго Царства. Вониск. изд. 105.

ту узкую полосу, которая заключается между Дунаемъ и нижнимъ теченіемъ Савы⁶⁴). Изъ этого видно, что область Болгарскаго Государства была очень обширна. По словамъ Арабскаго писателя Альмасуды, посѣщавшаго въ первой половинѣ X вѣка Византійскую Имперію и имѣвшаго возможность познакомиться тамъ и съ ея сосѣдними Государствами, владѣнія Болгарскаго Царства имѣли тогда 10 дней пути въ ширину и 30 дней въ длину⁶⁵). То же самое дословно почти подтверждаетъ и Вильгельмъ Тирскій: „Народъ Болгарскій (говоритъ онъ) занялъ всѣ страны, лежація между Дунаемъ и Царьградомъ съ одной стороны, и между этою же рѣкою и Адриатическимъ моремъ съ другой, такъ что . . . все это пространство, имѣющее, какъ говорятъ, въ длину 30 дней пути, въ ширину же 10 или болѣе, стало называться Болгаріей“. При этомъ Литинскій историкъ не безъ нѣкотораго удовольствія замѣчаетъ, что „бѣдные Греки и не понимаютъ, какъ позорно для нихъ наименованіе этихъ странъ“⁶⁶).

И дѣйствительно, не смотря на громкія названія, которыми Византійцы продолжали величать свои владѣнія на Балканскомъ полуостровѣ, въ сущности эти владѣнія ихъ были очень незначительны. Кромѣ Пелопоннуса и средней Греціи, они, насчитывали на полуостровѣ пять темъ (областей): Тракійскую, Македонскую, Тессалонійскую, Стримонскую и Диррахійскую. Но подъ громкими названіями первыхъ двухъ разумѣлось уже не то, что въ древнія времена и теперь. Византійская Тракія тѣснилась вокругъ стѣнъ Константинополя. Она не заходила далѣе Анастасіевой стѣны; Траянополь былъ самымъ западнымъ ея городомъ. Что касается Македоніи, то

⁶⁴) Что Срѣмъ, отнятый Болгарами у Франковъ въ 827 г., принадлежалъ имъ еще и въ X вѣкѣ, это подтверждаютъ слѣдующія данныя. Въ Житіи Св. Климента говорится, что ученики Св. Меодія, изгнанные изъ Моравіи въ 886 г., переправившись черезъ р. Драву, до которой простирались владѣнія Моравской Державы, вступили въ предѣлы Болгаріи. Константинъ Багрянородный свидѣтельствуєтъ, что въ его время, около 950 г., Болгарію отдѣляла отъ Мадьяръ рѣка Дунай, разумѣя, безъ сомнѣнія, ту часть Дуная, которая заключается между устьями Дравы и Савы. „De admin. imper“. 174, 177. Гильфедрингъ (I, 158—159) предполагалъ, что въ X вѣкѣ господство Болгаръ распространилось изъ Срѣма и на „южную Савскую Хорватію“ (что теперь Славонія и Австрійская Хорватія), но предположеніе это намъ кажется ошибочнымъ. Еще ошибочнѣе мнѣніе Рачкаго (Odlomci 29, 86—87, 112), что Срѣмъ не только въ X-мъ, но еще и около половины IX вѣка, входилъ уже въ составъ Хорватскаго Государства. Сравни и Шафарика: Славянскія Древности“, т. II, кн. II, стр. 24.

⁶⁵) Гаркави, „Сказанія Мусульманскихъ писателей“ и пр. 126 и 145.

⁶⁶) „... miseris graecis ignorantibus, quod hoc ipsum nomen (Bulgaria) eorum protestetur ignominiam.“ Bongars. „Gesta Dei per Francos“, 653.

она огибала Θρακίϊскую область, т. е., окрестности Константинополя, и тянулась узкою полосой отъ Чернаго моря до Егейскаго. Главнымъ городомъ Македонской темы считался Адриянополь⁶⁷⁾.

Нынѣшняя Македонія, какъ и сѣверная часть Θρακίϊи, входила въ составъ Болгарскаго Царства, какъ показываетъ, между прочимъ, приведенное выше исчисленіе Епархій, подчинявшихся Болгарскому Патріарху; только самая южная часть нынѣшней Македоніи, именно побережье Архипелага, оставалась за Византійцами и составляла двѣ темы: Θεσσαλονίκιϊскую, съ главнымъ городомъ Солунемъ, и Стримонскую, съ главнымъ городомъ Сересомъ. Тема Диррахійская занимала побережье Адриатическаго моря, отъ Авлоны до Антибара, и заключала въ себѣ только города приморскіе: Драчъ (Дураццо), Олгунъ (Дульциньо) и Антибаръ⁶⁸⁾.

Переходя къ Государственному устройству Болгарскаго Царства, вопросу, почти не початому еще въ наукѣ, спѣшимъ напомнить читателямъ, что мы намѣрены коснуться этого вопроса лишь на столько, на сколько это нужно для цѣли настоящаго изслѣдованія.

Приводимыя Багрянороднымъ формулы этикета, соблюдавшагося при правительственныхъ сношеніяхъ Болгарскаго Двора съ Византійскимъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ мало извѣстный вопросъ.

Принимая Болгарскихъ Пословъ, Логоветъ (Канцлеръ) освѣдомлялся у нихъ прежде всего о здоровьѣ Болгарскаго Царя, Царицы и ихъ дѣтей, а за тѣмъ спрашивалъ: „Какъ здравствуютъ шестеро Великихъ Боляръ (Βολιάδες), какъ здравствуютъ и прочіе Внутренніе и Внѣшніе Боляре“⁶⁹⁾?

⁶⁷⁾ О положеніи Византійской Македоніи, а также и о Θρακίϊской темѣ, мы поговоримъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

⁶⁸⁾ См. Рамбо, тамъ же, 190, 191. Считаемо нужнымъ замѣтить, что замѣчанія Рамбо о положеніи Θεσσαλονίκιϊской, Стримонской и Диррахійской темъ, мы нѣсколько исправили на основаніи обнародованныхъ Профессоромъ Голубинскимъ (въ его „Кратк. очеркѣ исторіи Прав. Церквей“ и пр. 259—263) грамотъ Василия Болгаробойцы.

⁶⁹⁾ „De segetonіis“, ed. Bonn. 680. О Великихъ Болярахъ упоминаетъ Багрянородный и въ другомъ мѣстѣ, именно въ рассказѣ о войнѣ Бориса съ Сербамъ, гдѣ читаемъ, что Сербъ успѣли изъять въ плѣнъ сына Борисова, вмѣстѣ съ двѣнадцатью Великихъ Боляръ, *μετὰ καὶ βολιάδων δώδεκα μεγάλων*. Латинскій переводчикъ, не понявъ этого мѣста, переводитъ его слѣдующимъ образомъ: „una cum machinis grandibus duodecim.“ — De admin. imperio 154. Къ сожалѣнію, эти взятія въ плѣнъ великія машины встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Рамбо, тамъ же, 327.

Изъ этого свидѣтельства мы узнаемъ, что органы Правительственной власти въ Болгаріи назывались Болярами⁷⁰⁾ и, по своему значенію, равно какъ и по роду ихъ дѣятельности, раздѣлялись на три разряда: на Великихъ Боляръ, Внутреннихъ и Внѣшнихъ. Съ помощію нѣкоторыхъ другихъ, хотя и скудныхъ, свидѣтельствъ, мы попытаемся опредѣлить значеніе cadaго изъ этихъ трехъ Болярныхъ разрядовъ.

1. Великіе Боляре⁷¹⁾, коихъ было шесть, кажется, составляли Думу или, говоря нынѣшнимъ языкомъ, Государственный Совѣтъ Болгарскаго Царя. Существованіе такого Совѣта и Совѣтниковъ подтверждается, какъ Славянскими, такъ и иностранными, источниками. Въ Славянскомъ переводѣ Іоанна Малалы, сдѣланномъ еще въ царствованіе Симеона, Греческое слово *Συγκλητικός* (Senator), передано словомъ Боляринъ⁷²⁾. Папа Іоаннъ VIII, во время его хлопотъ о присоединеніи Болгарской Церкви къ Риму, обращался съ этою цѣлію не только къ Михаилу-Борису, но и къ его Совѣтникамъ⁷³⁾. Патріархъ Николай Мистикъ также обращался къ какому-то Совѣтнику Болгарскаго Царя Симеона, прося его содѣйствія къ прекращенію войны Болгаръ съ Византійцами⁷⁴⁾. Кедринъ называетъ поименно одного изъ Совѣтниковъ Царя Гавріила-Романа⁷⁵⁾. Левъ Діаконъ и Анна Комнина прямо упоминаютъ о существованіи у Болгаръ Государственного Совѣта: первый изъ нихъ называетъ его *βουλευτήριον τῶν Σκουθῶν*, вторая же *βουλευτήριον τοῦ Συμεών*⁷⁶⁾. По всему видно, что эти Совѣтники пользовались важнымъ политическимъ положеніемъ въ странѣ, оказывали сильное вліяніе, какъ на

⁷⁰⁾ Что подтверждается и Древне-Болгарскими письменными памятниками. Между иностранными памятниками X-го вѣка слово Боляринъ, Боляръ, встрѣчается еще въ Латинскомъ описаніи Константинопольскаго Собора 870-го года. Въ этомъ памятникѣ говорится, что между Болгарскими представителями на Соборѣ былъ и нѣкто *Stasiszerco borlas*; послѣднее слово, безъ сомнѣнія, есть искаженіе слова Боляринъ, Боляре. *Assemani*, „*Galendaria ecclesiae*“ II, 270.

⁷¹⁾ Раздѣленіе Боляръ на Великихъ и Малыхъ подтверждается и Древне-Славянскими памятниками. См. въ Словаряхъ Востокова, Миклошича и Даничича. Сравни „Временникъ“ кн. 21, стр. 45.

⁷²⁾ См. Словари Востокова и Миклошича.

⁷³⁾ „*Ad optimates et consiliarios Michaelis, regis Bulgariae*“. *Assemani*, *ibid.* II, 270.

⁷⁴⁾ Письмо 13-ое, у Миня, тамъ же, 96.

⁷⁵⁾ Кедринъ, Бониск. изд. II, 461.

⁷⁶⁾ См. у Гильфердинга, „Собран. сочиненій“ I, 110.

внутреннюю, такъ и на внѣшнюю, политику. На чемъ основывалось ихъ значеніе: на личныхъ ли способностяхъ и заслугахъ, или на какихъ ни будь историческихъ правахъ, рѣшить трудно.

Гильфердингъ полагаетъ, что это были представители родовъ, содѣйствовавшихъ Аспаруху основать Болгарское Царство и въ слѣдствіе этого раздѣлившихъ съ нимъ власть⁷⁷⁾. Но мы не можемъ принять этого предположенія, тѣмъ болѣе, что и самый способъ основанія Аспарухомъ Болгарскаго Царства, по нашему мнѣнію, требуетъ еще пересмотра и новаго разъясненія.

2. Внутренніе Боляре. Это, безъ сомнѣнія, лица, занимавшія придворныя должности, равно какъ и должности при главномъ управленіи; они составляли очень многочисленную чиновную Іерархію, дѣлившуюся на множество ступеней и чиновъ. Во время какихъ ни будь придворныхъ торжествъ, эти Боляре садились по обѣ стороны Царя, „въ поясахъ и обручьяхъ“⁷⁸⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, подобно духовной, и чиновная Іерархія была учреждена по Византійскому образцу. Она стала строиться такимъ образомъ еще при Борисѣ, который, послѣ крещенія, тѣсно применилъ къ Византійцамъ; много было сдѣлано, безъ сомнѣнія, и Симеономъ по части пересадки Византійскихъ правительственныхъ порядковъ въ Болгарію. Но окончательно дѣло это было завершено, въ особенности по отношенію къ придворнымъ порядкамъ, въ царствованіе Петра введеніемъ Греческой Принцессы во дворецъ. вмѣстѣ съ правительственными порядками, безъ сомнѣнія, пересажена была и, соединенная съ нимъ, терминологія, т. е., названіе многочисленныхъ чиновъ и должностей. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что кое-какіе изъ древнихъ народныхъ порядковъ, должностей и званій, были пощажены; такъ, на примѣръ, званіе Дѣда, по Болгарскому произношенію Дяда, встрѣчаемое и у нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ народовъ, какъ придворное званіе, обозначавшее Придворнаго Старосту *Majordomus*⁷⁹⁾. Замѣчательно, что это Славянское званіе перешло къ Визан-

⁷⁷⁾ Тамъ же.

⁷⁸⁾ См. начало шестаго слова „Шестоднева“ Іоанна Экзарха. Палаузовъ, „Вѣкъ Болгарскаго Царя Симеона“, стр. 92.

⁷⁹⁾ См. у Рачкаго „Odlomci“ 95.

тійцамъ, которые еще въ XII вѣкѣ называли имъ Гофмаршала или Маіордома⁸⁰).

3. Внѣшніе Бояре. Подъ ними, безъ сомнѣнія, разумѣются областные Правители, власть и значеніе коихъ были весьма разнородны. Для нашей цѣли важны лишь главные областные начальники, на которыхъ мы только и остановимся.

Обширное Болгарское Царство дробилось на нѣсколько правительственныхъ округовъ, носившихъ, кажется, названіе, Властей (волостей)⁸¹); въ Латинскихъ источникахъ они называются Комитами (comitatus). Властей (областей) было довольно много: въ 866 г., противъ Михаила-Бориса поднялось десять такихъ областей, комитатовъ, которые, однако, составляли только одну часть Болгарскаго Государства⁸²). Если правительственное дѣленіе послѣдняго совпадало съ дѣленіемъ Церковнымъ, Епархіальнымъ, что весьма вѣроятно, то въ царствованіе Петра въ Болгаріи было около сорока правительственныхъ округовъ или властей. Областные Правители назывались, кажется, общимъ именемъ Властителей, но, по своимъ правамъ и отношеніямъ къ Коронѣ, дѣлились на нѣсколько разрядовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свое, собственно ему принадлежащее, званіе. Одни назначались Короною, какъ показываетъ примѣръ Романа Петровича, назначеннаго Самуиломъ въ Правители Скопій⁸³). Они назывались Великими Воеводами, или просто Воеводами⁸⁴). Другіе, кажется, были наслѣдственными Правителями, или же избирались самою областію: они пользовались нѣкоторою самостоятельностью по отношенію къ Коронѣ, къ которой находились, такъ сказать, въ подручныхъ отношеніяхъ. Мы уже встрѣчались съ такими подручными Правителями въ Дакійской Болгаріи, отошедшей, впрочемъ, около X вѣка къ Уграмъ. Что такіе подручные Правители существовали и въ другихъ частяхъ Болгарскаго Царства, въ особенности въ юго-западной части его, это доказывается слѣдующими данными:

⁸⁰) *Τατάς τῆς ἀρχῆς*. Kraus, „Die Byzantiner des Mittelalters“, S. 225.

⁸¹) Судя по тому, что въ нѣкоторыхъ Древне-Славянскихъ памятникахъ слово власть употребляется въ смыслѣ провинціи, области.

⁸²) Гинкмаръ, у Перца I, 473, 474.

⁸³) Кедринъ, II, 455.

⁸⁴) У Византійцевъ *Στρατηγοί*, Кедринъ, II, 463, и *ὑποστρατηγοί*, Vita S. Clementis, ed Miklosich, c. 16, p. 21, 22.

а) По свидѣтельству Каменіята, писавшаго въ началѣ Х вѣка, нѣкоторыя Славянскія племена, жившія не вдалекѣ отъ Солуня, платили только дань Болгарамъ, но управлялись своими особенными Князьями⁸⁵).

б) Существованіе такихъ полузависимыхъ отъ Болгаръ областей въ юго-западной части Болгарскаго Царства подтверждается и самымъ способомъ присоединенія этихъ странъ къ Болгарскому Царству. Онѣ присоединены не путемъ завоеванія, а посредствомъ мирныхъ договоровъ: на послѣднее обстоятельство явственно намекаютъ Византійцы, упоминая о продѣлкахъ Болгарскаго Государя, Церига, съ Берзитами⁸⁶). Что этотъ способъ распространенія своей власти употреблялся Болгарами, это подтверждается и извѣстными уже намъ отношеніями Симеона къ Сербамъ и Захлумлянамъ, а также и отношеніями Самуила къ Далматскимъ Славянамъ.

в) Племя Мораванъ, издавна подчинявшееся Болгарамъ, еще въ Х вѣкѣ управлялось своимъ особымъ Княземъ, съ которымъ Византійское Правительство находилось тоже въ прямыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ⁸⁷).

Правители этого рода у Византійцевъ назывались Архонтами; такъ, кромѣ Архонта Моравскаго, упоминаемаго Багрянороднымъ⁸⁸), мы встрѣчаемъ въ Х вѣкѣ еще Архонта Могаденскаго⁸⁹), Архонта Бѣлградскаго⁹⁰), въ южной Албаніи, и еще нѣсколько другихъ Архонтовъ⁹¹). Народное названіе ихъ, кажется, было Князь, Князья. Эти полузависимые областные Правители пользовались весьма важнымъ политическимъ значеніемъ въ Государствѣ. Когда, около 1015 года, Царь Іоаннъ-Владиславъ водилъ переговоры съ Императоромъ Василиемъ II, въ этихъ послѣднихъ принимали непосредственное участіе и эти Правители, которые, вмѣстѣ съ письмомъ Царя, посылали письма и отъ себя къ Императору⁹²). Когда, по смерти Іоанна-Владислава, оставшись безъ Царя, Болгарская земля начала сдаваться Императору Василию, на-

⁸⁵) См. у Стриттера II, 94—98.

⁸⁶) См. у Стриттера II, 591.

⁸⁷) Багрянородный, „De ceremoniis“, ed. Bonn. 691.

⁸⁸) Тамъ же.

⁸⁹) Кедринъ, II, 462.

⁹⁰) Онъ же, II, 475.

⁹¹) Онъ же, II, 461, 462.

⁹²) Онъ же, II, 462,

чальники нѣкоторыхъ областей не соглашались дѣлать это, и Василию пришлось брать cadaго отдѣльно или посредствомъ договоровъ, или же силою. Судя по народнымъ преданіямъ, дошедшимъ до насъ отъ глубокой древности, въ занимающемъ насъ X вѣкѣ, въ предѣлахъ Болгарскаго Царства находилось, такъ сказать, девять подручныхъ Княжествъ. Преданія эти мы находимъ, во 1-хъ, у Дуклянскаго Пресвитера, писавшаго въ XII вѣкѣ; онъ прямо говоритъ, что подъ властію Болгарскаго Царя находилось 9 Князей (Principes)⁹³). Народная основа этого извѣстія, а до нѣкоторой степени и его историческая достовѣрность, подтверждаются слѣдующей подробностію одной народной пѣсни:

„Стояну госте дойдоха,
Деветъ сестрици кралици,
Десета сама царица“⁹⁴).

Слово „Кралица,“ безъ сомнѣнія, есть позднѣйшая замѣна не дошедшаго до насъ титула женъ могущественныхъ подручниковъ Болгарскаго Царя.

Эти, хотя и краткія, замѣчанія о Государственномъ устройствѣ Болгарскаго Царства намъ кажутся достаточными для объясненія смысла и значенія внутреннихъ волненій, ознаменовавшихъ продолжительное царствованіе Петра.

До насъ дошли кое-какія свидѣтельства только о трехъ такихъ движеніяхъ. Первое изъ нихъ происходило въ самый годъ воцаренія Петра, сейчасъ послѣ заключенія союза съ Византіей. По свидѣтельству Византійцевъ, нѣсколько вельможъ, возвысившихся при Симеонѣ⁹⁵), составили заговоръ, съ цѣлію низложенія Петра и возведенія на престолъ его меньшаго брата, Іоанна. Заговоръ во время былъ открытъ: вельможъ, участвовавшихъ въ немъ, предали необычайнымъ казнямъ, Іоанна же подвергли побоямъ и выслали изъ Болгаріи⁹⁶). Достойно примѣчанія то, что онъ былъ отправленъ въ Византійскую столицу и отданъ въ руки Романа Лакаина, съ тѣмъ, чтобы его постригли тамъ въ монахи и помѣстили въ какой

⁹³) Presbyteri Diocleatis „Regnum Slavorum“, с. V, у Швандтнера: „Scriptores rerum Hungaricarum“ t. III, р. II. То же самое утверждаетъ и Хорватская лѣтопись Папалича (Калетича), которая, впрочемъ, вмѣсто девяти Князей называетъ „девет дужев“. См. „Сербскій лѣтопись“ 1875 г., кн. 88, стр. 13.

⁹⁴) Записана нами въ Панагюрищѣ (въ сѣверной Тѣракін).

⁹⁵) Продолжатель Теофана, называетъ ихъ μεγιστάνων τοῦ Σιμεών.

⁹⁶) Продолж. Теофана, Бониск. изд. 419. См. и у Стриттера II, 614.

ни будь монастырь. Романъ обѣщалъ позаботиться объ этомъ, но по чему-то раздумалъ: онъ сдѣлалъ Іоанна Патриціемъ, пожаловалъ имѣніемъ и женилъ на знатной Армянкѣ. Мы не сомнѣваемся, что заговоръ этотъ былъ составленъ Внутренними Боярами. Они были побуждены къ низверженію Правительства Петра, быть можетъ, и по личной ненависти къ запявшему при немъ важное значеніе Сурсовулу, но большею частію въ слѣдствіе несочувствія къ политикѣ этого Правительства, политикѣ совершенно противоположной завѣтной политикѣ Симеона. Не даромъ сухіе Византійскіе лѣтописцы, упоминающіе въ нѣсколькихъ словахъ объ этомъ заговорѣ, не преминули замѣтить, что онъ былъ затѣянъ вельможами Симеона, иначе сказать, людьми, обязанными своимъ возвышеніемъ Симеону и глубоко проникнутыми политическими видами покойнаго Царя. Что тутъ дѣло враждебнымъ образомъ задѣвало Византію, это доказывается и участіемъ послѣдней въ потушеніи заговора, участіемъ, засвидѣтельствованнымъ судьбою Іоанна.

Черезъ два, три, года, въ 929 или, въ 930, противъ Правительства Петра вспыхнулъ открытый мятежъ. Дѣло было начато уже Внѣшними Боярами, Правителями нѣкоторыхъ Западныхъ областей. Мятежники отложились отъ Петра и провозгласили своимъ Царемъ старшаго сына Симеонова, невольнаго постриженнаго въ монахи, Михаила. Михаилъ не замедлилъ бросить монастырь, монастырскую рясу и стать во главѣ возставшихъ. Къ нему перешло нѣсколько областей, которыя предали ему свои крѣпости, предложили къ его услугамъ и свои дружины. Мятежъ этотъ принималъ опасные для Правительства Петра размѣры, и не извѣстно, чѣмъ бы онъ кончился, если бы неожиданное обстоятельство не остановило его во время: въ самомъ началѣ возстанія Михаилъ умеръ. Приверженцы его очутились въ затруднительномъ положеніи. Часть собравшагося вокругъ Михаила войска, не желая отдаваться въ руки Петра, и боясь мщенія съ его стороны, вторгнулась, черезъ Стримонъ, въ предѣлы Византійскаго Государства, нѣсколько времени подвергала раззоренію пограничныя его владѣнія, доходила даже до Аттики, и наконецъ вынудила Византійское Правительство уступить имъ земли, для водворенія въ Эпирѣ, въ Никополитанской области, около Артскаго залива⁹⁷⁾.

⁹⁷⁾ См. у Стриттера II, 615; Паппаригопуло IV, 97.

Въ этомъ поведеніи Болгарскихъ мятежниковъ въ областяхъ Имперіи Рамбо весьма основательно видитъ какую-то мечь Византіи⁹⁸⁾, мечь, которая, по нашему мнѣнію, прямо указываетъ на сближаніе Петра съ Византіею, какъ на одну изъ причинъ, вызвавшихъ и это волненіе.

Чрезъ нѣсколько времени вспыхнулъ повый, уже великій, мятежъ, поведшій за собою весьма важныя послѣдствія, произведшій весьма крупный переворотъ въ Болгарской землѣ. Не смотря на такое важное значеніе этого движенія, оно принадлежитъ къ самымъ темнымъ, къ самымъ неясненнымъ, событіямъ Болгарской исторіи. Византійскіе историки не оставили объ немъ даже и такихъ краткихъ извѣстій, какія мы находимъ у нихъ о первыхъ двухъ движеніяхъ противъ Петра. По видимому, ходъ этого мятежа и ближайшія послѣдствія его не затрогивали непосредственно Византію, какъ затрогивали ее два первыя волненія, ограничивались исключительно предѣлами Болгарской земли, были, такъ сказать, чисто внутреннимъ Болгарскимъ дѣломъ. А о внутреннихъ измѣненіяхъ въ Болгаріи, если они совершались безъ открытаго столкновенія съ Византіею, ея историки обыкновенно не любятъ говорить, даже не интересуются ими. У этихъ историковъ мы находимъ только темный намекъ на это движеніе и кое-какія упоминанія о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ этого крупнаго переворота. Это темные намеки и указанія Византійцевъ нѣсколько уясняются другими свидѣтельствами, идущими изъ Болгарскихъ источниковъ, дающими возможность составить себѣ хотя самое общее понятіе о ходѣ и исходѣ дѣла. Изъ одного, весьма смутнаго, свидѣтельства Кедрина и Зонары видно, что во главѣ этого возстанія стоялъ одинъ изъ Бояръ, который, по словамъ лѣтописца, пользовался значительной властію и могуществомъ въ Болгаріи. У этого Болярина было четверо сыновей, а именно: Давыдъ, Мойсей, Ааронъ и Самуилъ⁹⁹⁾. Имени ихъ отца Кедринъ не называетъ, но оно дѣлается намъ извѣстнымъ изъ двухъ другихъ памятниковъ, именно: изъ одной Латинской грамоты, писанной въ 994 году Болгариномъ Пинчіемъ (Пенчо?), и одного рукописнаго Помянника¹⁰⁰⁾. Изъ показаній этихъ

⁹⁸⁾ Рамбо, тамъ же, 340.

⁹⁹⁾ Ἐνθς τῶν παρὰ Βουλγάρους μέγα δυναθέντων κόμητος ὄντες παῖδες καὶ διὰ τοῦτο κομητόπουλοι κατονομαζόμενοι. Кедринъ, Боннск. изд. II, 434, 435.

¹⁰⁰⁾ Помянникъ этотъ найденъ въ Зографскомъ монастырѣ; въ немъ былъ помѣченъ въ 1502 г., заимствованный изъ другого, древнѣйшаго Помянника. Спи-

двухъ памятниковъ видно, что отецъ братьевъ назывался Шишманомъ¹⁰¹⁾ (Sismanus). По свидѣтельству грамоты родъ Шишмана происходилъ изъ Тернова, что едва ли справедливо¹⁰²⁾. По всей вѣроятности онъ былъ однимъ изъ наслѣдственныхъ Правителей какой ни будь Западной Болгарской области. Что касается времени произведеннаго, такъ сказать, Шишманскаго мятежа, то, судя по тому же смутному свидѣтельству Кедрина, мятежь этотъ происходилъ весною, или лѣтомъ, 963 года, въ тотъ промежутокъ времени, который прошелъ между смертію Византійскаго Императора Романа II, случившейся 15 Марта, 963 года, и провозглашеніемъ Никифора Фоки Императоромъ, 2 Іюля того же года, другими словами, въ пятимѣсячное управленіе малолѣтнихъ сыновей Романа II. Въ этотъ промежутокъ времени, по словамъ Кедрина, началось какое-то волненіе, подъ которымъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ разумѣть движеніе, начатое Шишманомъ¹⁰³⁾. О ходѣ этого движенія намъ ничего не извѣстно; извѣстны только послѣдствія его. Если цѣль возставшихъ заключалась въ низложеніи Петра и его Правительства, то она не была достигнута вполне, а только на половину, такъ сказать, была осуществлена. Петръ удержался на своемъ престолѣ, но онъ не могъ помѣшать мятежникамъ уничтожить его власть въ обширныхъ областяхъ За-

сокъ Болгарскихъ Царей подъ заглавіемъ: „Поменѣ, Господи, въ Православной вѣрѣ Царе Българскыѣ“. См. Гильфердинга: „Собран. сочин.“. I, 270.

¹⁰¹⁾ Гильфердингъ (I, 199), на основаніи одного свидѣтельства Анны Компины, заключаетъ, что Шишманъ назывался еще и Мокромъ, но заключеніе это невѣрно, такъ какъ въ свидѣтельствѣ Анны подъ Мокромъ разумѣется какой-то изъ древнѣйшихъ Болгарскихъ Правителей.

¹⁰²⁾ Farlati, „Illyricum sacrum“, II, 111, 112. Грамоту писалъ Болгаринъ Пинчій (Пенчо?), называющій Шишмана своимъ дядею. Такъ какъ мы будемъ часто ссылаться на этотъ любопытный памятникъ, то считаемъ нужнымъ высказать свой взглядъ на его историческое достоинство. Въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ грамота Пинчія, она есть позднѣйшая передѣлка подлинника, по видимому, полностью уничтоженнаго. На передѣлку явно указываютъ нѣкоторыя историческія неточности (исбывалыя злодѣйства Самуила) и анахронизмы: къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести указаніе, что Болгаринъ Пинчій и его родственники перешли въ Католическую Вѣру (въ X-мъ вѣкѣ), и что они, а равно и Шишманъ, были родомъ изъ Тернова, города, дѣлающагося извѣстнымъ только въ XII столѣтіи, и тогда только, по всей вѣроятности, и основаннаго. Мы полагаемъ, что подѣлка сдѣлана не раньше XIII вѣка. Что въ Далматіи была въ ходу подѣлка и передѣлка грамотъ, объ этомъ см. „Književnik“ 1864, 221.

¹⁰³⁾ Путаница у Кедрина произошла отъ того, что онъ смѣшалъ въ одно два разныя движенія, въ Болгаріи происходившія въ разное время, именно: движеніе Шишмана въ 963 г., и движеніе, начатое его сыновьями, какъ увидимъ, по смерти Царя Петра, въ 968. Довольно подробный разборъ занимающаго насъ здѣсь свидѣтельства Кедрина мы напечатали въ „Періодич. Спис. Болгарск. Кн. Дружества“, кн. IX—X, стр. 58—61.

падной Болгаріи. Изъ нихъ составлено было особенное политическое цѣлое, во главѣ котораго поставленъ былъ главный руководитель движенія, Шишманъ, который и провозглашенъ Царемъ отложившихся отъ Петра областей. Что Шишманъ дѣйствительно сдѣлался Царемъ и признаваемъ былъ таковымъ, по крайней мѣрѣ, одной частью Болгарскаго народа, это подтверждается слѣдующими указаніями. Въ названномъ рукописномъ Помянникѣ, между Царями перваго Болгарскаго Царства помѣщенъ и Шишманъ, которому отведено мѣсто сейчасъ послѣ Петра и его сыновей. Въ Латинской грамотѣ, писанной, какъ мы уже замѣтили, въ 994 году, Шишманъ названъ Императоромъ¹⁰⁴).

Что Шишманъ былъ провозглашенъ Царемъ при жизни Болгарскаго Царя Петра, и нѣсколько лѣтъ царствовалъ современно съ нимъ, этотъ вопросъ будетъ рассмотрѣнъ нами ниже, гдѣ намъ представится болѣе удобный случай для этого, и гдѣ мы надѣемся представить и другія данныя въ подтвержденіе высказанному нами взгляду на послѣдствія третьяго внутренняго движенія въ царствованіе Петра. Здѣсь же достаточно замѣтить, что за пять, или за шесть, лѣтъ до смерти Петра, обширное Болгарское Царство распалось на двѣ части, изъ коихъ одна, восточныя области, осталась вѣрной старой династіи, другая же образовала изъ себя особенное самостоятельное Государство, провозгласивъ своимъ Царемъ Шишмана. Чтобы не смѣшивать этихъ двухъ Государствъ, мы въ дальнѣйшемъ разказѣ будемъ называть первое изъ нихъ Восточнымъ, а второе Западнымъ.

¹⁰⁴) „*probum dominum christicolam justum Sismanum imperatorem*“. См. Фарлати, тамъ же.

Г л а в а IV.

Русско-Византійская война въ Болгаріи. Начало Самуиловой Державы.

Великій Князь Кіевскій, Святославъ, по приглашенію Византійцевъ вторгнулся въ Болгарское Царство и быстро овладѣлъ всею Болгарскою землею. Упоенный такимъ успѣхомъ, онъ вскорѣ разсорился съ Византійцами, вторгнулся и въ ихъ Имперію, съ цѣлію разгромить и ее, по крайней мѣрѣ ея власть въ Европѣ. Но вскорѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ этого послѣдняго замысла, и возвратиться въ завоеванную уже Болгарію, рѣшившись довольствоваться ею. По слѣдамъ его, однако, туда же, въ Болгарію, двинулся Іоаннъ Цимисхій, который въ нѣсколькихъ битвахъ успѣлъ сокрушить мощь Святослава и принудить его возвратиться во своя си, въ Русь, оставленную же Руссами Болгарію Цимисхій легко подчинилъ себѣ и обратилъ ее въ Византійскую область. Какъ завоеваніе Святослава коснулось всей Болгарской земли, такъ и теперь вся Болгарская земля перешла во власть Византійцевъ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, господствующій взглядъ на походъ Святослава и на послѣдствія этого похода для Болгарской земли¹⁾. Взглядъ этотъ, по нашему мнѣнію, крайне ошибоченъ: онъ держится на ложномъ представленіи политическаго состоянія Болгарской земли во время нападенія на нее Руссовъ, и выведенъ изъ невѣрнаго толкованія нѣкоторыхъ весьма важныхъ историческихъ свидѣтельствъ. То и другое надѣмся будетъ обнаружено въ настоящей главѣ, которая имѣетъ цѣлію установленіе правильнаго взгляда на Русско-Византійскую войну и на ея значеніе въ исторіи Болгаръ.

Заключенный въ 927 году миръ между Петромъ и Византіею былъ нарушенъ около 966-го года, когда на Визан-

¹⁾ Гильфердингъ, „Собраніе сочиненій“. Сиб. 1868, I; Рачкій, въ „Rad jugoslav. ak.“ 1873, кн. XXIV; Гфререръ, „Byzantinische Geschichten“, 1874, II; Панипаригопуло, „Ιστορία τοῦ ἐλληνικοῦ ἔθνους“. 1871, IV.

тійскомъ престолѣ сидѣлъ Никифоръ Фока. Лѣтописцы разнымъ образомъ передаютъ причину или, лучше сказать, способъ перерыва дружественныхъ отношеній между сосѣдними Государствами.

По словамъ Кедрина и Зонары²⁾, Никифоръ, желая обезпечить себя со стороны Угровъ, начинавшихъ дѣлать набѣги на его Европейскія владѣнія, обратился къ Петру съ просьбою, чтобы онъ не позволялъ этимъ хищникамъ переходить черезъ Дунай для вторженій въ Византійскія области. Петръ отказалъ въ исполненіи этой просьбы, отвѣтивъ Никифору, что, „не получая отъ него войска противъ этихъ самыхъ Угровъ, онъ принужденъ былъ заключить съ ними миръ, и теперь не можетъ безъ причины нарушить его“³⁾. Этотъ гордый отвѣтъ, по словамъ названныхъ лѣтописцевъ, послужилъ поводомъ къ началу враждебныхъ дѣйствій противъ Болгаръ со стороны Никифора.

Левъ Діаконъ иначе рассказываетъ о началѣ войны. Въ 966 году, когда Никифоръ праздновалъ въ Константинополѣ одержанную имъ блистательную побѣду надъ Арабами, къ нему явились Болгарскіе Послы за полученіемъ обычной дани. При видѣ ихъ Императоръ, въ присутствіи всего Двора, воскликнулъ: „Какъ несчастны Римляне, если они, побѣдивъ всѣхъ неприятелей, должны теперь, подобно невольникамъ, платить дань Скиѣамъ, этому презрѣнному и бѣдному народу!“ Послѣ такого восклицанія онъ велѣлъ бить Пословъ по щекамъ и съ большимъ безчестіемъ выпроводилъ ихъ, не давъ никакой дани. Это, по словамъ Льва Діакона, послужило знакомъ къ войнѣ съ Болгарами⁴⁾.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что и въ этотъ разъ мирныя отношенія между Болгарами и Византіей были нарушены послѣдней. Немедленно по обнаруженіи разрыва Никифоръ выступилъ изъ Константинополя съ войскомъ, и быстро овладѣлъ нѣсколькими пограничными Болгарскими укрѣ-

²⁾ Кедринъ, Бониск. изд. II, 272, у Стриттера II, 617.

³⁾ О мирныхъ отношеніяхъ между Петромъ и Мадьярами свидѣлствуетъ и Житіе Св. Герарда: въ немъ говорится, что въ это время владѣтель Юго-Восточной Угрии, Ахтумъ, принялъ Христіанскую Вѣру въ ближайшемъ къ его владѣніямъ Болгарскомъ городѣ, Бдинѣ (Видинѣ). Endlicher, „Monumenta Agrad“, p. 214.

⁴⁾ Бониское издан. стр. 61, 62; Русскій переводъ Попова, Сиб. 1820, стр. 61, 62.

плениями, находившимися у Оракійскихъ подошвъ Родопскихъ и Балканскихъ горъ. Но, щадя свои собственныя силы, нужныя ему для войны съ другими врагами Имперіи, онъ возвратился въ Константинополь, рѣшившись поручить продолженіе войны съ Петромъ Руссамъ. Самъ же, со всѣми военными силами Имперіи, занялся войною съ Арабами.

Во время послѣдняго мира съ Болгарами, продолжавшагося около сорока лѣтъ, Византія нѣсколько поправила свои дѣла, достигла нѣкотораго внѣшняго могущества. Въ 962 году этотъ самый Никифоръ, будучи тогда полководцемъ, успѣлъ отнять у Сарацынъ островъ Критъ, которымъ они владѣли болѣе ста лѣтъ, держа оттуда въ страхѣ всѣ острова и прибрежныя страны Архипелага⁵). Въ слѣдующемъ же году Никифоръ былъ отправленъ въ Азію противъ тамошнихъ Аравитянъ и успѣлъ взять у нихъ до 60 крѣпостей. Сдѣлавшись Императоромъ (осенью 963 г.), онъ отважился на новые походы противъ Аравитянъ, кончившіеся для него блистательнымъ успѣхомъ: весною 964 года онъ разбилъ Сарацынъ въ Каппадокіи, отнялъ у нихъ Адану, Анабарцу, Мопсуестію и нѣсколько другихъ крѣпостей; черезъ годъ, 965 году, онъ покорилъ и знаменитую крѣпость Тарсъ⁶). Но и послѣ такихъ неудачъ, постигнувшихъ Арабовъ, эти послѣдніе далеко еще не были уничтожены и рассчитывали на поправленіе своихъ дѣлъ: война съ ними все еще продолжалась и требовала напряженной бдительности, настоятельныхъ усилій со стороны Византіи. При такомъ положеніи дѣлъ на восточной и южной границахъ Имперіи Никифоръ едва ли бы рѣшился вызвать на войну и Петра, если бы война съ нимъ представлялась сколько ни будь опасной для него. Этотъ, по видимому, слишкомъ дерзкій вызовъ Императора объясняется единственно крайнимъ ослабленіемъ Петра въ слѣдствіе уже извѣстнаго намъ внутренняго раздробленія его обширной нѣкогда Державы. На слишкомъ большую слабость Петра указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что, вызвавъ его на войну, Никифоръ рѣшился поручить веденіе этой войны Руссамъ, самъ же всецѣло отдался войнѣ съ Арабами.

⁵) Филлей, *History of the Byzantine empire* 1856, I, 374—378; Паниперигопуло, тамъ же, IV, 131.

⁶) Филлей, тамъ же, I, 392; Muralt, „*Chronogr. Buzantine*“ 542.

Константинъ Багрянородный завѣщалъ своимъ преемникамъ, въ случай войны съ Болгарами, обращаться за помощію къ Печенѣгамъ⁷⁾, но Никифоръ предпочелъ Руссовъ какъ по тому, что они къ этому времени успѣли уже своимъ удалствомъ затмить Печенѣговъ⁸⁾, такъ и по тому, быть можетъ, что Русская земля была далеко, и черезъ Болгарію, казалось, не могла угрожать Византіи⁹⁾. Припомнимъ еще, что, по договору, заключенному между Византіей и Игоремъ, въ 945 г., Игорь обязался посылать, въ случаѣ надобности, на помощь Византійцамъ воевъ¹⁰⁾; обязательство это, по видимому, подтвердила и Великая Княгиня Ольга, въ 957 году, въ бытность свою въ Константинополѣ¹¹⁾.

Поднятіе Руссовъ поручено было Калокиру, сыну Херсонскаго Правителя, коему выдано было на это 1500 литръ золота (100,000 червонцевъ). Съ помощію этой суммы нетрудно было склонить Русскаго Князя, Святослава, вторгнуться въ Болгарскую землю. Земля эта не была для Святослава и его дружины какою ни будь новою, малоизвѣстною, странюю. Багрянородный пишетъ (около 950 г.), что Русскіе купцы обыкновенно ѣздили въ Константинополь черезъ Болгарію. Они спускались на своихъ лодкахъ по Днѣпру и Черному морю къ устьямъ Дуная; тутъ высаживались на берегъ и продолжали ѣхать, или ити, уже сухимъ путемъ, „черезъ Конопъ, Константию (нын. Костендже), далѣе черезъ рѣки Варну и Дицину до Месемврии. Весь этотъ путь (по словамъ Багрянороднаго) пролегаль „черезъ Болгарскую землю“¹²⁾. Русская лѣтопись рассказываетъ, что по замиреніи съ Византіею, отецъ Святослава, Игорь, подстрекалъ Печенѣговъ ити на Болгарь¹³⁾, хорошо, слѣдовательно, и ему извѣстныхъ.

Въ 967 году Святославъ спустился „по Днѣпру, Черному морю, къ устьямъ Дуная, гдѣ уже начиналась Болгарская земля; дружина его состояла изъ 10,000 душъ“¹⁴⁾. Появленіе Руссовъ

⁷⁾ „De administr. imper.“ ed Bonn., p. 71.

⁸⁾ См. Погодина: „Норманскій періодъ Русской Исторіи“. Москва, 1859, стр. 52.

⁹⁾ Гильфердингъ, тамъ же, I, 141.

¹⁰⁾ „Полное собраніе Русскихъ лѣтописей“ I, 22.

¹¹⁾ Тамъ же 26.

¹²⁾ „De admin. imper“. 79.

¹³⁾ Полн. собр. Русск. лѣтопис. 19.

¹⁴⁾ По изслѣдованію Черткова: „Описаніе войны Великаго Князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ“. Москва, 1843, стр. 157—178.

на Дунаѣ случилось такъ неожиданно для Петра, что онъ узналъ объ этихъ новыхъ врагахъ, когда корабли ихъ плыли уже по Дунаю и высматривали удобное мѣсто для высадки на берегъ. Наскоро Петръ собралъ, и выслалъ на встрѣчу Руссовъ, около 30,000 войска, но войско это было разбито и принуждено запереться въ Доростольской крѣпости¹⁵⁾. Святославъ легко занялъ нѣсколько Придунайскихъ городовъ, между коими лѣтописецъ называетъ Переяславецъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть Малую Прѣславу¹⁶⁾. Городакъ этотъ видно находился на южномъ рукавѣ Дунайской Дельты, гдѣ и теперь еще существуетъ село Прѣславъ, подлѣ котораго видны развалины стараго города, отнюдь же не на мѣстѣ нынѣшняго Руцука, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, отъ Святославовыхъ Руссовъ получилъ будто свое нынѣшнее названіе¹⁷⁾. Русская лѣтопись замѣчаетъ, что, разбивши Болгарское войско, Святославъ занялъ около 80 городовъ „по Дунаевѣ“, самъ утвердился въ Переяславцѣ, откуда управлялъ покоренной страной, получая дань и съ Грековъ. На основаніи этого свидѣтельства нѣкоторые историки заключаютъ, что Святославъ тогда еще покорилъ всю Болгарскую землю, да кромѣ того подчинилъ себѣ и нѣсколько Византійскихъ городовъ¹⁸⁾. Заключение это слишкомъ произвольно и весьма ошибочно: такъ можно было бы заключать, если бы Болгарская земля состояла только изъ Придунайскихъ областей, а мы знаемъ, что области эти составляли только одну, сравнительно небольшую, часть Болгарской земли, простиравшейся до Архипелага и Адриатическаго моря. Гильфердингъ, исправляя эту явную ошибку, утверждаетъ, что Святославомъ тогда завоевана была только Сѣверная, Придунайская, Болгарія, гдѣ, по его мнѣнію, и нужно искать упоминаемыхъ лѣтописцемъ 80 городовъ¹⁹⁾. Слѣдуетъ припомнить, однако, что Придунайская Болгарія со-

¹⁵⁾ Левъ Діаконъ, Боннск. изд. 78.

¹⁶⁾ Кедринъ (II, 425) свидѣтельствуеъ, что въ Болгаріи два города носили названіе Прѣславы: Великая Прѣслава и Малая. То же самое утверждаетъ Зонара (у Ститтера II, 628) и Анна Комнина (Русскій перев. 321, 325). Великая Прѣслава (древній Маркіянополь и Мегалополь) находилась на мѣстѣ нынѣшняго Эски-Стамбула, близъ Шумена, и была тогда столичнымъ городомъ. Малая же Прѣслава, Русскій Переяславецъ, находилась на Дунаѣ, у самой Дельты его, на югъ отъ него. О названіи же Руцука въ первые было сказано мною еще въ 1835-мъ, въ одной моей статьи. О. Б.

¹⁷⁾ Гильфердингъ, тамъ же, I, 142.

¹⁸⁾ Чертковъ, тамъ же, 213; Соловьевъ, „Исторія Россіи“ I, 150, и др.

¹⁹⁾ Тамъ же, I, 142.

стояла тогда изъ длинной полосы, простиравшейся отъ берега Чернаго моря до рѣки Колубары, текущей къ западу отъ Бѣлграда, нынѣшней столицы Сербскаго Княжества. Тутъ находилось множество крѣпкихъ твердынь, каковы, на примѣръ, Бѣлградъ, Бдинъ (Видинъ), Силистрія и т. п. Нѣкоторыя изъ нихъ были столь крѣпки, что и Византійцы, не смотря на все свое искусство въ осадномъ дѣлѣ, должны были по нѣсколькимъ мѣсяцевъ употреблять на взятіе ихъ. Такъ, на примѣръ, въ 1002 году, т. е., около 30 лѣтъ послѣ разсматриваемаго похода, Императоръ Василій Болгаробоецъ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ долженъ былъ осаждать Бдинъ²⁰⁾. А на Дунаѣ были тогда и болѣе важныя крѣпости, чѣмъ Бдинская. Еще при Борисѣ-Михаилѣ, Бѣлградъ считался важнѣйшимъ изъ Болгарскихъ городовъ и крѣпостей на Дунаѣ²¹⁾. Немыслимо, чтобы Святославъ съ своею 10,000 дружиною, явившеюся налегкѣ, могъ въ столь короткое время овладѣть 80 Придунайскими городами, между которыми находились такія неприступныя крѣпости. Мы твердо убѣждены въ исторической несостоятельности этого свидѣтельства Русской лѣтописи. У Прокопія есть извѣстіе о томъ, что Императоръ Юстиніанъ въ VI вѣкѣ воздвигъ на берегу Дуная до 80-ти укрѣпленій²²⁾. Мы не сомнѣваемся, что это свидѣтельство Прокопія какъ ни будь дошло до Русскаго лѣтописца, который изъ него позаимствовалъ свои 80 городовъ „по Дунаеву“²³⁾. Но какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что Святославъ успѣлъ въ этотъ разъ занять только часть Дунайскаго берега, именно ту часть, гдѣ находилась Малая Прѣслава. Эта прибрежная страна пока только и подвергалась опустошенію, которое въ этотъ разъ не распространялось на болѣе отдаленныя отъ берега области²⁴⁾. Столица Петра, Великая Прѣслава и ея окрестности, находившіяся недалеко отъ Дуная, въ этотъ разъ остались нетронутыми Русскимъ нашествіемъ: тутъ Петръ дѣятельно приготовлялся для изгнанія Руссовъ изъ занятыхъ ими прибрежныхъ областей.

²⁰⁾ Кедринъ II, 454.

²¹⁾ „Vita S. Clementis“, ed. Miklosich, p. 21, 22.

²²⁾ „Заселеніе Балкайскаго полуострова Славянами“, стр. 95.

²³⁾ См. „Період. Списание на Българск. Книж. Друж“. Браила 1874, кн. IX, X, 55, 56.

²⁴⁾ Свидѣтельства, на основаніи которыхъ Гильфердингъ (тамъ же, I, 144) утверждаетъ, что Руссы тогда вторгались и въ нѣкоторыя внутреннія области, относятся ко второму походу Святослава.

Не извѣстно, съ какою цѣлію Никифоръ поднялъ Святослава на Петра: думалъ ли онъ этимъ поставить послѣдняго въ затруднительное положеніе, дабы тотъ не могъ и помышлять о мести за вѣроломное нарушеніе мирнаго договора, или онъ надѣялся, съ помощію Руссовъ, покорить себѣ Царство Петра; но какъ бы то ни было, слѣдовало ожидать, что теперь, при появленіи Руссовъ въ Болгаріи, онъ протянетъ имъ руку, или, по крайней мѣрѣ, отнесется къ нимъ, какъ къ союзникамъ, а между тѣмъ мы видимъ, что онъ начинаетъ сторониться отъ нихъ, ищетъ сближенія съ Петромъ. Для объясненія этой неожиданной переменъ въ поведеніи Никифора слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Около этого времени военное счастье стало измѣнять Императору. Подручныя его владѣнія въ Южной Италіи: Беневентъ, Капуя и Салерно, отпали отъ него и перешли на сторону Императора Оттона. Около Сициліи Магометане разбили Византійскій флотъ и взяли въ плѣнъ Адмирала Никиту, въ 966, или 967, году²⁵). Военные подвиги Императора противъ Арабовъ, какъ они ни были славны, ложились тяжелымъ бременемъ на Византійскихъ гражданъ, которымъ они стоили большихъ жертвъ. Въ слѣдствіе этого въ столицѣ началъ появляться ропотъ противъ воинственнаго Императора. Ропотъ этотъ еще болѣе усилился въ слѣдствіе поведенія Императорскаго брата, Льва, который, пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ, позволялъ себѣ прибѣгать къ разнымъ вопіющимъ мѣрамъ, для утоленія своей непомѣрной алчности и корыстолюбія. Въ столицѣ вскорѣ начали обнаруживаться враждебные замыслы противъ Императора. Въ день Вознесенія, въ 967 году, когда Никифоръ возвращался съ торжества, происходившаго въ загородной церкви у Источниковъ, въ него бросали камнями изъ оконъ²⁶). Это обстоятельство, а также и разные тревожные слухи, до такой степени напугали его, что онъ, для защиты себя отъ угрожавшаго ему внутренняго мятежа, по словамъ Льва Діакона²⁷), счелъ нужнымъ оградить свой дворецъ крѣпкой стѣной. Мало того, пронесся и другой зловѣщій слухъ, что Калокиръ, коему было поручено поднятіе Святослава противъ Болгаръ, задумалъ овладѣть Византійскимъ

²⁵) Паппаригопуло, IV, 151.

²⁶) Опъ же, IV, 151.

²⁷) Перев. Попова, стр. 40.

престоломъ съ помощію Святослава, коего онъ успѣлъ склонить на свою сторону обѣщаніемъ большихъ выгодъ²⁸⁾.

Эти-то обстоятельства заставили Никифора искать сближенія съ Петромъ и возстановленія мирныхъ, только что нарушенныхъ имъ же, отношеній съ нимъ. Для достиженія этого Никифоръ отправилъ къ Петру Пословъ, Никиту Эротика и Архіепископа Филоея Евхаитскаго, съ мирными предложеніями. Посредствомъ этихъ же Пословъ онъ просилъ Царя Петра прислать въ Константинополь дѣвицъ Царскаго рода для замужества за молодыхъ сыновей Императора Романа (Василія и Константина), дабы, посредствомъ такихъ брачныхъ узъ, укрѣпились новыя дружественныя отношенія между Петромъ и Византіей. Находясь въ стѣснительномъ положеніи, въ слѣдствіе Русскаго нашествія, Петръ забылъ вѣроломный поступокъ Никифора и съ радостію встрѣтилъ его предложенія. Немедленно онъ отправилъ просимыхъ у него невѣстъ и заключилъ съ Никифоромъ миръ и тѣсный союзъ, съ цѣлію удаленія Руссовъ изъ Болгаріи²⁹⁾.

До предположенной, однако, союзной войны дѣло не дошло; ибо около этого времени, весною 968 года, Святославъ самъ оставилъ занятія имъ Болгарскія области и возвратился въ Кіевъ, куда былъ призванъ для защиты этого города отъ Печенѣговъ. Отступленіе его развязало руки Императору Никифору для войны съ Арабами въ Азіи, противъ которыхъ онъ предпринялъ походъ 22 Іюля, 968 года³⁰⁾.

Возстановленныя такимъ образомъ дружественныя отношенія между Петромъ и Византіей продолжали существовать и послѣ возвращенія Святослава въ Кіевъ. Люттирандъ, пріѣзжавшій въ Константинополь, лѣтомъ 968 года, рассказываетъ, что въ это время, именно 28 Іюня, прибылъ туда Посолъ Царя Петра, который былъ принятъ съ великимъ почетомъ³¹⁾. Отъ Кедрина мы узнаемъ, что и сыновья Петра въ это время жили при Византійскомъ Дворѣ, гдѣ и оставались до смерти своего отца³²⁾, случившейся осенью 968 г. По свидѣтельству

²⁸⁾ Тамъ же, 41—49; Кедринъ, II, 339.

²⁹⁾ Левъ Діаконъ, перев. Попова, стр. 49; Воинск. изд. 79.

³⁰⁾ Паниаригопуло IV, 151. Выступленіе Никифора въ походъ противъ Арабовъ лѣтомъ 968-го года не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Святославъ возвратился въ Кіевъ весною этого же года, а не осенью, какъ предполагалъ Гильфердингъ. Тамъ же, I, 146.

³¹⁾ „Legatio“, у Перца III, 351.

³²⁾ Левъ Діаконъ, Воинск. изд. 78.

этого же лѣтописца, очень темному, впрочемъ, видно, что сыновья Петра съ помощію Византіи только могли удержать за собою отцовскій престолъ, котораго хотѣли ихъ лишить Правители Западнаго Болгарскаго Царства³³).

Не прошло и года со времени возвращенія Святослава, какъ онъ явился снова на Дунаѣ, и явился уже съ твердымъ намѣреніемъ подчинить себѣ Болгарію и прочно утвердиться въ ней: „Нелюбо мнѣ быти въ Кіевѣ (говорилъ онъ матери и Боярамъ); я хочу жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходятся“ и пр.³⁴).

Лѣтомъ 969 года онъ уже былъ на Дунаѣ и пытался утвердиться на Болгарскомъ берегу покореніемъ Прѣславца³⁵). Молодой Царь Борисъ выслалъ противъ него большое войско, которое сильно смяло дружину Святослава. „Уже намъ сдѣ пасти (воскликнулъ онъ въ отчаяніи): „потягнемъ мужьскы, братье и дружино!“ Отчаяніе воодушевило Руссовъ и поправило ихъ дѣло: къ вечеру Святославъ одолѣлъ и взялъ городъ копьемъ. Послѣ этого онъ пустился далѣе, нѣсколько разъ встрѣчался съ Борисовымъ войскомъ, и всегда оставался побѣдителемъ. Въ непродолжительное время онъ успѣлъ подчинить себѣ всѣ почти владѣнія Бориса между Дунаемъ и Балканскими горами, взялъ и самую столицу, Великую Прѣславу, захвативъ при этомъ въ плѣнъ самого Бориса и его семейство³⁶). Оставивъ въ болѣе значительныхъ городахъ, какъ въ Силистрѣ, Плесковѣ, Диніи³⁷), въ Великой и Малой Прѣславахъ, Воеводъ, для защиты завоеванныхъ областей, онъ съ своей дружиной перешелъ, весною 970 года, черезъ Балканскія горы въ Оракійскія владѣнія Бориса. Здѣсь онъ быстро овладѣлъ Филипполемъ, изъ жителей котораго, по словамъ Льва Діакона, около 20,000 человекъ велѣлъ посадить на колъ, „и этимъ ужаснымъ поступкомъ смирилъ всѣхъ Болгаръ, которые еще сопротивлялись“³⁸). Свидѣтельство это преувеличено, конечно, но оно

³³) Кедринъ II, 346; Зонара у Стриттера II, 616.

³⁴) „Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.“ 28.

³⁵) Чертковъ (тамъ же, 190, 216) предполагаетъ, что и во время отсутствія Святослава „завоеванная Болгарія, по крайней мѣрѣ часть ея, была занята Руссами.“ Предположеніе это неосновательно; ибо, какъ мы видимъ, Святославъ снова завоевываетъ оставленныя имъ страны.

³⁶) Левъ Діаконъ, 130; Кедринъ, II, 396.

³⁷) Левъ Діаконъ, Боннск. изд. 148.

³⁸) Левъ Діаконъ, Боннск. изд. 105.

важно тѣмъ, что нѣсколько знакомить насъ со способомъ веденія войны Святославомъ³⁹⁾.

Подчинивъ себѣ Филиппопольскую область, Святославъ очутился на границѣ Византійской Имперіи: Императоръ Никифоръ, не смотря на заключенный недавно оборонительный союзъ съ Ирѣславскимъ Царемъ, не могъ оказать ему никакой помощи при этомъ второмъ вторженіи Руссовъ, такъ какъ въ это время онъ находился въ Азіи, принимая личное участіе въ войнѣ съ Аравитянами⁴⁰⁾. А вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Константинополь онъ былъ убитъ въ своемъ Дворцѣ Іоанномъ Цимисхіемъ (10-го Декабря, 969 года), который немедленно провозглашенъ былъ Императоромъ. Какъ только укрѣпился на престолѣ, Цимисхій сталъ принимать дѣятельныя мѣры къ предотвращенію опасности, угрожавшей со стороны Руссовъ, которые стояли уже на границѣ Имперіи и готовились вторгнуться и въ ея предѣлы. Цимисхій попытался сначала отдѣлаться отъ этого врага мирнымъ путемъ: дарами и ласками онъ пытался склонить Святослава отдать ему завоеванныя Болгарскія области и возвратиться благополучно во своя си. Святославъ не соглашался, и когда вздумали угрожать ему ополченіемъ противъ него всего Византійскаго войска, онъ велѣлъ сказать Императору, чтобы онъ не беспокоился выступать въ походъ противъ Руссовъ, такъ какъ они сами вскорѣ разобьютъ свой станъ передъ Византійскими воротами⁴¹⁾. Дѣло дошло до явной войны. Цимисхій немедленно выслалъ къ Тракійской границѣ Маистра Варду Склира и Патриція Петра, завоевателя Антіохіи, съ 10,000 отрядомъ, чтобы они оттуда слѣдили за движеніемъ Руссовъ.

Между тѣмъ Святославъ, усилившись Мадьярскою помощію, поднявъ и многихъ Болгаръ, которые, частію по доброй волѣ, частію по неволѣ, становились подъ его знамена⁴²⁾, вступилъ во владѣнія Имперіи и, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, достигъ до окрестностей Адриянополя. Тутъ встрѣтилъ его, высланный Цимисхіемъ, отрядъ и вступилъ въ сраженіе. Бой

³⁹⁾ Гильфердингъ, тамъ же, I, 147.

⁴⁰⁾ Финлей, тамъ же, I, 393.

⁴¹⁾ Левъ Діаконъ, В. изд. 105, 106.

⁴²⁾ Кедринъ и Зонара увѣряютъ, что, кромѣ Мадьяръ и Болгаръ, въ рядахъ Святославова войска были и Печенѣги; но Печенѣги, по весьма вѣрному замѣчанію Черткова (тамъ же, 195), прибавлены этими позднѣйшими лѣтописцами, такъ какъ о нихъ „нѣтъ и помину у Льва Діакона.“

произошелъ жаркій. Византійскіе историки, Левъ Діаконъ и Кедринъ, увѣряютъ, что Святославъ потерпѣлъ поражение, Русская же лѣтопись называетъ его побѣдителемъ. Новѣйшіе изслѣдователи также расходятся во взглядахъ на исходъ этой битвы: одни вѣрятъ Русской лѣтописи, другіе отдають предпочтеніе разсказу Византійцевъ. Мы не сомнѣваемся, что лѣтопись Русская заслуживаетъ полной достовѣрности въ этомъ случаѣ, чему надѣмся представить несомнѣнныя доказательства.

Разсказавъ объ Адринопольской битвѣ, Левъ Діаконъ сейчасъ же замѣчаетъ, что Цимисхій „приказалъ тогда Азіятскимъ войскамъ перепривиться черезъ Геллеспонтъ въ Европу, провести зиму въ Тракіи и Македоніи и готовиться къ войнѣ съ врагами“⁴³). Нѣсколько ниже онъ замѣчаетъ, что и „послѣ Адринопольской битвы Скиѣы продолжали сильно раззорять Римскія области: печальными своими набѣгами они тогда опустошили и ограбили Македонію“⁴⁴).

Свидѣтельства эти бросаютъ очень яркій свѣтъ на исходъ Адринопольской битвы; кромѣ того они объясняютъ намъ и характеръ дальнѣйшихъ движеній Руссовъ на полуостровѣ. Но, къ сожалѣнію, эти столь важныя свидѣтельства до сихъ поръ не понимались какъ должно⁴⁵): въ ошибочномъ толкованіи ихъ, какъ увидимъ, заключается одна изъ главныхъ основъ господствующаго нынѣ невѣрнаго взгляда на значеніе Святославова похода въ исторіи Болгаръ.

Подъ именемъ Македоніи, которую, по словамъ Льва Діакона, Святославъ грабилъ и разоралъ послѣ Адринопольской битвы, всѣ изслѣдователи не обинуясь разумѣли нынѣшнюю Македонію, т. е., Юго-Западную Болгарію. Понимая такъ это названіе, они заключаютъ изъ разсматриваемыхъ свидѣтельствъ, что Адринопольская битва отразила наступательное дѣйствіе Руссовъ на югъ къ Византійской столицѣ и заставила ихъ повернуть въ другую сторону, вторгнуться въ нынѣшнюю Македонію (Западную Болгарію), которую, по мнѣнію этихъ изслѣдователей, въ это именно время и покорили себѣ.

⁴³) Гониск. изд., стр. 111.

⁴⁴) Тамъ же.

⁴⁵) Изъ новѣйшихъ изслѣдователей болѣе другихъ приблизился къ правильному пониманію занимающихъ насъ свидѣтельствъ Г. Бѣловъ: „Война Великаго Князя Святослава съ Императоромъ Цимисхіемъ“, въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ 1873, Декабрь.

Въ средніе вѣка подѣ именемъ Македоніи не разумѣли нынѣшней Македоніи; не ея разумѣлъ и Левъ Діаконъ въ разсматриваемыхъ свидѣтельствахъ. Византійскій географъ, Эрмагоръ (VII вѣка) называетъ нынѣшніе Оракійскіе города Родосто и Филиппополь Македонскими городами. Георгій Монахъ (X вѣка) говоритъ, что Адрианоуполь находился въ Македоніи⁴⁶). Іоаннъ Киннамъ говоритъ, что и Верея (Желѣзникъ) находилась въ Македоніи⁴⁷). Никита Хоніятъ рассказываетъ, что Императоръ Алексѣй Комнинъ называлъ своего зятя, Бріенія, Македонцемъ, по тому что тотъ былъ родомъ изъ Адрианополя (Орестіяды), самаго хорошаго и самаго важнаго города Македоніи⁴⁸). Всѣ эти свидѣтельства съ неопровержимой силой доказываютъ, что у Византійцевъ подѣ именемъ Македоніи разумѣлись Византійскія владѣнія въ нынѣшней Оракіи, именно въ окрестностяхъ Адрианополя, который считался главнымъ городомъ Македонской темы⁴⁹). Южною своею границею она огибала окрестности столицы, которыя тогда назывались Оракіей⁵⁰). Такъ понималъ это имя и Левъ Діаконъ, доказательствомъ чего служить то обстоятельство, между прочимъ, что онъ называетъ Македонію Римскою областію⁵¹), тогда какъ нынѣшняя Македонія, юго-западная Болгарія, не была тогда Римскою областію и пользовалась, какъ отчасти уже замѣчено, и какъ увидимъ ниже, полною политическою самостоятельностью⁵²).

Изъ этого становится очень явственнымъ то, что раззоренія, которыя Руссы дѣлали въ Македоніи, происходили собственно въ окрестностяхъ Адрианополя, который считался главнымъ городомъ Византійской Македоніи. Не было, слѣдовательно, никакой перемѣны въ направленіи наступательнаго движенія Святослава на Византію. Адрианоупольская битва, значитъ, была выиграна Святославомъ, по крайней мѣрѣ не имѣла никакого вліянія на ходъ наступательнаго движенія Русскаго войска,

⁴⁶) Іоаннъ Киннамъ, Русскій перев., стр. 6, 7.

⁴⁷) Tafel, „Constantinus Porphyrogenitus,“ Tübing. 1846, p. XV, XVII.

⁴⁸) Никита Хоніятъ, Русскій перев. I, 7.

⁴⁹) Рамбо, тамъ же, 145, 191, 224. Итальянецъ Къяромани, путешествовавшій въ 1659 г. по Балканскому полуострову, называетъ Филиппополь главнымъ городомъ Македоніи. Макушевъ, „Историческіе памятн. Южныхъ Славянъ.“

⁵⁰) Граница Византійской Оракіи проходила недалеко отъ Авастасіевой стѣны. Рамбо, тамъ же, 191.

⁵¹) Сравни. Гфререра, тамъ же, II, 632.

⁵²) См. выше въ 4-ой главѣ наши замѣчанія о границѣ Болгарскаго Царства.—По этому-то Василій Македонянинъ, родившійся въ окрестностяхъ Адрианополя, назывался Македоняниномъ или Македонцемъ. О. Б.

которое и послѣ этого сраженія продолжаетъ бушевать въ Адрианопольской области и начало даже угрожать Оракіи, т. е., окрестностямъ столицы. Понятно послѣ этого, по чему Цимисхій, сейчасъ послѣ Адрианопольскаго сраженія, приказалъ Азіятскимъ войскамъ немедленно переправиться въ Европу и расположиться во Оракіи (въ окрестностяхъ столицы) и Македоніи (Адрианопольской области). Это приказаніе могло быть вызвано единственно усиленіемъ Русскаго хозяйничанья. Но распоряженіе Цимисхія оказалось неудобноисполнимымъ: ибо около этого времени въ Азіи вспыхнуло опасное для его власти возстаніе сына Льва Курополаты, Варды Фоки, въ виду котораго переправленіе Азіятскихъ войскъ въ Европу сдѣлалось не возможнымъ⁵³⁾. Святославъ, не встрѣчая особенной помѣхи, по весьма вѣрному и согласному съ показаніемъ Льва Діакона выраженію Русской лѣтописи, „пойде ко граду (Константинополю), воюя и города разбивая . . . за маломъ бѣ не дошелъ Царяграда“⁵⁴⁾. Дѣло принимало для Византіи весьма опасный оборотъ: Цимисхій отправилъ къ Святославу множество даровъ, изъявилъ готовность обязаться ему данью и просилъ мира. Святославъ, по видимому, и самъ былъ утомленъ слишкомъ своими побѣдами и принялъ предложеніе: заключенъ былъ мирный договоръ, по которому Византія обязалась платить дань не только всѣмъ наличнымъ дружинникамъ Святослава, но и убитымъ во время войны: дань на послѣднихъ шла въ пользу ихъ родственниковъ. При заключеніи мира Святославъ получилъ множество даровъ, послѣ чего возвратился въ Переяславецъ съ похвалою великою⁵⁵⁾.

Но Цимисхій не думалъ мириться съ Святославомъ: только что заключенный миръ съ его стороны былъ просто хитростію, съ помощію которой онъ надѣялся удалить Руссовъ изъ предѣловъ Имперіи, усыпить ихъ, дабы имѣть возможность лучше приготовиться къ ихъ гибели, которую онъ уже рѣшилъ въ своемъ умѣ⁵⁶⁾. Какъ только удалился Святославъ, Цимисхій сталъ готовиться къ новому рѣшительному походу, который былъ предпринятъ весною 971 года.

Флотъ изъ 300 огненосныхъ кораблей отправленъ къ берегамъ Дуная съ тѣмъ, чтобы загородить Русскимъ путь къ

⁵³⁾ Паппаригопуло IV, 204, 205.

⁵⁴⁾ П. С. Р. Л. 30.

⁵⁵⁾ Тамъ же.

⁵⁶⁾ Чертковъ, тамъ же, 51.

отступленію и дѣйствовать противъ нихъ съ тыла, съ сѣверной стороны. Самъ же Цимисхій, со всеми сухопутными силами Имперіи, двинулся черезъ Адрианополь къ Балканскимъ горамъ. Клісуры, т. е., ущелья, ведущія черезъ эти горы, не были охраняемы Руссами, что, по весьма основательному соображенію Черткова, служитъ разительнымъ доказательствомъ того, что Руссы, усиленные недавнимъ миромъ съ Византійцами, ни какъ не ожидали нападенія со стороны ихъ. Руссы узнали о вѣроломномъ поступкѣ Цимисхія только тогда, когда Греческое войско, пройдя благополучно горныя тѣснины, устремилось густыми фалангами на Прѣславу, лежавшую у сѣверныхъ подошвъ Балкана. Въ Прѣславѣ находился тогда одинъ изъ лучшихъ Воеводъ Святослава, Сфенкель (Свѣнелдъ)⁵⁷⁾, съ небольшою, по видимому, дружиной (въ которой были также и Болгары). Неожиданное появленіе огромнаго Византійскаго войска подъ стѣнами Прѣславы повергло Сфенкеля въ большой ужасъ. Наскоро онъ собралъ свою дружину и встрѣтился съ врагомъ передъ стѣнами города. Но не выдержалъ стремительнаго напора, и заперся въ городѣ. Городъ этотъ, древняя столица Болгарскаго Царства, былъ обведенъ крѣпкой стѣной столь широкой, что за зубцами ея могли помѣщаться ряды войска и отражать оттуда приступы враговъ⁵⁸⁾. Не смотря на это, Цимисхій успѣлъ взять его въ однѣ сутки, въ Великую Пятницу. Левъ Діаконъ рассказываетъ, что успѣхъ этотъ достигнуть былъ цѣною большихъ усилій со стороны Грековъ; но едва ли не слѣдуетъ предполагать тутъ и содѣйствіе со стороны жителей этого города, тяжело переносившихъ Русское иго. Это предположеніе оправдывается до нѣкоторой степени и одною изъ миниатюръ Ватиканскаго Манассіи, копія съ которой находится у насъ: на этой миниатюрѣ изображено, что жители Прѣславскіе сами отворили городскія ворота и встрѣтили Цимисхія съ дарами. Въ серединѣ города находилась другая, внутренняя, крѣпость, окреплявшая дворецъ. Туда, въ эту крѣпость, устремилась дружина Сфенкеля, когда Цимисхій вошелъ въ городъ, и заперлась въ ней. Цимисхій устремился и на эту крѣпость, но, не смотря ни на какія усилія, не могъ проникнуть въ нее. Тогда онъ далъ приказаніе своимъ войскамъ обступить ее со всехъ сторонъ и бросать огонь на дво-

⁵⁷⁾ Бѣловъ, тамъ же, стр. 179, 180.

⁵⁸⁾ Левъ Діаконъ, Болгарское изд. 135—138.

рець и на другія здашія, находившіяся внутри ея. Поднялся сильный пожаръ, заставившій Сфенкеля вывести свои войска и вступить въ новую битву. Въ этой отчаянной битвѣ истреблено было все почти Русское войско: только весьма немногіе, вмѣстѣ съ Сфенкелемъ, ушли отъ гибели; они убѣжали въ Доростоль (Силистру), гдѣ находился Святославъ.

Въ Прѣславѣ Цимисхій нашелъ Царя Бориса, томившагося въ плѣну у Руссовъ, вмѣстѣ съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми. Онъ принялъ его съ честію, обошелся съ нимъ, какъ съ Государемъ, сказавъ, что „пришелъ наказать Скиѳовъ за нанесенныя ими обиды Болгарамъ“⁵⁹⁾. Проведши въ Прѣславѣ только одинъ день, первый день Пасхи, Цимисхій немедленно двинулся оттуда къ Силистрѣ, гдѣ находился Святославъ съ главной Русской ратью. Области и города, которые дотолѣ страхъ удерживалъ во власти Руссовъ, теперь, когда дѣла послѣднихъ пошли плохо, спѣшили отложиться отъ нихъ и переходили на сторону Цимисхія, который придавалъ своему походу видъ войны за освобожденіе Болгаръ отъ Русскаго ига. По словамъ лѣтописца, онъ объявилъ Болгарамъ, что „Римляне вступили въ ихъ страну не для порабощенія Болгаръ, а для освобожденія ихъ отъ ига Руссовъ“⁶⁰⁾. Во время его перехода изъ Прѣславы къ Силистрѣ, ему подчинились Плесковъ, Динія, Константія, и многія другіе города⁶¹⁾. Цимисхій хорошо относился къ Болгарскому населенію, не позволяя своимъ войскамъ никакихъ неблаговидныхъ поступковъ. Родственникъ его, знаменитый Іоаннъ Куркуа, дозволилъ себѣ ограбить нѣсколько Болгарскихъ церквей и присвоить принадлежавшія имъ священные одежды и сосуды; въ послѣдствіи онъ былъ убитъ Руссами, и Византійскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что этимъ покаралъ его Господь за совершенное святотатство въ Болгаріи⁶²⁾. И въ окрестностяхъ Силистры Болгаре ожидали прибытія Цимисхія, чтобы добровольно подчиниться ему и сложить съ себя иго Руссовъ. Чтобы предотвратить эту опасность, Святославъ призвалъ къ себѣ болѣе знатныхъ и вліятельныхъ тамошнихъ Болгаръ, изъ коихъ 300 предалъ казни, а многихъ бросилъ

⁵⁹⁾ Онь же, тамъ же, 130; Кедринъ, II, 396.

⁶⁰⁾ Кедринъ II, 396.

⁶¹⁾ Левъ Діаконъ, Боннское изд. 138, 139. О Константіи, нынѣшнемъ Кюстенджѣ, упоминаетъ только Кедринъ.

⁶²⁾ Левъ Діаконъ, Бонн. изд. 148.

въ темницу⁶³⁾. Последней участи, по словамъ Кедрина, подвергнуто до 20,000 Болгаръ⁶⁴⁾.

22-го Апрѣля Цимисхій приблизился къ Силистру, гдѣ Святославъ, покинутый вспомогательными отрядами Мадырь и Болгаръ, дожидался его только съ остатками дружины. Передъ стѣнами города онъ мужественно встрѣтилъ Византійцевъ, цѣлый день храбро отражалъ ихъ нападеніе, но когда къ ночи уже на крайне изнуренныхъ продолжительнымъ сраженіемъ Руссовъ устремилась вся Византійская конница, они не выдержали ея натиска и отступили въ городъ, который немедленно былъ осажденъ. Цѣлыхъ три мѣсяца продолжалась эта осада, которую Византійцы вели не только сухонутными своими силами, но и флотомъ, со стороны Дуная⁶⁵⁾. Осажденные выказали въ это время чудеса храбрости, но доведенные до крайности, они рѣшились наконецъ вступить въ переговоры, которые привели къ заключенію слѣдующаго договора:

Руссы сдаютъ Доростолъ (Силистру) и всѣхъ плѣнныхъ, возвращаются во своя си и обязуются впредь не воевать противъ Византійской Имперіи. Цимисхій же обязуется не препятствовать возвращенію ихъ Дунаемъ на родину, и снабдить ихъ съѣстными припасами⁶⁶⁾.

Такъ кончилась Русско-Византійская война. Мы видѣли выше, что Цимисхій, во время продолженія войны, увѣрялъ Болгаръ въ томъ, что онъ не думаетъ удерживать ихъ въ своей власти, а что хлопочетъ единственно объ удаленіи изъ ихъ родины врага, опаснаго и для Византійскихъ владѣній. Последствія, однако, показали, что эти увѣренія Цимисхія не были искренни. По окончаніи войны онъ объявилъ занятія имъ Болгарскія области Византійскими владѣніями, поставилъ надъ ними Византійскихъ Правителей, снабдилъ войскомъ, необходимымъ для удержанія ихъ въ покорности⁶⁷⁾. Великую Прѣславу онъ переименовалъ по своему имени въ Іоаннополь, Силистру же въ Θεодорополь, по имени Св. Θεодора Стратилата, который помагалъ Византійцамъ при осадѣ этого города. Не довольствуясь политическимъ подчиненіемъ этихъ областей, онъ уничтожилъ и ихъ церковную самостоятельность, какъ увидимъ

⁶³⁾ Онъ же, тамъ же, 139; Кедринъ II, 397, 398.

⁶⁴⁾ II, 400.

⁶⁵⁾ Гильфердингъ, тамъ же I, 152—154; Бѣловъ, тамъ же, 181—192.

⁶⁶⁾ Левъ Діаконъ, Русск. перев. 96.

⁶⁷⁾ Кедринъ II, 401.

ниже. По совершении этихъ дѣлъ онъ сейчасъ направился къ своей столицѣ⁶⁸⁾, взявъ съ собою Бориса, его жену, двухъ дѣтей (по всей вѣроятности, дочерей⁶⁹⁾) и его брата, Романа, словомъ, всѣхъ членовъ древней Болгарской династии.

Правильное пониманіе имѣющихся историческихъ свидѣтельствъ о Русско-Византійской войнѣ представляетъ намъ ходъ войны въ слѣдующемъ видѣ: Завоевательное движеніе Руссовъ, начавшееся съ берега Дуная, съ той части его, гдѣ находится Силистра и развалины Малой Преславы (с. Прѣславъ), шло на югъ, по направленію къ Византійской столицѣ, по прямой почти чертѣ: утвердившись въ помянутой части Дунайскаго берега, Руссы вторгнулись въ Прѣславскую область, завоеваніемъ которой распространили свою власть до Балканскихъ горъ. Немедленно послѣ этого они перешли Балканы, покорили себѣ Филиппопольскую область, откуда уже вошли въ предѣлы Имперіи и, держась все того же направленія на югъ, достигли окрестностей столицы. Тутъ они заключили миръ съ Византійцами и отступили, по тому же пути, въ завоеванные уже ими Болгарскія области. Начинается наступательное движеніе Византійцевъ, которое тоже совершается по этому же самому пути: чрезъ Адрианополь и Филиппопольскую область Цимисхій спѣшитъ къ Прѣславу, откуда, по кратчайшему пути, отправляется къ Силистрѣ на Дунаѣ: тутъ кончается походъ Цимисхія, который поспѣшилъ въ столицу праздновать благополучный исходъ своего предпріятія.

Итакъ, только Силистрійская, Мало-Прѣславская, Прѣславская, Филиппопольская и нѣсколько другихъ сосѣднихъ съ ними областей подвергались Русскому завоеванію, и были затѣмъ подчинены Цимисхіемъ Византійской Имперіи. Это тѣ области, которыя остались вѣрными Царю Петру въ то время, какъ другія отложились отъ него и составили особенное по-

⁶⁸⁾ См. описаніе торжественнаго его вѣззда въ столицу у Льва Діакона, Бонн. изд. 158; у Кедрина II, 435.

⁶⁹⁾ Если правда, что Анна, супруга Владимира Святого, не сестра Византійскихъ Императоровъ, Василія и Константина, а Болгарская Царевна, то надобно думать, что она дочь Бориса II, а не Петра, какъ утверждаетъ П. А. Лавровскій („Объ Якимовск. лѣтописи“, 71—72). У Петра, умершаго въ 968 г. и въ преклонныхъ уже лѣтахъ, не могло быть въ 988 г. молодой дочери, которая бы годилась въ невѣсты Владимиру; въ 988 г. первой молодости могли быть внушки Петра, дочери Бориса, привезенныя Цимисхіемъ въ Константинополь въ 971 г.

литическое цѣлое подѣ управленіемъ Шишмана и его рода⁷⁰⁾. Другими словами, только Восточное Болгарское Царство, въ которомъ царствовала древняя династія, было покорено въ это время, съ начала Руссами, а потомъ Византіяцами. Что же касается Западнаго Болгарскаго Царства, то оно осталось нетронутымъ, какъ со стороны Руссовъ, такъ и со стороны Византійцевъ: эта половина Болгарской земли тогда удержала свою политическую самостоятельность.

При такомъ объясненіи Русско-Византійской войны въ Болгаріи дѣлаются совершенно понятными неизмѣримые, при существующемъ взглядѣ на это дѣло, успѣхи Святослава и Цимисхія: и тотъ и другой имѣли дѣло только съ одной половиной Болгарской земли, другая же половина осталась въ сторонѣ.

Что Русско-Византійская война коснулась только восточныхъ Болгарскихъ областей, но не западныхъ, это можно подтвердить еще нѣсколькими доказательствами. Мы уже замѣтили, что Цимисхій, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ политической самостоятельности отнятыхъ у Святослава Болгарскихъ областей, уничтожилъ и церковную ихъ самостоятельность. Съ этою цѣлію онъ низложилъ тогдашняго Болгарскаго Патріярха, престолъ коего въ то время находился въ Доростолѣ, и объявилъ захваченныя имъ Болгарскія Епархіи подчиненными непосредственной власти Константинопольскаго Патріярха⁷¹⁾. Но, временно съ этимъ распоряженіемъ Цимисхія, мы видимъ, что въ Западной Болгаріи воздвигается новый Патріяршій престолъ, который сначала появляется въ Софіи, за тѣмъ нѣкоторое время странствуетъ по важнѣйшимъ городамъ Западно-Болгарскимъ: Водену, Моглену, Прѣспѣ (гдѣ находился около 980 года), и наконецъ, на нѣсколько столѣтій уже утверждается въ Охридѣ. Объ этомъ, странствующемъ по Западной Болгаріи, Патріяршемъ престолѣ узнаемъ мы изъ одного достовѣрнаго Византійскаго источника, въ коемъ прямо говорится, что въ

⁷⁰⁾ Слѣдуетъ указать еще, что, по окончаніи войны, Цимисхій заботился объ упроченіи Византійской власти только въ этихъ областяхъ. По разсказамъ лѣтописцевъ, онъ оставилъ стражу только въ Силистрѣ и въ другихъ Придунайскихъ городахъ (Левъ Діаконъ, Бонн. изд. 158; Кедринъ у Стриттера II, 621). По возвращеніи въ Константинополь онъ переселилъ Павликіянъ въ Филиппопольскую область, обязавъ ихъ защищать ее отъ враговъ (Гильфердингъ I, 227); чтобы онъ предпринималъ такіа же мѣры и относительно Западной Болгаріи, объ этомъ лѣтописцы не говорятъ ни слова.

⁷¹⁾ Объ этомъ говоритъ одно Греческое свидѣтельство, находящееся въ Дюканжевомъ Каталогѣ Болгарскихъ Архіепископовъ. См. „Исторически прегледъ на Българск. Църква“, 30, 34.

Софiи этотъ престолъ появился непосредственно послѣ низверженiя Цимисхиємъ древняго Патріаршаго престола въ Доростолѣ⁷²⁾. Изъ этого явствуетъ, что Доростольскій Патріархъ, послѣ насильственнаго низложенiя его Цимисхиємъ, искалъ убѣжища въ Западной Болгаріи, гдѣ и воздвигъ себѣ новый престолъ, сначала въ Софiи. Быть можетъ и другимъ способомъ произошло это перенесеніе Патріаршаго престола изъ Восточной Болгаріи въ Западную, если предположить, что Патріархъ, низложенный Цимисхиємъ, не могъ избѣжать его рукъ. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что Архіереи Западно-Болгарскихъ Епархій, узнавъ о насильственномъ уничтоженіи Патріархiи въ Доростолѣ, и не желая подчиниться распоряженіямъ Цимисхiа о подчиненіи Болгарскихъ Епархій Константинопольскому Патріарху, соборнѣ, по древнему обычаю, выбрали себѣ новаго Патріарха, какъ преемника насильственно низложеннаго Цимисхиємъ Доростольскаго Патріарха. Но такъ, или иначе, былъ перенесенъ тогда Болгарскій Патріаршій престолъ изъ Восточной Болгаріи въ Западную, это не такъ важно для цѣли нашего изслѣдованiя. Важно то, что перенесеніе это могло совершиться; а оно было возможно единственно по тому, что распоряженiя Цимисхiа не имѣли никакой силы въ Западной Болгаріи, которая, слѣдовательно, не подчинялась его власти.

Другое подтвержденіе защищаемаго нами взгляда мы находимъ въ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ лѣтописцевъ того времени. Въ Мартѣ 973 года къ Императору Оттону I, находившемуся тогда въ Кведлинбургѣ, приходили Послы отъ разныхъ народовъ, между которыми были и Болгарскіе Послы⁷³⁾. Спрашивается, откуда могли взяться эти Болгарскіе Послы въ 973 году, если бы Цимисхiй, въ 971 г., покорилъ всю Болгарскую землю? Свидѣтельства эти показываютъ, что, кромѣ покоренныхъ Цимисхиємъ Болгарскихъ областей, оставались еще и другія области, которыя составляли особенное политическое цѣлое, посылавшее Пословъ въ 973 г. къ Императору Оттону. Это, безъ сомнѣнiя, и было Западно-Болгарское Государство.

Наконецъ нашъ взглядъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ знаменитомъ движеніи, начавшемся въ Болгаріи въ

⁷²⁾ Вторая грамота Василя II, у Голубинскаго, тамъ же, стр. 261. Срав. и „Периодическо спис. на Българ. книж. Дружество“, кн. 7, 8, стр. 21. и слѣд.

⁷³⁾ Перцъ III, 62, 65.

976 году, т. е., около пяти лѣтъ послѣ Цимисхіева похода; въ то же самое время взглядъ этотъ объясняетъ и истинный характеръ этого движенія, до сихъ поръ недостаточно еще выясненнаго или невѣрно понимаемаго. Въ виду послѣдняго обстоятельства мы находимъ нужнымъ остановиться подробнѣе на этомъ движеніи.

Византійскіе историки рассказываютъ, что какъ только Цимисхій умеръ, въ 976 г., Болгаре возстали и начали дѣлать нападенія на Византійскія владѣнія⁷⁴). Движеніе это началось въ 976 году, а около 980 года, т. е., три, четыре, года спустя, мы находимъ во власти Болгаръ и такія Византійскія области, на которыя власть ихъ дотолѣ никогда не простиралась, именно Тессалію и Елладу (среднюю Грецію). Около 980 г. многочисленная рать Болгарская уже пытается проникнуть черезъ Коринѣскій перешеекъ въ Пелопоннись. Во главѣ этой рати стоялъ уже Самуилъ. Этотъ воинственный человекъ, говоритъ Кедринъ, не знавшій никогда отдыха, своими нападеніями раззорилъ весь Западъ (Византійскія владѣнія на Балканскомъ полуостровѣ), не только Тракію, Македонію и окрестности Солуны, но и Тессалію, Елладу и Пелопоннись⁷⁵). О стремленіи Самуила проникнуть около 980 г. изъ Аттики въ Пелопоннись мы имѣемъ и другое весьма любопытное свидѣтельство въ Житіи Св. Никона, жившаго въ это время въ Спартѣ. Изъ этого свидѣтельства узнаемъ, что тогдашній Пелопоннискій Стратигъ, Василій Апокавъ, услыхавъ о приближеніи Болгаръ къ Коринѣскому перешейку, поспѣшилъ съ своимъ войскомъ перерѣзать имъ дорогу черезъ этотъ перешеекъ. Но здѣсь, частію въ слѣдствіе сильнаго испуга, частію въ слѣдствіе постигшей его болѣзни, онъ растерялся, не зналъ что дѣлать. Находясь въ полномъ отчаяніи, онъ вызвалъ къ себѣ изъ Спарты Св. Никона, чтобы тотъ утѣшалъ его тѣлесною и душевною немоцью. Св. Никонъ немедленно явился къ нему, и не только вылѣчилъ его отъ тѣлеснаго недуга, но еще и освободилъ отъ объявшаго его ужаса, привезши съ собою радостную вѣсть о томъ, что главная сила Болгаръ отступила на сѣверъ⁷⁶). Слѣдуетъ припомнить, что прежде нежели проникнуть такъ далеко на югъ, до Коринѣскаго перешейка, Болгарское войско,

⁷⁴) Кедринъ II, 434. См. у Стриттера II, 621.

⁷⁵) Тамъ же, 436.

⁷⁶) У Миня, тамъ же, сар. XIII.

по словамъ лѣтописца, взяло много Византійскихъ крѣпостей, между которыми самая главная была Лариса, главный городъ Ѳессаліи⁷⁷⁾. Оттуда Самуиль взялъ мощи Св. Ахилла и перенесъ ихъ въ Прѣспу, гдѣ находилась тогда его столица. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ упоминаетъ о другой большой Византійской крѣпости, именно о Сересѣ, главномъ городѣ Стримонской темы, который Болгаре пытались взять еще до вторженія ихъ въ Елладу⁷⁸⁾. Лариса и Сересъ, этѣ двѣ сильныя Византійскія крѣпости, еще при Симеонѣ и Петрѣ находились недалеко отъ Болгарской границы и защищали Стримонскую и Ѳессалонійскую темы отъ Болгаръ.

Весьма основательно разсуждаетъ почтенный Новогреческій историкъ, Паппаригопуло, что въ началѣ 981 года Самуиль былъ вынужденъ оставить Пелопоннись, въ слѣдствіе полученнаго имъ извѣстія о намѣреніи Императора Василия II вторгнуться въ предѣлы его Державы со стороны сѣверо-западной Ѳракіи⁷⁹⁾. И въ самомъ дѣлѣ мы увидимъ, что около этого времени Василій съ огромнымъ войскомъ отправляется въ Филиппополь, оттуда, черезъ Кызы-Дербентскія и Капуджи-Дербентскія тѣснины проникаетъ въ Ихтиманское поле и приближается къ Софіи, которую немедленно и принялся осаждать. Но городъ этотъ оказался такъ хорошо укрѣпленнымъ, что Византійцы не могли ему сдѣлать ничего, не смотря на то, что осаждали его болѣе 20-ти дней, употребивъ въ дѣло всѣ средства своего осаднаго искусства. Отчаявшись въ успѣхѣ начатой осады, и чувствуя себя въ большой опасности, Василій рѣшился ити назадъ, по той же дорогѣ. При отступленіи, однако, около Капуджи-Дербента его настигла Болгарская рать, уничтожила всю его конницу, перебила и множество пѣшаго войска. Самъ Императоръ едва избѣжалъ плѣна, оставивъ побѣдителямъ свой наметъ и Императорскія принадлежности (регалии). Въ этой кровавой сѣчѣ, происходившей въ 981 году, дѣйствіями Болгарскаго войска распоряжался самъ Самуиль⁸⁰⁾.

Вотъ какія дѣла происходили въ Западной Болгаріи въ 980 и 981 году, т. е., четыре, пять, лѣтъ по смерти Цимисхія. Историки, не сомнѣвающіеся въ томъ, что Цимисхій покорилъ

⁷⁷⁾ Кедринъ II, 436.

⁷⁸⁾ Тамъ же 435.

⁷⁹⁾ Паппаригопуло IV, 234.

⁸⁰⁾ Подробное описаніе этого похода у Гильфердинга, тамъ же I, 207, и Рачкаго „Rad jugosl. ак.“ XXIV, 110. 112.

всю Болгарскую землю, смотреть на описанное нами движеніе Болгаръ, какъ на войну за освобожденіе отъ Византійскаго ига, другими словами, какъ на возстаніе, начатое Болгарами съ цѣлію освобожденія отъ наложеннаго на нихъ Цимисхіемъ ига. При такомъ взглядѣ на это дѣло остается непонятнымъ то, по чему, въ самомъ началѣ возстанія, мы находимъ, такъ сказать, возстанцевъ въ Θεσσαλίи, въ странахъ, никогда не принадлежавшихъ Болгарамъ. Въ этомъ взглядѣ весьма явственно сказываются и другія болѣе крупныя странности: выходитъ, что въ три, четыре, года Болгаре успѣли освободить не только всю Западную Болгарскую землю, но успѣли еще въ столь короткое время воздвигнуть и такія сильныя крѣпости, какою въ 981 г. мы видимъ Софію; успѣли возстановить политическій и гражданскій порядокъ, создать хорошо обученныя войска, которыя въ это же короткое время перешагнули прежнюю границу Болгарскаго Царства, взяли всѣ пограничныя Византійскія крѣпости, въ родѣ Ларисы, подчинили себѣ Θεσσαλίю и Елладу до самаго Коринѣскаго перешейка. Едва ли нужно доказывать, что совершеніе такихъ дѣлъ въ три, четыре, года возставшими есть нѣчто безпримѣрное въ исторіи, нѣчто, которое можетъ быть отнесено только къ области чудеснаго, басенъ. Слишкомъ явныя несообразности, проистекающія изъ взгляда на занимающее насъ здѣсь движеніе, какъ на движеніе возстанцевъ, не могли остаться не замѣченными и для самихъ приверженцевъ этого взгляда. Для объясненія этихъ несообразностей придуманы ими разныя предположенія, которыя, однако, не выдерживаютъ никакой повѣрки.

Г. Рачкій указываетъ на гражданскую войну, вспыхнувшую въ Византійской Имперіи по смерти Цимисхія и около пяти лѣтъ бушевавшую въ Азіи съ 976 по 980 г., и говоритъ: „Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ какъ Правительство, такъ и общественное мнѣніе Византіи были такъ заняты дѣлами, происходившими въ Азіи, что ни первое (Правительство) не было въ состояніи принять какія ни будь дѣятельныя мѣры для подавленія Болгарскаго возстанія, ни второе (общественное мнѣніе) не могло замѣтить развитія этого возстанія. Только этимъ способомъ, т. е., принявъ во вниманіе то обстоятельство, что Византія принуждена была въ это время перевести всѣ свои войска въ Азію, можно объяснить себѣ успѣхъ Болгар-

скаго возстанія⁸¹⁾. Но при описаніи Болгарскаго движенія мы имѣли уже случай убѣдиться, что въ Сересѣ, Ларисѣ и Коринѣ находились Византійскіе гарнизоны, которые были довольно многочисленны. А если ихъ было въ этихъ древнихъ Византійскихъ крѣпостяхъ, то тѣмъ болѣе должно было имъ быть только что въ завоеванныхъ Цимисхіемъ Болгарскихъ областяхъ. Этого требовалъ и здравый разумъ и политика Византіи. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ Доростолѣ, на примѣръ, о которомъ навѣрное извѣстно, что былъ завоеванъ Цимисхіемъ, въ это время находился столь сильный гарнизонъ, что Самуиль не могъ взять этотъ городъ⁸²⁾. Онъ не могъ взять и Филиппополь, а также и приморскіе города: Варну, Месемврию и Анхіаль, о которыхъ также извѣстно, что были завоеваны Цимисхіемъ. Во всѣхъ этихъ городахъ находились очень многочисленные гарнизоны. Гильфердингъ, не отрицающій присутствія Византійскихъ гарнизоновъ во всѣхъ главнѣйшихъ Болгарскихъ городахъ, завоеванныхъ Цимисхіемъ, предлагаетъ другое объясненіе неимовѣрнаго успѣха Болгарскаго движенія. „Куда дѣвались (спрашиваетъ онъ) Греческіе гарнизоны, оставленные Цимисхіемъ въ Болгаріи? Объ нихъ больше не говорится. Вѣроятно, они частью были перерѣзаны, или ушли, частью же, сдавшись Болгарамъ, были приняты въ ряды ихъ войска“⁸³⁾. Но и это предположеніе лишено всякаго основанія: если бы были перерѣзаны столь многіе гарнизоны Византійскіе, или если бы они измѣнили своему Правительству и перешли на сторону Болгаръ, то это не осталось бы не замѣченнымъ Византійскими лѣтописцами. Едва ли нужно, кромѣ того, указывать на невозможность такой поголовной рѣзни и такой эпидимической измѣны, какія предполагаетъ объясненіе Гильфердинга. Нашимъ мнѣніемъ легко устраняются всѣ эти предположенія, а главное необходимость въ оныхъ. Мы не сомнѣваемся, что занимающее насъ движеніе было начато Западно-Болгарскимъ Государствомъ, существованія котораго не подозрѣвали доселѣшніе изслѣдователи и которое пережило завоеваніе Восточной Болгаріи Цимисхіемъ. До смерти Цимисхія Государство это избѣгало всякихъ враждебныхъ столкновеній съ Византією, частью въ слѣдствіе слишкомъ большаго усиленія послѣдней,

⁸¹⁾ „Rad jugosl akad“. XXIV, 92.

⁸²⁾ Кедринъ II, 465; Гильфердингъ I, 165—193.

⁸³⁾ Гильфердингъ I, 197.

частью въ слѣдствіе того, что оно было слишкомъ занято своими внутренними дѣлами. И только когда, по смерти этого Императора, въ Византійской Имперіи вспыхнула гражданская война, оно поспѣшило воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы распространить свою власть на счетъ Византіи. Правители этого Государства, по видимому, располагали большими военными силами, да при томъ и ихъ предпріятіе встрѣтило большое сочувствіе среди единоплеменнаго населенія Византійскихъ областей⁸⁴). Эти обстоятельства съ одной стороны, а съ другой гражданская война Имперіи, были причиною того, что въ три, четыре, года они могли освободить большую часть покоренныхъ Цимисхіемъ Болгарскихъ областей и, кромѣ того, могли еще отнять у Византіи и нѣсколько другихъ областей, которыя до толѣ никогда не находились подъ властію Болгаръ. Вотъ по нашему мнѣнію настоящій характеръ движенія, начавшагося въ 976 году въ Болгаріи: это не бунтъ, не возстаніе какихъ ни будь покоренныхъ Цимисхіемъ областей, а правильная война, начатая оставшеюся независимой Западною Болгаріею. Таковымъ въ самомъ дѣлѣ представляется это движеніе и у Византійскихъ лѣтописцевъ, если вникнуть съ большимъ вниманіемъ въ ихъ рассказы.

Намъ остается теперь предложить нѣсколько замѣчаній объ исторіи этого Западно-Болгарскаго Царства со времени основанія его и до начала начатой имъ войны съ Византіею въ 976 году.

Какъ было уже замѣчено, оно основано еще при жизни Царя Петра, во время великаго возстанія, вспыхнуващаго весною, или лѣтомъ, 963 года. Во главѣ этого возстанія находился извѣстный уже Шишманъ, который и былъ провозглашенъ Правителемъ областей, отложившихся отъ Петра. Какъ Правитель ихъ, Шишманъ принялъ Царскій титулъ, какъ свидѣлствуютъ приведенные выше историческіе памятники, именно Грамота Пенчо и Зографскій Помянникъ⁸⁵). Какъ долго продолжалось царствованіе Шишмана, навѣрное нельзя сказать. Изъ приведеннаго выше свидѣтельства Кедрина⁸⁶), мы видѣли, что, по смерти Царя Петра, въ 968 году, противъ его сыновей возстали сыновья Шишмана, съ цѣлію лишить

⁸⁴) Кедринъ II, 436.

⁸⁵) См. выше въ 3-й главѣ примѣчанія 100 и 102.

⁸⁶) См. тамъ же, примѣч. 103.

ихъ отцовскаго престола. Изъ этого можно заключать, что Шишманъ уже не царствовалъ осенью 968 г., когда случилась смерть Петра, и что въ Западно-Болгарскомъ Царствѣ уже дѣйствовали его сыновья: Давыдъ, Мойсей, Ааронъ и Самуиль. Изъ свидѣтельства Кедрина мы узнаемъ также, что Правители Западнаго Болгарскаго Царства смотрѣли неравнодушно на Восточныя Болгарскія области, оставшіяся вѣрными старой династїи, и зорко высматривали удобный случай для распространенія своей власти и на нихъ. Этимъ объясняется ихъ предпрїятіе по смерти Петра. Предпрїятіе это не удалось; ибо, какъ мы видѣли, сыновья Петра, съ помощію Византіи, успѣли удержать за собою отцовскій престолъ, на который и возшелъ старшій изъ нихъ, Борисъ.

Изъ четырехъ сыновей Шишмана послѣднему наслѣдовалъ Давыдъ. Это дѣлается извѣстнымъ изъ нѣсколькихъ историческихъ свидѣтельствъ: одно изъ нихъ было уже приведено нами выше, т. е., Зографскій Помянникъ Болгарскихъ Царей, въ коемъ Давыдъ упоминается непосредственно послѣ Шишмана⁸⁷). Болгарская Церковь причислила Давыда къ лику Святыхъ: изображеніе его встрѣчается во многихъ Болгарскихъ храмахъ съ надписью: „Святый Царь Болгарскій Давыдъ“. Существуетъ и печатно изображеніе Давыда въ одной Церковно-Славянской книгѣ, изданной въ прошломъ столѣтіи въ Пештѣ⁸⁸). Въ Болгарской рукописной письменности находится и Житіе Святаго Царя Давыда. Намъ не случилось встрѣчать это Житіе, но существованіе его подтверждается извѣстнымъ Каталогомъ Болгарскихъ Святыхъ, составленнымъ въ половинѣ прошлаго столѣтія Іеромонахомъ Паисіемъ⁸⁹). Паисій имѣлъ въ рукахъ Житіе Давыда, изъ коего онъ внесъ въ свой Каталогъ слѣдующія замѣтки объ этомъ Болгарскомъ Святomъ: „Святъ Царь Давидъ оставилъ царство волею брату своему, Самуилу, отошелъ въ монастырь и воспрїялъ монашески чинъ, и поживѣлъ свято и богоугодно; въ мало время представился къ Богу, и были мощи его нетлѣнны изъ Водени въ Охридъ принесени“⁹⁰).

⁸⁷) „Помени, Господи, Шишмана, Давыда, Самуила“, и т. д.

⁸⁸) Изъ этой книги намъ удалось пока видѣть (у Г. Жинзифова) только одинъ листокъ, на которомъ находится изображеніе Давыда.

⁸⁹) Объ этомъ замѣчательномъ Болгарскомъ писателѣ см. нашу статью въ „Период. Списанїи Болгарск. книж. Дружества“, кн. IV.

⁹⁰) По списку О. М. Бодянскаго.

Давыда знаютъ и нѣкоторые Византійскіе писатели, упоминающіе о немъ только вскользь. Такъ, Кедринъ замѣчаетъ только, что онъ былъ старшимъ изъ братьевъ, и былъ убитъ какими-то страствующими Влахами гдѣ-то между Касторіею и Прѣспой⁹¹⁾. Извѣстіе Кедрина о смерти Давыда противорѣчитъ выше приведенному свидѣтельству Житія о томъ же; надобно полагать, что послѣднее болѣе достовѣрно. Нѣкоторые изъ выше приведенныхъ извѣстій о Давыдѣ, именно Зографскій Помянникъ и Каталогъ Паисія свидѣтельствуютъ, что послѣ Давыда началъ царствовать Самуилъ. Но Самуилъ былъ меньшой изъ четырехъ братьевъ: кромѣ Давыда, у него было еще двое старшихъ братьевъ, именно: Моисей и Ааронъ, которые, слѣдовательно, не царствовали⁹²⁾. Отчего же произошло это? У Кедрина мы находимъ краткія извѣстія, которые даютъ весьма удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Лѣтописецъ этотъ замѣчаетъ, что Моисей былъ убитъ во время осады Болгарами города Сереса, убитъ камнемъ, брошеннымъ со стѣны этого города⁹³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что убійство Моисея случилось въ царствованіе Давыда и, какъ кажется, еще въ самомъ началѣ войны, въ 976 году, такъ какъ городъ Сересъ, находясь недалеко отъ границы Болгарской, надобно полагать, первый подвергся нападенію. Что же касается до Аарона, то онъ, по свидѣтельству Кедрина, былъ убитъ Самуиломъ, вмѣстѣ со всѣмъ его родомъ, за исключеніемъ его сына, Іоанна-Владислава. Убійство это, какъ передавали Кедрину, было вызвано тѣмъ, что Ааронъ былъ благопріятно расположенъ къ Византійцамъ⁹⁴⁾.

Приводя въ связь всѣ изложенныя доселѣ отрывочныя извѣстія о Правителяхъ Западнаго Болгарскаго Царства, мы можемъ съ нѣкоторою достовѣрностію сдѣлать слѣдующія заключенія относительно времени правленія каждаго изъ нихъ. Шишманъ, основатель, такъ сказать, этого Царства, пересталъ царствовать еще до 968 года, т. е., раньше конца царствованія Петра въ восточной половинѣ Болгарской земли. Ему наслѣ-

⁹¹⁾ Кедринъ II, 435.

⁹²⁾ У одного Латинскаго лѣтописца, Адемора (Перцъ, IV, 131), встрѣчается упоминаніе о Царѣ Ааронѣ, царствовавшемъ послѣ Самуила: „Regibus Bulgarorum Samuel et Aaron. . . . interfectis“ etc. Но лѣтописецъ этотъ, безъ сомнѣнія, смѣшалъ Аарона съ его сыномъ, Іоанномъ-Владиславомъ.

⁹³⁾ Кедринъ II, 435.

⁹⁴⁾ Кедринъ II, 435.

доваль старшій сынъ, Давыдъ, который царствовалъ уже въ 968 году, во время извѣстнаго возстанія Шишмановичей противъ сыновей Петра. По всей вѣроятности Давыдъ царствовалъ еще и въ 976 году, или 977 г., когда былъ Моисей при осадѣ Сереса. Между 977 и 979 г. власть перешла въ руки Самуила, который въ 980 г. уже находился во главѣ правленія.

Попробуемъ теперь очертить приблизительно границы Западнаго Болгарскаго Царства во время окончанія Русско-Византійской войны и передъ началомъ его военныхъ дѣйствій противъ Византіи въ 976 г. На юго-западѣ Царство это простиралось до того же самаго мѣста, до котораго простиралось еще нераздѣленная Болгарская Держава при Симеонѣ и Петрѣ. Въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія то обстоятельство, что война, начатая Болгарами, въ 976 г. открылась осадой Сереса и Ларисы, которые еще въ началѣ царствованія Петра, т. е., до отпаданія отъ него Западной Болгаріи, были пограничными Византійскими крѣпостями. Если, съ этой стороны, Западно-Болгарское Царство удержалось на прежней границѣ, то само собой разумѣется, что оно удержалось и на западной границѣ, которая шла по берегу Адриатическаго моря, отъ устья Каламы до устья Дрина. Что же касается восточной границы его, то она, по всей вѣроятности, начиналась на Доспатскихъ горахъ, гдѣ-то въ нынѣшней области Ахи-Челеби, откуда тянулася на сѣверъ по хребту этихъ горъ, переходила на хребетъ Средней Горы, отдѣляющей Софійское и Ихтиманское поля отъ Филиппопольскаго и выходила на Етропольскій Балканъ. Что страна, лежащая къ западу отъ Средней Горы, не была покорена Цимисхиемъ, это доказывается, какъ перенесеніемъ Патріаршаго престола изъ Силистріи въ Софію, такъ и походомъ Императора Василія II въ 981 году. Труднѣе опредѣлить дальнѣйшее направленіе восточной границы, т. е., къ сѣверу отъ Етропольскаго Балкана. Мы не сомнѣваемся, что древніе Болгарскіе города на Дунаѣ, Бѣлградъ и Бдинъ, не были покорены Цимисхиемъ: это были очень важные, по своему положенію, города и очень хорошо укрѣпленные. Бѣлградъ, какъ уже было замѣчено, еще при Борисѣ считался самымъ важнымъ изъ Придунайскихъ городов⁹⁵). О важности Бдина достаточно свидѣтельствуеетъ то обстоятельство, что въ

⁹⁵) См. выше примѣч. 21.

1002 году Императоръ Василій II долженъ былъ осаждать его цѣлые восемь мѣсяцевъ⁹⁶⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что такія крѣпкія твердыни не могли такъ легко быть покоренными Цимисхіемъ, и что если бы это случилось, то у лѣтописцевъ мы нашли бы какое ни будь упоминаніе о такихъ важныхъ завоеваніяхъ. Припомнимъ, что, какъ ни сухи эти лѣтописцы, они не упускаютъ изъ виду всѣ важнѣйшія завоеванія Цимисхія; упоминаютъ даже о подчиненіи имъ такихъ незначительныхъ городковъ, какими были Динія, Плескова и еще кое-какіе, лежащіе между Прѣславой и Силистріей. О Бѣлградѣ же и Бдинѣ мы не встрѣчаемъ у нихъ никакого упоминанія. Эти соображенія даютъ намъ полное право предполагать, что и Бѣлградъ и Бдинъ не были затронуты Русско-Византійскою войною, входили въ предѣлы, слѣдовательно, Западно-Болгарскаго Царства. Въ виду этого мы врядъ ли ошибемся, если продолжимъ восточную границу послѣдняго съ Етропольскаго Балкана къ сѣверу, по теченію Искра до самаго устья этой рѣки на Дунаѣ.

Итакъ, области, лежавшія къ западу отъ Доспатскихъ горъ, Средней Горы и рѣки Искра, вотъ тѣ Болгарскія области, которыя еще до начала Русско-Византійской войны составляли особенное политическое цѣлое, коего война эта не коснулась. Области эти и послѣ Цимисхіева похода остались политически самостоятельными и послужили ядромъ великой Державы Самуила, которая не была, слѣдовательно, вновь воздвигнутою Державой, а возникла, такъ сказать, изъ обломковъ древняго Болгарскаго Царства.

Противъ защищаемого нами взгляда на политическое положеніе Болгарской земли во время Русско-Византійской войны, на значеніе и послѣдствія этой войны, можетъ быть выставлено только одно историческое свидѣтельство⁹⁷⁾. Свидѣтельство это находится въ извѣстной исторіи Дукалянскаго Пресвитера⁹⁸⁾. „Умеръ (говоритъ онъ) Болгарскій Царь (Imperator) Петръ, который сидѣлъ въ городѣ Великомъ Прѣславѣ, и Царь Греческій, собравъ всѣ силы своего народа, захватилъ Болгарію и покорилъ ее себѣ. За тѣмъ онъ возвратился въ свой дворецъ, оставивъ въ Болгаріи войско. Начальники войска пошли и взяли всю область Расскую; Жупанъ Расскій съ сыновьями и до-

⁹⁶⁾ См. выше примѣч. 20.

⁹⁷⁾ Гильфердингъ, I, 177; Рачкій, „Rad jugosl. ak“. XXIV, 84.

⁹⁸⁾ „Regnum Slavorum“, с. XXIII.

черью Прехвалою, бѣжалъ и пришелъ къ Королю Предимиру въ Травунию; Предимиръ принялъ его съ любовью и женился на Прехвалѣ, его дочери. Когда же Греческій Царь (Цимисхій) умеръ, то Предимиръ съ тестемъ своимъ послали въ Расу къ своимъ друзьямъ сказать, чтобы они били Грековъ, — и избиты были Греки всѣ въ одинъ день. И тогда Предимиръ вступилъ въ Расу, устроилъ ее, сдѣлалъ тестя своего по прежнему Старшимъ Иѹпаномъ, по подѣйствію верховной своей властью“.

Подъ именемъ Расы, Расской области, разумѣется Сербское Иѹпанство, занимавшее нынѣшнюю Ново-Пазарскую область. И если правда, что войска Цимисхія изъ Болгаріи проникли въ Расу и покорили ее, то надобно допустить, что Цимисхию покорена была и Западная Болгарія, или, по крайней мѣрѣ, тѣ области ея, черезъ которыя Византійскимъ войскамъ надобно было пройти, чтобы добраться до Расы.

Есть историки, которые принимаютъ рассказъ Діоклейца за несомнѣнное историческое свидѣтельство, но это такіе историки, которые вносятъ въ свои исторіи все, что ни подвернется подъ руки, не считая нужнымъ подвергать свой матеріалъ предварительной исторической критикѣ. Болѣе основательные изслѣдователи (Гильфердингъ, Рачкій), хотя также приводятъ этотъ рассказъ, но оставляютъ его подѣйствиемъ, или меньшимъ, сомнѣніемъ. Мы убѣждены, что онъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ историческихъ данныхъ, не имѣетъ никакой исторической цѣны, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Г л а в а V.

Хорваты, Сербы и Южно-Далматинскіе Славяне въ послѣднихъ трехъ четвертяхъ X-го вѣка.

Хорватская исторія этого времени еще менѣе извѣстна и еще болѣе запутана, чѣмъ исторія первой четверти X-го вѣка. Малоизвѣстность зависитъ отъ недостатка источниковъ, путаница же отъ неправильнаго пониманія и тѣхъ немногихъ свидѣтельствъ, которыя дошли до насъ. Послѣднее обстоятельство вызвало нѣсколько разныхъ взглядовъ на исторію этого времени, взглядовъ, которые намъ кажутся неосновательными. Тщательное изученіе историческихъ свидѣтельствъ, касающихся этого времени, изученіе ихъ въ связи съ исторіей другихъ странъ, имѣвшихъ вліяніе на историческую жизнь Хорватовъ того времени, привели насъ къ совершенно иному взгляду на занимающій насъ предметъ. При изложеніи этого взгляда мы будемъ по возможности избѣгать утомительнаго препиранія съ существующими взглядами, будемъ заботиться главнымъ образомъ о возможно полнѣйшемъ развитіи основаній, на которыхъ держится предлагаемый нами взглядъ и которыя, надѣемся, дадутъ ему большую основательность. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мы будемъ довольны и тѣмъ, если нашъ взглядъ дастъ самое общее понятіе о характерѣ исторической жизни Хорватовъ за это время: болѣе обстоятельнаго уясненія этого дѣла не возможно и ожидать отъ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ свидѣтельствъ.

Мы оставили Хорватию послѣ второго Сплѣтскаго Собора, подчинившаго ее Римскому престолу и уничтожившаго, какъ народную ея Церковь, такъ и Славянское Богослуженіе. Это, какъ было замѣчено, происходило около 928 года. Королемъ тогда все еще, вѣроятно, былъ Томиславъ, который присутствовалъ на первомъ Сплѣтскомъ Соборѣ, 924 года. Какъ долго онъ царствовалъ послѣ этого, не извѣстно; кто же былъ

непосредственнымъ, или, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ преемникомъ его, это остается вопросомъ спорнымъ. Извѣстный Хорватскій историкъ, Рачкій, въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ изслѣдованій, пришелъ даже къ заключенію, что между 926 и 968 годами въ Хорватской исторіи существуетъ сороколѣтній пробѣлъ, который не возможно хоть сколько ни будь восполнить¹⁾. Мы не согласны съ этимъ безотраднымъ выводомъ почтеннаго ученаго.

Извѣстный Хорватскій Король Петръ Кресимиръ, царствовавшій въ XI вѣкѣ между 1050—1074 годами, въ одной изъ изданныхъ имъ грамотъ упоминаетъ, въ числѣ своихъ предшественниковъ, нѣкоего Кресимира Старшаго, называя его своимъ предкомъ²⁾. Правленіе этого Кресимира Старшаго, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ X-му вѣку; это подтверждается какъ тѣмъ, что Петръ Кресимиръ, жившій около половины XI вѣка, называетъ его своимъ прадѣдомъ, такъ и нѣкоторыми другими, болѣе опредѣленными, указаніями. Вопросъ состоитъ въ ближайшемъ опредѣленіи времени правленія Кресимира Старшаго. Г. Рачкій полагаетъ, что онъ царствовалъ приблизительно съ 968 по 993 г.³⁾, но доводы, которыми онъ подтверждаетъ это мнѣніе, намъ кажутся неосновательными. Съ главнѣйшими изъ нихъ мы еще встрѣтимся въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія, гдѣ и подвергнемъ ихъ разсмотрѣнію: здѣсь же займемся изложеніемъ основаній, которыя даютъ намъ возможность отнести правленіе Кресимира Старшаго къ болѣе раннему времени, именно къ первой половинѣ X вѣка.

Въ одномъ изъ Каталоговъ Сплѣтскихъ Архіепископовъ, извѣстномъ подъ именемъ Римскаго, есть указанія на то, что въ X-мъ вѣкѣ дѣйствительно царствовалъ въ Хорватіи Кресимиръ, подъ которымъ, безъ сомнѣнія, разумѣется Кресимиръ Старшій, упоминаемый въ выше названной грамотѣ. Римскій Каталогъ предлагаетъ данныя и для ближайшаго опредѣленія времени правленія Кресимира Старшаго, данныя, на которыхъ мы должны остановиться подробнѣе. Прежде всего слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ историческомъ достоинствѣ Римскаго Каталога. Кромѣ него до насъ дошли еще три

¹⁾ „Rad. jugosl. akad.“ XIX, 77.

²⁾ Lucii, „De regno Dalmatiae et Croatiae. Vindobonae,“ 1758, p. 75.

³⁾ „Rad jugosl. ak.“ XVII, 67, 77; XXV, 191.

Каталога Сплѣтскихъ Архіепископовъ: всѣ они, не исключая и Римскаго, составлены разными лицами и въ разное время. Римскій составленъ, быть можетъ, позже всѣхъ, но составитель его имѣлъ подъ руками такіе документы, кои остались не извѣстными составителямъ прежнихъ Каталоговъ, и на основаніи которыхъ онъ не только восполнилъ нѣкоторые пробѣлы, встрѣчающіеся въ остальныхъ Каталогахъ, но и исправилъ нѣкоторыя явныя ошибки послѣднихъ. Въ слѣдствіе этого, не смотря на свое, быть можетъ, позднѣйшее происхождение сравнительно съ остальными, онъ во многихъ отношеніяхъ превосходитъ ихъ своею историческою цѣнностію⁴⁾, хотя все таки и онъ не достигаетъ желанной исторической полноты и точности и требуетъ критическаго пользованія имъ.

Изъ всѣхъ четырехъ Каталоговъ только одинъ Римскій упоминаетъ о Кресимирѣ, и упоминаетъ въ двухъ замѣткахъ:

Въ первой изъ этихъ замѣтокъ рѣчь идетъ объ Архіепископѣ Іоаннѣ VIII, о которомъ значится, что онъ занималъ Архіепископскій престолъ съ 914-го до 940-го: въ теченіе этого времени сначала правилъ Тершимиръ, а за нимъ Кресимиръ.

Вторая же изъ этихъ замѣтокъ говоритъ объ Архіепископѣ Фронтиніанѣ, указывая, что онъ святительствовалъ съ 940-го по 970-й, „въ царствованіе Кресимира“. Съ 970 года и по 1000-й архіепископствовалъ Мартинъ IV, а царствовалъ уже другой Король, Держиславъ⁵⁾. Такимъ образомъ, по показанію Римскаго Каталога, Кресимиръ началъ править нѣсколько ранѣе 940 года, и правилъ до 970 г. Нужно замѣтить, однако, что указаніе на 970 годъ, какъ на послѣдній годъ царствованія Кресимира, есть явная ошибка. По словамъ Римскаго Каталога въ 970 году Архіепископскій престолъ занялъ Мартинъ, который былъ будто непосредственнымъ преемникомъ Фронтиніана, современника Кресимира. Но изъ другихъ несомнѣнныхъ источниковъ извѣстно, что между Фронтиніаномъ и Мартиномъ, который дѣйствительно взошелъ на престолъ въ 970 году, на престолѣ этомъ сидѣлъ другой Архіепископъ, Павелъ⁶⁾. Изъ этого ясно, что Фронтиніанъ не былъ непосредственнымъ предшественникомъ Мартина и, слѣдовательно, сошелъ съ Архіепископской кathedры гораздо раньше 970 года,

⁴⁾ Фарлати „Illyricum sacrum,“ I, 329,

⁵⁾ Фарлати, тамъ же, I, 334.

⁶⁾ „Rad jugosl. akad.“ XVII, 73.

когда Архіепископскій престолъ занималъ уже Мартинъ, преемникъ, оставшагося не извѣстнымъ составителю этого Каталога, Павла; гораздо раньше, слѣдовательно, пересталъ царствовать и современникъ Фронтиніана, Кресмиръ.

Другое дѣло указаніе на 940 годъ, какъ на годъ, въ который Кресмиръ уже царствовалъ. Указаніе это находится въ первой изъ выше приведенныхъ замѣтокъ Римскаго Каталога, всѣ показанія которой подтверждаются и другими источниками и не могутъ быть заподозрѣны въ такой неточности. Въ замѣткѣ этой говорится, что Архіепископъ Іоаннъ, о которомъ въ ней рѣчь, святительствовалъ между 914 и 940 годами. Первый годъ, именно 914, подтверждается и другимъ изъ Каталоговъ, именно Каталогомъ Архидіакона Θомы⁷⁾.

Изъ дѣяній Сплѣтскихъ Соборовъ узнаемъ, что Архіепископъ Іоаннъ существовалъ еще въ 924 и 927 годахъ и присутствовалъ на этихъ Соборахъ⁸⁾. Очень естественно, что онъ послѣ этого года могъ святительствовать еще около 10 лѣтъ, именно до 940 года. Во время Іоанна, по свидѣтельству разсматриваемой замѣтки, Хорватскій престолъ занимали сначала Терпимиръ, а потомъ Кресмиръ. Подъ Терпимиромъ тутъ разумѣется, безъ сомнѣнія, Томиславъ, который по другимъ, извѣстнымъ уже намъ, свидѣтельствамъ занималъ престолъ еще въ 914 году и сидѣлъ на немъ и въ 925 году⁹⁾. Онъ названъ Терпимиромъ по ошибкѣ или составителя Римскаго Каталога, или же кого ни будь изъ позднѣйшихъ его переписчиковъ. Итакъ, изъ изложеннаго разбора занимающихъ насъ двухъ замѣтокъ Римскаго Каталога мы пришли къ заключенію, что царствованіе Кресмира, кончившееся гораздо раньше 970 года, началось прежде 940 года, и что Кресмиръ былъ непосредственнымъ преемникомъ Томислава.

Къ такому же заключенію ведетъ и слѣдующее обстоятельство. Мы видѣли, какого могущества достигла Хорватія въ первой четверти X вѣка, въ царствованіе Томислава. Кресмиръ Старшій также представляется могущественнымъ Государемъ въ выше означенной грамотѣ Петра Кресмира¹⁰⁾, который не безъ замѣтной гордости указываетъ на своего

⁷⁾ См. выше во 2-й главѣ примѣч. 41.

⁸⁾ Фарлати, III, 92.

⁹⁾ См. выше, во 2-й главѣ, примѣчанія 53 и 68.

¹⁰⁾ См. выше прим. 2.

прадѣда (proavi Cresimiri Majoris). Не лишнимъ считаемъ при этомъ указать еще, что и Дукляинскій историкъ, знающій также Кресимира Старшаго, отзывается о немъ, какъ о могущественномъ Государѣ, говоря, что онъ присоединилъ къ Хорватіи Босну¹¹⁾. Какъ ни некритиченъ этотъ историкъ, но отзывы его о нѣкоторыхъ крупныхъ историческихъ личностяхъ заслуживаютъ вниманія и по всей вѣроятности имѣютъ какую ни будь историческую основу.

Могущество Кресимира, засвидѣтельствованное названными историческими свидѣтельствами, также говоритъ въ пользу того, что Кресимиръ былъ непосредственнымъ преемникомъ Томислава, и царствовалъ еще въ первой половинѣ X вѣка, такъ какъ во второй половинѣ этого вѣка Хорватія находилась уже, какъ увидимъ далѣе, въ упадкѣ.

Выведенное изъ изложенныхъ указаній и соображеній наше мнѣніе о времени правленія Кресимира Старшаго находитъ себѣ полное подтвержденіе въ одномъ любопытномъ свидѣтельствѣ Константина Багрянороднаго, которое новѣйшіе изслѣдователи понимали невѣрно. Багрянородный, оставившій намъ нѣсколько извѣстій о древнѣйшей исторіи Хорватовъ, извѣстій большею частію невѣрныхъ, сообщаетъ и нѣсколько въ высшей степени важныхъ свѣдѣній о современномъ состояніи Хорватскаго Государства. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что Багрянородный жилъ и дѣйствовалъ въ 1-й половинѣ X вѣка, а умеръ въ 959 г. Къ этимъ драгоценнымъ свѣдѣніямъ относятся извѣстія его о географическомъ просторѣ и о внутреннемъ дѣленіи Хорватскаго Государства; къ нимъ относятся и свидѣтельство, къ разсмотрѣнію котораго мы намѣрены перейти. Свидѣтельство это, находящееся въ обнародованномъ около 953 года¹²⁾ сочиненіи Багрянороднаго, бросаетъ довольно яркій свѣтъ не только на царствованіе Кресимира, но и на послѣдующее за этимъ царствованіемъ время, иначе сказать: оно восполняетъ большую часть того сорокалѣтняго пробѣла, который изслѣдователи находятъ къ Хорватской исторіи X вѣка. Вотъ по чему мы выписываемъ его цѣликомъ, не смотря на то, что начало его было уже приведено нами выше¹³⁾. „Хорватія (говорить онъ) можетъ выставить (ἐκβαλλει: просимъ

¹¹⁾ „Regnum Slavorum,“ cap. XXIII.

¹²⁾ Рамбо, тамъ же, 172.

¹³⁾ См. во второй главѣ, примѣч. 51.

читателей обратить вниманіе на форму настоящаго времени этого глагола) около 60,000 коннаго войска, около 100,000 пѣшихъ, 80-ть сагенъ (большихъ кораблей) и 100 кондуръ (гондолъ, лодокъ). Въ каждой сагенѣ помѣщается до 40 челобѣкъ, въ большихъ кондурахъ до 20-ти, въ малыхъ же около 10-ти. Это большое могущество и сила Хорватіи продолжались только до Кресимира; когда же, по смерти его, сынъ его, Мирославъ, на 4-мъ году своего правленія, былъ убитъ Баномъ Прибуней (ὁπὸ τοῦ Περιβουνία βασιλῆως), то, въ слѣдствіе происшедшихъ отъ этого большихъ раздоровъ и усобицъ, число конницы и пѣшаго войска уменьшилось; уменьшилось также и число сагенъ и кондуръ. Въ настоящее время (т. е., около половины X вѣка) она имѣетъ только 30 сагенъ¹⁴⁾. Соотвѣтственно этому, убавилось и число большихъ и малыхъ кондуръ, конницы и пѣшаго войска¹⁵⁾. Исслѣдователи расходятся въ приуроченіи упоминаемыхъ въ этомъ свидѣтельствѣ лицъ, происшествій и положеній. Шафарикъ полагалъ, что могущество, которое тутъ изображаетъ Багрянородный, было достигнуто Хорватами еще въ VII-мъ вѣкѣ и продолжалось будто до начала X-го столѣтія¹⁶⁾. Упадокъ же будто произошелъ въ первой четверти этого столѣтія¹⁷⁾. Гфререръ, относящій упадокъ къ этому же времени, полагаетъ, что могущество было достигнуто около 870 года, во время перехода Хорватовъ подъ верховную власть Василя Македонянина¹⁸⁾. Хорватскіе историки относятъ, напротивъ, къ этому времени упадокъ, считая порой могущества время правленія Терпимира¹⁹⁾. Мы не можемъ согласиться ни съ однимъ изъ этихъ разнорѣчивыхъ приуроченій разсматриваемаго свидѣтельства, находя ихъ слишкомъ неосновательными, произвольными. Изъ предложеннаго нами во 2-й главѣ очерка древнѣйшей исторіи Хорватовъ явствуетъ, что, для описываемаго въ этомъ свидѣтельствѣ величія, нѣтъ мѣста ни въ VII-мъ, ни въ IX-мъ столѣтіяхъ; а если его не бывало еще тогда, то само собою разумѣется, что не бывало и послѣдовавшаго за нимъ упадка. До времени

¹⁴⁾ „De administr. imp.“ ed. Bonn. 151.

¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 353, примѣчаніе Бандури.

¹⁶⁾ „Славянскія Древности“ II, кн. II, стр. 7.

¹⁷⁾ Тамъ же стр. 20. Это мнѣніе Шафарика въ новѣйшее время повторилъ, между прочимъ, Рамбо, тамъ же, 465.

¹⁸⁾ Гфререръ, тамъ же, II, 110—130.

¹⁹⁾ См. Рачкаго: „Odlomci“, 24; „Rad jugosl. akad.“, XXV, 188.

Константина, или, лучше сказать, до обпародванія его сочиненія, содержащаго въ себѣ разсматриваемое свидѣтельство, Хорватія достигла небывалаго прежде могущества, какъ мы уже видѣли, только въ первой четверти X-го вѣка, именно: въ правленіе Томислава, старшаго современника Константина Багрянороднаго. Ко времени этого-то Хорватскаго Правителя, принявшаго титулъ Короля, по нашему мнѣнію, только и могутъ относиться слова Багрянороднаго о величіи, достигнутомъ Хорватскимъ народомъ. Слѣдовательно, Кресимира, при которомъ могущество Хорватіи продолжалось, равно какъ и его сына, Мирослава, и убійцу послѣдняго, Прибуню, при которыхъ могущество это начало падать, нужно искать уже послѣ Томислава: другими словами, Кресимиръ, Мирославъ и Прибуня были, такъ сказать, младшими современниками Константина Багрянороднаго.

Но приведемъ и болѣе обстоятельные доводы въ подтвержденіе этого взгляда на разсматриваемое свидѣтельство.

1. Изъ самаго тона этого свидѣтельства видно, что въ немъ рѣчь идетъ о современныхъ Багрянородному положеніяхъ, лицахъ и происшествіяхъ: оно изложено въ формѣ описательной, а не повѣствовательной. Говоря о могуществѣ, достигнутомъ Хорватіею, Багрянородный выражается глаголомъ настоящаго времени (можетъ выставить, „выставляетъ“, такую-то силу). Упадокъ представляется, какъ нѣчто новое, только что совершившееся во время написанія этого свидѣтельства. Можно даже думать, что строки, въ которыхъ говорится объ упадкѣ, были приписаны позднѣе, при пересмотрѣ Константиномъ своего труда; другими словами, что упадокъ произошелъ въ промежутокъ, прошедшій со времени составленія этого труда (948—952) и до окончательной его отдѣлки и выхода въ свѣтъ въ 953 году²⁰⁾.

2. Относя заключающіяся въ этомъ свидѣтельствѣ извѣстія къ IX и даже въ VII вѣку, доселѣшніе изслѣдователи не оставляютъ въ сочиненіяхъ Багрянороднаго никакихъ извѣстій о современномъ ему состояніи Хорватіи. Трудно, и даже не возможно, было бы объяснить такое полное молчаніе Константина о современномъ политическомъ состояніи Хорватіи, когда извѣстно, что этого онъ не дѣлалъ относительно другихъ странъ,

²⁰⁾ Рамбо, тамъ же, 171, 172,

о которыхъ ему приходится говорить. По отношенію къ Хорватин такое полное молчаніе положительно не возможно, тѣмъ болѣе, что о древнѣйшей исторіи ея, а также и о современномъ ему географическомъ положеніи ея, онъ говоритъ довольно подробно.

3. Приурочивая царствованія упоминаемыхъ въ разбираемомъ свидѣтельствѣ Кресимира, Мирослава и Прибуни къ прежнимъ временамъ, изслѣдователи не только не находятъ никакихъ основъ для такого приуроченія, но и позволяютъ себѣ явныя натяжки и насилуванія нѣкоторыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Шафарикъ и Гфререръ помѣщаютъ Кресимира, Мирослава и Прибуню между Мутимиромъ, отъ коего имѣется грамота, изданная въ 892 г.²¹⁾, и Томиславомъ, который, по мнѣнію этихъ ученыхъ, началъ царствовать около 920 года; такимъ образомъ эти изслѣдователи для трехъ царствованій отводятъ время съ 892 года по 920, т. е., около 28 лѣтъ. Но, какъ было уже замѣчено во 2-й главѣ настоящаго изслѣдованія, есть указаніе, что Томиславъ уже царствовалъ въ 914 г.²²⁾. Взявъ во вниманіе при этомъ, что и Мутимиръ, издавшій въ 892 грамоту, могъ процарствовать и послѣ этого года еще нѣсколько лѣтъ, мы поймемъ всю тщетность усилій Шафарика и Гфререра втиснуть между Мутимиромъ и Томиславомъ еще цѣлыхъ три царствованія. Едва ли нужно прибавлять еще, что гибельныя для могущества Хорватовъ царствованія Мирослава и его убійцы Прибуни тѣмъ менѣе можно относить къ первой четверти X вѣка, что, какъ имѣли случай убѣдиться, это время есть время постояннаго усиленія и роста политическаго могущества Хорватовъ.

Не болѣе основательно и приуроченіе Хорватскихъ изслѣдователей: для царствованія Кресимира, Мирослава и Прибуни они отводятъ время, протекавшее съ 852, когда на Хорватскомъ престолѣ сидѣлъ еще Терпимиръ, издавшій въ этомъ году извѣстную грамоту, до 863 года, когда Хорватією уже управлялъ Домагой. Для трехъ царствованій всего около 10 лѣтъ! Замѣтимъ еще, что и эти десять лѣтъ Хорватскіе историки добываютъ путемъ слишкомъ явныхъ натяжекъ: чтобы добыть ихъ, надобно предполагать, что Терпимиръ умеръ сейчасъ послѣ изданія своей грамоты 852 года, между тѣмъ какъ онъ,

²¹⁾ См. выше, во 2-й главѣ, примѣч. 39.

²²⁾ Тамъ же, примѣч. 41.

начавъ царствовать не задолго до этого времени, могъ царствовать еще нѣсколько лѣтъ и послѣ 852 года.

4. Изъ послѣдняго нашего замѣчанія читатель могъ убѣдиться, путемъ какихъ смѣлыхъ предположеній, натяжекъ и насилуваній поминутые изслѣдователи находятъ помѣщеніе для Кресимира, Мирослава и Прибуни между 852 и 863 г., или между 892 и 920 г. Къ выше сказаннымъ тамъ уже замѣчаніямъ прибавимъ еще, что ни одно изъ этихъ именъ не упоминается въ другихъ свидѣтельствахъ, относящихся къ первой четверти X вѣка, или ко времени между 852 и 863 г. Между тѣмъ какъ наше мнѣніе, что упоминающіеся въ свидѣтельствѣ Багрянороднаго Кресимиръ, Мирославъ и Прибуня, жили послѣ Томислава, находитъ подтвержденіе и въ нѣкоторыхъ другихъ историческихъ свидѣтельствахъ. Имя Кресимира, какъ уже видѣли, подтверждается грамотой Короля Кресимира и Римскимъ Каталогомъ, который прямо указываетъ на то, что Кресимиръ царствовалъ въ 940 году и былъ непосредственнымъ преемникомъ Томислава. Банъ Прибуня, который, по свидѣтельству Багрянороднаго, вскорѣ по смерти Кресимира убилъ его сына и преемника, Мирослава, также подтверждается однимъ несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствомъ. Въ упомянутой грамотѣ Короля Петра Кресимира прямо говорится, что въ правленіе Кресимира Старшаго въ Хорватіи былъ Банъ Прибина (*banus Prībina*)²³). Только о Мирославѣ мы не находимъ упоминанія въ другихъ источникахъ, но слѣдуетъ припомнить, что изслѣдователи, относящіе это свидѣтельство къ раннему времени, не находятъ въ этомъ раннемъ времени подтвержденія не только для Мирослава, но и для Кресимира и Прибуни. Что имя Мирослава не сохранилось въ дошедшихъ до насъ Хорватскихъ памятникахъ, это объясняется легко при крайней скудости этихъ источниковъ, въ которыхъ мы не встрѣчаемъ нерѣдко и помину даже о болѣе крупныхъ личностяхъ, чѣмъ Мирославъ. Его имя тѣмъ легче не могло сохраниваться, что онъ царствовалъ всего 4 года и, по видимому, былъ несовершеннолѣтнимъ. Это послѣднее обстоятельство могло дать поводъ могущественному Бану Прибинѣ къ похищенію, жертвою которой и сдѣлался Мирославъ.

²³) Lucii, „De regno Dalm. et Croatiae“ 1758, p. 75. См. и примѣчанія. Бандурнъ къ разсматриваемому свидѣтельству Багрянороднаго, въ Бопнск. изд. 352, 353.

Эти замѣчанія, надѣмся, достаточно обнаруживаютъ несостоятельность господствующихъ взглядовъ на занимающее насъ свидѣтельство Багрянороднаго, подтверждая въ то же самое время защищаемое нами мнѣніе о томъ, что извѣстія, заключающіяся въ свидѣтельствѣ Константина, относятся ко времени послѣ Томислава. Мнимый этотъ пробѣлъ пополняется свидѣтельствомъ Багрянороднаго, дающимъ возможность объяснить внутреннюю исторію Хорватіи за это время. Свидѣтельство это не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Томиславу дѣйствительно наследовалъ Кресимиръ, что, по словамъ другого источника (Римскаго Каталога), произошло еще до 910 года. При Кресимирѣ Хорватія все еще продолжала наслаждаться могуществомъ, достигнутымъ ею при Томиславѣ. Это показаніе Багрянороднаго находитъ полное подтвержденіе въ почтенномъ отзывѣ Короля Петра Кресимира о своемъ предкѣ Кресимирѣ Старшемъ. Со смертію Кресимира началось разложеніе Хорватскаго могущества, обусловленное внутреннею смутою, кончившеюся тѣмъ, что одинъ изъ Хорватскихъ Бановъ, Прибина, или, какъ называетъ его Багрянородный, Прибуня, умертвивъ Короля Мирослава, сына и преемника Кресимирова, захватилъ, по видимому, власть въ свои руки. Злодѣйство Прибуни происходило незадолго до обнародованія сочиненія Багрянороднаго „Объ управленіи“ (въ 953 г.), за годъ, много за два, до этого времени. Кромѣ приведенныхъ выше соображеній, это заключеніе подтверждается еще и тѣмъ, что умерщвленіе Мирослава Прибуною есть послѣднее, самое новое изъ происшествій Хорватской исторіи, находящихся въ названномъ сочиненіи Багрянороднаго.

Предположивъ, на основаніи этого соображенія, что похищеніе Прибуни происходило около 950 года, мы получимъ съ нѣкоторою точностію, какъ годъ смерти Кресимира, такъ и начало правленія его злополучнаго сына. Это былъ 947 или 6 годъ, что вполне подтверждается и выше приведеннымъ показаніемъ Римскаго Каталога о томъ, что Кресимиръ около 940 года уже царствовалъ.

Итакъ, около половины X вѣка, со смертію Кресимира, начинается быстрый упадокъ могущества, достигнутаго Хорватіею въ первой четверти этого вѣка. Политическій упадокъ Хорватіи во 2-й половинѣ этого вѣка подтверждается и исторіею сосѣднихъ съ нею Славянскихъ племенъ, о чемъ рѣчь.

еще впереди, равно какъ и дальнѣйшей исторіею самыхъ Хорватовъ, къ разъясненію которой мы переходимъ.

Въ 970 году на Хорватскомъ престолѣ мы находимъ Держислава. Объ этомъ свидѣтельствуеъ прежде всего замѣтка, находящаяся въ Каталогѣ Архидіакона Оомы, въ которомъ говорится, что Мартинъ архіепископствовалъ въ 970 году, „во время Императора Θεодосія и Короля Держислава“²⁴). Это показаніе Оомы подтверждается и Римскимъ Каталогомъ, въ которомъ указанъ и послѣдній годъ правленія Держислава: онъ царствовалъ съ 960 по 1000 годъ²⁵). Показаніе этихъ Каталоговъ подтверждается и другими источниками.

Существуютъ двѣ грамоты, писанныя въ царствованіе Держислава, одна въ 994 г. другая въ 1000 году. Онѣ писаны Болгарами, принужденными Самуиломъ покинуть свою родину и искать убѣжища въ Хорватіи, гдѣ благосклонно были приняты Королемъ Держиславомъ²⁶). Рачкій, приписывая слишкомъ большое значеніе этимъ грамотамъ²⁷), заподозриваетъ, на основаніи ихъ, достовѣрность выше приведенныхъ указаній Каталоговъ о началѣ царствованія Держислава и приходитъ къ заключенію, что Держиславъ началъ царствовать въ 993 или 992 году, т. е., за годъ, за два, до составленія 1-й грамоты²⁸). Но стоитъ только внимательнѣе вникнуть въ содержаніе этой грамоты, чтобы убѣдиться въ совершенной неумѣстности такого подозрительнаго отношенія къ показаніямъ Каталоговъ. Въ этой грамотѣ, писанной въ 994 году, одинъ изъ изгнанниковъ Болгарскихъ, Пинчій (Пенчо), говоритъ, что онъ и его родственники были изгнаны изъ земли Болгарской Самуиломъ еще въ самомъ началѣ правленія его, слѣдовательно, около 980 года. Около этого же времени, надобно полагать изгнанники и переселились въ Хорватію, по словамъ Пинчія, „къ свѣтлѣйшему и благочестивому Королю Держиславу, который принялъ насъ благосклонно и пріютилъ какъ добрый и милосердый Государь, и отвелъ намъ жилища въ предмѣстьѣ Клиша“²⁹). Изъ этихъ подробностей видно, что Держиславъ сидѣлъ на Хорватскомъ

²⁴) У Швандтнера, III, 548.

²⁵) Фарлати I, 334.

²⁶) Онъ же 2, 3, 112.

²⁷) Мы несовѣтъ раздѣляемъ его взглядъ на историческую важность этихъ памятниковъ. См. выше, въ 3-й главѣ, примѣчаніе 102.

²⁸) Теперь крѣпосца Клиса близъ Силѣта. Гильфердингъ, I, 200.

²⁹) „tempore ipsius (Cresimiri majoris) et filii ejus Dirzislavi“. . . Lucii, „De regno“ etc. 75.

престолѣ не за годъ, или за два года, какъ заключаетъ Г. Рачкій, а болѣе чѣмъ за десять лѣтъ до составленія этой грамоты. Это подтверждается еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ: грамота эта содержитъ распоряженіе Пинчія и его родственниковъ о построеніи церкви въ Солинѣ (Сплѣтѣ).

Само собою разумѣется, что не сейчасъ же, по прибытіи въ Хорватію Болгарскіе изгнанники могли рѣшиться на такое дѣло: за него они могли приняться только по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ со времени водворенія ихъ въ этой странѣ. Иначе придется допустить, что они въ годъ успѣли хорошо водвориться въ отведенномъ имъ для поселенія предмѣстьѣ, обстроиться въ немъ, привести свои денежные дѣла въ цвѣтущее состояніе, чтобы сейчасъ же и приступить къ построенію церкви, и не въ своемъ предмѣстьѣ, а въ Солинѣ (Сплѣтѣ), главномъ городѣ Далматіи, что конечно, не вѣроятно.

Итакъ, свидѣтельство разсматриваемыхъ грамотъ, по нашему мнѣнію, не только не опровергаетъ, но, можно сказать, и вполне подтверждаетъ показанія Каталоговъ о томъ, что Держиславъ царствовалъ между 970 и 1000 годами.

Извѣстная грамота Короля Петра Кресимира называетъ Держислава сыномъ Кресимира Сраршаго³⁰⁾, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ виду исторической важности этого памятника. Но Кресимиръ Старшій, какъ мы видѣли, умеръ около 945 года, по крайней мѣрѣ не позже его. Тутъ, по видимому, является несообразность: какимъ образомъ сынъ могъ занять отцовскій престолъ только около 25 лѣтъ спустя по смерти отца, да при томъ царствовалъ послѣ этого еще 30 лѣтъ? Эта несообразность кажется Рачкому столь великою, что, для устраненія ея собственно, онъ переноситъ царствованіе Кресимира Старшаго, отца Держислава, ко второй половинѣ X вѣка³⁰⁾.

Намъ кажется, что несообразность, порождаемая нашимъ мнѣніемъ, есть только кажущаяся, и можетъ быть объяснена очень легко.

Кромѣ Держислава, у Кресимира, какъ показываетъ свидѣтельство Багрянороднаго, былъ и другой сынъ, Мирославъ, и, по видимому старшій, такъ какъ онъ и наслѣдовалъ отцу. Про него мы знаемъ, что послѣ 4-лѣтняго правленія былъ

³⁰⁾ „Rad,“ XIX, 67.

убить похитителем Прибиной, около 950 г. Мирославъ, какъ уже замѣтили, былъ тогда несовершеннолѣтнимъ; такимъ же былъ въ это время и его младшій братъ, Держиславъ. Этотъ послѣдній, послѣ умерщвленія своего брата, во время правленія похитителя Прибины, оставался, быть можетъ, въ Хорватіи, или же былъ принужденъ удалиться въ какую ни будь сосѣдную страну, гдѣ и жилъ во время правленія похитителя и смуть, произведенныхъ его похищеніемъ. Смутное время это, начавшееся въ 950 г., могло продолжаться около 10 или 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ малолѣтній законный наслѣдникъ престола могъ возмужать и выступить, или возвратиться, въ Хорватію для восстановленія своихъ правъ, что и было достигнуто имъ. Въ 970 г., когда мы уже находимъ его на Хорватскомъ престолѣ, онъ могъ имѣть около 30 лѣтъ отъ роду, возрастъ, при которомъ онъ очень легко могъ прожить и царствовать еще около 30 лѣтъ.

Это объясненіе такъ естественно, такъ согласно съ сохранившимися историческими свидѣтельствами, находитъ въ подтвержденіе такіа аналогическіе этому примѣры въ предшествующей и послѣдующей исторіи Хорватовъ, равно какъ и въ исторіи сосѣднихъ имъ Славянскихъ племенъ, что мы даже удивляемся тѣмъ, которые видятъ тутъ какую-то необыкновенную несообразность и позволяютъ себѣ, для устраненія ея такіа натяжки и насилуванія историческихъ свидѣтельствъ, которыя въ концѣ концовъ не только не объясняютъ дѣла, но и производятъ другія несообразности, дѣйствительно запутывающія исторію Хорватіи того времени. Итакъ, мы не сомнѣваемся, что Держиславъ былъ сынъ Кресимира и наслѣдовалъ отцовскій престолъ только около 970 года, или немного прежде. Время, протекшее отъ смерти Мирослава до воцаренія Держислава, время, обнимающее около 15 лѣтъ, совпадающихъ съ лѣтами юности Держислава, было очень смутнымъ временемъ. Это смутное время потрясло основаніе прежняго могущества Хорватіи, которая въ это время была низведена на степень посредственнаго Государства. Мы далѣе увидимъ, въ чемъ собственно заключалось распаденіе Хорватскаго могущества, при чемъ укажемъ на нѣкоторые виѣшніе дѣятели, не мало способствовавшіе политическому униженію Хорватіи. Здѣсь же остановимся на царствованіи Держислава, въ которомъ мы найдемъ новое подтвержденіе защищаемому нами мнѣнію.

Самымъ крупнымъ событіемъ этого царствованія есть, безъ сомнѣнія, Венеціанская война³¹⁾. Войну эту объявляетъ Венеція, которая въ прежнее время, нужно замѣтить, платила опредѣленную ежегодную дань Хорватамъ. Знаменитый Петръ Орсеоло, сдѣлавшійся Дожемъ въ 962 г., не только прекратилъ платежъ этой дани, но изъ подтишка склонялъ къ тому же и Далматинскіе города, которые также были обязаны платить дань Хорватамъ. Не довольствуясь этимъ, онъ началъ готовиться къ войнѣ съ Хорватами, съ цѣлю отнять у нихъ эти Далматинскіе города. Достоинно примѣчанія, что предъ началомъ, войны онъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ (Дандула) испрашивалъ на это согласія Византійскаго Императора, Василия II, который и поспѣшилъ дать свое согласіе. Заручившись имъ, Петръ Орсеоло, въ 968 г., двинулся со всѣмъ флотомъ къ Далматин. Что же дѣлаетъ Держиславъ въ виду этой грозы? Какъ только Петръ приблизился къ Далматин (прибылъ въ Задаръ), „Хорватскій Король (говоритъ лѣтописецъ), предвидя, что Дождъ явился для покоренія подвластнаго ему народа, поспѣшилъ задобрить его ласковыми словами посредствомъ Пословъ“. Но Петръ не обратилъ вниманія на рѣчи Пословъ и, отпустивъ ихъ, продолжалъ свои враждебныя дѣйствія противъ Держислава. Походъ Петра, какъ видно изъ подробнаго описанія, оставленнаго современникомъ, Іоанномъ Венеціанскимъ, походилъ скорѣе на триумфъ, чѣмъ на военное предпріятіе: вездѣ воинственный Дождъ былъ встрѣчаемъ, такъ сказать, съ распростертыми объятіями: въ городѣ Осорѣ, находящемся на островѣ Кресѣ, сошлись жители сосѣднихъ городовъ, какъ Романскаго, такъ и Славянскаго, племена, и принесли Дожу присягу вѣрности. Въ главномъ городѣ приморской Далматин его дожидались предствители отъ всѣхъ городовъ и острововъ: они встрѣтили его съ большимъ торжествомъ и съ изъявленіемъ покорности, которую подтвердили клятвою надъ Евангеліемъ. Мало того, нѣкоторые Далматскіе города присоединили къ нему свои силы, заручившись которыми, онъ двинулся покорять укрѣпленные приморскіе города Хорватовъ. Онъ успѣлъ безъ всякаго сопротивленія взять Бѣлградъ, островъ Ургадъ (Левиградъ), Трогиръ и др. Въ то же самое время онъ принудилъ неугомонныхъ Неретванъ отказаться отъ дани,

³¹⁾ Рачкій, „Rad jugosl. ak.“ XXV, 190—202.

которую они получали дотолѣ отъ Венеціи, и обязаться не нападать на будущее время на Венеціанскіе корабли и купцовъ; обязательство это было утверждено шестью заложниками, которыхъ Неретване должны были дать побѣдоносному Дожу. Дубровникъ также поспѣшилъ покориться и принести присягу вѣрности. Только островъ Ластовъ, хорошо укрѣпленный природою и искусствомъ, выказалъ нѣкоторое сопротивленіе и далъ поводъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Сопротивленіе, конечно, было легко сломано, и вздумавшіе сопротивляться Ластовляне были легко усмирены. Послѣ этого неимовѣрнаго успѣха, доставившаго Венеціи не только Романскіе города Далматіи и острова, но и нѣсколько важныхъ мѣстъ собственно Хорватскихъ, Петръ Орсеоло возвратился въ Венецію отпраздновать тріумфъ и провозгласить себя „Dux Dalmatiae“.

Походъ Петра Орсеоло, со времени котораго Венеція дѣлается Царицей Адриатическаго моря, походъ, ознаменованный установленіемъ извѣстнаго обряда, обрученія Венеціанскихъ Дожей съ Адриатикой, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуешь о крайнемъ политическомъ упадкѣ, въ которомъ находилась Хорватія въ царствованіе Держислава, и который, безъ всякаго сомнѣнія, произошелъ еще до начала царствованія его, въ то самое смутное время, начало котораго видѣлъ и описалъ Константинъ Багрянородный. Упадокъ былъ такъ великъ, что Держиславъ не былъ въ состояніи дать какой ни будь отпоръ, даже и послѣ того, какъ мирныя его предложенія были отвергнуты такимъ оскорбительнымъ для него образомъ.

Весьма любопытно во всей этой исторіи поведеніе Византіи. Короли Хорватскіе, въ качествѣ ея подручниковъ, владѣли приморскими городами и островами, считавшимися ея владѣніями. И вдругъ, не обращая вниманія на это, она дарить свои права на эти города Венеціи, оказываетъ ей поддержку къ отнятію ихъ у ея прежнихъ подручниковъ и къ униженію послѣднихъ. Такое поведеніе Византіи заставляетъ думать, что она не только не довѣряла Хорватскимъ Королямъ, но и опасалась ихъ. Опасеніе ея было не безъ основаній: оно внушено поведеніемъ могущественныхъ Королей Томислава и Кресимира, которые мало стѣснялись подручными отношеніями и, какъ кажется, совсѣмъ забыли про нихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самостоятельная политика этихъ могущественныхъ Государей зародила въ Византіи мысль объ уничтоженіи политическаго

могущества Хорватовъ, мысль, надъ осуществленіемъ которой она начала работать очень рано, еще въ царствованіе Креси-мира. Въ этомъ удостовѣряетъ политика, которую Византія проводила еще до начала упадка Хорватіи на восточной и южной границѣ ея, среди тамошнихъ Славянскихъ племенъ. Свойства и цѣль этой политики откроетъ намъ исторія этихъ племенъ во 2-й и 3-й четвертяхъ X вѣка, къ разсмотрѣнію которой мы уже должны теперь же перейти.

Около половины X вѣка, въ пограничной полосѣ, которая отдѣляла Болгаръ отъ Хорватовъ и на которой помѣщались пять Славянскихъ племенъ: Дукляне, Травуняне, Неречане, Босняки и Сербы, очень возвысились и достигли важнаго политическаго значенія послѣдніе, Сербы. Возвышеніе это было достигнуто Сербамъ, благодаря содѣйствію Византіи. Силою вещей она, какъ мы видѣли, принуждена была сдѣлать Болгарамъ большія уступки, доставившія Болгарскому Царству весьма грозное внѣшнее могущество, которое въ рукахъ способнаго и дѣятельнаго Правителя могло совсѣмъ сокрушать власть Имперіи въ Европѣ. Въ то же самое время, она была принуждена сдѣлать немаловажныя уступки и Хорватамъ, уступивъ ихъ Королю, Томиславъ, свою власть надъ Далматинскими городами. Правда, въ замѣнъ этой уступки она обязала Хорватскаго короля подручническою зокорностію, по могущественные тогдашніе Короли, Томиславъ и Кресимиръ Старшій, усилившись еще болѣе пріобрѣтеніемъ Византійскихъ владѣній, мало стѣснялись этимъ обязательствомъ: во 2-й половинѣ X вѣка не было болѣе и помину о подручническихъ обязательствахъ Хорватіи относительно Византіи, между же тѣмъ владѣнія послѣдней входили уже въ составъ Хорватскаго Государства, какъ его неотъемлемая часть. Вѣрная своей исконной и испытанной вѣками политикѣ, Византія постаралась создать на границѣ опаснаго для нея могущественнаго Болгарскаго Царства и оказавшейся ненадежною подручной Хорватіи, отдѣльное, преданное сѣй Государство. Сербское племя, издавна стремившееся къ самостоятельному историческому существованію и, въ слѣдствіе этого, одинаково враждебное, какъ Болгарамъ, такъ и Хорватамъ, стоявшимъ поперекъ этому стремленію, предлагало весьма надежныя задатки для такого Государства, какос Византійская политика желала видѣть на границѣ Болгаріи и Хорватіи.

Царь Симеонъ, извѣдавъ на опытѣ непреодолимое стремленіе Сербовъ къ самостоятельному политическому существованію, равно какъ и ихъ сильное влеченіе къ полезной для этихъ стремленій Византіи, принялъ въ 924 году рѣшительныя мѣры къ совершенному раздавленію ихъ. По словамъ Багрянороднаго, вожди Болгарскіе, занявъ Сербію, плѣнили все населеніе ея, „весь народъ отъ мала до велика перевели въ Болгарію, и только немногіе избѣгли этой участи, удалившись въ Хорватію, и страна осталась опустѣлою“³²⁾. Свидѣтельство Константина не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ: такое полное опустошеніе Сербской земли Болгарами не оправдывается послѣдующими событіями. Несомнѣнно лишь то, что лучшая часть Сербскаго народа была дѣйствительно переведена въ Болгарское Царство и разсѣяна по разнымъ областямъ его. Знатнѣйшіе содержались въ столицѣ Болгарской, нѣкоторые даже жили при Дворѣ. За возстановленіе раздавленнаго такимъ образомъ Сербскаго племени ухватилась Византія, какъ только, со смертію грознаго для нея Симеона, положеніе дѣлъ въ Болгаріи и ея отношенія къ Имперіи измѣнились къ выгодѣ послѣдней. Орудіемъ, нужно прибавить, достойнымъ орудіемъ, видовъ Византіи относительно Сербіи сдѣлался Чеславъ, занимающій видное мѣсто въ исторіи Южнаго Славянства того времени.

Чеславъ родился въ Болгаріи; мать его была Болгарка, отецъ же Сербъ, извѣстный Клонимиръ Строирировичъ, который, во время смутъ, раздиравшихъ Сербскій Великожупанскій родъ Властимира, былъ вынужденъ выслѣдиться въ Болгарію, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и дядей, Гойникомъ. Это происходило еще при Борисѣ, который хорошо принялъ изгнанниковъ и женилъ молодого Клонимира на знатной, по видимому, Болгаркѣ, отъ которой и родился Чеславъ³³⁾. Отца онъ лишился будучи ребенкомъ³⁴⁾. Выросшій въ Болгаріи и воспитанный матерью Болгаркою, Чеславъ могъ сдѣлаться совершеннымъ Болгариномъ, забыть свое Сербское происхожденіе по отцу. Но Болгаре сами воспитали въ немъ Сербскій духъ, развили сознаніе права на Сербію, выдавая его за законнаго притязателя на ея Великожупанскій престолъ.

³²⁾ „De admin. imperio“, 158.

³³⁾ Тамъ же, 155.

³⁴⁾ Около 897-го года Клонимиръ, уйдя изъ Болгаріи, возвратился въ Сербію съ намѣреніемъ отнять Великожупанскій престолъ у Петра, но въ одномъ сраженіи съ этимъ послѣднимъ былъ убитъ. Багрянородный, тамъ же, 156.

Какъ извѣстно, походъ Болгаръ въ 924 году на Сербію, кончившійся раздавленіемъ послѣдней, былъ предпринятъ подъ предлогомъ возведенія Чеслава на Великожупанскій престолъ. Чеславу было тогда около 25—30 лѣтъ; печальная комедія, которую Болгаре заставили его играть въ дѣлѣ раззоренія Сербіи, глубоко запала въ его, по видимому, честолюбивую душу, пробудивъ въ ней чувство мести, которое пришлось таить цѣлыхъ семь лѣтъ. Около 931 года, когда въ Болгаріи правленіе Симеона было уже замѣнено правленіемъ Петра, и враждебныя отношенія къ Византіи уступили мѣсто самому тѣсному сближенію и союзу, Чеславъ вдругъ оставилъ Болгарскую столицу и удалился въ Сербію. Вмѣстѣ съ нимъ удалились туда еще четверо знатныхъ Сербовъ, томившихся въ Прѣславѣ со времени раззоренія ихъ родины въ 924. И началась работа для возстановленія независимости Сербіи. Работа совершалась не только при содѣйствіи, но даже подъ руководствомъ, Византіи, какъ видно изъ слѣдующаго разсказа Багрянороднаго³⁵). „Прибывъ въ Сербію (говоритъ онъ), Чеславъ нашелъ тамъ не болѣе пятидесяти человѣкъ мущинъ, не имѣвшихъ ни женъ, ни дѣтей, и занимавшихся охотою, звѣриною ловлею. Съ помощію ихъ занявъ страну, онъ обратился къ Императору черезъ пословъ, прося у него покровительства и помощи, въ замѣнъ чего обѣщалъ ему покорность, какую и до него Правители Сербскіе оказывали Византійскому Императору. Съ этого времени Императоръ не переставалъ благодѣтельствовать Чеславу, и Сербы, разсѣянные Симеономъ по Хорватіи, Болгаріи и другимъ странамъ, услышавши объ этомъ, со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ нему: многіе, уходя изъ Болгаріи, приходили въ Константинополь. Императоръ снабжалъ ихъ одеждою, оказывалъ и другія благодѣянія и препровождалъ къ Чеславу“.

Тутъ все ясно, каждое слово внушительно: одно только показаніе этого свидѣтельства требуетъ, по нашему мнѣнію, поправки, то именно, будто Чеславъ вступилъ въ переговоры съ Византіею только по удаленіи изъ Болгарской столицы въ Сербію. При тогдашнихъ торжественныхъ заявленіяхъ о тѣсномъ союзѣ Болгаріи съ Византіею, Чеславъ врядъ ли бы могъ разсчитывать на поддержку своего дѣла со стороны Византіи,

³⁵) Тамъ же, 158, 159.

если бы послѣдняя заранѣе не общала ему своего содѣйствія, или если бы, по крайней мѣрѣ, не дала знать подъ рукою, чтобы онъ не слишкомъ стѣснялся ея внѣшними доказатель-ствами дружбы къ Болгарамъ. Мы склонны по этому думать, что переговоры съ Византіею начались уже въ то время, когда Чеславъ находился еще въ Прѣславѣ, и что только послѣ этихъ переговоровъ, заручившись поддержкою Византіи, онъ отважился на свое смѣлое предпріятіе. Багрянородный могъ не знать этой подпольной работы; ибо, какъ извѣстно, Императоръ Романъ держалъ его въ дали отъ дѣлъ правленія и не имѣлъ причины посвящать его въ сокровенныхъ пружинахъ Византійской политики. Болгарскіе Правители не предпринимали никакихъ мѣръ къ предотвращенію возникавшей опасности со стороны Сербовъ; они не поражались и поведеніемъ Византіи, не замедлившей явно поддерживать предпріятіе Чеслава. Такое равнодушіе ихъ къ этому дѣлу объясняется очень легко, если припомнимъ, что начало предпріятія Чеслава совпадаетъ съ возстаніями братьевъ Петра, Іоанна и Михаила, для усмиренія коихъ, какъ мы видѣли³⁶⁾, Болгарскіе Правители прибѣгли къ содѣйствію, по крайней мѣрѣ, къ совѣтамъ, Византіи. При такомъ положеніи дѣлъ Византія съумѣла придать благоприятный видъ своему поведенію въ Сербскомъ движеніи, представляя, по видимому, возвращеніе Сербіи ея политической самостоятельности необходимою жертвою для скорѣйшаго успокоенія внутреннихъ смуть Болгаріи. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что Сербія была возстановлена главнымъ образомъ съ содѣйствіемъ Византіи. Багрянородный прямо утверждаетъ это, говоря: „Съ помощію Императора и благодаря его щедрымъ благодѣяніемъ, была возстановлена эта страна (Сербія), и Чеславъ билъ утвержденъ тамъ Правителемъ“³⁷⁾. Чеславъ, конечно, умѣлъ цѣнить поддержку Византіи и платить за нея подобающею благодарностію. Еще около 950 года Багрянородный называетъ его самымъ послушнымъ подручникомъ Византійскаго Императора (ἐστὶν ὑποτάχμενος δουλοπρεπώς). Для политическихъ видовъ Византіи недостаточно было возстановить Сербію въ ея прежнихъ предѣлахъ, которые, какъ мы уже видѣли, были очень незначительны. Чтобы сдѣлать ее опасною для Болгаръ и Хорватовъ, нужно было усилить ее, возвели-

³⁶⁾ См. выше въ 3-й главѣ.

³⁷⁾ „De administr. imp.“ 159.

чить, что также до нѣкоторой степени было достигнуто. Арабскій писатель Альмасуди, писавшій между 930—950 г., именно во время правленія Чеслава, и почерпнувшій свои свѣдѣнія о Сербіи въ Византійской столицѣ³⁸⁾, представляетъ Сербовъ какъ особенно важное племя: „Это Славянское племя грозно (своимъ противникамъ) по причинамъ, упоминаніе коихъ было бы длинно, по качествамъ, изложеніе которыхъ было бы пространно, и по отсутствію въ близи ихъ Государства, которому бы они подчинялись“³⁹⁾. Это свидѣтельство, оставленное современникомъ Чеслава, проливаетъ довольно яркій свѣтъ на политическое положеніе Сербіи того времени. Изъ него мы узнаемъ, что еще недавно, чуть не стертая съ лица земли, Сербія, послѣ возстановленія ея Чеславомъ, быстро оправилась, достигла весьма виднаго политическаго положенія, какого прежде никогда не достигала. Свидѣтельство Альмасуди находитъ полное подтвержденіе въ нѣкоторыхъ замѣткахъ Багрянороднаго о политическомъ значеніи Сербіи того времени, замѣткахъ, требующихъ критическаго пользованія ими. Изъ этихъ замѣтокъ, писанныхъ около 950 года, видно, что Сербы, т. е., Чеславъ, владѣли не только Сербіею, но и частію Босны, именно: округами Котора и Десника⁴⁰⁾. Далѣе, что владѣтель Травунии съ Конавлемъ находился тоже подъ властію Сербскаго Правителя. Константинъ замѣчаетъ, что это и всегда было такъ, но явно противорѣчитъ исторической истинѣ⁴¹⁾. По всей вѣроятности, тогда же были приведены въ нѣкоторую зависимость отъ Сербовъ и прочія Южно-Далматинскія племена: Неретване, Захлумляне и Дукляне, или, по крайней мѣрѣ, имѣлось въ виду привлечь ихъ къ союзу, во главѣ котораго стоялъ Правитель Сербіи, Чеславъ; по словамъ Багрянороднаго, всѣ эти племена — Сербы. Отзывы Альмасуди и Багрянороднаго о политическомъ могуществѣ, достигнутомъ Сербіею въ это время, придаютъ нѣкоторое историческое значеніе рассказамъ Дуклянскаго Пресви-

³⁸⁾ Гаркави, „Сказанія Мусульманскихъ писателей“ и пр. стр. 117, 120 и примѣч. 4.

³⁹⁾ Опъ же, тамъ же, 136 и примѣч. 12.

⁴⁰⁾ Багрянородный не говоритъ о Босніи, какъ объ особенной, самостоятельной области, а включаетъ ее въ границы Сербіи, называя ее частію послѣдней. См. тамъ же, 145, 159. Это объясняется тѣмъ, что около 950-го года, когда, Багрянородный писалъ свое сочиненіе и когда въ Сербіи правилъ Чеславъ, Боснія находилась подъ властію Сербовъ. Отсюда, однако, отнюдь не слѣдуетъ заключать, какъ дѣлаютъ обыкновенно, что Боснія и въ прежнес время всегда составляла удѣльную область Сербіи.

⁴¹⁾ Тамъ же, 161.

тера о Чеславѣ. Въ этихъ, сравнительно, очень подробныхъ, рассказахъ, изукрашенныхъ многими небылицами, Чеславъ представляется весьма могущественнымъ Государемъ, владѣтелемъ не только Сербіи, но и всѣхъ Южно-Далматинскихъ Славянъ⁴²). Византія поддерживала эти властолюбивые замыслы преданнаго ей подручника, такъ какъ осуществленіемъ ихъ ослаблялся другой могущественный, но ненадежный, подружникъ, Король Хорватскій, и создавалось противовѣсіе Болгарскому напору. Вообще къ дѣлу Чеслава сочувственно относились въ Византіи, оказывали ему не только матеріальную помощь, но и старались теоретически оправдать его властолюбивыя стремленія. Въ это именно время утвердилось теорія, что всѣ Южно-Далматинскія Славянскія племена суть части одного народа, Сербскаго, и всегда будто составляли одинъ политическій союзъ, теорія, которую съ особенною заботливостію развиваетъ Константинъ Багрянородный. Теорія эта крайне несостоятельна; главные положенія ея находятся въ прямомъ противорѣчій съ показаніями другихъ современныхъ источниковъ, но тѣмъ не менѣе заключающіяся въ ней показанія Константина доселѣ ошибочно принимались изслѣдователями за историческія свидѣтельства; отъ этого неправильнаго пониманія ихъ произошли тѣ несообразности, та путаница въ древнѣйшей исторіи этихъ племенъ, на которыя уже было указано нами.

Теорія эта важна въ томъ смыслѣ, что она показываетъ намъ, что около 950 г. носилась уже идея объединенія этихъ племенъ подъ властію Сербовъ, идея, которая сложилась подъ вліяніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя побудили Византію хлопать объ усиленіи Сербіи.

Политическое могущество, столь быстро достигнутое Чеславомъ, объясняется какъ поддержкою со стороны Византіи, такъ и выгоднымъ, для его политическихъ замысловъ, положеніемъ дѣлъ въ сосѣднихъ Государствахъ. Болгарія въ это время была потрясана внутреннимъ волненіемъ, приведшимъ ее къ раздробленію на двѣ части, враждебно расположенныя одна къ другой. Съ востока, слѣдовательно, Чеславъ былъ обезпеченъ. Въ Хорватіи, послѣ Кресимира, начались смуты, какъ извѣстно, погубившія прежнее могущество Хорватіи. Главная причина политическаго упадка Хорватіи заключалась въ отдѣленіи отъ

⁴²) „Regnum Slavorum,“ с. XVII, XVIII, XIX.

союза съ Хорватами Южно-Далматинскихъ Славянъ и послѣдовавшемъ отсюда раздробленіи ихъ силъ. Съ этой стороны, значить, не только исчезла всякая опасность для Чеслава, но еще и открылось обширное поприще для его властолюбивыхъ замысловъ. Объясняясь вполнѣ удовлетворительно этимъ положеніемъ дѣлъ на западѣ, усиленіе Чеслава въ то же самое время служить блистательнымъ подтвержденіемъ развитаго нами положенія о томъ, что распаденіе могущества Хорватіи началось не задолго до половины X-го вѣка.

Изъ разсказовъ Багрянороднаго о Чеславѣ видно, что послѣдній былъ еще живъ около времени написанія этихъ разсказовъ, около 950—953 г. Принимая при этомъ въ соображеніе время рожденія Чеслава, около 890 г., можно смѣло утверждать, что ему было тогда около 60-ти лѣтъ. Какъ долго продолжалось послѣ этого его правленіе, не извѣстно. Дуклянскій Пресвитеръ разсказываетъ, что онъ кончилъ жизнь очень печально: „Мадьяры напали на него гдѣ-то въ Срѣмѣ, взяли его въ плѣнъ, связали руки, ноги и бросили въ рѣку Саву“⁴³⁾. Но разсказъ этотъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. По словамъ Дуклянца, такое несчастіе постигло Чеслава въ наказаніе за то, что онъ нѣкогда возсталъ противъ своего отца и Короля (!?), Радослава (?), отнялъ у него власть и, изгнавъ изъ земли, заставилъ бѣжать въ Римъ. Эти подробности такъ противорѣчатъ изложеннымъ нами достовѣрнымъ свидѣтельствамъ о Чеславѣ, что можно даже усомниться, объ этомъ ли въ самомъ дѣлѣ Чеславъ говоритъ Дуклянскій историкъ. Такъ же мало идетъ къ нему и разсказъ о трагической кончинѣ его въ Срѣмѣ, разсказъ, по замѣчанію Гильфердинга⁴⁴⁾, „имѣющій всѣ признаки неподдѣльнаго народнаго преданія“. Прежде всего тутъ бросается несообразность относительно мѣста, гдѣ происходила война его съ Уграми и гдѣ онъ былъ плененъ: это Срѣмъ, принадлежавшій или Болгарамъ, или Хорватамъ⁴⁵⁾, но ни какъ не Чеславу, которому, слѣдовательно, нечего было тамъ дѣлать съ Уграми.

Изъ разсмотрѣнной нами исторіи Чеслава видно, что около половины X-го вѣка политическое положеніе дѣлъ въ занимающихъ насъ Южно-Славянскихъ областяхъ находилось въ слѣ-

⁴³⁾ „Regnum Slavorum.“ с. XIX.

⁴⁴⁾ „Собраніе сочиненій“ I, 167.

⁴⁵⁾ См. выше, въ 3-й главѣ, примѣчаніе 64.

дующемъ видѣ: Сербія тутъ пользовалась довольно значительнымъ могуществомъ: часть Босны, именно восточная половина ея, въ которой лежали города Которъ и Десиникъ, принадлежала ей; Травунія съ Конавлемъ признавала надъ собою верховную власть Сербскаго Великаго Жупана; въ нѣкоторую зависимость отъ него приведены были, кажется, подъ конецъ также Захлумье и Дукля⁴⁶). Политическое преобладаніе во всѣхъ этихъ областяхъ было достигнуто, повторяемъ, Сербами на счетъ Хорватовъ, которые, какъ мы уже видѣли, пользовались въ нихъ нѣкоторымъ вліяніемъ при Короляхъ Томиславѣ и Кресимирѣ.

Послѣ Чеслава, умершаго, вѣроятно, около 960 г., всѣ поименованныя выше области, съ Сербіею включительно, погружаются въ густой историческій мракъ, въ которомъ остаются около тридцати лѣтъ. Мракъ этотъ нѣсколько проясняется только около конца X вѣка, когда Болгарія оправившись отъ постигшаго ее незадолго передъ тѣмъ политическаго уничтоженія, снова заняла, при Самуилѣ, первенствующее мѣсто на полуостровѣ. Послѣ перваго похода Императора Василия II противъ Болгаръ, въ 981 г., похода, кончившагося полною неудачею для Византіи, эта послѣдняя, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, не могла противопоставить никакого, сколько ни будь важнаго, сопротивленія завоевательнымъ стремленіямъ Самуила. Императоръ Василій въ это время долженъ былъ воевать съ другими врагами Имперіи: съ Оттономъ II и съ Сицилійскими и Африканскими Арабами въ Южной Италіи, съ Русскими на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ Херсонской (Корсунской) темѣ. Но, кромѣ этихъ внѣшнихъ войнъ, вниманіе Василія отвлекали отъ Болгаръ и внутреннія волненія, разразившіяся въ 987 г., опасною для его власти гражданскою войною, продолжившеюся около двухъ лѣтъ⁴⁷). Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Имперіи, Самуилъ дѣятельно продолжалъ низпроверженіе ея власти на полуостровѣ; особенно успѣшно онъ велъ это дѣло во время гражданской войны⁴⁸), между 987 и 989 г.; не подлежитъ сомнѣнію, что въ это именно время онъ завоевалъ всю Диррахійскую тему, вмѣстѣ

⁴⁶) Рачкій утверждаетъ положительно, что, подобно Травуніи, и Захлумье съ Дуклей находились тогда подъ верховною властію Великаго Жупана Сербскаго (Чеслава). См. „Rad jugoslavenske akademie“ XXIV, 34. Но для такого утвержденія нѣтъ достаточныхъ основаній въ имѣющихся историческихъ свидѣтельствахъ.

⁴⁷) Рачкій, тамъ же, 112—114.

⁴⁸) Кедринъ II, 447.

съ главнѣйшими Византійскими городами на Адриатическомъ морѣ: Драчемъ (Дураццо), котораго, какъ мы видѣли, тщѣтно добивался Симеонъ, и Лешемъ (Алессіо), лежащимъ у устья рѣки Дрина⁴⁹⁾. На правомъ берегу этой рѣки начинались уже, занимающія насъ, Славянскія области, къ завоеванію которыхъ было приступлено Самуиломъ немедленно послѣ завоеванія со-сѣдней съ ними Византійской (Диррахійской) темы. Дуклянская земля первая подверглась нападенію; въ ней правилъ тогда Іоаннъ-Владимиръ, „мужъ, по словамъ Византійскаго лѣтописца, праведный, миролюбый и добродѣтельный“⁵⁰⁾. Не будучи въ состояніи отразить нападеніе Болгарскаго войска, Іоаннъ-Владимиръ, по словамъ его жизнеописателя⁵¹⁾, удалился „со всѣмъ своимъ народомъ“ (съ своимъ войскомъ) въ горы, надѣясь отстоять тамъ свою независимость. Вскорѣ, однако, онъ долженъ былъ убѣдиться въ тщетности этой надежды, и сдался Самуилу, который „отослалъ его въ изгнаніе, въ Охридскую страну“, но потомъ обошелся съ нимъ очень милостиво, сдѣлавъ его своимъ зятемъ⁵²⁾. За покореніемъ Дуклянской земли слѣдовало завоеваніе Травуни, Захлумья, Босны (по видимому, только южной части ея) и Сербіи. Единственный Епископъ сей послѣдней, пребывавшій въ Расѣ, былъ подчиненъ тогда Болгарскому Архіепископу (Патріарху)⁵³⁾. Присоединеніе всѣхъ этихъ Славянскихъ областей къ Болгарскому Царству совершенно было не какимъ ни будь мирнымъ путемъ, а военнымъ походомъ, который „Дубровницкія лѣтописи и записали какъ ужаснѣйшее военное нашествіе“⁵⁴⁾. Походъ этотъ, предпринятый Самуиломъ сейчасъ послѣ покоренія Диррахійской темы, былъ оконченъ, по всей вѣроятности, еще до окончанія гражданской войны въ Имперіи, т. е., до 989 г. Послѣ 990 г. Самуиль уже началъ готовиться къ войнѣ, имѣвшей цѣлію низпроверженіе власти Имперіи на южныхъ оконечностяхъ полуострова (въ 995 г. онъ уже стоялъ подъ Солунемъ⁵⁵⁾, а объ

⁴⁹⁾ Гильфердингъ, „Собраніе сочиненій“ I, 213.

⁵⁰⁾ Кедринъ II, 463.

⁵¹⁾ До насъ дошли два житія Іоанна-Владимира, причисленнаго къ лику Святыхъ, служашія главнымъ источникомъ исторіи завоеванія Южно-Далматинскихъ Славянъ Самуиломъ. Критическую оцѣнку этихъ памятниковъ см. въ статьѣ Рачаго: „Ocjena starijih izvora“, „Književnik“ 1864, str. 218, 219.

⁵²⁾ Гильфердингъ, тамъ же, I, 217—221.

⁵³⁾ Голубинскій, „Краткій очеркъ исторіи Православныхъ Церквей“ и пр. 77, 262.

⁵⁴⁾ Гильфердингъ, тамъ же I, 215.

⁵⁵⁾ Гильфердингъ, тамъ же, I, 241; Рачкій, „Rad“ XXIV, 117.

этой войнѣ онъ сталъ поминаль только послѣ прочнаго утвержденія своей власти на Адриатическомъ поморьѣ и въ помянутыхъ Славянскихъ областяхъ.

Легкость, съ какою Болгаре завоевали эти области, пользующіяся весьма выгоднымъ, въ стратегическомъ отношеніи, положеніемъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Болгарское нашествіе застало ихъ въ полной политической разрозненности, въ слѣдствіе которой они не могли противопоставить врагу какого ни будь важнаго сопротивленія. А то обстоятельство, что завоеваніе ихъ слѣдовало непосредственно за завоеваніемъ сосѣдней съ ними Византійской области, ведетъ къ предположенію, что онѣ признавали надъ собою верховную власть Византійцевъ или, по крайней мѣрѣ, дружили съ ними. По отношенію къ Дуклѣ предположеніе это оправдываетъ и выше приведенный похвальный отзывъ Византійскаго лѣтописца объ ея Правителѣ, Іоаннѣ-Владимирѣ⁵⁶). Это положеніе занимающихъ насъ Славянскихъ областей около 990 г. бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на предшествующій тридцатилѣтній періодъ ихъ исторіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ это темное время Государство, основанное тутъ Сербскимъ Великимъ Жупаномъ Чеславомъ, распалось вскорѣ послѣ смерти своего основателя: объединенныя въ одно политическое цѣлое подъ верховенствомъ Сербовъ племена возвратились къ завѣтной политической разрозненности, отдавшись, каждое отдѣльно, подъ покровительство Византіи. Установленіе этого разрозненнаго политическаго быта на мѣстѣ созданнаго Чеславомъ государственнаго единства, безъ сомнѣнія, составляетъ главное содержаніе исторіи Сербовъ, Захлумлянъ, Травуныи и Дуклянъ въ рассматриваемый періодъ времени.

Итакъ усилія Чеслава создать изъ этихъ Славянскихъ племенъ одно прочное политическое цѣлое подъ главенствомъ Сербовъ оказались преждевременными. Но тѣмъ не менѣе дѣятельность его не прошла совершенно даромъ: ею впервые вызвана къ жизни идея политическаго и національнаго объединенія этихъ племенъ и намѣченъ къ этому объединенію, совершенному только черезъ двѣсти лѣтъ Стефаномъ Неманею. Въ продолжительное правленіе Чеслава имя Сербовъ успѣло нѣсколько распространиться на объединенныя въ послѣдствіи Неманей,

⁵⁶) Сравните слова Рачкаго объ отношеніи Іоанна-Владимира къ Византійской Имперіи, въ „Rad“ XXIV, 115.

племена, сдѣлаться общимъ ихъ именемъ, подѣ которымъ съ этого времени они нерѣдко уже появляются въ историческихъ памятникахъ, чего нѣтъ еще въ памятникахъ, писанныхъ до Чеслава⁵⁷⁾. Въ этихъ послѣднихъ, древнѣйшихъ памятникахъ, имя Сербовъ употребляется въ тѣсномъ смыслѣ, какъ названіе извѣстнаго небольшого племени.

Государство Чеслава, по видимому, распалось по двумъ причинамъ: въ слѣдствіе неспособности его приемниковъ и въ слѣдствіе перемѣны къ нему Византійской политики, поддержкѣ которой главнымъ образомъ оно было обязано своимъ существованіемъ. Императоры Романъ II (959—963), Никифоръ Фока (953—969) и Іоаннъ Цимисхій (969—976), не раздѣляли политическаго сочувствія къ Сербамъ, которымъ, такъ сказать, были проникнуты Романъ Лакапинъ и Константинъ Багрянородный. Извѣстное положеніе дѣлъ въ Болгаріи и Хорватіи которымъ, какъ мы уже знаемъ, обуславливалось это сочувствіе Романа Лакапина и Багрянороднаго, измѣнилось уже около половины X-го вѣка къ выгдѣ Имперіи, для которой, въ слѣдствіе этого, уже миновала надобность въ политическомъ объединеніи Сербовъ и южныхъ Далматинцевъ.

Выведенное нами изъ сопоставленія, хотя и отрывочныхъ, но достовѣрныхъ, данныхъ заключеніе объ общемъ характерѣ исторической жизни Сербовъ, Захлумлянъ, Травунянъ, Дуклянъ въ разсматриваемый тридцатилѣтній періодъ времени, придаетъ историческую достовѣрность одному свидѣтельству Дуклянской лѣтописи объ этомъ же предметѣ. Для незнакомыхъ съ этою лѣтописью читателей считаемъ не лишнимъ замѣтить, что составитель ея, безымянный Дуклянскій Пресвитеръ, разсматриваетъ всѣ эти области, какъ составныя части одного Государства, называемаго имъ „Славянскимъ Королевствомъ (*regnum Slavorum*)“ и, по сказанію его, основаннаго Готами еще во время Императора Анастасія (491—518). Послѣ извѣстнаго уже намъ разсказа этой лѣтописи о гибели Чеслава, мы въ ней читаемъ: „Погибъ онъ (Чеславъ) и весь домъ его,

⁵⁷⁾ Намъ тутъ могутъ возразить указаніемъ на акты перваго Сплитскаго Собора, 924 г., гдѣ Южные Далматинцы названы Сербами. Палскіе Лгаты, говорится тамъ, прибывъ, по просьбѣ Хорватскаго Короля, Томислава, и Владѣтеля Захлумскаго, Михаила, въ Далматію, нѣсколько времени путешествовали по владѣніямъ названныхъ Государей, „*Chroatorum aqae Serborum proceribus convenientes*“. Farlati, *Illyr. sacr.* III, 92. Въ предупрежденіе этого возраженія, спѣшимъ замѣтить, что приведенныя Латинскія слова находятся въ предисловіи къ Соборнымъ постановленіямъ, которое, не сомнѣваемся, писано гораздо позднѣе.

и Баны стали властвовать каждый въ своей области, подчинили себѣ Жупановъ и брали съ нихъ подати, которыя прежде получались Государемъ. Никто не смѣлъ называться Королемъ И такъ управляли они много времени⁵⁸⁾. Но за этою характеристикою, въ общемъ правдивой, въ Дуклянской лѣтописи идетъ длинный рядъ разсказовъ, въ которыхъ знакомыя уже намъ отчасти небылицы ея достигаютъ чудовищныхъ размѣровъ. Въ виду того, что нѣкоторые историки придаютъ большее, или меньшее, значеніе этимъ разсказамъ, и на основаніи ихъ иначе представляютъ исторію разсмотрѣннаго нами времени, мы должны нѣсколько остановиться на нихъ.

По словамъ Дуклянскаго Пресвитера, смуты и неурядицы, начавшіяся въ „Славянскомъ Королевствѣ“, по смерти „Короля“ Чеслава и продолжавшіяся много времени, наконецъ были прекращены нѣкимъ Павлимиромъ, родословная коего полна нелѣпостями⁵⁹⁾. Оказывается, что Радославъ, коего, какъ мы видѣли, Дуклянецъ навязалъ въ отцы Чеславу Клонимировичу и заставилъ бѣжать отъ властолюбиваго сына въ Римъ, „женился тамъ на весьма знатной Римлянкѣ“, отъ которой родился у него сынъ Петриславъ, проведеншій тоже свой вѣкъ въ Римѣ. Этого-то небывалаго брата Чеславова, женившася также на благородной Римлянкѣ, былъ сыномъ Павлимиръ, явившійся, долгое время спустя, возстановителемъ Государства своего дяди. Онъ родился и выросъ, конечно, въ Римѣ. Переселившись оттуда въ Далматію, онъ построилъ⁶⁰⁾ тутъ городъ Дубровникъ (существовавшій, надобно замѣтить, уже нѣсколько столѣтій до этого времени), приобрѣлъ расположеніе Травунянъ, которые и провозгласили его Королемъ: изъ Травунии Павлимиръ и его ближайшіе преемники распространили свою власть и на другія части древняго Славянскаго Королевства⁶¹⁾. Павлимиру наслѣдовалъ его сынъ, Тѣшимиръ, который, послѣ долговременнаго и бурнаго правленія, оставилъ Королевство своимъ дѣтямъ: Прелимиру (въ лѣтописи называется иногда и Предимиромъ) и Кресимиру; Кресимиръ подчинилъ себѣ Босну и

⁵⁸⁾ „Regnum Slavorum“ cap. XIX; Гильфердингъ, тамъ же, I, 167, 168.

⁵⁹⁾ „Regnum Slavorum“, XIX, XX.

⁶⁰⁾ Срав. любопытныя извѣстія Дубровницкихъ лѣтописей объ этомъ Павлимирѣ, котораго онѣ относятъ къ VII вѣку, у Профессора Макушева: „Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“. Спб. 1867, стр. 1—3.

⁶¹⁾ „Regnum Slavor.“ XXI, XXII.

Хорватію (*Croatiam rubeam*), Прелимиръ же взялъ южную Далматію (*Croatiam albam, regnum patrum suorum*), а въ послѣдствіи распространилъ оттуда свою верховную власть и на Расу (Сербію), выгнавъ изъ нея Грековъ, которые было заняли ее послѣ завоёванія Болгаріи Іоанномъ Цимисхіемъ. Этотъ подвигъ, о которомъ подробный разсказъ Дуклянца приведенъ нами въ концѣ послѣдней главы, совершенъ Прелимиромъ сейчасъ по смерти Іоанна Цимисхія, случившейся въ 976 г. Итакъ изъ этихъ разсказовъ Діоклейской лѣтописи выходитъ, что съ 960 г., къ которому относится приблизительно смерть Чеслава, и до 976 г., въ который Прелимиръ подчинилъ себѣ Расу, т. е., въ теченіе какихъ ни будь 15 лѣтъ, въ „Славянскомъ Королевствѣ“, кромѣ смутной поры, продолжавшейся „много времени“, смѣнились три поколѣнія правителей (Павлимиръ, его сынъ Тѣшимиръ и сыновья послѣдняго: Прелимиръ и Кресимиръ). Не говоря о другихъ нелѣпостяхъ, которыми преисполнены занимающіе насъ тутъ разсказы, уже одно это достаточно обнаруживаетъ всю необузданность фантазіи Дуклянскаго Пресвитера. Дальнѣйшіе его разсказы, еще нелѣпѣе⁶²⁾. У Прелимира было четверо сыновей: Хвалимиръ, Болеславъ, Драгославъ, Превладъ, между которыми онъ подѣлилъ свои владѣнія на четыре области; лѣтопись называетъ эти области Тетрархією. Изъ сыновей Тетрарховъ особенно возвысился сынъ Болеслава, Сильвестръ: онъ объединилъ всѣ четыре области подъ своею властію и передалъ ихъ въ такомъ видѣ своему сыну, Тугимиру; послѣ Тугимира правилъ сынъ его Хвалимиръ, который передъ смертію раздѣлилъ Государство между тремя сыновьями: Петриславомъ, Драгомиромъ и Мирославомъ. Второй изъ нихъ, Драгомиръ былъ отцомъ Іоанна-Владимира, лица уже историческаго, правившаго, какъ намъ уже извѣстно, Дуклею, около 997 г. Выходитъ, слѣдовательно, что отъ Прелимира (975 г.) и до Іоанна-Владимира, т. е., въ теченіе уже и не 15, а только 10 лѣтъ, тутъ смѣнилось еще шесть поколѣній правителей; на каждое изъ нихъ Дуклянскій Пресвитеръ отводитъ не болѣе двухъ лѣтъ! Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ Южно-Славянскихъ учебникахъ и до сихъ поръ излагаются всѣ эти слишкомъ смѣлыя нелѣпости, какъ историческіе достовѣрные разсказы⁶³⁾.

⁶²⁾ Ibid. XXIV, XXV.

⁶³⁾ Любичъ, „Ogledalo kn. povesti jygoslavjenske, na podučavane mladež“. I, 161, 162.

Покойный Гильфердингъ, касаясь разсмотрѣнныхъ нами разсказовъ Дуклянской лѣтописи, по его словамъ, „до такой степени наполненной именами небывалыхъ Королей Сербскихъ и Хорватскихъ, что съ перваго взгляда не легко рѣшится ею пользоваться“⁶⁴⁾, пытался найти, и нашелъ, въ нихъ и кое-какіе „проблески несомнѣнной исторической были“. „Выкинувъ, говоритъ онъ, изъ Діоклейской лѣтописи княженія, которыя считаемъ себя въ правѣ назвать присочиненными, мы получимъ (разумѣется, въ видѣ гипотезы) слѣдующую историческую основу: послѣ Чеслава и прекращенія власти Великожупанской, въ приморской части земель Сербскихъ княжить Предимиръ (Прелимиръ), современникъ Святослава и Цимисхіа. Онъ пріобрѣтаетъ первенство надъ Жупанами Расы и раздѣляетъ свои владѣнія между 4-мя сыновьями возникаютъ въ странѣ междоусобія и внутренніе безпорядки, которые даютъ Боснякамъ и Хорватамъ случай вмѣшаться въ дѣла Сербской „тетрархіи“. Смуты эти кончаются гибелью нѣкоторыхъ изъ сыновей Предимировыхъ; власть достается старшему изъ нихъ Хвалимиру, Князю Зетскому, и переходитъ къ двумъ сыновьямъ его, Владимиру и Драгомиру“⁶⁵⁾. На основаніи этой гипотезы, главнымъ образомъ, Гильфердингъ объясняетъ „главное содержаніе Сербской исторіи“ во время, протекшее отъ смерти Чеслава и до завоеванія этихъ странъ Болгарами. „Мы видимъ, замѣчаетъ онъ, что въ X вѣкѣ вся историческая жизнь Сербскаго народа переходитъ изъ сѣвернаго и восточнаго края, изъ собственной Сербіи, на юго-западъ, что она сосредоточивается все болѣе и болѣе въ горномъ побережьи Адріатики“⁶⁶⁾. Другими словами, по мнѣнію Гильфердинга, политическій союзъ между Сербами, Захлумлянами, Травунянами, Дуклянами, продолжалъ существовать и послѣ Чеслава, съ тою только разницею, что во главѣ его стоялъ уже не Великій Жупанъ Сербскій, а владѣтели Травуни и Дукли.

Гипотеза Гильфердинга слишкомъ произвольна: безъ всякаго основанія она признаетъ „княженія“ Прелимира и Хвалимира историческими предпочтительно передъ другими многочисленными княженіями, которыя она принимаетъ за присочиненныя. Точно также безъ всякаго основанія она принимаетъ

⁶⁴⁾ Собран. сочин. I, 166.

⁶⁵⁾ Тамъ же I, 173.

⁶⁶⁾ Тамъ же I, 168.

Іоанна-Владимира за внука Прелимира, тогда какъ въ лѣтописи онъ показанъ въ шестомъ колѣнѣ. Полная несостоятельность этой произвольной гипотезы обнаруживается въ примѣненіи ея къ объясненію главнаго содержанія „Сербской Исторіи“ во 2-й половинѣ X-го вѣка. Въ XI и XII вѣкахъ горное побережье Адриатики дѣйствительно пользовалось довольно важнымъ политическимъ положеніемъ: тутъ, во 2-й половинѣ XI вѣка, мы встрѣчаемъ двухъ довольно могущественныхъ Государей: Михаила и, его сына, Константина Бодина, изъ коихъ первый, въ одномъ письмѣ къ нему Папы Григорія VII, названъ Королемъ (*Rex Slavorum*)⁶⁷⁾. Но этого политическаго значенія названное побережье, или, лучше сказать, Дукля, въ которой находилось средоточіе Государства Михаила и Бодина, стала достигать уже по завоеваніи Болгаріи Василиемъ Болгаробойцемъ, въ 1018 г.; во 2-й половинѣ X вѣка, значеніе ея, какъ мы видѣли, было ничтожно. Если Діоклейскій Пресвитеръ, жившій, замѣтимъ, около половины XII вѣка⁶⁸⁾, въ періодъ дѣйствительнаго возвышенія его родины, утверждаетъ противное, то это объясняется частію его патріотическимъ пристрастіемъ къ Дуклѣ, частію же незнаніемъ прошедшей исторіи ея; въ слѣдствіе этихъ причинъ онъ весьма легко могъ возвести начало современнаго ему политическаго положенія ея къ такому отдаленному времени. Въ виду всего этого намъ кажется, что и царствованіе Прелимира слѣдуетъ отнести также къ „присочиненнымъ“.

Относительно сего Прелимира (Предимира) мы позволимъ себѣ предложить на благоусмотрѣніе читателей другую гипотезу:

Длинный рядъ небывалыхъ Королей, о коихъ повѣствуетъ Дуклянская лѣтопись, появился, главнымъ образомъ, въ слѣдствіе того, что составитель этой лѣтописи производилъ въ Короли выдуманнаго имъ Славянскаго Королевства и соединялъ въ одну генеологію не только главныхъ вождей отдѣльныхъ Илирійскихъ Славянскихъ племенъ, но и мелкихъ Бановъ и Жупановъ, имена коихъ дошли до него. Но, кромѣ того, онъ, вносилъ въ число этихъ Илирійскихъ Королей и такія личности, которыя принадлежали другимъ, не Илирійскимъ, Славянамъ, и съ которыми онъ знакомился изъ книгъ, или другимъ какимъ либо путемъ. Такъ, на примѣръ, въ „Славянскомъ

⁶⁷⁾ Минъ, „*Patrologiae cursus compl.*“ CILVIII, 498.

⁶⁸⁾ См. „*Knjževnik*“ 1864, str. 204.

Королевствѣ“ Дуклянца, во 2-й половинѣ IX вѣка, во время Константина (Кирилла) Философа, царствовалъ Король Святополкъ (Svetopelek), сынъ Сарамира. Въ обширномъ сказаніи Дуклянской лѣтописи объ этомъ Королѣ⁶⁹⁾, между прочимъ говорится, что онъ былъ обращенъ въ Хрисіанскую вѣру Константиномъ Философомъ, крестившимъ и весь народъ его. Затѣмъ, желая дать новое устройство своей новопросвѣщенной Державѣ, Святополкъ отправилъ пословъ въ Константинополь къ тамошнему Императору, Михаилу, прося у него мудрыхъ мужей, которые своими совѣтами помогли бы ему въ этомъ дѣлѣ. Михаилъ не замедлилъ прислать просимыхъ у него мудрыхъ мужей. По этимъ, хотя и перепутаннымъ, чертамъ не трудно узнать въ этомъ Королѣ извѣстнаго Великоморавскаго Князя Святополка, современника Солунскихъ Братьевъ. Намъ кажется, что, подобно ему, и Прелимиръ, такъ сказать, заѣхалъ въ разсматриваемую исторію Илирійскихъ Славянъ изъ другой Славянской земли, и именно изъ Болгаріи. Къ такому предположенію ведетъ отчасти и война съ Греками, война, которою, по разсказу Дуклянскаго Пресвитера онъ особенно прославилъ себя. Войну эту Прелимиръ велъ сейчасъ по смерти Цимисхія; а намъ извѣстно, что въ это время, изъ всѣхъ южныхъ Славянъ, только Болгаре воевали съ Византійцами, и что, напротивъ, Травуныне и Дукляне, въ землѣ которыхъ находилась, по словамъ Дуклянца, среда Прелимировой Державы, тогда даже состояли въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Византіи. Еще болѣе оправдывается наше предположеніе о Болгарскомъ происхожденіи „Короля Прелимира“ слѣдующимъ обстоятельствомъ. По словамъ Дуклянца, Прелимиръ былъ современникомъ Болгарскаго Царя Петра и его сыновей, Бориса и Романа; а намъ теперь извѣстно, что во время этихъ Царей въ Болгаріи существовала какая-то весьма крупная личность, носившая имя Плѣнмира. Въ одномъ, принадлежащемъ намъ, рукописномъ Синодикѣ⁷⁰⁾, въ исчисленіи именъ древнихъ Болгарскихъ Царей, послѣ имени Петра, и передъ именами его сыновей, Бориса и Романа, упоминается имя Плѣнмиръ: „Борису прьвому Цару Българскому . . ., Симеону сыну его и Петру Цару Светому внуку его, Плѣнмиру, Борису, Роману . . . вѣчнаа памет.“ Подъ этимъ

⁶⁹⁾ „Regn. Slav.“ VIII—XIII.

⁷⁰⁾ Синодикъ этотъ находится въ сборникѣ XVI вѣка.

именемъ тутъ, безъ сомнѣнiя, скрывается или какой ни будь, оставшiйся не извѣстнымъ намъ, родственникъ Болгарскихъ Царей, или же, скорѣе, какой ни будь юнакъ, прославившiйся военными подвигами во время извѣстныхъ войнъ Болгаръ съ Византiйцами и за это произведенные въ Цари народною пѣснiю, откуда, должно быть, онъ и попалъ со временемъ въ Синодикъ. При тѣхъ тѣсныхъ сношенiяхъ, которыя въ X и XI вв. существовали между Болгарами и Южно-Далматинскими Славянами (эти послѣднiе въ X вѣкѣ, какъ извѣстно, при Симеонѣ и Самуилѣ, входили въ составъ Болгарскаго Царства и въ XI вѣкѣ они помогали Болгарамъ, находившимся уже подъ игомъ Византiи, возстановить свое Государство), слава Болгарскаго Царевича, или юнака, Плѣнмира, легко могла достигнуть „до земли Дуклянъ“, а, слѣдовательно, и до Дуклянскаго Пресвитера, который и поспѣшилъ вѣнчать и его короною своего Славянскаго Королевства, позаботившись отвести ему и подобающее мѣсто въ своей лѣтописи. Такимъ путемъ, по нашему предположенiю, явился въ Дуклянской лѣтописи Король Прелимиръ или Предимиръ. Что же касается не совсѣмъ полного совпаденiя именъ (Плѣнмиръ и Прелимиръ), то это объясняется очень легко неисправностiю издателей Дуклянской лѣтописи, которые, какъ замѣчаетъ Г. Рачкiй, допустили множество ошибокъ, особенно въ собственныхъ именахъ⁷¹⁾.

⁷¹⁾ „Knjizevnik“ 1864, str. 200.

Историческо освѣтление

върхъ

статистиката на народността въ източната частъ

на

Българското Княжество.

(Изъ „Периодическо списание на Българското Книжовно Дружество“,
Сръдецъ, кн. VII (1884), стр. 1—24, кн. VIII (1884), стр. 68—75).

Историческо освѣтление върхъ статистиката на народноститѣ въ источната часть на Българското Княжество.

Че источната часть на сегашното българско княжество била населена по-вечето съ Турци, това го казвахъ и турскитѣ салнамети на бившия дунавски велеятъ, па още и нѣкои европейски пѣтници. На такива свидѣтелства не можѣше, обаче, яко да се вѣрва, защото въ тѣхъ се срѣщахъ твърдѣ несъобразни нѣща и явни лъжи. Толко съ по-голѣмо любопитство ние прочетохме сега почтенний трудъ на г-на Сарафова „за народноститѣ въ источната часть на княжеството“¹⁾, дѣто е изложенъ резултатътъ по тоя въпросъ отъ първата българска статистическа ревизия. Г-нъ Сарафовъ тука е привелъ и нѣколко доказателства, които можтъ да увѣржтъ всѣкого, че българското „прѣброяване“ е извършено и безпристрастно и вѣщо. Та може да се мисли, че цифритѣ, които таково едно прѣброяване е дало и за главнитѣ народности въ княжеството, приближаватъ до истинскій брой на тия народности, приближаватъ, разбира се, до толкова, до колкото това нѣщо е възможно въ такиъ случаи. А тия цифри показватъ, че на 1 Януария 1881 год. въ источната часть на княжеството е имало 477,132 души Българе, и 482,349 Турци. Фактътъ става още по-занимателенъ чрѣзъ това, дѣто турското и българско население не сж размѣстени колко-годѣ равномерно по источнитѣ български области и дѣто въ така нареченний Тозлукъ, или Тузлукъ, па и въ Делиорманъ, както и по Добруча, броятъ на българското население е съвсѣмъ ничтоженъ, ако го сравнимъ съ броя на Турцитѣ въ сжщитѣ области. На примѣръ въ Хасъ-Кѡйската околия Българетѣ съставляватъ около 8 процента, въ Османъ-Пазарската 12, въ Базауртската 14, въ Балбунарската и Кокарджа 17, въ Шумненската

¹⁾ Глед. Периодическо Списание на Б. Книжовно Дружество 1883. Кн. V, стр. 1—18.

24, (сжщо въ Новоселската), въ Ново-Пазарската 26, въ Добричската 31.

Кога, какъ и отъ що сж се размножили тука Турцитѣ? Защо въ тия именно области они сж се развѣдили до толкова, когато по другитѣ части на княжеството броятъ имъ е съвсѣмъ ничтоженъ? Какво е станжло съ бѣлгарското население въ ония старобѣлгарски области, които сега, токо речи, съвсѣмъ сж населени съ Турци? Тие въпроси сж любопитни отъ много страни, и ние тука ще се помжчимъ да ги развѣцѣемъ колко-годѣ.

15-й вѣкъ.

По насъ, особно между Турцитѣ, се приказва, че въ источнитѣ области на крайдунавска Бѣлгария турскитѣ завоевателие посерѣщнали особно голѣмо съпротивление отъ страна на тамошнитѣ Бѣлгаре, че тамъ ставали голѣми битви, кръвопролития и такви страшни опустошения, които прѣвѣрнали тия страни „на прахъ и пепелъ“; отъ това ужъ и една доста голѣма часть отъ тѣхъ се нарекли Тозлукъ (отъ турската дума тозъ = прахъ, пепелъ). Во врѣмето на тия опустошения прѣжнитѣ жителѣ, сирѣчь Бѣлгаретѣ, тукъ съвсѣмъ ужъ се довършили, Турцитѣ взели тѣхнитѣ опустѣли мѣста и отъ-ново ги заселили съ свое население. — Види се, че ние тука имаме една отъ ония приказки, които често се срѣщатъ въ народнитѣ прѣдания и источникътъ на които е народното, така да кажемъ, фантазиране върхъ нѣкои мѣстни названия, истинната етимология на които а станжла тъмна. Приказката, за която ни е рѣчта, види се да е произлѣзла отъ подобно едно фантазиране върхъ названието Тозлукъ, което по-вечето се изговаря Тузлукъ, та може и да не е произлѣзло отъ тозъ = прахъ, пепелъ, а отъ тузъ = соль²⁾, или пѣкъ отъ другъ.

²⁾ Намирамъ за невзлишне да изкажж тука нѣколко прѣположения, макаръ и самъ да ги намѣрвамъ твърдѣ смѣли, дори и фантастични. Турски историкъ Саедединъ разказва, че около 1358 год. Иоаннъ Шишманъ се изневѣрилъ Султанъ-Мураду, комуто прѣди това се билъ подчинилъ. Тогава Великий везиръ Али-паша се вдигналъ срѣща Шишмана, когото и сполучилъ да обсади въ Никополъ. Бѣлгарский царъ, като видѣлъ, че обсадата отива злѣ за него, побързалъ да се прѣдаде. Али-паша го изпратилъ заедно съ семейството му при Мурада, който се намѣрвалъ съ лагеря си въ Tausli (така пише това название италианский прѣводвачъ на Саедединовата история). Мурадъ тукъ опростилъ Шишмана и, както е познано изъ други свидѣтелства, оставилъ го пакъ да царува. Ние имаме нѣкои основания да мислимъ, че по онова врѣме Мурадъ е дохождалъ въ сѣверна Бѣлгария и че тамъ трѣбва да се търси историческата мѣстность Tausli. Възможно е, че тя се е намѣрвала нѣкъдѣ въ сегашний Тузлукъ,

нѣкой корень. Но както и да е, тая приказка не се оправдава отъ достовѣрнитѣ исторически свидѣтелства за начина, по който Турцитѣ завладахъ источната частъ на крайдунавска България. Тия свидѣтелства³⁾, колкото и да сж кратки, показватъ, че тогава тукъ не сж ставали толко голѣми опустошения, отъ които да сж запустѣвали цѣли области. Отъ друга страна пъкъ ние знаемъ, че доста дълго врѣме, слѣдъ покорението на крайдунавска България, Турцитѣ не сж били въ състояние да ѝ колонизиратъ, така да кажемъ, съ колко-годѣ значително турско население. Това най-добрѣ се види отъ войнитѣ, които Полско-Маджарскій кралъ Владиславъ имá съ Турцитѣ, особно отъ неговий походъ прѣзъ крайдунавска България до Варна въ 1444 г. За тоя походъ ние имаме доста подробни извѣстия, които ни сж оставили нѣколко съврѣменници, много или малко добрѣ запознати съ работата (Каллимахъ, Бонфиний, Длугошъ, Лаоникъ Халкокондилъ, Япичаринътъ Констандиновичъ и др.). Съ една войска, въ която имало не по-вече отъ 20,000 душъ, Владиславъ се спуснахъ изъ Маджарско въ владѣніята на сърбскій деспотъ Георгій Бранковичъ. Съ таква малка войска той се надалъ да изгони Турцитѣ не само изъ България, но

който може би отъ нежъ е и получилъ названието си. Ако това е така, то ние ще идемъ и по-далече въ своитѣ прѣдположения. Названието Tausli, както го пише Сеадедиповъ прѣводвачъ по-вече прилича на Тузли, Тузлж, нежели на Тозли, та може би да произхожда отъ тузъ = солъ. Въ такъвъ случай може да се мисли, че съ това свое название старитѣ Турци сж прѣвели нѣкакво старобългарско мѣстно название, производно отъ солъ, както, на примѣръ, опи направихъ и съ старото название на Боснийскій градъ Соли, който нарекохъ Тузла. А съществуването на такво прѣдполагаемо старобългарско название въ сегашний Тузлузъ, може да показва, че тамъ нѣкога е вадена солъ.—Всяки тия наши прѣдположения до нѣйдѣ бихъ могли да се потвърдятъ, ако се потвърдятъ слѣднитѣ ни извѣстия. Прѣзъ врѣмето на руската оккупация единъ геологъ, който бѣше обхаждалъ съ научна цѣль нѣкои мѣста изъ Тузлука, увѣряваше, че сполучилъ да открие татъкъ въ голѣмо изобилие желѣзна руда и каменна солъ. За солта той по нѣкакви съображения прѣдполагаше, че тя тамъ се намѣрва въ дебели пластове, които отивали отъ Балкана къмъ Русчукъ, дѣто минавали подъ Дунава, та се съединявали съ солениитѣ легла въ Румѣния. За своитѣ открития и прѣдположения речений геологъ бѣше прѣдставилъ на приврѣменното р. управление кратки записки, при които бѣ приложилъ и нѣколко кѣсове каменна солъ, намѣрени по разни мѣста въ источнитѣ области на княжеството. На руското управление не оставаше вече врѣме да се завземе съ провѣриванъето на тия съобщения, които оно прѣдаде на българското правителство, именно на министерството за фискалитѣ. Азъ не знамъ, да ли е направено до сега нѣщо за тѣхното изучаванъе. Въ досегашнитѣ геологически студии на г-на Златарскаго нѣма за нихъ никаква споменъ, но може би отъ това, че нашия талантливъ геологъ до сега повечето се е занимавалъ съ западнитѣ части на княжеството.

³⁾ Читателтъ може лесно да ги наиде въ Българската История на г-на Иречека, поради това ние нѣма да се запираме на нихъ.

и изъ другитѣ имъ европейски владѣния, и да ги изгони лесно и скоро, прѣди да имъ дойде на помощъ султанъ Мурадъ II, който като не очаквалъ такво нападение отъ страна на Маджарско-Полскій кралъ, почивалъ си тогава въ азиатска Турция. Владиславъ до толко билъ увѣренъ въ успѣха на прѣдприятието си, дѣто още отъ-напрѣдъ вече се разпоредилъ съ сѣдбата на България, отъ която било рѣшено да се направи особно княжество подъ управлението на знаменитий Маджарски генералъ Янко Хунияди. Около 10 октомврия Полско-Маджарската войска прѣминжала сѣрбската граница и покрай Флорентинъ и Видинъ се захтила къмъ Никополь, до който и пристигнала на 26-й день отъ сѣщий мѣсець. Градътъ Никополь тогава е билъ най-важната и най-силната турска крѣпость въ крайдунавска България, та се разбира, че тамъ имало най-много Турци. Тѣхний брой обаче не билъ толко голѣмъ, дѣто да е вджхвалъ нѣкаква особна боязнь. Поради това Владиславъ намѣрилъ за излишне да губи врѣме за прѣвземаньето на тая крѣпость, която оставилъ задъ гърба си, като тѣргнжлъ напрѣдъ къмъ Черно море. До Никополь християнската войска вървѣла все покрай Дунава, а отъ Никополь тя взела на дѣсно, спуснжала се малко на югъ и по-нататкъ вървѣла вече не яко далече отъ политѣ на Балкана. Нѣкои части отъ войската си позволявали изъ пѣтя да закачатъ Българетѣ, да ги ограбватъ, разоряватъ и даже убиватъ, сѣщо и цѣрквитѣ имъ да оскверняватъ и развалятъ, като схизматически. Та Владиславъ се принѣдилъ да издаде строга заповѣдъ, съ която обявилъ, че такива насилия и буйства ще се наказватъ съ смъртъ. Чрѣзъ това той ужъ накаралъ войската си да се обнася човѣшки съ Българетѣ, които доброволно му се подчинявали и особно добрѣ посрѣщали Поляцитѣ, по причина на племенното си родство съ тѣхъ. Самъ-тамъ християнската войска срѣщала турски крѣпости, които лесно прѣвзимала и разорявала. Тя разорявала и села (villae), за които обаче лѣтописцитѣ не казватъ да сѣ били турски, а пакъ ние видѣхме вече по-горѣ, че тогава сѣ били разорявани и български села. Като доближилъ до най-источнитѣ крайморски български области, Владиславъ пустижлъ нѣколко турски плѣнници и имъ далъ да занесжтъ писма (прокламации) до Турцитѣ, които се намѣрвали въ Шуменъ, Варна, Галата, Каварна, Калиakra, Балчикъ, Маhogaez (?) и др. Въ

тия си писма Владиславъ прѣдлагалъ на Турцитѣ да му се прѣдадѣтъ безъ всѣкакво съпротивление, като имъ обричалъ, че въ такъвъ случай нѣма да имъ учини никакво зло и ще се погрижи да ги прѣпрати прѣзъ Черно море въ Азия, дѣто да си живѣятъ спокойно. Нѣкои отъ тие Турци пристанѣли на това прѣдложение, а нѣкои побързали да се затворятъ въ градоветѣ Шуменъ и Балчикъ⁴⁾, които били укрѣпени съ по три каменни стѣни и обкопани съ дълбоки ровове. Но и тия най-источни турски крѣпости въ България били скоро прѣвземени отъ християнската войска, която тамъ погубила до 5,000 Турци. Слѣдъ това безъ особно съпротивление се прѣдали и градоветѣ Галата, Микрополисъ(?), Каварна и Калиакра. Около 10 Ноемврия Владиславъ прѣвзелъ и Варна.

И така въ единъ мѣсецъ врѣме, Владиславъ измижалъ на-дължъ и подвоюилъ цѣла крайдунавска България отъ сѣрбската граница до Варна, и това онъ извършилъ съ една малобройна войска, за която тогавашний влашки господарь, като ъ прѣгледалъ при Никополь, твърдѣ остроумно казалъ: „турскии Султанъ по-вече людѣ взима съ себе си, когато излази на разходка или на ловъ.“ Тоя Владиславовъ походъ на първъ погледъ наистина се прѣдставлява като единъ извънреденъ подвигъ, и нѣкои сегашни историци прѣдполагатъ, че тогавашната Полско-Маджарска войска дръбва да е състояла отъ извънредно храбри юнаци, че между прѣдводителетѣ ѝ е имало извънредни военни таланти и т. п. Ние не отричаме ни едното, ни другото; ще забѣлѣжимъ само, че отъ каквито герои, отъ каквито военни гение и да е състояла тая малобройна войска, тя никога не би могла да извърши такъвъ единъ походъ въ толко кратко врѣме, ако въ крѣпоститѣ Видинъ, Никополь, Шуменъ, Балчикъ, Варна и пр. да е имало доста силни турски гарнизони и ако би около тия крѣпости

⁴⁾ Калимахъ нарича тие градове: Sumium и Peceschium. По-вечето сегашни изслѣдователѣ мислятъ, че подъ Sumium се разбира Шуменъ, а подъ Peceschium — Балчикъ. Ние тука приемаме това мнѣние безъ да испытваме, до колко оно е право, защото такви подробности и не влизятъ въ задачата на настоящий ни членъ. Не можемъ да не забѣлѣжимъ обаче, че Длугошъ, който е описалъ Владиславовий походъ по разказа на нѣкои участвовавши въ него Поляци, на мѣсто Peceschium, пише Petrecz (Петречъ). При това онъ така описва мѣстоположението на тоя градъ: . . . Iacus erat, qui penes castellum Petrecz caput originem, qui et juxta Gallatum terminat intra sinum quandam raryum quem mare expandit. По тия думи крѣпостта Петречъ би трѣбвала да се търси татъкъ нѣкъдѣ, дѣто сѣ сега Девненскитѣ развалини, за които сѣ мисли да сѣ останѣли отъ старий Маркиянополъ.

да е имало колко-годѣ гжсто турско население. — За нашата цѣль тука още по-любопитно е отстъпването, завърщането на Полско-Маджарската войска. Изъ Варна Владиславъ смѣталъ да се прѣхвърли въ Тракия, та и тамъ да унищожи власта на Турцитѣ, които онъ, както рекохме по-горѣ, се надалъ и съвсѣмъ да изгони изъ Европа. Тие планове обаче развалилъ Мурадъ II, който като молния долетѣлъ изъ Азия съ 40,000 войска и още на 10 Ноември се сразилъ съ християнската войска при Варненското (Девненско) езеро. Въ врѣмето на тая знаменита битва сѣдбата на европейскитѣ турски владѣния нѣколко пѣти се окачвала на влакно. Но най-послѣ Еничаретѣ спечелили побѣдата, като сполучили да убиѣтъ Владислава. Отъ християнската войска тукъ погинѣли около петъ-шестъ хиляди души, останѣлитѣ потеглили назадъ въ голѣма безредица: едни, заедно съ Хуниади, побързали да прѣминѣтъ прѣзъ сегашний Делиорманъ въ Влашко, а други търгнѣли на западъ съ намѣренне да се завърнѣтъ дома си прѣзъ Сърбия, та трѣбвало пакъ да пѣтуватъ прѣзъ цѣла крайдунавска България. Раздѣлени на много малки купове, тѣ взели и разни пѣтища, изъ които до толко се убъркали, дѣто мнозина, на мѣсто да стигнѣтъ въ Сърбия, попаднѣли въ Босна, а пѣкъ нѣкои загазили чакъ въ Албания, отдѣто Георгий Скандербегъ ги прѣпратилъ, прѣзъ Дубровникъ, въ отечеството имъ. Во врѣмето на своитѣ дълги скитания по България, тие разпрѣснѣти и разнебитени Полско-Маджарски войници много страдали отъ гладъ, отъ студъ и отъ различни болести, но не се излагали и на нѣкакви сериозни неприятелски нападения. Изобщо ние ще забѣлѣжимъ, че извѣстията, които ни съобщаватъ за Владиславовий походъ нѣкои добрѣ познати съ работата съврѣменници показватъ, че около половината на 15-й вѣкъ Турцитѣ не сѣ още стояли здраво въ крайдунавска България. Турци е имало тогава само въ градищата, особно въ укрѣпенитѣ градове. Селско турско население, ако и да е имало, то по количеството си оно е било съвсѣмъ ничтожно; броятъ на спахиитѣ, както ще да видимъ по-долу, е билъ още много малкъ. Турското господаруване по онова врѣме въ крайдунавска България изобщо ни се прѣдставлява още като една оккупация не яко осигурена. И ако Еничаретѣ не сполучѣхъ да грабнѣтъ изъ рѣцѣтъ на Полско-Маджарската войска побѣдата, която тя одържа въ 1444 надъ турската

коиница при Варна, то нѣма съмнѣние че още въ сѣщата година Турцитѣ щѣхъ да се изчистятъ до единъ изъ край-дунавска България, надъ която и щѣше да се вѣцари тогава „Сибинянинъ Янко“, сирѣчь Хуниади. — Че въ 15-й вѣкъ броятъ на заселенитѣ вече по България Турци е билъ съвсѣмъ ничтоженъ, това се види и отъ нѣкои други исторически фактове и извѣстия, на които ние нѣма да се запираме, а ще побърза-ме да прѣминемъ къмъ

16-й вѣкъ.

Въ нашата по-нова рѣкописна книжина има една кратка повѣсть „о времени втораго разореніа Болгаріи, каковымиъ образомъ бысть“⁵⁾. Тя е намѣрена отъ профессора Ламанскаго въ единъ рѣкописенъ сборникъ, писанъ на 1831 г. и може да се мисли, че е излѣзла отъ перото на Неофита Хилендарскаго (Бозвели). Ето какво нѣщо се приказва въ нея. „Патріархъ нѣкто цариградскій, адѣ наследникъ, діаволъ дрѣгъ, второй Іуда, новый Яріа, ошолъ при царѣ Селима на поклоненіе и сказалъ емѣ: царю многолѣтній, есть твои подданицы Болгарскій родъ, сѣровы человеци, въ бранѣхъ неповѣдимы, и аще не смириши ихъ до конца, то паки возстанѣтъ на тебе и возмѣтъ землю свою отъ тебе. Но да разоришъ началныа мѣста ихъ и градоначалниковъ ихъ, и тогда вѣдешъ миренъ отъ брани Тогда Сѣлтанъ съ великою яростию возрѣвъ на него и вопроси его: да гдѣ есть начало мѣсто ихъ? Рече же патріархъ Селимѣ: имѣ есть столицы градъ Терново, въ Оракіи Андріанъ-градъ. Тогда воста съ великимъ гнѣвомъ на Болгарію въ лѣто Христова 1522, Селимъ самъ разори Оракію отъ Андріанъ-градъ до Орѣдецъ-града, а единъ Каймаканъ Мѣрза татарскій съ 46 тысящими войска татарска покрай Дѣнаа и Стара Планина всѣа рассипаша отъ Чернаго моря до Бидинъ, а въ Македонію посла своего визира съ 33 тысящею войска, начъ отъ Драма даже до Босна, все потѣрчилъ: Доспатъ планина тогда истѣрчилъ, Еспинѣ, Крѣпникъ, Кочени вси тогда истѣрчили Тогда и Терновскіа патріаршіа огнемъ сожгоша и патріарха мечемъ заклаша“.

⁵⁾ Глед. въ нашій членъ за Паисія и за неговитѣ ученици, въ Период. Списание на Бъл. Кн. Друж. Браила 1871. Кн. IV, 18, 19. Вж. по-горѣ стр. 130 – 131.

Извѣстията, които срѣщаме тука, на първъ погледъ се показватъ съмнителни, дори и невѣроятни. Така напримѣръ, въ 1522 г. нито Селимъ I, нито пакъ Селимъ II не сж могли да ходятъ да разсипватъ и потурчватъ България, защото тѣхъ тогава и нѣмаше на свѣта. Селимъ I е умрѣлъ на 1519 год., а Селимъ II е царувалъ отъ 1566 до 1574. Въ 1522 год. на турскій прѣстолъ сѣдѣше знаменитий Сулейманъ I, който царува отъ 1519 до 1566 г. Срѣщатъ се тукъ и други таки несъобразни нѣща, но при всичко това ние трѣбва да допустимъ, че въ тая любопитна отъ къмъ литературенъ изгледъ повѣсть се съдържатъ и нѣколко истински исторически събития, които само сж убѣркани и прѣувеличени. Ето, что ни накарва да мислимъ така.

1) Достовѣрни исторически свидѣтелства показватъ, че султанъ Селимъ слѣдъ като разпространилъ власта си въ Армения, Сирия, Аравия, особно, слѣдъ като покорилъ Египетъ, захванжлъ да стѣснява правдинитѣ на своитѣ християнски подданици, които (правдини) до тогава онъ, както и неговитѣ прѣдшественници, уважавалъ. Малко нѣщо прѣди смърта си, на 1518 или на 1519 г., Селимъ I заповѣдалъ да се потурчатъ вситѣ по-добри каменни църкви, а християнетѣ, ако щѣтъ, да си градѣтъ за напрѣдъ дървени храмове. Тая заповѣдъ била и изпълнена въ Цариградъ, дѣто освѣнъ патриаршията и още една църква (ἡ παναγία τοῦ Μοχλίου), другитѣ каменни гърцки храмове, тогава били прѣвврнжти на джамии. При това Селимъ I явно се изказвалъ, че за доброто на турската държава било би полезно да се потурчи всичката рая⁶⁾. Възможно е, че по онова врѣме и въ България сж прѣвврщани на джамии по-хубавитѣ църкви, възможно е, че освѣнъ това, тамъ сж извършвани тогава и други голѣми насилия надъ християнската вѣра.

2) За султанъ Селимъ II срѣщаме въ единъ Сърбскій лѣтописъ таква бѣлѣжка: „въ лѣто 7075 (= 1569) пусти Селимъ елѣазаджи и продаде црѣкве и манастире“⁷⁾. Другъ единъ лѣтописецъ казва за сжщата работа така; „тогда царь (Селимъ II) продасть црѣквы и монастыре по всѣмъ царствѣ“

⁶⁾ Глед. въ книгата на Ипсиланти (Атанасъ Комнинъ); „Τὰ μετὰ τὴν ἄλωσιν“ Константинополь 1870, стр. 50—53.

⁷⁾ Григоровичъ: „О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ“ стр. 59.

вомъ его“⁸⁾). Види се, че въ тия лѣтописни бѣлѣжки рѣчта е за нѣкаква си продажба на църковни и мѣнастирски имоти, продажба, която е извършена въ царуванъето на Селимъ II, около 1569 год. и която, може би, е закачила токо българскитѣ и сѣрбски епархии. Въ гърцкитѣ църковноисторически хроники, до колкото знаемъ, нѣма споменъ за такво нѣщо. Но тѣ ни разказватъ за друга една твърдѣ любопитна работа, която била извършена по онова именно врѣме. Прѣзъ 1570 г. въ Цариградъ подъ прѣдсѣдателството на Вселенскій патриархъ, Митрофанъ III, се събралъ синодъ, който рѣшилъ да се унищожятъ самостоятелнитѣ архиепископства Охридско, Печско и Търновско, и да се подчинятъ на Вселенскій прѣстолъ. Търновскій архиепископъ се покорилъ на това рѣшение, но Охридскій и Печскій сполучили да увардятъ правдинитѣ си съ помоща на Султана, комуто се задължили да плащатъ особно даждие⁹⁾). Отъ що се е появилъ по онова врѣме такъвъ въпросъ, и какъ трѣбва да се разбира тогавашното унищожение на Търновското архиепископство, на тие въпроси ние нѣма да се запираме тука, защото бихме си отворили дълга и широка работа, която би ни отвлѣкла твърдѣ далеко отъ задачата на настоящий ни членъ. За нашата цѣль тука е доста да знаемъ, че и въ гърцкитѣ исторически източници се намѣрватъ извѣстия за нѣкакво-си ограничение правдинитѣ на Търновската църква въ царуванъето на Селимъ II и че, по свидѣтелството на реченнитѣ гърцки източници, това ограничение станало по исканъето на Вселенската Патриаршия и за нейна полза.

И така свидѣтелствата, които ние приведохме тука изъ нѣкои сѣрбски и гърцки източници показватъ, че не сж съвсѣмъ безосновни извѣстията на българската повѣсть за насилието, което е прѣтърпяло християнството въ България „при царя Селима“, както и за непохвалний начинъ, по който „патриархъ нѣкто цариградскій“ е издѣйствувалъ тогава разсипванъето на „Търновската патриаршия“. А ако тия извѣстия до нѣйдѣ се потвърдяватъ, то може да се мисли, че не ще да е съвсѣмъ безосновно и извѣстието за голѣмитѣ татарски разорения, които по онова врѣме постигнали крайдунавска

⁸⁾ Ягичъ: „Serbisch. Annalistik“ 101.

⁹⁾ Глед. въ горѣзабѣлѣженната книга Ипсиланти стр. 105. Сравни и въ нашия „Исторически прѣгледъ за Българската църква“ стр. 124.

България „отъ Чернаго моря и до Бидинъ“. Както е познато Кримскитѣ Татаре признахъ надъ себе си Турската върховна властъ още во врѣмето на Мухамеда II, покорителя на Цариградъ. Отъ тогава они често дохождахъ по нѣкога съ голѣми ординъ, въ които имало по-вече отъ петдесетъ хиляди души. Во врѣмето на такви походи, ако дотрѣбваше да се оплѣни и разори нѣкоя неприятелска страна, то тая работа обикновено се възлагаше на Татаретѣ. Они до толко бѣхъ навикнали да грабятъ и опустошаватъ, дѣто не можѣхъ да не упражняватъ занаята си и тогава, когато минувахъ и прѣзъ най-мирнитѣ турски области. Въ 16-й и 17-й вѣкове прѣзъ България, особно прѣзъ источнитѣ ѣ страни нѣколко пѣти сѣ минували такви многобройни татарски ординъ, като сѣ дохождали да участвуватъ въ турскитѣ войни съ Маджаретѣ, Хърватетѣ, Нѣмцитѣ и пр.¹⁰⁾ Възможно е, че турското правителство и нарочно е повдигало Татаретѣ да опустошаватъ България по причина на нѣкакви-си политически вълнения въ неѣ. Нашитѣ народни пѣсни, които доста често споменуватъ за татарскитѣ вървеже, по нѣкога ги прѣдставляватъ не яко страшни. Въ една пѣсень, напримѣръ, четемъ:

Презъ село идатъ Татаре,
 Всичкото село излезе
 Черни Татаре да гледа
 Всичкитѣ миромъ минаха.
 Едно проклето Татарче,
 А то си миромъ не мина,
 Ами си коня разигра,
 Та зело Рада Влахиня ¹¹⁾

Но ние имаме и такви пѣсни, въ които се говори:

Знаешъ ли, мале, повнишъ ли,
 Кога бѣ размиръ година,
 Кога Татаре вървеха
 Сичкото село побягна
 (или:) Въ срядъ село нови гробища:
 Живи се люде копале,
 Като Татаре виде¹²⁾.

¹⁰⁾ Глед. бѣлѣжкитѣ на Лазаръ Соранцо за пѣтишата, по които Татаретѣ сѣ ходили въ Маджарско, въ „*Turcici imperii status*“ Елзевир. издание 1633 г., стр. 250, 251.

¹¹⁾ Глед. въ сборника на братѣя Миладиновци, стр. 101.

¹²⁾ Все тамъ, стр. 138. Мжно е да се прѣдположи, че въ нашата сегашна народна поезия се е завардало споменъ за ония староврѣмски разорення, които

Възможно е, че прѣзъ 16-ий вѣкъ въ крайдунавска България Татаретѣ сж правили нѣкакви особно голѣми опустошения, за които, види се, съставительтъ на повѣста „о второмъ разореніи Болгаріи“ е знаялъ нѣкаква лѣтописна бѣлѣжка и се е възползвалъ отъ тѣхъ по своему. Но каквито голѣми и да сж били тия опустошения, тѣ не сж „рассипали вса отъ Чернаго моря до Бидинъ“, нито пакъ сж довършили християнското население въ крайдунавска България до таква степенъ, както се говори въ повѣста, за която ни е тука рѣчь.

Отъ край на 16-й вѣкъ ние имаме твърдѣ важни, но малко още познати извѣстия за тогавашното положение на источно-българскитѣ области, както и за тогавашний съставъ на тѣхното население. Тия извѣстия се срѣщатъ въ една политическа рѣчь, или записка (*un discorso*) и въ едно писмо, писани отъ единъ Дубровничанинъ, на име Павелъ Джорджичъ. Записката Павелъ Джорджичъ е съставилъ за седмиградский князь Стефанъ Батори, и му ѣ чель на 10-й януария 1595 год., когато той, заедно съ Влашкий и Молдавский господаре, воюваніе съ Турцитѣ покрай долний Дунавъ. Въ тая записка Джорджичъ подбужда седмиградский князь да мине въ България, като го увѣрява, че Българетѣ на радо сърдце ще се придружатъ къмъ войската му и че съ тѣхна помощъ той не само ще може да събори тамъ власта на Турцитѣ, но ще може още да прѣмине и Балкана, та прѣзъ Туловската и Загорска область (*la provincia di Tulia e di Zagora*) да стигне чакъ до Одринъ. — Другий отъ горѣреченнитѣ паметници, именно писмото си, Джорджичъ е писалъ, пакъ по сжщата работа, all *Illustrissimo Monsignor Visconti*, (тогавашний папски Нунций въ Седмиградско) на 6 юния 1595 г. Въ тия два паметника¹³⁾ се срѣщатъ любо-

Татаретѣ правиха по България въ 13-й и 14-й вѣкъ. Поради това ние мислимъ, че както въ приведенитѣ тука пѣсни, така и въ други подобни, рѣчта е за татарскитѣ вървеже на Турско врѣме, именно въ 16-й и 17-й вѣкове.

¹³⁾ Записката на Джорджича е намѣрилъ Макушевъ въ Миланскій архивъ и ѣ обнародвалъ лани во 2-й томъ на своитѣ „паметници“, който (томъ) е издаденъ въ Бѣлградъ. Нѣкон собствени мѣстни названия сж напечатани погрѣшно. Отъ тая записка у насъ се намѣрва единъ прѣписъ, който ни е далъ покойний Макушевъ и отъ който ние ще се ползуваме тука. Писмото на Джорджича се е завардило въ флорентинскій архивъ заедно съ доста много други любопитни за опова врѣме паметници, отъ които ние сме взели конни съ намѣрение да ги обнародваме нѣкога. Въ флорентийскій архивъ се намѣрватъ още нѣколко писма отъ Павла Джорджича, отъ които едно е писано до Тосканскій великъ херцогъ и всѣ пакъ по сжщата работа. Отъ тѣхъ ние такожде имаме копии.

питни за нашата цѣль извѣстия. Но прѣди да пристѣпимъ къмъ тѣхъ, потрѣбно е да кажемъ нѣколко думи за самата личностъ на Дубровничанина Павла Джорджича.

Источнитѣ области на сегашното българско княжество всѣкога сж били сръдиште на доста широка търговия, както вътрѣшна, така особно и вънкашна. За потвърждение на това ние отъ по-новитѣ врѣмена ще покажемъ на Ески-Джумайски панаиръ, който не е падалъ по-долѣ отъ Узунджовскій¹⁴⁾; ще покажемъ още и на Варненскій портъ, прѣзъ който въ въ 1881 г., на примѣръ, сж прѣминжли една третя часть отъ всичкитѣ стоки, внесени оная година въ княжеството, и една четвърта отъ изнесенитѣ¹⁵⁾. Отъ старо врѣме ще наумимъ само думитѣ на Великий князь Святославъ, който още прѣди хилядо години е казалъ, че градъ Прѣславъ се намѣрва въ таква една чудесна страна, дѣто „всѣмъ благамъ съхощахъ се“: изъ Гърция (Византийската империя), изъ Сръдняя Европа (Чехия и Венгрия), изъ Русия и проч. Дубровничанетѣ, тие словѣнски финикийци, отдавна бѣхж обърнали внимание на источнитѣ области въ крайдунавска България. Още въ 13-й вѣкъ тѣ измолихж отъ българскій царь Иоаннъ Асѣнъ позволение „да си кѣпваѣхъ и продаваѣхъ свободно въ Търновъ и по свемъ Загорю, въ Прѣславъ и въ Карвѣнската хора“¹⁶⁾. Карвунска хора тогава се е наричала сегашната юго-источна Добруча и наричала се е така отъ името на града Карвуна или Карвона (Carbونا), който се е намиралъ около сегашний Балчикъ, може би тамъ, дѣто сж развалинитѣ при селото Екрене¹⁷⁾ (глед. у Каница: Donau-Bulgarien III, 210). Слѣдъ Турското завоевание ние пакъ намѣрваме Дубровничанетѣ да си продаватъ и купуватъ свободно въ реченитѣ мѣста. Въ втората половина на 16-й вѣкъ тѣ имали свои колонии и търговски кѣщи въ Силистра, Провадия, Шуменъ, Русчукъ и Търново. Въ 17-й вѣкъ, както ще видимъ,

¹⁴⁾ Глед. въ брошюрката на Арнолда Хилберга: „Nach Eski-Djumaia“ Wien 1876, дѣто е помѣстенъ рапортътъ на графъ Зичи за Ески-Джумайскій панаиръ въ 1876 год. стр. 55—63.

¹⁵⁾ Глед. „Външна търговия на Княжеството, издава Статистическото Бюро.“ София 1883, стр. 4—5.

¹⁶⁾ Глед. грамотата, която Асѣнъ (Иоанпъ) е далъ на Дубровничанетѣ, въ Шафариковитѣ Рамѣтку.

¹⁷⁾ Глед. Картата на Черноморскитѣ брѣгове, която е съставилъ въ 1318 г. Италианецътъ (изъ Генуа) Петъръ Весконтe и въ съчиненията на Ф. Бруна: „Черноморье“ II, 326.

кога му дойде мѣстото, ние намѣрваме и още нѣколко Дубровнишки колонии въ Добруча. Отъ тие Дубровничане е билъ и Павелъ Джорджичъ, който е ималъ или държалъ къща (търговска) въ Провадия¹⁸⁾. Първъ пътъ той е дошелъ въ България около 1580 год. и е живѣлъ тамъ четири години. Слѣдъ това се завърщалъ въ Дубровникъ и пътувалъ нѣколко врѣме по Италия, а около 1590 год. пакъ дошълъ въ Българско (nel Regno di Bulgaria), дѣто тоя пътъ се майлъ около петъ години. Въ врѣмето на толко дълго живѣяне въ България Джорджичъ не сѣдялъ все на едно мѣсто, а повечето пътувалъ по различни български земи, особно по сегашний Тузлукъ, Делиорманъ и Добруча. Българетѣ изобщо се отнасяли къмъ Дубровнишкитѣ търговци съ голѣмо довѣрие и даже сключвали съ тѣхъ родственни (брачни) свѣрзки: vi e la sagiane delle parantele che seguono fra loro (i Bulgari) et li huamini nostri Ragugei, забѣлѣжава Джорджичъ. Съ особно довѣрие и откровенность се разговаряли българскитѣ граждане и селяне съ Джорджича, на когото гледали като на свой чловѣкъ, защото той дълго врѣме живѣлъ и се въртѣлъ около нихъ. Тия подробности ние привождаме, за да видятъ читателетѣ ни, колко сж важни извѣстията, които Павелъ Джорджичъ ни съобщава за България и за Българетѣ въ края на 16-й вѣкъ. Трѣбва да кажемъ още, че тоя Дубровничанинъ е знаелъ добръ, че Българе сж живѣли по всичкото сегашно княжество, сжщо и въ сегашна источна Румелия, но при всичко това онъ счита чисто български области токо Добруча, Делиорманъ и сегашний Тузлукъ; токо за тѣхъ и казва, че били главнитѣ области на България, del Regno di Bulgaria¹⁹⁾. Добруча и Делиорманъ той нарича съ сегашнитѣ имъ названия Dobruccia, Deliorman), а Тузлукътъ нарича Горилово (Gorilovo). Това име такожде се употрѣблява въ формата Герлово, която, види се, Турцитѣ сж извратили отъ старото българско название Горилово. Единъ отъ младитѣ наши офицери, г-нъ Каваловъ, който прѣзъ минжлата 1882 г. доста дълго врѣме е живѣлъ и пътувалъ по Тузлука, ни е казвалъ, че тамъ сега наричатъ Герлово една часть отъ Османъ-Пазарската

¹⁸⁾ Всякитѣ извѣстия, които привождаме тука за Павла Джорджича, ние вземаме изъ неговата записка или рѣчь.

¹⁹⁾ Il Regno di Bulgaria често се срѣща въ записката и въ писмото на Джорджича и токо речи всѣки пътъ оно обозначава тие три области.

околия, която (частъ) се простира отъ Тича (Чатакъ) до къдѣ Върбица и загърща въ себе си около 25 турски села. Това съобщение на г-нѣ Кавалова се посрѣща съ слѣдната бѣлѣжка, която срѣщаме въ едно отъ браилскитѣ книжки на Период. Списание: „на сѣвероистокъ, три часа отъ Котелъ, простира се околията Герлово; тя обема около 4 четвъртити нѣмски мили, или 8 четвъртити часа. Населенията по тая страна сж всички турски, освѣнъ село Върбица“ (кн. V—VI, 28). За Герлово споменува и Каницъ, който казва, че около 1872, оно (види се, една частъ отъ него) е влизало въ шумненската кааза и е съставяло особна нахия, отъ 13 села²⁰). Въ края на 16-й вѣкъ названието Горилово (Герлово) се е употрѣблявало въ по-широкъ смисълъ, както показватъ извѣстіята на Павла Джорджича, къмъ които ние можемъ вече и да пристѣпимъ.

„България (il Regno di Bulgaria), казва Джорджичъ въ записката си, се дѣли на три области (provincie). Първата се нарича Добруча; тя е равна и гола, безлѣсна страна, простира се на дължъ покрай морскій брѣгъ отъ устията на Дунава и до Варна. Въ тая областъ азъ много години съмъ живѣлъ и пжтувалъ. Тамошнитѣ жителѣ страдатъ отъ нѣманье дърва, на мѣсто които сж принждени да употрѣбляватъ говежди лайна: волове и крави се намѣрватъ тамъ въ голѣмо множество (abondantissimo). Па страдатъ и отъ нѣманье вода, за добиваньето на която сж принждени да копажтъ дълбоки кладенци, по 70 и 80 педи, но и въ тие кладенци водата е много лоша. Приморската частъ на Добруча е населена съ Християне; тамъ се намиратъ слѣднитѣ мѣста (terre): Charag(?), Maluch(?), Kostanza (Кюстенджа), Mangalia (Мангалия), Irosta²¹), или Irosia(?), Balcich (Балчикъ) и Varna (Варна). По-далеко отъ морскій брѣгъ (per su ia marina) се намѣрватъ християнски мѣста: Orachovetza (старо и ново Орѣхово въ Варненската околия), Savarno (Каварна), Corleis или Corbis(?), Eihergena(?) Franga (Франга), Novoselo (Ново село) и Galatta (Га-

²⁰) Каницъ, „Donau-Bulgarien“, III, 63.

²¹) Въпросителний знакъ, който туряме при нѣкои названия, показва, че тия названия или вече не съществуватъ сега, или пакъ до толко сж искривени отъ различни прѣписваче на Джорджичевата записка, дѣто не е вече възможно, за насъ поне да ги разберемъ. Трѣбва да кажемъ, че въ Миланскій архивъ се е завардилъ не оригинальтъ на тая записка, а една копия отъ нея, която, види се, не е написана съвсѣмъ вѣрно.

лата). Ни едно отъ тия мѣста не е населено само съ Турци или пакъ само съ Християне освѣнъ Балчикъ. Въ внѣтрѣшната частъ на Добруча²²). се намиратъ слѣднитѣ мѣста: Tuluchia (Тулча), Baba (Бабадаа), Carassui (Карасу = Черна-вода?), Cassasui(?), Passarghi (Пазарджикъ) и Provadia (Провадия). Въ Cassasui(?) и Бабадаа (Babassi) Християнетѣ сж по-вече отъ Турцитѣ. Турцитѣ, които живѣятъ въ горѣ-реченнитѣ мѣста сж все изъ Азия; тѣ дохождали тѣдѣва по търговия, па се и заселили тука. Тѣхъ не ги яко бива за военна работа, а кореннитѣ жители (li habitatori?) сж храбри и между нихъ би могла да се набере добра дружина, но нѣматъ друго оружје, освѣнъ сабли и стрѣли съ лжкове. Слѣдъ Добруча иде областа Делиорманъ, наречена така отъ голѣмитѣ и високи лѣсове, съ които е обрасла. Тая страна е изобилна съ плодове (di frutta) и съ лозя. Делиорманъ е доста голѣма областъ; въ неж се намѣрватъ слѣднитѣ мѣста: Sciumgna (Шуменъ), Prislavo (Прѣславъ), Krosgrad (Разградъ), Cirvenigi (Червенъ, който се е намиралъ на мѣстото, дѣто е сега Червена вода, при Русчукъ), Rusti (Русчукъ), Doristar, или Silistria (Силистра). Вситѣ тия мѣста сж населени по-вечето съ Християне, нежели съ Турци. — Третята областъ, която се намира кѣдѣ Балкана въ сѣщата Бѣлгария (nel medesimo Regno di Bulgaria), се нарича Горилово. Тя е по-малка отъ първитѣ двѣ области (сирѣчь отъ Добруча и Делиорманъ), но е по-гѣсто населена, по-изобилна, и богата съ всякакви нѣща (ma é piu habitata, e piu abbondante et divitiosa d'ogni cosa). Ражда прѣкрасни плодове и, въ голѣмо изобилие, пшеница, нчимикъ, вино. Горилово е доста отдалечено отъ Дунава и е населено съ голѣмъ брой Християне, които сж много воинственни (contiene in se christiani in grandissimo numero, e molto bellicosi).

Малко по-надолѣ въ записката си Джорджичъ пакъ се повръща да говори за тия области, именно за южнитѣ имъ части, и между друго забѣлѣзва, че тамъ има безкрайно множество (numero infinito) християнски села. При това той при-
 вожда и названията на слѣднитѣ отъ тѣхъ: Gulama(?), Gesira

²²) Тука слѣдватъ нѣколко думи, въ които се е казвало, какво население е живѣло изъ вѣтрѣ по Добруча, но общий смисълъ на тие думи не се разбира добръ, защото нѣкои отъ тѣхъ, види се, не сж написани вѣрно. Па, може би, има нѣщо и пропуснато.

(Джезира?), Fusciano(?), Dovino (Девна), Monastierazzi (Мънастиръ), Plozzo(?), Dobrina (Добрина?), Caranaz(?), Crivina (Кривна), Ravana (Равна), Nenov (Неново), Unciari(?), Gnauscia (Нявша), Guglie (Гулица), Senizza (Сѣница?), Calugerizza (Калугерица), Jankovo (Янково), Novoselo (Ново село), Mos (Мостъ), Cenga (Ченга), Divdeo (Дивдѣдово?). Нѣкои отъ тия села, които во врѣмето на Джорджича сж били чисто български, и до сега сжществуватъ съ сжщитѣ си названия, та е много любопитно да разгледаме, какво имъ е сегашното население. Ние съ тая цѣль можемъ да се позапремъ токо на слѣдущитѣ 11-тъ села, защото токо за тѣхъ могохме да съберемъ потрѣбнитѣ топографически и статистически свѣдѣния²³).

1. Devino = Девино, или Дѣвино. Нѣма съмнѣние, че това е било старобългарското название на селото Девна или Девно, което се намира въ Провадийската околия, близу до Деვენското (Варненско) езеро. Види се, че и названието на Деვენското езеро въ старо врѣме се е изговаряло: Дѣвинско, па може и Дѣвино езеро. Селото Девна (Дѣвино), прѣди послѣдната война е било населено съ Българе и Татаре²⁴): български кжщи тамъ е имало около 200, а татарски около 17.

2. Monastierazzi = Мънастиръ, се намѣрва край Девно (Дѣвино), малко на югъ, и сега влиза въ Тестеджийската селска община на Провадийската околия. Прѣди войната това село е било съвсѣмъ турско, и е имало около 42 кжщи²⁵).

3. Crivina = Кривня, въ Черковненската селска община на Провадийската околия, е чисто турско село отъ 91 кжща²⁶).

4. Ravana = Равна, въ сжщата Черковненска община, е българско село съ 57 кжщи, въ които набройватъ до 90 вѣнчила²⁷).

²³) Мѣстоположението на тия села ние тука ще опрѣдѣляваме по официалний списъкъ на градскитѣ и селски общини, който (списъкъ) е напечатанъ въ „Държавний Вѣстникъ“ 1883; брой 73 (отъ 12 юлий). А статистическитѣ си белѣжки за тѣхъ вземаме по-вечето изъ сборника: „Матеріали для изученія Болгаріи, напечатаны по повеленію Е. И. Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею“. Выпуски IV и V. Букарештъ. 1877.

²⁴) „Матеріали“ и пр. IV, 61; V, 25.

²⁵) „Матеріали“ V, 256.

²⁶) Все тамъ, IV, 62.

²⁷) Тамъ, V, 24, 258; IV, 62.

5. Nenov = Неново, такожде въ Черковненската община, прѣди войната е имало 54 кѣщи, все бѣлгарски²⁸).

6. Gnausia = Нявша, или Невше, въ Тюркѣ-арнаутларската селска община (Провадийска околия) прѣди войната е било чисто турско село съ 170 кѣщи²⁹).

7. Guglie = Гулица, или Голица, въ Новоселската околия (Варненско окръжие), е чисто бѣлгарско село, въ което прѣди войната сѣ набройвали 250 вѣнчила³⁰).

8. Calugerizza = Калугерица, Калугерса, въ Каспичанската селска община (Новопазарска околия) прѣди войната е имало 25 кѣщи бѣлгарски и 28 турски³¹).

9. Janchevo = Янково, въ Прѣславската околия, е чисто турско село съ 129 кѣщи. Край него се намѣрва друго едно малко селце, което се нарича Ени-Янково и такожде е населено само съ Турци, около 28 кѣщи³²).

10. Mos = Мостъ. Това е било старото бѣлгарско название на селото Кюпрю-Кѣой, което се намѣрва на р. Тича (Камчия), около 4—5 километра по-долу отъ втичанъето въ нея на Луда Камчия. Това старо название и до сега, казватъ, се употрѣблява между мѣстното бѣлгарско население. Селото Мостъ (Кюпрю-Кѣой) влиза въ Новоселската околия (Варненско окръжие) и, както ми сѣ казвали, има около 180 кѣщи, отъ които само около 50 сѣ бѣлгарски, а другитѣ сѣ все турски³³).

11. Senga = Ченгя, въ Новоселската околия, е чисто бѣлгарско село, въ което има 70—80 кѣщи³⁴).

Горѣизложенитѣ бѣлѣжки, макаръ и да не сѣ съвсѣмъ точни, показватъ, че отъ единадесетъ села, които въ края на 16-й вѣкъ сѣ били чисто бѣлгарски, сега само четири сѣ останѣли таки, именно: Равна, Неново, Гулица и Ченгя. Въ другитѣ седемъ сѣ се заселили Турци, при това бѣлгарскій елементъ съвсѣмъ е изчезналъ въ селата: Мѣнастиръ, Кривня, Янково и Нявша или Невше.

²⁸) Тамъ, IV, 62.

²⁹) Тамъ, IV, 62.

³⁰) Тамъ, V, 25.

³¹) Тамъ, IV, 24.

³²) Тамъ, IV, 23.

³³) Тие бѣлѣжки за населението на Кюпрю-Кѣой (Мостъ) ни е съобщилъ г-нъ Каваловъ.

³⁴) Съобщ. г-нъ Каваловъ.

Слѣдъ извѣстията си за състава на населението въ областитѣ Добруча, Делиорманъ и Горилово, Джорджичъ продължава така: „Къмъ Софійската страна (сирѣчь на западъ отъ Горилово) се намѣрва Търново, градъ главенъ и митрополия, на която архиепископътъ³⁵⁾ . . . държи надъ своя власть 260 християнски села, отъ които всѣко едно има по 200—300 къщи. По-нататкъ се намѣрва Ловечъ (*la terra di Lovcia*), който е доста голѣмъ и населенъ съ Турци и Християне. Край Търново има нѣколко села, населени съ Албанци, които сж храбри и, ако стане потрѣбно, могатъ да извадятъ 1,500 души все конници, добръ въоръжени. И двѣтѣ горѣреченни мѣста (*Le due terre*, сирѣчь Търново и Ловечъ) се намѣрватъ въ България (*sono nella Bulgheria*). Отъ Търново до София има четири дена пътъ. София лежи отъждъ Балкана на равно мѣсто; тя е голѣма и доста населена поради голѣмата търговия, която тамъ въртѣтъ различни нации, особно Дубровничанетѣ. София се намѣрва на половинъ день пътъ отъ Балкана, заобиколена е отъ едно много широко поле и има подъ себе си 300 села, отъ които 260 сж християнски, а 40 турски“.

Въ записката си Павелъ Джорджичъ ни съобщава, и колко спахии е имало на онова врѣме въ крайдунавска България. „Всичката оная страна, каже, която се намѣрва подъ управлението на Силистренский, Никополский и Видинский бейове³⁶⁾), въ военно врѣме, не изважда по-вече отъ хилядо спахии“. Хилядо спахии за таква една страна ще ни се видѣтъ много малко, ако си наумимъ, че по онова врѣме въ Европейска Турция е имало по-вече отъ 80,000 спахии³⁷⁾, и че малко нѣщо по-послѣ, именно около 1665, само въ Кюстендилский санджакъ сж наброивали около 1100 спахильци³⁸⁾. — Но да.

³⁵⁾ Тука слѣдватъ три четири думи (*uno di casa Daghi*), които показватъ, отъ каквъ родъ е билъ Търновский архиепископъ. Последната отъ тѣхъ (*Daghi*) може би е написана погрѣшно.

³⁶⁾ На тия три санджакъ-бейове е била подчинена тогава цѣла крайдунавска България. Силистренский и Никополский бейове сж зависѣли отъ Софійский Бейлербей, а Видинский — отъ Темешварский. Глед. въ „*Turcici Imperii status*“ Елзевирианско издание 1634 г., стр. 196, 197, 200.

³⁷⁾ 80.000 ги избройва Венецианский посланникъ Я. Соранцо въ 1776 г. Глед. „*Relazioni degli ambasciatori Veneti*“ Serie III, Vol. II, 197. Нѣма съмнѣние, че по врѣмето, за което говори П. Джорджичъ, сирѣчь около края на 16-й вѣкъ броятъ на спахиятъ въ Европ. Турция е билъ по-голѣмъ.

³⁸⁾ Глед. „Рапортътъ отъ г. г. Иречка и Сарафова за Кюстендилский окръгъ“ София, 1880, стр. 15.

се върнемъ къмъ прѣдмета на настоящий членъ, сирѣчь къмъ населението въ источнитѣ области на сегашното българско княжество. Павелъ Джорджичъ нѣколко пѣти повтаря да казва, че въ Добруча, Делиорманъ и Горилово християнетѣ около края на 16-й вѣкъ били много по-вече отъ Турцитѣ. На той съобщава и нѣколко такива бѣлѣжки, които, ако се развѣщѣятъ добрѣ, могатъ да ни покажатъ донѣдѣ, какво е било тогава численното отношение между българското и турско население въ реченнитѣ области. На тия бѣлѣжки ние ще се запремъ повечко. Джорджичъ увѣрява седмиградскій князь, че българското население въ Добруча, Делиорманъ и Горилово (*del si bel regno di Bulgaria*) съ радость ще посрѣщне войската му и освѣнъ дѣто ще ѝ набавя все, що ѝ е потребно за храна и пр., но ще и да ѝ усили съ 25,000 храбри момци, каквито твѣдѣ лесно могла да извади България (*huomini bravi, che con molta facilità puo dare la Bulgaria*). Подъ името България тука пакъ се разумѣватъ токо реченнитѣ три источни области. Усиленъ съ таква една помощ отъ страна на Българетѣ, седмиградскій князь, сироти думитѣ на Джорджича, лесно би могълъ да се прѣхвърли прѣзъ Балкана, за да заемне „Туловската и Загорска областъ, която се простира къмъ Одринъ“, и по тоя начинъ да тури въ мѣчно положение Турцитѣ, които по онова врѣме бѣхъ уплашени въ една голѣма и упорита война съ императора Рудолфа II въ Маджарско. При това нашия Дубровничанинъ съвѣтва на седмиградскій князь да заповѣда на капитанитѣ и на солдатитѣ си, като влѣзатъ въ българскитѣ области, да се обнисатъ много мирно и деликатно съ Българетѣ (*con ogni sorte di piacevoli maniere*), защото въ противенъ случай може да произлѣзатъ лоши сѣтнини: при всичко, че Българетѣ съ нетѣрпѣние очакватъ християнската войска и сѣ готови да ѝ помагатъ всѣкакъ, но ако тая войска захване да се отнася къмъ тѣхъ грубо, да ги граби, оскѣрбява и да имъ чини различни пакости, то они могатъ да се обърнатъ срѣщу нея и да захванатъ да помагатъ на Турцитѣ. Въ таквъ случай они (Българетѣ) могатъ да заемнатъ балканскитѣ проходи и горски пѣтища и да ги завардятъ, додѣто пристигне турска войска, та да ѝ ги прѣдадѣтъ и чрѣзъ това да улеснятъ влизанъето ѝ въ България. . . . Отъ изложенитѣ тука бѣлѣжки за насъ особно важна е опая, въ която се говори, че Добруча, Делиорманъ и Горилово около края на 16-й

вѣкъ лесно би могли да изваджтъ 25,000 храбри Българе опълченци. За да се оцѣни значението на тая цифра, трѣбва да се има прѣдъ видъ, че въ края на 16-й вѣкъ храбритѣ Българе сж съставлявали не яко голѣмъ процентъ между българското население. Доста е да припомнимъ, че тогавашното българско поколѣние се е раждало и расло въ таки врѣмена, когато Турцитѣ отбирахж по-здравичкитѣ български дѣца и млади момци, та ги потурчвахж и правѣхж отъ тѣхъ Еничари и Аджамъ-олани³⁹⁾. На трѣбва още да вземеме въ внимание, че Павелъ Джорджичъ, на когото бѣлѣжкитѣ изобщо се отличаватъ съ сериозностъ, като е смѣталъ, колко храбри Българе бѣхж могли да се придружатъ къмъ войската на седмиградский князь, ималъ е прѣдъ видъ не нѣкакво задължително, всеобщо, но доброволно повдиганье на нѣкои отъ по-храбритѣ български жителѣ на Добруча, Делиорманъ и, особно, Горилово. Искаме да кажемъ, че цифрата 25,000, за която ни е рѣчь, съдържа въ себе си не твърдѣ голѣмъ процентъ отъ общий брой на бившето въ 16-й вѣкъ българско население въ областитѣ Добруча, Делиорманъ, Горилово, процентъ, който не ще да е надминувалъ цифрата петъ, шестъ, та нека и седемъ. Така ако е, то общий брой на Българетѣ въ тия области по онова врѣме може да е достигалъ до 400—500 хиляди, та е билъ два три пѣти по-голѣмъ отъ колкото е сега. — Да видимъ, какво пакъ говори Джорджичъ за броя на турското население въ областитѣ, за които ни е рѣчта. „Добруча, каже, Делиорманъ и Горилово споредъ всеобщото мнѣние, можтъ да изваджтъ, въ военно врѣме до 30,000 Турци“ (*La Dobruccia, Deliorman e Gorilovo, à giudizio universale, possono dar fuori da 30.000 Turchi*). Нѣма съмнѣние, че въ това число влизатъ всичкитѣ способни за оружје Турци. Че работата трѣбва да се разбира така, това изрично ни казва и самъ Джорджичъ въ едно отъ писмата си до Папский нунций Висконти.

Тукъ той говори, че прѣзъ лѣтото на 1594 г. когато Турцитѣ ходихж да воюватъ въ Маджарско, въ България (*nel Regno di Bulgaria*) не останжлъ ни единъ Турчинъ, способенъ

³⁹⁾ Това отбиране на християнскитѣ дѣца се е продължавало до еждѣ срѣдата на 17-й вѣкъ. Глед. въ книгата на Л. Ранке: „*Die Osmanen und die Spanische Monarchie*“ Leipzig 1877, 8, 46. Сравн. и нашата бѣлѣжка въ „Периодич. Списание на Бъл. Кн. Дружество“ Браила, кн. XI—XII стр. 147.

за орѣжне (*non vi era rimasto pur un huomo, atto alle armi*). „Това, каже Джорджичъ, азъ видохъ съ очитѣ си, защото тогава бѣхъ тамъ (*le viddi occulatum . . . in quel tempo ivi mi trovai*). По онова врѣме, прѣзъ мѣсецъ юния, малорусскитѣ казаки нападнѣли на турскитѣ владѣния въ Бессарабія, именно на Бендерскій санджакъ, бендерскій бей тогава поискалъ помощъ отъ силистренскій, който като нѣмалъ подъ расположението си никаква войска, принѣдилъ се да търси доброволци: съ такава цѣль той чрѣзъ теляли обявилъ по цѣлий Силистренскій санджакъ (*per tutto il Regno di Bulgaria*), че който се съгласи да иде на помощъ въ Бендери, той ще получи голѣма награда, именно ще бѣде направенъ спахия или спахиоланъ. Но на това, только съблазнително, обявление не се обадилъ ни единъ Турчинъ. Тия извѣстия на Павла Дорджича не оставятъ никакво съмнѣние, че горѣреченното число 30,000 е съставлявало единъ голѣмъ процентъ отъ мухаметанското население въ Добруча, Делиорманъ и Горилово, процентъ не по-малко отъ 20%. И ние сме увѣрени, че не щемъ яко да сбъркаме, ако кажемъ, че общій брой на мухаметанетѣ въ тие области около края на 16-й вѣкъ не е билъ по-вече отъ 150,000 Турци, а сега българската статистика набройва тамъ около 430,000 Турци³⁹). Това наше заключение се подтвърждава и съ други нѣкои свидѣтелства, на които намѣрваме за не излишно да се позапремъ тука, только повече, защото они можѣтъ да ни развѣщѣятъ, и отъ какви елементи е състояло тогава мухаметанското население въ най-источнитѣ области на сегашното Българско княжество.

1. Венецианецътъ Лазаръ Серанцо, който е живѣлъ около края на 16-й вѣкъ и е съставилъ едно твърдѣ вѣщо описание на Турското царство, казва, че, на онова врѣме, въ Добруча, именно между Силистра и Кюстенджа⁴⁰), живѣли двѣ

³⁹) Глед. въ статията на г-на Сарафова. (Период. Списание, кн. V, стр. 9, 10, 12). Ние тука прѣсмѣтаме турското население токо въ бившитѣ окрѣзи Варненскі, Провадийскі, Шуменскі, Силистренскі, Ески-Джумайскі, Разградскі, Русчукскі, защото отъ источнитѣ окрѣзи на княжеството токо они влизатъ въ областитѣ Добруча, Делиорманъ и Горилово, както ги е разбралъ Павелъ Джорджичъ. Въ тие области, именно въ Добруча, той е включвалъ и сегашната Румънска Добруча, та отъ само себе се разбира, че ние трѣбваше да вземемъ и нежъ тука въ смѣтката си. Но, за жалость, това не ни е възможно да направимъ, защото нѣмаме колко годѣ вѣрни статистически свѣдѣния за сегашното население на Румънската Добруча, особно за броятъ на тамошното турско население.

⁴⁰) Gibeli, id est, loricati . . . In Dobrucia provincia ultra Danubium sita habitant ad riunas muri, quæ in Sogdiana regione ab urbe Silistria Constantiam

хилиади Татаре (татарски семейства). Тѣ се наричали Гибели или Джибели, (Gibeli) защото носили ремичени панцири (logica), — другото имъ въоружение било: ножъ (machæra), лъкъ и шлемъ. Споредъ думитѣ на Саранцо, турското правителство особно често приканвало тие Добрученски Татаре да излизатъ на война.

2. Сщщій писателъ разказва, че въ Добруча, именно въ крайдунавската ѝ частъ, сж живѣли и така нареченнитѣ Акинджис⁴¹⁾, които сж се ползували съ нѣкои особни правдини, но въ военно врѣме сж били задължени да участвуватъ въ турскитѣ военни походи, въ които сж се отличавали, като особно страшни разорителъе и грабителъе. По свидѣтелството на другъ единъ Италиянецъ, Маттео Цане⁴²⁾, който е билъ Венециански байлъ въ Константинополь между 1591 и 1594 г., Акинджиетѣ (Achingi) сж били до 30,000 души и сж ходили на война подъ прѣдводителството на единъ свой особенъ началникъ, който заемалъ такова мѣсто по нѣкакво-си наслѣдственно право (che per eredità della famiglia ha questo luogo). Споредъ друго едно свидѣтелство (у Павла Джовия), тоя наслѣдственъ началникъ на Акинджиетѣ е произлазялъ, види се, отъ фамилията Михалооглу⁴³⁾.

3. Особно любопитенъ турски елементъ въ областитѣ, за които ни е рѣчъта, сж съставлявали яничаретѣ и тѣхнитѣ фамилии. Тукъ ние трѣбва да припомнимъ, че турскитѣ султани испърво държѣхъ много стегнато яничаретѣ, които въ мирно врѣме живѣехъ по-вечето въ Стамболъ и прѣкарвахъ врѣмето си въ военни упражнения. Тѣмъ бѣше възбранено да се женѣтъ, въ казармитѣ имъ неможѣхъ да влизатъ жени⁴⁴⁾. Такъвъ строгъ животъ живѣехъ яничаретѣ до кждѣ половината на 16-й вѣкъ, когато тѣхний брой бѣше порастналъ до 30—40 хилиади и они често захванахъ да се бунтуватъ. Султанъ Му-

usque, quae est ad Pontum Euxinum, pertingunt. Глед. въ Елзевирианск. изд. „Turcici Imperii Status“ 1634. Извлеченията изъ съчинението на Л. Саранцо, стр. 251.

⁴¹⁾ „Qui Acanzii vocantur . . . in Dobruccia, Bulgariæ provincia, ut plurimum ad Danabium desident ac morantur“ Ibid. 224.

⁴²⁾ Le relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato. Ser. III, vol. III. Firenze 1855, 394.

⁴³⁾ Глед. у Хаммера: „Geschichte des Osmanischen Reiches“. Pest 1827. I, 96, 581—582. Хаммеръ прѣдполага (стр. 48, 96), че родоначалникътъ на тая фамилия е билъ единъ отъ Палеологовцитѣ, Къосе Михалъ, който се потурчи още въ врѣмето на Османа, основателя на Османската държава.

⁴⁴⁾ Leopold von Ranke: „Die Osmanen und die Spanische Monarchie“. Leipzig 1877, 42.

радъ III (1574—1595) се принуди да распусне по-голѣмата частъ отъ яничаретѣ да живѣятъ вѣнъ отъ столицата, по областитѣ, особно по крайнинитѣ, дѣто имъ се позволи да се женятъ и въ мирно врѣме да се грижатъ за прѣхраната на фамилиитѣ си, както знайтъ⁴⁵⁾. Отъ тие распустихти, така да кажемъ, яничаре доста много, може би нѣколко хиляди, сж се установили да живѣятъ въ Добруча, Делиорманъ и Горилово. За тоя прѣвратъ въ живота на яничаретѣ и за тѣхното вѣдворение въ реченнитѣ бѣлгарски области, както и за поведението имъ тамъ, ние намѣрваме у Павла Джорджича твърдѣ важни извѣстия. „Отъ нѣкоя и друга година, каже той⁴⁶⁾, Бѣлгаретѣ сж захванѣли да теглѣтъ много отъ яничаретѣ, които сж исполънили бѣлгарскитѣ градове и села (*de quali tutte le terre e casali di Bulgheria sono pieni*). По-прѣди яничаретѣ тука бѣхж твърдѣ малко: азъ помнѣж, че въ Провадия, дѣто ние държѣхме кѣща, нѣмаше по-вече отъ четири яничаре, а сега сж осемдесетъ. Сжщо така они сж се размножили и по други мѣста. Яничаретѣ тукъ се занимаватъ съ сарафлѣкъ: даватъ на християнетѣ пари съ лихва, като имъ взематъ сто на сто за три мѣсеца, освѣнъ дѣто ги каратъ да имъ работѣтъ. Та че още си подсебяватъ по-хубавитѣ земи (нивя, ливади и др.), които насилно отнемватъ отъ своитѣ братя, сир. отъ християнетѣ⁴⁷⁾. По-прѣди они не правѣхж така, защото не живѣхж такъвъ раскошенъ животъ, нѣмахж ни жени, ни дѣца, та и нѣмаше отъ що да сж толкова користолюбиви (*tantì avari*). Сега тѣ приличатъ по-вече на базаргяне, отъ колкото на солдати“.

4. Четвърти турски елементъ е съставяла една сбирщина нехрани-майковци, които сж били по-вечето ренегати отъ всѣкакви народности⁴⁸⁾. Тѣхний най-голѣмъ поминѣкъ е билъ военната плячка. Италианскитѣ писателѣ отъ 16-й вѣкъ ги наричатъ *venturieri* и забѣлѣжватъ, че въ военно врѣме тѣ сж съставлявали голѣма частъ отъ дѣйствующитѣ турски армии⁴⁹⁾.

⁴⁵⁾ Ранке, *ibid.* 44, 46. Сравн. и у Хаммера IV, 192, 195.

⁴⁶⁾ Въ записката си за Сигизмунда Батори.

⁴⁷⁾ До вѣдъ края на 16-й вѣкъ яничаретѣ, както е познато, бѣхж все отъ християнско потекло, поради това Джорджичъ ги и нарича туѣ братия на християнетѣ.

⁴⁸⁾ Сравн. думитѣ на Герлаха за тие потурняци: Пер. Списание на Бѣлг. Кн. Друж. VI, 40, 41.

⁴⁹⁾ „*Relationi degli ambasciatori Veneti*“. Ser. III, vol. I, 132; vol. II, 143; vol. III, 397 и пр. и пр.

Въ мирно врѣме они сж се прѣсмикавали по градищата и селата или пъкъ сж се навъртали по капиитѣ и оджацитѣ на по-голѣмитѣ турски чиновници, сжщо и по двороветѣ на спахитѣ⁵⁰⁾, каквито, както имаме случай да забѣлѣжимъ по-горѣ, въ Добруча, Делиорманъ и Горилово е имало нѣколко стотини. Къмъ горѣизброенитѣ мусулмански елементи трѣбва да притуримъ и мирнитѣ Турци, които сж живѣли по-вечето въ градищата: отъ тѣхъ едни сж се занимавали съ търговия, както свидѣтелствова Павелъ Джорджичъ, а други сж се поминували съ нѣкои занаяти⁵¹⁾. Както едниѣ, така и другитѣ сж се били прѣселили тукъ въ различни врѣмена изъ Азия.

Ето отъ колко и отъ какви елементи най-много е състояло мухамеданското население въ источнитѣ български области около края на 16-й в. Оно, както показватъ горѣприведенитѣ свидѣтелства, по-вечето се е помѣщавало въ Добруча, именно въ сѣверната ѣ часть, гдѣто сж живѣли Татаретѣ и Акинджиетѣ, сжщо и въ крайдунавскитѣ и крайморски градове. Извѣтрѣ по областитѣ Делиорманъ и Горилово турскій елементъ е билъ много малкъ: селско турско население тамъ, види се, съвсѣмъ не е имало. Освѣнъ нѣкои отъ бѣлѣжкитѣ на Павла Джорджича въ това ни увѣрява и слѣднѣото извѣстие, което намѣрваме въ едно описание на турскитѣ области, съставено по онова врѣме отъ Италиянеца Монталбано. Като говори за Епиръ, България и Сърбия, тоя писателъ забѣлѣжва: „въ вситѣ тие страни селското (земледѣлческо) население състои все отъ Християне; само покрай Балканскитѣ тѣснини се намѣрва нѣкои и друго турско село“⁵²⁾. Но и тие нѣколко турски села сж се намѣрвали, види се, не по источната часть на балканскитѣ гори, а покрай ония среднегорски и балкански мѣста, прѣзъ които минува голѣмий пътъ отъ Одринъ къмъ Бѣлградъ и които турскитѣ султани и държавни мжжѣ отдавна още сж се стараяли да колонизиратъ съ мухамеданско население. Ние не знаемъ нѣкакви извѣстия, които да показ-

⁵⁰⁾ Гл. въ горѣспоменѣтото списание на Л. Соранцо стр. 225.

⁵¹⁾ Сравн. бѣлѣжката на Гелраха за турскитѣ занаятчи въ Периодич. Списание на Бѣлг. Кн. Дружество кн. VI, 22.

⁵²⁾ „Post Græciam, Thraciam ac Macedoniam adest Epirus, Bulgaria, et Servia. Toto eo in spatio, exceptis uno alterove Turcarum pago, ad montis Hæmi claustra sitis, cultores nullos Mahometanos est reperire: a Christianis enim tantummodo excoluntur“. Turcici imperii Status. 1634, p. 80. (Елзевир. издан.). Сравн. и бѣлѣжката на Герлаха въ „Период. Списание на Б. Кн. др. VI, 22.

ватъ, че такива мухамедански колонисти сж се заселвали прѣди края на 16-й в. и по источнитѣ балкански проходи. А Павелъ Джорджичъ, както видѣхме, изрично казва, че на негово врѣмѣ тие источни проходи сж се намѣрвали въ рѣцѣ на Българетѣ.

Кѣмъ горѣизложенитѣ свидѣтелства ние ще прибавимъ и слѣднитѣ двѣ; они такожде потвърждаватъ до нѣйдѣ заключението, което ние извадихме изъ бѣлѣжкитѣ на Павла Джорджича за турското и българско население въ най-источнитѣ области на сегашното българско княжество.

Единъ европейски пѣтникъ (*le sieur des Hayes*), който къ началото на 17-й вѣкъ е пѣтувалъ по България, казва⁵³), че тамъ християнското население било тридесетъ пѣти по-многобройно отъ турското (*trente fois autant que de Turcs*). Това извѣстие е любопитно, макаръ че въ него е твърдѣ прѣувеличено численното отношение на християнетѣ кѣмъ Турцитѣ. Много по-любопитно и по-важно е другото извѣстие, което ние тукъ ще приведемъ и на което трѣбва да се позапремъ по-вечко. Около края на 16-й в. единъ хърватски свѣщенникъ Комуловичъ (*Comuleo*) съ нѣкаква-си мисия отъ папа Григория XIII е пѣтувалъ по Европейска Турция и се е маялъ тамъ около три години, именно отъ 1584 до 1587 год.⁵⁴) Слѣдъ това си пѣтуване той прѣдставилъ на папата кратка записка или проектъ за изгонването на Турцитѣ изъ Европа (*Relatione sopra le cose del Turco*). Тукъ Комуловичъ между друго забѣлѣзва, колко способни за оръжие християне е имало тогава въ турскитѣ области: Албания, Македония, Херцеговина, Сърбия, Босна, Славония, Темишваръ, Тракия, и въ крайдунавскитѣ страни. За насъ особно е любопитна слѣдната бѣлѣжка на Комуловича: „Отъ Бѣлградъ и до Черно море, по турскитѣ брѣгове на Дунава, Християнетѣ сж по-вечето православни и по народността си сж все Словѣне. Между тѣхъ има способни за оръжие двѣстѣ хиляди души“⁵⁵). Види се, че Комуловичъ тукъ е подразумѣвалъ тогавашнитѣ турски санджаци Смедеревский, Видинский, Никополский и Силистрен-

⁵³) Глед. „Description general de l'Europe par Pierre Davity, corrigée par J. B. de Racoles. Paris 1660, t. III, p. 1170.

⁵⁴) Глед. бѣлѣжкитѣ отъ г. Фр. Рачки за това пѣтуване на Комуловича въ Сборника на южнословѣнската академия „Starine“ XIV, 83, 84.

⁵⁵) „Da Belgrado sino il mar maggiore per le ripe del Danubio dalla parte di Turchia sono Christiani in maggior parte del rito greco, ma tutti della nazione Schiavona, fra li quali ci sono huomini valorosi per combattere 200 m.“ Starine XIV, 86, 87.

ский, или, да кажемъ съ други думи, источната частъ на сегашното сърбско кралство и крайдунавска България. Ние имаме основание да мислимъ, че тоя писателъ тука е прѣсмѣталъ като способни за орѣжие около единъ на десетъ отъ християнското (словѣнско) население. Искаме да кажемъ, че спроти смѣтката на Комуловича, около края на 16-й в. въ реченнитѣ четири турски санджаци е имало около два милиона християне (Словѣне); отъ тѣхъ, ако не по-вече, то поне една четвърта частъ трѣбва да се е падала на Силистренскій санджакъ, който е билъ много широкъ, защото въ неговий съставъ сж влизали Добруча, Делиорманъ и Горилово.

Прѣдъ видъ на вситѣ горѣизложени свидѣтелства и извѣстия ние мислимъ да не сме се яко много отдалечили отъ истината, като заключихме отъ статистическитѣ бѣлѣжки на Павла Джорджича, че въ областитѣ Добруча, Делиорманъ и Горилово, гдѣто сега има около 230.000 Българе и около 430.000 Турци, въ края на 16-й в. християнското (българско) население е било около 400—500.000, а турското около 150.000. — Да минемъ сега въ 17-й вѣкъ.

(Недовършено).

Още нѣколко бѣлѣжки

за

Паисия и за неговата история.

(Изъ „Периодическо списание на Българското Книжовно Дружество“,
Срѣдецъ, год. V, кн. XIX и XX (1886), стр. 134—145).

Още нѣколко бѣлѣжки за Паисия и за неговата история.

Докжтъ ние се напомнимъ да обнародваме книгата, отъ която захващаме историята на своето възраждане, руситѣ ни прѣдварихъ. Прѣди нѣколко мѣсеца А. В. Лонгиновъ е напечаталъ въ Люблинъ Паисиевата история по Тошковичевий прѣписъ¹⁾, съ който ние още прѣди 15 години, запознахме читателетѣ на нашето Периодическо Списание въ статията си: „Отецъ Паисій, неговото врѣме, неговата история и ученицитѣ му“²⁾.

Тошковичевий прѣписъ е единъ отъ най-пълнитѣ, които намъ се е случвало да виждаме, но той не е яко старъ, та се види, че въ него сж се вмъкнали нѣкакви измѣненія на Паисевий трудъ, ако и не твърдѣ важни. Но освѣнъ това, г-нъ Лонгиновъ не е могълъ да прочете добръ доста много думи въ Тошковичевий рѣкописъ, та ги е напечаталъ погрѣшно. Ето защо това издание намъ се види не до тамъ добро. Ние обаче сме благодарни г-ну Лонгинову, че се е потрудилъ да напечата, ако и въ такъвъ видъ, тая книга, която е написана още прѣди 124 години, и да ѝ направи достъпна за всѣкого.

Изданието на г-на Лонгинова ни подбужда да допълнимъ горѣречената своя статия още съ нѣколко бѣлѣжки, да поговоримъ за нѣкои такъви чѣрти въ Паисиевата книга, за които тамъ не сме споменжли, но които на сегашно врѣме стоятъ особно любопитни. Освѣнъ изданието на г-на Лонгинова ние тукъ ще се ползуваме и съ единъ доста старъ прѣписъ отъ

¹⁾ „Исторія Славено-Болгарская о народахъ и о царѣхъ и святыхъ Болгарскихъ и о всѣхъ дѣяніяхъ и бытіяхъ Болгарская. Собрано и нареждено Паисіемъ іеромонахомъ бывшаго во святѣй гори Афонскіяхъ оубо епархіи Самоковскіяхъ. Во лѣто 1762, на ползу роду Болгарскому. — Изд. А. В. Лонгиновымъ по списку, принадлежащему потомственному почетному гражданину Н. С. Тошковичу“. Люблинъ 1885. — 80 страници, цѣна 60 коп.

²⁾ Кн. VI (Браила, 1871), стр. 3—26. — Вж. по-горѣ стр. 115 и сл.

Паисиевата история, който е писанъ на 1772 год. и който сега се намира у насъ.

Паисий е билъ родомъ отъ Самоковската епархия и, както се види отъ езика му, онъ се е родилъ и порасналъ въ западната или Македонска частъ на тая епархия, именно: въ Дупнишкитѣ, Разложкитѣ или Джумайскитѣ мѣста. Съ други думи да кажемъ, Паисий е билъ Македонецъ. Нека припомнимъ при това, че по врѣмето, когато онъ е писалъ своята история (въ 1762 г.), Самоковската епархия зависѣше отъ Сърбското (Печското) патриаршество, подъ властта на което е оставала до самото му унищожение въ 1776 год.

Отъ нѣкое врѣме насамъ, особно прѣзъ послѣднитѣ десетина годинъ, въ сърбскитѣ официални издания често се е писало и доказвало, че Македония, заедно съ цѣлата Самоковска епархия, е сърбска земя, частъ отъ така наречената Стара-Сърбия, че тамошнитѣ жители сж Старо-сърбиянци и признавали сж се за такъви до началото на сегашний вѣкъ, именно до освобождението на Сърбското княжество. Отъ това врѣме сърбското име станжло ужъ много ненавистно и страшно за Турцитѣ, които поради това захванжли много злѣ да притѣсняватъ и мжчжтъ сърбската си раи. За да се отърватъ отъ тия злини, реченитѣ старо-сърбиянци захванжли да крижтъ славното си народно име и да го замѣнятъ съ разни мѣстни названия, или пъкъ съ името Българинъ, което било особно приятно на Турцитѣ, защото Българетѣ имъ били всѣкога покорни и послушни въ всичко. При такъво едно положение на работитѣ въ Турско нѣкакви-си български чорбаджии, па и българскитѣ владици, откакъ се появи българската екзархия, лесно сполучили да побългаржтъ старо-сърбиянитѣ въ Македония, та и въ Самоковската епархия, и по други мѣста. Самото Турско правителство поддържало тая българска пропаганда, защото мислило, че откакъ старо-сърбиянитѣ забравжтъ народното си име и захванжтъ да се наричатъ Българетѣ, ще загубжтъ храбростта си, ще омекнжтъ и станжтъ такава мирна и послушна рая, каквато били Българетѣ.

Изложената тукъ теория ние вземаме изъ официалнитѣ „Српске Новини“ (No. No. 15, 101 за 1878 г.), изъ познатата брошура („Стара Сърбия“), която е напечатана въ сърбската държавна печатница два-три мѣсеца прѣди отварянъето на Берлинскій конгресъ, и изъ нѣколко статии, които по това.

врѣме обнародвахъ въ рускитѣ вѣстници нѣкои „изъ выдающихся сербскихъ политическихъ дѣятелей“ и обнародвахъ „не помимо желанія высшихъ правительственныхъ сферъ Сербскаго княжества“³⁾. Че високитѣ Сърбски правителствени сфери и до сега продължаватъ да развиватъ тая теория, затова има доста много прѣсни фактове, за които е излишно да споменуваме.

Паисиевата история е едно най-остро орѣжие противъ речената теория, която она подрѣзва и унищожава до коренъ. Както рекохме по-горѣ, Паисий е македонецъ, па е живѣлъ и писалъ тогава, когато Сърбетѣ не бѣхъ още наплашвали Турчина съ храбростта си, която показахъ при освобождението на Сърбското княжество, когато българскитѣ първенци сж се гърчѣли, „водили сж се по грѣчка политика“, когато нѣмаше Българска екзархия, па сѣверна Македония, заедно съ родното Паисиевото мѣсто, се е намирала подъ властта на Сърбското патриаршество. Споредъ речената сърбска теория, той безъ никакаво съмнѣние трѣбвало да с билъ старо-сърбиянецъ и да се е гордѣялъ, че с Сърбинъ. А какво излази? Но по-първо нѣка припомнимъ още, че Паисий, както е вече познато изъ неговото съчинение, много врѣме е пѣтувалъ по Балканскій полуостровъ, както по българскитѣ, така и по сърбскитѣ тамошни области. Той е минувалъ и прѣзъ австрийскитѣ сърбски земи, дѣто се е срѣщалъ и разговарялъ съ нѣкои отъ тамошнитѣ сърбски родолюбци. Па и на света Гора е ималъ, види се, дълги и широки разговори и прѣпирни съ тамошнитѣ сърбски иноци. Не иска казване, че свидѣтелствата на такъвъ единъ чловѣкъ за съврѣменнитѣ нему сърбско-български отношения иматъ голѣма важность. А пъкъ тия свидѣтелства съвсѣмъ се не посрѣщатъ съ горѣизложенитѣ сърбски доказвания и увѣрявания по тоя въпросъ. Отъ думитѣ на Паисия ясно се види, че нито той, нито пъкъ другъ нѣкой отъ съврѣменнитѣ нему Македонски Словѣне се е наричалъ Сърбинъ, а сж признавали, че сж Българе отъ дѣди и пра-дѣди, отъ памтивѣка, още отъ тогава, отъ когато, както се изрича Паисий, „преишли Болгари Дунавъ и населилися въ Тракію и Македонію и Илирикъ некою часть“⁴⁾. Но освѣнитѣ

³⁾ Тая се исказва редакціята на Московската газета „Современный извѣстія“, за една подобна статія, обнародвана на 1878, въ № 22 на тая газета, въ която прѣзъ мѣсецъ Априлъ сжщата 1878 е напечатанъ и прѣводъ отъ речената брошура за „Стара Сърбия“.

⁴⁾ Вижъ въ изданието на г. Лоугинова, стр. 53.

това, отъ думитѣ на Паисия се види такожде, че на съврѣ-
меннитѣ нему Сърбе и прѣзъ умъ не е минувало да трѣсѣтъ
въ Македония нѣкакви старо-сърбиянци или да доказватъ, че
македонцитѣ били Сърбе, а не Българе. И между съврѣмен-
нитѣ Паисию Сърбе сѣ се намирали мнозина, които сѣ ху-
лили и укорявали българщината, — това нѣщо било една отъ
главнитѣ причини, които накарали Паисия да се потруди и
напише Българска история. Но тогавашнитѣ сърбски хули и
укорявания, както по прѣдмета си, така и по цѣлѣта си съ-
всѣмъ се отличавали отъ сегашнитѣ. Сега Сърбетѣ хулитъ и
укоряватъ най-много българскитѣ владици, първенци, учителѣ
защото они ужъ научили македонцитѣ да се наричатъ Бъл-
гаре. А пъкъ тогава тѣ укорявали изобщо Българскій народъ,
заедно съ македонцитѣ, че билъ много бѣденъ и простъ, че
нѣмалъ нито владици отъ своя родъ, нито първенци, нито учи-
телье, па билъ и съвсѣмъ безкниженъ, нѣмалъ си дори исто-
рия. Никждѣ Паисий не казва, че съ такъви едни укорявания
тогавашнитѣ Сърбе искали да посърбятъ Българетѣ било въ
Македония, било другждѣ, но на много мѣста той забѣлѣжава,
че тѣ си позволяватъ такъва укори, защото мислили и искали
да докажатъ, че тѣхний народъ, както въ въ старитѣ врѣмена,
така и тогава билъ много по-горенъ, по-славенъ отъ Бълга-
ретѣ. Ние ще потвърдимъ исказанитѣ тука общи мисли и за-
ключения съ нѣколко извода изъ Паисевата история.

За сърбскитѣ хули и укорявания Паисий се исказва така:
„и до днесъ Сербіе порицають Болгаровъ отъ безуміе: мнится
имъ, да су выше были они исперва славни съ кралевство и
войска и земля отъ Болгари“⁵⁾ . . . „Некои отъ нихъ и ругаются
Болгаромъ, зацо су прости и не кныжны въ писаніе“⁶⁾. Че
тия хули и укорявания били една отъ главнитѣ причини, които
накарали Македонецъ Паисия да се потруди и напише Бъл-
гарска история, за това той ясно говори въ послѣсловието си:
„укараху насъ многожды Сербіе и Греци зацо немѣямо своя
исторія; азъ зрѣхъ по многихъ книгахъ и исторіяхъ ради Бол-
гари много извѣстіе написано, того ради воспріяхъ трудъ“⁷⁾.

Като се взелъ да пише по такъви подбуждания, Паисий
въ своя трудъ говори и за сърбското минѣло, което сравнява

⁵⁾ Въ Лонгиновото издание стр. 46. Подъ думата земля тукъ се разу-
мѣва завладана земля или политически владѣнія.

⁶⁾ Все тамъ, стр. 67.

⁷⁾ Все тамъ, стр. 80.

съ българското и доказва, че въ прѣднитѣ врѣмена Българетѣ всѣкога и въ всичко били много по-горни отъ Сърбетѣ. На ако въ послѣднитѣ врѣмена българщината испаднѣла до една много долна стѣпень, това станѣло, защото „Болгария е посредѣ Турчиномъ, близу Цариградъ; за то су весма озлоблены и по-праны Болгари отъ Турковъ, якоже водится, за то немогутъ никакова хитрость или мудрость книжною воспріяти“ (стр. 66). Българетѣ, доказва Паисій, още въ 9-й вѣкъ били православни християне и имали вече книжнина⁸⁾, на въ 10-й вѣкъ имали вече и свои патриарси. „А Сербіе били подѣ папа, и Римска вѣра держали; никако нема ни у Латински, ни у Гречески лѣтописи за Сербіе писано, въ кое время крестили ихъ Римляне, но въ лѣто 1130 Неманіе жупанъ Сербски пріялъ св. крещеніе, но не весь народъ Сербски, но мало народъ. Послѣжде св. Сава архіепископъ, сынъ Неманіевъ въ лѣто 1190 обратилъ весь народъ Сербски въ православную вѣру. Тако и Сербіе послѣ Болгаровъ за 345 лѣтъ пріяли вѣру православную. Тако Болгари отъ словенски вси народи прежде пріяли православіе, прежде имеали себѣ патріарха и цари и по своему языку читати почели“⁹⁾.

За Стефана Неманя, отъ когото „ся почела лоза кралевская въ Сербію“, Паисій споредъ старитѣ сѣрбски сказанія забѣлѣзва, че онъ „не былъ отъ рода Сѣрбска, но отъ рода Латинска, отъ племя царя Ликанія мучителя“. Съ тая си забѣлѣжка той иска да каже, че на Сърбетѣ не правило голѣма честь това, дѣто нихнитѣ кралоуе „отъ Латины влачили свое племя, а жены зимали отъ други кралевства и конечно не имеали отъ рода Сѣрбскаго никако племя ни женско ни мужско“¹⁰⁾. Сѣврѣменнитѣ Паисию Сѣрбе много се хвалили и прѣкаряли Българетѣ съ побѣдата, която Стефанъ Дечански и неговий синъ Душанъ спечалили въ 1330 г. надъ Българския царь Михаилъ Шишмановъ. „Написали, казва Паисій, за царя Кон-

⁸⁾ Паисій доказва, че словѣнскитѣ първоучителѣ прѣдали своитѣ книги „перво Болгаромъ и наречени были книги болгарски; како и до нынѣ Гречи то знаютъ, и четиры патріарси, и Иерусалимъ, Синая, Света Гора, и весь народъ вѣжатъ книга болгарска, а не сѣрбска, или словенска“. На това мѣсто Лонгиновото издание (стр. 65) е поубъркано: на мѣсто Иерусалимъ и Синая, напечатано е: Иерусалимскія. Ние оправяме тая грѣшка по нашия прѣписъ на Паисиевата история.

⁹⁾ Въ Лонгиновото издание, стр. 66.

¹⁰⁾ Все тамъ, 41.

стантина Шишмана¹¹⁾ щампа и укораятъ его и сына его Михаила царя, нарекли го: всезлобнаго Шишмана сынъ Михаилъ. Той Костантинъ и сынъ его имеели жени отъ дома Сербскихъ крали и отгнали ихъ послѣди отъ себе, — за то востала ненависть между Сербіе и Болгаровъ, и убіенъ былъ царь Михаилъ сынъ Костантиновъ отъ краля Дечанскаго на брани. За то ся величаютъ Сербіе и укораятъ домъ Шишмановъ и Болгаровъ“¹²⁾. Противъ тия Сърбски величания Паисий говори: „За толико лѣта Сербіе единаго царя побѣдили и убили на бранъ и хваляться и притчи написали, како су силни, — а Болгари за толико лѣта царствовали и толико цари убили, и покорували кесари себѣ много пути даники; никакову причту ни похвала не писали имъ Сербіе отъ зависти, но еще хулять вси и до нынѣ на Шишмана и на домъ его болгарски“¹³⁾.

Особно подробно Паисий говори за Стефана Душана. Той челъ, какво писали за Душана старитѣ Сърбе въ „Родослова“¹⁴⁾ и пр., на като слушалъ похвалбитѣ на своитѣ сърбски съврѣменници съ Душановитѣ дѣла, много се лютилъ. „Сербіе некои, каже, подобни ему (Душану) по своему високоумію покривають дѣла его и насилство, нарекли го силни Стефанъ, и имеютъ его за святаго. Защо убилъ отца своего и умрелъ подъ проклетіе и отлученіе, и на него ся скончало племя и родъ Неманя Симеона, то никако не смотрили и до нынѣ не смотрають. но го фалаятъ вече (пóвече) отъ они нихни святи крали: паче Милутина, деда его превознесли Стефана (Душана) и вся сербска слава и причти ему приписали. Некой философъ Латински написалъ причти народнія, по Европа колико народи были, и имена местамъ и пределомъ изобразилъ причтію. То Сербіе нашли и преписали Стефану насилному, и изобразили его на щампи, и показують, како да есть они места и народи покорилъ и имеелъ подъ своя власть Стефанъ. Тако самомнено написали, или отъ баби, или кой що

¹¹⁾ Тукъ трѣбва да забѣлѣжимъ, че Паисий погрѣшно счита за едно лице Видинскій князь Шишманъ и съврѣтеникъ нему Български царь Константинъ Тѣхъ.

¹²⁾ Все тамъ, 43.

¹³⁾ Това мѣсто изъ Паисиевата история ние привождаме по нашия прѣписъ. Сравни въ изданието на г-на Лонгинова стр. 43 и 44.

¹⁴⁾ Тоя сърбски Родословъ е написанъ въ 14-й вѣкъ, но е напечатанъ токо прѣди двадесетъ години. Напечаталъ го е Даничичъ подъ такъво заглавие: „Животи кралѣва и архиепископа српскихъ. Написао архиепископъ Данило и други“ Загребъ 1866. Паисий го е челъ въ ръкописъ. Трѣбва да кажемъ, че „Родословътъ“ наистина не хвали Душана. (Виж. стр. 381, 382 и пр.).

чулъ за Стефана, то писалъ, не смотрили въ „Родословъ“, како написали перви за него и за дело его, и колико земля держалъ, то не смотрили и не смотряють, но Стефана нарицають Силна. Кратка была сила его и на зло ему произшла“¹⁵⁾).

На едно мѣсто, като говори, какъ Сърбетъ се хвалили, че тѣхното минѣло било по-славно отъ българското, Паисий казва: „нестъ тако! Болгари вси языци знаютъ и у всаки исторіи свидѣтельствуютъ, а за Сербіе нигде нема никако писано, ни свидѣтельство въ исторіи латинскы и греческы. Но они отъ Симеона Неманя почели писати и отъ то время имеютъ писано Родословъ и жития на крали ихъ и святыхъ. Но то никако несогласно: колико книги нихни има за кралеви ихъ, и у всака различно и несогласно написали, кой како хотелъ и како слышалъ отъ прости человекы, тако и писалъ. За то не може да се разумеетъ и то що е право и истина отъ несогласнаго извѣстія ихъ. И до нынѣ некои отъ нихъ вадатъ новесма и китатъ исторіи и речи празни, но не имеютъ исперво никако свидѣтельство за своего рода, како що имеютъ Болгари отъ греческы и латинскы исторіи“¹⁶⁾).

За Влъкашина и за неговий сынъ Марко Паисий доказва, че били Българе. Влъкашиновий баща билъ български самовластенъ краль въ Охридъ, — „были Болгари на двое раздѣлени: въ Терново царъ називалъся, въ Охридъ краль“¹⁷⁾. Послѣ, когато Стефанъ Душанъ покорилъ Охридъ, той „зель оно племя королевско при себѣ, отца Вукашинова и Вукашина отца Маркова. Той Вукашинъ и сынъ его Марко Кралевичъ были человекы мудры и храбры, и красны; за то се почудилъ Стефанъ на нихна персона и хитрость и храбрость, и извелъ ихъ съ себѣ въ Сербію, и имель Вукашина перваго по себе, и кнеза Лазара втора: то были Стефану перви велможи“¹⁸⁾ . . . „Стефанъ насилни (Душанъ), егда былъ при смерти, поставилъ на домъ свой и на царство Вукашина, отца Маркова. Но той Вукашинъ не хотелъ титла Стефанова царская насилная, писатися царъ Грекомъ и Болгаромъ. Понеже былъ отъ племя болгарскихъ царей, желалъ по свое королевство и царство болгарское . . . Той Вукашинъ убилъ насилному Стефану сына

¹⁵⁾ По нашій прѣписъ. Сравни въ Лонгиновото издание стр. 43.

¹⁶⁾ По нашій прѣписъ срв. Лонгиново издание 46.

¹⁷⁾ Лонгиновото издание стр. 49.

¹⁸⁾ По нашій прѣписъ. Срв. Лонгиново издание 42.

Уроша и сталъ кралъ Сербски и Охридски, вратилъ въ Охридъ и Прилепъ, и заповедалъ Сербомъ, и много места держалъ. А кнезь Лазаръ остана покрай Дунавъ, въ Шумадиа и Моравъ, и противилъ Вукашину¹⁹⁾.

Краткий свой прѣгледъ на сѣрбската история Паисий свѣршва съ слѣдната обща бѣлѣжка: „Отъ Симеона първаго крала Немана, или жупана Сербскаго, стояло кралевство сѣрбское двесте и петдесетъ лѣта до Уроша сына Стефанова (Душанова), седмаго рода отъ Неманя, и на того седмаго рода скончало се кралевство сѣрбское. И не имѣяли градове, нити се знаеть, кой дека е седелъ отъ ныхъ, но съсъ то были добри: монастири правили и церкви красни, и ревность велику имейли по благочестіе, — съсъ то ся прославили на земли и предъ Бога. Кралевство ихъ мало было весьма тесно и за мало время пребило. Последи той насилни Стефанъ (Душанъ) узелъ неколико земля отъ Грецы и отъ Болгари, но весьма за кратко было то негово царство. Онъ покорилъ Охридскаго крала и оны тамошни Болгари, и писался царъ Болгаромъ, но паки они болгарски крали по мало время искоренили и скончали домъ его, и узели паки свою землю, и Стефанову державу на Болгарія пренели. А последи узели Турци отъ Болгари, якоже рече се, отъ Вукашина: „онъ, последни кралъ былъ Болгарский и Сербский въ Охридъ²⁰⁾).

Ето, повтаряме, какво е мислилъ, какво е чувствувалъ и какво говори Паисий, който споредъ сегашната старо-сѣрбска теория трѣбвало би да е Сърбинъ, защото е билъ родомъ македонецъ, та че изъ подвластната на Сѣрбското патриаршество македонска часть, па е живѣлъ въ такъво едно тежко за българщината врѣме, когато Сърбетъ не само не сж имали нѣкаква нужда да се крижтъ задъ български гърбъ, но явно сж се гордѣяли и надносили съ народното си име и съ народната си исторія. Както сж забѣлѣжили четателъетъ, горещата Паисиева полемика съ съврѣменнитъ нему Сърбе се върти все покрай исторични прѣдмети и съвсѣмъ не закача никакви етнографични въпроси, каевито тогавашнитъ Сърбе не сж по-вдигали, защото прѣзъ умъ не имъ е минувало, че македонцитъ били ужъ Сърбе, а не Българе. Ние имаме за това нѣколко любопитни сѣрбски извѣстия отъ 15, 16, 17 и 18 вѣкъ,

¹⁹⁾ По нашия прѣписъ. Срв. Лонгиново издание 44.

²⁰⁾ По нашия прѣписъ. Срв. Лопиново издание 45, 46.

но нѣма да се спираме върху тѣхъ, защото и Паисиевитѣ думя доста ясно показватъ, до колко сж фантастични основитѣ на сегашната старо-сърбска теория. Откъмъ тая страна, горѣ-изложенитѣ изводи отъ Паисиевата история сж много любопитни. Ние не мислимъ да отдаваме нѣкакво научно значение на това, що Паисий говори за нѣкои фактове отъ сърбската история, защото и другъ пжтъ сме казвали, че въ Паисиевата история не трѣбва да търсимъ нѣкаква строга историческа критика. Но и откъмъ тая страна нѣкои отъ горѣприведенитѣ Паисиеви мисли сж любопитни.

Особно внимание заслужватъ думитѣ на Паисия за причината, по която Душанъ се титулувалъ и царъ българомъ. Един отъ сегашнитѣ историци си обясняватъ тоя титулъ съ прѣдположение, че Душанъ е ималъ нѣкаква върховна власть надъ българското (Търновското) царство. (Познатий сърбски историкъ г-нъ Сретковичъ въ най-новото си съчинение²¹⁾ отива чакъ до тамъ, че счита българский царъ Иоана Александъръ за единъ простъ Душановъ владалац, какъвто е билъ, на-примѣръ, Севастократоръ Дѣянъ, владѣтельтъ на Жеглиговската и Велбждската области). Други пакъ, като взиматъ прѣдъ видъ нѣкои достовѣрни исторични извѣстия и фактове, по които се види, че Иоанъ Александъръ е билъ съвсѣмъ самовластенъ, независимъ отъ никого царъ, мислятъ, че Душанъ само по едно тщеславие се е наричалъ и царъ Българомъ²²⁾. Но и на това обяснение ние не можемъ да пристанемъ, защото е мжчно да допуснемъ, че Душанъ би си дозволилъ една тщеславна постыжка, толко оскърбителна за Български царъ, съ когото онъ всѣкога се е старалъ да се отнася приятелски. Нѣка припомнимъ още, че Душановата жена бѣше сестра на Българский царъ и е имала голѣмо влияние върху мжжа си. Паисиевото мнѣние за тоя въпросъ види се да е най-вѣрно. Отъ неговитѣ думи излиза, че Душанъ се е наричалъ царъ Български по това, защото е владалъ надъ „Охридскитѣ Българе“²³⁾, сирѣчь надъ Македонскитѣ. Това Паисиево мнѣние до нѣйде се потвърждава, между друго, и отъ едно Душаново писмо до Венетишкий (Венецианский) дожъ

²¹⁾ Гласник Српског Ученог Друштва,“ кн. 64 (1885 г.), стр. 363.

²²⁾ Флоринскій, Южные Славяне и Византия во второй четверти XIV вѣка. С.-Петербургъ 1882, стр. 223.

²³⁾ Исторично невѣрното Паисиево увѣряванье, че Душанъ прѣвзель „Охридскитѣ Българе“ отъ нѣкакъвъ-си Български кралъ, тука не прѣчи.

Андрей Дандоло, пасано въ Сересъ на 1345, когато Душанъ се намираше на върха на своето могъщество и се готвѣше вече да си даде царски титулъ. Въ това писмо, което е издирилъ академикъ Любичъ въ Венетишентѣ архиви, Душанъ се не нарича владѣтель на Българетѣ изобщо, а се титулува: *Bulgarie imperii partis non modice particeps*, сирѣчь: владѣтель на не малка часть отъ Българското царство²⁴).

Заслужва внимание и увѣряването на Паисия, че Вукашинъ билъ Българинъ и, като владѣтель на „Охридскитѣ Българе“, сирѣчь на Македонскитѣ, наричалъ се Български кралъ. Сжщо и за Вукашиновий синъ Марко Кралевичъ Паисий казва, че билъ Българинъ и Български владѣтель въ Прилепъ и Охридъ²⁵). Не е само Паисий, който мисли така за Вукашина и Марка. Познатий Албански князь Иванъ Музаки, който е живѣлъ въ 15-й вѣкъ, наскоро слѣдъ Вукашина и Марка, нарича ги въ своитѣ мемуари (записки) Български кралоуе: *Re Vucasino ch'era Rè de Bulgaria e dominava quasi insino ad Andrianopoli . . . Marco Rè di Bulgaria*²⁶). Трѣбва още да забѣлѣжимъ, че тоя Албански князь, който е билъ съврѣменникъ на знаменитий Скандербегъ и е участвувалъ въ неговитѣ войни съ Турцитѣ, нѣколко пжти нарича сегашна Македония Българска земя. На едно мѣсто той изрично казва, че България отдѣля отъ Албанската земя планината Перистери²⁷), сирѣчь оня високъ върхъ, който се протѣга на юго-западъ отъ Битоля²⁸).

²⁴) Любичъ, *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*, II, 278, 279.

²⁵) Намираме за неизлишне да приведемъ слѣднитѣ Паисиеви думи за Марка. „Марко, каже, согрешилъ нечто исперво Вукашину отцу своему и хотѣлъ убити отецъ его, а онъ побегълъ при царя турскаго во Едрене. По убиение Вукашина (въ битвата на р. Марица) постави царъ Паязитъ Марка паша малаго въ Прилепъ и Охридъ. Той Баязитъ синъ Маринъ, дщи царя Александра, . . . любилъ Марка Кралевича по сродство: якоже речеся, Вукашинъ и Марко были отъ рода Шишманова . . . Марко синъ Вукашиновъ за много время седелъ въ Прилепъ и много църкви зградилъ, и имейлъ бранъ со Арнаути много. И была страна Охридска подъ Турци, но Марко заповедалъ“. По нашій прѣписъ (у Лонгин. 43).

²⁶) Hopf: *Chroniques gréco-romanes*. Berlin 1873, p.p. 261, 273.

²⁷) *La montagna de Peristeri, e li v'e una fontana Dobrida, e là se divide l'Albania dalla Bulgaria*. У Хопфа, 281.

²⁸) Константинъ Музаки, синътъ на споменжтй Иванъ Музаки, е допълнилъ мемуаритѣ на баща си съ нѣколко бѣлѣжки, въ които и онъ нарича Македония — Българска земя. Въ бѣлѣжкитѣ на Константина Музаки се намиратъ и нѣколко извѣстия за Вукашина, които до нѣйдъ се посрѣщатъ съ Паисиевитѣ извѣстия. Виж. у Хопфа, 306.

Па и единъ Сърбинъ отъ онова врѣме, сирѣчь отъ 15-й вѣкъ, нарича Вукашина Български владѣтель. Той е много-страдалний Сърбски яничаринъ Михаилъ Константиновичъ изъ Островица, който испърво е билъ войникъ въ войската на сърбския деспотъ Юрий Бранковичъ, а въ 1455 г. билъ заробенъ отъ Турцитѣ и станжлъ яничаринъ. Въ своитѣ мемуари, които сж писани на полски языкъ, той говори, по прѣдание, че Душановий синъ, царъ Урошъ, далъ на двама братия Българското царство, за да владатъ тамъ като негови намѣстници (васали). Но тѣ, като се утвърдили въ Българската земя, не рачили вече да се покоряватъ на Уроша и му станжли противници. Пò-надолѣ Михаилъ Константиновичъ разказва, че реченитѣ двама братия били погубени отъ турския царъ Мурадъ I, който слѣдъ това лесно покорилъ всичката Българска земя²⁹). Че подъ тия двама братия се разбиратъ Вукашинъ и Углѣша, въ това не се съмнѣватъ и такъви историци, какъвто е, на примѣръ, г-нъ Сретковичъ.

Най-послѣ ние трѣбва да се поспремъ и върху Паисиевата бѣлѣжка, че старитѣ Сърбе не сж прѣвзносили Душана така, както правили въ 18-й вѣкъ нихнитѣ потомци, които сж китили Душановата история съ различни притчи и новесма. Тая Паисиева бѣлѣжка се потвърждава, между друго, и съ нѣкои любопитни извѣстия, които намираме въ запискитѣ на горѣспоменжтий Сърбски яничаринъ Михаилъ Константиновичъ. Константиновичъ, който се е родилъ тогава, когато сж били още живи нѣкои отъ Душановитѣ съврѣменици, не само не се хвали и гордѣе съ Душана, но и гледа на него като на единъ не почтенъ и безразсѣденъ владѣтель, комуто работитѣ докарали злочести сѣтнини както за Българетѣ, така и за Сърбетѣ. На оная глава, въ която говори за Душановитѣ работи, Константиновичъ е далъ такъва заглавие: „Какво нѣщо се случило въ Сърбското, или Руско кралство по Божие поущение заради нашитѣ грѣхове“³⁰). Тая глава се захваща съ доста подробенъ разказъ за злочестата сърбско-българска война въ 1330 г. Тукъ Константиновичъ разказва, че Душанъ прѣдателски взелъ въ плѣнъ Българский царъ (Михаилъ Шишмановъ), когото послѣ и убилъ по единъ още пò-неблагороденъ начинъ. Константиновичъ гледа на това

²⁹) Zbiór pisarzów polskich, 2, V (Варшава 1828) стр. 57—61.

³⁰) Все тамъ, глава XV, стр. 49—61.

непочтено Душаново дѣло (tak nieszlachetny uczynek), като на единъ много тежъкъ грѣхъ, който онъ счита за начало и источникъ на злочестинитѣ, които погубихъ Сърбското кралство и докарахъ Турското иго.

Ние ще свършимъ тия си бѣлѣжки, като искажемъ едно искрено желание да видимъ Паисиевата история обнародвана въ едно такъва издание, въ което она да се яви на свѣтъ така, както е излѣзла изъ ржката на Паисия. За такъво критично издание на тая книга вече е настанѣло врѣме, защото вече сж познати отъ неж нѣколко прѣписи, между които има и твърдѣ стари, какъвто е Котелский, отъ 1765 г., и други нѣкои.

Харьковъ, априль, 1886

Имали ли сж сърбитѣ колонии или нѣкоя власть
въ Македония прѣди XIII. вѣкъ?

Какъ сж се наричали славянитѣ, които населявали
Македония прѣди тая епоха?

(Изъ „La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Par Ofeïcoff. Philippopoli 1887, pag. 158—187).

Имали ли сж сърбитѣ нѣкои колонии и нѣкоя трайна властъ въ Македония прѣди 1282 година? Какъ се е наричало дотогава туземното славянско население?

„И до днѣсь сѣрбіе и порицають бѣлгаровъ ꙗ безѣмїе

И до нынѣ некои ꙗ ныхъ вадатъ новесма и кѣтатъ исторїи и речи праздни“

(Думи на македонца Паисий 1762).

Византийскій императоръ Константинъ Багренородни, който е живѣлъ въ X. вѣкъ, е първиятъ отъ старитѣ писатели, който ни е оставилъ бѣлѣжки и свѣдѣнія малко-много подробни за първоначалната сръбска история. Въ едно отъ съчиненията си, писано около 950 година, той излага доста подробно положението на сърбитѣ отъ негово врѣме, както и земитѣ, които тѣ тогава сж населявали. Отъ това любопитно описание става твърдѣ ясно, че въ X. вѣкъ сърбитѣ сж населявали на Балканския полуостровъ слѣднитѣ области: днешна Херцеговина, Черна гора и Босна, западната частъ на днешното Сръбско кралство, Ново-пазарския пашалѣкъ и Призренския санджакъ. Константинъ Багренородни привожда сжщо нѣколко кратки бѣлѣжки за врѣмето и начина на сръбското настаняване въ посоченитѣ области. Споредъ неговитѣ думи, сърбитѣ сж живѣли отначало въ Бѣла-Сърбия, която е обемала днешна Галиция и съсѣднитѣ области. Въ VII. вѣкъ на нашата ера, половината отъ жителитѣ на Бѣла-Сърбия напуснали старата си територия и се прѣселили въ Византийската империя. Императоръ Ираклий (610—641) ги приелъ добрѣ и имъ позволилъ да се настанятъ въ Солунската областъ въ едно мѣсто, което оттогава и поради това било наречено Сървия (сегашния градъ Селфидже, разположенъ по брѣга на р. Бистрица или Индже-кара-су). Обаче, това мѣсто не се аресало на сърбитѣ, които намислили да се върнатъ въ прѣ-

дипната си земя, Бѣла-Сърбия, закъдѣто тѣ били вече потеглили съ дозволенieto на императора Ираклия. Но слѣдѣ като прѣминали Дунавъ, тѣ се разкаяли и при посрѣдството на византийския управителъ на Бѣлградъ искали друго мѣсто за поселение въ империята. Въ това тъкмо врѣме западната частъ на Балканския полуостровъ, дѣто се намиратъ горѣспоменатитѣ области, била пуста, тъй като прѣдишнето римско население било разпрѣснато поради нахлуванията на аваритѣ. Императоръ Ираклий прѣдложилъ на сѣрбитѣ да се поселятъ въ тая ненаселена страна; тѣ се съгласили на това, като се задѣлжили въ сѣщото врѣме да се подчинятъ на византийския императоръ. Така разказва Константинъ Багренородни за способа, по който сѣрбитѣ се прѣселили на Балканския полуостровъ. Въ всѣки случай трѣбва да се забѣлѣжи, че сѣрбитѣ (Σέρβλοι) получили националното си име отъ латинската дума *servus* (слуга, робъ), което било дадено сѣщо и на общата царвули (σέρβουλα), съ които се обували слугитѣ и изобщо проститѣ хора — царвулановцитѣ (τσερβουλιάνοι). Съ подобни бѣлѣжки Константинъ Багренородни се старае да докаже, че сѣрбитѣ били единъ робски народъ, който се намиралъ подъ властѣта на ромейския (византийския) императоръ. При тия етимологически тънкости на Константина Багренородни естествено възниква въпросъ да се знае, дали неговиятъ разказъ за прѣселението на сѣрбитѣ въ Солунската областъ не е билъ заразенъ отъ нѣкоя „тънкость“, подобна на оная, съчинена за името на града Сербия (Селфидже). При това нѣкои сегашни историци тъкмо по тоя начинъ разгледватъ тоя разказъ на Константина, разказъ, който, трѣба да си го кажемъ, не се подкрѣпя отъ никакво историческо свидѣтелство. Обаче сѣрбскитѣ писатели, които доказватъ, че Македония е отъ старо врѣме сѣрбска страна, приематъ въпросния разказъ като важно свидѣтелство и го взематъ за основа на своята старо-сѣрбска теория, като си позволяватъ да правятъ отъ това заключения съвършено неумѣстни. Тѣ твърдятъ тъкмо, че когато въ VII. вѣкъ, въ царуването на императора Ираклия, сѣрбитѣ се прѣселили въ днешна Македония, много отъ тѣхъ останали („пуно сербалја“ — много сѣрби) и се слѣли съ туземнитѣ словѣни, които тѣ ужъ посѣрбили. Така оттогава, т. е. отъ VII. вѣкъ, ужъ се образувалъ езикътъ на македонскитѣ словѣни, който, споредъ твърденията на тия писатели, е сѣрбски диалектъ.

Напразно било би да се взема човѣкъ да опровергава подробно тия тѣй лошо обосновани заключения. Доста ще бѣде за насъ да отбѣлѣжимъ, че ония, които приематъ за исторически точна първата половина на Константиновия разказъ, за който ние тукъ говоримъ, нѣматъ никакво право да отхвърлятъ или унищожаватъ въ него втората половина, въ която тѣкмо е казано, че Македония (Сервийскиятъ окръгъ) не се аресала на сърбитѣ, поради което тѣ побързали да излѣзатъ отъ тамъ и да се прѣселятъ въ сѣверната частъ на Балканския полуостровъ. Ако нѣкои сърби бѣха останали въ Македония прѣзъ врѣмето на това митическо сръбско прѣселение въ Солунската областъ, ние щѣхме неизбѣжно да намѣримъ тамъ поне нѣкой споменъ; обаче подобенъ споменъ не съществува нийдѣ¹⁾; самъ Константинъ Багренородни, който е знаелъ, колко и какви словѣни е имало въ негово врѣме (въ X. вѣкъ) на Балканския полуостровъ, ясно ни говори, че въ днешна Македония е съвсѣмъ нѣмало сърби. Това потвърдяватъ и други стари писатели, гръцки, латински, арабски и словѣнски, които споменуватъ за сърбитѣ и тѣхнитѣ живѣлища. Словѣнското население въ Македония е носило около X. вѣкъ нѣколко отдѣлни имена: Бързаци, Струменци, Смоляне, Ринхини, Сагудати, Драговичи и др., или само общото си име Словѣни, както се наричало първоначално словѣнското население на Тракия и на Мизия. Въ VII. вѣкъ въ мизийска Словѣния биде основана българската държава, къмъ която прѣзъ VIII. и IX. вѣкъ били присѣдинени малко по-малко другитѣ Словѣнии на Балканския полуостровъ, — тракийска и македонска Словѣния. Оттогава въ всичкитѣ тия три Словѣнии старитѣ племенни названия почнали малко по-малко да изчезватъ и да се замѣстятъ съ името Българи. И за отбѣлѣзване е, че това общо име биде заякчено по единъ особено бързъ и особено траенъ начинъ между македонскитѣ словѣни. Това е доказано съ много исторически свидѣтелства, за които ще говоримъ по-нататѣкъ. Тукъ ние ще се спремъ само на слѣдния фактъ.

¹⁾ Вече това обстоятелство, че горѣ-споменатитѣ сръбски писатели разправятъ за извѣстни сръбизми, които сж били въведени въ езика на македонскитѣ словѣне отъ VII. вѣкъ, е доста да докаже, че тия писатели не знаятъ абсолютно нищо за историята на словѣнскитѣ езици изобщо, и за историята на македонскитѣ диалекти въ частностъ. Ние ще имаме случай да докажемъ на друго мѣсто, колко фантастични сж подобни тѣности относително македонския диалектъ и относително това, което се нарича негови сръбизми.

Общопознато е, че въ царуването на Симеона († 927), Македония, както и сръбскитѣ земи съставяха частъ отъ Българското царство. При царь Петра, наследника на Симеона, сърбитѣ сполучиха да се освободятъ и да образуватъ отдѣлна държава, която управляваше великиятъ жупанъ Чеславъ Клонимировичъ. Наскоро слѣдъ това днешна Македония се отцѣпи отъ царството на Петра и образува отдѣлна държава подъ управлението на Самуила. И какво виждаме? Държавата на Чеслава биде наречена сръбска, когато Самуиловата, центърътъ на която се намиралъ въ самото сърдце на днешна Македония (въ Воденъ, Мъгленъ, Охридъ), биде наречена българско царство. Пита се: ако македонскитѣ словѣни се считаха за нѣкое отдѣлно словѣнско племе, съвършено различно отъ словѣнското население на Тракия и долна-Мизия, защо тѣ нарекоха царството си българско и сами се признаваха тогава, както ще видимъ по-долу, за българи? Ако македонскитѣ словѣни бѣха сръбско племе, какво имъ бъркаше да наричатъ царството си сръбско, както биде наречено великото жупанство на Чеслава? — Сществуването на Самуиловото българско царство е единъ пагубенъ фактъ за защитниците на старосръбската теория, и тия защитници, които добръ знаятъ това, се силятъ да твърдятъ на всички, че Самуилъ не се наричалъ царь български, а словѣнски, защото така го титулувала една сръбска хроника. Обаче това твърдене е съвършено смѣшно. Извѣстни лѣтописци наричатъ така сжщо словѣнска Руската империя, Чешското кралство, Полското кралство и дори Сръбското. Може ли съ това да се докаже, че руситѣ, поляцитѣ, чехитѣ и сърбитѣ не сж руси, поляци, чехи и сърби, а словѣни? Ако единъ лѣтописецъ нарича Самуиловото царство словѣнско, то всички други документи, които споменуватъ за него, наричатъ го всѣкога и постоянно българско царство. Така го титулуватъ не само отдѣлни исторически свидѣтелства, но още и официални актове, каквито сж, напимѣръ, извѣстнитѣ грамоти на императора Василия Българоубийца, папскитѣ регистри, титлата на Охридското архиепископство (патриаршия), грамотата на българския болѣринъ Пенчо (Pincius), който е билъ братовчедъ Самуиловъ, отъ 994 год. и пр., и пр. Трѣбва ли още да напомнимъ, че византийскитѣ императоръ Василий II, който разруши Самуиловото царство, биде нареченъ Βουλγαροκτόνος, Bulgaricida, Българоубийца? При такова свидѣтелство

само едно грубо невѣжество или прѣднамѣрено упорство може да каже, че царството на Самуила не е било българско.

Но да оставимъ епохата на Самуила и да отидемъ по-нататѣкъ въ XI. и XII. вѣкъ: срѣщатъ се много свидѣтелства и исторически паметници, които защитниците на теорията за Стара-Сърбия повидимому не знаятъ, иначе тѣ биха се осмѣлили да измислятъ така също нѣщо противъ тѣхъ. Въ 1019 г. Самуиловото царство биде присъединено къмъ Византийската империя, отъ тогава и до края на XII. вѣкъ днешна Македония, както и другитѣ български области, Мизия и Тракия, оставаха подъ византийска властъ, подъ която тѣ прѣтърпѣха много злини и бѣдствия. Едно толкова дълго робство не можеше да прѣмине безъ да намали българската народностъ. И наистина, българското име прѣзъ тия два вѣка изчезна въ повечето мѣста и дори въ самата си люлка, именно въ дунавска България. Въ XI. и XII. вѣкъ също така рѣдко се споменува за българитѣ въ Мизия и Тракия, повечето писатели и пжтешественици, византийски и западно-европейски, отъ това врѣме наричатъ жителитѣ на тия страни мизийци, власи, скити, печенѣзи, комани и пр. Но за отбѣлѣзване е това, че прѣзъ тия злополучни за българската народностъ вѣкове българщината, българското име сможаха по-добрѣ да се запазятъ въ Македония. Тамъ станаха първитѣ български революции противъ византийцитѣ за възстановяване на българската политическа независимостъ. Ние тукъ говоримъ за възстанията отъ 1040 и 1073 г., върху които безполезно е да се спираме, защото историята имъ и българскиятъ имъ характеръ сж твърдѣ добрѣ извѣстни. Ще забѣлѣжимъ само, че въ второто отъ тия възстания македонскитѣ българи по-искали помощъ отъ сръбския кралъ (тогавашния дуклянски) Михаила Воиславичъ, комуто тѣ обѣщали да признаятъ сина му, Константина Бодинъ, за свой царь. Константинъ Бодинъ побързалъ да дойде въ западна България съ една войска отъ 300 сърби, но византийцитѣ сполучиха да го взематъ въ плѣнъ и да потъпчатъ възстанието. Всички лѣтописци, които говорятъ за това възстание, центърътъ на което бѣше Скопската областъ, казватъ изрично, че това е било българско възстание. И българското национално съзнание било тъй развито, че, викайки сърбина Бодина да имъ стане началникъ, тия възстанници го накарали да се нарича български царь

и дори още да приеме името Петъръ, както се казваше Петъръ Делянъ, храбриятъ народенъ воевода на прѣдишното българско възстание (въ 1040 г.). — Нека споменемъ още, че прѣзъ тия злополучни за българщината вѣкове само македонцитѣ бѣха ония, които се борѣха така сжщо и за българската църковна автономия, която византийското правителство бѣше ограничило, слѣдъ като бѣ почнало да назначава на българския патриаршески прѣстолъ гърци архиепископи. На одного отъ тия грѣцки архиепископи, именно на знаменития Теофилактъ (1084—1107), българитѣ отъ Охридъ, Мокряни и други (въ днешна Македония) задаваха такова главоболие, че той билъ принуденъ да се изрази тѣй въ писмата си: „българската природа е свѣрталище на всѣкакъвъ видъ злини; и оня, който има въ ржцѣтъ си каква-годѣ власть надъ българитѣ, трѣбва всѣкога да има прѣдъ очитѣ си образитѣ (идолитѣ) на войната“. Ето дождѣ македонскитѣ българи бѣха наплашили архиепископа Теофилакта и то, защото той имъ бѣ натрапенъ отъ византийското правителство въпрѣки формалото съдържание на грамотитѣ, съ които императоръ Василий Българоубийца бѣ потвърдилъ старитѣ правдини на българската църква.

Византийскитѣ и западно-европейскитѣ писатели Михаилъ Пселлъ, Кекавменъ, Николица, Никифоръ Вриений, Анна Комнина, архиепископъ Теофилактъ, Иванъ Скилица, Георги Кедринъ, Зонара, Годфريدъ Малатера, Раймондъ д'Ажилъ, аббатъ Робертъ, Петъръ Тудебадъ, Вилхелмъ Тирски и пр. и пр. — всички тия писатели, които сж живѣли въ XI. и XII. вѣкъ и отъ които нѣкои бѣха пжтували по днешна Македония, — всички наричатъ тая страна българска, а жителитѣ ѝ българи. Българска земя (Boulgarland) я наричатъ така сжщо старитѣ норвежки саги, които разказватъ за прѣминаването на норвежскитѣ кръстоносци прѣзъ Балканския полуостровъ въ 1154 год. Тукъ ние ще отбѣлѣжимъ мимоходомъ, че прочутиятъ норвежки принцъ Харалдъ, който спомогна на византийцитѣ да потѣпчатъ македонското въстание въ 1040 г., се нарича въ старитѣ скандинавски пѣсни *Bolga-land-brennir* — разрушителъ на България. — Нѣкои отъ приброенитѣ по-горѣ писатели споменуватъ сжщо и за сѣрбитѣ, но тѣ споменуватъ ясно, че сѣрбската земя се намирала вѣнъ и доста далечъ на сѣверъ отъ днешна Македония. Така, Анна Комнина забѣлѣзва, че около края на XI. вѣкъ пограниченъ

градъ между България и Сърбия билъ Липений (Λιπένιον), който билъ разположенъ на мѣстото, гдѣто сега се намира градчето Липлянъ въ сѣверната частъ на Косово-поле. Това свидѣтелство се потвърждава отъ думитѣ на Ивана Скилица, който казва, че сърбско-българската етнографическа граница въ 1073 г. е минавала прѣзъ Прищина. Вилхелмъ Тирски, който е живѣлъ въ XII. вѣкъ и е пѣтувалъ по Сърбия, както и по днешна Македония (около 1069 г.) и посѣтилъ Охридъ и Битоля, дава особено подробни свѣдѣния по тоя въпросъ. Той описва Сърбия като страна гориста и малко достъпна, разположена между Далмация, Маджарско и Илирия. Населението било твърдѣ диво (*incultus, absque disciplina*), живѣло въ планинитѣ и въ горитѣ, не обработвало земята (*agriculturae ignarus*), а се занимавало само съ развъждане на добитѣкъ. — За българитѣ пѣкъ Вилхелмъ Тирски казва, че тѣ имали твърдѣ обширна земя, че тѣ населявали цѣлата територия, която се простира отъ Дунавъ до Цариградъ и до Адриатическо море.

Освѣнъ споменатитѣ вече свидѣтелства ние сме длъжни да припомнимъ още и слѣдното: извѣстно е, че македонскитѣ словѣни почитали отъ старо врѣме св. Климента Велички като свой проповѣдникъ, учителъ и патронъ. Въ XII. вѣкъ се появиха въ Македония двѣ житиета на св. Климента: едно кратко и друго пространно. И двѣтѣ тия житиета прославятъ св. Климента като български проповѣдникъ, като български покровитель и чудотворецъ. Пространното житие се завършва съ една умилителна молитва, която, както се види, била е многоповтаряна въ Македония. Тая молитва призовава великия проповѣдникъ на българската земя да запази нейнитѣ български питомци отъ всѣко зло, да даде миръ на българската народностъ и пр. Ние искаме да кажемъ, че житиетата на Климента, които били написани въ XII. вѣкъ въ Македония, наричатъ тая страна българска и жителитѣ ѝ българи.

И тѣй, до края на XII. вѣкъ никакво сръбско настаняване не е станало въ Македония, нито пѣкъ е било направено отъ страна на сърбитѣ нѣкое опитване за завоеванието на тая земя. Тѣ почнаха да правятъ такива опитвания къмъ края на XII. вѣкъ, именно отъ врѣмето на Стефана Неманъ. Обаче тия опитвания останаха безплодни до врѣмето на Стефана Милутинъ, който почна да царува въ Сърбия слѣдъ.

1282 г. Това се доказва ясно отъ исторически свидѣтелства, които ние трѣбва да разгледаме по-подробно, защото защитниците на старо-сръбската теория не обръщатъ доста внимание върху тѣхъ, или по-добрѣ, тълкуватъ ги твърдѣ невѣрно.

Къмъ 1183 г. Стефанъ Неманъ се съюзи съ „краля на Маджарско“, т. е. съ маджаритѣ и нападна нѣкои отъ западнитѣ български области, които се намираха тогава подъ византийска властъ. Въ тая епоха сърбитѣ бѣха дошли съ маджаритѣ прѣзъ Нишъ до София, която Стефанъ Неманъ, споредъ думитѣ на сина му Стефана Първовѣнчани, „подложи на общо разорение и опустошение“. Между това византийцитѣ наскоро се помириха съ маджаритѣ и се оттеглиха, като задлъжиха и сърбитѣ да направятъ сжцото. Слѣдъ двѣ или три години избухна въ Търново българското въстание, което много обезпокои Византийската империя. Стефанъ Неманъ побърза да се възползува отъ това и нападна съсѣднитѣ на Сърбия византийски владѣния. Той лесно завоюва нѣкои отъ тѣхъ; между другитѣ той завзе една частъ отъ сѣверна Македония: Скопие, Кюстендилъ, Земенъ-градъ (крѣпостъ Земенъ, разположена на р. Струма, въ околноститѣ на село Скакавица на сѣверъ отъ Кюстендилъ), Перникъ и града Стобъ¹⁾. Нѣкои нови сръбски историци твърдятъ, че Стефанъ Неманъ присъединилъ всичкитѣ тия области къмъ сръбската държава, въ която тѣ останали до началото на XV. вѣкъ, т. е. въ течение на повече отъ двѣстѣ години. Това твърдение е съвсѣмъ лишено отъ основание. Не само византийскитѣ историци, но и старитѣ сръбски исторически свидѣтелства показватъ по единъ очевиденъ начинъ, че Стефанъ Неманъ не можилъ да удържи горѣ-казанитѣ области и билъ принуденъ да се откаже отъ тѣхъ. — Въ 1191 г. византийскитѣ императоръ Исаакъ, нѣколко мѣсеци слѣдъ злополучния му походъ срѣщу възгастаналитѣ българи отъ дунавска България, потеглилъ срѣщу Стефана Неманъ и лесно го принудилъ да се отдръгне и да се откаже отъ широкитѣ завоевания, които той бѣ направилъ въ прѣдѣлитѣ на Византийската империя. Вънъ отъ всѣко съмнѣние е това, че тукъ византийцитѣ сж били подпомогнати отъ маджаритѣ, на които не допадало, дѣто Стефанъ Неманъ

¹⁾ Градъ Стобъ не е Щипъ, както твърдятъ сръбскитѣ историци; градътъ Стобъ се намиралъ на югъ отъ Дупница, педалечъ отъ устието на р. Рила, дѣто се намира днесъ село Стобъ.

се стараелъ да разшири владѣнията си на своя собствена глава и за своя собствена смѣтка. Отъ обширнитѣ завоевания, които сѣрбитѣ бѣха направили тогава на юго-изтокъ отъ държавата си, тѣмъ остана само една часть отъ Нишката областъ, Призренската областъ, сѣвернитѣ покрайнини на Косово-поле, дѣто се намирали градоветѣ Липлянъ и Морава, и, може би, една часть отъ областта на Враня. Че сѣрбитѣ сѣ могли да запазятъ колко-годѣ тия страни подъ властѣта си, говори ни твърдѣ ясно самъ Стефанъ Неманъ въ една отъ грамотитѣ, които той бѣ издалъ двѣ или три години прѣди смъртъта си, когато се бѣ вече отказалъ отъ мирскитѣ работи и живѣеше като монахъ въ Хилендарския мѣнастирь. Въ тая грамота, прѣброявайки, колко и какви земи билъ присѣдинилъ къмъ сѣрбската държава, Стефанъ Неманъ между другото казва: „И приобрѣтохъ оуѣ грѣчьске земле Лабъ с Лыпланемъ, Глыбочицоу, Рѣке, Загрылатоу, Лѣвьче, Бѣлицоу, Лепеницоу.“ — Това свидѣтелство на Неманя се подкрѣпя и отъ свидѣтелството на сина му св. Сава, който се изразява така: „И приобрѣте . . . отъ грѣчьскине земле Патьково, Хвостновъсе и Подримие, Кострыць, Дръжьковиноу, Ситъницоу, Лабъ, Липлланъ, Глыбочицоу, Рѣке, Оушькоу и Поморавине, Загрылатоу, Лѣвьче, Бѣлицоу“. (За да бждемъ кратки, ние ще забѣлѣжимъ мимоходомъ, че всички тукъ изброени мѣста се намирали въ областта на Призренъ, Нишь и Косово-поле). За войнитѣ и разпритѣ на Стефана Неманъ съ византийцитѣ говори сжщо доста подробно вториятъ му синъ Стефанъ Първовѣчани. Ние намираме за добръ да го цитираме *in extenso*: „Пришьдъ бо прѣподобни светы Сумесѣнь съ оугрьскимъ кралемъ, и донде до града рекомаго Срѣдъца, и въ съкроушение постави него и въ ѡпоустѣниие коньчноіе. Възвращьшоу же се ризѣ оугрьскомоу въ своеіе іемоу владычество, ѡнь же светы ѡтвращь се ѡтъ него, иде съ силою своеію на градъ Перьникъ, и тѣ съкроушивъ силою своеію и въ ѡпоустѣниие сътвори и, и градъ Стобъ, и градъ Земльнь, и градъ Вельблоуждъ, и градъ Житомицьскъ, и градъ Скъпль, и градъ Лѣшьскъ оу дольниемъ Полозѣ, и градъ Градьць, и градъ Призрѣнь, и градъ славны Нышь, и градъ Сврѣлигъ, и градъ Равьный, и градъ Козьль. Тѣхъ градовъ съкроушь и до коньца ѡспования ихъ искорѣни и не ѡста бо ками на камени, иже не съкроушише се, иже и не въздвигоше се и до сего дьне. И земље ихъ и богатъ-

ствина ихъ и славою ихъ прѣложи въ богатство и въ славою ѡтѣчствиѣа своего, и въ славою вельможъ и людей своихъ. Приложи же къ земли ѡтѣчствиѣа своего ѡбласть Нышъвъ-скоую до коньца, Лыпланъ же и Моравоу и глаголемы Врани, Призрѣньскоу же ѡбласть и Полога ѡба до коньца съ мегами своими. И прѣбываше въ благодарени Божии и въ молитвахъ днь и ноцъ“. Отъ тоя надутъ разказъ се види, че Стефанъ Първовѣнчани твърдѣ много прѣувеличва подвизитѣ на баща си; но при това прѣувеличване той не скрива, че Стефанъ Неманъ не можилъ да удържи въ рѣцѣтъ си Скопие, Велбуждъ (Кюстендилъ) и другитѣ си завоевания въ сѣверна Македония, завоевания, които той се бѣ задоволилъ да разсипи, разруши и ограби. — При такива свидѣтелства на самага Стефана Неманъ и на сина му, човѣкъ може само да се очудва, като чете въ сръбскитѣ официални вѣстници и извѣстни сръбски политически брошури твърдения като слѣдното: „И тѣй ние видимъ въ послѣдната четвъртъ на XII. вѣкъ Дардания (Скопската областъ) съ подраздѣленията на сегашния Софійски пашалкъ въ сръбски рѣцѣ, въ които тя остана изцѣло до 1457 г.“ Съ подобно твърдение и днешнитѣ сръбски политици твърдятъ, че Стефанъ Неманъ се билъ силилъ да завоюва сѣверна Македония, защото туземното население ужъ било сръбско. Напротивъ, горѣ-приведенитѣ сръбски свидѣтелства ясно показватъ, че Стефанъ Неманъ не е дори и мислилъ да търси нѣкакви-си сърби въ сѣверната частъ на днешна Македония.

Ние цитирахме по-горѣ купъ исторически свидѣтелства, които несъмнѣнно доказватъ, че словѣнското население въ Македония изобщо и дори въ сѣверната ѣ частъ до врѣмето на Стефана Неманъ, било българско. Тукъ считаме за умѣстно да приведемъ още едно свидѣтелство, което точно датира врѣмето, когато Стефанъ Неманъ се опитвалъ да завоюва Софійската областъ и сѣверна Македония. Това свидѣтелство е на извѣстния германски пжтешественикъ Ансберта, който въ 1189 г. миналъ прѣзъ Сърбия и България прѣзъ врѣмето на кръстоносния походъ на германския императоръ Фридриха Барбаруса. Той ни е оставилъ цѣнни свѣдѣния за сръбскитѣ работи въ тая епоха. Между другото Ансбертъ говори доста подробно за сраженията на Стефана Неманъ и за завоеванията му въ Софійската областъ и въ сѣверна Македония. Въ всѣки случай той тъкмо казва, че покрайнинитѣ, които Неманъ билъ отнелъ отъ византий-

цитѣ, били български покрайнини и съставляли частъ отъ българската земя. Въ единъ насажъ, като отбѣлѣзва, че българското възстание въ придунавска България потресло Византийската империя, Ансбертъ казва, че сърбскитѣ владѣтели побързали да го използватъ и да подчинятъ една частъ отъ България (*partem Bulgarie sue ditioni subjugaverunt*). На друго мѣсто Ансбертъ забѣлѣзва, че Стефанъ Неманъ прѣзъ януарий 1190 г. воювалъ срѣщу византийцитѣ въ България (*cum grandi labore et bello in Bulgaria intentum*).

По-нататъкъ. Когато византийскиятъ императоръ Исаакъ изгони (1191 г.) сърбитѣ отъ областитѣ на София, Кюстендилъ и Скопие, тия области останали за твърдѣ малко врѣме подъ византийска власть. Отъ сжщата година (1191), нѣколко мѣсеца слѣдъ завръщането на императора Исаака отъ похода си срѣщу сърбитѣ, ние намираме вече Софийската областъ съ главния ѝ градъ въ ржцѣтѣ на българския царь Асѣня. Скоро слѣдъ това той покорява и града Стобъ, отдѣто прѣзъ 1191—1192 години българското възстание се распространило по цѣла източна Македония до Сѣръ и Амфиполисъ. — Прѣзъ царуването на Асѣновия братъ Калояна и дори прѣди 1204 г., т. е. прѣди падлата на Византийската империя отъ латинцитѣ, ние намираме въ прѣдѣлитѣ на Българското царство не само Нишъ, но още и Кюстендилъ, Скопие, съ цѣла сѣверна и срѣдня Македония до градоветѣ Струмица и Просѣкъ. Прѣписката на Калояна съ Инокентия III. и тогавашниятъ византийски писателъ Никита Акоминатъ установяватъ това по единъ доста ясенъ начинъ. Свидѣтелството на тия авторитетни исторически извори ни показва сжщо, че отъ завоеванията си въ сѣверна Македония Стефанъ Неманъ не можилъ нищо да присѣдини къмъ земята на отечеството си. И забѣлѣжително е това, че византийцитѣ, които бѣха отблъснали тѣй лесно нападението на сърбитѣ върху тия страни, не можаха да попрѣчатъ на присѣдинението имъ къмъ Българското царство, макаръ че маджаритѣ имъ бѣха дошли тогава на помощъ, макаръ че Византия употребилъ военни мѣрки и други такива, като опитването да създаде въ Македония едно отдѣлно княжество подъ управлението на българския воевода Стрѣзо. Знайно е, че тоя васалъ отхвърли всички византийски блага и съ помощта на Калояна се постарà да освободи отъ византийската власть другитѣ македонски области до Тессалия. — Слѣдъ по-

дѣлата на Византийската империя отъ латинцитѣ въ 1204 г., почти цѣла Македония се прѣдаде на българския царь Калояна, който, както е извѣстно, умрѣ подъ стѣнитѣ на Солунъ.

Слѣдъ смъртѣта на Калояна на българския прѣстолъ се покачи узурпаторътъ Борилъ, когото много отъ българитѣ не искаха да признаятъ за свой царь. Резултатътъ отъ това бѣха голѣмитѣ безредици въ Българското царство, безредици, въ които Стефанъ Първовѣчани, синъ и наслѣдникъ Неманевъ, помогна на българскитѣ бунтовници противъ Борила съ надежда да завладѣе една частъ отъ българскитѣ владѣния. Тия нѣща ни сж разказани отъ самага Стефана Първовѣчани и отъ другъ единъ сърбинъ, неговъ съврѣменникъ, Теодосий. Разказътъ и на двамата е кратъкъ, но отъ тѣхнитѣ думи може доста добрѣ да се схване работата. Единъ отъ най-върлитѣ врагове на узурпатора Борила билъ горѣ-споменатиятъ български воевода Стрѣзо, който билъ близъкъ роднина на покойния царь Калоянъ и неговъ васалъ въ Македония. Борилъ се старалъ всѣкакъ да отстрани по нѣкой начинъ своя опасенъ неприятель и успѣлъ, както се види, да го изгони изъ владѣнията си. Стрѣзо отишълъ въ Сърбия при Стефана Първовѣчани, у когото намирали тогава убѣжище и други нѣкои бунтовници противъ българския владѣтель Борила. Стефанъ Първовѣчани приелъ Стрѣза твърдѣ добрѣ и му помогналъ да завоюва една частъ отъ Българското царство, половината, тъкмо оная, дѣто се намира градътъ Просѣкъ (на ю. отъ Велесъ) и която се простирала „до Солунъ и Охридъ“ (Теодосий). Ето що казва самъ Стефанъ Първовѣчани по тоя поводъ: „Единомоу бо ѿметьникоу ѿтѣ тогожде племене гоѣи, нарекомаго бльгарьскаго, ѿтлоучышоу се на западъ въ владычествию моѣмоу, рекомоумоу Стрѣзоу, иже насилень ѿтѣ сего злааго законопрѣстоупьника, брата ѣго (Борила). **Ю**гоже приѣмъ ѣако сына възлюблѣнаго, въскрьмихъ ѣго и схранихъ ѣго неврѣждена ѿтѣ находещеѣ погибели и ѿтѣ заколенина ѣго. на всакъ бо днь (Борилъ) проаше и, да ѿгнѣмъ съжежеть тѣло ѣго, или протешеть на четири чести и повѣситъ по стыгнамъ градъ-нымъ оудръжавъ же и азъ въ роукоу своѣю, и съ всею силою моѣю и ѿтѣхъ ѣе и прѣдахъ ѣмоу полъ царь-ствина бльгарьскаго. и оутврьдихъ и въ градѣ глаголемѣмъ Просѣкъ, иже прѣбысть славно въ дъни своѣ, поддъръжещоумоу ми власть ѣго, и ѿсвещающоу ѿтѣ всѣхъ ѿбидещихъ ѣго“.

Нѣма никакво съмнѣние, че за тия услуги Стрѣзо се е задължилъ да признае върховната власт на Стефана Първовѣнчани, да бѣде неговъ васалъ; но той не издържалъ думата си и побързалъ да се помири съ Борила и да прѣмине на негова страна: „примири бо себе къ грѣкомъ и къ своимъ готѣомъ (българитѣ) присвоилъ се“ (Геодосий). И наистина, около 1211 г. ние вече виждаме, че Стрѣзо заедно съ Борила води война противъ латинцитѣ въ околноститѣ на София. Слѣдъ горнитѣ думи относително Стрѣза Стефанъ Първовѣнчани казва: „оуты и оутлстѣ, и ѿтвърже се възлюблѣны, забы ѿ Бозѣ възпитавышаго и. динаволоу наваждень ѿтвърже се, и крамолоу въздвиже на ме, и начеть готевити се, да въздасть ми злая за блага, и ѿзлобить ме и ѿтчѣствие мое“. Съ това се ограничи това безплодно опитване на сърбитѣ да придобиятъ каква-годѣ власт въ Македония чрѣзъ българския ренегатъ.

Слѣдъ това сърбитѣ не възобновиха за дълго врѣме (впрочемъ и не можеха) подобни опитвания. Къмъ края на Бориловото царуване почти цѣла Македония падна подъ властта на епирскитѣ деспоти Михаила и Теодора Комнина, които въ това врѣме бѣха успѣли да създадатъ на Балканския полуостровъ обширна държава, която се простираше отъ брѣговетѣ на Адриатическо море до Одринъ. Тая епирска държава биде разкжсана на части чрѣзъ знаменитата побѣда при Клокотница (на брѣга на Марица), одържана въ 1230 г. отъ Иванъ Асѣня, който отново присъедини цѣла Македония и дори цѣла Албания къмъ Българското царство. Слѣдъ смъртта на Иванъ Асѣня (1241) никейскитѣ (византийскитѣ) императоръ Иванъ Ватаци сполучи около 1246 г. да отнеме отъ малолѣтния му приемникъ Калимана цѣла Македония, отъ която една частъ биде присъединена отново къмъ Българското царство въ 1256 г. (при Михаила Асѣня), но за твърдѣ кратко врѣме. Къмъ 1257 г. избухна голѣма война за Македония между никейския императоръ Теодора Ласкариса и епирския деспотъ Михаилъ II. Прѣзъ тая война, която се продължава около четири години, македонцитѣ промѣниха много пжти повелителя си, докато Михаилъ Палеологъ, новиятъ никейски императоръ (1259—1282), който възстанови Византийската империя, сполучи да закрѣпи сжщо византийската власт въ Македония. Въ течение на двадесетъ години, които изтекоха отъ смъртта на българския царъ

Иванъ Асѣня и до покачването на прѣстола на византийския императоръ Михаила Пелеологъ, македонцитѣ прѣтърпѣха доста неволи и изпитаха доста промѣни въ политическата си сѣдба. Ние имаме твърдѣ любопитни свѣдѣния за тогавашното имъ положение, както и за моралното имъ състояние. Тия свѣдѣния сѣ оставени отъ извѣстния византийски историкъ Георгия Акрополитъ, който прѣзъ тия години живѣлъ и пѣтувалъ дълго врѣме по Македония и дори въ 1257 г. билъ нейнъ граждански управителъ. Акрополитъ описва македонцитѣ като твърдѣ убити морално и твърдѣ индеферентни спрѣмо политическата си сѣдба. „Жителитѣ на Дѣволъ, казва той, на Охридъ, Преспа, Пелагония, Соска, Молиса и изобщо въ западната частъ на Балканския полуостровъ сѣ такива, че тѣ лесно се прѣдаватъ на всички, защото не желаятъ да излагатъ на опасностъ живота и имота си“. При такова едно положение честитѣ политически промѣни, които ставаха въ тѣхната земя прѣзъ XIII. вѣкъ, намалиха македонското население. Обаче и въ подобно деморализирано състояние македонцитѣ не забравяли, че тѣ сѣ българи и много пѣти изказвали желание да се намиратъ подъ властта на българскитѣ царе, които тѣ считали за свои. Акрополитъ въ хрониката си на много мѣста споменува за тия желаня.

Прѣзъ годинитѣ, за които тукъ става дума и въ течение на които произлизаха голѣми борби за Македония между българи, латинци, византийци и епиротци, сѣрбитѣ се държеха на страна. Единъ само пѣтъ тѣ се намѣсиха въ тия войни, именно въ 1257 г., когато се почна война за македонскитѣ области между никейския императоръ Теодора Ласкариса и епирския деспотъ Михаила II. Тогавашниятъ сѣрбски кралъ Урошъ I. се възползувалъ отъ нея и съ единъ отрядъ отъ 1000 души нахълталъ въ Македония, достигналъ до Прилѣпската равнина, дѣто той разбилъ единъ малъкъ византийски отрядъ. Горѣ-казаниятъ Георги Акрополитъ, който тогава случайно се намиралъ въ Прилѣпъ и билъ очевидецъ на голѣмитѣ грабежи и опустошения, извършени отъ Урошевата банда въ Прилѣпската равнина, говори за това нападение въ Македония; но той не ни казва, колко врѣме то е траело, и никой другъ отъ византийскитѣ или сѣрбскитѣ хронисти не споменува за него. Обаче не подлежи на никакво съмнѣние, че нито тогава, нито пѣкъ по-късно Урошъ не можа да распро-

страни сръбската власт въ посока къмъ Македония. Ние имаме автентични свѣдѣния, които свидѣтелствуватъ, че дори слѣдъ смъртта на Уроша, когато на сръбския прѣстолъ се покачи вториятъ му синъ Стефанъ Милутинъ въ 1282 г., сръбската граница отъ-къмъ тая страна се намирала въ околноститѣ на Липлянъ на Косово-поле, дѣто я бѣ оставилъ Стефанъ Неманъ въ края на XII-вѣкъ. Това доказва и свидѣтелството на сръбския архиепископъ Даниилъ, който е живѣлъ въ врѣмето на Стефана Милутина и който изрично казва, че, когато Стефанъ Милутинъ завладѣлъ сръбския прѣстолъ, „владичеството на гръцката империя се допирало до градеца нареченъ Липлянъ“ (на Косово-поле).

Ето какво се получава отъ историческитѣ данни на една неоспорима достовѣрностъ за сношенията на Сърбия съ Македония до послѣдната четвъртъ на XII. вѣкъ. Нека читателитѣ сами сждятъ, доколко сж добросъвѣстни сегашнитѣ сръбски писатели, които въ името на историята твърдятъ налѣво и надѣсно, че словѣнското население на Македония било отъ незапаветни врѣмена сръбско и че сѣверна Македония (Скопие, Кюстендилъ, Щипъ и пр.) е влизала отъ XII. вѣкъ въ границитѣ на сръбската държава.

О нѣкоторыхъ трудахъ
Димитрія Хоматіана,
какъ историческомъ матеріалѣ.

(Изъ „Византійскаго Временника“, С.-Петербургъ, томъ I
(1894), стр. 319—340, томъ II (1895), стр. 1—23).

О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ.

I.

Начало архіепископствованія Димитрія Хоматіана; время написанія его писемъ къ севасту Григорію Камонѣ, севасту Іоанну Плиту, епископу Крои и къ сербскому Великому жупану. Значеніе этихъ писемъ для исторіи Сербіи, Эпира и средней Албаніи.

Обнародованный года три тому назадъ¹⁾ Мюнхенскій сборникъ трудовъ Димитрія Хоматіана, хартофилакса, потомъ архіепископа всей Болгаріи, содержитъ въ себѣ разныя каноническія посланія и отвѣты, судебныя рѣшенія, соборнія дѣянія и т. п., всего 155 памятниковъ, изъ коихъ лишь весьма немногіе были изданы раньше²⁾. Памятники эти, чрезвычайно важные для исторіи византійскаго права вообще и въ частности каноническаго³⁾, представляютъ немаловажный интересъ и для историковъ церкви, внутренняго быта и внѣшнихъ международныхъ отношеній. Находящіеся въ Мюнхенскомъ сборникѣ документы отличаются практическимъ, дѣловымъ характеромъ, и почти въ каждомъ изъ нихъ излагаются довольно подробно обстоятельства, вызывавшія составленіе его. Благодаря этому, мы тутъ встрѣчаемъ множество и не рѣдко весьма цѣнныхъ

¹⁾ Въ посмертномъ VI-мъ томѣ изданія кардинала Питры: *Analecta sacra et classica spicilegio Solesmensi parata*. Romae 1891. Кромѣ документовъ Мюнхенскаго сборника, тутъ напечатаны, въ видѣ приложений, 10 другихъ памятниковъ, изъ коихъ нѣкоторые ошибочно приписаны Хоматіану. По крайней мѣрѣ три изъ нихъ (VII, VIII, IX), трактующіе объ опрѣсновахъ, принадлежатъ, несомнѣнно, болгарскому архіепископу Льву, а одинъ (X) — Никитѣ Стифату. А. Поповъ, „Подемич. сочиненія противъ Латинянъ“, стр. 125 и пр.—У Мия т. 120, 1011.

²⁾ За исключеніемъ № 113 (отвѣтнаго посланія патріарха Германа) и, кажется, еще одного памятника, именно — отвѣтовъ хартофилакса, находящихся въ концѣ Мюнхенскаго сборника, всѣ остальные документы послѣдняго писаны, по видимому, частію самимъ Хоматіаномъ, частію подъ его, такъ сказать, диктовку.

³⁾ См. въ недавно изданной книгѣ профессора Остроумова, „Введеніе въ православное церковное право“. Харьковъ 1893, I, стр. 589—592.

указаній бытового, этнографическаго, церковно-историческаго и политическаго свойства. Указанія эти тѣмъ интереснѣе, что они касаются не только южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ, но также грековъ, албанцевъ и латинянъ, да при томъ относятся къ первой половинѣ XIII-го вѣка, ознаменованной весьма крупными событіями въ исторіи юго-востока Европы и примыкающей къ нему крайнѣ Азіи.

Для правильной оцѣнки имѣющагося здѣсь историческаго матеріала, очень часто, нужно сказать, заключающагося лишь въ однихъ намекахъ, чрезвычайно важно опредѣленіе времени составленія памятниковъ, въ которыхъ матеріаль этотъ встрѣчается, и которые, за исключеніемъ пяти-шести случаевъ, не снабжены никакими датами. Такая предварительная работа надъ этими памятниками тѣмъ нужнѣе, что въ примѣчаніяхъ къ нимъ издателя совсѣмъ почти не обращено вниманія на указанный вопросъ. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о приложенномъ въ концѣ Мюнхенскаго сборника краткомъ латинскомъ *synopticon*’ѣ, который, прибавимъ кстати, изобилуетъ неточностями, иногда весьма крупными.

Въ настоящей статьѣ мы попытаемся установить хронологію нѣкоторыхъ документовъ этого сборника и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, хотя въ общихъ чертахъ, на историческое ихъ значеніе.

Остановимся прежде всего на документахъ, выясняющихъ вопросъ о началѣ архіепископствованія Димитрія Хоматіана.— Строго говоря, по этому вопросу, до изданія Мюнхенскаго сборника, имѣлось лишь одно достовѣрное, да и то лишь косвенное свидѣтельство⁴⁾. Оно находится въ обнародованномъ А. С. Павловымъ соборномъ посланіи нѣкоторыхъ восточныхъ іерарховъ къ ригѣ (царю) Арменіи, Киликіи и Исавріи по

⁴⁾ Другія, циркулирующія въ ученой литературѣ свидѣтельства, которыя были пущены въ оборотъ, главнымъ образомъ, Чишманомъ, почерпнувшимъ ихъ изъ Мюнхенской рукописи, оказываются теперь, послѣ напечатанія послѣдней, неправильно понятыми. Вслѣдствіе этого является несостоятельнымъ и составленное на основаніи ихъ мнѣніе, что архіепископствованіе Д. Хоматіана началось еще до 1195 г. Zhishman, *Das Eherecht der orientalischen Kirche*. Wien 1864; 249, 250, 709 и др. Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей — болгарской, сербской и проч. 123, 291. Мнѣніе это отчасти уже опровергнуто недавно профессоромъ Пальмовымъ въ его статьѣ, написанной по поводу изданія Мюнхенскаго сборника и посвященной, главнымъ образомъ, анализу одного изъ документовъ послѣдняго, именно посланія архіепископа Димитрія (Хоматіана) къ сыну великаго жупана Сербіи Саввѣ. Эта статья, на которую мы часто будемъ ссылаться, помѣщена въ Христіанскомъ Чтеніи, за 1892 г., подъ заглавіемъ: „Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи сербской архіепископіи св. Саввою въ 13 вѣкѣ“.

дѣлу о бракѣ дочери послѣдняго съ Никейскимъ императоромъ Θεодоромъ Ласкарисомъ. Названное соборное посланіе, подѣ которымъ вслѣдѣ за подписью Константинопольскаго (Никейскаго) архіепископа Михаила (Авторіана) находится подпись Іоанна „Божіею милостію архіепископа всей Болгаріи“, помѣчено датою мѣсяца Октября 2-го Индикта 6722 г., отвѣчающей несомнѣнно Октябрю 1213 г. нашего лѣтосчисленія⁵⁾. Отсюда явствуется, что въ этомъ году болгарскимъ архіепископомъ все еще оставался Іоаннъ Каматиръ, при которомъ Димитрій Хоматіанъ состоялъ хартофилаксомъ болгарской архіепископіи⁶⁾.

На вопросы о томъ, какъ долго послѣ означеннаго тутъ времени Димитрій оставался хартофилаксомъ и когда онъ занялъ болгарскій архіепископскій престолъ, мы находимъ теперь довольно точный отвѣтъ въ нѣкоторыхъ обнародованныхъ Питрою его письмахъ, именно: въ письмахъ къ севасту Григорію Камонѣ, севасту Іоанну Плиту, епископу Крои и къ сербскому великому жупану. Мы рассмотримъ нѣсколько подробнѣе эти интересные во многихъ отношеніяхъ документы Мюнхенскаго сборника.

Начнемъ съ письма къ севасту Григорію Камонѣ, которое помѣщено въ самомъ началѣ этого сборника⁷⁾, подѣ № 1. Тутъ мы имѣемъ довольно обстоятельный каноническій трактатъ, написанный Димитріемъ въ отвѣтъ на полученное имъ отъ севаста Григорія Камоны письмо, которое приводится дословно въ началѣ трактата. Оно начинается слѣдующимъ обращеніемъ къ адресату: *Τιμιώτατε δέσποτά μου, χαρτοφύλαξ τῆς ἁγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Βουλγαρίας, κύρε Δημήτριε Χωματιανέ*. Письмо, значить, писано въ то время, когда Димитрій былъ еще хартофилаксомъ. Самое содержаніе письма таково: севастъ Григорій Камона законнымъ образомъ, по его словамъ, развелся съ прежнею своею женою, дочерью умершаго арбанскаго архонта, изъ рода Гино, *ἄρχοντος τοῦ Ἀρβάνου Γίνη τοῦ προγόνου*⁸⁾,

⁵⁾ Это *Συνοδικὸν γράμμα* обнародовано въ статьѣ профессора Павлова: „Замѣчательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ“. См. „Записки Новороссійскаго университета“, т. XIII, 1874, стр. 173—174.

⁶⁾ См. въ изданіи Питры, столбцы 1, 2, 51.

⁷⁾ Тамъ-же, ст. 1—12.

⁸⁾ Тамъ-же, ст. 1—2. Послѣднее изъ этихъ греческихъ словъ показываетъ, что имя Гино (*Γίνης*), у современныхъ албанцевъ Джино, употреблено тутъ не какъ личное имя арбанскаго архонта, а какъ фамильное, родовое.

и вступилъ въ новый бракъ съ благороднѣйшею Комниною, дочерью великаго жупана Сербіи, господина Стефана. Это случилось послѣ того, какъ умеръ прежній мужъ Комнины, Димитрій, который былъ роднымъ братомъ названнаго архонта Гино (τοῦ εἰρημέου Γίνῃ), т. е. прежняго тестя Камоны. Нашлись однако люди, которые осуждали этотъ бракъ, называя его беззаконнымъ (ἄθεσμον). Это побудило Камону обратиться къ хартофилаксу Димитрію съ своимъ письмомъ, въ которомъ онъ проситъ разъяснить ему на основаніи благочестивыхъ законовъ и святыхъ правилъ, законно ли его сожителство съ Комниною, или нѣтъ. Послѣ обстоятельнаго изслѣдованія этого вопроса Димитрій приходитъ къ заключенію, что второй бракъ севаста Камоны слѣдуетъ считать законнымъ.

Этому самому дѣлу посвящены еще два отвѣтныя посланія хартофилакса Димитрія Хоматіана: къ севасту Іоанну Плиту (№ 2) и къ Кройскому епископу (№ 3). Отвѣтъ севасту Плиту (Πλὺτὸς) состоитъ преимущественно изъ толкованія евангельскихъ словъ — „будета два въ плоть едину“, на которыхъ главнымъ образомъ основывались противники брака Григорія Камоны съ сербскою Комниною⁹⁾. Они понимали эти слова въ такомъ смыслѣ, по которому выходило, что Комнина, по первому своему мужу (брату архонта Гино), приходилась родной теткой Камонѣ, по первой его женѣ (дочери того же Гино). Такому толкованію Димитрій Хоматіанъ противопоставляетъ другое толкованіе, оправдывающее бракъ, о которомъ идетъ рѣчь. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить, что Хоматіанъ начинаетъ разсматриваемое письмо такимъ обращеніемъ къ адресату: Πανσέβαστε σεβαστέ καὶ ἐν Κυρίῳ ἡγαπημένε μοι, κάλλιστε ἀδελφὲ κῦρε Ἰωάννη Πλутέ, и заканчиваетъ его не менѣе фамиліарнымъ благожеланіемъ: σὺ δέ μοι ἔρρωσο ὑπὸ κυρίου φρουρούμενος.

Отвѣтъ Кройскому епископу¹⁰⁾, который былъ главнымъ противникомъ втораго брака Григорія Камоны, написанъ нѣсколько позже и занимаетъ всего около шести столбцовъ. Онъ начинается велеречивымъ вступленіемъ, исполненнымъ похвалъ и благодарностей, изъ коихъ узнаемъ, что Димитрій, до котораго раньше доходили только слухи объ этомъ епископѣ, впервые удостоился теперь увидать его письмо. Переходя къ дѣлу,

⁹⁾ Въ изданіи Питры, столб. 12—22.

¹⁰⁾ Тамъ-же, ст. 22—27: Πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Κροΐων.

авторъ отвѣта вкратцѣ излагаетъ свое мнѣніе о законности занимающаго насъ здѣсь брака, замѣчая, что вопросъ объ этомъ бракѣ обстоятельно разсмотрѣнъ имъ раньше (Πρὸ καιροῦ) въ запискѣ (ὑπομνήματα), которую епископъ Крои, если угодно, можетъ прочесть, взявши ее у севаста Гр. Камоны, или же у севаста I. Плита, такъ какъ она имѣется у того и другаго.

Послѣднее указаніе письма къ Кройскому епископу ясно показываетъ намъ, что во время написанія этого письма севасты Григорій Камона и Іоаннъ Плитъ обитали въ Кроѣ, въ которой имѣлъ свое мѣстопробываніе и епископъ и которая, по свидѣтельству Акрополиты, находилась въ Албанѣ¹¹⁾. Въ Кроѣ или же по близости къ ней обиталъ, несомнѣнно, и родъ арбанскаго архонта Гино (Гиновича), братъ котораго былъ первымъ мужемъ сербской Комнины, а дочь — первою женою севаста Григорія Камоны. Есть основанія полагать, что епископъ Крои возставалъ противъ новаго брака севаста Камоны, между прочимъ, и по побужденію родственниковъ первой жены послѣдняго, дочери Арбанскаго архонта, съ которою этотъ севастъ развелся, по видимому, далеко не такимъ законнымъ образомъ, νόμιμος, какъ увѣряетъ самъ въ своемъ письмѣ къ хартофилаксу Димитрію Хоматиану.

Въ разсмотрѣнныхъ нами письмахъ послѣдняго мы находимъ весьма цѣнныя историческія указанія и намеки, разъясненіемъ которыхъ займемся далѣе, здѣсь же коснемся ихъ на столько, на сколько это нужно для выясненія вопроса о времени написанія этихъ трехъ писемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что фигурирующая тутъ сербская Комнина была дочерью великаго жупана Стефана Неманича отъ первой жены его Евдокіи Ангело-Комниной, дочери императора Алексѣя III (1195—1204). Извѣстно, что Стефанъ женился на Евдокіи въ царствованіе ея дяди Исаака II (1185—1195), несомнѣнно послѣ похода, предпринятаго послѣднимъ противъ сербовъ въ 1190 г.¹²⁾ и окончившагося заключеніемъ мирнаго договора. Въ предшествовавшія первыя пять лѣтъ царствованія Исаака Сербія находилась въ непрерывной войнѣ съ Византією. По всей вѣроятности, брачный союзъ Стефана

¹¹⁾ Акрополита, гл. 49. Къ этому свидѣтельству мы еще вернемся.

¹²⁾ См. рецензію В. Г. Васильевскаго на диссертацию профессора Успенскаго, „Образованіе втораго Болг. царства“, въ Ж. М. Н. Пр. за 1879 г., Іюль, стр. 129.

съ Евдокіею былъ заключенъ вскорѣ по окончаніи названнаго похода, но никакъ не раньше 1191 г. Принявши этотъ хронологическій минимумъ и относительно времени рожденія занимающей насъ Комнины, приходимъ къ заключенію, что послѣдняя не могла явиться на свѣтъ раньше 1192 г.

По дѣйствовавшему въ то время византійскому брачному праву (новеллы Льва Мудраго и Алексѣя Комнина) дѣвицы могли вступать въ законный бракъ не раньше 13-го года своей жизни¹³⁾. Браки, заключенные съ дѣвочками, не достигшими такого возраста, считались недѣйствительными и при заключеніи новыхъ брачныхъ узъ такими женщинами или же ихъ родственниками не принимались въ расчетъ, ὥς μὴ γεγούστα. Въ занимающихъ насъ письмахъ нѣтъ указаній на какія либо возраженія съ этой стороны относительно сербской Комнины, которой, стало быть, при вступленіи ея въ первый бракъ было не менѣе 12-ти лѣтъ. Прибавивъ послѣднія къ 1192 г., мы получимъ 1204 годъ, какъ минимумъ времени перваго замужества Комнины.

Гораздо точнѣе можно опредѣлить время вступленія послѣдней во второй бракъ съ севастомъ Григоріемъ Камоною, давшій поводъ къ разсматриваемой перепискѣ. Мы уже знаемъ, что севастъ Григорій Камона, севастъ Іоаннъ Плитъ, равно какъ и Кройскій епископъ въ моментъ переписки ихъ съ хартофилаксомъ Димитріемъ обитали въ Кроѣ, которая была однимъ изъ главныхъ укрѣпленій Арбана, или Албана. То обстоятельство, что они обращались по важному дѣлу къ болгарскому, охридскому хартофилаксу, указываетъ, что Арбанская область подчинилась тогда тому же самому государю, подъ властію котораго находилась и Охридская область. Въ противномъ случаѣ Кройскій епископъ врядъ-ли бы придавалъ значеніе закордонному, такъ сказать, хартофилаксу болгарской архіепископіи, отъ которой не зависѣлъ и къ которой, какъ мы видѣли, никогда до того времени не обращался. А такое политическое объединеніе названныхъ областей въ разсматриваемое время было сдѣлано Θεодоромъ Эпирскимъ и сдѣлано въ самомъ началѣ его правленія. Объ этомъ у Акрополиты читаемъ слѣдующее: „Θεόδωρ, получивши власть, значительно

¹³⁾ Zhishman, Das Eherecht der orientalischen Kirche, 201—205, см. и письма Димитрія Хоматіана къ сербскому каролу, № 13, и къ струмидскому епископу, № 14.

расширилъ свои владѣнія: приобрѣлъ не малый участокъ земли изъ владѣній итальянскихъ и очень значительный изъ болгарскихъ; овладѣлъ Тессалиею, Прилѣпомъ, Албаномъ и самымъ Диррахіемъ¹⁴⁾. Западные источники¹⁵⁾ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Диррахій находился уже во власти Θεодора около конца 1216 г. Отсюда можно заключить, что подчиненіе Албана, которое непременно должно было предшествовать завоеванію названнаго города, происходило въ первой половинѣ означеннаго тутъ 1216-го г., такъ какъ предыдущій первый годъ своего правленія Θεодоръ, по всей вѣроятности, употребилъ на подчиненіе болгарскихъ областей, подъ которыми подразумѣваются, главнымъ образомъ, владѣнія Стрѣзя, погибшаго въ это именно время.

Обратимъ вниманіе и на слѣдующія указанія занимающей насъ здѣсь переписки. Въ ней, какъ мы видѣли, Кройскій епископъ является совершенно новымъ корреспондентомъ хартофилакса Димитрія. Такимъ же новымъ, такъ сказать, знакомымъ послѣдняго является и севасть Григорій Камона, который, по видимому, также, какъ и Кройскій епископъ, былъ давнишнимъ обитателемъ Арбанской области (Албана), быть можетъ даже и уроженцемъ ея. Что же касается севаста Іоанна Плита, то онъ въ этой перепискѣ является уже хорошо знакомымъ, даже другомъ нашего хартофилакса и, какъ такой, не могъ принадлежать къ старожиламъ Кройской епархіи, съ которыми, по видимому, до того времени у Хоматіана близкихъ сношеній не было. Прибавимъ къ этому, что съ севастомъ Іоанномъ Плитомъ мы встрѣчаемся еще въ трехъ другихъ документахъ Мюнхенскаго сборника, писанныхъ Димитріемъ Хоматіаномъ позже, когда онъ занималъ уже архіепископскій престолъ¹⁶⁾. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ эту болѣе позднюю пору Іоаннъ Плитъ, остававшійся и тогда другомъ Димитрія Хоматіана¹⁷⁾, былъ нѣкоторое время правителемъ Верройской

¹⁴⁾ Акрополита, гл. 14, русскій переводъ, стр. 29.

¹⁵⁾ Норф, *Gesch. Griech.* 247.

¹⁶⁾ Въ изданіи Питры № № 25, 29, 45. Во второмъ изъ указанныхъ здѣсь документовъ имѣемъ рекомендательное письмо къ севасту І. Плиту: оно написано Димитріемъ по просьбѣ одного жителя Веррои, нуждавшагося въ защитѣ и покровительствѣ Верройскаго губернатора, каковымъ тогда былъ І. Плитъ. Въ обращеніи къ послѣднему Димитрій тутъ называетъ его уже своимъ возлюбленнымъ чадомъ, да и о себѣ же говоритъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не оставляютъ сомнѣнія, что онъ тогда уже былъ архіепископомъ.

¹⁷⁾ На это прямо указываетъ Хоматіанъ въ своемъ письмѣ, № 29, къ І. Плиту (смотри предыдущее примѣчаніе), объясняя, что Верройскій житель обра-

области, послѣ занятія послѣдней Θεодоромъ Эпирскимъ¹⁸⁾, а затѣмъ занималъ и болѣе высокую должность, чуть ли не министра, *οἰκίσου μεσάζοντος*¹⁹⁾. Все это даетъ поводъ думать, что севастъ Іоаннъ Плитъ состоялъ на службѣ Θεодора и въ то время, когда сносился изъ Кронъ съ хартофилаксомъ Димитріемъ по дѣлу о второмъ бракѣ севаста Григорія Камоны, и что онъ лишь временно проживалъ въ этомъ городѣ. По всей вѣроятности, поѣздка его туда находилась въ связи съ подчиненіемъ Арбана новому эпирскому правителю. — Дружественный тонъ разсмотрѣннаго письма хартофилакса Димитрія къ севасту Іоанну Плитѣ даетъ поводъ думать, что послѣдній не задолго до отправленія своего въ Арбанъ нѣкоторое время провелъ и въ Охридѣ, занятой эфиротами раньше подчиненія имъ Арбанской области. Только въ Охридѣ и лишь въ указанное время Іоаннъ Плитъ могъ завязать такія интимныя отношенія съ тамошнимъ хартофилаксомъ. Весьма возможно, что этотъ столь важный сановникъ Θεодора Эпирскаго принималъ дѣятельное, личное участіе также въ дѣлѣ подчиненія эфиротамъ кафедральнаго города болгарской архіепископіи и что въ этомъ дѣлѣ ему оказаны были какія нибудь немаловажныя услуги со стороны Димитрія Хоматіана, съ нескрываемымъ нерасположеніемъ относившагося къ болгарскимъ властямъ²⁰⁾. Не этимъ ли отчасти Хоматіанъ проложилъ себѣ путь къ тому высокому положенію, которое, какъ увидимъ немного ниже, онъ занялъ вскорѣ послѣ водворенія власти эпирскаго деспота въ Охридѣ и начатки котораго сказываются уже и въ занимающей насъ его перепискѣ? Какъ бы то ни было, но на основаніи разсмотрѣнныхъ уже нами указаній этой переписки, можно, кажется, съ увѣренностію утверждать, что послѣдняя велась не раньше 1216-го года, до котораго, слѣдовательно, и Димитрій Хоматіанъ оставался все еще хартофилаксомъ.

Обратимся теперь къ письму, которое адресовано сербскому жупану²¹⁾. Оно начинается слѣдующими словами:

тился къ нему за рекомендательнымъ письмомъ, *ἵνα δηλαδὴ καὶ δι' ἡμᾶς ὡς παρὰ σοῦ στεργουμένων τὴν γλώσσαν σχοίῃ ἐνπαρησιαστον*. Въ изданіи Питры, ст. 127.

¹⁸⁾ См. у Хоматіана № 20, въ изд. Питры, ст. 79, 80.

¹⁹⁾ Тамъ-же, № 45, ст. 199.

²⁰⁾ Объ этомъ имѣются любопытныя свидѣтельства въ Мюнхенскомъ сборникѣ, которыхъ мы коснемся въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящей статьи.

²¹⁾ Въ Мюнхенскомъ сборникѣ оно помѣщено подъ № 10. Въ изданіи Питры занимаетъ около трехъ столбцовъ 50—52.

„Всеблагороднѣйшему великому жупану всей Сербіи и Діоклеи во Господѣ возлюбленному нашему чаду, господину Стефану Неманѣ (Νεεμάνη) Димитрій Божіею милостию архіепископъ первой Юстиніаны и всей Болгаріи“ и пр. — До изданія Мюнхенскаго сборника господствовало ошибочное мнѣніе о личности великаго жупана, упоминаемаго въ этомъ письмѣ, которое дотолѣ было извѣстно лишь по небольшимъ выдержкамъ. Полагали, что подѣ Стефаномъ Неманей тутъ разумѣется настоящій, такъ сказать, Стефанъ Неманя, родоначальникъ династіи Неманичей, и согласно этому думали, что названное письмо писано до 1195 г., въ которомъ С. Неманя отказался отъ великожупанскаго престола въ пользу своего старшаго сына²²). Ошибка отчасти устранена теперь профессоромъ Пальмовымъ, доказавшимъ, что подѣ адресатомъ этого письма разумѣется старшій сынъ Немани и его преемникъ, носившій также имя Стефана, въ послѣдствіи и первоначальнаго²³). Почтенный профессоръ, касавшійся, нужно сказать, этой ошибки лишь мимоходомъ, въ подстрочномъ примѣчаніи къ указанной нами выше его статьѣ²⁴), не останавливался на болѣе обстоятельномъ обсужденіи вопроса о времени написанія занимающаго насъ здѣсь письма, но, по видимому, склоненъ относить послѣднее къ первымъ годамъ правленія Стефана Неманича, именно къ концу XII-го вѣка. Мы не сомнѣваемся, что оно вышло изъ-подъ пера архіепископа Димитрія около двадцати лѣтъ позднѣе. Непререкаемые доводы въ пользу такого мнѣнія обнаружатся сами собою при нижеслѣдующемъ анализѣ этого, на нашъ взглядъ, замѣчательнаго документа, изъ содержанія котораго узнаемъ слѣдующее.

Великій жупанъ всей Сербіи и Діоклеи Стефанъ Неманичъ задумалъ было вступить въ бракъ (несомнѣнно третій)

²²) Это-то недоразумѣніе, главнымъ образомъ, породило такъ долго державшееся мнѣніе о томъ, что архіепископствованіе Хоматіана началось еще до 1195 г.

²³) Нелишнимъ считаемъ напомнить, что Стефанъ Неманичъ (Первоначальный) называется точно такъ же, какъ онъ названъ въ письмѣ Хоматіана, и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, между прочимъ и въ одной его грамотѣ, дошедшей до насъ въ довольно позднемъ спискѣ. Она начинается слѣдующими словами: „Азѣ Стефанъ Неманаа самодръжаць сръбскіе земле и поморскіе, како приложи монастыру Студеници, храму прѣсвѣтіе Богородице“ и пр. См. во 2-мъ изданіи южно-славянскихъ памятниковъ Шафарика, стр. 93. Сравн. и замѣтки академика Васильевскаго о первыхъ Неманичахъ въ Славянскомъ сборникѣ 1877, т. II, стр. 278.

²⁴) „Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи сербской архіепископін“, стр. 422—423.

съ Маріею Комниною, дочерью блажено-почившаго Михаила Комнина. Такой матримоніальный замысль великій жупанъ возымѣлъ нѣкоторое время спустя послѣ того, какъ его родная сестра сочеталась брачными узами съ Мануиломъ, братомъ названнаго Михаила Комнина. Архіепископъ Димитрій (Хоматианъ), духовной власти котораго, нужно припомнить, въ то время подчинялась Сербія²⁵⁾, призналъ этотъ замысль незаконнымъ и наложилъ свой запретъ на осуществленіе его, чѣмъ великій жупанъ, повидимому, былъ сильно раздраженъ. Онъ обратился къ архіепископу Димитрію съ письмомъ, въ которомъ требовалъ обстоятельныхъ объясненій по сему дѣлу. При этомъ онъ ставилъ и такой вопросъ: почему годомъ раньше (πέρσι), когда велись переговоры о брачномъ союзѣ его сына съ Теодорою, другою дочерью того же блаженнопочившаго Комнина (Михаила), охридская архіепископія соизволяла на заключеніе этого брачнаго союза, не смотря на то, что тамъ было кровное родство, нынѣ же (тою самою архіепископіею) ставятся препоны брачному союзу, въ которомъ не находится родство по крови? Въ своемъ отвѣтѣ архіепископъ Димитрій, останавливаясь сначала на дѣлѣ, касавшемся лично самого Стефана, доказываетъ послѣднему, что вслѣдствіе замужества его родной сестры съ Мануиломъ, который былъ роднымъ дядею Маріи Михайловны, между нимъ и Маріею существуетъ свойство въ пятой степени. А законы и постановленія отцовъ воспрещаютъ браки по свойству до шестой степени. Переходя къ прежнимъ переговорамъ, Димитрій замѣчаетъ, что свѣдѣнія Стефана относительно ихъ не точны, и затѣмъ продолжаетъ такъ: „Въ прошломъ году, πέρσι²⁶⁾, архонты твоего благородія, проѣзжая черезъ Охриду²⁷⁾, явились съ поклономъ къ предшественнику моему, святѣйшему архіепископу блаженнопочившему господину Іоанну (Каматиру) и спросили: позволительно ли (съ канонической стороны), чтобы сынъ твоего благородія взялъ въ жены другую дочь блаженнопочившаго Комнина, госпожу Теодору. Архіепископъ (Іоаннъ), полагая, что твое

²⁵⁾ Объ этомъ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, свидѣлствуетъ и находящееся въ Мюнхенскомъ сборникѣ письмо Д. Хоматиана къ Саввѣ (№ 86), обстоятельно разобранное профессоромъ Пальмовымъ въ означенной выше статьѣ.

²⁶⁾ Слово πέρσι насколько намъ извѣстно, употребляется византійскими писателями лишь въ значеніи — anno praeterito.

²⁷⁾ По видимому, эти сербскіе архонты, названные немного ниже аловкри-сіаріями, совершали тогда путешествіе къ Теодору Эпирскому.

благородіе имѣешь этого своего сына отъ другой жены, а не отъ госпожи Евдокии, тотчасъ же сказалъ, что такой бракъ позволителенъ, такъ какъ приходится по свойству въ седьмой степени. Но когда апокрисиаріи на предложенный имъ вопросъ сказали, что сынъ твоего благородія происходитъ отъ госпожи Евдокии, то архіепископъ, узнавши объ этомъ, тотчасъ же запретилъ этотъ брачный союзъ, какъ находящійся въ седьмой степени по крови, черезъ что и возбраняется, какъ недозволительный. Ибо невозможно, чтобы кто нибудь женился на троюродной (δισεξαδέλφην) сестрѣ своей матери. Такою, а не иною была рѣчь о прежнемъ дѣлѣ. Если нѣкоторые иначе рассказывали твоему благородію объ этомъ дѣлѣ, то они, какъ видно, не могли схватить смысла того, что говорилось тогда на словахъ. Мы же сообщаемъ твоему благородію синодальное рѣшеніе по сему вопросу“.

Нѣтъ сомнѣнія, что подъ упоминаемымъ здѣсь блаженнопочившимъ Михаиломъ Комнинымъ, одну изъ дочерей котораго великій жупанъ неудачно сваталъ за своего сына, а на другой самъ желалъ жениться нѣкоторое время спустя, подразумѣвается извѣстный основатель эпирскаго государства Михаилъ Ангель-Комнинъ-Дука. Подъ Мануиломъ же, который, по свидѣтельству разсматриваемаго письма, былъ женатъ на сестрѣ великаго жупана Стефана Неманича, несомнѣнно разумѣется братъ названнаго Михаила Эпирскаго, тоже хорошо извѣстный между прочимъ и тѣмъ, что около 1225 года женился на незаконнорожденной дочери болгарскаго царя Іоанна Асѣня. Михаилъ и Мануиль были двоюродными братьями²⁸⁾ императора Алексѣя III, отца Евдокии, прежней жены великаго жупана Стефана, о которой также упоминаетъ это письмо.

О Михаилѣ Эпирскомъ намъ хорошо извѣстно, что подъ конецъ своего правленія находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ сербамъ. Распространивъ предѣлы основаннаго имъ Эпирскаго государства на югъ до Навпакта (Лепанто на берегу Коринѣскаго залива), а на сѣверъ²⁹⁾ до Драчской области (Диррахій, Дураццо), онъ, послѣ 1210 г., отсюда дѣлалъ втор-

²⁸⁾ Михаилъ и его братья Θεοδωρ, Μανουὴλ и Κωνσταντῖνος были дѣтьми хорошо извѣстнаго изъ исторіи терновскаго возстанія Іоанна севастократора, младшаго сына Κωνσταντῖνα Ἀγγέλου и Θεοδωρῆς Ἀλεξάνδρινος Κομνηνῆς. Старшій сынъ послѣднихъ, Ἀνδρόνικος (братъ Іоанна севастократора) былъ отцомъ императоровъ Ἰσαάκ Ἀγγέλου-Κομνηνῆς, и его брата Алексѣя III, отца Евдокии.

²⁹⁾ См. у Норф, *Gesch. Griechenl.* 211—212, у Παπαρρηγόπουλος, V, 9—20.

женія въ сербскія владѣнія, овладѣлъ Скадромъ, чѣмъ привелъ въ немалое смятеніе великаго жупана Стефана. Вскорѣ однако Михаилъ погибъ отъ руки одного изъ своихъ приближенныхъ „въ радость всѣмъ уповающимъ на Господа и на светые угодники его“, какъ выражается самъ Стефанъ³⁰⁾, рассказывая о томъ, какимъ образомъ онъ былъ избавленъ отъ опасности, угрожавшей ему со стороны этого „Михаила грѣчина“.

Михаилу наслѣдовалъ его братъ Θεодоръ, который, какъ мы уже говорили, тотчасъ же направилъ свое оружіе въ другія стороны, на подчиненіе Охриды, Прилѣпа, Албана, Драча, острова Корфу и проч. Эти пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ послѣдовательно въ первые два-три года его правленія, потребовали несомнѣнно отъ него большаго напряженія силъ для борьбы съ солунскими латинянами, съ венеціанцами, съ болгарамъ, что, естественно, должно было побудить его прекратить начавшіяся незадолго до смерти Михаила враждебныя отношенія Эпирскаго государства къ Сербіи и замѣнить ихъ тѣми мирными отношеніями, на которыя указываетъ разсматриваемое письмо. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ упоминаемыя въ послѣднемъ брачныя дѣла и переговоры, имѣвшіе мѣсто по смерти Михаила, происходили не раньше 1215 г., но и не позже 1218 г., когда сербы, разочаровавшись въ дружбѣ новаго эпирскаго правителя, Θεодора, необыкновенно усилившагося къ тому времени, завели сношенія съ Никеею, приведшія къ учрежденію сербскаго автокефальнаго архіепископства въ 1218—1219 году³¹⁾ и къ полному разрыву между Сербіею и усердно преданною Θεодору охридскою архіепископіею³²⁾.

Есть возможность нѣсколько ближе опредѣлить хронологію занимающихъ насъ здѣсь брачныхъ дѣлъ.

Изъ генеалогіи Михаила Эпирскаго извѣстно, что у послѣдняго были только двѣ дочери, изъ которыхъ, по имѣвшимся доселѣ о нихъ историческимъ извѣстіямъ, одна еще при жизни своего отца, въ 1210 году, вышла за Евстата Фландрскаго

³⁰⁾ Въ написанномъ имъ житіи св. Симеона (Ст. Немани), гл. XVIII, въ изданіи Шафарика, стр. 24.

³¹⁾ См. въ названной статьѣ профессора Пальмова: „Новыя данныя объ учрежденіи сербской архіепископіи“, стр. 458. Къ политической сторонѣ этого событія мы еще вернемся въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящей нашей статьи.

³²⁾ Прибавимъ еще, что скорѣ послѣ этого разрыва сербскій правитель Стефанъ замѣнилъ свой великожупанскій титулъ королевскимъ, который онъ уже носилъ въ 1220 г. См. въ *Starine jugoslavenske akademije*, VII, 55. Сравни. Голубинскаго: „Краткій очеркъ исторіи пр. церквей“, 453—455.

(брата первых двух константинопольских латинских императоров), умершаго въ первой половинѣ 1217-го года, другая же, неизвѣстно съ какого и сколько времени была въ замужествѣ съ кѣмъ-то изъ представителей рода Мелиссиновъ³³). Нѣтъ сомнѣнія, что о нихъ-то и идетъ рѣчь въ рассматриваемомъ письмѣ, изъ котораго, замѣтимъ кстати, мы впервые узнаемъ оставшіяся до сихъ поръ неизвѣстными имена этихъ эпирскихъ принцессъ. Сопоставленіе названныхъ извѣстій о замужествѣ послѣднихъ съ указаніями Д. Хоматіана о неудачномъ сватовствѣ молодаго Неманича и его отца, сербскаго великаго жупана, ведетъ къ заключенію, что молодой Неманичъ не могъ сватать первой изъ нихъ, такъ какъ въ то время, когда происходило его сватовство, она была супругою Евстата Фландрскаго. Отсюда можно заключить, что она-то и есть Марія Михайловна, на которую самъ великій жупанъ возымѣлъ матримоніальные виды, несомнѣнно по смерти перваго ея мужа, Евстата, послѣдовавшей, какъ мы только что замѣтили, въ первой половинѣ 1217 года. Припомнивъ при этомъ сказанное не много раньше о послѣдовавшемъ въ 1218 г. разрывѣ между Сербію и охридскою архіепископіею, можно, кажется, съ увѣренностію утверждать, что переговоры о женитьбѣ на Маріи Михайловнѣ сербскій великій жупанъ могъ вести около начала 1218-го или же около конца 1217-го года³⁴), т. е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до многознаменательнаго перваго путешествія его брата, св. Саввы, въ Никею. Къ началу 1218 или же къ концу 1217 г., слѣдовательно, относится и написаніе рассматриваемаго письма архіепископа Димитрія Хоматіана къ великому жупану. — Что касается переговоровъ о молодомъ Неманичѣ, происходившихъ по указанію этого письма годомъ и, быть можетъ, нѣсколькими мѣсяцами раньше, то они, стало быть, имѣли мѣсто въ 1216-мъ году, когда, какъ мы уже знаемъ, былъ заключенъ второй бракъ сербской Комнины, дочери того же самаго великаго жупана, съ Арбанскимъ севастомъ Григоріемъ Камоною. Хронологическое совпаденіе этого брака сербской Комнины съ переговорами о женитьбѣ ея брата

³³) Ἀραβαντινός, Χρονογραφία τῆς Ἠπείρου I, 61. — Hori, Chroniques 529, Gesch. Griech. 247.

³⁴) То обстоятельство, что для недавно овдовѣвшей отъ перваго своего мужа Маріи Михайловны въ это время продолжался еще траурный годъ, πένθος χρόνος, не могло служить помѣхой этимъ переговорамъ, имѣвшимъ характеръ предварительныхъ, такъ сказать, справокъ.

на эпирской принцессѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что оба эти брачныя дѣла, равно какъ и заключенный тогда же бракъ Мануила Эпирскаго съ сербскою княжною³⁵⁾, обусловливались одними и тѣми же политическими мотивами, на которые будетъ указано ниже.

Возвратимся къ вопросу о началѣ архіепископствованія Димитрія Хоматіана. Переписка по дѣлу о второмъ бракѣ сербской Комнины привела насъ къ заключенію, что Хоматіанъ въ 1216-мъ году оставался еще хартофилаксомъ. Къ такому же заключенію привело насъ и письмо къ великому жупану, которое, кромѣ того, указало намъ, что около конца слѣдующаго 1217 г. этотъ хартофилаксъ уже былъ архіепископомъ. Начало архіепископствованія его, стало быть, падаетъ на небольшой промежутокъ времени, заключающійся между означенными тутъ датами. Принимая въ соображеніе отмѣченныя выше указанія на то, что въ 1216-мъ году Хоматіанъ былъ уже необыкновенно вліятельнымъ хартофилаксомъ и пользовался особеннымъ благоволеніемъ новыхъ эпирскихъ властей Охриды, мы склоняемся къ мнѣнію, что онъ занялъ архіепископскій престолъ еще до истеченія этого года или же въ самомъ началѣ слѣдующаго 1217 г. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ и нѣкоторые другіе документы Мюнхенскаго сборника, которыхъ мы коснемся въ слѣдующей части настоящей статьи³⁶⁾.

Разсмотрѣнныя уже нами письма этого сборника, кромѣ значенія ихъ для вопроса о началѣ архіепископствованія ихъ автора, представляются интересными и по другимъ заключающимся въ нихъ историческимъ указаніямъ, которыхъ мы уже касались отчасти. Тутъ считаемъ уместнымъ нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть нѣкоторыя изъ нихъ, главнымъ образомъ тѣ, которыя относятся къ средней Албаніи.

Остановимся прежде всего на упоминаніяхъ о Кроѣ, Кройскомъ епископѣ, Арбанѣ и Арбанскомъ архонтѣ. До сихъ

³⁵⁾ Бракъ Мануила, предшествовавшій переговорамъ о женитьбѣ великаго жупана, былъ заключенъ скорѣ послѣ переговоровъ о молодомъ Неманичѣ. На это въ письмѣ къ великому жупану имѣются такія ясныя указанія, которыя не нуждаются въ комментаріяхъ.

³⁶⁾ Въ изданіи Питры, на стр. 791, въ подстрочномъ примѣчаніи (3) къ документу № 19, не снабженному датой, но составленному несомнѣнно въ правленіе Θεοδωρα Επὶρσкаго, замѣчено вкратцѣ слѣдующее: *inde fort. incipit Demetrius sedere συνδοκῶς uti archiepiscopus*. Содержаніе означеннаго документа не только не оправдываетъ такого предположенія, но, напротивъ, скорѣе доказываетъ, что во время составленія этого документа Димитрій не былъ еще архіепископомъ.

поръ, на сколько намъ извѣстно, полагали³⁷⁾, что Кроя впервые встрѣчается у Акрополиты, именно въ извѣстномъ свидѣтельствѣ его о томъ, что въ 1253 году Михаилъ II Эпирскій уступилъ Никейскому императору Іоанну Ватаци крѣпость Прилѣпъ, Велесъ и находящееся въ Албанѣ укрѣпленіе Крою, τὰς Κρόας³⁸⁾. Теперь мы открываемъ у Хоматіана болѣе древнее, приблизительно на 40—50 лѣтъ, упоминаніе объ этомъ городѣ, столь прославившемся впослѣдствіи, въ XV-мъ вѣкѣ, подвигами Скандербега. Еще важнѣе упоминаніе о Кройской епархіи, по видимому, православной: оно является не только древнѣйшимъ, но и единственнымъ въ своемъ родѣ. До сихъ поръ мы знали лишь о существованіи католическаго Кройскаго епископства, о времени учрежденія котораго, нужно сказать, не имѣются положительныя данныя, вслѣдствіе чего одни возводятъ начало его къ XIV-му, другіе — къ половинѣ XV-го вѣка, когда Кроя сдѣлалась столицею Скандербега³⁹⁾.

Эти столь древнія упоминанія о Кроѣ и православной Кройской епархіи тѣмъ занимательнѣе, что у Хоматіана, какъ и у Акрополиты, они переплетаются съ географическимъ терминомъ Арбанъ, древнѣйшее значеніе котораго остается все еще недостаточно выясненнымъ. Весьма распространенное теперь мнѣніе о томъ, что подъ Арбаномъ или Албаномъ въ XII—XIII вѣкахъ подразумѣвался главнымъ образомъ нынѣшній Эльбассанъ и его округъ, есть простая гипотеза⁴⁰⁾. Ея историческія основы, и безъ того не очень прочныя, еще болѣе подрываются указаніями Хоматіана, изъ которыхъ узнаемъ, что на рубежѣ XII-го и XIII-го вѣковъ главнымъ церковнымъ и повидимому политическимъ центромъ Арбана была Кроя, лежащая довольно далеко къ сѣверу отъ Эльбассана. Не мѣсто здѣсь вдаваться въ подробный разборъ названной гипотезы, мы ограничимся лишь немногими общими замѣчаніями. Дошедшія до насъ отъ XII—XIII вѣковъ немногочисленныя свидѣтельства объ Арбанѣ или Албанѣ не безъ пѣкоторой натяжки приурочивались учеными (Фарлати, Фальмерайеромъ, Ганомъ и др.) къ округу нынѣшняго Эльбассана, самое суще-

³⁷⁾ Hahn, Albanesische Studien, 336.

³⁸⁾ Акрополита, гл. 49: τὸ ἐν τῇ Ἀλβανῇ προύριον τὰς Κρόας. Названіе Крои у Хоматіана является во множественномъ числѣ: ἐπίσκοπος Κροῶν.

³⁹⁾ Голубинскій, „Краткій очеркъ православныхъ церквей“ и пр., стр. 534, 535.

⁴⁰⁾ Hahn, тамъ же, стр. 81, 135, 230, 311—314, 335—336 и проч.

ствование котораго въ эти вѣка не подтверждено какими нибудь несомнѣнными данными. Между тѣмъ, при освѣщеніи, которое даютъ теперь указанія Хоматіана названнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, эти послѣднія весьма удобно примѣняются къ Кройскому округу. Такъ, съ указаніями Хоматіана вполне гармонируютъ не только вышеприведенныя слова Акрополиты о томъ, что Кроя находилась въ Албанѣ, но и древнѣйшія латинскія извѣстія о православной Арбанской или Албанской епархіи. Мы тутъ разумѣемъ извѣстія Дѣяній Антибарскаго собора 1199 года⁴¹⁾, писемъ Иннокентія III отъ 1200, 1208, 1209 гг.⁴²⁾ и письма Иннокентія IV отъ 1250-го года⁴³⁾.

Намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться на названныхъ тутъ латинскихъ извѣстіяхъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ говорится, что около 1250 года епископъ какой-то области, именуемой Арбанією (Arbania) и находящейся въ греческихъ странахъ, высказывалъ желаніе присоединиться къ членамъ римской церкви⁴⁴⁾. Этому извѣстію, показывающему, что до 1250 года Арбанское епископство оставалось православнымъ, нѣсколько противорѣчатъ остальные, болѣе раннія латинскія извѣстія, говоряція, что еще около конца XII-го вѣка, именно въ 1199 г., Арбанскій епископъ черезъ своего представителя участвовалъ въ антибарскомъ католическомъ соборѣ⁴⁵⁾. Намъ кажется, что указываемое тутъ противорѣчіе устранилось само собою, если припомнимъ, что антибарскій соборъ былъ созванъ папскими легатами Іоанномъ Капелланомъ и иподіакономъ Симономъ во время присоединенія сербскаго (Дуклянскаго) князя Волкана Неманича къ римской церкви и что между членами этого собора были и православные епископы, тогда только присоединившіеся къ римской церкви, да и то лишь на весьма

⁴¹⁾ Theiner, Monumenta Slavorum meridionalium, I, 7, 8. Сравни. Голубинскаго „Краткій очеркъ православн. церквей“, стр. 517, 531.

⁴²⁾ Theiner, тамъ же, I, 45, 54. Migne, Patrolog. lat., т. 215, столб. 1339, т. 216, ст. 106. Сравни. Hopf, Geschichte Griechenl., 224.

⁴³⁾ Theiner, тамъ же, I, 78, 79.

⁴⁴⁾ Theiner, тамъ же, I, 78, 79. Въ этомъ письмѣ Иннокентія IV, адресованномъ Антибарскому архіепископу въ 1250 г., читаемъ: In Grece partibus quedam habetur provincia, que Arbania nuncupatur, cujus episcopus... cordi habere dicitur ut ejusdem membris ecclesie (Римской) ad eterni pastoris gloriam indissolubili vinculo conjungatur. Theiner, тамъ же.

⁴⁵⁾ Голубинскій, Краткій очеркъ ист. прав. церквей, 532. Въ этомъ почтенномъ трудѣ профессора Голубинскаго не обращено вниманія на письмо Иннокентія IV, не оставляющее сомнѣнія, что около 1250 года арбанская епархія была еще православною.

непродолжительное время⁴⁶⁾. Къ таковому несомнѣнно принадлежалъ и Арбанскій епископъ, представитель котораго участвовалъ на антибарскомъ соборѣ 1199 года. О временномъ присоединеніи Арбанскаго епископства къ римской церкви, несомнѣнно, говорятъ и письма Иннокентія III отъ 1200 и 1208 гг. По нашимъ соображеніямъ, тогдашняя унія Арбана съ Римомъ продолжалась, да и то съ перерывами, около 10—15 лѣтъ, не далѣе 1216-го года, въ которомъ Кройскій епископъ переписывался съ Д. Хоматианомъ.

Изъ Дѣяній Антибарскаго собора видно, что епархія Арбанская (*Arbanensis*) находилась по сосѣдству съ Пулатскою, Дульцинскою и Сарданскою епархіями, которыя лежали въ сѣверной части нынѣшней Албаніи, именно въ бассейнѣ соединеннаго Дрина (правильнѣе Дрима). А по сосѣдству съ этими Подримскими епархіями могло находиться Кройское епископство, но никакъ не округъ нынѣшняго Эльбассана, въ которомъ приверженцы названной гипотезы помѣщаютъ каѳедру древняго Арбанскаго епископства (отъ соединеннаго Дрима Эльбассанъ отстоитъ вдвое далѣе чѣмъ Кроя). На основаніи сказаннаго мы позволяемъ себѣ думать, что подъ Арбанскимъ епископствомъ указанныхъ латинскихъ документовъ подразумѣвается Кройское епископство, называемое въ нихъ Арбанскимъ по имени его области, а у Хоматиана Кройскимъ по имени каѳедральнаго города⁴⁷⁾. На этомъ же основаніи можно, кажется, также полагать, что область Арбана или Албана, начинавшаяся несомнѣнно⁴⁸⁾ не далеко отъ Драча (Дураццо), около начала XIII-го вѣка, простиралась оттуда къ сѣверовостоку, занимая весь Кройскій округъ съ Миридитскими и отчасти Дукагинскими горами, до нѣкоторыхъ частей соединеннаго Дрима, гдѣ соприкасалась съ сербскими владѣніями. Достойно примѣчанія, что, по свидѣтельствамъ Стефана Немани и его сына св. Саввы, лежавшая къ сѣверу отъ Арбанской (Кройской) епархіи область Пилота (Пулатская) до завоеванія ея Неманею, около 1190 г., также входила въ составъ тогдашняго Арбана. Стефанъ Неманя въ

⁴⁶⁾ Здѣсь кстати припомнимъ, что около того времени и другія страны Балканскаго полуострова — Сербія, Болгарія, Эпиръ — принимали унія съ Римомъ, отъ которой, по минованіи въ ней надобности, тотчасъ же отказывались.

⁴⁷⁾ Намъ кажется, что и замѣтки Анны Комнины объ Арбанѣ (XIII, 5) болѣе относятся къ Крою, чѣмъ къ Эльбассану.

⁴⁸⁾ Сравн., напр., въ раздѣльномъ договорѣ 1204 г. — *provincia Dyrrachii et Arbani*.

своей грамотѣ Хилендарскому монастырю 1199 г. говорить: „и приобрѣтохъ одъ Морьске земле Зету и съ градовы, а одъ Арбанасъ Пилоть, а одъ грѣчьске земле Лабъ“⁴⁹⁾ и пр. Св. Савва въ житіи Немани⁵⁰⁾ выражается объ этомъ приобрѣтеніи послѣдняго въ такихъ словахъ: „и приобрѣте отъ поморьские земле Зету и съ градови, а отъ Рабна Пилота оба, а отъ грѣчьские земле“ и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что въ названіи Рабна мы тутъ имѣемъ названіе Арбана нѣсколько переименованное, главнымъ образомъ, вслѣдствіе обычной перестановки ар въ ра.

Изъ сказаннаго тутъ о соприкосновеніи границъ Арбана и Сербіи становится весьма понятнымъ открываемый письмами Хоматіана фактъ замужества сербской Комнины съ братомъ арбанскаго архонта Димитріемъ, а по смерти послѣдняго — съ другимъ арбанскимъ дѣятелемъ, севастомъ Григоріемъ Камоною.

Обратимся къ этимъ арбанскимъ дѣятелямъ и прежде всего къ Димитрію, младшему брату арбанскаго архонта Гино, первому мужу сербской Комнины. Изъ двухъ писемъ Иннокентія III, писанныхъ въ 1208 и 1209 г., извѣстно, что въ означенные тутъ годы въ Арбанѣ существовалъ самостоятельный правитель по имени Димитрій, который въ первомъ изъ этихъ писемъ, адресованномъ ему, названъ арбанскимъ княземъ (*nobilis vir arbanensis princeps*), во второмъ же — *nobilis vir iudex Albanorum*⁵¹⁾. Изъ указанныхъ папскихъ писемъ мы узнаемъ, что арбанскій князь — судья Димитрій въ 1208 году заискивалъ благоволенія папы Иннокентія III, присоединялся къ римской церкви вмѣстѣ съ арбанскимъ епископомъ Павломъ (*Paulo arbanensi episcopo*) и просилъ о присылкѣ въ Арбанъ (*ad Arbanam*) папскаго легата. Это однако не помѣшало ему въ слѣдующемъ же году конфисковать находившіяся въ Арбанѣ имуществы (*possessiones et alia bona*) Драчской архіепископіи, окатоличившейся послѣ завоеванія Драча (Дураццо) Венеціею (въ 1205 г.), и удерживать ихъ въ своихъ рукахъ. Мы не

⁴⁹⁾ Miklosich, Monumenta Serbica, 4.

⁵⁰⁾ Іован Павловић, Домаћи извори за српску историју 13. Срав. Поваковић: „Землиште радње Њемањине“ въ „Годишњице Николе Чупића“ I, 207—213.

⁵¹⁾ См. въ Migne, Patrol. lat., т. 215, столб. 1343, т. 216, ст. 107, у Theiner I, 45. Не лишнимъ считаемъ замѣтить здѣсь, что титулъ *nobilis vir* Иннокентій III даетъ и Михаилу Эпирскому, а также и болгарскому царю Калояну, до вѣнчанія послѣдняго присланнымъ изъ Рима вѣнцомъ. См. у Theiner I, 45, 46.

сомнѣваемся, что встрѣчающійся въ папскихъ письмахъ самостоятельный арбанскій правитель Димитрій есть упоминаемый въ письмахъ Хоматіана Димитрій Гино, братъ арбанскаго архонта, женившійся на дочери сербскаго великаго жупана не раньше 1204 г. и умершій не позже 1215 года. Весьма возможно, что и арбанскій епископъ Павелъ, временно подчинявшійся около 1208 г., вмѣстѣ съ арбанскимъ княземъ Димитріемъ, Риму, есть тотъ самый Кройскій епископъ, который переписывался съ Д. Хоматіаномъ въ 1216 году по дѣлу, касавшемуся вдовы и племянницы того же самага, несомнѣнно, князя Димитрія, и который, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ письма Хоматіана къ нему, занялъ Кройскую епархію за нѣсколько лѣтъ до 1216 г.

Объ Арбанѣ и арбанцахъ упоминаетъ и другой латинскій документъ того времени. Это — заключенный въ 1210 году между Венеціею и Михаиломъ Эпирскимъ договоръ, въ которомъ Михаилъ, между прочимъ, даетъ обѣщаніе содѣйствовать венеціанцамъ въ ихъ стремленіи удержать въ своей власти арбанцевъ, *arbanenses* ⁵²⁾. Свидѣтельство это показываетъ, что около 1210 года на свободу арбанцевъ, во главѣ которыхъ тогда стоялъ Димитрій Гино, посягали не только венеціанцы изъ Драча, но и Михаилъ Эпирскій ⁵³⁾. То обстоятельство, что этотъ самый Михаилъ грѣчинъ, какъ мы уже говорили, враждовалъ и съ сербами, способно, кажется, пролить нѣкоторый свѣтъ на политическое значеніе брака Димитрія Гино съ дочерью сербскаго жупана.

Изъ занимающихъ насъ указаній переписки Хоматіана заслуживаютъ особаго вниманія сдѣланныя всколзь упоминанія о старшемъ братѣ Димитрія, арбанскомъ архонтѣ Гино, на дочери котораго былъ женатъ севастъ Григорій Камона. Упоминанія эти, указывающія, что архонтъ Гино не принадлежалъ къ зауряднымъ арбанскимъ старѣйшинамъ, невольно напоминаютъ извѣстныя уже намъ латинскія свидѣтельства о

⁵²⁾ Сравни. He y d, *Le colonie commerciali degli Italiani in oriente* I, 112—113.

⁵³⁾ Карлъ Гопфъ, *Gesch. Gr.* 224, на основаніи неизданнаго источника (Patti) утверждаетъ, что въ 1210 г. Венеція искала помощи противъ арбанцевъ у нѣкоторыхъ славянскихъ главарей, именно: короля Георгія, сго брата Младена и славянина Петра. Это утвержденіе намъ представляется немного страннымъ, такъ какъ подъ означенными тутъ братьями — Георгіемъ и Младеномъ — разумѣются, повидимому, извѣстные братья Георгій и Младенъ Шубичи, договаривавшіеся вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ Бапомъ Павломъ съ Венеціею только около конца XIII-го вѣка. См. Smičiklas, *Povjest hrvatska* I, 365—368.

томъ, что въ 1199 и 1201 году Арбанъ входилъ въ отдѣльныя соглашенія съ Римомъ о подчиненіи ему арбанскаго епископства. Сопоставленіе названныхъ упоминаній Хоматіана съ этими латинскими свидѣтельствами даетъ поводъ думать, что Арбанъ пользовался политическою самостоятельностью еще около конца XII-го вѣка, и что около этого времени, повидимому, во главѣ его стоялъ братъ Димитрія, архонтъ Гино. А если такъ, то надобно думать, что освобожденіе Арбана отъ Византіи предшествовало завоеванію послѣдней латинянами въ 1204 г. и находится въ связи съ бурными славянскими движеніями царствованія Исаака II и Алексѣя III Ангело-Комниновъ⁵⁴). Ближайшимъ образомъ на отпаденіе арбанцевъ отъ Византіи въ то время могли оказать вліяніе: сербскія завоеванія въ сѣверной части нынѣшней Албаніи около 1190 г., болгарскія движенія въ нынѣшней Македоніи, приведшія около 1197 г. къ образованію тамъ довольно обширнаго полунезависимаго княжества Стрѣзья, а также начавшіяся около того же времени греческія движенія въ Тессаліи, средней Греціи и Целопоннисѣ. Тутъ намъ невольно приходитъ на умъ Навплійскій архонтъ Сгуръ⁵⁵), сдѣлавшійся полнымъ властелиномъ Навплии и положившій тамъ основаніе самостоятельному государству, которое при сынѣ и преемникѣ его Левѣ Сгурѣ распространило свою власть на Аргосъ (1202 г.), Коринѣ, Аѣины, Оивы (1204 г.) до Тессаліи. По всей вѣроятности, и Арбанскій архонтъ изъ рода Гино игралъ въ Арбанѣ роль, подобную той, которую сыгралъ въ Навплии его современникъ Навплійскій архонтъ Сгуръ, и пріобрѣтенная имъ надъ Арбаномъ власть перешла по наслѣдству къ его младшему брату Димитрію Гино.

Перейдемъ теперь къ севасту Григорію Камонѣ. Изъ писемъ Хоматіана мы узнали, что этотъ севастъ по смерти арбанца Димитрія сдѣлался важною личностію въ Арбанѣ: онъ развелся съ прежнею своею женою, дочерью умершаго архонта Гино, племянницею Димитрія, и женился въ 1216 г. на вдовѣ послѣдняго, дочери великаго сербскаго жупана. Этотъ

⁵⁴) Успенскій, „Образованіе втораго болгарск. царства“, 199—201; Пречекъ, „Исторія болгаръ“, Одесск. изд., 309—310; Porf, *Gesch. Griech.* 174. На отпаденіе арбанцевъ могла оказать вліяніе и норманнская война 1185 г., сдѣлавшая сицилійскаго адмирала Маргаритоне на нѣкоторое время властелиномъ Ионическихъ острововъ и сосѣдняго Арбану города Диррахія (Драча). Porf, тамъ-же, 181, 182, Herzberg, *Geschichte der Byzantiner*, 325—329.

⁵⁵) Porf, тамъ-же, 180—183.

поступокъ его, вызвавшій протестъ мѣстнаго (Кройскаго) епископа, встрѣтилъ поддержку со стороны вліятельнаго Охридскаго хартофилакса Димитрія Хоматіана и его друга, севаста Іоанна Плита, усердно преданныхъ слугъ новаго эпирскаго правителя Θεодора. Припомнимъ еще, что бракъ севаста Григорія Камоны съ сербскою Комниною совпалъ по времени съ переговорами о заключеніи родственныхъ союзовъ между правительственными домами сербскимъ и эпирскимъ. Принимая при этомъ въ соображеніе то обстоятельство, что Θεодоръ Эпирскій въ 1216-мъ году подчинилъ себѣ Арбанъ (Албанъ), можно, кажется, дать такое объясненіе встрѣчающимся въ письмахъ Хоматіана указаніямъ и намекамъ на роль, которую севастъ Григорій Камона игралъ въ этой странѣ. Повидимому, онъ по смерти Димитрія, а быть можетъ и нѣсколько раньше, сталъ стремиться къ занятію правительственной власти въ Арбанѣ и достигъ этого съ помощью Θεодора Эпирскаго.

Предлагаемое тутъ объясненіе, по нашему мнѣнію, тѣмъ правдоподобнѣе, что находитъ себѣ опору и въ дальнѣйшей исторіи Арбана. Есть основаніе думать, что Арбанасская земля пользовалась нѣкоторою политическою самостоятельностью до конца царствованія Θεодора, т. е. до 1229 г., когда эта земля подчинилась болгарскому царю Іоанну Асѣню, послѣ того какъ послѣдній взялъ въ плѣнъ Θεодора въ Клокотницкой битвѣ. По всей вѣроятности, тутъ произошло не полное подчиненіе Арбана І. Асѣню, а лишь замѣна прежняго сюзерена арбанцевъ его побѣдителемъ⁵⁶). На то, что Арбанъ и послѣ подчиненіе Іоанну Асѣню въ 1230 году сохранилъ своего отдѣльнаго правителя, указываетъ одно историческое свидѣтельство, на которомъ мы должны остановиться подробнѣе. Оно относится къ тому времени, когда Никейскій императоръ Іоаннъ Ватаци, воспользовавшись наступившимъ для него благоприятнымъ моментомъ по смерти болгарскаго царя Іоанна Асѣня и его преемника Калимана († 1246), подчинилъ себѣ значительную часть Балканскаго полуострова, которая передъ тѣмъ принадлежала частію болгарамъ⁵⁷), частію же эпирско-солун-

⁵⁶) См. Терновскую записку Іоанна Асѣня отъ 1230 года и его грамоту, данную дубровничанамъ двумя-тремя годами позже, у Срезневскаго „Свѣдѣнія и замѣтки“, LXXXI, 9—10. Сравн. и повѣствованіе Акрополиты (гл. 25) о Клокотницкой битвѣ и ея послѣдствіяхъ. Въ указанныхъ тутъ историческихъ источникахъ имѣются, по нашему мнѣнію, довольно прозрачныя намеки на то, что подчиненіе арбанасской земли Іоанну Асѣню носило такой именно характеръ.

⁵⁷) Иречекъ, Исторія болгаръ, Одесск. изд. 351—353.

скому государству. Акрополита, принимавшій участіе въ этихъ походахъ Іоанна Ватацы, указываетъ, что когда послѣднему въ 1253 году подчинилась Касторія съ своимъ округомъ (въ югозападной части нынѣшней Македоніи), тогда и Гуламъ изъ Албана (*ὁ ἀπὸ τοῦ Ἀλβανοῦ Γουλάμος*), „пришедшій на помощь Касторіи съ войскомъ (изъ Албана), присоединился къ нему, склонившись на его ласковыя слова и письменныя общанія“⁵⁸). При этомъ Акрополита замѣчаетъ, что Гуламъ имѣлъ женою племянницу императрицы (никейской) Ирины, дочь ея двоюродной сестры (*πρωτεξαδέλφης αὐτῆς θυγατέρα*). Это свидѣтельство Акрополиты, служившее до сихъ поръ камнемъ преткновенія для историковъ и генеалоговъ, вполнѣ удовлетворительно объясняется теперь письмами Димитрія Хоматиана, не оставляющими никакого сомнѣнія въ томъ, что жена Албанскаго вождя Гулама была дочерью сербской Комнины, два раза выходившей за-мужъ въ Арбанѣ или Албанѣ около сорока лѣтъ раньше 1253 г. Эта открываемая намъ письмами Хоматиана сербская Комнина по своей матери Евдокии Алексѣевнѣ дѣйствительно приходилась двоюродною сестрою никейской императрицѣ Иринѣ, дочери Θεодора Ласкариса отъ первой жены его Анны Алексѣевны. Въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ Акрополиты заслуживаетъ особаго вниманія указаніе на то, что Гуламъ изъ Албана, по нашему мнѣнію, изъ Кройской области, подчинился въ 1253 году императору Іоанну Ватацѣ, „склонившись на ласковыя его слова и письменныя общанія“. Сопоставляя съ этимъ указаніемъ вышеприведенное свидѣтельство письма папы Иннокентія IV о томъ, что около 1250 года арбанскій епископъ, по нашему мнѣнію — Кройскій, выражалъ желаніе присоединиться къ римской церкви, можно, кажется, думать, что Албанская или Арбанская область до 1253 года пользовалась нѣкоторою политическою самостоятельностью, которую она, повидимому, сохранила и послѣ означеннаго тутъ года. На это, кромѣ свидѣтельства Акрополиты о письменныхъ общаніяхъ, котрыми никейскій императоръ привлекъ Гулама на свою сторону, указываютъ и нѣкоторыя другія свидѣтельства. Припомнимъ, напр., Орвіетскій договоръ 1267 г., въ которомъ изгнанный изъ Константинополя латинскій императоръ Балдуинъ II уступаетъ

⁵⁸) Акрополита гл. 49. Въ русскомъ переводѣ, Сиб. 1865, стр. 105.

Карлу I Анжуйскому третью часть своихъ мнимыхъ правъ на владѣнія эпирскаго деспота Михаила II, а также на королевства албанское и сербское⁵⁹).

Занимающія насъ здѣсь указанія Хоматіана проливаютъ свѣтъ и на нѣкоторыя болѣе позднія историческія извѣстія, тоже остающіяся загадочными. Въ той самой Албанской области, во главѣ которой, какъ видно изъ вышесказаннаго, въ первой половинѣ XIII-го вѣка стояли мужья сербской Комнины и ея дочери, около конца того же вѣка мы встрѣчаемъ севаста Алексія Аріанити, а нѣсколько позднѣе — Матеранго Аріанити Комнина, отъ котораго произошло многочисленное потомство Аріанити-Комниновъ, игравшихъ здѣсь видную роль въ XIV-мъ и XV вѣкахъ⁶⁰). Указанія Хоматіана не оставляютъ, кажется, сомнѣнія, что всѣ эти Аріанити назывались Комнинами по нашей сербской Комнинѣ и вмѣстѣ съ старѣйшимъ изъ нихъ, севастомъ Алексѣемъ-Аріанити, вели свой родъ отъ нея и, повидимому, отъ втораго мужа ея, севаста Григорія Камоны.

⁵⁹) Макушевъ, „Историческія разысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка“, 20—21.

⁶⁰) Макушевъ, тамъ же, 36, 39, 40, 58, 62. Hopf, Chroniques, 535 ; Famille des Arianiti-Commènes.

II.

Послѣдніе годы архіепископствованія Димитрія Хоматіана, его письмо къ Мануилу Комнину Дукѣ, синодальное рѣшеніе по дѣлу двухъ солунскихъ архонтовъ, трактатъ по наслѣдственному праву. Оправдательное слово Сервійскаго епископа къ патріарху Герману. Новыя данныя для исторіи политическаго и церковнаго разрыва между Никейской имперіей и Эпирско-Солунскимъ государствомъ. Время уничтоженія Латинскаго королевства. Споръ двухъ солунскихъ гражданокъ о виноградникѣ въ „оградахъ“ и пр.

По господствующему нынѣ мнѣнію, архіепископствованіе Димитрія Хоматіана кончилось вскорѣ послѣ 1222-го года, не позже начала второй четверти XIII вѣка¹⁾. Мнѣніе это высказано и поддерживается учеными, ошибочно полагающими, какъ мы уже видѣли, что Хоматіанъ занялъ архіепископскій престолъ еще до конца XII вѣка, т. е. на двадцать, приблизительно, лѣтъ раньше, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. По устраненіи этой ошибки, естественно, возникаетъ предположеніе, что нашъ архіепископъ святительствовалъ гораздо далѣе начала второй четверти XIII вѣка. Такое предположеніе вполнѣ подтверждается нѣкоторыми документами Мюнхенскаго сборника, показывающими, что ихъ авторъ жилъ и дѣйствовалъ не только до самаго конца царствованія Θεодора Эпирскаго, т. е. до плѣненія послѣдняго Іоанномъ Асѣнемъ въ 1230-мъ году, но и въ первые годы правленія его брата и преемника Мануила Комнина, приблизительно до 1234 г. Въ настоящей

¹⁾ Zachariae von Lingenthal, Beiträge zur Geschichte der Bulgarischen Kirche. S.-Petersburg. 1864, 24—25. Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей и пр. 291, 124. Пальмовъ, Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи сербской архіепископіи 422—423 прим. 2-е. Не лишнимъ считаемъ отмѣтить при этомъ, что Albert Battandier, выпустившій въ свѣтъ занимающій насъ посмертный трудъ Питры, снабдивъ его французскимъ предисловіемъ, доказываетъ въ послѣднемъ, что Хоматіанъ архіепископствовалъ около конца XII-го и въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XIII-го вѣка. Pitra, *Analecta sacra et classica, spicilegio Solesmensi parata* vol. VI, Préface p. XXII—XXIV.

главъ мы и займемся разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ документовъ, именно такихъ, хронологію которыхъ можно опредѣлить довольно точно.

Остановимся прежде всего на документѣ № 117, озаглавленномъ въ латинскихъ указателяхъ къ Мюнхенскому сборнику — *ad Compennum Theodori fratrem*²⁾ и имѣющемъ въ текстѣ этого сборника такое надписаніе: „О второбрачныхъ и о томъ, что изъ имущества ихъ дѣтей отъ перваго брака они получаютъ, по наслѣдству, въ полную собственность (*κατὰ δεσποτείαν*), и что лишь во временное пользованіе (*κατὰ χρῆσιν*). Подъ этимъ надписаніемъ помѣщено слѣдующее письмо³⁾, которое и приводимъ въ переводѣ съ небольшими пропусками.

„Осмѣливаюсь донести, владыко мой святой, что въ дни прежде царствовавшаго (*προβεβασιλευκότος*) брата твоей царственности и государя моего, господина Θεодора, нами сдѣлано синодальное рѣшеніе (*συνοδικὸν ψηφισμόρημα*) по прошенію господина Константина Лампета относительно его зятя по сестрѣ Хамайдраконта, вступившаго во второй бракъ (по смерти первой жены, сестры Константина Лампета). Рѣшеніе это согласно законамъ опредѣляетъ, что Хамайдраконтъ имѣетъ право на пожизненное пользованіе материнскимъ имуществомъ умершаго своего сына отъ первой жены, и что по смерти его это материнское имущество должно перейти къ законнымъ наслѣдникамъ названнаго его сына. Ибо вступающій во второй бракъ совершенно лишается права на наслѣдственное владѣніе родительскимъ (въ данномъ случаѣ материнскимъ) имуществомъ умершаго своего чада — таково ограниченіе правъ втораго брака — и можетъ только пользоваться такимъ имуществомъ до конца своей жизни. Противъ указаннаго нашего рѣшенія теперь противостали нѣкоторые, заявляя, что оно сдѣлано неправильно. Мы же, познакомившись съ содержаніемъ (*τὴν περίληψιν*) этого заявленія, приготовили возраженіе (*ἀντίρρησην*), составленное изъ имѣющихъ законную силу постановленій. То, что въ указанномъ синодальномъ опредѣленіи (*σημειώματι*) изложено нами въ общихъ чертахъ, мы подробно развили въ этомъ возраженіи, выяснивъ, какія имущества подвластныхъ дѣтей (*ὕπεξουσίαις ἀρμοζόντων*) могутъ получать по наслѣдству

²⁾ Въ изданіи Пятры стр. 820, 687.

³⁾ Тамъ же, столб. 501—4.

въ полную собственность первобрачные, какія же второбрачные. Поелику палата твоей царственности не бѣдна людьми, украшенными всякой мудростью, то прошу, чтобы ими были подвергнуты изслѣдованію наши мнѣнія по сему дѣлу и, если будутъ найдены составленными какъ должно, согласно законамъ, то да будетъ дано имъ утвержденіе твоей державы, чтобы право сдѣлалось явнымъ и чтобы Лампетъ не былъ лишенъ того, что ему принадлежитъ. Я убѣжденъ и, думаю, безошибочно, что въ какую бы высшую или низшую инстанцію, въ какое бы правовѣдное учрежденіе ни было представлено наше рѣшеніе, въ послѣднемъ врядъ ли будетъ отыскано какое-нибудь упущеніе. Ты же, державнѣйшій мой владыко, будь снисходительнымъ къ намъ за то, что мы не можемъ совершить должнаго поклоненія святой царственности. Изъ препятствій, мѣшающихъ намъ (сдѣлать это), самымъ важнымъ является болѣзнь, которою мы, несчастные, обречены на тяжкія страданія“.

Приведенное тутъ письмо, какъ видно изъ его содержанія, адресовано несомнѣнно царю ⁴⁾ Мануилу Комнину Дукѣ, занявшему Солунско-эпирскій престолъ весною 1230-го года. Судя по заключительнымъ словамъ, въ которыхъ авторъ, указывая на удручающіе его недуги, извиняется въ томъ, что не могъ еще отдать должнаго поклоненія новому правителю, можно, кажется, безошибочно относить составленіе письма къ первому году правленія Мануила, т. е. къ 1230—1231 гг. — Что оно не случайно, не по ошибкѣ попало въ сборникъ трудовъ Димитрія Хоматіана, а дѣйствительно писано послѣднимъ, это явствуетъ изъ нижеслѣдующаго.

Въ Мюнхенскомъ сборникѣ сохранились и тѣ документы, которые по указанію этого письма были составлены его же авторомъ и по тому же самому дѣлу, именно: синодальное рѣшеніе, составленное въ царствованіе Θεодора, и возраженіе, писанное при преемникѣ послѣдняго, Мануилѣ. Въ синодальномъ рѣшеніи ⁵⁾ мы находимъ прямое указаніе на то, что дѣло К. Лампета и Хамайдраконта разсматривалось въ

⁴⁾ Довольно распространенное мнѣніе, что Мануилъ не носилъ царскаго титула, а довольствовался титуломъ деспота, оказывается несостоятельнымъ. Въ нѣкоторыхъ документахъ Мюнхенскаго сборника, имѣющихъ офиціальныи характеръ и писанныхъ въ первые годы правленія Мануила, послѣдній называется царемъ. См. изд. Питры № 106, ст. 451, 456. Царемъ названъ Мануилъ и въ обнаруженномъ академикомъ Васильевскимъ письмѣ Анкирскаго митрополита къ Іоанну Асѣню (отъ 1233 г.). См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1855 г. мартъ 48, 54.

⁵⁾ Въ изданіи Питры № 38, столбцы 165—172.

синодѣ болгарскаго архіепископа⁶⁾. Кромѣ того, изъ этого рѣшенія мы узнаемъ, что К. Лампетъ и его зять Хамайдраконтъ (Θεοδoρῆς) были жителями города Солуни и принадлежали къ высшему классу его населенія⁷⁾; Хамайдраконтъ тутъ названъ Солунскимъ архонтомъ (Θεσσαλονικεὶ ἄρχοντι), а Константину Лампету данъ титулъ μεγάλειφανέστατος⁸⁾ κυρός, указывающій, что и онъ (Лампетъ) былъ архонтомъ. Указанія эти не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что занимающее насъ здѣсь синодальное рѣшеніе принадлежитъ несомнѣнно болгарскому архіепископу и составлено въ послѣдніе годы царствованія Θεοδoра Комнина, во всякомъ случаѣ нѣсколькими годами позже завоеванія послѣднимъ Солуни, которое (завоеваніе), какъ увидимъ далѣе, произошло не раньше мая 1223-го года.

Перейдемъ къ возраженію, которое, припомнимъ, было написано одновременно съ письмомъ къ Мануилу и, повидимому, служило приложеніемъ къ названному письму. Возраженіе это помѣщено въ видѣ отдѣльнаго памятника, подъ № 151, около конца Мюнхенскаго сборника, статьи котораго, нужно сказать, размѣщены не въ хронологическомъ ихъ порядкѣ. Оно занимаетъ около 23 столбцовъ⁹⁾ и заключаетъ въ себѣ обширный трактатъ, авторъ котораго, развивая свое мнѣніе, изложенное въ общихъ чертахъ въ синодальномъ опредѣленіи и въ письмѣ къ Мануилу, подтверждаетъ его большими выписками изъ Василикѣ и нѣкоторыхъ новеллъ, а также изъ толкованій юристовъ-комментаторовъ: Θεαλεя, Θεοδoра Γερμοполιτανскаго, Симватія и „совершителя великихъ дѣлъ“ (ἀξιόγαθος καὶ μεγάλειπὴβολος) Евстафія, патриція Ромейскаго. При этомъ дѣлаются ссылки на Θεοφίла, мудрѣйшаго Гарида и дивнаго Итала. Кромѣ памятниковъ свѣтскаго законодательства и мнѣній юристовъ, авторъ цитируетъ тутъ еще и

⁶⁾ Въ этомъ памятникѣ приведено дословно прошеніе Л. Лампета, которое начинается такими словами: „Παναγιώτατέ μου δέσποτα ἀρχιεπίσκοπε πάσης Βουλγαρίας καὶ ὑμεῖς οἱ συμπρόντες πανιερώτατοι ἀρχιερεῖς καὶ δεσπότες μου.

⁷⁾ Изъ другихъ подробностей, сообщаемыхъ синодальнымъ опредѣленіемъ о спорѣ между двумя солунскими вельможами, узнаемъ, что у Хамайдраконта (Θεοδoра) отъ первой его жены, сестры К. Лампета (Καλι), былъ только одинъ сынъ, который умеръ вскорѣ послѣ смерти матери и до вступленія отца во второй бракъ. На послѣднемъ обстоятельствѣ, повидимому, Хамайдраконтъ основывалъ свои притязанія на материнское имущество своего умершаго сына.

⁸⁾ Совершенно такой же титулъ Χοματιανъ даетъ архонту Николаю Чахиу: μεγάλειφανέστατος ἄρχων Νικόλαος ὁ Τζαχίνος, см. у Питры столб. 75. — Въ другихъ случаяхъ онъ титулируетъ архонтовъ — μεγαλοδοξώτατοι. 105, 429 и пр.

⁹⁾ Въ изданіи Питры 589—612.

правила св. Василия Великаго, а также правила древних поместных соборовъ — Анкирскаго, Неокесарійскаго и Лаодикійскаго. — Уже ученый аппаратъ, а также приемы изслѣдованія и стиль разсматриваемаго возраженія свидѣлствуютъ, что послѣднее вышло изъ-подъ пера Димитрія Хоматиана. На это имѣется и прямое указаніе въ надписаніи памятника, гласящемъ такъ: τοῦ αὐτοῦ μελέτη περὶ α' γάμου καὶ β', ἅμα δὲ καὶ ἀντίρρησις πρὸς τοὺς λέγοντας ἰσοσαπεῖν τὸν δεῦτερον γάμον τῷ πρώτῳ εἰς τὴν κληρονομίαν и пр.

Слово τοῦ αὐτοῦ, поставленное тутъ вмѣсто имени автора занимающаго насъ возраженія, ясно указываетъ, что послѣднее составлено авторомъ предшествующаго ему въ Мюнхенскомъ сборникѣ памятника № 150, который, какъ сейчасъ увидимъ, принадлежитъ несомнѣнно нашему архіепископу¹⁰⁾.

Только что названный документъ № 150, писанный, по нашему мнѣнію, также въ царствованіе Мануила Комнина Дуки, представляется весьма любопытнымъ по своему содержанию и заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія¹¹⁾. Онъ содержитъ въ себѣ апологію Сервійскаго епископа, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть не епископа Сербіи, какъ думалъ Питра¹²⁾, а епископа города Сервіи (Сельфидже), лежащаго недалеко отъ сѣверо-восточной границы Θεσσαλίας¹³⁾ и ничего общаго съ Сербіей не имѣющаго.

Апология эта помѣщена въ Мюнхенскомъ сборникѣ съ слѣдующимъ надписаніемъ: „Оправдательное слово (λόγος

¹⁰⁾ Въ Мюнхенскомъ сборникѣ имѣется и другое подробное возраженіе, писанное на ту же тему и по совершенно такому же поводу, касающемуся аналогичнаго дѣла двухъ жителей города Веррои. Но оно гораздо короче и изложено не въ видѣ отдѣльной статьи, а въ письмѣ къ царю Θεόδωρῳ, брату и предшественнику Мануила. Письмо это, писанное, повидимому, въ послѣдніе годы царствованія Θεόδωρα, помѣщено тутъ подъ № 26 (ст. 109—118) съ такимъ надписаніемъ: Πρὸς τὸν βασιλέα κυρὸν Θεόδωρον τὸν Δοῦκαν περὶ προνομίῳ τῶν εἰς δευτέρους γάμους οὐκ ἐρχομένων καὶ τῶν δευτερογαρούντων, ὅτι οὐ δεσπόζουσι τὴν μητρικὴν τῶν παίδων ὑπαρξίν, καὶ περὶ ἀχρησίας νόμων, καὶ περὶ τοιαύτης συνηθείας, καὶ παραδρομῆς χρόνον διὰ κατοχῆς. Эти два памятника (№№ 26 и 151) интересны, между прочимъ, потому, что въ нихъ имѣются отголоски борьбы обычая, или же законодательства иконоборствовавшихъ императоровъ, съ принципами Юстиниановаго права (Василикъ).

¹¹⁾ Въ изданіи Питры, столбцы 577—588 № 150.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 790, 808, 810. Нелишнимъ считаемъ припомнить, что такое смѣшеніе Сервіи съ Сербіей, дѣлаемое перѣдко и другими современными учеными, дѣлалось и въ отдаленную старину Сербскимъ переводчикомъ Зонарой, а еще раньше Константиномъ Багрянороднымъ.

¹³⁾ Довольно подробное описаніе Сервійской каазы см. въ книгѣ Верковица, Топографическо-этнографическій очеркъ Македоніи. СПБ. 1889, стр. 214—221.

ἀπολογητικός) къ святѣйшему Константинопольскому патріарху господину Герману и его синоду, составленное какъ-бы отъ лица (γεγονὼς ὡς ἐκ προσώπου) Сервійскаго епископа, подчиненнаго Солунской митрополіи, но рукоположеннаго имъ, ὑπ' αὐτοῦ (авторомъ слова), по требованію обстоятельствъ, потому именно, что въ Солуни господствовали Латиняне, и его митрополитъ, вслѣдствіе этого, находится внѣ предѣловъ своей епархіи“.

Приведенное тутъ заглавіе, какъ и вообще дѣло, вызвавшее составленіе апологін, казалось Питрѣ темнымъ, *historia satis obscura, obscura res historica*¹⁴⁾. По нашему мнѣнію, эта исторія объясняется вполне удовлетворительно содержаніемъ апологін, а также другимъ документомъ (№ 78) Мюнхенскаго сборника, писаннымъ нѣсколько раньше и заключающимъ въ себѣ актъ избранія и рукоположенія Сервійскаго епископа, несомнѣнно того же самаго, отъ лица котораго составлена апологія. Этотъ актъ (№ 78) носитъ такое надписаніе: *πρᾶξις γενομένη ἐπὶ ψήφῳ καὶ χειροτονίᾳ ἐτέρας ἐπαρχίας ἀρχιερέως. γινομένη ὑπ' αὐτοῦ, μηνὶ μαΐῳ ιβ' Ἰνδ. ια'*¹⁵⁾. Встрѣчающееся тутъ выраженіе *γινομένη ὑπ' αὐτοῦ* объясняется предшествующимъ (въ Мюнхенскомъ сборникѣ) акту документомъ № 77, въ которомъ имѣемъ письмо къ новопоставленному Сервійскому епископу, начинающееся словами: *Δημήτροις, ἐλέφ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας τῷ ἱερωτάτῳ ἐπισκόπῳ Σεβδίων*¹⁶⁾. Прибавимъ еще, что занимающій насъ здѣсь памятникъ (№ 78), принадлежащій несомнѣнно Димитрію Хоматіану, составленъ, какъ показываетъ его содержаніе, въ царствованіе Θεодора Комнина. Зная все это, не трудно объяснить и значеніе хронологической даты 12-го мая 11-го индикта, которою помѣченъ этотъ памятникъ. Въ теченіе той части архіепископствованія Хоматіана, которая совпадала съ временемъ правленія Θεодора, только одинъ разъ приходился

¹⁴⁾ Питра 577 прим. 2, 826 прим. 2, ср. 808 прим. 5. Покойный кардиналь намѣревался посвятить этому дѣлу обстоятельное изслѣдованіе въ своихъ *Prolegomena* къ Мюнхенскому сборнику, который не успѣлъ однако написать.

¹⁵⁾ У Питры № 78, столбцы 335—336. Ср. и стр. 810, гдѣ ошибочно замѣчено: *Exordium hic solum habemus synodicae actionis*. По нашему мнѣнію, суть дѣла объ избраніи и рукоположеніи Сервійскаго епископа изложена здѣсь вполне.

¹⁶⁾ У Питры № 77 ст. 329—334.

11-й индиктъ, а именно съ 1-го Сентября 1222 года по 1-е Сентября 1223-го. — Отсюда явствуетъ, что посвященіе Сервійскаго епископа совершено Хоматіаномъ несомнѣнно въ Маѣ 1223-го года.

Городъ Сервія издавна входилъ въ составъ Солунской епархіи¹⁷⁾, зависѣвшей отъ Константинопольской, въ данное время Никейской патріархіи, и находившейся, слѣдовательно, внѣ предѣловъ болгарской церковной области. Этимъ-то и объясняется указаніе вышеприведеннаго надписанія на то, что актъ касается избранія и рукоположенія ἐτέρας ἐπαρχίας ἀρχιερέως, архіерея чужой епархіи.

Никейскій патріархъ и въ частности Солунскій митрополитъ, проживавшій, по случаю латинской оккупации, гдѣ-то за границею своей епархіи, были сильно оскорблены этимъ нарушеніемъ ихъ правъ, но нѣкоторое время должны были терпѣливо переносить нанесенную имъ обиду или ограничиваться простыми протестами, на которые мало обращалось вниманія. Имъ представился, однако, наконецъ благопріятный моментъ, которымъ они воспользовались, и привлекли къ отвѣтственности антиканонически посвященнаго Сервійскаго епископа, поставили даже вопросъ объ его низложеніи¹⁸⁾. Дѣло это, начатое, повидимому, при особенно благопріятномъ оборотѣ дѣла для враговъ опальнаго епископа, было направлено косвеннымъ образомъ и противъ Димитрія Хоматіана, которымъ было совершено антиканоническое посвященіе. Это-то и побудило Хоматіана изготovitъ для Сервійскаго епископа занимающую насъ апологію, въ которую, какъ увидимъ, онъ внесъ кое-что и pro domo sua.

Апологія изложена въ формѣ судебной защитительной рѣчи, составленной по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства. Для насъ представляетъ интересъ главнымъ образомъ историческая ея часть, въ которой излагаются обстоятельства, вызвавшія необычное посвященіе Сервійскаго епископа. Содержаніе

¹⁷⁾ Въ спискѣ архіерейскихъ каедръ, составленномъ въ царствованіе Льва Мудраго, около конца IX-го вѣка, Сервійское епископство (ὁ Σερβίων) уже значится въ числѣ 12-ти епископствъ, подвѣдомыхъ солунскому митрополиту.

¹⁸⁾ Высказываемыя тутъ соображенія основываются на общемъ характерѣ содержанія апологіи и въ частности на слѣдующихъ выраженіяхъ, стоящихъ въ началѣ ея: Καὶρὸς ἄρτι . . . εὐρέθη τοῖς ἐμὲ ζητοῦσιν, ἐμφανὴς ἐγενόμην τοῖς ἐμὲ ἐπερωτῶσιν ἢ ἀνακρίνουσιν . . . Ἰδοὺ τοίνυν ἐγὼ, καὶ δεῖξασθε, οἱ ἐμοὶ κριταί, τὴν ἡμετέραν ἀπολογίαν, ἵνα εἰ μὲν ἔγκριτος γένηται, τῆς εὐθύνης ἡμᾶς ἀπολύσῃτε· εἰ δ' ἴσως ἀποφύλιος λογισθῇ, τὸ δοκοῦν τῇ τῆς θέμιδος ὀρθοτομίᾳ ψηφισθῇ.

этого исторического очерка, занимающего около трех столбцовъ (578—580), въ общихъ чертахъ такова.

Послѣ того, какъ латиняне захватили весь почти (греческій) западъ, за исключеніемъ Болгарскаго удѣла (τῆς Βουλγαρικῆς ἀνευθεν λήξεως), тамошніе законные архіереи покинули свои епархіи и удалились въ чужіе края¹⁹⁾, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ и окончили свою жизнь. Общаго бѣдствія не избѣгла и Сервійская церковь, священноначальникъ которой также выселился, подобно другимъ, за границу и тамъ скончался. Люди, подпавши подъ латинскую власть, изнемогали подъ ея желѣзной палицей (ὁ δὲ γε λαὸς τῇ σιδερεῇ ῥάβδῳ τῆς ἐφισταμένης ἐξουσίας ἐτρύχετο), и многіе отступили отъ церковныхъ обычаевъ и преданій отцовъ, частью по невѣжеству своему, частью же для избѣжанія неносныхъ насилій тирановъ. Но вотъ въ западныхъ странахъ погибшей ромейской власти принялъ начальство Θεодоръ изъ рода Дуковъ, Ангеловъ и Комниновъ, который, мужественно возставъ противъ латинянъ (ταῖς Λατινικαῖς ὁρμαῖς κραταιῶς ἀνθιστάμενος), многихъ изъ нихъ выгналъ изъ занятыхъ ими странъ, между прочимъ и изъ Сервійской области. Присоединивъ послѣднюю къ своимъ владѣніямъ, освободитель (т. е. Θεодоръ) озаботился дарованіемъ ей священноначальника, который бы утвердилъ расшатанные умы, возвратилъ бы на путь истины заблудшихъ и подобающими священнодѣйствіями бы очистилъ то, что было осквернено латинскимъ нечестіемъ (τὸ μεμολυσμένον τῆς Λατινῶν βδελυγμίας). Но Солунскій митрополитъ, отъ котораго зависѣло поставленіе такого епископа, находился въ чужихъ странахъ и не явился на призывъ Θεодора. Послѣднему не могли помочь въ этомъ дѣлѣ и оставшіеся еще на своихъ мѣстахъ викарные епископы Солунскаго митрополита, вслѣдствіе боязни предъ грозящей бѣдой²⁰⁾.

¹⁹⁾ Утвержденіе это не совсѣмъ вѣрно; нѣкоторые изъ греческихъ епископовъ запада оставались въ своихъ епархіяхъ и послѣ завоеванія послѣднихъ латинянами. См. слѣдующее примѣчаніе.

²⁰⁾ Считемъ нелишнимъ привести здѣсь подлинныя слова памятника. Указавъ, что солунскій митрополитъ οὐδ' ἔλωσ παρῆν καὶ γὰρ ὑπερόριος ἦν, аналогегъ продолжаетъ такъ: (Θεодоръ) ἀποβλέπει πρὸς τὰ λείψανα τῆς ὑπερορίας, δηλαδὴ τοὺς ὑπ' ἐκεῖνον ἀρχιερεῖς· οἱ δὲ, τὸ τῆς θείας γραφῆς προσφύρωσ εἰπεῖν, ἔθεντο σκότος ἀποκρυφῆν ἑαυτῶν, τῆς Θεσσαλονίκης ἐν παραβύστοις ἐγγωνιάζοντες καὶ τὴν ἐφισταμένην, ὥς ἐξόν ἦν, κακίαν ἀποκρυπτόμενοι. Col. 579. — Изъ этихъ словъ видно, что въ 1223 г., когда шелъ вопросъ о посвященіи епископа для только что освобожденнаго отъ латинянъ Сервійскаго округа, въ другихъ частяхъ Солунской области, находившихся еще подъ властью латинянъ, оставались нѣкоторые греческіе епископы, не удалявшіеся, значитъ, въ чужіе края. Съ нѣсколькими такими греческими епископами мы встрѣтимся не много ниже.

Узнавши изъ древней церковной исторіи, что въ подобныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ дѣлались нарушенія строгихъ каноническихъ предписаній, Θεόδωρὸς обратился къ Иллирійскому, или болгарскому синоду²¹⁾ и его предсѣдателю, которыхъ не коснулось латинское завоеваніе, и предложилъ имъ избрать и рукоположить необходимаго Сервійской области епископа. Синодъ этотъ, мѣстопробываніе котораго находилось тогда во владѣніяхъ Θεόδωρα, сначала отклонилъ сдѣланное ему предложеніе, не желая нарушать преданія отцовъ исполненіемъ воли правителя. Послѣдній, однако, не переставалъ настаивать на своемъ предложеніи, то просьбами, то угрозами (τά δὲ βιάζων), то указаніемъ на мірскія замѣшательства и на созданное ими ненормальное положеніе вещей. Вслѣдствіе этого и принимая во вниманіе опасность, угрожавшую церковнымъ обычаямъ и спасенію Сервійскаго населенія, названное священное собраніе уступило наконецъ настоятельнымъ просьбамъ Θεόδωρα, избрало и рукоположило предстоятеля Сервійской церкви. Далѣе въ разсматриваемой апологіи приводится, на восьми столбцахъ, изъ священнаго писанія и исторіи церкви длинный рядъ примѣровъ нарушенія св. заповѣдей, совершавшагося съ благою цѣлью. Перечисленіе названныхъ примѣровъ завершается тонкимъ намекомъ на то, что и Вѣдинская Никея вынуждена была сдѣлать такое же нарушеніе строгой каноничности, присвоивъ себѣ царское и патріаршее достоинство, которыми прежде украшалась славная Византія (ἐνδοξος Βύζας).

Замѣтивъ при этомъ, что приведенные имъ примѣры стоятъ внѣ всякаго порицанія, апологетъ высказываетъ увѣренность, что и его поведеніе, вызванное затруднительными обстоятельствами и имѣвшее въ виду достиженіе благой цѣли (τῆς ἀρίστης οικονομίας), не заслуживаетъ осужденія.

Исторія посвященія Сервійскаго епископа излагается и въ актѣ 1223-го года (№ 78), но гораздо короче и въ одномъ пунктѣ несогласно съ апологіею. Въ апологіи, какъ мы видѣли, говорится, что предложеніе Θεόδωра относительно посвященія Сервійскаго епископа сначала было отклонено болгарскимъ Синодомъ и его предсѣдателемъ Д. Хоматіаномъ, который только вслѣдствіе настойчивыхъ требованій и даже угрозъ правителя

²¹⁾ Πρόσειον ὑπερορίῳ συνόδῳ καὶ τῷ προκαθημένῳ ταύτης τῇ τῶν Ἰλλυριῶν ἱεραρχῶν δηλαδὴ, τῇ καὶ τὴν τῶν Βουλγάρων, ὕστερον κληρωμένῃ ἐπίκλησιν· ἀσάλευτα γὰρ ἐς δεῦρο ἔκειτο ταύτη. Столб. 579.

согласился исполнить волю послѣдняго. Въ актѣ же совершенно напротивъ сказано, что предложеніе это было встрѣчено и исполнено съ необыкновенной готовностью и предупредительностью: οὐδὲ παρηκόους εὗρεν ἡμᾶς ὁ ζηλωτὴς οὗτος καὶ θεοκυβέρνητος Κομνηνός. . . . ἀλλὰ τὸν λόγον προθέμενος, ἔσχε ἡμᾶς ὡς εὐλόγῳ καθήκοντι τοῦτῳ συντρέχοντας²²). Указанное разногласіе между этими двумя памятниками, писанными или, по крайней мѣрѣ, редактированными однимъ и тѣмъ же лицомъ, Димитріемъ Хоматіаномъ, чрезвычайно важно для опредѣленія времени составленія апологій, упоминающей о настойчивыхъ требованіяхъ и угрозахъ Θεодора. Невозможно допустить, чтобы Димитрій Хоматіанъ и Сервійскій епископъ, столь много обязанные Θεодору и столь близко стоявшіе къ нему, рѣшились высказать въ его правленіе такой отзывъ о немъ, да еще въ рѣчи, имѣющей оффиціальныи характеръ и обращенной къ Никейскому патріарху и его синоду. Указанное тутъ соображеніе невольно склоняетъ къ мысли, что апологія писана не въ царствованіе Θεодора. Къ такому заключенію ведетъ и слѣдующее обстоятельство. Апологія, какъ мы видѣли, была вызвана привлеченіемъ Никейскою патріархіей къ суду поставленнаго по желанію Θεодора епископа. А такое энергическое вмѣшательство Никейцевъ во внутреннія дѣла, хотя бы и церковныя, Солунско-Эпирской державы было невозможнымъ во вторую половину царствованія Θεодора, который находился тогда въ крайне непріязненныхъ отношеніяхъ къ Никее.

Считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько на этихъ отношеніяхъ, о которыхъ Мюнхенскій сборникъ сообщаетъ намъ кое-какія новыя данныя. Послѣднія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что враждебные замыслы Θεодора Эпирскаго относительно Никей начали проявляться раньше, чѣмъ думаютъ нѣкоторые историки²³). На это явно указываетъ находящееся въ Мюнхенскомъ сборникѣ письмо Димитрія Хоматіана „къ всечестному во инокахъ и сыну великаго жупана Сербіи Киръ Саввъ“, поставленному Никейскимъ патріархомъ въ автокефальныя архіепископы Сербіи. Въ названномъ письмѣ, писанномъ несомнѣнно въ 1220 г., Хоматіанъ, доказывая неканоничность посвященія новаго архіепископа, выставляетъ на видъ,

²²) Питра, столбцы 335—336.

²³) Г'онфъ 251, Папаригопуло V, 54 и другіе относятъ ихъ начало къ 1222-му г., ко времени занятія Никейскаго престола Іоанномъ Ватаци.

между прочимъ, и то обстоятельство, что послѣднему недостаетъ царскаго утвержденія, причемъ восклицаетъ²⁴): „да и гдѣ теперь царство, которому вмѣстѣ съ другими (прерогативами) принадлежить и таковая выдающаяся привиллегія? Многіе властвуютъ теперь по (разнымъ) мѣстамъ, но ни одинъ не имѣетъ подлиннаго царскаго достоинства“ (πολλῶν ἄρτι κατὰ τόπους ἐξουσιαζόντων καὶ μηδενὸς ἀποσώζοντος ἀκέραιον τὸ τῆς βασιλείας ἀξίωμα). Эти слова, высказанныя въ 1220-мъ году Хоматіаномъ, стоявшимъ такъ близко къ Θεодору, показываютъ намъ, что послѣдній началъ оспаривать права Никей на Византійское наслѣдство еще при жизни перваго Никейскаго императора Θεодора Ласкариса, скончавшагося въ 1222-мъ году. По смерти Ласкариса, когда римскій скипетръ наслѣдовалъ зять его Іоаннъ Ватаци, человѣкъ не очень знатнаго происхожденія, отважный эпирскій правитель, считавшій себя потомкомъ Комниновъ, Дуковъ и Ангеловъ, смѣло уже выступилъ противъ притязаній Никейцевъ, присвоивъ себѣ ту миссію, которую они считали своимъ достояніемъ. Счастье благопріятствовало Θεодору. Въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ, между 1222 и 1225 гг., онъ уничтожилъ послѣдніе остатки латинскаго господства въ Солунской области, распространилъ свою власть и далеко на востокъ по направленію къ Константинополю, захвативъ сдѣланныя тамъ пріобрѣтенія Никейцами, которые съ позоромъ были изгнаны имъ изъ Адріанополя въ 1224 г. Около этого же времени Θεодоръ принялъ царскій титулъ, чѣмъ торжественно объявилъ себя единственнымъ законнымъ претендентомъ на Византійскій престолъ, восстановление котораго тогда представлялось очень близкимъ.

Провозглашеніе Θεодора царемъ, какъ мы узнаемъ изъ одного письма Димитрія Хоматіана, которымъ былъ вѣнчанъ и миропомазанъ новый царь, происходило по единодушному рѣшенію находившихся въ предѣлахъ Солунско-эпирскаго государства членовъ синклита, духовнаго сословія и всего многочисленнаго воинства²⁵). — Указанное тутъ свидѣтельство Хома-

²⁴) Въ изданіи Питры столбцы 381—390, № 86. См. и Пальмова, „Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи Сербской архіепископіи“ стр. 436, 437.

²⁵) См. второе письмо Хоматіана къ патріарху Герману, № 114. Въ изданіи Питры стр. 488—490. Считаемо нелишнимъ привести относящіяся сюда мѣста изъ этого письма. Σκέψις γέγονε κοινὴ τῶν ἐν τῇ δύσει περιληφθέντων ἀπὸ τε τῆς συγκλήτου βουλῆς καὶ τῆς ἱεραρχικῆς τάξεως, καὶ δὲ καὶ σύμπαντος τοῦ στρατιωτικοῦ μυριοπληθοῦς ὄντος, τῇ χάριτι τοῦ Θεοῦ, προβληθῆναι εἰς βασιλεῖα τὸν ἀναγεγραμμένον Δοῦκαν κυρὸν Θεόδωρον, ἅμα δὲ καὶ χρισθῆναι... τῆς κοινῆς τοίνυλ ταύτης σκέψεως

тіана подтверждается актомъ провозглашенія Θεодора царемъ отъ имени епископовъ, сохранившимся въ замѣчательномъ Порфирьевскомъ сборникѣ, но, къ сожалѣнію, еще не изданнымъ²⁶). Мы могли познакомиться съ содержаніемъ его, благодаря обязательной услугѣ В. Э. Регеля. Въ этомъ интересномъ памятникѣ говорится, что всѣ епископы, всѣ предстоятели высшихъ и низшихъ престоловъ западнаго удѣла рѣшили провозгласить Θεодора царемъ, миропомазать и вѣнчать его, увѣровавши, что только онъ одинъ вправѣ носить царскій титулъ и какъ потомокъ разныхъ царей, и какъ неуспынный стражъ, испытанный воинъ, безчисленными трудами и подвигами возстановившій древній христіанскій порядокъ въ западныхъ странахъ, освободивъ послѣднія отъ безбожныхъ латинянъ и Гемскихъ (Балканскихъ) Скиѳовъ²⁷).

Такимъ образомъ, политическій разрывъ Θεодора съ Никеею сопровождался и церковнымъ разрывомъ между западными греческими архіереями и Никейской патріархіею, признававшею только за Никейскимъ правителемъ право носить царскій титулъ. И этотъ разрывъ, однимъ изъ болѣе раннихъ послѣдствій котораго было несомнѣнно и занимающее насъ необычное посвященіе Сервійскаго епископа въ 1223-мъ году, продолжался до самаго конца правленія Θεодора.

Въ теченіе этого времени была сдѣлана только одна попытка къ политическому сближенію между Солунско-эпирскимъ

καὶ ὁμοβουλίας ἔργον γέγονεν ἡ χρίσις τοῦτου τοῦ ἐν ἡμῖν αὐτοκράτορος, ἣν δὲ καὶ προεχρίθημεν ἡμεῖς γνώμῃ πάντων ἱερουργῆσαι, ὡς τὴν ὑπεροχὴν ἔχοντες ἀπὸ τῆς τοῦ καθ' ἡμᾶς θρόνου μεγαλειότητος (οὕτως οὐχ ἡμεῖς μόνοι, θεσπέσιε δέσποτα, τὸν βασιλέα ἐχρίσαμεν). Нѣкоторымъ объясненіемъ къ первымъ двумъ строкамъ приведенной здѣсь выписки изъ письма Хоматіана можетъ служить встрѣчающееся въ этомъ же письмѣ указаніе на то, что послѣ завоеванія Константинополя латинянами многіе изъ членовъ синклита удалились на западъ, такъ что провозглашеніе Θεодора царемъ не произошло безъ участія συγχλήτου βουλῆς.

²⁶) В. Г. Васильевскій, Описаніе Порфирьевскаго сборника византийскихъ документовъ. С.-Петербургъ 1885 г., стр. 16 (Извлечено изъ отчета Императорской Публичной Библіотеки за 1883 г.). См. и Ж. М. Н. Просвѣщенія 1885, мартъ 17—20.

²⁷) Καὶ τοῦτον μόνον βασιλέα ὁμολογοῦμεν, καὶ τοῦτον στέφομεν, καὶ τοῦτον χρίομεν. Съ приведенными здѣсь и въ предъидущемъ примѣчаніи новыми данными о провозглашеніи Θεодора царемъ любопытно сопоставить разказъ Акрополиты объ этомъ же предметѣ, гласящій такъ: „ . . . Θεόδωρ Κομνῆν. . . облекся въ порфиру и сталъ носить красныя сандаліи, хотя на него сильно возсталъ за это митрополитъ Солунскій Константинъ Месопотамитъ, за что этотъ защитникъ каноническихъ постановленій подвергся многимъ напастьмъ и гоненіямъ. Но архі-епископъ болгарскій Димитрій согласился возложить на него царскую корону, говоря, что онъ самозаконенъ и не обязанъ никому давать отчета (въ своихъ дѣйствіяхъ) и потому можетъ помазывать на царство кого бы, когда бы и гдѣ бы онъ ни захотѣлъ“. Акрополита гл. 21 русс. перев. стр. 39.

государствомъ и Никеею, а также къ возстановленію церковнаго единенія между греческимъ западомъ и востокомъ. Но она не увѣчалась успѣхомъ вслѣдствіе того, что Никеею были предъявлены по этому дѣлу такія требованія, которыя были отвергнуты Θεодоромъ и преданными ему западными архіереями. Весьма цѣнныя извѣстія о названной попыткѣ и о неудачномъ исходѣ ея сообщаетъ намъ имѣющаяся въ Мюнхенскомъ сборникѣ любопытная во многихъ отношеніяхъ переписка Димитрія Хоматіана съ Никейскимъ патріархомъ Германомъ²⁸⁾, происшедшая, по нашему мнѣнію, въ послѣдніе два-три года правленія Θεодора²⁹⁾. Этою неудачною попыткою, по всей вѣроятности, было вызвано и извѣстное громоносное письмо къ патріарху Герману Керкирскаго митрополита Георгія Вардана, а также находящаяся въ Порфирьевскомъ сборникѣ посланіе къ Герману другого изъ вліятельнѣйшихъ во время Θεодора западныхъ митрополитовъ, Іоанна Навпактскаго³⁰⁾. Сюда же, повидимому, относится и слѣдующее смутное указаніе Г. Акрополиты: „императоръ (Іоаннъ Ватац) согласился считать его (Θеодора) вторымъ послѣ себя и участникомъ царской власти, оставилъ его владѣть своею землею съ условіемъ, чтобы онъ ни на что другое не простиралъ своихъ притязаній³¹⁾, а онъ между тѣмъ усиливался все болѣе и болѣе (насчетъ императора Іоанна)“.

Къ этому прибавимъ еще, что въ Мюнхенскомъ сборникѣ имѣются три письма № № 15, 69, 77, писанныя Димитріемъ Хоматіаномъ къ посвященному имъ епископу, когда послѣдній уже управлялъ Сервійской епархіею³²⁾. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Сервійскій епископъ послѣ посвященія своего довольно долго поддерживалъ связи съ Димитріемъ Хоматіаномъ, обращаясь къ нему за наставленіями или получая отъ него по-

²⁸⁾ Переписка эта состоитъ изъ трехъ писемъ, изъ коихъ два (№№ 112, 114) принадлежатъ Хоматіану, а одно (№ 113) патріарху Герману. Въ изданіи Питры столбцы 481—498.

²⁹⁾ Ср. Пальмова, Новыя данныя и пр. стр. 422, 423.

³⁰⁾ Васильевскій, Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ въ 1835 г. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1885, мартъ 42, 49.

³¹⁾ Акрополита гл. 21, русскій и рев. стр. 40 Сравни. и въ Истории Никифора Григоры кн. 2, гл. 2.

³²⁾ См. въ изданіи Питры столбцы 67—68 (№ 15), 301—306 (№ 69), 329—334 (№ 77). Ср. и № 21. Всѣ эти письма писаны несомнѣнно послѣ 1223 го года, но, по видимому, не позже 1230-го. Питра (808) думаетъ, что Сервійскому (по его мнѣнію, Сербскому) епископу было адресовано и письмо № 70 (305—308), не имѣющее адреса. Такое мнѣніе не подтверждается содержаніемъ этого, замѣтимъ мимоходомъ, весьма любопытнаго письма.

рученія, что, конечно, было бы невозможно, если бы привлеченіе названнаго епископа къ суду Никейской патріархіи послѣдовало вскорѣ послѣ его посвященія.

На основаніи вышеизложенныхъ данныхъ, касающихся политическаго и церковнаго разрыва между Никеею и Солунско-эпирскимъ государствомъ, мы не сомнѣваемся, что занимающая, насъ апологія Сервійскаго епископа писана послѣ 1230-го года, при преемникѣ Θεодора Мануилѣ. Послѣ занятія послѣднимъ Солунскаго престола описанныя выше отношенія Солунско-эпирской державы къ Никее быстро измѣнились въ такомъ направленіи, при которомъ привлеченіе Никеею Сервійскаго епископа къ отвѣтственности являлось весьма естественнымъ дѣломъ.

Не будемъ останавливаться на этой перемѣнѣ, причины и характеръ которой превосходно выяснены В. Г. Васильевскимъ³³⁾ на основаніи, главнымъ образомъ, неизданныхъ документовъ Порфирьевскаго сборника. Замѣтимъ только, что въ 1232 году въ Эпирско-Солунское государство, съ согласія новаго его правителя, Мануила, былъ присланъ патріархомъ Германомъ Анкирскій митрополитъ Христофоръ, въ качествѣ экзарха и патріаршаго мѣстоблюстителя, для возстановленія прерванныхъ при Θεодорѣ сношеній греческаго запада съ Константинопольской (Никейской) патріархіей, другими словами, для возстановленія власти послѣдней въ западномъ ея удѣлѣ. При этомъ Анкирскому митрополиту было вмѣнено въ обязанность обратить особенное вниманіе на „исправленіе патріаршихъ правъ на западѣ“ и на обузданіе „хищниковъ, стремящихся себѣ присвоить то, что имъ не принадлежитъ“ и т. п.³⁴⁾ Экзархъ этотъ, встрѣтившій поддержку въ новомъ Солунско-эпирскомъ правительствѣ, широко воспользовался данными ему полномочіями, какъ видно, между прочимъ, изъ того, что онъ не затруднился нанести какія-то весьма чувствительныя оскорбленія Навпактскому митрополиту Іоанну Апокавку, одному изъ самыхъ вліятельныхъ, какъ мы уже замѣтили, въ правленіе Θεодора западныхъ іерарховъ. Само собою разумѣется, что этотъ мѣстоблюститель и экзархъ Никейскаго патріарха Германа не могъ не остановиться на вопросѣ о Сервійскомъ епископѣ, тѣмъ

³³⁾ Въ вышеозначенной статьѣ — „Обновленіе болгарскаго патріаршества“ и пр., помѣщенной въ двухъ книгахъ Ж. М. Н. Пр., за мартъ и апрѣль 1885 г.

³⁴⁾ Тамъ же, мартъ, 40, 43, 44, 47 и пр.

болѣе, что незаконное посвященіе послѣдняго совершено было Димитріемъ Хоматіаномъ, причинившимъ Никеѣ въ царствованіе Θεодора особенно большія непріятности. Мы не сомнѣваемся, что поднятіе вопроса о Сервійскомъ епископѣ было однимъ изъ первыхъ дѣлъ патріаршаго экзарха, и что занимающая насъ апологія, вызванная этимъ дѣломъ, была написана Димитріемъ Хоматіаномъ несомнѣнно въ 1233 году.

Къ сказанному нами объ историческомъ значеніи апологіи и тѣсно связаннаго съ нею акта рукоположенія Сервійскаго епископа позволимъ себѣ прибавить еще, что въ этихъ двухъ памятникахъ мы находимъ цѣнныя указанія и по вопросу о времени занятія Θεодоромъ Эпирскимъ Солуни, столицы Латинскаго королевства. По весьма распространенному теперь, общепринятому почти, мнѣнію, событіе это имѣло мѣсто въ 1222 году³⁵). Такому мнѣнію, неоснованному, нужно замѣтить, на какихъ-нибудь несомнѣнныхъ данныхъ, противорѣчатъ указанные два документа, изъ которыхъ узнаемъ, что Солунъ находилась еще въ рукахъ латинянъ во время посвященія Сервійскаго епископа, посвященія, происходившаго въ маѣ 11-го индикта. Правильная сохранность и точность указанной тутъ даты, соотвѣтствующей, какъ мы уже видѣли, маю 1223-го года, подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что враждебныя дѣйствія Латинскаго императора Роберта и папы Гонорія III противъ Θεодора, вызванныя изгнаніемъ латинянъ изъ Солуни, начались въ 1224-мъ году. Зная изъ достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, касающихся этихъ враждебныхъ дѣйствій³⁶), что Солунъ несомнѣнно уже находилась въ рукахъ Θεодора около начала 1224 г., и сопоставляя хронологическія показанія этихъ свидѣтельствъ съ показаніями апологіи и, въ особенности, акта 12 мая 1223-го года, мы, кажется, вправѣ утверждать, что послѣдній ударъ Солунскому королевству былъ нанесенъ Θεодоромъ въ лѣтніе или же въ осенніе мѣсяцы 1223-го года.

³⁵) Popf, *Gesch. Gricchenl.* 250; Herzberg, *Gesch. der Byzantiner* 398, и др. — Насколько намъ извѣстно, изъ новѣйшихъ историковъ только Рамбо, и то въ самое послѣднее время, усомнился въ правильности этой даты, которою и замѣнилъ 1223-мъ годомъ, не указавъ однако своихъ основаній. См. его новый трудъ по Византійской исторіи, напечатанный въ *Histoire générale du IV siècle à nos jours*. Paris 1893 II, p. 860.

³⁶) См. у Голфа, тамъ же.

Разсмотрѣнные уже въ настоящей главѣ документы приводятъ къ заключенію, что Димитрій Хоматіанъ оставался на архіепископскомъ престолѣ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ правленія Мануила Комнина Дуки, до 1233 года включительно. Такой выводъ подтверждается и другимъ документомъ Мюнхенскаго сборника, писаннымъ нѣсколько позже апологіи Сервійскаго епископа и также заслуживающимъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Онъ помѣщенъ въ Мюнхенскомъ сборникѣ подъ № 106 съ такимъ надписаніемъ³⁷⁾:

„О свидѣтельствѣ архіереевъ и пресвѣтлыхъ (ἰλλουστρίων), то есть сановниковъ, о дѣлахъ, судимыхъ царемъ, о дѣйствительномъ и мнимомъ страхѣ, о срокѣ для заявленія протестовъ противъ угрозъ и насилій (περὶ χρόνου παραγραφῆς φόβου ἢ βίας), объ обычаяхъ, общей молвѣ (περὶ συμφήμου φήμης) и свидѣтеляхъ“.

Памятникъ этотъ посвященъ спору о наслѣдствѣ между двумя солунскими гражданами: Ораею, дочерью умершаго Романа Логара, и ея мачихой Калею Сахликиною, второю женою Логара, у котораго отъ нея не было дѣтей. Споръ возникъ вскорѣ по смерти Логара, скончавшагося во время господства Латинянъ въ Солуни, но былъ улаженъ вмѣшательствомъ родственниковъ и нѣкоторыхъ другихъ почтенныхъ людей, въ числѣ которыхъ находился и Неофитъ, сдѣлавшійся впоследствии епископъ Іерисскимъ, Ἱερισσοῦ³⁸⁾. Люди эти помирили мачиху съ падчерицей, подѣливъ законно между ними спорное имущество, о чемъ былъ составленъ и раздѣльный актъ (διάλυσις ἑγγραφός) въ маѣ 1-го индикта 6721 г. (=1213). Затѣмъ прошло болѣе 20 лѣтъ, въ теченіе которыхъ латиняне были изгнаны изъ Солуни и тамъ послѣ нихъ царствовали Θεодоръ (Эпирскій) и его преемникъ Мануиль. Въ теченіе столь многихъ лѣтъ Орая, вышедшая замужъ еще при жизни

³⁷⁾ Въ изданіи Питры столбцы 447—462.

³⁸⁾ Какъ увидимъ далѣе, названный тутъ Неофитъ занималъ Іерисскую епископскую кафедру около 1235-го года, когда происходили тѣ столкновенія Аеоискіихъ иноковъ съ какимъ-то Іерисскимъ епископомъ, или митрополитомъ, о которыхъ говорится въ извѣстномъ Аеоно-Ватопедскомъ отрывкѣ покойнаго епископа Порфирія. См. Исторію Аеона III, 2, стр. 81, 618, и Ж. М. Н. Пр. 1885, апрѣль, 215. — Намъ кажется, что встрѣчающіяся въ разсматриваемомъ документѣ указанія относительно этого Неофита и отношеній къ нему болгарскаго архіепископа могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на названный отрывокъ, который, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ дѣйствительную историческую основу, искаженную домыслами позднѣйшихъ книжниковъ.

отца, успѣла вырастить дочь Марию и выдать ее за Димитрія Кривофоку, снабдивъ приданымъ, въ которое входилъ и виноградникъ, находившійся въ мѣстности, именуемой Ограды, ἐν τῇ περιούχῃ τοῦ τόπου τοῦ ἐπιλεγομένου ἀγροάδῃ³⁹⁾. — За все это время мачиха Ораи, Каля Сахликина, не подавала никакихъ признаковъ недовольства раздѣльнымъ актомъ 1213-го года. Но вдругъ, уже въ царствованіе Мануила, она вздумала опротестовать эту мировую сдѣлку, заявивъ, что свое согласіе на нее дала изъ страха, внушеннаго ей насиліями господствовавшихъ тогда въ Солуни латинянь, главнымъ образомъ управлявшаго Солунской митрополіей латинянина Гарина (Γαρίνου)⁴⁰⁾, кѣоторый потребовалъ будто бы въ свою пользу сто перперовъ изъ имущества умершаго Логара и въ обезпеченіе этой претензіи наложилъ секвестръ на домъ умершаго. На основаніи такого заявленія Сахликина вчинила противъ Ораи искъ, разбиравшійся сначала въ Солунской митрополіи, которою тогда управлялъ нареченный митрополитъ Іосифъ, еще не получившій архіерейскаго посвященія (ὁποφύριος γὰρ τηνικαῦτα ἐτύγχανεν ὧν), потомъ у Солунскаго губернатора (δουκὶ) Алексѣя Пигонита, затѣмъ въ царскомъ судѣ παρὰ τῷ βήματι τοῦ δεσπότου καὶ βασιλέως κυροῦ Μανουὴλ τοῦ Δούκα. Въ первыхъ двухъ мѣстахъ искъ Кали Сахликины былъ признанъ неосновательнымъ. Но царскій судъ поступилъ совсѣмъ иначе: онъ объявилъ раздѣльный договоръ 1213-го года недѣйствительнымъ, не счелъ даже нужнымъ входить въ разсмотрѣніе этого акта, составленнаго во время латинянь⁴¹⁾; повѣрилъ заявленію Сахликины о насиліи послѣднихъ и призналъ искъ ея, который она подтвердила присягой, подлежащимъ удовлетворенію. Послѣ этого въ домъ Ораи явился Солунскій Кастрофилаксъ съ своими цаконами⁴²⁾ и передалъ Сахликинѣ какъ

³⁹⁾ Это — несомнѣнно славянское названіе ограды (огороды), какимъ и теперь южные славяне именуютъ загородные сады и т. п.

⁴⁰⁾ Этотъ латинянинъ Гаринъ (Guarin) былъ избранъ въ Солунскіе архіепископы около 1210 года и утвержденъ папою Иннокентіемъ III въ 1212 г. Гопфъ, Gesch. Griech. 232.

⁴¹⁾ Μηδὲ ἀναγνωσθέντων ἐπὶ τοῦ δικαστηρίου, ὅτι διλαδὴ ἐπὶ τῆς τῶν λατίνων ἐφημερίδας γεγόνασι (столб. 451).

⁴²⁾ Терминъ τζακόναι, который первоначально былъ племеннымъ названіемъ, употребленъ здѣсь въ значеніи гарнизоннаго отряда, какъ у Константина Багрянороднаго и въ нѣкоторыхъ сербскихъ памятникахъ XIV-го вѣка. Пречекъ, Исторія Болгаръ, Одес. изд., 154. Сравни и замѣтки о Цаконахъ въ предисловіи г. Лопарева къ житію св. Евдокима. Памятники Древней письменности № XCVI, стр. X—XI.

этотъ домъ, такъ и виноградникъ Оградскій, который, какъ мы уже знаемъ, былъ отданъ Орасю въ приданое ея дочери, женѣ Кравофоки.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что заявленіе Сахликины о насиліяхъ латинянъ и вънушенномъ ей этими насиліями страхѣ было подтверждено въ царскомъ судѣ только однимъ свидѣтельскимъ показаніемъ, именно показаніемъ Іерисскаго Неофига, того самаго, который находился въ числѣ почтенныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ заключенію мировой сдѣлки, совершенной въ 1213 году, когда онъ еще не былъ епископомъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ рѣшеніе царскаго суда было уже приведено въ исполненіе, царь Мануиль, узнавши отъ Солунскаго митрополита Іосифа, тогда уже посвященнаго⁴³⁾, и отъ нѣкоторыхъ другихъ богобоязненныхъ людей объ обидѣ, учиненной названнымъ рѣшеніемъ Ораѣ, и познакомившись съ имѣвшимися у послѣдней документами, крѣпостными актами, уничтожилъ это рѣшеніе, приказавъ подвергнуть дѣло новому разсмотрѣнію въ судѣ Солунскаго митрополита, что и было исполнено. Солунская митрополія, по видимому, и на этотъ разъ рѣшила надѣлавшій столько шума споръ въ пользу Ораи и ея зятя Кравофоки. Но послѣдній почему то не успокоился на этомъ, а поспѣшилъ отправиться въ мѣстопробываніе болгарскаго архіепископа и обратился къ послѣднему съ просьбой — разсмотрѣть дѣло и дать свое заключеніе относительно рѣшенія, вынесеннаго царскимъ судомъ противъ него и его тещи: εἴτε εὐλόγως καὶ κατὰ νόμους, εἴτε μὴ, γέγονεν ἢ κατὰ τῆς ἐμῆς πενθερᾶς καὶ ἐμοῦ ἐξενεχθεῖσα ἀπόφασις (столб. 454—5).

Просьбу свою къ болгарскому архіепископу Кравофока изложилъ въ довольно обширной запискѣ⁴⁴⁾, которая приведена дословно въ разсматриваемомъ документѣ и изъ которой глав-

⁴³⁾ Упомянутое объ этомъ Іосифѣ, который сначала (въ 1233-мъ г.) является только нареченнымъ, а черезъ нѣкоторое время (весной 1234 года) уже посвященнымъ Солунскимъ митрополитомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду того, что о Солунскомъ митрополитѣ того времени, кажется, ничего не было извѣстно. Припомнимъ еще, что къ указанному нами тутъ 1233-му году относится пребываніе въ Солунско-эпирскомъ государствѣ анкирскаго митрополита Христофора, который былъ посланъ Никейскимъ патріархомъ, между прочимъ, съ тѣмъ, чтобы „производить тамъ и совершать все то, что приличествуетъ патріаршему престолу“. Не имъ ли совершена была хиротонія Іосифа? См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 г. апрѣль 215, въ прим. мартъ 55.

⁴⁴⁾ Она начинается такими словами: Παναγιώτατέ μου δέσποτα ἀρχιεπίσκοπε πάσης Βουλγαρίας καὶ ὑμεῖς πανιερώτατοι ἀρχιερεῖς.

нымъ образомъ позаимствована нами вышеизложенная исторія исковаго дѣла Сахликины. Въ запискѣ Кровофоки встрѣчаются и другія подробности относительно этого дѣла, изъ которыхъ мы считаемъ нелишнимъ отмѣтить здѣсь слѣдующія, заключающія въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи господства латинянъ въ Солуни.

Въ опроверженіе извѣстнаго заявленія Сахликины, признаннаго въ царскомъ судѣ основательнымъ, Кровофока рѣшительно заявляетъ, что въ 1213 г., когда былъ совершенъ раздѣльный актъ относительно имуществъ Логара, о насиліяхъ Солунскихъ латинянъ вообще и въ частности Гарина не могло быть и рѣчи, ибо де „ясно, какъ говорится, и слѣпому (δῆλον γὰρ ὁ λέγεται καὶ τυφλῷ), что въ то время Солунскимъ королевствомъ управляла государыня Марія⁴⁵⁾, вдова Бонифація Монферратскаго, бывшая раньше женою блаженнопочившаго царя Исаака Ангела. Въ Солуни губернаторствовалъ тогда, по ея назначенію, Георгій Франкопулъ, „мужъ греческій“⁴⁶⁾, которому было ею приказано заниматься разбирательствомъ жалобъ совмѣстно съ тамошними (греческими) архіереями: Китрскимъ, его братомъ Верройскимъ, а также Кассандрійскимъ, Стримвакономъ, Кампанійскимъ и Адрамерскимъ, Филагріемъ⁴⁷⁾. Они ежедневно собирались въ великой церкви св. Богородицы для производства суда. При такомъ положеніи вещей никто въ Солуни не могъ де терпѣть обиды и страшился за свою судьбу. Относительно управлявшаго тогда Солунской Митрополіей латинянина Гарина Кровофока тутъ

⁴⁵⁾ Западные источники называютъ ее Маргаритою, но у грековъ она была извѣстна подъ именемъ Маріи. См. у Акрополиты гл. 8 и у Порфирія, Исторія Аѳона III, 2, стр. 73—74. О томъ, что Марія (Маргарита) покровительствовала православному духовенству и грекамъ вообще, извѣстно и изъ другихъ источниковъ, особенно изъ исторіи Никиты Хоніата. См. и извѣстія Порфирія о благодарномъ отношеніи аѳонскихъ иноковъ къ памяти доброй царицы Маріи, Καλὴ Μαρία, тамъ же.

⁴⁶⁾ Столб. 454, 462.

⁴⁷⁾ Около начала XIII-го вѣка подъ вѣдомствомъ Солунскаго митрополита находилось 11-ть епископовъ (въ концѣ IX-го в., какъ мы имѣли случай уже указать, было 12-ть). Благодаря извѣстнымъ отношеніямъ Бонифація Монферратскаго и особенно его жены Маріи (Маргариты) къ грекамъ, большая часть этихъ епископовъ удержалась въ своихъ епархіяхъ послѣ занятія послѣднихъ латинянами. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ показываетъ разсматриваемый документъ, оставались на своихъ мѣстахъ и въ 1223-мъ году. Что касается православнаго Солунскаго митрополита, который въ 1213-мъ году проживалъ гдѣ-то въ чужихъ краяхъ, какъ мы узнали изъ исторіи рукоположенія Сервійскаго епископа, то онъ, повидимому, былъ вынужденъ покинуть свою епархію, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ водворенія въ ней власти латинянъ и латинскаго архіепископа.

утверждаетъ, что онъ получилъ съ дома умершаго Логара не сто перперовъ, какъ увѣряла Сахлиника (μη γένοιτο!), а только 12-ть. Да и они были взяты Гариномъ не произвольно, а въ силу существующаго у латинянъ, хорошо всѣмъ извѣстнаго церковнаго обычая брать съ домовъ умершихъ лицъ, находившихся подъ ихъ церковною властью, извѣстную сумму.

Переходя къ рѣшенію болгарскаго архіепископа по изложенному въ запискѣ Кравофоки дѣлу, мы остановимся лишь на болѣе интересныхъ для насъ мѣстахъ этого рѣшенія, занимающаго, нужно сказать, около восьми столбцовъ (455—462).

Архіепископъ тутъ прежде всего подвергаетъ строгому осужденію членовъ царскаго суда, указывая, что они при разсмотрѣніи настоящаго дѣла нарушили весьма существенныя правила судопроизводства и постановленія матеріальнаго права. Далѣе, какъ бы отвѣчая нѣкоторымъ лицамъ, не одобрявшимъ уничтоженіе царемъ Мануиломъ рѣшенія, сдѣланнаго въ его судѣ (подъ его же, кажется, предсѣдательствомъ) и уже приведеннаго въ исполненіе, архіепископъ останавливается на вопросѣ о царскихъ прерогативахъ (ὁ βασιλεὺς νόμοις οὐκ ὑποκεῖται), а также обязанностяхъ (ὁφείλει ὁ βασιλεὺς κατὰ νόμους πολιτεύεσθαι) и путемъ выясненія сущности тѣхъ и другихъ доказываетъ, что царь „совершилъ превосходное, заслуживающее похвалы и достойное его благочестія дѣяніе, отмѣнивъ свое рѣшеніе (τὴν ἐαυτοῦ ψῆφον) и приказавъ подвергнуть дѣло новому разсмотрѣнію.

По рѣшенію архіепископа, раздѣльный договоръ 1213-го года долженъ сохранить свою силу. Заявленіе Сахликины, что ея согласіе на указанный договоръ было вынуждено страхомъ передъ насиліями латинянъ, ничѣмъ не подтверждено. Свидѣтельство Іерисскаго епископа въ пользу этого заявленія не имѣетъ никакого значенія⁴⁸⁾, во первыхъ, потому что оно единственное⁴⁹⁾, во вторыхъ, потому что дано безъ соблюденія предписанныхъ закономъ формальностей⁵⁰⁾, въ третьихъ, потому

⁴⁸⁾ Столбцы 457, 458. Въ цитируемыхъ тутъ мѣстахъ разсматриваемаго памятника сказывается какое-то личное нерасположеніе болгарскаго архіепископа къ Іерисскому епископу Неофиту.

⁴⁹⁾ При этомъ дѣлается ссылка на 31-ю главу 1-го отдѣла 21-ой книги Василикъ, гдѣ говорится... ἐνὸς δὲ μαρτυρία οὐκ ἔσται δεκτὴ ἐν οἰκδομήποτε δίκῃ, καὶ συγλητικὸς εἶη.

⁵⁰⁾ Приводится 13-ая глава 1-го отдѣла 3-ей книги Василикъ, гдѣ изложенъ порядокъ отобранія свидѣтельскихъ показаній отъ епископовъ.

что архіереи, будучи равными по достоинству пресвѣтлымъ сановникамъ, сенаторамъ⁵¹⁾, не обязаны давать свидѣтельскія показанія, да и должны воздерживаться отъ этого изъ уваженія къ своему сану⁵²⁾. Выставленные Кровофокою противъ заявленія Сахликины доводы архіепископъ признаетъ основательными. При этомъ онъ изъясняетъ, что полученіе латинскимъ архіепископомъ Гариномъ 12-ти перперовъ съ дома умершаго Логара основывалось на латинскомъ обычаѣ, хорошо извѣстномъ тогда Солунянамъ, и, какъ таковое, не могло носить характера насилія и внушать страхъ Сахликинѣ.

Въ разсматриваемомъ рѣшеніи мы находимъ и одно особенно важное для насъ мѣсто. Тутъ архіепископъ указываетъ, что со времени изгнанія изъ Солуни латинянъ, которыхъ Сахликина, по ея словамъ, такъ боялась, прошло уже болѣе десяти лѣтъ (*δέκα πλέον ἤδη ῥούντων ἐνικυτῶν*), въ теченіе которыхъ ей не кого было страшиться, такъ какъ тамъ царствовалъ Θεодоръ Дука, а послѣ него началъ царствовать Мануиль. Она же только на десятомъ году (*ἐν δεκάτῳ ἔτει*) этого совершенно безопаснаго для нея времени возбудила настоящее дѣло, несмотря на то, что закономъ установленъ двухлѣтній срокъ для заявленія протестовъ противъ раздѣльнаго договора какою либо изъ сторонъ, которая дѣйствовала при этомъ подъ вліяніемъ страха или же сдѣлалась жертвою какого-нибудь обмана или злого умысла.

Зная, что Солунъ отнята была у латинянъ Θεодоромъ Комниномъ во 2-й половинѣ 1223-го года, мы на основаніи только что приведенныхъ здѣсь хронологическихъ указаній, точность которыхъ не можетъ вызывать никакого сомнѣнія, можемъ смѣло утверждать, что дѣло, возбужденное протестомъ Сахликины, началось въ 1233-мъ году.

Есть возможность опредѣлить съ достаточной приближенностью и хронологію главныхъ моментовъ хода этого дѣла, которое, какъ мы знаемъ, до поступленія его на судъ болгарскаго архіепископа разсматривалось въ пяти другихъ мѣстахъ: въ Солунской митрополіи, у Солунскаго губернатора, въ царскомъ судѣ, въ кабинетѣ царя и вторично въ Солунской ми-

⁵¹⁾ Οἱ ἀρχιερεῖς κατῶσον τοῖς συγκλητικοῖς.

⁵²⁾ Οἱ γὰρ ἀρχιερεῖς, ὡς ὁ νόμος διαγορεύει, καθὰ δὴ καὶ ἰλλοῦστριοι καὶ ὑπερβιβηκότες αὐτοῖς, οὔτε ἐχόντες οὔτε ἄκοντες μαρτυροῦσι . . . Ἵνα τὸ ὑπερέχον αὐτῶν καὶ σεβάσιμον μὴ κατευτελλίζηται καὶ ὕβριζῇται. Законъ не приводится.

трополи. Тутъ намъ могутъ помочь нѣкоторыя подробности, встрѣчающіяся въ разсматриваемомъ документѣ и пропущенныя нами при изложеніи главнаго содержанія послѣдняго.

Изъ этихъ подробностей мы узнаемъ⁵³⁾, что когда Ораѣ было приказано царскимъ судомъ явиться въ великую церковь св. Богородицы, чтобы присутствовать тамъ при принесеніи ея противницею присяги, она не захотѣла подчиниться этому приказанію, заявивъ съ горечью, что Сахликина не должна присягать по дѣлу, правильно, законно и безъ всякаго насилія рѣшенному уже двадцать два года передъ тѣмъ (πρὸ ἐτῶν εἴκοσι δύο ἡδὴ καλῶς καὶ νομίμως καὶ δίχα βίας ἡστινοσοῦν διελύσατο). За это озлобленную женщину заперли въ монастырь, откуда черезъ нѣсколько дней силой потащили въ названную церковь. Тогда же и Кровофока, заподозрѣнный, по видимому, въ подстрекательствѣ тещи къ сопротивленію властямъ, былъ посаженъ въ тюрьму. Изъ послѣдней онъ въ скромъ времени какъ-то умудрился уйти, но послѣ этого, во избѣжаніе горышаго наказанія, долженъ былъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ скитаться гдѣ-то вдали отъ родного города, испытывая большія невзгоды отъ стоявшей тогда суровой зимы (ἐπὶ τριμήνῳ καίρῳ, καὶ ταῦτα χειμῶνος δριμυτάτου ἐνισταμένῳ).

Нѣтъ сомнѣнія, что конецъ трехмѣсячнымъ бѣдствіямъ Кровофоки, происходившимъ или, по крайней мѣрѣ, начавшимся въ зимнюю пору, былъ положенъ уничтоженіемъ разорительнаго для него и его тещи рѣшенія царскаго суда. А если такъ, то на основаніи приведенныхъ подробностей о заключеніяхъ Кровофоки мы вправѣ думать, что дѣло, возбужденное Сахликиною, какъ уже было сказано, въ 1233-мъ году, разсматривалось въ царскомъ судѣ около начала слѣдующаго 1234-го года, уничтоженіе же рѣшенія этого суда происходило въ весенніе мѣсяцы того же года. — Приведемъ еще одно хронологическое указаніе занимающаго насъ документа. По словамъ послѣдняго, Кровофока вмѣстѣ съ своей запиской представилъ болгарскому архіепископу и опредѣленіе (σφρσίωμα) протѣдика Солунской митрополиі Константина⁵⁴⁾, показывавшее, что вто-

⁵³⁾ См. столбы 451, 452.

⁵⁴⁾ Питра (стр. 818, прим. 2) предполагаетъ, что подъ упоминаемымъ здѣсь протѣдикомъ Константиномъ подразумѣвается Константинъ Арменопуль (Нагтепорулус), составитель извѣстнаго Шестокнижія или ручной книги законовъ, который также былъ солунскимъ экдикомъ. Но не говоря уже о томъ, что въ Шестокнижіи Арменопула находится, между прочимъ, распределение или списокъ кафедръ императора Андроника младшаго Палеолога, мы имѣемъ сви-

ричное разсмотрѣніе дѣла въ Солунской митрополіи, послѣдовавшее, какъ мы уже знаемъ, вскорѣ послѣ отмѣны рѣшенія царскаго суда, происходило въ іюнѣ того же самаго года (сентябрьскаго), въ которомъ дѣло это, немного спустя, разбиралось въ болгарскомъ синодѣ (*κατὰ μῆνα Ἰούνιον τῆς ἐπισταμένης ἐπιναμέσεως*).

Приведенное указаніе является особенно цѣннымъ для насъ. Имъ вполне подтверждается сказанное выше о томъ, что уничтоженіе рѣшенія царскаго суда происходило въ весенніе мѣсяцы, повидимому въ маѣ 1234-го года. Кромѣ того, оно не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что разсмотрѣніе дѣла въ болгарскомъ синодѣ происходило послѣ іюня, но никакъ не позже сентября, т. е. въ іюлѣ или же въ августѣ того же самаго 1234-го года. Къ этому времени, слѣдовательно, относится и составленіе занимающаго насъ здѣсь документа.

Такому выводу не противорѣчитъ вышеупомянутое заявленіе Ораи о томъ, что со времени составленія раздѣльнаго акта 1213 года и до разсмотрѣнія дѣла въ царскомъ судѣ протекло двадцать два года. Оно, правда, расходится съ нашимъ выводомъ, приблизительно, на одинъ годъ, — нужно замѣтить, однако, что отъ заявленія сдѣланнаго обиженною женщиною въ минуты сильнаго аффекта, нельзя и ожидать такой точности, какою отличаются другія хронологическія указанія, на которыхъ мы основали свой выводъ. Въ заявленіи Ораи надбавка нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже и цѣлаго года является болѣе чѣмъ возможною. Раздраженная женщина весьма легко, на примѣръ, могла включить въ указанное ею число лѣтъ (22-хъ) около восьми мѣсяцевъ 1213-го сентябрьскаго года, истекшихъ до мая, когда былъ составленъ раздѣльный актъ. При такомъ весьма естественномъ, кажется, объясненіи заявленія Ораи, послѣднее скорѣе говоритъ въ пользу нашего вывода.

И такъ, повторяемъ, встрѣчающіяся въ разсмотрѣнномъ памятникѣ (№ 106) хронологическія указанія, большею частію весьма опредѣленныя, даютъ возможность относить составленіе этого памятника къ іюлю, или же къ августу 1234 г. — Что и онъ принадлежитъ архіепископу Димитрію Хоматіану, изъ-

дѣтельство патріарха Филоея, показывающее, что Константинъ Арменопулъ составилъ свое Шестокнижіе около 1345 года, т. е. болѣе ста лѣтъ спустя послѣ составленія разсматриваемаго здѣсь документа. См. Остроумовъ, Введеніе въ правосл. церк. право 547, 573. Флоринскій, Памятники законодательной дѣятельности Душана 291, 298. Krumbacher, Geschichte der Byzant. Litteratur 62.

подъ пера котораго вышли письмо къ Мануилу Комнину, около 1231 г., и апологія Сервійскаго епископа, около 1233 г., въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Въ Мюнхенскомъ сборникѣ мы не могли найти такихъ документовъ, относительно которыхъ можно было бы предполагать съ какою нибудь увѣренностію, что они писаны позже 1234—1235 г. Принимая, съ другой стороны, въ соображеніе высказанныя Хоматіаномъ, въ письмѣ къ Мануилу (около 1231), жалобы на удручавшіе его тогда недуги, по видимому — старческіе, мы кажется вправе думать, что архіепископствованіе его, начавшееся около конца 1216-го года, окончилось вскорѣ послѣ 1234-го.

Харьковъ 1894 года
28 декабря.

Реферати и дребни статии.

а. Новъ паметникъ за Българската история.

(Изъ „Периодическо списание на Българското Книжовно Дружество“, Сръдецъ, кн. I (1882), стр. 126—133).

б. По въпроса за названието на Пловдивъ.

(Изъ „Наука“, научно-книжовно списание, Пловдивъ, год. II (1882—83), кн. IV, стр. 355—358).

в. По що и отъ кога сегашната Българска столица е наречена София?

(Изъ „Свѣтлина“, мѣсечно илюстрировано списание, Пловдивъ, год. IV (1894), кн. II, стр. 27).

Новъ паметникъ за Българската история*).

Познатий по своитѣ многобройни учени трудове професоръ на всеобщата история въ Петербургскій университетъ, В. Г. Василевскій въ послѣдне врѣме е нашълъ едно неизвѣстно до сега списание, съчинено въ 11. вѣкъ отъ двама, така да кажемъ, погърчени Византийци, Кекавменъ и Николица. Това списание г. Василевскій открилъ въ единъ гърцки ржкописенъ сборникъ, който се намира въ Московската Синодална библиотека, дѣто е прѣнесенъ изъ Светогорскій Пверски мѣнастирь. То заема въ сборника около 92 страници, състои отъ двѣ части и съдържа въ себе си правила и примѣри за военното искусство (Стратегия), нравствени наставления и правила, какъ да се влада и обнася чловѣкъ въ домашний си и общественъ животъ. Освѣнъ това, тукъ има още и правила за държавното управление.

Кекавменъ, който е съчинилъ пѣрвата часть, по баща си е билъ Армянинъ, по майка му била Българка, дъщеря на единъ отъ войводитѣ царь Самуилови, на име Димитъръ. Кекавменъ е зналъ българскій езикъ; на едно мѣсто (у Василевскаго стр. 13) той поучава сина си да се застъпя за сиромаситѣ, защото, каже, имотний чловѣкъ е богъ за сиромашаха... Ето защо и Българетѣ наричатъ имотникътъ — богатъ, което ще рече богоподобенъ (*ὁ θεὸς καὶ οἱ Βούλγαροι τὸν πλούσιον βογάτον λέγουσιν, ὅπερ δηλοῖ θεοειδῆ*). На друго мѣсто (Васил. 32) Кекавменъ забѣлѣзва, че гърцката дума стратигъ по български се казва челникъ (*ὁ γὰρ στρατηγὸς τῇ τῶν Βουλγάρων διαλέκτῳ τζέλνικος λέγεται*). — Списателятъ Николица, който е съчинилъ втората часть на това списание, е билъ внукъ на знаменитий Николица, който, както е познато, игра голѣма роля въ борбата на царя Самуила съ

*) В. Василевскій: Совѣты и разказы византийскаго боярина XI вѣка. Петербургъ 1881 стр. 169.

императора Василия. Отъ съчинението на Николица не се види, да ли и той е знаелъ българскиятъ езикъ или не. Види се само, че той усърдно е служилъ на византийското правителство; въ 1040 г., когато цѣла западна България бѣше се вдигнала противъ Византийцитѣ, внукътъ на знаменитий Николица се намиралъ въ редовѣтъ на византийската войска, испратена да усмирява възстанѣлиятъ Българе.

Но не е само българското потекло на Кекавмена и Николица, което прави за насъ любопитно тѣхното списание. Като излагатъ правилата и наставленията си за военното искусство, тие писателѣ, особно Кекавменъ, подкрѣпаватъ думитѣ си съ различни фактове изъ военната и политическа история, повечето съ такива фактове, на които тѣ сами били очевидци или за които имъ разказвали нѣхнитѣ бащи и дѣди. „Тукъ се срѣщатъ, казва г-нъ Василевски, доста много съвсѣмъ нови фактове както за Византийската история, така изобщо и за историята на онеи страни, които сѣ влазали въ съставътъ на источната империя или сѣ се намирали въ приятелски или враждебни отношения къмъ неѣ. Най-често се споменува името на България и на царя имъ Самуила“, (стр. 4).

Въ книгата си, заглавието на която забѣлѣжихме горѣ, профессоръ Василевски привожда изъ списанието на Кекавмена и Николица нѣколко извлечения, които наистинѣ сѣ пълни съ такива нови фактове. Тукъ срѣщаме и нѣколко скжпоцѣнни за нашата военна история разкази, които се отнасятъ до врѣмето и на царя Симеона, царя Самуила и до знаменитото българско възстание въ 1040 год.

За Симеоновото врѣме има токо единъ разказъ (страници 43, 44), въ който Кекавменъ разправя, какъ Симеонъ съ една военна хитрость и чрѣзъ личната храбрость на петмина български войници, безъ да пролива кървѣта на войската си, прѣвзелъ единъ многолюденъ градъ въ Еллада (*πύλις ἐν Ἑλλάδι πολυάνθρωπος*). Тукъ имаме едно ново извѣстие за похода на Българетѣ въ Еллада, който е ставалъ около 919 година и за който до сега знаяхме твърдѣ малко нѣщо отъ житието на св. Лука (глед. нашето съчинение: „Южные Славяне и Византия въ X-мъ вѣкѣ“, стр. 21). Отъ това ново извѣстие ние, между друго, се научаваме, че въ Елладскій походъ е вземалъ лично участие и самъ Симеонъ.

За Самуиловото врѣме има четири разказа отъ Кекавмена. Въ единъ отъ тѣхъ (стр. 34) се говори за една любопитна стратегическа хитрость, съ помощта на която Кекавменовий дѣда (отъ майчина страна) Димитъръ, който билъ челникъ Самуиловъ, прѣвзелъ градъ Сервия, сегашний Селфидже (πόλις ὀχυρὰ ἐν Βορλγαρίᾳ). Въ другъ единъ разказъ (стр. 60, 78) Кекавменъ разказва, за прѣвземанъето на градъ Парисса отъ Самуила, за което ние до сега имаме само едно кратко извѣстие у Кедрина. Отъ разказа на Кекавмена се види, че Самуилъ шестъ годинъ се е трудилъ да си подсеби тая най-яка тессалийска твърдина, която е прѣвзелъ, види се, чакъ около 986 год. Въ третий Кекавменовъ разказъ за Самуиловото врѣме се излага единъ непознатъ до сега епизодъ отъ войната на императора Василия съ Самуила. Като търгналъ въ походъ срѣщу Българетѣ, Василий достигналъ до една българска крѣпость, която се наричала Мория и се намирала между Пловдивъ и Срѣдецъ (κάστρον ὀνομαζόμενον Μορεία μέσον Φίλιππουπόλεως καὶ Τριάδιτζης), обсадилъ тая крѣпость и се приготвилъ да ѝ разбива, но защитниците на обсадения градъ пращатъ нѣколко млади юнаци (νεωτέρους γενναίους), които прѣзъ нощъта подпалватъ и изгарятъ приготвеннитѣ отъ Василия за тая цѣль надстави и машини. „Това много огорчило императора и го принудило да се тегли и да остави жителетѣ на тоя градъ свободни, непокорени (стр. 42)“. — Види се, че фактътъ, за който се разказва тукъ, се отnosi къмъ първий Василиевъ походъ противъ Самуила, походъ, който се свърши така гибелно за Византийцитѣ. Не ще бѣде излишно, ако припомнимъ, че во врѣмето на тоя походъ Василий обсажда и София, па и тамъ, както казва единъ очевидецъ (Левъ Дияконъ), Българетѣ му изгорили обсаднитѣ машини. — Дѣ се е намирала крѣпостъта Мория, това не се знае. Въ срѣднитѣ вѣкове долината на рѣка Арда се е наричала Морра (гл. книгата на г-на Иречка: Die Heerstrasse 97, 98). Може да се мисли, че тамъ е имало и нѣкакъвъ градецъ, който да е носилъ такво име, но съ тоя градецъ на да ли може да се отождествява крѣпостъта Мория, която, споредъ думитѣ на Кекавмена, трѣба да се търси нѣкъдѣ между Пловдивъ и София. — Въ четвъртий отъ разказитѣ за Самуиловото врѣме има нѣколко любопитни подробности за начина, по който императоръ Василий сполучилъ

да зароби въ Загорската засѣка (εἰς τὸ δέμα τῶν Ζαγορίων) 14.000 Българе, които се намирали подъ началството на Самуила (στρατηγικῶτάτῳ Σαμουήλ). Види се, че тукъ се разумѣва злочестото за Българетѣ сражение на гората Бѣлашица (стр. 15).

Не по-малко любопитни сж и извѣстията на новонайденный паметникъ за българското въстание въ 1040 г., което и до сега малко е изучено, макаръ че е много поучително. Въ извлеченията на профессора Василевскаго намираме четири разказа за това въстание, въ което главнитѣ дѣятелѣ, както е извѣстно, бѣхж: Делянъ, Тихомиръ, Алузианъ, Мануилъ Иваца. Три отъ тие разкази е написалъ Кекавменъ, а четвъртий Николица. — Чудно е, наистина, българското въстание въ 1040 г. Въ малко врѣме, въ нѣколко мѣсеци, цѣла тогавашна западна България, отъ Бѣлградъ и устието на Морава до Солунъ и до Артский заливъ (въ Епиръ) се освободи отъ Византийцитѣ. Като изъ земята изникнѣхж голѣми армии, които превзехж Драчъ (Дураццо), най-важната византийска крѣпостъ на Адриатическото море, побѣдоносно доидохж чакъ до срѣдня Гърция, до градъ Тиви, опитвахж се да прѣвзематъ и Солунъ! Единъ отъ Кекавменовитѣ разкази за това българско движение се касае до похода на Деляна въ Гърция (стр. 32). Отъ тукъ ние сега се научаваме, че Делянъ прѣвзелъ тогава приморский градъ Димитриада (въ южна Тессалия, при залива Воло), и оставилъ челника си (τῷ ἐλνικῷς) Литовой изъ дѣволя да държи тоя градъ и да го варди. Литовой, старъ и опитенъ въ военното дѣло воевода, добръ потегнѣлъ градскитѣ стѣни, приготвилъ потрѣбнитѣ за забрана орѣдия, „както се изисква отъ единъ стратигъ“, и изобщо така добръ укрѣпилъ повѣренный му градъ, дѣто никакъ не се страхувалъ отъ вънкашенъ неприятель. Но жителетѣ на Димитриада, къмъ които Литовой ималъ твърдѣ голѣмо довѣрие, излъгали го и съ едно коварство помогнѣли на Византийцитѣ да възстановѣтъ власта си въ тоя градъ. Въ вторий разказъ Кекавменовъ за българското въстание (стр. 16) се говори за познатата несполука на Алузиана, когото Делянъ бѣше испратилъ съ 40,000 войска да прѣвземе Солунъ. Тая несполука Кекавменъ отдава на нѣкои безразсѣдни распореждания Алузианови, когото той, обаче, нарича „удивителенъ воинъ“ (θαυραστὸς στρατιώτης). — Въ третий си разказъ за въста-

нието (стр. 41) Кекавменъ разирава, какъ византийскій императоръ Михаилъ Пафлагонянинъ (1034—1041) сполучилъ да прѣвземе отъ българскитѣ възстаници градъ Боянъ (Βοϊανον), който се е намиралъ край София: развалинитѣ му, обрасли съ трѣва, и до сега се видятъ по страницето, което се простира надъ село Бояна. Разсипаното сградѣ, което се бѣлѣе надъ това странице на една скала, било е, види се, едно отъ укрѣпленията на градъ Боянъ. Привождамъ всичкитѣ Кекавменови думи, въ които се споменува за Бояна, за да видятъ читателѣтѣ, по кой начинъ тоя писателъ излага своитѣ наставления и обяснителнитѣ къмъ тѣхъ примѣри. Трѣбва да кажемъ, че Кекавменъ е съчинилъ своето списание за сина си, когото тукъ поучава така:

„Ако дойде неприятельтъ съ всичката си сила, не дѣй излазя изъ града, но варди се вхтрѣ, бий се два три деня отъ бастионитѣ. Послѣ, слѣдъ като прѣсметнецъ неговата сила, енергия и видишъ, по кой начинъ той се бие, какви орждия има, тогава, ако можешъ му повредѣ чрѣзъ изненадѣйно нападанье, то нека изскокихтъ (срѣщу него) оние войници които не сж отредени да пазятъ стѣнитѣ. Тие, които сж на стѣнитѣ, нека си остапхтъ тамъ: отъ тѣхъ е доста да вардятъ крѣпостта. Ще ти разкажъ такъвъ случай. Има единъ крѣптъкъ български градъ Боянъ. Императоръ Михаилъ (Пафлагонянинъ), во врѣме на войната (1041 г.), като влѣзълъ въ България и търгнхлъ къмъ Сръдецъ, пристигнхлъ и до Бояна. Тамъ имало знатни и храбри Българе; начелникътъ имъ се наричалъ Ботко (Βούτζος). Веднага они излѣзли да се биехтъ внѣ отъ градътъ: имали се за много храбри, та като че ги било срамъ да се крихтъ задъ укрѣпленията си. Но, като се захванхла битката и се разигралъ силенъ бой, тие знатни Българе потеглили назадъ. И когато щѣли вече да влязатъ въ градскитѣ врати, настигнхли ги Ромейцитѣ, които така прѣвзели градътъ и извършили голѣми убийства“. — Види се, че въ градъ Боянъ българскитѣ възстаници сж се държали доста дълго врѣме. Покорението имъ е станхло слѣдъ прѣдателството на Алузиана, слѣдъ заробванието на Деляна въ Острово и на Мануила Иваца въ Приленъ.

Извѣстието на Николица за възстанието въ 1040 г. е особно любопитно. Въ 11-ий вѣкъ имаше единъ норвежски принцъ, Харалдъ, който ходѣ да слугува въ Руссия, въ византийската империя, въ Англия и по своята храбрость бѣше

се прочуль по цѣла Европа. Неговитѣ подвизи сж прославени въ пѣснитѣ на скандинавскитѣ скалдове, единъ отъ които (Тюдолфъ) нарича Харалда разоритель на България (Bolgara brennir). Въ едно отъ изслѣдованията си, написано още прѣди осемъ години, профессоръ Василевски доказваше, че такво название е дадено Харалду за нѣкакви подвизи, извършени отъ него противъ българскитѣ възстанници въ 1040 година („Варяго-русская и варяго-английская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ“). Новонайденний паметникъ, за който ни е рѣчта, блистателно потвърждава това прѣдположение на г. Василевски. Тукъ Николица разказва, какъ Харалдъ дошълъ въ византийската столица съ една чета отъ петстотинъ храбри мжже (Скандинавци) и постѣпилъ на византийска служба, какъ тогавашний императоръ (Михаилъ Пфлагопянинъ) го испратилъ да воюва въ Сицилия и пр. „Слѣдъ това, продължава Николица, случи се възстанието на Деляна въ България и Харалдъ отиде съ императора въ походъ (противъ Българетѣ) заедно съ своята чета. Тукъ той извърши противъ неприятелѣтѣ (Българетѣ) подвизи, достойни за неговото благородство и мжжество..... И азъ тогава бѣхъ тамъ и бѣхъ за императора, до колкото ми държѣхъ силитѣ“. — Слѣдъ свършването на войната си съ Българетѣ императоръ Михаилъ наградилъ Харалда съ чинътъ манглавитъ или спатарокандидатъ (стр. 139, 140). Замѣчателнитѣ учени издирвания на профессора Василевскаго (стр. 141—155) не оставятъ никакво съмнѣние, че Харалдъ особно се е отличилъ при отблъсването на Алузиана отъ Солунъ.

Ето какви любопитни за насъ извѣстия се намиратъ въ краткитѣ извлечения на профессора Василевскаго изъ новонайденний паметникъ, въ който, види се, има и други още примѣри, такожде вземени отъ нашата военна история. Важенъ е тоя паметникъ и за историята на нашия вътрѣшенъ животъ, на нашата, така да кажемъ, култура.

Г. Василевски мисли да напечата всичкото списание на Кекавмена и Николица. Но каже, „скоро осъществить такое желаніе нельзя“ (стр. 11). Види се, че почтенний профессоръ отъ пѣманье материални срѣдства посрѣща спѣнка за по-скоро то обнародване на тоя толко драгоцѣненъ за нашата история паметникъ.

Харковъ, Мартъ 1882.

По въпроса за названието на Пловдивъ.

(Гледай членътъ отъ г. Славейкова въ послѣднитѣ книжки на „Наука“, Юлий и Августъ).

Токо речи въ едно врѣме съ издирванията на г-на Славейкова за названието на Пловдивъ появи се и една кратка белѣжка (десетина реда) отъ профессоръ Василевскаго по сѣщій въпросъ¹⁾. И забелѣжително е, че и двамата почтени писатели, независимо единъ отъ другъ, еднакво рѣшаватъ най-сжщественната частъ на тоя въпросъ, — само изворитѣ, отдѣто тѣ сж почърпнали материалъ за такъво рѣшение, сж различни. Профессоръ Василевскій не е зналъ названието Пулпудена, което г. Славейковъ е намѣрилъ у комментаторитѣ Палмерия и Жиарда и отъ което той произвожда сегашното название Пловдивъ. Но учений профессоръ е забелѣжилъ подобно название у двама други писатели, много по-стари отъ Палмерия и Жиарда. То сж: познатий Готски историкъ, Иорданъ (Иорнандъ), който е живѣлъ въ 6-й вѣкъ, и единъ непознатъ (анонименъ) писателъ, който около края на 12-й или въ 13-й вѣкъ е написалъ: *Itinerarium regis Ricardi* (Кръстовий походъ на английскій кралъ Ричардъ, левското сърдце). Послѣдний отъ тия писатели, като споменува за пристиганieto на Нѣмскитѣ кръстоносци въ 1189 г. въ Филиппополь (*ad Philippopolim*), забелѣжава, че тоя градъ по-прѣди се наричалъ Пулпудеба (*quae civitas ante Pulpudeba diceretur*). — А пъкъ Иорданъ въ римската си история, която е написана въ 551 г., на двѣ мѣста²⁾ иска да каже, че Филиппополь, прѣди да по-

¹⁾ Глед. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя“ 1882, Августъ, стр. 380, въ членътъ на г-на Василевскаго за Моммсеновото издание: *Jordanis Romana et Getica* (Тоя прѣкрасенъ Моммсеновъ трудъ е напечатанъ тая година въ Берлинъ въ сборникътъ: *Monumenta Germaniae Historica*, t. V, p. 1).

²⁾ Едното отъ тия свидѣтельства се намѣрва тамъ, дѣто Иорданъ разказва за покorenieto на Тракия отъ Римлянитѣ. Тукъ той говори, че Марко Лукуллъ, слѣдъ като покорилъ Бесситѣ и Емимонтийцитѣ, *Pulpudeva, quae nunc Philippopolis... in Romanorum rededit dominio* (Моммсеновото издание, стр. 28). Другото свидѣтельство срѣщаме въ Иордановитѣ белѣжки за царуванieto на Филиппа Аравитянина..... *urbemque nominis sui in Thracia, quae dicebatur Pulpudeva,*

лучи това си име, именуваха се е Пулпудева (Pulpudeva). На Йордановитѣ свидѣтелства г. Василѣвски дава по-голяма важностъ, едно — защото тѣ сж много по-стари, друго — защото, споредъ новитѣ издирвания на прочутиятъ Нѣмски историкъ Моммсенъ, Йорданъ е живѣлъ и писалъ не въ Италия, както се мислѣше до сега, а нѣкъдѣ въ Мизия или въ Тракия,³⁾ та е ималъ, слѣдователно, възможностъ да се опознае съ названията на мизийскитѣ и тракийски градове не чрѣзъ книги, а непосредствено. Отъ Йордановата Пулпудева почтений профессоръ и произвежда сегашното название на Пловдивъ. — По сжщността си това производство се посрѣща съ производството на г-на Славейкова. Заедно вземени, тия двѣ рѣшения на въпроса за названието на Пловдивъ, взаимно допълнятъ, потвърждаватъ едно друго. Разликата между тѣхъ е само формална и толкова малка, колкото е малка и формалната разлика между очевидно тождественнитѣ стари названия — Пулпудева и Пулпудена.

За разяснение на тая разлика намъ ни дохождатъ на умъ слѣдующитѣ мисли:

Горѣспоменатитѣ свидѣтелства на Йордана показватъ, че названието Пулпудева е сжществувало още прѣди да се яви името Филиппополь⁴⁾ и може да се мисли, че Готскитъ историкъ се е научилъ за това старо название отъ Тракийскитѣ Бесси, които на негово врѣме сж били доста многочисленни⁵⁾ и отъ които той се е научилъ за още нѣкои стари, тракийски, географически названия.⁶⁾ Искаме да кажемъ, че Пулпудева е било тракийското, сирѣчь най-старото название на сегашната Источно-Румелийска столица. Отъ това старо название е станжло названието или, по-добрѣ да кажемъ, формата Пулпудена, която трѣба да се е появила много отдавна. Вѣроятно е, че нашитѣ прадѣди „при първото си съприкосно-

Philippopolim reconstruens nominavit (стр. 37). Последнитѣ думи показватъ, че още въ врѣмето на Йордана сж произвеждали названието Филиппополь отъ името на Филиппа Аравитянина и че, слѣдователно, не Анна Комнина е извадила това мнѣние, както доказва г. Славейковъ (въ „Наука“ I, 88; II, 175).

³⁾ Това важно мнѣние Моммсенъ излага въ прѣдисловието си къмъ изданиетѣ отъ него Йорданови съчинения (Глед. по-горѣ въ белѣжка 1.).

⁴⁾ Не се съмнѣваме, че ако г-нъ Славейковъ да знаеше за Йордановитѣ свидѣтелства, то той нѣмаше и да се опитва да произвежда названието Пулпудена отъ Филиппуполинъ.

⁵⁾ Глед. „Заселение Балканскаго полуострова Славянами“, стр. 8.

⁶⁾ Напримѣръ, за рѣката Дунавъ Йорданъ казва, че по езикътъ на Бесситѣ се е наричала Истеръ: *lingua Bessorum Hister vocatur* (Моммс. изд. стр. 75).

вение и запознаване съ градътъ наричанъ Филиппуполисъ“ сж заварили вече и двѣтъ горѣспоменжти форми отъ тракийското название на тоя градъ, сирѣчь и първоначалната — Пулпудева, и извратената — Пулпудена. Съ такъво прѣдположение лесно се обяснява сжществуването на двѣтъ славянски или пославянени названия за градътъ Филиппуполь, — ние тукъ разбираме названията — Пловдивъ и Пловдинъ (Плодинъ). При всичко, че разликата между тия двѣ славянски названия на гледъ е много малка, тя става, обаче, любопитна сега, когато се научаваме, че паралелно съ названията Пловдивъ и Пловдинъ и въ старо врѣме сж сжществували двѣ подобни названия — Пулпудева и Пулпудена. — Названието Пловдинъ (Плодинъ, Плудинъ) сега рѣдко се чуе, но то се срѣща въ доста много паметници (Сърбско-Хърватски, Чешски, Италиански, Латински), писани въ 16-й, 17-й вѣкове.⁷⁾ И до скоро се мислѣше, че това название е по-старо отъ общеупотрѣбителното сега — Пловдивъ. Ние такожде сподѣлихме това мнѣние, когато пишѣхме книжката си: „Заселение Балканскаго полуострова Славянами“ (1873).⁸⁾ По-послѣ, обаче, имаме случай да срѣщнемъ названието Пловдивъ въ нѣколко доста отдавнашни български паметници, именно въ четири записи: отъ 1636 (два), 1656, 1687 г., и въ текста на люблянскій български сборникъ, който, по мнѣнието на нѣкои слависти (Миклошичъ, Ламански), е писанъ въ 17-й или въ 16-й вѣкъ. Тия паметници показватъ, че названието Пловдивъ не ще да е по-ново отъ — Пловдинъ. А ако е така, то може да се мисли, че тѣ сж произлѣзли, независимо едно отъ друго, изъ старитѣ тракийски названия Пулпудева и Пулпудена, именно: Пловдивъ е станжло отъ Пулпудева, а Пловдинъ (Плодинъ, Плудинъ) отъ Пулпудена.

Харковъ,
Септемврий 1882.

⁷⁾ Глед. Пътуванието на г. Иречка по Источна Румелия въ „Osveta“, 1882, 6, 508. Такожде и въ неговата книжка: Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel, 95.

⁸⁾ Въ тая си книжка ние произвождахме Пловдивъ отъ Плотинополе, като мислѣхме, че отъ Плотинополь по-първо е произлѣзло Плодинъ (както отъ Адрианополь — Одринъ), а по-послѣ отъ Плодинъ (Пловдинъ) — Пловдивъ (стр. 28).

По що и отъ кога сегашната Българска столица е наречена София?

Историческитѣ белѣжки за името на градъ София, които Д. Е. Т. обнародва въ миналий брой на „Свѣтлина“ (кн. I, стр. 11—12), ми наумиха, че между моитѣ исторически материали, събрани прѣзъ 1869 год. въ италианскитѣ архиви, се намѣрва едно извѣстие, което се отнася направо до главний прѣдметъ на реченитѣ белѣжки и, до колкото зная, е съвсѣмъ неизвѣстно. То се срѣща въ едно писмо, писано въ София прѣди 235 год. отъ единъ италианецъ Джовани Киаромани, когато онъ е минувалъ прѣзъ тоя градъ, придружавайки Майера, или Майерберга, посланника на императоръ Леополдъ I. до Турския султанъ Мохамедъ IV. Писмото си Киаромани е писалъ до единъ свой познайникъ (Синйоръ Калдана) на 4 юлий 1659 година. — Извѣстието, за което ми е рѣчьта, заема въ това писмо само нѣколко редовци, които привождамъ така, както сж писани въ италианский оригиналъ, безъ да измѣнявамъ нѣщо въ правописанието и въ интерпункцията. Прилагамъ срѣщу тѣхъ и български прѣводъ, който съмъ гледалъ да бѣде, колкото е възможно, по-близъкъ до оригинала.

Jarri arrivammo qui in Sophia che è distante dal sudetto luogo (Dragoman) dieci ore di strada. Questo città é metropoli della Bulgaria é assai grande molto popolata da Turchi, Greci¹⁾, Armeni, Ragugei, Ebrei ma non ha muri La città fu così anticamente chiamata dalla chiesa che ha fusri del Bazar detta

Вчера (на 3 юлий) пристигнахме въ София, която отстои отъ реченото село (Драгоманъ) на десетъ часа пѣтъ. Това е главенъ градъ на България, доста е голѣмъ, много населенъ отъ Турци, Гърци¹⁾, Армене, Рагужане, Еврее, но нѣма стѣни Градътъ отъ старо врѣме е нареченъ така по църк-

¹⁾ Съ името Гърци, Киаромани нарича православнитѣ жители на София, които, разбира се, сж били българе.

Santa Sophia, che oggi é ridotta in moschea de Turchi, conservandosi però una segreta Cappella son molte reliquie di Santi, e li Turchi anno fatto ogni sforzo per entrarci, ma da mano ignota sono stati respinti, et alli Christiani non si permessa di tentarne l'ingresso perché continuamente ci tengeno una guardia, la quale asserisce d'aver più volte udito voci di musica e suono di varii instrumenti.

вата, която е вънъ отъ Пазара и се нарича Света София. Сега тя е обърната на турска джамия, но се е запазилъ единъ скришенъ параклисъ съ много мощи отъ светци. Турцитѣ сж правили всѣкакви усилия, за да влѣзатъ тамъ, но неизвѣстна ржка ги е отблъсквала. А пъкъ на християнетѣ не се позволява да направятъ (и отъ своя страна) опитъ за влизанье въ тоя параклисъ. За това тамъ постоянно има (турска) стража, която увѣрява, че твърдѣ често се слушале (извжтрѣ) музикални гласове и звукъ отъ различни инструменти.

Изложеното тукъ извѣстие за името на градъ София, макаръ и да иде отъ едно доста късно врѣме, съдържа въ себе си несъмнѣнна историческа истина, която, види се, Софийнци добрѣ сж знаели, помнили въ 1659. — Подобенъ разказъ сж слушали отъ Софийнцитѣ и нѣкои пжтници въ 16-й вѣкъ, именно: Венециянецътъ Рамберти, въ 1634, и Далматинецътъ Вранчичъ, въ 1553 (гл. у г. Иречека въ Период. Сп. на Б. Кн. Дружество, кн. IV, 99, и у г. Матковича въ Радъ Югословенск. академ. кн. 71, 32). Исказанитѣ сега въ единъ Софийски вѣстникъ отъ Доктора Грюнвалда предположения, че Българската столица е взела сегашното си име отъ нѣ какъвъ печенѣжки кралъ (!) Софи, който въ 1456 год. дохождалъ да воюва съ Турцитѣ, сж проста работа. Това добрѣ доказва г-нъ Д. Е. Т., но, за жалость, той е испусналъ нѣколко важни свидѣтелства, които правятъ не съвсѣмъ умѣстни слѣднитѣ му думи: „лишени сме отъ всяко историческо основание за узнавание, даже и чрѣзъ отгадване, сжщинската причина и епоха на това трето прѣименование“ (рѣчьта е за именованиято София. Свѣтлина, I, 12). Освѣнъ свидѣтелствата на Янко Хуниади и на Михаилъ Дука, който, трѣбва да кажа, е писалъ Византийската си история слѣдъ прѣвземанието на

Цариградъ, въ втората половина на 15-й вѣкъ²⁾), ние имаме и други по-стари извѣстия за името на градъ Софія. Това име се срѣща въ единъ Латински документъ, писанъ още на 1376 г. въ Дубровникъ и намѣренъ отъ профессора К. Иречка³⁾. То се срѣща и въ една българска грамота⁴⁾), дадена отъ Иоанъ Шишманъ на Витошкий манастиръ света Богородица („въ градѣ царства ми Софи“ — предлож. падежъ, въ който двѣ и сж слѣяни въ едно). Забелѣжително е, че въ тоя български паметникъ старата Срѣдецка митрополия е наречена св. Софія („да не иматъ ѿласти свѣтаа Софія надъ людми прѣчистѣ Богоматере“). Сжщо така е наречена тая митрополия и въ единъ записъ, още отъ 1329 година, който се срѣща на едно Евангелие, писано „въ светѣй Софи метрополи Срѣдечьскои при митрополитѣ Иоаннѣ и при цари Михаилѣ Асѣни“⁵⁾).

Тия извѣстия оставятъ мѣсто токо за такво питанье: да ли името Софія направо е прѣнесено отъ църквата на градътъ, или това е станало посрѣдствомъ, сиречь чрѣзъ митрополията? Но че градъ Софія е нареченъ така отъ името на Св. Софія, за това не може да става и дума.

По сжщитѣ извѣстия може да се мисли, че това, така да кажемъ, прѣкрѣщаванье на старий градъ, което, разбира се, е ставало постъпенно, се е захванало между Софійското население, може би, още въ 13-й вѣкъ. Любопитни сж белѣжкитѣ на Киаромани за скришний параклисъ съ св. мощи и пр. Но за тѣхъ ние щемъ поговори другъ пжтъ.

Харковъ,

10 февруарий 1894 год.

²⁾ Ако ме не лъже паметъ, той споменува за София тамъ, дѣто говори, че Маджаритѣ подъ прѣдводителството на Хуниади достигнали чакъ до Златица, което нѣщо може да се отнася къмъ 1543 година, къмъ която се отnosi и извѣстието на Хуниади за Софійскій Омеръ-бегъ.

³⁾ Иречекъ, „Das Fürstenthum Bulgarien 1891, 362—364. Тамъ сж споменати и другитѣ извѣстия, за които ние говоримъ по-долу. Глед. и въ Чешката книга на г. Иречка за пжтуванията му по България, стр. 6—8. Тая книга е напечатана още на 1888 г.

⁴⁾ Тая грамота е намѣрилъ профессоръ Григоровичъ въ Зографскій манастиръ, а обнародвана е въ второто издание на Шафариковитѣ южнословѣнски паметници. Прага 1874.

⁵⁾ Глед. Гласникъ Српског уч. Друштва, кн. 51, 1882.

Допълнения къмъ „Погледъ врѣхъ происхожденіе-то на Българскій народъ и начало-то на блъгарска-та исторія“.

Стр. 7.

р. 16. Слѣдъ думитѣ „и живѣе отдѣлно отъ другитѣ“ прибав.: „Объ Иллирійцахъ Геродотъ упоминаетъ мимоходомъ, не дѣлаетъ имъ никакой характеристики“.

р. 21. Слѣдъ „има особно име“: „Каждое изъ племенъ Тракійскихъ имѣетъ особое названіе, *сообразное съ мѣстностию*, имъ занимаемою; но законы, обычаи, нравы одни и тѣже у всѣхъ Траковъ“. (Герод. V, 3).

Къмъ забѣл. 1 прибав.: „Оукидитъ подтверждаетъ свидѣтельство Геродота, II, 97. Павзаній 1. 9.

Къмъ забѣл. 2: „*Плиній* въ географіи компиляторъ. Географическая часть его сочиненія содержитъ замѣтки и пустыя имена, собранныя изъ 33 римскихъ и 24 греческихъ источниковъ, восходящихъ до Гекатея Милетскаго. Куно, 123. — II. *Мела*, старше Плинія. Превосходное сочиненіе.“

Стр. 8.

р. 10. Слѣдъ „много малки племена“: „Около Р. Хр. большая часть ихъ снова была соединена подъ властію Гета *Βασίλειος*, современника Цезаря, Страб. VII, 3. Но со смертію его обширное его государство опять распалось на племенные соединенія и отдѣльныя общества“.

р. 5 (отдолу). Слѣдъ думитѣ: „ . . . и да ги подсебявжтъ и тѣхъ“ посочено:

„Appendice al saggio di Grammatologia comparata sulla lingua Albanese per Demetrio Camarda, Prato. 1866, p. XXXVI.

„Со стороны Иллиріи Тевта должна была уступить Римлянамъ часть своихъ владѣній. Опекунъ ея сына Demetrio di Fora принужденъ былъ уступить Емилию провинціи отъ Дрина даже до Керавнѣ. Послѣдній царь Генціо, своею жестокостію заставившій жителей Далмаціи отложиться отъ него, впутался въ войну Римлянъ съ Персеємъ Македонскимъ, былъ разбитъ преторомъ Аниціемъ и отведенъ плѣнникомъ въ Римъ. Разрушивъ Иллирское царство Римляне раздѣлили его на 3 *distretti*: *Dirrachio*, *Scorda* и *Olcinio* (*Dulcigno*) съ *Rizone*.

„Македонія, Иллирія и Епиръ пали одновременно подъ ударами Павла Емилиа, который въ одинъ день уничтожилъ 72 города и увелъ 150,000 плѣнныхъ. Страб. lib. 7. I Romani per meglio domi-

наре аveau reso quasi un deserto l' Illiride e l' Epiro come ne fa fide Strabone, testimonis oculare, ad eccezione di poche città fierenti, quali Dirrachio, Apollonia e Nicopoli. Удержались, однако, въ горахъ, sparse in piccoli villagi, come di presente con poca soggezione ai patroni del monte.

„Dell' età di quello scrittore (Страбонъ), e di Tolomeo fra l' anarchia dell' имперо sparisono i Traci, e i Macedoni orientali . . . Qui popoli si matarono parte in Elleni, i piu vennero assorbiti dagli Slavi e dai Bulgari, e parte divennero Rumanii. Но въ горахъ западной Македоніи и Иллирии si montanne indomita una popolazione fiera etc. — Camarda, o. c. p. XXXVII.

р. 3 (отдолу). Слѣдъ „Всѣмѣрни завоеватели“: „Собственная Ѳракія обращава въ Римскую провинцію въ 46 г. по Р. Хр. при Клавдіи. Македонія, Ѳессалія, Мизія были обращены еще прежде“.

Къмъ забѣлѣжка 3, слѣдъ „освѣнъ βάρβαρος“ прибав.: „у Демостена на пр. четемъ: „ако да бѣше поне нѣкой гъркъ, който да разоряваше Гърцки-тѣ политіи, това бы было понятно. А то Филиппъ, единъ чуждеземецъ, единъ варваринъ . . .“ — Въ края на забѣлѣжката слѣдъ „кн. 7“: „стр. 243“.

Стр. 9.

р. 9 (отгорѣ). Слѣдъ „на сѣверъ отъ Дунава“: „Тацитъ характеризуетъ римское управленіе провинціями: „управлять“ значило грабить, убивать, расхищать; спокойствіе водворяли тамъ, гдѣ не оставало жителей: auferre, trucidare, rapere—falsis nominibus imperium, atque ubi solitudinem faciunt, pacem appellant. Agric. 30“.

р. 11—14. Къмъ пасажа: „За да ги населятъ . . . престѣпници изъ Италиі“ прибав.:

„Страбонъ въ 5 гл. 7-й кн. (въ этой же главѣ о запустеніи Епира и Иллирии; выписать цѣликомъ) утверждаетъ, что Ardiae=Waralii были удалены Римлянами отъ берега и принуждены обрабатывать неплодную землю, вслѣдствіе чего они почти совсѣмъ исчезли. Тоже самое случилось и съ другими тамошними народами, которые нѣкогда были могущественны, нынѣ же ослабли и исчезли. Г. 237. Талаты и Этики (около Пинда исчезли). Такъ Бои и Скордиски, Autariati, Ардіеи и Дарданы, Триваллы. Albanes. St. 309“.

Къмъ р. 18 прибав.: „отъ 765—761. — Въ Елегіи 13 онъ говоритъ, что написалъ на Гетскомъ языкѣ поэму въ честь Августа. Въ V кн. 2. Ел. объ языкѣ Гетовъ, котораго греческій элементъ исчезаетъ подъ вліяніемъ Гетскаго языка. Скиѣскій языкъ = Сарматскій.

р. 21. Слѣдъ „управители и пр.“: „Еще въ времена Плинія Филиппополь, Девельтъ, Флавіополь и Апръ были заселены римлянами. Самые большіе города были римскими колоніями“.

Къмъ р. 5 (отдолу): „У Византійскихъ писателей VI.—X. в. называлась Scythia parva. Томі нынѣ Манкале. Шаф. I, 363.

р. 4 (отдолу) къмъ „Долня Мизія“: „Въ первомъ столѣтіи знали только одну Мизію; — Птоломей уже представляетъ ее раз-

дѣленной (Траяномъ) на двѣ части, которыя въ Птоломеевомъ видѣ существовала до III-го столѣтія, до Авреліана“.

р. 2 (отдолу). Кѣмъ „Марціанополь“: „построенъ Траяномъ, который назвалъ въ честь своей сестры Маріи. Ammian. и Jornan.“

р. 2 (отдолу). Вм. „и Никополь подъ саміи Балканъ“, които сж заличени, чети: „Durostolum, Dorostolus, отечество Аэція по Йорнанду. Никополь, по Йорнанду, построенъ Траяномъ на Ятрѣ, Янтрѣ, отъ него вся эта страна называлась Никополитана.“

Стр. 10.

Кѣмъ „Дакія“: „Авреліанъ, по уступкѣ Дакіи, приказалъ называть Дакією Мизію и Дарданію. S. Rufi, De provinciis. — Какъ легіоны, такъ и Римскіе колонисты переселились оттуда въ западную часть верхней (? вѣр. нижней. Изд.) и восточную нижней (? вѣр. верхней. Изд.) Мизіи, изъ которыхъ частей, съ присовокупленіемъ къ нимъ Дарданію, образовалась новая провинція Дакія Авреліана.— Потомки ихъ и до сихъ поръ существуютъ тамъ. Каницъ и показанія чиновника Видинской консисторіи“.

р. 1. Вм. „Искъръ“, която дума е заличена: „Utus (Видъ)“.

р. 2. Кѣмъ „се дѣленіе на двѣ половины“: „Дѣленіе это совершено при Діоклетіанѣ“.

р. 4. Кѣмъ „Ратиарія“: „вѣр. нынѣшній Arser Palanka. Mannert, 85.“

р. 7. Кѣмъ „Виминіциумъ“: „развалины при Костелацъ на обоихъ берегахъ Млавы“.

р. 8. При Singidon стои Sigidunum.

р. 9—10. Вм. „Далмація . . . Херцеговина“ чети: „Далмація. Сегашна Далмація съ Херцеговина, Черногорія и Сѣверна Албанія.— Покоривъ Либурию, Далмацію и Иллирикъ, Римляне образовали изъ нихъ одну провинцію *Далмацію* или *Иллирикъ*: Адриатическое море, рр. Раѣа, Дрино, Дрина и Сава. Во 2. в. по Р. Хр. Иллирикъ означаетъ и Норикъ, и Паннонію, и Дакію, и Мизію, и Фракію. Константинъ В. отдѣлилъ отъ него нижнюю Мизію и Фракію, но придалъ Македонію, Фессалію, Ахейю, Епиръ, Привалитанію и Критъ. Когда Римская имперія раздѣлилась, раздѣленъ и Иллирикъ: Западный—Норикъ, Паннонія и Далмація, Западной имперіи. Норикъ и Паннонія заняты варварами. Только Далмація осталась отъ западнаго Иллирика.—Рачкаго, Odl. 2—3.“

р. 11. Слѣдъ „Искюпъ“: „Выдѣлена Константиномъ изъ верхней Мизіи“. Птоломей причисляетъ Дарданію съ городами Nessum, Argibantium, Ulpianum, Scupi къ верхней Мизіи, но по образованіи Daciae Aurelianae Дарданія причислена къ ней. При Діоклитіанѣ изъ Дарданіи сдѣлана особенная провинція; какъ такою она значится и у Hierocles'a и въ Notitia. — У Шафарика I, 200“.

р. 12. Слѣдъ „Скадаръ“: „Выдѣлена Діоклитіаномъ изъ сѣвер. Македоніи“.

р. 13. Слѣдъ (Thracia): „въ верхнемъ теченіи Фракіи“ (? вѣр. Марицы. Изд.).

р. 15. Слѣдъ (Haemimontus): „на востокъ отъ Гебра, на с. граница ея шла по Балкану до самаго моря.“

р. 16. Слѣдъ (Бургасъ): „Анхіаль тоже принадлежалъ къ ней“.

р. 17. Къмъ „Родона“: „на берегу Геллеспонта между sinus Melas и устья Нестуса“.

р. 18. Слѣдъ „Кара-Су“: „г. Оракии“; вм. „Южн.“: „Юго-источный“.

р. 19. Слѣдъ „Траянополъ“: „Энось“.

р. 20. Вм. „Европа (Еугора, окрестности-тѣ Цариградски)“: „Европа (Еугора) побережіе Пропонтиды и Геллеспонта, слѣд. со включеніемъ Оракійскаго Херсонеса, гл. г. Перинтъ, называвшійся уже около этого времени Гераклеєю“.

р. 21. Къмъ „Македонія“: „Македонія I съ ст. Θεσσαλονικей побережіе между Нестосомъ и Пенеемъ и Западную горную страну къ Иллирії. II или Salutaris сѣверо-восточную часть по обоимъ берегамъ Axios=Παονію и Πελαγονію. Гл. г. Stobi“.

р. 22. Къмъ „Епиръ“: „Θεοδосій образовалъ изъ южной Иллирії особенную провинцію подъ именемъ Epirus nova, съ гл. г. Dyrrachium. Epirus vetus съ гл. г. Никополисъ“.

р. 23. Къмъ „Тессалія“: съ гл. г. Лариссой.

р. 29. Слѣдъ „Римска-та гражданственность“ се посочва: „но enf. Eustathius въ коментаріяхъ къ Dionisios Perieget. — Müller. Geogr. II.

Къмъ забѣлѣжка 6, дѣто (р. 3) „(и ен)“ е заличено, е прибавено: „Via Egnatia (вскорѣ по обращеніи Македоніи въ провинцію. Поливій ее знаетъ, первый назвалъ ее такъ Страбонъ) е отивала отъ Солунъ на Pella, Edessa (Водена), Heraclea (Битола), Lignidus (Охрида), Elbassan, Clodiana, Dyrrachium. Отъ Heraclea е отивалъ пѣтъ до Stobi (на Вардаръ), отгдѣто се е двоилъ: единъ е отивалъ къмъ Софія, други къмъ Нишъ. — Вж. via Egnatia Tafel'я и Певтингеровата карта у Hahn-a, Reise von Belgrad nach Salonik. Wien, 1861 г.

р. 29—30. Къмъ фразата: „Но тя пагубно . . . Трако-Иллиритѣ“ се отнася слѣдніятъ пасажъ: „Никто изъ древнихъ писателей не замѣчаетъ, имѣли ли Оракійцы и Иллирійцы одинъ общій языкъ, или говорили на особенныхъ языкахъ. — Въ пользу ихъ родства говоритъ ихъ сосѣдство и общій у обоихъ обычай татуировать тѣло, котораго обычая не было ни у какого другого народа. Strab. VII. Хотя греческіе писатели и не выражаются никогда рѣшительно объ ихъ различіи, но, упоминая о народцахъ орако-иллирійскихъ, жившихъ въ перемежку на с. отъ Македоніи, они всегда тщательно отличаютъ иллирійскихъ отъ оракійскихъ. Сомнѣнія нѣтъ, что въ языкѣ и въ нравахъ ихъ было нѣчто, которое бросалось въ глаза писателямъ и давало имъ поводъ причислять къ тому или другому племени. Въ войскахъ македонскаго (царя?) были и Иллиры, и Оракійцы, но и тамъ никогда ихъ не смѣшивали. — Map. 7. 281—2.

р. 2 (отдолу). Вм. „което трѣбваше да носятъ и пр.“: което „съ 212 года, когда Каракалла даровалъ Римское гражданство“ трѣбаше да носятъ и пр.

Стр. 11.

р. 1. Вм. пасажа „Особено разцѣвѣхъ тѣзи страни . . . и на Грько-Римската образованность“ чете се: „Особенно быстро пошла романизация Трако-Иллировъ съ тѣхъ поръ какъ, съ перенесеніемъ столицы изъ Рима въ Византию, Трако-Иллирскій полуостровъ дѣлается центромъ Греко-Римской образованности. Виновики этого событія, Константинъ Великій, усилилъ романизацию и своими реформами, сильно обрѣзавшими муниципальное управленіе населенія. — Вж. Финлея 92.“

„Въ эпоху переселенія народовъ ни одна римская провинція не подвергалась большимъ разореніямъ, чѣмъ Тракія. — Равнины ея вслѣдствіе частыхъ вторженій непріятелей превращены въ пустыни, для населенія которыхъ переселяли въ нихъ большія толпы варваровъ. Пробусъ въ 279 г. очистилъ въ Тракіи жилища для 100,000 Бастарновъ и разныхъ Гепидовъ, Готовъ, Вандавовъ. Vorisc. in Probo, с. 18. Язиги, изгнанные своими рабами въ 334 г. переселились также во Тракію, гдѣ оставались 20 лѣтъ. Eusev. de Vita C. M. — Тунманнъ, 332.“

р. 18. Къмъ „1. Вестъ-Готытъ“: „Готы еще съ начала 3-го вѣка тревожили Римское государство на Дунаѣ; около 270 г. они являются въ Мизіи, какъ у себя дома. Aurel. Victor de Caesare, с. 34: quos diuturnitas . . . prope incolas effecerat.“

р. 2 (отдолу). Къмъ „ . . . нагърнаха на Тракія“: „О буйствахъ Вестъ-Готовъ на Балканскомъ полуостровѣ Hieronym. Epist. 95. Ammian. Marc. L. XXXI, с. 8.“

Стр. 12.

р. 6 и 7. Вм. „тя не бѣше“ стои: „не бѣше вече“.

р. 21. Слѣдъ „основахъ Вестъ-Готско царство“ прибавено: „на сѣверномъ склонѣ Балканъ Готы остались. Иорнандъ объ нихъ упоминаетъ въ 551 г.“ — „Въ новомъ Епирѣ осталось много Готовъ, изъ потомковъ которыхъ Малхъ называетъ Сидимунда и Генто. Первый извѣстенъ изъ исторіи Теодориха Великаго какъ владѣтель большихъ помѣстій въ окрестностяхъ Дураца, и помогъ Теодориху овладѣть Дурацомъ“.

Къмъ бѣлѣжка 9: „Cnf. Ambrosii De officiis, l. 2: nota sunt haec nimis Illirici vastitate et Thraciae, quanti ubique venales erant toto captivi orbe, quos, si revoces, totius provinciae numerum explere non possint. — Изъ коментаріевъ къ Notia dignitatum.“

Стр. 13.

р. 6. Къмъ пасажа: „Само въ 446 г., императоръ Теодосій II своитѣ полчища“ се чете: „Прискъ, описавшій посольство (448 г.) императора Теодосія II къ Атилѣ, свидѣтельствуеетъ, что, въ это время, (въ 1-вой половинѣ V вѣка), Скионы, туземцы Дакии и Паноніи, говорили, кромѣ своего Скиотскаго языка, още на трехъ разныхъ, именно: Римскомъ, Нѣмецкомъ и Гунскомъ. — Чертковъ по своей теоріи видитъ въ этихъ скиоахъ-дакахъ словенъ.“

„По дорогѣ въ каждой деревнѣ давали Приску вмѣсто жита—просо, вмѣсто вина—медъ μέδος ἐπιχορίως καλούμενος. Проводники

посили съ собою просо *potionem ex hordeo praebentes, quam κάρου barbari appellant.* — Шафарикъ, I, 285. — Иорнандъ, рассказывая о похоронахъ Атилы 454 г., упоминаетъ слово *strava*. Шаф., I, 287. — *Strava* у Безсонова, Българскія пѣсни, 125. — Conf. Болгар. *стрѣва*. Для перегласовки *a* въ *ъ* conf. стърна, страна, а рус. *стерва!* В. у Буслаева о вл. 97. Прискъ Дестуниса въ Запискахъ II отдѣл. VII^а.

Стр. 14.

Къмъ забѣл. 12: В. Шафарикъ I, 363 sqq.

р. 19. Слѣдъ думитъ: „Византійската имперія“ вметнато: „По унищожении Гуннской державы значительная часть Гунновъ, Алановъ, Сцировъ и пр. (Кръстьевичъ, 415) перешли Дунай и получили жительства въ Дакии Рипензисъ, въ Мизии и Малой Скиѣи. Вслѣдъ за ними ок. 464 г. явились Готы, выгнанные съ береговъ Чернаго моря Гуннскимъ народомъ и получили (жительства?), также жили въ Фракии Это Готы знаменитаго сына Триарія, который столько разъ мѣнялъ свои отношенія къ Византійцамъ, то воюя съ ними, то сражаясь въ рядахъ противъ ихъ враговъ. — Тунманнъ, 333. — Финлей, 234. — О Герулахъ — Финлей, 234.

Стр. 15.

р. 1—6. Къмъ пасажа „Остъ-Готитъ, като основаха царство Остъ-Готско“ прибавено: „Малые Готы, среди которыхъ жилъ Улфила, остались однако на Балканскомъ полуостровѣ. — По Иорнанду они занимали прибалканскую страну, называемую тогда Никополитанской, по имени гл. города Никополя, построеннаго Траяномъ на Янтрѣ. — Маннертъ невѣрно полагаетъ Никополь на мѣстѣ Тернова (Th. 7, 149) Что стало съ этими Готами? Куно думаетъ, что они поглощены массою фракійскихъ Славянъ. — Jordanis, 51: Gothi, qui dicuntur Minores, populus immensus, cum suo pontifice ipsoque Uulfila, qui eos dicitur et literis instituisse, hodieque sunt in Moesia regione incolentes Nicopolitani“.

р. 12—13. Слѣдъ „древнитъ имъ жители Трако-Иллиритъ“ прибавено: „ . . . am Schlusse des 5-ten Jahrhunderts Obermösien mit Dacien beinahe ausschliesslich, in Nidermösien und Kleinscythien aber grossen Theils das platte Land durch fremde Colonisten besetzt, in beiden Provinzen aber grosse Strecken ohne Stadt, ohne Bewohner und ohne Anbau waren¹⁾. Jenseits der Bergkette hatten nur Gothen in Thracien Aecker und Dorfschaften erhalten, да герулы, которыхъ императоръ Марціанъ поселилъ, по смерти Атилы, въ горахъ Македоніи“. — Falm. Mor. I, 150.

Стр. 16.

р. 1. Къмъ заглавието: „Изъ Византійцевъ особенно замѣчательны показанія: Теофилакта Симоката, жившаго въ самомъ началѣ VII. вѣка, и писавшаго при Иракліи. Онъ одному царствованію

¹⁾ Евнапій говоритъ: καὶ τῇ φονευτάτῃ πρὸς τὸ κρατοῦμενον πάντα ἀνδρῶν ἐχρήσαν . . . πόλεις γοῦν εὐαρίθμοι καὶ ὀλίγαι τιναὶ διεσώθησαν, καὶ ἐτι σώζονται τεχνῶν ἐνεκεν καὶ οἰκοδομημάτων. ἡ δὲ θύρα (Тракія) καὶ τὸ πλεῖστον ἀπανάλωτας καὶ ἔστιν ἀνίκητον καὶ ἄβατον διὰ τὸν πόλεμον. — Ex Istor. Eunapii Sardiani in Excerpt. de Legat., p. 14.

Маврикія посвятилъ 8 книгъ. Послѣ Прокопія изъ всѣхъ Византійцевъ Теофилактъ содержитъ наиболѣе подробностей о Словенахъ и тѣмъ драгоцѣннѣйшихъ, что они почти всѣ относятся къ царствованію Маврикія, т. е. къ концу VI. в., такъ что Теофилактъ былъ современникомъ ихъ. Теофанъ, Кедринъ и Зонара только сокращали рассказъ его.

р. 5. Вм. „Готитѣ“ чит. „Остѣ-Готитѣ“.

р. 16. Вм. „само 40 мили“ поправ.: „только на одинъ день пути“.

Стр. 17.

р. 4—9. Къмъ пасажа: „За да напълни съ жители и да ъ закрыли отъ нови варварски вторженія останѣха напраздно“ прибавено:

1. „Что не смотря на восхваляемыя Прокопіемъ укрѣпленія сѣверной границы¹⁾, Юстиніанъ не загородилъ варварамъ дорогу въ Имперію, это ясно доказывается частыми ихъ вторженіями во все продолженіе его царствованія. — Какъ объяснить построеніе укрѣпленій внутри Имперіи, если не тѣмъ, что въ ней самой находились племена свободныя, дѣлающія набѣги на сосѣднія съ ними страны, признающія власть императора? — V. Procopii de Aedificiis, IV. 5. Недалеко отъ Солуны впадаетъ въ море рѣка Ρήγιος, орошающая плодородное поле, которое barbaris patebat. Поэтому императоръ и построилъ тамъ крѣпость Artemisium“.

2. „Прокопій се оплаква, че Хунни, Склаvene (Σκλαβηνοί) и Анти всяка година се втургали въ Иллирія, Тракія и Гръція и всяки пѣтъ избивали или вземали въ плѣнъ до 20 миріяди хора. (Δὲ δὴ χῶρος μὲν τις ἢ ὄρος ἢ σπήλαιον ἢ ἄλλο τι τῆς Ῥωμαίων γῆς ὑπὸ τὸν χρόνον τοῦτον, ἀδῆφτον οὐδαμῇ ἔμεινε, χώραις δὲ ποταῖς πλεον ἢ πεντάκις ἀλῶναι συνέβη. Procop. Arcana Historia, c. 11, p. 73. ed. Dindorf.—Ersch und Gruber, 1. Sect. t. 83, 282). Тѣхнитѣ вторженія сѣ се простирали даже до Коринтскій перешеекъ (οὕτω δὲ σχεδὸν ἅπαντας Ἑλλήνας, πλὴν Πελοποννησίων διεργασαμένη ἀπεχώρισαν. Proc. De b. Persic. I. 2. c. 4)“.

р. 26—28. Къмъ пасажа: „Прѣви и най-доставѣрни сѣвременникъ Прокопій“, прибавено: „Прокопій рассказываетъ, что въ его время всѣ степи отъ Азовскаго моря до Дакіи, вдоль Понта Евксинскаго занимали своими кочевьями Утургуры, Готы, Вандалы и пр., которыхъ другіе греки называли Скиѣами и проч., а на сѣверъ отъ нихъ жили неисчислимые народы Антовъ. В. G. IV. 4, 5“.

Стр. 18.

Въ забѣлѣжка 17 къмъ думитѣ: quorum nomina per varias familias et loca mutantur — „изъ коихъ каждое называется по мѣстности“, у Черткова не точно! О Пер. р. 84.

р. 7. Вм. *особенно име*, чети „особно име“.

¹⁾ „Весь правый берегъ Дуная имѣлъ столько крѣпостей и укрѣпленныхъ ородовъ съ высокими стѣнами, что представлялъ какъ бы сплошной рядъ непрерывной защиты для земель, находившихся на югъ отъ Дуная“. De Aedif. IV., 7, 8, 9, 10, 11.

р. 17. Къмъ Славене, Анти и Винди: „Венеды жили отъ Карпатъ и истока Вислы на сѣверъ до неизвѣстнаго ему предѣла.

„Славене жили отъ озера Musianus на востокъ до Днѣстра и на сѣверъ до Вислы. Musia colonia (Ptol. II, 16) = Mursia major Цейтингеровой карты. При впаденіи Дравы въ Дунай, нынѣ Осѣкъ. Озеро Musianus нынѣшнее Kalaaymar и Jelatza. Чертковъ, II. стр. 5. (Суровецкій lacus Mursianus Иорнанда ставитъ въ Панноніи. Шафарикъ перенесъ на берега Чернаго моря, такимъ образомъ: Mursianus = Musianus отъ Maesia = Mysia = Бабадагскому озеру *Рамзинъ*, названіе, которое сложено изъ *misin* — *m'sin* и *Pa* отъ корня *pe* (роса, рѣка). — Mursianus произошло отъ Mursa въ Панноніи).

„Анты между Дунаемъ, Днѣпромъ и Чернымъ моремъ. Нынѣ они, говоритъ выше Иорнадъ, для наказанія насъ за наши грѣхи вездѣ свирѣпствуютъ, но тогда всѣ покорились Ерменерику.

„Послѣ покоренія Готовъ Гуннами, Випитайръ, князь Остроготѣвъ, кочевавшій близъ границъ Дакіи, напалъ на землю Антовъ, но былъ при первомъ нападеніи совершенно разбитъ ими (Jorn., de rebus geticis, XVI), но затѣмъ велѣлъ повѣсить предводителя Антовъ Вох-а съ сыновьями и знатнѣйшими боярами.—Чертковъ), 52.

„Въ концѣ V в. Герулы, бывъ разбиты лонгобардами, одна ихъ часть осталась въ Иллирикѣ, другая пошла на сѣверъ и поселилась на Thule (въ Скандинавіи). При этомъ переходѣ они должны были пройти черезъ страну всѣхъ Словенскихъ племенъ = Дакію (?). Тутъ при описаніи этого происшествія Прокопій упоминаетъ въ первый разъ о Словенахъ *Дакійскихъ*. De bello Goth. II, 15.

„При Іустиніанѣ въ 528 г. возгорѣлась первая война Византійцевъ противъ Антовъ, жившихъ между Дунаемъ и Днѣпромъ, вслѣдствіе которой Анты перешли Истръ и вторглись во Фракію. Разбиты племянникомъ императора Германомъ и принуждены возвратиться во своя си. De b. G. III, 40.

„Въ 545 Герулы, нанятые Юстиніаномъ для войны противъ Готѣвъ, провели цѣлую зиму во Фракіи и весною, отправляясь въ Италію, встрѣтили толпу Словенъ, только что переправившихся съ сѣвернаго берега Дуная на южный, и уже захватившихъ въ плѣнъ много Ромеевъ. Герулы освободили послѣднихъ, и Словене возвратились домой (B. G. III, 13).“

р. 1 (отдолу). Къмъ думитъ: „ . . . и заселвахъ се гдѣ-то можѣхъ“ приб.: „Словенски имена на градове, села, гори и рѣки наченхъ да се являватъ на Балканскій полуостровъ още отъ времето на Вестготско-то вторженіе. Ersch u. Grub. I t. 83, p. 269.“

Стр. 19.

р. 4—7. Къмъ пасажа: „Както и да бжде . . . и достигали сж высоки чинове“ прибав.: „Въ 537 г. къ Велисарію послано въ Римъ 1600 Гунновъ, Антовъ и Словенъ, живущихъ осѣдло по Дунаю. B. G. I. 27. У Велисарія въ 544 г. въ Италіи было 300 Антовъ. ib. III. 22.“

Стр. 20.

р. 15—16. Къмъ „двѣ малки дружини“ приб.: „едната 1800, другата — останалитѣ“.

р. 19. Къмъ крѣпостъта Топиръ прибав.: „Всѣ географы отъ Плинія и Птоломея до Героклеса знаятъ его. Лежалъ немного на С.-Востокъ отъ устья Нестоса“.

р. 29. Слѣдъ *audebant*, прибав.: „Эти варвары прежде этого никогда не дѣлали такихъ набѣговъ на области, подвластныя императору; они даже, какъ кажется, никогда не посылали своего войска на югъ отъ Дуная“.

р. 1 (отдолу). Вм. пасажа: „Тѣ минжли покрай Нишъ въ три разни страни“ чети: „Тѣ минжли покрай Нишъ и поворотили въ Иллирію, узнавъ, что сильное Византійское войско находилось въ Сардикѣ на пути въ Италию. Отъ взятыхъ въ плѣнъ дознано, что намѣреніе ихъ овладѣть Солунемъ. Въ Иллирії къ нимъ присоединились другія толпы, и всѣ зимою, раздѣлясь на три отряды, дѣйствовали въ три разни страни“.

Стр. 21.

р. 5. Слѣдъ „като дома си“ прибав.: „Ромеи со всѣми своими силами напали на отрядъ Словенскій при Адрианоуполѣ, но были разбиты. Знамя полководца Константіана досталось непріятелю“.

р. 9. Слѣдъ „и въ околноститѣ на столицата!“ прибав.: „Чертковъ, р. 60, думаетъ, что съ дозволенія Аваръ, которые побѣдили Антоу въ 557 г. Но опровергаетъ самъ себя на той же страницѣ въ разказѣ о посольствѣ Тиверія къ Баяну и объ опустошеніи послѣднимъ беззащитной страны Словенъ, грабившихъ Имперію въ 582 г. — Menandri de Abaris, l. II, p. 83 и *legatio ad Persas*, VIII, p. 110—111. Венец.

Забѣлѣжка 24 се чете: „В. G. III, 40, у Стрит. II, p. 39: „не только наносили великій вредъ императорской власти въ этихъ областяхъ, ас, *si essent etc.*“

Къмъ забѣлѣжка 25: „Они (Теофанъ и Кедринъ) не перефразируютъ ли Прокона, по которому это происходило въ предыдущемъ нападеніи Словенъ?“

Стр. 22.

р. 23. Вм. „Тѣ въ 583 г. тѣ ся явяватъ и пр.“ чете се: „Тѣ въ 584 (?) г. на второмъ году царствованія Маврикія тѣ ся явяватъ и пр.“

р. 26. Слѣдъ „Анастасіева стѣна“ приб.: „по тайному де наговору Хагана. — Близъ Адрианоуполя Ромеи отняли у вожда ихъ *Andragasta* всю добычу“.

р. 28. Слѣдъ „по Тракія“ прибав.: „въ продолженіе Персидской войны 573—593 г.“

Къмъ забѣлѣжка 28 прибав.: „Они не намекаютъ, чтобы сіи Словене пришли съ сѣверной стороны Дуная“.

Стр. 23—24.

Къмъ пасажа за извѣстието на Троянската притча е прибавено: „*Conf.* Бѣлѣжката отъ Българскій прѣводвачъ на Манассійнѣтъ

лѣтопись: Царство Анастасіево (491—518). При Анастаси цари начаша Българе поемати зема сина, прешедше у Бъдынѣ. И прежде поимаша Охридска зема и по семъ сѣмъ зема. — *Literarische Reise nach Italien* Палацкаго, р. 89“.

Слѣдъ това слѣдва:

„Conf. Шафарикъ, II, 250 и Рачки, Arkiv, 251, 2.

„Откуда выходили Славянскіе переселенцы на Балканскій полуостровъ? На это укажутъ намъ свидѣтельства объ ихъ переправѣ черезъ Дунай:

„1. По славянскому извѣстію въ рукописи Манасіи они переправлялись при Видинѣ (перешедше у Бъдынѣ).

„2. Въ 545 г. Герулы, отправляясь изъ Фракіи на помощь Белизарію противъ Готтовъ, наткнулись на толпу Славянъ, только что перешедшихъ Дунай. — Значить съ западной стороны. — Въ 548—9 г. вторгаются Словене черезъ Иллирикъ до Драча. — Въ 551—2 г. Словене спускаются мимо Ниша на югъ. И тѣ, и другіе, значить, были изъ собственно Словенъ. Они по переселеніи Лонгобардовъ изъ Панноніи въ Италію, и по занятіи Аварами первой, осредоточенные на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, распространились къ Адриатическому морю, съ сѣвера въ Истрію, съ востока въ Далмацію. — Въ 598 г. Византійцы имѣли съ ними расправу въ Иллирикѣ, какъ видно изъ письма Григорія I, въ которомъ онъ поздравляетъ Каллиника, экзарха итальянскаго, съ побѣдою надъ варварами (Mansi, Concil. X, р. 117). У Эрбена (?). — Два года спустя Григорій жалѣетъ Максима, архіепископа Солинскаго, что онъ пострадалъ отъ вторгнувшихся Славянъ въ Далмацію, и сѣтуетъ за Италію, въ которую также начали вторгаться со стороны Истріи (ib. р. 231). — Въ Истріи опять упоминаются Словене, частію сами, частію съ Аварами въ 602 и 611 г.г. Въ 604 г. они помогаютъ Агилульфу осаждать Кремону. — Rački, Odlomci, 8—2. Такъ нѣтъ сомнѣнія, что и съ сѣверо-западной стороны Словене переселялись на Балканскій полуостровъ, что подтверждается оканьемъ Неврокопцевъ и Словинцевъ. — Чолакова Сборникъ и Glagolita Copitara.

„Въ древней исторіи Славянъ мы встрѣчаемъ много еднoименныхъ племенъ, которыя географически очень отдалены другъ отъ друга. *Съв. Бодричи* между Балтійскимъ моремъ и Лабой и Юж. Бодричи въ нынѣшней нижней Угріи *Бодричка жупанія*. *Драговичи* въ Россіи и Драговичи въ Юж. Фракіи. *Дулѣбы* русскіе и Дулѣбы паннонскіе около озера Блатна. *Милчане* полабскіе въ Верхнихъ Лужицахъ, Милчане молдавскіе на р. Милковѣ, гдѣ въ Средніе вѣка Милковская епископія, и пелопоннесскіе. *Мораване* на верхней Моравѣ и на нижней. *Словене* въ тѣсномъ смыслѣ, какъ племя на Ильменѣ и въ Македоніи. *Смоляне* ок. Смоленска и въ Фракіи и Македоніи, и полабскіе — сосѣди Бодричей. *Stodorani* корутанскіе и полабскіе между Гавелемъ и Досомъ. *Суселцы* русскіе, около Литвы, и корушкѣ въ нижней Штиріи. — Но заключать изъ этого, что южные — отломки сѣверныхъ или наоборотъ, было бы неосновательно. Сербовъ мы находимъ и на югѣ, на Балканскомъ

полуостровѣ, и на сѣверѣ, въ Лужицахъ, но они не только не составляютъ одного племени, но и языки ихъ принадлежатъ къ разнымъ вѣтвямъ славянскихъ языковъ: языкъ южныхъ сербовъ—къ юго-восточной, языкъ же лужицкихъ — къ западной. — Рачкаго, Осјена. — Ср. Мирковци въ Ит(алія?) и Мирково въ Болгаріи“.

„О переселеніи Хорватовъ и Сербовъ. — Страна, гдѣ они поселились была де занята Аварами съ . . . г., но мы находимъ тамъ Словенъ въ 598 г., въ 600 г. Ср. стр. 653“.

„Славяни сѣ миновали и въ Италія.

„Въ писмѣ папы св. Григорія I, іюля 600 г.: de Sclavorum gente conturbar, quia per historiae aditum jam ad Italiam intrare coeperunt (Erben, Reg. Boh. 1).

„Иорнандъ говоритъ, что въ его время Словене вездѣ свирѣпствовали „для наказанія насъ за наши грѣхи“ (De rebus geticis, VII). Понимаетъ ли онъ подъ этимъ вторженіи ихъ въ сѣверную Италію по приказанію Аварскаго Хагана? Въ 603 г. Словене панонскіе, по приказанію Кагана, заняли Кремону и верхнюю Италію вмѣстѣ съ Лонгобардами; потомъ разбили Гримуальда, сына Тассилы, Баварскаго Герцога, у рѣки Дравы, заняли Истрію и даже дѣлали около 618 г. высадки на берега бывшаго Неаполитанскаго Королевства (Warnefried, Исторія Лонгобардовъ, кн. IV). Гораздо правдоподобнѣе было бы предположить, что въ 618 г. не со стороны Панноніи Словене дѣлали вторженіе въ южную Италію, а со стороны Епира.

„Поискать въ книгѣ Черткова данныя о древнихъ частыхъ переселеніяхъ Пеласговъ и Иллирійцевъ въ Италію и привести ихъ въ параллель.

„Привести мои изысканія въ Юж. Италіи“.

Стр. 26.

р. 4. Къмъ „Сѣверяне“: „Шафарикъ отождествляетъ ихъ *Сабирамъ*, но основанія его очень шатки (I. 370). N. В. мнѣніе его, что ихъ имя перешло въ Сербъ, означающее раба, седлака, не только у Сербовъ (Закопникъ Душана), но и у Болгаръ: Syntagma Matth. Vlastaris, cod. bulg. sec. XIV.“

Стр. 27.

р. 23. Къмъ славянскитѣ племена въ Македонія и Епиръ: Drugubitas, Sagudatos, Belegezitas, Bajunitas, Berzitas, Δρχουβίται, Βελεγεζίται. — De Thes. eiusque agro. Prolegomena, XXVII sqq.

„Strimonii, Runchini, Sagudati, ibidem LXXXVII“

Стр. 28.

р. 4. Къмъ *Бързани* (Βερζήται): „Tafel говори за нихъ: Nos Berzitas quoque Thessalicos esse puto, ut Belegezitas, p. LXXIX.— Кедрина такожде се срѣщатъ Берзити, въ разсказътъ му за Гръко-тгарска-та война въ 774 г., гдѣто земя-та имъ се нарича Βερζήτια. О тѣзи Берзити, види се, да сѣ были въ Тракія на сѣверъ отъ Константинополь“. — Taf. ibidem. — Strit. I, c. p. 250.

р. 13. Къмъ *Струмяне*: „Slavi strumicenses пѣли въ 1326 laudes veterum heroum, quorum famam solam audivimus, res autem gestas non vidimus. Niceph. Gregoras. ed. Par. I, 232“.

р. 19. Къмъ *Войници*: „Bajunitae. Taf. не опредѣляетъ ихъ мѣстопребываніе. р. LXXIX“.

р. 30. Къмъ славянитѣ г) въ Еллада и Пелопонесъ: „Монембазія тогива се е наричала Славянска земля — Sclavinica terra, както ясно свидѣтельствова за това Itinerarium S. Willibaldi, Anglosaxonis, deinde Eichstadiensis in Bavaria episcopi с. 2, 15 (Acta Sanctorum ad VIII, Iul. p. 504): et inde navigantes venerunt ultra mare Adriam ad urbem Manafasiam in Sclavinica terra“ 1).

„Въ Атикѣ въ средніе вѣка упоминается замокъ Weligost г. Ramisos Pirnatza.

„Въ христ. изъ Страбона о Скиѳахъ Славахъ. Müller, G. Gr. II, 574.“

Стр. 30.

р. 6. Къмъ фразата: „Отъ срѣда-та на 7-мии вѣкъ отъ къмъ Дунава“, прибав.: „Съ половины 7-го вѣка нѣтъ никакихъ упоминаній о новыхъ вторженіяхъ или переходахъ Славянъ. Отъ того ли, что ихъ дѣйствительно не было, или отъ того, что ихъ не замѣчали болѣе? Cnf. стр. 22“.

р. 33. Гръцкиятъ текстъ се продължава: . . . καὶ τῆς ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς ἀποτερομένων, ὡς μηδὲ πόδα βαλεῖν εἰς δύνασθαι ἐν αὐτῇ Ῥωμαίων ἄνδρα.

Въ края на бѣлѣжка 58. вм. „р. 183“ чети: „р. 184 и 188“.

Къмъ края на II глава е прибавено:

„Сомнѣнія нѣтъ, что Славяне не застали этихъ земель совершенно пустыми: кое-гдѣ могли (сохраниться) остатки отъ прежнихъ и(хъ) обитателей, которыхъ они ассимилировали себѣ. *Шопы, Торлаки, Дулепи*. (На существованіе послѣдняго названія въ Терновскомъ нарѣчій, въ которомъ Дулепъ = шопъ = торлакъ, указалъ Михайловскій. Онъ думаетъ, что отъ Дулебовъ, но вѣроятноѣ, — что отъ *Долопес*). — Спрашивается: совершилась ли эта ассимиляція безъ всякихъ послѣдствій для языка Славянъ? Н. В. Миклошичъ говоритъ, что въ способѣ употребленія болгарскаго члена проглядываетъ вліяніе албанскаго языка. Cnf. Appendice Camadra, LIII. „Въ Албанскомъ языкѣ замѣчаются нѣкоторыя характерныя свойства comuni col rumeno. Будучи чужды греко-латинскому, свойства эти, кажется, имѣютъ Тракійское или Трако-македонское основаніе; in guisa tale però che sitatto elemento fracio sia da credere per i Daci, e Traci, diventati Romani, modificato dalle sopravvenuta influenze latine, per gli Illirio-Epiroti dalle native qualità pelasgiche ed indi dalle elleniche. Но главнѣйшее изъ этихъ свойствъ é l'affissione dell' articolo in fine del nome, che si trova pure in altra lingue molto bontane d'indole, e di luogo da quelle di cui si tratte; ed inoltre come io accennava

1) Пятуваль е св. Виллибалдъ въ 723 г., а описано му е пѣтуванье-то, малко послѣ, отъ негова-та съвременница и сродственница св. Walpurga, благородна англосаксонка. De Thess. eiusque agro. Appendix, p. 455, b.

nella Grammatologia, una tal propriat  non   forse tanto certa (almeno in tutta l'estensione che altri le d ) per l'albanese, n  tanto estranea alle primitive forme dell'ellenismo. A che arroke essere l'articolo di fondo latino nel rumeno, di fondo greco nell'albanese, o epirotico.— D'altro lato i Traci, o i Traco-Macedoni, sono pure creduti generalmente della schiatta medesima detta perci  traco-pelasgica, la quale si dee supporre almeno altrettanto omogenea nelle sue parti, quanto si riconoscono ai nostri tempi congiunte le nazione dette latine, o le germaniche“.

„NB. *Sapai* или *Cintii* жили на Оракийскомъ берегу, а также и на остров  Лемнос . *Odyssea*, VIII, v. 249, 283, 292. *Strabo* epit. VII. St. Byz. *Apollon. Rhad.* 1. v. 65.

„*Noropes* у Кл. Александрийскаго. — *Quin etiam Noropes est autem gens Paeoniae* (                    ) *nunc autem appellantur Norica, Νωρικοι*, *aes elaborarunt, et primi ferrum purgarunt.* *Stromat.* I, 16. Cnf. *Eusebii* *Caes. Praeparat.* evang. X, 6, а также Стефана Визант. *De urbibus.*—*Amster.* 1678, p. 502.“

Стр. 31 и 32.

За отношенията на славянит  къмъ Византия: „Отношенія Славянъ къ Византии. Сначала будто они находились въ подданств  грековъ, потомъ только въ зависимости отъ нихъ, управляясь собственными князьями и стар йшинами. — Такъ Галскій. Шафарикъ, *Древности*, II, I, 260, 266. — *Бързаци* принимаютъ участіе въ Греко-болгарской войн  774 г. какъ совершенно самостоятельные. *Кедринъ* у Тафеля, *De Thass. Prolegomena*, 79.“

Стр. 32.

р. 4—7. Къмъ пасажа: „Тя нам ри сега . . . да ги подсеби едно по едно всичкит “.

„На 3-й г. царствованія Юстиніана II Византийцы сперва пошли на Болгаръ, потомъ поворотили на западъ и напали на ново(много?)—численное Славенское народонаселеніе, жившее по Струменю, въ окрестностяхъ Солуня и въ  ессалии. Не ожидая этого нападенія, такъ какъ миръ не былъ тогда нарушенъ между ними и Византией, Словене были безпощадно преданы мечу. — Оставшіеся въ живыхъ признали себя подданными имперіи и согласились платить дань. Часть этихъ Словенъ тогда же была переселена во глубину Эмскихъ горъ по правую сторону Струмы. Другіе, во множеств , были переведены въ Малую Азію. *Cedren.* I, 348. *Zonar.* II, 72 ( еофанъ, *Chronogr.* 242). *Константинъ* *Погонать* перевелъ 208.000 Словенъ изъ Оракии въ Малую Азію. *Theoph.* p. 289“.

р. 24. Къмъ думит  „называемо *Българе*“ приб.: „Най-старый отъ писатели-т , които споменуватъ за Българе-т , е *Еннодій* въ похвално-то си слово Теодориху Великому, Р. 297. Това слово е произнесено въ 507 г. Еннодій говори въ него, че Българе-т  отъ много време тамъ свир пствуватъ. — Сжщото свид телствова и Остготскій кралъ Аталарихъ въ едно писмо (*Cassiod. Varia. L. VIII*, ep. XXI, cfr. ep. X). Българе-т  ги знае и Комесъ Марцеллинъ (ок. 534), и Йорданъ въ 551, който ги нарича наказаніе Божіе“.

„Въ Европейската исторія пръвъ пхть се явяватъ Българе-тѣ по случай на една война, която тѣ имали съ Лонгобардитѣ въ 422, и въ която тѣ убили лонгобардскій краль Агилмундъ, но скоро были разбиты отъ неговѣтъ наслѣдникъ Ламицій (Warnefrid).—Съ Албоиномъ въ Италію отпавилася manus Bulgarorum — Уваровъ, 2. По Уварову стычка Болгаръ съ Лонгобардами происходила въ Моравіи, р. 26.“

Стр. 33.

р. 4. Слѣдъ „въ Беневенска-та областъ“ сочка: „Павла Діакона, De gestis longobar. Muratori, 1723, 476.

р. 16. Слѣдъ думитѣ: „въ едно политическо тѣло“ прибав.: „Гильфердингъ, въ Собран. сочин. I, стр. 20, привожда една притурка, която се срѣща въ нѣкои списки на хронографътъ (Еллинскій лѣтописецъ). Тази притурка, която е помѣстена слѣдъ IV книга Царствъ, е една записъ за първи-тѣ български царѣ: Авитохоль, Ирникъ, Гостунъ, Коуртъ, Безмѣръ, Исперихъ, Есперехъ, Тервель, Севаръ, Кормисошъ, Телецъ.

„Важній този паметникъ е обнародвалъ Андрей Поповъ. Обзоръ хронографовъ Русской редакціи, вып. I, стр. 25.“

Стр. 39.

Въ забѣлѣжка 11, р. 3—4, вм. „всичка сѣверна Тракія“ чети: „часть отъ сѣверна Тракія“. — р. 4, вм. „Тази страна се е наричала тогава Загоріе“ чети: „Тази страна се е наричала тогава Загоріе и се е простирала отъ Черноморскитѣ пристанища Меземврія, Анхіялъ и Дебелтъ до Желѣзника (Ески-Загра). N. В. у Голубинскаго, 226 и пр.

Стр. 42.

р. 1 (отдолу). Срѣщу думитѣ „почти никакви извѣстія“ стои: „Има: Въ Chronique de la Morée ed. Buchon, Аркадія се нарича въ 13. в. Τὰ Σκλαβικά. Янинскій округъ въ 14. в., Майнеска-та областъ въ Лаконія въ 15. в. сж говорили *Сарматски*. Chalcosondylas, Lib. I, p. 35, Bon.—Hahn, I, S. 342, № 185. Фалмерайеръ, Das Alban. Element in Griechenland, II. Abtheil. p. 26. — Chalcond. I. I, p. 14, Вен., говоритъ, что жилища Славянъ распространяются въ большой части Европы и, между другими странами, въ Морѣѣ, гдѣ они живутъ въ горахъ Тайгета и на мысѣ Тенарумъ въ Лаконіи.

„Още и въ 17. вѣкъ е имало чърти, които ясно свидѣлствуватъ за нѣкогашно-то ославянване на Еллада и Целопонесъ. Единъ английски пхтникъ, около срѣдата на 17 в., разказва, че турскитѣ градоначалници въ Атини, Патри, Коринтъ и т. н. сж се наричали *войводи* (Wajwode). E. G. Happestii, Grösste Denkwürdigkeiten der Welt. Hamburg, 1687 г., р. 732, 735, 738.“

Стр. 43.

р. 8. Слѣдъ думитѣ: знаятъ само свой-тѣ езикъ, Албанскій“, прибав.: „Ганъ увѣряетъ, что Албанцы составляютъ большинство населенія въ Беотию, въ Атикѣ, въ Мегарѣ и въ Арголидѣ. Острова Идра, Спеція, Рочо, Саламинъ заселены исключительно Албанцами. Они населяютъ всю южную часть Евбеи и сѣверную

острова Андрос (I. 14). Камарда, о. с. 38 NC. — „Familiare alla maggior parte dei Greci é il linguaggio Albanese, e perciò nei giornali d'Atene si publica di tanto in tanto qual che satira nella lingua che parlano gli skipetari riguardata come la Greca patrimonio della nazione.—L'Albania per Pietro Chiara, Palermo, 1869, p. 143.“

р. 16. Вм. „ученій Нѣмецъ Фалмерайеръ“ чети: „ученій Нѣмецъ мюнхенски Фалмерайеръ, умрѣлъ въ 1861 г.“

р. 18. Къмъ „ . . . тщательно разгледалъ“ прибав.: „Още до Фалмерайера този предметъ е закачилъ W. M. Leak, Researches in Greece, 1814 г.“

Стр. 44.

Къмъ забѣлѣжка 26 прибавено: „Отъ нѣхъ (противниците на Фалмерайера) нѣ заслужватъ вниманіе: Цинкайзенъ, Geschichte Griechenlands, 1832, 699 seqq. и I. Bar. Ow. Die Abstammung der Griechen, 1848. — Копитаръ въ Wiener Jahrbücher, 1830, Bd. 51, доказва грѣшките Фалмерайерови отъ недостатъчно знаніе на словенските езици. — Konst. Paparrhigopula: Ιστορικαὶ πραγματεῖαι, 1858 г., доказва нѣкакви исторически неточности, особно до Атини относящияся.“

„Роб. Орбински, О народности нынѣшнихъ обитателей Греції—Русское Слово, 1860, 3.

„Въ 1859 г. G. L. Kriegk (въ Westermanns Monatshefte № 29) е потвърдилъ заключеніе-то Фалмерайерово и направилъ го е вѣтъ отъ всяко съмнѣніе.

„Въ 1867 г. Кеннигсбергскій професоръ С. Норфъ написалъ Geschichte Griechenlands у Ерша и Грүбера.

„Вж. О рѣчѣ Nove řeků Svoboda, Časopis Musea 1862. svez. III.“

Стр. 46.

Въ края на забѣлѣжка 5 е прибав.: „Стояновъ (В. Д?) казва, че нѣма никакви“.

Къмъ забѣлѣжка 6 е прибавено: „Le Colonie Serbo-Dalmate del circondario di Larino provincia Molise — *Giovenale vegezzi Ruscala Torino*, 1864, pp. 8, 9. — Като привожда свидѣтелството на Павла Діакона за поселванъето на Българетѣ въ S(erpinum). I(sernia), B(ovianum) и че тѣ usque hodie quamquam et latine loquantur, linguae tamen propriae usum minime amiserunt, забелѣжава: Rimane incerto per altro qual lingua per lassero, giacché, se erano Bulgari proprii, questi non assunsero un idioma slavo se non nel secolo X. Comunque sia fatto é che oggidi in quei comuni, nemmeno nei nomi topici, rimase traccia di paleoslavo . . . e dei Bulgari la (?) sola ricordanza rimaste é nell' aggiuntivo che era dato a Castropignano, nel Molise, che dicevasi Castropignano dei Bulgari, circondario di Campobasso, ove da quanto mi scrisse l'egregio signor de Rubertis il di 8 aprile ultimo vi sarebbe qual che traccia di Slavo nel vernacolo, come *did* per *avo*, *baba* per *vecchia*“.

Стр. 48.

р. 10. Слѣдъ думитѣ: „ . . . щемъ приведемъ слѣдующе-то“ прибав.: „Въ единъ сърбски паметникъ срѣщаме: Методій и Ки-

рилль учителе Славяномъ и болгаромъ. Вж. Родословіе сербскіи цареи. Гласн. 1867, кн. IV, 232. Караджичъ привожда друго едно свидѣтелство въ Прим. Слав. Срп. језика.“

р. 30—36. Къмъ пасажа: „Та и не само сега каква-годѣ слѣда отъ него“ приб.: „Има: въ послѣсловіи Тудора Дуксова: Сей же Борисъ Болгары крестиль есть в лѣто *етхъ бехти* (въ спискѣ Тихонравова не такъ) . . . I. Ексархъ Болг. стр. 98. Гильфердингъ, I, 22. — Запись о первыхъ Болгарскихъ князьяхъ, вставка въ Еллин. хронографъ. Гильф. I, 20“.

„Булгуръ, — да варимъ булгуръ.“

Въ бѣлѣжка 10 (р. 14) слѣдъ думитѣ „въ старо-Българскій езикъ“ вставено: „Въ хрисовулъ-тъ Іоаннъ-Шишмановъ за Рилскій мѣнастирь отъ 1379 Софія срѣща се: . . . ни песаацы, ни градаре, ни варничіе, ни побирчіе и находніцы, ни инъ кто . . . Гласн. VII, р. 186.“

Стр. 49.

Къмъ бѣлѣжка 13: „Cnf. слѣдующа-та хървато-словинска приказница: . . . једна maika porodila e sina Nu taki su došle tri Rojenicc. To su ove babe koja sudiju sako dete s kakvum smrtjum prejde iz ovoga sveta. Jedna je rekla: da očemo ga taki pogubiti. Druga e rekla: nečemo ga, neg kad vekši zrace, onda ga očemo da bude bolje materi za njega zol. A trejta je rekla: nečemo ga, neg, ako vilinskoga kralja kčer ne zeme, onda ga čemo vubiti . . . Slavische Bibliothek, II. B. 151.“

Стр. 50.

р. 23. Чети: „у Словинцитѣ *Ројенице* и *Sujenice*.“

Стр. 55.

р. 34. Слѣдъ „превръщанье-то на Перуна въ св. Илія“ е прибавено: „Най-ясно се описва тази метаморфоза въ слѣдующа-та сръбска пѣсенъ, которая къ сожалѣнію сочинена издателемъ.

Пошетала до два до три брата:

Једно беше Купало обилни,

А друго ми Коледо сабирни,

А треће ми Перуне даждљиви,

По край двора огньене Марије

Мила сеје Перуна великогъ.

Перунъ пита своју милу сеју

Перунъ пита светитель Илија.

Говори му огньена Марија:

Мили брате Перуне Илија

Песме и обичаи Ук Нр. Ср. — *Милојевић*.“

Стр. 57.

Къмъ края на забѣлѣжка 23. прибав.: „Cnf. La Nationalité Serbe. Detto 15 Janv. 1865.—La Nationalité Albanaise 15 Mai. 1866.“

р. 5—11. Къмъ въпроса за изчезването на финския елементъ у българитѣ посочва се: „Бестужевъ, р. 5: Съ конца V. вѣка появилисъ на Дунаѣ Болгары, тюркского племени, часть орды, господ-

ствовавшей на берегахъ Волги и Камы и представляющей вслѣдствіе этого значительную помѣсь съ финнами. (Слова хронографа—толкуемы Чувашскимъ языкомъ)“.

Стр. 59.

р. 4. Къмъ „*Коралли* . . . = Загорцы“, прибавено: „У Чертова, р. 84. Они жили на Гемѣ (Starb. VII, 6). Овидій упоминаетъ ихъ около Tomis.“

р. 7. Слѣдъ „*Кривизи* = Кривичи“ слѣдва:

„*Ceraunii* на Tabula Europae Птолемея въ Иллиріи и Далмаціи близъ Аріатическаго моря = Черногорцы. Чертковъ, р. 89.“

Въ бѣлѣжка 1. слѣдъ думитъ: „ . . . тази теорія сж“ прибав.: *Гамтереръ*, *Histoire de Pologne*, v. I, p. 12.“

р. 12. Слѣдъ „Западна Двина“ прибав.: *Bylag (?) oга тоже*“.

р. 19—24. Къмъ пасажа: „И такова едно объясненіе задъ Карпатскитѣ гори“ прибавено: „Оно тѣмъ возможно, что, по свидѣтельству Страбона, кромѣ Иллировъ и Фракійцевъ на полуостровѣ жили и небольшіе народцы кельтскаго и скиѣскаго происхожденія (I. VII, с. 5). Объ этомъ и Овидій, который въ Томи выучилъ Гетскій и Скиѣскій языкъ.—Къ Кельтамъ—Скордиски. Бастарны—нѣмцы (Г. 232). — Припомнимъ, что по Страбону V, 1, 9. В. граница Венетовъ доходила до Тимавы, около набережны, за которой жили Фракійскіе Истры. Вж. Гильфердингъ, 175 и 215. — Городъ *Σλοβππ*: Птолемея и община Стлупины Плинія въ землѣ Либурновъ (въ средн. Далмаціи) Шафарикъ отождествляетъ съ Столномъ, Гильфердингъ, *ibidem*. — Вопросъ: имѣютъ ли доказательную силу изслѣдованія Гильфердинга?“

Стр. 60.

р. 22—26. Къмъ пасажа: „Тѣй едно твърдѣ . . . Седмиградія и пр.“ прибавено: „Даки или Гети, во времена Геродота (IV, 87, 92—96) и Фукидита (II, 96) жили въ горахъ Родоны и занимали всю страну отъ Гема до Дуная. На югъ жилища ихъ достигали до Месемвріи (*Scymni Chii orbis descriptio*, стр. 742—744). Во время же Александра Македонскаго они жили уже на сѣверѣ отъ нижняго Дуная, и онъ для войны съ ними долженъ былъ переправляться черезъ Дунай—Strab. VII. 3. Arrian. I, 1. Q. Curtius, I, XI и XII.—Война Lysimache царя Фракійскаго съ Лермоколомъ Гетскимъ въ 293 г. до Р. Хр. — Pausan. 1. 9. — Strab. VII, 3. — Геты—вѣтвь Фракійцевъ. Чертковъ, 6.“

„Избѣгая подвигавшагося все далѣе и далѣе владычества Римлянъ, многія Фракійскія племена тѣснились на сѣверѣ, вслѣдствіе этого сѣверна Фракія уже въ первомъ вѣкѣ обезлюдѣла отъ постепеннаго перехода на сѣверовостокъ Кривичей, Сѣверянъ и др. племенъ. Чертковъ, р. 17. По свидѣтельству Страбона, еще до владычества Римлянъ многія племена исчезли вслѣдствіе взаимныхъ войнъ. Кельты—Скордиски уничтожили нѣсколько племенъ, отчего запустѣла земля и поросла непроходимыми лѣсами на протяженіи многодневной ѣзды. Н. Р. 240. — Дассареты были уничтожены Скордисками, *ib.* 242.“

„По *Аппіану* (IIlyr. 3) Трибаллы были уничтожены Скордискими, — остатокъ ихъ переселился за Дунай къ Гетамъ. А между тѣмъ современникъ Аппіана Птоломей ставитъ Трибалловъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ ихъ зналъ *Θукидидъ*. Н. R. 245, 6.

„Провѣрить Птолемея: не пользовался ли онъ древнѣйшими писателями?

„NB. Ptolomaeus byl ohledem na ethnografickou částku zeměpisu pouký compiler. Stará jména zašlych národův stojí u něho v pořádku s novými, běžnými, mnohá omylem dvakrát, třikrát na rozličných místech opětována. Шафарикъ I, 233. Лалевель Bad. w geogr., 437—440.

„Ptolemaeos beabsichtigt keine Länderbeschreibung, keinen Bericht über Merkwürdigkeiten der einzelnen Erdräume und die Besonderheiten ihrer Bewohner, sonder er will ganz allein die geographischen Objecte räumlich bestimmen. Куно, 149.“

Стр. 61.

р. 2. Слѣдъ пасажа: „Ние нѣмаме толкова тѣчни . . . което и въ Галлія“ прибавено:

„Діонъ Кассій (LI, 23—27) рассказываетъ, что Маркъ Крассъ, охранявшій провинцію Македонію за 29 лѣтъ до Р. Хр., преслѣдуя Бастарновъ, занялъ страну Сегетовъ и Мизовъ, которую предалъ на разграбленіе своимъ воинамъ. Отбитый совокупными силами *Θраковъ*, отъ снова вступилъ въ ихъ земли и разграбилъ ихъ. Особенно пострадали тогда *Серды* и *Мерды*, плѣненнымъ изъ которыхъ по приказанію Красса рубили руки. Всѣ другія сосѣдственныя области были совершенно опустошены до предѣловъ *Одричей*. — Мизы снова возставали и снова были побиты. — Пизонъ не менѣе Красса грабилъ и опустошалъ *Θракію*.

„Въ 22 г. до Р. Хр. проконсулъ Македоніи Marcus Primus былъ судимъ сенатомъ за самоуправное нападеніе на *Θракійскія* племена (Dion, IV, 3). — Въ 16 г. до Р. Хр. Клавдій Маркеллъ опустошилъ владѣнія Бессовъ (IV, 20), а Пизонъ разорялъ и другія племена (IV, 34). — Въ 6—8 г. Мизія была уже римскою провинціею“.

р. 28—30. Пасажътъ: „Третье умяляванье . . . на Балканскій полуостровъ“ е допълненъ тѣй:

„Третье умяляванье на Трако-Иллиритѣ стана отъ сѣвернитѣ варвари. При Александрѣ Северѣ (222—235) Германцы(?) перешли Дунай и опустошили Иллирію, Мисію, Паннонію, *Θракію* и жителей увели въ неволю (Herodian VI, VIII). Алавы разбили римлянъ у Фуллиппополя. (Jul. Capitolin. in Gordian 33). Въ царствованіе Филиппа (244—249) Готы разграбили Мизію и *Θракію* (Jornan. de Get. VI). При Гордіанѣ Мизія и *Θракія* разграблены (Jul. Capitol. in Gordian.). При Валеріанѣ (253—259) Маркоманы и Скионы осаждали даже Солунъ, напали на Македонію, Иллирію и Грецію (Zosim. L. I). При Галіенѣ (259—268) Нѣмцы заняли *Θракію*, Грецію, Афины (ib). При Клавдіи (268—270) Готы и Герулы со стороны Чернаго моря ограбили *Θракію*, Афины, Македонію (ib). При Авреліанѣ Готы

грабили окрестности Гема и опустошали Мизію и Иллирію. Fl. Vo-
piscum (in Augel. XVIII, XXI). Чертковъ, 47, 48.“

Стр. 62.

р. 4. Въ края на ст. „Тракійска-та теорія“ е прибавено:

„Впрочемъ изъ приверженцевъ этой теоріи Чертковъ допус-
каетъ нѣсколько изчезнованіе Тракійцевъ на Балканскомъ полу-
островѣ. Онъ думаетъ однако, что вѣтвь ихъ, Даки, выселившись
на сѣверъ отъ Дуная, сохранилась тамъ, и въ послѣдствіи часть воз-
вратилась на Балканскій полуостровъ къ своимъ родичамъ подъ
именемъ Словенъ. — По его мнѣнію, отъ нихъ и Чехи, и Паннон-
скіе, и чуть ли не всѣ прочіе Словене, и Апты, и Венеды, и Sclavi
Юрнанда. Вж. О перес. Трак., р. 51. — Въ IV, V и VI вв. они де
населяли Балтійское поморье, р. 52.“

р. 27—28. Слѣдъ думитъ „четири милліона и половина Блъ-
гаре“ прибавено:

„Баронъ Reden (Die Türkei und Griechenland in ihrer Ent-
wicklungs-Fähigkeit, 1854):

Българе — 4.500.000.

Сърбе — 1.500.000, въ Княжеството и Ст. Сърбія.

Босна-Херцеговина — 1.450.000.

Албанцы — 1.600.000.

Чисти Турцы — 1.055.000.

Гърци — 1.050.000 (280.000—Остр., 260.000—Тесс., 320.000—
Крит. и въ Адр., 120.000 — въ Епиръ и др. мѣста).

Армене — 150.000.

Власи — 120.000.

Цигане — 80 000.

Татаре — 25.000.

Вж. и L'empire de Turquie par Xavier Neuschling, 1860“.

Стр. 65.

р. 24. Слѣдъ думитъ „Татарско порекло“ прибав.: „... und
die alten Wallachen und ihre Brüder, die Bulgaren, scheinen in der
That ein Türkisches Volk gewesen zu seyn . . . р. 166.“

Къмъ забѣлѣжка 16 въ края прибав.: „Johann Thunmanns
1774, Leipzig“.

Стр. 66.

р. 4. Слѣдъ думитъ „съ исторически-тѣ свидѣтельства“ прибав.:

„Въ едно ново нѣмско списаніе, писано прѣди три години,
”Ογγλον е прѣвърнато въ ”Ολγον = Волга!!! Тѣй: . . . Der dritte
Bruder, Asparuch, hatte sich ein kleines Reich zwischen den Flüssen
Dniepr (Δάναπρον), Dniestr (Δανασπρον) und der Wolga (”Ολγον)
gegründet . . . Краузе въ Enz. Ерша и Грубера, 1. sect., 83 ч., 286“.

Стр. 68.

р. 15. Срѣщу думитъ „Най-нова-та историческа критика“ е
посочено:

„*Gebhardi*, „Geschichte des Reichs Bulgarien“ въ *Gray* „Allgemeine Weltgeschichte“, t. 50, Brünn 1788. (Fernere Fortsetzung der mit Hungarn verbundenen Staaten älterer und neuerer Zeiten), — р. 32 увѣряетъ, что Болгарскій языкъ ein Zweig der heutigen hungarischen Sprache war“.

Въ забѣлѣжка 21. вѣм. „*Iv. Ranke*“ чети: „*Frühauf*“.

Показалецъ на собственитѣ имена.

А.

Абдера, гр., 158.

Абін, пл., 150.

Авари, 18, 21, 69, 173, 244—252, 254, 255, 258, 261—268, 286, 302, 566; Аварски Ханъ, 22, 245—248, 254, 258, 261—263, 265; Аварски посланици, 22, 244, 245.

Августъ, римски императоръ, 9.

Авлонa гр., 450.

Авреліанъ, римски императоръ, 193, 195, 215.

Аврелій Викторъ, писатель, 197, 225.

Аврелій, гл. Маркъ.

Авсонійци гл. Римляне.

Австразія, об., 246.

Авторіанъ, гл. Михаилъ, никейски архиепископъ.

Агаѳій, лѣтописецъ, 189, 199, 200, 201, 243.

Агунтъ (Инихень) гр., 264.

Адамъ Бременскій, писат., 203.

Адана, арабска крѣпость, 462.

Адина, крѣпость, 238, 243.

Адрамерски архіерей, 624.

Адріанъ, рим. императоръ, 191, 215.

Адрианоуполь гр., 10, 22, 37, 111, 112, 147, 178, 197, 250, 312, 313, 469, 471, 473, 476; Адрианоуполска битка, 12, 228, 470—472.

Адрианоуполская епископія, 315, 441.

Адрианоуполска область, 432.

Айонъ, беневентски войвода, 273.

Аквавива, славян. селище, 224.

Акамиръ, славянски князь, 292, 306.

Акарнанія, об., 280.

Аквиліанъ, полководецъ, 232.

Акинджие, войници, 544.

Акисъ, гр., 253.

Акихорій Бренъ, келтски водитель, 160, 161.

Акрополитъ Георги, писатель, 27, 578, 586, 588, 597, 598, 604, 618.

Алагоботуръ, български войвода, 422, 423.

Аланы, народъ, 192, 229, 231, 394.

Албанъ, об., 588—590, 594, 596—605.

Албанія, об., 25, 83, 87, 91, 93, 94, 96;

Албанци, 25, 43, 58, 62, 86, 87, 92;

Албанскій языкъ, 59.

Александръ, византийски императоръ, 380, 381, 384.

Александръ Велики, 8, 60, 149, 158, 160, 173.

Александрійски папа, 296.

Александрія, крѣпость, 260.

Алексій III, византийски императоръ, 315, 587, 593.

Алексій Аріанити, севастократ., 605.

Алексій I Комнинъ, виз. императоръ, 347, 471, 588.

Алексій Погонатъ, солунски управитель, 622.

Алфонсо отъ Авенцо (Alfonzo cavallaro de Avenzo), чиновникъ, 88.

Алфонсо I, арагонски краль въ Неаполь, 85, 88.

Алфонсо II, неапол. краль, 86.

Алузніанъ, българ. принцъ, 636—638.

Алцекъ, Кубратовъ синъ, 45, 46; Алцекова орда, 46, 47.

Аль-Ахталъ, арабски писатель, 274.

Аль-Масуди, арабски писатель, 297—299, 345, 395, 449, 509.

Амвровіянска библиотека, 80.

Амміанъ, гл. Марцеллинъ.

Амилзуры, пл., 230.

Амуратъ, султанъ, 92.

Амфиполисъ, гл. Амфиполь.

Амфиполь гр., 159, 575.

Анабарца, арабска крѣпость, 462.

Анагастъ, славян. визан. началникъ, 188, 189, 291.

Анастасій III, папа, 396.

Анастасій, византийски императоръ, 16, 184, 232, 235, 236, 260, 284, 514;

Анастасіева стѣна, 21, 22, 236, 449.

Анджело Анджелучи, италиански капитанъ, 84.

Андрагастъ, славян. вождь, 188.

Андрей, св. Апостолъ, 251.

Андрей Дандоло, венециански дожъ,
79, 560.
Андріанополь гр., гл. Адрианоуполь.
Андріанъ-градъ, гл. Адрианоуполь.
Андроникъ, епископъ и намѣстникъ
на ап. Павла, 177.
Анегискль, визант. пълководецъ, 291.
Анжуйска династія, 74.
Анжуйски регистри (registri Andega-
renses), 75, 76, 81, 82.
Анкирскій надписъ (Tabulae Ancyra-
nae), 213.
Акирски соборъ. 610.
Анна, българска царица, 81—83.
Анна, жена на Теодоръ Ласкариса, 604.
Анна Комнина, 297, 299, 314, 447,
451, 570.
Ансбертъ, пжтешественикъ, 574, 575.
Антаибъ, 200, 201.
Антари, пл., 175.
Анти, славян. племе, 17, 18, 190, 201,
235—237, 239, 240, 244, 246, 258,
259.
Антибарски сборъ, 598, 599.
Антибаръ гр., 322, 450.
Антиталы, епирот. племе, 156.
Антонелли, кардиналъ, 102.
Анхиялъ гр., 251.
Андріакія, 176.
Апокавкъ, гл. Василий и Іоаннъ.
Аппіанъ, писатель, 156.
Аиръ гр., 166.
Асиха, аварски войвода, 258.
Аравитяне, 74, 260.
Арагонска династія, 75, 85, 86.
Арагискль (Аргилискъ, Аргискль, Ар-
негискль), славян. пълководецъ, 189.
Арбанъ, гл. Албанъ.
Арбанская епархія, 597—599, 602.
Ардегастъ, слав. вождъ, 188.
Ардіи, илирско племе, 157, 165.
Ардуба, крѣпость, 163.
Аріанити, гл. Алексій.
Аристъ, началникъ на илирийскитѣ
войски, 232.
Арки (Arche), 75, 83, 85.
Арменія, об., 69, 135, 176, 586.
Арнулфъ, нѣмски кралъ, 414, 478.
Аронъ, Шишмановъ синъ, 327, 336,
362—364, 457, 484, 485.
Арии (Ἀρειοι), гл. Карпи.
Арріанъ, гръцки географъ, 151.
Арта гр., 315.
Артски заливъ, 153, 314, 325, 457, 636.
Архивъ Венецианскій, 80.
Архивъ Неаполитанскі, 73—76, 83, 86.
Архивъ Флорентинскій, 91.
Архипелегъ, 195, 242.
Аръбанасъ, гл. Арбанъ.
Аспарухъ, синъ Кубратовъ, български

князь, 33, 45, 46, 48, 58, 62, 65—
67, 294, 295, 452; Аспарухова орда,
33, 44—49, 56, 58, 62, 64—68.
Аспропотамо, гл. Ахелое.
Астика (Ἀστική), область, 250.
Астинги, пл., 192.
Асѣнь I, български царъ, 575.
Асѣнь, гл. Іоаннъ и Михаилъ.
Ауторіаты, 148, 157, 159, 160, 162,
165, 169, 173—175.
Аталарихъ, приемникъ на Теодориха
В., 233.
Атанасій, солунски митрополитъ, 90.
Атей, скитски царъ, 160.
Ателькуза, об., 377, 378.
Атина, гр., 43.
Аттика, об., 43.
Аттила, хунски повелитель, 13, 14,
184, 185, 189, 210, 211, 212, 229,
230, 286.
Ахелое (Аспропотамо), рѣка, 148, 387.
Ахелойска битка, 387, 388, 401.
Ахенски миръ, 406.
Ахиллесъ, гръцки герой, 23, 24, 177,
316.
Ахиль св., 358, 480.

Б.

Баба гр., 111, 131.
Баба-Ески гр., 188.
Бабайски гр., 131.
Βαβυλῶν, 168.
Багрянородный, гл. Константинъ.
Баданье (Βαδζιάνια) гр. въ Мизія, 188.
Βαδζιάνια, 168.
Баязедъ II, султанъ, 86.
Баянъ, аварски ханъ, 248, 250, 251.
Базалты, тракийско колѣно, 147.
Балбинъ, римски императоръ, 193.
Балбунарска околия, 523.
Балей (Βῆλαι) гр., 254.
Балдуинъ II, латински импер., 604.
Балава рѣка, 298.
Банатъ, об., 126, 207.
Бандинъ, гл. Марко.
Βανες, 168.
Бантаибъ (Banthaiib), 200, 201.
Барбаро, гл. Марко Антопио.
Баргусъ (Bargus), рѣка, 169, 171.
Bardulus, илирийски разбойникъ, 176.
Бароний Кесаръ, 122, 134.
Баръ гр., 301, 322, 410, 412.
Бастарны, германско племе, 148, 162,
163, 284.
Батбай, Кубратовъ синъ, 45.
Баторий Сягизмундъ, трансилвански
князь, 95.

- Бачка, об., 126.
 Бдинско епископство, 441.
 Бдинъ гр., 297, 465, 486, 487.
 Белегезиты, гл. Белезиты.
 Белезиты, славянско племе, 28, 29, 39, 275, 293, 305, 315.
 Бендерски санджакъ, 543.
 Бендеръ гр., 111.
 БенеVENTска область, 33, 45, 46.
 БенеVENTъ гр., 45, 466.
 Beodizum (Beodizo) гр., 187, 188.
 Беотия, об., 29, 391.
 Бератъ, гр., 281.
 Береговское ущеліе, 294.
 Березовъ, 44.
 Берзава (Брзава) село, 207.
 Берзана (Βερζάνα), 188.
 Берзитія, область, 305, 315, 454.
 Берзиты, слав. племе, 293, 305, 315.
 Берозица, гл. Berozica.
 Berozica (Berozicha), въ Родопитѣ, 187, 188.
 Берсовія (Bersovia) село, гл. Берзава.
 Бессапара, 147, 156, 171.
 Бесси (Βέσσοι, Bessi), 59, 146, 147, 149, 150, 160, 169—172, 175, 180—182, 279, 640.
 Беша-Фара — Бесѣе племе, 172, 182.
 Бешикъ, озеро, 28.
 Біеси (Βιέσσοι), гл. Бесси.
 Бикари гр., 92.
 Биларскій, гл. Іоанитъ.
 Билазора (Βυλαζώρα, Bylazora), гр. 148, 169, 170, 172.
 Биревиста (Бурвиста), вождъ на да-
 китѣ, 162, 174, 176, 209, 212.
 Бистрица, (Βιλάριω) рѣка, 148, 204, 269.
 Битолская епископія, 286, 440.
 Българія, 9, 25, 47, 69, 76, 81, 82, 84, 91, 92, 95, 96, 121, 130, 131, 133; Българе, 23, 24, 32, 33, 35—38, 40, 44—46, 55, 60, 62, 64, 65, 67—69, 73, 80, 81, 83, 85, 95, 101, 107—111, 115—117, 120—129, 131, 134, 135, 137, 170, 171, 177, 178, 181, 182, 184, 187, 200, 201, 203, 217, 219, 232—235, 243; Дакійская Бол-
 гарія, 453; Българско царство, 33, 36, 39—42, 63, 65, 84, 101, 122; Български народъ, 33, 36, 39, 47, 56, 58, 62—66, 68, 69, 116, 272; Блъ-
 гарскій (Болгарскій) языкъ, 48, 172.
 Българо-Чудскій языкъ, 48.
 Богомилы, Богомил. учение, 442—448.
 Бодинъ, гл. Константинъ.
 Бодричи, славянско племе, 310.
 Боемундъ Тарентскій, 314.
 Бон, галско племе, 165, 174, 209, 210.
 Бойки, славян. племе, 231.
 Бонски (Βόνκοι) пл., 230, 231.
 Боланы, гл. Булапы.
 Болбе, озеро, 308.
 Болгары, гл. Българе.
 Болгарофигъ, гр., 378.
 Болгарская Морава, р. 144, 148.
 Болгій, келтски водитель, 160.
 Болеславъ, синъ на Прелимира, 516.
 Бона, гр. 300.
 Бонамини Доменико, графъ, 98, 99.
 Бораны (Βοράνοι), пл., 194, 195, 198, 202, 203.
 Ворицъ, български царъ, 576, 577.
 Борисъ, князь български, 39, 101, 107, 108, 112, 129, 133—135, 296, 352, 372—374, 417, 441, 443, 451—453, 465, 486, 505, 519.
 Борисъ II, български царъ, 335, 337—339, 342, 344, 356, 362, 468, 474, 476, 484, 519.
 Борнъ, вождъ на гудусканитъ, 298.
 Борнъ, харватски князь, 407, 408.
 Босна, об., 10, 92, 94, 109, 110, 130, 224, 271.
 Босняки, сръбско племе, 300, 302, 504.
 Босфоръ, 158.
 Ботиен, тракийско племе, 147.
 Ботко, болгар. воевода, 637.
 Бояна, крѣпость, 637.
 Бояно, село, 46.
 Боянъ, синъ на ц. Симеона, 431.
 Боянъ, въ „Слово о полку Игоревѣ“, 220—222.
 Браничево, гр., 26.
 Браничевци, 26, 39.
 Бранкачанска библиотека, 73, 76, 86, 95.
 Бранковичъ, гл. Георги.
 Бранимиръ, харватски князь, 413.
 Bracciolini Francesco dell' Ari, 95.
 Брагъциста, 169.
 Брачь, островъ, 301, 408.
 Брегалническая епископія, 440.
 Бременскій, гл. Адамъ.
 Brendice (Priendice), 187.
 Бренъ, гл. Акихорій.
 Бриени, гл. Врени.
 Briceze, 187.
 Брумалія, езич. праздникъ, 217.
 Брусъ, гр. 112.
 Бръгалница, область, 304.
 Буга, хърватка, 267.
 Бугъ, р., 205, 244.
 Буджакъ, обл., 46.
 Буефиръ, гл. Буфьеръ.
 Бужане, славян. племе, 34.
 Буковина, об., 44.
 Буланы (Βούλανες), 203.
 Бурьиста, гл. Биревиста.

Бургундіи, Бургунды, Бургунты, 197, 199, 201.
 Бурридава, гр., 213.
 Бургузіоны, гл. Бургундіи.
 Burtudizus, гр. Βουρτούδης, Burtizon, Durtizus, гл. Баба-Ески.
 Бурь, нар., 192, 213.
 Бутротская епископія, 441.
 Буфіеръ, френски лѣтописецъ, 129, 130.
 Бѣдинъ, гл. Бдинъ.
 Бѣрзаци (Βερζῆτοι) или Бѣрсяци, славянско племе, 28, 39, 305, 567.
 Бѣгленица (Βιγλενίτζα), сестра Юстинава, 19, 38, 189, 190.
 Бѣлазора, гл. Билазора,
 Бѣлашица, планина, 636.
 Бѣлградская епископія, 441, 442.
 Бѣлградъ, гр. 111.
 Бѣлево, с., 171.
 Бѣлица, 573.
 Бѣлипра, село, 38.
 Былазора, гл. Билазора.
 Быстра, с., 207.

В.

Вагасъ, херсонски стратегъ, 385, 386.
 Вагенетія, область, 314.
 Вагъ, р. 206, 211.
 Вакхъ, езич. богъ, 146.
 Валафрамъ Страбонъ, нѣмски писатель, 284.
 Валахія, гл. Влахія.
 Валентъ, римски императоръ, 11, 198, 228.
 Валерій Юлій, римски писатель, 175.
 Валеріанъ, римски императоръ, 194, 195, 196.
 Ваюнити, славянско племе, 293, 305, 314.
 Вандали, нар., 192, 238, 241.
 Ванній Квадъ, 206.
 Ванцолини, директоръ, 97—99.
 Вардария (Дардания), 134.
 Вардарскіе турки, 442.
 Вардаръ, гр., 132, 147, 148.
 Варда Склиръ, 469.
 Варда Фока, 472.
 Варданъ, гл. Георгій.
 Варна, рѣка, 463.
 Василиій Апокавъ, целополезски стратегъ, 358, 479.
 Василий II Българоубийца, византийски императоръ, 108, 109, 281, 315, 322, 344, 349, 351, 358, 359, 442, 447, 454, 455, 465, 467, 480, 486, 487, 502, 511, 518, 568, 570, 634, 635.
 Василий Великий св., 610.

Василій Македонецъ, императоръ, 36, 38, 312, 373, 374, 409—412, 416, 423, 426, 494.
 Ватаци, гл. Іоаннъ (Иванъ).
 Ватиканская библиотека, 37, 100, 102.
 Ведеріана (Ведряна), село, 19, 38, 189, 190.
 Вельбуждское епископство, 304, 441.
 Вельбуждъ, гр. 304, 573, 574.
 Велесъ, славян. езич. богъ, 218.
 Велесъ, гр. 28, 132, 148.
 Велестино, гр., 28, 315.
 Велегезиты, гл. Белегезиты.
 Велизарій, полководецъ на Юстиниана, 190, 241, 243, 291.
 Велесичи, гл. Белегезиты.
 Велья, далматински градъ, 412.
 Вельняне, славян. племе, 34.
 Венгрія, гл. Угрія.
 Венди, гл. Винди.
 Венециански лѣтописецъ, 419.
 Венеция, 79, 80, 99, 132.
 Веніаминъ Тудельскій, 281.
 Верейски епископъ, 90.
 Вероя (Стара Загора), 347, 471.
 Веррея, (Караферия) гр. 358, 359.
 Верройски архіерей, 624.
 Веспасіанъ, римски императоръ, 206.
 Вестъ-Готы, 11—13, 15, 61, 185, 187, 198, 228, 229.
 Веуниты, гл. Ваюнити.
 Видинска область, 63, 64.
 Видъ, р., 145.
 Византійская имперія (Византія), 11—14, 19, 29, 31, 32, 36, 38, 39, 41, 42, 65, 69, 83, 185, 189, 236, 238, 245, 253, 255, 259, 261, 262, 269, Византийская власть, 19, 29, 32, 38, 40, 41; Византийци, 14, 19, 29, 30, 43, 69, 243, 247, 258, 261, 262, 266, 269.
 Викторъ Туннуненскій, африканскій епископъ, 243.
 Вилхелмъ Тирски, 345, 449, 570, 571.
 Виминаціумъ, гр., 10, 26.
 Винди, 18, 201.
 Висконти, папски нунций, 533, 542.
 Висла, р. 173, 175, 200, 203, 225.
 Виссы, гл. Бессы.
 Вителліи, 206.
 Витошкий монастырь, 644.
 Вышевичъ, гл. Михайлъ.
 Владимиръ, сплъ Хвалимировъ, 517.
 Владиславъ, полско-маджарски краль, 525—528.
 Власт (Куцовласи), 25, 95; Влахи, 280, 287, 442, 569; Волохи, 179, 208, 223—25.
 Власія св., 55, 56.

Властимиръ, сръбски велики жупанъ, 422, 505.

Влахи, гл. Власи.

Влахія, область, 224, 315; Великая Валахія, 280; Бѣлая Валахія и Малая Влахія, 281.

Влашко, гл. Влахія.

Воденское епископство, 283, 442.

Водень, гр., 477, 484.

Водица, гр., 312.

Войници, 28, 39.

Волга, рѣка, 32, 59, 62, 78, 169, 183, 200, 201, 245.

Волжска теорія, 58, 62, 65; Волжки Българе, 65, 67—69; Волжска България, 69.

Волканъ, синъ на Ст. Неманя, 598.

Воло, заливъ, 315, 636.

Волохи, гл. Власи.

Волосъ (Власъ), езич. богъ, 54—56.

Вота, езич. празникъ, 217.

Вотаниата, гл. Никифоръ.

Враницкая епископія, 441.

Враничъ, пѣтешественикъ, 643.

Вриени, гл. Никифоръ.

Всегордъ, полк. на Юстиніяна, 189, 291.

Вукашинъ, сръбски кралъ, 96, 557, 558, 560, 561.

Вургунди, гл. Ургунды.

Вургунтайбъ (Wurgunthaib), 199, 200.

Вукостаъ, изворъ, 300.

Върбасъ, рѣка, 300, 301, 408.

Върбица, село, 536.

Г.

Гибели, войници, 543—544.

Гаврилъ I, Охрид. патриархъ, 77.

Гаврилъ II, Охрид. патриархъ, 77.

Гаврилъ-Романъ, българ. царь, 451.

Галазы, 316.

Галатія, обл., 259.

Галерій, съуправитель на Диоклетіяна, 196, 197.

Галисъ, гл. Казилъ-Ирмакъ.

Галиція, 231, 269, 270.

Галла, рим. императоръ, 194.

Галлактофаги, 150.

Галліенъ, съуправитель на Валеріяна, 194.

Галло-Римляне, 34, 35; Галли, 60, 154, 165, 172.

Галлія, гл. Франція.

Галумайникъ, градъ, 300.

Гарибальдъ II, синъ на Тасилона, баварский херцогъ, 264.

Гаридъ, 609.

Гаринъ, солунски митрополитъ, 622, 624—626.

Гаспари, гл. Стефанъ.

Гацка, рѣка, 299.

Гацко поле, 299.

Гащица, р., 299.

Гваръ, гл. Лесина.

Геги (албанско племе), 85, 148, 153.

Гѣзь-Тепе (Libmissos), въ Родопитъ, 146.

Геллеспонтъ, гл. Дарданели.

Гелой, князь въ Седмиградско, 379.

Георгій монахъ, лѣтописецъ, 312, 347, 471.

Георгій Бранковичъ, сръбски деспотъ, 525, 561.

Георгій Варданъ, керкирски митрополитъ, 618.

Георгій Писида, гръцки писатель, 247, 262, 263, 265.

Георги Стефановъ, рагузки граждинъ, 88.

Георгій Сурсувулъ, съуправ. на царь Петра, 323, 324, 431—434, 437—439, 456.

Георги Франкопулъ, солунски управитель, 624.

Георгиъ Павель, гл. Джорджичъ.

Гепиды, 241, 245.

Гераклея, гр., 262.

Герлово, гл. Горилово.

Германъ, полководецъ на Юстиніяна, 236.

Германъ, никейски патриархъ, 611, 618, 619.

Гернадъ, 211.

Геродотъ, гл. Херодотъ.

Геррійская епископія, 441.

Герулы, 231, 239, 284.

Гети (Даки), 60, 145, 153, 159, 160, 162, 163, 172, 174, 204, 205, 212—214, 232—236.

Гетія, 235.

Гибріяны, 162.

Гіероклесь (Hierocles), гръцки писатель, 227.

Гино, албански архонтъ, 585—587, 600—602.

Гингомолги, 150.

Гиспальскій Исидоръ, гл. И. Сивильскій.

Гифазисъ, рѣка, 60.

Главиница, крѣпость, 314.

Главиницкая епархія, 315, 440.

Гладъ, българ. князь, 379.

Глоговъ, 41.

Гльбочица, 573.

Гойникъ, князь, 505.

Голанди (Голяде), 200.

Гондуличъ Матей, рагузски посланикъ, 109—111.

Гонорій III, папа, 620.

Гораллы, гл. Кораллы.

Горилово, обл., 535—537, 540—543, 545, 546, 548.
 Готфридъ Малатера, италиян. историкъ, 315, 570.
 Готы, 16, 19, 186, 193—198, 210, 232, 233, 241.
 Градете, гр., 301.
 Градецъ, гр., 573.
 Гревенская епископія, 441.
 Гриво (Γρίβο), гр., 188.
 Григорій, кнински епископъ, 426, 427.
 Григори VII, папа, 518.
 Григорій XI, папа, 224.
 Григорій XIII, папа, 547.
 Григорій Великій, папа, 248, 264, 288.
 Григорій Камона, севастъ, 585—590, 595, 600—604.
 Григорій Цамвлакъ, ученикъ Ефтимевъ, 135.
 Гримоалдъ XII, лонгобард. краль, 46.
 Гронъ, 211.
 Гружа (Gravosa), гр., 271.
 Гръци, 25, 43, 81, 86, 92, 116, 122—125, 131, 147, 151, 161.
 Гръція (Graecia), 11, 12, 21, 23, 28, 29, 36, 41, 92, 144, 161, 166, 192, 205, 232, 239, 243, 249, 252, 261.
 Гудунинъ, подстратегъ, 254, 255, 258.
 Гудускани, славян. племя, 298, 299.
 Гуламъ, 604.
 Гулица, село, 539.
 Гунни, гл. Хунни.
 Гуцака, жупа въ Далмация, 299.
 Гюнекаръ, гл. Робертъ.

Д.

Давидъ, български царь, 281, 327, 328, 336, 337, 362—364, 457, 484—486.
 Дажьбожа, въ „Слово о полку Игоревѣ“, 220.
 Дакія (Dacia), 10, 23, 173—175, 183, 192, 195, 196, 204, 205, 211, 213—216, 218, 225, 235, 237, 248, 253, 255, 258, 275, 286, 298, 378, 379; Дакія Ripensis, 26; Дакія Mediterranea, 26.
 Даки, гл. Гети; Даки, 178, 192, 204—206, 212—214, 216.
 Дакійци, гл. Даки.
 Даленъ, область, 301.
 Далматы (Δαλμάτοι), 148, 163.
 Далмация, 10, 132, 163, 186, 254, 264—271.
 Дамаски емиръ, 330.
 Дандоло, гл. Андрей и Хенрихъ.
 Daniele dei Lodovici, 99.
 Даниилъ, сръбски архиепископъ, 579.

Дарданія (Dardania), 10, 23, 27, 132, 156, 172, 184, 188—191, 229, 275, 304, 574.
 Дарданели (Геллеспонтъ), 145, 147.
 Дарданы (Δάρδανοι), 148, 156, 165, 172.
 Дардупара, гр., 156.
 Двина, р., 59, 169.
 Дебръская епископія, 283, 441.
 Дебельтская епископія, 440.
 Дебельтъ (Бургастъ, Δεβλτος, Debeltus, Dziewaltow), 10, 27, 166, 169, 381.
 Девино (Девна), село, 538.
 Дел-Джудиче, 82.
 Делиорманъ, обл., 523, 528, 535, 537, 540—546, 548.
 Делиянтъ, гл. Петъръ.
 Делфи, гр., 161.
 Держиславъ, харватски краль, 491, 499—503.
 Дерконъ, гр., 236.
 Десареты, пл., 162.
 Десникъ, гр., 300, 508.
 Дестиниконъ, гр., 299.
 Децебаллъ, 213.
 Дечански, гл. Стефанъ.
 Джіаноне, неаполитан. историкъ, 46.
 Джибели, гл. Гибели.
 Джибра, р., 146.
 Джорджичъ Павелъ, дубровчанинъ, 80, 81, 95, 533—543, 545, 547.
 Дзѣржва (Dzierzwa), пол. лѣтописецъ, 173—176.
 Діадохи, 161.
 Діи (Δίσι), 146, 147.
 Димитрій, архонтъ въ Арбанъ, 586, 600—603.
 Димитъръ, Самуил. войвода, 633, 635.
 Димитрій Кравофока, зетъ на Ора, 622—627.
 Димитрій Хоматіанъ, 583—592, 595—605, 606, 608, 610—612, 614—616, 618, 620, 621, 628, 629.
 Димитріяда, гр., 275, 315, 363.
 Дингизикъ, синъ на Атила, 188.
 Диния, гр., 338, 342, 352, 468, 474, 487.
 Диоклея, гл. Дукля.
 Диоклейскій пресвит., гл. Дуклянскій.
 Диоклитіанъ, рим. императоръ, 196, 197, 219, 225, 227.
 Дионъ Кассій, 156, 160, 192, 193, 213.
 Диоптра, 308.
 Дирахійская тема, 386, 448—450, 511, 512, 589, 593.
 Дитмаръ, писатель, 203.
 Дицина, рѣка, 463.
 Диѣпръ, рѣка, 45, 46, 59, 65, 66, 169; 185, 203, 225.
 Диѣстръ, рѣка, 45, 46, 65, 66, 145, 175, 208, 209, 212, 225, 235.
 Добаръ, гр., 300.

Доберь (Δόβηρος), гр., 148, 169, 170.
 Доброгостъ, полководецъ на Юстиниана, 189, 291.
 Добромиръ, богомилъ, 447.
 Добрискикъ, гр., 300.
 Добритъ, славянски князь, 247.
 Добричъ (Dobordze), князь, 79.
 Добруджа, 9, 26, 91, 523, 534—537, 540—546, 548.
 Доленцы, гл. Долонки.
 Долонки (Δόλογκοι), пл., 147, 169,
 Долоны (Дуланы), илирийско племе, 148, 182, 279.
 Домагой, хорватскій жупанъ, 412, 496.
 Донъ, рѣка, 32, 45, 78, 195, 196.
 Донъ Жуанъ Австрийски, 77, 92.
 Дормиторъ, планина, 417.
 Доростолская епископія, 440.
 Доростолъ, гл. Дръстръ.
 Доспатъ, планина, 130, 131, 352, 446, 448, 487.
 Драва, р., 161, 203, 209, 269.
 Драганъ (Dragagnосо), византийски посланикъ, 85.
 Драговитія, об., 27.
 Драговитское епископство, 310.
 Драговитъ, лютиски князь, 311.
 Драговица, р., 27, 311.
 Драговичи, 27, 28, 34, 275, 293, 305, 309, 310, 367; Драговичи Македонски, 39; Драговичи Тракійски, 39, 311.
 Драгоманъ, село, 642.
 Драгомиръ, синъ Хвалимира, 516, 517.
 Драгославъ, синъ Прелимира, 516.
 Драмская епархія, 283.
 Драчская епархія, 94.
 Драчъ, гл. Дурацо.
 Древляне, рус. пл., 34, 59, 169; Древляне руски, 310.
 Дреново, село, 118.
 Дреснеикъ, гр., 300.
 Дрина, р., 144, 146, 162, 224.
 Дръстръ (Доростолъ), гр., 108, 332, 377, 436, 464, 475, 477, 478, 482.
 Дръжьбовина, 573.
 Дубровникъ, гр., 266, 271, 322, 406, 409, 412, 418, 503, 515, 528, 535, 644.
 Дукагинска плавина, 599.
 Дукля, область, 299, 301, 302, 354, 355, 419, 511—513, 517, 518, 591.
 Дукляне, 301—303, 322, 409, 418, 504, 508, 514, 517, 519.
 Дуклянски пресвитерь, 186, 188, 300, 343—356, 455, 487, 488, 508, 510, 514—520.
 Δοβλεβιν, 168.
 Дулуны, гл. Долоны.
 Дулѣбы, 34, 244, 246.
 Дульциниумъ (Олгунъ), гр., 322, 450.

Дульцинская епархія, 599.
 Дурацо, гр., 20, 84, 240, 266, 301, 322, 386, 448, 450, 512, 594, 599—601, 636.
 Душанъ, гл. Стефанъ.
 Дѣволъ, крѣпость, 578, 636; рѣка, 148.
 Дѣянъ, севастократоръ, 559.
 Дѣлментъ, равнина, 301.

Е.

Евагрій, църков. историкъ, 236, 251, 252.
 Евбен, о-въ, 391.
 Евдокия, Ангело-Комнина, жена на Стефана Първовѣчани, 587, 588, 593, 604.
 Евнасій, гръцки писатель, 227, 228.
 Еврона, провинция, 10.
 Евстатій Фландрскій, 594.
 Евстафій, патрицій, 609.
 Евтимій, търновски патриархъ, 129, 134, 135.
 Евѣимій Зигаденъ, 444.
 Егинетъ, 260, 261.
 Egnatia, via, 10.
 Едрене, гл. Адрианополь.
 Езерци (Έζερίται), 29, 30, 41, 316.
 Екрене, село, 534.
 Екхи-бей Уреки (Exhibei Urechi), турски посланикъ, 88.
 Елбасанъ, гр., 132, 597, 599.
 Еллада, гл. Гърция.
 Емилій, гл. Павелъ.
 Емнедзаръ, Атиловъ синъ, 229, 286.
 Еинодій, Тициевскій епископъ, 233.
 Епиръ (Epirus nova et vetus), 10, 23, 25, 27, 28, 36, 61, 96, 148, 149, 164, 165, 176, 232, 236, 237.
 Ергина, р., 22, 250.
 Ермагоръ, визан. географъ, 347, 471.
 Ернакъ, Атиловъ синъ, 229, 286.
 Ески-Стамболъ, гл. Маркианополь.
 Ефескій Іоаннъ, гл. Іоаннъ.

Э.

Эйнгардъ, лѣтописецъ, 296, 409.
 Элатея, гр., 192.
 Эльмасинъ, араб. писатель, 383, 385.
 Энеппа, гр., 250.
 Эпидамнъ, гр., гл. Драчъ.
 Эпиръ, гл. Епиръ.
 Эратосеенъ, гръцки писатель, 157.
 Эргина, р., гл. Ергина.
 Эрмагоръ, гл. Ермагоръ.
 Эрнакъ, гл. Ернакъ.
 Эротикъ, гл. Никита.

Эсегели, племе, 309.
 Эеики, 165.
 Эригонъ, гл. Дѣволъ.
 Этолія, обл. 280.

Ж.

Жеравна, село, 118, 131.
 Жирардъ, писатель, 639.
 Житіе св. царя Давида, 484.
 Житіе св. Димитрія, 305, 315.
 Житіе св. Іоанна Рилскаго, 432.
 Житие на св. Лука, 637.
 Житіе св. Никона, 358, 479.
 Житомирскъ, гр., 573.

З.

Заберганъ, варварски вождь, 243.
 Загорци, 27, 39, 59.
 Загора, область, 312, 533, 541.
 Загорская епископія, гл. Дебельтская.
 Загрълата, 573.
 Задра, гр., 266, 271, 308, 406, 412.
 Законикъ на царь Душана, 182.
 Залдана, гр., 253.
 Зауча (Зауца), гл. Стилианъ.
 Захарій, сръбски князь, 420—422.
 Захлуміе, область, 299, 300, 302, 412, 418, 419, 424, 511—513.
 Захлумско княжество, 326, 354.
 Захлумяне, славян. племе, 300, 302, 303, 322, 326, 403, 408, 416, 418, 427, 454, 508, 514, 517.
 Звечанъ, гр., 297.
 Земленъ, гр., 572, 573.
 Зермана, р. (Tedanius), 148.
 Зета, область, 301.
 Зигаденъ (Зигавепъ), гл. Евѣимій.
 Зинонъ, византийски императоръ, 229, 232, 233.
 Злетово, гр., 304.
 Зографски поменикъ, 326, 483—485.
 Зонара, Иванъ, лѣтописецъ, 129, 178, 179, 184, 234, 235, 247, 269, 330, 457, 461, 570.
 Зосимъ, писатель, 194, 195, 197, 198, 201, 203, 204.
 Зоя, жена на Льва Философъ, 376, 384, 385, 388, 389.

И и І.

Ибаръ, р., 224 299, 327, 404, 408, 417.
 Ибнъ-Даста, 310.
 Иваца, гл. Мануилъ.
 Иванко, българ. князь, 79.

Игоръ, руски князь, 331, 438, 468.
 Іеронимъ, св., 12, 24, 178, 228.
 Іерось, гр., 309.
 Изернія (Isernia), село, 46.
 Илирійцы, Илирци, 59, 153, 177, 278; Илиры, 147—149, 152, 153, 156, 157, 159—163, 165, 175.
 Илирія, 162, 163, 165, 175, 180, 181, 194, 223, 240, 251, 258, 278.
 Илирійскія племена, 147, 173, 209.
 Илиригъ, 176, 177, 184, 186, 234, 239, 247, 270.
 Илия, св., 55, 56.
 Ильмень, озеро, 169, 287.
 Имотско озеро, 301.
 Ингула, р., 66.
 Инихенъ, гр., гл. Агунта.
 Иннокентій III, папа, 575, 598, 599.
 Иннокентій IV, папа, 178, 598, 604.
 Иннокентій, пълководецъ, 232.
 Іоанна, неаполитанска кралица, 81.
 Іоаннъ VI, папа, 266, 268, 273.
 Іоаннъ VIII, папа, 424, 426, 451.
 Іоаннъ X, папа, 178, 426—428.
 Іоаннъ, царь Симеоновъ сивъ, 325, 431, 455, 456, 507.
 Іоаннъ, кумскій херцогъ, 426.
 Іоаннъ, слѣтскій архиепископъ, 426, 427.
 Іоаннъ VIII, архиепископъ слѣтски, 491, 492.
 Іоаннъ-Александръ, българскій царь, 37, 79, 80, 101, 106, 108, 109, 559.
 Іоаннъ Антиохійски, писатель, 232.
 Іоаннъ Апокавкъ, навпатски митрополитъ, 618, 619.
 Іоаннъ Асѣнъ II, български царь, 101, 106, 109, 534, 577, 578, 593, 603, 606.
 Іоаннъ Бикларскій, 248, 249.
 Иванъ Ватаци, никейски императоръ, 577, 597, 603, 604, 616, 618.
 Іоаннъ-Владимиръ, зетски князь, 441, 512, 513, 516, 518.
 Іоаннъ-Владиславъ, българ. царь, 364, 441, 442, 454, 485.
 Іоаннъ Венецианскій, 502.
 Іоаннъ Ефески, църковенъ историкъ, 248—250, 258, 291.
 Іоаннъ Каматиръ, Охридски архиепископъ, 585, 592.
 Іоаннъ Каммениата, писатель, 27, 309, 310, 453.
 Іоаннъ капелланъ, папски легатъ, 598.
 Іоаннъ Кинамъ, византийски писатель, 347, 471.
 Іоаннъ Купаль, 444.
 Іоаннъ Куркоа, визант. пълководецъ, 342, 473.
 Іоаннъ Малала, лѣтописецъ, 451.
 Іоаннъ Музаки, албан. князь, 96, 560.

Иоаннъ Плитъ, севасть, 585—590, 603.
 Иоаннъ Рилскій, св., 323.
 Иоаннъ Скилица, писатель, 570, 571.
 Иоаннъ, софійскій митрополитъ, 644.
 Иоаннъ Срацимиръ, 109.
 Иоаннъ Цимисхій, императоръ визан., 108, 339—352, 357, 359—361, 460, 469, 470, 472—483, 486—488, 514, 516, 517, 519.
 Иоаннъ Шишманъ, бълг. царь, 101, 644.
 Иоанополь (Прѣславъ), 343, 475.
 Иорнандъ (Иорданъ), готскій историкъ, 17, 18, 162, 171, 210, 229, 284, 639, 640.
 Иосифъ, солун. митрополитъ, 622, 623.
 Иосли, гр., 300.
 Ипекска патриаршия, 94.
 Иплъ, 211.
 Ираклій, визант. императоръ, 260—263, 265—270, 277, 295, 309, 393, 405, 417, 565, 566.
 Ирина, дъщеря на Теодоръ Ласкариса, 604.
 Ирина, българска царяца, гл. Мария.
 Ирина, визант. императрица, 40, 41, 292, 306.
 Исаврія, об., 584.
 Исакче, гр., 111.
 Исаакъ II, Ангелъ, визан. императоръ, 572, 578, 587, 602, 624.
 Исидоръ Сивильскій, еп., 248, 261.
 Искальмъ, Атиловъ синъ, 229, 286.
 Искъръ р. (Ὠσκιος, Oescus), 146.
 Испальскій Исидоръ, гл. И. Сивильскій.
 Исмаилъ, гр., 111.
 Испанія, 12, 214, 215.
 Истоукъ, баща Юстиниановъ, 19, 38, 189.
 Истрия, обл., 264, 268.
 История Славеноболгарская, Паиснева, 117—123, 126—134, 136.
 Истры (Ἰστροι), пл., 148, 156.
 Италия, 12, 14, 15, 33, 45, 46, 61, 74—76, 84, 86, 90, 96, 193, 194, 198, 224, 229—233, 238, 239, 240, 245, 264.
 Итимары, нар., 230.

К.

Κάθετζα, 168.
 Кавай, гр., 281.
 Cavalli Masino, послан. въ Турция, 99.
 Кавалиотъ, москопольскій протопопъ, 154.
 Кадлубка Вивентіи, полски лѣтоп., 172—176.
 Казанатска библиотека, 109, 112.
 Казилъ-Ирмакъ (Галисъ) р., 145.
 Калабрійци, 403.

Калама, р., 448, 486.
 Кала Сахликина, жена на Романа Логара, 621—627.
 Калдана, синйоръ, 642.
 Калегастъ, слав. вождь, 188.
 Калиманъ I, бълг. царь, 577, 603.
 Каличево (Calusevo) село, 110.
 Калокиръ, синъ на херсонския управитель, 331, 334, 463, 466.
 Калокиръ, монахъ, 434.
 Калоянъ, бълг. царь, 575, 576.
 Калугерица, село, 539.
 Каматиръ, гл. Иоаннъ.
 Камбаулъ, келтски вождь, 160.
 Каменець, 44.
 Камменіата, гл. Иоаннъ.
 Кампанійскій архіерей, 624.
 Камона, гл. Григорай.
 Конавъ, 508, 511.
 Конаоникъ, план., 417.
 Каппадокія, об., 259, 462.
 Капуа, 466.
 Капуджи-Дербентски тѣспини, 359, 480.
 Карадагъ, план., 145, 147, 148.
 Каракалла, римски императоръ, 193.
 Карашмака (Αρδίης, Αρδίας), р., 148.
 Карвона, гр., 534.
 Карвунска хора, 534.
 Карлъ I Анжуйски, неаполит. краљ, 81—83, 605.
 Карлъ II, неапол. краљ, 82, 83.
 Карлъ VIII, френски краљ, 86.
 Карлъ Велики, 47, 311, 406.
 Карпіяны (Καρπιανῶν), гл. Карпы.
 Каролинги, 407, 409—411, 414.
 Карподаки (Καρποδάκαι), гл. Карпы.
 Карпы, 193—198, 202, 204, 205, 225.
 Кароагентъ, гр., 260.
 Каръ, римски императоръ, 196, 225.
 Каръ, епископъ, папски легатъ, 396—398.
 Кассіодоръ, министръ на Теодориха В., 233.
 Касторійская епископія, 283, 440.
 Касторія, гл. Костуръ.
 Кастриотъ Иванъ, Скендербеговъ синъ, 87.
 Каталано Иванъ, неаполитански портуланъ, 86.
 Катасирты, сел., 388.
 Катера, гр., 300.
 Квадъ, гл. Ванній.
 Квады, племе, 192, 284.
 Кведлинбургъ, гр., 380, 476.
 Кедринъ Георгій, (лѣтописецъ), 243, 247, 327, 328, 330, 335—337, 340, 344, 348, 357, 362—364, 395, 433, 451, 457, 458, 461, 467, 470, 475, 479, 483—485, 570, 635.

Кекавмень, визант. пълководецъ, 570, 633—638.
Келти, 59, 149, 159—161, 180, 181, 208—212, 224.
Кератій, келт. вождь, 160.
Керкъ, островъ, 406.
Керкина планина, гл. Карадагъ.
Киаромани Джовани, 642, 644.
Кистобоки (Κιστοβωκοι), гл. Косто-боки.
Кибоны (Κίχωνες, Cicones), 147.
Киликія, обл., 584.
Килия, гр. 111.
Кинамъ, гл. Іоаннъ.
Кипровецъ, гр., 91, 110.
Кириллъ св., славянски просвѣт. 129, 133—135, 304, 355, 356, 374, 519.
Клавдій, рим. императоръ, 193.
Клесвестита, Клещевица (Κλεσβεσίτιτα) гр., 188.
Климентъ св., еп. Велички, 177, 178, 224, 304, 571.
Клокотница, село, 577.
Клонимиръ Строимировичъ, баща на Чеслава, 505, 511.
Клукъ, 267.
Книинское епископство, 413, 426—428.
Козильская епархія, 315, 441.
Козма, пресвитеръ, 326, 442—446.
Козякъ, гр., 304.
Козьлъ, гр., 573.
Кокарджа, околия, 523.
Колубара, рѣка, 327, 404, 408, 465.
Коментиолъ, визан. полководецъ, 250.
Комнина сърбска, дъщеря на Стефана Неманичъ, 586—588, 595, 596, 600, 604, 605.
Комнинъ, гл. Мануилъ и Теодоръ.
Комуловичъ, хърватски свещеникъ, 547, 578.
Конавляне, славян. племе, 301, 302.
Конопъ, гр., 463.
Константинополь, гр., 16, 36, 38, 77, 78, 91, 95, 98, 99, 112, 190, 199, 228, 234, 242—244, 246, 251, 255, 256, 259, 261—263, 265, 268.
Константія, гр., 463, 474.
Константъ II, визан. императоръ, 22, 23, 40, 293.
Константиновичъ, гл. Михайлъ.
Константинъ VI, визан. импер., 292.
Константинъ, синъ на Романа Лакапинъ, 389.
Константиинъ, солунски митрополитъ, 627.
Константинъ Багрянородни, 23, 29, 42, 107, 108, 185, 231, 266—270, 276, 286, 292, 299—302, 306, 307, 309, 345, 347, 374, 379, 389, 390, 392, 404, 405, 407, 409—412, 415—

418, 422, 423, 434—436, 438, 439, 450, 454, 463, 493—495, 497, 498, 500, 503, 505—510, 514, 565—567.
Константинъ Бодинъ, 518, 569.
Константинъ Велики, 11, 198, 225, 227.
Константинъ Гноеиметни, гл. К. Копронимъ.
Константинъ V Копронимъ, 23, 104, 276.
Константинъ Костенский, ученикъ Евтимиевъ, 135.
Константинъ Лампетъ, 607—609.
Константинъ Музаки, 96.
Константинъ IV, Погонатъ, 274.
Константинъ Философъ, гледай св. Кирилъ.
Константинъ Шишманъ, 556.
Контарини Лоренцо, венециански посланикъ, 78.
Contarini Zuane, управитель, 79.
Копронимъ, гл. Константинъ.
Коралли (Κοράλλοι, Coralli), 58, 147, 160, 169, 180, 181.
Коринескій перешеекъ, 237.
Кохліа, гр., 104.
Корфу, островъ, 79, 594.
Корчула, островъ, 301, 408.
Котгугры, нар., 243.
Косенецъ, 267.
Cossinites, р. (Енидже-Карасу), 187.
Cosintus, гр. 187.
Косово поле, Косовска битка, 148.
Костобоки, пл., 192, 193, 198, 205.
Костръць, 573.
Костурско езеро, 148.
Костуръ, гр., 363, 604.
Которски заливъ, 409.
Которъ, гр., 322, 409, 508, 511.
Котруличъ Бенедиктъ, рагузски прѣд-ставитель, 88.
Кравофока, гл. Димитрій.
Кратово, гр., 147.
Кратовска область, 94.
Кресимиръ Старшій, хърватски краль, 490—504, 509, 515, 516.
Кресъ, островъ, 502.
Кривичи (Смоляне), 34, 59, 169, 170, 174, 175, 180, 181.
Кривичи.
Кривня, село, 538, 539.
Крка, островъ, 266.
Кробызы, гл. Кровизи.
Кровизи (Κροβύζοι, Strobuzi), 59, 145, 146, 160, 169—171, 174, 175, 180, 181.
Кройская епархія, 597, 599, 601.
Кройски епископъ, 585, 587—589, 601, 602.

Броя, гр., 86, 87, 587, 588, 590, 596—599.

Брумъ, бълг. царь, 101, 107, 108.

Бръкъ, р. (Titius, Κορκόρας), 148.

Бубратъ, български началникъ, 32, 45.

Булели, гр., 187.

Булпа, 302.

Буца, р., 414.

Гурбетская планина, 145.

Гуркоа, гл. Иоаннъ.

Курупалатъ, гл. Львъ.

Гуртене, гл. Робертъ.

Гутмицивица, 304.

Кутургурь, 244.

Куцовласи, гл. Власи.

Кучай-планина, 26, 298.

Кучане, слав. пл., 26, 39, 298.

Кучеване, гл. Кучане.

Кучево, об., 298.

Късъ-дербентски тѣснини, 359, 480.

Л.

Лаба, рѣка, 245.

Лабуца (Λάβουτζα), гр., 188.

Лабъ, область, 573, 600.

Лаврентій, братъ на отецъ Паисия, игумень, 120.

Лазаръ, сръбски князь, 557, 558.

Лазаръ Серанцо, венецианецъ, 543, 544.

Лакапинъ, гл. Романъ.

Лакедемонія, 29, 30.

Лампетъ, гл. Константинъ.

Лампсакъ, гр., 390.

Лаодикийскій соборъ, 610.

Лационикъ, 525.

Ларегово, гр., 308.

Лариса, гр., 358—361, 480—482, 486, 635.

Ласкарисъ, гл. Теодоръ.

Ластовъ, островъ, 503.

Левечовъ, 44.

Левъ Граматикъ, 401.

Левъ Дияконъ, 333, 334, 338, 340, 341, 343, 346—348, 387, 431, 451, 461, 466, 468, 470—473, 637.

Левъ VI Философъ, императоръ, 374—377, 379—381, 388, 396, 588.

Левъ Фока, виз. пълководецъ, 387, 388.

Левъ, гл. и Львъ.

Лезифъ, 79.

Леонарій, келтски вождь, 161.

Леонъ, дардански войвода, 134.

Леополдъ I, австрийски императоръ, 642.

Лепенацкій хребетъ, 417.

Лепеница, 573.

Лесина, островъ, 301, 408.

Лето-Славяне, 151.

Ленхиты, гл. Линкесты.

Лешко II-й, полски князь, 174, 176.

Лешникъ, гр., 300.

Либурины, пл., 148.

Лизимахъ, 159.

Ликиний, 178.

Лимъ, рѣка, 299.

Линда, гл. Лонто.

Линкесты (Λινκῆστοι), 148, 169, 173—176.

Липеній, гр., 571.

Липенійская епископія, 441.

Липлянь, гр., 170, 297, 573, 574, 579.

Литовой, бълг. челникъ, 636.

Lituania, 79.

Лиутпрандъ, кремонски епископъ, 335, 374, 435, 436, 467.

Ловель, 267.

Логаръ, гл. Романъ.

Лонгобарды, 46, 245.

Лонто, гр., 301.

Лубискошь, гр., 281.

Лужицкіе сербы, 310.

Лукари Кирилъ, 90, 91.

Луковица, гр., 304.

Луторій, келтски водитель, 161.

Лупкина (Λουπκίνη), жена Юстинова, 19, 189, 190.

Лухития, 176.

Лъвъ I, визант. императоръ, 190.

Лъвъ, братъ на Никифора Фока, 466.

Лъвъ VI, папа, 427, 429.

Лъвъ Курупалатъ, 472.

Лъвъ Сгуръ, гл. Сгуръ.

Лъвъча, 573.

Лъшъ, гр., 301, 512.

Лъшьскъ, гр., 573.

Людевитъ, посавскій, 296, 406, 409.

Людемыслъ, князь далматински, 409.

Людовикъ, бълг. князь, 84, 85.

Людовикъ Благочестиви, 296, 298.

Людовикъ II Нѣмски, 410, 411.

Людовикъ Великій, унгарски краль, 63, 64.

Ляхиты, гл. Линкесты.

М.

Маврикій, императоръ, 235, 246, 250, 252—256, 258, 259, 261, 266, 267.

Маврообиръ, гл. Мавро-Урбини.

Мавро-Урбини, 97, 98, 120, 122, 127, 129, 130, 134.

Маделбергъ, епископъ, 426—428.

Мазин, Мазовы, Мазовшани, гл. Мизы.

Майеръ, австрийски посланникъ, 642.

Майербергъ, гл. Майеръ.

Магарий, митрополитъ Монембасійскій, 77.

- Македонія, 10, 14, 23, 27, 36, 37, 119, 131—133, 145, 147—149, 158—160, 162, 164, 184, 198, 225, 227—229, 236—238, 243, 269; Македонци, 60, 144, 161, 165.
 Македоно-Эпироты, 148, 152, 153, 156, 157, 163.
 Маковка, гр., 110.
 Максиміянъ, рим. императоръ, 178.
 Максимъ, римски императоръ, 193.
 Малала, гл. Іоаннь.
 Малатера, гл. Годфридъ.
 Малешевская епископія, 441.
 Малхъ, грѣцки писатель, 24, 230.
 Мамертинъ, писатель, 197, 199, 201.
 Манасіей, лѣтописецъ, 87, 100, 102, 108; Манасіева лѣтопись, 100, 101, 103, 104, 184.
 Маніаци, пл., 29.
 Маніоты, (Μανιάται) пл., 316.
 Мануилъ Иваца, болгар. воевода, 636, 637.
 Мануилъ Комнинъ, византийски императоръ, 100.
 Мануилъ Комнинъ Дука, солунско-Епирскій царь, 592, 593, 596, 608—610, 619—623, 625, 626, 629.
 Мораване (Моравци), пл., 26, 39, 454.
 Марацѣ (Μάρωται?), 39.
 Марія, жена на Бонафация Мопфератскѣ, 624.
 Марія, дъщеря на Ора, 622.
 Мария, жена на царь Петъръ, 324, 434, 435.
 Марія Комнина, дъщеря на Михаила Епирски, 592, 595.
 Маркіанополь, гр., 91, 167, 189, 253; Маркіанополска католическа епархія, 91.
 Марео Автонио Барбаро, венециански посланикъ, 77.
 Марко Бандинъ, маркіанополски архиепископъ, 91.
 Марко Кралевиъ, 96, 557, 560.
 Марко, св., библиотеката, 80.
 Маркоманская война, 192, 195, 225; Маркоманскій союзъ, 193.
 Маркоманы, нар. 192, 198.
 Маркъ Аврелій, рим. императоръ, 192, 193, 215.
 Мароша, рѣка, 379.
 Мароция, любовница на папа Льва VI, 428, 429.
 Мартенъ, гр. (Castrum Martena), 229.
 Мартинъ IV, сплѣтски архиепископъ, 491, 492, 499.
 Мартынъ, аббатъ, 266.
 Марцеллинъ Амміанъ, 13, 24, 228, 232, 234—236, 291.
 Massimigliano, duca di Baviera, 99, 100.
 Матео Цане, венециански байль въ Цариградъ, 544.
 Махотгез, гр., 526.
 Мегюречъ, гр., 299.
 Мельницкая епархія, 283.
 Менандръ, визан. историкъ, 22, 236, 247—251, 256.
 Менофилъ Туллій, управитель на Мизія, 194.
 Менуморутъ, князь, 379.
 Мерсва (Mierswa), гл. Дзѣржава.
 Месиръ-паша, великъ везиръ, 98.
 Месопотамія, 259.
 Места р., 28, 147, 169, 170.
 Методий св., славянски просвѣт. 129, 133, 134, 177, 316, 356.
 Мехметъ-паша, великъ везиръ, 98.
 Мидійцы, 207; Мидійское племе, 207.
 Мидия, 176.
 Мизиміяны, нар., 189.
 Мизія, 9, 10, 65, 66, 150, 170, 184, 185, 188, 193, 194, 197, 204, 215, 225, 228—231, 243, 251, 254, 258, 276, 281, 287, 294, 295, 305, 569, 640.
 Мизийци, гл. Мизы.
 Мизы (Μύζαι, Mysi), пл., 146, 150, 160, 169, 174, 175, 569.
 Микрополисъ, гр., 527.
 Миларѣка (Μιλλάρεια), гр., 188.
 Миленцы, славян. племе, (Μιληγγαί), 29, 30, 41, 310, 316.
 Милитъ, островъ, 301.
 Milolitu—Милолитъ, 187.
 Милутинъ, гл. Стефанъ.
 Милци, гл. Миленцы.
 Милчане, славянско племе, 310.
 Миридитски планини, 599.
 Мирмидоняне, нар., 23, 24, 177.
 Мирославъ, синъ на Кресимира, 494—498, 500, 501, 516.
 Мистикъ, гл. Николай.
 Митрофанъ III, царигр. патриархъ, 531.
 Михаилъ II, епирски деспотъ, 577, 578, 592—594, 597, 601, 605.
 Михаилъ, (Авторіанъ), никейски архиепископъ, 585.
 Михаилъ, царь Симеоновъ синъ, 325, 431, 437, 456, 507.
 Михаилъ, синъ на Ивана Александра, 101, 109.
 Михаилъ II, визан. императоръ, 267, 296, 405.
 Михаилъ III, визант. императоръ, 38, 41, 519.
 Михаилъ Асѣнь, болгар. царь, 577.
 Михаилъ-Борисъ, гл. Борисъ.

Михаилъ Воиславичъ, сръбски краль, 518, 569.

Михаилъ Вышевичъ, захлумски князь, 178, 322, 418—420, 425—427.

Михаилъ Дука, визан. писатель, 643.

Михаилъ Константиновичъ, епичеринъ, 561.

Михаилъ VIII Палеологъ, визан. императоръ, 82, 577, 578.

Михаилъ IV Пафлагонъ, визан. императоръ, 637, 638.

Михаилъ Пселъ, писатель, 570.

Михаилъ Шишманъ, видински, 80, 555, 556, 561.

Михалооглу фамилия, 544.

Млава, рѣка, 299.

Млѣтъ, островъ, 408.

Могленская епископія, 283, 440.

Моисей, Шишмановъ синъ, 327, 336, 362—364, 457, 484—486.

Моисей Хоренски, арменски писатель, 276, 295, 296.

Мокръ, область, 301.

Мокра, планина, 417.

Мокрискиѣ, гр., 300.

Мокро, гр., 301.

Малешевѣ (Малашево), гр., 304.

Молиса, гр., 578.

Молиса, обл., 46.

Монембазия, область, 77.

Монтаблано, итал. писатель, 546.

Монтеново, гр., 91.

Мошеустія, арабска крѣпость, 462.

Морава, рѣка, 206, 272, 417.

Морава, гр., 573, 574.

Мораване, славянско племе, 297.

Моравская епископія, 441.

Мораца (Morra), 27.

Мория, крѣпость, 635.

Моровиздъ, гр., 304.

Моровиздское епископство, 304, 440.

Мортагонъ, българ. царь, 134.

Морача, рѣка, 301, 417.

Москополь, гр., 281.

Мостъ, село, 539.

Мохаметъ II, завоеватель на Цариградъ, 85, 86, 98, 532.

Мохаметъ III, султанъ, 95.

Мохаметъ IV, султанъ, 642.

Муѣжикъ (Μουζίκος), слав. князь, 253.

Музаки, гл. Константинъ и Иванъ.

Музейска библиотечка въ Неаполь, 73, 79.

Мутимиръ, хърватски князь, 413, 414, 496.

Мундо, рим. пълкородецъ, 234, 237.

Мурадъ I, султанъ, 561.

Мурадъ II, султанъ, 526, 528.

Мурадъ III, султанъ, 98, 545.

Мура, рѣка, 203.

Муръмидонестъ, гл. Мирмидоняне.

Муципара, гр., 156.

Мухла, 267.

Мънастиръ, село, 538, 539.

Н.

Навиактъ, гр., 593.

Навилія, 602.

Надтатрански край, 287.

Неаполь, гр., 73—75, 82—85, 88.

Неново, село, 539.

Неокесарійскій соборъ, 610.

Неофитъ, іериски епископъ, 621, 623.

Неретва, рѣка, 148, 299, 300, 321, 322, 408, 418.

Неретване, славян. племе, 301—303, 308, 408—411, 418, 502, 504, 508.

Неречаны, гл. Неретване.

Неропы, трак. пл., 147, 182, 279.

Неропхъ, Неропьси, гл. Неропы.

Несторъ, лѣтописецъ, 34, 45, 172, 178, 210, 224, 332.

Нестосъ р. (Νέστος), гл. Места.

Низворо, 308.

Никея, гр., 373, 595, 615—619.

Никита, патриархъ, 36.

Нигита, епископъ ремесіянскій, 166, 171.

Никита, адмиралъ, 466.

Никита Акоминатъ (Хоніятъ), 307, 347, 471, 575.

Никита Эротикъ, 467.

Никифоръ, визант. императоръ, 30, 41, 107.

Никифоръ, цариградски патриархъ, 45, 46, 66, 247, 292.

Никифоръ Вотанията, визант. императоръ, 100, 447.

Никифоръ Вриени, историкъ, 347, 570.

Никифоръ Фока, византийски императоръ, 330, 333—335, 337, 339, 345, 458, 461—463, 466, 467, 469, 514.

Николай I, папа, 296.

Николай Мистикъ, цариградски патриархъ, 371—375, 378, 380—385, 387, 389—391, 396—401, 451.

Николица, Самуил. воевода, 633—635.

Николица, пеговъ внукъ, 570, 633; 634, 636, 638.

Никомидія, гр., 373.

Никонолитанска страна, 284, 325, 456.

Никоноль, гр., 79, 110, 131.

Никостратъ Комисъ, полководецъ, 232.

Нисса, гл. Нишъ.

Нишавска область, 574.

Нишская епископія, 441, 442.

Нишъ, гр., 156, 166, 193, 240.
 Новградъ, гр., 301.
 Новибазаръ, гр., 98, 99, 111.
 Новопазарска околия, 524.
 Норикъ, 264, 265; Норическіе славяне, 265.
 Норопы, гл. Неропы.
 Норци, 176.
 Нявша, село, 539.

О.

Оботриди (Бодричи), гл. Одризы.
 Обры, гл. Авары.
 Овидій, рим. поетъ, 147, 205.
 *Ογγλον или *Ογκλον, гл. Онглонъ.
 Одеръ, р., 225.
 Одесса, Одессосъ, гр., 117, 118, 151.
 Одризы, трак. племя, 147, 158, 159, 160, 164, 169, 174, 298.
 Окомиръ (*Αχαήρος), славянскій начальникъ, 29.
 Октавіанъ, рим. императоръ, 164.
 Октавий Сапиенций, испански священникъ, 77.
 Олегъ Святославичъ, 220.
 Олга, руска княгиня, 338, 463.
 Олеунъ, гр., 301.
 Олгунъ, гр., гл. Дульциниумъ.
 Оливериянска библиотека, 99.
 Оливнери Аннибаль, графъ, 99.
 Олимпъ, пл., 43, 147.
 Олъвания, обл., 176.
 Onagoste zupania, 188.
 Онглонъ (Onglum, *Ογκλος), 45, 46, 47, 66.
 Ондава, 211.
 Онегостъ, Оногостъ, гл. Аногастъ.
 Оногуры, нар., 183.
 Ора, дъщеря на Романа Логаръ, 621—623, 627, 628.
 Орейская епископія, 440, 531.
 Орсеоло, гл. Петъръ Орсеоло.
 Оругундіоны, гл. Уругунды.
 Осаръ, островъ, 266.
 Осле, гр., гл. Юсли.
 Осма, р., 145, 254, 255.
 Osman, comandante di Aleppo, 99, 100.
 Османъ-Пазарска околия, 523, 535.
 Осоръ, островъ, 406, 412, 502.
 Осса, пл., 281.
 Острый (*Οστρουϊ), пълков., 188.
 Островъ, гр., 637.
 Остудица, гл. Ostudizus.
 Ostudizus, гр., 187, 188, 312.
 Остъ-Готи, 14, 15, 186, 229—233, 238;
 Остъ-Готско царство, 15, 230; Остъ-Готски опустошенія, 61.
 Отранто, гр., 86.

Отонъ I Велики, 335, 350, 435, 436, 466, 478.
 Отонъ II, 511.
 Оточецъ, гр., 299.
 Оушько, 573.
 Офриксъ плавина, 281.
 Охрида, 132, 484, 578, 590, 592, 594, 596.
 Охридская архиепископія, 283 (епископія), 440, 531.
 Охридско езеро (Λουχνιδία λίμνη), 148, 175.

П.

Павелъ, сплѣтски архиепископъ, 491, 492.
 Павелъ, арбански епископъ, 600, 601.
 Павелъ, апостолъ, 177.
 Павелъ, хърватски банъ, 83.
 Павелъ Брановичъ, сръбски жупанъ, 419, 420.
 Павелъ Джовій, 544.
 Павелъ Діаконъ, писатель, 199—201, 264, 273.
 Павелъ Емилій, рим. консулъ, 61, 164.
 Павзаній, гръц. писатель, 192.
 Павликяне, 373, 445.
 Павлимиръ, синъ Петрислава, 515, 516.
 Пайсий Хилендарскій, 115, 117—123, 125—129, 131, 133, 134, 136, 552—562.
 Палестина, 259.
 Паллена, полуостровъ, 237.
 Палмата, крѣпость, 238.
 Палмерий, писат., 639.
 Пангей пл., 159.
 Паннонія, 33, 45, 61, 193, 204, 206, 213, 229, 245, 247, 248, 256, 258, 262, 264, 265, 268, 275; Посавска Панновия, 406, 408, 414, 415.
 Паноны, 163, 164.
 Панталіа, св., 56.
 Паралипоменъ Зонары, 178, 179, 184.
 Пароская область, 274.
 Парчевичъ Петъръ, маркианополски архиепископъ, 91.
 Патеркулъ Веллей, 163.
 Патисъ (Pathissus), р., 206, 207.
 Патры, гр., 251, 276.
 Патьково, 573.
 Пафлагонія, обл., 259.
 Пезаро, гр., 97—100, 122.
 Пелагонія, гл. Пологъ.
 Пелагоны (Πελαγονοι), трако-ил. племя, 199.
 Пелопонесъ, 23, 28—30, 36, 41—43, 251, 252.
 Пенесты, илирійское племя, 156.

- Пентадактиль, пл., 29, 30, 316.
 Пенчо, гл. Пинчи.
 Пеоны, трак. племя, 61, 148, 156, 160, 175.
 Пеонія, гл. Паннонія.
 Первундъ, рунхински князь, 292.
 Пердика, македонски царь, 158.
 Переяславецъ, гл. Прѣславецъ.
 Перноъ, 165.
 Перистерии, план., 560.
 Персы, 78 (персияне), 189, 238, 241, 252, 260—249, 262.
 Перунъ, езич. богъ, 54—56, 218.
 Пессіумъ (Πεσσιον), гл. Пештъ.
 Петриславъ, синъ Радеслава, 515, 516.
 Петреская епископія, 441, 442.
 Петъръ, болгар. царь, 321, 323—325, 328—337, 339, 348, 349, 351, 353, 356, 358, 362, 402, 431—436, 438—440, 442, 443, 447, 448, 452, 453, 455—462, 464—467, 480, 483—487, 506, 507, 519, 568.
 Петъръ, патриций, 469.
 Петръ, братъ на импер. Маврикия, 253—256, 258.
 Петъръ Гойниковичъ, сръбски жупанъ, 417—419.
 Петъръ Делианъ, 570, 636—638.
 Петъръ Каррарски, 87.
 Петъръ Кресимиръ, хърватски краль, 490, 492, 497, 498, 500.
 Петъръ Орсеоло, венециански дожъ, 502, 503.
 Петъръ Сикула, 296.
 Петъръ Тудебадъ, писатель, 570.
 Печенѣзи, 334, 339, 341, 377, 385, 386, 394, 433, 438, 442, 463, 467, 469.
 Печска архиепископія, 531.
 Пештъ, 207.
 Піеры, еракийское коѣно, 147.
 Пій Антоинъ, рим. императоръ, 187, 191, 192, 215.
 Пилотъ, обл., 600.
 Пиндъ, пл., 153, 165.
 Пинчи, племянникъ на Шишмана, 329, 362, 457, 483, 499, 500, 568.
 Пирегастъ, Пирогоста, славян. вождь, 188, 254.
 Писиды, гл. Георги Писиды.
 Пистра (Pistra), гл. Быстра.
 Піяница, гр., 304.
 Плиній, рим. ученъ, 166, 206, 297.
 Плиска, гл. Плисковъ.
 Плисковъ, гр., 108, 338, 342, 352, 468, 474, 487.
 Пловдивъ, гр., 170, 639—643.
 Плотинополь, 170, 237, 243, 312.
 Плодень, Плодень, Плудинъ, гл. Пловдивъ.
 Погане, гл. Неречане.
 Поганія, обл., 302.
 Погонать, гл. Алексій и Константинъ.
 Погорье, р., 301.
 Подгорье, обл., 300; гл. Захлумье.
 Подримие, 573.
 Полабіе, 246.
 Поляки, 173—175.
 Poleni, Polani, Pulani, Поленци, Поленинъ, Полянцы, гл. Поляне.
 Поляне, слав. пл., 34, 169, 203.
 Поливій, рим. историкъ, 158, 172.
 Половецкая земля, 220.
 Пологъ, обл., 170, 573, 578.
 Полочане, 34.
 Полянская епархія, 283.
 Поморавие, 573.
 Потисье, обл., гл. Патисъ.
 Празіасъ (Prasias), сев. Такино озеро, 159.
 Превалята (Praevalis), 10.
 Превладъ, синъ Прелимира, 516.
 Предимиръ, гл. Прелимиръ.
 Прелимиръ, южно-далм. краль, 353—357, 488, 515—520.
 Пресбургъ, 414.
 Преснямъ, болгарски князь, 417.
 Преспа, гл. Прѣспа.
 Прибуня, хърватски банъ, 494—498, 501.
 Призренска область, 574.
 Призренеки епископъ, 91.
 Принети, р., 169.
 Прискъ, гръц. писатель. 167, 183, 199, 210, 211, 230, 244.
 Прискъ, полководецъ на императора Маврикий, 253, 254, 256.
 Приштина, гр., 91.
 Приштская епископія, 441.
 Пробъ, рим. императоръ, 196, 225.
 Провато, гр., 111.
 Проватская епископія, 440.
 Проконезская область, 274.
 Прокопій, визант. писатель, 17, 18, 20, 21, 24, 61, 169, 187—190, 235—243, 288, 291, 312, 333, 465.
 Прокопье, гр., 111.
 Просперъ, гл. Тиронъ.
 Просѣкъ, крѣпость, 573, 576.
 Крутъ, рѣка, 45.
 Прѣславецъ (Малка Прѣслава), гр., 332, 338, 464, 465, 468, 472, 476.
 Прѣславская епископія, 440.
 Прѣслава (велика), гр., 108, 333, 337, 338, 340—343, 346, 348, 352, 436, 465, 468, 473—476.
 Прѣсна, гр., 349, 358, 363, 477, 480, 578.
 Прѣненско озеро, 148.
 Прѣхвала, дъщеря на Прелимира, 353, 488.

Иселлъ, гл. Михаилъ.
 Итоломей, писатель, 198, 199, 201—206.
 Итоломей Керавна, макед. царь, 160.
 Пулатская епархія, 599.
 Пулпудева, 639—641.
 Пулпудена, гл. Пулпудева.
 Пустерталь, обл., 264.

Р.

Рабдухъ, дирахийски стратегъ, 419.
 Рабъ, островъ, 266, 406, 412.
 Равана, гр., 308.
 Равна, с., 538, 539.
 Раваникія, гр., 308.
 Равный, гр., 573.
 Рагуза, гр., 81.
 Рагузска република, 88, 92; Рагужане, 92, 111, 112, 642.
 Радоальдъ, беневентски войвода, 273.
 Радогостъ, славян. вождь, 250, 253.
 Радославъ, сръб. король (?), баща на Чеслава (?), 510, 515.
 Разлога, гр., 304.
 Раймондъ д'Ажилъ, писатель, 570.
 Ранчо-Венелиново учение, 65, 67.
 Рамберти, путешественникъ, 99, 643.
 Раса, обл., 299, 353, 355, 488, 512, 516, 517.
 Расская епископія, 441.
 Растокъ, озеро, 301.
 Расточа, жупа, 301.
 Ратиарія, гр., 10.
 Рашска область, гл. Раса.
 Рейнаръ Сакони, 312.
 Рейнъ, р., 192, 197.
 Ремесіяна, гр., 166.
 Рентина, гр., 308.
 Ренхини (Реждане), гл. Рипхини.
 Ресавское нарѣчіе, 272.
 Рехій, р., 238, 243, 308.
 Римляне завоеватели, 8—10, 11, 12, 60, 61, 125, 146, 149, 159, 160, 162—166, 170, 173, 174, 191, 193, 195, 196, 209, 210, 213—216, 218, 224, 228, 240, 150 251, 254, 255, 259, 261; Римски поселенци, 25, 215, 216; Римско населеніе, 25, 215; Римска гражданственность, 10, 266; Римска дръжава, 60; Римска власть, 60, 270.
 Римскій каталогъ сплѣтскихъ архі-епископовъ, 490—492, 497—499.
 Рисена, гр., 301.
 Рипхини, славян. племе, 28, 39, 275, 293, 305, 306, 308, 315, 567.
 Рихій, гл. Рехій.
 Ричардъ, Львско сѣрдце, английски король, 639.

Робертъ, король неаполитанскій, 81, 83—85.
 Робертъ (де-Куртене), латинскій императоръ, 620.
 Робертъ, аббатъ, 570.
 Робертъ Гюискаръ, норманд. король, 314, 315.
 Родопа (Rhodope), 10, 27, 146, 171, 187.
 Родопски планини, гл. Родопа.
 Рожеръ Сицилійскій, 315.
 Роксоланы, пл., 192.
 Романы, гл. Влахи.
 Романъ, внукъ на Р. Лакапина, 389.
 Романъ, король Петровъ синъ, 335, 337, 344, 453, 476, 519.
 Романъ II, визант. императоръ, 309, 330, 337, 338, 358, 467, 514.
 Романъ Лакапинъ, визант. императоръ, 324, 387—393, 399, 402, 403, 419—421, 423, 433, 434, 436, 438, 439, 445, 459, 507, 514.
 Романъ Логаръ, солунскій гражданинъ, 621, 622, 624—626.
 Руа, чича на Атила, 230.
 Ruggiero, 79.
 Рудолфъ II, запад. императоръ, 541.
 Румынія, 145; Румыны, 153, 216; Румынскій языкъ, 153—156, 172.
 Рупхини, гл. Рипхини.
 Руфъ Сейстъ, писатель, 195.
 Рюрикъ, русскій князь, 34, 35.
 Рѣка, 573.

С.

Сабиры, уралско племе, 183, 244, 246, 295.
 Савва, св., сръбскій архіепископъ, 555, 573, 595, 599, 600.
 Савринъ, гл. Сабиры.
 Сагудаты, славян. племе, 27, 28, 39 (Сакулати), 275, 293, 305, 306, 309, 567.
 Сакони, гл. Рейнаръ.
 Сакулати, гл. Сагудаты.
 Сандъ-ибнъ-Батрикъ, араб. писатель, 295.
 Саланъ, болгар. князь въ Дакия, 379.
 Саланъ-Камень, столица на Салана, 379.
 Само, славян. князь, 268.
 Самуилъ, болгар. король, 97, 98, 101, 108, 109, 281, 327, 328, 334, 351—360, 362—364, 442, 453, 454, 457, 479, 480, 482, 484—487, 499, 511, 512, 520, 568, 569, 633—636.
 Сантофеличе, гр., 224.
 Сапан или Синты, пл., 147, 182, 279.
 Саппенций, гл. Октавий.

- Сарагуры, нар., 183.
 Сарамиръ, баша на Светополка, 519.
 Сараины, 309, 373, 386, 410, 411, 462.
 Сарданская епархія, 599.
 Сардика (Срѣдецъ, Софія), 10, 98, 110, 111, 131, 166, 170, 240, 256, 573, 624—644.
 Сарды, пл., 170.
 Сарматы, пл., 149—151, 162, 163, 195, 196, 198, 200, 202, 203, 207, 208, 213, 229, 231.
 Сатагары, нар., 229, 231.
 Сатаги, гл. Сатагары.
 Сатры, орак. пл., 146, 147.
 Саты, илир. племе, 279.
 Сахликина, гл. Кала.
 Сварунъ, полководецъ на Юстиниана, 189, 291.
 Свевска область, 206.
 Светоній, римски писатель, 163.
 Святополкъ, моравски князь, 355, 356, 378, 519.
 Святославъ, болгар. царь, 80, 104.
 Светославъ, руски князь, 331—334, 338—340, 342, 343, 376, 431, 460, 463—472, 474, 475, 477, 517, 534.
 Сврѣлигъ, гр., 573.
 Сгуръ, навплийскій архонтъ, 602.
 Сдеславъ, хърватски жупанъ, 412, 413.
 Седмиградіе, об., 60.
 Седмиградское княжество, 379.
 Сейоъ, одризски князь, 158.
 Сейстъ, гл. Руфъ.
 Секурискъ, гр., 255.
 Селлы Семиградскіе, 309.
 Селимъ I, султанъ, 79, 130, 530.
 Селимъ II, султанъ, 530, 531.
 Селфидже, гл. Сербия.
 Семендрія, 10.
 Семо, болгар. царь, 26.
 Семовитъ, 166.
 Сеня (Сень), гр., 271, 302.
 Сеньскій епископъ, 178.
 Сепино (Serino), село, 46.
 Сербія Бѣлая, 268, 565, 566.
 Сербо-хорваты, 143, 179, 217, 266, 267, 269, 272; сербо-хорватскій языкъ, 271, 272.
 Сербы, 50, 53—55, 75, 78, 120, 123, 125, 126, 130, 180, 181, 219, 224, 231, 267—270, 272, 299 и сл.
 Сербійская епископія, 441, 611, 612, 614, 615, 617, 618, 620, 621.
 Сербія, Србица (Сельфидже), гр., 269, 358, 560, 610, 612, 635; Сербия, область, 565, 567.
 Сергій, патріархъ, 260.
 Сергій III, папа, 396, 397.
 Сересъ, гр., 358, 360, 361, 364, 480, 482, 485, 486.
 Сигула, гл. Петъръ.
 Серетъ, р., 204.
 Сильвестръ, синъ на Болеслава, 516.
 Силиврія, гр., 16, 236, 262, 393.
 Силимврія, гр., гл. Силиврія.
 Симватій, юристъ, 609.
 Симеонъ, болгар. царь, 101, 104, 108, 108, 177, 321—325, 330, 331, 358, 361, 371—394, 397—403, 404, 416—423, 427, 429—437, 440, 443, 451, 452, 454—456, 480, 486, 505, 506, 512, 519, 520, 568, 634.
 Симеонъ, иподіаконъ, 598.
 Симеонъ, св., гл. Стефанъ Неманя.
 Симеонъ Логотеть, 313.
 Симеонъ Палеологъ, 314.
 Симоката, гл. Теофилакть.
 Синанъ паша, великъ везиръ, 98.
 Сипонтъ, гр., 273.
 Синты, гл. Сапай.
 Сирія, обл., 259—261.
 Сирміумъ, гр., 196, 233.
 Сирмусъ (Syrmus), р., 169, 171.
 Сисекъ, столица на Панонія, 406, 414.
 Сисецкій князь, 407.
 Ситалкъ, одризски князь, 158.
 Ситница, 573.
 Скадарско езеро, 153.
 Скадаръ, Скадръ, гр., 10, 594.
 Скакавица, село, 572.
 Скандербегъ, албански царь, 85, 86, 87, 528, 560, 597.
 Скардъ, план., гл. Шаръ планина.
 Скилаксъ, грѣц. писатель, 156.
 Скилица, гл. Іоаннь.
 Скимнъ Хіоскій, 156.
 Скири, нар., 204, 229, 231.
 Скитія, 9; Малка Скитія, 23, 26, 65, 198, 229, 231, 250, 286, 294.
 Скионы, 145, 149—151, 160, 162, 163, 200, 232, 569; Скионскій языкъ, 211.
 Скомонъ пл., гл. Курбетска пл.
 Скоплица (Εκαπλίτζω), крѣпость, 168, 190.
 Скопская епископія, 441, 442.
 Скопье (Scupi, Скопие, Искюпъ), гр., 10, 132, 147, 156, 253.
 Скордиски, кельтске племя, 149, 159, 160—165, 174, 209, 224.
 Скутари, гр., 87.
 Славинія (Σλαβινία), об. 22, 23, 40.
 Славяне, народъ, 17—25, 27—43, 45, 48, 55, 56, 59, 61, 66—68, 75, 83, 86, 99, 143, 167, 168, 170—174, 176—187, 190, 191, 201—205, 208—214, 216—219, 223—226, 230, 231, 234—261, 263—268, 270—272; Слав. Норическіе и Панонскіе, 264, 265; С. Посавскіе, 407; Славено-българе, 37, 63; Славено-български езикъ,

- 37, 39; Славянски езикъ, 65, 170—172, 176, 211, 217; Славянски племена 25—27, 29, 30—36, 39, 41, 59, 65—69, 78, 174, 225, 231, 294—316; Славянски поселенія, 273—294.
- Славищъ**, градъ, 304.
- Славонія**, 83, 93, 94.
- Словата**, графъ, 77.
- Словацѣ**, 78.
- Словинци**, нар., 50, 187, 203, 217, 272; Нижнекраински Словинци, 288; Словински езикъ, 271; Словинско племе, 288.
- Слово о Плъку Игоревѣ**, 220—223.
- Словѣни**, гл. Славяне.
- Словѣния** македонска, мизийска и тракийска, 567.
- Словѣнски носъ** (punta de gli Schiavi), 99.
- Смоляне**, славян. племе, 28, 39, 305, 307, 567; македонски и полабски, 310; гл. сжщо Кривичи.
- Смолянское епископство**, 307.
- Смолянское княжество**, 307, 310.
- Солина**, гр., 300.
- Солинская метрополія**, 427.
- Солунское сказаніе о св. Димитріѣ**, 275, 292, 307, 310.
- Солунъ**, гр., 20, 27, 28, 40, 134, 195, 240, 249, 255, 257, 259, 270.
- Соранцо Яковъ**, венециански посланикъ, 92, 98.
- Соска**, гр., 578.
- Софія**, гл. Сардика.
- Спартакъ**, водителъ на робитѣ, 61.
- Спиридонакъ**, управителъ на смолянитѣ, 307.
- Сплѣтъ**, гр., 266, 271, 300, 302, 406, 412, 427, 500; Сплѣтски събори, 426, 427, 489, 492; Сплѣтско архиепископство, 426.
- Σπόροι**, 17.
- Срацимиръ**, гл. Іоаннь.
- Србли**, Србали гл. Сербы.
- Срѣбчище**, гл. Сервія.
- Срѣдечка митрополія**, 644.
- Срѣдецъ**, гл. Сардика.
- Срѣмъ**, об., 126, 254. 510.
- Ставраки**, визант. нѣлководецъ, 41.
- Стажская епископія**, 441.
- Станиславъ Филиппъ**, католич. епископъ, 110.
- Стефановъ Георги**, рагузски граждаанинъ, 88.
- Стефанъ Гаспарѣ**, 93, 94.
- Стефанъ Византійскій**, 156, 157, 187.
- Стефанъ Баторий**, седмоградски князь, 533.
- Стефанъ**, братъ на Льва VI Философъ, 430.
- Стефанъ**, синъ на Р. Лакапина, 389.
- Стефанъ Дечански**, 555, 556.
- Стефанъ Душанъ**, 314, 555—562.
- Стефанъ Милутинъ**, 556, 571, 579.
- Стефанъ Неманъ**, 513, 555—558, 571—576, 579, 586, 587, 591—594, 599, 600.
- Стефанъ Първовѣнчани**, 572—574, 576, 577, 591, 595.
- Стилианъ Зауча**, баща на императрица Зоя, 376.
- Стобъ**, градъ, 572, 573, 575.
- Стогнонь**, градъ, 300.
- Стонъ**, градъ, 300.
- Страбонъ**, географъ, 7, 148—150, 157, 161, 162, 165, 166, 199, 201, 205, 212 (сократитель Страбона) 276.
- Стратилатъ**, гл. Теодоръ.
- Στρέην**, 168.
- Стримваконъ**, архіерей, 624.
- Стримонская область**, 306, 307, 347, 449, 450, 480.
- Стримонцы**, славянское племе, 28, 39, 169 (Струмене), 275, 293, 305—308, 315, 567.
- Стримонъ**, гл. Струма.
- Στρούας**, 168.
- Струма** (Στρυμών) р., 145, 147, 148, 158, 169, 170, 182, 456.
- Струмене**, гл. Стримонцы.
- Струмица**, р., 28.
- Струмицкая епископія**, 440.
- Струмица**, гр., 132, 575.
- Струцъ**, 44.
- Стрѣзь**, български князь, 575—577, 589, 602.
- Стыръ**, р., 244.
- Субделитія**, область, 309.
- Судейманъ I**, султанъ, 530.
- Сурсувулъ**, гл. Георги.
- Сутѣскъ**, градъ, 304.
- Сфенкелъ**, Светославовъ войвода, 341, 342, 473, 474.
- Сърбия**, 76, 91—94, 96, 109—111, 267.
- Сѣверяне**, славян. племе, 26, 34, 39, 294, 295.
- Сѣверцы**, славян. племя, 294, 310.
- Сѣръ**, градъ, 575.

Т и Θ.

- Θаворинъ**, гръц. писатель, 167.
- Тавриски**, пл., 209.
- Тайгетъ**, гл. Пентадактилъ.
- Талары**, нар., 165.
- Θалелей**, писатель, 609.
- Тарсъ**, арабска крѣпость, 330, 462.
- Тарса**, вождъ на одризитѣ, 164.
- Тасилонъ**, баварски херцогъ, 264.

- Татари Ногайски**, 46.
Татимиръ, виз. воевода, 256, 291.
Тацитъ, рим. историкъ, 163, 202, 206.
Тевта, илирийска царица, 163.
Tekeli, principe d'Ungheria, 99.
Теодора, любовница на папа Льва VI, 428, 429.
Теодора, дъщеря на Михаила Комнина, 592.
Теодоригъ Тріарія, остъ-готски водителъ, 230.
Теодорихъ В., остъ-готски кралъ, 14, 15, 230, 233.
Теодоруноль (Силистра), 343, 475.
Теодоръ Коминъ, епирски деспотъ и царь солунски, 577, 588—590, 594, 603, 606—609, 611—621, 626.
Теодоръ Ласкарисъ, никейски императ., 577, 578, 585, 604, 616.
Теодоръ, магистръ ц. Симеоновъ, 382.
Теодоръ Гермополитски, писатель, 609.
Теодоръ, учитель на Кон. Багряно-родви, 388.
Теодоръ Стратилатъ, св., 344.
Теодосій, сръбски писатель, 576.
Теодосій Великій, римски императоръ, 204, 229, 296, 499.
Теодосій II, византийски императоръ, 13, 210.
Теодосій Палестински, 171.
Теоктистъ, полководецъ, 41.
Теофанъ, лѣтописецъ, 22, 26, 41, 45, 46, 66, 129, 243, 247, 260, 261, 276, 294, 295, 305—307, 315, 422.
Теофилактъ, охридски архиеп., 570.
Теофилактъ, синъ на Р. Лакапина, 430.
Теофилактъ, папски легатъ, 396—398.
Теофилактъ Симоката, гръцки писатель, 234, 236, 247, 248, 250, 251.
Теофилъ, 609.
Тервунія, градъ, гл. Требинье.
Τερρεστῆ (сег. Триестъ), 148.
Теремиръ, градъ, 304.
Тересъ (Τήρης), князь на Одрзитъ, 158.
Термопилы (Thermopylae), 232, 233, 235—237, 243.
Терпимиръ, харват. князь, 408, 491, 492, 494, 496; Терпимирова грамота, 407, 408.
Тессалія (Thessalia), 10, 24, 25, 28, 36, 41, 43, 145, 177, 227, 236, 237.
Тѣшимиръ, синъ на Павлимира, 515, 516.
Тиберій II, виз. императоръ, 21, 22, 249, 250, 258.
Тиверцы, слав. племе, 34.
Тиле, гр., 161.
Тимокъ, р., 26, 272.
Тимочане (Тучане), слав. племе, 26, 39, 296, 297, 308.
Тираннъ, градъ, 281.
Тиرونъ, Просперъ, писатель, 13, 24, 229.
Тиса, р., 175, 191, 195, 196, 205—212.
Тихомиръ, българ. воевода, 636.
Тича, с., 536.
Тодоръ Малиссенски, 77.
Токай, гр., 210.
Тома, архидіаконъ, 186, 492, 499.
Тома, визант. полководецъ, 296.
Томи, гр., 9.
Томиславъ, хърватски кралъ, 178, 414, 415, 420, 424—426, 489, 492, 493, 495—498, 503, 504, 511.
Тоносуры, племе, 230.
Тоширъ (Топирисъ), крѣпость, 20, 242.
Торыса, р., 211.
Тоски, албанско племе, 153.
Травунія, область, 302, 353, 412, 419, 508, 511—513, 515, 517.
Травуняне, славян. племе, 301—303, 322, 409, 418, 504, 514, 517, 519.
Траяновъ валъ, 215, 222.
Траянополъ, гр., 10.
Траянъ, римски императоръ, 174, 178, 191, 195, 212, 213, 215, 216, 218—220, 223.
Тракійци, нар., 59—61, 144, 145, 147, 149, 150, 152—254, 156, 157, 159—163, 165, 166, 204, 205, 216; Тракийска теория, 58.
Тракія (Thracia), 10, 11, 14, 21—23, 25, 27, 30, 131, 132, 144, 150, 151, 157, 159, 161, 162, 166, 180, 181, 187, 188, 197, 198, 225, 227, 228, 230—232, 234, 239, 240, 242, 243, 249, 251, 254; Великая Тракія, 296.
Трако-Иллирійци 7—11, 15, 24, 25, 31, 58—61, 151, 158—160, 173, 176, 278, 279, 287; Трако-Иллирски племена, 58, 181.
Трамекая епископія, 441.
Трансильванія, об., 95.
Траянополъ, гр., 449.
Требинье, гр., 109, 301.
Трибаллы, (Triballi, Τριβάλλοι), 59, 146, 156, 159, 160, 165, 169, 180, 181.
Триполски емиръ, 330.
Тріядицкая епископія, 441, 442.
Трогира, гр., 266, 271, 302, 406, 412.
Трогиръ, островъ, 502.
Троянска война, 177.
Троянъ, въ „Слово о полку Игоревѣ“, 220—223, 225.
Туа, 267.
Тугимиръ, синъ на Силвестра, 516.
Тудебадъ, гл. Петъръ.
Тузлукъ, об., 523, 524, 535.

Өүкидидъ, гръцки историкъ, 144—146, 151, 182.
 Туловска область, 533, 541.
 Туманно-Енгелево учение, 65, 67.
 Турезисъ, вождъ на Одризитъ, 164.
 Туррисъ, гр., 239.
 Турци, 58, 78, 80, 81, 86, 92, 95.
 Турция, 77, 98.
 Тюрингя, 245, 246.

У.

Угличи, русско племе, 34, 45, 46.
 Угльшиъ, сръбски князь, 561.
 Угрия, 17, 21, 22, 76, 78, 180, 181, 195, 205, 207—210.
 Узиндуръ, синъ на Атила, 229, 286.
 Улцинь, градъ, гл. Олсунъ.
 Ульпиана, гр., 170.
 Управда-Юстинианъ, 19, 189.
 Урало-Чудска народность, 68.
 Уралски Българе, гл. Волжски Българе.
 Уралъ, пл., 183.
 Урбини, гл. Мавро.
 Ургадъ, островъ, 502.
 Урги, гл. Уроги.
 Уреки, гл. Ексихи-бей.
 Уроги, нар., 183, 199.
 Урошъ, синъ на Ст. Душанъ, 558, 561.
 Урошъ I, сръб. краль, 578, 579.
 Уругунды, народъ, 194, 195, 197—203, 205.
 Ускана, гр., 156.
 Ускудама (Uscudama), гр., 147, 156, 169.
 Ута, рѣка, 302.
 Уто, синъ на Атила, 229, 286.
 Утургурь, народъ, 244, 246.

Ф.

Фалиеро Марино, венециански посланикъ, 79.
 Фанариоти, 116.
 Фатлумъ, арабски халифъ, 395.
 Ферранда, чиновникъ, 87.
 Фердинандъ, неаполит. краль, 85—88, 96.
 Филагрій архіерей, 626.
 Филинополюска епархія, 314.
 Филинополю, гр., 10, 111, 166, 194, 237, 243, 255, 448, 468, 471, 480, 482, 639, 640.
 Филиппъ, рим. императоръ, 194.
 Филиппи, гр., 307.
 Филиппъ, пустынный, 308.
 Филиппъ V, македонски царь, 172.
 Филиппъ Македонски, 7, 8, 160.

Филовей Евхаитски, архиеп. 467.
 Финикия, 259.
 Финско племе, гл. Чудско племе, Финско учение, гл. Чудско учение.
 Финны, 202.
 Флавіополь, гр., 166.
 Фока, визан. импер., 255, 259—261.
 Фокида, область, 192, 391.
 Форминъ, епископъ, 427.
 Фотій, патриархъ цариградски, 112, 298.
 Франкопулъ, гл. Георги.
 Французи, 34, 35; Франки (Francs, Frank), 34, 35, 47, 173, 245, 406—409, 411; Франція (Галлія), 34, 47, 60, 61; Франкско царство, 34, 407.
 Фриги, трак. племе, 156.
 Фридрихъ II, герман. императоръ, 74.
 Фридрихъ Барбаруса, 574.
 Фронтинианъ, сплѣтски архиепископъ, 491, 492.
 Фускъ Корнелій, управ. на Панония, 206.

Х.

Халкокондилъ, хронистъ, 525.
 Хамайдраконтъ, солун. архонтъ, 607, 609.
 Хамза Испаханскій, арабски писатель, 36, 38.
 Харалдъ, норвежски принцъ, 570, 637, 638.
 Хастъ-къойска околия, 523.
 Хвалимиръ, синъ на Плеримира, 516, 517.
 Хваръ, о-въ, 271, 301.
 Хвилибудъ, полководецъ на Юстиниана, 237—239.
 Хвостно, 573.
 Хемимонтъ (Haemimontus), 10, 27.
 Хенрихъ Дандоло, венец. дожъ, 314.
 Херодотъ, историкъ, 7, 31, 59, 60, 145, 146, 151, 157, 159, 163, 170, 181.
 Херсонесъ, тракійскій полуостровъ, 147, 237, 239, 243.
 Хилendarскимънастиръ, 117, 120, 121.
 Хильбудъ, гл. Хвилибудъ.
 Химерская епархія, 315, 441.
 Хлумъ, градъ, 300.
 Хозрой, персийски царь, 259.
 Хоматианъ, гл. Димитрій.
 Хорватія, 76, 178; Бѣлая или Великая Хорватія, 267, 271.
 Хорватъ, 267.
 Хорсъ, слав. езич. богъ, 218.
 Хорутански славяне, 268; Хорутанизъмъ, 271; Хорутанія, 414; Хорутански планини, 404.
 Холомонъ, градъ, 308.

Хорваты (Хървати), 204, 267—272,
Христофоръ, анкирски митроп., 619.
Христофоръ, синъ на Р. Лакалина,
 324, 389, 434.
Хуниятъ, гл. Ляко.
Хунны, 12—15, 18, 183—185, 204, 205,
 210, 228—231, 239, 243; Хуннски
 опустошенія, 61, 185; Хунско цар-
 ство, 14, 229, 231.

Ц.

Цавтата ((Ragusa vecchia), гр., 271.
Цаконь, пл., 316.
Цамвлакъ, гл. Григорий.
Цане, гл. Матео.
Царственикъ на Христеаки Павловичъ,
 136.
Цезаръ Юлій, 60, 163, 175.
Цемандри, нар., 229, 231.
Церигъ, български князь, 305, 454.
Цетина, рѣка, 406, 408, 415.
Цибрица, р., 146.
Цимисхий, гл. Иоаннь.
Цурта, рѣка, 232.

Ч.

Чаушъ-Паша, великъ везиръ, 98.
Чеконь, гл. Цаконь.
Ченгя, село, 539.
Черна, гр., 187, 188, 312.
Черницкая епархія, 315, 441.
Чернабуча, градъ, 299.
Чеславъ, сръбски князь, 422, 468,
 505—511, 513—517.
Чехія, 244—246, 268.
Чехи, 50, 78, 94.
Чудска орда 34; Чудско (Финско)
 племе, 32, 36, 68, 200; Чудски Блъ-
 гаре, 35, 68, 69; Чудскій элементъ, 56.
Чудско или Финско ученіе, 65, 68.

Ш.

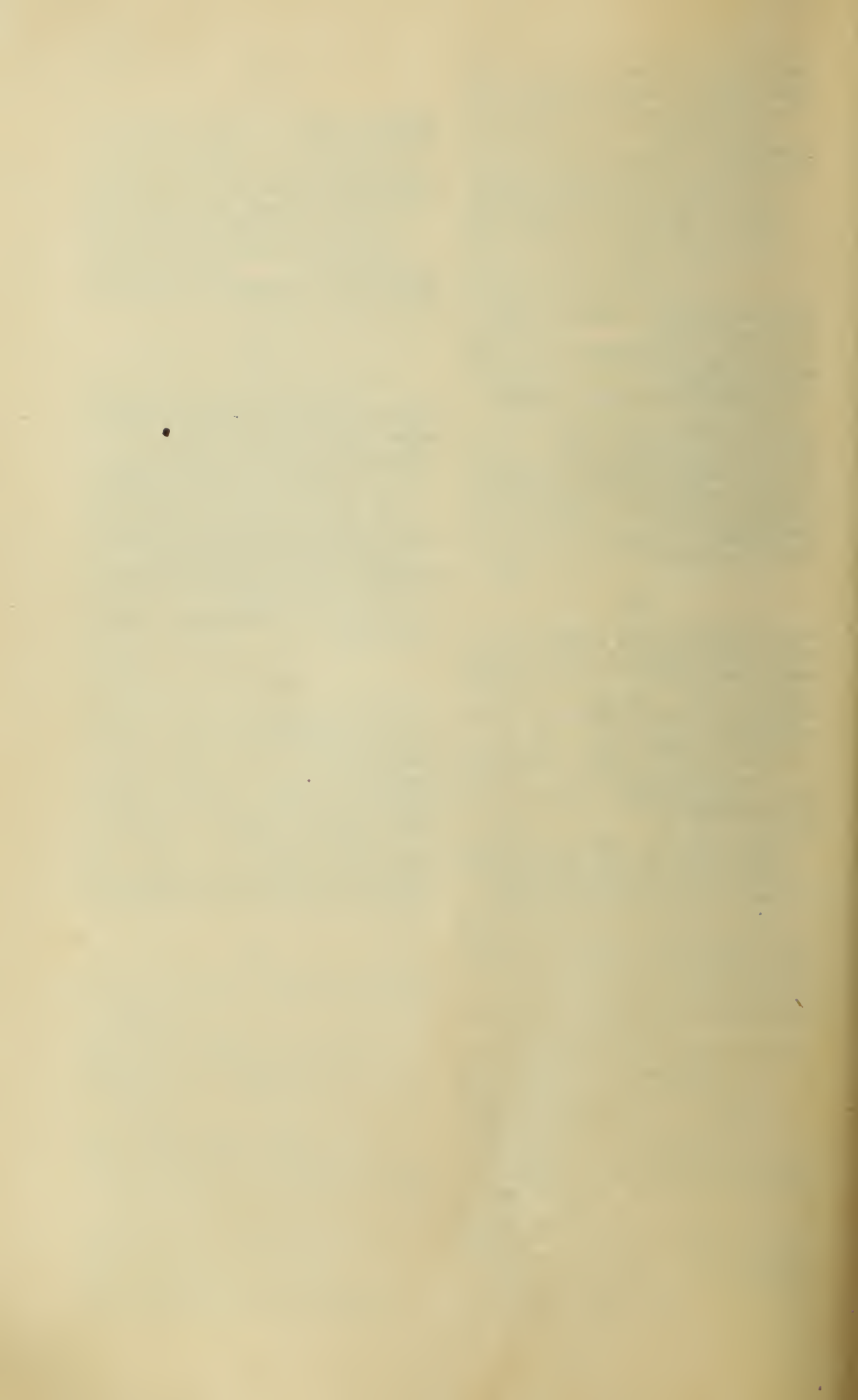
Шаява, р., 211.
Шаръ планина (Scardus), 148, 161,
 162, 175.
Шимманъ, основатель на западного
 българско царство, 327—329, 336,
 337, 348, 362—364, 458, 459, 477,
 483—486; гл. Иоаннь, Константинъ
 и Михайлъ.
Шкипетари (албанци), 25, 153, 157.
Шкумбъ, р., 148, 153.

Ю.

Юліанъ, визант. пълководецъ, 232.
Юрий Бранковичъ, гл. Георгій.
Юстиніанъ I, визант. императоръ,
 16, 17, 19, 38, 188—191, 236—
 239, 241, 243, 244, 249, 255, 266,
 284, 291, 304, 308, 312, 333, 465.
Юстиніанъ II Ринотметъ, виз. импе-
 раторъ, 40, 277, 293, 306, 307.
Юстинъ I, виз. императоръ, 19, 189—
 191, 236, 291, 304.
Юстинъ II, виз. императоръ, 244—
 246, 249.

Я.

Янево, гр. (Ianevo), 91, 110.
Янина, гр., 314.
Янинская епархія, 315, 441.
Янгово, село, 539.
Янко Хуниятъ, маджарски генералъ,
 526, 528, 529, 643.
Яподы, нар., 148, 149.
Ярославъ, въ „Слово о полку Игоревѣ“,
 220.

Печатни грѣшки.

Страница	редъ	напечатано :	да се чете :
1	3 отгорѣ	произхожденъе-то	происхожданъе-то
29	11 "	плдмена	племена
41	2 "	царстно	царство
45	2 отдолу	племдна	племена
46	3 "	Малиска	Молиска
93	20 отгорѣ	епарии	епархии
151	3 "	занимющемъ	занирающемъ
152	3 отдолу	составлющія	составляющія
159	15 отгорѣ	этѣхъ	этихъ
161	5 "	весь	весь
161	19 "	представлялась	представлялась
162	17 "	играть	играть
164	12 "	поселцевъ	поселенцевъ
166	1 "	приобрѣтаемыхъ	пріобрѣтемыхъ
167	3 "	совѣршенствѣ	совершенствѣ
173	19 "	разумѣтъ	разумѣтъ
185	19 "	несообразность	несообразность
189	7 "	Маркианополѣ	Маркіянополѣ
189	14 отдолу	Юстиніяна	Юстиніана
208	11 отгорѣ	эти	это
209	17 "	государства	государства
214	3 "	подтверждаютъ	подтверждаютъ
216	9 "	протворѣчить	противорѣчить
223	8 "	должны	должны
223	14 "	влияніе	вліяніе
227	7 отгорѣ	полуострвѣ	полуостровъ
232	3 "	корорыхъ	которыхъ
232	12 "	недостаточнимъ	недостаточнымъ
241	18 отдолу	возвращались	возвращались
254	1 "	минувала	миновала
255	8 отгорѣ	Гудуинъ,	Гудуинъ
260	16 отдолу	останови въ	остановивъ
266	6 "	нужнытъ	нужнымъ
266	17 "	Іоаннъ VI	Іоаннъ IV
276	15 "	своихъ	своихъ
301	8 "	Даматія	Далматія
304	8 отгорѣ	яственно	явственно
305	4 "	называетъ	называетъ
305	17 отдолу	оставляетъ	оставляетъ
306	3 отгорѣ	примѣняетъ	примѣняетъ
306	11 отдолу	Стримонци	Стримонцы
306	13 "	Струменци	Струменцы
307	10 отгорѣ	Стримонци	Стримонцы
307	19 "	више	выше
308	1 "	Діоптри	Діоптры
308	11 отдолу	Стримонци отъ Струмици	Стримонцы отъ Струмицы
308	12 "	Ринхини	Ринхины
310	12 "	Руссихъ	Русскихъ

Страница	редъ	напечатано :	да се четѣ :
316	8 отгорѣ	обстоятелство	обстоятельство
323	11 "	това	това
330	11 "	архипелагътъ	Архипелагътъ
339	7 отдолу	Работа	Работата
342	4 "	Салистра	Силистра
346	2 и 3 отгорѣ	наумилъ	наумимъ
357	6 отдолу	война	войска
360	5 отгорѣ	Цемисхия	Цимисхия
386	3 "	открылась	открылась
389	17 "	принимають	принимаютъ
394	8 отдолу	быле	было
416	2 "	Попитка	Попытка
408	6 отгорѣ	Государству	Государство
416	12 "	непривичными	непривычными
417	8 "	Бориса	Бориса)
418	9 "	Вишевича	Вишевича
419	4 "	Венеціанскихъ	Венеціанскихъ
424	14 "	духовенству	духовенству
425	1 "	составъ	составъ
425	2 "	Вишевичемъ	Вишевичемъ
425	7 отдолу	Византейі	Византіей
427	16 отгорѣ	взглядъ	взглядъ
431	2 "	Царствованіе	Царствованіе
435	6 отдолу	случая	случай
437	15 отгорѣ	разумѣтси	разумѣтся
464	8 "	кагорымъ	которымъ
500	18 отдолу	Сраршаго	Старшаго
512	13 отгорѣ	отстоятъ	отстоятъ
514	14 отдолу	сопоставленія	сопоставленія
519	5 отгорѣ	Хрисіанскую	Христіанскую
524	5 отдолу	а станѣла	е станѣла
541	8 "	уплашени	уплетени
555	9 "	Ликанія	Ликинія
558	7 "	четательетѣ	читательетѣ
559	2 отгорѣ	думя	думи
560	1 "	пасано	писано
607	15 отдолу	перейте	перейти
622	13 "	ὑποφύριος	ὑποφύριος

DR 55 .D7 1909 v.1 IMS
Drinov, Marin,
Suchineniia 47080031

PONTIFICAL INSTITUTE
OF MEDIAEVAL STUDIES
100 SPADINA AVENUE
TORONTO, CANADA

